Златовратский Н. Н.
Сочинения. Т. 2.

М., 1897.

СОЧИНЕНІЯ

Н. Н. ЗЛАТОВРАТСКАГО.

СОЧИНЕНІЯ

Н. Н. ЗЛАТОВРАТСКАГО.

ИЗДАНІЕ ТРЕТЬЕ

(ДОПОЛНЕННОЕ).

ТОМЪ ВТОРОЙ.

УСТОИ.

РОМАНЪ ВЪ 4-ХЪ ЧАСТЯХЪ.

ОЧЕРКИ КРЕСТЬЯНСКОЙ ОБЩИНЫ.

(ДЕРЕВЕНСКІЕ БУДНИ).

МОСКВА.
Типо-литографія Высочайше утвержденнаго Товарищества И. Н. Кушнеревъ и К°,
Пименовская улица, соб. домъ.
1897.

ОГЛАВЛЕНІЕ II ТОМА.

УСТОИ.

ИСТОРІЯ ОДНОЙ ДЕРЕВНИ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Дѣдовское гнѣздо.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Внукъ.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

Между старою и новою правдой.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

На смѣну.

ЭПИЛОГЪ.

ОЧЕРКИ КРЕСТЬЯНСКОЙ ОБЩИНЫ.

(ДЕРЕВЕНСКІЕ БУДНИ.)

Вальковщина — сплетение следующих четырех ~~деревень~~ селений: Владимирского уезда: с. Давыдово (25 вер. от Владимира), д. Филяндино (24 в. от Владимира), д. Аксениково (25 в. от Владимира) и д. Новская (25 в. от Владимира) с усадьбою в с. Давыдове. Все эти селения Давыд. волости.

УСТОИ.

ИСТОРІЯ ОДНОЙ ДЕРЕВНИ.

РОМАНЪ ВЪ 4-ХЪ ЧАСТЯХЪ.

П. Ламанский В Вальковщине.

„Призыв" 1927 №7.

УСТОИ.

ИСТОРІЯ ОДНОЙ ДЕРЕВНИ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ДѢДОВСКОЕ ГНѢЗДО.

ГЛАВА I.

Какъ въ немъ жили.

I.

Волчій поселокъ былъ такимъ дѣдовскимъ гнѣздомъ. „Волчьимъ" онъ прозванъ потому, что первые устои его заложены были мужикомъ, по прозвищу Волкъ, Мосей Волкъ. А Мосей былъ прозванъ Волкомъ потому, что любилъ лѣсъ и въ давнія времена, еще до воли, будучи лѣсникомъ, сталъ нелюдимъ, хмуръ, молчаливъ и задумчивъ, въ особенности съ тѣхъ поръ, какъ ему въ голову засѣла „идея". Но когда эту „идею" ему удалось осуществить, то онъ значительно смягчился. Тѣмъ не менѣе, прозвище „Волкъ" осталось навѣки за нимъ и его потомствомъ.

Что это была за идея, мы сейчасъ увидимъ. Невдалекѣ отъ деревни Дергачи стояла молодая, веселая березовая барская роща, на спускѣ къ узкой, но глубокой, поросшей осокой, рѣчкѣ. Мосей „влюбился" въ эту рощу, такъ какъ Мосей былъ мужикъ-эстетикъ, одинъ изъ тѣхъ дѣтей природы, которыя ея великіе феномены наградили такими нѣжными и ласкательными именами, каковы: „зоринька ясная", „солнце красное", „мать земля-кормилица" и т. п. Влюбившись въ рощу, Мосей упросилъ барина поставить его въ сторожа къ рощѣ („въ ногахъ валялся у барина!"). Баринъ согласился. Два года холилъ онъ ее, отъ семьи отбился, отъ деревни, каждое дерево какъ свой глазъ берегъ. Но скоро стали доходить до Мосея слухи (можетъ быть, просто хотѣли пошутить надъ нимъ), что баринъ хочетъ продать рощу. Загрустилъ Мосей, заугрюмѣлъ и, наконецъ, однимъ утромъ явился къ барину, опять упалъ на колѣни и сталъ просить отпустить его „на сторону", съ тѣмъ, что черезъ пять лѣтъ онъ вернется и купитъ рощу. Съ барина заклятье предъ образомъ взялъ, что тотъ до его прихода никому рощи не продастъ. Черезъ пять лѣтъ вернулся: сапоги кувшинные, на плечахъ сибирка; бурмистръ его въ передній уголъ садитъ... Гдѣ пропадалъ, откуда и какъ нажилъ денегъ, чтобы заплатить барину за рощу, Мосей не любилъ разсказывать.

Когда была осуществлена эта первая „идея", у Мосея явилась другая. Какъ она къ нему попала въ голову—какъ результатъ опыта или какъ темный наслѣдственный инстинктъ, или то просто было личное желаніе сдѣлать неприкосновеннымъ и закрѣпить „завѣтомъ" то, что стоило трудовъ цѣлой жизни, — это вопросъ нерѣшенный. Такъ или иначе, эта „идея" была очень опредѣленно выражена рядомъ слѣдующихъ своеобразныхъ положеній.

Вернувшись изъ своего безвѣстнаго скитанія, купивъ у сосѣдняго помѣщика излюбленную имъ рощу съ пустошами, Мосей снялъ свою городскую чуйку, облекся въ

прежнюю сермягу и ушелъ въ рощу, построивъ въ ней малую избу. Близь этой малой избы запустилъ онъ улья, пригласилъ къ себѣ ходить за пчелами старую бобылку Ѳеклушу и „ушелъ отъ жизни“, „отрѣшился“, оставивъ свою семью жить „на всемъ прежнемъ положеніи“ въ деревнѣ, какъ жила она и въ то время, когда онъ находился въ „безвѣстномъ сокрытіи“. Мало того, Мосей, какъ только пришелъ, сдѣлалъ заказъ своимъ сыновьямъ, въ особенности старшему, Вонифатію, „не только проситься, ниже помышлять объ отходѣ въ столицы, пока Господь Богъ грѣхамъ терпитъ и голодомъ не гонитъ“. Такой заказъ привелъ всѣхъ въ немалое удивленіе, такъ какъ на селѣ давно рѣшили, что Мосей всѣхъ сыновей, а старшаго наипаче, поведетъ по своей дорогѣ, да и Вонифатій былъ въ этомъ увѣренъ. Когда спрашивали объ этомъ заказѣ Мосея, онъ отвѣчалъ коротко: „грѣха много!“ Что разумѣлъ онъ подъ этимъ, онъ врядъ ли бы обстоятельно разъяснилъ, такъ какъ, вѣроятно, больше чувствовалъ возможность этого грѣха, чувствовалъ, что между его хожденіемъ въ столицы по „идеѣ“ и между хожденіемъ за наживой была большая разница; что, достигнувъ исполненія „идеи“, человѣкъ могъ остановиться; наживѣ же нельзя положить и конца краю. А была ли въ Вонифатіи эта „идея“? Нѣтъ, Мосей видѣлъ, что никакой такой не было. Было одно: явился изъ столицы отецъ съ деньгами, значитъ, и сынъ долженъ итти туда за ними же; если отецъ принесъ 100 руб., то сынъ долженъ уже принести 200.

Такимъ образомъ, этотъ „заказъ“ Мосея объясняется тѣмъ, что Мосей былъ мужикъ „идейный“. Онъ умѣлъ въ своей головѣ „прикинуть“ кое-что къ чему-либо.

„Идейные“ люди и въ народѣ пользуются уваженіемъ. Народъ знаетъ, что „идейный“ человѣкъ рѣдко сбивается съ пути, а потому то, что позволено „идейному“ человѣку, не позволено простому смертному. Такъ смутно чувствовалъ и Мосей; онъ не видѣлъ въ своемъ сынѣ „идейнаго“ мужика и не пустилъ его туда, гдѣ „неидейный“ мужикъ сдѣлается просто мошенникомъ. Но онъ, напримѣръ, ничего не сказалъ, когда его дочь Ульяна ушла, послѣ смерти своего жениха, найденнаго замерзшимъ у села, на Аѳонъ и въ старый Іерусалимъ, гдѣ пропадала три года. Онъ на нее надѣялся.

Но одного этого „заказа“, вѣроятно, показалось Мосею недостаточно, и онъ, чтобъ уже окончательно отрѣзать своей семьѣ возможность выйти „изъ прежняго, вообще мужицкаго, положенія“, продѣлалъ одну очень внушительную церемонію.

Когда Мосей рѣшилъ „отряхнуть прахъ съ ногъ своихъ“ и, скинувъ синюю чуйку, облекся въ сермягу, онъ явился на сходъ и заявилъ, что часть пріобрѣтенной имъ, вмѣстѣ съ рощей, въ пустошахъ пустопорожней земли, прилегавшей къ деревнѣ, отдаетъ въ пользованіе міру, который въ землѣ нуждается, а ему съ ней дѣлать нечего. „Одному съ семьей всей не поднять, а батраковъ нанимать — завода заводить не желаетъ; при себѣ же оставляетъ одну рощу, которую издавна возлюбилъ“. Сказавъ это, Мосей, при первомъ же передѣлѣ земли, самъ сдѣлалъ на свою землю жеребьи и вмѣстѣ съ другими вынулъ жеребій для своихъ сыновей. Община не осталась ему неблагодарной и поощряла его разными льготами— по рекрутству, общественной службѣ.

Послѣ этого Мосей ушелъ въ свою избу, въ рощу, куда, по смерти своей жены, какъ мы сказали, пустилъ жить старую бобылку Ѳеклушу.

Его три сына, изъ которыхъ былъ женатъ только старшій, Вонифатій, и дочь, дѣвица Ульяна, остались на селѣ, „на всемъ прежнемъ положеніи“.

Шли годы. Минуло барство. Кончилась, наконецъ, „неурядица эмансипаціи“, выражаясь стилемъ помѣщиковъ того времени, завершенная нарѣзкой надѣловъ, размежеваніемъ чрезполосныхъ владѣній и, наконецъ, „упраздненіемъ“ мировыхъ посредниковъ, главныхъ героевъ того бурнаго времени; наступилъ порядокъ, долженствовавшій покоиться на двухъ китахъ мѣстной администраціи—исправникѣ и непремѣнномъ членѣ. Но едва почуялось въ воздухѣ приближеніе этого вожделѣннаго порядка, какъ вдругъ всѣмъ мужикамъ сдѣлалось отчего-то жутко. Ихъ какъ будто испугала та математическая строгость и опредѣленность, съ которыми отмежевывались границы ихъ полей. Прежде, во времена посредниковъ, каждый лишній клочокъ земли былъ какъ будто спорный, питалась надежда, что этотъ лишній клочокъ земли, „хоша и не нашъ, а, можетъ, и нашъ, будетъ“, вѣрилось въ возможность, что, „еще, можетъ, и оставятъ“, въ возможность какъ-никакъ сговориться съ бариномъ... „Все же, вѣдь,

живой человѣкъ... Можетъ, какъ ни то уговоримъ. Изъ-за лишняго клочка не станетъ тягаться". Но наступилъ порядокъ, и все принуждено было „сократиться", съежиться, установиться въ отрѣзанныя каждому стойла. Господа вздохнули, потому что періодъ ихъ психической „неустойчивости" кончился, такъ какъ теперь каждое мужицкое нападеніе на ихъ сердобольныя души отпарировалось словами: „Законъ, батюшка, законъ! Теперь ужъ все кончено. И землемѣры разъѣхались. Да-съ, теперь уже все взвѣшено и опредѣлено..." И мужики поняли, что точно все взвѣшено и опредѣлено. А такъ какъ, собственно говоря, взвѣшено и опредѣлено было только одно отношеніе земель мужицкихъ къ барскимъ, распредѣленіе же мужицкой земли было предоставлено „народному обычаю", то эта опредѣленность предстала мужику во всемъ ея ужасѣ, а „народный обычай" распредѣленія подвергся такому тяжелому испытанію, какому онъ не подвергался, вѣроятно, ни разу во все свое тяжелое историческое существованіе.

Деревню Дергачи, къ которой принадлежалъ Мосей, обуялъ именно такой ужасъ предъ „опредѣленностью", когда почуялось приближеніе „порядка" за „неурядицей". Нужно замѣтить, что баринъ у дергачевцевъ былъ, по-своему, человѣкъ хорошій, „народолюбецъ", поклонникъ старозавѣтныхъ народныхъ обычаевъ и дѣятельный ихъ защитникъ въ редакціонныхъ комиссіяхъ. У этого-то добраго и слабаго человѣка долгое время дергачевцы, безъ особыхъ препятствій, запахивали цѣлые загоны полей, вѣруя и надѣясь, что еще какъ-нибудь мы съ бариномъ споемся. Сердобольный баринъ, хотя и поругивался, но, въ виду не совсѣмъ еще точнаго опредѣленія границъ, считалъ несправедливымъ обвинять мужиковъ въ захватѣ. Такъ шло дѣло до пріѣзда въ имѣніе супруги барина, барыни уже совсѣмъ другого закала, и до прибытія землемѣра. Скоро, очень скоро, эти двѣ личности, при помощи г. исправника ввели въ отношенія мужиковъ къ барину „порядокъ" и опредѣленность, которыя заявили себя предъ дергачевцами одновременнымъ повышеніемъ податей и урѣзаніемъ области ихъ пользованія землею до $1^1/_2$ десятины надѣла, въ который оказался врѣзаннымъ даже одинъ клочокъ земли, уступленный Мосеемъ общинѣ. До того доведена была „опредѣленность"! Когда дергачевцы протестовали было противъ такой черезчуръ своеобразной опредѣленности, имъ сказали, что земля эта барская, такъ какъ Мосей, во время крѣпостного права, не смѣлъ покупать землю на свое имя. „А если и купилъ, такъ, значитъ, она ему не нужна, когда онъ вамъ отдалъ". Дергачевцы только крякнули, а Мосей и совсѣмъ боялся слово пикнуть, чтобы и послѣднюю землю съ рощей не взяли.

Итакъ, воцарился „порядокъ". Порубки, покашиванія и запахиванія оказались невозможными. Передъ дергачевцами стояла одна математическая опредѣленность въ $1^1/_2$ десятины надѣла, а выгонъ, лѣсъ, луга, — все это отошло за границы „опредѣленности". Дергачевцы приступили къ провѣркѣ той сказки, которая разсказываетъ, какъ двое голыхъ нашли одну рубаху и какъ они „распредѣляли" ее между собою. Думали-думали нищіе, какъ имъ быть, и никакъ не рѣшили. Пошли къ судьѣ; судья потребовалъ доказательствъ „первородства", но никто изъ нихъ доказать не могъ. Пошли къ попу; попъ сказалъ: „Отдайте, братія, рубаху мнѣ, а сами идите съ миромъ, дабы не возгорѣлась между вами вражда". Не понравилось — пошли къ книжникамъ, книжники сказали: „Кто изъ васъ кого поборетъ, тому, какъ сильнѣйшему, и рубаху отдать". Не понравилось и это — пошли къ исправнику. Исправникъ какъ крикнетъ на нихъ: „Полѣзай оба въ рубаху!.. И чтобы не ссорится! — Услышу — совсѣмъ отниму!" Перетрусили нищіе залѣзли въ рубаху. Только силъ нѣтъ такъ жить, съ голоду помрешь. Пошли потихоньку на мірской сходъ. Мірской сходъ думалъ-думалъ, наконецъ такое рѣшеніе установилъ: „Какъ-никакъ, братцы, а не иначе вамъ придется — по очереди носить. Пущай изъ васъ нынѣ одинъ рубаху надѣнетъ, да хлѣбъ доставать идетъ, а другой дома сидитъ. Придетъ первый — второй ступай. Мы и все такъ живемъ". Попробовали нищіе, и вышло, что мірское слово всего лучше.

Между тѣмъ, къ этому времени семья Мосея Волка „набрала въ себя большую силу": съ самимъ Мосеемъ она считала уже 10 душъ, пять мужеска и пять женска пола. Такая огромная семья должна была, конечно, поглощать значительную долю общественныхъ земельныхъ жеребьевъ. Такъ или иначе, нужно было выселиться: Мосей принужденъ былъ, такимъ

образомъ, значительно поступиться своимъ „заказомъ“. Первымъ дѣломъ предстала настоятельнѣйшая необходимость поскорѣе „осѣсть“ на свою землю, чтобы хотя фактомъ заселенія укрѣпить ее за собой; а вторымъ дѣломъ, односельцы прямо заявили Мосею, что „какъ-никакъ, а тебѣ съ семьей въ собственники идтить надоть, потому у васъ земля есть своя, а у міра и безъ васъ дѣлить нечего,— разсуди по-Божьи“.

Однимъ раннимъ утромъ большая двухъэтажная изба Мосея, съ пристроенною къ ней кельей, искони стоявшая середи деревни Дергачи, оказалась уже безъ крыши. Сыновья Мосея желѣзными ломами снимали вѣнецъ за вѣнцомъ изъ крѣпкихъ, чуть не въ аршинъ толщиной, дѣдовскихъ бревенъ, какихъ теперь нигдѣ не найдешь ужъ, складывали на лошадей, а бабы отвозили ихъ на новое мѣсто, на собственныя пустоши Мочки и Кочки.

— Смотри, братцы, не очень шибко бейте—таракановъ не разгоните,—шутили дергачевцы, покрикивая работавшимъ на избахъ братьямъ Волкамъ,—вѣдь, они дѣдовскіе, старожилые тараканы-то! Пущай съ вами переѣзжаютъ... Разбѣгутся—пути не будетъ!

— Ульяна поди ужъ полну пазуху набрала! За этимъ дѣло у бабъ не станетъ,— отшучивались братья.

— Ну, вы теперь у насъ собственники какъ быть, заправскіе будете,— опять шутили дергачевцы, когда выѣзжалъ изъ Дергачей послѣдній возъ съ послѣднимъ вѣнцомъ отъ Мосеевой избы.

— Что говорить! Купцы!— отшучивались снова въ свою очередь молодые Волки.—Ну, такъ прощайте, братцы! Приходите къ намъ новоселье праздновать. Вотъ какъ только избы поставимъ!

— Ладно, Ладно!

На мѣстѣ Мосеевой избы скоро осталась только груда мусора, въ которой копошились ребятишки, отыскивая „клады“. Впрочемъ поиски ихъ были совершенно напрасны. Степенная хранительница дѣдовскихъ обычаевъ, келейница, „пущенная по грамотѣ“ еще съ малыхъ лѣтъ, Ульяна (крестьяне звали ее, впрочемъ, „Ульянея“, на монашескій манеръ, въ отличіе другихъ Ульянъ и Ульяшекъ) ни подъ какимъ видомъ не позабыла захватить съ собою ничего изъ „дѣдовскаго“. Она даже бережно перенесла на новое мѣсто ласточкино гнѣздо и скворешницу. Съ послѣднимъ же возомъ не забыла прихватить въ мѣшечекъ и „дѣдовской земли“.

Ставить избы на новомъ мѣстѣ „сбилъ“ дергачевскій міръ „помочь“ Мосею, и не прошло двухъ недѣль, какъ вмѣсто прежней большой избы, поставлено было три, которыя и примкнули къ одноконной избушкѣ старика Мосея.

Переселеніе, видимо, доставило Мосею большое удовольствіе.

Старикъ, уже сгорбленный и сѣдой, съ утра до поздняго вечера, съ палкой въ рукахъ, слѣдилъ за работами, покряхтывая и балагуря съ дергачевцами. Дергачевцы, видя такое благодушное настроеніе Мосея, какъ-то и сами настраивались на этотъ ладъ.

— А что, дѣдушка Мосей, вѣдь ,гляди, мы тебѣ тутъ цѣлую деревню выведемъ?.. Что ни есть помѣщикъ, за первый сортъ будешь!..

— Что жъ!.. Дѣло доброе! Поселокъ мы поставимъ, устой укрѣпимъ, а потомъ пущай добрые люди живутъ - поживаютъ, да Мосея вспоминаютъ!—говорилъ Мосей.

— То-то!.. Мы про это же! А знаешь ли, дядя Мосей, ужъ взялъ бы ты на себя съ міра тяготы малую толику, пустилъ бы ты поселиться и Сатира Кривого. Что ему у насъ дѣлать? Мужикъ, ты знаешь, онъ и хорошій, а лядащій... На заработки ему ужъ не итти, надѣлъ взять—податей всѣхъ не подыметъ, а насъ утѣснитъ. А у тебя было бы ему куда подъ силу!..

— Ну, что жъ!.. Сатиръ Кривой—такъ Сатиръ Кривой!.. Селитесь, Селитесь!.. Мнѣ и умирать веселѣе будетъ... На людяхъ и смерть красна. Мы бы сообща и новину подняли, кстати. Не батраковъ стать нанимать!

— Это вѣрно... Ну, а земли у тебя еще вдосталь хватитъ. Вѣдь, не маклачить ты ей будешь... Мы тебя знаемъ. Отъ кого другого, а отъ тебя этого не станется. Ты живешь по дѣдовскимъ завѣтамъ.

— Зачѣмъ маклачить! Земли хватитъ, хоша на цѣлую деревню хватитъ,—говоритъ польщенный Мосей.

— Такъ, такъ... Такъ ужъ ты Сатирато Кривого пристрой при себѣ. Мы ему всѣмъ міромъ снесемъ избу и поставимъ. А что насчетъ нашихъ съ тобой земель, мы ужъ другъ отъ друга отбиваться не станемъ: мы тебя и въ выгонъ и въ луга пустимъ, а ты ужъ намъ свои гоны уступи, что по сосѣдству... Опять говоримъ: не

батраковъ тебѣ стать нанимать... Сочтемся... Люди свои!

— Люди свои! Люди не чужіе!

— Мы съ тобой изъ вѣковъ крѣпко связаны, такъ намъ другъ друга обижать нечего. А, значитъ, все къ тому, чтобы тяготы нести сообща и впредь!—все громче и громче выкрикивали дергачевцы на ухо дѣда Мосея (онъ туговатъ сталъ на ухо въ послѣднее время).

— Такъ, такъ... Какъ ужъ по дѣдовскому завѣту, такъ чтобы и навѣковѣчно!

— Ну, то-то. Мы тамъ, на міру, закажемъ, а ты своимъ ребятамъ въ завѣтъ поставь!

— Это ужъ первое дѣло!

— Такъ, значитъ, и порѣшили? Селиться безъ сумнѣнія?

— Селитесь, селитесь! — повторялъ дѣдъ Мосей, сидя на обрубкѣ, поправляя кивками головы большую, грешневикомъ шляпу, поглаживая самодовольно сѣдую бороду и мигая красными вѣками больныхъ, уже подслѣпыхъ глазъ.

— Онъ же, вѣдь, тебѣ, Сатиръ-то Кривой, будетъ не то, чтобы совсѣмъ чужой,—опять выкрикивали дергачевцы, чтобъ ужъ вдосталь убѣдить дѣдушку Мосея въ необходимости снять съ міра тяготу въ лицѣ Сатира Кривого.

— Такъ ли мы говоримъ, дѣдушка?.. Все одно выходитъ какъ бы, значитъ, въ одну семью идетъ...

— Такъ, такъ. По мнѣ — все одно, только бы человѣкъ былъ душевный...

— Да онъ, Сатиръ-то, — подхватилъ староста,—душевный... Тебѣ ли сказывать объ этомъ! Что насчетъ души—тутъ сомнѣнія нѣтъ. Только вотъ на міру ему жить съ своимъ карахтеромъ трудненько. Теперь же онъ какъ разъ въ такой нотѣ: податей платить у него желанія, чтобы, значитъ, посмирно, безъ ссоры, нѣтъ, — съ начальствомъ у него теперича перекоры... Земли теперича онъ потребуетъ, а чтобы отдать за нее смиренно, что полагается—отъ него не жди. Потому онъ теперь, самъ знаешь, третій годъ въ одержаніи. Ну, а міръ все въ отвѣтѣ. Будь у насъ земли вдоволь—да мы бы со всѣмъ нашимъ удовольствіемъ! Живи, сдѣлай милость!.. Такъ ли? А у тебя ему будетъ чудесно!.. Начальство-то къ вамъ сюда годи и не заглянетъ. Въ эдакомъ райскомъ мѣстѣ онъ, Сатиръ-то, совсѣмъ ангелъ будетъ! А при всемъ при томъ они, съ Ульянѣей-то Мосевной, знаешь, пріятели—водой не разлей!

Покончивъ, такимъ образомъ, дипломатическій походъ на дѣда Мосея и убѣдившись, что дѣдъ Мосей не прочь „и впредь дѣлить тяготы съ міромъ“, дергачевцы, въ лицѣ того же хлопотливаго дипломата-старосты Макридія, совсѣмъ измотавшагося на неблагодарномъ дѣлѣ приведенія въ гармонію интересовъ управляемыхъ и управителей, тотчасъ направились къ Сатиру. Вошли въ избу — въ избѣ никого нѣту, кромѣ куръ. Заглянули на дворъ — только лошадь свободно ходитъ, путаясь въ поводу.

— Эй ты, Сатиръ! Дома, что ли? — окликнули дергачевцы.

— Ну-у, дома!—кто-то лѣниво и сердито проворчалъ съ задворокъ. Пошли на задворки. На задворкахъ сидитъ, задомъ къ избѣ, на корточкахъ, длинный и сухой, какъ жердь, Сатиръ и плавитъ въ желѣзной ложкѣ свинецъ.

— Сатиръ!—окликнули мужики.

— Да ну!

— Мы пришли.

— А кто васъ звалъ?

Сатиръ сидѣлъ на корточкахъ и не считалъ нужнымъ обертываться.

— Мы, братъ, пришли избу сносить.

— Чью?

— Твою.

— Куда?

— Къ Мосею.

— По чьему приказу?

— Какой тутъ приказъ! Мы хлопочемъ, чтобы какъ тебѣ лучше...

— А кто васъ просилъ?

— Кто просилъ?.. Чать, мы — міръ. Мы, братъ, худого не вздумемъ... Мы, Сатирушка, на душу этого грѣха не возьмемъ,—заговорилъ староста Макридій,— мы все, чтобы какъ лучше... Коли придется—вернешься къ намъ, не обидимъ... Усадьба завсегда за тобой будетъ, по закону.

И староста распространился о томъ, какъ прекрасно будетъ жить Сатиру у Мосея.

Сатиръ сталъ наливать пули.

— Ну, такъ что же ты молчишь? Господи! — разсердился, наконецъ, староста,—что это за человѣкъ! что я съ нимъ тяготы понесъ! Слышишь, что ли? Вѣдь, сносить будемъ.

— Да ну, дуй васъ горой — сносите! Что вы ко мнѣ привязались?.. Что вы мнѣ отдышки не дадите?—крикнулъ, вскакивая Сатиръ и бросилъ ложку, между тѣмъ какъ кривой глазъ, упорно обра-

щенный на дергачевцевъ, приводилъ ихъ въ сильное смущеніе.

— Да ты что ругаешься? Мы для тебя же, дурака, чтобы какъ лучше было. Всѣмъ міромъ...

Сатиръ опять присѣлъ на корточки.

— Такъ ты слышишь, что ли, скажи хоть разъ по-человѣчески: согласенъ, что ли? Такъ мы и знать будемъ.

Сатиръ молчалъ.

— Ты то посуди: вѣдь, міръ съ тобой смаялся!

Сатиръ молчалъ.

— Вѣдь, драть тебя—одно приходится. Вотъ до чего ты хочешь міръ довести!

— Тьфу! — окончательно разсердился Сатиръ и такъ плюнулъ въ свою теплину, что она затрещала.

— Да вы что? — вскочивъ, закричалъ онъ на дергачевцевъ, — а? Вы когда спокой мнѣ дадите?

— Да, вѣдь, мы—міръ, толкомъ тебѣ говорятъ!

— Міръ!.. Міръ!..—повторялъ въ волненіи Сатиръ.—Да развѣ міръ-то за тѣмъ установленъ, чтобы жилы изъ человѣка тянуть?

— Да ты постой...

— Вѣдь, вы, Господи благослови, какъ день-то деньской начнется, дадите ли съ своимъ міромъ человѣку отдышку-то? Кто обязываетъ меня вамъ каторжную-то лямку тянуть?

— Кто?.. кто?.. Начальство!

— Начальство?! Такъ ты такъ и говори, пустая твоя борода! — накинулся Сатиръ на старосту, махая руками и уставившись на него страшнымъ кривымъ глазомъ.—Ты міромъ-то не суй... Богохульникъ!

— Что ты кричишь?—осердился и староста.

— Пустая борода!

— Ругатель—одно слово...

— Міръ!.. Халуи—вотъ вы кто!

Сатиръ растеръ сапогами теплину, схватилъ ложку и пули и ушелъ въ овинъ.

Мужики посмотрѣли ему вслѣдъ.

— Ушелъ!—сказалъ староста Макридій и въ отчаяніи взмахнулъ руками.

— Чего тутъ стоять-то? Пойдемте.

Пошли. Но на улицѣ опять остановились передъ Сатировой избой и стали смотрѣть на нее.

— Чего смотрѣть-то?—сказалъ Макридій.—Сносить надо!

— Безъ спросу-то?

— Да что ждать-то? Сноси и шабашъ, коли онъ счастія, можно сказать, своего не понимаетъ.

— Безъ согласу нельзя, — заговорили мужики, - это что жъ будетъ?

Да, вѣдь, мы—міръ!—увѣрялъ староста.

— Міръ!.. Міръ!.. Міръ не на то установленъ, чтобы человѣка утѣснять... Безъ согласу нельзя.

— Нѣтъ, нужно пождать.

— Сатировыхъ бабъ разыскать надо. Пущай онѣ его спросятъ.

Разыскали Сатирову дочь. Послали ее къ отцу въ овинъ за рѣшеньемъ. Вышло разрѣшенье. Въ два дня изба Сатира была свезена и поставлена у Мосея въ поселкѣ общими силами дергачевцевъ. Макридій былъ доволенъ. Дѣдъ Мосей опять сидѣлъ, съ палочкой, около плотниковъ, и, поглаживая бороду, приговаривалъ: „Ну, что жъ, пущай съ Господомъ ростетъ нашъ поселокъ! То намъ и честь, что люди нами не брезгаютъ! Селитесь, селитесь!“

А Сатиръ въ тотъ же день, какъ дергачевцы приступили къ сносу избы, ушелъ на охоту и вернулся, когда уже было все кончено. Онъ постоялъ у своего пепелища, поглядѣлъ кругомъ, плюнулъ и пошелъ въ Волчій поселокъ.

Сатиръ былъ чудакъ, одинъ изъ тѣхъ чудаковъ, которыхъ русская жизнь производитъ иногда ради скорбнаго юмора и ироніи надъ своими историческими судьбами. Сатиръ долгое время жилъ въ дворнѣ. Обязанность его была—доставлять къ барскому обѣду всевозможныхъ сортовъ дичь. Если онъ запивалъ недѣли на двѣ, его въ наказаніе производили въ мужики, отнимали у него ружье и заставляли пахать. Сатиръ не унывалъ и только жаловался, что ему не даютъ покоя; пахать онъ лѣнился, но, сознавая, что онъ почему-то еще обязанъ работать на барина,—пахалъ. Когда у барыни недоставало дичи, она приходила къ заключенію, что Сатиръ, вѣроятно, достаточно наказанъ, и приказывала его вновь „произвести въ охотники“. Всѣ эти „производства“ развили въ Сатирѣ, съ одной стороны, значительную безпечность, съ другой — желаніе свободы, чтобы его весь міръ „оставилъ въ спокоѣ“. Ему и снилось и грезилось, когда онъ будетъ въ состояніи охотиться по охотѣ, а не по приказанію, пахать, когда самъ захочетъ, и дичь носить къ себѣ, а не на барскій столъ. Наконецъ, онъ какъ-то разъ бро-

сился барину въ ноги, прося „навѣки опредѣлить его въ крестьянство“. Баринъ согласился, и Сатиръ сталъ полнымъ мужикомъ. Это было незадолго до воли. Но, попавъ въ мужики, Сатиръ скоро увидалъ, что „спокоя“ тутъ тоже немного, однако, онъ смирился и утѣшалъ себя мыслью: „Вотъ придетъ воля, тогда ужъ оставятъ ко мнѣ приставать, тогда ужъ—спокой!“ Пришла „воля“. Сатиръ былъ такъ увѣренъ, что его ужъ теперь никто „не убезпокоитъ“, что совсѣмъ отдался охотѣ. Понятно, что разочарованіе не заставило себя ждать въ лицѣ Макридія и дергачевскаго міра, съ его повинностями, податями, надѣлами и передѣлами, сельскими и волостными сходами. Занятый охотой и вполнѣ убѣжденный, что онъ ужъ теперь человѣкъ совсѣмъ „вольный“, Сатиръ обрабатывалъ свой надѣлъ спустя рукава, сколько могъ самъ сдѣлать съ дочерью, и довольствовался, если ему хватало на прожитіе. Денегъ у него никогда не было, а какія были—онъ и тѣ тратилъ на порохъ. Понятно опять, что такая „безпечность“, при бѣдности вообще дергачевскаго міра и при увеличивавшихся съ каждымъ годомъ податяхъ, была, по меньшей мѣрѣ, очень странна, о чемъ тотчасъ же, въ лицѣ опять-таки Макридія, и дали почувствовать Сатиру. Сатиръ обругался. У Сатира Макридій свелъ тёлку. Сатиръ плюнулъ. На другой разъ у Сатира Макридій продалъ корову. Сатиръ разодрался. Дергачевскій міръ попробовалъ Сатира высѣчь „легонько“. Сатиръ, наконецъ, озлобился на всѣхъ и на вся. Неизвѣстно, чѣмъ бы кончилось это „убѣжденіе“ Сатира въ неосновательности его надеждъ на „полный спокой“, если бы дергачевскій міръ не переселилъ его къ Мосею. Сатиръ ожилъ. Повидимому, здѣсь онъ достигъ, если не полнаго, то уже значительнаго осуществленія своихъ надеждъ. Мосей его не притѣснялъ. Макридій приходилъ только за подушными. Но испытанія для Сатира не кончились:—впереди ожидали его еще горшія.

Сатиръ, однако, былъ далеко не однимъ звеномъ, которымъ дергачевскій міръ нравственно связывалъ себя съ Мосеемъ. Не прошло и полгода, какъ дергачевцы, въ лицѣ неусыпно дѣятельнаго своего представителя, старосты Макридія, опять уже вели дипломатическіе подходы подъ благодушнаго Мосея и его дочь, степенную начетчицу Ульяну, имѣвшую большое вліяніе на самого старика Мосея и, въ качествѣ старшей въ семьѣ, пользовавшуюся особымъ уваженіемъ отъ младшихъ ея членовъ.

Такъ вотъ какія у насъ, можно сказать, прокламаціи выходятъ, Ульянея Мосевна,—жалобно говорилъ Макридій,—то-есть не приведи Богъ!.. Если бы, то-есть, не жаль міра было, плюнулъ бы, можно сказать, съ большимъ удовольствіемъ!.. Потому при эдакой, можно сказать, полосѣ сообразиться некогда. Только ты въ одномъ мѣстѣ починилъ—глядь, въ другомъ прорвало!.. А тамъ, Господи благослови, въ третьемъ!

— Что говорить! Ровно какъ бы и еще тяжелѣе жить людямъ стало,—замѣчала Ульянея.

— А я-то про что говорю? Вотъ, вотъ это самое и есть. Теперь вотъ у насъ солдаточка есть одна, Сиклетея... Знаешь, чать, дѣдушко Мосей?

— Знаю, какъ своихъ не знать...

— Ну, вотъ! Да не родня ли еще она тебѣ будетъ? Гляди, что родня!

— Нѣтъ, не родня.... совсѣмъ не родня.

— О? Ну, не родня, такъ не родня, все одно... Да, такъ вотъ эта солдатка теперь при семействѣ осталась, ребятишки малъ-мала меньше... Пришла этто на міръ—реветъ: хошь бы какую да ни есть поддержку на пропитаніе... Думали,-думали это мы, хотѣли ей огородецъ вырѣзать... да у кого отрѣжешь? Какія у насъ палестины-то тамъ? Можно сказать, блохѣ негдѣ повернутся! Тоже всякій дорожится, всякому свое дорого...

— Это что говорить!

— То-то... Такъ ты какъ насчетъ этой солдатки-то понимаешь? Вѣдь, тоже мірская тягота, хоша мы и не обязаны, какъ, значитъ солдатка — отрѣзанный ломоть... А я тебѣ скажу—женщина она дорогая! Смиренница. Ребятишки это, малыши—водой не замути!.. Ей-Богу, не вру!... Не ревутъ даже—вотъ какая благодать!..

— Такъ, такъ!.. Знаемъ мы ее.

— Такъ ужъ не примешь ли ты еще тяготы съ міра? а? Солдатку-то?

— Ну, что же, солдатку, такъ солдатку! Селитесь, селитесь!

— Ну, вотъ! Я вотъ сейчасъ бѣгомъ... Всѣ ужъ міромъ опять ей келейку перенесемъ. А что ужъ насчетъ міра какая если тебѣ помочь нужна, такъ ужъ будь безъ сумнѣнія—отказу тебѣ не будетъ... Ужъ этому повѣрь!

— Да мы вѣримъ!

— Ужъ тебѣ отъ міра всякое уваженіе... Будь въ надеждѣ! Ты думаешь, можетъ, что мы твоею добротой пользуемся, такъ это ты напрасно, ошибаешься... Мало ли у насъ тутъ, вонъ, кулаковъ - то появилось! Да развѣ мы къ нимъ идемъ? Потому мы знаемъ: ни они отъ насъ ничего не жди, ни мы отъ нихъ. А мы съ вами какъ бы сообща.

— Сообща—на что лучше!

— Такъ ужъ я солдатку увѣдомлю... Вѣдь, ей много ли надо? Чтобы только не умереть, единственно... Гдѣ - нибудь ей клочокъ выдѣлишь, и пущай, съ Господомъ, копается съ ребятишками: капустки насадитъ, огурчиковъ. Вотъ ей и Божія пища!

— Ладно, ладно! Селитесь, селитесь! Къ міру ближе—теплѣе!

— Это вѣрно... По-старинному такъ говорили.

И низенькій, юркій Макридій, вѣчно въ синемъ суконномъ разлетаѣ, съ неизмѣнною биркой въ рукахъ, трусцой бѣжалъ къ своей деревнѣ, размахивая руками, и, по обыкновенію, продолжалъ разговаривать самъ съ собою.

Дней черезъ пять къ одному боку выселка примкнула и келейка солдатки Синклетеи, огласившая выселокъ гомономъ ребятишекъ отъ полугодового до семилѣтка и громкимъ крикомъ самой Синклетеи, цѣлый день творившей надъ этою ребячьею стаей материнскій судъ и расправу.

За солдаткой Синклетеей, Богъ вѣсть откуда, явился, мѣсяца черезъ три, старый, сгорбленный заштатный пономарь Ѳеотимычъ, въ сопровожденіи того же дипломатическаго Макридія. И снова дергачевскій міръ устами послѣдняго, убѣждаетъ Мосея принять тягу съ міра въ лицѣ старика Ѳеотимыча, при чемъ прибавляется, „что хоша мы и не обязаны, да для ради родительскаго поминовенія было бы очень хорошо!“ И „для ради родительскаго поминовенія“ старику Ѳеотимычу выпрашивается „самый т.-е. укромный уголышекъ гдѣ ни то“, и Ѳеотимычъ поселяется въ выселкѣ.

Къ тому времени, когда начинается нашъ разсказъ, Волчій поселокъ представлялъ довольно оригинальное поселеніе, съ явнымъ стремленіемъ, въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ, превратиться въ свою очередь въ новый дергачевскій міръ. Вполнѣ вѣроятно, что съ теченіемъ времени стерлось бы всякое воспоминаніе о „собственномъ владѣніи“ когда-то „осѣвшаго“ на этомъ мѣстѣ старика Волка, и никакіе юристы въ мірѣ не откопали бы и слѣда какихъ-либо данныхъ „къ возстановленію нарушенныхъ правъ собственности“.

Примыкая задами къ березовой рощѣ, вытянулись по косогору, съ отлого сбѣгающею внизъ къ рѣчкѣ и мельницѣ зеленою лужайкой, шесть избушекъ поселка: одна изъ нихъ, самая большая, въ три окна въ улицу и двѣ большія половины во дворъ, была келья Ульянеи, гдѣ жилъ теперь Мосей, уже совсѣмъ одряхлѣвшій, глухой и слѣпой. Эта изба была „общая“. Здѣсь собирались братья Волки для совѣтовъ и вся семья—для обѣдовъ и ужиновъ по праздникамъ; въ трехъ сосѣднихъ избахъ, въ два окна каждая, жили три брата съ семьями: старшій Вонифатій „большакъ“, къ которому перешло первенство въ семьѣ за старчествомъ Мосея, вдовецъ, съ двадцатилѣтнею дочерью Лушей, главный хозяинъ и управитель выселка, почтенный мужикъ лѣтъ 50-ти. Слѣдующіе за нимъ — Вахромей, у него жена Прасковья и 2 малолѣтка; третій братъ—Архипъ, больше извѣстный подъ именемъ Хипы; у него жена Ѳедосья и одинъ малолѣтокъ. За этими тремя избами слѣдуютъ „избенки“ чудака Сатира съ дочерью, „солдаточки“ съ цѣлою стаей ребятишекъ, и не то изба, не то шалашъ какого-то неизвѣстнаго человѣка, молчаливаго, смиреннаго. Какимъ онъ образомъ попалъ въ выселокъ—неизвѣстно никому. Только въ одно утро онъ предложилъ Вонифатію съѣздить за него попахать. Вонифатій, думая, что это новый поселенецъ, принятый Мосеемъ, отдалъ ему лошадь и соху. Незнакомецъ пропахалъ весь день и слѣдующій, и еще слѣдующій. Работалъ онъ изумительно много и скоро. Назвалъ онъ себя, шутя, Иваномъ Забытымъ. И черезъ недѣлю всѣ уже въ поселкѣ знали Ивана Забытаго, какъ родного. Никому его присутствіе не было въ диво; для всѣхъ онъ какъ будто давно былъ необходимымъ человѣкомъ.

— Иванушка! перенеси - ко мнѣ борть съ дерева,—просила Ѳеклуша.

— Что жъ, съ удовольствіемъ, — говорилъ Иванъ, добродушно улыбаясь.

— Иванушко! посмотри, родной, за ребятишками, - кричала Ульяна, поручая ему стаю своихъ учениковъ.

— Что жъ, съ удовольствіемъ,—говорилъ Иванъ и принималъ на себя должность надзирателя.

— Ахъ, Иванушко, посмотри ты за моими голяками-то, дорогой! Я вотъ только въ деревню за заступомъ... А вотъ малому-то сунь соску, онъ и пущай лежитъ!—говорила солдатка Синклетея.

— Съ удовольствіемъ!—опять отвѣчаетъ Иванъ и садится съ ребятишками у солдаткиной избы, дѣлаетъ имъ чижи и кубари, нянчитъ на рукахъ ребенка.

Черезъ двѣ недѣли онъ наскоро устроилъ въ выселкѣ кузницу, сдѣлалъ мѣхи, на первый разъ изъ старыхъ голенищъ. И кузнецомъ онъ оказался великолѣпнымъ.

— Золотой мужикъ у насъ Иванушко,—говорили поселенцы Волчьяго выселка.—И откуда это Господь къ намъ его прислалъ?

Но Иванъ обыкновенно отшучивался на этотъ счетъ, и никто такъ и не добился, кто онъ, откуда. Волки думали, что его поселили къ нимъ, по обыкновенію, дергачевцы; дергачевцы думали, что сами Волки его откуда ни то привлекли своимъ „мирнымъ житіемъ". Впрочемъ, всѣмъ было извѣстно, что онъ податей не платитъ. Вонифатій, послѣ устройства кузницы, совсѣмъ сталъ безъ ума отъ Ивана, умилившись передъ его умѣлостью, бывалостью и усердіемъ, несмотря на то, что въ послѣднее время „большакомъ" стали овладѣвать какія-то смущенія.

Такъ народился и заселился этотъ невеликій поселокъ, который прозвалъ дергачевскій міръ „Волчьимъ".

II.

Если вы хотите познакомиться съ старозавѣтными „благомысленными людьми" деревни, приходите въ осенній праздникъ, послѣ окончанія лѣтней страды, въ село Доброе, гдѣ есть большая старинная церковь съ посѣрѣвшею колокольней въ формѣ сахарной головы, съ большою луговиной вокругъ нея, покрытою сочною зеленою муравой, съ длиннымъ пятиконнымъ „батюшкинымъ домомъ" и палисадникомъ противъ алтаря. Свѣтлый, прохладный осенній день, въ это время больше всего собираетъ въ церковь деревенскаго люда. Около девяти часовъ. Обѣдня уже скоро отойдетъ, но народъ все еще идетъ въ церковь. Запоздавшія по хозяйству бабы трусцой бѣгутъ отъ села, наскоро поправляя платки на головахъ и завертывая въ ручники восковыя свѣчи. Отъ церкви падаетъ на луговину длинная тѣнь. Въ ней пріютились слѣпые нищіе, деревенскіе ребятишки, предпочитающіе больше быть около церкви, чѣмъ въ ней, и лошади, съ отпущенными поводами, заложенныя въ телѣги. Около нихъ-то преимущественно и бесѣдуютъ ребятишки. Но особымъ ихъ вниманіемъ пользуется одна большая сивая лошадь, которую они кормятъ изъ рукъ свѣжею травой. Эта лошадь исключительно оставлена подъ ихъ присмотръ. Ребятишки давно уже оцѣнили достоинство и самой сивки, и большой телѣги, и теперь скучали, сидя въ кружокъ передъ мордой сивки, добродушно жевавшей, глядя на нихъ, подкладываемую ей траву. Зазвонили, наконецъ, къ отходу. Народъ медленно двинулся изъ церкви. Ругавшіеся у паперти слѣпые нищіе тотчасъ же затянули свои „стихи". Зазвенѣли гроши, падая въ подставленныя деревянныя чашки. Деревенскій дурачокъ Филиппушка затянулъ безсмысленно „ма-а-а-а!" приставая къ выходящимъ съ протянутою рукой. Низенькая, худенькая старушка, покрытая по самые глаза синимъ платкомъ, стала около него и молча кланяется въ поясъ проходящимъ.

— Прими, Христа-ради! — говоритъ сѣдой мужикъ въ шляпѣ грешневикомъ, вынимая изъ кошеля мѣдякъ, и, сгорбившись и покряхтывая, проходитъ далѣе, опираясь на длинную палку. Молча раскланиваются съ нимъ встрѣчные.

— Н-ну-у! Спасибо, спасибо! — ворчитъ старикъ, махая рукой, и, не снимая шляпы, кланяясь съ народомъ.

— Къ намъ не пожалуешь ли, Иванъ Ѳедотычъ? — говорилъ высокій, плотный мужикъ, новичекъ-старшина, въ синей сибиркѣ, раскланиваясь полупочтительно, полувысокомѣрно съ старикомъ.

— Ваши гости, ваши гости!—пересиливая одышку, проговорилъ старикъ. — Только неколи теперь... Недосугъ... Дарья, Дарья!.. Гдѣ запропастилась? — сердито кричалъ онъ, подходя къ своей телѣгѣ.

— Ребятишки! сбѣгай въ церковь, посмотри Дарью Ивановну,—приказываетъ старшина,—дѣдушка, молъ, дожидается... Заѣхали бы, Иванъ Ѳедотычъ!... Чѣмъ Богъ послалъ угостились бы...

— Нѣту, нѣту... Спину разломило, — ворчитъ старикъ.—Къ намъ коли что...

А, между тѣмъ, народъ не перестаетъ отвѣшивать низкіе поклоны, проходя мимо старика. Но старикъ не считаетъ

нужнымъ постоянно снимать шляпу и кланяться.

— Ну, ну! Спасибо, спасибо! — продолжаетъ ворчать онъ полусердито, полудобродушно, помахивая рукой на привѣтствіе.

— Василій! — приказываетъ старшина первому попавшемуся парню, — поди, взнуздай кобылу-то Ивану Ѳедотычу!

Парень подходитъ къ лошади старика и, молча снявъ картузъ и затѣмъ опять плотно натянувъ его на курчавую голову, начинаетъ взнуздывать лошадь.

Но едва успѣваетъ, кряхтя, старикъ поднять ногу на колесо, чтобы залѣзть въ телѣгу, какъ около него раздается голосъ смиреннаго мужика.

— Иванъ Ѳедотычъ, будь добръ — на минутку бы... Загляни, сдѣлай милость!

— Охъ, что у тебя?

— Посовѣтоваться бы... Такія дѣла, такія дѣла — не приведи Господи! А— ахъ!..—отчаянно машетъ рукой мужикъ.

— Ладно. Зайди ко мнѣ. Приходи какъ ни то...

— Да когда мнѣ ходить-то? Вѣдь, до тебя-то, почесть, пять верстъ будетъ! А дѣло-то кипитъ!.. Сдѣлай милость загляни ко мнѣ...

— Эхъ!—крикнулъ старикъ,—спинушку разломило... Печки проситъ. Ну, ладно! Заѣду ужъ...

— Такъ вѣрно?—говоритъ обрадовавшійся мужикъ.

— Вѣрно, вѣрно... Эхъ! Теперь заѣдешь, того гляди, до обѣда не выберешься,—опять кряхтитъ старикъ, залѣзая въ телѣгу.

А смиренный мужикъ трусцой пускается бѣжать въ село, чтобы успѣть раздобыть самоваръ, купить на пятакъ серебра чаю съ сахаромъ въ лавочкѣ и баранокъ и достойно принять „благомысленнаго" старика.

Иванъ Ѳедотычъ — одинъ изъ „благомысленныхъ" людей добросельскаго міра. Весь вѣкъ жилъ „по правдѣ", предъ неправдой былъ „крѣпокъ", „Бога помнилъ", умѣлъ во время „отрѣшиться" отъ зла и уцѣлѣть — вотъ смыслъ его жизни; вотъ права его на репутацію „благомысленнаго" мужика, на уваженіе и память своихъ сообщественниковъ.

Пока Иванъ Ѳедотычъ собирался уѣзжать, изъ церкви выходила другая личность, передъ которою также разступался народъ, кланялись бабы и снимали мужики шапки. Это была высокая, худая, нѣсколько сутуловатая, одѣтая „по старинѣ", въ синій сарафанъ, въ большіе „коты" и въ черный кафтанѣ повязанная большимъ черпымъ платкомъ, пожилая, но еще не старая женщина; степенно-серьезно смотрѣло ея лицо; глубокія складки лежали по щекамъ и морщины по лбу.

— Иди, иди, Лушенька! Иди! Не засматривайся по сторонамъ... Давай дорогу и другимъ пройти! — говорила она ровнымъ, спокойнымъ голосомъ своей бойкой черноглазой племянницѣ, тихонько подталкивая ее въ спину передъ собой.

— Къ намъ не пожалуете ли, Ульянея Мосевна? — говоритъ опять плотный старшина, не кланяясь, но полу-почтительно, полу-небрежно снимая картузъ.— Не оставьте... Премного бы насъ удовольствовали...

И въ то время, какъ старикъ Иванъ Ѳедотычъ считалъ себя, по старости лѣтъ, вправѣ не откланиваться на привѣтствія, Ульяна Мосевна спѣшила не только отвѣчать на нихъ мѣрными кивками головы, но каждаго кланявшагося, въ особенности бабъ, поименовать по отечеству.

— Ваши гости! ваши гости, Сила Титычъ! За ласку примите спасибо... Будетъ время, васъ не минуемъ... Къ намъ милости просимъ.

— Гаврило! Иванъ! собирайте кобылу-то Ульянѣ Мосевнѣ! — приказываетъ опять плотный старшина.—А то заѣхали бы, чѣмъ Богъ послалъ угостились бы, около, значитъ, самоварчика. Супругу бы навѣстили...

— Какъ она?

— Пухнетъ-съ. Истинно Господнее наказаніе!

— Что жъ баночки-то?

— Наставляли-съ.... Оттянуло малую мѣру. Предполагаемъ съ фельдшеромъ піявицу припустить...

— Водянка, смотри того, будетъ?

— Надо полагать-съ. Потому пухнетъ-съ.

— Заѣду, заѣду!.. Нельзя не заѣхать.

— Просимъ не оставить.

Телѣга и сивка, предоставленныя исключительно подъ присмотръ деревенскихъ ребятишекъ, принадлежали Ульянѣ Мосевнѣ.

— Ну, что, ребята, присмотрѣли благополучно? — спрашивала она ребятишекъ.

— За первый сортъ!.. Откормили такъ,

хоть на убой, такъ впору! Мы, тетенька Мосевна всѣ здѣсь были! — заявили ребятишки.

— Ну, хорошо, хорошо... Бѣгите къ Сафронычу, и я туда какъ разъ поспѣю... Мы у него за пятакъ сахарной лапши закупимъ.

— Ладно!

— Заверни, Мосевна, къ намъ-то, Бога для, сударка!—тихо шептала какая-то старушка, когда Ульяна Мосевна садилась въ телѣгу.

— Ай что у васъ?

— Бѣда, родная! Не говори! Самъ-то ходитъ ровно очумѣлый. А сама-то пластомъ лежитъ. Того гляди — руки бы не наложила. Проситъ сама-то: позови, говоритъ, Мосевну, хотя бы я съ ней словечко перемолвила... Хотя бы душу-то отвела.

— Да что у васъ такое?

— Сѣкли, родная. Въ волости сѣкли. А, вѣдь, ужъ мужикъ въ лѣтахъ. Ребятки тоже не грудные... Какъ имъ глаза-то показать? Ну, и мечется.

— Спаси, Господи, сохрани и помилуй! Заѣду, Митревна, сейчасъ заѣду.

Плотно сжала строгія губы Ульяна Мосевна, покачала головой и, мирно раскланиваясь съ шедшимъ по улицѣ народомъ, тихо двинулась съ своею племянницей къ селу.

— Ульянея Мосевна! ко мнѣ-то, ко мнѣ-то не забудь, касатка!—кричитъ ей какая-то бабенка. — Заждалась я ужъ тебя!

Вечернія сумерки давно уже спустились на село Доброе, а лошади „благомысленныхъ“ людей еще не исчезаютъ съ сельской улицы; то у однихъ, то у другихъ воротъ стоятъ ихъ крѣпкія, хозяйственныя телѣги. Ждала телѣга Ульяну Мосевну и у малой, подпертой кольями дряхлой избенки Дмитревны, пока больная бабенка „отводила душу“, выплакивая передъ Мосевной свое горе, ждала она и у Сильвестра, непокладистаго, крутого мужика, пока Мосевна уговаривала его пустить къ ней ребятишекъ въ науку, ждала и у избы старшины, гдѣ „пухла“ головиха отъ неумѣреннаго и тайнаго употребленія „красной водочки“, пока Мосевна ощупывала ей „отекшія“ ноги и животъ и рекомендовала ей цѣлый ворохъ цѣлебныхъ средствъ, ждала и у „батюшкина дома“, гдѣ словоохотливая попадья успѣла высыпать цѣлый коробъ сплетень, пока Мосевна дожидалась, когда батюшка отыщетъ ей старый требникъ съ цѣлебными молитвами, ждала и у сельскаго кабака, пока зоркій глазъ Мосевны искалъ въ кабацкой толпѣ одного „женина мужа“, сбѣжавшаго отъ больной жены и ребятишекъ.

Бывали случаи, что телѣга Ульяны Мосевны останавливалась и у волостного правленія, и у мірской сходки и нерѣдко пріѣзжала домой Ульяна Мосевна только на третій день, побывавъ и въ селѣ, и въ ближайшихъ деревняхъ. Давно уже она совершаетъ такіе объѣзды, осенней и зимнею порой, еще съ тѣхъ поръ, какъ семья Мосея жила въ деревнѣ Дергачи и не выселялась.

Зайдите въ знойный іюльскій или августовскій день, въ самый разгаръ деревенской страды, въ какую угодно убогую деревеньку, загляните въ ту или другую низенькую, дряхлую дву-оконную избушку, всю вросшую въ землю, тамъ, среди общаго безмолвія и пустоты, вы найдете, въ большинствѣ случаевъ, маленькую дѣвочку, лѣтъ пяти-шести, блѣдную и болѣзненную, съ большимъ вздутымъ животомъ и тонкими ногами. Эти хрупкія слабыя ноги не держатъ ее, и еще съ самого рожденія она не становилась на нихъ. Молча сидитъ этотъ ребенокъ по цѣлымъ днямъ на лавкѣ, въ углу избы, закутанный въ старый полушубокъ, и то безучастно глядитъ своими большими грустными глазами (взглядъ этихъ глазъ всегда неимовѣрно жалокъ), какъ братишки возятся на полу съ котятами, то по цѣлымъ часамъ — одинъ одинешенекъ оставленный въ страдную пору—вслушивается въ жужжанье мухъ, носящихся стаями надъ нимъ. И никого кругомъ кромѣ такихъ же, какъ и онъ, малыхъ ребятишекъ, никого—цѣлые часы! Развѣ только отецъ пріѣдетъ захватить забытый топоръ, сурово окрикнетъ у воротъ баловней-парнишекъ, сурово посмотритъ на больного ребенка, войдя на секунду въ избу, отмахнетъ отъ его соннаго личика мухъ, броситъ ему ложку, вмѣсто игрушки, и опять уйдетъ. И опять дѣвочка одна цѣлые томительные часы. Въ полдень навернется мать, пришедшая захватить жницамъ обѣдъ въ поле, погладитъ ребенка по головѣ, посмотритъ на нее какъ-то боязливо-задумчиво, поставитъ передъ ней чашку съ вареным картофелемъ и скажетъ: „Пожуй, пожуй, болѣзная!“ — „Не хотца!“ протянетъ шопотомъ ребенокъ.

„Что же, касатка? Али что болитъ? Позыву-то, вишь, у тебя на пищу нѣтъ... Болитъ, молъ, что ли, что?“ — „Нѣту, ничего не болитъ“. — „Эко дѣло, эко дѣло!“ — только скорбно проговоритъ про себя мать, покачаетъ головой и начнетъ кутать опять ребенка полушубкомъ. „Чего ты застряла тамъ, Аграфена? — кричатъ въ окно бабы. — Иди скорѣе! Вѣдь, мы ждемъ! Не одну тебя будутъ на перевозѣ-то переправлять!“ — „Иду, иду! Охъ, сейчасъ, только вотъ дѣвчонку то приберу!“ И мать бросается изъ избы, наскоро захвативъ хлѣба и кувшинъ съ квасомъ... До глубокаго вечера ребенокъ опять остается одинъ, въ сообществѣ только неугомонныхъ мухъ, предоставленный всѣмъ случайностямъ, которыя вздумаетъ ниспослать на его бѣдную, беззащитную голову суровая мужицкая судьба... „Не сгорѣла бы какъ ни то... Мальчишки то малъ-мала меньше... Чего съ нихъ взять? Спалятъ ее, того гляди, а то прибьютъ, пожалуй, — тоскуетъ на жнитвѣ мать. — Чего, голубушка! Пришла это я вчера, а Вонифашка-то мой стоитъ около нея да кричитъ, пузанъ эдакій: „Ступай со мной играть! Чего ты со мной не играешь? Вишь, какая мнѣ скука... Вотъ призову я ребятишекъ, палками тебя сгонимъ съ лавки-то!“ А она, милыя, смотритъ на него такъ жалобно, словечка не скажетъ“. — „Ну, все одно — не жилецъ она у тебя... Она ужъ Божья, — утѣшаютъ мать сердобольныя бабы, — какъ никакъ, а скоро ее приберетъ“. Да, много прибираетъ Господь по нашимъ деревнямъ этихъ несчастныхъ дѣтей, этихъ жертвъ народной безкормицы и безразсвѣтной деревенской тьмы. Много мретъ ежегодно по деревнямъ этихъ несчастныхъ дѣтей, но много остается ихъ и въ живыхъ, наполняя наши деревни огромнымъ контингентомъ тѣхъ нѣмыхъ свидѣтелей народнаго горя, тяжесть прокормленія которыхъ опять-таки несетъ на себѣ скудная крестьянская закрома и которыхъ народъ окрестилъ скорбными именами „блаженненькихъ“, „дурачковъ“, „юродивыхъ“, „Божьихъ людей“. Рѣдко, но случается, что изъ контингента этихъ обреченныхъ на вымираніе, но спасенныхъ волею случая, калѣкъ „выправляются“ настоящіе люди, обыкновенно, впрочемъ, съ слабымъ физическимъ развитіемъ, но зато съ сосредоточенною душой. Лишенные возможности подымать тяжесть полевыхъ трудовъ, эти „спасенныя“, обыкновенно женщины, отдаютъ въ свою очередь всѣ свои заботы и привязанности такимъ же дѣтямъ, какими выросли онѣ. И благо той деревнѣ, въ которой проявится такая „спасенная“; она не съ одной матери снимаетъ бремя тоски и заботъ объ оставленныхъ въ страду, на произволъ судьбы, ребятишкахъ.

Такова была и Ульяна Мосевна: въ дѣтствѣ она была „обреченная“, въ юности — „спасенная“. Къ десяти годамъ, хотя медленно, но стала Ульяна выправляться; къ двѣнадцати — она уже выглядывала за ворота. „Вишь ты, не беретъ Господь! И что ей за судьба будетъ? Куда она, такая ледащая годится? — думалъ Мосей, глядя на ея сухую, съ блѣднымъ лицомъ, фигуру и покачивая головой. — Какъ никакъ, надо ее по грамотѣ пустить... Больше въ ней проку не будетъ!“ рѣшилъ онъ и отвелъ ее къ одной мѣстной начетчицѣ. Это было спасеньемъ для Ульяны. Освобожденная отъ тяжелыхъ работъ, она стала „выправляться“ и къ 16 годамъ могла уже помогать матери по хозяйству. Господа ее, какъ „обреченную“ на смерть, не трогали, а чтобы не замѣтили какъ-нибудь „съ барскаго двора“, что Ульяна „выправляется“, мать ея, Аграфена, теперь насильно заставляла ее сидѣть дома и не показываться на улицу. Но нельзя было укрыть восемнадцатилѣтнюю дѣвку отъ деревенскихъ парней. Въ тихія лѣтнія ночи часто слышался на задворкахъ Мосеевой избы чей-то шопотъ, раздавались чьи-то задержанные поцѣлуи. Парень попался Ульянѣ хорошій, обѣщалъ жениться, но барыня, какъ разъ въ это время, ссадила его на оброкъ, и онъ ушелъ въ столицу на заработки, поклявшись Ульянѣ черезъ годъ непремѣнно обвѣнчаться съ нею. Ушелъ парень, Ульяна совсѣмъ скрылась въ своей избѣ, а немного спустя, въ овинѣ Мосея, тихо, до того тихо, что никто не слыхалъ даже изъ чуткихъ до этихъ дѣлъ сосѣдокъ, народилось малое „незаконнорожденное“ существо. Къ великому счастію Мосеевой семьи, существо это жило одинъ часъ. Бабкой была Аграфена, воспріемникомъ Мосей. Тою же ночью взялъ Мосей мертваго младенца, завернулъ его въ пазуху и, сказавши семьѣ: „Убью, ежели только слово на вѣтеръ вынесете!“ унесъ его къ себѣ въ лѣсъ (какъ извѣстно, онъ былъ лѣсникомъ). Этою же ночью онъ схоронилъ его въ лѣсныхъ дебряхъ. Тайна Ульяны осталась навѣки тайной. Ульяна ждала теперь жениха, и женихъ дѣй-

ствительно вернулся къ назначенному сроку, но вернулся мертвымъ: его нашли замерзшимъ и занесеннымъ вьюгой въ полуверстѣ отъ деревни. „Чего тутъ? Видимо—судьба! Только смотри у меня—еще не дурить!“ прикрикнулъ Мосей на Ульяну. Ульяна, скрытно отъ всѣхъ, собралась на богомолье. Мосей махнулъ рукой: „Пущай! Ей ужъ одна утѣха!“ Только черезъ три года вернулась Ульяна домой. Но больше скрываться было нельзя. На „барскомъ дворѣ“ уже ее намѣтили и погнали на барщину. Здѣсь столкнулась она съ Сатиромъ. Онъ только что овдовѣлъ и остался одинъ съ трехлѣтнею дочерью. Дочь эту онъ любилъ, съ охоты носилъ ей то земляники, то голубицы, то цвѣтовъ. Ульянѣ понравилось это. Ей хотѣлось выйти за Сатира замужъ. Но Сатиръ былъ еще тогда молодъ и, какъ вся дворня, хвастливъ и разгуленъ, между тѣмъ какъ Ульяна, въ двадцать пять лѣтъ, выработала уже въ себѣ ровный, спокойный, сосредоточенный характеръ. Въ первый же день ихъ любовнаго объясненія Сатиръ похвастался въ кабакѣ, такъ, совсѣмъ зря, безъ всякаго умысла, потому что и самъ сталъ было любить Ульяну. Въ Ульянѣ словно что порвалось. „Не судьба мнѣ!“ рѣшила она уже въ послѣдній разъ и съ тѣхъ поръ стала избѣгать Сатира. Сатиръ былъ изумленъ, но ему было и горько. Онъ уважалъ Ульяну за ея любовь къ его дочери; за ея строгій, степенный характеръ. Онъ видѣлъ, что ему ужъ не вернуть ея. Къ этому времени овдовѣлъ старшій братъ Ульяны, Вонифатій, и она замѣнивъ оставшимся сиротамъ, Лушѣ и Петру, мать, вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлалась и полною хозяйкой въ семьѣ, такъ какъ мать у нея умерла еще раньше, а Мосей жилъ уже въ своей рощѣ. Сатиръ долго кутилъ, потомъ вдругъ рѣшился: пришелъ онъ къ Ульянѣ, съ дочерью на рукахъ, и смиренно просилъ ее принять къ себѣ, пока на ноги не станетъ дѣвчура: „А то, вѣдь, при нашемъ проваленномъ житьѣ, ни за грошъ загибнетъ! Неужто прогонишь ее-то?“ съ боязнью спросилъ Сатиръ. Но Ульяна не прогнала. Аннушка, дочь Сатира, была первою дѣвушкой, взятою Ульяной, со стороны, въ „учебу“. Сатиръ долго опять послѣ того кутилъ и, наконецъ, совсѣмъ заугрюмѣлъ. Съ каждой охоты приносилъ онъ какой-нибудь презентъ своей дочуркѣ и Ульянѣ Мосевнѣ. Молча клалъ свой презентъ на столъ, угрюмо поглаживалъ дочь по головѣ, сумрачно взглядывалъ на Ульяну Мосевну и тотчасъ же, нахлобучивъ на уши картузъ, уходилъ, широко шагая, изъ избы. Ни на какія приглашенія остаться, ни на какія угощенія онъ не сдавался. Давно уже выросла дочь Сатира и вела свое собственное хозяйство у отца, давно уже Сатиръ переселенъ былъ дергачевскимъ міромъ въ Волчій поселокъ, а онъ и до сего времени, неуклонно и также молча, какъ добровольный оброкъ, носитъ съ каждой охоты „презенты“ предмету своей чистой, но неудачной любви...

III.

Въ одинъ изъ осеннихъ дней Ульяна Мосевна, по обычаю „благомысленныхъ людей“, навѣщала знакомыхъ и незнакомыхъ бабъ добросельскаго міра, жаждавшихъ „отповѣдать“ ей накопившіяся за лѣто горести и невзгоды. Впрочемъ, теперь уже рѣже дѣлала свои объѣзды Ульяна Мосевна, да и ѣздила уже одна: какъ минуло Лушѣ шестнадцать лѣтъ, она перестала ее брать съ собою; а теперь Лушѣ шелъ уже двадцатый годъ. Ульяна Мосевна успѣла побывать и въ селѣ Добромъ, и въ деревняхъ Подпалихѣ съ Поджарихой, и теперь выѣзжала въ родные Дергачи, чтобъ отсюда отправиться въ свой поселокъ.

— Ну, вотъ, пріѣхала!—сказалъ староста Макридій, стоявшій среди дергачевскаго міра, по какому-то поводу собравшагося у старостиной избы.

— Эй, благомысленная! А мы къ вамъ было въ выселокъ собрались всѣмъ міромъ!—говоритъ Макридій, раскланиваясь съ Мосевной и махая, по обыкновенію, руками.

— Али что у васъ? Милости просимъ.

— Да что? Такія дѣла... такія дѣла... Только единственно, какъ міръ жалѣючи,—началъ свою обычную пѣсню староста Макридій, безъ которой онъ ни разу не начиналъ никакого разговора съ тѣхъ поръ, какъ стали его выбирать въ старосты.

Подошли мужики. Одни сняли шляпы, другіе, по близкому знакомству, не сочли нужнымъ.

— Такъ что жъ, ступайте, милости просимъ...

— Да мы вотъ тебя поджидали... Когда ты проѣдешь...

— Что жъ я-то?.. Есть тамъ и безъ меня хозяева. Наше дѣло бабье...

— Чего тутъ безъ тебя! Безъ тебя нельзя... Тутъ дѣло такое... тутъ дѣло душевное. Ты скоро ли управишься?

— Да вотъ съ матерями-то хотѣлось бы кое-что перемолвить.

— Ну, ну, ступай... Мы подождемъ! Да не долго судачьте тамъ!..

— Хорошо, хорошо! Мы ужъ какъ ни то сократимся.

Дѣйствительно, Ульяна Мосевна повернула дѣло скоро: не осталась дожидаться ни самоварчика, которымъ было уже раздобылись нѣкоторыя бабы, ни конца ихъ разсказамъ. Бабы остались, конечно, не совсѣмъ довольны нынѣшнимъ посѣщеніемъ. Но они были люди „близкіе, свои“ и потому во всякое время, въ особенности осенью и зимой, могли съ лихвой наверстать прерванные разговоры.

Пока Ульяна Мосевна собесѣдовала съ дергачевскими бабами, дергачевцы-хозяева въ это время шли къ Волчьему поселку. Шли они въ выселокъ, медленно и лѣниво двигая ногами, заложивъ руки за спины, „балуясь“ съ „обчественною собачкой“ Шеркомъ, всюду сопровождавшею дергачевскій міръ, если онъ собирался подъ предводительствомъ Макридія. Прежде всего встрѣтили они старика Мося.

Въ грубой синей рубахѣ и портахъ, въ большихъ сѣрыхъ валеныхъ сапогахъ, сидѣлъ онъ, какъ неподвижная статуя, на завалинѣ своей уже дряхлой, полуразвалившейся „сторожки“, въ которой онъ прожилъ почти половину своего долгаго вѣка и теперь предоставленной въ полное распоряженіе неизмѣнной спутницы его уединенія, пасѣчницы Ѳеклуши. Съ боку „сторожки“, на луговинѣ, вдавшейся въ самую рощу, стояли улья. Красное, какъ кровь, солнце спускалось далеко за рѣчкой и лѣсомъ. Косыми лучами, скользившими по желтой жнитвѣ и побурѣвшей отавѣ, прямо ударяло оно въ окна выселка, въ высокіе, стройные, серебристые стволы березъ. Прямо ударяло оно и въ морщинистое, словно мхомъ, заросшее волосами, лицо Мосея.

Дергачевцы, предводимые Макридіемъ, въ вѣчномъ разлетаѣ, въ числѣ пяти мужиковъ, подошли къ Мосею.

— Здорово, дѣдушка!.. Какъ можется?—крикнулъ на ухо, ударивъ его по плечу, Макридій.

— Али кто говоритъ со мной? — прошамкалъ старикъ.—Не слышу, нѣтъ, ужъ ничего теперь не слышу и не вижу, ребятушки... Что внутреннимъ окомъ—только то и чую... Вотъ я на солнышко-то вышелъ посидѣть... Солнопеку-то я чую...

— Не слышишь? — сказали дергачевцы.—Ну, Богъ съ тобой!.. Сиди, сиди, коли пригрѣло... Тебѣ только теперь и счастіе, ежели пригрѣетъ. Что говорить—все равно, значитъ, какъ малый ребенокъ... Право! Правду говоритъ пословица: „что малый, что старый — единственно!“—резонировали дергачевцы, подвигаясь къ „настоящему“ выселку. Вотъ теперь что хошь съ нимъ дѣлай!.. Выведи вотъ его въ рощу, оставь тамъ, такъ съ голоду и помретъ... Покличетъ, покличетъ, всплакнетъ, какъ ребенокъ, упадетъ—тутъ ему и смерть.

— Зачѣмъ такъ!.. Этого не бываетъ... Собачку вотъ—и ту такъ нельзя,—замѣтилъ одинъ изъ дергачей,—такъ въ людяхъ не полагается.

— Кто говорилъ, что полагается!.. Да вотъ хорошо—у нихъ семья большая, хорошо вотъ онъ устой укрѣпилъ за свой вѣкъ крѣпкій, живутъ теперь они въ достаткѣ, въ семьѣ зла нѣту... Что говорить—приглядятъ за нимъ!.. А возьми вотъ наше дѣло, ежели Господь попуститъ — доживешь, такъ тоже радости мало!

Когда они подходили уже къ избамъ, имъ навстрѣчу вышелъ Вонифатій, плотный, низенькаго роста, съ широкою бородой, степенный мужикъ и, какъ всѣ степенные мужики, ходившій медленно, любившій поглаживать бороду и постоянно какъ бы соображать что-то „по хозяйству“. Рядомъ съ нимъ шелъ незнакомый дергачевскому міру человѣкъ, въ сибиркѣ чернаго сукна, въ кувшинныхъ, блестящихъ сапогахъ, которыми онъ ступалъ легко, не всею ступней, не по-медвѣжьи, какъ ступали искони всѣ дергачевцы, а слегка поскрипывалъ и какъ бы чуть-чуть замѣтно приподнимался на ходу на носки. Онъ былъ въ картузѣ, съ подстриженною русою бородкой; сѣрые глаза его увѣренно, бойко и проницательно глядѣли кругомъ, хотя вся фигура его выражала сдержанное почтеніе.

— А дочка при васъ будетъ... при родителяхъ?—спрашивалъ онъ Вонифатія, силясь своимъ ястребинымъ взглядомъ разглядѣть сидѣвшихъ у качели бабъ.

— При родителяхъ,—отвѣчалъ Вони-

фатій, что-то бережно завертывая въ бумажку и пряча въ карманъ.

— Такъ-съ!

И наблюдательный взглядъ незнакомаго молодца быстро обошелъ весь поселокъ.

— Райскія у васъ мѣста! Ежели бы это подлѣ столицы — блаженство! — замѣтилъ онъ.

— Мѣста ничего!

— Только въ запущеніи... Дикости очень достаточно.

— Этого у насъ много... Извѣстно, лѣсъ...

— Вотъ мы и опять къ вамъ!—безцеремонно перебилъ Макридій бесѣду большака съ гостемъ, не кланяясь ни съ Вонифатіемъ, ни тѣмъ болѣе съ незнакомымъ молодцомъ, и замахалъ руками.

— По Андреиному дѣлу?

— По нему самому...

Вонифатій крякнулъ и помолчалъ.

— Ну, да ладно,—сказалъ онъ,—какъ вотъ наши—посмотримъ... Эй, бабы! Кликните-ка, гдѣ братья-то!—приказалъ онъ бабамъ.

— Архипъ-то на мельницѣ былъ, а Вахромей, чать, у Сатира,—откликнулась Прасковья.

— Кликните ихъ... Шли бы сюда... Да вотъ еще Ульяны нѣтъ...

— Пріѣхала, и Ульяна пріѣхала... Слава-те Господи—всѣ въ сборѣ... Задержки не будетъ! Вотъ я, постой, самъ сбѣгаю, кликну ее,—засуетился дѣятельный Макридій.

— Такъ пока счастливо оставаться!—сказалъ молодецъ въ сибиркѣ, когда подошли дергачевцы.

— Погоди... Вотъ познакомься съ нашими-то... Вотъ сейчасъ всѣ соберутся... всей семьей.

— По земельному дѣлу?

— По земельному...

— Гм... по нашему занятію, любопытно.

Скоро всѣ собрались у житницы, стоявшей противъ Вонифатьевой избы. Вонифатій съ гостемъ и два дергачевца присѣли на широкомъ, шедшемъ вокругъ всей избы, крыльцѣ. Тутъ же присѣлъ въ уголъ и Вахромей, съ трубкой, низенькій, худой, съ цыганскимъ лицомъ и черными кудрявыми волосами, мужикъ лѣтъ тридцати. Хипа, высокій, широкій въ плечахъ, молчаливый, съ большими добрыми глазами, мѣстный силачъ и младшій братъ, остановился невдалекѣ.

— Братья будутъ?—спросилъ молодецъ въ сибиркѣ.

— Они самые.

Хипа только мотнулъ головой, а Вахромей посмотрѣлъ сбоку на молодца, сплюнулъ и продолжалъ сопѣть трубкой.

Пришла и Ульяна съ Макридіемъ.

— Тетенька будете Петру-то Вонифатьичу?—спросилъ, привставъ и снимая картузъ, молодецъ, когда Ульяна подошла къ мужикамъ и степенно поклонилась имъ кивкомъ головы.

— Тетка была,—сказала она, пристально всматриваясь въ незнакомаго молодца,—а вы развѣ изъ тѣхъ мѣстъ?

— Изъ столицы... Наказывалъ поклонъ передать, какъ, выходитъ, мы пріятели будемъ.

— О?.. Ну, какъ онъ, Петруша-то?—спросила Ульяна Мосевна совсѣмъ другимъ голосомъ.

— Въ благоденствіи... Обѣщалъ скоро самъ быть.

— Ой ли? Ну, ну... пора, давно пора... Пять годовъ не видѣла... Такъ ты, родной, въ пріятельствѣ съ нимъ?—совсѣмъ расчувствовалась Ульяна Мосевна.—Вѣдь, я ему, почесть, мать родная была. Сама выходила.

— Такъ точно-съ. Петръ Вонифатьичъ сообщали...

— Такъ неужто? а?—обратилась Ульяна Мосевна къ Вонифатію.

— Говорятъ—ѣдетъ; врать не станутъ,—сказалъ Вонифатій и полѣзъ въ карманъ.

— Ну, вотъ у васъ и праздникъ! И мы попразднуемъ,—заговорилъ Макридій,—оно же теперь въ самый разъ... Поди, чать, купецъ-купцомъ. Медвѣжье-то обличье поди все сошло: слѣда не сыщешь!

— Трудновато,—замѣтилъ, самодовольно улыбаясь, Вонифатій, и, бережно вынувъ изъ бумажки фотографическую карточку, подалъ ее Ульянѣ.

— Любуйся!

— Наткось, наткось!—закачала головой Ульяна Мосевна и, прищуриваясь, съ широкою улыбкой стала всматриваться въ портретъ.

— Да нѣтъ! Ужъ будто какъ и не признаешь совсѣмъ! Можетъ, оно такъ и нужно!.. Дѣло столичное,—замѣтила, въ концѣ концовъ, Ульяна Мосевна.

— Ну-ка, ну-ка, покажь!—засучивая рукава, сказалъ Макридій.—Каковы наши молодцы выправляются тамъ? Тоже свои, лестно!

— Какъ не лестно!—замѣтили и мужики.—Вмѣстѣ, Богъ дастъ, жить будемъ!

И всѣ сгрудились около Макридія, ко-

торый держалъ карточку обѣими руками, отставивъ ее отъ себя на приличную дистанцію, чтобы видно было всѣмъ.

Иронически сбоку глядѣлъ на карточку Вахромей; молча, съ неизмѣннымъ хладнокровіемъ, посматривалъ Хипа; изъ-за спины Вонифатія глядѣли исподлобья хитро-насмѣшливые черные глаза Луши, и даже, словно откуда-то издалека, сверкалъ единственный глазъ неизвѣстно когда подошедшаго Сатира. Карточка, между тѣмъ, была очень обыкновенная и далеко неказистая, и по ней, дѣйствительно, неособенно легко было признать оригиналъ; вообще карточки, встрѣчающіяся въ деревняхъ, отличаются замѣчательнымъ несходствомъ, главнымъ образомъ, потому, что народъ любитъ сниматься во весь ростъ, „во всемъ костюмѣ" непремѣнно, хотя бы и въ ущербъ величинѣ и сходству собственнаго лица: онъ не любитъ поясныхъ портретовъ. Въ виду этого будутъ понятны замѣчанія, которыя дѣлали дергачевцы, что „сапоги важно выведены, надо полагать съ глянцемъ, купецкіе..." и кафтанъ не нашимъ чета: прiѣдетъ, дѣвки наши только держись" и т. п. И только одинъ Вахромей взглянулъ нѣсколько иначе.

— Схожи, — сказалъ онъ, иронически подмигнувъ молодцу въ сибиркѣ.

— Нѣтъ, мало, — отвѣчалъ тотъ, — съемка эта самая не въ куражѣ была...

— Я говорю, на тебя похожъ, — внушительно пояснилъ Вахромей.

— Это точно, межъ нами сходства много.

— То-то!..

— Ну, будетъ. Сглазите еще! — сказалъ Вонифатій и отобралъ отъ дергачевцевъ карточку. Подошли было и бабы съ ребятишками на рукахъ, еще издали почуявшія „что-то новое". Но на предложенія Макридія „ужъ и бабамъ показать москвича" — Вонифатій только проворчалъ: „Ну, наболтаютъ еще зря! На бабье слово удержу нѣтъ!" — и, опять бережно завернувъ карточку въ бумажку, спряталъ въ карманъ.

Дергачевцы еще продолжали дѣлать свои замѣчанія насчетъ „москвичей", а Ульяна Мосевна вступила было въ подробные разспросы молодца въ сибиркѣ о своемъ племянникѣ Петрѣ, но Вонифатій прямо заявилъ, что пора приступить къ дѣлу.

— Такъ гдѣ онъ, Андрей-то?

— Вотъ здѣсь, здѣсь, — засуетился Макридій.—Андрей! поди сюда... Выйди, братецъ! Чего прячешься? Эхъ, братецъ! Отвыкъ и отъ людей, по „темнымъ"-то сидя!

Изъ среды дергачевцевъ выдвинулся шага на два мужичокъ, лохматый, нечесанный, въ истлѣвшей совсѣмъ ситцевой рубахѣ, мужичокъ, что называется, „оброшеный", по прозвищу Клопъ.

— Я не прячусь. Что прятаться! Я вотъ здѣсь... Мое дѣло предъ Богомъ правое, — смиренно проговорилъ Клопъ, смотря въ землю и пошевеливая носкомъ сапога попавшую подъ ногу щепку.

Плохо жить вообще смиреннымъ людямъ, но въ періоды общественной „безтолочи", въ періоды поголовнаго „метанія" смиренный человѣкъ, наименѣе вооруженный противъ всякихъ случайностей, которыми полны эти періоды, наименѣе подготовленный извиваться и увертываться подъ ихъ ударами, безусловно обреченъ на гибель. При первой же такой случайности его охватываетъ „оторопь". Пришибленный ею, онъ начинаетъ метаться вмѣстѣ съ другими, но безъ всякаго толку, безъ всякаго соображенія, еще болѣе увеличивая общую безтолочь и сутолоку, сбивая съ толку тѣхъ, которые намѣревались было выбраться на свѣтъ Божій, принимая на себя ругань и окрики тѣхъ, которымъ подвертывался подъ ноги.

Нѣчто подобное представлялъ собою и „смиренный" Клопъ. Отецъ огромной малолѣтней семьи, которую онъ любилъ какою-то исключительною, даже надоѣдливою любовью, онъ не могъ прокормить ее; съ полуторадесятиннаго надѣла хлѣба едва хватало до Рождества; онъ ревѣлъ въ избѣ вмѣстѣ съ голодными ребятишками и женой, ревѣлъ на міру; міру было самому не легче и Клопа ругали, а Клопъ не переставалъ тащить на міръ всѣ свои личныя невзгоды. Мало этого, въ „оторопи" у него „опускались руки", онъ не успѣвалъ усмотрѣть даже за семьей: то ребятишки подпалятъ избу, то упадетъ развалившійся сарай, который онъ позабылъ подперетъ новыми жердями, и пришибетъ „останную" корову, то жена родитъ „мертвенькаго", и испуганный Клопъ тащитъ его тихонько хоронить въ лѣсу, но на него доносятъ. Наѣзжаетъ судъ. Кричитъ на Клопа становой, кричитъ попъ, кричитъ староста, кричитъ весь дергачевскій міръ, сбитый съ ногъ наѣздомъ суда. Смиренный Клопъ уничтоженъ...

Ушелъ было онъ на заработки, да угодилъ, по подозрѣнію въ сообществѣ съ какими-то грабителями, въ тюрьму, и тоже потому, что „оторопь" взяла... „Чѣмъ бы мнѣ, дураку, бѣжать, а у меня языкъ отнялся, руки-ноги затряслись", — объяснялъ Клопъ. Его взяли вмѣстѣ съ грабителями, которые не задумались запутать его въ свое дѣло. Два года сидѣлъ онъ въ тюрьмѣ, два года въ арестантскихъ ротахъ, пока, наконецъ, не былъ посланъ запросъ дергачевскому міру: „Желаетъ ли онъ принять обратно въ сельское общество бывшаго подъ судомъ крестьянина деревни Дергачи Андрея Клопа?" — а иначе, дескать, онъ будетъ отправленъ по этапу на поселеніе въ мѣста „не столь отдаленныя". Завыли Клоповы ребятишки, завыла жена. Дергачевцы только руками махнули: „пущай приходитъ... Мужикъ-то ужъ онъ очень душевный. Хошь и самимъ тѣсно, да ужъ какъ ни то..." Пришелъ Клопъ — нужно „приспособить его къ роду жизни". Вотъ это-то и составляло одну изъ тѣхъ задачъ, которыя предоставлено рѣшать исключительно мужицкому міру и отъ рѣшенія которыхъ считаютъ себя свободными всѣ другіе „міры", къ ихъ, конечно, благоденствію и спокою.

— Ну, такъ какъ дѣла? — спросилъ Вонифатій Клопа.

Клопъ переступилъ еще два шага, намѣреваясь что-то сказать.

— Погоди, постой, — сказалъ Макридій, отстраняя рукой Клопа и подсаживаясь къ Вонифатію и Ульянѣ. — Вотъ что, благомысленные, самую эту прокламацію мы оставимъ, потому это дѣло извѣстное... Качества этого самаго мужичка тоже ужъ, можно сказать, намъ доподлинно знакомы... Такъ мы объ этомъ рѣчь-то прекратимъ! Такъ ли? А будемъ, значитъ, такъ говорить: какъ, значитъ, у насъ съ родителемъ вашимъ завѣтъ былъ положенъ, чтобы все сообща и чтобы какъ можно другъ отъ друга не отбиваться, такъ, думается, и впредь надлежитъ быть... А старые завѣты рушить намъ нечего! Такъ ли?

— Такъ, такъ. Да развѣ мы рушили, Макридій Сафронычъ?—спросила Ульяна.

— Зачѣмъ рушить? Какъ можно родительскіе завѣты рушить?—подтвердилъ и Вонифатій.

— А я про что-жъ? Вотъ я про это самое... Я къ тому и рѣчь веду, чтобы, молъ, и напредки намъ не рушить, а въ согласіи пребывать. Вотъ!

Тутъ Макридій поправилъ рукава и пустился въ пространныя объясненія насчетъ тѣхъ всѣмъ мужикамъ любезныхъ вопросовъ, что, молъ, „земля-матушка, земля-кормилица", что „смиренному мужичку безъ земли не жить, что ему безъ земли сгинуть надо" и т. п. Въ концѣ-концовъ, оказывалось, „что хоша и мірская тягота, да гдѣ же мы ему земли возьмемъ? До передѣла ниже клочка взять намъ негдѣ. Потому теперь всякому тоже свое дорого. Вонъ у удѣльныхъ, какъ у нихъ, Господи благослови, земли-то въ мѣру, такъ на эти самые случаи „отмѣтныя земли" приспособлены... А у насъ не то что отмѣтныя земли имѣть, не на что, можно сказать, курицу выпустить!" — заключилъ Макридій.

— На этотъ случаи, кажись, заработки предусмотрѣны,—замѣтилъ вскользь московскій молодецъ.

— На заработки! — крикнули дергачевцы, — а ты знаешь ли, что такое заработки-то? Аршинничать или маклачить на заработкахъ-то легко. А ты вотъ поди спину около кулей потри. А коли вотъ мужичокъ-то, будемъ говорить, отецъ любящій, къ семьѣ приверженъ, а семьи-то онъ вотъ четвертый годъ не видалъ, такъ какъ ему за заработками-то бѣгать? Ему только объ одномъ стараться, какъ бы отъ дѣтишекъ совсѣмъ не отбиться, да душу въ конецъ не загубить. Ты вотъ знаешь ли: коли теперь мужичка опять отъ семьи отбить, такъ онъ и совсѣмъ ума рѣшится?

— Не загубите!—прошепталъ Клопъ:—исщемило, въ острогѣ-то сидѣмши. Все представленія были, все будто вокругъ меня дѣтишки... Лягу, а мнѣ, будто, шепчутъ: „тятька, сдѣлай конька... Конька мнѣ, тятька, изъ полѣна выруби"...— говорилъ Клопъ, стыдливо утирая глаза рукавомъ рубахи.

— Ишь вонъ! Да! Ужъ мы пробовали его на заработки-то гонять... Легко сказать: „заработки"! — говорили мужики, избѣгая смотрѣть въ лицо Клопу.

— Ну, не реви!— прикрикнулъ Макридій на Клопа. — Пора тебѣ бросить это поведенье-то! Будь-се, братецъ, посурьезнѣй! Эдакъ, ежели мы всѣ заревемъ, хорошаго мало будетъ! Эхъ, братецъ! Будь вполнѣ мужикомъ, какъ надлежитъ — кряхти, а крѣпись, то и честь!—поучалъ Макридій. — Молчи! Будь степеннѣй! А ужъ вы, благомысленные, такъ скажемъ,— обратился онъ къ Вонифатію и Ульянѣ,—

съ міру тяготы возьмите и теперь, какъ попрежнему, озимку-то поднять ему не откажите... Вѣдь, ему много ли надоть?.. Ежели бы раздобыться десятинкой, только — и довольно пока... И вполнѣ даже достаточно! Такъ ли?—и Макридій уставился глазами на Вонифатія и Ульяну.

— Какъ вы, братья... Ты какъ Ульяна?—спросилъ Вонифатій.

— Мое слово было тебѣ сказано: изъ тѣхъ загоновъ намъ корысть не велика—пущай пользуется,—отвѣчала Ульяна Мосевна,—мы всѣ люди свои... Отъ своихъ намъ не отбиваться. Какъ ужъ отъ батюшки идетъ, такъ и будетъ.

— Это такъ... Вѣрно. Я за этимъ не стою. Только вотъ Петюшка прописываетъ мнѣ... Кто его знаетъ?! Пишетъ: „а землю вы, родные, распущать по чужимъ рукамъ подождите, попридержите, пишетъ, при своихъ рукахъ... И отъ того намъ будетъ всѣмъ большая польза!..."

Вонифатій сказалъ и вдругъ замолчалъ. Мужики притихли. Нѣкоторые изъ дергачевцевъ закинули руки за спины и придвинулись поближе къ Вонифатію, а Макридій до того былъ весь вниманіе, что, казалось, готовъ былъ вскочить Вонифатію въ самые глаза. Вахромей перестaлъ сопѣть трубкой, и только по лицу Хипы витало прежнее добродушное безучастіе.

— Петюшка—паренекъ еще неразумный,—ласково замѣтила Ульяна Мосевна.—Мало ли чего онъ тамъ, въ городѣ, наслушается: живетъ середь купцовъ, приказчиковъ. У него ужъ мірского разума нѣту...

— Вотъ, вотъ, благомысленная! Истинно твое слово! У него этого разума быть не можетъ... Это, значитъ, наше поведенье, мужицкое! — подхватилъ Макридій. — Будемъ такъ говорить: почему мы изъ вѣковъ крестьяне, купцы—купцами, а баре—барами? Потому у насъ свое поведенье, а у купцовъ свое...

— Ну, и что жъ пишетъ? чтобы, значитъ, такъ и такъ съ землей обращенье имѣть?—интересовались дергачевцы.

— Ка-акъ же! все это расписалъ какъ быть надлежитъ: и строенье надворное, и рощу, и землю—все размежевалъ, всему свое приложенье...

— Уставщикъ! — проговорилъ Вахромей.

— Больно уменъ ужъ!—замѣтилъ Хипа и весь просіялъ невиннѣйшею улыбкой.

— Уменъ, слова нѣтъ! — подхватилъ Вонифатій, снова самодовольно поглаживая бороду.—Что еще! вьюношъ, а объ своихъ мысли не оставляетъ. За это дѣло—похвали! Ну, такъ какъ же намъ Андреято? Если погодить, пока Петюшка пріѣдетъ?

— Совѣтую, — проговорилъ московскій молодецъ.

— Кто пріѣдетъ?—вдругъ круто спросилъ Вахромей, все еще сидя вдали, на самомъ концѣ крыльца.

Вонифатій ничего не сказалъ.

— Петръ Вонифатьичъ,—отвѣтилъ за него молодецъ.

— Кто онъ такой будетъ, Петръ-то Вонифатьичъ?—продолжалъ допрашивать издали Вахромей.

— Погодите! что пустое болтать! — строго сказала Ульяна Мосевна.—Намъ, почтенный молодецъ,—обратилась она къ москвичу,—Петръ Вонифатьичъ не указъ. Мы по дѣдовскимъ завѣтамъ живемъ. И Петру Вонифатьичу наипаче надлежитъ тѣмъ завѣтамъ слѣдовать.

— Еще и старичокъ-то вашъ, благодареніе Господу, живъ! Вонъ онъ, старичекъ-то Божій! Мало, что онъ слѣпой... Слѣпцу-то Господь самъ тайное все открываетъ. Мы вонъ нынче съ нимъ бесѣдовали, а онъ и говоритъ: „я, говоритъ, ребятушки, внутреннимъ окомъ чудесно все вижу!“ — не то чистосердечно, не то тонко-дипломатически замѣтилъ какъ бы вскользь Макридій, показавъ въ сторону сидѣвшаго у своей избушки дряхлаго Мосея.

Всѣ какъ-то невольно обернулись къ рощѣ и посмотрѣли на неподвижную фигуру слѣпого старика.

— Приходи, Андрей Тереньтьичъ! Приходи безъ сумлѣнья!—рѣшила Ульяна Мосевна.—Мы тебѣ три загона подъ озимую отрѣжемъ.

— Ну, такъ—такъ-такъ! — сказалъ и Вонифатій. — И то правда! Дѣло, выходитъ, какъ бы, значитъ, общее, мірское.

— Да ужъ какъ искони! Ну, вотъ и помогай Господи!.. Беритесь по рукамъ!—заторопился Макридій.

— Дай Богъ совѣтъ да любовь,—проговорила, крестясь, Ульяна Мосевна.

— На что лучше!—поддакивалъ Макридій,—вотъ и опять, значитъ, мы завѣтъ укрѣпимъ... Такъ ли? Чтобы сообща... Вѣдь, мы только до передѣлу... Вотъ у насъ черезъ два года передѣлъ будетъ, какъ-никакъ, можетъ, собьемся гдѣ ни то

въ ренту землицы прихватить... Да мы тогда, благомысленные, васъ утруждать и не помыслимъ! Боже упаси!.. Да мы тогда отъ васъ всѣхъ, пожалуй, опять къ себѣ переправимъ: и Сатира возьмемъ, и солдаточку возьмемъ, коли вамъ утѣсненье будетъ.

— Зачѣмъ такъ, зачѣмъ? Не приведи до этого Господи! Это равно, что изъ избы вѣнецъ вынуть: изъ дома благодать вонъ... Нашъ поселокъ сообща былъ закрѣпленъ, — говорила Ульяна Мосевна, пока Макридій, Клопъ и братья Волки, размахивая руками, хлопали другъ друга по широкимъ ладонямъ.

— Поправляйся! — сказалъ лаконично Вахромей, а Хипа только пожалъ своею могучею рукой руку Клопа и улыбнулся.

Долго еще раздавались взаимныя пожеланія и увѣренія во взаимной помощи, „все чтобы сообща, какъ изъ вѣковъ, такъ чтобы и навѣковѣчно".

— А условіе у насъ будетъ одно...— говорилъ Вонифатій Клопу.—Брать намъ съ тебя, скорбнаго, нечего, пока не управишься... семья у тебя большая... А такъ будемъ: у насъ въ чемъ несправка—ты поможешь; у тебя коли въ чемъ недостача—мы не оставимъ.

— А насъ всѣхъ міръ честной не оставитъ, коли Господь бѣдой попуститъ! — вставила Ульяна Мосевна.

— Да ужъ это будьте въ надеждѣ, благомысленные! Міръ—не одинъ человѣкъ. На міру обману меньше!—увѣрялъ представитель дергачевскаго міра.

Всѣмъ вдругъ стало какъ-то веселѣе. Смиренный Клопъ въ умиленіи только и повторялъ:

— По гробъ жизни! Вовѣки вѣчные не забуду! Дѣтишкамъ въ завѣтъ поставлю... Благомысленные мои!

— А какъ-никакъ требовалось бы того... по обычаю, спрыснуть,—несмѣло и ухмыляясь во весь ротъ, заявилъ одинъ дергачевецъ.

Согласились и спрыснуть, на какой разъ думали раздобыться четвертухой водки отъ Вонифатія.

Такъ разрѣшилась, къ общему удовольствію, задача, заданная смиреннымъ Клопомъ дергачевскому міру, и только одинъ москвичъ остался, повидимому, не особенно доволенъ такимъ ходомъ дѣлъ. Все время онъ изрѣдка вздыхалъ, изрѣдка окидывалъ мужиковъ проницательными взглядами.

— Выходитъ, по вашимъ мѣстамъ не въ цѣнѣ стоитъ земля-то?—наконецъ, не вытерпѣвъ, спросилъ онъ Вонифатія и Ульяну Мосевну.

— Нѣтъ, ничего. По нашимъ мѣстамъ земли мало. Съ землей здѣсь кулаки дѣла хорошія ведутъ. Цѣну подняли за самую эту ренту такъ, что насъ, мужиковъ, совсѣмъ въ разоръ разорили! — добродушно замѣтила Ульяна Мосевна.

— Гм... Райскія мѣста! Ежели бы это къ рукамъ — блаженство, — вздохнулъ опять москвичъ.

— Мѣста ничего: потныя мѣста,—подтвердилъ и Вонифатій.

— Мѣста теплыя, любезный другъ, ежели руки грѣть... Грѣютъ у насъ хорошо ловкачи-то,—прибавили дергачевцы и двинулись къ качелямъ съ Иваномъ Забытымъ и Сатиромъ.

Москвичъ покачалъ головой.

— А этотъ народъ въ какомъ качествѣ при васъ состоитъ?—мотнулъ онъ головой по направленію къ качелямъ.

— Живутъ,—отвѣчала Ульяна.

— Батрачки-съ?

— У насъ этого завода нѣтъ. У насъ это рѣдко. По душѣ живутъ. Мірское дѣло.

— Богадѣльня-съ, выходитъ?—усмѣхнулся москвичъ.

— Мірское дѣло, почтенный, мірское дѣло, — внятно проговорила Ульяна Мосевна.

— Нельзя похвалить!—сорвалось у молодца.

— Мы не для похвальбы живемъ. Похвалы намъ не надобно. Не по нраву пришлось — просимъ не взыскать. Ежели будетъ желаніе угощеніе принять, когда Петюшка пріѣдетъ, милости просимъ, а новыхъ устоевъ намъ не надо,—степенно выговорила, кланяясь, Ульяна Мосевна.— А ты зайди-ка ко мнѣ, Андрей Терентьичъ, помолимся на благое начинаніе.

— Пойдемъ, пойдемъ, направница ты наша,—шепталъ въ умиленіи Клопъ, махая шапкой и торопясь за нею.

Москвичъ былъ недоволенъ, что промахнулся. Онъ дожидался, что его поддержитъ Вонифатій. Но Вонифатій продолжалъ сидѣть, сложивъ руки подъ животомъ, и, благодушно посмѣиваясь, глядѣлъ куда-то вдаль, въ сторону рощи. Вонифатій былъ мужикъ „общаго настроенія", такъ сказать, и очень любилъ, „когда все какъ-то само собой идетъ" и не требуетъ отъ него особеннаго напряженія. Если общее настроеніе благодушно, то и онъ чувство-

валъ себя какъ нельзя лучше и погружался въ безпечальныя созерцанія.

Иногда онъ по цѣлымъ часамъ, въ праздничный день, сидѣлъ на этомъ же крыльцѣ, поглаживая бороду, изрѣдка игралъ перстами, перекладывалъ ногу на ногу, да отъ времени до времени покрикивалъ на расшумѣвшихся ребятишекъ выселка. Когда его ничто не безпокоило, онъ любилъ мечтать, и ему никто въ этомъ не мѣшалъ. Братья съ нимъ рѣдко говорили. Въ крестьянскихъ семьяхъ мужики вообще лаконичны другъ съ другомъ, какъ бы въ укоръ бабамъ, обладающимъ съ излишкомъ качествомъ противоположнаго свойства. Когда безпокойство случалось небольшое, напримѣръ, бабы разссорятся, Вонифатій вставалъ, медленно подходилъ къ нимъ, засунувъ одну руку въ карманъ, другую за пазуху, нѣсколько времени, въ качествѣ большака, выслушивалъ жалобы и, сказавъ: „Дуры! пошли по избамъ!“—уходилъ на старое мѣсто. Но если безпокойство было нѣсколько существеннѣе, Вонифатій, какъ всякій мечтатель, начиналъ вдругъ соваться и въ дѣло, и не въ дѣло, вспоминалъ, что онъ „большакъ“ и что ему непремѣнно нужно о комъ-то „стараться“.

— А тетенька-то съ душкомъ будетъ-съ? — спросилъ молодецъ въ сибиркѣ, когда они остались одни съ Вонифатіемъ.

— Ульяна-то? Нѣтъ, она, по-нашему, смиренная. Ничего.

Опять замолчали. Москвичъ поигралъ пальцами по борту кафтана.

— А дочка... Эта самая будетъ?—кивнулъ онъ по направленію къ Лушѣ, тихо покачивавшейся, сидя на доскѣ качели.

— Она самая.

— Пріятная дѣвица!

— Работящая,—лѣниво отвѣчалъ Вонифатій.

Опять замолчали. Наконецъ, замѣтивъ, что Вонифатіемъ до того овладѣло благодушіе, что отъ него врядъ ли можно было ожидать поддержки разговора, москвичъ, чуть замѣтно покачавшись нѣсколько секундъ на носкахъ своихъ блестящихъ сапогъ и еще разъ окинувъ проницательнымъ взглядомъ поселокъ, сказалъ:

— Однако, дикости у васъ достаточно!—и, не дождавшись отвѣта отъ Вонифатія, прибавилъ:—Пока счастливо оставаться!

— Прощай... Навѣстишь, неравно Петюшка пріѣдетъ?

— Ка-акъ же! Первымъ долгомъ.

Молодецъ направился мимо качели къ своей телѣгѣ, стоявшей на концѣ выселка. Онъ было приподнялъ съ форсомъ фуражку, вѣроятно, въ честь Луши, но ему никто не отвѣтилъ, и только всѣ посмотрѣли ему съ любопытствомъ вслѣдъ. Москвичу хотѣлось было поближе сойтись съ бабами выселка, и если бы его пригласили, онъ не прочь бы побесѣдовать, въ особенности съ Лушей, но и ему самому, и всѣмъ, сидѣвшимъ у качели, было слишкомъ ясно, что онъ, въ полномъ смыслѣ, чужой человѣкъ для Волчьяго поселка.

Съ отъѣздомъ молодца въ сибиркѣ у качели стало еще веселѣй, тѣмъ болѣе, что Ульяна Мосевна поднесла дергачевцамъ по стакану водки. Иванъ Забытый, съ своимъ обычнымъ удовольствіемъ, отзывался на всякую просьбу: онъ то игралъ на гармоникѣ, то потѣшалъ прибаутками, то запѣвалъ пѣсни, — однимъ словомъ, явился во всемъ разнообразіи бывалаго человѣка, прошедшаго огонь и воду. Даже угрюмый Сатиръ разсмѣялся, и его единственный глазъ уже не смущалъ болѣе дергачевцевъ. Наконецъ, благодушное настроеніе дошло до того, что самъ дипломатичный Макридій не устоялъ предъ нимъ.

— О, дуй васъ горой! — вскрикнулъ онъ, вскакивая и взмахнувъ руками, — что это у васъ только за жизнь въ выселкѣ! Ей-Богу! Кажись, только денекъ пожилъ бы, тутъ бы и умеръ отъ удовольствія!.. Да ежели здѣсь недовольство можетъ быть, такъ ужъ это, выходитъ, Господа Бога въ конецъ изобидѣть!.. Да нѣтъ, этого мало!—мы весь выселокъ въ законный бракъ сочетаемъ!—фантазировалъ Макридій Софронычъ. — Первымъ дѣломъ, Господи благослови, Ульянею съ Сатиромъ... первый сортъ! Вторымъ дѣломъ, Лушу за Ивана Забытаго—на что лучше?.. Погоди, постой... Ѳеклушу съ Ѳеотимычемъ!.. Важно али нѣтъ? Петька пріѣдетъ — его съ Аннушкой Сатировой! Любо ли? Ну, а въ закончаніе всего Вонифатія къ солдаточкѣ Сиклетеѣ приспособимъ! Такъ ли, милые мои? Эй, Вонифатій Мосеичъ! слышишь, что ли?—крикнулъ Макридій.

— Ну-у тебя!.. — махнулъ рукой Вонифатій отъ житницы, улыбнулся, потеръ бороду, переложилъ ногу на ногу, подтянулъ руками животъ и опять погрузился въ мечтанія.

— Да тутъ, други мои, до скончанія вѣка надъ вами благодать Господня ненарушимо будетъ!—заключилъ даже торжественно Макридій. — Такъ ли, Ѳеотимычъ?

— Аминь, Макридій Софронычъ, аминь, благожелатель!—подтвердилъ старый понамарь.

Но русскій мужикъ подозрителенъ и чутокъ. Какъ ни привлекательна была фантазія Макридія Софроныча, тѣмъ не менѣе, когда прошелъ порывъ всеобщаго „благодушія", всѣ какъ-то еще яснѣе почувствовали, что на мирную жизнь поселка наплываетъ что-то „новое", что-то „чужое". Въ чемъ состоитъ это „новое", опредѣлительно сказать никто бы не могъ, только чувствовалось, что въ жизни мужика не бываетъ идиллій, что суровая мужицкая судьба не преминетъ заявить о себѣ. Почему-то вышло такъ, что и дергачевцы, возвращаясь обычною мужицкою поступью, заложивъ за спины руки, въ свои Дергачи, лаконично перебрасывались фразами по поводу пріѣзда „москвичей" въ Волчій поселокъ и покачивали головами; и Вахромей съ Сатиромъ, собираясь къ утру на охоту, говорили о томъ же; и бабы выселка, собравшись послѣ ужина у избы солдатки Сиклетеи, шопотомъ толковали о пріѣзжемъ молодцѣ въ сибиркѣ, который, по ея словамъ, оказывался очень похожимъ на „теперешняго" Петюшку; Вонифатій же продолжалъ мечтать попрежнему и отъ времени до времени поигрывалъ пальцами.

Только одного человѣка изъ дергачевскаго міра не томили въ этотъ день никакія „предчувствія"; только одинъ человѣкъ ликовалъ беззавѣтно, и именно тотъ, которому, можетъ быть, всѣхъ меньше выдавалось ликовать въ жизни. Человѣкъ этотъ былъ смирный Андрей Терентьичъ Клопъ. Помолившись въ кельѣ Ульяны Мосевны „на благое начинаніе", онъ, не заходя подъ качели, тотчасъ же побѣжалъ домой въ свои родные Дергачи. Онъ „подъ собой земли не чуялъ", какъ самъ разсказывалъ объ этомъ днѣ, „былъ самъ не въ себѣ" отъ дѣтишекъ, образы которыхъ не оставляли его даже въ острогѣ. Но характернѣе всего выразилась его радость слѣдующимъ, совсѣмъ неожиданнымъ ни для кого, образомъ. Въ Волчьемъ поселкѣ онъ увидалъ качели, выведенныя дошлымъ до всего Иваномъ Забытымъ, и мало или вовсе неизвѣстныя до того въ дергачевскомъ мірѣ. Штука эта показалась Клопу до того занятной, что не выходила у него изъ головы даже въ то время, какъ рѣшался вопросъ о его „быть или не быть". Онъ еще тогда же разсчиталъ: „Какъ-никакъ, выпрошу у Ульяны два бревна... Въ ноги поклонюсь, а вымолю... Да она дастъ! Она, вѣдь, Ульянея-то Мосевна, благомысленная. Она чадолюбивая... Вымолю два бревна, непремѣнно вымолю... Скоблемъ вычищу, гладкія будутъ! А на веревки у меня старыя вожжи есть. Вотъ ребятишкамъ утѣха-то будетъ! Да не то, что моимъ только, всѣмъ голоштанникамъ. Тогда у моей избы отбою не будетъ ребятишкамъ-то, ровно воробьи къ овсу налетятъ... Шуму-то! Шуму-то что! А славуто какую разнесутъ! Это, скажутъ, намъ все смирный Клопъ предоставилъ, модуто ввелъ! Умру—будутъ вспоминать!"

Всѣ эти обольстительныя картины быстро пронеслись въ его головѣ, какъ только ударилъ онъ, въ знакъ окончанія дѣла, по рукамъ съ братьями Волками.

И дѣйствительно, не прошло недѣли, какъ въ Дергачахъ появилась первая качель предъ избушкой Клопа. Нечего и говорить, какое удовольствіе доставила она зеленому населенію Дергачей. Смиренъ, низкорослъ, худъ былъ самъ Клопъ, мала, едва подымаясь отъ земли, въ два крохотныхъ оконца, была его избушка, малы были его ребятишки, и такую же малую, словно игрушечную, вывелъ онъ предъ своею избой качель.

ГЛАВА II.

Новые люди.

I.

— Ну, что, пріѣдетъ? Вѣрно? Нынче ждете?

— Ждемъ... Надо бы нынче быть...

— Здравствуйте! — быстро говорилъ, встрѣтившись, при входѣ въ поселокъ, съ Вонифатіемъ Мосеичемъ жиденькій человѣкъ съ худымъ, почти дѣтскимъ лицомъ, черты котораго были какъ-то особенно обострены. Онъ былъ въ фуражкѣ и длинномъ демикотоновомъ разлетайчикѣ, который постоянно запахивалъ.

— Онъ какъ отписывалъ? За недѣлю до Покрова?

— За недѣлю...

— Ну, вѣрно! Нынѣшнее число!.. Я ужъ высчитывалъ... Книжка такая есть—

„Путеводитель“ прозывается... У адвоката я ею одолжился... Вотъ я сейчасъ...

Худенькій человѣчекъ полѣзъ сначала въ одинъ карманъ демикотоноваго разлетая, затѣмъ въ другой, пощупалъ лежавшія въ нихъ пачки какихъ-то бумагъ, затѣмъ слазилъ за пазуху, откуда вытащилъ сначала истрепанную и, кажется, съ оборваннымъ концомъ, книжку судебныхъ уставовъ, и, наконецъ, послѣ нея досталъ тоже весь истрепанный „Путеводитель“.

— Вотъ я вамъ сейчасъ разъясню,— говорилъ Вонифатію человѣчекъ, быстро обмусоливая середній палецъ и перевертывая слипшіяся страницы „Путеводителя“. Онъ весь былъ нетерпѣніе, а быстрые и живые глазки его напряженно пробѣгали заголовки страницъ.

— Вотъ!—наконецъ, сказалъ онъ.

— Ну, ну! Высчитывай... Посмотримъ, каковъ ты отгадчикъ. Вы, вѣдь, дошлы до всего—грамотеи! — говорилъ, снисходительно улыбаясь, Вонифатій Мосеичъ.

Нетерпѣливый человѣчекъ тотчасъ же началъ высчитывать часы и минуты прихода поѣздовъ ближайшей къ Волчьему поселку чугунки.

— Вотъ ужъ это вѣрно; еще утромъ должны быть, — заключилъ, наконецъ, онъ. — Задержка вышла... Это ужъ насчетъ подводы въ городѣ... Тутъ всегда остановки бываютъ, а теперь ждите—это вѣрно.

— Подождемъ... Некуда бѣжать-то намъ!..—говорилъ Вонифатій Мосеичъ.

Онъ, впрочемъ, хотя и плохо вѣрилъ вычисленіямъ худенькаго человѣка, тѣмъ не менѣе, частенько посматривалъ вдоль дороги, извивавшейся по высокому склону на горизонтѣ. А когда послышался вдали грохотъ колесъ, не только обернулись на него невольно оба собесѣдника, но и хлопнуло окно въ кельѣ Ульяны Мосевны, и ея голова высунулась посмотрѣть въ томъ же направленіи.

— Да никакъ Филаретушка здѣсь?— спросила она, замѣтивъ худенькаго человѣчка.

— Здѣсь, здѣсь!.. Здравствуйте, Ульяна Мосевна!—откликнулся онъ.

— Али также поджидаешь Петюшку-то?

— К-а-акъ-же-съ!

— Ну, ну... Одногодки, вѣдь, вы съ нимъ, вмѣстѣ росли тоже неразлучно...

— Ка-акъ же?.. Пріятели душевные были... Помилуйте! чтобы я забылъ!.. Ну, и теперь изъ столицы ѣдетъ. Все это намъ лестно, все это намъ въ поученіе: какъ и что... Вѣдь, мы, Ульяна Мосевна, не болѣе, какъ мужики темные-съ... Обучаться должны всему отъ умныхъ людей, кому, значитъ, счастіе вышло въ столицахъ побывать...

— Ты у насъ и самъ грамотникъ, наученый... Всему поселенію извѣстенъ. Натка-сь! по судамъ ходишь, съ господами судьями говоришь...

— Нѣтъ-съ, это что!.. Какая у насъ грамота, Ульяна Мосевна?.. Такъ, коечто—самоучкой... А посмотришь на господъ образованныхъ—все-то у него гладко идетъ, тонко... А у насъ, урывками-то, спорины нѣтъ, вотъ въ чемъ загадка! Нѣтъ-съ, какіе же мы наученые!

Худенькій человѣкъ грустно покачалъ головой, снялъ фуражку и вытеръ платкомъ вспотѣвшее отъ волненія лицо, несмотря на то, что на волѣ было свѣжо и осенній вѣтеръ продувалъ его демикотоновый разлетай.

— Ну, вотъ, Петюшка пріѣдетъ, научитъ всему... Не горюй, — благодушно замѣтилъ Вонифатій,—говорятъ, ума барку везетъ...

— Ка-акъ-же-съ! Слышалъ, слышалъ... то намъ и лестно! Такъ ужъ я побѣгу... за село... къ Коронату Львовичу... Тамъ у него встрѣчу... Мимо поѣдетъ... Это ужъ вѣрно: гляди, часу не пройдетъ — здѣсь будемъ съ Петромъ Вонифатьичемъ. Ждите!

— Ну, бѣги, бѣги... Не терпится! — сказалъ Вонифатій Ульянѣ Мосевнѣ, когда Филаретушка побѣжалъ вонъ изъ выселка, наскоро застегивая свой разлетайчикъ и поправляя полы, которыя раздувалъ холодный вѣтеръ. — Птица, какъ есть птица. Недаромъ Чижомъ прозвали...

— Добрый паренекъ... Вотъ ему, что Петюшкѣ, поди годовъ двадцать слишкомъ будетъ, а совсѣмъ, почесть, младенецъ. И матка у него старуха добрая... Только не спорится у нихъ... Кабы, говоритъ старуха-то, женить Филаретушку, работницу бы въ домъ взять... Да, вѣдь, у насъ дѣвки какія! Говорятъ: развѣ кто за Чижика замужъ пойдетъ? Хохочутъ! А что изъ того, что онъ Чижикъ? Да добротой его Господь наградилъ не въ примѣръ прочимъ... Недаромъ къ нашему Петюшкѣ привязался... Тотъ тоже сердцемъ-то былъ ровно младенецъ...

— Что ужъ за мужикъ—птица! Какой дѣвкѣ пріятно, коли смѣяться надъ мужемъ будутъ?

— Смѣхъ смѣху рознь... Надъ Чижикомъ и посмѣются, а глядишь — вѣрнѣе Чижика нѣтъ, все къ Чижику идутъ... Хоть и дѣло у Чижика не спорится, а всѣ Чижику вѣрятъ, потому съ нимъ дѣло, какъ съ младенцемъ, чистое.

Такъ говорили большаки Волчьяго поселка, пока худощавый человѣкъ почти бѣжалъ по направленію къ селу Доброму, борясь съ дувшимъ ему навстрѣчу сѣвернымъ осеннимъ вѣтромъ и весь погруженный въ какія-то свѣтлыя мечты.

Этотъ худощавый человѣкъ, съ обостренными чертами лица, этотъ мужичокъ-птица, эта, наконецъ, сиротская младенческая душа былъ Филаретъ Флегонтычъ, сынъ давно уже померщаго двороваго человѣка. Филаретъ Флегонтычъ, какъ, вѣроятно, замѣтили читатели, былъ извѣстенъ подъ разными прозвищами: Птицы, Чижика, Филаретушки, а иногда и просто Филаретки, но какъ бы его ни прозывали мужики, каждое прозвище, несомнѣнно, било на то, чтобы выразить собою существеннѣйшую сторону его души: какую-то чисто-птичью беззавѣтность и пѣвучесть. Филаретушка былъ дергачевецъ, хотя и не считался полноправнымъ членомъ этого невеликаго міра; а не считался потому, что имѣлъ въ Дергачахъ только небольшую избушку, въ которой и жилъ съ своею матерью, да полдесятины своей собственной земли, еще купленной на кое-какіе гроши его отцомъ по освобожденіи изъ барской передней. Въ этой барской передней родился, воспитался, выросъ и возмужалъ его отецъ, пройдя всѣ стадіи холопскаго развитія. Отецъ его былъ добръ по душѣ, но холопское положеніе заковало его душу въ безмолвную сосредоточенность и на его лицо и всю фигуру наложило печать суровой степенности. Съ этою суровою степенностью барскаго наперсника покинулъ онъ, послѣ 19 февраля, барскую переднюю и приписался къ дергачевскому обществу. Дергачевцы предложили было ему, по своему обычному добродушію, войти съ ними въ общеніе „на всѣхъ мужицкихъ правахъ“, но суровый Флегонтъ предпочелъ лучше купить на скопленные гроши собственную усадьбу и землю и жить на свою личную отвѣтственность, чѣмъ принимать участіе въ несеніи общей мірской тяготы. Это было резонно, пока у Флегонта оставался еще запасъ всякой барской рухляди, которую онъ пускалъ въ оборотъ, кое-какіе гроши, которые онъ пускалъ въ ростъ, и хлопотливая, хозяйная баба, не покладывавшая рукъ по хозяйству. Въ то время, какъ мать Филаретушки успѣвала раздѣлывать свою невеликую усадьбочку, вскапывала гряды подъ огурцы, капусту, вспахивала загона два-три подъ картофель и горохъ, а затѣмъ успѣвала чинить и мыть бѣлье на мужа и сына, Флегонтъ, флегматичный и лѣнивый, могъ спокойно сидѣть на крыльцѣ своей избы, курить „крупку“ изъ длиннаго барскаго чубука и, пуская колечки, смѣяться въ свои густыя, рослыя баки надъ дергачевскими мужиками, которые чуть не въ драку лѣзли изъ-за аренды Флегонтовой полудесятины. „Филаретка, — говорилъ онъ сыну,—ты у меня учись... Ты у меня не думай въ мужики итти... Пропадомъ пропадешь! Ни за грошъ сгинешь! Развѣ это жизнь? Изъ-за куска хлѣба... Помилуйте! Ты гляди, Филаретка, мужикъ-то встанетъ до свѣту, ляжетъ за-полночь, за день-то жилы вытянетъ, а что получитъ? До Рождества своего хлѣба не хватитъ... Развѣ это жизнь?.. Дураки они, Филаретка, дураки... То ли дѣло, какъ ежели человѣкъ съ понятіемъ себя на барскую ногу поставитъ: поучится маленько, съ благородными людьми знакомство поведетъ, одежкою городской раздобудется и сидитъ себѣ — покуриваетъ! Ха-ха-ха! Потому онъ строку написалъ, анъ больше заработалъ, чѣмъ мужикъ пять разъ сохой пройдетъ... Такъ-то, Филаретка!“—заканчивалъ свою житейскую философію „барскій человѣкъ“, поглаживая по головѣ единственнаго и нѣжно любимаго сына. —„Я, папенька, учусь, — бойко отвѣчалъ мальчуганъ, ежась, какъ котенокъ, подъ отцовскою лаской. Филаретушка, дѣйствительно, въ это время учился у писаря. Но философія „барскаго человѣка“ вліяла на него какъ-то совершенно своеобразно. Филаретушка не былъ похожъ на отца. Впечатлительный и подвижный, Филаретушка не могъ бы, по темпераменту, удовольствоваться идеаломъ сидѣнья на крылечкѣ и попыхиваніемъ въ чубукъ. Но это, впрочемъ, не мѣшало отцу и сыну быть пріятелями. Отецъ любилъ слушать, отъ нечего дѣлать, а сынъ искалъ душу, предъ которой могъ бы излить запасъ своихъ ребяческихъ впечатлѣній. Но цѣлымъ вечерамъ сидѣли они на крылечкѣ своей избы и предавались разнообразнымъ мечтаніямъ, пока хлопотливая мать Филаретушки не обзывала ихъ лѣнтяями и не гнала

ужинать и спать. „Ха-ха-ха!—добродушно подсмѣивался его отецъ,— ничего, Филаретка! Постой, мы съ тобой далеко пойдемъ! Только учись!“ Однако, Флегонтъ скоро умеръ, умеръ какъ разъ въ то время, когда всякіе рессурсы изъ „барской рухляди“ уже истощились; оборотный капиталъ тоже изсякъ. Богъ знаетъ, что было бы съ „барскимъ человѣкомъ“ послѣ этого, если бы Богъ не принялъ его къ себѣ, и тѣмъ, такъ сказать, до конца не далъ ему возможности поддержать достоинство философіи, выработанной въ барской передней. „Хозяйная“ мать Филаретушки не упала духомъ. Она рѣшила сама „поднять“ землю, взявъ сына изъ ученья, и принялась вмѣстѣ съ нимъ пахать. Филаретушка заскучалъ. Жажда впечатлѣній и изліяній не давала ему покоя. Для изліяній скоро нашелъ онъ другую душу, Петюшку Вонифатьева, задумчиваго, сосредоточеннаго, тщедушнаго мальчика. Филаретушка привязался къ нему; онъ былъ доволенъ, что тотъ, молча и внимательно, выслушивалъ все, что по цѣлымъ часамъ разсказывалъ ему неугомонный Филаретушка. Но скоро и Петюшку взяли въ Москву. Филаретушка, прощаясь съ нимъ, плакалъ, просилъ позволить ему проводить его до „машины“, несмотря на то, что назадъ пришлось итти пѣшкомъ, въ распутицу, подъ дождемъ, верстъ двадцать. „Не забудь меня, смотри, въ столицѣ-то,— говорилъ онъ Петькѣ,—можетъ, и я вырвусь... Пріѣду... А ты, гляди, высоко взлетишь! Кабы вмѣстѣ намъ, неразлучно!“—заключилъ онъ и чуть не заревѣлъ. Съ отъѣздомъ Петьки Филаретушкой овладѣла какая-то ненасытная жажда дѣятельной жизни ума и сердца. Едва выпадалъ ему, даже въ страдную пору, лишній свободный часъ, онъ бѣжалъ на мірскую сходку, вмѣшивался въ суету, въ говоръ, не обращая вниманія, что онъ тутъ не при чемъ, что ему тутъ нѣтъ никакого дѣла... „Какъ? что? почему?“— раздавался его задорный тенористый голосъ. Филаретушку гнали, Филаретушку ругали, даже били, но онъ упорно продолжалъ „соваться“, пока, наконецъ, дергачевцы не убѣдились, что и изъ Филаретушки можетъ быть толкъ.

Скоро ни одно „общественное“ собраніе не только въ Дергачахъ, но и въ волости—селѣ Добромъ—не обходилось безъ участія Филаретушки. Филаретушка ловилъ захожаго мужика въ кабакѣ, жаловавшагося кабатчику на что-то, и налеталъ на него съ неизмѣннымъ вопросомъ: „какъ? что?... почему такъ? Прошеніе прописать?.. Милости просимъ! У насъ грамотники есть!“ Мужику, дѣйствительно, оказывалось нужнымъ написать прошеніе, и Филаретушка писалъ, а въ случаѣ недоумѣнія, бѣжалъ къ своему пріятелю, волостному писарю. Это неустанное „какъ, что, почему?“ давало такую массу разнообразныхъ впечатлѣній душѣ, такую дѣятельность уму, что Филаретушка отдавался своей новой дѣятельности съ какимъ-то запоемъ, въ особенности по зимамъ. Если „дѣлъ“ не оказывалось, онъ самъ ихъ откапывалъ. Встрѣтитъ, напримѣръ, Филаретушка мужика. Мужикъ что-то разсказываетъ другимъ.

— Что? какъ? о чемъ?

— Да нѣтъ, мы такъ.

— Да ты скажи...

— Да что тутъ! Такъ, зря болтаемъ. Все одно — дѣло пропащее. Къ слову пришлось...

— Какое дѣло? Въ чемъ? Почему пропащее?.. Кто можетъ сказать? Говори! Разсказывай!

— Да нѣтъ! Что тутъ зря-то языкомъ бить?—упорно отказывается мужикъ.

— Въ чемъ у него дѣло, братцы? Разскажите, пожалуйста... Сдѣлайте такую милость!—молилъ мужиковъ Филаретушка.

— Да что, вотъ видишь...—начинаетъ нехотя разсказывать мужикъ.

Филаретушка—весь вниманіе. Онъ поощряетъ мужика разными возгласами и, въ концѣ-концовъ, безповоротно рѣшаетъ, что „нужно подавать, выше нужно подавать!“

— Да что тутъ подавать? Сказано ужъ.

— Какъ? Почему? Кто сказалъ? Подавать нужно. Главнымъ дѣломъ—подавать! Пиши довѣренность, пойдемъ въ кабакъ, а тамъ и въ волость, рукоприкладство совершимъ и шабашъ...

— Да не стóитъ!..

— Я за тебя... Понимаешь — я? Ну? Развѣ тебѣ не все равно?.. Выгоритъ— наша взяла!.. Такъ ли? Ставь полуштофъ... Вотъ и мужичковъ угостимъ... Валяй!.. Они ужъ меня знаютъ... Ты откуда, изъ Дерюхина?

— Изъ Дерюхина.

— Ну, значитъ, къ Павлу Васильичу... Павелъ Васильичъ у васъ мировой-то?

— Онъ, онъ самый.

— Ну, вотъ, знакомый! Валимъ въ кабакъ... А на меня надѣйся, меня здѣсь знаютъ.

Мужикъ чешетъ затылокъ, потомъ вопросительно посматриваетъ на дергачевцевъ.

— Ничего... довѣряйся съ Господомъ... Мы его знаемъ, Чижика-то... Онъ, братъ, не обманетъ... Онъ не изъ корысти...

Мужикъ поддается, пишетъ довѣренность—и Филаретушка начинаетъ искъ у мирового. Въ первое время адвокатской дѣятельности Филаретушка былъ у мирового вродѣ гороховаго шута. Надъ нимъ потѣшался мировой, хохотали писаря, помѣщики „изъ публики“, но Филаретушка только отмалчивался, да потѣлъ и вытиралъ лицо большимъ синимъ платкомъ, а когда ужъ слишкомъ обижали его писаря, онъ крикливо ругался и даже дрался. Пользуясь его знаніемъ „мировой казуистики“, очень часто мировой судья и писаря заставляли его нарочно проигрывать завѣдомо вѣрныя дѣла. И нужно было посмотрѣть въ эти минуты на Филаретушку! Онъ такъ искренно горевалъ за свое незнаніе, такъ искренно сокрушался о своей долѣ, которая не дала ему возможности выбиться въ „настоящіе люди“, что у проигравшихъ дѣло его кліентовъ языкъ не поворачивался ругнуть его. Случалось, что въ минуты такого самобичеванія Филаретушка приносилъ обратно рубль и два, „пропитыя на него“ или взятыя впередъ и уже истраченныя имъ деньги своего кліента. Вотъ это-то ребячье безкорыстіе, эта наивная искренность и поддерживали въ мужикахъ довѣріе къ Филаретушкѣ, несмотря на то, что у него „плохо спорилось“. Иногда же богатые мужики довѣряли ему иски по векселямъ, распискамъ, довѣряли полученіе денегъ, такъ какъ добросовѣстность его была всѣмъ извѣстна. Было время, когда отчаяніе овладѣло было отъ неуспѣха Филаретушкой. Но онъ не поддался ему. Онъ раздобылся отъ одного барина старыми, истрепанными судебными уставами и долго штудировалъ тѣ мѣста, которыя ему указалъ его пріятель-писарь и которыя ближе относились къ его дѣламъ. Несмотря на градъ насмѣшекъ, несмотря на то, что даже мать начинала ворчать на него и говорила: „Полно, Филаретушка, бреханьемъ-то заниматься... не наше это дѣло... Вѣдь, это умнымъ на пользу идетъ, а у насъ съ тобой—не то чтобы въ домѣ прибыль, а изъ дому... Занялся бы ты, по бойкости своей, торговлей. Много бы прибыльнѣе было!“—Несмотря, наконецъ, на неуспѣхи своихъ дѣлъ, Филаретушка не могъ „отрѣшиться“ отъ дѣятельности, которая давала пищу его уму и сердцу.

Впрочемъ, врядъ ли изученіе судебныхъ уставовъ могло помочь „споркости“ Филаретушкиной дѣятельности. Для этого требовалось отъ адвоката нѣчто другое, нѣчто такое, чего Филаретушкѣ никогда бы не удалось развить въ себѣ. Былъ такой случай: Филаретушка, по довѣренности отъ одного кулака, долженъ былъ взыскать по распискѣ съ одного обезработѣвшаго мужика, служившаго у кулака въ батракахъ, нѣсколько рублей. Дѣло юридически было чистое. Филаретушка уже зналъ, что такія дѣла—всегда вѣрныя дѣла. Но когда онъ услыхалъ разсказъ отвѣтчика о томъ, при какихъ условіяхъ дана была эта росписка, когда увидалъ, какъ мужикъ заплакалъ и повалился мировому въ ноги, Филаретушка понесъ тутъ такую ахинею, что чуть самолично не втянулъ своего довѣрителя подъ уголовный судъ за вымогательство. Писаря хохотали, мировой, улыбаясь, только руками махалъ, а дѣло полученія по распискѣ такъ и прогорѣло.

II.

Филаретушка бѣжалъ... Какъ извѣстно, онъ направлялся къ усадьбѣ землевладѣльца Короната Львовича, расположенной въ полуверстѣ отъ села Добраго по по одному проселочному тракту. Здѣсь онъ думалъ встрѣтить, ранѣе другихъ, своего друга дѣтства, Петра, который, проѣзжая, не могъ миновать этого пункта. Итакъ, Филаретушка бѣжалъ; онъ уже миновалъ свои Дергачи, деревню Подпалиху, и теперь входилъ въ село Доброе. А въ это время въ усадьбѣ Короната Львовича происходила такая сцена...

Но, предварительно, нѣсколько словъ о селѣ Добромъ, которое, въ концѣ-концовъ, не можетъ не играть извѣстной роли въ судьбѣ нашихъ героевъ, такъ какъ въ немъ привитало и привитаетъ непосредственное начальство того крестьянскаго міра, судьбы котораго насъ интересуютъ. Село Доброе—большое село; расположено на горѣ, внизу которой лежитъ небольшая пристань при мелководной рѣкѣ. Такое его положеніе сразу дало ему и своеобразную физіономію; а если еще къ этому прибавить, что послѣ 19 февраля его населеніе было торжищемъ такихъ раз-

нообразныхъ сдѣлокъ, что, въ концѣ-концовъ, оказалось похожимъ на тѣ одѣяла изъ пестрыхъ лоскутковъ, которыя являютъ собою высшую степень эстетическаго вкуса каждой мѣщанской невѣсты, то эта физіономія опредѣлится уже достаточно. Еще до освобожденія село Доброе дѣлилось между четырьмя владѣльцами—троими помѣщиками и казной. Послѣ же освобожденія прежніе владѣльцы-помѣщики раздѣлили свои клочки между наслѣдниками, а послѣдніе пустили въ поспѣшный оборотъ свои уставныя грамоты и выкупныя свидѣтельства, начались нескончаемые „раздѣлы" между братьями, сестрами и родственниками по всѣмъ нисходящимъ линіямъ. Къ этой борьбѣ за наслѣдство пристали кулаки и, пользуясь на этомъ торжищѣ правами людей капитальныхъ, пріобрѣтали въ руки „куски" прежде обширныхъ барскихъ усадебъ; наконецъ, изъ барскихъ переднихъ хлынулъ выброшенный на Божій свѣтъ, „въ чемъ мать родила", цѣлый своеобразный контингентъ „дворовыхъ людей". Село Доброе представляло собою, такимъ образомъ, характерную почву для борьбы на жизнь и смерть, въ которой вымиралъ „ветхій" деревенскій человѣкъ, ликовалъ человѣкъ „переходный" и на которой суждено развиться „новому человѣку деревни". Читателю легко представить по этимъ даннымъ, какова должна быть и внѣшняя физіономія села. Тутъ были и купеческія хоромы съ желѣзными крышами, и крытыя тесомъ избы казенныхъ крестьянъ, и „хлѣвушки" дворовыхъ людей. Здѣсь было два кабака, трактиръ, школа, волостное правленіе, аптека, нѣсколько лавокъ, лѣсная контора. Здѣсь жили разоренные, мелкопомѣстные баре, купцы, рядчики, крестьяне, мѣщане, дворовые и попы. Кругомъ села, по высокому берегу рѣки, тамъ и здѣсь виднѣлись бывшія барскія усадьбы, одичавшіе парки и сады, разрушающіеся, заколоченные на-глухо, большіе, длинные барскіе дома, сѣрые, мрачные, неприглядные, а рядомъ съ этими хоромами мелькали и блистали на солнцѣ своими желтоватыми новыми стѣнами какіе-то наскоро сколоченные, недостроенные, высокіе домики, напоминающіе „конторы" и „сторожи", которыя выводятся около лѣсной эксплуатаціи или пристаней. Одна изъ этихъ старыхъ барскихъ усадебъ была въ особенности мрачна въ своемъ разрушенномъ величіи, но за то тѣмъ наглѣе билъ въ глаза поставленный рядомъ съ заколоченными „барскими дворцами" новенькій пятиоконный домикъ. Въ этомъ домѣ и проживалъ землевладѣлецъ Коронатъ Львовичъ, который, впрочемъ, извѣстенъ былъ въ селѣ Добромъ просто подъ именемъ Короната. Коронатъ Львовичъ явился въ эти палестины лѣтъ семь тому назадъ, неизвѣстно откуда, въ качествѣ претендента, среди массы другихъ наслѣдниковъ, на имѣніе „ветхаго" человѣка. Получивъ, по раздѣлу, полуразрушенную усадьбу и нѣсколько десятинъ плоховатой земли, онъ выстроилъ близъ заколоченнаго дома, въ которомъ всего одинъ разъ и былъ съ тѣхъ поръ, новенькій домикъ. Вскорѣ, впрочемъ, стали доходить слухи, что Коронатушка былъ гдѣ-то, когда-то мировымъ посредникомъ, разъѣзжалъ въ поддевкѣ и красной шелковой рубахѣ, ухитрился совершить въ три года своего служенія до 150 беззаконныхъ уставныхъ грамотъ, вызвалъ среди подвластнаго ему мужицкаго населенія нѣсколько „недоразумѣній" и кончилъ тѣмъ, что его отдали подъ судъ, отобрали въ казну имѣніе и оставили затѣмъ въ покоѣ. Онъ перемѣнилъ только шелковую рубаху на кумачевую и внезапно явился въ сосѣдство добросельскаго міра.

Въ описываемое нами утро у Короната Львовича, по обыкновенію, были гости, тѣмъ болѣе, что было воскресенье. Въ большой комнатѣ, съ итальянскимъ окномъ, пахло плохимъ табакомъ; стѣны были безъ обоевъ: никакого признака хозяйской руки ни на чемъ. Около стѣнъ два, три плетеные стула и столъ; посрединѣ плохой билліардъ съ изодранными лузами и обитыми бортами; у противоположной стѣны новый необитый ничѣмъ диванъ; близъ него въ углу—плевальница и кіи; на окнахъ куски мѣлу и окурки. Между окнами, по бокамъ плохого ломбернаго стола сидѣли — добросельскій старшина Сила Титычъ, извѣстный уже намъ нѣсколько, давно уже переставшій заискивать предъ „благомысленными" деревенскими людьми и политично раскланиваться съ ними. Съ тѣхъ поръ онъ достаточно пополнѣлъ и полысѣлъ, физіономія его распухла—что называется, ему „Господь лица прибавилъ" и онъ сдѣлался еще флегматичнѣе и недоступнѣе. Онъ лѣниво смотрѣлъ на игравшихъ на билліардѣ и неторопливо, но неустанно грызъ подсолнечныя сѣмячки, которыя, отъ времени до времени, вынималъ изъ кармана своего суконнаго ха-

лата. Рядомъ съ нимъ, черезъ столъ, сидѣлъ пьяный Маркъ Марковъ, мѣстный воротило по хлѣбной части, дальше—волостной писарь Терка — рябой, съ перехваченнымъ запоемъ горломъ, и, наконецъ, сельскій учитель—юноша въ сажень ростомъ, съ большимъ носомъ и большими ногами, на которыхъ чрезвычайно какъ-то странно сидѣли сапоги и брюки, съ убитымъ выраженіемъ лица. Всѣ они лѣниво смотрѣли, какъ Коронатъ Львовичъ въ казакинѣ табачнаго цвѣта, съ цѣпочкой черезъ шею, остриженный à la мужикъ, сіяющій пухлыми розовыми щеками, игралъ па билліардѣ съ низенькимъ, юркимъ рядчикомъ. Кулакъ съ Теркой выпивали, старшина невозмутимо грызъ сѣмячки и укладывалъ въ правильныя кучки шелуху; учитель внимательно слѣдилъ за игрой и старался „держать въ умѣ" счетъ очковъ; рядчикъ, ликуя, ырялъ около бортовъ, а Коронатъ Львовичъ сердито мѣлилъ послѣ каждаго удара кій.

Въ такомъ направленіи давно уже шла пріятельская бесѣда, когда послышалось звяканье бубенцовъ. Коронатъ Львовичъ взглянулъ въ окно, мигомъ распахнулъ его и закричалъ:

— Петруша!.. Петръ Вонифатьичъ! Заѣзжай же, сдѣлай милость! Что же ты, братецъ, мимо? Это не по-пріятельски... Заѣзжай, заѣзжай!...

— Неколи-съ! Поспѣшаемъ очепно!— отозвался звучный молодой голосъ съ середины дороги.

— Да полно! Успѣешь еще! Ишь, гордый какой сталъ!..

— Да право-съ, поспѣшаемъ оченно, чтобы засвѣтло вотъ попутчику къ домамъ поспѣть... Ужъ мы какъ ни то наднях...

— Да ты хоть на минутку заверни, на одно словцо...

— Это кто же такой будетъ, графъ-то?—спрашивалъ Маркъ, прожевывая огурецъ.

— Это-съ Петръ Вонифатьевъ, Маркъ Маркычъ,—отвѣчалъ Терка,—изъ Волчьяго поселка.

— Петрушка-то?

— Онъ самый.

Въ комнату вошелъ молодецъ, въ суконномъ кафтанѣ, поверхъ котораго надѣтъ былъ синій халатъ, въ сапогахъ съ тщательно уложенными складками на голенищахъ. Изъ-за борта кафтана выглядывала тонкая серебряная цѣпочка отъ часовъ. Молодой человѣкъ былъ средняго роста, худощавый, съ худымъ, выразительнымъ лицомъ, опушеннымъ рѣдкою, кудрявою бородкой и гладко причесанными волосами. Въ особенности выразительны были его каріе, смотрѣвшіе исподлобья глаза, подозрительные, недовѣрчивые, какъ бы мимоходомъ сторожившіе малѣйшее движеніе собесѣдниковъ, схватывавшіе всякое чуть замѣтное измѣненіе на лицахъ другихъ и затѣмъ хоронившіе весь запасъ своихъ наблюденій на глубинѣ души. Что творилось тамъ, на днѣ этой души, не говорилъ, казалось, ни одинъ мускулъ на лицѣ,—такъ вышколилъ свою подвижную отъ природы физіономію этотъ молодой парень. Едва онъ успѣлъ войти, какъ его зоркіе глаза уже донесли ему, что̀ могъ сказать о немъ кулакъ и какъ смотрѣли на него всѣ присутствовавшіе. Петръ поискалъ было глазами образъ, но, не найдя его, только перекрестился.

— Ну, братъ, извини,—сказалъ Коронатъ Львовичъ,—нѣтъ еще... Все еще вотъ не обставлюсь какъ слѣдуетъ... Все еще, признаться тебѣ сказать, на кабакъ у насъ здѣсь похоже... Да ничего не подѣлаешь, время такое, дѣловое... Надо пріобрѣсти... Это еще лучше будетъ! Ко мнѣ, вѣдь, самый сѣрый народъ ходитъ... Я обычай уважаю... Ну, здравствуй! Поцѣлуемся, братъ, безъ церемоній, по-пріятельски... Кажись, можно намъ пріятелями быть: въ Москвѣ достаточно познакомились.

Петръ троекратно расцѣловался съ Коронатомъ Львовичемъ, затѣмъ съ легкимъ поклономъ подалъ руку старшинѣ, который только притронулся до нея своей, затѣмъ подалъ руку Теркѣ и просто поклонился прочимъ. Учителю онъ только кивнулъ головой, потому ли, что онъ не зналъ его, или не считалъ его достойнымъ,—неизвѣстно.

— Ну, присядь,—говорилъ Коронатъ Львовичъ,—вотъ сюда... Папироску не хочешь ли?

— Нѣтъ-съ, благодарствую... Этого не придерживаемся,—отвѣчалъ Петръ, отирая платкомъ лобъ.

— Старовѣръ! Бросить бы пора предразсудки.

— Сызмалѣтства, точно, боловались... Да отстали... Потому пустое дѣло...

— Ну, водочки...

— Не употребляемъ.

— Что такъ?

— Такъ-съ... Безхарактерность это одна—не болѣе...

— Вотъ какъ!..

— Къ отцу ѣдешь?—строго спросилъ его Марковъ, словно обидѣвшись на его замѣчаніе о годкѣ.

— Къ кому же больше?.. Понятное дѣло!—отвѣчалъ Петръ, не смотря на него.

— А ты не учи: понятное дѣло!.. Безъ тебя знаютъ...

— А коли знаете, такъ что жъ и спрашивать...—сдержанно отвѣчалъ Петръ, между тѣмъ какъ глаза его сузились и заискрились.

— А коли спрашиваютъ, такъ, значитъ, есть зачѣмъ... Тебѣ объ этомъ разсуждать нечего, а надлежитъ одно почтеніе выразить. Не великъ еще баринъ! Дергачевскій голоштанникъ!

— Ну, будетъ тебѣ... Угомонись... Вѣдь, это, братъ, не съ вахлаками-мужиками... Набилъ мошну-то, такъ думаешь, что на тебя, какъ на идола, всѣ молиться должны?—сказалъ Коронатъ Львовичъ Марку.

— Кто это идолъ?

— Да ты...

— Я?.. Такъ помолишься и самъ,—сказалъ Марковъ, наливая рюмку.

— Давно не видалъ своихъ-то?—заговорилъ старшина съ Петромъ такъ же равнодушно, какъ равнодушно ѣлъ подсолнечники.

— Давненько, годовъ пять будетъ какъ наѣзжалъ на малое время... Одначе, прошу прощенія... Поджидаютъ меня... Можетъ, вы сообщеніе какое ни то хотѣли сдѣлать?—обратился Петръ къ Коронату Львовичу.

— Да, да,—заторопился Коронатъ Львовичъ, вотъ поди-ка сюда...

И Коронатъ Львовичъ увелъ Петра въ сосѣднюю комнату.

— Вотъ присядь-ко.

— Ничего-съ, постоимъ.

— Нѣтъ, ты присядь, братъ, по-пріятельски... Я тебѣ по дружбѣ все открою... Будь другой, да и я, если бы до кого другого касалось, не сказалъ бы, во-первыхъ, потому, что нашъ братъ, дворянинъ, съ вами все еще, знаешь, привыкъ по-крѣпостнически... Ну, а я этого предразсудка никогда не имѣлъ... Не такъ воспитанъ. Такъ вотъ я хочу предупредить тебя, истинно изъ дружбы...

— Коли что-съ,—будемъ благодарны, въ убыткѣ не оставимъ. Оплатимъ.

— Вотъ, вѣдь, ты какой: сейчасъ и обижать. Недовѣрчивы вы очень.

— Дружба-дружбой, а убытки къ чему же нести?

— А изъ чувства благородства? Вы, вѣдь, этого не понимаете, что изъ одного благороднаго чувства развитой человѣкъ можетъ на всякую жертву рѣшиться.

Петръ молчалъ и постукивалъ по столу пальцами.

— Что жъ ты молчишь? Не вѣришь?

— Извольте продолжать-съ.

— А если вотъ за это я не буду продолжать?.. Если за это вотъ, что ты такъ говоришь, я ничего и не скажу тебѣ? — разсердился Коронатъ Львовичъ и въ волненіи сталъ закуривать папироску.

— Какъ вамъ будетъ угодно... Только чего же вы отъ насъ желате?

— Довѣрія, братецъ, довѣрія дружескаго... Сердечности—вотъ чего... Вѣдь, если бы ты былъ кулакъ-Маркушка, такъ я бы, конечно, съ тобой такъ не сталъ говорить... Потому, вѣдь, тотъ идолъ! Вѣдь, онъ свинья откормленная! Съ нимъ по-человѣчески и не обращаются... Теперь я съ него получаю, что мнѣ слѣдуетъ, какъ довѣренному по дѣламъ, и больше знать его не хочу...

— Такъ и со всѣми подобаетъ-съ,—замѣтилъ Петръ

— То-то вотъ и есть, что не со всѣми... Я съ тобой вовсе не хочу такъ дѣло вести, потому что ты не свинья, потому что въ тебѣ замѣчаю нѣчто другое... Ты молодъ... Въ тебѣ вижу я залогъ... Не свинства—понимаешь?.. А залогъ именно того, чего недоставало до сихъ поръ мужику... Залогъ ума, русскаго ума, русскаго здраваго смысла... Вотъ почему я хочу отъ тебя довѣрія не бумажнаго, не оффиціальнаго, а сердечнаго... Я тебя ужъ давно отличилъ отъ другихъ и готовъ открыть для тебя свое сердце!

Петръ молчалъ и угрюмо продолжалъ постукивать пальцами по столу.

— Что же ты опять молчишь?.. Ну, да, впрочемъ, мы еще объ этомъ поговоримъ... Ты меня еще недостаточно хорошо знаешь. А вотъ присмотришься, тогда... Только пойми, что я сердечно хочу сойтись съ вами... Я дорожу хорошими отношеніями съ „новымъ“ мужикомъ, съ мужикомъ передовымъ, такъ сказать, который не хочетъ больше, какъ его родители, распустя слюни по бородѣ, жить, да у всякаго, кто въ сюртукѣ, ручки цѣловать.

Коронатъ Львовичъ нѣсколько разъ мол-

ча прошелся по комнатѣ, какъ бы желая умѣрить свое волненіе.

— Ты еще меня не знаешь,—снова началъ онъ.—Ты думаешь, что я только разными аферами занимаюсь, богатыхъ мужиковъ охаживаю... Нѣтъ, братъ, съ нами еще живутъ благородныя чувства... Мы не какіе-нибудь выскочки изъ кутейниковъ... Для тѣхъ одно: рви, сколько влѣзетъ, и все... У насъ, братъ, другое воспитаніе было... Мы, братъ, съ рабами умѣли жить душевно, съ сердечною привязанностью.

Коронатъ Львовичъ опять замолчалъ; повидимому, у него уже приходилъ къ концу запасъ дипломатическихъ подходовъ подъ „новаго мужика".

— Такъ вотъ на первый разъ я тебѣ скажу откровенно: пора вамъ за умъ взяться... Ѣдешь ты теперь къ старикамъ, па тебѣ лежитъ обязанность ихъ расшевелить, указать имъ на то, въ какія они могутъ впасть бѣды, если, по нынѣшнему времени, будутъ жить спустя рукава...

— Это мы знаемъ-съ.

— Ты-то знаешь, въ этомъ я увѣренъ... А по какимъ документамъ твои-то старики владѣютъ Корявинской пустошью?

— По условію... Самимъ бариномъ было подписано...

— То-то!.. А знаешь ли, что барынято теперь хочетъ всѣ эти условія объявить несостоятельными, такъ какъ баринъ-то былъ тово?—и Коронатъ Львовичъ повертѣлъ пальцами у лба.

Коронатъ Львовичъ проницательно смотрѣлъ въ глаза Петру, желая угадать, какое впечатлѣніе произвело сдѣланное имъ сообщеніе. Но Петръ молчалъ, и въ его глазахъ свѣтилась только одна таинственная бездна.

— Ну, вотъ тебѣ на первый разъ... доволенъ? Ты пойми, чѣмъ я рискую, открывая это тебѣ,—прибавилъ Коронатъ Львовичъ.

— Благодаримъ душевно-съ, — проговорилъ Петръ и, повидимому, чистосердечно.

— Ну, то-то... Ты всегда, Петруша, обращайся, коли будетъ нужно, какъ къ другу... Заходи почаще, поговоримъ... Вѣдь, тебѣ скучно будетъ тамъ, въ лѣсу-то, съ медвѣдями... Вѣдь, у тебя старики-то сущіе волки... Когда, случается, придутъ на село, такъ на нихъ, какъ на рѣдкихъ звѣрей, смотрятъ. Приходи же.

— Благодаримъ... Къ намъ на праздникъ не угодите ли? Милости просимъ... А теперь счастливо оставаться!

— До свиданія, Петруша, до свиданія! — ласково-покровительственно говорилъ Коронатъ Львовичъ, похлопывая Петра по плечу, вполнѣ, кажется, довольный, что, наконецъ, удалось ему вырвать у Петра хоть одно „сердечное" слово.

Между тѣмъ, Филаретушка давно явился. Еще во время бесѣды съ Коронатомъ Львовичемъ Петръ неоднократно прислушивался, какъ въ сосѣдней комнатѣ надъ кѣмъ-то хохотали и издѣвались Маркъ Маркычъ и писарь Терка. Онъ слышалъ, какъ Маркъ кричалъ: „Эй ты, Чижъ!.. хочешь къ моей козѣ въ абвакаты наняться?.. Ха-ха-ха!.. Промежь козы съ козломъ у меня препирательства произошли. Хочешь, али нѣтъ? Отвѣчай, когда спрашиваютъ!.."—„Помилуйте, Маркъ Маркычъ, какъ это можно такъ его обижать?.. Мы его въ судьи мѣтимъ-съ!.. Вотъ только цѣпь еще не сготовлена!.. Ха-ха-ха!.." — „Да чего жъ ждать-то?.. Позвольте!.. Господинъ старшина! при васъ ваши регаліи? Позвольте на малое время... Вотъ мы только на Чижѣ примѣряемъ: какой видъ будетъ?.."

Филаретушка молчалъ.

— Писарь! надѣвай на него! Надѣвай! Ну, садись за столъ — суди... Рублевку дамъ! Слышишь? Получай рублевку, — оралъ Маркъ, — сдѣлай намъ удовольствіе.

Вдругъ Филаретушка взвизгнулъ.

— Отстаньте! Отступитесь! Что я вамъ сдѣлалъ?.. Уйдите! — кричалъ онъ какимъ-то дикимъ, пѣвучимъ, визгливымъ голосомъ.

Въ это время Петръ и Коронатъ Львовичъ входили въ дверь. Терка держалъ Филаретушку въ охапкѣ и старался надѣть на него старшинскую медаль. Миніатюрное, острое лицо Филаретушки было неимовѣрно жалко: на немъ выражались и ярость, и испугъ, и стыдъ.

— И Чижикъ здѣсь! — сказалъ Коронатъ Львовичъ.—Вотъ, братъ, рекомендую, мой конкурентъ по адвокатской части... Оставьте его! Что вы, идолы, издѣваетесь?.. Я своихъ въ обиду не дамъ!.. Ты знаешь его, Чижика-то? — спросилъ онъ Петра.

— Да-съ, знавали...—сказалъ Петръ и сердито-холодно посмотрѣлъ на Филаретушку.

Филаретушка успѣлъ нѣсколько оправиться. Онъ уже не обращалъ ни на кого вниманія, онъ видѣлъ только Петра. Весь еще красный отъ волненія, съ бѣгающими и возбужденными глазами, онъ подошелъ къ Петру.

— Вотъ у насъ... какая здѣсь публика-то! — несмѣло и стыдливо проговорилъ онъ, вытирая платкомъ потное лицо, какъ будто извиняясь за деревенскія безобразія.—И ничего не сдѣлаешь! Никакихъ средствъ! Конечно, отъ необразованія... А я такъ и зналъ,—вдругъ перемѣнивъ тонъ, заговорилъ онъ шопотомъ и скороговоркой, — ужъ я тамъ стариковъ-то предупредилъ... Я ужъ имъ высчиталъ минуту въ минуту... Книжка такая есть... „Путеводитель" прозывается. Говорю: черезъ часъ ждите насъ... Непремѣнно самолично представлю... И вотъ какъ разъ!.. Минута въ минуту!..

— Совсѣмъ, думается, напрасно волненіе такое заводить, — холодно замѣтилъ Петръ.

— Какъ напрасно? Почему такъ?.. Мы всѣ ждемъ... и старики... Всѣмъ лестно... Я нарочно бѣгомъ бѣжалъ,—волновался Филаретушка.

— Пока счастливо оставаться! — обратился Петръ къ Коронату Львовичу.

— Ну, такъ до свиданія, Петруша...

— Къ намъ на праздникъ не угодите ли?—пригласилъ Петръ, обращаясь заразъ ко всѣмъ.

— Придемъ, придемъ! — отвѣчалъ Коронатъ Львовичъ.

— Ну, это еще бабушка на-двое сказала!.. Пущай покланяется не разъ, тогда и честь будетъ! — замѣтилъ Маркъ.

Петръ вышелъ, а Филаретушка успѣлъ проскользнуть въ двери еще впереди его.

— Каковъ! Парнишка-то! — оралъ Маркъ Маркычъ.—Ха-ха-ха!.. Изъ молодыхъ да ранній!.. Мое почтеніе-съ, говоритъ, и ручку!.. Ахъ, поросенокъ!.. Ха-ха-ха!..

— Вотъ, погоди, утретъ онъ вамъ бороды-то... Это, братъ, не такіе люди, что вы... Не идолы!—замѣтилъ Коронатъ Львовичъ.

— Ну, ученые, простите!.. Виноватъ!.. Конечно, люди образованные!.. Скачите до насъ, а мы подождемъ! Авось на нашу дорожку вернетеі.. У насъ, братъ, что ни говори, а колея наѣзженная: ѣдешь—ровно дома сидишь, только укачиваетъ... Ха-ха-ха!.. Такъ ли, старшина?

— Правильно!—рѣшилъ старшина, догрызшій уже всѣ подсолнечники, и сталъ собираться домой.

— Еще партійку отмахнемъ-съ?—сказалъ рядчикъ Коронату Львовичу.

— Ставь!

Коронатъ Львовичъ опять сердито насупилъ брови и принялся мѣлить кій.

III.

— Извините, Макаръ Карпычъ,—говорилъ, поправляя сидѣнье, Петръ дожидавшемуся его спутнику, уже знакомому намъ московскому молодцу въ сибиркѣ,— вотъ позамѣшкался очень...

— Продолжительно!—недовольно замѣтилъ москвичъ, подбирая вожжи.

— Нельзя... Я бы и не пробылъ такъ долго, да человѣкъ-то, оказывается, нужный будетъ... Сообщеніе одно сдѣлалъ.— Петръ занесъ ногу въ плетеный тарантасикъ.

— Это статья особая, коли такъ,— рѣшилъ москвичъ.—Трогать?

— А мнѣ-то можно... съ вами? — сказалъ Филаретушка, все время тершійся около тарантасика.

— Стѣсненіе будетъ... вотъ имъ, — проворчалъ Петръ.

— Я на облучекъ... вотъ на самый кончикъ...

— Ну, ладно!.. До деревни подвеземъ... Это недалеко,—замѣтилъ Петръ москвичу.

Филаретушка вскочилъ на облучокъ. Статная сивая лошадь, въ тяжелой наборной сбруѣ, сразу „снялась" съ мѣста и пошла бойкою рысью. Филаретушка пріосанился. Онъ любовно посматривалъ на москвичей и думалъ, съ чего бы начать съ ними, какъ людьми столичными, политичный разговоръ?

— Ну, что, Петюша... тоесь Петръ Вонифатьичъ, какъ вы, значитъ, въ Москвѣ поживали? — началъ онъ, какъ-то особенно ухарски.—Хорошо жить?

— Умному человѣку вездѣ хорошо, а дуракамъ и въ столицѣ плохо,—оборвалъ Петръ.

— Да... это вѣрно... Безъ образованія куда плохо!.. Да, вѣдь, гдѣ же его возьмешь по здѣшнимъ хоть, примѣрно, мѣстамъ? Плохо здѣсь, бѣдно на этотъ счетъ... Чтобъ ежели для ума, али для души полезнаго — ничего не найдешь... Богачи здѣшніе—все насчетъ того, чтобы какъ издѣвку надъ кѣмъ произвесть, а

простые мужички во тьмѣ ходятъ... Трудно здѣсь, трудно!.. Вѣрно, вѣдь, что трудно здѣсь, кому ежели пробиться вздумается?

— Умному человѣку вездѣ ходъ, — опять сердито-лаконически замѣтилъ Петръ, глядя въ сторону, въ даль полей.

— Это вѣрно!.. Конечно, что все отъ глупости... Только, вѣдь, тоже безъ поддержки трудно! Очень трудно! Я вотъ безъ васъ, Петръ Вонифатьичъ, тоже было по умственной части пошелъ... Книжки кое-какія, нужныя, произошелъ.

Филаретушка улыбнулся и взглянулъ на Петра. Филаретушкѣ хотѣлось высказаться: по обыкновенію, его такъ и подмывало „излиться", но едва онъ взглядывалъ на серьезное, недовѣрчивое лицо Петра, что-то перехватывало его птичье горло. Онъ начиналъ и не договаривалъ, снова начиналъ и снова глоталъ конецъ рѣчи. Наконецъ, вдругъ загрустилъ какъ-то, когда Петръ, на его вопросъ о томъ, что, вѣроятно, въ Москвѣ ученыхъ по судейской части много, отвѣтилъ:

— Брехачей-то этихъ достаточно... А что фигляровъ-то, такъ и своихъ тамъ много...

— Что-жъ такъ... фигляровъ? Вѣдь, ежели это на мой счетъ, такъ, вѣдь, я не виноватъ, ежели здѣсь публика такая... Вы видѣли, какая у насъ публика-то!..—обидѣлся Филаретушка и замолчалъ.

Онъ пересталъ „изливаться". Но жгучая потребность узнать отъ новыхъ людей — какъ, что и почему?—такъ и подмывала его, и онъ отъ времени до времени обращался съ односложными вопросами.

— Ивана Великаго видѣли?.. Взлѣзали на него? Говорятъ, ежели посмотрѣть съ него—картина? Вѣрно?—спросилъ онъ.

— Не знаю... Этимъ не занимались.

— Гм...

Спутники опять молчали. Гулко и отчетливо-равномѣрно била лошадь копытами о плотную почву. Слегка поскрипывалъ и покачивался небольшой тарантасикъ.

— А правда ли, что будто скоро передѣлъ земли будетъ?—опять внезапно спрашивалъ Филаретушка.

— Какой передѣлъ?

— А такъ; мужички наши поджидаютъ...

— И съ той, что есть, управиться не умѣютъ! И ту бы отъ дураковъ отобрать надо,—замѣтилъ москвичъ.

— Гм... Такъ у васъ тамъ, выходитъ, объ этомъ размышленія нѣтъ?

— Мало ли вздору болтаютъ; всего не переслушаешь,—отвѣтилъ Петръ.

Филаретушка опять замолчалъ и снова сталъ вслушиваться въ глухіе удары лошадиныхъ подковъ.

— А не слыхали ли вы, говорятъ въ народѣ, будто въ псаломщики теперь по найму можно будетъ всякому поступать?

— Что же? Думаешь самъ?

— Отчего же? Все же поддержка... и, притомъ, по книжной части...

— Нѣтъ, не слыхали...

— Гм... Ну, а что насчетъ податей?.. Говорятъ, будто одна поземельная подать будетъ...

— Это не наше дѣло, — сказалъ москвичъ, — для этого есть кто выше поставлены... Говорить-то объ этомъ...

— Вы, значитъ, этимъ не занимаетесь?

— Нѣтъ! Мы своимъ дѣломъ занимаемся.

— Ну, а у насъ здѣсь мужички и объ этомъ думаютъ... Потому нельзя — дѣло близкое... Только что вотъ разъяснить некому... Много зря болтаютъ... Книжекъ этакихъ тоже здѣсь не достать... Думалъ, что вотъ вы разъясните... Ожидалъ...

— За эти разговоры-то у насъ въ Москвѣ не хвалятъ,—сказалъ москвичъ.

— Ой? — быстро спросилъ Филаретушка.

— То-то и есть.

— Да, вѣдь, это все одно: чему быть—тому быть... Вотъ, примѣрно, предъ чугункой говорили, что будетъ-де, вмѣсто лошадей, машина возить, огнемъ... кто бы повѣрилъ? Анъ такъ и оказалось... Куда же вы сворачиваете?..—вдругъ спросилъ Филаретушка.—Вѣдь, вотъ сюда въ Дергачи-то...

— Зачѣмъ намъ въ Дергачи-то?—сказалъ Петръ.—Ты вотъ слѣзай... Мы подвезли...

— Какъ зачѣмъ? Почему такъ? А мы было всею деревней поджидали... Думали — мимо поѣдешь, поздороваешься съ своими деревенскими-то... Тоже всѣмъ лестно...

— Нѣту, не зачѣмъ... Чего тамъ? Не видывалъ я, что ли, мужиковъ? А на мнѣ какіе узоры-то смотрѣть?

— Такъ, значитъ, не заѣдешь?

— Нѣту... Приходите на праздникъ къ намъ въ поселокъ, тамъ и увидимся...

— Гм... Такъ пока прощайте!

— Прощай!

Филаретушка спрыгнулъ съ облучка, запахнулъ полы разлетая и быстро побѣжалъ къ Дергачамъ. Онъ былъ взволнованъ; ему было не по себѣ. Онъ постоянно поправлялъ на головѣ свой новый, нарочно надѣтый для нынѣшняго дня, картузъ, и только про себя повторялъ. „Нѣтъ, не такъ... Тутъ что ни то не такъ!..“

— Нѣтъ, не такъ!.. Тутъ что ни то не такъ!—повторялъ Филаретушка таинственно и тогда, какъ дергачевскіе мужики любопытствовали отъ него:

— Ну, что, Филаретъ Флегонтычъ, какъ твои хваленые москвичи проявили себя?

— Нѣтъ, сразу нельзя,—говорилъ Филаретушка,—надо прежде всего разслѣдовать! Тутъ что ни то не такъ!

— Чего тамъ разслѣдовать! Это, братъ, дѣло давно разслѣдовано! Кулаки-то у насъ, кажись, не въ новинку!.. Али ты ихъ еще не примѣчалъ?—нападали дергачевцы на Филаретушку.—Что, должно, не ласково нашего брата съ тобой гладятъ?

Но Филаретушка не поддавался; онъ ничего не говорилъ о московскомъ пріятелѣ Петра, который и самому ему почему-то не нравился, но защищалъ самого Петра; онъ боялся сдѣлать окончательный выводъ и глубоко вѣрилъ, что тутъ есть что-то непонятное, что нужно „разслѣдовать“. Онъ не находилъ въ своемъ лексиконѣ достаточнаго опредѣленія для этого „чего-то“, которое, по его мнѣнію, должно было составить сущность Петровой души. До праздника въ Волчьемъ поселкѣ оставалась еще недѣля. Филаретушка мучился желаніемъ скорѣе разузнать это таинственное „что-то“ въ своемъ другѣ Петрѣ; онъ нѣсколько разъ порывался сходить въ поселокъ, не дожидаясь праздника, но обида, нанесенная его беззавѣтной дружбѣ холодностью Петра, сдерживала его порывы. Онъ бы и готовъ былъ простить эту обиду также беззавѣтно, онъ и простилъ даже ее отчасти, во имя того таинственнаго „нѣчто“, которое такъ измѣнило душу Петра и наложило на нее своеобразную печать, но чувство собственнаго достоинства и нѣсколько уязвленное самолюбіе не пускали его. Признаться, онъ даже поджидалъ, что Петръ раскается въ своей холодности, которая могла быть напущена въ виду товарища-москвича, и самъ придетъ въ родные Дергачи.

Возбужденное воображеніе Филаретушки уже не одинъ разъ рисовало во снѣ такія соблазнительныя картины. Сидитъ подъ вечеръ весь дергачевскій міръ на завалинкѣ около избы старосты Макридія и „промываетъ бока“ кулакамъ, міроѣдамъ и вновь наѣхавшимъ москвичамъ. Но вотъ вдали слышится стукъ колесъ. Кто-то ѣдетъ въ телѣгѣ со стороны Волчьяго поселка. И вдругъ всѣ узнаютъ, что это Петръ съ Вонифатіемъ и Ульяной Мосевной. Телѣга подъѣзжаетъ. Петръ издали раскланивается, любовно улыбаясь, съ дергачевцами, самодовольно поглаживаетъ бороду Вонифатій.

— Ну, что? какъ живы-здоровы?—спрашивалъ Петръ, пожимая по очереди руки каждому дергачевцу.

— Ничего, живемъ помаленьку, пока Богъ грѣхамъ терпитъ... Ты какъ?

— И мы, слава Господу!.. Вотъ въ Москвѣ побывали, ума-разума попытали, людей посмотрѣли, себя показали, да и опять домой вернулись. Потому не даромъ пословица говоритъ: „въ гостяхъ хорошо, а дома лучше...“

— Такъ, такъ, это вѣрно... Спасибо, что насъ не забылъ...

— Зачѣмъ забывать!.. Всѣ мы свои люди!.. Объ васъ мысли не оставляли... Объ томъ старались, чтобы какъ-никакъ полезнымъ оказаться... Чему научились, объ чемъ наслышались—все вамъ предоставимъ, обо всемъ побесѣдуемъ... Есть объ чемъ поговорить, есть!

Такъ говорилъ Петръ въ разгулявшемся воображеніи Филаретушки.

— Ну, а какъ парнишки поживаютъ, что Филька Косой? Что Василій Картошка?.. А какъ слѣпенькая Дашутка живетъ?.. Чай, ужъ большая выросла?

И долго, долго въ такомъ родѣ спрашиваетъ и любопытствуетъ Петръ, долго и пространно отвѣчаетъ ему пронятый такою душевностью дергачевскій міръ, долго потчуетъ молодого москвича староста Макридій жиденькимъ чаемъ. Но вотъ, наконецъ, покончилъ бесѣду Петръ съ почетными лицами дергачевскаго міра.

— Ну, что, Филаретъ Флегонтычъ? Ты какъ? Какъ твоя старушка живетъ-можетъ? Жива ли?

— Жива, жива!—внѣ себя отъ радости отвѣчалъ Филаретушка.—Пойдемъ ко мнѣ, въ хибару-то мою... Припомни-ка избушку-то... Вотъ, братъ, гдѣ кое-что

поисправилъ, крышу тесомъ перекрылъ. Это, братъ, все на то, что зимой перепадало отъ судейскихъ дѣлопроизводствъ!.. Да, братъ!.. А то бы шабашъ!.. Хоть въ пастухи нанимайся!

И пойдутъ они съ Петромъ въ Филаретушкину избушку. Тутъ-то ужъ покажетъ ему Филаретушка все и вся, накопленное имъ, свое „святая святыхъ". Покажетъ онъ ему картины, развѣшенныя по стѣнамъ, которыя покупалъ онъ, когда случалось ѣздить въ городъ въ мировой съѣздъ. Картины на стѣнахъ все были больше „строгія", которыя онъ выбиралъ, сообразуясь со вкусомъ матери: сначала шли различныя изображенія Божіей Матери, отъ „Утоли моя печали" до „Неувядаемаго цвѣта", затѣмъ архипастыри, въ число которыхъ попалъ какими-то судьбами Іоаннъ Гуссъ, вѣроятно, выдранный изъ какой-нибудь книги. Но, главнымъ-то образомъ, показалъ бы онъ ему свой сундучокъ. Въ этомъ сундучкѣ лежали на самомъ низу тщательно сложенными (о, ужасъ! Филаретушка даже при одной мысли покраснѣлъ) старенькія триковыя брючки, поношенный сюртучокъ, доходившій ему ниже колѣнъ, жилетка съ фасонистыми обшлагами, глаженая манишка и галстукъ. Онъ сказалъ бы ему, что все это онъ надѣвалъ только одинъ разъ, и то потому, что „никакъ нельзя было иначе", и то въ городѣ, гдѣ бы не видали его мужики. Единственный разъ форснулъ онъ въ немъ въ мировомъ съѣздѣ. Съ тѣхъ поръ весь этотъ костюмъ лежитъ нетронутымъ. Впрочемъ, былъ еще случай. Какъ-то прошелъ слухъ, что къ добросельскому батюшкѣ пріѣхали „господа ученые"—его два сына: одинъ вновь испеченный врачъ, въ только что сшитомъ форменномъ вицмундирѣ, и студентъ-медикъ. Филаретушкѣ ужасно хотѣлось познакомиться и поговорить съ этими „учеными". Но какъ это сдѣлать? Будутъ ли они съ простымъ мужикомъ знакомиться? Какъ бы имъ представиться въ качествѣ новаго деревенскаго человѣка? И вотъ Филаретушка рѣшилъ одѣться въ свою завѣтную пару. Одѣвшись, онъ сначала издали прошелъ мимо батюшкина дома, затѣмъ поближе, еще поближе, пока, наконецъ, не дождался, когда вышли „господа ученые" на крыльцо. Здѣсь онъ, какъ будто разгуливающій по своимъ дѣламъ, почтительно снялъ фуражку и раскланялся. Къ его счастію, „господа ученые" сразу заговорили съ нимъ, и онъ, такимъ образомъ, достигъ цѣли. Впрочемъ, это знакомство было не долгое. „Ученые" скоро уѣхали. А надъ Филаретушкиной парой долго послѣ того гоготала и издѣвалась сытая добросельская интеллигенція. Поверхъ этой завѣтной пары лежала разная „необходимая принадлежность". Онъ не сталъ бы, конечно, показывать Петру зеркальце, ваксу, помаду, щетки, карандаши, бумагу, но показалъ бы ему пріобрѣтенныя имъ въ городѣ же на толкучкѣ книжки: „календарь крестный" („чрезвычайно приспособительная книжка"), „Уставъ о воинской повинности", о конной повинности какіе-то листочки („все это болѣе для деревенскаго приложенія"), нѣсколько разрозненныхъ книжекъ „Грамотея", Евангеліе вѣнскаго изданія, Богъ знаетъ гдѣ добытое имъ, и, наконецъ, тетрадка, на которой крупнымъ почеркомъ выведено: „Титулы" („важная вещь! Это мнѣ добросельскій писарекъ все выписалъ, какъ, къ кому, съ какимъ титуломъ, при какомъ обращеніи къ чину и званію всякаго положенія относиться... Вотъ, напримѣръ: къ г. мировому судьѣ—его высокородію... къ г. губернатору — его превосходительству, г. начальнику губерніи"...).

Такъ долго бесѣдуетъ во снѣ Филаретушка съ воображаемымъ Петромъ, пока Петръ не скажетъ:

— Эхъ, братъ Филаретушка, славный ты малый!.. Я, братъ, думалъ, ты загибъ во тьмѣ-то здѣшней кромѣшной... Думалъ, и грамоту-то забылъ! Думалъ, что ты при своей бѣдности, кромѣ мамона, ни о чемъ уже понятій не имѣешь! Думалъ, выйдетъ изъ тебя, отъ тоски да горя, пьянчужка, что у богатыхъ мужиковъ да господъ наѣзжихъ ручки цѣлуетъ за косушку водки... А вотъ Богъ хранилъ!.. Ну, коли такъ, Филаретушка, мы съ тобой вмѣстѣ въ Москву поѣдемъ... Тамъ, братъ, не такихъ еще книжекъ достанемъ!.. Съ умственными людьми я тебя тамъ сведу!.. Вотъ парочка-то какъ разъ и пригодится тамъ... Тамъ ужъ не будутъ надъ ней издѣваться!

Разгулявшаяся фантазія уже донесла Филаретушку въ Москву.

Онъ въ Москвѣ съ Петромъ. Петръ водитъ его повсюду. Показалъ онъ ему и Ивана Великаго, и царь-пушку, познакомилъ онъ его съ „умственными людьми". И эти умственные люди надъ нимъ не хохочутъ, не издѣваются, а все гово-

рятъ, все толкуютъ, все разсказываютъ; книжекъ да вѣдомостей надавали—счету нѣтъ. Закружилась у Филаретушки голова. Давно, еще прежде, въ деревнѣ, онъ нерѣдко задумывался надъ вопросомъ: кто и какъ это книжки пишетъ? А теперь ужъ думаетъ: „ловко бы было, кабы самому книжку составить и все въ ней изложить, что крестьянства касающее! Только, вѣдь, смысла много надо!“

— Тоже, вѣдь, попробуй-ка начало съ концомъ свести!.. Много смысла надо!— сомнѣвается въ своихъ силахъ Филаретушка. Но умственные люди обѣщаютъ послѣ показать ему, какъ и книжки составлять.

— Ну, — говоритъ Петръ, — будетъ намъ въ Москвѣ проживаться. Вѣдь, здѣсь соблазны велики! Только дай надъ собой волю, такъ, пожалуй, и родныхъ своихъ презирать будешь, пожалуй, и сѣраго мужика станешь стыдиться, забудешь зачѣмъ и ѣхалъ сюда! Пора, Филаретушка, пора въ родныя палестины забираться...

Опять фантазія переноситъ Филаретушку въ родные Дергачи.

Видится ему, съ какимъ почетомъ и съ какимъ уваженіемъ встрѣчаетъ ихъ родная деревня, да и не одна только, а вся добросельская волость. По всей добросельской волости про нихъ слава, что стали они совсѣмъ людьми „умственными“, а, межъ тѣмъ, въ Москвѣ не отстали отъ нихъ, мужиковъ, не отрѣшились. Мало ли, много ли времени спустя, только скоро выгнали изъ старшинъ толстаго Силу Титова и выбрали „единогласно“ Петра Вонифатьева, Волка младшаго. Филаретушку сейчасъ же къ нему въ волостные писаря опредѣлили. Фантазія донесла ужъ Филаретушку до того пункта его заповѣдныхъ мечтаній, гдѣ ужъ она не могла остановиться. Даже во снѣ трепеталъ Филаретушка, покуда картина за картиной, неудержимо, одна за другой, неслись предъ нимъ.

Видится ему, что едва только совершилось единогласное утвержденіе Петра въ добросельскихъ старшинахъ, а его, Филарета Флегонтова Чижова, въ волостныхъ писаряхъ, какъ тотчасъ они съ Петромъ объявили добросельскому міру, чтобы онъ собрался къ волостному правленію. Собрался міръ. Вышелъ къ нимъ Петръ и сказалъ: „Ну, мужички почтенные, извѣстно намъ давно, что много у насъ съ вами накопилось горя, много накопилось нуждъ... И пока владычествовали надъ нами кулаки-міроѣды, не можно было намъ о тѣхъ нуждахъ, кому слѣдуетъ, изложить... Теперь надлежащее время приспѣло. Для того мы и въ Москву ѣздили, и отъ „умственныхъ“ людей научались, чтобы полезными вамъ въ семъ дѣлѣ оказаться... Посему надлежитъ вамъ выбрать изъ каждаго сельскаго обчества лепутата къ намъ въ пособіе, а мы съ лепутатами составимъ подробное изложеніе, какъ мужички и въ чемъ нуждаются и въ какомъ родѣ крестьянское устроеніе наилучшимъ и справедливымъ помышляютъ... А сіе изложеніе, по прочтеніи вамъ и по составленіи надлежащаго законнаго приговора, повеземъ мы съ лепутатами въ Петербургъ“.

Еще неудержимѣе несется фантазія Филаретушки. Вотъ уже выбраны семь „лепутатовъ“,—семь благомысленныхъ мужиковъ отъ семи сельскихъ обществъ добросельской волости. Вотъ уже засѣдаютъ эти благомысленные „лепутаты“ въ волостномъ правленіи цѣлый мѣсяцъ за составленіемъ изложенія нуждъ и необходимостей крестьянскихъ и какъ крестьянскому устроенію, согласно желанію мірскому и справедливости, надлежитъ быть; засѣдаютъ они подъ руководствомъ Петра Вонифатьевича Волка младшаго, а Филаретъ Флегонтовъ Чижовъ неустанно исправляетъ, направляетъ и составляетъ протоколы. Вотъ уже готово „изложеніе“, готовъ приговоръ добросельскаго міра, который уполномочиваетъ семерыхъ благомысленныхъ людей, подъ старшинствомъ Петра и въ сообществѣ съ волостнымъ писаремъ Филаретомъ Флегонтовымъ, ѣхать съ этимъ изложеніемъ куда надлежитъ, и „что сіи лепутаты по сему дѣлу сочтутъ нужнымъ и необходимымъ учинить, въ томъ онъ, добросельскій міръ, спорить и прекословить не будетъ“.

Но здѣсь уже отказалась фантазія Филаретушки рисовать дальше. Дальше что-то закружилось въ его головѣ неясное, неопредѣленное, баснословное. Остановимся и мы здѣсь.

Филаретушка мечталъ день, другой, третій, а Петръ не пріѣзжалъ въ родные Дергачи.

IV.

„Какъ-то теперь въ Волчьемъ поселкѣ? Что? какимъ образомъ? вообще въ какомъ направленіи дѣло состоитъ?“ не

одинъ уже разъ спрашивалъ самого себя Филаретушка.

Филаретушкѣ очень интересно было узнать, какъ тамъ встрѣтили Петра, какъ и что самъ онъ, какъ взглянулъ на своихъ близкихъ, „какое обращеніе имѣетъ", какъ отнесся онъ къ стороннимъ людямъ выселка, кому какіе подарки привезъ, объ чемъ и съ кѣмъ „собесѣдуетъ"... Всѣ эти вопросы вертѣлись въ его головѣ постоянно, на всѣ хотѣла получить самые подробные отвѣты его, полная любопытства, душа. Эти же вопросы не переставалъ онъ задавать себѣ, когда рѣшился, наконецъ, зайти въ поселокъ.

А, между тѣмъ, мирная жизнь поселка вступала въ новый фазисъ.

Мы уже упомянули, что ожидаемый пріѣздъ „москвичей" возбудилъ въ обитателяхъ выселка какія-то неясныя, неопредѣленныя, и потому тяжелыя „предчувствія". Обитателямъ поселка, такъ же, какъ и всѣмъ прочимъ людямъ, тоже не чужды и мечты, и жажда перемѣны, и смутное стремленіе къ лучшему, но тяжелый опытъ исторической жизни подорвалъ крылья этимъ мечтамъ. Давно уже эти смутныя, неопредѣленныя стремленія обозвалъ мужикъ „предчувствіями" чего-то недобраго; давно онъ боится ихъ, чурается и всячески усиливается заглушать въ себѣ; рѣдко великія перемѣны въ исторической жизни приносили ему радость и счастіе. Когда нѣчто „новое", нѣчто „чуждое" ему колебало устои его жизни, онъ бѣжалъ въ расколъ и крѣпко держался за эти устои, крѣпко стоялъ за нихъ, какъ за „свое", каково бы оно ни было, такъ какъ въ этомъ „своемъ" онъ находилъ удовлетвореніе и своему уму, и своему сердцу и своимъ вѣковымъ идеаламъ. Эти „предчувствія", въ ожиданіи наплыва чего-то „новаго", напоминаютъ то душевное состояніе, которое испытываетъ мужикъ при приближеніи мрачной, свинцовой, надвигающейся изъ-за горизонта тучи. Давно ожидали ее мужики, ее, желанную и неоднократно просимую у Бога. Давно растрескавшаяся земля жаждетъ хоть капли влаги, давно ждутъ ее и поблекшіе всходы яроваго хлѣба, и уже по мѣстамъ „загорѣвшіяся" полосы ржи, и душный, пропитанный гарью воздухъ. Въ этомъ душномъ, распаленномъ воздухѣ носятся миріады насѣкомыхъ. Истомленная скотина ищетъ хоть капли свѣжаго воздуха, хоть клочка тѣни; она бросается въ лѣсъ, но здѣсь облѣпляютъ ее мухи и слѣпни, и скоро, какъ очумѣлая, несется она вонъ изъ лѣса, вся какъ будто изсѣченная иглами и прутьями, съ потоками струящейся по груди и бокамъ крови... А солнце жжетъ и жжетъ неустанно: томительно-однообразно тянется день за днемъ въ какой-то тяжелой истомѣ; работа валится изъ рукъ; изнурительный потъ ослабляетъ организмъ; трудъ становится каторжнымъ; тяжко дышать и жить. Хоть бы какой-нибудь перемѣны! Надо молиться! Но вотъ и она. Тяжело, медленно подвигается она изъ невѣдомаго далека́. Крестится мужикъ, но въ то же время душу его томитъ страшное предчувствіе. Ее гнететъ неизвѣстность,—оросить ли эта желанная, давно жданная туча благодатнымъ дождемъ его опаленныя нивы, или пронесется разрушительнымъ ураганомъ и градомъ и уничтожитъ послѣднія мечты и надежды.

Предъ Волчьимъ поселкомъ, гдѣ дорога дѣлала поворотъ изъ рощи, московскій молодецъ Макаръ Карпычъ пріосанился, поправилъ на головѣ картузъ, подобралъ вожжи, крѣпко натянулъ ихъ, и статная сивая лошадь молодцовато пронесла пріѣхавшихъ черезъ улицу поселка, прямо къ избѣ Вонифатія. Петръ не успѣлъ даже раскланяться съ встрѣтившими его обитателями. Вонифатій, покрякивая и улыбаясь, бросился бѣгомъ во дворъ и настежь распахнулъ ворота. Макаръ Карпычъ ввелъ въ нихъ подъ уздцы лошадь, а Петръ суетливо сталъ вынимать изъ кузова тарантаса узлы.

— Поди, поди, касатикъ, въ избу-то,— говорила старая бобылка Ѳеклуша,—мало ли здѣсь народу-то! Всё внесутъ.

— Нѣтъ, зачѣмъ же... Я самъ... Мы сами.

— Ну, милости просимъ... Пора, давно пора! Забыли совсѣмъ родную-то деревню!—ласково говорила Ульяна Мосевна, уже успѣвшая войти въ избу Вонифатія, смахнуть съ лавокъ и со стола соръ и выгнать насѣдку съ цыплятами.— Ну, входите, входите! А вы, ребятки, пропустите гостей-то,—обратилась она къ набравшимся уже въ сѣнцы крыльца солдаткинымъ ребятишкамъ.

Петръ молча вошелъ въ избу, положилъ на лавку узлы и фуражку и сталъ креститься.

— Честь имѣемъ кланяться! Вотъ и мы къ вамъ!—громко сказалъ, войдя, товарищъ Петра.

— Ну, милости просимъ! ждали!..

Петръ, попрежнему, молча расцѣловался троекратно съ Ульяной и Вонифатіемъ. Солдаткины ребятишки успѣли забраться и въ самую избу.

— Припереть бы дверь-то,— замѣтилъ Петръ.

— Зачѣмъ, зачѣмъ припирать, Петруша? Всѣ наши, вѣдь, соберутся!—сказала Ульяна.

— Вы... пошли вонъ!... Пошли!.. Чего не видали?—выгонялъ Вонифатій ребятишекъ.

— Полно, оставь ихъ. Вѣдь, имъ тоже любо... Всѣ, вѣдь, мы здѣсь, почесть, родные... Совсѣмъ мы здѣсь, Петрушенька, всѣ какъ сроднились... Вотъ солдаткины-то ребятишки мнѣ все одно, ровно свои, кровные... Право!

— Такъ это, выходитъ, у васъ родни-то здѣсь весьма довольно!—вскричалъ Макаръ Карпычъ.

— Довольно, довольно, — замѣтилъ, улыбаясь, Вонифатій, садясь рядомъ съ Петромъ, вытиравшимъ лицо и разстегивавшимъ кафтанъ.

— Весьма довольно! Эдакъ и наслѣдства не хватитъ про всѣхъ! Какъ бы послѣ какого препирательства между названными родственниками не вышло!

— Хватитъ, про всѣхъ хватитъ... Намъ, вѣдь, немного надо! Мы по-мірскому живемъ! А отъ неудовольствія сохрани Господи! — замѣтила Ульяна. — Мы всѣ свои.

— Тетенька, распорядись, — сказалъ Петръ, вынимая изъ узла свертокъ и подавая Ульянѣ,—у меня, значитъ, намѣчено—кому что... Распредѣлено. Только ежели недостача выйдетъ, такъ прошу не взыскать... Потому все у меня не болѣе какъ по кровному родству распредѣлено.

— Ну, ужъ какъ сдѣлано, такъ сдѣлано,—замѣтила Ульяна,— не передѣлывать... Только бы, по-моему, забывать и другихъ тоже не слѣдъ... Всѣ, вѣдь, изъ одной чашки ѣдимъ, въ одну житницу хлѣбъ возимъ... Ну, да ужъ ничего, мы, вѣдь, не взыскательны...

— Надо извинить, — сказалъ Макаръ Карпычъ,—почему что, какъ все это отъ любви къ вамъ, кровнымъ, онъ такъ и сдѣлалъ... больше васъ уважаетъ, чѣмъ чужихъ...

— Про всѣхъ не хватитъ, — проговорилъ Петръ.

— А помаленьку, такъ и про всѣхъ хватитъ, Петюшенька... Хоть и помаленьку, да всякому, анъ, глядишь, и всѣмъ удовольствіе.

— Ну, полно тебѣ ворчать-то... Только что въѣхалъ, а она ужъ и выговоры! Дай хоть оглядѣться-то,—вступился Вонифатій.

— Ну, онъ на мнѣ не взыщетъ, я, вѣдь, не отъ сердца говорю... Только напредки, чтобы въ умѣ держалъ... Натко-сь!—удивлялась Ульяна Мосевна,—на всякомъ подаркѣ ярлычки прописаны... Всякая вещь веревочкой перевязана... Какъ быть по-столичному!

— Все чтобы въ порядкѣ. Онъ зря не любитъ. Вы бы взглянули у него въ Москвѣ на фатерѣ... Заглядѣнье! Не то что по-деревенски, можно сказать, свинство какое, какъ нѣкоторые изъ мужиковъ живутъ!—рекомендовалъ Петра его пріятель.

— Это дѣло хорошее, что говорить! Вѣдь, и по-деревенски живутъ въ чистотѣ, кого ежели Господь мало-мальски достаткомъ благословитъ. Тоже грѣхъ сказать, чтобы какъ свиньи жили. Всѣ люди!.. А кого Господь бѣдностью пошлетъ, то ему ужъ не къ чему и порядки приспособлять. Хвалиться этимъ нечего!... Все отъ Бога!...

— Не могу сказать-съ...

— Вишь ты, вишь ты, какую шаль мнѣ привезъ! Вотъ, что напрасно, такъ напрасно! А это вотъ тебѣ, вишь ты, намѣчено, отецъ! На кафтанъ вотъ это. А это ужъ и не знаю къ чему, такое узорчатое...

— Это батюшкѣ на жилетку,—заявилъ Петръ,—полубархатъ... Остаточкомъ закупилъ.

— Ай, ай, ай,—закачала головой Ульяна Мосевна, — вотъ не похвалю... Ну, куда намъ, старикамъ, эти форсы?.. Ты бы подумалъ...

— Я такъ полагаю, тетенька, что пора бросить смиренство-то да приниженье... Тоже и мы люди! Чѣмъ мы другихъ хуже?.. Нужно-съ тоже и свою гордость имѣть!—сказалъ Петръ и весь вспыхнулъ.

— Весьма правильно,—поддержалъ его московскій товарищъ.

— А по моему глупому разуму,—сказала Ульяна,—такъ намъ бы попроще и за глаза было довольно, да и всѣмъ бы нашимъ посельскимъ хватило на уваженіе по подарочку. Всѣмъ бы было въ удовольствіе!.. А то вотъ теперь и зазорно мнѣ на людяхъ въ фасонахъ-то этихъ ходить... Вотъ и спрячу я его, подарокъ-то твой, чтобы люди не видали...

— Напрасно. Не съ тѣмъ деньги тратили. Думали, чтобы какъ лучше, какъ способнѣе...

— А вотъ поживешь между нами, такъ и узнаешь, какъ лучше надо. Такъ-то, Петюшенька. Ну, да и то сказать: чего я раскудахталась въ самомъ дѣлѣ? Голодное-то брюхо, говорятъ, къ ученью глухо... Пойти-ко мнѣ сготовить все. Приходите ко мнѣ нонѣ въ келью обѣдать. Нонѣ ужъ, такъ будемъ считать, праздникъ у насъ... Я на всѣхъ готовила. Филаретушка высчиталъ, что тебѣ непремѣнно сегодня быть надо. Да встрѣтилъ ли онъ тебя? Должно, задержало что ни то. А какъ ужъ онъ старался, всячески, чтобы тебя встрѣтить... Больно ужъ онъ къ тебѣ приверженъ, словно младенецъ! На рѣдкость такая дружба.

— Видѣлъ я его. У Короната Львовича встрѣтилъ.

— Что жъ онъ съ тобой не пріѣхалъ?

— Стѣсненіе могло быть, потому меня вотъ Макаръ Карпычъ нарочно въ городѣ встрѣтилъ. Притомъ, что жъ ему теперь здѣсь дѣлать?.. Здѣсь дѣло родственное... На праздникъ приглашалъ я его.

— Ну, ваше дѣло, ваше дѣло!.. Такъ я кликну васъ обѣдать!

Ульяна ушла. Петръ снялъ кафтанъ. Онъ хотѣлъ переодѣться. Въ дверь то и дѣло выглядывали чьи-то глаза. Одинъ разъ мелькнулъ даже единственный глазъ Сатира.

— Припереть бы, тятенька, дверь-то,— сказалъ опять Петръ.

— О? Ну, ладно. Припру. Еще насмотрятся.

— Конечно. Не болѣе, какъ деревенское любопытство: лѣзутъ въ самую физіономію,— замѣтилъ москвичъ.

Петръ взялъ узелъ и ушелъ переодѣваться за перегородку.

Москвичъ подсѣлъ поближе къ Вонифатію и, мотнувъ головой по направленію къ Петру, сказалъ вполголоса:

— Весьма умственный человѣкъ!

— Это Петюшка-то?

— Петръ Вонифатьичъ. Да-съ. На рѣдкость, я вамъ могу сказать. Изъ крестьянскаго званія даже очень рѣдко такіе проявляются.

— Ой ли? — наивно-самодовольно удивлялся Вонифатій.

— Совершенно правда. Конечно, не самъ отъ себя, все отъ родителей... Выходитъ, вы сами почтенный родитель, и дѣтище такое вышло... Весьма умственный крестьянинъ!

— Онъ у меня шустрый! И я, вѣдь, въ свое-то время куда шустеръ былъ, большой руки былъ воръ!.. Теперь-то вотъ пристарѣлъ, какъ бы, значитъ, смирился...

— Такъ, такъ!.. По родителямъ! Мой тятенька вотъ тоже большой руки былъ коммерсантъ... Пять разъ банкротился, а все капиталецъ намъ, хоша и небольшой, предоставилъ, вѣчная ему память!

И москвичъ перекрестился.

— Мы родителей уважаемъ-съ!

— А мать-то жива у тебя?

— Какже-съ! Божіею милостью проживаетъ. У насъ капиталъ общій-съ. Все на маменькино имя переведено-съ. Оно такъ-то свободнѣе...

— А вы изъ крестьянъ будете?

— Какже-съ! Изъ крестьянъ. Тятенька не одинъ разъ хотѣлъ въ купцы выписаться, да говорилъ: зачѣмъ свое званіе унижать? Умственнымъ людямъ своему сословію надлежитъ честь дѣлать...

— Гм...

Помолчали.

— Далеко пойдетъ! — опять мигнулъ москвичъ за перегородку,—только, по молодости, весьма съ людьми суровъ... А такъ нельзя. Болѣе надо обходительностью брать.

— Молодъ еще!

— Дочка ваша, тоже могу сказать, весьма пріятная дѣвица,—опять какъ бы мимоходомъ замѣтилъ москвичъ.—Конечно, одного родителя...

— Такъ что жъ? Сватай, коли нравится! На то и дѣвки растутъ, — пошутилъ въ конецъ польщенный и размякшій отъ благодушнаго настроенія Вонифатій Моссичъ.

Москвичъ пріятно и чуть замѣтно улыбнулся.

— Ты холостой, вѣдь?

— Пока не въ сожительствѣ.

— Чего жъ думать? Пора и законъ принять, пока не набаловался. Вотъ мы и Петюшку окрутимъ здѣсь, по-деревенскому.

— Мы не прочь.

— Такъ-то такъ... Да, вѣдь, вамъ наши деревенскія-то дѣвки поди не по губѣ ужъ будутъ.

— Отчего же-съ? По нынѣшнимъ временамъ и съ деревенскою дѣвушкой можно весьма значительный оборотъ сдѣлать.

— А можно, такъ и за сватовъ приниматься! Слышалъ ли, Петюшка? Мы здѣсь сватовство зачинаемъ,—обратился

Вонифатіи къ вернувшемуся изъ боковуши Петру.

— На чей счетъ?

— Да вотъ обоихъ бы васъ, московскихъ молодцовъ.

— Я и подожду. Торопиться съ этимъ некуда. А что насчетъ ежели Макара Карпыча, то это дѣло ужъ у насъ давно одумано. Единственно только за вами съ теткой разговоръ остался.

Вонифатій Мосеичъ нѣсколько удивленно посмотрѣлъ сначала на улыбавшагося Макара Карпыча, потомъ въ серьезные, вдумчивые глаза Петра.

— Да вы въ шутку это, али въ серьезъ?—спросилъ онъ.

— Отъ умственныхъ людей шутокъ не бываетъ,—замѣтилъ Петръ.—Ежели мы съумѣемъ умственнаго человѣка отличить, такъ отъ него, кромѣ серьезнаго, ничего быть не можетъ.

— Это такъ, такъ... Я тебѣ вѣрю. Ты даромъ что молодъ, а зря слова не бросишь, у тебя все впередъ удумано. Всѣмъ такъ говорю...

— Эти качества не при насъ только состоятъ, — скромно замѣтилъ Петръ, — они у всякаго, кто умственно желаетъ жить, а не то что по благодушію, спустя рукава... Одначе, тятенька, поспѣшить бы съ этою самою церемоніей-то, — прибавилъ онъ.

— Съ какой? Со свадьбой-то? Больно ты прытокъ...

— Не объ свадьбѣ рѣчь, а насчетъ обѣда... Макару Карпычу въ губернскій надо, такъ чтобы намъ съ тобой успѣть палестины наши обѣжать... Макаръ Карпычъ сейчасъ прикинетъ что къ чему нужно. А потомъ въ городѣ насчетъ земельныхъ банковъ справку сдѣлаетъ... Съ чиновниками объ аукціонахъ поговоритъ. Нынче даръ-то Божій, земли-то, весьма легко съ молотка пріобрѣсть...

— Не пойму я васъ, признаться.

— А впослѣдствіи времени все это весьма уяснится,—утѣшилъ Макаръ Карпычъ.

— Объ этомъ ужъ обо всемъ заранѣе удумано: даромъ время не проводили въ столицахъ... Коли въ чемъ прямая польза, такъ непонятнаго и сумнительнаго быть не можетъ. Я такъ полагаю, никто своему счастію не врагъ, — проговорилъ нѣсколько раздраженно Петръ.

— Что жъ? Коли что впередъ удумано, такъ тутъ фальши нѣтъ. Значитъ, дѣло не зря. Вы люди дѣловые, вамъ виднѣе,—поспѣшилъ заявить Вонифатій, какъ бы боясь, чтобы какъ-нибудь не разрушились за разъ всѣ его мечты. — Ступай, торопи тетку-то, — прибавилъ онъ.

— Да-съ, поспѣшать надобно, — сказалъ Макаръ Карпычъ, поднимаясь и осанисто начиная слегка покачиваться на носкахъ своихъ блестящихъ сапоговъ.— Сызначала насчетъ общаго земельнаго нашего обустройства операцію сдѣлаемъ, а тамъ, смотря по обстоятельствамъ времени, вашу дочку, съ вашего позволенія, на вашемъ жеребцѣ по селу прокатимъ-съ... И весьма будетъ это для всѣхъ насъ вообще дѣло полезное!

— Посмотримъ, посмотримъ, — полунедовѣрчиво, но, тѣмъ не менѣе, не безъ тайной пріятной мечты въ сердцѣ, проговорилъ Вонифатій Мосеичъ.

— Присмотримся и мы-съ.

Какъ ни старался Петръ, однако, „поспѣшить съ церемоніей обѣда“ ему не удалось. Прежде всего, Ульяна Мосевна прямо заявила, что онъ больно прытокъ сталъ... „Вотъ погоди, въ Москву къ тебѣ пріѣду, тамъ и верти какъ хочешь, по новымъ модамъ... А здѣсь, въ наше дѣло старинное, соваться тебѣ нечего“, говорила она, хотя и любовно, но съ очевиднымъ расчетомъ на заднюю мысль. Затѣмъ оказалось необходимымъ разыскать и подождать дядьевъ, безъ которыхъ ни подъ какимъ видомъ церемонія обѣда не могла состояться. Пришли дядья, троекратно расцѣловались—Хипа съ неизмѣннымъ молчаливымъ добродушіемъ, Вахромей — полусердито, недовѣрчиво. Послѣдній тотчасъ же сѣлъ на порогъ двери, закурилъ трубку и, поджавъ подъ себя ноги, попыхивая въ чубукъ да сплевывая за дверь, сталъ настойчиво и хладнокровно смотрѣть на Петра. Одинаково внимательно и неторопливо изслѣдовалъ онъ его лицо, затѣмъ жилетку, рубаху, штаны, сапоги. Онъ ни о чемъ не спрашивалъ, ни о чемъ не любопытствовалъ; повидимому, свои личныя, безмолвныя наблюденія онъ находилъ совершенно непогрѣшимыми и достаточными, и считалъ ненужнымъ входить въ какіе-либо разспросы. Хипа, напротивъ, вовсе не думалъ дѣлать выводовъ и наблюденій, а удовольствовался только тѣмъ, что полюбопытствовалъ посмотрѣть у Петра московскіе часы, повертѣлъ ихъ въ рукахъ и бере-

жно опять положилъ ему въ жилетный карманъ.

Сѣли было ужъ совсѣмъ за столъ, но Ульяна Мосевна заявила, что она нынче про всѣхъ готовила и что, ради такого случая, нужно непремѣнно крикнуть къ общему столу и Сатира съ Иваномъ Забытымъ.

— Къ чему эту церемонность, тетенька? — опять не вытерпѣлъ и замѣтилъ Петръ. — Лучше бы нонѣ безъ гостей... по-родственному.

— Не гости они у насъ, не гости — свои люди... И тебѣ надлежитъ съ ними общаго хлѣба-соли принять: вмѣстѣ, Богъ дастъ, жить приведется; вмѣстѣ и горе, и радость дѣлить, — отвѣтила Ульяна Мосевна. — Къ людямъ ближе — счастіе крѣпче.

— Чего людей-то боишься? — круто и неожиданно спросилъ Петра Вахромей.

Петръ не отвѣчалъ.

Пришли и Сатиръ съ Иваномъ. Начался обѣдъ — чинно, продолжительно, степенно. Даже Вахромей, несмотря на свой порывистый темпераментъ, несмотря на то, что и самъ въ другое время рѣдко высиживалъ до конца обѣда, нынче ѣлъ, какъ нарочно, особенно медленно. За обѣдомъ мало говорили, только одинъ москвичъ разсказывалъ до утомленія обстоятельно объ удобствахъ московскихъ конножелѣзныхъ дорогъ.

Наступилъ уже вечеръ, когда Вонифатій, Петръ и Макаръ Карпычъ, порядочно-таки измученные, возвращались съ обхода палестинъ Волчьяго поселка. Московскій молодецъ былъ, повидимому, вполнѣ доволенъ результатомъ осмотра. Онъ уже не разъ повторилъ, вздыхая: „Мѣста здѣсь — блаженство!“ А рощу даже назвалъ „паркомъ“. Вонифатій хотя и не понялъ, что̀ это значитъ, но остался очень доволенъ. Петръ не предавался никакимъ восторгамъ, никакимъ изліяніямъ. Онъ шелъ нѣсколько впереди, одинъ, и глядѣлъ упорно въ безконечную даль полей.

А въ это время у избы Вахромея мирно бесѣдовали обитатели поселка и двое изъ дергачевцевъ, уже облекшіеся, по осеннему времени, въ валеные сапоги и полушубки. Вахромей держалъ въ пазухѣ свою младшую дочурку и занималъ ее разными охотничьими подсвистываніями и подкрякиваніями. Хипа съ однимъ изъ дергачевцевъ, какъ малые ребята, „баловались“, сидя на землѣ и перетягивая другъ друга за палку. А другой дергачевецъ ихъ поощрялъ и, сіяя своею широкою рыжею бородой, произносилъ рѣшающій приговоръ состязанію. Тутъ же присутствовалъ и Сатиръ съ Иваномъ Забытымъ.

Петръ давно уже замѣтилъ мирную компанію, но когда онъ разглядѣлъ, чѣмъ эта мирная компанія занималась, ему вдругъ стало ужасно стыдно. Ему хотѣлось обойти ихъ, отвести мимо и своего пріятеля москвича, но обойти было нельзя. Притомъ же, его примѣтилъ и тянувшійся за палку бородатый дергачевецъ, бывшій, замѣтно, навеселѣ.

— Петру Вонифатьичу! Сколько лѣтъ, сколько зимъ не видались! — закричалъ онъ ему на встрѣчу. — А мы, вотъ, не утерпѣли... Сами явились. Полюбопытствовать, выходитъ, — прибавилъ онъ, когда подошелъ Петръ.

— Интереснаго мало, — проворчалъ Петръ.

— Помилуйте... Какъ можно-съ! Вѣдь, у насъ такіе люди на рѣдкость! Столичное поведеніе, такъ скажемъ... Совсѣмъ, значитъ, особая статья.

— На палкѣ не тянемся—это вѣрно!— опять отрывисто замѣтилъ Петръ.

— Ну, вотъ, вотъ! Какъ есть! Вѣдь это наше дурацкое поведеніе. Почему что какъ лѣсные дураки, выходитъ! — заговорилъ задѣтый за живое дергачевецъ.

— А онъ, братцы, у васъ изъ дѣловыхъ,—иронически замѣтилъ другой дергачевецъ, — не даромъ съ москвичомъ-то друженъ... не успѣлъ роднымъ честь сдѣлать, да ужъ и за дѣло.

— Въ дѣлѣ грѣха нѣтъ.

— По коммерческой части, — продолжалъ рыжебородый дергачевецъ. — Смотрите, какъ бы и васъ за живо не запродали,—подмигнулъ онъ дядьямъ.

— Ни о чемъ не думая, скорѣе себя запродашь, а умный человѣкъ еще другихъ закупитъ,— отвѣчалъ Петръ, лихорадочно постукивая себя пальцами по борту кафтана и стоя въ полоборота къ присутствовавшимъ.

— Такъ, такъ... Неравно продавать будете, такъ спросить не забудьте. Можетъ, кто и не согласится еще!

— Отъ счастія люди не отказываются.

— Какъ знать? Мы, вѣдь, деревенскіе дураки! Можетъ, по глупости, и счастія не признаемъ.

— Случается. Подъ носомъ не видятъ.

До старости по боямъ ходятъ, на палкахъ тянутся, на птицу охотятся. А тѣмъ временемъ на спинахъ-то горбы выростаютъ, а на этихъ горбахъ только лѣнивые не катаются. Други да пріятели послѣ самимъ же въ глаза нахохочутъ! А тамъ, малое время годя, фиглярить начнемъ! За рюмку водки хоть наплюй въ ликъ-то Божій...

Петръ говорилъ, ни на кого не смотря, и только блескъ его глядѣвшихъ сердито исподлобья глазъ, да порывистыя движенія руки по борту кафтана выдавали его волненіе.

— Такъ, такъ!—подтвердилъ дергачевецъ.—Это, братъ, что вѣрно, то вѣрно! Эту самую нашу судьбу расписалъ ты чудесно... А съ пріѣздомъ, братъ, поздравиться надо бы! — прибавилъ онъ, утерѣвъ бороду.

— Этою безхарактерностью мы не занимаемся! — круто закончилъ Петръ и, замѣтивъ подходившихъ отца и москвича, зашагалъ къ своей избѣ.

— Вонифатію Мосеичу!—крикнули дергачевцы.—А мы вотъ полюбопытствовать насчетъ вашего молодца...

— Ну, что жъ!

— Видѣли, видѣли! Дѣловой!

— Дай Богъ!..

— Дай Богъ! Что говорить! Разнесъ онъ тутъ и дядьевъ своихъ, и насъ—чудесно. Лучше быть ненадо! Къ вашему богатому дѣлу онъ идетъ... А кабы онъ къ намъ въ деревню пріѣхалъ, такъ мы бы ему, дѣловому-то, да цѣпъ въ руки! Это бы вѣрнѣе... Такъ ли?

Но Вонифатій только махнулъ рукой и, не отвѣчая, прошелъ съ москвичомъ.

— Съ пріѣздомъ бы, Вонифатій Мосеичъ! — крикнули ему вслѣдъ дергачевцы.

— На праздникъ приходите, на праздникъ. Заодно ужъ!—откликнулся онъ.

— Ну, на праздникъ, такъ на праздникъ—нечего дѣлать!.. Прощайте пока! Дѣловитъ больно у васъ молодецъ-то.

Дергачевцы ушли. Дядья продолжали еще сидѣть молча. Вахромей, однако, давно уже спустилъ съ рукъ дочурку и порывисто выкуривалъ трубку за трубкой, что было у него признакомъ сильной душевной неурядицы. Но онъ, до поры до времени, не любилъ говорить, не любилъ „отводить душу“ разговорами.

Скоро мимо нихъ проѣхалъ москвичъ на своемъ сивомъ жеребцѣ и какъ-то особенно почтительно раскланялся. Вахромей только сплюнулъ ему вслѣдъ и сердито крикнулъ въ окно своей бабѣ:

— Прасковья! накрывай ужинать!

Собесѣдники разошлись. Ульяна Мосевна заглянула было въ окно къ Вонифатію, но Петръ сказалъ, что онъ усталъ и хочетъ спать. Ушла къ себѣ въ келью и Ульяна Мосевна.

V.

Утро слѣдующаго дня застало обитателей Волчьяго поселка за молотьбой хлѣба. Они уже работали давно, и нынче какъ-то молчаливо шла работа. Вслѣдствіе ли осенней погоды, или почему другому, но мужики были суровѣе обыкновеннаго, сердитѣе кричали на бабъ и лаконичнѣе отвѣчали на вопросы. Даже Хипа меньше улыбался. Только Вонифатій Мосеичъ былъ, къ удивленію, благодушнѣе, чѣмъ когда-либо, и даже расшутился было, но шутка не удалась, когда его сердито оборвалъ Вахромей. Вонифатій замолчалъ, но лицо его не перестало сіять благодушіемъ. Это „сіяніе“, повидимому, не особенно нравилось Вахромею и раздражало его, хотя онъ не говорилъ ничего. Братья Волки уже кончали овинъ и собирались итти завтракать, когда проснулся Петръ. Умывшись, онъ тщательно причесалъ свои черные кудри, затѣмъ истово помолился предъ образомъ и, наконецъ, вынулъ изъ ящика небольшой самоваръ, въ видѣ вазы, съ львиными лапками у ручекъ. Онъ самъ сходилъ за водой, самъ поставилъ его и, когда онъ закипѣлъ внесъ его въ избу, постлалъ скатерть на столъ, вынулъ изъ чемодана пару чашекъ, небольшой ящикъ съ чаемъ и сахаромъ и, помѣстившись предъ самоваромъ у окна, молча, сосредоточенно и съ сознаніемъ собственнаго достоинства принялся пить чай. Пилъ онъ неторопливо, блюдечко за блюдечкомъ, и, повидимому, нисколько не смущаясь одиночествомъ. Нисколько не смутился онъ, когда вошелъ въ избу отецъ и, размахнувъ руками, вскричалъ:

— Ай да москвичъ! Ужъ и хозяйствомъ раздобылся! Ну, и дѣловой же у васъ въ Москвѣ народъ! Ну, ну, угощай!

Петръ съ особенною ловкостью вытеръ чашку, какъ-то особенно искусно, то приподнимая, то опуская чайникъ, тонкою струей налилъ чай и, подвинувъ чашку на другой конецъ стола, проговорилъ:

— Садись.

— Угощай, угощай, братъ!.. Только

вотъ безъ хозяйки-то что-то какъ будто не хватаетъ! — говорилъ Вонифатій, въ душѣ совершенно довольный „хозяйными“ качествами своего сына.

— Дѣловой, дѣловой! Правду дергачевцы-то говорили, — повторилъ Вонифатій, принимаясь за блюдце. — Московскій чаекъ-то? — спросилъ онъ, втягивая носомъ паръ отъ чашки.

— Кяхтинскій, настоящій. Черная бровь. Петра Орлова съ сыновьями.

— То-то, попахиваетъ... пріятно!

— Букетъ... два рубля фунтъ... Тамъ завсегда такой пьютъ, кто ежели толкъ понимаетъ...

— Что говорить!.. Нѣтъ, вотъ у насъ, что ни вали въ чайникъ-то, все будто травой отзываетъ. Да, вѣдь, мы не взыскательны! Была бы вода въ животѣ попарить, да поотдохнуть нараспашку... Тепло оно при самоварѣ-то...

Но еще въ бо̀льшее изумленіе пришла отъ „хозяйныхъ“ качествъ Петра Вонифатьевича Ульяна Мосевна.

— Ишь ты, ишь ты! — сказала она, входя въ избу Вонифатія, ударила по поламъ руками и пристально посмотрѣла въ лицо племянника. Затѣмъ она сѣла и долго, съ какою-то особенною, не то грустною, не то ироническою улыбкой, качала головой.

— Искушайте за компанію, — предложилъ Петръ свою чашку.

— Кушай, батюшка! спасибо за угощеніе... А я было тебя вотъ пришла звать со всѣми сообща попить. Завтракать наша-то деревня собралась... А ты, вишь, особнячкомъ все, все особнячкомъ! — замѣтила Ульяна Мосевна.

— По столичному. Такъ то оно лучше: ни ты ни къ кому въ душу не лѣзешь, ни въ твое расположеніе никто носу не суетъ.

— Особнячкомъ, особнячкомъ, — вмѣсто отвѣта, задумчиво проговорила Ульяна Мосевна и вышла.

Она начинала огорчаться такимъ обособленіемъ Петра. Вначалѣ она принимала своеобразные выходки Петра не больше, какъ за ребячество, и относилась къ нимъ, какъ ворчливая нянька. Но чѣмъ больше она вглядывалась въ отношенія Петра къ обитателямъ выселка, тѣмъ суровѣе смотрѣла на то „новое“, что̀ наложила столица на душу Петра, тѣмъ молчаливо-степеннѣе стали ея разговоры съ Вонифатіемъ и Петромъ.

— Что жъ родитель-то съ сыномъ не жалуютъ въ нашу компанію? — спросилъ Вахромей, когда Ульяна молча стала разливать чай въ своей кельѣ.

— Свой пьютъ.

— Московскій, значитъ.

Ульяна не отвѣчала. Ее очень огорчало это странное, повидимому, безпричинное нарушеніе обычнаго благодушія, которое, такъ давно ничѣмъ не затуманиваясь, царило на ея „общихъ“ чаяхъ и обѣдахъ. Ничто не можетъ принести большаго огорченія домовитой, хозяйной женщинѣ.

Молчали и всѣ. Только слышалось усиленное всхлебываніе горячаго чая съ блюдечекъ.

Деревенскій человѣкъ привыкъ жить открыто Большая часть его жизни проходитъ „на міру“, на улицѣ, на глазахъ у всѣхъ. Даже самые интимные моменты своей жизни онъ не умѣетъ скрыть отъ улицы: какъ что и сколько онъ работаетъ, какъ, что и сколько онъ ѣстъ, какъ и кого онъ любитъ, какъ воспитываетъ дѣтей, каковы отношенія въ его семьѣ, — всѣ это извѣстно „міру“, „улицѣ“ до мельчайшихъ подробностей, точно такъ же, какъ извѣстно и то, кого онъ ненавидитъ.

Обитатели Волчьяго поселка были „мірскіе люди“, жили общинными инстинктами, какъ и близкіе къ нимъ дергачевцы. Понятно, что появленіе среди нихъ Петра съ такъ рѣзко заявляемымъ все больше и больше стремленіемъ обособиться отъ общей жизни не могло не возбудить въ нихъ какого-то безсознательнаго недовольства, а впослѣдствіи и неопредѣленнаго страха предъ какою-то „бѣдой“.

Весь этотъ день Петръ не выходилъ, вплоть до вечера, изъ избы. Сначала онъ разобралъ свой гардеробъ, перечистилъ одежду; самолично провѣтрилъ ее, развѣсивъ на вожжахъ на задахъ избы, затѣмъ равѣсилъ въ клѣти. Только къ вечеру, когда бабы, дѣвушки и мужики выселка, по обыкновенію, собрались у качелей, Петръ надѣлъ армякъ (похуже который), фуражку, шарфъ на шею и засунувъ руки въ карманы, сѣлъ одинъ на завальню отцовской избы. Такъ какъ Вонифатій былъ занятъ на мельницѣ, а Ульяна Мосевна уѣхала по „бабьимъ дѣламъ“ въ Дергачи, то къ Петру никто и не подходилъ. Повидимому, это его ни мало не смущало. Онъ слегка постукивалъ по землѣ своими вычищенными насвѣтло сапогами и смотрѣлъ вглубь постепенно охватываемой сумеречною мглой рощи.

А когда вернулся отецъ, онъ опять вошелъ вмѣстѣ съ нимъ въ избу. Сидѣвшіе у качелей могли видѣть, какъ при зажженной свѣчѣ ловко щелкалъ на толстыхъ конторскихъ щетахъ Петръ, разсматривая въ то же время какія-то бумаги, которыя подалъ ему отецъ, вынувъ ихъ изъ тряпицы, завернутыми въ которой лежали онѣ въ углу божницы. Долго засматривали бабы въ окно Вонифатьевой избы, а Петръ все еще продолжалъ считать, что-то обстоятельно доказывая отцу. Вонифатій слушалъ и только время отъ времени теръ рукой бороду, да снималъ со свѣчи нагаръ.

Наконецъ, и бабамъ надоѣло смотрѣть въ окна, и онѣ ушли спать. Только Вахромей долго еще сидѣлъ у качели и, покуривая трубку за трубкой, время отъ времени взглядывалъ на освѣщенныя окна Вонифатьевой избы.

Но вдругъ онъ поднялся, высыпалъ на ладонь золу изъ трубки и, набивая ее свѣжимъ табакомъ, быстро пошелъ къ брату. Вахромей широко растворилъ дверь и вошелъ. Петръ вспыхнулъ при такой неожиданности, по лицу у него пробѣжало непріятное выраженіе, но онъ ничего не сказалъ. Вонифатій же Мосеичъ почему-то смѣшался, словно его накрыли съ поличнымъ. Онъ разсѣянно сталъ было собирать со стола бумаги, но Петръ сложилъ ихъ и положилъ къ себѣ въ чемоданъ. Вахромей спокойно закурилъ у свѣчи, стоявшей на столѣ, трубку и сѣлъ на лавку въ дальній уголъ.

— Ну, и дѣловой же у васъ тамъ народъ, въ столицахъ! — заговорилъ Вонифатій.—Такъ изъ копѣйки рубль и сдѣлаетъ?.. Дома сидя и рукъ не мозоля?

— Въ лучшемъ видѣ.

— Слышь? — обратился Вонифатій къ Вахромею. — И безъ грабежу? — опять спрашивалъ онъ Петра.

— Дѣло чистое... Тутъ деньги сами нарастаютъ. Потому взаимный кредитъ,— говорилъ Петръ вполнѣ увѣренно, какъ человѣкъ, которому это дѣло извѣстно въ совершенствѣ.

— Слышь? — опять кивалъ головой Вахромею Вонифатій.

Но Вахромей въ отвѣтъ только усиленнѣе сопѣлъ трубкой.

— Ну, и гдѣ жъ это... въ какихъ тоесь мѣстахъ?—опять допрашивалъ Вонифатій, сіяя своею широкою бородой и уже заранѣе предвкушая тотъ эффектъ, который долженъ произвести его „умственный“ сынъ знаніемъ такихъ тонкихъ столичныхъ дѣлъ.

— Капиталы произрастютъ?

— Да, да.

— Въ банкахъ.

— Ну, ну... какъ? Разсказывай.

Петръ началъ объяснять вообще хитрую механику банковыхъ операцій, и въ особенности земельныхъ банковъ, сначала неособенно удачно и даже какъ будто неохотно, но скоро одушевился: ему очень хотѣлось поразить своими познаніями с튜роваго дядю, повидимому, болѣе другихъ скептически относившагося къ нему. Но суровый дядя, лѣсной охотникъ, въ совершенствѣ умѣвшій подкрякивать утокъ и тетеревей и приходившій въ дѣтскій восторгъ предъ каждымъ своеобразнымъ проявленіемъ лѣсной жизни, плохо понялъ, а еще хуже оцѣнилъ развитіе своего племянника, несмотря даже на поощрительныя подмигиванія умилявшагося Вонифатія. Въ концѣ-концовъ, онъ также внезапно и молча поднялся, засунулъ трубку въ карманъ штановъ и вышелъ.

А на утро, когда въ Волчій поселокъ пришелъ посланный отъ Короната Львовича и Вонифатій съ Петромъ внезапно уѣхали, Вахромей вошелъ въ келью Ульяны Мосевны. Но въ избѣ ея не оказалось. Онъ прошелъ къ житницѣ, около которой собрались бабы и мужики поселка. Они пересыпали и провѣвали прошлогоднее зерно.

— Ульяна здѣсь?—спросилъ Вахромей.

— Здѣсь, здѣсь, — отвѣчали бабы. — Ульяна Мосевна!—крикнули онѣ въ глубь житницы,—Вахромей Мосеичъ тебя спрашиваетъ.

— Слышу, слышу.

Пока вылѣзала Ульяна изъ житницы, Вахромей, отворотившись отъ присутствовавшихъ, сердито смотрѣлъ вдоль дороги и даже на привѣтствіе Клопа, участвовавшаго въ общей работѣ, только сурово сказалъ:

— Здравствуй!

— Ты что меня, Вахромей Мосеичъ?— спросила, отряхая съ себя пыль, Ульяна Мосевна.

Нужно здѣсь замѣтить, что преимущественно предъ всѣми Вахромея всегда и всѣ величали по имени и отчеству. Нерѣдко большаковъ поселка просто звали Вонифатіемъ и Ульяной, но Вахромей всегда былъ Вахромей Мосеичъ, даже для братьевъ, несмотря на то, что онъ не игралъ никакой особенной роли ни въ поселкѣ, ни въ Дергачахъ, ни въ селѣ

Добромъ. Это нерѣдко случается въ крестьянствѣ, и бываетъ чрезвычайно трудно объяснить такое особое почтеніе къ личности, повидимому, ничѣмъ не выдающейся. Нужно долго присматриваться, прежде чѣмъ увѣриться, что такое почтеніе не совсѣмъ безпричинно.

— У тебя гдѣ братъ-то съ племянникомъ?—спросилъ сердито Вахромей, круто поворачиваясь къ ней.

Необычный тонъ и вообще особая сосредоточенность Вахромея обратили вниманіе всѣхъ. Клопъ боязливо даже вздрогнулъ и придвинулся къ разговаривавшимъ, несмѣло и добродушно заглядывая имъ въ глаза.

— А что?—спросила Ульяна, нѣсколько испугавшись.

—То-то! Они у тебя о чемъ по ночамъ-то разговоры ведутъ?

— Мало ли о чемъ сынъ съ отцомъ говорятъ.

— А зачѣмъ они къ Коронашкѣ поѣхали?

— Почемъ знать...

— То-то! Пора бы знать. Мы здѣсь не въ особнякъ живемъ. Въ молчанку-то играть нечего бы. Не одни мы здѣсь живемъ... Всякому тоже думается.

Сказавъ это, Вахромей зашагалъ къ Сатировой избѣ.

Въ первое время Ульяна Мосевна не нашлась что сказать, но слова Вахромея заключали въ себѣ именно то, что уже давно смутно чувствовалось каждымъ изъ обитателей поселка.

— Давно ужъ я чуяла, милые, быть бѣдѣ... По пчелѣ ужъ я знаю. Не будетъ у меня даромъ пчела бунтоваться,—сказала старая бобылка Ѳеклуша.

— Дѣда своего, старца почтеннаго, не оповѣстилъ... Старческому лику почести не сдѣлалъ!—сказалъ заштатный понамарь Ѳеотимычъ.

— Какая тутъ почесть! Зачѣмъ насъ, мужиковъ, почитать! Благо дядья молчатъ, такъ и тетокъ знать не надо... Работницы—все одно... Чего имъ въ зубы-то смотрѣть!—сказала жена Хины, Прасковья.—Дождемся, что и совсѣмъ погонятъ, въ чемъ мать родила!.. Это не въ рѣдкомъ быванье-то!

— Благомысленная!.. Точно что-то думается,—замѣтилъ и смиренный Андрей Терентьичъ Клопъ.

— Полно, полно вамъ пустое молоть, ничего не видя!—наконецъ строго выговорила Ульяна Мосевна, но вдругъ какъ бы спохватилась и тотчасъ перемѣнила тонъ: — Ну, что, что тутъ такое? Дѣло Петюшкино еще молодое, еще онъ самъ себя хорошенько не спозналъ: что видѣлъ, за тѣмъ и тянется... А вотъ старика-то надо бы хорошенько всѣмъ сообща поучить. Молиться, молъ, пора тебѣ, старому, молиться, а не то, что бороду широкую поглаживать, да за молодыми тягаться! Вотъ мы его какъ ни то, въ хорошій часъ, по-бабьему примемъ... Мы, вѣдь, бабы, какъ сообща-то примемся учить, такъ хоть кого проймемъ! — шутила Ульяна Мосевна.—Вотъ мы Ѳеклушу съ Ѳеотимычемъ на нихъ напустимъ: Ѳеклуша-то въ былое время боецъ была, за словомъ въ карманъ не лазила!

— Нѣтъ ужъ... Мы ужъ съ дѣдомъ на все махнули, мы свой вѣкъ изжили. Вы живите. А мы свой предѣлъ, какъ по чести-совѣсти подобаетъ, произошли. Вы ужъ теперь управляйтесь, а мы повадокъ-то немного давали... Наше время было строгое!—говорила Ѳеклуша.—Бывало, какъ соберутся благомысленныя бабочки, да, какъ гусыни, накинутся на мужика-то непутеваго, такъ только клочья изъ бороды летятъ!.. Строго жили!.. А бывало, бабушки наши говорили, какъ у которой матери парень задуритъ, пойдетъ она, соберетъ сосѣдокъ-матерей, свяжутъ парня, да на овинѣ и высѣкутъ! Такъ бабъ-то и боялись! Однова такъ-то одна женка мужа учила. Вотъ у насъ какіе порядки-то были: у мужиковъ — міръ, а у бабъ — свой... Наше время строгое было. Чего смѣетесь? Вѣрно говорю,—строго закончила Ѳеклуша, когда раздался звонкій хохотъ Луши и Ивана Забытаго.

Даже самъ Андрей Терентьичъ Клопъ разсмѣялся и скептически покачалъ головой. Ужъ на что былъ онъ „смиренный" мужикъ, и то усомнился, чтобы у бабъ могла быть такая сила.

— Мнѣ ужъ вотъ за девятый десятокъ перевалило, неужто лгать буду?.. Чего гогочешь?—обидѣлась было Ѳеклуша.

— Вѣрно, вѣрно. Ѳеклуша! сама слыхивала,—поддержала ее Ульяна Мосевна.—Погоди, вотъ и мы какъ ни то въ силу войдемъ, и мы бабушкины порядки заведемъ!

Развеселившаяся рабочая компанія заставила Ѳеклушу еще разсказать про старые бабушкины порядки. У каждаго и въ своей памяти нашлось кое-что подходящее. Ѳеклуша была очень довольна и все вре-

мя съ усердіемъ разсказывала про свое „строгое время“. Ея разсказы на этотъ разъ отвели отъ обитателей поселка налетѣвшее было уныніе.

Ульяна Мосевна была очень довольна этимъ и сама шутила все время, но, тѣмъ не менѣе, когда, послѣ обѣда, вернулись Вонифатій и Петръ, она положила предъ образомъ три поклона и направилась къ Вонифатьевой избѣ. Если бы кто-нибудь изъ обитателей поселка увидалъ ее въ это время, посмотрѣлъ ей въ серьезное, вдумчивое лицо, замѣтилъ ея мѣрную и нѣсколько тяжеловатую походку, какъ будто она нарочно отчеканивала каждый шагъ, тотъ, навѣрное, могъ бы сказать, что въ жизни поселка начинаетъ совершаться нѣчто важное.

Но, прежде чѣмъ итти прямо къ избѣ Вонифатія, она прошла мимо житницъ, оглядѣла, все ли въ порядкѣ, и когда, наконецъ, повернула къ воротамъ, ее окликнулъ чей-то голосъ.

— Здравствуйте, Ульяна Мосевна! — сказалъ, подбѣгая, Филаретушка.

— Никакъ ты къ Петюшкѣ собрался? Ну, вотъ и кстати.

— Не утерпѣлъ, Ульяна Мосевна. Сначала я хотѣлъ было къ вамъ зайти, чтобы предварительно разслѣдовать — какъ, что, вообще въ какомъ направленіи дѣло состоитъ...

— Какое дѣло?

— Какъ же-съ! Петръ-то Вонифатьичъ нынче ужъ не таковъ, какъ прежде... Тоже затруднялся я прямо-то отнестись... Можетъ статься, онъ и теперь не въ снисхожденіи...

— А вотъ пойдемъ, пойдемъ вмѣстѣ. Вотъ оно и кстати!.. Тамъ мы и поговоримъ насчетъ снисхожденія-то...

— Весьма хладнокровенъ онъ сталъ въ настоящее время,—проговорилъ тихо Филаретушка, входя въ ворота.

VI.

Филаретушка, послѣ матери, больше всѣхъ любилъ и уважалъ Ульяну Мосевну. Ульяна Мосевна тоже любила, какъ родного, Филаретушку. Когда надъ Филаретушкой издѣвались многіе, а смѣялись почти всѣ, даже братья Волки, Ульяна Мосевна всегда стояла за него и защищала его. Теперь ихъ еще больше связывали одинаково-сердечныя отношенія къ Петру. Почти съ одинаковыми чувствами въ душѣ вступали эти два любящія существа въ избу Петра.

Когда наступили сумерки, съ такимъ же одинаковымъ душевнымъ настроеніемъ, опять вмѣстѣ съ Филаретушкой вышла отъ Петра Ульяна Мосевна. Еще суровѣе легли складки на ея лицѣ. И если бы полупрозрачная мгла осеннихъ сумерекъ не скрыла и не смягчила этихъ складокъ, то, можетъ быть, обитатель поселка, замѣтивши ихъ, долго не уснулъ бы въ эту ночь. Филаретушка, по своей обычной привычкѣ, только нетерпѣливо подергивалъ козырекъ и постоянно поправлялъ на головѣ картузъ, какъ будто никакъ онъ не укладывался на его встревоженной головѣ.

— Весьма хладнокровенъ онъ сталъ въ настоящее время,—повторилъ тихо Филаретушка, выходя отъ Петра, ту же самую фразу, съ которою входилъ къ нему.

Ульяна Мосевна молчала.

— Говоритъ: „Каковъ есть!.. Не взыщите... Надо полагать, умные люди лучше насъ знаютъ, что хорошо!“ — повторялъ внушительно вслухъ Филаретушка разговоръ Петра, какъ будто хотѣлъ навѣки запечатлѣть его въ своей памяти. И тутъ же онъ обращался время отъ времени къ Ульянѣ Мосевнѣ за разъясненіями.

— Что же, тетенька, неужели жъ иныхъ примѣровъ и нѣтъ отъ умныхъ людей? Думается, не должно такъ быть?—спрашивалъ онъ.

— Не знаю, Филаретушка... Должно быть, для насъ, мужиковъ, нѣтъ. Не про насъ тамъ палаты строены, не про мужичьи бока барскія полати выведены. Нечего бы намъ соваться-то туда... Для насъ свои примѣры есть. Слушали бы, какъ дѣды да прадѣды жили,—вотъ и примѣры. Отъ устоевъ-то бы дѣдовскихъ не отбивались...

— Говоритъ: „на погостѣ жить—не о всѣхъ тужить...“—продолжалъ, какъ будто про себя, выговаривать Филаретушка.—Что же, тетенька, я такъ полагаю, что ужъ это, значитъ, какъ бы дѣло мірское... Вотъ мы съ маменькой и дворовые люди, а вѣкъ-то проживши вмѣстѣ съ дергачевцами, какъ будто и со всѣми сроднились... Вотъ теперь у сосѣдей, въ Комарахъ недавно я былъ: гляжу—мірскіе чаи распиваютъ... Что такъ? Почему? А это, тетенька, къ нимъ переселенцы въ гости пріѣхали... Лѣтъ, видишь, десять тому будетъ, какъ отъ нихъ въ башкирскія земли пять семей ушли... Ну, вишь,

теперь нарочно оттуда въ гости побывать собрались! Ка-акъ же! Все одно, говорятъ, что родные. Тоска взяла, нельзя не навѣдаться: какъ, что, ну, и прочее такое. Зовутъ съ собой земляковъ-то, кои обѣдняли: земли обѣщаютъ у себя, избы помочью поставить...

— Такъ-то, по Божьему-то, Филаретушка, и надо бы. Дѣдовскіе это устои-то. Вѣка люди на нихъ прожили, такъ примѣра худого не будетъ.

И снова задумался Филаретушка.

Наконецъ, вдругъ какъ-то особенно неожиданно обратился онъ къ Ульянѣ Мосевнѣ:

— А знаете, тетенька Ульяна Мосевна, я такъ полагаю: у него, у Петруши-то, прострѣлъ въ сердцѣ!—почти вскрикнулъ Филаретушка, какъ будто самъ пораженный осѣнившею его мыслью.

— Не легче отъ этого, Филаретушка, не легче!—попрежнему, съ грустною суровостью проговорила Ульяна Мосевна.

Они подошли къ кельѣ Ульяны, какъ до нихъ донесся говоръ отъ качели. Только теперь замѣтили они, что у качелей собралась обычная компанія. Ульяна Мосевна не хотѣла, впрочемъ, теперь итти къ ней и уже стала было прощаться съ Филаретушкой, какъ услыхала несшійся отъ качелей голосъ Вонифатія. Вонифатій былъ какъ-то необычно веселъ, что-то разсказывалъ, чѣмъ-то хвалился и самъ хохоталъ на весь выселокъ. Это поразило не только Ульяну Мосевну, но и Филаретушку, и они пошли къ качелямъ.

Сумеречная мгла все больше и больше сгущалась надъ выселкомъ. Окружающіе предметы все больше теряли опредѣленныя очертанія и сливались въ какія-то сплошныя темныя полосы. Фигуры людей превратились въ движущіяся тѣни. На темномъ осеннемъ небѣ кое-гдѣ загорались звѣзды. Сырой сѣверный вѣтеръ гналъ по улицѣ поселка желтые листья и вмѣстѣ съ ними разносилъ надъ выселкомъ веселыя рѣчи Вонифатія.

Когда Ульяна подошла къ качелямъ, Вонифатій разсказывалъ про какую-то продѣлку Короната Львовича и кулака Маркушки съ Филаретушкой.

— Здравствуйте, — сказалъ Филаретушка.

— Да вотъ онъ и самъ здѣсь, господинъ аблакатъ!.. Ха-ха!.. Легокъ на поминѣ! Ну, умственный крестьянинъ, разскажи-ка намъ отъ судейскаго-то понимания что ни то! Ну-ка, пойдемъ къ моему Петюшкѣ, онъ тебѣ провѣрку сдѣлаетъ!.. Каковъ ты предъ нимъ окажешься?.. Ха, ха! Небось, надъ Петюшкой баре да богачи не надсмѣются, какъ надъ тобой! Такъ-то, другъ! Куда ужъ намъ! На-ка тебѣ вотъ сѣмячекъ... Пощелкай, г. судейщикъ!

Все лицо Вонифатія сіяло несказаннымъ благодушіемъ: его глаза прищурились и были влажны; щеки даже пылали, казалось, вмѣстѣ съ его рыжею широкою бородой. Онъ былъ, поистинѣ, человѣкомъ, который вдругъ увидалъ осуществленіе своей долгой мечты, и, притомъ, безъ всякаго личнаго труда съ своей стороны. На немъ была поярковая шляпа грешневикомъ, нѣсколько свалившаяся на затылокъ, синій, слегка наброшенный на плечи разлетай, въ широкій карманъ котораго онъ поминутно лазилъ за подсолнечниками и постоянно просыпалъ ихъ черезъ пальцы. Онъ угощалъ ими всѣхъ присутствовавшихъ. Луша весело смѣялась надъ отцомъ, дѣйствительно нѣсколько смахивавшимъ на паяца. Отъ него попахивало водкой. Сидѣвшихъ у качелей было очень трудно распознать, и только по голосу можно было отличить разговаривавшихъ, да изрѣдка трубка Вахромея красноватымъ заревомъ освѣщала его сурово-таинственное, нѣсколько цыганское лицо и здоровую, полнощекую, широкую, вѣчно улыбавшуюся физіономію брата Хипы, сидѣвшаго рядомъ съ нимъ.

— Такъ-то, братъ! Далеко намъ съ тобой!—хлопнулъ Вонифатій по плечу Филаретушку и захохоталъ.

— Что ты гогочешь? Чего ты старину-то свою безчестишь? — вдругъ раздался среди тьмы звучный, нѣсколько мужиковатый голосъ Ульяны Мосевны.—Али темно, такъ никому не видно, что у тебя старческаго стыда нѣтъ? Молиться тебѣ пора, старикъ, молиться! А ты что дѣлаешь? За молодыми, что ли, угоняться хочешь? Чѣмъ бы молодой разумъ на путь наставить, а ты за нимъ же въ погоню!..

— Ну, что, ну, что ты, старуха, разворчалась?—нѣсколько смутившись, проговорилъ Вонифатій.

— Молиться, говорю, молиться пора тебѣ, старикъ, а не по Коронашкамъ да Маркушкамъ бѣгать... Пора бы тебѣ сѣсть за Четьи-Минеи, да благочестиво чадъ своихъ поучать... А вы что затѣваете съ сыномъ-то? Объ чемъ по ночамъ-то въ молчанку играете?

— Развѣ мы къ худу? Мы къ тому, чтобы всѣмъ какъ лучше, а она...

— Какъ лучше? Али ты забылъ, какъ по-дѣдовски лучше-то? Али дѣдовскіе устои потерялъ? Такъ поди—дѣдушка-то еще живъ! Поди нади предъ нимъ ницъ, да и сына-то возьми съ собой (еще онъ, Господи благослови, о дѣдушкѣ-то и не заикнулся спросить!), да и моли старца, чтобъ онъ вамъ разумъ и сердце открылъ... Можетъ быть, Господь, отъ вашей молитвы смиловавшись, и откроетъ старцу словесную рѣчь вамъ въ поученіе... Вотъ какъ лучше-то! Можетъ быть, тебѣ старецъ-то и скажетъ, что по дѣдовски въ молчанку-то не играли, что помнили, ежели къ намъ чужіе люди привержены, то ихъ въ смущеніе грѣхъ приводить... Вотъ какъ лучше-то! Лучше-то — вышли бы вы вотъ на улицу да предъ всѣмъ честнымъ міромъ и сказали: „вотъ, молъ, и вотъ что̀ мы придумали, а верхъ за мірскимъ словомъ“. Потому—умъ хорошо, а два лучше!..

— А ежели пятеро дураковъ да столько же бабъ, такъ и совсѣмъ никуда не годится! ха-ха-ха!—засмѣялся своей остротѣ Вонифатій Мосеичъ, совсѣмъ не только уже оправившійся отъ смущенія, но даже преисполнившійся напущей храбрости.— Да теперь, ежели правду-то говорить, такъ Петюшка-то всѣхъ насъ разумомъ за поясъ заткнетъ,—вдругъ твердо заговорилъ онъ, внушительно наступая на Ульяну Мосевну.

— Его разумъ при немъ и останется, а нашъ—при насъ.

— Да теперь,—продолжалъ, не слушая и повышая голосъ, Вонифатій — знаючи его, я прямо скажу: дураки мы здѣсь сидимъ, круглые дураки. На насъ также люди-то смѣются, что вотъ надъ Филареткой!

— Мы для души живемъ, а не для похвальбы.

— Да теперь,—снова продолжалъ все внушительнѣе Вонифатій Мосеичъ,—скажи мнѣ Петюшка только слово, да я за нимъ куда хочешь пойду! Потому это человѣкъ на рѣдкость! Ему ото всѣхъ уваженіе, а не то что смѣшки...

— Пущай предъ Коронашками онъ и выхваляется, коли нашею душевностью небрежетъ! А ты подождалъ бы свою-то старость безчестить! Подождалъ бы примѣръ-то съ Маркушекъ брать, да отъ дѣдовскихъ устоевъ отшатываться! А и то сказать, коли здѣсь не любо, такъ свой монастырь въ столицахъ заводите, да въ немъ свои уставы и вводите! А въ дѣдовскомъ гнѣздѣ, на дѣдовской землѣ вамъ дѣлать нечего... Въ дѣдовскомъ гнѣздѣ сообща живутъ, на дѣдовской землѣ ни для кого особняковъ не построено!

— Да какая земля-то?—спросилъ, нѣсколько даже торжественно, Вонифатій Мосеичъ.

— Дѣдовская, не чужая...

— Да чья она такая? а? Земля-то? Дѣдушка-то вонъ глухой да слѣпой сидитъ, а мы, дураки, въ благодушіи пребываемъ... А земля-то чья?

— Никакъ что-то я не пойму тебя,— сказала Ульяна Мосевна, между тѣмъ какъ у нея вдругъ подогнулись колѣна и задрожали ноги.

— А вотъ поди къ Петюшкѣ, онъ тебѣ скажетъ... Онъ, вотъ, въ столицѣ жилъ, да больше насъ знаетъ.

— Чья же земля-то? — вдругъ кто-то спросилъ глухимъ голосомъ среди окружавшей тьмы.

Голосъ этотъ звучалъ такъ странно, что даже Вонифатій вздрогнулъ и не отвѣчалъ, пока не догадался, кому онъ принадлежалъ.

— Поди, Короната Львовича спроси: онъ тебѣ скажетъ, кто нынче за Корявинскую пустошь полтораста серебромъ, какъ едину деньгу, отвалилъ.

— Кто же отвалилъ?—спросилъ опять тотъ же голосъ, сопровождавшійся усиленнымъ сопѣніемъ въ чубукъ и полнымъ снопомъ красноватыхъ лучей, вылетавшихъ изъ трубки.

— А Петюшка отвалилъ, потому что въ столицѣ былъ да зналъ, что̀ съ землей дѣлается, а мы здѣсь, дураки, сидѣли да мало видѣли. Вотъ чья земля - то! Еще надо попросить умственнаго человѣка разузнать, чья у насъ земля-то!.. А мы разсѣлись на ней, ровно и впрямь помѣщики! Да замѣстъ того, какъ умные люди поступаютъ, чтобы даръ-то Божій за собой закрѣпить, да оборотъ съ нимъ сдѣлать, мы, по бабьему-то разуму, еще чужаковъ на нее нагнали. Пора за умъ взяться, а коли своего не хватаетъ, такъ тѣхъ, у кого онъ есть, слушаться! Вотъ что! Еще большакъ-то—я!.. Какое распредѣленіе сдѣлаю, такъ и будетъ! Худого не придумаю!

Вонифатію высказать все это стоило такого напряженія, что, замолчавъ, онъ потерялся и не могъ ничего сообразить.

Послѣднія слова Вонифатія были до

того неожиданны для слушателей, что всѣ смолкли, никто сразу ничего не могъ возразить, и кругомъ настала мертвая тишина; даже трубка Вахромея не сопѣла больше. Вонифатій и самъ какъ будто испугался своей храбрости. Не будь онъ выпивши, не опьянѣй онъ такъ отъ обаянія предъ успѣхомъ Петра среди „добросельской интеллигенціи", не будь, наконецъ, такъ темно,—врядъ ли бы онъ сказалъ и половину того, что открылъ теперь. Да врядъ ли бы его за это похвалилъ и самъ Петръ, такъ какъ это не могло быть въ расчетахъ его недовѣрчиваго, скрытнаго ума.

Наконецъ, Вонифатій опомнился, но чувствовать себя большакомъ не переставалъ.

— Луша, иди домой! — строго приказалъ онъ среди общаго молчанія.

— Тятенька, я еще успѣю,—тихо проговорила она.

Она сидѣла на доскѣ качели, рядомъ и обнявшись, съ дозволенія обычаевъ тѣхъ палестинъ, съ Иваномъ Забытымъ.

— Иди, говорятъ! Пора за умъ взяться! Будетъ со всякимъ якшаться! Ступай къ брату!.. Ступай въ свой домъ!—крикнулъ грозно Вонифатій, поправилъ на головѣ шляпу и походкой самоувѣреннаго человѣка пошелъ къ своей избѣ.

Если бы кто могъ освѣтить въ эту минуту осеннюю глубокую тьму, предъ его глазами предсталъ бы одинъ изъ драматическихъ моментовъ въ жизни выселка. Онъ увидалъ бы, какъ, при словахъ отца, сказанныхъ такимъ тономъ, котораго еще никто не слыхалъ, сошла вся кровь съ пунцовыхъ щекъ Луши и онѣ сдѣлались бѣлѣе полотна; какъ вспыхнулъ, напротивъ, Иванъ Забытый, и его рука, обнимавшая Лушу, вдругъ упала, словно разбилъ ее параличъ, и горькая улыбка, съ примѣсью не то злобы, не то покорности судьбѣ, пробѣжала по его губамъ. Врядъ ли съ этой минуты онъ оправится и будетъ попрежнему добродушно говорить свое обычное: „съ удовольствіемъ!"

Кромѣ этого, въ тотъ же моментъ совершилось здѣсь и еще нѣчто. Нѣсколько секундъ спустя послѣ словъ Вонифатія засопѣвшая было опять трубка Вахромея вдругъ смолкла, но по лившемуся отъ нея свѣту было видно, какъ быстро поднялся Вахромей, хотѣлъ крикнуть: „Раздѣлъ!"—но удержался, сжалъ губы и медленно опустился опять на бревно, на которомъ сидѣлъ. Рано или поздно, впрочемъ, этому слову уже не миновать теперь сорваться съ его губъ.

— Ну, утро вечера мудренѣе!—сказала Ульяна Мосевна.—Идите-ка спать, да подумайте каждый про себя.

А, между тѣмъ, „новый человѣкъ деревни", Петръ Вонифатьевичъ Волкъ-младшій, сидѣлъ все это время на завальнѣ отцовской избы и угрюмо смотрѣлъ въ глубину ночи, окутавшей и его, и выселокъ, и рощу. Онъ думалъ на неизмѣнную свою тему, „чтобы все какъ лучше".

Филаретъ же Флегонтовичъ Чижовъ (иначе Чижикъ) давно уже, еще какъ только Вонифантій заявилъ свои права большака, тихонько исчезъ отъ качели и побѣжалъ къ своимъ Дергачамъ. Онъ струсилъ и испугался, его охватила боязнь — чего? — онъ рѣшительно не понималъ. Онъ только безсвязно твердилъ:

— Прострѣлъ въ сердцѣ—это вѣрно!.. Въ сердцѣ прострѣлъ! Вотъ оно самое!

Что онъ разумѣлъ подъ этими словами, онъ врядъ ли бы и самъ объяснилъ. Онъ только очень былъ радъ, что нашелъ такое слово, которое, по его мнѣнію, знаменовало то *нѣчто*, что измѣнило душу Петра.

Какъ бы то ни было, нынѣшняя ночь была первая ночь, когда обитатель выселка легъ неувѣренный въ завтрашнемъ днѣ.

ГЛАВА III.

Раздѣлъ.

I.

Въ Ямской слободѣ губернскаго города N наибольшею извѣстностью среди трудового странствующаго крестьянства пользовался постоялый дворъ выписавшагося въ мѣщане крестьянина деревни Дергачи Еремѣя Еремѣича Строгаго. Надо думать, что окрестили его такимъ прозвищемъ не даромъ, такъ какъ былъ онъ, дѣйствительно, мужикъ „строгихъ правилъ" и, притомъ, „строгаго обличія". Высокій, корепастый, сутуловатый, съ большою лысиной на головѣ, длиннымъ носомъ, поросшимъ сѣдыми волосами на концѣ, сердитымъ взглядомъ большихъ карихъ глазъ и сѣдою бородой—онъ вездѣ, въ церкви ли, въ думѣ ли среди гласныхъ, на базарахъ ли, рѣзко выдѣлялся изъ толпы. А его суровый, глухой, но сильный, какъ труба, голосъ хорошо былъ извѣстенъ какъ торговому, такъ и кре-

стьянскому сословію, наѣзжавшему въ городъ. Кромѣ того, онъ пользовался извѣстностью, какъ человѣкъ справедливый и неподкупный; справедливый потому, что не обсчитывалъ мужиковъ, насыпалъ полныя мѣры овсомъ и не только не допускалъ насыпки „слегка", но даже постукивалъ по бокамъ желѣзной мѣры и встряхивалъ ее въ доказательство своей „справедливости"; неподкупный — потому, что постоянно велъ войну съ мелкою полицейскою сошкой, давать которой взятки считалъ „отъ Бога нигдѣ не положеннымъ" и „ни отъ кого не предписаннымъ". Эта война очень перѣдко доводила его до самого губернатора, съ которымъ онъ имѣлъ храбрость объясняться безъ холопства и безбоязненно, вѣроятно, потому, что вполнѣ вѣрилъ, что выше губернатора есть еще Богъ да царь. Вотъ этотъ-то „строгихъ правилъ" человѣкъ возвращался однимъ зимнимъ утромъ отъ раннихъ обѣденъ къ себѣ домой.

Войдя въ первую, просторную комнату, съ черными закопченными стѣнами, увѣшанными лубочными картинами религіозной морали, онъ помолился въ передній уголъ и, распоясывая кушакъ, крикнулъ своимъ громовымъ голосомъ:

— Эй! живы ли?

— Живы, живы, по милости Божіей! — отвѣчалъ изъ заднихъ комнатъ, вѣроятно, изъ „стряпной", чей - то женскій голосъ.

— Ну, и слава Создателю!.. Кипяточку бы наставить не мѣшало.

— Готово, готово.

— А это и еще лучше. Нутро попарить—важное дѣло!—перекликался Еремѣй Еремѣичъ, стаскивая съ себя кафтанъ. Онъ остался въ красной ситцевой рубахѣ и, покряхтывая, усѣлся на лавкѣ, растопыривъ ноги, какъ человѣкъ, вполнѣ довольный самимъ собою.

— Али никто не навертывался?—крикнулъ онъ опять.

— Есть, есть... Мы, батюшка, навернулись... Насъ судьба завернула... Али не примѣтилъ на дворѣ подводы-то?—сказала старуха Ѳеклуша, выходя изъ стряпной.

— Да ты, старая, какъ забралась сюда?—спросилъ Строгій.

— Ты на меня не дивись. А то дивись, мы, вѣдь, къ тебѣ всѣмъ Волчьимъ поселкомъ тронулись. Вотъ она какая машина! И Ульяна Мосевна, и братья—всѣ съ роднаго гнѣзда тронулись.

— Что такъ?

— Вотъ и такъ. И я ужъ за ними... Старичка - то моего, Мосея, схоронили, такъ на свободѣ я теперь... Вотъ и притыкаюсь ко всѣмъ... Они тронулись въ городъ, и я думаю, хошь Богу помолюсь. Авось тоже не безъ пользы будетъ къ ихнему дѣлу.

— Да какое дѣло-то?

— Да неужто ты неизвѣстенъ? — укоризненно качая головой, повязанной синимъ повойникомъ, сказала Ѳеклуша.—Да полно-се, Еремѣй Еремѣичъ, шутки со мной шутить.

— Говорю, ничего не знаю!—крикнулъ Строгій.

— Ой, не кричи, родимый! — схватилась старушка руками за уши, а ея сухощавая фигурка такъ и заколыхалась, словно подъ налетомъ вѣтра.—И совсѣмъ ты меня рѣчи лишишь, такъ-то трубимши! Ты полегче, родимый, со мной... Вѣдь, ужъ мнѣ, люди-то считаютъ, за девяносто перевалило.

— Ну, ладно, пощажу твою дряхлость. Давай-ка вотъ попьемъ кипяточку, а тѣмъ временемъ, не торопясь, и разскажешь,— шутилъ Строгій, принимаясь заваривать чай изъ самовара, который внесла толстая, грудастая дворничиха.

— Слышалъ? Дѣла-то какія?—спросила она мужа и вышла опять.

— Да нѣту же!

— Али не бывали у тебя Вонифатій-то Мосеичъ съ крестникомъ?—спросила Ѳеклуша.

— Нѣту.

— Ишь ты! У крестнаго отца не былъ! А поди ужъ съ мѣсяцъ въ городѣ живутъ.

— Петюшка-то съ отцомъ?

— Они, они, вмѣстѣ теперь, неразлучно.

— А Ульяна-то гдѣ же? Говоришь, и Ульяна здѣсь?

— Ушли... только что пріѣхали — и ушли. Хлопотать въ палаты ушли. Тоже боятся, какъ бы просрочки не сдѣлать.

— Да что у нихъ такое, скажешь ты или нѣтъ?—не выдержалъ опять Еремѣй Еремѣичъ и даже ногой притопнулъ.

Ѳеклуша такъ и обмерла. Чуть выговаривая, задыхаясь, она только твердила:

— Мышеядь... мышеядь... одолѣла, родимый, мышеядь.

— Какая такая мышеядь? Ну, да Богъ съ тобой—пощажу твою дряхлость,—махнулъ рукой Строгій,—разсказывай сама,

какъ ума хватитъ,—и Еремѣй Еремѣичъ принялся усиленно хлебать съ блюдечка чай.

— И пошла, родимый, съ самой-то осени,—начала, нѣсколько приходя въ себя, Ѳеклуша, — и пошла эта мышь, такая мышь, такая мышь—видимо-невидимо... И идетъ, и идетъ, откуда только эдакая машина этой гадины берется... Это, видишь, какъ разъ, когда старика похоронили... Ну, думаю-гадаю, не къ добру это... Ой, не къ добру!.. Говорю: унесъ съ собой старый въ гробъ райскую тишину изъ гнѣзда! И повалила эта мышь... Все валитъ, все валитъ...

— Да ужъ слышалъ! Дальше-то что?

— А зараньше того пчела у меня взбунтовалась. Вотъ и бунтуетъ пчела, вотъ и бунтуетъ, и нѣту мнѣ съ ней никакого сладу. Вѣкъ за пчелой ходила, а такого бунту отъ нея не видала...

— Ты мнѣ вотъ что, старуха,—перебилъ Ѳеклушу Строгій, — ты мнѣ одно только скажи толкомъ: зачѣмъ они въ палату пошли?

— Да судьбище у нихъ, родимый, судьбище промежъ собой началось.

— За что? Чего дѣлятъ?

— Въ раздѣлъ пошли!

— Въ раздѣлъ?.. Что за оказія! Это братья-то Волки?

— Они, родимый, они самые: благомысленные братья...

— Да, вѣдь, я у нихъ на праздникѣ былъ, ничего не примѣтилъ... какъ быть семья благословенная!

— Что говорить! Праздникъ былъ истинно благословенный. Раньше-то было и вышло у нихъ препирательство, а тутъ и опять все забыли... Свои люди, побранятся — сами и помирятся... И Вонифатій Мосеичъ, и Петруша, и Вахромей Мосеичъ,—всѣ какъ будто по-душевному одинъ съ другимъ. Ульяна Мосевна не нарадовалась... Только вотъ, послѣ тебя-то, на третій день ужъ это будетъ, сидѣли это всѣ съ гостями у качелей, пѣсни играли... Гляжу это я, родной, а черезъ улицу-то, къ житницамъ, мышь пошла. Вотъ и идетъ мышь, и идетъ стадомъ, стадомъ... Я такъ и руками взмахнула, говорю: ой, не къ добру! А меня всѣ ругать... Идетъ это мышь — только за ней слѣдомъ изъ городу москвичъ ѣдетъ, а за москвичомъ староста Макридій Сафронычъ (только что онъ тоже изъ города вернулся: въ казну деньги возилъ). Ну, и принялись ихъ угощать... А Макридій-то Сафронычъ, знаешь, какой, выпивши-то, на языкъ невоздержанный? Сейчасъ это въ куражъ вошелъ, да и позавидуй: „Эхъ, говоритъ, что это у васъ только за жизнь въ выселкѣ! Хоть бы денекъ такъ пожилъ! Тутъ бы, кажись, и умеръ отъ одного удовольствія! Да этого, говоритъ, еще мало... Мы, говоритъ, всѣхъ въ законный бракъ сочетаемъ!.. Ужъ ежели теперь не время, такъ, пожалуй, лучшаго и не дождешься... Всѣ, говоритъ, теперь налицо. Вотъ, говоритъ, примѣрно, Ульянею съ Сатиромъ, шутитъ. Ивана Забытаго къ Лушѣ приспособимъ, Аннушку Сатирову съ Петромъ Вонифатьичемъ, а въ закончаніе всего—Вонифатія самого къ солдаточкѣ Сиклетеѣ пристроимъ!.. Тогда, говоритъ, неуклонно благодать Господня надъ вами въ вѣки вѣчныя укрѣпится!..“ Сказалъ это онъ, а Петръ Вонифатьичъ съ отцомъ да съ москвичемъ улыбнулись, да въ одинъ голосъ: „Нонѣ времена другія, Макридій Сафронычъ. Кое-что у умныхъ людей и получше удумано! Такъ какъ, говоритъ москвичъ-то, наши теперь земельныя съ вами дѣла въ городѣ на лучшемъ ходу стоятъ, то позвольте, тятенька, съ вашего позволенія, вашу дочку на нашемъ жеребцѣ по улицѣ прокатить! А мы, говоритъ, ужъ въ городѣ все прикончили: ваше земельное имущество завтра же заложимъ и капиталы получимъ!“ Какъ это онъ родимый только выговорилъ, и пошла тутъ скорбь на весь поселокъ... Такая ли скорбь!

Старушка закачала головой, замолкла и всплакнула. Долго она всхлипывала и утирала носъ платкомъ. Еремѣй Еремѣичъ отъ усиленнаго вниманія, съ которымъ онъ пилъ чай и слушалъ старуху, до того вспотѣлъ, что потъ у него лилъ градомъ, и онъ только постоянно вытиралъ лицо полотенцемъ, да дѣлалъ знаки женѣ—не перебивать разсказчицу. Онъ уже боялся и заикнуться, чтобы не сбить старуху съ колен, на которую она попала, наконецъ. Старушка продолжала плакать. Дворничиха, смотря на нее, чуть сама не прослезилась, а въ дверяхъ въ стряпную стояла вся разрисованная мукой стряпуха и, подперевъ голову руками, умильно смотрѣла на Ѳеклушу.

— Ну, старушка, ну!—рискнулъ нѣжно понукнуть Ѳеклушу соскучившійся ея слезами Еремѣй Еремѣичъ.

— Сейчасъ, родимый, сейчасъ... Жалко, вѣдь! На Макридія-то Сафроныча я

все сержусь: невоздерженъ ужъ онъ на языкъ-то очень... И доброе слово сказать тоже надо ко времени, да къ мѣсту, да съ молитвой...

— Ну, ну, старушка, дальше-то что?— подгонялъ Строгій, стараясь возможно спустить свой голосъ на самыя низкія ноты.

— И пошла, родимый, скорбь на весь поселокъ... Вахромей-то Мосеичъ налетѣлъ это на Вонифатія съ Петромъ. „Вы, говоритъ, съ чьего это спросу, по чьему приказу?..“—„Мы, говорятъ, ни съ чьего спросу, ни съ чьего приказу, а съ того, что мы мужики умные, не чета вамъ, лѣснымъ дуракамъ!..“ Прасковья-то Хипу въ спину колотитъ: „Ты, говоритъ, дуракъ, чего смотришь? Али, говоритъ, ждешь, пока васъ умные-то люди въ конецъ оболванятъ?“ А Хипа-то былъ выпимши, не спросясь ума-разума, да за Вахромеемъ, кричитъ: „Подавай раздѣлъ!.. Въ раздѣлъ желаемъ!“—„Нѣтъ вамъ раздѣла,—кричитъ Вонифатій,—а жить вамъ по моему умному приказу... Потому мы къ тому, чтобы всѣмъ какъ лучше!“ Ѳедосья въ слезы, Луша въ слезы, всѣ бабы, окромя Ульяны Мосевны, ровно съ ума сошли. Знамо, вѣдь, всѣ грѣхи изъ-за бабъ идутъ. Бросились, родимый мой, по избамъ, кто у кого что тащитъ: кто лоханку волочитъ, кто ухватъ, кто сковороду. Та кричитъ: мое имущество, другая—мое... А мужики свое выговариваютъ. А я, родимый, стою, эдакъ, въ сторонѣ, да осиновымъ листомъ трясусь и молитву твержу... Твержу, да плачу...

И старушка опять заплакала.

— Ну, старуха, мы съ тобой до конца-то, должно, скоро не доберемся...—сказалъ Еремѣй Еремѣичъ,—слава Богу, что и до этого дошли.

— Слава Богу,—проговорила старуха.

Еремѣй Еремѣичъ покряхтѣлъ, поразмялъ кости, походилъ по комнатѣ и, поглаживая животъ, что-то проворчавъ про себя, забрался съ ногами на широкую лежанку изразцовой печи.

А въ то время, какъ Ѳеклуша вела бесѣду съ Еремѣемъ Еремѣичемъ, по улицамъ города N, пробираясь по протоптаннымъ черезъ сугробы тропкамъ, бродила кучка бабъ и мужиковъ, съ заиндивѣлыми бородами и бровями, въ просто нагольныхъ и въ крытыхъ крашениной полушубкахъ, въ сѣрыхъ и въ бурыхъ валеныхъ сапогахъ. То были наши знакомцы: Ульяна Мосевна, Хипа, Прасковья и Филаретушка. Филаретушка волновался, по обыкновенію, размахивалъ руками, что-то говорилъ Ульянѣ Мосевнѣ и постоянно забѣгалъ впередъ.

— Я говорю, примѣрный мужчина, — толковалъ онъ, — знаю! Ужъ будьте въ надеждѣ. Ежели какой титулъ, къ кому съ какимъ обращеніемъ къ чину и званію всякаго состоянія относиться, такъ ужъ уважитъ! Единственный чиновникъ! По крестьянскимъ дѣламъ служитъ. Вотъ сейчасъ, въ этой улицѣ. Господинъ! — обращался онъ къ какому-нибудь встрѣчному,—чиновникъ Вертихвостовъ, въ собственномъ домѣ, гдѣ будутъ находиться? Надо думать, въ этой улицѣ? Они въ этой улицѣ проживали...

И вотъ, послѣ многихъ спросовъ, наконецъ, отыскивали они чиновника Вертихвостова въ собственномъ домѣ, жались въ его узенькихъ сѣняхъ, пока Филаретушка освѣдомлялся о „расположеніи“ чиновника на его кухнѣ. Наконецъ, ихъ „допускали“.

— Проходите, проходите всѣ,—приглашалъ Филаретушка въ чиновничью переднюю своихъ земляковъ.

— Въ чемъ дѣло? — говорилъ чиновникъ, считая почему-то непремѣнною обязанностью принять строгій видъ. — Проходи сюда!

Ульяна Мосевна несмѣло входила въ зальце съ геранями на окнахъ, съ плетеною поломанною мебелью, съ портретомъ начальника и литографіей какого-нибудь архипастыря на стѣнахъ, съ неметенымъ еще поломъ и явными признаками недавняго въ ней присутствія цѣлой оравы ребятишекъ. Чиновникъ въ халатѣ, съ заспаннымъ лицомъ, неумытый и непричесанный еще, сурово садился около стола, вполоборота къ просителямъ, и снисходительно приготовлялся слушать.

— Вотъ вамъ старушка изложитъ, — рекомендовалъ Филаретушка, показывая на Ульяну Мосевну,—она всякаго мужика толковѣе будетъ... Будьте спокойны.

— Въ чемъ дѣло? — опять повторилъ сурово чиновникъ.

— А вотъ видите, господинъ, живемъ мы, по нашему дѣдовскому завѣту, по деревенскимъ обычаямъ, сообща, какъ искони положено, — начинала степенно Ульяна Мосевна, истово выговаривая слова.

Долго и обстоятельно льется рѣчь Уль-

яны Мосевны. Филаретушка изрѣдка вставляетъ въ нее свои замѣчанія. Въ дверяхъ стоитъ высокая, коренастая, добродушная фигура Хипы, плавающаго глазами по потолку и стѣнамъ зальца. Сзади его, внимательно слѣдя за разсказомъ, сердито глядѣла жена его Прасковья, и когда Ульяна Мосевна примолкала, чтобы поклониться чиновнику, Прасковья толкала Хипу въ спину и говорила: „Поклонись!“ Хипа спохватывался и отвѣшивалъ низкій поклонъ. Наконецъ, чиновникъ начиналъ зѣвать и вдругъ, не дослушавъ и половины, посылалъ ихъ къ другому чиновнику за справкой, бралъ подносимый Ульяной Мосевной рубль и увѣрялъ ихъ, что пріятель его все для нихъ устроитъ въ лучшемъ видѣ.

Опять бродитъ по сугробнымъ улицамъ города N кучка деревенскаго люда. Опять утѣшаетъ Филаретушка Ульяну Мосевну, что „выше надо подавать! Главнымъ образомъ, выше подавать!“ что у него, кромѣ этого чиновника, есть такіе адвокаты, которые въ правительствующій сенатъ не задумаются прописать—и какъ, и что, и по какой причинѣ. Опять отыскиваютъ крестьяне новаго чиновника „въ собственномъ домѣ“, опять начинаетъ обстоятельно выговаривать Ульяна Мосевна: „А вотъ видите, господинъ, живемъ мы, по нашему дѣдовскому завѣту, по деревенскимъ обычаямъ, сообща, какъ искони положено“. И снова гуляетъ глазами по стѣнамъ и потолку чиновничьяго зальца добродушный Хипа и снова стукаетъ его въ спину Прасковья и говоритъ: „Поклонись, деревянный!“ И снова чиновникъ, принимая рубль, посылаетъ ихъ куда-то, за какою-то справкой и снова утѣшаетъ ихъ Филаретушка, „что они безпремѣнно всякую правду отыщутъ“, пока, наконецъ, усталые не возвращаются они, при звонѣ къ вечернямъ, на постоялый дворъ Еремѣя Еремѣича Строгаго.

А Строгій, какъ человѣкъ вполнѣ строгихъ правилъ, никогда не упускалъ случая поддержать пріобрѣтенную имъ репутацію. Онъ держался того мнѣнія, что всякій непремѣнно въ чемъ-нибудь, да виноватъ, „потому кто же безъ грѣха?“ Выработавъ въ себѣ такія убѣжденія, онъ не любилъ никому „поблажать“, потому, какъ бы ни считалъ онъ человѣка правымъ, все же находилъ необходимымъ дать ему „острастку“.

— Ну, что, бунтовать вздумали?—крикнулъ онъ, сидя уже за вечернимъ чаемъ, когда ходоки Волчьяго поселка вошли въ избу и помолились въ передній уголъ.— Не успѣли дѣда въ яму свалить, а ужъ бунтъ зачинать?

— Не мы зачинаемъ, Еремѣй Еремѣичъ,—проговорила Ульяна Мосевна, снимая взмокшую отъ снѣга баранью шубу.

— Мышеядь!.. Вишь, что выдумали— мышеядь! Сами себя поѣдомъ съѣдите! Сами! На мышей-то нечего валить!

— Какія мыши, Еремѣй Еремѣичъ! Не мыши тутъ... А люди законъ потеряли, на дѣдовскіе завѣты наплевали...

— То-то наплевали!—не слушая, продолжалъ „задавать острастку“ Еремѣй Еремѣичъ.— Большакъ-то поди не хуже васъ знаетъ, что̀ хорошо... А тебѣ бы, старуха, грѣхъ молодыхъ-то бунтовать. Тебѣ бы ихъ же надо послушности учить, да покорности къ большаку, потому онъ теперь всѣмъ вамъ замѣнитъ отца, надо всѣми вами владыка...

— Позвольте, господинъ купецъ,—заволновался Филаретушка.

Но его перебила Прасковья.

— Да намъ что большакъ-то? Да рази большаку-то позволено зорить семью? Отъ кого такіе законы? — вдругъ сорвалась она съ лавки и бойко наступала на Еремѣя Еремѣича.—Развѣ большаку-то позволено вертѣть всѣми, какъ холопами?

— Молчать!—крикнулъ Строгій и даже ногой пристукнулъ.— Молода еще разговаривать-то!.. Ишь вы набаловались! На мои бы васъ руки!.. Ты чего жену-то не учишь?—спросилъ онъ Хипу.

Хипа такъ и озарился улыбкой во все свое широкое лицо.

Ходоки присмирѣли. Только Ульяна Мосевна замѣтила строго:

— Выше большака, Еремѣй Еремѣичъ, совѣтъ да любовь въ семьѣ... А кольми паче, ежели къ намъ чужіе люди привержены. Всѣ мы въ одну житницу хлѣбъ возили, въ одну руку работы подымали. Всѣ мы своего ищемъ. Надо разсудить по справедливости!

— Это вѣрно, вѣрно! — подхватилъ Еремѣй Еремѣичъ, вспомнивъ при словѣ „справедливость“ о своей репутаціи. — Помоги вамъ Богъ! Придвигайтесь-ка къ столу, да попарьте животъ-то! Чай, измерзли, изустали?

— Что ужъ говорить! Ежели бы не вѣрилъ, что у Бога правду сыщешь, такъ лучше бы въ гробъ лечь, — грустно проговорила Ульяна Мосевна.

По лицу ея было замѣтно, что глубокая грусть и скорбь давно уже поселились въ ея душѣ; у другой женщины эта скорбь и грусть, навѣрное, излились бы неизсякаемымъ потокомъ слезъ, но Ульяна Мосевна не умѣла плакать. Только на лицо ея все темнѣе и темнѣе ложились суровыя тѣни, только строже и худѣе дѣлалось ея лицо, серьезные глаза глубже уходили въ глазницы, плотнѣе сжимались сухія старческія губы и меньше было у нея охоты говорить.

— Дѣла!— проговорилъ Еремѣй Еремѣичъ. — Въ разоръ разорятъ,— прибавилъ онъ про себя и, кряхтя, сталъ одѣваться. Не говоря никому ни слова, натянулъ онъ по уши баранью шапку и вышелъ.

— Только, тетенька, не отчаивайтесь,— утѣшалъ Филаретушка Ульяну Мосевну,— это нельзя-съ, чтобы правды не отыскать. Ежели въ одномъ мѣстѣ не возьметъ, выше надо подавать. Главное дѣло — подавать и до конца стоять! Одно это требуется!

И съ этою вѣрой утомленные ходоки Волчьяго поселка скоро заснули.

II.

Было уже совсѣмъ темно, когда вышелъ Строгій на улицу. Въ окнахъ домовъ замелькали огни, тусклыми полосами свѣта освѣщая сугробныя улицы. Строгій, что-то ворча себѣ подъ носъ (это была одна изъ тѣхъ привычекъ, которая придавала ему особенно строгій видъ), переходилъ переулокъ за переулкомъ, перебрался черезъ погруженную въ мракъ торговую площадь, по которой рыскали собаки, и, наконецъ, на одномъ изъ угловъ ея вошелъ въ грязненькій трактиришко, хотя въ немъ и имѣлись „номера для благородныхъ“. Строгій протянулъ руку опершемуся локтями на стойку и дремавшему хозяину и спросилъ:

— Волки у тебя, что ли, стоятъ?

Хозяинъ молча кивнулъ головой на бильярдную и опять задремалъ. Строгій прошелъ въ бильярдную, грязную, тусклую, плохоосвѣщенную висѣвшею съ потолка лампой. На бильярдѣ играло человѣкъ пять благородныхъ; одни были въ запачканныхъ мѣломъ визиткахъ, другіе въ однихъ жилеткахъ и глаженыхъ сорочкахъ, на которыхъ особенно выдѣлялись всевозможныхъ сортовъ запонки въ видѣ собачекъ, подковъ, лошадиныхъ головъ и пр. Среди этихъ „благородныхъ“, очевидно, юныхъ служителей Ѳемиды, выдѣлялся своимъ казакиномъ, красною, выпущенною за поясъ, рубахой, длинною золотою цѣпочкой черезъ шею, розовыми щеками, красивымъ лицомъ и гордою осанкой статной фигуры землевладѣлецъ Коронатъ Львовичъ, „адвокатъ изъ уѣзда“, какъ звали его въ городѣ. Видимо, онъ былъ съ игравшими на пріятельской ногѣ. Послѣ каждаго удара онъ весело обнималъ одною рукой кого-нибудь изъ юныхъ служителей Ѳемиды и „отливалъ пулю“, приводившую въ восторгъ его пріятелей. Коронатъ Львовичъ считался острякомъ, хотя, кромѣ пошлостей, никакого остроумія отъ него никто не видалъ. Но ужъ почему-то всѣ привыкли смѣяться при его „пуляхъ“. Вдоль стѣнъ бильярдной сидѣла публика „неблагородная“, въ сибиркахъ или длинныхъ пиджакахъ; одни изъ нихъ съ видимымъ удовольствіемъ слѣдили за игрой, другіе скучали. Въ числѣ, кажется, послѣднихъ былъ и Петръ. Онъ сидѣлъ, облокотившись на уставленный пивными бутылками столъ и, небрежно подбрасывая въ ротъ сухари, съ надменнымъ, скучающимъ видомъ слѣдилъ за игроками. На его худомъ лицѣ, и въ тонкихъ губахъ, и въ тускло сверкавшихъ исподлобья глазахъ было замѣтно утомленіе, съ примѣсью какого-то полупрезрѣнія ко всему. Но въ общемъ вся его фигура, его посадка, такъ и била въ глаза гордымъ сознаніемъ удовлетвореннаго самолюбія. Это было еще болѣе замѣтно, когда, послѣ каждой сыгранной партіи, Коронатъ Львовичъ, обнявъ кого-нибудь изъ юныхъ служителей Ѳемиды (по попадавшимъ въ ихъ разговорахъ фразамъ, нужно думать, что они всѣ были съ университетскимъ образованіемъ), подводилъ ихъ къ столу съ бутылками и весело говорилъ Петру:

— Петруша!.. Ну-ко, другъ, выпьемъ пивца съ господами юристами!

Петръ, не измѣняя позы, говорилъ, повертывая голову въ уголъ комнаты:

— Тятенька, прикажи!

И изъ угла поспѣшно подымалась румяная, широкая, улыбающаяся съ рыжею большою бородой фигура Вонифатія Мосеича, все время дремавшаго въ благодушномъ самодовольствѣ отъ присутствія среди благородной компаніи. Онъ уже не разъ начиналъ клевать носомъ, но окрикъ Петра постоянно пробуждалъ его. Вонифатій Мосеичъ поспѣшно вскакивалъ,

улыбался пріятною улыбкой господамъ юристамъ и спрашивалъ:

— Пивка, что ли, еще?—и отправлялся къ буфету.

Очевидно, Вонифатій Мосеичъ начиналъ цивилизоваться—успѣлъ уже перенять въ городѣ кое-какіе пріемы вѣжливаго обращенія, хотя съ этимъ и неособенно мирилась его деревенская тяжеловатая комплекція.

Предъ приходомъ Строгаго только что произошла вышеописанная сцена. Сегодня Петръ былъ какъ-то еще суровѣе.

— Вотъ, другъ мой, этотъ парень... такая скотина! — сказалъ на ухо Коронатъ Львовичъ одному изъ пріятелей, отходя отъ стола съ бутылками.—Рекомендую! Думаю, братецъ, проучить...

— Конечно, оборвать надо!—посовѣтовалъ молодой юристъ.

И Вонифатій, и Петръ, при внезапномъ появленіи Строгаго, какъ будто смутились. Надо сказать, что Строгій былъ кумомъ Вонифатія и крестнымъ отцомъ Петра, котораго онъ крестилъ, когда еще жилъ въ Дергачахъ. Вонифатій всегда побаивался крутого характера Еремѣя Еремѣича, который выражалъ свои мнѣнія прямо въ глаза, а Петръ еще съ малыхъ лѣтъ какъ-то привыкъ уважать его. Ему нравились въ немъ и прямая грубость, и суровость, и неподатливость въ сношеніяхъ съ мелкою начальническою сошкой, и дѣльный, оборотистый характеръ, и смѣтка, и то, что всѣ его какъ будто побаивались. Въ Строгомъ именно не было того, что выражалъ Петръ словомъ „фиглярить“ и чего онъ такъ не могъ терпѣть. Предъ пріѣздомъ къ отцу онъ счелъ нужнымъ заѣхать къ Еремѣю Еремѣичу.

— Здорово,—сказалъ сердито Строгій и, положивъ руку съ шапкой на столъ, присѣлъ на кончикъ стула.

— Здорово, кумъ!—улыбаясь, привѣтствовалъ Вонифатій, а Петръ только проговорилъ: „здравствуй!“

— Давно ли пріѣхали? — отрывисто спрашивалъ Строгій, безучастно, въ то же время, смотря на игру.

— Да ужъ недѣли съ двѣ поди... Какія у насъ дѣла-то! Дѣла-то какія! а? Слышалъ, чай?—горевалъ Вонифатій Мосеичъ.

— Чего у меня не встали?—не слушая кума, продолжалъ спрашивать Еремѣй Еремѣичъ.

— По дѣлу такъ требовалось,—отвѣчалъ Петръ.

Строгій замолчалъ. Потомъ взглянулъ на рядъ бутылокъ на столѣ и внимательно посмотрѣлъ на Петра. Онъ хотѣлъ узнать, пилъ ли Петръ, или нѣтъ. Что Вонифатій былъ выпивши—онъ въ этомъ не сомнѣвался. Петръ выдержалъ взглядъ крестнаго, не измѣнивъ ни позы, ни выраженія.

— Али вы здѣсь и спите, и ѣдите?— опять сурово спросилъ Строгій.

— Какъ можна-а!.. Что ты кумъ, любезный!—обидѣлся Вонифатій.

— Мы два номера снимаемъ — одинъ для себя, другой для барина—адвокатомъ при насъ состоитъ... Пойдемъ къ намъ,— пригласилъ Петръ.

Пошли въ номеръ, провожаемые, незамѣтно для нихъ, подозрительнымъ взглядомъ Короната Львовича. Номеръ былъ грязненькій, но убранъ съ претензіей на барскую ногу: на окнахъ ситцевыя гардины, съ крупными цвѣтами, шторы; такая же гардина отдѣляла спальню. Вмѣсто увѣснстаго старомоднаго дивана съ клопами, неизбѣжно являющагося въ номерахъ провинціальныхъ гостиницъ, стояла кушетка, убранная бахромой, и плетеные гнутые стулья. На небольшомъ комодѣ стояли два подсвѣчника съ розетками. Надъ нимъ зеркало въ гнутой рамѣ, но грязное и засиженное мухами. Тѣмъ не менѣе, если бы кто заглянулъ въ душу Петра, онъ узналъ бы, какъ пріятно щекотала его самолюбіе эта незатѣйливая обстановка. Когда Вонифатій Мосеичъ брался зажигать свѣчи своими корявыми руками, Петръ всегда напоминалъ ему внушительно о розеткахъ. Кровать была, хотя съ очень плохимъ, но все же съ байковымъ одѣяломъ и матрацомъ. На ней спалъ Петръ. Онъ ни на минуту не сомнѣвался въ безспорномъ на нее правѣ. Вонифатій Моисеичъ, конечно, не только не помышлялъ заявлять на нее какія-нибудь претензіи, но даже на кушетку садился всегда „съ осторожностью“, а спалъ около дверей, по-деревенски, подостлавъ баранью шубу.

Строгій, попрежнему, угрюмо оглянулъ номеръ и сѣлъ къ столу.

— Выпить не хочешь ли? — спросилъ Петръ.

— Али денегъ много?.. Не надо!—отрѣзалъ Строгій.

— Съ этою прокламаціей денегъ не наживешь... Гляди, и послѣднія-то спустишь, — недовольно проговорилъ Петръ,

садясь по другую сторону стола и нервно поправляя салфетку.

Строгій исподлобья поглядѣлъ на него.

— А чего бунтуете? чего семью зорите? — затрубилъ онъ своимъ зычнымъ голосомъ.

— А-ахъ, кумъ!—выразилъ было искреннее соболѣзнованіе Вонифатій Мосеичъ и даже руками взмахнулъ, но Петръ взглянулъ на него, и старикъ не договорилъ.

— Не успѣли дѣда въ яму свалить, а ужъ бунты начинать? Чего зорите родныхъ, спрашиваю, а?—гремѣлъ Строгій, постукивая рукой по столу, вѣрный своей привычкѣ задавать всѣмъ „острастку".— Кому пользу видите, роднымъ-то животы потроша? Самихъ себя съѣдите поѣдомъ! Прахомъ все пустите! Брехачамъ польза— вотъ кому польза будетъ!

На голосъ Строгаго въ дверяхъ номера незамѣтно мелькнула фигура Коропата Львовича съ кіемъ въ рукахъ. Петръ не возражалъ; онъ далъ высказаться Еремѣю Еремѣичу и не разъ своимъ взглядомъ заставлялъ молчать отца, который, скорбно покачивая головой, порывался высказать, „какую напраслину взводилъ на него любезный кумъ". Наконецъ, когда Строгій успѣлъ ругнуть и „молодыхъ модниковъ, что въ Москвѣ у цирульниковъ волосы подовьютъ, да и носъ кверху дерутъ", и „старую бороду" Вонифатія Мосеича, и такимъ образомъ истощилъ весь запасъ сильныхъ выраженій для поддержанія репутаціи „человѣка строгихъ правилъ",—Петръ обернулся къ нему и говорилъ ровнымъ, увѣреннымъ голосомъ:

— Мы, крестный, такъ издавна полагали, что человѣкъ ты справедливый, съ головой, всякое къ людямъ отношеніе понимающій, къ невѣжеству и фиглярству строгій, а замѣстъ того... Весьма это удивительно для насъ, что такую отъ умнаго человѣка видимъ необстоятельность и несправедливость...

— Ну, — крикнулъ Строгій,—ты мнѣ объ моихъ-то качествахъ не разсказывай!.. Я объ своей справедливости давно хорошо извѣстенъ!

— И тѣмъ для насъ удивительнѣе... Мы, можетъ, съ тобою, не въ примѣръ прочимъ, желали бы во всемъ совѣтъ имѣть, отъ твоей разсудительности чѣмъ-нибудь позаимствоваться, а замѣстъ того видимъ, что ты старыхъ бабъ слушаешь предпочтительно умственнымъ людямъ... Весьма это для насъ неожиданно!

— Ну, такъ говори, что у васъ тамъ такое?—прикрикнулъ задѣтый за живое Строгій.

Петръ говорилъ правду: Еремѣй Еремѣичъ Строгій былъ, дѣйствительно, единственный почти человѣкъ съ родины Петра, съ которымъ онъ, не унижая себя, могъ бы снизойти до откровенной „бесѣды", до совѣта въ своихъ дѣлахъ. Отца онъ считалъ человѣкомъ „слабымъ" и, понятно, не могъ довѣриться ему вполнѣ; тетку Ульяну онъ хотя и уважалъ, но считалъ „бабой", и если онъ признавалъ въ ней достоинства, то только въ „области бабьяго дѣла". Онъ зналъ, что она ходила за нимъ вмѣсто матери, какъ за роднымъ сыномъ, зналъ, что она нѣжна, любяща, добра и за все за это почиталъ ее и былъ ей признателенъ, насколько допускала это его недовѣрчивая, замкнутая натура. Дядья... но дядья были для него именно представителями того добродушнаго, сиволапаго деревенскаго невѣжества и необстоятельности, надъ которой могъ издѣваться послѣдній писарь, которымъ могъ наплевать въ бороду первый проходимецъ, первый хожалый. Онъ, пожалуй, и любилъ ихъ, онъ ни на минуту не переставалъ считать ихъ „своими кровными", но себя, все-таки, считалъ неизмѣримо выше ихъ умственно. Одинъ Еремѣй Еремѣичъ былъ, по его мнѣнію, мужикъ, съ которымъ можно было говорить „о дѣлахъ" „сурьезно", зная, что онъ оцѣнитъ „дѣловитость" всякаго человѣка „по справедливости", не подкупаясь никакими посторонними соображеніями: родственными, сердечными, предразсудочными и другими. Вотъ почему Петръ толково, ясно и вполнѣ передалъ ему планъ той „земельной" операціи, которая такъ давно была уже имъ „удумана" и осуществить которую онъ явился было на свою родину. Операція была неособенно сложна: заложить земли Волчьяго поселка, полученную сумму прибавить къ имѣющейся уже суммѣ, накопленной въ Москвѣ, купить на эти деньги продававшіяся съ аукціона два сосѣднія барскія имѣнія и всѣ пріобрѣтенныя земли „пустить въ коммерческій оборотъ", отдавая въ аренду нуждающимся крестьянамъ. Чѣмъ дальше развивалъ Петръ свой планъ, тѣмъ все больше и больше, незамѣтно для себя, онъ имъ увлекался.

— Это ли зорить называется?—время отъ времени обращался онъ къ внимательно и молчаливо слушавшему Строго-

му.— Знаешь ты, какія земли-то вокругъ насъ? — приволье! И все это лежитъ вмертвѣ, впустѣ! А ежели бы Господь далъ собрать въ однѣ руки, къ одному мѣсту—это ли бы разоренье было? Въ барскомъ бы домѣ всѣ сообща поселились, фундаменты подъ него подвели бы, крыши желѣзомъ вывели, скотные бы дворы открыли... А тамъ, глядишь, пошли бы по Окѣ наши барки... Сами бы провожать ихъ стали, вплоть до Рыбинска!.. Флаги распустимъ! Каюты съ рѣзьбой! Лоцмана въ кумачныхъ рубахахъ! (надо думать, Петръ зналъ слабую струнку Еремѣя Еремѣича: „человѣкъ строгихъ правилъ“ еще во времена дѣтства Петра любилъ иногда помечтать на эту тему и часто развивалъ ее на дергачевской улицѣ, въ длинные зимніе вечера, съ замѣчательно соблазнительною опредѣленностью). А дядья бы дома были, каждый при своей части. А тетки на скотномъ дворѣ пусть хозяйничаютъ съ сестренкой. Зятя денежнаго и умственнаго въ домъ введемъ. Это ли зорить называется? (Глаза Петра какъ будто начали еще глубже уходить въ подлобье и искриться; его охватывало нервное раздраженіе). А теперь что сдѣлали? Кто зоритъ семью-то? Куда теперь деньги-то идутъ? На аблакатовъ, на барское угощеніе, въ пропой. Да еще унижайся, спину гни, подставляй подъ плевки ликъ крестьянскій, чтобы въ раззоръ не разорили! Кто же зоритъ-то? Кто въ раздѣлъ-то пошелъ? Собрали дергачевскихъ стариковъ, что изъ ума выжили, и давай распредѣлять родительское достояніе: и тому выдай, и другому выдай, проходимцу какому-то, нивѣсть откуда налетѣвшему, родства непомнящему (Иваномъ Забытымъ недаромъ прозвали), и тому часть выдай, потому, вишь, по дѣдовскову завѣту—труды его награди... Да съ чего? Въ кровномъ онъ съ нами родствѣ, что ли? А дуры бабы—за каждый уполовникъ въ драку. Это ли порядокъ? Кто же зоритъ-то?

Петръ на секунду пріостановился. Строгій молчалъ: „человѣкъ строгихъ правилъ“ колебался.

— Поди, — раздраженно проговорилъ Петръ, — поди скажи имъ, кто зоритъ семью-то, кто самого себя ѣстъ, счастья своего не понимаетъ!.. А мы ихнему невѣжеству покоряться не станемъ.

— А мы ихнему невѣжеству покоряться не желаемъ!—внушительно подхватилъ Вонифатій Мосеичъ и даже сердито, негодуя, поднялся со стула.—Зорить себя и ихъ, по ихнему невѣжеству, мы не допустимъ!.. Я—большакъ! — прикрикнулъ онъ (слезившіеся глаза его, впрочемъ, ни мало не желали терять своего веселодобродушнаго выраженія и гармонировать съ его внезапною суровостью). — Пущай нашему уму покорятся!

— А стариковскіе-то распорядки бросить пора... Потому это—отъ преданія!—замѣтилъ Петръ.

— Пущай нашему уму покорятся, мы не обидимъ!—твердилъ Вонифатій Мосеичъ, внушительно тыкая своимъ обрубленнымъ по первый суставъ указательнымъ пальцемъ и постоянно поглаживая другою рукой свою широкую бороду. — А земли изъ своихъ рукъ мы не выпустимъ... Пущай послѣ приходятъ, нашему уму покорятся, мы не обидимъ... Самимъ, дуракамъ, сладко будетъ!

Молчалъ Петръ. Молчалъ, сурово смотря въ полъ, и Еремѣй Еремѣичъ Строгій. Только Вонифатій Мосеичъ расходился и, немного пошатываясь, ходилъ по комнатѣ, неистово скрипя половицами, да повторялъ, тыкая предъ собой обрубкомъ пальца:

— Пущай нашему уму покорятся, ежели счастья своего не понимаютъ! Да!.. Пущай нашему уму покорятся!

— Дѣла! — только и нашелся, опять вздохнувъ, проговорить „справедливый“ человѣкъ Еремѣй Еремѣичъ Строгій.

Онъ поднялся, молча застегнулъ на крючки подъ бородой кафтанъ и сказалъ:

— Прощайте!—и вышелъ.

— Прощайте пока, — отвѣтилъ Петръ и вскорѣ вслѣдъ за нимъ вышелъ въ бильярдную.

Онъ былъ еще раздраженнѣе, еще суровѣе. Бесѣда съ крестнымъ вызвала въ немъ цѣлую массу воспоминаній: и кропотливую выработку неустанной идеи, „чтобы какъ лучше“, которая не покидала его все время пребыванія въ Москвѣ, и цѣлый рядъ мечтаній, осуществленіе которыхъ было имъ такъ строго и опредѣленно „удумано“, и мелкую борьбу съ разными неблагопріятными обстоятельствами, и страданія вѣчно уязвляемаго самолюбія, которыя, до поры до времени, хоронилъ онъ въ своей душѣ. Все это какъ-то хаотически, неопредѣленно перемѣшивалось съ обстоятельствами данной минуты и раздражало его. Онъ сѣлъ опять къ столу съ пустыми бутылками, не говоря ни слова.

— Вотъ что, братъ, Петръ Вонифать-

евичъ, — подошелъ къ нему Коронатъ Львовичъ, — эдакъ, братъ, нельзя... Ты объ чемъ тамъ со всякими мужиками толкуешь?

— А вамъ что?

— То-то и есть. Дѣло, братъ, ежели вести толкомъ, такъ нечего объ немъ звонить встрѣчному и поперечному. Ты еще этого не понимаешь.

— А я вамъ вотъ что скажу: извольте кушать! Ежели въ бутылкахъ пусто, такъ мы еще прикажемъ... А насчетъ нашего пониманія разговоръ оставимъ.

— Ты, братъ, я замѣчаю, въ послѣднее время очень заносчивъ сталъ... Смотри, братъ, на кого-нибудь не нарвернись!

— Извольте кушать! Кажись, безъ угощенія не оставляемъ. Вполнѣ довольствуемъ!

И Петръ загремѣлъ бутылками по столу. Коронатъ Львовичъ сверкнулъ было глазами, но удержался и, ничего не сказавъ, отошелъ къ бильярду.

Петръ попрежнему, молча, сталъ подкидывать въ ротъ соленые сухари.

— Вотъ, mon cher, какіе у насъ коми-вояжеры въ суконныхъ халатахъ проявляются! — сострилъ Коронатъ Львовичъ, подмигнувъ молодымъ юристамъ на Петра. И самъ Коронатъ Львовичъ, и молодые юристы захохотали.

Петръ не понялъ, что сказалъ Коронатъ Львовичъ, но онъ чувствовалъ, что смѣялись надъ нимъ. Его глаза сузились, онъ весь, какъ улитка, ушелъ въ себя и замеръ.

III.

Еремѣй Еремѣевичъ Строгій, возвращаясь домой по темной торговой площади и сугробнымъ улицамъ, что-то ворчалъ себѣ подъ носъ. Онъ былъ недоволенъ; не часто съ нимъ случались такія обстоятельства, чтобы онъ не могъ рѣшить чего-нибудь сразу „по справедливости". Онъ вообще не любилъ головоломныхъ задачъ и привыкъ, худо ли, хорошо ли, рѣшать всѣ вопросы сразу, безапелляціонно. Но теперь подвернулось именно такое обстоятельство, что онъ принужденъ былъ сконфузиться. Еремѣй Еремѣичъ ощутилъ въ своей душѣ раздвоеніе, а онъ этого не терпѣлъ. Вотъ почему онъ часто и сердито плевалъ, поправляя на головѣ шляпу. Вернувшись домой, онъ еще не пришелъ ни къ какому рѣшенію. Вѣроятнѣе всего, что, заставъ неспавшими ходоковъ Волчьяго поселка, онъ сорвалъ бы на нихъ сердце, задавъ „острастку", но они спали. На утро Еремѣй Еремѣичъ рѣшился какъ-никакъ помирить обитателей Волчьяго поселка. Въ этомъ онъ видѣлъ нѣкій душеспасительный подвигъ, и это же льстило его самолюбію, поддерживая пріобрѣтенную имъ репутацію справедливаго и строгихъ правилъ человѣка.

Но пока онъ обдумывалъ, какъ приступить къ эдакому щекотливому дѣлу, событія не давали себя ждать.

На третій или на четвертый день по приходѣ въ городъ ходоковъ Волчьяго поселка, когда, вечеромъ, возвратившись съ базара, Еремѣй Еремѣичъ хотѣлъ было окончательно приступить къ душеспасительному дѣлу миротворенія, онъ засталъ въ передней избѣ, гдѣ поселилась Ульяна съ своими спутниками, заштатнаго понамаря Ѳеотимыча. Въ старенькомъ, порыжѣломъ и заштопанномъ полукафтаньи, съ неизмѣнною сѣдою косичкой на затылкѣ, которой не измѣнялъ онъ во все долгое время своей „заштатной" жизни, Ѳеотимычъ развѣшивалъ на печи свое мокрое одѣяніе и что-то неторопливо разсказывалъ сидѣвшимъ по лавкамъ Ульянѣ, Хинѣ и Прасковьѣ.

— Ты чего, старикъ, приплелся? — окликнулъ его, входя, Еремѣй Еремѣичъ. — Али вамъ всѣмъ перемерзнуть дорогой хочется? Чего вы старыя-то кости съ Ѳеклушей растревожили?

— Посланецъ, благожелатель, посланецъ! — отвѣчалъ Ѳеотимычъ. — Для ради души спасенія всѣмъ потщиться надо.

— Что у васъ тамъ еще?

— Все благополучно, вашими молитвами!.. Вахромей Мосеичъ съ извѣщеніемъ къ Вонифатію Мосеичу послалъ, что, молъ, дочь его Лукерья Вонифатьевна изволила свои родныя мѣста покинуть!

— Какъ такъ?

— Чего жъ больше теперь и ждать? Разъ начни баламутить — за волной дѣло не станетъ... Брось камень-то у одного бережку, а онъ тебѣ волну до другого берегу дастъ, — сказала Ульяна Мосевна.

— Постой, старуха! — прикрикнулъ Строгій. — Такъ какъ же это она смѣлость такую взяла? а?

— А такъ, благожелатель: собрала свой коробъ, на могилку къ матери сходила, память дѣда своего почтила, изъ-

подъ снѣгу, около избы, родной землицы щепоточку вырыла и въ ладонку зашила, вышла на улицу, да предъ всѣми и говоритъ: „Прощайте, говоритъ, пока... Вотъ, говоритъ, смотрите, что я съ собой беру, это, говоритъ, только, приданое мое... Неравно, лихомъ не помяните... А тетенькѣ, говоритъ, Ульянѣ Мосевнѣ отъ меня земной поклонъ передайте, а обо всемъ прочемъ я ее извѣщу...“ Ну, молъ, Господь съ тобой! Ступай!.. Втѣпоры Вахромей Мосеичъ съ охоты вернулся. Разсказываемъ ему: „Что жъ, говоритъ, она свое взяла—не чужое унесла... Поди, говоритъ, Ѳеотимычъ, въ городъ, извѣсти отца“. Вотъ и пошелъ я, благожелатель...

— А въ погоню не послали?

— Что за ней гнаться-то? Чай, она не воровка, не своей семьи разорительница, — сказала Ульяна Мосевна. — Богъ знаетъ, какъ за наши дѣла наградитъ.

— Что за ней гнаться! — повторилъ Ѳеотимычъ,—не въ нощи ушла, на людскихъ очахъ.

— Говорили отцу-то?

— Нѣтъ еще, благожелатель... Признаться сказать, съ духомъ не сберусь... Нутко, къ нему теперь иттить-то... Только ужъ ради души спасенія укрѣплюсь какъ ни то.

— Ну-у,—вздохнулъ Еремѣй Еремѣичъ и махнулъ внушительно рукой,—пошла битка въ конъ... Одна бѣда, говорятъ, не ходитъ!

— Не ходитъ, благожелатель, не ходитъ,—поддержалъ и Ѳеотимычъ.

Еремѣй Еремѣичъ оставилъ пока всякую мысль о примиреніи и заказалъ самоваръ.

На слѣдующій день Ѳеотимычъ, какъ только заблаговѣстили къ ранней обѣднѣ, пошелъ въ церковь. Дряхлый, полуразрушенный старикъ, онъ трусилъ теперь каждаго окрика. Господу же Богу угодно было наложить на него столь тяжелое бремя, какъ сообщеніе большаку объ уходѣ его дочери. Зналъ Ѳеотимычъ, каковъ бываетъ въ этомъ случаѣ большакъ, а тѣмъ болѣе „испивающій“ и заранѣе предчувствовалъ, что неповинно должно обрушиться на его старческую голову за такую вѣсть. У обѣдни онъ усердно молился, затѣмъ, для приданія себѣ храбрости, понюхалъ дружески табачку изъ тавлинки своего сверстника, церковнаго звонаря (при чемъ они сообщили другъ другу, что имъ „давно бы ужъ умирать пора“) и отправился въ номеръ къ Волкамъ—старшему и младшему.

А въ это время Волки, старшій и младшій, сидѣли за самоваромъ, около стола. На столѣ лежали крендели, куски сахару въ синей бумагѣ, соленые огурцы и стояла бутылка водки. Вонифатій Мосеичъ уже былъ румянъ и веселъ. Петръ, по обыкновенію, молчаливъ и сердито сосредоточенъ, несмотря на то, что у нихъ сидѣлъ гость. Гость этотъ былъ московскій молодецъ Макаръ Карпычъ. Макаръ Карпычъ былъ тоже чѣмъ-то не совсѣмъ доволенъ.

— Какая оттяжка вышла, а-а? — тянулъ онъ недовольнымъ тономъ, нехотя прикусывая крендель. — Проволочисто, весьма проволочисто вышло! Не ожидалъ! Теперь на самые эти разъѣзды сколько времени потеряли!

— Сдѣлай милость, оставь!.. Не грусти!.. Пожалуйста, прошу тебя—не грусти! — уговаривалъ его Вонифатій Мосеичъ.

Петръ молчалъ, смотря упорно на столъ, и тихо барабанилъ по немъ пальцами.

— Ужъ одну усадьбу продали, — продолжалъ, не слушая, москвичъ.—Конечно, умные люди ждать не станутъ!

Онъ замолчалъ.

— Мы тоже, кажись, не глупѣе другихъ считались,—проворчалъ Петръ.

— Я не про то... А, главное дѣло, въ хозяинѣ у васъ силы весьма недостаточно. Вотъ у насъ, какъ мы, значитъ, уже болѣе къ купечеству привержены, такъ у насъ, бывало, тятенькино слово — законъ, отъ его рѣчей не только что родная семья, а всѣ домочадцы въ трепетаніи находятся... Потому — главенство вполнѣ! Проволочекъ - то этихъ и не бываетъ, — вотъ она, коммерція - то и идетъ.

— Не грусти! Пожалуйста, прошу тебя, не грусти!—опять умолялъ москвича Вонифатій Мосеичъ.—А что ты обо мнѣ сказываешь, такъ это ты ошибаешься... Ты думаешь,—вотъ я теперь добръ, такъ и всегда?.. Нѣ-ѣтъ, братъ!.. Спроси-ка Петра, какъ его въ молодости лозьемъ обучалъ! Да не то, что Петра, я Лушку, и ту другой разъ, въ пьяномъ часѣ, поднявши подолъ - то подхлестывалъ... Вотъ что! Мы страхъ-то Божій не хуже кого другого понимали.

— Надо полагать, не вполнѣ!—замѣтилъ москвичъ.

Въ это время вошелъ Ѳеотимычъ и, остановившись у двери, сталъ молиться на большой образъ съ лампадой, висѣвшій въ углу.

— Никакъ Ѳеотимычъ!—крикнулъ Вонифатій Мосеичъ.—Ты чего, старикъ, съ печки-то слѣзъ? Али помолиться угодникамъ задумалъ?

— Помолиться, благожелатель! Удостоился отъ отца благочиннаго благословеніе принять.

— Ну, ну! Садись, обогрѣйся кипяточкомъ... Вотъ я тебѣ водочки поднесу... Что у васъ—благополучно ли!

— Молитвами вашими живемъ!

— Ну, выпей... Выпей, ничего, небойся!

Ѳеотимычъ боязливо взялъ дрожащими руками стаканъ и съ пожеланіями выпилъ, крякнулъ, закусилъ и опять присѣлъ.

— Вахромей Мосеичъ кланяться приказалъ.

— Ну, пущай бы и не кланялся, убытку бы не было!

— Приказалъ объявить, что дочка ваша Лукерья Вонифатьевна изволила самоохотно отбыть третьягодняшняго числа.

— Чево?—не понялъ Вонифатій Мосеичъ.

— Отбыть, молъ, отбыть изволила.

— Да ты что говоришь?

— Отбыть, молъ, неизвѣстно куда, изволила...

— Это Луша-то? Про нее, что ли, ты?

— Про нее-съ, про Лукерью Вонифатьевну, благожелатель!

— Ну?

— Отбыть изволила...

— Какъ отбыть?

Съ каждымъ вопросомъ глаза Вонифатія Мосеича открывались все больше, все упорнѣе всматривались въ лицо Ѳеотимыча, который старался не смотрѣть на него.

— А такъ, благожелатель, — началъ медленно выговаривать Ѳеотимычъ. — На могилку къ родительницѣ сходила, память дѣда своего почтила, изъ-подъ снѣгу, около избы, родной землицы щепотку вырыла и въ ладонку зашила, вышла на улицу, вынесла свой коробъ, да всѣмъ и говоритъ: „Вотъ, говоритъ, добрые люди, смотрите, что я съ собой беру: это, говоритъ, приданое мое... Неравно, лихомъ не помяните! А тятенькѣ...“

— Это, выходитъ, ваша дочка сбѣжала?—перебилъ его москвичъ, обратясь къ Вонифатію.

Вонифатій Мосеичъ блуждающими глазами посмотрѣлъ, не понимая вопроса, въ лицо москвича, потомъ на Петра, потомъ на Ѳеотимыча и вдругъ, какъ бы осѣненный сознаніемъ, крикнулъ на Ѳеотимыча:

— Ванька Забытый гдѣ?

— Ушелъ, благожелатель, точно что ушелъ... Надо думать, вмѣстѣ они ушли...

— Голубчики, помогите!—вдругъ заревѣлъ Вонифатій Мосеичъ. — Обокрали! Дочь родная обокрала! Дочь!...—причиталъ онъ, между тѣмъ какъ по бородѣ и щекамъ его лились слезы.

Но вдругъ онъ вскочилъ, схватилъ въ одну руку шапку, въ другую бараній тулупъ и бросился, одѣваясь на ходу, вонъ. Пробѣжавъ черезъ трактиръ, вызвавъ общее любопытство, онъ спустился подъ темный навѣсъ двора, гдѣ стояли лошади, безсмысленно потолкался около саней и вдругъ, опять бѣгомъ, волоча по полу тяжелыя полы тулупа, поднялся по вонючей и грязной лѣстницѣ трактира вверхъ и снова вбѣжалъ въ номеръ.

— Поѣдемте со мной!.. Скорѣй поѣдемте! Петръ, одѣвайся!—кричалъ онъ. Дочь родная обокрала!.. Сердце родительское обокрала — вотъ что обидно!.. Одѣвайтесь, говорю!.. Облаву сгонимъ, со дна моря найду.

— Нечего теперь въ полѣ вѣтеръ ловить... Надо бы раньше знать, каково хорошо богадѣльни-то строить, да приживальщиковъ съ вѣтру брать,—проговорилъ Петръ. — За твое-то добро они задутъ восчувствовать!

— Поѣдемте, говорю, собирайся!—кричалъ Вонифатій Мосеичъ, безъ толку хватая пожитки.

— Не зачѣмъ ѣхать,—отвѣчалъ Петръ, образумься лучше.

— Макарушка, родной! бѣги, ступай, хоть до самого губернатора дойди—поймай ее, излови, срамницу! отдаю ее тебѣ,— бери, учи ее, какъ знаешь!—говорилъ, все еще плача, Вонифатій Мосеичъ москвичу.

— Не наше теперича здѣсь, вижу я, дѣло... Извините!—сказалъ, поднимаясь, москвичъ.

— Ступай къ архирею!.. Проси, чтобъ всѣмъ попамъ настрого приказалъ ихъ, срамниковъ, подъ вѣнецъ не ставить! Бѣги, опоздаешь, Макарушка!.. Бѣги скорѣй!..

— Точно, что отсюдова бѣжать надо... Потому, видно, всякихъ прокламацій здѣсь конца краю не видать!—пробормоталъ москвичъ, насмѣшливо улыбнувшись, и взялся за шапку.

— Прощенья просимъ... Благодаримъ за угощенье!.. А за свое не взыскиваемъ,—сказалъ онъ, иронически раскланиваясь, и пошелъ къ двери.

— Вы куда же, Макаръ Карпычъ?—спросилъ въ волненіи Петръ.

— Домой-съ, къ маменькѣ... И такъ весьма проволочисто время убили... Мы ужъ лучше съ купцами дѣло поведемъ,—проговорилъ москвичъ уже въ коридорѣ между номерами. — Самимъ, выходитъ, весьма въ убытокъ!—заключилъ онъ, натягивая на уши баранью шапку.

Петръ, шедшій было за нимъ, вдругъ понялъ все—остановился, и улыбка, не то презрѣнія, не то грусти, искривила его лицо.

— Что такое у васъ?—спросилъ, выбѣгая въ одной ночной рубашкѣ изъ номера Коронатъ Львовичъ.

Волосы у него были растрепаны, красивое лицо заспано и измято послѣ безсонной ночи и кутежа. Голосъ былъ хриплый и сердитый.

— Такъ, свои дѣла,—отвѣчалъ Петръ, все еще стоя въ какой-то нерѣшимости въ коридорѣ.

— Какія дѣла? Что такое? Онъ ушелъ, кампаньонъ-то? — кивнулъ къ лѣстницѣ Коронатъ Львовичъ.

— Ушелъ...

— Совсѣмъ?.. Что такое вышло?

— Вполнѣ, значитъ, умственный человѣкъ,—проговорилъ Петръ и зло улыбнулся.

— То-то и есть! Онъ, братъ, носъ-то не деретъ, а дѣло понимаетъ! — сурово выговорилъ Коронатъ Львовичъ, быстро повернулся къ Петру спиной и, вмѣсто того, чтобы пригласить его, по обыкновенію, къ себѣ, захлопнулъ ему подъ носомъ съ трескомъ дверь.

У Петра зазвенѣло въ ушахъ, лицо вспыхнуло. Онъ на минуту растерялся.

Между тѣмъ, Вонифатій Мосеичъ, посмотрѣвъ безтолково и ничего не понимая вслѣдъ уходившему москвичу, вдругъ набросился на несчастнаго Ѳеотимыча. Ѳеотимычъ только разводилъ руками, да изрѣдка вытиралъ потное лицо, смиренно поднимая на свои плечи нелегкія пожеланія, которыя посылалъ Вонифатій и „побиральцамъ“, и „крохоборамъ“, и „приживальщикамъ“, и своимъ братьямъ, и всему населенію поселка вообще. Петръ вошелъ въ это время въ номеръ, равнодушно посмотрѣлъ на стариковъ, взялъ фуражку и вышелъ опять, не сказавъ ни слова. Очнувшійся Вонифатій оставилъ, наконецъ, Ѳеотимыча и бросился за совѣтомъ „къ своему аблакату“, Коронату Львовичу. Коронатъ Львовичъ изъ его безалабернаго разсказа могъ, наконецъ, сообразить, что уходъ Луши имѣлъ вообще для „дѣла“ Волковъ болѣе глубокое значеніе, чѣмъ простая любовная интрига. Онъ догадался, что вмѣстѣ съ нею ушла отъ „дѣла“ половина силы, въ лицѣ капитальнаго москвича. Коронатъ Львовичъ намоталъ это тотчасъ на усъ. Его уже давно тревожила холодная и надменная „повадка“ чувствующаго свою силу мужика. Все еще не успокоившійся Вонифатій „отъ своего аблаката“ бросился на постоялый дворъ Строгаго, по пути обогналъ Ѳеотимыча и не упустилъ случая еще разъ его выругать. На постояломъ дворѣ онъ никого не нашелъ, кромѣ Ѳеклуши. Досталось отъ него и старушкѣ Ѳеклушѣ, и снова досталось только что доплетшемуся до двора Ѳеотимычу. „Ахъ, ты, Господи, вотъ напасть!—проговорилъ даже Ѳеотимычъ. — Ишь, какъ врагъ-то человѣческій наводитъ!“. Но, чувствуя, что и имъ нужно „терпѣть и нести крестъ“ вмѣстѣ съ своими благожелателями, они, не ропща, принимали окрики расходившагося большака. Не заставъ дома Ульяны, Вонифатій бросился въ палату, гдѣ и встрѣтилъ нашихъ ходоковъ на крыльцѣ суда. Облегчивъ свое горе руганью съ сестрой, братомъ и невѣсткой, и даже Филаретушкой, Вонифатій, наконецъ, нашелъ гдѣ-то попутчика въ село Доброе и уѣхалъ одинъ, безъ Петра, производить дознаніе и показывать власть большака, въ Волчій поселокъ.

Мы не будемъ, однако, слѣдить за подвигами огорченнаго отца, не будемъ разсказывать, какъ онъ жалостно причитывалъ и пенялъ на людскую неблагодарность среди дергачевскаго міра, какъ онъ роздалъ всѣмъ сестрамъ по серьгамъ въ Волчьемъ поселкѣ, какъ досталось отъ него и Сатиру, и солдаткѣ Синклетеѣ. Всѣ эти подвиги, понятно, только обострили еще болѣе взаимное неудовольствіе обывателей Волчьяго поселка. Мы лучше прямо перейдемъ къ разсказу о томъ, чѣмъ кончилась эта „исторія дѣдовскаго гнѣзда“.

IV.

Прошло не мало дней, недѣль и даже мѣсяцевъ, прежде чѣмъ рѣшилось „дѣло о раздѣлѣ общаго имущества крестьянъ-собственниковъ, братьевъ Волковъ“. Не одинъ разъ „обѣ стороны“, выражаясь судейскимъ языкомъ, уѣзжали изъ города опять къ себѣ домой, снова пріѣзжали, возвращались опять; и опять останавливались ходоки у Еремѣя Еремѣича Строгаго, а „умственные крестьяне съ своимъ аблакатомъ“—въ трактирѣ съ „номерами для гг. благородныхъ“. Впрочемъ, здѣсь слѣдуетъ замѣтить, что Петръ, послѣ того какъ оставилъ ихъ москвичъ, а отецъ уѣхалъ по дѣлу дочери въ село, тотчасъ же перемѣстился изъ своего номера въ болѣе скромный, уже безъ гардинъ и розетокъ, въ темный, съ окномъ на грязный дворъ, съ диваномъ, наполненнымъ клопами; вообще, онъ значительно сократилъ свой бюджетъ, такъ какъ скопленная имъ въ Москвѣ сумма быстро истощалась на тяжбу. Но еще болѣе сокращались рессурсы ходоковъ, съ Ульяной Мосевной во главѣ. Много разъ уже кожаная мошна, висѣвшая на груди Ульяны Мосевны, изсякала до послѣдняго гроша, снова наполнялась, благодаря постепенно вывозимой изъ поселка живности и спускаемой на городскомъ базарѣ, и снова изсякала. Было спущено въ городѣ уже все, что имѣлось цѣннаго у братьевъ и у самой Ульяны. Въ послѣдній разъ были запроданы въ городѣ синія суконныя сибирки Хипы и Вахромея и старинный, шитый парчей, сарафанъ самой Ульяны Мосевны. Знакомые Филаретушки, „единственные въ мірѣ чиновники и адвокаты, произшедшіе вдосталь всякіе титулы“ и даже не задумывавшіеся писать въ правительствующій сенатъ, оказались, во-первыхъ, далеко не такъ шустрыми, а во-вторыхъ, далеко не такъ добросовѣстными, какими считалъ ихъ отзывчивый, душевный Филаретушка. Чѣмъ больше истощался достатокъ, тѣмъ Прасковья становилась злѣе и сердитѣе, тѣмъ больше ругала и Хипу, и всѣхъ и вся, да и самъ Хипа начиналъ выходить изъ себя и тяготиться своимъ безмолвнымъ содѣйствіемъ и сопутствіемъ Ульянѣ Мосевнѣ. Отъ бездѣлья и городской жизни онъ привыкъ даже и запивать.

Еремѣй Еремѣичъ Строгій, послѣ неудавшейся попытки къ примиренію, на которую онъ все-таки рискнулъ было для очищенія совѣсти, теперь обратилъ свои строгія реплики на „всеобщее разореніе“ и самояденіе, которому подвергали себя обѣ стороны разлагающейся семьи. Онъ приходилъ въ чрезвычайное раздраженіе при одной мысли — сколько денегъ прахомъ пошло на „крапивное сѣмя“ (этимъ именемъ онъ продолжалъ называть и адвокатовъ, нисколько не смущаясь ихъ болѣе прогрессивнымъ значеніемъ, чѣмъ бывшіе подьячіе). И при этомъ человѣкъ строгихъ правилъ одинаково соболѣзновалъ какъ о той, такъ и о другой половинѣ семьи Волковъ.

Время шло. Наступала весна. Въ послѣдній разъ проѣхали на саняхъ въ городъ, и то съ трудомъ, ходоки Волчьяго поселка. Хмуры, раздражительны и молчаливо-суровы были они теперь. Давно уже сошли съ ихъ лица доброта, наивность и ласковая улыбка, воспитанныя среди мирной, безхитростной жизни деревенскаго достатка. Истомленные заботами, непрестанною мыслью о будущемъ, о грозящей страшной нуждѣ, ѣхали они въ городъ съ тщетною надеждой услыхать, наконецъ, рѣшеніе своей судьбы.

И судьба Волчьяго поселка скоро была рѣшена. Двѣ трети пахотной земли (въ нее входила преимущественно земля, которая была въ пользованіи дергачевской общины) были присуждены младшимъ братьямъ, но рощи, третья часть пашни и вся Корявинская пустошь поступили въ вѣчное и нерушимое владѣніе большака, старшаго брата. Впрочемъ, здѣсь считаю нужнымъ замѣтить, во избѣжаніе могущихъ быть недоразумѣній, что, внося, вскорѣ по своемъ прибытіи въ Волчій поселокъ, деньги за Корявинскую пустошь, во избѣжаніе тяжбы съ барыней, Петръ вовсе не имѣлъ тогда въ виду пріобрѣсть эту пустошь въ *свою* исключительную пользу: онъ дѣлалъ это для блага всей семьи. И только уже впослѣдствіи, когда оказался неизбѣжнымъ раздѣлъ и Петръ крѣпко всталъ на своемъ: „пущай нашему уму покорятся — мы не обидимъ“,— только тогда сдѣлалось такъ, что документы на владѣніе пустошью очень пригодились и для той операціи, о которой онъ мечталъ.

Когда сдѣлалось извѣстнымъ рѣшеніе, Филаретушка вознегодовалъ:

— Подавать надо! Выше надо подавать! Какъ такъ? Почему? По какой причинѣ денной грабежъ допускать? Подавать!

Главнымъ образомъ, подавать выше надо!—волновался онъ.

Ульяна Мосевна, Хипа и Прасковья стояли въ недоумѣніи, посматривая на Филаретушку, и въ нерѣшимости молчали.

— Выше надо подавать!.. Намъ еще права предоставлены!—продолжалъ волноваться Филаретушка.

Они не сомнѣвались въ его личной сердечной добротѣ, но круто чувствовали оскудѣніе своихъ достатковъ, чувствовали, что они уже дотянули до послѣднихъ кишекъ.

— Пускай подавятся!—рѣшила сердито Прасковья.—На награбленное добро не разживутся... Встанетъ оно имъ поперекъ горла, да и дѣтямъ-то ихнимъ не разъ чужая корка поперхнется! — кляла она вслухъ на судейскомъ крыльцѣ своихъ родственниковъ.

— Молитесь, глупые, молитесь, что еще совсѣмъ не разорились!—строго выговаривалъ Еремѣй Еремѣичъ,—что еще не совсѣмъ васъ мышь съѣла!

Ульяна Мосевна не говорила уже теперь почти совсѣмъ.

Съ тѣмъ и уѣхали изъ города ходоки Волчьяго поселка, неся съ собою скорбный приговоръ его былому патріархальному существованію.

Петръ былъ еще очень молодъ. Только что оконченное „дѣло" было первымъ дѣломъ въ его житейской практикѣ, и вотъ почему, несмотря на то, что результаты далеко не соотвѣтствовали задуманному плану, онъ былъ въ глубинѣ души доволенъ, какъ ребенокъ. Онъ чувствовалъ теперь себя человѣкомъ, въ рукахъ котораго вліяніе, и сила, и, можетъ быть, скорое богатство. Въ началѣ, когда только что былъ „удуманъ" планъ земельной операціи, онъ, какъ извѣстно, лично стушевывался, такъ какъ операція эта предполагалась быть общимъ дѣломъ всей семьи Волковъ. Но теперь обстоятельства неожиданно повернули дѣло иначе. Хотя и уменьшились объемы операціи, но за то личное значеніе и сила Петра возросли до того, что онъ могъ *отъ себя* устроить счастіе своихъ родныхъ. Его болѣзненно развитому самолюбію это говорило очень много. Но вмѣстѣ съ тѣмъ душа Петра была взволнована и возмущена. Его молодая, неокрѣпшая натура еще не мирилась съ такими шулерскими передержками въ человѣческихъ отношеніяхъ, которыя, съ такою откровенною наглостью, могли продѣлывать опытные практики, какъ Коронатъ Львовичъ и москвичъ. Несмотря на то, что Петръ уже достаточно вышколилъ свою подвижную физіономію, чтобы скрывать на глубинѣ всякую душевную тревогу, но заглушать и убивать въ себѣ тотчасъ же всякую возможность этихъ душевныхъ тревогъ онъ еще не умѣлъ. Послѣ сцены съ москвичомъ онъ долго волновался и не успокоился еще и теперь.

Коронатъ же Львовичъ, какъ человѣкъ опытный, смотрѣлъ на дѣло трезвѣе: онъ видѣлъ, что предполагавшаяся операція далеко не удалась, что выигрышъ Петра, въ сущности, былъ очень не великъ и что разсчитывать было не на что. Коронатъ Львовичъ былъ уже давно недоволенъ Петромъ, а теперь и вовсе не желалъ съ нимъ стѣсняться.

На другой день послѣ рѣшенія Петръ дѣлалъ въ трактирѣ „спрыски". Народу набралось на даровое угощеніе не мало. Приходили личности, едва извѣстныя Петру, и поздравляли его съ Вонифатіемъ Мосеичемъ. Были тутъ и судейскіе чиновники, и городскіе мѣщане, и пьянчужки изъ села Добраго, и писаря изъ добросельской волости, и даже затесались какими-то судьбами два бродячіе пьяные дергачевца, которые съ самыми нѣжными и ласковыми улыбками увѣряли и Петра, и Вонифатія, что дергачевскій міръ, по первому ихъ слову, всякое имъ уваженіе предоставитъ. Всѣ, кстати, ругали и Ульяну, и младшихъ братьевъ Волковъ. Почтенная публика давала полное удовлетвореніе надменному тщеславію молодого „умственнаго" мужика. Гордый, серьезный и суровый, съ обычною презрительною улыбкой, сидѣлъ онъ посрединѣ передъ столомъ, уставленнымъ бутылками и закусками, и равнодушно слушалъ пьяныя увѣренія въ дружбѣ.

Подвыпившій Вонифатій Мосеичъ давно уже, кажется, забылъ свое отцовское горе и, румяный, улыбающійся, плавалъ по залѣ трактира и съ истиннымъ русскимъ радушіемъ подчивалъ гостей. Но Петръ еще не былъ вполнѣ доволенъ. Онъ ждалъ Еремѣя Еремѣича и Короната Львовича. Пришелъ Еремѣй Еремѣичъ Строгій, „изъ любопытства единственно", какъ заявилъ онъ, не выпуская изъ рукъ шапки, посидѣлъ рядомъ съ Петромъ, помолчалъ, посмотрѣлъ на собравшуюся публику, поворчалъ на Вони-

фатія и скоро ушелъ. Вслѣдъ за нимъ явился и Коронатъ Львовичъ, какъ-то особенно нагло выступая. Онъ былъ пьянъ; лицо у него обрюзгло, глаза заплыли послѣ цѣлой недѣли кутежей.

— Ну, что, братецъ,—обратился онъ прямо къ Петру, разваливаясь на диванъ, — доволенъ? Будешь мнѣ благодаренъ?

— Кажется, мы расквитались... Сколько слѣдуетъ оплатили... Намъ съ вами не ребятъ крестить,—надменно отвѣчалъ Петръ.

— Что такое ты говоришь?

— А вотъ не желаете ли поздравиться?.. Сверхъ, значитъ, всего прочаго, что вамъ за аблакатскіе труды уплачено отъ насъ...

— А я, братецъ мой, неоднократно тебѣ замѣчалъ, что ты слишкомъ забываешься... Ты, кажется, забылъ, что я—дворянинъ?..—поднялся Коронатъ Львовичъ на диванѣ и грозно сверкнулъ глазами на Петра.

— Точно что... Однако, кажись, мы болѣе отъ васъ не въ зависимости... Наплевались въ ликъ-то крестьянскій весьма достаточно...

— Ты — хамъ, — загремѣлъ Коронатъ Львовичъ,—ты въ умственной отъ меня зависимости! Въ умственной! Слышишь?

— Пустое это дѣло-съ,—перебилъ его Петръ. — Аблакаты - то нынче всякіе есть... Извольте-ка лучше поздравить съ окончаніемъ дѣла... А что насчетъ умственности, такъ это еще Богу извѣстно!

— Мальчишка! Мужикъ! — заревѣлъ, уже вскакивая совсѣмъ, Коронатъ Львовичъ, весь побагровѣвъ.—И ты смѣешь... Да я тебя...

И кулакъ Короната Львовича сдѣлалъ внушительную дугу въ воздухѣ.

Петръ вскочилъ, его глаза засверкали и еще глубже ушли въ глазницы. Мгновенно въ его воображеніи мелькнула какая-то давно забытая, но очень похожая, сцена въ Москвѣ. Петръ задрожалъ, какъ въ лихорадкѣ.

— Бей его!..—крикнулъ онъ, бросаясь со сжатыми кулаками.

Пьяные гости повскакали съ мѣстъ. Коронатъ Львовичъ, никакъ не разсчитывавшій на подобный оборотъ, какъ ни былъ пьянъ, но сообразилъ, что онъ тутъ одинъ...

V.

Два дня спустя послѣ этой сцены въ Волчьемъ поселкѣ, въ кельѣ Ульяны Мосевны, утромъ собрались братья: Вахромей и Нипа, ихъ жены, Прасковья и Ѳедосья, Ѳеотимычъ и Ѳеклуша. Возвратившійся только что изъ Дергачей Вахромей Мосеичъ передавалъ результатъ своихъ переговоровъ съ дергачевцами о переселеніи младшихъ братьевъ Волковъ снова въ родную деревню. Дергачевцы уступили имъ подъ усадьбы небольшіе клочки земли съ края деревни, въ обмѣнъ за двойные участки пахотной земли въ поляхъ, доставшихся по раздѣлу братьямъ.

— Торопиться надо... Пора ужъ съ этого непутнаго мѣста тронуться... Вишь, какъ его нечистая сила охватила!—говорилъ Вахромей Мосеичъ.—Совсѣмъ загубитъ, со свѣту сживетъ...

— Сглазили, родные! — говорила Ѳеклуша.

— Такъ что жъ?.. Ежели пущаютъ, такъ и слава Тебѣ, Господи: выбирайтесь полегоньку, — сказала Ульяна Мосевна.

— Пора!.. Чтобы до работъ-то хоть срубы крышей покрыть!.. Чтобы хоть дождемъ лѣтомъ не мочило...

— Эка сила рухнула!—шепталъ Ѳеотимычъ.

Пока разговаривали собесѣдники, въ поселокъ въѣхалъ Петръ. Онъ былъ одинъ. Отца онъ оставилъ въ городѣ, пока не выправитъ нужныя бумаги. Петръ подъѣхалъ къ своей избѣ. Она была заперта и пуста. Привязавъ лошадь къ кольцу калитки, онъ пошелъ къ кельѣ Ульяны Мосевны. За разговоромъ никто не слыхалъ, какъ онъ пріѣхалъ. Когда Петръ отворилъ дверь, вдругъ всѣ вздрогнули и перемѣнились въ лицѣ. Петръ молча и истово помолился предъ образомъ, затѣмъ въ три пріема низко поклонился роднымъ. Никто не шелохнулся, и только Ѳеклуша три раза тихонько сплюнула въ сторону, да Ульяна Мосевна перекрестилась.

— Богъ въ помочь! — проговорилъ Петръ.

Никто не отвѣчалъ, только опять одна Ульяна Мосевна проговорила тихо:

— Благодаримъ... Милости просимъ! Садись!

Петръ прошелъ къ столу и сѣлъ около него.

Всѣ отодвинулись къ угламъ избы и молчали.

— Весьма для насъ было это неожиданно,—началъ слегка дрожащимъ голосомъ Петръ, постукивая, въ волненіи, пальцами о доску стола и смотря на дверь, — весьма неожиданно, что мы вообще о томъ всю жизнь свою помышляли, чтобы какъ всѣмъ намъ лучше пріустроиться, а замѣстъ того... отъ нашего невѣжества... самихъ себя въ разоренье привели.

Петръ остановился.

— Не отъ невѣжества это, а отъ грѣха, отъ врага рода человѣческаго,—замѣтила Ульяна Мосевна.

Вахромей закурилъ трубку, отворилъ окно и, облокотившись на него, сталъ выпускать тонкія струйки дыма.

— Но какъ это дѣло, значитъ, выходитъ, поконченное, — увѣреннѣе продолжалъ Петръ,—то объ немъ и панафиды пѣть нечего. А къ тому я говорю, что и теперь, ежели умственно дѣло взять, можно еще къ наилучшему все пріустроить. Мы съ тятенькой такъ порѣшили: оставаться всѣмъ намъ здѣсь на прежнемъ положеніи, и работы вести сообща, и операцію земельную тожъ сообща произвести. Вы нашему уму покоритесь, а мы васъ не обидимъ. Земли ваши при васъ останутся, а наши при насъ: никому, значитъ, не обидно, а въ то жъ время сообща о томъ будемъ стараться, чтобы какъ всѣмъ лучше... Какъ ты, тетенька, объ этомъ скажешь?

— Мое дѣло, Петрушенька, тутъ сторона. Я и хлопотала не за себя, а за сиротъ. Чего мнѣ надо? Мнѣ ничего не надо. Я на свой вѣкъ отъ трудовъ прокормлюсь! — сказала Ульяна Мосевна.— Вотъ дядьевъ спрашивай, ихъ бы совѣта тебѣ давно принять надо...

— Наши дядья туги насчетъ этого. Кабы они умственнаго дѣла касались, такъ столь большой скорби для насъ не произошло бы. Вотъ что я вамъ скажу. Такъ вамъ бы поосудить ихъ не мѣшало, заказать бы имъ семьи-то свои зорить, да отъ вѣрнаго счастія отказываться, ежели у нихъ своего ума-понятія нѣтъ.

— Убью!—вдругъ закричалъ Хипа и съ своими страшными, извѣстными на всѣхъ дергачевскихъ бояхъ, кулаками подскочилъ къ Петру.

Петръ поблѣднѣлъ, но не струсилъ. Онъ не былъ трусъ вообще. Ѳедосья и Ульяна схватили за руку Хипу, безумно поводившаго глазами, и усадили его между собой на лавку.

— Мало вамъ? Мало еще?—сорвалась съ лавки, вслѣдъ за мужемъ, Прасковья.— Мало вы родной-то крови выпили? Чего вы еще захотѣли? Али еще нечистая сила не улеглась въ васъ? Али еще вы своими прелестями мало соблазнили, да крови выпили?.. Будьте вы прокляты!.. прокляты!.. прокляты!..

— Паша... Паша!—удерживала за подолъ сарафана Ульяна Мосевна расходившуюся невѣстку.

— Вы у кого хлѣбъ-то отняли? а? Не у насъ, не у дядьевъ—нѣтъ! Нечистая ваша сила изъ дѣточекъ нашихъ кровь пила! Кровь! Подавитесь вы грабленнымъ кускомъ! Провалитесь вы въ вашемъ поселкѣ! Богъ отъ него отступился! Ребячьи душеньки его прокляли! Мы и дня здѣсь не останемся, на этой землѣ проклятой!.. Не то что на ваши умственныя прелести польститься! Мы по міру лучше пойдемъ, лучше дергачевскому міру въ ноги поклонимся.

Такъ сыпала безостановочно, задыхаясь, махая руками, освирѣпѣвшая Прасковья, не давая никому выговорить слова. Наконецъ, Ульянѣ Мосевнѣ коекакъ удалось ее угомонить.

— Не желаете, выходитъ?—спросилъ Петръ послѣ того, какъ въ избѣ настала тишина.—Коли такъ—съ Богомъ! —рѣшилъ онъ, вставая въ сильномъ волненіи.—Съ Богомъ! А на насъ вину класть нечего! Берите на себя! Подите, поживите съ дергачевцами, коли вамъ мало... Попробуйте кабалы-то! Авось на міру драть будутъ... Остальныхъ коровъ продавать... Испробуйте!.. Только на насъ вины не валите! Умственный человѣкъ о томъ думаетъ, чтобы какъ лучше, а дуракамъ, выходитъ, законъ не писанъ!—закончилъ Петръ, въ нервномъ раздраженіи застегивая воротъ кафтана. Онъ плотно надѣлъ на голову фуражку и вышелъ.

— Будьте вы прокляты, кровопійцы!—крикнула ему вслѣдъ Прасковья, опять сорвавшись съ лавки, и долго еще неслись за Петромъ изъ оконъ кельи Ульяны Мосевны проклятія Прасковьи, пока не успокоили ее бабы.

Петръ задами вошелъ въ свою избу.

Когда же, черезъ полчаса, онъ вышелъ оттуда и сѣлъ на лошадь, то услыхалъ, какъ желѣзные ломы ударяли уже

въ крышу избы Вахромея. На крышѣ стояли Хина, Вахромей и Сатиръ и рушили совсѣмъ пошатнувшіеся дѣдовскіе устои.

Петръ молча проѣхалъ мимо нихъ въ село Доброе, чтобы кое съ кѣмъ осмотрѣть еще не проданную барскую усадьбу.

Чуть забрезжилось слѣдующее утро, какъ отъ Волчьяго поселка, по направленію къ Дергачамъ, снова потянулись возы бревенъ, и попрежнему шутили помогавшіе молодымъ братьямъ Волкамъ дергачевцы:

— Опять, значитъ, въ крестьянское сословіе! Такъ-то оно лучше! Грѣха меньше! Пущай ужъ умные мужики помѣщиками живутъ! А мы и такъ, по своей простотѣ, вѣкъ дотянемъ!

— Поселяйтесь, поселяйтесь!—покрикивалъ староста Макридій Сафронычъ, когда братья Волки клали первые вѣнцы.— Селитесь, мы съ вами всегда въ дружбѣ были, одни отъ другихъ не отбивались! Селитесь съ Господомъ!—говорилъ онъ, поглаживая бороду, какъ нѣкогда дѣдъ Мосей, кладя первые устои своего поселка.—А пущай тамъ, кто умнѣй, новые устои ставитъ! Ну, что, Сатиръ Иванычъ, и ты опять къ намъ?.. Вонъ оно что значитъ произволеніе-то Божіе—отъ него не уйдешь.

И дергачевцы подсмѣивались, вслѣдъ за своимъ неизмѣннымъ старостой, надъ Сатиромъ.

Только Сатиръ былъ суровъ и угрюмо молчалъ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ВНУКЪ.

ГЛАВА I.

Строгій.

I.

Деревня Дергачи встрѣчала весну 186* года, пятую весну послѣ „освобожденія“. Неизмѣнные любимцы русской деревни, весенніе заморскіе гости, торопливо собирались подъ соломенныя, знакомыя крыши: колокольчикомъ зазвенѣлъ надъ зазеленѣвшеюся нивой жаворонокъ, залился, восторженно трепеща крыльями, скворецъ и весело защебетала въ кустахъ малиновка. Нѣтъ сомнѣнія, они радовались благополучному возврату подъ кровъ бѣдной деревеньки и привѣтствовали ея мирнаго и знакомаго обитателя, ея скудныя, но любимыя и широко-привольныя нивы. Но если бы эти воздушные и беззаботные пѣвцы могли заглянуть въ душу деревенскаго обитателя, они, навѣрное, пришли бы въ немалое удивленіе и „недоумѣніе“, какъ и самъ этотъ обитатель, при видѣ того, что происходило въ Дергачахъ въ одно такое свѣжее, благодатное весенне утро.

У одной большой, хозяйственно сколоченной избы замѣтно было особое, необычное движеніе. Въ то время, какъ изъ избъ деревеньки, на встрѣчу восходящему солнцу, узкими, полупрозрачными полосами весело неслся рѣзко-душистый дымъ, въ этой избѣ не загорался уже сегодня семейный очагъ. Вонъ сама заботливая хранительница этого очага, высокая, статная, здоровая женщина, одѣтая по-дорожному, не первый разъ уже выходитъ на задворки, въ огородъ, въ небольшой садъ, заглядываетъ въ сарай и какъ-то сосредоточенно, словно замерѣвъ на мѣстѣ, долго и любовно обводитъ глазами эти давнымъ-давно сроднившіяся съ ея душой мѣста. Ищетъ ли она чего здѣсь, или беззвучно разговариваетъ съ этими безмолвно и безучастно смотрящими на нее предметами? Что они могутъ говорить ея сердцу? А они, должно быть, говорятъ... Вотъ у женщины быстро скользнули по щекамъ крупныя слезы, изъ груди вырвался глухой, подавленный вздохъ. Она окинула еще разъ глазами овинъ, сѣнницу, огородъ и, медленно повернувшись, опустивъ голову, пошла къ избѣ. Въ избѣ народу было много; за столомъ и вдоль стѣнъ по лавкамъ сидѣли гости—мужики и бабы; на столѣ—самоваръ, водка и пироги. Подвыпившіе гости были веселы или нарочно старались развеселить хозяевъ.

— Что, Алена Митревна, али неохотно трогаться съ нашихъ мѣстовъ: плохо, плохо, а все свои?—спрашивали бабы вернувшуюся въ избу женщину съ заплаканными глазами.

— Да, вѣдь, какже: родное все, сжилась со всѣмъ... Дѣды да отцы жили...

— Да, да... Какъ не жалко! Вотъ и хозяинъ-то твой закручинился... Что говорить! Какіе мы ни есть, а все люди... Все оно вмѣстѣ вѣкъ-то прожили—сроднишься. Тамъ еще, въ городѣ, Богъ знаетъ, какіе люди будутъ, какіе друзья-пріятели. Можетъ, хуже насъ, грѣшныхъ,—говорили гости.

— Все Богъ, никто какъ Богъ! Кушайте, почтенные, кушайте!—сурово-степенно угощалъ гостей высокій, съ просѣдью въ волосахъ мужикъ, то подходившій къ столу угощать гостей, то таскавшій связанные узлы на стоявшій у воротъ возъ.

— Это что говорить! Конечно, что Богъ,—отвѣчали гости.—Насъ все же не

забывайте. Мы, вѣдь, не виноваты... Мы отъ души... Развѣ мы утѣсняли?.. Господи помилуй... У насъ противъ тебя зла нѣту...

— Нѣту, нѣту... Этого не думайте,— мимоходомъ говорилъ сосредоточенный старикъ. — А кто виноватъ, то одинъ Богъ знаетъ. Всѣ виноваты, такъ думать надо...

— По жисти ужъ такъ...

— Да, по жисти... Пожалуй, что вѣрно. Ну, вонъ и подъѣхали, — прибавилъ хозяинъ, взглянувъ въ окно.—Кажись, все забрали?

— Все, все, — отвѣчала его жена. — Одного не возьмешь, — родной земли не возьмешь!

— Что жъ, наша земля не пустовать будетъ, къ своимъ же въ руки перейдетъ... Ну, владай нашимъ имуществомъ, Иванъ Тимоѳеичъ, владай на благополучіе, а не во вредъ... Пріѣдемъ, неравно, въ гости, чтобы было тебѣ чѣмъ предъ нами похвалиться,—сказалъ хозяинъ, обращаясь къ одному изъ гостей, и затѣмъ сталъ молиться. Помолилась и жена. Гости встали. Помолчали. Затѣмъ всѣ двинулись изъ избы. У воротъ на улицѣ стояли лошади; одна изъ нихъ была Ульяны Мосевны. Сама она сидѣла въ телѣгѣ; съ нею рядомъ подростокъ лѣтъ 15-ти, племянникъ Петръ, задумчивый, худощавый мальчикъ, съ карими, смотрѣвшими исподлобья глазами, въ синемъ суконномъ армячкѣ и въ новой черной фуражкѣ. Его отецъ, Вонифатій Мосеичъ, перетягивалъ торопливо супонь, а на облучкѣ, какъ-то съежившись, сидѣлъ другъ-пріятель Петра, Филаретка, въ ситцевой рубахѣ и старой отцовской жилеткѣ; онъ отъ времени до времени вздрагивалъ всѣмъ тѣломъ—отъ внутренняго ли волненія, или отъ ядреной свѣжести весенняго утра.

— Готовы? — спросилъ вышедшій изъ избы, въ сопровожденіи гостей, старикъ и, затѣмъ, внимательно взглянувъ въ лицо Ульяны Мосевны, проговорилъ:—Чего сердишься, старуха?.. Ахъ, вы, бабы, бабы!..

Словно подъ неотразимымъ вліяніемъ взгляда старика, и мальчикъ Петръ недовольно-сердито глянулъ въ лицо тетки и нетерпѣливо повернулся на мѣстѣ.

— Что сердиться! Сердиться нечего,— истово выговаривала Ульяна Мосевна,— а только мало хорошаго, ежели другъ отъ дружки люди бѣжать пустились, съ родныхъ мѣстъ бѣгутъ... Надо сказать правду, Еремѣй Еремѣичъ.

Старикъ взглянулъ мелькомъ опять въ суровое лицо Ульяны Мосевны, потомъ посмотрѣлъ на жену; его высокая, здоровая баба стояла еще у воротъ избы; вдругъ она медленно поклонилась въ поясъ землѣ, коснувшись ея рукой, но не успѣла подняться, какъ глубокая скорбь, вырвавшаяся изъ груди сдержаннымъ рыданіемъ, повалила ее совсѣмъ. Нѣсколько секундъ рыдала она, припавши къ землѣ. Всѣмъ стало тяжело и неловко. Бабы вздыхали. Мужики прятались одинъ за другого. Ульяна Мосевна сердито смотрѣла въ сторону. Филаретка вдругъ выпрямился и во всѣ глаза глядѣлъ на рыдавшую женщину: у него у самого навертывались слезы. Петръ внимательно слѣдилъ за старикомъ и какъ-то невольно его молодыя черты отражали на себѣ малѣйшіе оттѣнки выраженій стариковскаго лица.

Старикъ Еремѣй Еремѣичъ покачалъ съ сердитымъ недовольствомъ головой и крикнулъ своимъ обычнымъ, громкимъ, басовымъ голосомъ:

— Будетъ ужъ!.. Пора! Давно рѣшено!

Изъ дергачевскихъ избъ повысыпала чуть не вся деревня и окружила уѣзжающихъ. Снявъ шляпу, Еремѣй Еремѣичъ истово помолился на востокъ, западъ и югъ, затѣмъ также истово и низко поклонился на всѣ три стороны.

— Не осудите, — проговорилъ онъ,— прощенья просимъ...

— Насъ не осуди... Зла, главное, не помни... Можетъ,—всяко бываетъ,—можетъ, опять Господь вернетъ, — заговорили въ толпѣ. — Воля твоя была... Не наша вина...

— Нѣту, нѣту, — торопливо проговорилъ старикъ, взнуздывая лошадь, и задергалъ вожжами. Подводы тронулись.

Толпа долго, молча, смотрѣла имъ вслѣдъ и вслушивалась въ поскрипываніе телѣгъ. Какъ будто въ недоумѣніи передъ тѣмъ, что творилось на деревенской улицѣ, на время замолкшіе было деревенскіе пѣвцы теперь дружно огласили свѣжій утренній воздухъ. Мужики долго еще слѣдили за трепещущими на синевѣ неба жаворонками и за лихорадочно-безпокойною работой ласточекъ, свивавшихъ гнѣзда подъ ихъ убогими крышами. Смотрѣли дергачевцы за прилетѣвшими весенними гостями, слушали ихъ веселыя пѣсни и о чемъ-то думали, но о чемъ именно — сказать это было бы довольно трудно, да и врядъ ли возможно было эти думы уложить въ какое-либо опредѣ-

ленное выраженіе. Все тутъ больше чувствовалось, чѣмъ логически мыслилось. Чувствовался тутъ, жутко чувствовался одинъ только гнетущій фактъ: прожилъ человѣкъ всю жизнь на одномъ мѣстѣ, гдѣ жили и умерли его дѣды и отцы, прожилъ до старости на родимой землѣ, среди своихъ, чуть не родныхъ мірянъ, и вдругъ этотъ человѣкъ „снялся съ родимаго мѣста", снялся на старости лѣтъ, предъ смертью, и уѣзжалъ... Что же это такое? Трудно сказать. Только чувствовалась дергачевскимъ міромъ какая-то неловкость, какъ будто даже стыдъ, и тѣмъ этотъ стыдъ былъ невыносимѣе, что онъ былъ стыдомъ за кого-то *другого*, не за себя, что, вѣдь, въ сущности-то, дергачевцы, положа руку на сердце, не могли себя ни въ чемъ обвинить: вѣдь, не они же, въ самомъ дѣлѣ, выпудили (упаси Господи!) сняться почтеннаго старика съ мѣста и уѣхать умирать на чужую сторону. И дергачевцы скорѣе имѣли право сердиться на этого самаго старика, который своимъ отъѣздомъ съ родного гнѣзда косвенно обвинялъ какъ будто ихъ въ чемъ-то, клалъ на нихъ худую славу, какъ будто ихъ деревенскій міръ нарушилъ вѣковые устои любовнаго и сердечнаго общежитія.

— Да мы птичьяго гнѣзда не разорили, не токмо что... Господи помилуй! Вотъ она, птица-то Божья, и неразумное созданіе, а гляди — опять къ намъ вернулась; даромъ что за морями летала, а насъ не забыла. Ежели бы мы ее чѣмъ утѣсняли, не бойся, не прилетѣла бы, такъ бы у насъ не запѣла! А теперь, гляди-ка, какъ пташка веселится!

— Что говорить! Птица—и та зря даромъ не изобидитъ. А тутъ—жилъ, жилъ человѣкъ, по душѣ, по любви, и вдругъ на старости лѣтъ... Когда это у насъ бывало? Отъ дѣдовъ у насъ такого грѣха не бывало... Вотъ Мосей уходилъ, точно, да малое время годя и опять къ намъ вернулся... Насъ не отвергнулъ... А *онъ*, Строгій-то, вишь ты, на старости лѣтъ... Какой теперь, будемъ говорить, примѣръ молодымъ? — Такъ, негодуя и волнуясь, разсуждалъ возмущенный дергачевскій міръ.

— А драть его на шестъ — и то сказать! — порѣшилъ одинъ изъ особенно откровенныхъ дергачевцевъ.

Это, пожалуй, что такъ — „драть его на шестъ!", но, вѣдь, однако, было бы за что драть и Еремѣя Строгаго: это былъ не пропащій мужичишко, не лѣнтяй, не воръ-грабитель, не пьяница; это былъ обстоятельный, трезвый, трудолюбивый мужикъ, понимавшій и чтившій, не хуже другихъ дергачевцевъ, вѣковѣчные устои крестьянскаго устроенія. Вытянула его вонъ изъ Дергачей не пустая жажда наживы, не легкомысленный порывъ молодой, разгульной жизни, а что-то другое, что-то именно бившее прямо въ „вѣковѣчные устои" глубокимъ и тяжелымъ оскорбленіемъ.

„Умственный мужикъ былъ", разомъ одною думой рѣшили дергачевцы, какъ бы въ отвѣтъ на замѣчаніе слишкомъ ужъ откровеннаго собрата.

— Умственный мужикъ! — повторили они, и, повидимому, это опредѣленіе достаточно ихъ успокоило. Не то, чтобъ оно имъ сразу все разъяснило, какъ Божій день, но въ немъ, по ихъ мнѣнію, по крайней мѣрѣ, таинственно скрывалось все то, что послѣ „барщины" било изъ всѣхъ поръ деревенской жизни, било тѣмъ „новымъ", съ чѣмъ ежечасно и все больше и больше приходилось считаться, ибо это „новое" упорно раскачивало „вѣковѣчные устои"... Зачѣмъ? Что изъ этого выйдетъ: рушитъ ли это „новое" совсѣмъ вѣковѣчные эти устои, выброситъ ихъ, какъ нѣчто негодное, изжившее, истрепавшееся, и на мѣсто нихъ поставитъ красугольнымъ камнемъ что-то другое, или же оно только выброситъ изъ этихъ устоевъ то, что подгнило, подточенно червемъ, и только крѣпче положитъ связи и несокрушимѣе утвердитъ тотъ же краеугольный камень жизни, который былъ положенъ нѣкогда ихъ отцами и дѣдами? Но предъ этими вопросами дергачевецъ могъ только недоумѣвать... Дергачевцы повздыхали и съ этимъ „недоумѣніемъ" въ душѣ разошлись по избамъ.

II.

У Строгаго была здоровая, „желѣзная" натура и здоровый мозгъ. Этотъ мозгъ, вопервыхъ, хотѣлъ мыслить, во-вторыхъ— мыслить самостоятельно. Любопытно, что деревня привела его только къ двумъ основнымъ положеніямъ: въ области морали — „быть справедливымъ"; въ области отвлеченной мысли—къ религіозному скептицизму и свободомыслію. Но еще любопытнѣе тѣ своеобразныя формы, въ которыя онъ воплощалъ эти положенія.

Онъ былъ одиночка и женился на дочери

богатаго мужика. Когда тесть умеръ, къ нему перешла мельница. Они были бездѣтны; для полевыхъ работъ по лѣтамъ они держали или работника, или работницу. Мельница давала имъ такое обезпеченіе, что ни самъ Строгій, ни его жена никогда не чувствовали необходимости „тянуть изъ себя жилы", а работали столько, сколько требовалось это общимъ складомъ деревенскаго труда. Самъ Строгій постоянно былъ на мельницѣ, въ особенности по осени; помощниковъ себѣ онъ въ этомъ дѣлѣ не любилъ. Напротивъ, онъ любилъ даже хвалиться тѣмъ, что одинъ всю мельницу правилъ: въ самыя сильныя бури онъ умѣлъ ставить мельницу такъ, что помолъ, на самый опытный глазъ, не измѣнялъ своего качества ни на іоту; верхъ мельницы онъ поворачивалъ въ бурю такъ же ловко, равномѣрно и легко, какъ и въ тихое время; и никогда вѣтеръ не ломалъ у него ни крыльевъ, ни шестерень, не сворачивалъ съ катковъ верхи. Зато по зимамъ и весной онъ пользовался извѣстнымъ досугомъ. Въ это время его мозгъ начинали одолѣвать разные вопросы, и вотъ онъ пускался за поисками „умственнаго" человѣка и умственной бесѣды. Заложивъ своего сиваго породистаго жеребца (единственная роскошь, которую онъ себѣ позволялъ, да, впрочемъ, и не роскошь — это былъ прямой расчетъ: сильная, здоровая лошадь зарабатывала ему больше, чѣмъ пять худыхъ клячъ), онъ ѣхалъ къ попу, дьякону, писарю, учителю; прослышитъ о новомъ раскольничьемъ начетчикѣ — къ нему; а въ городѣ у него завелось знакомство съ однимъ пожилымъ, некрупнымъ чиновникомъ. Ему онъ доставлялъ самую „новую" муку и любилъ съ нимъ бесѣдовать: черезъ него соприкасался онъ съ тѣмъ міромъ, который стоялъ далеко въ сторонѣ отъ деревни. Впрочемъ, ко всѣмъ этимъ лицамъ Строгій не выказывалъ ни особой любви, ни особаго довѣрія. Всѣхъ ихъ опредѣлялъ онъ однимъ словомъ: „труха". Въ этомъ понятіи соединялъ онъ всѣ качества этихъ людей: легковѣсность, непостоянство, разладъ дѣла и слова и крайнюю умственную мѣшанину. Въ свою очередь всѣ эти „умственные" люди звали Строгаго „меланхоліей", хотя въ немъ похожаго на настоящую меланхолію и слѣда не было. „Меланхоліей", по ихъ мнѣнію, была та умственная „блажь", которая одолѣла Строгаго. А эта „блажь" имѣла результатомъ то, что Строгій неожиданно пришелъ къ слѣдующему выводу: „надо быть справедливымъ, потому — всѣ виноваты. А всему причиной вино: и тотъ виноватъ, кто пьетъ, и тотъ, кто пить даетъ". Выводъ вполнѣ деревенскій и, повидимому, не особенно глубокій. Но когда пришли къ Строгому, о Рождествѣ, и причтъ, и писарь, и учитель, то водки онъ, къ изумленію гостей, не подалъ, а сталъ говорить о возвышенныхъ предметахъ.

Когда же дьяконъ, не утерпѣвъ, замѣтилъ:

— Что же, братъ, Еремѣй Еремѣичъ, водочки-то? Али забылъ?

— Нонѣ я не держу,—какъ будто мимоходомъ замѣтилъ Строгій.

— Да ты шутишь, что ли?

— Правду говорю. Что! пустое это дѣло... Несправедливое!

— Да ты самъ-то не пей, прахъ тебя побери! Ты насъ угости...

— А угощать того хуже!—полусерьезно, полудобродушно говорилъ Строгій, постукивая пальцами по столу.

Дьяконъ пришелъ совсѣмъ въ изумленіе, а писарь и учитель рѣшили, что онъ становится „шишигой". Но батюшка сказалъ ему, уходя, внушительно улыбнувшись, что это съ его стороны „не болѣе, какъ меланхолія".

Съ тѣхъ поръ это прозвище утвердилось за Строгимъ среди деревенской интеллигенціи.

Между тѣмъ, Строгій послѣдовательно развивалъ свою „меланхолію" и подъ ея давленіемъ выработалъ совершенно своеобразные взгляды на весь деревенскій обиходъ. Прежде всего, онъ вдругъ пересталъ ходить въ церковь: когда начиналась служба, онъ надѣвалъ свой новый синій кафтанъ, выходилъ на зады своей избы, становился на холмъ, гдѣ изъ-за старыхъ вязовъ виднѣлась вдали церковь, и здѣсь, молясь на сверкавшій на солнцѣ крестъ колокольни, выстаивалъ всю обѣдню.

— Вонъ и Строгій подъ дубьемъ свою обѣдню отслужилъ! — говорили про него мужики, возвращаясь изъ церкви; они улыбались, но это не была ни насмѣшка, ни порицаніе.

Прошелъ слухъ, что Строгій ударился въ расколъ. Этотъ слухъ дошелъ, съ одной стороны, до священника, съ другой— до мѣстнаго раскольничьяго начетчика, жившаго въ селѣ, верстъ за пятнадцать. Какъ тотъ, такъ и другой поспѣшили къ

Строгому „спасать душу“, одинъ — ренегата, другой—прозелита. Но оба, однако, вернулись ни съ чѣмъ: батюшка сказалъ ему опять, что „все это съ его стороны не больше, какъ меланхолія“, а раскольникъ почему-то обозвалъ его „идолопоклонникомъ“. Что̀ отвѣчалъ имъ Строгій, осталось неизвѣстнымъ; только мужики разсказывали за вѣрное, что тому и другому онъ сказалъ одно и то же *слово*, но какое это „слово“,—никто не зналъ. Однако, съ тѣхъ поръ пошла про Строгаго „умная слава“; къ нему стали относиться съ большимъ почтеніемъ, и разговаривавшіе съ нимъ всегда увѣряли, что онъ умѣетъ сказать „слово“.

Случалось, когда Строгій бывалъ на сходкахъ, мужики кричали:

— Постой, ребята, погоди... Смолкните!.. Вотъ Еремѣй Еремѣичъ что̀ намъ скажетъ! Постой, онъ намъ *слово* скажетъ... У него *слово* вѣрное!

Случалось, Строгій говорилъ имъ:

— Дураки вы—одно вамъ слово.

Мужики смѣялись и, въ концѣ-концовъ, оказывалось, что сами же повторяли:

— Дураки! Это вѣрно! Оболванилъ насъ купецъ въ лучшемъ видѣ! Строгій слова напрасно не броситъ.

Конечно, сказать слово „дураки“ еще не Богъ знаетъ какъ умно, но дѣло въ томъ, что за этимъ словомъ дергачевцами предполагалась цѣлая система взглядовъ и отношеній Строгаго къ дергачевскому міру и къ людямъ вообще.

Петюшкѣ (онъ былъ крестникъ Строгаго) едва минуло четыре года, когда Строгій сталъ таскать его на своихъ могучихъ рукахъ къ себѣ въ избу. Онъ любилъ и баловалъ его: училъ ѣздить верхомъ на своей сивой лошади, воровать медъ у пчелъ на своей пасѣкѣ, кормилъ его пряниками и орѣхами; а когда Петьку выучили грамотѣ, заставлялъ его читать для себя Четьи-Минеи. Въ это же время Строгій началъ посвящать Петра и въ свою „меланхолію“.

— Ты, Петюшка, уменъ будешь!—говорилъ онъ ему, всматриваясь, какъ вдумчиво и серьезно читалъ мальчикъ „божественную книгу“.

— А почемъ ты знаешь? — серьезно спрашивалъ мальчикъ, не отнимая глазъ отъ книги.

— Я по глазамъ вижу. Только, братъ, надо быть справедливымъ; а не будешь справедливымъ—и въ вѣкъ уменъ не будешь.

— А какъ быть справедливымъ?—спрашивалъ также серьезно мальчикъ.

— Я тебѣ скажу, пожалуй. Секретъ не большой: слабому и глупому не потакай, сильному да умному не поддавайся. Вотъ тебѣ и вся недолга!.. Будешь такъ дѣлать, Петька?

— Буду.

— Ха-ха-ха! — добродушно и весело смѣялся Строгій, кивая на Петра своей женѣ. — Онъ, глупышъ, думаетъ, легко это!.. Скоро, братъ, сказка сказывается, да не скоро дѣло дѣлается.

Петръ слушалъ, и не только слушалъ, онъ видѣлъ, какъ примѣнялъ его крестный на практикѣ свои сентенціи. Чѣмъ больше росъ Петръ, чѣмъ старѣе становился Строгій, тѣмъ „меланхолія“ его развивалась послѣдовательнѣе и послѣдовательнѣе.

Въ дергачевскомъ міру, распадавшемся на пять вытей, была и выть *Строгихъ*, въ которой вытнымъ былъ двоюродный братъ Еремѣя, Сысой, человѣкъ душевный, краснобай, любившій выпить въ компаніи, „артельный мужикъ“, какъ говорили о немъ дергачевцы. Съ нѣкотораго времени стала выть Строгихъ иногда снимать у сосѣдней деревни луга въ аренду. Одинъ разъ запоздали съ покосомъ. Надо было собрать помочь, а помочь надо угостить.

— Не товарищъ,—говорилъ Строгій.

— Какъ!—удивился Сысой.

— Такъ. Не товарищъ... Пущай безъ меня опаиваютъ.

— Да, вѣдь, блажная твоя голова, вѣдь, это по-милу идетъ, по-согласу... Надоть али нѣтъ угостить-то?

— Безъ насъ опаиваютъ народъ-то хорошо...

— Да неужли тебѣ стакана-то водки жаль намъ?.. Перекрестись! Вѣдь, мы, кажись, сосѣди!—уговаривали его мужики, приглашенные на помочь.

— Ступай къ купцу!.. Онъ угоститъ вдосталь,—ногъ не приволочете домой!.. Вполнѣ уважитъ!

— И уважитъ!.. Потому—это дружба... не что иное...

— Ну, и съ Богомъ!.. Оболванивайтесь!

— Да ты шутки-то полно шутить!

— Не товарищъ... Хочешь наняться за деньги—изволь. Давай торговаться. Безъ грѣха. Что слѣдуетъ — получи по справедливости. А опаивать... ступайте къ купцу! Онъ ублаготворитъ... Али, вонъ, къ попу, къ писарю...

— Ну, идолъ!—сердятся мужики.

И если пòмочь состоится у Сысоя, Еремѣй въ ней не участвуетъ.

Также не участвовалъ Строгій никогда ни въ „мірскихъ чаяхъ", ни въ „мірскихъ четвертяхъ и полуведрахъ".

Сысой Строгій былъ совершенная противуположность Еремѣю. Онъ—вѣчно на улицѣ, „на міру", вѣчно устраиваетъ „мірскія дѣла". Нужно вдовѣ пòмочь согнать,—вдова къ Сысою, Сысой сейчасъ по избамъ. Мужики упираются, чешутся, потому отъ вдовы угощеньемъ не разъѣдешься. Но Сысой умѣлъ это дѣло „оборудовать въ аккуратѣ".

— Какъ не будетъ угощенья? Будетъ! Что вы, православные!.. Вотъ я, Господи благослови, жертвую, значитъ, по силѣ-помочи! — выкрикиваетъ Сысой, снимая шляпу, и бросаетъ въ нее гривенникъ.— Вотъ, православные, гляди!.. Вотъ плотичка и засеребрилась... Ну-ка, на живца...—потряхиваетъ онъ предъ міряна-ми шляпой.

— Эхъ, дуй васъ горой! Авось съ гривенника-то не разоришься!—кричитъ молодой мужикъ и съ трескомъ бросаетъ въ шляпу Сысоя два мѣдяка.

— Вотъ такъ! идетъ!.. Православные, на вдовью долю!—покрикиваетъ Сысой.

Весело міру, позвякиваютъ въ шляпѣ Сысоя пятаки. Мигомъ справлена помочь вдовѣ и мигомъ пропита „вдовья доля", собранная въ шляпѣ Сысоя.

Оболванитъ дергачевцевъ какой-нибудь сосѣдній кулачишка,—Сысой устраиваетъ или мірской чай, или „пропой горя".

У Сысоя была большая семья; жилъ онъ въ достаткѣ, могъ бы даже разбогатѣть, такъ какъ семью держалъ строго. Но выше обычнаго деревенскаго достатка онъ не поднялся. И понятно почему: мірской былъ человѣкъ, „артельный".

Братъ Еремѣй его уважалъ, только звалъ „несправедливымъ мужикомъ". И Сысой уважалъ брата Еремѣя, но только называлъ его „тупымъ топоромъ": „рубить не рубитъ, а только за душу тянетъ".

— Вотъ что я тебѣ, Еремѣй, скажу,—говорилъ ему нерѣдко Сысой.—Ѣхалъ бы ты жить въ городъ, али въ монастырь... Ей-Богу... И тебѣ хорошо было бы, и людямъ лучше... Ну, чего ты, на насъ глядя, казнишься, да и насъ казнишь? Былъ бы ты тамъ, можетъ, вполнѣ человѣкъ, а здѣсь вотъ *идоломъ* тебя зовутъ... Что хорошаго?

— Вѣрно, вѣрно ты, Сысой, говоришь: ты мужикъ умный. Вѣрно, что съ вами здѣть не споешься, а сопьешься. Тутъ строгаго правила не выдержишь,—серьезно замѣчалъ Еремѣй.

— Это и думать оставь!— восклицалъ Сысой.—Дай прожить какъ Богъ на душу положитъ, а ежели въ правилахъ, такъ это у насъ, пожалуй, съ ними до душегубства дойдешь!.. Ты вотъ и о Христовомъ имени радѣешь, а вона что выходитъ! Хорошаго немного...

— Зато я мужикъ справедливый, а ты несправедливый,—добродушно укорялъ его Еремѣй.

— И Богъ съ тобой, съ твоею справедливостью... Она при тебѣ и останется... Только я тебѣ вѣрно говорю: ѣхать бы тебѣ въ городъ, пока до худого дѣло не дошло.

— И уѣду,—обрывалъ сердито Еремѣй Строгій.

Тоже совѣтовала ему сердито и Ульяна Мосевна. Маленькій Петръ злился и на тетку Ульяну, и на Сысоя Строгаго за эти совѣты. Что имъ сдѣлалъ „справедливый" Еремѣй Строгій? Мужикъ онъ умный, прямой, не пьющій, не лѣнтяй, не попрошайникъ, не пьяница.

На мысль объ отъѣздѣ въ городъ иногда нападалъ и самъ Еремѣй, но онъ долго не рѣшался. Между тѣмъ, его „меланхолія" развилась въ какой-то тупой индиферентизмъ почти ко всему. Чѣмъ больше бѣдствовали Дергачи, чѣмъ больше запутывались они въ какія-то клейкія, но неуловимыя и тонкія паутины „мірскихъ дѣлъ", чѣмъ безсознательнѣе, какъ-то на одну только вѣру и упованіе, стали они жить, полуинстинктивно, махнувъ рукой, не видя возможности разобраться, тѣмъ Строгій все больше и больше уходилъ отъ „міра". Поземельныя отношенія въ Дергачахъ достигли страшной, невообразимой путаницы. Мужики толковали о необходимости „передѣла". Стали передѣлять—кромѣ споровъ и тяжбъ съ собственниками, затесавшимися въ ихъ надѣлы, не выходило долго ничего. Начались „судьбища".

— Замежуетесь и не размежуетесь во вѣки вѣковъ,—сказалъ Строгій и бросилъ обрабатывать свой надѣлъ.

Онъ передалъ его въ аренду своему сосѣду, чтобы самому окончательно „отойти отъ міра".

Мужики на это совсѣмъ осердились и стали Строгаго „донимать" систематически.

Однажды, когда Петюшка сидѣлъ у него и читалъ ему „божественную книгу“, приходятъ къ Строгому Сысой и еще два дергачевскіе мужика. Присѣли.

— Что, братцы, скажете? — спросилъ Строгій.

— Да вотъ, братецъ, міръ на тебя обижается, — заговорилъ Сысой, гуляя глазами по потолку. — На сходъ не ходишь, обчественнымъ дѣломъ небрежешь... Міръ, братъ, отъ тебя въ обидѣ...

— Отъ меня? Ишь ты... отъ кого нашли обиду!.. Нашли обидчика! — пронически проговорилъ Строгій.

— Обижается, братецъ, міръ, обижается, — твердилъ въ свою очередь Сысой.

— Небрежешь... мірскимъ дѣломъ, — подтверждали сотоварищи Сысоя.

— Что жъ вамъ нужно? — вдругъ крикнулъ Строгій, сердито моргнувъ волосатыми бровями.

— Да вотъ, братецъ, желательно міру, чтобы ты послужилъ... обчественную тяготу взялъ...

— А-а! Ишь ты...

— Да... въ сотскіе тебя изобрали.

Строгаго покоробило, но онъ старался скрыть это.

— Изобрали ужъ?.. Скоро... И не спрошали!

— Гдѣ жъ тебя искать?.. Міръ тебя искать не станетъ, самъ на сходъ не ходишь...

— А тебѣ это не стыдъ, Сысой Петровичъ? — обратился вдругъ къ Сысою Строгій.

— Дѣло мірское...

— Не стыдно это твоей сѣдинѣ? а? — кричалъ все громче Строгій. — Али ты меня впервой видишь? Али ты не знаешь, что не охотникъ я старшинамъ да становымъ служить, да бороду подъ плевки подставлять? а? Али у васъ тамъ мало народу пріобыкшаго? Я не мальчишка бѣгать-то...

— Посдержаться бы тебѣ, Еремѣй Еремѣичъ, — строго замѣтилъ Сысой.

— Чего?

— То-то... Бороды то онѣ всѣ однѣ — мужицкія... Твоя борода тѣмъ же гребнемъ чесана... Для твоей бороды особыхъ уставовъ не положено...

— Чего же вамъ надо, несправедливый вы народъ? — заоралъ ужъ не своимъ голосомъ Еремѣй, стукнувъ кулакомъ по столу. — Водки хотите, водки? Въ грѣхъ меня ввести хотите?.. Не дамъ!.. Ступайте съ Богомъ... Не дамъ!..

— Ступай на сходъ... Тамъ узнаешь, что надо...

— И пойду!

— Ну, идолъ, — говорили мужики, выбираясь изъ избы Строгаго.

Строгій, не говоря ни съ кѣмъ ни слова, надѣлъ свой синій кафтанъ, сердито надвинулъ на голову шляпу и вышелъ на сходъ. Вслѣдъ за нимъ, сторонкой, пошли его жена и Петръ, оба взволнованные, словно предчувствовали бѣду. Жена потихоньку крестилась, боясь, чтобы Строгій не довелъ дѣло до бѣды, а Петръ, съ возбужденными глазами, весь вниманіе, безпокойно слѣдилъ, „какъ обижали его крестнаго, справедливаго человѣка“.

— Честному міру! — сказалъ Строгій, снялъ, не кивая головой, шляпу и опять неторопливо надѣлъ ее.

— Милости просимъ... Давно не видали...

— Чего міръ православный отъ меня желаетъ?

— Да вотъ, братецъ, міру послужить надо... Давно ужъ ты у насъ льготой балуешься...

— Такъ... А, можетъ, водочки испить не желаете ли?

— И то хорошо... Не прочь... Отчего жъ? Отъ тебя оно и больно бы сладко было... Давно ужъ мы твоимъ угощеніемъ не балуемся...

— Ну, идетъ... Только, господа міряне, водки я вамъ не дамъ... А вотъ, отъ своего достатка, жертвую, значитъ, въ мірскую казну десять рублевъ... Примите... А кого замѣсто меня выберете, тому работника на лѣто выставлю...

— Ну, ну, ладно, — смѣются мужики, — ты мужикъ справедливый... Ублажимъ... Что жъ! На первый разъ и то хорошо, посдался маленько...

— Староста, давай книгу, принимай! — сказалъ Строгій, вынимая деньги.

— Какую книгу?.. Не зажилимъ...

— Подавай книгу, говорю... Записывай: „отъ Еремѣя Строгаго на мірскую нужду десять рублей, безъ пропоя“... Пиши: „безъ пропоя“...

— Да чортъ!.. Чего ты книгу-то хочешь пакостить?

— Пиши, пиши!

— Ну, идолъ же! — смѣется міръ.

И затѣмъ аккуратно каждый день Еремѣй Еремѣичъ ходилъ къ старостѣ и требовалъ отъ него показать ему запись въ мірской книгѣ и деньги.

— Да лѣшій! — кричалъ староста, —

вонъ онѣ, у меня въ сундукѣ лежатъ...

— Покажь...

— О, идолъ!.. Обалдуй, чортъ упрямый!.. На, смотри!

Прошло мѣсяца два. Опять Сысой и и двое мужиковъ приходятъ къ Еремѣю, и опять почти та же сцена повторяется между ними. Снова съ какою то странною, сердитою рѣшимостью надѣваетъ Строгій свой синій кафтанъ, беретъ изъ божницы завязанный въ платокъ бумажникъ, суетъ его за пазуху, крестится на образъ и широкимъ, увѣсистымъ шагомъ, въ большихъ сыромятныхъ сапогахъ, направляется къ сходу.

— Слышу, міръ честной почествовать меня хочетъ?—говоритъ Строгій.

— Да, Еремѣй Еремѣичъ, точно, желаемъ почествовать, подъ началъ къ тебѣ хотимъ... Ты—мужикъ справедливый... Отъ тебя обиды не будетъ... Послужи мірскому дѣлу... Кланяемся тебѣ старостой, послужи міру дергачевскому...

— Благодарю!.. Эй, Егорка, бѣги въ кабакъ! Тащи ведро... два ведра тащи! Вотъ деньги—получай!.. Гуляй, міръ православный!.. Хочу съ вами въ ладу жить!.. Гуляй!..—кричалъ Еремѣй въ сильномъ возбужденіи, словно въ первной горячкѣ.

— Вотъ оно—дѣло!.. Слава тебѣ Господи!—повторилъ удивленный міръ.—Человѣкъ въ артель входитъ!

Только Сысой да жена Строгаго и Петръ съ подозрительнымъ вниманіемъ слѣдили за Строгимъ и ждали „бѣды“.

— Пей, міръ православный, пей!.. Опоить тебя хочу... Чтобы послѣ изъ тебя веревки вить сподручнѣе было... Да!.. Пора за умъ взяться!.. Пей! — кричалъ Строгій, поднося лично каждому міряниву по большому стакану водки, почерпывая имъ въ стоявшемъ на чурбанѣ ведрѣ.

Когда было выпито первое ведро, Строгій вдругъ снялъ шляпу.

— Ну, а теперь благодарю за честь, міръ честной,—сказалъ онъ и низко, до пояса, поклонился.—Давайте теперь торговаться... Вотъ, отъ своихъ достатковъ, жертвую, значитъ, міру двѣ четвертныхъ, полусотенную, выходитъ (и Строгій положилъ двѣ 25-тирублевыхъ бумажки около ведра)... А ужъ меня простите: хочу въ мѣщане въ городъ приписаться... Корысть заѣла!.. Нажива одолѣла!.. Не смогу грѣха стерпѣть... Простите, братцы, не могу... Увольте отъ міра!

— Вотъ что!.. Ишь ты! — заговорилъ въ смущеніи изумленный міръ, не зная, что сказать: оборотъ былъ совершенно неожиданый. Никто не могъ еще рѣшить: правъ былъ Строгій или нѣтъ? Мало онъ даетъ или много? Обманываетъ или нѣтъ?

Но вотъ заговорилъ вдругъ Сысой:

— Ну, братъ, Еремѣй Еремѣичъ, значитъ, насильно милъ не будешь!.. Брезгуешь нами, небрежешь мірскому дѣлу— твоя душа въ отвѣтѣ... Мы, братецъ, всякіе подходы дѣлали... Ну, выходитъ дѣло у насъ съ тобой пропащее... Господу не угодно!.. Ступай, поѣзжай... Дай Богъ счастливо! Насъ не забывай...

— Насильно милъ не будешь, — это вѣрно,—подхватилъ міръ.—Только какъ будто маловато... Мужикъ ты оборотистый, денежный, въ силѣ... Отъ міра упускать такого мужика жалко.

— Да что жъ я вамъ?.. Я вотъ и теперь ужъ землей не занимаюсь... въ аренду сдаю... Мельницу тоже сдамъ. Охотники есть... Земли у васъ мало... Землю всякій съ охотой возьметъ... А ежели... такъ я вотъ еще десятку накину... Получите! А притѣснять зачѣмъ человѣка?— и Строгій положилъ еще красную бумажку около ведра.

— Зачѣмъ притѣснять!.. Насилу милъ не будешь!—заговорилъ міръ.

— Притѣснять не надо, — заговорилъ Сысой.—Я тебѣ давно говорилъ, Еремѣй, жить бы тебѣ въ городѣ... Потому у насъ строгаго правила не выдержишь; ежели у насъ въ строгихъ правилахъ жить, такъ съ ними, пожалуй, до душегубства дойдешь!.. Вѣрно!.. Потому въ міру жить— въ одномъ, значитъ, грѣхѣ со всѣми жить, въ одной добродѣтели!.. Это ужъ, братъ, такъ, по жизни... А ежели въ одиночку, такъ въ городѣ не въ примѣръ лучше...

— Вѣрно, вѣрно!—подтвердилъ вполнѣ согласный съ Сысоемъ дергачевскій міръ.

. . . .

III.

Сивая лошадь Строгаго, заложенная въ выкрашенную желтою краской плетушку, крупною рысью въѣхала въ Волчій поселокъ и разомъ остановилась у кельи Ульяны Мосевны, фыркнувъ и энергично мотнувъ нѣсколько разъ своею красивою головой. Также быстро и нетерпѣливо выскочилъ изъ плетушки старикъ Строгій, торопливо привязалъ поводъ къ кольцу

калитки и, скрипя своими большими сыромятными сапогами по чистому помосту сѣней, вошелъ въ избу. Такъ ѣздятъ только люди, или охваченные неудержимою удалью, или поглощенные взволновавшею все человѣческое существо идеей.

Въ избѣ сидѣла Ульяна Мосевна, Луша, старица Ѳеклуша и Петръ. Взглянувъ въ необычно и какъ-то лихорадочно оживленное лицо Строгаго, Ульяна Мосевна что-то сурово прошептала про себя и опять опустила глаза на шитье.

Строгій никому не поклонился; крупнымъ шагомъ прошелъ онъ къ столу, положивъ на него шляпу, и едва присѣлъ на скамью, сказалъ отрывисто:

— Ѣду!—и внимательно взглянулъ на Ульяну.

Ульяна Мосевна какъ будто предпамѣренно молчала и не поднимала глазъ отъ шитья.

— Слышишь, старуха: ѣду, говорю!— крикнулъ онъ сердито своимъ зычнымъ голосомъ, который не умѣлъ сдерживать въ минуту раздраженія.

— Ой, матушки! Экой голосище-то, прости Господи! — невольно вскрикнула бобылка Ѳеклуша, и ея старческое худое тѣло заколебалось, какъ легкій колосъ.— Ну, долго ли эдакимъ голосомъ человѣка съ ногъ сшибить! Али унять себя не сможешь? Сократись естествомъ-то своимъ несуразнымъ хоть малость,—сердито обратилась она уже къ Строгому.

— Молчи, старая... Умирать бы пора. Вѣкъ чужой заѣдаешь,—шутливо-строго прикрикнулъ онъ.

— Правду говоритъ она, правду... Надо бы естество-то свое сократить... Не одни въ мірѣ живемъ,—заговорила Ульяна Мосевна.

— Ну? А я что дѣлаю?

— Хорошаго мало дѣлаешь, признаться сказать... На старости лѣтъ съ родныхъ мѣстъ въ бѣга бѣжишь, отъ своихъ скрываешься... Стыдно старику, стыдно! Свою душу больше любишь... Себялюбецъ... Свою душу больше бережешь...

— И берегу... Старъ ужъ я... Спокою я хочу, старуха, спокою!..

— Претерпи сообща... Всѣ терпятъ, не хуже насъ съ тобой.

— Да для кого терпѣть?.. Ты скажи, кому отъ того польза? Для души, говоришь? Посмотри на народъ—для кого онъ терпитъ? Для чужого мамону... Этимъ терпѣніемъ-то и себя, и другихъ загубишь. Не добродѣтель это, терпѣнье-то. Коли силы нѣтъ—уходи, бѣги... пока не сгибъ... Али ужъ грабь на чистоту!.. Такъ чтобы ужъ и записано было... А я не хочу!..

— Не знаю, можетъ, ты и правду говоришь. Ты — мужикъ умственный... А только что отъ родной земли бѣжать— хорошаго мало: родители у тебя здѣсь лежатъ, дѣды и прадѣды.

— Кто жъ мнѣ уѣзжать совѣтовалъ?

— Добрые люди... Зачѣмъ въ міру въ обидѣ жить? Въ міру по-милу живутъ.

— Я же виноватъ?.. Такъ и запишемъ... Будетъ! будетъ объ этомъ!

И Строгій сурово задумался. Сурово молчала Ульяна Мосевна. Петръ сидѣлъ въ самомъ углу около двери, положивъ на колѣни руки, и пристально, во всѣ глаза, слѣдилъ за лицами тетки и крестнаго. Очевидно, его вниманіе было поглощено происходившею сценой, въ которой, какъ онъ зналъ, скоро долженъ принять участіе и онъ.

— Ну, будетъ... Рѣшено! — проговорилъ строгій и поднялся.

Петръ вздрогнулъ; по его лицу пробѣжала нервная дрожь, глаза безпокойно заметались.

— Петюшка, я за тобой пріѣхалъ, — обратился къ нему Строгій, — просись у тетки, просись у отца... Мнѣ, братъ, здѣсь дѣлать больше нечего... По справедливости не могъ здѣсь жить... Тутъ нужно съ характеромъ быть, чтобы они и тебя, и себя не загубили... Нужно, братецъ, справедливому человѣку, — все суровѣе и суровѣе говорилъ Строгій, смотря то на Петра, то на Ульяну Мосевну, — нужно справедливому человѣку всѣхъ ихъ въ лапу забрать — вотъ что! (сжалъ могучій, мѣдно-красный кулакъ Еремѣй Строгій), да всѣхъ ихъ справедливости-то и обучать неуклонно! А во мнѣ этого характеру нѣтъ, строгости мало, да и валандаться-то старъ ужъ... Умирать пора!.. А тебѣ, Петюшка, жить еще надо... А чтобы жить по справедливости, чтобы другихъ и себя не загубить, надо умъ да силу найти... Поѣдемъ! Нечего тебѣ здѣсь теперь дѣлать... Поѣдемъ, вмѣстѣ умственныхъ людей искать будемъ... Не здѣсь ихъ найдешь!

Строгій помолчалъ. Худощавое лицо Петра засіяло какъ-то, а каріе глаза свѣтились нескрываемою радостью, но онъ не говорилъ ничего.

— Отпустишь, что ли?.. Съ отцомъ я

ужъ говорилъ,—сказалъ Строгій Ульянѣ Мосевнѣ. — Али, думаешь, загублю я парня?

— Ты ему самъ отецъ духовный... Самъ за его душу и отвѣчать будешь,—проговорила Ульяна,—а я хоть и сердита на тебя, а все скажу, что коли у кого Петюшкѣ умственно учиться, такъ это у тебя... А за свою науку самъ отвѣтишь.

— И отвѣтимъ! — весело выговорилъ Строгій.

Строгій, дѣйствительно, на минуту повеселѣлъ, оттого ли, что ему уступали Петюшку, котораго любилъ онъ, какъ родного сына, или онъ наивно обрадовался, что Ульяна Мосевна все же признавала въ немъ „умственнаго" человѣка.

— Такъ, коли такъ, готовь его въ дорогу, послѣзавтра мы двинемся... А теперь, Петюшка, поѣдемъ ко мнѣ... Ты ужъ теперь мой... Поѣдемъ къ теткѣ, помогать ей людей поить... Нонѣ у меня всемірная кормежка...

— Да что ты справляешь? — спросила Ульяна.

— Проводы... По всей волости объявилъ: сходитесь честные люди, Еремѣй Строгій поминки правитъ по себѣ: водки да пироговъ не въ проѣжу, не въ пропой припасъ!

— Какой ты на старости задорный, Еремѣй Еремѣичъ, Богъ съ тобой... И что тебѣ за охота людей искушать?.. Уѣхалъ бы честнымъ манеромъ, ужъ если такое тебѣ произволеніе, тихо, скромно, людей не смущая... И что тебѣ мило на пьяныхъ людей смотрѣть?

— Мило стало, мило, Ульяна Мосевна!—какъ-то особенно выразительно выговорилъ Еремѣй Строгій.—Хоть послѣдній разокъ глазкомъ посмотрю, какъ эта саранча на мой домъ слетится!.. Хоть послѣдній разокъ сдѣлаю своей душѣ удовольствіе!

И Строгій засмѣялся нервнымъ, злымъ, нехорошимъ смѣхомъ.

Черезъ полчаса Строгій съ Петромъ уѣзжали изъ Волчьяго поселка въ Дергачи.

Тяжко спалъ въ эту ночь Еремѣй Строгій: онъ то стоналъ, то кричалъ ужаснымъ, раздирающимъ душу голосомъ; мучительный кошмаръ душилъ его всю ночь. Вотъ что снилось ему:

Вокругъ избы Строгаго стояла цѣлая масса подводъ—и шарабаны, и плетушки, и телѣги, и простые роспуски. Выпряженныя или съ отпущенными поводами лошади ходили по зеленой муравѣ подъ окнами и оставляли кучи навоза. Дергачевскіе ребятишки, какъ мухи, стаями летали отъ окна къ окну, съ окна на крыльцо, съ крыльца въ сѣни, изъ сѣней опять на улицу. Гомонъ голосовъ несся въ отворенныя окна вмѣстѣ съ табачнымъ дымомъ.

Строгій почти уже подъѣзжалъ къ воротамъ, какъ кто-то, въ куцомъ пиджакѣ,—не то писарь, не то учитель,—вылетѣлъ изъ сѣней и, держась за стѣну, вдругъ изгрязнилъ дѣвственную зелень густой муравы, плотно заростившей луговину предъ домомъ.

— Тьфу!—плюнулъ Строгій и ехидно прошепталъ: — Скверни, скверни!.. Все ваше!.. Твой теперь, саранча, праздникъ!.. Моя нога за оплеванный порогъ не переступитъ ужъ!

Вошелъ Строгій въ избу—и вдругъ словно что-то съ нимъ случилось: закружилась ли у деревенскаго ригориста голова въ этой тяжкой, табачно-водочной атмосферѣ, или на него просто напалъ столбнякъ. Вмѣсто того, чтобы помогать хозяйкѣ, какъ онъ думалъ раньше, угощать гостей, онъ опустился на лавку около стола и блуждающими глазами сталъ осматривать присутствовавшихъ. Мысли его перепутались, онъ какъ будто ничего не понималъ, какъ будто старался припомнить, зачѣмъ это, неожиданно, въ первый разъ въ теченіе десяти лѣтъ послѣ поминокъ по его отцѣ, его изба наполнилась этимъ людомъ; зачѣмъ эти оба батюшки, эти два дьякона съ распушонными волосами, эти матушки-попадьи и вдовы, эти штатные, сверхштатные, заштатные дьячки, церковные сторожа, икононосцы, даже двѣ просфирни, зачѣмъ этотъ старшина, кандидатъ въ старшины, два писаря, учитель, фельдшеръ, трое сотскихъ — и всѣ съ женами, иные съ дѣтьми?.. Зачѣмъ этотъ, Богъ знаетъ откуда-то взявшійся, длинный, съ небритою бородой семинаристъ, говорившій осиплымъ басомъ и называвшійся всѣми студентомъ?.. Тутъ и письмоводитель станового и мирового посредника, и опять какой-то фельдшеръ... А вотъ тутъ завзятые кутилы—кулакъ Маркушка и кандидатъ въ старшины и еще кто-то, и еще... Все это говоритъ, движется, кричитъ, харкаетъ, кашляетъ, плюетъ—и пьетъ, пьетъ и пьетъ. Зачѣмъ тутъ виночерпіи и хлѣбодары? Все ѣстъ

и пьетъ самостоятельно, свободно, по праву... именно „по праву"... Это сознаніе „права" свѣтилось въ каждомъ лицѣ, въ каждомъ взмахѣ руки, наливавшей рюмку, въ каждомъ проглатываніи куска... И какъ же не „право", въ самомъ дѣлѣ? Человѣкъ уѣзжаетъ съ родныхъ мѣстъ *совсѣмъ*, такъ-таки окончательно совсѣмъ, и уноситъ съ собой безвозвратно всякую возможность безконечнаго ряда поминокъ, крестинъ, свадебъ, молебновъ, именинъ, праздниковъ двунадесятыхъ и храмовыхъ, престольныхъ и придѣльныхъ, уноситъ всякую возможность поступленій доброхотныхъ лептъ и угощеній, уноситъ не только право на эту возможность отъ себя лично, но и отъ своего потомства.

— На церковное устроеніе не будетъ ли отъ тебя, Еремѣй Еремѣичъ? — говоритъ толстый батюшка. — Не мѣшало бы на украшеніе храма... Вотъ мы будемъ сбирать, такъ на руки бы впередъ.

— Сколько, батюшка, прикажете?— машинально спрашивалъ священника Строгій, между тѣмъ какъ внутри его что-то клокотало ключомъ и дрожали руки и ноги.

— Сколько усердія будетъ... Принуждать въ семъ дѣлѣ непохвально,—говоритъ батюшка, но въ то же время спохватывается и начинаетъ „наводить": — За много ли мельницу продали?

— За четыреста рублевъ.

— Вотъ бы десятинку... Искони ужъ десятина отлагалась на сей разъ...

— Извольте, извольте... Берите!—рылся въ бумажникѣ Строгій, едва сдерживая его въ лихорадочно трепетавшихъ рукахъ.

— Богъ васъ за это, можетъ, просвѣтитъ свѣтомъ истины!

— Да, да... Онъ не покинетъ,—бормочетъ Строгій.

— Вамъ бы сорокоустъ... али бы и вовсе на вѣчное поминовеніе родителей не мѣшало, — тихо шепчетъ сбоку ему другой батюшка, приставляя бороду къ его уху.—Когда еще здѣсь будете, а мы все же бы...

— Извольте, извольте...

— Исповѣдныхъ за тобой, Еремѣй Еремѣичъ, у меня числится неуплаты за пять лѣтъ,—неожиданно баситъ дьяконъ и внушительно тыкаетъ въ столъ пальцемъ.—Ежели считать...

— Получи, отецъ дьяконъ, получи...

— На колоколъ бы... Вотъ сбирать будемъ,—гудитъ другой басъ.

— Получите и на колоколъ.

— Просвирокъ ужъ больше брать не станете,—дребезжитъ тоненькій голосокъ матушки-вдовы.

— Получи!..

— На школу бы... Крышу будемъ править.

— Получи!

— Икононосцамъ бы... Образа ужъ носить не будемъ.

— Получите!

Въ рукахъ Строгаго быстро мелькали рублевыя бумажки и звенѣли монеты, а глаза его все безпокойнѣе и безпокойнѣе блуждали.

— Я ужъ съ тобой, вѣдь, теперь не разстанусь дешево... Н-нѣтъ! Вѣдь, ты навѣки отъ насъ утекаешь... Нѣтъ, братъ, я тебя дешево не продамъ,—говорилъ лохматый, черный и толстый дьячокъ, охватывая стоявшую на столѣ четвертную и съ сиплымъ хохотомъ обдавая Строгаго пьянымъ дыханіемъ.—Нѣтъ, не разстанусь, пока не лягу костьми!—кричалъ онъ, алчно припадая толстыми губами къ стакану.

— Накачивайся, другъ, накачивайся... въ полное свое желаніе!.. Нонѣ запрету нѣту...

— Да, братъ... Мы теперь въ правѣ... На исповѣдь не ходить!.. Храма Божьяго не посѣщать!.. Меланхолію распущать!.. О-о-о!.. Это чѣмъ пахнетъ?— кричалъ дьячокъ, утирая полой грязнаго полукафтанья волосатый ротъ.

— Боже мой, Боже мой! — беззвучно шепчутъ губы Строгаго.

Вкругъ его раздается невыносимый гомонъ десятка голосовъ, отъ которыхъ трещитъ барабанная перепонка, и далеко-далеко несется черезъ деревеньку, черезъ убогія деревенскія нивы.

А въ сектантски настроенномъ воображеніи Строгаго окружающая жизнь рисуется все мрачнѣе и мрачнѣе. Каждая ничтожная мелочь принимаетъ необыкновенные, фантастическіе размѣры.

— Вы бы, Еремѣй Еремѣичъ, хоть бы подушечки мнѣ уступили, — снова шепчутъ въ ухо чьи-то умилительныя уста.— Вѣдь, знаете, осталась послѣ отца Павла вдовой, ребятишекъ у насъ... духовенства, извѣстно, плодится много... Гдѣ мнѣ теперь ихъ прокормить?.. Только что

вотъ вами и живы... Предъ крестьяниномъ унижайся, его благоволеніемъ только и живи... Каково это? Хошь бы вы мнѣ для хозяйства подушечки... Потому теперь ужъ ни сметаной, ни зерномъ, ни яйцами сбирать отъ васъ не станемъ...

— Берите, берите и подушечки!.. Богъ съ вами!

— Лоханочку не уступите ли? — шепчетъ другой голосъ.—Можетъ, по нашей бѣдности, и такъ отдадите... Куда вамъ везти?

— Берите, берите и лоханочки!

— Хоть бы ты и меня чѣмъ-нибудь поблагодарилъ... Столомъ бы, что ли, разступился... Не мало я тебѣ съ женой банокъ да піявокъ припускалъ!

— Усту-упи-и, братецъ, на па-амять женѣ моей дуб-бовую каду-ушку! — икая и едва стоя на ногахъ, сопитъ волостной писарь.

— Моя кадушечка... моя, Василій Петровичъ,—заливается взволнованная батюшкина вдова,—впередъ обѣщано... впередъ... давно ужъ!

— Берите, берите все!.. Дѣлите! — кричитъ въ какомъ-то изступленіи самъ Строгій, а изъ глубины души его невольно такъ и рвется: „Боже мой! Боже мой!“

. . . .

. . . .

. . . .

Солнце уже закатывалось; шумно, гулко разъѣзжались гости Еремѣя Строгаго. Самъ онъ все сидѣлъ на томъ же мѣстѣ и въ такомъ же отупѣніи и столбнякѣ. Все это пьяное и бурливое обнималось, цѣловалось съ нимъ и кричало ему въ уши какія-то безсвязныя рѣчи; все это тащило на свои подводы „прощальные подарки“... Все это толкалось, шаталось и кричало, расходясь и уѣзжая, около крыльца и воротъ. Матушка, вдовствующая попадья, получившая дубовую кадушку, разрумянившись отъ „красной водочки“, подняла кверху руку съ бѣлымъ платочкомъ, а другою подперевъ бокъ, пошла по улицѣ, притопывая подкованными башмаками...

Въ чистой, прозрачной, поэтической тишинѣ вечерняго воздуха раздались пѣсни...

. . . .

. . . .

. . . .

И опять душитъ кошмаръ Еремѣя Строгаго, и опять мучаютъ его раздраженный мозгъ тяжелыя сновидѣнія.

Стояло жаркое, жаркое лѣто. Былъ конецъ іюля.

Тихо, недвижимо стоитъ теплый, прозрачный воздухъ; давно закатилось солнце, а еще деревни добросельской волости не успокоились. Ругаясь, путаясь и шатаясь, крича и проклиная, тянутся отъ села Добраго толпы „доброхотныхъ“ работниковъ по своимъ деревнямъ. Сурово шагаютъ „непьющіе“ и слышатся Строгому ихъ отрывочныя рѣчи.

— Триста возовъ купцу смахнули... Разомъ!.. Экая махина!

— И все имъ мало!.. Еще жилы тяни для нихъ, а они тебѣ въ благодарность кислаго молока бочку выкатятъ, да водки съ дурманомъ. Ишь народъ-то одурманилъ!

— А завтра опять подымайся... „Долговые“ справляй... Попъ-то сѣно, слышь, „долговыми“ хочетъ свозить... Наказывалъ безпремѣнно... „Вы, братцы, говоритъ, Бога помните: поторопитесь... Съ чѣмъ вы меня оставите, ежели сѣно сгноимъ?.. Ужъ, пожалуйста, а ежели инако, то ужъ не взыщите... Мучку-то, что у меня брали, ужъ отберу при законѣ и при начальствѣ...“

— А кто у него долговые-то?

— Да дергачевцы—всѣ почитай...

И опять сурово ворчатъ себѣ мужики что-то въ усы.

Вернулись домой и свои, дергачевцы. Шумно, гулко ввалились они въ деревню. Старики и дѣти, задремавшіе было, боязливо проснулись. На улицѣ идетъ гомонъ. О чемъ-то шумятъ, галдятъ. Чутко вслушивается въ этотъ говоръ Еремѣй Строгій, лежа на лежанкѣ въ своей чистой, свѣтлой избѣ. Вотъ онъ слышитъ топотъ ногъ, слышитъ, какъ все ближе и ближе становятся голоса. Вдругъ нѣсколько ударовъ затрещало по калиткѣ.

— Выходи!... Эй, Еремѣй!... Рано улегся!.. Выходи, драть тебя на шестъ!... Сперва отвѣтъ міру подай, а тамъ и спи почивай!

— Что за самоуправство въ глухую полночь!—ворчитъ трезвый Еремѣй Строгій на пьяныхъ мужиковъ, выглядывая въ окно.

— Выходи, выходи, драть тебя на шестъ! — кричитъ толпа, — а то ворота

снесемъ!... У міра нѣтъ самоуправства... Міръ зоветъ къ отвѣту!

И вотъ Еремѣй Строгій сталъ предъ міромъ. Вкругъ него волнуется толпа. Сотни глазъ устремлены сурово на него, полсотни рукъ внушительно тыкаютъ въ воздухѣ пальцами; полсотни голосовъ слились въ одинъ сплошной гулъ, изъ котораго можно было разобрать только отрывистыя фразы:

— Нѣтъ, ты говори, гдѣ былъ?... Почему ты на помочь съ нами къ купцу да попу не ходилъ? а? Почему? Святѣе насъ?

— Не бойся, на печи не лежалъ... Самъ на помочи былъ... Что вы кричите, несправедливый народъ?... Я весь день у Арины вдовы проработалъ... Она больна, ребятишки малые... Ни скосить, ни сжать ей силъ нѣту... Для Бога я работалъ...

— Для Бо-ога-а!... Вишь ты! Угодникъ какой выскочилъ... А мы не для Бо-ог-а-а? а? Нѣтъ, ты скажи, драть тебя на шесть, мы развѣ не для Бо-ога-а жилы-то тянемъ? а?... Вишь ты — душу спасаетъ, доброе дѣло дѣлаетъ... А мы не могли бы, что ли, душу-то спасти? а? Ты кто такой выискался изъ міру, что на тебя тягостей нѣтъ?

— Полведра съ него! Полведра!—крикнули на міру.—Будетъ ему баловаться!... Мы, братъ, и сами бы не прочь душу-то спасать... Нѣтъ, ты вотъ иди съ міромъ... Коли міръ къ попу — и ты къ попу... А вдову-то ты оставь, ты съ міромъ сначала потерпи...

— Незачѣмъ мнѣ къ попу ходить; водки я не пью, зерномъ у него не одолжался... Подите прочь!... Я по справедливости живу!... Нѣтъ вамъ ничего!...

— А! А!—закричала толпа.—Бери у него телѣгу со двора, тащи телѣгу... Впередъ не будетъ баловаться!...

— Братцы, что вы дѣлаете? Вѣдь, я не для себя... Вѣдь, я для Бога,—говорилъ Строгій.

— И мы для Бога-а!... Мы, братъ, тоже для Бога!... Тащи полведра, или телѣгу со двора!

И вдругъ кажется Строгому, что онъ побѣжалъ изъ Дергачей вонъ, за околицу.

— Эй, эй! Лови! Держи! Держите его, православные! — кричитъ за нимъ чей-то знакомый голосъ. — Бѣжать онъ вздумалъ! Ишь ты! Святѣе другихъ захотѣлъ быть! Себялюбецъ! Нѣтъ, ты съ міромъ претерпи...

И въ этомъ голосѣ онъ узнаетъ Ульяну Мосевну.

— Стой! Не пущу! — вцѣпился въ его рубаху костлявыми руками худой, больной мужикъ. — Ты, говоришь, попу не задолжалъ?... А я почему задолжалъ? Ты мнѣ почему зерна не далъ, когда я просилъ?... Кто меня къ Гусеву одолжаться прогонялъ? а? Ты! Ты, справедливый человѣкъ! Бей его, братцы! Бей!

И чувствуетъ Строгій, какъ навалился на него весь дергачевскій міръ... Вотъ сдавило ему животъ, грудь, нельзя дышать...

Строгій застоналъ — и проснулся. Въ головахъ у него стояла его жена и весь блѣдный, дрожащій Петръ.

ГЛАВА II.

Въ благородномъ семействѣ.

I.

Стояло сѣрое зимнее утро. Цѣлую ночь валившійся крупными хлопьями снѣгъ потопилъ совершенно все Замоскворѣчье; но его обитателямъ, вѣроятно, казалось много теплѣе и уютнѣе сидѣть за сугробами, такъ какъ никто изъ нихъ не торопился приступать къ очисткѣ снѣга. Было воскресенье. Богомольные москвичи длинными валеными сапогами сами проложили, черезъ сугробы, первые пути сообщенія по направленію къ церкви. Такъ какъ дальнѣйшихъ путешествій никуда не предполагалось на сегодня, то, за исключеніемъ этихъ узкихъ тропокъ съ глубокими провалами, всѣ улицы оставались въ неприкосновенной красотѣ пушистаго снѣгового покрова. По этимъ-то тропкамъ, часовъ въ 12 утра, послѣ обѣдни, пробирался молодой человѣкъ въ синей чуйкѣ, новомъ суконномъ картузѣ, съ торчащею стоймя тульей, въ свѣтло-вычищенныхъ кувшинныхъ, съ наборами, сапогахъ, одѣтыхъ въ большіе „мокроступы". Подобравъ на одну руку обѣ полы кафтана, чтобы не выкупать его въ снѣжномъ морѣ, а въ другой неся большой парусинный зонтикъ, молодой человѣкъ, напряженно ступая по проложеннымъ раньше слѣдамъ, шелъ въ сторону Кожевниковъ. Онъ, очевидно, усталъ; его худощавое лицо раскраснѣлось и взмокло отъ пота. Ему постоянно приходилось разрѣшать двойную задачу: съ одной стороны, не потерять тропинку, съ

другой—слѣдить за билетиками на воротахъ домовъ, увѣдомляющими объ отдачѣ комнатъ. Такихъ билетиковъ, какъ на грѣхъ, долго ему не попадалось. Но, наконецъ, судьба смиловалась надъ нимъ. Онъ подошелъ къ воротамъ одноэтажнаго, довольно уже стараго, съ палисадникомъ подъ окнами, длиннаго дома, съ „парадными" крыльцами по бокамъ. Одно изъ нихъ было отперто, другое же, вѣроятно, никогда не отпиралось, такъ какъ предъ нимъ лежала нетронутая снѣговая пучина. Прочитавъ, выговаривая вслухъ, прибитый на двери крыльца билетикъ, извѣщавшій, что „въ благородномъ семействѣ отдается комната съ мебелью, для одинокаго человѣка, *тихаго нрава*", молодой человѣкъ задумался и не рѣшался войти въ крыльцо. Сначала онъ вытеръ лицо большимъ разноцвѣтнымъ фуляромъ, затѣмъ поколотилъ ногу объ ногу, чтобы стряхнуть снѣгъ, встряхнулъ полы кафтана и занесъ было ногу за дверь, но, взглянувъ на билетикъ, опять быстро отступилъ и пошелъ дальше. Что его смутило: „благородное ли семейство", или онъ сомнѣвался въ тихости своего нрава? Повидимому, скорѣе первое. „Не жирно ли будетъ?" — повторилъ онъ про себя, уходя все дальше отъ „благороднаго семейства". Ему припомнилась почему-то его деревенька въ глухомъ захолустьи сосѣдней губерніи, его родичи въ нагольныхъ полушубкахъ, въ валеныхъ сапогахъ, съ корявыми руками, съ лохматыми, сбитыми въ косицы, бородами... Ему припомнилась и его квартира въ Москвѣ, въ подвальномъ этажѣ, въ артели, съ длинными нарами, съ тараканами, съ запахомъ капусты, прѣли, чернаго хлѣба и полушубковъ, съ коренастыми и горластыми мужиками въ ситцевыхъ рубахахъ и посконныхъ штанахъ, въ дырявыхъ валенкахъ и лаптяхъ; большая печка, на которой сушились онучи, гомонъ цѣлаго десятка голосовъ, иногда пьяныхъ и буйныхъ, и въ этомъ гомонѣ совсѣмъ пропадающая, стушевывающаяся „сурьезная" худощавая фигура его, опрятнаго, несловоохотливаго молодого парня. И въ то время, какъ онъ, „Волченокъ" (такъ прозвали его артельщики), нѣкогда мечтавшій въ деревнѣ о прелестяхъ столичнаго „благороднаго обращенія", принужденъ опять жить среди косолапаго невѣжества, выслушивать добродушныя насмѣшки и выходки деревенскаго остроумія надъ своею серьезностью, въ это время его сослуживцы по конторѣ и складамъ почетнаго гражданина Башмакова и К°, въ особенности тѣ, которые посолиднѣе, успѣли завестись „отдѣльными помѣщеніями съ небелью", жили по одному или по двое, въ тихой, благородной бесѣдѣ распивали „собственные" (а не артельные, въ трактирахъ, цѣлою ордой, до пятаго пота) чаи изъ собственныхъ „сервизовъ". И какъ было пріятно ему, когда приглашали его въ свою „тихую, степенную, благородную бесѣду за собственными сервизами" его сослуживцы, когда чистота, опрятность маленькаго собственнаго „отдѣльнаго помѣщенія", съ цвѣтами на окнахъ, съ гитарой, съ платянымъ шкапомъ, съ старинымъ маленькимъ диваномъ, съ половиками у двери, съ вымытымъ начисто поломъ, охватывали все его существо. И вотъ, возвращаясь въ артель, его душили злыя слезы, когда разные троюродные и четвероюродные дядья, шабры и всякіе земляки начинали „родительски" внушать ему, что „своими-то брезговать нечего", что „оно хоша и бѣдно, и грязно, а все жъ свое, родное, близкое", что на купцовъ-то смотрѣть нечего, „потому у нихъ свое поведеніе, а у мужиковъ свое, такъ ты того и держись, къ чему сызмалѣтства прирожденъ", что „твои-то старики съ каждою оказіей молятъ, чтобъ за тобой смотрѣть всячески, чтобъ ты отъ крестьянства не отбивался, чтобъ съ родственниками и земляками неуклонно пребывалъ въ почтеніи и дружбѣ... А брезговать-то нашею мужицкою бѣдностью еще, загодя-то, нечего, повременить надо... Еще Богъ знаетъ, какое тебѣ произволенье указано! Еще журавли-то въ небѣ летаютъ!... Такъ-то, Петруша".

И въ ту минуту, когда въ его воображеніи съ такою замѣчательною отчетливостью встаютъ всѣ эти троюродные дядья, шабры и всякіе близкіе и дальніе земляки, изрядно подвыпившіе и тѣмъ какъ бы почувствовавшіе сугубое призваніе читать „молодымъ" парнямъ наставленія, молодой человѣкъ махнулъ рукой и быстро повернулъ назадъ къ приглашавшему тихаго нрава жильца благородному семейству. Съ какою-то отчаянною рѣшимостью онъ проговорилъ:

— Не люди мы, что ли? (такъ часто повторявшееся въ городѣ его крестнымъ Еремѣемъ Строгимъ), — и вступилъ въ маленькія сѣнцы, но у звонка онъ опять сробѣлъ и позвонилъ такъ тихо, что ни-

кто не слыхалъ. Онъ ждалъ. Въ эти три минуты цѣлая вереница мыслей и образовъ пронеслась въ его головѣ: рѣшимости и сомнѣнія, надежды и страха — и опять захолустная деревня Дергачи съ корявыми мужиками, и горластые троюродные дядья, шабры и близкіе и дальніе земляки. За дверью не было слышно никакого движенія. Онъ позвонилъ еще, погромче. За дверью залаяла собаченка. Кто-то подошелъ къ двери и сердитымъ голосомъ крикнулъ за нею:

— Ѳедосья!.. Гдѣ она? Чортъ знаетъ, куда бѣгаетъ!.. Чье дѣло дверь отворять? Сказано, вѣдь, было, что баринъ самъ отворять дверей не будетъ!.. Сколько разъ вамъ повторять? Сыщите ее!

Кто-то крикнулъ опять: „Ѳедосья"! затѣмъ другой женскій голосъ, въ другомъ концѣ дома, подхватилъ опять: „Ѳедосья"! наконецъ, гдѣ-то позади сѣней, вѣроятно, въ кухнѣ, новый женскій голосъ кричалъ:

— Ѳедосья! Скорѣй! Звонятъ! Отпирай двери! Папа сердится!

Кто-то, ворча и пыхтя, подбѣжалъ къ двери, отложилъ крючокъ и отворилъ. Выглянуло вспотѣвшее красное лицо, съ испачканнымъ въ мукѣ носомъ и въ сбившемся на бокъ платкѣ на головѣ.

— Здѣсь... фатерка сдается? — спросилъ Петръ.

— Что вамъ нужно? Входите!.. Холодно!.. Затворяйте дверь плотнѣе! — вмѣсто высунувшейся съ бѣлымъ носомъ персоны, закричалъ высокаго роста, съ строгимъ взглядомъ, сѣдою головой и сѣдыми баками хозяинъ, стоя въ халатѣ за отворенною въ переднюю изъ зальцы половинкой двери.

Петръ вошелъ.

— Фатерка... — началъ было онъ опять.

— Проходите ближе! Сюда! — приказывалъ хозяинъ. — Вы... ты чѣмъ занимаешься? — началъ онъ допрашивать, сурово осматривая съ головы до ногъ молодого парня и прихватывая рукой воротъ халата и шею, на которой былъ повязанъ шерстяной чулокъ.

— По конторской и коммерческой части.

— Ты... вы гдѣ служите? — продолжалъ онъ, мѣняя личныя мѣстоимѣнія и не зная, на которомъ изъ нихъ утвердиться.

— При складахъ купца Башмакова и К°.

— Сколько получаешь?

— Двѣсти рублей въ годъ.

— Ты... вы одинокій?

— Одинокій.

— Аполлинарія Петровна! Покажите!

Неизвѣстно откуда, вдругъ въ углу зальцы явилась маленькая, худенькая, сѣдая старушка, съ большою старинною черепаховою гребенкой, всунутою за сѣдую косичку на затылкѣ. Сухими костлявыми пальцами она вязала чулокъ.

— Пойдемъ, батюшка, пойдемъ за мной, — приглашала она Петра, и, не переставая вязать, пошла впереди его по узенькому коридору, заваленному почти сплошь сундуками и картонками изъ-подъ дамскихъ шляпъ.

— Ну, вотъ, батюшка, смотри — понравится ли? — рекомендовала старушка, отворяя дверь въ маленькую, въ одно окно, комнатку, гдѣ-то въ самомъ заднемъ углу дома.

Старушка сѣла на стулъ и продолжала вязать. Петръ оглянулъ комнату: желтенькіе обои, столъ, два стула, кровать, засохшая герань на окнѣ. Въ окно виденъ садъ, весь потопленный въ глубокихъ снѣжныхъ сугробахъ, изъ-подъ которыхъ торчали только кое-гдѣ голые сучья яблонь.

— Маленькая комнатка, а уютная... Тепла будетъ... Я люблю здѣсь сидѣть... Любимое мое мѣстечко... А лѣтомъ какъ прекрасно: настоящая барская усадьба, — говорила старушка, все еще не отрываясь отъ чулка. — Одиночка ты?

— Одиночка.

— Изъ деревни, чай... Издалека?

— Изъ деревни.

— Чай, маленькимъ привезли? Отецъ-то съ матерью есть ли?

— Батюшка есть.

— Матери-то нѣтъ?... Умерла?

— Умерла.

— И не помнишь ее?

— Плохо.

— Есть ли родные-то здѣсь?

— Нѣтъ, — твердо выговорилъ Петръ и опять вспомнилъ троюродныхъ дядьевъ.

— А гдѣ жилъ раньше-то?

— Съ сослуживцами, — опять усиленно-твердо выговорилъ онъ.

— Давно въ деревнѣ-то не бывалъ?

— Давно не былъ.

— Одинокій совсѣмъ, — проговорила какъ будто для себя старушка и затѣмъ сказала Петру: — Нанимай!.. Хорошая комнатка!.. У насъ тихо, благородно... Ты, можетъ быть, Ивана Степаныча испугался?.. Ты не бойся, онъ мужчина добрый, смирный. Только что у него характера нѣтъ, такъ вотъ онъ строгостью беретъ, по привычкѣ... Нанимай, не бойся... Онъ,

глядишь, завтра же къ тебѣ въ шашки придетъ играть... Я вижу—ты смирный... Нанимай... тепло будетъ!

— Не вѣрьте!.. Холодно, очень холодно!.. Въ морозъ руки коченѣютъ!—крикнулъ за дверью звонкій дѣвичій голосъ и закончилъ веселымъ раскатистымъ смѣхомъ.

— Лиза! Что это за школьничество?—сказалъ другой голосъ, солиднымъ контральто, за тою же дверью.

— Вотъ моя вертушка дурачится все!..—проговорила, улыбаясь, старушка. — Не любо, вишь, ей, что въ армякѣ жилецъ будетъ... Все студента ей хотѣлось... Не одного ужъ она такъ-то спровадила!.. Да какіе для нея студенты въ Кожевникахъ жить будутъ?.. Ты не слушай ее... Добрая, вѣдь, она у меня... Что же, нравится ли?

Петръ сказалъ, что ему лучше не надо, только какъ цѣна будетъ.

— А ужъ объ этомъ съ самимъ поговори,—сказала старушка и, опять быстро работая спицами, повела его черезъ корридоръ въ залу.

Въ залѣ Иванъ Степанычъ уже сидѣлъ въ креслѣ у печки и сурово курилъ трубку. Здѣсь же Петръ увидалъ и тѣхъ, которыя говорили за дверью, когда онъ осматривалъ комнатку. Это были двѣ дѣвицы—брюнетка и блондинка. Брюнетка была старше, выше, солиднѣе, съ холоднымъ высокомѣрнымъ взглядомъ. Очевидно, не у нея былъ такой веселый, звонкій, раскатистый смѣхъ. Блондинка была моложе, ниже, миловиднѣе; ея пухлое раскраснѣвшееся личико было теперь сердито, губки надуты, а тонкія ноздри чуть замѣтно дрожали и раздувались. Очевидно, ей принадлежалъ веселый, раскатистый смѣхъ; очевидно, ей не нравился новый постоялецъ. Но Петръ ея не испугался.

— Ну, что? — спросилъ Петра Иванъ Степанычъ.

— Ничего... Желали бы занять фатерку... Приглянулась.

— Нанимай!—категорически отрубилъ Иванъ Степанычъ и поставилъ трубку въ уголъ.

— Папа! вѣдь, ты обѣщалъ Сережѣ,—вскрикнула блондинка, привскочивъ на стулѣ, и ея розовый носикъ, нѣсколько вздернутый кверху, еще больше расширился.

— Оставь, говорю!.. Не хочу я знать вашихъ нигилистовъ... У нихъ на табакъ не хватаетъ! Пора остепениться,—прикрикнулъ Иванъ Степанычъ и поднялся.—Нанимай!.. Я на это не смотрю, что мужикъ... И мужикъ бываетъ не хуже другихъ... Я не кисейная барышня!

— Съ чего вы взяли, что я брезгаю крестьяниномъ?—вспыхнула вся, какъ зарево, блондинка.—Я, можетъ быть, больше, чѣмъ вы понимаю, что... Я только...

— Ли-иза! — протянула, укоризненно покачавъ головой, брюнетка.

— Какъ цѣна будетъ?—перебилъ этотъ ненужный для него разговоръ Петръ.

— Пять рублей,—отрубилъ Иванъ Степанычъ.

— Два рублика скинете?

Всѣ улыбнулись.

— Я, братецъ мой, квартирами не торгую,—снисходительно проговорилъ Иванъ Степанычъ. — Если я сдаю лишнюю комнату, то единственно для того, чтобы доставить удовольствіе молодому человѣку жить въ благородномъ семействѣ... понимаешь? Если ты можешь это оцѣнить...

Но Петръ не могъ еще этого оцѣнить: у него закружилась голова отъ пятирублевой цѣны... Да, ему недавно прибавили жалованье, онъ теперь получаетъ почти-что столько же, сколько главные приказчики. Но пять рублей! Пять рублей, когда онъ въ артели платилъ всего два рубля... Вѣдь, эти три рубля каждый мѣсяцъ пойдутъ прахомъ, въ годъ, значитъ, 36 рублей, почти сорокъ рублей!.. У Петра стоялъ въ головѣ туманъ.

— Дорожитесь очень... не по насъ... Извините,—пробормоталъ онъ, весь вспыхнувъ, — извините, что я побезпокоилъ... Виноватъ,—пятился онъ къ двери.

— Ничего, братецъ... Что-жь, дѣло любовное! — говорилъ Иванъ Степанычъ. — Ѳедосья! проводи!—крикнулъ онъ,— а, можетъ, надумаешь... Заверни... Ты мнѣ понравился... Ты парень солидный...

— Виноватъ,—говорилъ Петръ,—дорожитесь... не по насъ.

Онъ взялся за ручку двери; рука у него дрожала... Вотъ дверь отворяется: еще шагъ—и „комната съ мебелью въ благородномъ семействѣ“ потеряна для него на вѣки... Гдѣ еще попадется такая подходящая? Гдѣ еще онъ „поправится“? Гдѣ еще хозяева такіе снисходительные, добрые и „обстоятельные“? Онъ отворилъ дверь совсѣмъ; Ѳедосья захлопнула за нимъ; крючокъ щелкнулъ; онъ остался на крыльцѣ...

„А дешево! Дешевле не найти... Ежели бы богатъ былъ... Наши конторскіе тоже платятъ три и даже четыре рубля, а се-

мейные восемь и десять рублей... Пять рублей! Одинъ рубль лишку... Какъ бы три... Можетъ за четыре уступитъ?.. Дорого, а въ артели—хорошо... Я вотъ сколько накопилъ, въ артели-то живши... Экономія!.. Вѣдь, это сорокъ рублей въ годъ!" думалъ Петръ почти вслухъ, снова выступая по сугробамъ посрединѣ улицы; но за тѣми думами, которыя онъ думалъ вслухъ, въ головѣ его гнѣздились другія: въ его воображеніи стояла эта чистенькая, отдѣльная комната, тишина, „благородство", старушка съ чулкомъ, благородный хозяинъ съ трубкой въ зубахъ, барышни... О чемъ они разговариваютъ? Какъ они живутъ? Что они читаютъ въ книжкахъ? Они, чай, все знаютъ, научатъ, совѣтъ дадутъ... Законы знаютъ, съ начальствомъ знакомы. Коли что, Господи спаси, въ деревнѣ случится—присовѣтуютъ, поддержку дадутъ. А, главное, чистота, благородство... Дракъ этихъ, пьянства не будетъ, ругани, грязи... Эти хожалые, подчастки, пристава не будутъ ругаться... А, главное, чистота, благородство, никто тебѣ въ лицо не наплюетъ, не нахарчитъ... Самъ себѣ господинъ! Придешь вечеромъ, самоваръ наставишь, сидешь одинъ, али главнаго приказчика позовешь, о дѣлахъ поговоришь, въ сурьсзъ—благородно, умно, никто къ тебѣ съ глупостью, али пьяною образиной не полезетъ, тебя съ корявымъ, пьянымъ мужикомъ не смѣшаютъ... А потомъ ляжешь и будешь слушать, о чемъ благородные люди за стѣной говорятъ... Книжку можно попросить, законы, напримѣръ, али календарь... Бумаги куплю, писать стану учиться. Можно научиться еще лучше писать... А, главное, арихметику!.. Пропорціи бы надоть произойти да прòценты... Вотъ главный приказчикъ говоритъ: „кабы ты, говоритъ, прòценты зналъ, такъ, говоритъ, при твоей смышлености да выдержкѣ, ты бы далеко пошелъ!" А Иванъ Степанычъ, вѣрно, прòценты знаетъ... Чтò ему разсказать когда ни то вечеркомъ — плюнуть... Чай, также сидитъ зря да трубку сосетъ! Поди во всякихъ училищахъ учился... А намъ бы оно на руку... Опять теперь — вексель учесть, али конторскую часть показать: что къ чему... Самую эту бухгалтерію... Благородному человѣку этого нельзя не знать: учили, чай, тоже... Ихъ всему учатъ — и въ дѣло, и не въ дѣло, хочешь не хочешь, а учатъ... И церковному закону учатъ, и по разнымъ наукамъ... Послѣ эти науки ему и ни къ чему, сидитъ себѣ да трубку покуриваетъ, а все знаетъ... А у насъ, вотъ, и къ дѣлу бы, а поучиться негдѣ, все урывкомъ, по случаю... Да еще въ артели живешь!.. Тамъ, братъ, немного выучишься... Сказки только сказывать выучишься. Вотъ какъ Лимподистъ... задеретъ ноги кверху и давай про лѣшихъ разсказывать, а артель гогочетъ!.. А спроси, чтò къ чему: это, говоритъ, не наше дѣло, а барское... Ежели ты ноги будешь кверху умѣть только задирать, конешно, барское будетъ!.. Баринъ съ тобой и разговаривать не станетъ... А ты выдержку знай и сумѣешь отъ него научиться... А у насъ что: го-го-го,—ржутъ, что жеребцы.

Не прошло и четверти часа, какъ Петръ, еще более сильно взволнованный, чѣмъ прежде, снова звонитъ у крыльца благороднаго семейства, снова входитъ несмѣло въ дверь зальцы и робко говоритъ:

— Четвертачокъ хотя скиньте.

— Кулакъ! — вырвалось у блондинки такъ громко, что слышно было всѣмъ.

Петръ сконфузился и взглянулъ въ ея сторону. Блондинка презрительно отвернулась.

— Это мнѣ нравится, — проговорилъ солидно Иванъ Степанычъ,—ты, молодой человѣкъ, долженъ быть разсчетливъ... А четвертака я тебѣ все-таки не *уступлю*...

Петръ помялся нѣсколько на мѣстѣ,—у него мелькнула мысль: „Что жъ, на мѣсяцъ... Попробую... А, можетъ, я изъ нихъ пользы-то и не на пять рублей возьму",—повертѣлъ въ рукахъ фуражку и сказалъ:

— Такъ задаточекъ съ васъ нельзя-ли?

— И это хорошо... Только, дружокъ, обыкновенно дѣло дѣлается наоборотъ... А, впрочемъ, вотъ тебѣ рука благороднаго дворянина... Я, братецъ, повторяю—не торгашъ. И это ты долженъ знать. Когда переѣдешь?

— Да сегодня же, потому праздникъ, день свободный.

— И прекрасно... Постой: водку пьешь? Кутишь?

— Этимъ не занимаемся.

— То-то!.. У меня, чтобы Боже упаси!.. Уговоръ лучше денегъ: ежели шумъ, дебошъ—въ ту же минуту все изъ квартиры на морозъ выкидаю!

— Этого не будетъ-съ!

Только что вышелъ Петръ въ переднюю и сталъ надѣвать свои мокроступы, какъ въ зальцѣ блондинка безцеремонно ска-

зала съ настойчивостью капризнаго ребенка:

— А ему не жить у насъ... Лавочникъ!.. Я отравлю ему жизнь съ перваго же дня.

— А мнѣ онъ нравится,—медленно, протяжно и обстоятельно выговорила брюнетка.—У него такое... интеллигентное лицо... Любопытный экземпляръ! — долетѣло до Петра, когда онъ выходилъ.

Онъ не понялъ этихъ словъ, но почему-то слово „экземпляръ“ засѣло у него въ ушахъ, и онъ всю дорогу повторялъ его, коверкая на разные лады. Ему очень хотѣлось научиться говорить „по-благородному“, но первое слово—„интеллигентный“ онъ никакъ не могъ припомнить.

Петръ былъ очень доволенъ; онъ чуть замѣтно подпрыгивалъ даже дорогой, не смотря на увѣсистые мокроступы на ногахъ. На „сердитую барышню“ онъ не обращалъ никакого вниманія. Какое можетъ быть ему дѣло до того, что онъ не нравится барышнѣ, когда иначе и быть не можетъ? Это въ порядкѣ вещей. Для него важно было другое: это — „особое помѣщеніе съ небелью“ въ благородномъ семействѣ. Даже его сослуживцы нанимали квартиры у мѣщанъ, а онъ въ благородномъ семействѣ. Для него было почти несомнѣнно, когда онъ звонилъ у двери „благороднаго семейства“, что ему, только взглянувъ на его костюмъ, тотчасъ же захлопнутъ подъ носомъ дверь. И если онъ звонилъ, то это былъ почти безсознательный рискъ человѣка, желавшаго, во что бы то ни стало, увѣрить себя, что и онъ „не хуже другихъ“. И вдругъ... онъ—не хуже другихъ!

Придя на артельскую квартиру, онъ не засталъ тамъ ни троюродныхъ дядьевъ, ни шабровъ, ни близкихъ и дальнихъ земляковъ, которые ушли пить чай въ трактиръ. Петръ былъ очень радъ этому случаю. Ему сегодня везло. Онъ еще дорогой рѣшилъ — ни подъ какимъ видомъ не говорить дядьямъ и шабрамъ о своей новой квартирѣ. Неужели появленіе среди благороднаго семейства закорузлыхъ и коренастыхъ дядьевъ и шабровъ должно лишить его сразу всего, что давно мечталось ему и что такъ неожиданно улыбнулось? А сколько попрековъ за пятирублевую цѣну! По крайней мѣрѣ, на первое время это было невозможно. Онъ тотчасъ же нанялъ Ваньку и, объявивъ сѣдому старику, сторожившему артельную квартиру, что онъ переѣзжаетъ къ сослуживцамъ, свалилъ свои сундучки на сани и двинулся къ своему новому „особому помѣщенію съ небелью“, гдѣ уже не будетъ ни простоволосаго невѣжества, ни грубаго добродушія съ своими пьяными увѣщаніями, которыя надоѣли ему хуже горькой рѣдьки, ни грязи, ни ругани, ни дракъ, ни ежедневныхъ служебныхъ подвиговъ городовыхъ, околоточныхъ, приставовъ, буйствовавшихъ надъ артелью и съ непечатною бранью и подзатыльниками таскавшихъ мужиковъ въ участки.

II.

Огромные склады и лабазы торговаго дома Башмаковыхъ и К°, ведшаго обширныя коммерческія операціи зерномъ и мукой, пенькой, желѣзомъ и всевозможнымъ россійскимъ „сырьемъ“, помѣщались въ одномъ изъ домовъ Замоскворѣчья, на торговой площади. Массивныя желѣзныя двери складовъ, занимавшихъ всю нижнюю половину дома, скрипя и грохоча петлями и ключами, по зимамъ отворялись поздно и затворялись рано, вмѣстѣ съ дневнымъ свѣтомъ. Съ огнемъ въ нихъ рѣдко сидѣли. И только въ главной конторѣ сѣдой молчаливый старикъ, главный конторщикъ, долго сидѣлъ за счетами предъ лампой, еще съ вечеренъ распустивъ по домамъ своихъ подручныхъ. Въ новѣйшее время, когда цивилизація коснулась даже Замоскворѣчья, а старикъ Башмаковъ умеръ и его сыновья повели дѣло на торговомъ товариществѣ, одѣвшись, вмѣсто чуекъ, въ пиджаки, кромѣ стараго дяди, въ администраціи дома произошли тоже сообразныя реформы.

Прежде, во времена старика Башмакова, вся она, по-старозавѣтному, сосредоточивалась въ рукахъ его самого и брата, при которыхъ состояла цѣлая орава приказчиковъ, жившая вся при хозяевахъ въ качествѣ „домочадцевъ“. Судьбой этихъ домочадцевъ Башмаковъ распоряжался такъ же безконтрольно, какъ и судьбой своихъ собственныхъ чадъ. Трепалъ ихъ за волосы и за уши, ругалъ, иногда билъ, лишалъ „положеннаго“ изъ съѣстного, подарковъ, наградъ, но въ то же время и поощрялъ, награждалъ, благоволилъ и устраивалъ отечески судьбу того или другого. Теперь совсѣмъ другое дѣло стало. Патріархальные порядки въ значительной степени рухнули. Прежде всего, подорвала ихъ самая фирма товарищества на паяхъ, а затѣмъ и самый духъ времени. Администрація дома распалась на двѣ инстан-

ціи: низшую и высшую. Все, что копошилось въ самыхъ лабазахъ, терлось около кулей и мѣшковъ съ утра до вечера, начиная отъ ломовиковъ-крючниковъ и кончая главнымъ приказчикомъ и пайщикомъ дома—старикомъ Башмаковымъ-дядей, все это жило еще въ большей или меньшей степени по-старому, ходило въ армякахъ, чуйкахъ и сыромятныхъ сапогахъ вмѣстѣ съ приказчикомъ, хотя и не жило уже „при хозяинѣ", а помѣщалось на „вольныхъ фатерахъ", большею частью артелями. Это была низшая инстанція.

Въ верхнемъ этажѣ дома, непосредственно надъ лабазами, въ „чистыхъ комнатахъ" помѣщалась высшая инстанція: главная контора. Ее составляли бухгалтеры, кассиры, конторщики, корреспонденты, подъ главенствомъ начальника конторы. Все это далеко было не похоже на низшую инстанцію. Все носило на себѣ послѣднюю окраску цивилизаціи: ходили въ пиджакахъ, причесывались съ проборомъ на затылкѣ, на ногахъ носили штиблеты съ пряжками, а на головахъ цилиндры. Паркетные полы, лакированныя высокія конторки, съ высокими табуретами, длинные столы, покрытые зеленымъ сукномъ, конторскія книги и бланки изъ веленевой бумаги, роскошные пергаментные переплеты „главныхъ книгъ", исписанныхъ красивыми, четкими почерками, вѣнцомъ каллиграфическаго искусства,—такова внѣшняя обстановка высшей инстанціи.

Контингентъ высшей инстанціи пополняли преимущественно молодыми сынками разорившихся купеческихъ домовъ, промотавшимися представителями нѣкогда громкихъ фирмъ и затѣмъ особаго рода незнакомцами, безъ званія и рода, которые, неизвѣстно какимъ образомъ, всегда плодятся при большихъ и малыхъ торговыхъ домахъ. Не то факторы, не то ходатаи, не то комми, эти незнакомцы, одѣтые съ шикомъ, хотя не имѣющіе за душой ни гроша, каждое утро трутся въ конторахъ, курятъ хорошія сигары, разсказываютъ забавные анекдоты, разносятъ трактирныя и театральныя новости — и представляютъ собою идеалъ особаго рода наглой бонтонности для приказчиковъ, конторщиковъ, бухгалтеровъ и кассировъ. Послѣдніе ихъ ужасно любятъ. Хозяева, хотя и третируютъ ихъ нѣсколько свысока, но въ нихъ „нуждаются". Исчезни въ одно прекрасное утро изъ торговыхъ конторъ эти „незнакомцы", и, нѣтъ сомнѣнія, хозяева ощутятъ въ сердцѣ нѣкоторую пустоту, ибо у незнакомца—всегда готовый проектъ какого-нибудь грандіознаго предпріятія, который если и не всегда осуществимъ, зато можетъ дать пищу фантазіи и уму, всегда онъ готовъ съѣздить туда, заглянуть сюда, привезти билетъ въ оперу, устроить удачный сбытъ плохой партіи... Въ нѣкоторыхъ случаяхъ ихъ называютъ особою кличкой *племянниковъ*. „Племянникъ" иногда бываетъ очень важенъ для фирмы: онъ сбавляетъ и нагоняетъ цѣны на подрядныхъ торгахъ, вноситъ залоги (конечно, не свои), затѣмъ беретъ отступныя, куртажныя и пр. При большихъ операціяхъ иногда у племянника скопляется до десяти тысячъ за разъ, но все это въ его рукахъ эфемерно, и черезъ недѣлю онъ уже закладываетъ послѣдній фракъ. Въ акціонерныхъ предпріятіяхъ опять необходимъ этотъ таинственный незнакомецъ,—онъ фигурируетъ тамъ въ роли подставного, наемнаго акціонера, „голоса" и проч.

Въ роли этихъ таинственныхъ незнакомцевъ большею частью фигурируютъ полунѣмцы, полужиды, отставные военные, вольнопрактикующіе адвокаты, нерѣдко съ университетскимъ образованіемъ; нерѣдко же попадаются неудачники — актеры, литераторы, технологи... Въ этомъ случаѣ, они говорятъ о политикѣ, о всемірной торговлѣ, о произведеніяхъ литературы и искусствъ, держатъ себя крайне надменно. Но все это не мѣшаетъ участвовать имъ въ такихъ сценахъ. Въ одно прекрасное утро, когда часовъ около 12, „племянникъ", по обыкновенію, является въ правленіе фирмы, съ дорогимъ портфелемъ подъ мышкой, одѣтый по послѣдней модѣ, подвитой и раздушенный, хотя съ нѣсколько помятою физіономіей послѣ ночного кутежа, когда онъ только что пускается въ веселые разговоры съ „правленіемъ", вдругъ входитъ разбѣшенный хозяинъ, только что узнавшій, что „племянникъ" продѣлалъ съ его фирмой какой-то фортель. „Племянникъ" догадывается и блѣднѣетъ. Сначала онъ слабо защищается, но когда „хозяинъ" все больше и больше начинаетъ уснащать свою рѣчь мѣстоименіемъ „ты", съ приличными эпитетами, въ родѣ „мерзавецъ", „негодяй", онъ лихорадочно начинаетъ искать свой цилиндръ. Но вотъ раздается грозное: „Гони его, подлеца! Бей!"—приказчики и конторщики бросаются вслѣдъ за несчаст-

нымъ, бѣгущимъ со всѣхъ ногъ въ переднюю. „Племянникъ“ схватываетъ свою плюковую шубу, жертвуя калошами, набрасываетъ ее на одно плечо и быстро спускается съ лѣстницы, сопровождаемый пинкомъ въ шею, крикомъ, гиканьемъ, свистомъ развлекавшихся неожиданнымъ спектаклемъ конторщиковъ. Общее возбужденіе „высшей инстанціи“ мигомъ передается „низшей“, и послѣдняя, высыпая отъ стара до мала изъ лабазовъ, уже встрѣчаетъ несчастнаго, летящаго съ лѣстницы, гиканьемъ, хохотомъ, циканьемъ.

Низшая инстанція уже чутьемъ знаетъ, въ чемъ дѣло, такъ какъ эти спектакли устраиваются нерѣдко.

— Стрюцкій!

— Сунила!

— Сусликъ!

— Крыса!

— Тссссъ!.. У-у-у-у!

Все это несется вслѣдъ прекрасному незнакомцу изъ оконъ „высшей инстанціи“ и изъ кладовыхъ „нижней“, пока онъ быстро и не теряя элегантности въ походкѣ, пробѣгаетъ рядъ лобазовъ и, нанявъ Ваньку, скрывается отъ взоровъ взбудораженныхъ „рядовъ“... А „ряды“ еще долго волнуются этимъ событіемъ, пока вѣсть о немъ не обойдетъ весь рынокъ.

Нашъ „любопытный экземпляръ“, нанявшій комнату въ благородномъ семействѣ, не имѣлъ счастія, или несчастія, принадлежать къ высшей инстанціи, бывшей рѣдко достижимымъ идеаломъ для „сибирокъ“ низшей. Высшая инстанція примыкала непосредственно къ „цивилизаціи“, низшая—къ деревнѣ. Все это, впрочемъ, какъ мы видѣли, не мѣшало и низшей инстанціи сочувственно принимать къ сердцу „событія“, совершавшіяся выше ея, въ области мало ей доступной. Но Петръ никогда не участвовалъ въ шумномъ выраженіи этого сочувствія. Привезенный въ Москву уже 16—17 лѣтъ, впечатлительный, любопытный и сосредоточенный мальчикъ, онъ не научился „цикать“ и „дразниться“, вообще всѣмъ тѣмъ увеселительнымъ штукамъ, ареной которымъ служатъ панели торговыхъ рядовъ. Онъ, обыкновенно, вначалѣ смотрѣлъ на сцены, въ родѣ вышеприведенныхъ, съ какимъ-то недоумѣніемъ, даже сожалѣніемъ къ несчастнымъ „незнакомцамъ“, вылетавшимъ изъ главной конторы. Его поражало то, что его собратья „дразнили“ прекраснаго незнакомца словами: „ученый! законы проглотилъ!“ Еще болѣе его поражали самые эти казусы съ „учеными“. Ему было стыдно за нихъ, хотя онъ и не сомнѣвался, что хозяинъ казнилъ ихъ за „дѣло“. Но онъ не могъ соединить въ своемъ умѣ представленія „ученаго, проглотившаго законы“, съ какимъ-то пакостнымъ дѣломъ, за которое бьютъ въ загривокъ. Это до такой степени смущало его, что при подобныхъ случаяхъ онъ иногда краснѣлъ; глаза его наполнялись слезами, и лично внутренно онъ страдалъ за „ученаго“, внутренно принималъ на себя весь снѣдавшій его стыдъ и позоръ.

Конечно, этому были причины. У Петра былъ въ деревнѣ закадычный другъ Филаретка, а этотъ Филаретка получилъ изъ разсказовъ своего отца, стараго дворецкаго, очень радужное представленіе о правахъ ученыхъ и благородныхъ людей въ семъ мірѣ, неустанно развивая это же уваженіе къ ученому званію и въ своемъ пріятелѣ. Обольстительно рисовалъ онъ ему всю прелесть „пинжака“ и знаніе законовъ („главное, чтобы законы знать!“), которые, несомнѣнно, защитятъ ихъ и ихъ отцовъ, и братьевъ, и дядьевъ отъ всякихъ „прижимокъ“, колотушекъ, обидъ... „Ежели только пинжакъ да законы — ходи прямо, смотри бойко! Вонъ мой тятька... сидитъ себѣ на крылечкѣ, трубочку покуриваетъ, никто его не бьетъ, не обидитъ, еще мужики шапки ломаютъ. Нѣтъ, это, братъ, первое дѣло“,—умилялся Филаретка. Но Филаретка былъ натура увлекающаяся, и, какъ всякая увлекающаяся натура, легко мѣнялъ предметы своего увлеченія и скоро утѣшался въ несбывшихся мечтахъ. Не то былъ Петръ. Онъ слушалъ, слушалъ Филаретушку и молчалъ, смотря на него исподлобья своими пытливыми карими глазами. Самолюбивый и недовѣрчивый, онъ рѣдко дѣлился своими мыслями даже съ Филареткой. Но что разъ западало въ его душу, то утрамбовывалось въ ней плитою; разочарованію онъ поддавался туго и, если избѣжать его было нельзя, оно давалось ему трудно, вырывалось изъ души съ болью... И въ отношеніи къ ближнимъ они были различны: Филаретка былъ вообще добродушный, любящій; когда обижали „деревню“, ему было *жалко*, Петру было *стыдно*. Филаретка соболѣзновалъ и плакалъ объ обиженныхъ и негодовалъ противъ при-

тѣснителей, грозя имъ въ будущемъ „пинжакомъ“ и „законами“; Петръ негодовалъ и на тѣхъ, и на другихъ,—и на притѣсняемыхъ, пожалуй, больше, чѣмъ на притѣснителей; за притѣсняемыхъ онъ *стыдился*, краснѣлъ за нихъ „рукосуйство“, безотвѣтность, приниженность, и за этотъ *стыдъ* онъ платилъ имъ почти презрѣніемъ, хотя и готовъ былъ выместить обиду за нихъ на притѣснителяхъ.

Былъ у Петра съ Филареткой другъ Лимподистъ, добродушный парнюга, въ версту ростомъ, съ широчайшими плечами и сильными руками. Несмотря на то, что онъ былъ ихъ старше только лѣтъ на пять, тщедушные Петръ и Филаретка казались предъ нимъ мальчиками. Да мальчиками показались бы предъ нимъ и самые парни-женихи, если бы съ громаднымъ физическимъ развитіемъ не уживалось въ Лимподистѣ крайнее младенчество ума. Онъ съ такимъ же увлеченіемъ игралъ съ ребятишками въ бабки, въ лошади, пуская кубари, лазая по деревьямъ, какъ и самые малые изъ нихъ. Но зато и сила его пользовалась большимъ уваженіемъ. Съ нимъ безбоязненно пускалась въ самыя рискованныя путешествія вся ребячья деревня, вѣруя, что съ Лимподистомъ ихъ никто и ничто не обидитъ— ни звѣрь, ни лихой человѣкъ. По зимамъ онъ безбоязненно бѣгалъ съ арясиной за волками и отгонялъ ихъ цѣлыми стаями отъ деревни. И Петръ, и Филаретка, хотя постоянно вмѣстѣ съ другими подсмѣивались надъ нимъ, но любили его и чувствовали къ нему уваженіе. У нихъ часто шли такіе разговоры.

— А что, Лимподистъ, ежели бы теперь у насъ деревня огнемъ занялась,—спрашивали его,—вѣдь, ты бы не далъ ей сгорѣть?

— Не далъ бы, — увѣренно отвѣчалъ Лимподистъ.

— Вѣдь, ты сейчасъ бы все по щепкамъ разбросалъ? Хвать за крышу—крышу стащилъ бы; хвать за уголъ—уголъ своротилъ бы...

— Своротилъ бы.

— А ежели бы ночью конокрады наскакали, а ты бы ихъ поймалъ... вѣдь, изничтожилъ бы?

— Изничтожилъ бы,—отвѣчалъ Лимподистъ, и въ глазахъ горѣла младенчески-наивная самоувѣренность.

— Ну, а ежели бы медвѣдь... Вотъ старики разсказывали, что къ намъ однажды медвѣдь въ деревню заходилъ... Всѣ, говорятъ, попрятались, а онъ разломалъ хлѣвъ, съѣлъ козла, да и ушелъ... Ты бы не далъ?

— Ни въ жизнь!.. Я бы на него съ рогатиной...

— Ну, а домового ты боишься?

— Нѣту. Я однова на него ходилъ. Матка говоритъ мнѣ: Лимподистъ, у насъ на чердакѣ домовикъ возится... Ладно, говорю, и пошелъ его искать.

— Ну?

— Такъ и не ущупалъ... Ежели бы ущупалъ, я бы...

И т. д.

И вдругъ отецъ съ матерью женили Лимподиста „по росту“, какъ объяснили они сельскому батюшкѣ, который, посмотрѣвъ на Лимподиста, не сталъ даже и въ метрикахъ справляться; женили на тридцатилѣтней вдовѣ, съ маленькимъ сынишкомъ. Лимподистъ неожиданно сталъ „мужикомъ“, а сверстники прозвали его „алёнинымъ мужемъ“. Филаретка и Петръ прониклись еще большимъ почтеніемъ къ Лимподисту. „Ты ужъ теперь хозяинъ!— говорили они.—Ты ужъ скоро съ нами и водиться не станешь!“ Но „алёнкинъ мужъ“ посмотрѣлъ на дѣло очень легкомысленно. Вмѣсто радостей любви, получивъ въ лицѣ жены своей только новую прибавку къ опекѣ надъ собой отца и матери, Лимподистъ совсѣмъ отбился отъ дома, и едва только улучалъ минутку отъ заданной ему отцомъ или женой работы, убѣгалъ къ своимъ сверстникамъ. Такое легкомысленное поведеніе „хозяина“ вызвало негодованіе его опекуновъ. Въ общемъ совѣтѣ рѣшили они итти „пожалиться“ къ старшинѣ и просить его „научить малаго хозяйству“. Старшина былъ старикъ добрый, но строгій, и „поучить“ любилъ. Велѣлъ онъ привести къ себѣ Лимподиста. Лимподистъ убѣжалъ въ лѣсъ. Наконецъ, его поймали сотскіе и повели. Всѣ его товарищи повалили гурьбой смотрѣть, какъ будутъ учить Лимподиста. Были тутъ и Филаретка, и Петръ. И тотъ, и другой съ большимъ волненіемъ ожидали, какъ-то поведетъ себя неустрашимый Лимподистъ.

Добродушный старикъ старшина взялъ при всемъ честномъ народѣ Лимподиста за лохматку и, покачивая изъ стороны въ сторону его большую голову, говорилъ такъ:

— Ты что (крѣпкое слово) свое хозяйство въ порядкѣ не держишь? а?

Лимподистъ только пыхтѣлъ.

— Ты (крѣпкое слово) какую это такую моду придумалъ—отъ жены бѣгать? а?

Лимподистъ заревѣлъ.

— Ахъ ты, канальскій сынъ!.. Ты бы людей-то постыдился... а?Вѣдь, ты—мужъ, своему дому хозяинъ, а тебя за волосы при всемъ народѣ таскаютъ... Вѣдь, ты (крѣпкое слово) своей семьѣ долженъ примѣръ подавать, а ты ревешь что корова... У-у! Баба!

— Вели, ваше степенство, лозой поучить... Авось въ разумъ войдетъ!—поклонились отецъ, мать и жена.

Вдругъ Лимподистъ повалился въ ноги.

— Дяденька, отпусти... Не буду! Не буду!—ревѣлъ онъ, обливаясь слезами.

У Филаретки глаза были полны слезъ, а Петръ... Петръ, по обыкновенію, молчалъ; эта сцена произвела на него сильное впечатлѣніе. Когда черезъ нѣсколько дней пришелъ къ Петру съ Филареткой Лимподистъ побесѣдовать, Петръ какъ-то истерически выкрикнулъ: „Драный!“ и убѣжалъ домой. Петръ возненавидѣлъ Лимподиста. И въ то время, какъ Филаретушка предполагалъ, что есть такіе законы, которые не велятъ сѣчь отца семейства, и что если Лимподиста высѣкли, то потому, что некому было эти законы показать, у Петра глубоко запали въ душу слова добродушнаго старшины.

Лимподиста семья угнала на заработки. Это было хорошо и для семьи, и для Лимподиста. Лимподистъ почувствовалъ себя на свободѣ; жилъ въ артели въ Москвѣ. Жизнь въ артели показалась ему раемъ. Среди товарищества его натура развилась свободно, непринужденно. Изъ него вышелъ добродушный, любящій, безусловно честный мужикъ. Это былъ вполнѣ артельный человѣкъ, который шелъ за нее и въ огонь, и въ воду. Когда Строгій съ Вонифатіемъ привезли Петра въ Москву, Лимподистъ былъ выбранъ артелью въ „старшіе“. Вонифатій просилъ артель „приспособить къ себѣ“ Петра. Лимподистъ встрѣтилъ его съ радостью. Артель согласилась. Честолюбивый Петръ, увидя Лимподиста „старшимъ“, несмотря на то, что въ артели были мужики много почтеннѣе и старше его, почувствовалъ и самъ вновь уваженіе къ Лимподисту. Но это было недолго... Скоро онъ увидалъ какъ шелъ артельный человѣкъ за свою артель „и въ огонь, и въ воду“. Случалось нерѣдко артели драться съ другими артелями, и старшой Лимподистъ пожиналъ лавры побѣдителя вмѣстѣ съ своею артелью. Случалось нерѣдко и другое.

Вдругъ ночью являлась въ артель полиція.

— Кто старшой?—кричалъ усатый унтеръ. — Подавай паспорта! А! Такъ ты воровъ скрывать? — и загребистая рука унтера сгребаетъ за лохматку Лимподиста.

И вотъ, вся всполошенная артель, въ полупросонкахъ, безсознательно таращила глаза и съ замираніемъ сердца ожидала, что предприметъ ея старшой.

— Ваше бл—діе, не губите!—бросается въ ноги околоточному Лимподистъ.

— А!.. Такъ вотъ что?.. Эй, вы, вахлаки, вылѣзай всѣ сюда!.. Подавай паспорты... Стой! Считай!..

— Ваше бл—діе, минуточкой...—лепечетъ Лимподистъ и, дрожа всѣмъ тѣломъ, копается онъ у себя въ сундукѣ и потомъ суетъ унтеру что-то въ руку.

Гроза отведена, артель засыпаетъ и не нахвалится своимъ „старшимъ“.

Иногда, чтобы умилостивить мундирнаго цербера своей улицы, артель давала ему даровыя представленія съ разбитыми носами, съ фонарями. Двѣ артели — маляровъ и дергачевцевъ (они были просто чернорабочіе)—выходили стѣнка на стѣнку, а стражъ замоскворѣцкаго спокойствія похаживалъ по панели и щелкалъ на морозѣ рука объ руку. Увеселенія разбаловавшихся, ради начальства, деревенскихъ малыхъ шли дальше, въ особенности, когда къ стражу приставали, въ качествѣ зрителей, скучающіе замоскворѣцкіе обитатели въ лисьихъ и бараньихъ шубахъ. Тутъ Лимподистъ выпускаетъ на арену одного изъ своихъ артельщиковъ, глуповатаго сѣдого старичка. „Ероша! Ероша! — умильно звалъ онъ его, — будь другъ, утѣшь публику... Ангельская душа, разуважь! Пройдись въ полномъ видѣ!.. Ужъ мы тебѣ выпивку схлопочемъ въ лучшемъ манерѣ!.. Ваши степенства! — обращается онъ къ купцамъ,—поднесите старичку для куражу“. Старичку подносятъ, и глуповатый старичокъ мигомъ снимаетъ лапти и порты и проносится босикомъ вихремъ по извѣстной дистанціи, при 30-тиградусномъ морозѣ. Публика реветъ и завываетъ, а Лимподистъ выхлопатываетъ уже опять старичку выпивку и сердечно спрашиваетъ: „Ну что? Выпилъ, Ероша? Ловко?.. А ты еще цѣлый день понѣ тосковалъ!.. Чудакъ!“ — „Выпилъ, выпилъ... Дай тебѣ Господи! Уважилъ!.. Ахъ, братецъ, совсѣмъ ты меня

изъ гроба поднялъ... И ей-Богу!"—шепчетъ ему умильно старичокъ. А увеселенія идутъ еще дальше...

— Мадаму обрѣли!..Мадаму нашли!..—кричатъ какіе-то молодцы, гдѣ-то за заборомъ поднимая пьяную женщину.—Г. начальство, какъ прикажете?

— Положить ей холодную компрессу!—дирижируетъ стражъ.

Мигомъ строитъ артель изъ снѣга сѣдалище и, поднявъ на женщинѣ одежду, плотно всаживаютъ ее въ сугробъ.

— А это что у васъ за красная дѣвица, все за воротами прячется?—обращаетъ вниманіе публики на Петра замоскворѣцкій стражъ.

— Энто? Энто у насъ самый Волчонокъ... Вотъ мы его сейчасъ!.. Желаете?

И не успѣетъ Петръ опомниться, какъ Лимподистъ съ добродушною, осклабляющеюся рожей подлетаетъ уже къ нему и, дружески, хохоча во все горло, увѣсистыми кулаками начинаетъ слегка выталкивать изъ воротъ „подъ-микитки".

— Го-го-го!.. Петрушка!.. Ха-ха-ха!.. Выглянь на народъ!.. Покажи свою усмѣшку!

Къ Лимподисту пристаетъ еще „малый", и тоже начинаетъ дружески „подъ-микитки" поталкивать Петра, за нимъ третій. Петръ вспыхиваетъ огнемъ, глаза у него сверкаютъ отъ стыда и злобы, но подъ дружнымъ хохотомъ и натискомъ его выпираютъ на улицу. Онъ бросается бѣжать, а вслѣдъ ему несется: „Улю-лю!.. Ого-го!.."

Петръ видалъ и другія сцены въ артели, но это сцены *обычныя*, негромкія, проходившія мимо улицы, не задѣвавшія ни самолюбія Петра, ни его ригоризма. Такъ случилось, что самый этотъ старичокъ Ероша заболѣлъ, очень заболѣлъ, слегъ—и только просилъ Лимподиста Евстигнеича не „справлять его въ больницу, а дать ему хоша умереть спокойно и по-христіански, и душѣ ему покой на томъ свѣтѣ изготовить". Долго говорила и шумѣла по этому случаю артель, боясь отвѣтственности и хлопотъ, но Лимподистъ принялъ старика подъ свое покровительство и уговорилъ артель оставить его „умереть спокойно, какъ душѣ христіанской подобаетъ". Онъ ходилъ за нимъ, приглашалъ къ нему знахарку, а когда старичокъ умеръ, артель сложилась и на свои средства „обрядила" его въ домовище, на рукахъ снесла на кладбище... Все это хорошо, но на поминкахъ нужно выпить, а выпивши — поругаться, а поругавшись — подраться, а подравшись — привлечь начальство, и быть уже битымъ, обруганнымъ и оплеваннымъ. Тогда Петръ возмущался и негодовалъ и на этого старичишку, который „зря" не хотѣлъ итти въ больницу, и на „лишніе расходы", и на Лимподиста за его „благодушество", и „на все это безобразіе". И все больше и больше возмущался артельною жизнью молодой парень, воспитанный почти одиночкой, въ суровой школѣ такихъ деревенскихъ ригористовъ, какъ Еремѣй Еремѣичъ Строгій и Ульяна Мосевна.

III.

Святки только-что наступили. Склады купца Башмакова и К° плотно закрылись массивными желѣзными дверями на цѣлые три дня. Петръ былъ свободенъ. Сегодня, въ день Рождества, онъ ходилъ къ заутренѣ вмѣстѣ съ барышнями и старушкой Аполлинаріей Петровной, при которыхъ состоялъ въ качествѣ провожатаго, такъ какъ у Ивана Степаныча опять болѣло горло и опять торчалъ на шеѣ шерстяной чулокъ. Послѣ обѣдни Петръ разговлялся въ семьѣ Ивана Степаныча. Онъ былъ очень доволенъ; онъ былъ веселъ. Какъ далеки его ощущенія теперь отъ тѣхъ, которыя онъ испытывалъ, прочитывая билетикъ, приглашавшій въ благородное семейство жильца тихаго нрава! Иванъ Степанычъ относится къ нему отечески-благосклонно. Добрая старушка Аполлинарія Петровна была такъ внимательна къ „сиротинкѣ", что наканунѣ велѣла Ѳедосьѣ выстирать Петру бѣлье и вычистить новый кафтанъ, пока его не было дома. Сама Ѳедосья—и та, можетъ быть, больше по чувству близкаго происхожденія, къ нему благоволила. Барышни были съ нимъ такъ деликатны, такъ внимательны къ нему, такъ любезны и просты, что... Но, къ сожалѣнію, онъ очень плохо понималъ, чего хотѣли отъ него барышни, а онѣ чего-то именно хотѣли. Зато „въ правдѣ" отношеній къ себѣ Ивана Степаныча, Аполлинаріи Петровны и Ѳедосьи онъ не сомнѣвался. Это были люди, дѣйствительно, простые, прямые и откровенные, въ особенности съ тѣми, къ которымъ они не стояли въ какихъ-либо „чрезвычайныхъ" или оффиціальныхъ отношеніяхъ и отъ которыхъ въ будущемъ не могли ожидать для себя никакихъ „перспективъ".

Послѣ обѣда Иванъ Степанычъ уже сидѣлъ, по обыкновенію, съ Петромъ за шашками, въ своей зальцѣ; у печки, въ старомъ, съ вытертою спинкой креслѣ помѣщался самъ Иванъ Степанычъ, съ трубкой; противъ него, на маленькомъ кругломъ столикѣ, шашечница, а на стулѣ, съ другой стороны, Петръ. Иванъ Степанычъ давно уже играетъ съ Петромъ въ шашки, чуть ли не со второго же дня по пріѣздѣ Петра къ „благородному семейству". Петръ тоже любитъ играть въ шашки; онъ привыкъ къ этой игрѣ въ лабазахъ купца Башмакова, и, нужно отдать справедливость (даже Иванъ Степанычъ, считавшій себя большимъ артистомъ по этой части, признавалъ это), Петръ игралъ мастерски. Такъ какъ сегодня для праздника, чулка вязать не полагалось, Аполлинарія Петровна смирно сидѣла въ уголкѣ дивана и дремала, время отъ времени сморкая свой большой, красноватый, худой и вѣчно мочившійся носъ. Въ эти минуты, по привычкѣ, въ ея головѣ неторопливо, шагъ за шагомъ проносилась ея долгая жизнь, сначала полная романтическихъ мечтаній, потомъ скромная до отупѣнія жизнь застращенной жены бойко жившаго мужа, наполнявшаяся исключительно заботой о дѣтской и о кухнѣ. Подолгу глядѣла она въ молодое, свѣжее, энергичное лицо Петра, полузакрытое спустившимися на лобъ черными волнистыми волосами—и въ это время ей вспоминался ея сынъ, умершій чахоткой, лѣтъ 14, какъ она, запуганный безалабернымъ и вѣчно кстати и некстати оравшимъ отцомъ. Старушка поднималась съ дивана, со слезами на глазахъ подходила къ Петру, смотрѣла нѣсколько минутъ за его игрой, затѣмъ тихо и нѣжно проводила костлявою рукой по его волосамъ и, стыдливо улыбаясь ему сквозь слезы, опять садилась на прежнее мѣсто. Петра охватывала при этомъ какая-то пріятная дрожь; онъ самъ краснѣлъ и конфузился, между тѣмъ какъ на душѣ у него становилось тепло, весело, радостно.

Барышни то сидѣли съ книжками у окна, то по-очереди вскакивали, ходили изъ комнаты въ комнату и безцѣльно смотрѣли въ окно. Очевидно, имъ было скучно.

— Вы, папа, съ своими шашками просто нестерпимы!—вскрикнула, наконецъ блондинка, вскакивая отъ окна.—И что за удовольствіе — цѣлые часы играть и играть! Вы намъ никогда не дадите поговорить съ Петромъ Вонифатьичемъ. То онъ въ своемъ лабазѣ, то на урокахъ у Сережи, то шашки... это противное стариковское занятіе!..

— Говорите, занимайтесь... Я вамъ не мѣшаю... Чѣмъ вамъ съ нимъ заниматься? Ну, я вотъ въ шашки играю, а вы будете въ фанты играть, что ли? Пожалуй...

— Вы несносны, — проговорила блондинка, оттопыривъ губки.

Кстати сказать, она давно уже утѣшилась по поводу сдачи квартиры Петрушѣ и давно же оставила всякое намѣреніе „отравить ему жизнь съ перваго же дня". Какъ это случилось, мы увидимъ послѣ. Скажемъ только, что и блондинка нашла, что Петръ любопытный экземпляръ; сестры имъ заинтересовались.

— Игры, другъ мой, разныя бываютъ,—говорилъ протяжно Иванъ Степанычъ Петру, продолжая стукать шашками. — Шашки — это такая игра, которая развиваетъ трезвость мысли, практическую сообразительность ума... Такъ ли? Я, другъ мой, самъ ей много обязанъ... А о чемъ вы можете съ барышнями говорить? Пустая потеря времени... Уроки—конечно, я ничего не говорю... Вотъ Сергѣй! студентъ, ну, математика тамъ... Это я понимаю... Такъ ли?.. А разговоры—это фанаберія... Да!.. Ты, братецъ, долженъ трезво смотрѣть на жизнь... Такъ ли? Ты теперь свободный крестьянинъ, ты — новое поколѣніе, не драное и не поротое... Были крѣпостные—тогда съ васъ ничего не спрашивали... Тогда за все отвѣчалъ баринъ... Тогда онъ за васъ отвѣтъ отдавалъ и царю, и Богу... Такъ ли? Я самъ имѣлъ крестьянъ и поролъ ихъ, когда нужно было... А теперь... теперь я вотъ съ тобой въ шашки играю, потому я признаю въ тебѣ полнаго человѣка. Я тебя не дралъ на конюшнѣ, по зубамъ не билъ, значитъ, мнѣ тебя несовѣстно съ собой посадить... Такъ ли?.. Значитъ, ты долженъ оправдать довѣріе... стать вполнѣ человѣкомъ... трезво смотрящимъ на жизнь... Вы — не барскія дѣти... Вамъ нужно еще много поработать надъ собою, чтобы войти въ хорошее общество... Такихъ, какъ я, немного, чтобы прямо съ улицы мужика въ залу пустить. Этого надо, братъ, еще добиться... о, о! какъ надо добиваться!.. Годами, трудами, смиреніемъ—вотъ чѣмъ надо добиваться, а

не фанаберіей... Я, братецъ, человѣкъ откровенный—прямо скажу: мы сами дворянство-то горбомъ добыли, оно намъ не съ вѣтру досталось, такъ я это понимаю, у меня никакихъ эдакихъ предразсудковъ нѣтъ... Не мѣсто человѣка красптъ а человѣкъ мѣсто... Вотъ, напримѣръ, ты... Я надѣюсь, что ты довѣріе оправдаешь... Ты трезвый юноша... Я бы, братецъ, самъ не отказался, можетъ быть, имѣть тебя своимъ сыномъ... А ежели— фанаберія, мечтанія, фи-тю—фи-тю! Носъ кверху, еще ни уха, ни рыла не смысля— ну, братъ, извини-и!.. Тогда...

— Ну, папа, вы лучше бы ужъ молча играли въ шашки. Это было бы, если и скучно, и глупо, то, по крайней мѣрѣ, безвредно, — раздражительно выговорила блондинка.

— Ты ихъ, другъ мой, не слушай. Это—кисейныя барышни. Для нихъ Богомъ своя полоса предназначена, для насъ съ тобою — своя. Такъ ли? А въ нужникъ-то тебѣ старика погодить бы засаживать... Еще погодить бы надо!.. Ты воспользовался, что я тебѣ тутъ проповѣдь прочиталъ...

— Да не въ одинъ я васъ загналъ, а въ три! Взгляните-ка!—весело говорилъ Петръ и смѣялся. Смѣялся и Иванъ Степанычъ.

— Ловокъ, ловокъ!.. Уши, братъ, не развѣшивай!—поощрялъ онъ его. — Ну, ставь еще!

Воспользовавшись такимъ веселымъ настроеніемъ, Аполлинарія Петровна встала и нѣжно погладила Петра по головѣ, печально улыбаясь ему своими мокрыми глазами. „Совсѣмъ, какъ мой Петруша былъ... Также бы вотъ сидѣлъ теперь, смѣялся бы съ отцомъ“, — думала она. А, между тѣмъ, въ душѣ Петра что-то совершилось. Устанавливая шашки, онъ постоянно путался. Глаза его бѣгали весело и безпокойно.

— Я, Иванъ Степанычъ, хотѣлъ вамъ давно (это ужъ онъ приврал: мысль у него явилась очень недавно) сказать... Посовѣтоваться хотѣлъ съ вами, — проговорилъ Петръ, смущаясь, какъ малый ребенокъ.

Иванъ Степанычъ, тотчасъ же замѣтивъ это смущеніе, придалъ своему лицу строго-дѣловое выраженіе, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, съ оттѣнкомъ отеческой заботливости.

— Что такое? Говори... Говори мнѣ откровенно все. Я — человѣкъ прямой... Совѣтуйся... Я готовъ для тебя, какъ для сына, все...

Аполлинарія Петровна раза два всхлипнула. Брюнетка и блондинка, продолжая смотрѣть въ окно, однако, навострили ушки.

— У меня деньги есть... да все въ бумажкахъ, въ кредиткахъ, мелкихъ, значитъ... Боюсь, потеряю... Да и лежатъ совсѣмъ безъ приложенія.

— У тебя деньги есть?—переспросилъ серьезно Иванъ Степанычъ, уставившись глазами въ Петра, а всѣ прочіе обернулись къ игравшимъ.

— Есть.

— Чьи же? отцовы?

— Мои собственныя.

— Сколько?

— Сто съ лишками.

Петръ отвѣчалъ, смущаясь все больше и больше.

— Въ кредиткахъ, говоришь?

— Въ мелкихъ все...

— Ну, что жъ ты хочешь?

— Говорятъ, на эти деньги билетъ можно купить. Теперь ужъ у меня хватитъ... Проценты пойдутъ, ну, и выиграешь, ежели на счастье... Я бы васъ хотѣлъ попросить.. купить... А пока приберечь... А то растерять боюсь... да и не растратить какъ бы...

— Побаиваешься, какъ бы не кутнуть? — улыбнулся Иванъ Степанычъ.— Изволь,. другъ мой, изволь. Буду тебѣ опекуномъ... И билетъ куплю, и за тобой буду посматривать... Давай, давай!

Петръ чуть не бѣгомъ побѣжалъ въ свою комнату. Здѣсь, присѣвъ на корточки къ зеленой укладкѣ, вынулъ онъ изъ большого конверта связку тщательно сложенныхъ кредитокъ, пересчиталъ ихъ, отложилъ нѣсколько на случай, опять пересчиталъ.

Странное чувство охватило Петра. Трудно было сказать, что заставило его открыть свою тайну людямъ постороннимъ, когда онъ свято и ревниво хранилъ ее отъ близкихъ, отъ дергачевцевъ, отъ своихъ сослуживцевъ: было ли это непреоборимое желаніе зарекомендовать себя этимъ „трезвымъ“, новымъ человѣкомъ деревни, о которомъ говорилъ баринъ, или это просто былъ порывъ довѣрчивости дѣтской, хлынувшей изъ его замкнутой души, подъ обаяніемъ добросердечія въ тѣхъ, отъ которыхъ онъ ожидалъ его всего менѣе, или же это было только проявленіемъ его праздничнаго, свѣтлаго,

радостнаго настроенія вообще, которое, какъ мы увидимъ, охватило его цѣликомъ въ это время. Онъ вернулся въ залу и подалъ деньги Ивану Степанычу, пересчитавъ ихъ еще разъ съ нимъ вмѣстѣ, все еще смущенный, раскраснѣвшійся. Тутъ уже было еще труднѣе объяснить эту довѣрчивость, тѣмъ болѣе, что Петръ даже дергачевцамъ, даже пятачки, какіе они у него просили, давалъ туго, а если и давалъ кому въ долгъ, то въ назначенный срокъ требовалъ настойчиво. Не было ли это простымъ результатомъ того положенія, созданнаго деревней, что только нужда и бѣдность—причина грѣха, причина того, что человѣкъ принужденъ не исполнять своего слова, обманывать, воровать, пить, измѣнять, вообще быть неустойчивымъ, жить необстоятельно, подчиняясь только внѣшнимъ вліяніямъ?... Гдѣ бѣдняку быть крѣпкимъ въ своемъ словѣ, когда вся его жизнь зависитъ отъ случайныхъ 40 копеекъ поденной платы, которыя могутъ нынче быть, а могутъ и не быть? Но какой смыслъ обманывать довѣріе другихъ, снисходить до плутовства, не говоря уже о томъ, какія побужденія могутъ заставить человѣка грабить или лебезить, „фиглярить“ предъ другими, когда у этого человѣка все есть, все готово, безъ тяжкаго труда, безъ тяжкихъ заботъ, и, притомъ, это *все* — прочно, крѣпко, устойчиво, не грозитъ никакою случайностью не только на завтра, не только для себя, но и на цѣлыя поколѣнія?

Врядъ ли будетъ ошибкой предположить, что если бы въ эти минуты Петръ думалъ и разсуждалъ, а не дѣйствовалъ просто подъ впечатлѣніемъ свѣтлаго настроенія души, то онъ думалъ бы такимъ образомъ. Это, вѣдь, эмпирическій выводъ наивной деревни, многоопытный относительно себя и такъ малоопытный относительно другихъ. А, между тѣмъ, когда Петръ подалъ деньги Ивану Степанычу и Иванъ Степанычъ понесъ ихъ къ себѣ въ кабинетъ, чтобы запереть въ шкатулку, у всѣхъ членовъ благороднаго семейства мелькнула одна и та же мысль: „Господи! какъ еще онъ простъ... какъ простъ! Ну, хорошо, что вотъ онъ попалъ на насъ... на Ивана Степаныча... Мы—люди честные, добрые... А если бы на другихъ?“ Отъ этой мысли Аполлинарія Петровна даже совсѣмъ расчувствовалась и то и дѣло сморкалась, а блондинка нѣсколько смягчилась отъ негодованія, закипѣвшаго было въ ней при неожиданной повести, что Петръ копитъ деньги.

— Петръ Вонифатьичъ,—сказала она, серьезно насупивъ свои брови и нѣсколько выдвинувъ впередъ нижнюю пухлую, малиновую губку, что придало ея лицу весело-комичное выраженіе,—подите сюда!

Петръ подошелъ къ окну.

— Говорите, гдѣ вы взяли деньги? Говорите правду... Правду говорите! — вдругъ дернувъ его нетерпѣливо за рукавъ, заговорила блондинка.

— Мои собственныя... Скопилъ...

— А зачѣмъ вы копите?

Петръ сначала взглянулъ на блондинку въ изумленіи, а потомъ сказалъ, улыбаясь:

— Деньги завсегда всѣмъ нужны. Кому деньги не нужны!

— Да вамъ-то зачѣмъ нужны? — приставала барышня.

— Чтобы бѣднымъ не быть... не работать...

— Не работать? Да развѣ работать не хорошо? развѣ ваши родные не хорошо дѣлаютъ, что работаютъ?—въ изумленіи вскрикнула блондинка, и въ ея глазахъ загорѣлось опять негодованіе.

— Что хорошаго землю ковырять, али помойныя ямы чистить... воду таскать, камни. Надо правду сказать. Только ужъ, конечно, какъ нужда... Кабы не нужда, такъ развѣ бы мы такіе были?

— Вотъ что! Такъ вы хотите только пироги кушать, вино пить, да на печи лежать? Да?

— Зачѣмъ такъ... Будемъ дѣломъ заниматься.

— Какимъ же дѣломъ?

— Такъ... дѣломъ... чтобы не хуже другихъ...

— Ну, вы... вы, напримѣръ, какимъ дѣломъ хотѣли бы заняться, если бы были богаты?

— Я... я бы хотѣлъ какое ни то... большое дѣло... Только я теперь не знаю, — стыдливо проговорилъ Петръ, — чтобы не хуже другихъ—главное...

— Умникъ! умница!—восторженно сказалъ Иванъ Степанычъ, входя въ залу, и любовно похлопалъ Петра по плечу.— Главное—дѣло, а для дѣла деньги нужны... А прочее—все тьфу! фанаберія! — проговорилъ онъ еще энергичнѣе, засаживаясь за шашки.—Садись-ка!

— Деньги хорошо, когда человѣкъ образованный... А богатые мужики только

трактирщиками бываютъ—вотъ и все ихъ дѣло,—проговорила недовольно блондинка, отвернувшись отъ играющихъ, и брезгливо расширила свои розовыя, просвѣчивающія, тонкія ноздри. Она подошла къ окну и, водя по потному стеклу бѣлымъ миніатюрнымъ пальчикомъ, о чемъ-то задумалась.

Сосредоточенная, холодно-равнодушная брюнетка, и безъ того все время погруженная въ величественную задумчивость, только теперь еще пристальнѣе стала всматриваться въ лицо Петра своими большими, глубокими, черными глазами. Задумался и самъ Иванъ Степанычъ, задумался до того, что сталъ сбиваться въ ходахъ. Аполлинарія же Петровна окончательно задремала въ углу диванчика. Только Петръ, попрежнему, вдумчиво занялся игрой и не думалъ, что такой простой разговоръ и о такихъ вещахъ могъ погружать вдругъ всѣхъ его собесѣдниковъ въ глубокую задумчивость. О, какъ удивился бы безхитростный сынъ деревни, если бы внезапно могъ заглянуть въ души этихъ добродушныхъ членовъ благороднаго семейства! Они думали о немъ, объ его судьбѣ, всякій по-своему.

IV.

Семья Ивана Степаныча Дрекалова была одна изъ тѣхъ широко распространенныхъ на Руси современныхъ семей, отличительною чертой которыхъ является полнѣйшая эфемерность существованія: ни позади, ни впереди, ни въ настоящемъ нѣтъ у этихъ семей ничего такого, про что онѣ могли бы сказать: „Да, вотъ это *наше* было — и будетъ; за это *свое* мы ляжемъ костьми; это *свое* мы не уступимъ, не продадимъ вовѣки, хоть бы пришлось изъ-за этого страдать“. Одно, только одно у нихъ есть *свое*, это—страшная жажда бездѣятельнаго покоя и созерцательной лѣни, за которую они готовы кривить душой, пять разъ продать себя, унижаться, плутовать, лишь бы гарантировать себѣ это право безпечальнаго, индиферентнаго существованія.

Въ свое время отецъ Ивана Степаныча дослужилъ изъ канцелярскихъ чиновниковъ до чина, дававшаго право на дворянское званіе. Прежде всего, это „дворянское званіе“ онъ реализировалъ тѣмъ, что „купилъ“ себѣ кухарку, няньку, горничную и кучера, а затѣмъ пріобрѣлъ какими-то путями довольно порядочное имѣньишко съ нѣсколькими десятками человѣческихъ душъ. Послѣ смерти родителя Иванъ Степанычъ, женившись на барышнѣ Аполлинаріи Петровнѣ, старше его годами, прибавилъ, въ видѣ приданаго къ общему имуществу, еще небольшое имѣньишко и поступилъ на службу въ интендантское управленіе, благодаря какому-то „благодѣтелю“. Скоро закупилъ онъ въ Москвѣ домъ и повелъ жизнь на барско-чиновничью ногу. Онъ задавалъ вечера, пирушки своимъ сослуживцамъ. Дочерей отдалъ въ пансіонъ; себѣ завелъ любовницу на сторонѣ, а Аполлинарію Петровну обратилъ въ экономку. Все это — исторіи извѣстныя. Но вотъ сначала пришли „послѣдствія“: 19-го февраля, а затѣмъ въ скорости и другія послѣдствія, въ родѣ разоблаченія въ интендантскомъ вѣдомствѣ цѣлой системы мошенничествъ. Ивану Степанычу было отказано отъ мѣста. Онъ не особенно горевалъ и принялся проживать выкупныя свидѣтельства, потомъ перепродавать рощи и т. д. Излѣнился онъ самымъ безбожнымъ образомъ, пока, наконецъ, не дошелъ до того состоянія, въ которомъ его засталъ нашъ разсказъ. Теперь онъ все мечтаетъ еще поступить на службу, если бъ только подвернулось мѣсто не ниже того, какое онъ имѣлъ; пока же проживаетъ послѣдніе остатки „дворянскаго достоинства“, закладываетъ ихъ и продаетъ, выдумываетъ разные способы брать деньги у „благодѣтелей“ и „занимается“ частною адвокатурой, т.-е. это онъ только „думаетъ“, что занимается, въ сущности же, всѣ его занятія состоятъ въ томъ, что иногда, разъ въ мѣсяцъ, пришлютъ къ нему благодѣтели какого-нибудь кліента изъ мелкихъ купцовъ, а онъ отвезетъ его къ настоящему ходатаю, и съ этого ходатая возьметъ грошъ „отступного“. Но дѣлалъ онъ все это серьезно. Когда навертывался такой кліентъ, онъ вдругъ подымалъ на ноги весь домъ; ему чистили старый мундиръ, гладили сорочки и галстуки, искали „портфель съ дѣлами“, покупали бумаги и перьевъ. Между тѣмъ, онъ заказывалъ закуску и угощалъ кліента на славу, цѣлое утро проводя съ нимъ за этою закуской и разсказывая многообразные случаи изъ своей служебной дѣятельности. Но кончалось тѣмъ, что онъ просилъ у размямленнаго кліента взаймы, а затѣмъ „спускалъ“ его къ какому-нибудь дѣйствительному ходатаю. Съ отсутствіемъ кліента

Ивану Степанычу становится скучно, на душѣ дѣлается скверно, какъ послѣ похмелья, и вотъ Иванъ Степанычъ начинаетъ „смотрѣть мрачно на жизнь" и пилить домашнихъ. Онъ рисуетъ ужасныя перспективы разоренья, говоритъ о „неблагодарности" дѣтей, о томъ, что они должны помочь отцу, что онъ имъ далъ воспитаніе, что, вѣдь, ему же теперь „не разорваться", что всему есть предѣлъ, что у него отъ вѣчныхъ заботъ посѣдѣла голова, что пора дать отцу возможность отдохнуть, успокоиться. Въ періодъ этихъ „печальныхъ руладъ" Ивана Степаныча *вся семья впадаетъ въ минорно-кислое* настроеніе. У Аполлинаріи Петровны глаза наполняются слезами, а маленькій носикъ краснѣетъ и мочится. Обѣ дочери садятся за работу: одна вышиваетъ воротничокъ, а другая канвовую подушку на диванъ, и изрѣдка громко вздыхаютъ, серьезно сдвинувъ свои бровки. Даже Ѳедосья—и та на что-то молча сердится и ходитъ мимо барина на цыпочкахъ. Да, для всѣхъ ясно: положеніе можетъ быть ужасно... „Бѣдный отецъ! Онъ, дѣйствительно, потрудился... Да, это мерзко, скверно,—думаютъ брюнетка съ блондинкой, — жить на чужой счетъ, не имѣть „своего труда"... Нѣтъ, непремѣнно, непремѣнно надо „свой трудъ"... Независимость, нравственное спокойствіе... А то эти вѣчные упреки и стенанія!.. Да нѣтъ, не поэтому: это просто само по себѣ... безчестно, несовременно... Нынче всѣ имѣютъ „свой хлѣбъ"! Мы, кажется, достаточно образованы, чтобы сознать это, чтобы понимать, что жить на чужой счетъ... И, притомъ, должна быть дѣятельность, главное—дѣятельность, честная, высокая, полная самопожертвованія, во имя идеи... Нѣтъ, непремѣнно, непремѣнно надо это... устроить... сдѣлать... какъ-нибудь".

Все это думаютъ дѣвицы, сидя за работой, и внутренно волнуются. Въ ихъ хорошенькихъ головкахъ, какъ въ калейдоскопѣ, смѣняются разнообразныя блестящія перспективы, и, надо отдать справедливость, эти перспективы были возвышенны и безупречны: честная дѣятельность, во имя идеала, съ другомъ сердца, фигурировала на первомъ планѣ.

Брюнетка рѣшила: она будетъ актрисой... Ну, а тутъ уже конца не видно „перспективамъ".

Блондинка была проще и наивнѣе: „Съ завтрашняго же дня я иду въ библіотеку и смотрю всѣ, всѣ газеты, гдѣ требуютъ учительницу... Ну, если не найду здѣсь... Да и лучше! Я поѣду въ деревню, въ сельскія учительницы... Я хотя и не кончила курса... но что жъ? Подготовиться на экзаменъ въ сельскія учительницы — это такіе пустяки... ну, недѣля, двѣ... даже меньше, куда я!.. Я вотъ, какъ только придетъ Сережа, сейчасъ же ему скажу... Да, непремѣнно въ деревню... Мы должны служить народу... Съ нашей стороны — это просто подло!.. Онъ бѣденъ, задавленъ, теменъ, безпомощенъ, и мы... Сережа будетъ служить въ земствѣ... Мы пойдемъ рука объ руку, внесемъ туда свѣтъ и любовь..."

Но все это былъ чистѣйшій и невиннѣйшій вздоръ. Потому что и блондинка, и брюнетка разомъ спрашивали себя, съ гнетущею тоской: „Господи! неужели никто не придетъ сегодня?"

— Чортъ знаетъ, — думалъ въ свою очередь Иванъ Степанычъ,—хоть бы кто-нибудь завернулъ... Эдакія, парень, паскудныя мысли въ голову лѣзутъ... Вѣдь, эдакъ, чего добраго, съ ума сойдешь... И все вздоръ: у меня еще *тамъ*... есть триста десятинъ поруби... Вотъ еще пятьдесятъ лѣтъ, на ней такой ли лѣсъ высыплетъ... по 500 рубликовъ за десятину сцапать можно! Вѣдь, тамъ питательная вѣтвь проходитъ! Да! Это будетъ сколько же?.. Лиза! — вдругъ кричитъ отецъ вслухъ,—сколько это будетъ, если 300 десятинъ по 500 рублей?

— А что это?

— А такъ... тамъ вотъ у матери въ имѣніи лѣсъ выросъ... Великолѣпный лѣсъ! Помню.... Мнѣ тогда давали по 100 рублей... Ну, черезъ пять лѣтъ, навѣрное, можно взять 500... Да теперь если даже перезаложить его, за первое слово по 200 рублей дадутъ.

У всѣхъ вдругъ сердце начинаетъ весело биться, что-то „отлегло". Брюнетка положила въ сторону воротничокъ и, медленно поднявшись, потянулась у зеркала и полюбовалась своею стройною фигурой... „О, ива ты, ива, зеленая ива!" вертится у нея въ головѣ.

Блондинка Вѣра очень рада бросить подушку и начинаетъ бѣгать по комнатѣ.

— Ты чего?—спрашиваетъ отецъ.

— Да, вѣдь, вы же заставляете считать... Ищу бумаги и карандашъ...

— Неужели такъ не можешь?—укоризненно качалъ головою отецъ.

Вѣра вспыхиваетъ и припоминаетъ, что она собиралась быть сельскою учительницей

— Конечно, могу!.. Только лѣнь, папа... На бумагѣ скорѣе...

— 150,000,—бормоталъ Иванъ Степанычъ.—Однако!.. Если даже половину, и то... Возьмемъ даже четверть, и то... о-о-о!.. Можно даже приданое очень порядочное сдѣлать.

А къ вечеру, въ особенности если это было воскресенье, глухіе стогны Замоскворѣчья оживлялись веселою компаніей „молодежи", подъѣзжавшею на трехъ Ванькахъ къ домику Ивана Степаныча. Влетали они въ зальцу Ивана Степаныча подъ предводительствомъ его двоюроднаго племянника, „вѣчнаго студента", забулдыги и добраго малаго. Онъ постоянно таскалъ съ собою къ Ивану Степанычу разнообразную молодежь, изъ которыхъ многіе мѣнялись такъ быстро, что ихъ на второй же вечеръ забывали. Тутъ были большею частью студенты, въ особенности изъ денежныхъ, какіе-нибудь сибиряки или грузинскіе князья, попадались и бѣдняки, любившіе выпить на чужой счетъ. Все это были добрые малые, но безпардонные и очень недалекіе, любящіе „прожигать студенчество". Всѣ они любили „добродушнаго ветерана" Ивана Степаныча, который забавлялъ ихъ бойкими анекдотцами (а онъ ихъ зналъ пропасть), съ приправой нецензурнаго даже свойства. Любили они и „маменьку" Аполлинарію Петровну, платившую имъ родительскою нѣжностью. Но больше всего и, конечно, главнымъ образомъ влекли молодежь сюда двѣ миленькія красивыя головки. Подъ вдохновеніемъ „вѣчнаго студента" Сережи грузинскіе князья и сибирскіе и иные „буржуа" не скупились запасаться кульками винъ, закусокъ и конфетъ, и веселые, звонкіе голоса молодежи наполняли далеко за полночь уютныя комнатки „добродушнаго остряка" Ивана Степаныча. Всякія „мрачныя перспективы" рѣшительно и безповоротно исчезали. Иванъ Степанычъ облекался въ свой старый интендантскій вицмундиръ; старушка Аполлинарія Петровна надѣвала чепецъ съ лиловыми лентами, а брюнетка и блондинка блистали непосредственною красотой молодой жизни.

Иногда, когда слишкомъ разгуляются, нанимались тройки, Иванъ Степанычъ подхватывался на руки, красавицы закутывались въ шубки — и все это мчалось къ „Барсову" или въ „Эрмитажъ", немножко „эмансипе", немножко двусмысленно, немножко скандально, но, въ концѣ-концовъ, все же безкорыстно, безвредно и весело. На этихъ вечеринкахъ то раздавались „возвышенныя", полныя благороднаго, молодого увлеченія рѣчи, то слышался шопотъ, искренній и умоляющіе, зовущій куда-то въ золотую страну высокихъ помысловъ и думъ, то пѣлась „Дубинушка", „Gaudeamus", а кончалось все тѣмъ, что, проводивъ домой „милыхъ эмансипированныхъ барышенъ", грузинскіе и сибирскіе князья и буржуа скакали доканчивать ночь „dahin, dahin, wo die Citronen blüden"...

А въ домикѣ Ивана Степаныча утро встрѣчало нашихъ красавицъ съ помятыми, нѣсколько блѣдными рожицами, заспанными глазами, перебиравшихъ вороха „хорошихъ книжекъ", притащенныхъ вчера юными „просвѣтителями" вмѣстѣ съ кульками винъ. Эти „хорошія книжки" предназначались для развитія и услажденія головокъ хорошенькихъ „эмансипе" вплоть до слѣдующаго воскресенья. Но—увы!—при всемъ искреннемъ уваженіи, которое питали барышни Дрекаловы ко всѣмъ этимъ Молешоттамъ, Бюхнерамъ и Лассалямъ, онѣ могли только запомнить, и то невсегда вѣрно, заглавія статей: вѣдь, онѣ были не только скучны, но и мало понятны... Да и зачѣмъ? Вѣдь, сами эти „просвѣтители" говорили между собой, а иногда и прямо въ глаза, что въ барышняхъ Дрекаловыхъ именно была „неудержимо привлекательна" эта „милая женственность", эта „граціозная простота и наивность", эта „возвышенная красота, въ которой гармонично воплотилось изящество тѣла съ проблескомъ мысли", и т. п., и въ противоположность ставились какіе-то „синіе чулки", „суровыя идеалистки", „ригористы въ юбкахъ" и пр. Нужно, впрочемъ, отдать честь барышнямъ Дрекаловымъ: онѣ, *въ душѣ*, сами признавались, что „лѣнивы", мало знаютъ и интересуются „серьезными вещами", и искренно въ этомъ каялись. Иногда, въ минуты раскаянія, онѣ съ какимъ-то отчаяніемъ бросались на книжки, но онѣ скоро выскользали у нихъ изъ рукъ... И только романы поглощались ими до конца, но, впрочемъ, и то больше сосредоточенною и мечтательною брюнеткой. Лиза слишкомъ была еще ребенокъ и легкомысленна, чтобы раздражать себя до утомленія фантастическими выдумками и безплодными мечтами.

Понятно, что блондинка очень скоро утѣшилась отъ огорченія по поводу сдачи квартиры Петру, и утѣшилась такъ скоро, что не успѣла даже приступить къ исполненію своего намѣренія „отравить ему жизнь съ перваго же дня“. Напротивъ, съ перваго же дня сестры заинтересовались Петромъ. Сначала онѣ выбѣгали къ дверямъ, когда проходилъ Петръ по коридору въ свое „помѣщеніе“, и старались самымъ тщательнымъ образомъ разсмотрѣть его физіономію, любуясь смущеніемъ молодого парня, проходившаго подъ взорами четырехъ хорошенькихъ глазокъ какъ-то бокомъ, угрюмымъ бычёнкомъ. Сестры рѣшительно находили, что у него „интеллигентное лицо“, а брюнетка прибавляла:

— Я тебѣ говорила—любопытный экземпляръ.

На другой день блондинка уже смотрѣла въ щель двери въ комнату Петра, а на третій день, къ великому смущенію Петра, вечеромъ онѣ уже сидѣли у него: брюнетка внимательно и флегматично смотрѣла въ его лицо, все еще какъ будто ища въ немъ чего-то таинственнаго, а блондинка говорила:

— Вы хотите учиться?.. Да? О, мы вамъ все, все разскажемъ... что хотите... Мы съ вами будемъ читать, много читать... Вы любите читать?.. Мы вамъ все объяснимъ... Вѣдь, вы не знаете, что что такое, напримѣръ... ну градъ, дождь, молнія... Интересно? Это—электричество (и блондинка почему-то сама смутилась „электричества“). Я сама хочу поступить въ сельскія учительницы... туда, къ вамъ... Вы еще не знаете? Да... А то здѣсь, право, такъ ни за грошъ пропадешь... Васъ кто училъ грамотѣ, какой-нибудь дьячокъ или солдатъ?

— Тетка учила,—отвѣчалъ Петръ.

— Тетка? Кто она, городская? Простая баба? Ну, я думаю, она очень мало знаетъ... Я думаю, она вамъ всякихъ пустяковъ наговорила, что, напримѣръ, громъ гремитъ—это Илья пророкъ ѣдетъ... или что, напримѣръ, чортъ есть, порча... Все это пустяки: никакого чорта нѣтъ... Вы не бойтесь... Ха-ха-ха!

И блондинка весело хохотала.

Понятно, что въ первое же воскресенье барышни Дрекаловы конфиденціально и выразительно, съ блестящими отъ возбужденія глазами, сообщили собравшейся молодежи, что у нихъ поселился „любопытный экземпляръ“.

— Сынъ народа,—сказала Вѣра.

— Дитя деревни,—прибавила Лиза.

— Рѣдкое, интеллигентное лицо!—сказала Вѣра.

— Непосредственная натура!—прихвастнула Лиза.

— Въ немъ есть что-то незаурядное,—прибавила Вѣра,—что-то такое... даже таинственное!.. Непочатая сила.

— Страстно желаетъ просвѣщенія, образованія... И понятливъ... Я пробовала съ нимъ объ электричествѣ... Ничего, понимаетъ,—перебила Лиза.

— Рѣдкій экземпляръ!—сказала Вѣра.

— И чудакъ!.. Я прозвала его „волченкомъ“,—закончила Лиза.

Молодые люди серьезно слушали рекомендацію „сына народа“, вдумчиво пощипывая и покручивая свои молодыя, жидкія бороды.

— Гмъ... Это надо принять къ свѣдѣнію, глубокомысленно замѣтилъ даже развеселый „вѣчный студентъ“ Сережа.— Такіе экземпляры грѣшно оставлять безъ вниманія.

— Положительно грѣшно,—съ серьезною настойчивостью сказала Лиза.— Погодите, ужо мы васъ съ нимъ познакомимъ.

И едва Петръ къ вечеру пришелъ изъ своихъ лабазовъ, какъ къ нему съ шумомъ, предводительствуемая барышнями, ввалилась цѣлая толпа молодежи. Все это пришло, какъ въ звѣринецъ. И дѣйствительно, „отдѣльное помѣщеніе съ мебелью“ смахивало на клѣтку, а смущенный „сынъ народа“—на пойманнаго волченка. Подъ внимательными взглядами дюжины направленныхъ на него глазъ онъ забился совсѣмъ въ уголъ и, молча покраснѣвъ, исподлобья смотрѣлъ на гостей, не зная, что дѣлать съ своими руками. Какъ, впрочемъ, ни было велико его смущеніе, въ душѣ ему было пріятно видѣть у себя этихъ „ученыхъ“, съ открытыми, гордыми физіономіями, полныхъ энергіи и сознанія своей силы, чисто и прилично одѣтыхъ. Ему опять здѣсь припомнился Филаретка: ему обязанъ онъ невольнымъ уваженіемъ, которое питалъ онъ къ ученому сословію. Молодежь, между тѣмъ, не спускала глазъ съ волченка и слишкомъ ужъ безцеремонно всматривалась въ его лицо, отыскивая въ немъ и „нѣчто интеллигентное“, и отпечатокъ „непочатой силы“, и выраженіе „непосредственной натуры“. Блиставшіе нескрываемымъ удовольствіемъ

глазки барышень перебѣгали съ одного зрителя на другого, какъ бы говоря: „Что, не правда развѣ? Замѣчаете? Каковъ?“

Минуты черезъ двѣ публика уже успѣла размѣститься въ комнаткѣ Петра, и вѣчный студентъ Сережа прекратилъ томительное, молчаливое изслѣдованіе „любопытнаго субъекта“. Онъ приступилъ къ „допросу“.

— Ну, здравствуйте, юноша,—сказалъ онъ, садясь противъ Петра, нѣсколько наклонившись къ нему корпусомъ и всматриваясь въ его лицо сквозь пенснэ подслѣповатыми глазами (Сережа имѣлъ основаніе назвать Петра „юношею“: „вѣчный студентъ“ былъ высокій, плотный парень, съ густою, окладистою русою бородой, добродушными сѣрыми глазами и уже съ зачатками лысины на лбу; ему было 25 лѣтъ). Сережа забралъ товарищески въ свою широкую ладонь руку Петра и, не выпуская ея, продолжалъ:— Такъ вы жаждете просвѣщенія, юный сынъ народа?.. Да?.. Хотите учиться, юноша?

— Желали бы-съ,— пролепеталъ все еще смущенный Петръ.

— Прекрасно!.. Вы отъ насъ можете требовать, даже должны требовать... Мы обязаны... Какъ это васъ Богъ на насъ навелъ!.. Хоть завтра же приходите ко мнѣ, какъ только вамъ будетъ свободно... Вы насъ не бойтесь: мы ребята простые... Придете?

— Приду... Ежели только стѣсненія вамъ не будетъ...

— Нѣтъ, нѣтъ!.. Мы всѣ очень рады... Вѣдь, вотъ насъ сколько!.. Мы даже по очереди можемъ. А если мало, такъ мы затащимъ васъ въ университетъ: тамъ васъ на-расхватъ! Тамъ, батюшка, коломъ въ васъ студіозусы просвѣщеніе вобьютъ!.. Нынче на вашего брата падки,— сказалъ весело Сережа и захохоталъ.

Засмѣялись весело и всѣ. Улыбнулся даже самъ Петръ. Допросъ пошелъ оживленнѣе: когда, откуда, кто родители, какъ живутъ и проч., и проч.

Черезъ четверть часа уже совершилось „полное сліяніе“, и молодежь увлекла „сына народа“ въ зальцу Ивана Степаныча. Петръ начиналъ чувствовать себя свободнѣе. Его молодую натуру невольно охватывала собой непринужденная, беззаботная, вольная веселость молодежи. Его ранняя, не по лѣтамъ, задумчивость, скрытность и замкнутость, воспитанныя среди деревенскаго захолустья, подъ вліяніемъ такихъ суровостепенныхъ ригористовъ, какъ Строгій и Ульяна Моисевна—съ одной стороны, и въ тяжелыхъ условіяхъ деревенской и артельной жизни вообще, вдругъ начали смягчаться. Въ груди заговорили молодые инстинкты молодой крови. Молодежь, по обыкновенію, пробыла у Дрекалова далеко за полночь: спорили, болтали, танцовали, пѣли... Заставляли танцовать Петра, но это рѣшительно не удалось; заставили его проглотить рюмку вина, пили съ нимъ на „брудершафтъ“ и, наконецъ, тоже принудили примкнуть къ хору и спѣть „вдоль по морю, морю синему“. У Петра оказался чистый, сильный теноръ. Отъ Петра то приходили въ восторгъ, то шутили и смѣялись надъ его неловкостью. Иванъ Степанычъ добродушно поощрялъ его первые шаги къ „сліянію“ и просвѣщенію; Аполлинарія Петровна радовалась на него, какъ на родного сына.

Расходясь по окончаніи вечера, всѣ были веселы, довольны, радостны; всѣ жали крѣпко руку Петру, и въ этомъ пожатіи невольно и таинственно сказывалось какое-то хорошее, искреннее чувство, какое-то чистое, свѣтлое увлеченіе. Мысль всѣхъ почему-то сосредоточивалась на Петрѣ, всякій неудержимо разрисовывалъ для него какія-то особыя, не заурядныя перспективы въ будущемъ, и, мало этого, какъ-то само собой съ Петромъ отождествлялся „народъ“, „весь русскій народъ“, его будущее, служеніе ему интеллигенціи, сліяніе и проч., и проч... Господи! Да какъ же иначе? Вѣдь, все это были истые русскіе люди, беззавѣтные творцы иллюзій, разрушавшихся отъ перваго дуновенія суроваго вѣтра... Петра начиналъ охватывать какой-то ужасъ. У него даже нѣсколько кружилась голова, когда онъ вошелъ въ свою комнату.

На слѣдующій же день, едва Петръ вернулся изъ лабазовъ, какъ восторженная Лиза, цѣлый день не знавшая, какъ дождаться вечера, тотчасъ же объявила Петру, что „она сейчасъ же провожаетъ его къ Сережѣ, что терять драгоцѣннаго времени нечего“. Она тотчасъ же, шутя, втолкнула Петра въ его комнату и велѣла переодѣться, а сама пошла звать съ собой нѣсколько тяжеловатую на подъемъ Вѣру. Вѣра хотя и потянулась въ нерѣшимости нѣсколько разъ, и даже

зѣвнула, но обстоятельство было такое чрезвычайное и необычное, что она не могла отказать себѣ въ удовольствіи присутствовать на первомъ „сеансѣ“. Барышни, въ сопровожденіи Петра, тронулись пѣшкомъ на Трубу, что съ Замоскворѣчья, да еще изъ Кожевниковъ, представлялось не малымъ подвигомъ, и, надо отдать справедливость, барышни шли бойко, безъ вздоховъ и оховъ, и энергично преодолѣвали усталость „въ пользу сына народа“.

Надо отдать справедливость и Сережѣ. Онъ не забылъ о своей новой „миссіи“ и ждалъ уже въ этотъ вечеръ Петра. Онъ постарался обставить „первый шагъ къ просвѣщенію“ возможными вниманіями и облегчить его для „сына народа“ настолько, чтобы просвѣщеніе показалось ему не „чортомъ“, а соединеніемъ „utile et dulce“, какъ выразился онъ. Сережа, вопервыхъ, былъ медицинскій студентъ, вовторыхъ, терпѣть не могъ „отвлеченностей и сухихъ тумановъ“. Поэтому „первый сеансъ“ просвѣщенія сына народа онъ обставилъ съ тактомъ, дѣлающимъ честь его проницательности. Онъ запасся колбами и кое-какими химическими реагентами, собралъ у собратьевъ нѣсколько простенькихъ физическихъ инструментовъ, въ родѣ термометровъ, даже лейденскую банку. Все это разложилъ на столѣ, гдѣ кипѣлъ пузатый, зеленый, никогда не чищенный самоваръ.

— А, и вы барышни!.. Вотъ это хорошо! — привѣтствовалъ онъ гостей.— Это ужъ, значитъ, просвѣщеніе пойдетъ у насъ вполнѣ dulce!.. Ну, юноша, честь и мѣсто! — приглашалъ онъ Петра на кровать, замѣнявшую въ его студенческой „каморѣ“ диванъ.—А сей—мой коллега. Рекомендую,—показалъ онъ на суховатаго субъекта, ходившаго по комнатѣ въ длинномъ пальто, съ поднятымъ воротникомъ, который онъ придерживалъ рукой, стараясь извинить себя за „отсутствіе галстука“.

— Ну, юноша, приступимъ же къ наукѣ... Дайте-ка я васъ позабавлю, чтобы вамъ не страшно ужъ очень было спервоначала... А вы, барышня, угостите насъ чаемъ.

Сказавъ это, Сережа сначала показалъ Петру и растолковалъ кое-что по части физики, потомъ принялся кипятить въ пробирныхъ трубкахъ и колбочкахъ какія-то снадобья. Запахло „химіей“, пошли взрывы, разные научные „фокусъ-покусы“. Лопнуло нѣсколько пробирокъ, Сережа облилъ и испортилъ „въ пользу науки“ азотною кислотой штаны.

Барышни ахали, смѣялись и восторгались (хотя все это было имъ давно знакомо: такимъ же путемъ, вѣдь, Сережа просвѣщалъ и барышень, подвижничая *въ свое время* въ пользу „женскаго вопроса“; онъ засталъ еще его на первомъ курсѣ). Сережа шутилъ, а, между тѣмъ, ловко дѣлалъ опыты и объяснялъ. Петръ былъ совершенно очарованъ. Онъ сидѣлъ смирно, не шелохнувшись на диванѣ, какъ вполнѣ примѣрный ученикъ, сложилъ на колѣняхъ руки, а, между тѣмъ, глаза его свѣтились яркимъ блескомъ удовольствія, любопытства, удивленія и самодовольства. Сережа иногда взглядывалъ въ его одушевленные глаза, и ему было пріятно такое вниманіе ученика. „А онъ не глупъ, чортъ его возьми! За него надо потуже взяться!“—думалъ онъ про себя.

Покончивъ съ химіей, Сережа перешелъ къ „настоящей наукѣ“, но и то исподволь. Онъ продѣлалъ Петру нѣсколько задачъ планиметріи, и, зная, что передъ нимъ просвѣщается сынъ народа, съ направленіемъ ума преимущественно практическимъ и утилитарнымъ, онъ показалъ ему изъ своей области то, что наиболѣе имѣло приложенія къ крестьянской жизни, именно—нѣсколько землемѣрныхъ пріемовъ измѣренія площадей. Петръ, отъ удовольствія и не владѣя собой, нѣсколько разъ даже засмѣялся и привсталъ.

Первый сеансъ былъ конченъ довольно поздно. Всѣ были довольны. Всѣхъ опять охватило хорошее, свѣжее, искреннее чувство, свѣтлая, чистая мечта. Замоскворѣцкіе молодые обитатели теперь и не видѣли, какъ прошли пять верстъ.

Петръ просто измѣнилъ себѣ; онъ всю дорогу только и говорилъ, что объ опытахъ, нѣсколько разъ подробно повторяя процессы каждаго опыта, какъ бы желая запѣчатлѣть ихъ въ памяти навѣки. Барышни ему снисходительно поддакивали, какъ люди уже съ этимъ давно знакомые, и поощряли какъ маленькаго ребенка. А Лиза даже хохотала неудержимо на всю улицу, и могла бы хохотать на всю Москву, если бы ее не сдерживала степенная Вѣра. Лиза хохотала и оттого, какъ смѣшно коверкалъ Петръ различныя техническія выраженія (хотя, признаться, и она не совсѣмъ вѣрно выговарила бы ихъ, если бы пришлось ей держать экзаменъ), и

оттого, какъ измѣнился „волченокъ“ и мало-по-малу становился совсѣмъ „ручнымъ“.

Волченокъ, дѣйствительно, преображался, и преображался быстро,—такъ много было въ немъ еще непосредственной, юношеской свѣжести, такъ била ключомъ жизнь изъ всѣхъ поръ его молодого организма. Онъ вдругъ почувствовалъ какую-то свободу, какъ-будто его выпустили изъ какой-то клѣтки, или не выпустили, а, лучше, онъ самъ вдругъ прозрѣлъ, увидалъ, что клѣтка, сдерживавшая его въ замкнутости и отдѣлявшая отъ другихъ, вовсе ужъ не была такъ неразрушима, какъ ему казалось... Всѣ эти „баре“, всѣ эти „ученые“ — какіе простые, добрые люди! И отчего это прежде онъ чувствовалъ къ нимъ такое недовѣріе, даже страхъ, отчего „сліяніе“ съ ними прежде казалось ему такъ невозможнымъ? И что же въ нихъ такое, чего бы стоило бояться? Это все деревня виновата, невѣжественная деревня, которая наболтала про нихъ Богъ знаетъ что.

Такъ думалъ и чувствовалъ Петръ все сильнѣе и сильнѣе, чѣмъ дальше шли его уроки съ Сережей, чѣмъ крѣпче „сливался“ онъ съ городскою интеллигенціей. Къ Сережѣ онъ ходилъ два раза въ недѣлю, и, надо признаться, оба они исполняли свои обязанности не только строго, но даже съ упоеніемъ. Петръ съ какимъ-то нетерпѣніемъ ожидалъ дня урока. Въ этотъ день онъ не могъ даже высиживать опредѣленныхъ часовъ въ лабазѣ и часомъ раньше отпрашивался у главнаго приказчика, чѣмъ и возбудилъ подозрѣніе лабазниковъ, что будто бы у него „завелась интрижка“.

Да, у Петра дѣйствительно завязывалась интрига, но интрига не обыкновенная, а сложная и глубокая.

Давнымъ-давно невидавшійся почти ни съ кѣмъ изъ своихъ артельщиковъ-дергачевцевъ, кромѣ Лимподиста, который пришелъ къ нему въ лабазъ полюбопытствовать, куда и зачѣмъ онъ переѣхалъ, и съ которымъ онъ тогда обошелся очень сурово, онъ теперь самъ вдругъ вспомнилъ о нихъ, и ему захотѣлось зайти къ нимъ, побесѣдовать съ ними, даже пригласить къ себѣ. Можетъ быть, въ этомъ играло не малую роль тайное желаніе погордиться своимъ положеніемъ предъ „необразованнымъ мужичьемъ“, но все же здѣсь больше было наивнаго, юношескаго довѣрія къ людямъ вообще, а изъ нихъ, конечно, прежде всего, къ своимъ. Артель его совсѣмъ „не признала даже“,—такъ измѣнился волченокъ (волченокъ его звали и въ деревнѣ, и въ артели, по случайному совпаденію также прозвали его и у Дрекаловыхъ, и среди молодежи. Движенія его сдѣлались развязнѣе, языкъ вычурнѣе, глаза смотрѣли открытѣе и прямѣе. А, главное, онъ былъ веселъ и болтливъ. Онъ разсказывалъ, какъ онъ теперь „возвысился“, гдѣ жилъ, у кого учился и чему. Артель диву давалась, а Лимподистъ самымъ добродушнымъ образомъ приходилъ отъ Петра въ восторгъ и все повторялъ, что у нихъ Петрушка „высоко взлетитъ“.

Просидѣвъ у дергачевцевъ вечеръ и возвращаясь отъ нихъ домой, онъ чувствовалъ себя еще лучше, чувствовалъ какое-то нравственное удовлетвореніе. Его душу нѣсколько гнело то, что онъ ушелъ отъ дергачевцевъ, отъ артели, какъ будто тихонько, украдкой, „убѣгомъ“, что онъ скрывался отъ нихъ, что онъ какъ будто стыдился ихъ. Но прежде считалъ онъ такое поведеніе необходимымъ, и крѣпкая воля помогала ему неуклонно слѣдовать тому, что въ данный моментъ онъ считалъ нужнымъ. Теперь же онъ какъ будто вдругъ снялъ съ плечъ какую-то обузу, тѣмъ болѣе, что отъ дергачевцевъ не только не услыхалъ онъ выговоровъ, а, напротивъ, всюду встрѣчалъ одобреніе въ томъ, что онъ теперь живетъ „чисто“ кому эта грязь-то по душѣ? Знамо! Надо, судить по человѣчеству!.. Только ужъ единственно, какъ нужда..., что онъ не „заболтался“, не „зашибся“, обстоятельно ведетъ себя, ну, и по наукѣ пошелъ... Мало ли отъ этого и себѣ, и своимъ пользы будетъ!..

Въ такомъ настроеніи жилъ Петръ почти до святокъ. Но тутъ дѣла нѣсколько измѣнились. „Вѣчный студентъ“ Сережа вѣчно мыкался по урокамъ и вѣчно нуждался. Извѣстно, что „московскія кондиціи“ въ былое время отличались не столько денежною стоимостью, сколько „питательностью“ и обиліемъ угощенія. На урокахъ у гостепріимнаго москвича пять разъ можно спиться даже крѣпкому студенту, какъ это хорошо знаютъ многіе, подвижничавшіе по кондиціямъ. Такъ и Сережа на урокахъ получалъ мало, а пилъ много; вслѣдствіе обѣихъ этихъ причинъ и сидѣлъ уже на факультетѣ седьмой годъ, заполучивъ, за выслугу лѣтъ, званіе „вѣчнаго студента“. Всѣ эти обстоятельства

имѣли результатомъ то, что, во-первыхъ, черезъ двѣ же недѣли уроки съ Петромъ потеряли у него прежнюю пунктуальность, такъ какъ часто по вечерамъ Петръ не заставалъ учителя дома, который былъ или на именинахъ у своихъ „накондиціи“, или въ трактирѣ съ пріятелями; во-вторыхъ, скоро потеряли и увлекательность, такъ какъ Сережа, которому всякіе уроки надоѣли до тошноты, сталъ заниматься спустя рукава; а, въ третихъ, Сережа сталъ занимать у Петра деньги—по полтиннику, по рублю: ничего не подѣлаешь! то керосину нѣтъ, то чаю, то „раздавить маленькую“ хочется съ похмелья. Притомъ, нужно было принять во вниманіе, что Сережа былъ реалистъ — и дальше ариѳметики съ геометріей не шелъ, во всѣхъ же прочихъ наукахъ считалъ себя слабоватымъ.

Все это заставило его въ душѣ, „какъ парня честнаго“, устыдиться своего поведенія предъ Петромъ, и онъ сталъ подумывать, кому бы, болѣе подходящему изъ своихъ собратьевъ, свалить на плечи миссію дальнѣйшаго просвѣщенія „сына народа“. Хотя Сережа и говорилъ раньше, что только кликнуть, и студіозусы коломъ вобьютъ въ сына народа просвѣщеніе, и что на эту миссію сбѣжится чуть не весь университетъ, однако, это оказалось не такъ просто. У „студіозусовъ“ оказалось столь же много основательныхъ причинъ уклониться отъ этой миссіи, какъ и у самого Сережи, если еще не болѣе: лучшіе изъ нихъ были, во-первыхъ, люди занимающіеся, а, во-вторыхъ, круглые бѣдняки, ухлопывавшіе на грошевые уроки цѣлые вечера и потому дорожившіе каждымъ свободнымъ часомъ. На грузинскихъ же князей и сибирскихъ и иныхъ буржуа надежда была плохая. Впрочемъ, надо сказать правду, что многіе изъ студіозусовъ, подумавши, можетъ быть, и согласились бы „постѣсниться“ въ пользу сына народа и какъ-нибудь, хоть сообща, да подняли бы миссію просвѣщенія, но подвернулось тутъ одно обстоятельство, которое придало дѣлу нѣсколько иной оборотъ.

Въ первый день святокъ Петръ открылъ свою завѣтную тайну Ивану Степанычу. Мы уже знаемъ, въ какую глубокую задумчивость повергло это открытіе всѣхъ членовъ семейства господъ Дрекаловыхъ. А разговоръ по поводу этой тайны съ Петромъ привелъ Лизу въ такое смущеніе и негодованіе, что она тотчасъ же отправилась къ Сережѣ и въ энергичныхъ выраженіяхъ, путаясь и волнуясь, передала ему свои опасенія за будущность волченка. Эти опасенія приняли къ сердцу какъ Сережа, такъ и присутствовавшіе тутъ же его пріятели. Тотчасъ же было приступлено къ обсужденію этого дѣла.

— Тутъ ужъ съ химіей ничего не подѣлаешь,—сказалъ Сережа.—Да и чорта ли его начинять химіей, коли изъ него, въ концѣ-концовъ, лавочникъ или кулакъ выйдетъ? Не стоитъ овчина выдѣлки!

Всѣ съ этимъ согласились и поставили вопросъ: есть ли какія-нибудь данныя воспитать Петра въ другомъ направленіи? Вопросъ этотъ былъ рѣшенъ, къ счастію Петра, въ самомъ благопріятномъ для него смыслѣ: всѣ признавали, что умъ и душа Петра еще чистѣйшая tabula rasa— это во-первыхъ; что эта tabula—хорошаго, доброкачественнаго матеріала, и что, значитъ, пиши на ней что угодно, а старанія даромъ не пропадутъ.

— Это такъ, заключилъ Сережа,—только, братцы, и на tabula rasa съ одною химіей немного изобразишь... Хотя онъ и tabula rasa, а кое-какіе задатки уже есть... Тутъ, вѣдь, нравственною ломкой дѣло то пахнетъ... А это статья опасная, по крайней мѣрѣ, для насъ... Какъ бы грѣха на душу не взять... Я вотъ знаю примѣрецъ: распропагандировали однажды такого молодца въ лучшемъ видѣ, а изъ него вышелъ — шпіонъ, да всѣхъ своихъ просвѣтителей-то и упекъ!

Всѣ согласились, что, дѣйствительно, „неопытные люди“ могутъ тутъ не мало грѣха на душу взять. Дѣло становилось очень затруднительнымъ, когда Сережѣ пришла счастливая мысль.

— Вотъ что, господа, мы передадимъ этого юношу человѣку, который лучше меня неизмѣримо, братцы мои, и знаетъ тоже неизмѣримо больше, и честнѣе онъ меня тоже неизмѣримо. А отъ времени до времени и я не прочь.

Этотъ „неизмѣримо лучшій“ человѣкъ былъ Пугаевъ.

Всѣ согласились, что болѣе удачной мысли не могло и быть.

ГЛАВА III.

«Сынъ народа».

I.

Пришли. Пугаевъ жилъ на Арбатѣ, въ деревянномъ двухъэтажномъ домикѣ, на

дворѣ. Квартира его помѣщалась на антресоляхъ. Двѣ низкія комнатки заставленныя старою, „сборною" мебелью, и какіе-то темные уголки, отгороженные перегородками, составляли все помѣщеніе. Нашихъ знакомцевъ встрѣтила какая-то молоденькая, блѣдная, худая женщина и провела въ кабинетъ; въ сосѣдней комнатѣ, на старомъ диванѣ, лежала, съ книгой въ рукахъ, другая молодая женщина, и тоже, повидимому, больная; по крайней мѣрѣ, на лицѣ ея лежали тѣни недавняго страданія, утомленія и слѣды слезъ. Она взглянула молча на пришедшихъ и тотчасъ же принялась опять читать. Первая молодая дама, сказавъ, что „дядя" ушелъ до лавочки только, скрылась въ одну изъ темныхъ каморокъ, гдѣ заплакалъ ребенокъ; однако, онъ скоро успокоился. Въ комнатѣ настала тишина. Наши посѣтители молчали. Петръ трусливо осматривалъ кабинетъ: въ немъ было безпорядочно и грязновато, хотя, повидимому, кто-то и старался завести порядокъ. Книги и посуда, бѣлье и провизія,— все это лежало въ разныхъ мѣстахъ и вмѣстѣ. Петру это „не показалось". Это было первое впечатлѣніе. Черезъ нѣсколько минутъ въ комнату вошелъ, тихо ступая и осторожно притворивъ за собою дверь, человѣкъ средняго роста, довольно полный, лѣтъ сорока, съ добрыми сѣрыми глазами и открытымъ, располагающимъ выраженіемъ лица. Длинные, волнистые, съ чуть-чуть пробивавшеюся сѣдиной волосы падали ему почти на плечи; небольшая русая, нѣсколько „раздвоенная" борода придавала еще больше мягкости выраженію его лица; на немъ былъ широкій, просторный пиджакъ, нѣсколько длиннѣе обыкновеннаго, и широкія брюки; сапоги мягкіе, безъ каблуковъ. Съ привѣтливою улыбкой, какъ будто озаряя ею сверху присутствовавшихъ, онъ крѣпко пожалъ каждому руку. Ему тотчасъ же отрекомендовали Петра и сказали, что сейчасъ уйдутъ и имъ мѣшать не будутъ.

Уходя, Лиза выразительно шепнула Пугаеву.

— Помните, этотъ волченокъ уже теперь начинаетъ копить деньги!

А Сережа прибавилъ:

— Съ своей стороны я ему кое-что передалъ по части реальныхъ знаній... Но реализмъ, какъ вы сами говорите, это— только руки и ноги. Душу вложите ужъ вы... Я по этой части профанъ.

— Попробую. Постараюсь,—отвѣчалъ, озаряясь своею обычною сердечною улыбкой, Пугаевъ.

Пугаевъ былъ „опытный" наблюдатель психологъ; по крайней мѣрѣ, такъ думалъ самъ онъ, и въ этомъ же была убѣждена московская молодая интеллигенція; эта интеллигенція даже боялась его „прозорливости", чарующаго обаянія его рѣчи, въ особенности молодыя женщины. Среди нихъ онъ пожалъ настоящіе лавры.

Пугаевъ не былъ строгій мыслитель, даже былъ плохой мыслитель; у него не было строго-логически проведенной и обоснованной системы. Когда его ловили на противорѣчіяхъ или абсурдахъ, онъ самъ искренно говорилъ: „Я не могу вамъ это объяснить ясно, опредѣленно, логически... Но я въ душѣ глубоко чувствую сущую правду моихъ словъ, и вы меня ничѣмъ не разубѣдите... Нѣтъ выше, чище и глубже критерія этой сущей правды, какъ человѣческое сердце, таинственная глубина души" и т. д. Но его проповѣдь, не отличаясь строго-логической выдержанностью, блистала безподобными частными обобщеніями, свѣтлыми идеями, смѣлыми выводами, глубокою художническою способностью комбинированія картинъ, выхваченныхъ прямо изъ дѣйствительности. Его нѣсколько восторженная и какъ бы вдохновенная интонація, его всегда импровизированная, но горячая и страстная рѣчь, а, главное, умѣнье затронуть тайныя душевныя струны своихъ слушателей,—все это скоро создало ему репутацію, тѣмъ болѣе, что его личная жизнь была полна незаурядныхъ, оригинальныхъ проявленій. Нѣкогда, во-первыхъ, онъ былъ рьяный „политикъ"—и пострадалъ. Нервная система его была расшатана и доведена до такой степени напряженности, что міръ галлюцинацій занялъ въ его душѣ такое же мѣсто, какъ и міръ реальныхъ представленій. Картины и образы, которые рисовало ему воображеніе, были до такой степени рельефны, что *ихъ логику* онъ часто принималъ за логику реальной жизни.

Выйдя изъ заключенія, онъ окончательно „порѣшилъ съ политикой", найдя ее совершенно безсильной преобразовать человѣчество. Онъ сначала ударился въ шопенгауеризмъ, а затѣмъ, вдохновенный поэзіей этой системы, создалъ себѣ какую-то туманно-мистическую програму жизни, напоминавшую христіанскій соціализмъ. Вслѣдствіе этого, пропаганда его исключительно вращалась на созданіи „новой

религіи“: утилитаризмъ сталъ его личнымъ врагомъ, политика—тоже (впрочемъ, только въ принципѣ; но, какъ мы увидимъ, не въ *жертвахъ ея*, которыя въ его глазахъ были хорошіе люди, высокія души, но заблудившіеся и легковѣрные послѣдователи „эгоистической“ европейской философской мысли). Онъ вѣрилъ только въ *нравственное* возрожденіе человѣчества; вѣрилъ въ пришествіе Мессіи—этого величайшаго изъ величайшихъ художниковъ человѣчества, который въ горнилѣ своего всеобъемлющаго духа и вдохновенія создастъ грандіознѣйшую картину человѣческой жизни; въ ней, какъ въ фокусѣ, въ образахъ поразительныхъ, ясныхъ и ужасающихъ, сконцентрируетъ онъ *зло* человѣчества и, раскинувъ ее предъ очами изумленнаго міра, вдругъ мгновенно поразитъ этотъ міръ „просіяніемъ“; человѣчество мгновенно сознаетъ все зло, накопившееся въ немъ, ужаснется и просвѣтлѣетъ: „Ибо разъ сознанное зло — уже не существуетъ: оно подорвано“. Идея всепрощенія, всебратства и вселюбви охватитъ всечеловѣческую душу! Всѣ сольются въ одинъ кликъ: „другъ друга обымемъ!“ Цари и великіе міры спустятся въ хижины, полные любви и утѣшенія, бродяга и нищій войдутъ во дворцы и найдутъ тамъ слова любви и братства. Таковы идеалы. Человѣчество всегда стремится къ нимъ. Все, что было до сихъ поръ великаго въ человѣчествѣ, все это были художники, высокіе, неумирающіе. И Моисей, и Будда, и Магометъ, и Шекспиръ, и Гете, и Платонъ, и Шопенгауеръ... Но это были только предтечи, успѣвшіе сконцентрировать въ своихъ образахъ только часть *зла*, всечеловѣческаго зла. Но они всѣ шли къ одной высокой цѣли. Ихъ путь, ихъ примѣръ должны руководить и нами. Мы должны подготовить путь къ пришествію Великаго Художника. Чѣмъ болѣе наша душа будетъ способна къ воспріятію его проповѣди, къ постиженію его слова, тѣмъ скорѣе народится онъ, тѣмъ скорѣе придетъ.

Въ устахъ талантливаго пропагандиста не пропадала безслѣдно эта проповѣдь, иллюстрированная роскошными и возвышенными образами великихъ людей и подкрѣпленная туманными, темными, никѣмъ еще неизвѣданными, но грандіозными и обольстительными картинами тѣхъ психическихъ эпидемій, которыя, по слову пророковъ и проповѣдниковъ, охватывали цѣлыя массы человѣчества и стихійно, неудержимо, стремительно влекли ихъ за своимъ вождемъ; эти массы, какъ дѣти, по первому ихъ слову, отрѣшались отъ всего, что имъ было дорого, отъ всѣхъ „бренныхъ благъ“, падали ницъ и исповѣдывали „святая святыхъ“ своей души, гласно, всенародно и братски сливались одною общею, возвышающею и объединяющею идеей.

Но и помимо этихъ „внѣшнихъ“ преимуществъ своей пропаганды, Пугаевъ умѣлъ придать ей еще бо̀льшую силу „практическимъ“ ея примѣненіемъ. Самъ, въ своей личной жизни, онъ руководился почти крайнимъ ригоризмомъ; всѣ свои средства (онъ былъ изъ дворянъ съ небольшимъ наслѣдствомъ отъ дяди) онъ употребилъ на помощь „жертвамъ“, оставшись теперь съ очень скудными доходами, не превышавшими 40—50 рублей въ мѣсяцъ. „Жертвы“, пользовавшіяся его вниманіемъ, были очень разнообразны: тутъ были и „жертвы политики“ (въ то время, лѣтъ 10—12 назадъ, по преимуществу „политики студенческой“) и жертвы „соціальныхъ язвъ“, въ родѣ дочери, бѣжавшей изъ семьи за поисками „свѣта“ или „любви“, любовницы, брошенной любовникомъ, съ ребенкомъ, беременной дѣвушки, не знающей, гдѣ приклонить голову и скрыть свой стыдъ, жены, бѣгущей отъ мужа и разыскиваемой полиціей... Всѣ эти „жертвы“ изо дня въ день чередовались, смѣнялись одна другою и постоянно ютились въ небольшой квартиркѣ Пугаева. Вотъ почему въ его квартирѣ былъ вѣчный кавардакъ, вѣчный безпорядокъ, вѣчное отсутствіе „обстоятельности“, какъ замѣтилъ съ перваго же раза Петръ, такъ привыкшій къ этой „обстоятельности“ у Ульяны Мосевны и Строгаго. Квартира Пугаева была „постоялымъ дворомъ“, бивуакомъ. Онъ отдавалъ все свое въ полное распоряженіе временныхъ хозяевъ, а самъ все время проводилъ у своихъ послѣдователей и слушателей, увлекая ихъ и увлекаясь самъ своими импровизаціями. Нерѣдко его время поглощалось хлопотами о своихъ „жертвахъ“. Вѣруя самъ и стараясь увѣрить другихъ, что въ людяхъ не такъ много зла, какъ предполагаютъ, что въ каждой человѣческой душѣ есть тайничекъ“, затронувъ который можно изъ злодѣя сдѣлать мгновенно праведника (вся суть только въ томъ, чтобы умѣть открыть этотъ тайничекъ“), онъ самонадѣянно брался за примиреніе своихъ „жертвъ“.

Но онъ тутъ очень, очень часто подвергался личнымъ непріятностямъ. Иногда, впрочемъ, удавалось ему и выхлопотать примиреніе, но рѣдко. Чаще всего, для содержанія своихъ „жертвъ“, за полнымъ недостаткомъ собственныхъ средствъ, онъ долженъ былъ изыскивать эти средства на сторонѣ. И это ему удавалось лучше. Способность „отрѣшенія отъ личныхъ благъ въ пользу другого“ была для него мѣриломъ проникновенія въ его проповѣдь. Часто, послѣ своей импровизаціи, онъ прямо приступалъ къ своимъ слушателямъ и требовалъ „практическаго“, реальнаго выраженія ихъ сочувствія къ его идеямъ. И интеллигенція, въ особенности женскаго пола, наэлектризованная его нервными манипуляціями, его искреннею, вдохновенною рѣчью, не скупилась на пожертвованія. Нужно прибавить, что дѣятельность Пугаева, несмотря на свой мистицизмъ, была все же благотворна. Въ міръ „темнаго царства“, гдѣ изнывали бѣдныя, подавленныя, ищущія „мысли“, хоть какой-нибудь „мысли“, существа, онъ вносилъ именно „лучъ свѣта“, воодушевлялъ, преображалъ ихъ и выводилъ въ широкій, вольный свѣтъ труда и благородныхъ порывовъ... Изъ нихъ часто и бывали тѣ самыя „жертвы“, которыхъ первые, нетвердые шаги „свободной жизни“ онъ и долженъ былъ поддерживать. Впослѣдствіи, и очень скоро, они „отпадали“ отъ своего учителя, не раздѣляли его фантазіи, но за то „свѣтлое, чистое, высокое“, что сумѣлъ онъ вложить въ ихъ души, за ту способность „мысли и порыва“, которая вызвала ихъ къ разумной жизни, они ему оставались всегда признательными. Таковъ былъ „новый учитель“ Петра, этотъ „неизмѣримо лучшій“ человѣкъ, по отзывамъ „вѣчнаго студента“.

Итакъ, Пугаевъ былъ проницательный психологъ и сердцевѣдъ, или „сердцеѣдъ“, какъ въ шутку звали его кое-какіе легкомысленные скептики изъ молодежи. Прежде всего онъ постарался отнестись къ Петру возможно мягче и нѣжнѣе, онъ обласкалъ его, ободрилъ (это былъ одинъ изъ его пріемовъ: вѣдь, онъ имѣлъ дѣло съ такимъ нѣжнымъ инструментомъ, какова человѣческая душа). Исподволь, не торопясь, въ живой бесѣдѣ, онъ распросилъ Петра о его родныхъ, объ отцѣ, теткѣ, братьяхъ, дядьяхъ; незамѣтно старался онъ возстановить предъ собой картину условій, въ которыхъ развилась и выросла душа Петра. Отвѣты Петра были коротки, односложны, просты, и по нимъ было бы очень трудно представить себѣ ясную и правильную характеристику окружавшихъ его дѣтство условій. Но Пугаевъ, во-первыхъ, былъ опытный психологъ, во-вторыхъ, былъ интеллигентный человѣкъ, обладающій цѣлою системой апріорныхъ представленій о народѣ. Нѣсколькихъ словъ, сказанныхъ Петромъ о теткѣ Ульянѣ Мосевнѣ и Строгомъ, было совершенно достаточно, чтобы воображеніе Пугаева создало цѣлые типы. Онъ, какъ истый художникъ, по едва уловимымъ признакамъ, умѣлъ создать цѣльные, полные образы. Создавъ ихъ, онъ чувствовалъ себя вполнѣ удовлетвореннымъ. Пугаевъ поднялся и нѣсколько разъ задумчиво прошелся по комнатѣ, потирая отъ внутренняго удовольствія руки.

— У насъ, дорогой юноша, дѣло пойдетъ... Я надѣюсь... мы будемъ друзьями... большими друзьями,—говорилъ онъ съ искреннимъ увлеченіемъ, пытливо вглядываясь въ лицо Петра, и потомъ прибавилъ про себя, хотя довольно внятно:—Какая почва! какая почва!

И онъ опять прошелся нѣсколько разъ по комнатѣ, погруженный въ собственныя мечты. Онъ улыбался. Онъ былъ доволенъ, очень доволенъ.

Дѣло въ томъ, что у Пугаева была одна слабость или, лучше, одно крупное заблужденіе, одно грандіозное недоразумѣніе, но это заблужденіе было его излюбленною мечтой, его идеаломъ, къ которому онъ стремился: онъ былъ убѣжденъ, что до сихъ поръ его дѣятельность не имѣла надлежащей для себя почвы, что интеллигентные классы были наименѣе воспріимчивою почвой для нравственной проповѣди, что она органически несродна имъ (этимъ объяснялъ онъ и тѣ печальныя „измѣны“, которыми фатально дарили его прозелиты, лишь только развитіе ихъ пробужденной мысли открывало имъ цѣлую бездну противорѣчій въ ученіи своего учителя), но вотъ гдѣ для нея настоящая почва, вотъ гдѣ для нея арена, широкая, необъятная: это—народъ! Тамъ, въ этой юдоли вѣковыхъ страданій, каторжнаго труда, вѣчнаго приниженія личности и безмѣрнаго терпѣнія,—тамъ та воспріимчивая почва, съ которой въ будущемъ великій проповѣдникъ „нравственнаго просіянія“ пожнетъ обильные плоды... Было время, когда Пугаевъ искренно мечталъ „отрясти прахъ“, „посыпать

главу пепломъ“ и совлечь съ себя „ветхаго человѣка“. Онъ вѣрилъ беззавѣтно, что народъ тотчасъ же приметъ его и проникнется проповѣдью „отрѣшенія“ отъ бренныхъ благъ. Да и какъ было не вѣрить, когда предъ его интеллигентными очами, въ его вѣчно ищущемъ пищи воображеніи вставали грандіозные образы народнаго подвижничества всюду — и въ самосожигающихся раскольникахъ, и въ типахъ холопскаго самоотреченія „вѣрныхъ слугъ“, и въ милліонной терпѣливой массѣ, всепрощающей, всеожидающей и всевѣрующей въ пришествіе „правды“? Впрочемъ, ему не удавалось осуществить свое намѣреніе. Отчасти онъ боялся, боялся безсознательно, по предчувствію, какъ бы его опытъ не увѣнчался неудачей. Положимъ, онъ могъ бы всегда объяснить эту неудачу разнообразными неблагопріятными условіями, но тѣмъ не менѣе это былъ рискъ. Отчасти его задержали дѣла съ „интеллигенціей“. Тамъ, „въ народѣ“, что еще будетъ, а здѣсь онъ уже собиралъ жатву, хотя не особенно обильную, но все же пожиналъ. По крайней мѣрѣ, была у него масса хлопотъ, и получалась извѣстная доля самодовольства.

И вотъ теперь стоялъ передъ нимъ „сынъ народа“, экземпляръ „чистой пробы“, воспитанный въ исконно-народныхъ традиціяхъ и еще не успѣвшій развратиться реализмомъ житейской грязи.

— Какая почва! — повторялъ Пугаевъ.—Я не нарушу грубымъ отрицаніемъ ни одного изъ вѣрованій этой непосредственной души; нѣтъ, въ нихъ я построю зданіе — величавое, возвышенное, прочное!... Можетъ быть, грубы эти вѣрованія, нелѣпы, дики, но они чисты и наивны. Я только освѣщу ихъ свѣтомъ высокихъ нравственныхъ откровеній; я внесу въ нихъ связь, смыслъ и сознаніе...

Такъ думалъ онъ, провожая Петра и любовно, ласково пожимая ему руки, послѣ перваго урока. Урокъ нынче, на первый разъ, былъ коротокъ. Онъ успѣлъ сообщить Петру кое-что о нѣкогда существовавшихъ великихъ націяхъ, кое-что намекнулъ о „великихъ учителяхъ“ человѣчества — Буддѣ и Моисеѣ, съ тѣмъ, чтобы въ будущій урокъ поразить его воображеніе величавыми образами этихъ проповѣдниковъ и вмѣстѣ съ этимъ развить предъ нимъ высокое значеніе проповѣди „нравственнаго просіянія, подвига, самоотреченія“.

Когда Петръ вернулся отъ Пугаева домой, въ домѣ Дрекаловыхъ маленькая зала уже шумѣла роемъ молодежи, собравшейся на святочный вечеръ.

— Ну, что? какъ? — тотчасъ осыпали Петра вопросами и Лиза (главнымъ образомъ, Лиза), и Вѣра, и Сережа, пристально всматриваясь въ полусконфуженное лицо Петра, какъ будто проповѣдь Пугаева имѣла такую чудодѣйственную силу, что сразу клала уже отпечатокъ на личность ученика. Впрочемъ, они тотчасъ же сами увидали, что ужъ это „слишкомъ“, и своими вопросами возбудили только въ Петрѣ сознаніе, что съ уроковъ Сережи онъ выносилъ *нѣчто,* имѣвшее вполнѣ вѣскій, реальный смыслъ, между тѣмъ какъ отъ Пугаева онъ не вынесъ еще ничего реальнаго. Это онъ созналъ тутъ же, какъ только вздумалъ передать результаты своей съ нимъ бесѣды: при всемъ усиліи, онъ ничего не могъ сказать и только конфузился. Однако, въ этотъ разъ, все это мало его смущало. Вся душа его была поглощена однимъ, общимъ всеохватывающимъ ощущеніемъ; то было ощущеніе довольства, какое испытываетъ человѣкъ среди новой, непонятной, но пріятной для него обстановки, которая удовлетворяетъ и его самолюбіе, и любопытство: ему было тепло, уютно, хотя, можетъ быть, и нѣсколько боязно. *Онъ сознавалъ въ себѣ человѣка,* и вотъ, душа его была полна этимъ смутнымъ, но пріятнымъ сознаніемъ, для него еще все заключалось въ одномъ только фактѣ—что съ нимъ сидѣли, говорили, имъ занимались, ему довѣряли, его любили, а кто — Сережа, или Лиза, Вѣра или Пугаевъ, и что и какъ каждый изъ нихъ говорилъ и любилъ—для него было безразлично: всѣ ихъ частныя, индивидуальныя особенности тонули въ общемъ чувствѣ отношеній „мужика“ къ „интеллигенціи“... Среди „своихъ“, среди „крестьянъ“, онъ довольно ясно различалъ обстоятельныхъ и необстоятельныхъ, добрыхъ и злыхъ, „умственныхъ“ и простяковъ, но здѣсь, въ этой жизни, тайныя пружины которой были ему невѣдомы, для него существовало только одно *общее*: частныя, случайныя черты, присущія только одной какой-либо личности, для него были общими, типичными чертами, всей этой жизни, всей этой обстановки... Перемѣстись Сережа на мѣсто Пугаева, а Пугаевъ на мѣсто Сережи,—и онъ не замѣтилъ бы въ этомъ ничего невозможнаго;

превратись всѣ они внезапно изъ добрыхъ, любящихъ и деликатныхъ въ злыхъ, грубыхъ и коварныхъ—и это было бы въ его глазахъ совершенно естественно. Значитъ, такъ нужно, такова эта интеллигенція. За грѣхи и добродѣтели одного, въ его глазахъ отвѣчали *всѣ*. Таковъ законъ нарожденія первыхъ общихъ представленій. Таково же зарожденіе и первыхъ симпатій и антипатій.

Петра несло общее теченіе, и онъ не зналъ, не ощущалъ, та или другая волна охватывала и увлекала его.

II.

Замоскворѣцкія святки были въ самомъ разгарѣ. Трактиры кишѣли народомъ; молодые купчики и приказчики неистовствовали послѣ долгаго воздержанія. Арфистки усиленно „зарабатывали“, молоденькія крилошанки женскихъ монастырей въ удвоенномъ комплектѣ ныряли среди пирующихъ. По улицамъ, шатаясь, толпами ходили „ряженые“, скакали тройки, назойливо пищали гармоники... Пѣсни, хохотъ, драки... Замоскворѣчье веселилось. Въ этомъ общемъ ликованіи не послѣднее мѣсто занималъ и домикъ „почтеннаго ветерана“ Ивана Степаныча Дрекалова. Бездомная молодежь, не уѣхавшая почему-либо подъ сѣнь родныхъ очаговъ или давно уже оторвавшаяся отъ нихъ, съ ранняго утра стекалась подъ гостепріимную кровлю дрекаловскаго дома. Здѣсь, въ этомъ домикѣ, въ молодыхъ душахъ воскресали былыя ощущенія юности, проведенной подъ родительскимъ кровомъ. Иванъ Степанычъ и Аполлинарія Петровна такъ напоминали добросердечныхъ и благодушныхъ родителей; въ свѣжихъ, веселыхъ голосахъ барышень Дрекаловыхъ воскресали серебристыя, нѣжныя и любовныя рѣчи сестренокъ и „сюжетовъ первой, младенческой любви“, изнывающихъ теперь гдѣ-то въ далекихъ Царевококшайскахъ и Чухломахъ. Цыганствующая по холоднымъ меблированнымъ комнатамъ душа студента особенно неравнодушна въ эти праздники къ мирному складу семейной жизни. Грузинскіе князья и сибирскіе буржуа не скупились на пополненіе быстро пустѣвшихъ кульковъ, Иванъ Степанычъ и Аполлинарія Петровна на родительское радушіе и ласки, барышни Дрекаловы и ихъ подруги—на задушевную веселость и позволительныя, невинныя „вольности“, а молодежь—на беззавѣтное, полное увлеченія, веселье. Всѣ пили наслажденіе полною чашей, вольно, непринужденно, какъ только можетъ пить юность, не связанная ни узами прошедшаго, ни узами настоящаго... Шумъ, говоръ, хохотъ, пѣсни, остроты, шутки... Волченокъ доставлялъ въ особенности неистощимый матеріалъ для веселаго остроумія. Его учили пить, пѣть, плясать, танцовать, играть въ фанты, цѣловаться съ барышнями—цѣлому ряду этихъ глупенькихъ и невинныхъ мелочей, и старанія развеселившагося „сына народа“ серьезно войти въ роль цивилизованнаго шалопая встрѣчались взрывомъ неудержимаго смѣха... Петра все глубже и глубже захватывали волны новыхъ, неизвѣданныхъ ощущеній. И онъ бросался въ эти волны свободно, съ какимъ-то жаднымъ упоеніемъ. Что ему: вѣдь, тутъ кругомъ — всѣ, всѣ чужіе; тутъ ни строгихъ ригористовъ—Ульяны Мосевны и Строгаго, ни добродушныхъ моралистовъ—дергачевцевъ, ни главныхъ и малыхъ приказчиковъ изъ лабазовъ, которые ехидно могли бы послѣ посмѣяться надъ нимъ и въ будущемъ припомнить ему всѣ эти несвойственные „серьезному парню“ фортели. А эти люди: что имъ во мнѣ, что мнѣ въ нихъ? Наши дороги — дороги, случайно пересѣкшіяся и затѣмъ разбѣжавшіяся въ разныя стороны!.. Такія мысли смутно мелькали въ головѣ Петра и придавали ему храбрости: съ дѣтскимъ ухарствомъ выпивалъ онъ подносимые ему бокалы винъ, съ наивно-веселою наглостью цѣловалъ розовыя губки барышень, „срывая“ фанты, и, съ сознаніемъ собственныхъ успѣховъ, встрѣчалъ шумные взрывы одобреній.

— Посмотрите, господа, не правда ли, какое интеллигентное лицо? — говорила Вѣра, показывая на Петра, котораго она заставила надѣть пиджакъ и глаженую сорочку.—Мнѣ, право, кажется, что онъ нисколько не хуже васъ... Мнѣ кажется, что если бы этихъ „дѣтей народа“ отдать на воспитаніе культурнымъ женщинамъ, мы давно видѣли бы народъ и умнымъ, и деликатнымъ, и образованнымъ.

— Позвольте усомниться, — сказалъ одинъ юноша.

— Напрасно... Женщина можетъ очень много... если не все!—увѣренно проговорила Вѣра.—Не правда ли, папа, волченокъ развивается у насъ не по днямъ, а по часамъ,—сказала она, подводя Петра къ отцу.

— Вижу, вижу! — весело говорилъ

Иванъ Степанычъ,—только, братъ, смотри, не забывай сюда-то, сюда-то накладывать,—ткнулъ онъ Петру въ лобъ пальцемъ, — не забывай, братъ, что ты еще мужикъ... что вамъ еще много, много нужно...

Всѣмъ было пріятно чувствовать, что *они* сумѣли открыть и приголубить „лучшій экземпляръ“ изъ народа, что, можетъ быть, въ немъ воплотится та неуловимая идея „слiянiя“, которая такъ упорно не поддавалась проведенію въ жизнь, благодаря позорному индифферентизму однихъ, печальному недовѣрію другихъ.

Даже Ѳедосья, выглянувъ въ двери и добродушно покачивая головой, любовно смотрѣла на Петра; и у этой крѣпостной старухи пахнуло на душу тепломъ при видѣ „мужика“, уже не загнаннаго на кухню, не окрикиваемаго и оплевываемаго, а сидящаго среди самихъ господъ и даже въ господскомъ платьѣ... И, Богъ знаетъ, можетъ быть, при этомъ и въ ея старческой головѣ мелькнула мысль о свѣтломъ будущемъ ея родной деревни!.. И вотъ, при видѣ этого деревенскаго парня, къ которому случайно такъ хорошо подошелъ барскій костюмъ, столько честныхъ, хорошихъ мыслей зародилось въ головахъ всѣхъ этихъ добрыхъ людей!

Да и Петръ, въ самомъ дѣлѣ, былъ теперь очень хорошъ: лицо его сіяло дѣтскимъ самосознаніемъ, энергіей, глаза свѣтились веселою, откровенною добротой. Тонкія черты его лица, дышавшаго здоровьемъ, приняли красивыя, смѣлыя очертанія. Въ безпорядкѣ вившіеся, черные, кудрявые волосы падали постоянно на высокій лобъ, на глаза, въ особенности когда онъ, встрѣчая постоянно пламенно-пытливые взгляды Вѣры, полусмущенно и низко опускалъ голову, и отъ времени до времени откидывалъ ихъ красивымъ, энергичнымъ взмахомъ головы... И эти красивыя, естественныя, непридуманныя движенія не пропали отъ вниманія Вѣры: въ ея глазахъ все чаще и чаще мигали *опасные огни*.

Святочное веселье шло crescendo. Молодежь наслаждалась съ упоеніемъ, запоемъ. Некогда было одуматься, очнуться. Цѣлая недѣля пролетѣла мигомъ, какъ одинъ день. Балы, гостинницы, театры, катанье и вино смѣняли одно другое. По утрамъ Петръ бѣгалъ въ лабазъ; но его занятія шли плохо, онъ сталъ разсѣянъ. Послѣ обѣда онъ уже едва могъ дождаться пяти часовъ, когда послышится знакомый скрипъ тяжелыхъ желѣзныхъ дверей и звонъ большихъ, массивныхъ ключей и болтовъ. Предъ нимъ постоянно носились скачущія тройки, танцующія пары, звуки пѣсенъ и музыки... и Вѣра Ивановна, эта странная, волнующая и дразнящая Вѣра, которая вотъ уже недѣлю терзаетъ своимъ неустаннымъ вниманіемъ и заботливостью молодого парня. Каждый день, какъ только онъ придетъ вечеромъ, она уже ждетъ его въ его комнатѣ, усадитъ его предъ собою и долго пытливо смотритъ въ его лицо, страстно любуется имъ, подперевъ голову рукой (Петръ теперь уже окончательно „посвятился“ въ барскій костюмъ и промѣнялъ на рынкѣ свою чуйку на пиджакъ); а въ немъ неудержимо кипитъ и волнуется кровь, краска то охватитъ полымемъ его лицо, то вдругъ отхлынетъ и замретъ сердце.

И никогда еще въ своей жизни не чувствовалъ себя Петръ „вполнѣ человѣкомъ“, свободнымъ и независимымъ, сознающимъ свое человѣческое достоинство, какъ въ этотъ бурный періодъ своей юности, который, по странной ироніи человѣческой судьбы, онъ первый же вскорѣ и проклялъ.

Но всему есть конецъ, читатель. Пришелъ конецъ и замоскворѣцкимъ святкамъ.

III.

Рождественскій мясоѣдъ нынѣшняго года былъ очень коротокъ. Пролетѣла масляница. Была уже середа первой недѣли Великаго поста. Стояла оттепель. Замоскворѣчье приняло самый великопостный видъ. Жиденькіе колокола раздражительно, уныло и монотонно звонили, въ перезвонъ, къ „еопмонамъ“. Среди пѣшеходныхъ богомольцевъ не можетъ не обратить нашего вниманія одна фигура, очень намъ знакомая. Когда-то, въ томъ же самомъ видѣ, мы уже встрѣчали ее въ этихъ мѣстахъ. То былъ молодой человѣкъ, въ длинной суконной чуйкѣ, полы которой онъ подобралъ на одну руку, а въ другой несъ большой, бѣлый, парусинный зонтикъ; на ногахъ у него были большіе, тяжелые мокроступы, а на головѣ новая суконная фуражка съ торчащею тульей. Онъ шелъ не одинъ, съ нимъ рядомъ тяжело ступалъ, разбрызгивая талый снѣгъ, старикъ, въ длинной, на рыжемъ бараньемъ мѣху чуйкѣ, застегнутой плотно на всѣ крючки и пуговицы, съ толстою, съ мѣднымъ набалдашникомъ, палкой въ

рукѣ. У старика было умное, суровое лицо, которому онъ силился придать несвойственное ему и непріятное фарисейски-благочестивое выраженіе, въ особенности когда ему приходилось раскланиваться съ обгонявшими ихъ купцами; онъ снималъ свой тяжелый котиковый, съ большимъ мѣховымъ козыремъ, картузъ и низко, пояснымъ поклономъ, долго раскланивался съ панели; тогда открывалась его огромная лысина, чуть закрытая снизу и съ боковъ прядями черныхъ волосъ. Когда онъ снова надѣвалъ шапку, его лицо принимало прежнее суровое выраженіе, и, главнымъ образомъ, суровый видъ придавалъ ему большой, горбатый носъ, нависшія сѣдыя брови и большая съ просѣдью борода. Молодой человѣкъ и старикъ шли неторопливо въ церковь, мирно высчитывая, въ какое число и въ какой день будетъ такой-то праздникъ.

Войдя въ церковь, они стали въ самый отдаленный уголъ ея за печкой, гдѣ было просторно; на скамьяхъ сидѣли только нищія старухи. Петръ (читатель, конечно, догадался, что это былъ онъ) стоялъ неподвижно, вытянувшись, и упорно смотрѣлъ впереди себя на образъ. Повидимому, онъ нарочно не глядѣлъ ни на священнослужителей, ни на молящихся. Такъ научилъ его молиться „умственно", „скрывъ очи", Еремѣй Строгій, когда одолѣвала его „меланхолія". Но Петръ собственно и не молился даже. Когда раздались слова священника: „духъ же цѣломудрія, смиренномудрія, терпѣнія, любви..." и всѣ падали ницъ, вмѣстѣ съ другими клалъ земной поклонъ и Петръ, но онъ не просилъ ни цѣломудрія, ни смиренномудрія, ни терпѣнія, ни любви... Онъ ни о чемъ не просилъ, да онъ вовсе и не понималъ, что такое это „цѣломудріе и смиренномудріе", онъ только чувствовалъ, какъ все его существо незримо охватывала строгая торжественность великопостной службы, и ему становилось легче. Такъ послѣ шума, грохота и смятенія битвы вздыхаетъ полною грудью усталый солдатъ гдѣ-нибудь въ оврагѣ, подъ кустомъ, среди внезапно воцарившейся тишины, и чувствуетъ, какъ растутъ невидимо въ немъ силы... Для больной, потрясенной до основанія, души, контрастъ несетъ *или* воскресеніе, *или* смерть; слабая душа въ немъ быстро изнемогаетъ и таетъ, но сильная находитъ въ немъ животворящій духъ, который надолго закаляетъ ее... А контрастъ былъ поразительный: *тамъ* шумъ и грохотъ улицы, сумятица и сутолока непонятной жизни, кипѣніе крови, угаръ и дымъ похмелья, до головокруженія, до самозабвенія, *здѣсь*—чуть слышный шопотъ молящихся, мѣрные, неторопливые, торжественные возгласы, тихое мерцаніе свѣчъ и лампадъ, спокойное движеніе крови въ жилахъ, знакомая почва подъ ногами... Петра привела сюда не внезапно охватившая жажда покаянія и молитвы, а жажда этой „знакомой почвы", которую находилъ онъ въ контрастѣ.

Служба кончилась. Петръ и сопровождавшій его старикъ опять вышли вмѣстѣ. На Замоскворѣчье спускались сумерки; легкій морозъ затягивалъ лужи; снѣгъ начиналъ хрустѣть подъ ногами. Они завернули въ Лужницкую улицу, въ сторону, совсѣмъ противоположную той, гдѣ былъ домъ Дрекаловыхъ, и вошли въ низенькое деревянное крыльцо трехоконнаго домика съ мезониномъ. Старикъ отперъ замокъ у дверей квартиры. Въ ней было всего три комнатки, небольшихъ, убранныхъ запросто и по-старинному: въ передней стоялъ большой кожаный диванъ и полдюжины старинныхъ, тяжелыхъ кожаныхъ стульевъ; у одной стѣны — пузатый коммодъ съ мѣдными собачьими лапками, вмѣсто ручекъ, у другой — круглый столъ съ массивною, вычурно-рѣзною ногой. По стѣнамъ большіе, въ просторныхъ черныхъ рамахъ, гравированные портреты какихъ-то архипастырей, а въ переднемъ углу большая божница съ образами старинняго письма въ позолоченныхъ окладахъ. Невозмутимая тишина царила здѣсь; даже когда явились Петръ и старикъ и разошлись по боковымъ комнаткамъ, гдѣ стояли кровати, эта тишина нарушалась только изрѣдка раздававшимся скрипомъ половицъ, да вздохами старика. Подъ неотразимымъ ли вліяніемъ этого строгаго келейнаго безмолвія, или вслѣдствіе все той же непобѣдимой жажды контраста, Петръ методически и упорно сдерживалъ и разсчитывалъ каждое свое движеніе: медленно и осторожно снялъ онъ съ себя верхнюю одежду, тщательно вычистилъ ее и также тщательно развѣсилъ; снялъ свои новые кожаные сапоги, которые, повидимому, раздражали его своимъ скрипомъ, и надѣлъ большіе валенки. Затѣмъ онъ сѣлъ къ столу и, тихо постукивая по немъ пальцами, задумался. Въ его комнаткѣ было уже темно, но онъ не зажи-

галъ огня; онъ жадно всматривался въ трепещущій, нѣжно-розовый лампадный блескъ, какъ будто мягко плывшій по комнатамъ тихими волнами отъ „неугасимой“, висѣвшей передъ божницей. Иногда выходилъ изъ своей комнатки старикъ, неслышно ступая валеными большими сѣрыми сапогами, и начиналъ поправлять поплавокъ лампадки, и тогда фантастическія тѣни колыхались и ходили въ розоватомъ свѣтѣ, а старикъ чуть слышнымъ, тоненькимъ, дребезжащимъ, старческимъ голосомъ пѣлъ „Свѣте тихій, святыя славы!“ Затѣмъ старикъ опять скрывался въ свой уголъ и оттуда слышалось, какъ онъ силился произнести съ особымъ чувствомъ: „пришедше на западъ солнца!“ Тогда, въ свою очередь, тихо вставалъ Петръ и медленно начиналъ ходить вдоль двухъ сосѣднихъ комнатъ, отъ времени до времени останавливаясь передъ божницей и внимательно, повидимому, всматриваясь въ темные лики угодниковъ. Впрочемъ, какъ ни старался онъ привлечь свое вниманіе къ этимъ строгимъ фигурамъ, его воображеніе и мысли блуждали гдѣ-то далеко, уносили его въ какой-то иной міръ. Но онъ вдругъ вздрагивалъ, какъ бы опомнившись, и снова начиналъ медленно ходить. Тогда по лицу его пробѣгало страдальчески-болѣзненное и въ то же время сердито-непріятное выраженіе. Если бы тѣ, которые интересуются этимъ юнымъ „сыномъ народа“, взглянули на него теперь, они не могли бы не замѣтить въ немъ поразительной перемѣны: несмотря на полупрозрачный, нѣжный, розоватый свѣтъ лампадки, лицо его было сѣровато-блѣдное, какъ будто зеленое; прежній здоровый румянецъ замѣнился красными небольшими пятнами; глаза ушли еще глубже въ орбиты и смотрѣли суровѣе. Онъ значительно возмужалъ, хотя это не былъ уже тотъ „сурьезный парень“, какимъ онъ нѣкогда былъ въ артели. Онъ сдѣлался солиднѣе; его движенія, прежде грубо-порывистыя, стали размѣреннѣе, нетороппивѣе; вообще, какъ-то все въ немъ сдѣлалось „основательнѣе“. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, глаза его часто блуждали, а самъ онъ вздрагивалъ. Какъ будто постоянный испугъ и робость передъ чѣмъ-то охватывали его. Какъ будто еще слишкомъ чувствовалась боль, такъ недавно охватившая его. Такъ, тонувшій и измучившійся въ борьбѣ съ волнами человѣкъ, выброшенный на берегъ, долго еще дрожитъ и безсознательно смотритъ блуждающими глазами и, несмотря на то, что подъ нимъ уже твердый, устойчивый берегъ, ему все еще кажется, что почва колеблется подъ его ногами и готова распасться и поглотить его. Такъ, загнанная и истерзанная кнутомъ лошадь, долго спустя еще, вздрагиваетъ всѣмъ тѣломъ, едва стоя на трясущихся ногахъ, и пугливо настораживаетъ уши.

IV.

Все это совершилось чрезвычайно быстро и ни для кого неожиданно, и тѣмъ страннѣе, что не было никакихъ особыхъ, чрезвычайныхъ причинъ. То просто была цѣпь обыденныхъ, ничтожныхъ, мелочныхъ обстоятельствъ, которыя неуклонно цѣплялись одно за другое, ткали какую-то паутину, и затѣмъ все разразилось позоромъ, такимъ потрясающимъ позоромъ.

Миновалъ уже чадъ и угаръ святочнаго разгула. Осталось только полупохмѣлье. Кружилась нѣсколько голова. Изчезли грузинскіе князья и сибирскіе буржуа, изсякли кульки винъ и закусокъ, истощился, повидимому, запасъ родительскаго радушія у Ивана Степаныча и осипли серебряные, звонкіе голоса Вѣры Ивановны и Лизы. Настало то томительное, ноющее состояніе души, когда оборвется туго натянутая струна. Иванъ Степанычъ вдругъ захандрилъ и, по обычаю, сталъ ко всѣмъ привязываться. Все въ домѣ приняло минорно-кислое настроеніе. Вѣра и Лиза перевертывали лѣниво книжки. Аполлинарія Петровна спряталась съ чулкомъ въ спальню. Иванъ Степанычъ ворчалъ: „Ну, вотъ теперь и живи, какъ хочешь... Намъ бы все только плясать, пѣть... Мы, матушка, не птицы небесныя... Да-съ!.. Вотъ нынче говядинка-то, говорятъ, по 12 копеечекъ-съ... А отецъ и такъ ужъ измаялся, у него ужъ поясница болитъ, сѣдина въ бородѣ... Пора бы почувствовать“ и т. д., и т. д. Вернулся Петръ изъ лабазовъ и какъ-то жутко показалось ему одиночество. Вдругъ ему страшно захотѣлось разсѣять этотъ туманъ похмѣлья, съ кѣмъ-нибудь говорить, кого-нибудь слушать, отъ кого-нибудь услыхать „хорошее слово“. Но въ то же время онъ ощущалъ какое-то недовольство, какую-то тягость во всемъ организмѣ, тягость

раздражающую, но опредѣлить которой онъ не могъ. Ввернулась было къ нему Вѣра, но Иванъ Степанычъ тотчасъ же пріотворилъ дверь, окрикнулъ ни съ того, ни съ сего: „Будетъ ужъ!.. Пора всякому за дѣло приняться, пора свое мѣсто знать!.. Что вы парня смущаете? У него свое дѣло есть!“ Иванъ Степанычъ бросалъ слова зря, потому что „никакого такого дѣла“ за Петромъ онъ не зналъ. Но эти слова, этотъ окрикъ непріятно коснулись Петра. Такъ бываетъ всегда съ людьми, поставленными въ новую, недосягаемую для нихъ прежде обстановку; ихъ чуткость достигаетъ невѣроятной напряженности къ малѣйшимъ оттѣнкамъ тона обхожденія. Онъ ушелъ къ Пугаеву. Поднимаясь къ нему по деревянной лѣстницѣ, онъ услышалъ шумъ за дверью, крики, говоръ... Онъ прислушался. „Извольте-съ или съѣзжать, или деньги уплатить впередъ,—повелительно кричалъ кто-то.—И притомъ-съ, позвольте вамъ замѣтить, такое своевольство непозволительно... это—пристанодержательство, и буде это случится впредь, вы будете привлечены къ законной отвѣтственности“. Затѣмъ дверь отворилась, и изъ нея вышелъ сначала приставъ, толстый и тяжелый, а за нимъ дворникъ. Петръ засталъ Пугаева одного врасплохъ. Онъ былъ разстроенъ и какъ будто сконфузился; краска заливала его лицо. Въ комнатахъ былъ страшный безпорядокъ, какъ будто только что выѣхали жильцы. Самъ Пугаевъ одѣтъ неряшливо. Петра это какъ-то огорчило; непривычна была ему эта неряшливость, да еще у барина, да еще у „ученаго“. Увидавъ Петра, Пугаевъ тотчасъ же измѣнилъ выраженіе лица на ласковое, смиренное и добродушное. Но это, видимо, плохо гармонировало съ его душевнымъ состояніемъ, а потому вышло какъ-то ужъ черезчуръ лицемѣрно и искусственно. Пугаевъ началъ, нехотя, вяло, урокъ изъ исторіи: онъ былъ нынче совсѣмъ не въ ударѣ, но старался скрыть это. Признаться, Петра мало занимали различныя „историческія параллели“, а въ особенности сегодня: ему хотѣлось чего-то вѣскаго, реальнаго, ощутимаго; онъ былъ похожъ на больного, которому уже наскучило утѣшеніе и онъ ждетъ лѣкарства, которое сразу разлилось бы по его жиламъ, подняло его духъ, его силы, открыло ему глаза... Ему хотѣлось услышать „слово“, за которымъ ушелъ онъ отъ артели въ „благородное семейство“ и котораго до сихъ поръ никто не сказалъ ему; онъ жаждалъ, когда покажутъ ему такое „большое дѣло“, которое для него было бы ясно, понятно и просто такъ же, какъ химическій опытъ Сережи, какъ таблица умноженія, которое было бы такъ же вѣско и реально, какъ монета въ рукѣ.

Вдругъ Пугаевъ пріостановился, пристально оглянулъ новый костюмъ Петра и съ какимъ-то страннымъ порывомъ сказалъ:

— Юноша, что васъ привело сюда, въ городъ? Что отняло васъ отъ родимой земли, отъ благодатной почвы, отъ сохи и бороны? Чья святотатственная рука бросила васъ въ эту кипятильню разврата, лжи, лицемѣрія?.. Я знаю, я знаю, что мнѣ отвѣтятъ. Мнѣ отвѣтятъ: здѣсь умъ, знаніе, богатство, сила, цивилизація, право... Пустыя, громкія слова! Печальное, горькое заблужденіе! Васъ, какъ дѣтей... Да, вы—дѣти, истинныя дѣти, невинныя и наивныя, и всякій, кто, по словамъ Спасителя, соблазнитъ единаго отъ малыхъ сихъ, достоинъ проклятія... Васъ, какъ дѣтей, обольщаетъ этотъ внѣшній блескъ... Васъ манятъ сюда, какъ бабочекъ, пламенемъ свѣта, чтобы вы обожгли себѣ крылья... Постойте... (Петръ нисколько не думалъ возражать ему, но говорить такъ Пугаевъ уже привыкъ). Неужели вы думаете, что въ немъ, въ этомъ внѣшнемъ блескѣ богатства и ума, есть сила?.. О, какъ вы ошибаетесь, юноша!.. Это несчастнѣйшіе, безумнѣйшіе люди... Ихъ терзаетъ вѣчная жажда неудовлетворенія, тоски, и чѣмъ больше стараются они залить въ себѣ огонь этой жажды, тѣмъ сильнѣе и сильнѣе она загорается... Но, погодите! вы, можетъ быть, скажете, что только чрезъ богатство я достигну спокойствія, только чрезъ него я могу быть полезенъ и другимъ; чрезъ него пріобрѣту силу и власть покорять подъ нози своя всякаго врага и супостата?.. Вы думаете, что этою *силой* сдѣлаете что-нибудь? Вы видите, какъ здѣсь „правители и заправители“, вооруженные правами и значеніемъ, повелѣваютъ судьбами людей — такъ въ этомъ, значитъ, и сила? Вотъ гдѣ и въ чемъ ставятъ вамъ идеалы!.. Нѣтъ, дорогой мой другъ,—съ еще большимъ чувствомъ, хотя нелишеннымъ обычной аффектаціи, продолжалъ Пугаевъ, понизивъ голосъ и беря Петра за руку, — *тамъ* ваши и наши идеалы... Понимаете? т.-е. тѣ ос-

новыя цѣли, къ которымъ мы должны стремиться,—*тамъ*, откуда бѣжали вы сюда, *тамъ*, у васъ, гдѣ оставлены вами святые труженики: ваши дѣды и отцы... Вотъ гдѣ и кто истинно счастливые и сильные люди! Вотъ кѣмъ мы должны стремиться быть! Вы не вѣрите мнѣ? Да?.. Вы говорите: чѣмъ и какъ могутъ быть сильны и счастливы эти бѣдняки, которые ходятъ въ рубищѣ и ѣдятъ черствый хлѣбъ?.. Они счастливы, другъ мой, сами въ себѣ, въ сердцѣ своемъ, они сильны, юноша, силой сердца, силой нравственной чистоты, они велики силой любви, терпѣнія и всепрощенія... Да, имъ теперь плохо, плохо потому, что идетъ изъ городовъ на нихъ соблазнъ; этотъ городъ развращаетъ ихъ, этотъ соблазнъ родитъ широкія, растлѣнныя потребности, эти потребности требуютъ удовлетворенія, но наступитъ время, и „люди деревни", эти подвижники труда, покорятъ весь міръ силой своей любви, своего терпѣнія и вѣкового смиренія... И когда придетъ время явиться Тому, Великому, который откроетъ людямъ очи ихъ сердецъ, когда Онъ озаритъ ихъ просіяніемъ, Онъ тамъ, у васъ, найдетъ своихъ первыхъ подвижниковъ, и оттуда прольется свѣтъ счастія и любви на все человѣчество!..

— Знаешь ли ты, юноша,—вдругъ заговорилъ онъ, быстро вставая и съ пылающими глазами подступая къ самому лицу Петра,—знаешь ли ты, что вотъ мы, мы—ученые, образованные, богатые, сильные, мы проклинаемъ свою жизнь, мы—мученики нашего ума, мы, несчастные страдальцы, бѣжимъ изъ городовъ къ *вамъ*, туда, къ твоимъ терпѣливымъ, смиреннымъ и наивнымъ отцамъ и дѣдамъ. Да, вотъ гдѣ мы хотимъ найти нравственное успокоеніе для себя, миръ для своей души, любовь для сердца и истинныхъ воспитателей нашихъ дѣтей... А почему?.. Потому, что я — я, образованный городской человѣкъ,—червь, тля, ничтожество предъ послѣднимъ изъ этихъ ратниковъ труда, предъ этимъ загнаннымъ, грязнымъ, пьянымъ чернорабочимъ... Бѣги, юноша, отсюда, бѣги, пока не поздно!.. Бѣги, откуда пришелъ ты, откуда вырвали тебя заблужденіе и жажда наживы... Здѣсь ты погибнешь, здѣсь развратятъ твою душу, ожесточатъ сердце, здѣсь, можетъ быть, дадутъ тебѣ и силу, и деньги, и власть, но только для того, чтобы ты вѣрнѣе убилъ своего брата... Если бы я былъ моложе, если бы я былъ сыномъ твоей тетки и твоего крестнаго отца, о, я уже давно бы порвалъ здѣсь всѣ связи, я разодралъ бы свои одежды, я отказался бы отъ всѣхъ преимуществъ происхожденія и состоянія, я бросилъ бы свое богатство и ушелъ бы туда, къ вамъ!.. Что ты такъ странно смотришь на меня? Надѣюсь, я ничего не сказалъ тебѣ особенно новаго, чего не говорили бы тебѣ твои отцы, чего, наконецъ, не читалъ бы ты въ тѣхъ „божественныхъ книгахъ", которыя давалъ тебѣ твой крестный?.. Впрочемъ, мы еще съ тобой поговоримъ объ этомъ... Поговоримъ основательно, много... Ты меня лучше узнаешь, лучше поймешь...

Онъ нѣсколько разъ пытливо взглянулъ въ лицо Петра и, замѣтивъ въ немъ признаки необычнаго волненія, съ удовольствіемъ приписалъ его благопріятному впечатлѣнію отъ своей рѣчи. Увы!—то было совсѣмъ другое. Мысли, высказанныя Пугаевымъ, съ такою аффектированною и какъ бы нѣсколько искусственною страстностью, были до такой степени невѣроятны и неожиданны для Петра, что, дѣйствительно, произвели на него впечатлѣніе: то былъ испугъ. Петръ вдругъ почувствовалъ, что у него изъ-подъ ногъ начинаетъ исчезать почва...

Что это такое? вдругъ, на все, что съ самыхъ юныхъ лѣтъ онъ понималъ ясно, опредѣленно, во что вѣрилъ беззавѣтно, на чемъ покоились его смутныя, но возвышавшія и оживлявшія его надежды и упованія, вдругъ на этотъ свѣточъ, такъ ярко озарявшій его собственную душу, на этотъ свѣтильникъ, осмыслившій предъ нимъ всю сложную жизненную процедуру и освѣщавшій ему твердый, прямой путь,—вдругъ на этотъ свѣточъ дунули—и онъ потухъ...

Когда онъ вышелъ отъ Пугаева, мысли его были такъ перемѣшаны, онъ чувствовалъ такую безпомощность, что вдругъ ему захотѣлось уйти куда-нибудь, въ такое мѣсто, гдѣ бы разсѣялся этотъ еще больше сгустившійся надъ нимъ туманъ, гдѣ бы все для него снова стало понятно, ясно.

По странной ли случайности, или просто по безсознательному впечатлѣнію отъ рѣчи Пугаева, онъ попалъ не домой, а въ дергачевскую артель. Область инстинктовъ темна... Какъ знать! можетъ быть, противъ безпомощности инстинктъ заставлялъ искать спасенія именно тамъ, гдѣ

меньше всего находило его сознаніе. Не такъ ли иногда сильный умъ, терзаемый печалью и уставшій въ умственной борьбѣ, ищетъ успокоенія въ наивномъ лепетѣ дѣтей; не такъ ли много испытавшій путникъ, послѣ долгихъ-долгихъ странствованій по отдаленнымъ странамъ, гдѣ созерцалъ онъ роскошныя картины величественной природы, спѣшитъ въ сѣренькую мѣстность своей убогой родины, къ своимъ посѣдѣлымъ, наивно-дѣтскимъ и безпомощнымъ старикамъ?

Всю артель Петръ засталъ въ такомъ критическомъ положеніи, что прихода его почти никто не замѣтилъ, а самъ онъ переступилъ два шага за порогъ и остановился, словно въ столбнякѣ. Онъ не понималъ, что такое творилось предъ нимъ. Въ узкой, длинной, сырой квартирѣ, едва освѣщаемой нагорѣлою сальною свѣчей, стоялъ гвалтъ отъ цѣлаго десятка голосовъ; мужицкія фигуры, загнанныя въ одно мѣсто, толкались, качались, махали руками; кто-то валялся на полу и стоналъ; кто-то, стоя въ углу, проводилъ широкою ладонью по окровавленной щекѣ и бородѣ, взглядывалъ на кровь и начиналъ всхлипывать. Кто-то въ форменномъ сюртукѣ, съ длинными черными баками, кричалъ пронзительною фистулой и волновался; въ ногахъ у него валялся Лимподистъ, и изъ зубовъ, сквозь усы, у него тоже сочилась кровь.

— Ваше благородіе... извините, ради самого Господа!..—выкрикивалъ онъ.— Свое дѣло... Подрались... Ваше бл—діе, Богъ дастъ, очухаемся... Пройдетъ... Все будетъ въ порядкѣ!.. Извините насъ, пожалуйста... Мы было поучить другъ друга хотѣли, потому какъ доносители промежъ насъ проявились...

Лимподистъ проводилъ рукой по рту, выплевывалъ на нее слюну съ кровью, и, сбросивъ ее на полъ, принимался опять:

— Ваше бл—діе... Будьте милостивы!.. работа у насъ теперича... Невустойка будетъ... Мы вамъ въ другомѣстъ отслужимъ... отсидимъ когда ежели посвободнѣе... Вѣрьте нашей совѣсти...

— Ахъ вы, разбойники, пьяницы!.. А!.. Звѣри вы эдакіе!.. Что вы раскровянились, голодные черти?.. Будетъ ли отъ васъ спокой-то?.. Берите ихъ, берите!.. Забирай ихъ въ холодную!.. — кричалъ форменный господинъ.—Принимай, держи!—выкрикивалъ онъ въ волненіи, схватывая за шивороты и лохматки бородатыхъ дергачевцевъ и выталкивая ихъ къ дверямъ, гдѣ дюжіе подчастки связывали имъ назадъ руки.—Принимай!—кричалъ взбѣшенный господинъ, какъ расходившійся геркулесъ предъ полчищемъ пигмеевъ, и схватилъ за шиворотъ Петра. Только тутъ, въ испугѣ, очнулся Петръ.

— Я не здѣшній, ваше бл—діе!—жалобно прокричалъ онъ, но тутъ же, вслѣдъ за здоровою тукманкой кого-то въ загривокъ, вылетѣлъ изъ дверей прямо въ сѣни.

— Не нашъ, точно, онъ не здѣшній, ваше бл—діе!.. Насъ бери... а онъ не здѣшній!.. Это вѣрно. Онъ ужъ другой человѣкъ... Надо правду говорить,—долетѣли до слуха Петра слова Лимподиста, когда Петръ пустился безъ оглядки бѣжать изъ сѣней во дворъ, со двора на улицу... и такъ вплоть до своей квартиры. Какъ будто вдругъ налетѣвшій вихрь несъ его стремительно и неудержимо, не давъ вздохнуть, очнуться... „Не здѣшній!“—вотъ гдѣ спасеніе. И самъ Лимподистъ говорилъ то же.

Такой же, должно быть, внезапно налетѣвшій вихрь очистилъ и сумрачное небо, нависшее было надъ семьей Ивана Степаныча Дрекалова. Когда вернулся Петръ, онъ, къ удовольствію, замѣтилъ, что въ домѣ было весело. Иванъ Степанычъ смѣялся и что-то кому-то съ жаромъ разсказывалъ. Серебристые голоса Вѣры и Лизы зазвенѣли весело опять по всему дому. Петръ думалъ, что снова въ передней Ивана Степаныча появились кульки грузинскихъ князей, снова молодежь загудѣла въ зальцѣ, и ему вдругъ такъ захотѣлось опять вздохнуть этимъ одуряющимъ, захватывающимъ душу воздухомъ.

Онъ непринужденно отворилъ дверь и вошелъ въ залу на правахъ „своего“ человѣка.

— Вотъ, батюшка, приберегъ для дорогого случая... Три года въ погребѣ лежалъ!—восторженно проговорилъ Иванъ Степанычъ, выходя въ это время изъ противоположныхъ дверей и неся высоко въ вытянутыхъ рукахъ двѣ бутылки вина. Но вдругъ, замѣтивъ Петра, онъ смутился и, поставивъ бутылки на столъ, спросилъ: „ты ужъ пришелъ?..“ И любопытно, что его не столько смутилъ самый приходъ

Петра, сколько то, что онъ увидалъ у него въ рукахъ бутылки.

— Я ужъ давно...—проговорилъ Петръ, но тоже замялся, замѣтивъ смущеніе на лицѣ и Ивана Степаныча, и Вѣры, и даже Лизы. Всѣ какъ-то вдругъ неловко замолчали. Вѣра даже чуть-чуть поблѣднѣла. На диванѣ предъ столомъ, уставленнымъ закусками, сидѣлъ безукоризненно и изящно одѣтый господинъ, не первой уже молодости, съ роскошною, бархатною черною бородой, и, прищуривъ глаза, сквозь пенснэ упорно смотрѣлъ на Петра, какъ бы дожидаясь, когда ему объяснятъ причину появленія этого молодца.

Но, какъ всегда бываетъ съ очень добрыми людьми, они рѣдко находчивы; отрекомендовать „мужика" своимъ человѣкомъ въ благородномъ семействѣ, въ то время, когда надо было поддержать именно дворянское реномэ передъ незнакомымъ еще человѣкомъ, представлялось слишкомъ большимъ самопожертвованіемъ, а лучшаго ничего придумать не спохватились. Иванъ Степанычъ счелъ за благо тотчасъ же скрыться въ другія комнаты зачѣмъ-то, а прочіе продолжали томительно молчать; только Лиза, когда Петръ сѣлъ у дверей, задала ему какой-то вопросъ, да и тутъ вся вспыхнула отъ досады, что не могла ничего придумать лучше, чтобы вывести Петра изъ затрудненія. Петръ не успѣлъ еще отвѣтить, какъ въ дверную щель послышался шопотъ Өедосьи, вызывавшей его „на секундую" за дверь.

Онъ вышелъ и Өедосья, протащивъ его нѣсколько шаговъ за рукавъ по корридору, шопотомъ же сообщила:

— Ты бы къ себѣ пошелъ теперь... Посидѣлъ бы, занялся бы чѣмъ ни то смирненько... Теперь имъ не до тебя.. Жениха угощаютъ... Ступай, Богъ съ тобой, въ свой уголъ, сиди смирненько... Самоваръ, что ли, тебѣ наставить?

— Нѣтъ, не надо... Я гулять пойду,—буркнулъ Петръ и, схвативъ шапку, выбѣжалъ на улицу. Потребность хоть какого-нибудь забвенія сказывалась все сильнѣе и сильнѣе. Онъ чувствовалъ, что разобраться въ запутывавшей его массѣ впечатлѣній ему становится невозможнымъ. А, между тѣмъ, томительно ноющая боль и изнеможеніе въ организмѣ сказывались все сильнѣе и сильнѣе; нервы становились раздражительнѣе, во всемъ тѣлѣ чувствовался зудъ. Онъ завернулъ въ трактиръ, заказалъ пива, и, сѣвъ около билліарда, пилъ бутылку за бутылкой, и только когда въ его головѣ всталъ окончательный туманъ, онъ вернулся домой и бросился на кровать. Но сонъ его былъ коротокъ, неспокоенъ и полонъ сновидѣній: то ему снился Пугаевъ, и жалобно глядѣлъ въ его глаза, схватывалъ его руку и увлекалъ за собою въ какую-то пропасть; изъ этой пропасти слышались стоны, мольбы, выкрики пьяныхъ, виднѣлись разбитыя, окровавленныя скулы, дикіе, пьяные глаза, и тутъ же эти глаза вдругъ превращались въ пытливые, сладострастные, волнующіе глаза Вѣры, а Вѣра превращалась въ какую-то другую дѣвицу, съ толстыми, бѣлыми, маслянистыми, голыми руками, обвивавшими его шею... И потомъ опять Пугаевъ, опять пропасть—и такъ безконечно. Еще было темно, когда онъ, съ тяжелою головой, съ дрожью во всемъ тѣлѣ, проснулся отъ какой-то боли... Только теперь онъ узналъ ясно, что былъ боленъ.

У Дрекаловыхъ шли праздники чуть не каждый день. Господинъ съ роскошною бархатною бородой сидѣлъ у нихъ уже съ утра до вечера. Аполлинарія Петровна не снимала своего парадного чепца, Иванъ Степанычъ—вицъ-мундира; Вѣра и Лиза были заняты то какими-то чрезвычайными приготовленіями, то развлеченіемъ новаго гостя. О Петрѣ некогда было и вспомнить. Только Иванъ Степанычъ часто, про себя, вспоминалъ его и терзался какою-то, очевидно, непріятною для него мыслью. Онъ, иногда, по утрамъ, ѣздилъ куда-то искать денегъ, но всегда пріѣзжалъ или ни съ чѣмъ, или только съ такимъ количествомъ, на которое можно было купить лишь приличное угощеніе для будущаго зятя. Впрочемъ, вспомнили его и еще по нѣкоторому поводу: Өедосьѣ было строго наказано не подавать барской посуды Петру. Брезгливая Вѣра боялась „заразы" отъ больного мужика, „который могъ Богъ знаетъ что принести съ собой".

Утромъ, въ одно воскресенье, Петръ, пошатываясь, съ неестественно возбужденнымъ выраженіемъ на лицѣ, отворилъ дверь въ залу и остановился на порогѣ.

Всѣ были изумлены его неожиданнымъ появленіемъ и разстроеннымъ видомъ: онъ казался выпившимъ. Иванъ Степанычъ смутился, а за нимъ смутились и Вѣра, и Лиза, по взгляду отца уже догадавшись, въ чемъ могло быть дѣло. Лиза въ душѣ искренно негодовала на отца, и ей жаль было Петра.

— Ты что?—проговорилъ Иванъ Степанычъ, стараясь побороть смущеніе.

— Пожалуйте деньги...

— Да говорятъ тебѣ: подожди... Я теперь, видишь, занятъ...

— Да, вѣдь, вы сами сказали, что сегодня.

— Ну, сказалъ... Ну, что жъ изъ этого?.. Если мнѣ некогда... Нужели ты не можешь понять?..

— Это недолго-съ... Если онѣ у васъ...

— Да... погоди!—закричалъ не своимъ голосомъ Иванъ Степанычъ.—Какая, братецъ мой, ты—неделикатная... свинья,—выговорилъ онъ раздраженно.

Петръ пошатнулся и закусилъ губу. Его большие, ввалившіеся глаза засверкали. И вдругъ, въ это мгновеніе, глаза его встрѣтились съ глазами господина съ бархатною бородой: онъ какъ будто его гдѣ-то видѣлъ... Господинъ съ бархатною бородой продолжалъ съ большимъ любопытствомъ наблюдать черезъ пенснэ происходившую сцену.

— Какъ вамъ угодно, пожалуйте мои деньги,—твердо и настойчиво выговорилъ Петръ.—Я хочу на новую квартиру.

„Какіе *они*, однако, суровые!"—подумала мягкосердая Лиза.

— Да понимаешь ли ты, глупый, что я могу тебя прогнать и не дать тебѣ ни полушки?.. Вѣдь, у тебя нѣтъ документовъ?.. Но я благородный человѣкъ, не допущу и мысли подобной. Я говорю тебѣ, что завтра отдамъ,—убѣждалъ его выходившій изъ себя и весь покраснѣвшій Иванъ Степанычъ.

— Если вы благородный человѣкъ, то зачѣмъ же, сказавши...

— Ахъ, Бболсе мой, Бболсе!.. Вотъ еще несчастіе Богъ наслалъ на мою старую голову!—съ искреннимъ чувствомъ вскричалъ Иванъ Степанычъ, боясь, чтобы у Петра не сорвалось роковое слово.

Онъ былъ поистинѣ въ ужасномъ положеніи. Такой скандалъ передъ постороннимъ человѣкомъ, отъ котораго зависѣла судьба, можетъ быть, всѣхъ ихъ!.. Вѣра была блѣдна, кусала губы и смотрѣла на Петра съ такою злобой, что, казалось, готова была броситься на него и выцарапать ему глаза. Но Петръ не замѣчалъ этого: онъ все смотрѣлъ на гостя и припоминалъ, гдѣ онъ его видѣлъ, а, между тѣмъ, однообразно и монотонно говорилъ: „Пожалуйте деньги... Мнѣ необходимо!"

— Нѣтъ, я больше не могу!.. Я съ ума сойду!.. И это — деревенскій мальчишка, мужикъ! — вскричалъ Иванъ Степанычъ, въ отчаяніи опускаясь въ кресло.

— Это ужасно!—проговорила Вѣра, въ волненіи поднявшись со стула.

— Ради Бога... уйдите!.. Подождите!—вся розовая, съ вспыхнувшими щеками, умоляюще подошла къ Петру и шепнула Лиза.

— Пожалуйте деньги-съ... Мнѣ необходимо... Я ужъ недѣлю жду.

„Нѣтъ, онъ, несчастный, погибъ! онъ—кулакъ!"—съ скорбнымъ выраженіемъ въ своихъ добрыхъ глазахъ подумала, отходя отъ него, Лиза.

— Во-онъ!—вдругъ протяжно проговорилъ, медлено поднимаясь съ дивана, господинъ съ бархатною бородой и величественнымъ жестомъ указалъ Петру на дверь.

Петръ въ изумленіи взглянулъ на гостя—и вдругъ узналъ его. У Петра пробѣжала по губамъ усмѣшка: то былъ одинъ изъ „таинственныхъ незнакомцевъ", нѣкогда пресмыкавшихся около „высшей инстанціи" дома Башмакова и К°.

— Во-онъ!—неистово загремѣлъ, уже вскакивая изъ-за стола, „таинственный незнакомецъ", и протянулъ было руку къ Петру.

— Битый!—выкрикнулъ Петръ съ какимъ-то лихорадочнымъ смѣхомъ. — Съ лѣстницы спустили!.. Го-го-го!.. — кричалъ онъ.

„Таинственный незнакомецъ" поблѣднѣлъ и на секунду какъ бы потерялъ сознаніе, но тотчасъ же бросился на Петра и схватилъ его за воротъ.

— Не пойду! — кричалъ Петръ.—Отдайте деньги! Ахъ, вы... Что вы со мной сдѣлали? Что вы со мной дѣлаете? Я думалъ... А вы такая же саранча... Ахъ, вы...

У Петра подступили къ горлу слезы и онъ истерически зарыдалъ.

— Бейте его, бей! — кричалъ „таинственный незнакомецъ", стараясь оторвать отъ себя Петра, который вцѣпился ему въ горло, какъ настоящій волченокъ. Да, Петръ былъ въ эту минуту дѣйствительнымъ бѣшенымъ волченкомъ. Его больное, блѣдное лицо совсѣмъ исказилось злобой, остервенѣніемъ, бѣшенствомъ, между тѣмъ какъ по щекамъ струились слезы.

Боровшіеся неожиданно, среди криковъ женщинъ и Ивана Степаныча, очутились за дверями, сперва на крыльцѣ, потомъ на улицѣ. Петръ замеръ на груди „таинственнаго незнакомца", и тотъ не въ си-

лахъ былъ отъ него освободиться. На улицѣ собралась толпа, прибѣжали дворники, полиція. Петра оттащили, но онъ былъ уже въ изступленіи: онъ бросался на всѣхъ, кто только попадался ему. Онъ вцѣпился уже въ горло полицейскаго, сорвалъ его погоны, изодралъ мундиръ... Его стали бить... Онъ уже не считалъ, не чувствовалъ, сколько ударовъ пришлось на его долю. Онъ очнулся окровавленный, избитый и связанный въ частномъ домѣ.

Сырая, вонючая комната гдѣ-то подъ сводами лѣстницы; тусклый, загрязненный масляный фонарь; запахъ махорки, полушубковъ и пота; топотъ десятка ногъ и ругань. Петръ лежалъ на полу. Передъ нимъ суетились солдаты съ небритыми бородами и торчащими подстриженными усами, въ ситцевыхъ рубахахъ, запущенныхъ въ брюки съ красными кантами. Одинъ развязывалъ ему руки, поворачивая съ боку на бокъ, какъ колоду, другой стаскивалъ сапоги.

— За что меня били?.. Что я сдѣлалъ?.. Мои деньги, мои кровныя... Я своихъ просилъ... За что меня такъ били?—невольно спросилъ Петръ, почувствовавъ страшную боль и въ спинѣ, и въ бокахъ, и въ головѣ.

— А за то, что не ходи пузато!—сказалъ солдатъ, стаскивавшій съ него сапоги. — Экій, стерва, бѣшеный какой!.. Всякое поведеніе потерялъ... Егорова, братецъ, совсѣмъ было задушилъ... Еще мальчишка, а зелье какое! Ну, поворачивайся! — прибавилъ солдатъ и сталъ тащить съ него сначала пиджакъ, потомъ брюки и, наконецъ, нижнее бѣлье.

— Что же это будетъ?—со слезами въ голосѣ выговорилъ Петръ.

— А вотъ ужо увидишь, какъ очухаешься.

Солдаты вдругъ подняли его подъ мышки, встряхнули и быстро втолкнули за какую-то дверь, которая тотчасъ захлопнулась вслѣдъ за словами: „Прохоровъ! прими!“

Кто-то схватилъ Петра за плечо, словно желѣзными клещами, и швырнулъ, какъ собаченку, въ уголъ такъ сильно, что онъ ударился лбомъ въ стѣну. Петръ хотѣлъ было вскрикнуть, огрызнуться, какъ въ это время въ небольшое отверстіе двери раздался опять крикъ: „Староста! прими!“—и вслѣдъ за этимъ въ дверь было втолкнуто новое человѣческое тѣло: то былъ парень съ краснымъ лицомъ, воспаленными глазами, съ большою, встрепанною лохматкой на головѣ, въ истерзанной, впсѣвшей клочьями, рубахѣ. Онъ стоналъ въ какомъ-то изступленіи и, дико выкрикивая, вырывался изъ „принявшихъ“ его рукъ „камернаго старосты“.

— Ахъ ты, стерва!.. Такъ ты еще все не угомонишься?—крикнулъ староста, высокій, худой, съ просѣдью и дерзкимъ, самоувѣреннымъ взглядомъ арестантъ.— Ребята, качай!

Вслѣдъ за этимъ окликомъ моментально поднялись съ деревянныхъ наръ, на которыхъ теперь замѣтилъ Петръ цѣлый рядъ лежавшихъ одна съ другой человѣческихъ фигуръ, три или четыре здоровыхъ арестанта.

Раздались глухіе, частые удары въ человѣческое мясо; что-то тяжелое, какъ туго набитый мѣшокъ, летало на здоровыхъ кулакахъ съ нары на нару; пронеслись разъ, другой раздирающіе душу выкрики, и затѣмъ тѣло парня тяжело шлепнулось на полу около Петра, какъ трупъ.

— Убили!.. Что вы сдѣлали?—вскрикнулъ подъ вліяніемъ безотчетнаго испуга Петръ, отскочилъ отъ тѣла, въ которомъ онъ, къ ужасу, призналъ одного изъ дергачевцевъ.

— Молчать!—крикнулъ староста.

У Петра подкосились ноги, онъ весь съежился и задрожалъ, какъ собаченка подъ заборомъ, и присѣлъ въ самый дальній уголъ камеры. Его объялъ приливъ трусости, безпомощности, безотчетнаго страха, какого никогда въ жизни, ни раньше, ни послѣ, онъ уже не ощущалъ.

Утромъ кто-то толкнулъ его ногой въ бокъ. Онъ проснулся на полу, подъ вліяніемъ тѣхъ же ощущеній страха и безпомощности, тѣмъ болѣе, что въ его организмѣ, вслѣдствіе реакціи предшествовавшему возбужденію, чувствовался полный упадокъ энергіи и силы. Петръ безропотно, автоматично повиновался всему, что ему приказывали. Его только тревожила мысль, какъ бы не узналъ его парень-дергачевецъ. Но парня уже не было: его свезли въ больницу. Въ той же камерѣ подъ сводами лѣстницы, гдѣ его вчера раздѣвали, ему приказали одѣться. Онъ уже надѣлъ сапоги, штаны и взялся за пиджакъ, какъ вдругъ въ его воспоминаніи всталъ цѣлый рядъ тѣхъ свѣтлыхъ, веселыхъ, упоительныхъ картинъ, когда въ этомъ „пиджакѣ“ онъ въ первый разъ такъ полно созналъ себя вполнѣ человѣкомъ.

Припомнился ему тутъ, какъ-то странно, Филаретушка съ своимъ восхваленіемъ „пинжака". И, о ужасъ! на спинѣ этого пинжака онъ замѣтилъ большой, начертанный мѣломъ, кругъ съ крестомъ посрединѣ!.. Безотчетно, не зная, что онъ дѣлаетъ, Петръ принялся плевать на этотъ кругъ и быстро вычищать его рукавомъ рубахи.

— Что за самоуправство?—окрикнулъ его старшій полицейскій.—Развѣ ты можешь нарушать порядокъ?

— Дяденька... я вытру! — съ мольбой въ глазахъ проговорилъ Петръ.

— Развѣ можно противъ порядка?.. Вишь, какой!.. Вотъ поведу къ мировому—тамъ какое рѣшеніе будетъ, тогда и вытрешь... Надѣвай!

— Дяденька... Ради Христа!.. Тебѣ все одно... Дяденька, какъ я пойду? — вдругъ залепеталъ весь взволнованный, дрожащій Петръ, упавъ старому унтеру въ ноги.

— Экой глупый!.. Ну, глупый же! Ровно малый ребенокъ... Да чего тебѣ изъ эстого? Какой антересъ? Баринъ ты, что ли?— добродушно спрашивалъ смущенный старикъ.—Пожалуй, вытирай!.. Не жалко...

Петръ опять бросился къ пиджаку, но полицейскій мѣлъ, вареный на маслѣ, такъ крѣпко въѣлся въ сукно, что, при всемъ усиліи Петра, бѣлый кругъ поблѣднѣлъ очень незначительно.

— Петровъ, подай арестанта! — крикнули изъ канцеляріи.

— Живо, живо! Вишь, закопались, — заторопился старый унтеръ и сталъ толкать Петра впередъ себя въ спину.

Петръ на ходу натягивалъ пиджакъ, а по лицу его катились неудержимо слезы. Къ мировому черезъ все Москворѣчье, при всемъ Божьемъ свѣтѣ, мимо знакомыхъ!.. Господи, какой позоръ! Но его еще поддерживала тайная мысль, что онъ будетъ отомщенъ на судѣ, что онъ разскажетъ все: и про „таинственнаго незнакомца", и про Ивана Степаныча, и про Вѣру, и про Пугаева. „Я ихъ осрамлю! Я ни за чѣмъ не постою!" Онъ не могъ себѣ ясно представить, какъ бы онъ могъ ихъ „осрамить", но чувствовалъ только неудержимую жажду мести... Для него исчезло различіе между всѣми ними: всѣ они слились для него въ нѣчто общее... За грѣхи и добродѣтели *одного* въ его глазахъ были отвѣтственны *всѣ*.

Однако, онъ былъ лишенъ и этого послѣдняго удовольствія: на судъ не явился никто изъ знакомыхъ, и только, вмѣсто „таинственнаго незнакомца", пришелъ его повѣренный — какой-то старый пьянчуга отъ Иверской, а отъ полиціи—городовой съ книжкой и рапортомъ... Это было уже полное оскорбленіе... У Петра защемило сердце... Онъ смиренно, не говоря ни слова въ оправданіе, выслушалъ постановленіе, приговорившее его къ тремъ дня ареста при полиціи за буйство, но подъ видимымъ смиреніемъ затаилъ въ душѣ своей тайную, глубокую злобу ко *всѣмъ, ко всѣмъ имъ*.

V.

Лампадное сіяніе начинало мерцать все болѣе и болѣе таинственно и чарующе, чѣмъ больше сгущались сумеречныя тѣни въ новой квартирѣ Петра. Онъ лежалъ навзничь на кровати, подложивъ руки подъ голову и не спуская глазъ съ лампады. Мѣрный, нѣсколько торжественный, неторопливый голосъ старика, читавшаго Четьи-Минеи, раздавался изъ сосѣдней комнатки, какъ будто откуда-то издалека, изъ невѣдомой сферы... И вотъ наплывали на Петра все сильнѣе и сильнѣе врачующія и умиляющія волны этой торжественной тишины, и его слабый, разбитый, усталый организмъ жадно какъ будто впивалъ въ себя эти животворящія волны. Наслажденіе отдыха ощущалось всѣми его порами. Мало-по-малу и мысли Петра приняли мирное, спокойное теченіе. Подъ размѣренное чтеніе старика въ его воображеніи вставало его дѣтство, это трезвое, строгое дѣтство, проведенное то въ мирной, суровой тишинѣ кельи Ульяны Мосевны, то среди ясной, реальной, понятной и постижимой до малѣйшихъ подробностей, строго-суровой жизни Еремѣя Строгаго... Петръ забывался въ этихъ картинахъ, сердце билось равномѣрными и полными ударами, отяжелѣвшія вѣки пріятно смыкались. Мало-по-малу, за завѣсой лампаднаго блеска безслѣдно исчезали волнующія, непонятныя, пугающія, полныя противорѣчій картины иной, только что пережитой жизни, подобной вязкому, безконечному болоту, которое манитъ блестящимъ ярко-зеленымъ ковромъ и блуждающими огнями несчастнаго путника все дальше и дальше, а у него подъ ногами, какъ волны, опускается и подымается почва, онъ вязнетъ, утопаетъ, задыхается въ рыхлыхъ провалахъ, безпомощный и потерявшійся...

Слава Богу! Все это далеко гдѣ-то осталось позади, за туманомъ, и твердая нога теперь уже ощущаетъ подъ собой прочную, устойчивую почву... Кругомъ все принимаетъ ясный, реальный смыслъ. А *туда* уже нѣтъ и не можетъ быть возврата, какъ нѣтъ этого возврата изъ загробнаго міра.

Вдругъ кто-то стукнулъ въ дверь. Старикъ оборвалъ чтеніе. Петръ очнулся изъ забытья и сталъ прислушиваться. Вотъ еще стукнули. Петръ поднялся и, далекій отъ какихъ-либо „предчувствій", отперъ дверь.

— Такъ вотъ вы гдѣ, юноша! — раздался за дверью знакомый голосъ. — А мы васъ искали. Ну, наконецъ, я вижу васъ.

Передъ Петромъ за дверью показалось доброе лицо Пугаева, а за нимъ Лиза... Петръ вдругъ задрожалъ отъ неожиданно охватившаго его страха и ужаса.

— Не надо-съ!.. Не желаемъ-съ!..— выкрикнулъ онъ, не помня себя, быстро захлопнулъ дверь и дрожащею рукой наложилъ крючекъ.

Изъ сосѣдней комнаты вышелъ старикъ со свѣчкой и освѣтилъ блѣдное, какъ полотно, лицо Петра.

— Къ тебѣ, что ли? — спросилъ старикъ.

— Да...

— Кто такіе?

— Такъ... *проживальщики*, — безотчетно отвѣтилъ Петръ, но этимъ словомъ онъ на всю жизнь запечатлѣлъ въ своей душѣ цѣлый рядъ человѣческихъ фигуръ, съ которыми случайно столкнула его судьба.

Пугаевъ и Лиза, смущенные и взволнованные, тихо шли по Лужницкой улицѣ; скорбное выраженіе легло на ихъ лица.

— Несчастный, — сказалъ Пугаевъ, — онъ ужъ слишкомъ одержимъ бѣсами, и борьба будетъ трудна... Но я еще попытаюсь... Вотъ, сударыня, — внушительно прибавилъ онъ, — вотъ какія суровыя натуры выдѣлываетъ городъ изъ „дѣтей народа"!

Чудакъ-мечтатель и не думалъ, что сказалъ этимъ смертный приговоръ и себѣ.

А, между тѣмъ, въ квартирѣ Петра лился попрежнему лампадный блескъ, попрежнему, раздавались торжественныя слова знакомой „божественной книги", попрежнему, врачующая тишина мало-помалу обнимала душу Петра. Тихо, незамѣтно вырабатывался въ ней, въ этой потрясенной душѣ новый укладъ...

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

МЕЖДУ СТАРОЮ И НОВОЮ ПРАВДОЙ.

ГЛАВА I.

Дѣти полей.

I.

Въ августѣ благодатные дни иногда выпадаютъ нашей деревнѣ, когда воздухъ такъ чистъ, что стоящія на самомъ краю горизонта бѣлыя сельскія церкви кажутся прозрачными, какъ будто вылиты онѣ изъ яраго воску, когда облачка нѣтъ на водянисто-лазурномъ небѣ, когда солнце одно торжественно-плавно плыветъ по немъ и словно пристально смотритъ на пригрѣтыя имъ деревенскія нивы. Обыкновенно, съ утра до заката, пуста и безмолвна въ эти дни деревенская улица. Тутъ никого нѣтъ — ни взрослыхъ, ни малыхъ, ни старика, ни младенца. Въ избахъ окна закрыты, ворота замкнуты, живого движенія почти не видать, и только одинъ старый вязъ медленно качаетъ своею удрученною вѣками вершиной. А, между тѣмъ, слышишь, какъ невнятный, но сплошной гулъ жизни несется непрерывно справа, слѣва, сзади: слышишь скрипъ тяжело нагруженныхъ возовъ, фырканье лошадей, окрики мужиковъ, плачъ грудныхъ дѣтей, звонкіе голоса деревенской молодежи, иногда ея здоровый, переливчатый смѣхъ, или высокій фальцетъ матерей, раздраженно покрикивающихъ на забаловавшихся ребятишекъ. И весь этотъ гулъ человѣческой жизни такъ же несмолкаемо виситъ въ воздухѣ, какъ гулъ пчелъ на пасѣкѣ; какъ будто все живое выбралось изъ деревни и гдѣ-то тамъ, за околицей, расположилось шумнымъ становищемъ кругомъ. Чувствуешь, что стоишь въ центрѣ какого-то жизненнаго процесса, въ которомъ не участвуешь, но который какою-то непостижимою властью подчиняетъ себѣ. Самый деревенскій воздухъ въ это время такъ полонъ раздражающей кровь ароматичности: чѣмъ ближе къ деревнѣ, тѣмъ онъ влажнѣе, теплѣе, гуще и пахучѣе, какъ будто входишь въ просторную сѣнницу, набитую свѣжимъ, только что привезеннымъ сѣномъ, такъ что еще кругомъ не успѣла осѣсть мелкая пахучая пыль сѣнной трухи. Чувствуешь, какъ эта пыль непримѣтными для глазъ облаками носится надъ всею деревней, а надъ гумнами за околицей, гдѣ теперь сосредоточилась вся деревенская жизнь, къ этой ароматической сѣнной пыли прибавились облака золотистыхъ усиковъ отъ ржаныхъ колосьевъ, которые искрятся въ солнечныхъ лучахъ, какъ снѣжинки въ ясный морозный день. Все это образуетъ ту смѣшанную, сытную, хлѣбную атмосферу сельской страды, которой дышитъ грудь земледѣльца и которая, несомнѣнно, представляетъ одинъ изъ животворныхъ элементовъ деревенской природы, возстановляющихъ народныя силы изъ-подъ гнета горя, нужды и мрака.

Наша деревня лежитъ въ неглубокой ложбинѣ, на берегу небольшого озера, окруженная цѣпью холмовъ. Если войти на одинъ изъ нихъ, то картина, которая сразу откроется предъ глазами, объяснитъ все: и пустынность деревенской улицы, и сплошной немолчный гулъ окрестныхъ полей, и захватывающую, всепокоряющую силу этого массоваго гула. Тамъ и здѣсь, на вершинахъ холмовъ и по берегамъ озера раскинулись ея сосѣдки: онѣ видятъ ее всю, цѣликомъ, до послѣдняго угла, она видитъ ихъ, все, что дѣ-

лается въ каждой изъ нихъ. Тутъ все открыто, все ясно, все на глазахъ у Божьяго солнца. Теперь, въ страду, жизнь деревни ушла отъ центра къ периферіи: какъ кровь изъ сердца, разлилась она по жиламъ организма, до самыхъ крайнихъ его предѣловъ, и оживила собою все, и претворила въ себя все мертвое, и всему придала цѣнность и смыслъ, и обратнымъ потокомъ понесла освященные ея прикосновеніемъ дары земли къ общему вмѣстилищу — сердцу. Медленно движется этотъ обратный потокъ. По бокамъ холмовъ скользятъ высоко навьюченные возы сноповъ. Вокругъ пустынныхъ избъ мало по-малу образуется сплошной пестрый вѣнокъ: какъ золотыя короны, вырастаютъ одинъ за другимъ скирды свѣжаго хлѣба. А между ними снуютъ непрерывною связующею цѣпью бѣлыя, красныя и синія рубахи вернувшихся съ полей жнецовъ и жницъ. Деревенская птица хлопотливо носится тучами тутъ же. Все живое сгрудилось здѣсь, вокругъ этихъ, растущихъ все выше и выше, хлѣбныхъ гигантовъ; все живетъ и чувствуетъ здѣсь ими; душа мужика растетъ и переполняется по мѣрѣ того, какъ растутъ эти скирды. Здѣсь все дышитъ этою ароматическою, сытною, хлѣбною пылью, которая носится въ воздухѣ; все собралось здѣсь теперь, что прежде жило и задыхалось въ душной избѣ: здѣсь всѣмъ дѣло, всѣмъ воздухъ, всѣмъ надежда.

Вотъ онъ, этотъ хлѣбъ, этотъ даръ природы за тяжелый трудъ, вотъ онъ здѣсь, передъ глазами, подъ защитой, укрытый отъ непогоды и стихіи!

— Слава Создателю! — выговариваютъ старики и морщинистыми бурыми руками истово осѣняютъ себя крестомъ. —Натко-сь, солнышко-то красное цѣлую недѣлю грѣло и свѣтило, ровно фонарь: хоть бы тебѣ облачко одно его заволокло. Вотъ что шаръ по синему стеклу катилось...

— Слава Создателю!—вторятъ, подходя другъ къ другу, сосѣди, весело смотря на собравшіяся около скирдовъ пестрыя группы своихъ молодыхъ поколѣній.

Имъ весело смотрѣть на молодыхъ матерей, которыя усѣлись теперь въ тѣни скирдовъ съ грудными младенцами, окруженныя стаей ребятишекъ, наголодавшихся, набоявшихся и наболѣвшихъ за лѣто, вмѣстѣ съ матерями, оторванными отъ нихъ съ ранняго утра до поздней ночи лѣтнею страдой.

Теперь имъ не зачѣмъ уходить отъ дѣтей, теперь вся жизнь будетъ здѣсь, „на задахъ“, за околицей, около высокихъ скирдовъ.

— Вотъ вамъ и матери пришли. Всѣ живы будемъ!— выговариваютъ старики поглаживая бѣлокурыя головы внуковъ.

Имъ весело смотрѣть и на подростковъ, которые то съ торжественною медленностью съ разныхъ концовъ подъѣзжаютъ къ скирдамъ, лежа на высокихъ возахъ сноповъ, то ухарски мчатся порожняками въ пустѣющія съ каждымъ часомъ поля за новыми снопами.

Имъ весело смотрѣть и на здоровыхъ бородатыхъ большаковъ, навивающихъ скирды. Быстро летаютъ кверху въ могучихъ рукахъ желтые снопы, оставляя въ бородахъ и на головѣ мужиковъ обломанные колосья. Потъ градомъ катится съ усталыхъ лицъ. Растегнутыя груди усиленно дышатъ и бурѣютъ на солнечномъ припекѣ.

Вотъ высокій, здоровый парень, въ красной рубахѣ, съ бѣлою лохматкой кудрявыхъ волосъ, съ широкимъ лицомъ, пылающимъ жаромъ, налившимся кровью, стоитъ на верхушкѣ заканчиваемаго одонья и, быстро схватывая то спереди, то съ боковъ, то сзади летающіе кверху снопы, усиленно укладываетъ ихъ по окружности. Онъ весь какъ-то напряженно, лихорадочно, до потери сознанія погруженъ въ работу; безъ передышки, съ тупо-выпученными глазами, быстро движетъ онъ всѣмъ своимъ широкимъ тѣломъ, то сгибаясь, то выпрямляясь, поминутно повертываясь во всѣ стороны. Онъ весь—воплощеніе здороваго физическаго труда, на вольномъ раздольѣ, въ сытной хлѣбной атмосферѣ.

— Дѣйствуй!—раздается его веселый окрикъ.—Подавай еще!

— Будетъ, будетъ! дай народу вздоху! Запойный!—слышится ему въ отвѣтъ съ разныхъ концовъ звонкій хохотъ дѣвокъ.

— Подавай!—кричитъ парень.

— Будетъ! И то выше всѣхъ наклали! Не сдержитъ!

— Дѣйствуй! — кричитъ парень. Онъ мимоходомъ окидываетъ раскинутую внизу толпу, и ему любо, что эта толпа покорная какой-то непобѣдимой силѣ, невольно подчиняется его окрику: всѣ, и старики, и молодые, усталые и слабые, еще упорнѣе, еще лихорадочнѣе суетятся, спѣшатъ.

А, между тѣмъ, скирдъ парня растетъ все выше и выше. Вотъ, наконецъ, онъ

„завершилъ“ его, выпрямился, раскинулъ руки и посмотрѣлъ кругомъ: и тамъ, по холмамъ, у сосѣдокъ деревень, и здѣсь, въ ложбинѣ, кипитъ работа, кишитъ людской муравейникъ и немолчнымъ гуломъ гудитъ въ воздухѣ.

— Ого-го-го!— заоралъ вдругъ переполненный довольствомъ парень, взмахивая руками, какъ крыльями, и вся деревенская околица откликнулась ему дружнымъ смѣхомъ.

— О, жадный! Когда на него угомонъ будетъ! Развѣ за „жадными“ угоняешься!—носится въ толпѣ.

А парню любо. Турманомъ скатился онъ съ высокаго скирда, брякнулся о земь и растянулся въ тѣни его. Усиленно дышитъ его грудь, ноздри раздуваются, какъ мѣхи; глаза смотрятъ въ голубое небо; онъ ничего не думаетъ, онъ чувствуетъ одно, какъ подъ нимъ какъ будто колышется земля, и подъ это укачиваніе по всему тѣлу переливается истома; такъ пловецъ, усиленно работая всѣми членами, выбирается, наконецъ, на средину озера и здѣсь надъ бездонною глубиной поварачивается на спину, распластавъ руки, и отдыхаетъ, тихо укачиваемый волнами.

— Слава Создателю! Убрались за благовремя,— говоритъ низенькій лохматый мужичокъ въ синей неподпоясанной рубахѣ, подходя къ другому высокому и сутуловатому старику, стоявшему, опершись на вилы, около скирда, съ котораго скатился Пимаха.— Вишь, вонъ, глянь, холмы-то,—показывалъ лохматый мужичокъ рукой на желтую щетину оголѣвшаго жнива,— всѣ сосѣди убрались разомъ, какъ одинъ человѣкъ. Вишь, деревни-то хлѣбомъ обставились за одинъ день, ровно по приказу! — и мужичокъ, вытащивъ кисетъ, присѣлъ на траву, поджавши ноги, и сталъ набивать трубку.

— Благодарить Бога! Полегчаетъ народу. Все веселѣй глянетъ, — сказалъ высокій старикъ, подсаживаясь къ нему.

— Ишь жалобный!.. Надорвался! Лютъ у тебя народъ къ работѣ,—указалъ лохматый старикъ на валявшагося около скирда Пимаху.—Счастливъ, ты, Пиманъ Савельичъ, счастливъ!..

— У насъ онъ, Пименъ-то Савельичъ, завсегда былъ счастливъ,—говорили, подходя къ нимъ, еще два мужика, отирая потъ и снимая платки, которыми были обернуты ихъ головы, чтобы не мѣшали въ работѣ волосы, да солнце не жгло темя.

— Какое счастье! Мужицкое счастье, отвѣчалъ, улыбаясь, дядя Пиманъ.

— Конечно, мужицкое!.. А хоть и мужицкое—все же, вѣдь, счастье!

— Не стану Бога гнѣвить—наградилъ! Не отбивались пока отъ труда.

— Вишь, поворачиваются, ровно быки породистые! Что мужики, что бабы — на подборъ!—говорили сосѣди, посматривая на суетившуюся группу, укладывавшую по сосѣдству съ поставленнымъ скирдомъ днище для новаго одонья.

— Что потрудишься, то и возмешь!— замѣтилъ Пиманъ.

— Это такъ. Въ васъ это качество есть...Недаромъ васъ „жадными“ прозвали...Ну, и еще я тебѣ скажу, почему ты счастливъ: потому ровенъ ты, завсегда былъ ровенъ...Духъ у тебя завсегда былъ ровный, мягкій духъ...Вотъ по какой причинѣ ты былъ счастливъ...Ужъ не знаю—добродѣтель-то будетъ, нѣтъ-ли, только это вѣрно, — говорилъ лохматый старичокъ, постоянно прищуривая больные глаза, которые рѣзали яркіе, отражавшіеся отъ скирдъ, солнечные лучи.— Вотъ что рѣчка: не трожь ты ее, не пруди—и течетъ себѣ она тихо, мирно, какъ берегъ идетъ; холмикъ встрѣтитъ— обѣжитъ, къ овражку подойдетъ — сожмется, на лужокъ попадетъ—зеркаломъ ляжетъ...

Дѣдъ Пиманъ засмѣялся на рѣчи стараго пріятеля, дяди Мина.

— Вотъ оно тутъ и есть мужицкое счастіе, любезный ты мой,—продолжалъ лохматый Минъ Аѳанасьевичъ:—безъ ровнаго духу и хлѣбъ не сберешь!.. Какъ онъ вотъ во всемъ ровный-то духъ есть, все и идетъ за одно, сообща, сподручно, скоро... А какъ ежели битва пойдетъ, война, попадетъ рѣка на плотину или на крутизну, ну, тутъ мужицкому счастію не быть!.. Мужичокъ миръ любитъ, спокой, чтобъ кругомъ его все свѣтилось, улыбалось, да радовалось: и солнышко чтобъ свѣтило и грѣло, и земля была теплая, да мягкая, и людъ чтобъ былъ веселый, бравый, пѣсенный, и скотина чтобъ бодрѣе бѣгала—вотъ то и спорость будетъ мужицкому счастію!.. Вотъ почему мужичокъ и чутокъ ко всякой битвѣ...Ему мало, что на огородѣ у него тихо, ему чтобъ все кругомъ было свѣтло и радостно...Потому ужъ ежели у сосѣда плохо, и у тебя хорошему не быть: жди бѣды...

Такъ говорили почтенные мужики дере-

венскаго міра, сойдясь близъ скирдъ „счастливаго“ Пимана, побуждаемые тайнымъ желаніемъ передать другъ другу то чувство общаго довольства, которое жило въ эту минуту въ каждомъ изъ нихъ. А, между тѣмъ, передъ ними кипѣла работа: послѣ взрыва громкаго смѣха, говора и остротъ, вызванныхъ окрикомъ молодого Пимахи-внука, все по околицѣ какъ-будто стихло; но при воцарившемся молчаніи, казалось, еще болѣе чувствовалась общая трудовая напряженность, — напряженность спѣшная, упорная. Изрѣдка только слышался грохотъ опорожненныхъ телѣгъ, окрики подростковъ на лошадей, да гдѣ-нибудь одинокій плачъ грудного ребенка. Вотъ уже выросла новая половина скирда на глазахъ у Пимана, подъ дружнымъ усиліемъ четырехъ его мужиковъ. Солнце давно уже сѣло, окрасивъ поля оранжевымъ свѣтомъ вечерней зари.

— Пора бы закончить. Вотъ ужъ по деревнямъ завершили, да и нашихъ разошлась половина по избамъ, — говорили Пиману усталыя дѣти, утирая рукавами рубахъ мокрыя лица.

— Нынче суббота, не грѣхъ и пораньше прикончить, — прибавили женщины, собираясь возлѣ скирда и устало опершись на двухзубыя вилы, которыми подавали снопы.—Мы нынче бани топили... Вымыться надо сначала, а мы самоваръ приготовимъ...

— Надо бъ и этотъ сегодня свершить,— сказалъ старшій Пимановъ сынъ.—Что жъ мы его въ половинѣ оставимъ!

— Будетъ, будетъ!.. Управимся послѣ,—возстали женщины разомъ, — надо работать на людяхъ... И то ужъ насъ жадными прозвали! Всего не возьмешь.

— Правда,—замѣтилъ и дѣдъ,—надо работать на людяхъ, хотя въ трудѣ грѣха тоже немного... Что жъ, пойдемте! Снопы ужъ свезены съ полей... Коли ненастье настанетъ, все жъ они дома: въ сѣнницу послѣ уложимъ.

— Конечно, что такъ,—отвѣтили старшія дѣти,—только все же было бы лучше убраться... Завтра, чѣмъ свѣтъ, на подводахъ уѣдемъ.

— Развѣ что есть?

— Подходили тутъ Строгіе,—звали въ артель. Взяли они у купца сорокъ бочекъ доставить до мѣста.

— Нѣтъ на васъ угомону,—промолвили жены,—все хотите забрать!..

— Мы не грабить идемъ. Вамъ же лишній кусокъ да спокой... Моли еще Бога, что есть за что взяться... Мы не купцы: только работой и живы... Будешь тутъ жаденъ!

— Вѣрно: все наше тутъ счастіе, — вставилъ и дѣдъ.

— Когда жъ отдохнете?—спросила сердобольная мать. — Ребятишекъ хотя не берите.

— Отдохнемъ на возахъ, по дорогѣ... А ребятишекъ, пожалуй, до время оставимъ.

И, сказавши, всѣ тронулись къ дому; женщины убрали все лишнее въ сѣнницы и, покрестившись, заперли ихъ деревяннымъ засовомъ. Тихо шагая, старшіе пошли къ избамъ, говоря о цѣнѣ за подводы со старымъ Пиманомъ. Подростки же убирали коней торопливо и въ ворота выводили на улицу, къ общимъ колодцамъ, на водопой. Улица сразу вся оживилась. Вездѣ у колодцевъ толпились дѣти съ конями и, напоивъ ихъ, садились верхомъ, и парни, и дѣвки, и собирались въ общую группу у широко распахнутыхъ дверей, поджидая отставшихъ. Вотъ, наконецъ, всѣ собрались и бойкою рысью, весело гикая, помчались въ луга, надъ которыми легкою дымкой собирался туманъ. Вдали, какъ будто купаясь среди бѣловато-туманнаго моря росы, затопившей весь лугъ, рисовался табунъ, и, заслышавъ громкій топотъ запоздавшихъ своихъ односельцевъ, разомъ привѣтствовалъ ихъ громкимъ ржаньемъ. Ему еще веселѣе отвѣтили всадники громкимъ „го-го!“ и, спрыгнувъ съ лошадей, предоставили ихъ собственной волѣ—мчаться на призывное ржанье. А сами гурьбой, недоуздки накинувъ на плечи, назадъ двинулись, поспѣшая на ужинъ.

II.

Между тѣмъ, въ избахъ жены мужьямъ приготовляли бѣлье, торопливо катая скалками, а дочери — свѣжіе вѣники изъ березовыхъ сучьевъ несли изъ амбаровъ. Захвативши все это, двинулись дѣды, мужья и братья къ банямъ, стоявшимъ толпою у рѣчки. Но на пути ихъ встрѣчалъ староста и говорилъ:

— Братцы, изъ бань вы домой не ходите... Заверните сначала на сборню подъ вязомъ: народъ, слышь, съ устатку, съ уборкой поздравиться хочетъ... А, между прочимъ, и дѣло до васъ есть.

— Кто поздравиться хочетъ, пускай бы

и пилъ въ одиночку,—замѣтили трезвыя дѣти Пимана.

— Не у всѣхъ оно къ разу бываетъ,— добродушно отвѣтилъ имъ староста. — А тутъ, въ общій счетъ, на міру, всякому хватитъ по чаркѣ...

— Это вѣрно, — подтвердилъ и Пиманъ. — Лучше пить на міру — легче на сердце ложится, чѣмъ тянуть въ одиночку.

— Что правда, то правда, — сказалъ староста, старый знакомый Макридій.

Скоро собрался народъ въ сборное мѣсто мірскихъ посидѣлокъ, подъ вязомъ стариннымъ, у небольшого пруда. Это старое мѣсто давно ужъ, еще отъ прадѣдовъ, выбрано было. Можетъ быть, сотни лѣтъ, какъ этотъ старикъ, вязъ долговязый, слушаетъ тутъ мужицкое горе и радость, пѣсни и пени, видѣлъ хорошаго много, но и жестокаго тоже не мало прошло передъ нимъ.

Тутъ уже много народу собралось, и шумно-веселыя шутки шутили надъ слабыми къ выпивкѣ, которые все торопили съ виномъ; дрожали они послѣ бани и едва попадали зубомъ на зубъ; лихорадка ихъ била отъ нетерпѣнія. Но Макридій къ ихъ мольбамъ не склонялся: отъ артельныхъ обычаевъ отступить онъ ни за что бы не позволилъ себѣ, и, держа на колѣняхъ боченокъ, ждалъ, когда всѣ соберутся. Буйно ругались они, а надъ ними народъ издѣвался остротами, и староста самъ хохоталъ.

— Ну, вотъ и всѣ собрались,—сказалъ онъ, когда подошелъ Пиманъ съ сыновьями.

— Чего жъ было ждать ихъ? Черезвый, вѣдь, намъ не попутчикъ,—замѣтили слабые къ водкѣ міряне.

— Порядокъ,—сказалъ Макридій.—Зато меня міръ уважаетъ, что блюду я старинный обычай равненья мірского, безъ послабленья.

— Ну, поздравляю съ удачной уборкой, — продолжалъ онъ, наливая стаканъ.—Нынче выпить не грѣхъ: уборка на рѣдкость была... Полегчаетъ народу!.. Дастъ Богъ, у всѣхъ хватитъ до новаго хлѣба...

— Коли въ кабакъ не снесемъ,—молвилъ сурово изъ старовѣрской выти старикъ.

— Эка ворона!.. — засмѣялись міряне. — Ты говори, чтобы все въ спорину шло!..

— Это вотъ такъ!.. Пейте-ка!—потчивалъ староста въ чинномъ порядкѣ, наливая и каждому самъ поднося по стакану.—Главное дѣло, первѣе всего, подати справить, чтобы недоимокъ за нами, какъ и допрежде, не значилось... Это первое дѣло: чтобъ насъ не тягали, чтобы начальства у насъ въ вѣкъ не видали... Мужику это первое дѣло! Мужика только разъ тронь—загубишь совсѣмъ и вовѣкъ не подымешь... Вотъ вамъ примѣръ, мужички: Пиманова выть... Сами вы ихъ за лютость къ работѣ „жадными" прозвали. Вотъ, посмотрите: счастливѣе нѣтъ мужиковъ! А отчего все? оттого, что весь вѣкъ все хозяйство свое охраняли: раньше всѣхъ встанутъ, позже всѣхъ лягутъ, нигдѣ ужъ труда не упустятъ, лишь бы волка къ овчарнѣ не вадить... Лучше глотку заткнуть ему, только бы не шасталъ онъ у дворовъ... Разъ повадится онъ—долго возиться придется!

— Вишь ты, какой проявился учитель!— шутили міряне. — Али не хочешь въ холодной сидѣть?

— Не самъ отъ себя говорю: такъ насъ старики обучали,—говорилъ мягко и плавно тонко-дипломатичный Макридій Сафронычъ, пока міръ пилъ вино да дакалъ и такалъ въ отвѣтъ.

Впрочемъ, не всѣ выпивали: были такіе, какъ Пимановы дѣти; они трезвость блюли неуклонно и къ пьющимъ вино относились строго, зная, къ какому оно униженью доводитъ. А имъ, почитаемымъ всѣми, униженье такое было бы хуже раззора. Но все же они не сторонились, какъ выть старовѣрская, отъ артельныхъ обычаевъ и, чтобы міру глаза не мозолить, пили въ складчину чихирь съ другими, непьющими водки.

Нынѣ собрались всѣ семь вытей, по вытному съ каждой, да отъ двора по хозяйскому члену (молодежи здѣсь не было видно сегодня: устала она и близъ матерей, что̀ готовили ужинъ, пригрѣлась). Были тутъ выти: Сохатыхъ (или, что то же, Коты), выть Мерзлыхъ, Пиманова выть, что прозвали „жадной", Мосева (нашихъ старыхъ знакомыхъ, Мосея дѣтей съ Клопомъ и Сатиромъ), выть Строгихъ и выть старовѣровъ. Такія прозванья окрѣпли за ними отъ древнихъ родовъ, которые первыми нѣкогда сѣли въ этой зеленой ложбинѣ. И не только названья остались, но и теперь еще можно подмѣтить въ каждой выти каждому роду особый свойственный складъ. Изъ Сохатыхъ — кряжисты, низкорослы, толсты, бородаты; всѣ упрямы, несговорчивы, ту-

ны, и прозванье несутъ „поперешныхъ“; любятъ выпить, но, выпивши, всѣ становились еще „поперешнѣй“, и хотя добры въ душѣ, однако, часто въ образъ звѣриный приходятъ и не мало, по тупости, злого приносятъ... Коты — говорливая, мелкая, юркая выть; красно говорятъ и хоть доброе дѣло не прочь совершить, но за нимъ никогда не забудутъ тонко и свой интересъ провести. Староста Макридій Сафронычъ выти той вытный. Выть Строгихъ — благообразна и чистоплотна; любитъ почтеніе къ старшимъ въ домѣ, повиновеніе дѣтей, строгость въ одеждѣ и въ пищѣ и въ отношеніяхъ къ ближнимъ. Любитъ давать милостыню, но любитъ при этомъ сказать и резонную рѣчь въ поученье, и часто своей „справедливостью“ передъ всѣми кичится. Старовѣры — то скрытный, сердитый и молчаливый народъ-особнякъ; эта выть никогда не позволитъ мѣшаться себѣ съ другими вытями, крѣпко глядитъ за своей усадьбой, стараясь селиться въ особый конецъ; крѣпкіе держатъ замки у воротъ и у усадьбъ загороды. Много тутъ было еще мужичковъ захудалыхъ: они приставали то къ той, то къ другой изъ главныхъ вытей.

— Ну, и потѣшилъ насъ нонѣ Пимаха твой!—сказали міряне, обращаясь къ Пиману.—Экая жадность! Экая лютость къ работѣ!.. А вотъ, поди, изъ солдатъ давно ли вернулся!

— Нонѣ поменьше ихъ портятъ,—замѣтилъ Пиманъ, — хоть и три года съ ружьемъ повертится, а все же мало склоненья имѣетъ къ этой забавѣ. Пришелъ, улыбается: ну, говоритъ, развязался! Только и думалъ, скорѣй бы домой! Вышелъ во дворъ, ходитъ межъ коней, старыхъ ласкаетъ, а новымъ смотритъ и въ зубы, и въ хвостъ... Такъ и скотину онъ всю осмотрѣлъ... Любо ему!... „Ну, говоритъ, теперь межъ своихъ!“ Сохи, бороны, косы — все осмотрѣлъ, пробуетъ, вертитъ въ рукахъ...

— Хорошо, кому въ сильный дворъ придется вернуться... Дасчастливыхъ такихъ-то немного! — возразилъ одинъ мужичекъ захудалый, скорбно мотнувъ бородой.

— Видно, міряне, голодный счастливымъ не пара!—замѣтилъ, лукаво смѣясь, странный мірянинъ, который одинъ, казалось, въ общемъ трудѣ и довольствѣ не принималъ никакого участія. Засунувши руки въ карманы, давно онъ стоялъ въ сторонѣ, прислонившись къ старинному вязу. Пимановы дѣти угрюмо наморщили брови. Старикъ самъ Пиманъ осердился. Но тутъ вдругъ поднялся лохматый пріятель Пимана, съ больными глазами, Минъ Аѳанасьичъ.

— Стойте, стойте!... Что правда, то правда,—сказалъ онъ, поправивъ на плечахъ худой полушубокъ,—только не въ томъ тутъ дѣло! Стойте, я вамъ разскажу... И раньше не былъ я очень чтобъ счастливъ, сами вы знаете, къ тому жъ, зашибались мы съ братомъ виномъ; шла битва у насъ денно и нощно, жены бранились, ребятишки ревѣли!.. Гдѣ жъ тутъ крестьянству итти!.. Тяжко мнѣ стало... Вотъ, поссорившись съ братомъ, въ раздѣлъ мы вступили: изъ-за каждой колоды бранились, дрались, судились... Такая битва шла! Думаю, что же я тутъ убиваюсь на трудной работѣ?.. Плюнулъ я, землю оставилъ и свою половину избы досками забилъ: ушелъ съ женою и съ ребятами въ городъ... Тутъ повезло намъ, не долго бились въ нуждѣ: къ купцу насъ пристроили въ дворники, дворъ стеречи. Жилъ онъ одинъ, хоть и богатъ былъ, и домъ былъ обширный; все Богу молился, да постничалъ, ни къ кому не ходилъ и къ нему-то боялись ходить... Скупъ былъ, за то временами запьетъ, тогда деньгами сыпалъ безъ счету. Перепадало и намъ, случалось... Да послѣ запою вдругъ на него нападала боязнь, и тогда онъ меня всѣмъ ублажалъ, чтобъ только былъ я ему вѣренъ. Житье было всласть: сиди у воротъ цѣлый день или лежи на печи: пироги лѣзутъ въ ротъ сами. Только ночью ходить вокругъ дома надобно было, да бить неустанно въ трещетку... Что же, братцы мои, вѣдь, году не выжилъ! Тоска обуяла... Бывало, деньжонки коли перепадутъ, все въ кошолку съ женой зашивали: вотъ поѣдемъ въ деревню, купимъ коня, коровенку, овецъ, только и мысли было...

— Такъ это, такъ, — подтвердили міряне.

— Да что: въ слезы, бывало, отъ скуки... ей-Богу!... Что мы за люди здѣсь, думаемъ,—ровно псы приворотные! Только и честь намъ... Въ чемъ наше дѣло? купца беречь по ночамъ, на вѣтеръ лаять, чтобы спать ему было не жутко... Вотъ какъ-то отъ этой тоски и пошелъ я въ побывку въ деревню; на жнитво вотъ также попалъ... Въ деревнѣ никѣмъ никого: подошелъ я къ нашей старинной избѣ; гляжу—развалилась... отъ трубы только два

кирпича торчали на крышѣ. Стекла въ окнахъ повыбиты... Ну, думаю, плохъ брательникъ живетъ... А поди, сколько работы и нужи подыметъ! Тутъ, вѣдь, работа не паша: за тѣмъ присмотри, за другимъ; тутъ торопись, да и тамъ не зѣвай... Вышелъ я въ поле—гляжу, весь народъ тамъ собрался. А въ матушкѣ-ржи, словно въ рѣкѣ, плавали бабы и дѣвки. А мужики по задворкамъ ужъ скирды навивали!... Подошелъ, говорю: Богъ въ помочь, братцы!. Какъ дѣло?—Говорятъ: „Слава Богу!... Мы, вѣдь, не горожане: вотъ наше дѣло все тутъ! Посмотри-ка, рожь-то какая, въ ростъ человѣчій! Вишь, какихъ королей намахали! Каждый скирдъ нонѣ въ полутора раза выше кладемъ! Скажетъ спасибо намъ царь и народъ, да и вы, горожане: вѣдь, вы тѣмъ и живы, что мы на базаръ привеземъ... Коли мы не пріѣдемъ къ вамъ, тутъ вамъ и съ деньгами смерть!“ Смѣются! Гляжу, брательникъ мой тутъ только меня увидѣлъ, отвернулся и шапки не снялъ... Стыдно и мнѣ къ нему подойти... Сталъ я, смотрю на народъ, какъ онъ работалъ, ровно одинъ человѣкъ дружно и ходко... Вотъ что Пимаха теперь, помню я, также на скирдѣ парень стоялъ и гигикалъ во все вольное горло... А народъ, ровно вдогонку за нимъ, напрягался... Братъ, говорю, дай завершу тебѣ я одонье! Мастакъ былъ когда-то на это! „Ну-ка, попробуй,—смѣются, —какъ-то ты съ жиру на немъ станешь вертѣться?“ Залѣзъ я... глянулъ кругомъ—на лѣса, на луга, на народъ... да до ночи и проработалъ! А пошабашавши, также вотъ міряне собрались тогда къ кабаку: поставилъ я имъ на поздравку четвертную бутыль... да какъ выпилъ малость, упалъ я тутъ въ ноги нашему міру: „Братцы, дайте землицы... Буду крестьяниномъ вѣрнымъ!... А блажь мнѣ простите“.—„Дать мы дадимъ,—сказали (старики, чай, вотъ помнятъ), а за то, что ты блажью своей теперь міръ утѣсняешь землей, ты долженъ понесть наказанье—выставить міру ведро, да заплати въ благодарность тому, кто твою землю холилъ“. Такъ вотъ оно что! Чѣмъ тебя Богъ не попуститъ, хошь бы въ золотыя хоромы загналъ, только земли не чурайся... Да что мы! Вы вонъ нашихъ деревенскихъ купцовъ посмотрите: то ли не жирно живутъ, лѣсами торгуютъ, барской землей, а въ своихъ деревняхъ лапоть свой ни въ вѣкъ не покинутъ, дуракъ развѣ случится... Что это значитъ? А-сь? То-то вотъ: значитъ, другое все тлѣнъ! прахово дѣло!.. Крѣпче мірского лаптя мужику не найти... Вотъ оно —дѣло какое!

— Красно говоришь ты,—сказалъ старовѣръ, ворчливый, угрюмый старикъ,—а я такъ полагаю, что на васъ тогда съ братомъ отцовской плети хорошей не было, да міръ не училъ васъ... Были бы тогда и счастливы! Счастье плохое, коли отецъ сыновей, а міръ молодыхъ распуститъ изъ власти!.. .Видимъ теперь мы, къ чему подошло все!... Раздоры, гульба, пьянство, распутство!.. Да имъ еще землю подай!

— И я скажу тоже, — замѣтилъ изъ Строгихъ одинъ, почтенный отецъ.—Хорошо говорить тебѣ, Минъ Аѳанасьичъ, какъ ушелъ ты въ городъ въ лѣтахъ. А вотъ какъ народъ молодой бѣжитъ туда чуть не подросткомъ: что изъ него выйдетъ? Гуляка, охальникъ!... Придетъ—ему слова не молви, дѣвку беретъ, не спросясь, какую захочетъ, и сейчасъ же въ раздѣлъ, на особицу! Не смѣй ты ему наставленье прочесть, али на жену крикнуть построже... Вонъ, мать съ ребенкомъ здѣсь ждетъ... Вотъ, давно ль отдѣлились, семью всю смутили. Отецъ, вишь, дерется! Отецъ, вишь, охальникъ!.. Мы сами себѣ господа! Ну, ушли... А что вышло: сбѣжалъ мужиченко, бабенку съ сынишкомъ оставилъ одну... Что жъ, помогайте, міряне!...

— Братцы, придетъ онъ, ей-Богу придетъ, — взмолился Минъ Аѳанасьичъ, — право, придетъ, вотъ повѣрьте же слову! Блажь нашла, погулять захотѣлъ... А притти—онъ придетъ!

— Что говорить, неотмѣнно придетъ!.. А мы будемъ міромъ, пока онъ гуляетъ, кормить его семью!... А онъ за спасибо намъ басню разскажетъ: гдѣ былъ, что видѣлъ,—съ насмѣшкой, сердито сказалъ старовѣръ.

— Почтенные! — крикнулъ Макридій Сафронычъ,—наказать мы его безотмѣнно должны, коль вернется: всыплемъ ему штукъ пятнадцать горячихъ — и будетъ наука! А семья, вѣдь, тутъ не въ отвѣтѣ... Она чѣмъ виновата? Вотъ мальчуганъ хоть—выраститъ, будетъ такой же мужикъ, что и мы, можетъ, и насъ будетъ лучше!... Я вотъ не помню, а стариковъ вы спросите: вотъ нашъ Пиманъ, вѣдь, тоже міромъ былъ вскормленъ съ сестрой... А сестру его, няньку мірскую, кто не зналъ? Стара теперь стала, а прежде мы знали ее хорошо: у матерей на нее

только и было надежды, какъ уходили въ поля. Вѣрнѣе ея никто за нами, ребятами, не углѣдилъ бы... А Пиманъ, такъ вотъ онъ предъ вами. Мужикъ въ полномъ видѣ, и Богъ его счастіемъ взыскалъ!... Всѣмъ намъ примѣръ!...

— Что же, счастливые пусть и мирволятъ гулякамъ,—сказалъ старовѣръ.

— Счастливымъ съ голоднымъ не грѣхъ подѣлиться, — ядовито прибавилъ стоявшій у вяза мужикъ.

Его звали Борисомъ. Когда еще клали скирды, Борисъ этотъ также, безучастно ко всѣмъ, то лѣниво ходилъ, то прислонившись къ какой-нибудь сѣнницѣ, смотрѣлъ на работу, а народъ говорилъ: „Что, Борисъ Пимащычъ, гуляешь? Лучше помогъ бы кому... Не у всѣхъ работниковъ, что у Пимана!“ Но Борисъ, посмотрѣвъ равнодушно, засунувши руки въ карманъ, проходилъ.

— Коли міръ, такъ счастливыми всѣмъ надо быть, — поддержали его изъ толпы захудалые люди, хитро смѣясь и прячась за спины хозяйственныхъ вытныхъ.

— Дураки! тѣмъ и счастливые живы, что голодные есть,—засмѣялся Борисъ.

— Что жъ это, братцы? — заговорили дѣти Пимана, вскочивъ, торопливо волнуясь и перебивая другъ друга.—Что же вы въ самомъ дѣлѣ корите насъ счастіемъ? Чѣмъ провинились? Тѣмъ, что съ утра до полночи работаемъ? Что живемъ мы безъ ссоръ и безъ драки? Что на другихъ съ нахрапомъ не лѣземъ? Что по кабакамъ мы не ходимъ? Что подати нами справлены всѣ начистую? Что не водятъ у насъ со двора лошадей и коровъ на продажу? Что не тянемся мы по судамъ? Что блюдемъ свою честь и зады подъ мірскую лозу не доводимъ? Это, что ль, счастіе то? А чѣмъ мы его заслужили? Чего оно стоитъ? Кабы эти кабашные гости, что здѣсь укоряютъ, кому не зазорно, послѣ пропоя, валяться въ ногахъ у богатыхъ, да подставлять свои спины подъ розги („на насъ, молъ, не виснетъ!“)... кабы знали они, чего счастіе, то наше намъ стоитъ! Небойсь, говорить они любятъ, а попробовать этого счастія ихъ нѣтъ! Вотъ гдѣ это счастіе, да, здѣсь,—показали Пимановы дѣти на здоровыя, сильныя руки и на широкія спины.

Но тутъ вдругъ выступилъ прямо на нихъ молчавшій дотолѣ, желтый, длинный, сухой міряиннъ изъ Сохатыхъ, Ермилъ, больной, съ провалившейся грудью, и въ сильномъ волненіи, махая сухими руками, долго сбирался что-то сказать. Но тонкія губы дрожали отъ гнѣва и лихорадки и, вмѣсто словъ, выходили изъ груди лишь сиплые стоны.

— Я... я... работалъ,— чуть прохрипѣлъ онъ.

Всѣ тутъ замолчали, и даже Пимановы дѣти не нашлись что сказать: предъ ними стояло мужицкое горе.

— Эхъ, мужики! вздумали что: мужицкое счастіе дѣлить! Вотъ вы кого посмотрите,—вскрикнулъ хитроумный политикъ Макридій Сафронычъ. — Ну-ка, Власъ Петровичъ, двинься сюда... Да не стыдись!.. Полно! Человѣкъ, чай, знакомый!.. Въ гостяхъ у меня.

Тутъ выпихнулъ онъ предъ міръ полегоньку міряпина изъ Пузырей: толстый, низенькій, съ брюхомъ большимъ, въ красной рубахѣ, на поясѣ ключикъ, сапоги смотрятъ врозь, а ноги—что тумбы; послѣ бани надутыя щеки такъ и пышутъ. Стоитъ, улыбается, словно красная дѣвка, да Макридію грозитъ кулакомъ. А Макридій хохочетъ.

— Вотъ смотрите! знаете, чай!.. Былъ такой же сухой, что Ермилъ, да Богъ наградилъ наслѣдствомъ... Ушелъ въ Доброс, въ волость, къ купцамъ, вывелъ хоромы, давай землей торговать: черезъ годъ налился, что піявка... Пять лѣтъ былъ въ купцахъ, да вдругъ и пошло прахомъ все: въ одночасье на чистоту обобрали... Тутъ онъ поскорѣй дай Богъ ноги; перекрестился, да въ деревню къ себѣ, да къ своей полосѣ, вотъ теперь онъ по ней, что пузырь, и катается... Жарко, ноги вязнутъ въ песокъ, паръ изъ него, что отъ каменки въ банѣ,— ничего, самъ кряхтитъ за сохой, да и земля подъ нимъ стонетъ!

Весело сдѣлалось міру, и даже угрюмые разсмѣялись на этого гостя-Власа изъ Пузырей.

— Такъ вотъ оно счастіе,— закончилъ Макридій, — не намъ его усчитать. Давайте лучше ровняться, какъ сможемъ... Пусть кто сильнѣе въ міру, тотъ больше и тягости приметъ... Это будетъ по правиламъ.

Ему тутъ хотѣли сказать Пимановы дѣти: „по правиламъ такъ, а по Божьи кто же сильнѣе-то: онъ ли, что лавку имѣетъ, да лошадьми торгуетъ, а земли беретъ всего на двѣ души, или опять все они же, у которыхъ пупъ трещитъ отъ работы?“ Но ихъ дернулъ за полы Пиманъ, да кстати и два старика помѣша-

ли: весь міръ ими былъ занятъ и дружно смѣялся. Два свата старыхъ сцѣпились, что пѣтухи: тоже о счастіи заспорили.

Сватъ Парамонъ говорилъ, что былъ бы-де онъ счастливъ, коли-бъ не невѣстка его, смутьянка и дому всему разорительница. Но тутъ сватъ Сысой наскочилъ на него съ такими словами:

— Я самъ былъ бы счастливъ, когда бы чортъ не спуталъ съ тобой!.. У меня бы теперь сватомъ купецъ былъ Грачевскій, не то, что вы, сбитые лапти!.. Да чортъ угораздилъ тогда съ тобой лишнее выпить: ну, „пріятель да другъ!“ Міръ тутъ ввязался: сватать давай. Вотъ міръ, водка, да чортъ и попуталъ!.. А ты бы за мою-то дочь вѣчно въ ногахъ мнѣ валялся. Вѣдь, вы только ею и живы.

— Кто?

— Вы, лежебоки, съ сыномъ только на печкѣ бока парите. А она...

— Что она? Хвостъ да языкъ треплетъ по чужимъ избамъ. Вотъ она кто!.. Она— лиходѣйка!

Такъ два свата бранились, пока не развелъ ихъ Макридій.

— Стойте! что вы! Вотъ старичишки!.. Люди собрались степенно выпить послѣ трудовъ, а они, вишь, смуту подняли какую! Братцы, впередъ не давать имъ мірского вина.

— Не давать, не давать!—міръ шумѣлъ и смѣялся.

— Все это вотъ наши Пиманы,—замѣтилъ Макридій.—Чѣмъ бы тихонько, ладкомъ бы, а они подняли споръ, счастіе мужицкое стали усчитывать...

— Все мы же опять виноваты?—спросили Пимановы дѣти.

Но Макридій Сафроновичъ въ сторону отъ нихъ отвернулся и ничего ни отвѣтилъ.

Всѣ замолчали. Такое молчаніе въ міру не всегда бываетъ къ добру; часто за нимъ вдругъ подымается буря: семья на семью, выть на выть наступаютъ—и всю подноготную въ жизни другъ у друга поднимутъ. Да нынче словоохотливый Минъ Аѳанасьевичъ былъ въ духѣ, а когда онъ въ духѣ, то молчать не любилъ. Случалось, за это пристрастіе его и бивали.

— Дастъ Богъ — объявится правда: всѣхъ уровняетъ!—выкрикнулъ онъ пѣтухомъ.—Уповайте—одно! Говорилъ ужъ вамъ: изъ-за плошекъ, ложекъ, да женииныхъ тряпокъ деремся, а *большаго* не видимъ. Шелъ я вотъ какъ-то, въ то еще время, какъ съ братомъ дѣлился, въ городъ. Иду, да тихонько реву: за что, молъ, мнѣ такая неправда? Нагналъ меня старичокъ, пошли мы съ нимъ рядомъ. „Не горюй, говоритъ, всему, говоритъ, свои времена есть и сроки. Объявится правда крестьянству... Крестьянство—держава всему! Разорить до конца его— Богъ не попуститъ. Ежели бъ такъ, не почто было бъ ему родить и народъ. Все крестьянствомъ крѣпится: не стога, не скирды, вишь ты, это стоятъ, показалъ онъ мнѣ на поля, а золото ссыпано тутъ! Всѣ имъ сыты: царева казна, и солдатикъ, и баринъ. Такъ-то! Неправда, говоритъ, слышь, любезный, минуетъ; царскія очи прозрятъ и объявится царскій приказъ—поравненья. Тогда и ссоры, и драки не будетъ. Все, слышь, возвратятъ мужику, все тому, кто у хлѣба стоитъ, кто его, батюшку, роститъ. Потому хлѣбъ— вершина всему!“ Вотъ мнѣ что спутникъ сказалъ—и вѣрно то слово! Я вамъ говорилъ ужъ, что сталось со мной. Чего же намъ ссориться? Чѣмъ браниться, лучше ужъ выпить еще, чтобы и намъ, мужикамъ, изъ этого злата что ни то за труды перепало. Такъ ли, міряне?

— Что говорить, пріятную рѣчь пріятно и слышать! — міръ подхватилъ и всѣ засмѣялись.—До водки доѣхать всегда ты сумѣешь... На что на другое тебя не хватаетъ, а на это хватитъ! — острили міряне, но, видно, по сердцу пришлось имъ, что Минъ Аѳанасьичъ нынче такъ кстати „сболтнулъ“ (что, по ихъ мнѣнію, съ нимъ не часто бываетъ). Послѣ слова такого можно нынче разойтись и безъ ссоры.

— Ну, да ладно,—отвѣтилъ Минъ Аѳанасьичъ, прячась за спины мірянъ, — пусть ужъ водка, да ссоры бы не было только.

— Вѣрно, вѣрно, выпить еще-бъ не мѣшало!.. Что-жь, въ самомъ дѣлѣ, не грызться-жь!— подхватили и слабые къ водкѣ.

Но тутъ подошли уставшія жены: онѣ не совсѣмъ раздѣляли слишкомъ умильные взгляды Мина на водку.

— Будетъ вамъ, будетъ .. Лучше усните покрѣпче, вотъ вамъ и миръ, — говорили онѣ. — И себѣ, и другимъ отдыхъ дадите! Ступайте, давно самовары готовы и ужинъ.

— Эхъ, холодно, послѣ бани! Еще-бъ не мѣшало стаканчикъ, — слышалось съ разныхъ концовъ.

— Полно вамъ! — говорили и жены, и трезвые люди.—Вишь, теперь какъ на деревнѣ тепло, какъ обставились сѣномъ и хлѣбомъ кругомъ! Словно паромъ изъ бани несетъ!

— Смотрите, съ огнемъ осторожнѣй, пуще всего,—напомнилъ Макридій Сафронычъ.

— Всякъ за себя побоится, небойсь,— староверы замѣтили тихо,—а вотъ тѣ, у кого ничего нѣтъ...

— Полно вамъ! экій народецъ! Что вы на ночь пужаете міръ?—накинулись всѣ на староверскую выть.—У насъ, еще слава Создателю, не было видано сроду, чтобъ когда хлѣбъ крестьянскій сгорѣлъ отъ поджога.

— Вѣрно, вѣрно... Есть конокрады, воры, убійцы, безумныя и неразумныя дѣти, что по глупости избы сжигаютъ, а злодѣевъ такихъ еще міръ не видалъ, чтобъ пускать въ мужицкіе скирды огонь!.. Страшно сказать! Лиходѣю тому уготована черная смерть: кусокъ не пойдетъ ему въ горло и все, что ни съѣстъ, выброситъ вонъ изъ себя, исхудаетъ какъ щепка; останутся кости да кожа; а умретъ—и въ землѣ ему не будетъ покоя: могилу его разрывать будутъ волки, а кости растащутъ вороны,—разсказывалъ Минъ Аѳанасьевъ.

— Говорятъ, что до третьяго будто колѣна всѣ въ роду анаѳема - прокляты будутъ.

— Инако нельзя! Хлѣбъ держава всему! Хлѣбъ да земля сами себя охранятъ, коли будетъ ихъ у крестьянина вдосталь!.. —сказали міряне.

— Ну, прощайте... Пойдемте ужъ спать... И такъ заболтались... А завтра съ выти по подводѣ выставимъ въ помочь вдовѣ: только ея полоса и осталась. Свозимъ, да ужъ на жниво и пустимъ скотину... Ладно, что-ль? — заключилъ Макридій Сафронычъ.

— Ла-адно! Чать, не въ первой,—отвѣчали міряне.

Медленно двинулись всѣ они группами къ избамъ, и долго еще толковали, смѣясь, о счастіи мужицкомъ.

III.

Пимановы дѣти ушли слѣдомъ за матерью, приходившей ихъ звать, а старикъ съ другомъ стариннымъ своимъ, Миномъ, двинулись послѣ, неторопливо шагая, руки закинувъ за спины и бороды внизъ опустивъ. То были пріятели давніе. Міръ деревенскій давно привыкъ видѣть ихъ вмѣстѣ, хотя они во многомъ не были схожи. Взять одно: Пиманъ былъ рослый, сухой, сутуловатый мужикъ; ходилъ онъ, єрзая о-земь ногами, выпятивъ голову, шею и грудь, словно по пашнѣ, напирая на соху. Кто бы ни увидѣлъ его, сразу призналъ бы въ немъ земледѣльца: носъ мясистый, широкій у ноздрей; пухлыя красныя губы и бѣлые прочные зубы; голубые глаза—смирные, мягкіе и какъ будто сонливые даже; уши большія, круглыя, мягкія тоже; борода же, хотя онъ чесалъ ее только разъ, послѣ бани, не сваливалась въ колтунъ и косицы. Такихъ мужиковъ любятъ наши хозяйныя бабы: вымывшись въ банѣ подъ праздникъ, въ чистыхъ рубахахъ, смирно сидятъ они въ прибранныхъ избахъ, за чисто выскобленнымъ ножами столомъ, и благодушно-лѣнивая улыбка не сходитъ съ ихъ лицъ: они всѣмъ довольны: въ бабьи дѣла не суются, не ворчатъ по-пустому. А бабамъ и любо, что хозяева ихъ, что короли, сидятъ великатно и чинно. Съ такими мужьями до старости живется счастливо, хотя, можетъ, нерѣдко молодыя бабенки, изъ-за спинъ великатныхъ мужей, поглядывали на кудрявыхъ лихачей... Ну, да мало ли блажи какой не бывало! А вотъ послѣ, когда воспитаешь семью душъ въ пять-шесть, когда за хозяйствомъ проходишь полвѣка, какъ сладко и тепло спится около смирнаго мужа!

Хотя также былъ смиренъ и добръ пріятель Пимана—Минъ Аѳанасьичъ, но всѣ знали, что это другой человѣкъ. Онъ малъ ростомъ, низокъ и жидокъ; волосы у него словно сѣно, а лицо постоянно смѣется; ходитъ ли онъ, говоритъ ли — все какъ-то восторженно: машетъ руками, ногами топочетъ, бороду треплетъ... „Развѣ это мужикъ?“ какъ будто надъ нимъ постоянно смѣется деревня. И дѣйствительно, вотъ Пиманъ — посмотрите, въ немъ словно живетъ вся деревня, какъ будто онъ носитъ всюду съ собой, невидимо, весь обиходъ деревенскій. Такъ все въ немъ соразмѣрно деревнѣ. Иначе его не представишь себѣ: идетъ онъ, и, кажется, будто вотъ тутъ, передъ нимъ, соха скрипитъ тяжко подъ могучей рукой, вцѣпляясь желѣзомъ въ засохшую землю, лошадь, высокая, статная, такъ же какъ и Пиманъ, напирая широкою грудью, мѣрно шагаетъ, тяжело подымая ноги и въ тактъ имъ тряся добродушно ушами. Обозъ ли

представишь—и опять тотъ же Пиманъ, та же лошадь въ ногу ступаютъ и вмѣстѣ съ возомъ какъ будто скрипятъ и пыхтятъ. Во дворѣ ли увидишь его—съ нимъ жена, работящая, степенная, строгая баба, крупно шагая, ходитъ изъ закута въ закутъ, съ крупой и мукой, съ водой и корытомъ, отъ птицы къ скотинѣ; вотъ тутъ и корова сытно жвачку жуетъ и добро-сонливымъ взоромъ спокойно-лѣниво смотритъ вокругъ. Такъ гармонично все, такъ немыслимо тутъ одно безъ другого. Такъ же все соразмѣрно связано здѣсь, какъ и въ природѣ самой, и молчаливо-торжественно совершается мирный процессъ органической жизни, какъ будто пущенный въ ходъ чьей-то стороннею властью. Тутъ и признака нѣтъ, чтобы кто кѣмъ-нибудь управлялъ: почва ли корнемъ, или листьями стволовъ, или туча все здѣсь оживляетъ, или вѣтеръ эту тучу направилъ, или рѣка, поднимаясь парами къ небу, ее родила? Кто-жь тутъ важнѣе: рѣка ли, почва ли, вѣтеръ, туча?.. Одно безъ другого—ничто. Таковъ былъ счастливый мужикъ.

Другое дѣло Минъ Аѳанасьичъ.

— Такъ-то, Пиманъ Савельичъ,—говорилъ болтливый Минъ Аѳанасьичъ, мигая глазами и часто сѣменя босыми ногами, спѣша за солиднымъ Пиманомъ,—говорю я: гдѣ битва, тамъ крестьянству раззоръ... А все, вѣдь, пустое, такъ, перекоры, Богъ вѣсть за что, чего дѣлятъ... другъ другу перечатъ, хитрымъ обманомъ обходятъ, злоба, ненависть... Великъ ли нашъ міръ, а вотъ ужъ успѣли чуть не подраться: зависть все... Все изъ пустого!

— Такъ думаю я,—проговорилъ молчаливый Пиманъ,—оттого это нонѣ, что всякому стало вольнѣе, а міру тѣснѣе... Прежде было такъ: прежде было тебѣ утѣснительно, да зато міру просторно!..

— А почему все? Потому что битва... Хотѣлъ мужичекъ воли, ну, царь говоритъ: вотъ тебѣ воля—воюй!.. Кто кого одолѣетъ! Ну, и пошли воевать—и мужичекъ лютуетъ, и баринъ лютуетъ. Война и шабашъ! Какой тутъ міръ, коли война?.. Въ міру миръ и долженъ быть! Міръ въ мирѣ только и живетъ... Вотъ почему, другъ любезный, и міру пошло утѣсненье: всякъ за себя, а за міръ—никого!

— Оттого и народу стѣсненье,—добавилъ Пиманъ.—Кто-с знаетъ, что ужъ и будетъ!.. Гдѣ намъ воевать? Такъ думать надо, что намъ всего хуже и будетъ... Да какъ же инако?.. Мы народъ робкій... Только и живы работой... Чтò ужъ будетъ — и страшно подумать!.. Прежде, братъ, какъ-то спокойнѣе было... Тишь была... Какъ-то все само собой шло... Главное, думъ этихъ не было... Какъ о барщинѣ, больше ни о чемъ и не думалось... Въ міру предъ бариномъ всѣ равны были: земли было много, а коли кому недостача—баринъ достанетъ... Сосѣдъ забижаетъ — опять же баринъ заступа: пусть тамъ, какъ знаетъ, одумаетъ... Ну, а теперь, самъ все подумай... А гдѣ же намъ думать?.. Къ этому мы непривычны... Теперь же, послушаешь, всякій несетъ слухи и смуты отвсюду... Молодежь вонъ теперь обо всемъ говоритъ ужъ: придутъ къ Покрову съ заработковъ—чего только не поразскажутъ!.. И объ купцахъ, и объ барахъ, и объ царскихъ указахъ... Признаться, мнѣ, старику, ужъ и жутко какъ будто.

— Не тоскуй, другъ... Помалкивай только: всему время и сроки... Все пройдетъ, только одно не пройдетъ—крестьянство да хлѣбъ!.. Объявится правда, и будетъ надъ всѣмъ владыка одинъ—мужичекъ!.. И міръ будетъ въ мирѣ!.. Это вотъ только дураки старовѣры толкуютъ, что, молъ, послѣднее время пришло... Да развѣ то можно, чтобъ Богъ мужичка изничтожилъ? Можетъ Онъ, Создатель, насъ за грѣхи покарать, да и то по времени, по мѣсту — гдѣ голодовкой, гдѣ хворью, да и то въ разсчетѣ такомъ, чтобъ былъ гдѣ ни то урожай... Чтобы все жъ не свести всего роду людского! Мужичка сведешь разъ, тутъ и міру конецъ!

Такъ толкуя, наши друзья подошли къ дому Пимана. То была большая изба, старинной и прочной стройки, въ шесть оконъ, хотя изъ стариннаго крупнаго лѣса, но изъ короткихъ брусковъ. Видимо было, что она разрасталась по мѣрѣ того, какъ вырастала семья. Теперь ужъ съ ней рядомъ былъ заложенъ кирпичный фундаментъ: то былъ предметъ самыхъ жаркихъ мечтаній Пимана и самыхъ усердныхъ заботъ. Прежде, когда было много лѣсовъ, клалъ хозяйный крестьянинъ для внуковъ избу изъ дубовыхъ бревенъ; теперь уже сдѣлался предметомъ его домогательствъ кирпичъ. Прочна, вѣковѣчна такая изба, а отъ пожаровъ лучше не надо! И долго же строитъ такую избу „счастливый" мужикъ, если вздумаетъ вывесть ее одними своими трудами. Такъ и Пиманъ съ сыновьями: третій ужъ годъ какъ въ извозъ ходятъ они на кирпичный

заводъ, чтобы заработать кирпичъ; и полегоньку, исподоволь, идетъ приращенье избы: ныньче выведутъ двѣ-три кладки, на другой годъ—еще три, и думать надо—придется женить правнуковъ, прежде чѣмъ будетъ готова изба и покроется крышей... А Богъ вѣсть, можетъ, и такъ суждено ей застыть, не поднявшись до половины: „мужицкое счастіе—вода!“ Такъ часто раздумывалъ робкій Пиманъ, глядя на новую стройку, и все пуще съ дѣтьми напрягался въ работѣ, чтобы какъ-никакъ поскорѣй увидать завершеннымъ трудъ многихъ лѣтъ.

Онъ и теперь было остановился съ Миномъ у стройки, чтобы передать ему снова свои упованія, разсчеты и опасенія. Но изъ окна тутъ окрикнула ихъ Катерина.

— Отецъ, чего жъ запоздалъ ты? Мы, вѣдь, ждемъ тебя... Людямъ тоже надо вздохнуть... Гляди, ужъ не долго — займется заря, и опять подыматься, съ подводами ѣхать...

— Чего жъ меня ждете?.. Чать, я васъ никогда не стѣснялъ... Ѣшьте, спите, какъ всякому надо... А мнѣ, вѣдь, немногаго нужно, — отвѣтилъ Пиманъ. — Зайдемъ, коли хочешь, Минъ Аѳанасьичъ. У васъ нонѣ пьютъ ли чай-то?

— Не знаю, чай, пьютъ,—сказалъ, почесавъ поясницу, Минъ Аѳанасьичъ.—Да не хочется мнѣ къ нимъ итти-то сегодня, пущай пьютъ одни... Признаться, нонѣ мы съ брательникомъ опять поругались... У насъ, вѣдь, не то, что у васъ: мы народецъ неровный... Порохъ—одно!.. Мало чуть искра запала—вотъ и пожаръ!

— Что же у васъ?

— Все изъ пустого!.. Да я не говорю... Я вотъ, потихоньку, чтобы шуму не дѣлать и имъ на глаза не казаться, уйду прямо на сѣнницу, да тамъ и высплюсь! Важно теперь тамъ: тепло и душисто!.. А пока, пожалуй, водицы съ тобой потяну.

Въ избѣ, за столомъ, сидѣли бородатыя дѣти Пимана, наливая жиденькій чай и отирая потныя лица; мать-старуха подавала имъ хлѣбъ и творогъ: то была высокая баба, въ черномъ платкѣ и изгребномъ сарафанѣ, съ лицомъ худымъ, но пріятнымъ и умнымъ, съ губами, всегда сжатыми плотно, и съ большими глазами, упавшими глубоко въ глазницы, изъ которыхъ они блестѣли уже потухавшимъ огнемъ,—все въ ней говорило, что была она когда-то и бойка, и красива. И теперь, подъ привычнымъ смиреннымъ степенствомъ ея, можно было подмѣтить ту силу, что не бросается всѣмъ на глаза, но невидимо все направляетъ. Много женщинъ такихъ въ нашихъ селахъ. Ихъ трудовая, тяжелая доля въ крестьянствѣ и выходки грубой мужицкой силы надъ ними нерѣдко заставляли въ ней видѣть „раба“, безъ силы и воли, подобно волу. Но часто на дѣлѣ всѣмъ невидимо руководитъ она, эта „раба“—мать молодыхъ поколѣній. Женщина въ деревенской семьѣ неустанно творящій художникъ: чувствомъ она охраняетъ миръ очага и до гроба въ себѣ сберегаетъ искры любви, которыя въ мужѣ давно ужъ погасли; чувствомъ же постигаетъ она часто то новое въ жизни, чего мужъ или не видитъ, или не хочетъ признать, или же просто не понимаетъ и робко предъ нимъ отступаетъ. И вотъ, незамѣтно, изо дня въ день, намекомъ и словомъ невольно она его увлекаетъ въ ту сторону, куда онъ ни за что бы не рѣшился итти.

Такова была Катерина Петровна. Когда-то (о, какъ давно это было!) любила она молодаго краснобая, кутилу Мина... Почти уже дѣло было рѣшеннымъ, что быть ей за нимъ, но вдругъ она обвѣнчалась со степеннымъ, молчаливымъ и ровнымъ Пиманомъ. Чутко ей говорило сердце, что въ немъ будутъ жить тѣ начала, на которыхъ прочно и крѣпко установляется жизнь. А любовь — это пѣсня, улыбка, цвѣтокъ — расцвѣли и пропали. Скучно ей было сначала съ Пиманомъ, и въ первые годы замужества она убѣгала, по вечерамъ, къ дѣвкамъ и парнямъ, и къ тому же удалому Мину, и съ нимъ часто въ лѣсъ уходила. Сказали Пиману. Пиманъ осердился. Но Катерина Петровна искренно такъ уважала его, какъ хозяина дома, какъ хранителя и владыку семьи, что не могло быть сравненія между игрою молодой крови, плотскимъ влеченіемъ и тѣмъ чувствомъ, которое она питала къ нему. И то была правда.

Когда родился у нихъ сынъ, взяла она въ твердыя руки хозяйство, и вотъ сорокъ ужъ лѣтъ, какъ вѣрнымъ и неизмѣннымъ сопутникомъ служитъ Пиману. Дѣтей у нихъ пятеро: дочери двѣ и три сына. Старшая дочь и младшій сынъ скорѣй на отца походили: также спокойно-медлительны, ровны, мягки и трудолюбивы, и бойкости было въ нихъ мало: медленно и спокойно текла мысль въ ихъ мозгу и кровь въ жилахъ. Но стар-

шихъ два сына (одинъ, самый старшій, Борисъ, давно въ раздѣлѣ былъ и съ ними уже не жилъ) и младшая дочь много носили въ себѣ материнскаго: живѣе какъ будто двигалась кровь въ нихъ, свѣтлѣе и чище былъ мозгъ, сердце билось сильнѣе и чутче, и въ трудѣ больше сознательно-бодрой энергіи было. Да и по внѣшнему виду они рѣзко носили ту же печать: одни бѣлокуры были, въ отца, а тѣ, что въ мать, черноваты; первые были на взглядъ симпатичнѣй, но вторые—красивѣй. За то если первыхъ сразу полюбишь, то о вторыхъ долго и пристально будешь раздумывать: непобѣдимо-загадочнымъ чѣмъ-то вѣетъ отъ нихъ. Такъ ясна и знакома, и дорога иногда намъ книга прошедшаго, и такъ загадочно-заманчива еще не открытая книга будущаго.

Въ избѣ теперь только два сына сидѣли и ужинъ кончали. Жены и малыя дѣти давно улеглись, каждый на своей половинѣ. А молодежи тутъ не было видно: откуда-то только, въ растворенныя окна, доносились говоръ, смѣхъ и громкая пѣсня Пимахи-внука.

— Міръ вамъ!—привѣтствовалъ Минъ Аѳанасьичъ.

— Спасибо, — отвѣтили дѣти Пимана.—Садитесь!.. Мы ужъ попили... Больно долго что-то вы шли... Али устали?

— Такъ, поболтали кое-о-чемъ со старикомъ,—замѣтилъ Минъ Аѳанасьичъ.

— Ты ужъ извѣстно: сказку затянешь—не скоро тебя остановишь,—шутливо сказалъ старшій сынъ. — Вотъ и сегодня міръ намутилъ...

— Что жъ такъ? Кажись, нонѣ я смирно,—испуганно вскинувъ глазами, сказалъ Минъ Аѳанасьичъ.

— Пора бы тебѣ это бросить... Поведенье плохое,—продолжалъ ужъ серьезно старшій сынъ.

— А что жъ я?

— Къ чему насъ ты счастливыми славишь вездѣ, въ дѣло, не въ дѣло? Что мы, въ самомъ дѣлѣ за богачи?.. А народъ тутъ и радъ...

— Ну, оставьте объ этомъ... Будетъ ужъ... Что привязались,— сказалъ недовольнымъ тономъ Пиманъ.—Лучше потише, ровнѣе... Уйдите въ себя.

— И то правда, не за худое, вѣдь, назвалъ васъ Минъ Аѳанасьичъ счастливыми,—прибавила и Катерина Петровна:—за работу, да за старанье.

— Онъ-то такъ... А другіе...

— А другіе найдутъ свое завсегда... Оставьте!.. Слава Богу, собрали хлѣбъ... Убрали поле... Надо благодарить, а не то что перекорами Бога гнѣвить... Пока ничего, а дальше что̀ будетъ, тогда и увидимъ... Давай-ка, старуха, намъ хлѣба!

— А я вотъ такъ полагаю, что счастливъ-то ты, Минъ Аѳанасьичъ,—лукаво сказала Катерина Петровна, поведя на него глазами, вспыхнувшими какъ будто изъ-подъ пепла огнемъ.—Намъ за твоимъ счастіемъ не угоняться!..

— Это вотъ вѣрно,—подхватили братья.

— Мы вотъ счастливы, — продолжала она,—пока у насъ все въ достаткѣ да въ мирѣ, пока хозяйство идетъ колесомъ!.. А чуть насъ прижмешь, чуть Господь огорченьемъ попуститъ—тутъ и нашему счастію конецъ, пойдетъ недовольство, тоска, станемъ сердиться одинъ на другого, виновнаго будемъ въ каждомъ искать... А ты, гдѣ ни сядешь, все тебѣ мило! Что птица: сядетъ на землю—зернышко клюнетъ, сядетъ на вѣтку—поетъ!

— Вотъ это такъ!.. Мать тебя знаетъ!—крикнули дѣти и громко смѣялись.—Такъ ты ужъ впередъ, на міру, такъ и кричи: я, молъ, счастливый!.. А насъ-то оставь... Ну, прощайте пока... Съ вами не кончишь до утра... А намъ, вѣдь, ужъ скоро ѣхать... Неравно скотину, мамка, погонишь, толкни насъ!..

— Ну, ступайте... А мы ужъ, на старости и отдохнемъ... Ну-ка, старуха, дай намъ винца! Вспомнимъ мы съ нимъ старину...

— Вотъ хорошо... Эхъ, хорошо!.. Пусть ихъ, молодыхъ; намъ ужъ съ ними не жить! воскликнулъ Минъ Аѳанасьичъ и рядомъ за столъ усѣлся съ Пиманомъ.

— Ну-ка вотъ, старички, помѣряйтесь лучше другъ съ другомъ: кто счастливѣе прожилъ... Намъ, вѣдь, ужъ можно счеты свести,—сказала Катерина Петровна, ставя графинъ.

— Чай, пора... А можетъ... Богъ знаетъ!.. можетъ, жизнь и въ чужой еще вѣкъ заведетъ!.. Раньше смерти счета не сведешь!—замѣтилъ Пиманъ Савельичъ, наливая Мину стаканчикъ. — Ну, пріятель, такъ въ чемъ же намъ счастіе-то было, а?

— Прожили—вотъ тебѣ разъ; прокормили себя и другихъ—вотъ тебѣ два, да и напредки работниковъ міру оставимъ... Вотъ тебѣ и мужицкое счастіе!— отвѣтилъ Минъ Аѳанасьичъ.

— Слава Создателю!.. Нынче годъ былъ хорошъ... Какъ-никакъ, можетъ, справимся всё... Народъ, можетъ, продержитъ и себя, и скотину до новаго хлѣба, да и подати, можетъ, осилитъ... А то что ужъ! Бѣда! Вотъ три года тутъ было: земли своей мало, а ренды большія... Безъ урожая убытокъ одинъ... Сколько свели на базаръ за уплату аренды скота ни за что! Прежде не знали мы это...

— Тѣсно, тѣсно, Пиманъ Савельичъ, народу...

— Ну-ка, старуха, выпей и ты съ нами... Нонче всѣмъ подкрѣпиться не грѣхъ. Тебѣ будетъ съ нами не стыдно!— пошутилъ легонько старикъ.

— Чего стыдно! — сказала Катерина Петровна и опять повела лукаво глазами на Мина. Но Минъ Аѳанасьичъ стыдливо опустилъ бороду внизъ и долго боялся взглянуть въ лицо своей старой зазнобѣ.

Выпили; плотно поѣли моченыхъ груздей, чаемъ запили.

— Гдѣ жъ молодки?.. Неужь все гуляютъ?—спросилъ Минъ Аѳанасьичъ.

— Слышишь, чай, вонъ это твой заливается!—отвѣчала Катерина Петровна,— Якимъ твой, Пимаха, Анютка да Пашка мои. Нѣтъ имъ устатку!.. Пашутка отъ мужа бѣжала: выпилъ лишку, буянитъ да куралеситъ — выгналъ ее... Парень всѣмъ бы хорошъ, да разсудокъ теряетъ въ винѣ, а у него и такъ его мало; доберъ, работящъ, сердцемъ тепелъ и мягокъ, ну, а къ жизни приглядки не знаетъ... А какъ выпьетъ — совсѣмъ ужъ дуракъ... Да онъ по Пашуткѣ!.. Пашутка сама къ нему виснетъ. Прибѣжала сегодня, реветъ, а теперь вонъ съ молодыми гуляетъ, пока мужъ не уснетъ, да дурить перестанетъ. А назавтра сама на шею повиснетъ къ нему!.. Хорошо оно жить такъ пока, да послѣ-то трудно, трудно будетъ,—закончила мать и задумчиво взглядъ опустила.

— Ну, старикъ, за молодыми намъ не угнаться, — сказалъ задремавшій Пиманъ,—имъ вонъ и работа не въ усталь... Кровь молодая свое возьметъ!.. Не пора ли намъ къ мѣсту?

— Что жъ, пожалуй... Я ужъ прямо на сѣно.

— И я тоже... Тепло тамъ теперь, ровно на печкѣ!..

— Да шли бы вы вмѣстѣ къ намъ въ сѣнницу, чѣмъ порознь... Все жъ веселѣе было бы спать,—сказала жена.

— И то!.. За нами, вѣдь, не грудные ребята... Пойдемъ Минъ Аѳанасьичъ!..

На улицу вышли сначала, поглядѣли на небо. Покоились мирно на немъ блѣдныя звѣзды, только порой, словно внезапно сорвавшись, одна за другой быстро слетали и, загорѣвшись яркимъ огнемъ, исчезали во тьмѣ горизонта. Гдѣ-то зарница играла. Тихо. Даже вязъ старожилый спалъ крѣпко и не ворчалъ своей удрученной вѣками вершиной.

— Хорошо, кабы насъ Господь вдосталь уважилъ,—сказалъ Пиманъ Савельичъ.—Кабы еще постояла съ недѣлю такая пора, не надо бъ топить овиновъ... Сыромолоткой справились бы... А, вѣдь, намъ, какъ отняли лѣса, въ этомъ не малый разсчетъ!..

— Какъ можно! Что за мужикъ безъ воды, безъ земли, да безъ лѣсу!.. Страшно подумать!.. Не мало народу, слышно, стало—въ снопахъ хлѣбъ продаютъ, изъ того, что скорѣе на деньги купишь муки, чѣмъ дождешься своей...

— Эхъ, господа, господа! — покачалъ головой сокрушенно Пиманъ.

Прошли чрезъ дворъ, гдѣ лошади мирно дремали, опустивъ головы внизъ, да изрѣдка переступая ногами, огородомъ, откуда, словно тяжелый мѣшокъ, поднялась сова и, пролетѣвъ, неуклюже сѣла на крышѣ, черезъ конопляникъ, отъ котораго воздухъ кругомъ сталъ густымъ и тяжело-душистымъ. А вотъ и овины, скирды, а дальше ужъ поле... Распахнувъ ворота сарая, улеглись старики на свѣжее сѣно, повздыхавъ и покрякавъ.

— Господи Боже, спаси и помилуй насъ грѣшныхъ!— зѣвая, шептали они, раскинувшись на спины, вверхъ животами.

Потянуло сырою росой, а по ней откуда то чуть внятный говоръ донесся.

— Все еще наши гуляютъ,—говорилъ Минъ Аѳанасьичъ. — Это Янька... А это Анютка твоя хохочетъ...

И Минъ Аѳанасьичъ опять сладко зѣвнулъ.

— Слышь-ка, Пиманъ Савельичъ... Спишь, что ли?—заговорилъ онъ опять.

— Чего ты?

— Хотѣлъ я тебѣ нонѣ сказать, кстати ужъ... Помнишь, кажись, мы съ тобой когда-то уговоръ породниться поставили... Ась?

— Помню... Такъ что жъ?

— То-то, молъ, кстати... Вотъ и осень приходитъ, и хлѣбъ убранъ въ достаткѣ... Хорошо бы оно и пива заварить... Ась?..

— Что-жь, я не прочь... Только, знаешь ты самъ, въ этомъ дѣлѣ ребятамъ я не указчикъ.

— Знаю, знаю... Завсегда ты былъ ровенъ: почему-жь ты и счастливъ...

— Какъ Анютка да мать... Большаковъ тоже надо спросить... А мнѣ что!.. Насъ съ тобой, говорятъ, не разлей и вода... Только вотъ у тебя, вишь, идутъ перекоры, битва, а ты самъ говоришь...

— Полно, брось... Пустое все это!.. Изъ чего, вѣдь, и дѣло-то вышло: больно ужъ помилу зажили съ братомъ... Ну, говоримъ, что намъ порознь чаи распивать: будемъ сообща пить!.. И стали... Попуталъ вотъ грѣхъ... Изъ-за сахару, что ли, али изъ чего и повздорили бабы... Мы съ брательникомъ выпивши были... Ну, и того, значитъ, всякъ за свое... Это пустое... Мой Янька, ты знаешь, парень хорошій, въ работѣ примѣрный... Анютка твоя тоже дѣвка король, и умомъ, и работой... Да и сами они ужъ гуляютъ давно... Такъ какъ ты?..

— Говорю тебѣ, ладно... Вотъ подождемъ Покрова... Сватай... да спи-се!

И старики, повернувшись задомъ другъ къ другу, ноги поджавъ, какъ ребята, скоро заснули.

Въ щель сарая тихо глядѣла луна. Гдѣ-то скрипнула еще разъ калитка, и ночь налегла на деревню, окутавъ ее серебрянымъ свѣтомъ всплывшей на небо луны и свѣжепахучимъ паромъ отъ хлѣба и сѣна.

— —

ГЛАВА II.

Сонъ счастливаго мужика.

I.

Спитъ „счастливый" Иманъ и снится ему: какъ, чѣмъ и за что онъ сподобился этого счастія.

То было давно, лѣтъ больше полсотни назадъ. Ни мать, ни отца онъ съ сестрою не помнитъ, и первое, что прежде коснулось сознанія его, былъ „міръ" деревенскій. Страшное было въ немъ что-то, и вмѣстѣ въ немъ было все—и защита, и сила, и правда.

Помнитъ онъ, когда еще вкругъ Дергачей стояли глухіе лѣса и болота. Изба ихъ была вдалекѣ, на опушкѣ, у самаго лѣса. Помнитъ, какъ по ночамъ собирались тутъ какіе-то странные люди; долго сидѣли за свѣтцомъ изъ лучины, пили вино и считали да прятали деньги. Одинъ былъ высокій, здоровый, съ черною, какъ смоль, бородой и остро-сердитымъ взглядомъ; ходилъ онъ всегда въ грубой синей рубахѣ и синихъ портахъ, высоко засучивъ рукава, изъ-за которыхъ глядѣла мозолистой кожи, обросшая вся волосами, рука. Всегда подпоясанъ онъ былъ кушакомъ, за который засунутъ топоръ. Тотъ человѣкъ, надо думать, былъ суровый отецъ ихъ, такъ какъ одинъ онъ приносилъ имъ и хлѣбъ, и похлебку, и кашу. Откуда онъ бралъ все это—не знали они. Прежде съ сестрой кормила ихъ женщина, но давно ея они не видали. Съ тѣхъ поръ одиноко и робко сидѣли они цѣлые зимніе дни, дожидаясь, когда завернетъ въ избу тотъ черный мужикъ съ бородой, что приносилъ имъ и воду, и хлѣбъ. Были малы они, никого изъ людей деревенскихъ не знали, только порой, по лѣтамъ, заходили къ нимъ изъ деревни храбрыя дѣвки и парни, которые рѣшались пускаться въ лѣсную трущобу за малиной, грибами и клюквой.

По зимамъ же было имъ жутко и страшно, когда завывали метели и волки и выходилъ изъ берлоги медвѣдь. Но не долго такъ было. Однажды, весной, когда еще снѣгъ не сошелъ весь, слышатъ они, какъ все ближе и ближе говоръ несется и шумъ; вотъ онъ раздался въ лѣсу; черный мужикъ, что принесъ имъ и яицъ, и хлѣба, вдругъ оробѣлъ, сердито брови наморщилъ и, со скамьи не вставая, угрюмо подслушивалъ говоръ, словно волкъ, что почуялъ погоню.

— Міръ!—вдругъ сказалъ онъ, какъ будто невольно, и весь задрожалъ, заметался; то ребятишекъ на руки бралъ, то въ подполье совался.

И страшно стало Иману съ сестрой этого грознаго слова.

Не долго прошло; какъ густою толпой мужики окружили избу; другіе же двинулись въ лѣсъ и разсыпались тамъ, наполнивъ его шумомъ и гамомъ. Тогда старики, съ бородами въ лопату, въ лаптяхъ, съ длинными палками, ввалились въ избу и, приказавши отцу явиться на сходку, вышли всѣ вмѣстѣ. Здѣсь, у избы, усѣвшись рядами на бревнахъ, изъ которыхъ сочилась смола золотая на солнцѣ, стали они что-то сурово отцу говорить. Что тамъ было, о чемъ говорили, ни Иманъ, ни сестра не слыхали. Только скоро послышались имъ дикіе

крики и вопли отца, а изъ лѣсу, съ разныхъ сторонъ, какъ по командѣ, раздался, гулко и звонко, стукъ топоровъ о вѣковѣчныя сосны. Дрогнулъ какъ будто лѣсъ заповѣдный, и съ послѣднимъ крикомъ отца ихъ послышался хрястъ отъ паденья деревьевъ. Испугались ребята и въ сильной тревогѣ забились за печку; слушали день весь, какъ по лѣсу гулъ и стукъ разносился, какъ птицы кричали, будто жалобно плача, носясь тучей надъ разоренными гнѣздами, какъ пѣсни и говоръ немолчный скоро повисли вокругъ. На царство лѣсное войной шло царство мірское.

Поздній вечеръ насталъ, и солнце давно спустилось за стѣну лѣсную, сквозь стволы пробиваясь снопами желтыхъ лучей, когда на смѣну уставшимъ прибыли новые люди съ цѣлымъ рядомъ порожнихъ подводъ: то были бабы и дѣти; шумно скакали онѣ прохладной просѣкой, спѣша на подмогу мужьямъ и отцамъ, которые ихъ поджидали, сидя на свѣжеобрубленныхъ пняхъ. Скоро, сложивъ на колеса сочныя бревна, а сучья и хворостъ покинувъ на поруби, весело двинулся поѣздъ къ деревнямъ; ребятишки верхами сидѣли на бревнахъ, молодыя дѣвки и парни впередъ шли съ громкими пѣснями, а за ними отцы, тихо ступая, усталые двигались. То былъ словно поѣздъ побѣдителей, возвращавшійся съ битвы, обремененный добычей. А на него, будто украдкой, въ окно долго смотрѣли Пиманъ и сестра, у которыхъ любопытство давно пересилило страхъ: никогда еще прежде они не видали столько народу... Вотъ онъ, этотъ „міръ", передъ которымъ суровый отецъ задрожалъ (они не знавали, чтобъ онъ когда передъ чѣмъ волновался въ испугѣ), и застонало лѣсное, темное царство...

Долго тянулся медленный поѣздъ, пока удалось ребятишкамъ выглянуть за дверь и подсмотрѣть, что совершилось. Вмѣсто зеленой стѣны, за которою страшное что-то скрывалось, передъ ними справа и слѣва и сзади лежала равнина, а столѣтнія сосны, будто въ испугѣ, далеко назадъ подались и угрюмо смотрѣли на поверженныхъ братьевъ. Долго стояли тутъ и смотрѣли Пиманъ и сестра въ нѣмомъ изумленьи вокругъ—и на равнину, зеленымъ еще и свѣжимъ покрытую хворостомъ, и на холмы съ деревнями, что вдругъ вдали открылись предъ ними, и на пернатыя стаи, что все еще съ жалобнымъ крикомъ носились надъ порубью, ища разоренныя гнѣзда и клича побитыхъ птенцовъ. Ночь наступила, а къ нимъ все не шелъ еще черный мужикъ, съ которымъ нынѣ страшное что-то такое свершилось. Только ужъ къ раннему утру, чуть загорѣлась заря, торопливо зашелъ онъ въ избу, слазилъ въ подполье, вынулъ оттуда что-то въ мѣшкѣ, насыпалъ на столъ груду мѣдныхъ монетъ, подошелъ къ ребятишкамъ... но, махнувши сердито рукою, вышелъ опять... А на утро, чуть солнце поднялось, снова съ гуломъ и гамомъ тотъ же „міръ" надвигался на лѣсъ, что вчера; только сегодня съ ихъ избой не имѣлъ ужъ онъ дѣла; толпы съ топорами, пилами валили одна за другою все дальше, мимо поруби свѣжей, къ отступающему лѣсу. Скоро опять раздались гулкіе стоны и хрястъ подрубаемыхъ сосенъ. Долго ждали Пиманъ и сестра, но ни отецъ, ни „міръ" къ ихъ избѣ не являлись. Прошли къ лѣсосѣкамъ бабы и дѣти, толпами несяуставшимъ въ кувшинахъ и кринкахъ квасъ, молоко, пироги. Голодъ сталъ мучить Пимана съ сестрой. И вышли они изъ избы и, присѣвъ на брошенный пень подъ окномъ, стали плакать. Тогда подходили къ нимъ сердобольныя бабы: „гдѣ же отецъ?"—говорили и, покачавъ головой, имъ по куску пирога оставляли, спѣшно и что-то между собою толкуя, торопясь къ ожидавшимъ ихъ мужикамъ.

А когда свечерѣло и вновь тронулся изъ лѣсу длинною цѣпью обозъ съ свѣжими бревнами, а Пиманъ и сестра все сидѣли еще у избы и плакали въ страшномъ смущеньи, что ихъ снова однихъ покидаютъ, тогда проходившій съ обозомъ народъ приставалъ возлѣ нихъ и говорилъ:

— Неужли-жь однихъ покинуть ихъ на ночь? Отца, вишь ты, съ ночи они не видали... Чего бы съ собой да и съ ними онъ не надѣлалъ?

И, сказавши, входили въ избу, смотрѣли и въ печь, и въ закуты, и нигдѣ не нашли ничего изъ съѣстнаго. Когда же увидали кучу монетъ на столѣ, всѣмъ на умъ подозрѣніе пало, что не даромъ лѣсникъ это сдѣлалъ. И, сговорившись, рѣшили всѣ въ голосъ:

— На міръ!.. Надо и деньги, и ребятишекъ къ міру представить.

Услыхавъ это страшное слово, ребята опять заревѣли: представилось имъ, что

старики съ бородами и палками сдѣлаютъ съ ними то же, что и съ отцомъ. Однако же, ихъ на воза посадили и, давъ по ломтю пирога, повезли на деревню. Тутъ подъ вязомъ старшимъ ихъ на бревно посадили, сказавши, чтобы ждали они, когда сберется народъ. Ребятишки, что улицу всю запрудили, встрѣчая стадо, сгрудились около нихъ и съ любопытствомъ смотрѣли, какъ на волчатъ, принесенныхъ изъ лѣса.

Скоро начали къ нимъ подходить старики, и вотъ собрался снова „міръ", котораго словомъ однимъ, невольно сорвавшимся съ губъ, научилъ ихъ бояться отецъ и видѣть въ немъ высшую силу. Сначала старики стали разспрашивать ихъ, но мало добились толку.

— Надо на міръ взять!—сказали одни.—За отца не отвѣтчикъ ребенокъ.

— Кто же будетъ кормить ихъ?—замѣтили бабы.—Они еще малы, за ними уходъ да глаза, а у всѣхъ насъ самихъ ребятъ полны руки... Сбились сами мы съ ними.

— Полно вамъ брехать!.. Оставьте!—крикнули тутъ старики.

Но бабы не унимались.

— Вамъ мужикамъ хорошо,—говорили они,—вы не знаете нашего дѣла: и за скотиной поспѣй, и на полѣ, и въ печь, и вамъ наготовить холста да синюхи, себя обшей да ребятъ... Ты его, малаго, вымой, обшей, накорми...

— Что-жь, ихъ въ лѣсу, что ли, бросить?—заговорили міряне.—Моли еще Бога, что у отца не остались... Вышли бы съ нимъ такіе же волки лѣсные! А у насъ все же крестьянами будутъ... Года два прокормить, а тамъ ужъ, глядишь, за ними потянетесь сами: при землѣ лишній работникъ — Божія милость!.. А они при землѣ-то да на міру, погляди, мужиками выйдутъ какими. Будутъ работники міру, и насъ самихъ лучше... Мы вотъ говоримъ: что намъ міръ! Мы, молъ, сами себя откормили... Такъ-то...

— Что говорить! бываетъ и такъ, что на мірскихъ-то хлѣбахъ и змѣю вспоишь-вскормишь, — замѣтили неугомонныя бабы.—Отъ такого отца и щенята такіе... Не ровенъ часъ, съ ними своихъ ребятишекъ испортишь...

— Ну, молчите!... Ждите мірского рѣшенья! — крикнули тутъ старики (а въ ту пору старики на міру были сила большая). Пока малы они, пустимъ, міряне, ихъ въ череду на прокормъ... А ужъ послѣ, коли отецъ не объявитъ себя, пристроимъ къ хозяйному дому... Вамъ же, бабенкамъ, приказъ: буде кто изъ васъ станетъ ими гнушаться, ту, по суду стариковъ, высѣчемъ здѣсь вотъ, на сборнѣ.

— Ну, что болтать!.. И впрямь не лѣсные волчата... Къ семьямъ берутъ, не то что на міръ! — сказали солидныя бабы, и всѣ расходиться стали по избамъ.

Старики же промежъ собой еще толковали, головами въ раздумьи качая:

— Вишь ты, лютое сѣмя; не хочетъ смириться... Ушелъ!.. Да они ужъ издавна были такіе: хлѣбопашества вѣкъ не знавали. Такъ лѣсными людьми завсегда проживали. Дикіе стали... А послѣ вотъ мастерствомъ занялись по дорогамъ. Ну, да и лучше, какъ мы изведемъ ихъ гнѣздо: а то ужъ и такъ навели на насъ всякаго чину... Только и знаемъ—обыскъ, облава, опросы... Дай понюхать разокъ, а начальники рады... А намъ эдакъ не жить!.. Мы только и живы, пока насъ не трогаютъ гости такіе... А ему все одно!.. Что ему!.. Съ насъ отвѣтъ, а онъ въ лѣсъ схоронился... Поди, ищи съ него тамъ отвѣта!

— Ну, теперь не вернется,—подтвердили другіе,—всыпали такъ, что навѣкъ помнить будетъ... Такъ-то, братъ, лучше, чѣмъ къ начальству тащить: и живѣ пустили, и въ память пойдетъ.

— Теперь не вернутся! — добавили третьи. — Гнѣздо ихъ до тла разоримъ, какъ вылущимъ лѣсъ на полверсту кругомъ, да выжжемъ огнемъ до самаго сердца, да соху запустимъ гулять. То будетъ веселье! И хлѣба, и травъ соберемъ не въ проѣжу, да и волковъ съ медвѣдями двинемъ подальше отъ насъ... И то одолѣли... Хлѣбъ-то да травка получше будетъ, чѣмъ лѣсная дичина... Да и мы, глядишь, веселѣе станемъ смотрѣть, какъ кругомъ передъ нами вскроется все: и рѣка, и холмы, и деревни.

— Гляди, и съ самихъ посойдетъ не мало лѣсного-то виду... Въ полѣ-то къ солнышку ближе, теплѣе; передъ людьми и передъ Богомъ виднѣе станетъ. Вотъ лѣсъ уронимъ, того и смотри, надъ верхушками крестъ съ погоста увидимъ—что звѣзда загорится!.. Ну, лишній разъ и Бога попомнишь, и лобъ перекрестишь.

— Что вѣрно, то вѣрно.

Тутъ, кряхтя, поднялись старики, чтобы домой разойтись, но старѣйшій изъ нихъ сказалъ:

— Что-жь ребятишекъ? Совсѣмъ и за-

были... Стариковская память короче мизинца! Они вотъ и такъ на росѣ ужъ издрогли... Съ кого же чередъ начинать?

— Ну, начнемъ съ моего хоть конца,— сказалъ съ большою бородой, весь сѣдой старичище изъ рода Груздей.

Такъ порѣшивъ, разошлись старики, а Груздь, журавлемъ длинноногимъ шагая, согнувшись, какъ оцѣпъ, взялъ за руки Пимана съ сестрой и, какъ бабы таскаютъ овецъ за собой, потащилъ ихъ, не говоря имъ не слова, такъ что они вприпрыжку бѣжали и отъ страха боялись вздохнуть.

Помнитъ Пиманъ и доднесь эти дни, когда онъ впервые познакомился съ міромъ мужицкимъ и судомъ стариковъ. Крѣпко врѣзалось въ память ему все, что онъ видѣлъ и слышалъ тогда; ясно, какъ день, помнитъ все это, какъ будто впервые сознанье свѣтлымъ лучомъ озарило его и навѣки въ мозгу укрѣпило.

Помнитъ Пиманъ, какъ впервые ихъ посвящали ребята въ свой собственный міръ. Раннимъ утромъ, однажды, въ жаркій ведреный день, увидали они какъ съ холмовъ, отъ деревень ихъ сосѣдокъ, толпами шли ребятишки, дѣвки и парниподростки и всѣ собирались на улицѣ, дожидаясь приказа отъ старшихъ.

— Палы! Палы палить!—кричали они. Ваше лѣсное гнѣздо выжигать, — добавляли Пиману съ сестрой.

И скоро, веселые всѣ, захвативши съ собою сиротъ, шумною гурьбой двинулись къ лѣсу. Здѣсь, разсыпавшись мигомъ по поруби, вкругъ которой, отъ лѣса, канава была ужъ прорыта, чтобы прекратить морю огня доступъ къ деревьямъ, стали складывать высохшій хворостъ въ высокія кучи. Скоро трескъ начался; тамъ и здѣсь языками огонь показался и жадно лизать сталъ на солнечномъ жарѣ изсохшую зелень. Дымъ бѣловатый сперва, какъ-будто колеблясь, тихо и низко поползъ по равнинѣ. Но вотъ застоявшійся воздухъ сталъ колыхаться, и по равнинѣ сначала легкой струей пробѣжалъ вѣтерокъ; веселѣй языки заходили по сучьямъ, гуще дымъ вырывался изъ разгоравшихся кучъ, и, наконецъ, вспыхнуло все, какъто сразу, моремъ пожара; красный огонь то длинными лентами рвался высоко на воздухъ, то, какъ змѣя, извивался ползкомъ, по землѣ, забираясь подъ хворостъ; скопившійся дымъ вдругъ столбомъ, словно смерчъ, поднялся къ облакамъ и наполнилъ окрестность мглой и удушливымъ смрадомъ. Тутъ, какъ-то сразу, все оживилось въ равнинѣ: трескъ и шипѣніе сучьевъ, крики птицъ, ошалѣло носившихся въ дымѣ, крикъ и визгъ ребятишекъ, скакавшихъ возлѣ огня въ изступленіи какомъ-то, словно дикіе здѣсь собрались и справляли священную пляску предъ вѣчнымъ огнемъ. Такъ взрывы стихій покоряютъ себѣ людское сознаніе и волю и превращаютъ насъ въ жалкихъ дѣтей, то въ паническомъ страхѣ бѣгущихъ предъ ними, то безумно подражающихъ имъ безсознательнымъ звѣрствомъ. Заметалось тревожно царство болотъ и лѣсовъ: тысячи ящерицъ, жабъ, лягушекъ и змѣй, зайцевъ, ежей, и кротовъ и всякой твари годяной и подземной—бросились въ необычайномъ волненьи вонъ изъ трущобы, которая безконечнымъ рядомъ вѣковъ охранялась непобѣдимымъ строемъ деревъ; все спѣшило, конвульсивно избѣгая огня, который, словно въ догонку, бѣжалъ и лизалъ языками, иныхъ пожирая на мѣстѣ, увѣча другихъ и заставляя вертѣться и прыгать въ страшныхъ мученіяхъ; все спѣшило искать спасенья въ канавѣ. Но здѣсь ихъ встрѣчали скакавшіе шумно дѣти и въ радостно-дикомъ самозабвеньи палками ихъ добивали, топтали ногами или же, съ побѣднымъ крикомъ, снова бросали въ огонь.

Величавое было что-то и вмѣстѣ съ тѣмъ страшное въ этомъ походѣ на трущобную дичь! А Пиману съ сестрой такъ сдѣлалось жутко и больно, что они вразъ заревѣли, подъ дружный хохотъ ребятъ, какъ будто имъ жалко вдругъ стало всей этой дичины.

Помнитъ Пиманъ, что долго спустя, послѣ того какъ не разъ еще міръ собирался на зеленой равнинѣ, то пни корчевать изъ-подъ неостывшей еще и покрытой золою земли, то съ сохой поднимать новину, то дѣлиться и жребій бросать межъ собой по частямъ этой новой, свѣже-распаханной нивы, подобно недавно вѣнчанной женѣ, цѣломудренно скрывавшей въ себѣ избытокъ плодородныхъ силъ, — помнитъ, какъ въ первый разъ самъ онъ ступилъ съ сохою на эту равнину и, покрестясь, въ дѣвственно-упругую грудь ея вонзилъ глубоко могучею рукой остріе сошника... И долго еще казалось ему, будто кишатъ и шипятъ вкругъ него гады лѣсные, на огнѣ извиваясь, а лѣсовикъ шумитъ и гудитъ, угрожая изъ лѣса.

Но міръ побѣдилъ и навѣки скрѣпилъ брачныя узы между земледѣльцемъ и дѣвственной почвой. Такъ, послѣ бурной и пламенной страсти, борьбы и страданій, бракъ налагаетъ незамѣтныя узы на примиренныхъ любовью, чтобы мирно они могли возрастить плодъ взаимной любви.

Два года прошло, какъ Пиманъ съ сестрой ведутъ череду, кормясь и ночуя въ каждой избѣ столько дней, сколько работниковъ значилось въ домѣ. Вызнали за это время они всѣхъ односельцевъ: были иные добры къ нимъ и заодно съ своими дѣтьми почитали; и пищу, и мѣсто все вровень дѣлили, вровень же шли и наказанья, и ласки; другіе же были суровы и скупы, и часто хорошимъ кускомъ обдѣляли, ревнуя къ дѣтямъ своимъ. Здѣсь научились они, день за днемъ, обиходу семейному: почитать и бояться старѣйшаго въ домѣ и во всемъ къ нему обращаться, такъ какъ всякому онъ воздавалъ равное и чинилъ поравненье въ работѣ, въ одеждѣ и въ пищѣ, заботясь, чтобъ всѣ за одно ходко и дружно старались о домѣ, чтобъ никто одинъ предъ другимъ не кичился, чтобы зависти и злобы другъ къ другу не знали и чтобы оттого въ хозяйствѣ не вышло ущерба. Когда же смута случалась въ домѣ, и старѣйшій не въ силахъ былъ ее прекратить собственной властью, или же самъ не соблюлъ поравненья, слабости ради людской, тогда всѣ выходили на міръ и общимъ рѣшеньемъ судили виновныхъ: старики наставленье дѣлали, а потомъ сѣкли виновныхъ у всѣхъ на глазахъ, такъ какъ въ то время много еще дикаго было въ лѣсныхъ мужикахъ. Часто въ семьяхъ ссорились жены съ мужьями, и братья, и сестры, и часто готовы бывали другъ друга до смерти забить изъ пустого; но міръ, охраняя общій спокой совмѣстной жизни, бдѣлъ надъ каждымъ и чувства любви, справедливости, равенства въ ближнихъ воспитывалъ строго, воздавая трудолюбивымъ и мирнымъ почетъ, обороняя слабыхъ и хилыхъ, а нерадивыхъ и буйныхъ строго казня. Такъ издавна въ дикой душѣ земледѣльца развивала совмѣстная жизнь добрыя чувства; исподволь ихъ же взращала она въ юныхъ душахъ новыхъ пріемышей міра—Пимана съ сестрой, которые до того ни людей не знавали, не видали ни ласки, ни гнѣва.

II.

На другой бокъ повернулся „счастливый“ Пиманъ.

Вотъ ужъ и дѣтство минуло. Ушли въ невозвратную даль и лѣсная дичина, и суровый мужикъ, съ черной, какъ смоль, бородой; порвались связи лѣсныя: съ лицъ угрюмость лѣсная сошла, и съ души дикая робость. Ходитъ Пиманъ теперь бравымъ, степеннымъ подросткомъ; прямо и смѣло смотритъ въ лицо деревенскому міру; онъ ужъ умѣетъ, какъ настоящій парень мірской, ловкимъ взмахомъ забрасывать со лба волосы, аккуратно подстриженные въ скобку, или, играя плечами, поправлять на нихъ казакинъ, небрежно наброшенный сзади. Вотъ онъ—то сидитъ на бревнѣ у крѣпко-скроенной избы, съ хитрой рѣзьбой по карнизу и въ полотенцахъ у оконъ, то по двору ходитъ, убирая коней, таская копнами сѣно и воду изъ мірского колодца, или же въ растворенныя настежь ворота видно, какъ онъ пристально смотритъ на старика, который, сидя въ прохладной сѣнницѣ, свѣжедушистыя доски строгаетъ и хитрою рѣзьбой ихъ украшаетъ. Видно, доволенъ старикъ: оживленно передаетъ онъ Пиману мудрость узора, рисунка, что самъ придумалъ, чистоту и точность пригонки, вѣрность, силу, умѣнье владѣть инструментомъ, хотя весь инструментъ былъ топоръ да стамеска. Этотъ старикъ былъ тотъ Груздь длинноногій, что первый съ себя началъ череду мірского кормленья Пимана съ сестрой и увелъ ихъ со сходки; онъ же былъ зодчій мірской и художникъ. Всюду на избахъ видпѣлись слѣды его творчества; гдѣ конекъ, гдѣ полотенце, карнизъ, а также ребячьи игрушки да дѣтскія люльки, въ которыхъ матери возятъ съ собою въ страду грудныхъ ребятишекъ. Избы же пригляднѣе не было, какъ изба самого Артемія Груздя: цѣлыя зимы Артемій неустанно творилъ и готовилъ къ веснѣ застрѣхи, подзоры, балясы на кровлю, на окна, на столбы и ворота.

Было время, когда Груздь выходилъ на поля и въ луга самъ восьмой, впереди шестерыхъ дочерей, краснощекихъ, здоровыхъ и рослыхъ, да хозяйки, пожалуй, породистѣй каждой изъ нихъ. На міру ихъ такъ и прозвали „дѣвичьей вытью“. Вся молодая Вальковщина часто на общихъ покосахъ глазъ не сводила съ этой семьи и дивилась счастью Артемія Груздя. Только самъ Груздь не былъ радъ счастью

такому: на дѣвокъ не прочны надежды. Давно ужъ женой недоволенъ былъ деревенскій зодчій; давно между ними прошла черная кошка, и съ каждымъ новымъ рожденьемъ ребенка мрачнѣе становился Груздь. Ему иногда говорила жена: „Что же ты сердишься? Развѣ домъ у тебя не полная чаша? Развѣ я съ дочерьми меньше работаемъ, чѣмъ мужики? Али мы слабже ихъ, въ работѣ уступимъ? Али дѣвки наши гуляютъ? Посмотри, всѣ завидуютъ намъ: у кого по зимамъ столько наткано холста и синюхи? У кого такъ скотину холятъ и нѣжатъ? У кого такъ прибрано, вымыто чисто, въ избѣ, во дворѣ? У кого столько птицы домашней?“ Такъ считала съ укоромъ жена, но упорно молчалъ Груздь на эти рѣчи. „Ладно, ладно,—онъ про себя повторялъ,—дѣвки—вѣтеръ!.. Только того и глядятъ, какъ бы изъ дому вонъ: имъ не дорого то, что отцу было дороже всего: все промѣняютъ на перваго парня, на льстивую рѣчь, на красное слово... Хорошо оно—точно, покамѣстъ... А вотъ налетитъ молодая Вальковщина, что теперь стаями вкругъ дочерей моихъ ходитъ, съ разныхъ концовъ налетитъ—и прощай! Растащутъ тогда все хозяйство клочками, и памяти нѣтъ ужъ объ томъ, кто его собиралъ, охранялъ и всю душу въ него полагалъ... А кто *мое* охранитъ, сбережетъ?.. Кому въ этой избѣ дорога будетъ каждая малость; кто будетъ помнить, что вотъ надъ этимъ узоромъ старикъ цѣлыя ночи корпѣлъ; кто въ печку не броситъ его, кто все охранитъ отъ врага, кто за каждую малость встанетъ всей грудью и жизнью, а память о тебѣ передастъ и потомству?..“

Такъ думалъ Груздь и, случалось, въ припадкахъ тоски, подъ пьяную руку, онъ дико и звѣрски ругался и дрался, и взаимная ненависть росла между нимъ и женой съ дочерьми. Тяжко имъ стало въ родительскомъ домѣ и часто мечтали онѣ, какъ бы скорѣе оставить его и промѣнять на любимаго мужа.

Еще мрачнѣе сталъ Груздь, когда мало-по-малу сиротѣть сталъ его дворъ; когда молодцы изъ деревень пріѣзжали и увозили его дочерей вмѣстѣ съ приданымъ, уводя коровъ и овецъ, лошадей и свиней, и все больше хозяйство его оголяя. Часто на свадьбахъ сидѣлъ онъ тогда суровъ и угрюмъ, мрачно пилъ и мрачнѣе ночи возвращался въ свой домъ.

— Зятя во дворъ взялъ бы къ себѣ, — говорили ему тутъ міряне. — Что же грустить? Противъ судьбы не пойдешь.

— Зятя!.. Что зять!—отвѣчалъ старый Груздь.—Зять придетъ къ тебѣ ужъ готовый... Зять—чужакъ. Зятю смиренный поклонъ да первое мѣсто, а самъ — позапечку... Кто онъ такой — къ нему въ душу не влѣзешь... Отдайте-ка лучше мнѣ парнишку Пимана: два года за нимъ я слѣдилъ, все не рѣшался, думалъ, въ отца бы не вышелъ... Да нѣтъ, видно, не той онъ породы... Отдайте; сниму парнишку съ мірского хлѣба... Небойсь, меня знаете: не взращу лиходѣя крестьянскому міру... Предоставлю вамъ мужика въ полномъ видѣ.

— Лучше не надо!—отвѣтилъ міръ.—Пора ужъ къ дѣлу пристроить сиротъ... Да возьми ужъ кстати дѣвчонку.

Тутъ Груздь угрюмо вскочилъ и сказалъ, уходя, рукою махнувши:

— Коли такъ—не надо!

Но міръ, разсмѣявшись, его воротилъ:

— Испугался?.. Боишься ты бабьяго роду!.. Ладно, бери одного ужъ, другую мы къ мѣсту пристроимъ... За дѣвкой еще время терпитъ.

Года не выжилъ у Груздя Пиманъ, какъ старикъ ужъ совсѣмъ морщины разгладилъ на лбу: все улыбнулось въ семьѣ; еще свѣтлѣе и чище глянула изба; любовнѣе еще за хозяйство принялись старикъ и старуха, и веселѣй теперь выдавали послѣднихъ дочерей своихъ замужъ: въ будущемъ—дому хозяинъ-опора и старцамъ защита былъ найденъ. Что ни годъ, Пиманъ выправлялся и тѣломъ, и духомъ. Съ тайнымъ сердечнымъ волненіемъ слѣдилъ за нимъ Груздь, а подъ конецъ и души въ немъ не чаялъ. Выходилъ изъ Пимана мужикъ идеальный: ростомъ и силою справенъ, почтителенъ къ міру и старшимъ, ровенъ во всемъ—и въ трудѣ, и въ забавахъ; безъ пути не совался всѣмъ на глаза, въ дѣло, не въ дѣло; съ одногодками друженъ всегда былъ и ссоръ изъ пустого не дѣлалъ; къ хозяйству внимателенъ былъ, скотину любилъ и ко всякой хозяйственной вещи относился съ почтеніемъ и осторожно, и всегда былъ суровъ, когда одногодки часто въ шалостяхъ что-либо портили во дворѣ у Артемія Груздя. Крестьянская жизнь, гдѣ часто подростки, заодно съ большаками, всѣ выполняютъ работы, рано пріучила къ степенству; а череда мірского кормленія еще больше укрѣпила въ Пиманѣ съ сестрой осторожность во всемъ, что ка-

салось чужого добра, такъ какъ нерѣдко сурово и строго хозяева ихъ тому обучали.

Въ великомъ довольствѣ былъ старый Груздь, видя, какіе задатки растутъ и крѣпнутъ въ душѣ пріемнаго сына, и часто, примѣромъ и словомъ, онъ еще больше старался въ немъ утвердить ихъ, передавая все, что, по долгому опыту, считалъ за устои жизни крестьянской.

И вотъ, по зимамъ, обучая его выводить узоръ по доскамъ, онъ такъ говорилъ ему:

— Вотъ такой же былъ я, какъ и ты, когда еще живъ былъ отецъ и когда впервые за Вальковщину мы воевали. Тогда жили мы вовсе въ лѣсу, отъ всѣхъ словно крѣпкой стѣной отрѣзаны были. Вальковщины только и было, что наши сосѣдки Грачи да Тычки, да два-три починка. Больше народу въ нихъ было, точно, ну, да послѣ войны разселились. А то жили во всемъ, какъ одни: расчищали лядины, болота сушили. Жили сами себѣ господа: никого не знавали, да и насъ никто не касался. Судились, рядились, женились—все сообща, на міру; подъ нашимъ вотъ вязомъ вся Вальковщина тутъ и сбиралась. Сами тутъ выбирали себѣ цѣловальниковъ, мѣрщиковъ, вытныхъ и торговыхъ людей, что отъ міра въ довѣренныхъ были и за разной мірской потребой раза два въ годъ ѣздили въ городъ. Всѣмъ управлялись мы сами; сгоримъ ли—мигомъ всѣ соберемся Вальковщиной всей, избы нарубимъ еще того лучше. Хворь ли какая деревню охватитъ бывало — опять всю Вальковщину скличемъ: можжевельнику кучи изъ лѣсу натащимъ, обставимъ деревню кругомъ, подожжемъ и окуримъ, а больнымъ натаскаемъ и хлѣба, и молока. Когда же настанетъ страда — всѣ поля уберемъ имъ, хлѣбъ уложимъ въ скирды, обмолотимъ. Такъ дружно мы жили, никакой, кромѣ міра, власти не зная. Справедливѣе же міра не сыщешь, его не закупишь, не обойдешь, не обманешь, потому на міру все у каждаго всякому видно. Міръ никого не обидитъ напрасно, такъ какъ ему самому мзды не надо, строго и чинно блюдетъ онъ общее дѣло и пользу. Старшіе-жь въ мірѣ, что опытомъ долгимъ познали, что для крестьянина зло и добро, совѣты даютъ молодымъ. Такъ мы жили, издавна повинность одну отправляли честно и твердо: въ городъ справляли овесъ мы и сѣно для царскихъ коней, что стояли тутъ на запасѣ. Было у насъ здѣсь вдоволь всего—и земли, и лѣсу, и птицы. Случалось, заѣзжали къ намъ дальніе люди — и диву давались, глядя на наше житье, и страшнаго много намъ про себя говорили. Говорили, что міръ ихъ давно ужъ порушенъ, что надъ нимъ была сила большая, что бары жили въ ихъ деревняхъ, что сѣкли кнутомъ ихъ и плетью, что хуже скотины держали, и что на базаръ, какъ коровъ, продавать выводили отцовъ, дочерей, сыновей; что съ близкими сердцу ихъ разлучали для прихоти барской; что отрывали ихъ отъ полей, которыя сами вспоили пбтомъ и кровью... Отъ этихъ рѣчей вчужѣ жутко намъ становилось, да къ тому же порой подтверждали и наши мірскіе торговые люди, которые въ города и къ сосѣдямъ ѣздили съ хлѣбомъ мірскимъ на продажу и мѣну. Тогда же стали все чаще, въ нашихъ лѣсахъ укрываясь, странники къ намъ приходить и страшнѣе того говорили намъ рѣчи: „Богу молитесь, говорили они, а не попамъ!.. Заблудился человѣческій родъ... Злой народился антихристъ... Прячьтесь, крестьянскіе люди... Всюду слуги антихриста ѣздятъ и клейма кладутъ на людей, и отмѣчаютъ каждаго картой съ печатью, и обращаютъ въ рабовъ подъяремныхъ“. Старики стали думать: „Коли у сосѣдей все хуже да хуже, жди тутъ бѣды“. Собралась Вальковщина наша и порѣшили: „крѣпиться, сколь можно, съ сосѣдями меньше дѣлъ заводить, на гульбища къ нимъ не ходить, не водить съ ними свадебъ, смирнѣе сидѣть за лѣсною стѣной, а въ городъ пускай будутъ ѣздить по выбору лишь старики, что всѣхъ разумнѣй и тверже. Кто же противъ заказа мірского пойдетъ, будетъ тому строгая казнь“. Бывало, къ намъ только и ѣздилъ, что попъ, да и то когда сами за нимъ пріѣзжали. Тогда церковь отъ насъ была далеко, верстъ, поди, за 30. А тутъ порѣшили: не ходить и за нимъ. Свадьбы стали водить только между своими, безъ поповъ, самокруткой, на мірѣ; и хоронили тоже властью своей; это и прежде бывало. Вскорѣ же тутъ черезъ лѣсъ нашъ, случилось, бѣглый попъ проходилъ, отъ начальства скрываясь. Несъ онъ подъ мышкой старинныя книги: апостолъ да требникъ, крестъ да кадило, завернувши все въ освященный платъ. Попросили его мы тутъ міромъ на кладбищѣ общія всѣмъ нашимъ могилкамъ справить поминки, а самокруткой вѣнчанныхъ обвести вкругъ

налоя. Бѣглый тотъ попъ (Варламомъ онъ звался) все намъ исполнилъ, о чемъ мы его ни просили. Полюбился онъ намъ, да и ему показалось у насъ хорошо: остался на зиму. Тутъ-то бесѣды пошли съ нимъ у насъ! Читалъ онъ намъ Божіе слово, ходилъ вкругъ полей, кадиломъ кадилъ, служилъ намъ молебны и много хорошаго намъ повѣдалъ о вѣрѣ Христовой, о гонимыхъ за вѣру, о томъ, какъ живутъ и что творится въ мірѣ. Рады мы были такому попу несказанно!.. Свой былъ попъ—одно слово. Не зачѣмъ было теперь намъ совсѣмъ знаться съ начальствомъ. Былъ онъ, точно, падокъ къ вину, ну, да мы это ему ужъ прощали. Для кормежки ему, какъ тебѣ же, мірскую череду заказали. Нашлось тутъ не мало изъ нашихъ, что похотѣли и сами книжному дѣлу у него поучиться. Училъ онъ охотно, хотя и дрался не мало. Ну, да и это мы тоже прощали. Вотъ и я у него перенялъ тогда къ разнымъ узорамъ охоту: ловко умѣлъ онъ узоромъ буквы украсить. Я было тоже тогда и грамоту перенялъ, да, признаться, опять призабылъ все... А меня онъ любилъ, и тогда еще мнѣ подарилъ списокъ, писанъ уставомъ, а заголовокъ хитро украшенъ рисункомъ. Прозывается онъ „Слово о двухъ мужикахъ“. Признаться, прочесть его все не удосужилось мнѣ, хотя ужъ тому прошло лѣтъ больше полсотни. Зато берегъ я его: думаю, можетъ, сынишка будетъ, коли ни то разберемъ... Да вотъ сына себѣ и по сейчасъ не дождался... Передамъ ужъ тебѣ: береги... Коли самого Богъ не попуститъ наукой, своимъ сынамъ передашь, когда ни то и дойдутъ, что прописано тамъ. Читалъ намъ, признаться, тотъ попъ, да я ужъ не помню.

— Ну, какъ же вы жили съ бѣглымъ попомъ? — спросилъ Иманъ. — Вѣдь, до того, кромѣ простыхъ земледѣльцевъ, онъ никого не знавалъ.

— Вышло у насъ вскорости, братецъ, съ попомъ тѣмъ Варламомъ дѣло большое... Уже два лѣта живетъ у насъ попъ; вызналъ, высмотрѣлъ за это лѣто Вальковщину всю, и разсказы его, поученья да грамота всѣмъ пришлись по душѣ. До того, вѣдь, мы только что сказки отъ стариковъ слыхали. Въ тѣ поры, издавна ужъ, въ Тычкахъ проживалъ, около лѣсу, въ лачужкѣ старикъ; былъ нелюдимъ онъ, старъ и угрюмъ. Богъ его знаетъ, въ кои-то вѣки къ намъ также забрался, что и попикъ тотъ бѣглый. И старики ужъ забыли, когда онъ пришелъ. А въ свое время тоже былъ человѣкъ крестьянину нужный: былъ онъ знахарь и волхвъ; зналъ цѣлебныя травы, заговоры и нечистую силу умѣлъ отводить, попросту, значитъ, колдунъ. Былъ у насъ онъ въ почетѣ: на свадьбы звали, къ скотинѣ, въ поля и къ больнымъ. Ну, а попикъ тотъ бѣглый только лишь осмотрѣлся у насъ, какъ сейчасъ и пошелъ противъ волхва подговаривать людъ. А колдунъ свою линію тянетъ... „Ну, говоритъ попъ съ колдуномъ, двумъ медвѣдямъ въ берлогѣ не жить“. И началась между ними ссора и брань. Народъ подѣлился: одни за попа, другіе за колдуна, и стали на сходахъ ругаться и спорить, кого изъ Вальковщины выгнать. Тычковцы кричали, что безъ колдуна мы погибнемъ совсѣмъ: кто будетъ лѣчить насъ и скотъ нашъ въ болѣзняхъ? Колдунъ знаетъ и травы, для чего которая служитъ, какая какому скоту и какая людямъ полезна, умѣетъ онъ кровь пускать и заговаривать въ жилахъ; знаетъ отъ домовыхъ, лѣшихъ и водяныхъ наговоры. Мы же кричали: попа не дадимъ, рады и то, что попался! За нимъ мы ровно у Бога за пазухой жили. Кто намъ Божіе слово прочтетъ, кто научитъ письмо разбирать, кто разскажетъ про Господа Бога и святыхъ его страстотерпцевъ?.. Во тьмѣ безъ попа мы погибнемъ. А противъ болѣзней и нечистой силы въ требникѣ есть мольбы у него и указанья. Такъ долго тягались мы на міру, пока не дошло и до драки. Попъ нашъ распалился совсѣмъ. А тутъ же кстати мокреть пришла, въ самое жнитво почесть. Лилъ, изъ ведра словно, дождь дни и ночи. Ополоумѣли мы, а попъ сталъ потопомъ, гладомъ и моромъ стращать и говорить, что дѣлу тому не иначе, какъ колдунъ сталъ причиной... Старики собирались, совѣщали совѣты и межъ собой говорили: „Чтой-то, братцы, не живется имъ вмѣстѣ? Ума не приложимъ. Хотя бы изъ корысти, что ли, какой воевали: видное было бы дѣло... Нѣтъ, вотъ всякій за свой держится умъ и готовъ претерпѣть“. Стали попа мы просить кадиломъ поля окадить. Не кадитъ. Колдуна просимъ водяного заговорить—не желаетъ. Тутъ всѣ отъ тоски, ровно звѣри, мы стали другъ на друга бросаться, да въ этой битвѣ, какъ-то невѣдомо кто (попъ, думать надо), и подожгли избу колдуна: до

тла вся мигомъ сгорѣла и отъ самого колдуна только головешка осталась. Тутъ нашъ попъ сердцемъ взыгралъ, денно и нощно со слезами молился, что Богъ прибралъ отъ народа нечистую силу. Велѣлъ онъ тутъ намъ колдуна въ яму зарыть и осиновый колъ, вмѣсто креста, въ могилу забить. Сдѣлали мы, какъ говорилъ онъ. Тогда съ кадиломъ, крестомъ и платомъ священнымъ, распѣвая молитвы и проливая умильныя слезы, попъ нашъ пошелъ съ нами поля обходить... И что же, вѣдь, искреннія были тѣ слезы!.. Услышалъ Господь, къ утру очистилось небо, солнышко Божье глянуло... Глядимъ, умиленно ликуетъ нашъ попикъ, ходитъ по избамъ, говоритъ и поетъ: „Радуйтесь, христіане!.. Побѣдную пѣснь воспоемъ: святъ! святъ! святъ!.. Истинный свѣтъ просвѣтилъ христіанъ!.. Радуйтесь новаго винограда рожденіе!..“ Послѣ того мы опять зажили мирно. Знахаря только не было долго у насъ, кто бы зналъ цѣлебныя травы, и людей и скотину могъ бы лѣчить... У попа только надежды и было на требникъ! Да не долго такъ было: продали міръ...

III.

И дальше говорилъ старый Груздь:

— Поминалъ я тебѣ, что на общихъ Вальковщины сходахъ вмѣстѣ съ другими выбирали мы мірскою совѣстью крѣпкихъ и бойкихъ разсудкомъ торговыхъ людей,—продолжалъ опять старый Груздь свою деревенскую повѣсть.— Изъ этихъ людей больше всѣхъ довѣрялись мы старику Пармену за то, что былъ онъ совѣстью крѣпче другихъ и умомъ. Каждую осень мы его выбирали. Въ дѣлѣ торговомъ такой человѣкъ лучше всего: въ городѣ всѣ его знали и въ окрестныхъ торговыхъ селеньяхъ всюду ему довѣріе было. Онъ же крѣпокъ былъ духомъ мірскимъ и хитрымъ разсудкомъ, умѣя всегда охранить пользу мірскую. Были у него два сына, въ возрастѣ полномъ, какъ отецъ, разсудкомъ богаты, бойки и ко всякому дѣлу смышлены. Давно ужъ они, слушая, какъ и что отецъ ихъ разсказывалъ намъ на міру про жизнь городскую, приставали къ нему, чтобы взялъ онъ ихъ въ городъ. И, признаться, старикъ баловалъ изрѣдка того, да другого, пока оба они молоды были. И вотъ, что ни годъ, стали они все чаще къ отцу приставать, чтобы пустилъ онъ ихъ въ городъ пожить хоть недолгое время. Но старикъ былъ упоренъ и строгъ. Видитъ, тоскуютъ ребята. На міру старикамъ Парменъ попечалился: „Чтой-то, братцы, съ сынами моими, не довѣдаю я? Сбились ребята о городѣ думой, прилежанья къ хозяйству не видно, стали грубы и дерзки въ словахъ объ отцѣ и объ мірѣ крестьянскомъ. Что ихъ тянетъ туда? Легкій ли трудъ городской, али, можетъ, шумная жизнь городская, просторъ да раздолье, да новизна иноземщины всякой?“ Такъ печалился старый Парменъ, когда на отвѣтъ ему попъ нашъ бѣглый сказалъ:

— Бойся, Парменъ, бойтесь и вы, православные люди: и на васъ мрежи свои хочетъ раскинуть антихристъ... Много прельщеній въ рукахъ у него, чтобы некрѣпкія души юнцовъ совращать на погибель: сулитъ онъ и злато, безъ труда и заботы, и тщеславныхъ манитъ прелестью власти, въ рабы православныхъ къ нимъ обращая, и сатанинской наукой отъ нѣмцевъ онъ блазнитъ, и скоморошествомъ всякимъ, и заморскимъ виномъ, и женками, что продаются за деньги и кровь молодую волнуютъ... Православные! самъ я прелести тѣ отъ антихриста всѣ испыталъ, и знаю: погибель готовитъ онъ вѣрную юнымъ душамъ!.. Крѣпитесь и стойте за старую вѣру, за отцовскій обычай!.. Слушайте, что вамъ прочту я...

И тутъ прочиталъ онъ намъ „Слово о двухъ мужикахъ“. Говорилъ я, что забылъ ужъ теперь, въ чемъ было то слово. Выслушавъ рѣчи такія, міръ нашъ рѣшилъ: „Что же, Парменъ, есть у насъ средство, отцами испытано было: надо женить молодцовъ; коли міръ да земля не смиряютъ, крѣпче союза не сыщешь, что жена да ребята. Пусть по любви выбираютъ; буде же выборъ ими не будетъ сдѣланъ, пусть тогда міръ выберетъ имъ по невѣстѣ. А коли въ чемъ ослушаніе будетъ—строптивыхъ поучимъ“. Съ тѣмъ и разошлись. Услыхали сыны Пармена о рѣшеньи такомъ, и пала имъ на сердце мысль: убѣгомъ уйти изъ отцовскаго дома. Тихою, темною ночью, обратавши отцовскихъ коней, что были прытче, бойчѣе и крѣпче, лѣсомъ ударились оба. Дорога была имъ знакома. Хватился отецъ поутру и пустился въ погоню за ними, суровъ и обиженъ сыновнимъ непослушаньемъ. Долго онъ всюду скитался, всюду искалъ сыновей... Ну, наконецъ, и вернулся. Глядимъ, везетъ своихъ сы-

новей: рядомъ въ телѣгѣ сидятъ, затянуты крѣпкимъ поясомъ руки и ноги (было всего имъ каждому лѣтъ по шестнадцати съ лишнимъ); самъ же Парменъ сидѣлъ впереди, сердитый и строгій, и правилъ конями; къ сборному мѣсту подъѣхалъ, высадилъ тутъ сыновей и, старикамъ поклонившись, сказалъ: „Судите, міряне, сами, своимъ справедливымъ судомъ... Вотъ они, отдаю вамъ: власти отцовской, видимо, мало“.—„Гдѣ же нашелъ ихъ?“—спросили. — „Срамно сказать!—говорилъ сокрушенно старикъ.— Шатались по питейнымъ и гостинымъ домамъ, съ женками пили вино, жрали всякую снѣдь безъ разбору, а табачищемъ отъ нихъ не продохнешъ... Слушали тутъ, вишь, они не Божіе слово, а скомороховъ и говоръ базарнаго люда, проходимцевъ всякаго званья и чина, что читали богохульныя пѣсни и сказки и противныя малеванья казали народу...“

Выслушалъ попъ нашъ Варламъ все это и гнѣвно сказалъ: „Братцы! дѣло большое въ этомъ я вижу: сила антихриста ихъ обуяла... Обучайте, пока еще юны и не принесли въ міръ душевной заразы. Надо батогами высѣчь нещадно ребятъ, дабы впредь имъ было гулять неповадно и о прелестяхъ тѣхъ разсказывать въ мірѣ... И Божій законъ разрѣшаетъ отсѣчи членъ непотребный!..“ Тутъ старики ребятъ поучили, а о зимѣ и поженили. Сначала какъ будто ребята смирились и долго крѣпились, прижили ужъ и сами ребятъ, да вражья сила, надо думать, крѣпко ихъ обуяла. Старшій, покинувъ жену и дѣтей, опять въ бѣгство пустился, и долго о немъ не слыхать было вѣсти. Да послѣ ужъ онъ наказывалъ кое-кому, чтобы безотмѣнно міръ и отецъ отпустили къ нему жену и дѣтей. Ну, на это міръ со стариками согласія не далъ. „Пропадай ужъ одинъ, коли такъ“. А тѣмъ временемъ онъ, бойкости ради своей и ума, завелъ ужъ торговое дѣло, всякую вызналъ власть городскую и на міръ нашъ власти той жалобу подалъ, что старики, молъ, ему самовольно жену и дѣтей не даютъ.

— Эхъ, дѣло бѣдовское стало!—вздохнулъ сокрушенно старикъ.—Слушай: наѣхали въ нашу Вальковщину власти; по деревнямъ нашимъ гуляютъ, со стариками толкуютъ. „Мы, говорятъ, васъ и забыли!.. Поди жъ ты! Вишь, въ какія забрались трущобы!.. Вамъ тутъ, слышь ты, тепло и уютно... Всѣ слышь, людишки несутъ тяготы и поборы; а вы ровно у Бога за пазухой тутъ!.. Купцы, право слово... Избы ровно хоромы!. Сами—народъ хоть пускай на племя: кряжисты, красивы и сильны... Да у васъ тутъ золотое руно, слышь!.. Да вы и властей, видно, не знаете вовсе? У васъ и попы, и законы свои: сами хороните, жените, крестите... Рай да и только!.. Какъ бы намъ съ вами сойтись!.. Есть ли у васъ паспорта? ходите ль вы въ Божій храмъ и къ причастью? Это вотъ мы сейчасъ разузнаемъ...“

Такъ власти надъ стариками, смѣясь, издѣвались. Мы же спѣшно прятали все въ подполья и клѣти; въ лѣсъ угнали и лошадей и скотину. Попикъ же нашъ, Варламъ, въ великомъ волненьи, боясь на глаза показаться властямъ, бѣгалъ изъ деревни въ деревню и къ православному люду взывалъ: „Братія, стойте и въ вѣрѣ крѣпитесь! Не допускайте слугамъ антихриста поработить васъ: не принимайте печатей и клеймъ... Инако погибнете въ жизни и въ сей, и въ грядущей!..“

Ходитъ по избамъ укромно и спѣшно, плачетъ умильно и слезно всѣхъ молитъ и проситъ: „Не загубите душъ христіанскихъ! Лучше погибнуть отъ рукъ сатанинскихъ, принять лучше кончину въ мученьяхъ! Все ужъ одно: не избыть вамъ мученій подъ игомъ, ни покорствомъ, ни слезной мольбой ихъ сердецъ не разжалобить!..“

Слушали мы въ страхѣ и злобѣ, а временемъ тѣмъ власти велѣли намъ міромъ собраться, чтобы всѣхъ перемѣтить печатью. Тутъ мы взбунтовались, схватились за вилы, за колья — и старики, и младенцы, и жены... Смутились власти и спѣшно, въ боязни и страхѣ, отъ насъ убрались... Заликовала Вальковщина наша; обливаясь слезами, въ радости всѣ обнимались и стали къ попу приставать, чтобъ онъ отслужилъ намъ молебенъ.

Но Варламъ, скорбно смотря на наше веселье, такъ говорилъ „Неразумныя чада! Что вы ликуете? Али мните дреколъемъ побѣду взять надъ сатанинскою властью?.. Велія власть та!.. Не дреколъемъ, а духомъ крѣпитесь и стойте! Настанетъ лютое время!.. Будутъ христіане скрываться въ лѣсахъ, носить на ногахъ и рукахъ желѣзныя цѣпи!..“

И точно заря не потухла еще, какъ услыхали мы трубные звуки, и говоръ, и топотъ солдатской ватаги... Господи

Боже!.. Дѣла такого мы отродясь не видали! Многіе наши, похвативъ тутъ спѣшно, что можно, съ дѣтьми и женами въ лѣсъ убѣжали; иные молились, иные бранились, иные насъ покориться просили... Такъ, въ великой печали и скорби, умъ потерявъ и собой не владѣя, толпами ходили мы отъ деревни къ деревнѣ, не зная, какое рѣшенье поставить. Да вдругъ, видимъ изъ хаты своей съ двумя стариками, что давно съ нимъ дружили, вышелъ нашъ попикъ съ крестомъ и кадиломъ, платъ священный воздѣвши на плечи, съ твердымъ духомъ и вѣрой выступилъ предъ насъ и, собравъ всѣхъ православныхъ, сказалъ: „Братія, крѣпитесь и стойте духомъ за старую вѣру и обычай отцовскій!.. Не смущайтесь: крестъ Господень за насъ!.. Выйдемъ встрѣчу врагу, не допустимъ его до жилищъ... Лучше примемъ тѣлесныя муки, чѣмъ души загубимъ свои!..“ Глядимъ на него, странное съ нимъ ровно что стало: выпрямилъ станъ, очи къ небу возводитъ, крестъ высоко поднялъ въ рукѣ и твердой поступью пошелъ впереди, а за нимъ старики, дружившіе съ нимъ. Всѣ мы тутъ духомъ какъ будто воспряли, и Вальковщиной всей двинулись встрѣчу врагу. Вонъ на этомъ холмѣ—видишь, кусты уцѣлѣли доднесь—и встрѣтились мы съ воинской командой. Ѣхалъ предъ нею храбрый начальникъ, верхомъ и въ медаляхъ, кричитъ: „Покоряйтеся, лютое племя!.. Будетъ тогда вамъ прощенье, не то всѣхъ закую въ кандалы и не оставлю у васъ камня на камнѣ!.. До смерти всѣхъ кнутомъ и лозьемъ запорю!“ А попъ нашъ: „Прельщеній не примемъ! Будемъ стоять до конца за отцовъ и за вѣру! Крестъ сперва побѣдите, антихриста слуги!..“ Тутъ загудѣла команда, на православный набросилась людъ... „Мертваго или вживѣ доставьте попа мнѣ!“—кричитъ храбрый начальникъ. Сплотились мы грудью вкругъ нашего попика, со крестомъ и кадиломъ, и, спѣшно предъ командой взадъ отступая, дошли до деревни. Команда въ то-жъ время хватала первыхъ, кто ей попадался и вязала имъ руки и ноги. Такъ мы до хатъ добрались. Тутъ попикъ нашъ со стариками втроемъ заперся накрѣпко въ избу. Всѣ мы тутъ изумились, глядимъ, а онъ показался въ чердачномъ окнѣ и оттуда, высунувъ руку съ крестомъ, кричалъ намъ: „Крѣпитеся, братія!.. Стойте твердо духомъ! Муки примите, кто сможетъ, кто жъ не вмѣститъ—бѣгите въ лѣса, кройтесь въ пещеры, а не давайтесь живыми въ рабство врагу“. Подкатилъ тутъ и начальникъ съ командой. Кричитъ, сердится и надъ попомъ богохульствуетъ, не замай, что крестъ Господень въ рукахъ у него. Только что было приказъ далъ начальникъ команды выломать двери въ избѣ, какъ изъ окошекъ и изъ-подъ крыши вырвался клубами дымъ... Мигомъ зардѣлась огнемъ солома на крышѣ... Языки поднялись къ небу... Ахнули всѣ мы, да и команду какъ будто ужасъ объялъ... А крестъ съ рукою попа все виднѣлся въ окнѣ и блестѣлъ, ровно большая звѣзда... „Крѣпитеся, братія!.. Стойте духомъ! — слышалось, попикъ кричалъ намъ.—Мы же побѣдную пѣснь воспоемъ: святъ, святъ, святъ Богъ Саваоѳъ!..“ Только что молвить успѣлъ, какъ со стропилъ сорвалася крыша, черный дымъ заклубился надъ нею, пламя змѣями сквозь него прорывалось,—а крестъ святой все свѣтился... Вся Вальковщина наша ровно застыла, оторопѣла—команда, начальникъ самъ смолкъ, будто колоколъ, у котораго разомъ языкъ оторвали. Тутъ, кажись, всей Вальковщиной только бы двинуть—и смяли бы всю вражью силу: у всѣхъ на душѣ накипѣло; кажись, никого не оставили-бъ вживѣ, даромъ что съ ружьями были они... Да мертвая тишь надъ народомъ стояла; слышалось только, какъ бревна трещали въ огнѣ...

— Крестъ упалъ! — кто-то тихо промолвилъ.

Глянули вверхъ: ни руки ни креста не видать. Дрогнули всѣ мы, и ровно волна на вѣтру колыхнулись народъ и команда.

— Смирно! — закричалъ на команду, испугавшись, начальникъ, а Вальковщина вся, какъ одинъ человѣкъ, вдругъ ему въ ноги упала, въ несказанномъ испугѣ... „Хватай ихъ! вяжи!“ — начальникъ кричалъ, безкровную видя побѣду. Тогда насъ стали хватать и вязать, какъ барановъ, и сѣкли кнутомъ и лозой. Стонъ и слезы надъ Вальковщиной стали, начальникъ же все распалялся... Такъ насъ сѣкли отъ вечерней зари до вечерней, до того, что команда и та изустала. Тогда самъ начальникъ, что звѣрь распаленный, бросался на нашихъ отцовъ и старцевъ почтенныхъ, которые укорять его добрымъ словомъ пытались, и билъ ихъ руками, и плетью, и саблей, прика-

завъ заковать ихъ въ желѣзныя цѣпи...

Тутъ замолчалъ старый Груздь и, скорбно вздыхая, продолжалъ вырѣзать на доскахъ узоры. Пиманъ же долго смотрѣлъ въ лицо старика, изумленный, какъ будто искалъ на немъ слѣдовъ, что оставило „лютое время". Потомъ онъ спросилъ:

— И долго васъ такъ воевали?

— Не единожды послѣ того подымалась Вальковщина наша. Много народу у насъ сгибло въ лѣсахъ, отъ хозяйства отбилось; много бѣжало на Волгу и въ степи; много мірскихъ стариковъ, духомъ крѣпкихъ и стойкихъ, было взято отъ насъ, бито нещадно плетьми, и въ кандалахъ на заводы въ Сибирь угнаны были, разлученные съ домомъ, съ семьей, съ міромъ своимъ, гдѣ полвѣка дѣлили съ близкими и радость, и горе, съ могилами дѣдовъ, со всѣмъ, что дорого было, что годами копилъ, охранялъ и холилъ въ домѣ своемъ нашъ крестьянинъ. Такъ много народу загибло. Иныхъ не видали уже никогда; другіе же, что отъ страха и въ злобѣ скрылись въ лѣсахъ, не возвращались ужъ къ намъ, прятались тамъ, ровно звѣри, въ шайки сбирались и разбойному дѣлу предались: грабили, били купцовъ, богатыхъ и знатныхъ людей... А мирные были запрежде: были примѣрные слуги и Богу, и міру, и пашнѣ. Прости, милосердный Создатель, грѣхи ихъ! Не отъ себя,—отъ несчастья...

— Чьи же теперь мы?

— Скоро тогда сдали насъ барину важному, въ вотчину... Да Господь смилосердился: барина этого мы и доселѣ не знаемъ... Живетъ, вишь ты, онъ въ столицѣ, при самомъ царѣ, и много такихъ вотчинъ подарено ему... Насъ на оброкѣ онъ держитъ; знаемъ одну мы контору, что верстъ за пятнадцать отсюда, гдѣ также есть вотчина наша: туда мы отвозимъ оброки... Слава Создателю! Нонче хотя и частенько начальство на насъ налетаетъ, да мы ужъ вызнали, что ему по губѣ и какъ отъ него боронитьcя: собьемъ поскорѣй со двора по полтинѣ, да стариковъ, нарядивши въ кафтаны, съ хлѣбомъ и солью, да съ низкимъ поклономъ, и вышлемъ на встрѣчу ему. Сами же все, что поцѣннѣй, подороже, да лучше, припрячемъ подальше, въ подвалы и клѣти, одѣнемъ рубо на себя, что подырявѣй; скотину оставимъ на дворахъ пожиже, а показистѣй угонимъ всю въ лѣсъ... На ноги старые лапти обуемъ, да и ждемъ къ себѣ добрыхъ гостей... А старики да старухи молитвы читаютъ; разныя молитвы были у насъ: противъ сердецъ злыхъ, противъ жестокихъ властей, на неправедныхъ судей, на алчныхъ и жадныхъ слугъ... Тѣмъ только и живы! Пріѣдетъ начальникъ, посмотритъ: бѣдно, неуютно. „Ну, скажетъ, должно, ужъ наши тутъ до меня покутили!" деньги возьметъ, что старики соберутъ, да съ тѣмъ и уѣдетъ... Упаси только Богъ, ежели кто найдется изъ насъ да начальству окажетъ!.. Одного мужичешку такъ-то совсѣмъ самосудомъ забили... Тѣмъ только и крѣпки! Давно бы и міръ развалился, и всѣ въ разоренье пришли бы, коли бъ старики строго насъ на міру не казнили, какъ вздумаетъ кто ссорой иль буйствомъ, или худымъ поведеньемъ міръ довесть до отвѣта предъ строгимъ начальствомъ!

И предъ Пиманомъ тогда невольно въ памяти всталъ черный, суровый мужикъ съ бородой и памятный день, когда войною на царство лѣсное шло царство мірское.

ГЛАВА III.

Минъ Аѳанасьичъ.

I.

— Ну, и проспали же мы, — сказалъ Пиманъ Савельичъ, торопливо взглянувши подъ крышу сѣнницы, гдѣ, ворвавшись въ оконце, солнечный лучъ игралъ по стропиламъ, и шумно сновали касатки.—Наткось, бабы скотину согнали, благовѣстъ, слышно, былъ на селѣ... Вотъ, старики! Какой тутъ примѣръ молодымъ... Проруха такой давно за собой не запомню. А все ты!—обратился съ укоромъ Пиманъ къ пріятелю Мину, по привычкѣ спѣшно вставая,—сколько времени спать не давалъ съ пустымъ разговоромъ.

— Полно пріятель! Коли намъ не поспать лишній часъ, такъ кому ужъ и спать... Глянь-ко наверхъ: вишь, касатки, должно быть, купаться летали въ росѣ; крыльями бьютъ, чистятся, моются... А одна, вишь ты, убралась—поетъ! Вотъ, вѣдь, и малая тварь, а смотри ты, какое во всѣмъ разумѣнье. Все во время, въ мѣру: жадности въ ней не видать. Встала, умылась, дѣтвѣ червяковъ натаскала — и за пѣсню!..—Такъ говорилъ Минъ Аѳанасьичъ, все еще лежа на сѣ-

нѣ, раскинувши руки и ноги и спокойно смотря на птичью тревогу.

— Сладко, пріятель, спалось, — продолжалъ Минъ Аѳанасьичъ, — кто его знаетъ съ чего: съ того ли, что медомъ пахнетъ отъ свѣжаго сѣна, али отъ того, что мягко на немъ, какъ на пуховой перинѣ... Все сны, братецъ, снились...

— Снились и мнѣ, вѣдь, братецъ ты мой. Вотъ и поди ты! Должно, оттого, что вмѣстѣ мы спали,— замѣтилъ Пиманъ.—Думаю такъ, что тутъ есть какое ни то указанье. И совсѣмъ, братецъ, изъ ума было вонъ, что отъ отца еще мнѣ осталась бумага. Лѣтъ двадцать тому, такъ совсѣмъ и забылъ я объ ней, да вотъ теперь сонъ напомнилъ.

— твое ли въ ней счастье, смотри? — Сказалъ Минъ Аѳанасьичъ. — Бываетъ.

— Ну, отъ бумаги какое ужъ счастье! Такъ, сказка была...

— А вотъ мнѣ, другъ ты мой, Пиманъ Савельичъ, видѣлось,—началъ было Минъ Аѳанасьичъ, весь озарившись улыбкой.— Слушай...

— Э, братъ!.. Опять тебя слушать? Этакъ, пожалуй, безъ покаянья умрешь. Ты ужъ при себѣ сбереги. Вотъ придетъ Покровъ, тогда ужъ съ тобой мы старухѣ и будемъ разсказывать сказки.

— Ну, Покровъ, такъ Покровъ, — согласился и Минъ Аѳанасьичъ.—Только, слышишь, Пиманъ Савельичъ, чтобъ сонъ мой былъ въ руку.

— Дай Богъ, коли былъ онъ благополученъ.

— Онъ-то, братецъ, очень благополученъ. Единственный сонъ, такъ тебѣ надо сказать! — лукаво мигнулъ Пиману Минъ Аѳанасьичъ. — Постой минутку,— остановилъ онъ его за рукавъ,—что все къ хозяйству бѣжишь? Экъ оно, братецъ, тебя обуяло! Вѣдь, полсотни годовъ прошло, какъ мы уговоръ съ тобой положили сродниться; сколько ужъ и дѣтей за это время было у насъ, а все не свершилось... Что вчера говорилъ, то и сонъ говорилъ! Слышишь, пора, чай? Прежде лютое время хоть было: нужда, да хозяйство, да баре насъ съ тобой разводили... Али и теперь все еще не приспѣла пора? Какъ - никакъ, а вѣдь, все, братъ, изъ одного съ тобой мы полѣна!.. Сердись-не сердись.

— Кто жъ говоритъ!... Мужики, поди, оба были, — добродушно замѣтилъ Пиманъ.

— То-то и есть... Такъ хоть передъ смертью, другъ, намъ съ тобой бы и счеты закончить?.. И къ Богу бы лучше было предстать на отвѣтъ!.. А то что: вѣкъ мужиками прожили, а все уговоръ не сдержали... Точно, каюсь, не такъ справенъ я съ сыномъ, какъ вы... Да, вѣдь, ты насъ знаешь: не отъ худого корня и мы... А умереть оно такъ-то куда было бы лучше!.. Завершили-бъ союзъ, ровно ключомъ бы замкнули, и чисто!.. Такъ ли?.. Предѣлъ, молъ, мужицкій сполнили, по правдѣ, по силѣ... Ты знаешь, мздоимцемъ я не былъ... Не изъ корысти я говорю... А только одно — завершить чтобы намъ съ тобою предѣлъ!.. Чтобы предъ смертью, все, что было межъ нами, покрыть — и шабашъ! Такъ ли? Умеръ тогда бы я, братецъ, не моргнулъ бы и глазомъ!

— Что жъ,—отвѣчалъ Пиманъ Савельичъ,— говорилъ я тебѣ: я согласенъ... Хоть передъ смертью обѣтъ надо исполнить... Только вотъ что: когда была воля моя, все помѣхи бывали, а теперь... Теперь времена, братъ, не наши: какъ молодые, спроси. Вотъ подождемъ Покрова, молодые ребята придутъ съ заработковъ, забѣгаютъ свахи, тогда гляди самъ...

— Ну, Покровъ, такъ Покровъ! Не за горами и онъ!.. Покровъ, точно, все покрываетъ,—заключилъ довольный Минъ Аѳанасьичъ, и старики, таская пальцами сѣно изъ бородъ, выбрались вонъ изъ сарая.

— Что жъ, подождемъ Покрова! Покровъ все покрываетъ, — твердилъ Минъ Аѳанасьичъ и ждалъ Покрова.

Вотъ, наконецъ, и Покровъ. Дергачи заварили пива, заходили сваты и свахи. Попъ съ попадьей пришили карманы пошире. Торопливѣе по избамъ забѣгалъ Макридій Сафронычъ и зорче слѣдитъ за „слабымъ народомъ“, чтобы не успѣлъ онъ,— Боже храни!— въ пиво упрятать всю недоимку; рыщетъ по улицѣ, по кабакамъ, подъ шумокъ пытая, кто сколько принесъ съ заработковъ, кто сколько хлѣба свезъ на базаръ, кто сколько пропилъ, на булкахъ проѣлъ.

— Горе и только—дѣло мое!—плачется Макридій Сафронычъ. — Людямъ веселье, а мнѣ пуще заботы!

— Ну, не тяжелѣй поди нашей, Макридій Сафронычъ!—отвѣчаютъ ему жены, отцы и дѣти, съ нетерпѣньемъ поджидая своихъ мужей и дѣтей.

— А кто жъ виноватъ? Брали бъ съ Пимановъ примѣръ... Вонъ у нихъ какое веселье; податей и нужды за ними не виснетъ; народъ весь при домѣ; во время поѣдятъ, во время выпьютъ... Благородно и чинно, въ мѣру, въ здоровье.

— Что жъ ты Пимановъ намъ ставишь въ примѣръ?.. Мы и сами не хуже были бы ихъ,—раздраженно отвѣчали старостѣ жены и матери.—Въ томъ и счастіе Пимановъ, что наши мужья и дѣти ходятъ въ работу Богъ вѣсть куда... На нашей землѣ богатѣютъ, наши же земли забрали...

— Поменьше бы пили,—ввернулъ Макридій Сафронычъ.

— Ну, на себя обернулись бы лучше...

II.

Покровъ—день знаменитый въ деревнѣ: тамъ, позади, страда, время физическаго напряженія, все ушло въ силу, въ мускулы; здѣсь, за Покровомъ, вступаетъ въ права мужицкій мозгъ, почти полгода безропотно подчиненный сохѣ, боронѣ, косѣ, серпу. Чѣмъ дальше за Покровъ, тѣмъ больше входитъ въ силу мужицкій умъ, тѣмъ смѣлѣе разыгрывается мужицкая фантазія. Любитъ это время Минъ Аѳанасьичъ. Лѣтомъ маленькое существованіе Мина Аѳанасьича совершенно стушевывается передъ физическимъ величіемъ крестьянской страды. Онъ самъ угнетенъ ею, да и его мало кто слушаетъ. Но за Покровомъ Минъ Аѳанасьичъ вдругъ воскресаетъ: онъ въ чести; его снисходительно слушаютъ самые хозяйственные мужики. Молодой народъ несетъ тогда съ заработковъ, со всѣхъ концовъ Россіи, цѣлую кучу разсказовъ, вѣстей, слуховъ, надъ которыми мужицкій мозгъ начинаетъ туго, медленно работать, подъ шумъ базаровъ, свадебъ, выбиванія недоимокъ и податей. Тутъ Минъ Аѳанасьичъ дорогой человѣкъ: какъ-никакъ, а его маленькая голова значительно скорѣе заставляетъ вертѣться тяжелый жерновъ мужицкаго хозяйственнаго мозга.

Минъ Аѳанасьичъ жилъ съ братомъ въ большой, старой избѣ. Извѣстно, что они въ теченіе двадцати лѣтъ, по крайней мѣрѣ, разъ пять дѣлились, пилили избу пополамъ, заколачивали наглухо двери изъ одной половины въ другую, пять разъ опять начинали жить въ „союзѣ", „помиру", двери расколачивали, загородки разбирали. Дѣло въ томъ, что у „душевнаго" Мина жена была баба хозяйственная, сухая, работящая, исключительно погруженная въ хозяйственные интересы, между тѣмъ какъ у „хозяйственнаго" Карпа, брата Мина, жена была женщина съ „легкимъ духомъ", любила пѣсни, хороводы, улицу, любила слушать разговоры и даже сама, съ грѣхомъ пополамъ, надѣвъ очки, почитывала „житія".

Изъ этого выходило, что въ трудныя минуты жизни, когда выходилъ хлѣбъ или собирали подати, жена Мина шпыняла жену Карпа, а самъ Карпъ Мина Аѳанасьича. Ну, тогда начиналась баталія, „союзъ" не выдерживалъ; бабы шпыняли одна другую, рвали изъ рукъ горшки, Карпъ съ Миномъ старались не говорить другъ съ другомъ, двери заколачивались, устанавливались загородки, скотина разводилась, дѣлилось сѣно и солома, и только не раньше, какъ черезъ двѣ недѣли, все приводилось въ желанный „хозяйственный" порядокъ. Такъ жили годъ, а потомъ все оказывалось вздоромъ, и большею частію вздоръ этотъ вскрывался на Пасхѣ, во время передѣла полей, когда Минъ никакъ не могъ потерпѣть, чтобъ въ этотъ великій праздникъ люди жили врозь. Подвыпивши съ братомъ, онъ торжественно выламывалъ доски, забивавшія двери, ронялъ загородки, обнимался съ братомъ, съ женой, съ свояченицей.

Въ настоящее время ихъ братскій союзъ былъ въ фазѣ ущерба, начавшейся, какъ мы знаемъ, еще при уборкѣ хлѣба „изъ-за сахару", по словамъ Мина, почему послѣдній тогда и не ночевалъ дома. Теперь, повидимому, „хозяйственный" элементъ опять начиналъ преобладать, такъ какъ жена Мина, Ѳедора, пока мужъ и сынъ собирались на праздникъ къ Пиманамъ, говорила такъ:

— Вотъ какъ у добрыхъ-то людей: разодѣнутся, чинно дома усядутся, да гостей-то къ себѣ ждутъ — и бесѣдуютъ чинно, великатно... А мы все на улицу!.. Все въ народъ, въ толпу лѣземъ. Да и то сказать, къ какому добру и людей-то звать... Кто еще пойдетъ!..

— Небойсь,—отвѣчалъ Минъ Аѳанасьичъ „ровненько" (онъ всегда говорилъ „ровненько", когда жена еще не очень одолѣвала его),—не бойсь, и мы къ себѣ зазовемъ... Чтожъ, милости просимъ и къ намъ!.. Найдемъ чѣмъ принять...

— Нашелъ!.. Корову свести — это мы умѣемъ... А какъ вотъ примѣръ взять съ добрыхъ людей, работу найти, такъ насъ

нѣтъ!.. Вотъ добрые-то люди только и смотрятъ, какъ бы землицы урвать, нѣтъ ли гдѣ работы, нѣтъ ли дѣла... Вотъ они и есть истинные крестьяне!.. А у нашихъ лоботрясовъ все мимо рукъ плыветъ!.. Только бы имъ улица, только бы въ толпѣ толкаться... Надъ ними смѣются, грохочутъ, а имъ любо...

— Ничего, Янюшка, ты въ ея слова не очень вникай... Она ужъ отъ природы такъ,—говорилъ все также „ровненько" Минъ Аѳанасьичъ сыну.—Я вотъ, слава Создателю, противъ господъ выстоялъ, да и отъ нея, Господь Богъ далъ, двадцать лѣтъ отбиваюсь... И ничего!.. Своимъ не поступался!

Минъ Аѳанасьичъ при этомъ съ такою самоувѣренностью чесалъ бороду, что Янька засмѣялся тою беззавѣтною улыбкой, которая застыла на его лицѣ съ тѣхъ поръ, какъ онъ въ первый разъ увидалъ, какъ мать учила отца хозяйству, и какъ отецъ, этотъ низенькій, маленькій, худой мужичокъ, крѣпко стоялъ и отбивался отъ высокой, здоровой бабы, которая, дѣйствительно, могла бы изломать такого мужиченку въ куски, если бы онъ былъ не такъ „крѣпокъ духомъ", какъ Минъ Аѳанасьичъ.

— Жадности этой никогда собой овладать не допустилъ, — продолжалъ Минъ Аѳанасьичъ.

— Учи сына - то! Да развѣ въ трудѣ жадность есть? Трудъ - то Самъ Господь возлюбилъ, несуразный! Чему ты сына-то учишь? — выходила совсѣмъ изъ себя Ѳедора.

— И въ трудѣ жадность есть!.. Есть, милая, есть!.. А жадность всему погибель... И трудъ долженъ быть въ мѣру, тогда и Богъ его любитъ... Все въ мѣру, безъ жадности, безъ алчбы; во-время потрудись, во-время пѣсню спой (пѣсня для души нужна, чтобы на душѣ тяжести не было), во-время на народъ сходи (на народъ сходишь, все равно, что въ церковь: и уму есть занятіе, и душѣ пища, потому наша душа только на другихъ и жива)... Тогда и будетъ въ твоей душѣ довольство!.. А ежели ты и къ труду жаденъ, такъ довольства не будетъ; будетъ у тебя на сердцѣ тоска, истома, зависть, къ другимъ ты будешь строгъ и сурьезенъ...

— Хорошо тебѣ молоть - то, какъ за чужою спиной живешь, — насыкнулась опять Ѳедора: — какъ за васъ ночи не спишь, истощаешься... Цѣлый - то деньденьской все думой о домѣ терзаешься... У другихъ-то, у добрыхъ людей, посмотришь, — всего-то вдоволь, все-то идетъ колесомъ... Вотъ хоть взять Пимановъ!..

— И ты понапрасну истощаешься, — сказалъ Минъ Аѳанасьичъ,—совсѣмъ понапрасну... И думами себя тревожишь напрасно... Кабы ты себя не истощала, было бы у тебя въ душѣ довольство, въ себѣ... И жили бы мы дружно, и грѣха бы ты ни намъ, ни себѣ не дѣлала... А чтожъ Пиманы?.. Хорошіе люди Пиманы, точно, а и Пиманамъ скажу: надоть бы имъ въ трудѣ поостепениться... И въ трудѣ жадность—къ добру не доведетъ... Ежели въ трудѣ жадность-довольства въ себѣ нѣтъ.

— Несуразный ты, несуразный! Да ежели бы не истощалась я,—подхватила Ѳеодора первую половину возраженія Мина,—да, вѣдь, вы бы и съ братомъ-то, и съ Макарихой (жена Карпа), вѣдь, вы бы давно сгибли... Вѣдь, надо али нѣтъ подати-то платить? Вѣдь, мы не баре, по своей-то охоткѣ жить...

— И тутъ въ тревогу приходить нечего: есть—отдадимъ; нѣтъ—подождутъ.

— А какъ не подождутъ?

— Ну, тогда... перехватимъ какъ ни то... Пущай!.. Какъ-нибудь себя потрудимъ. Вѣдь, это все у *нихъ* отъ жадности... Она же ихъ и погубитъ!.. А себя зачѣмъ губить!.. Пускай они отъ своей жадности погибнутъ. А ежели мы всѣ будемъ жадничать,—всѣмъ можетъ оказаться погибель.

— Дуракомъ родился, дуракомъ и умереть ему... Да еще дурью породу отъ себя пуститъ! — выкрикнула Ѳедора и ушла.

— Такъ-то, Янька, ты не смущайся, что мать говоритъ... Она отъ добра говоритъ, да зла за добромъ не видитъ,— сказалъ Минъ Аѳанасьичъ сыну въ поучительномъ тонѣ.

Этотъ поучительный, „ровненькій" тонъ, однако, въ устахъ Мина Аѳанасьича звучалъ такъ необычно долго, и, притомъ, Минъ Аѳанасьичъ такъ тщательно намазывалъ волосы и прибирался, что Янькѣ запало подозрѣніе, не задумано ли у отца какое-нибудь секретное дѣло.

— Вотъ, можетъ, Господь дастъ, поженишься,—продолжалъ Минъ Аѳанасьичъ, все забирая тономъ выше и торжественнѣе,—первое дѣло—Бога помни, потому Богъ есть правда и милость; второе дѣло—жадности бѣги, къ уму ли жад-

ность, къ землѣ ли, къ труду ли — все жадность... А жадность погибельна... Потому довольства въ себѣ не будетъ... Что бы съ тобой ни сталось—жадности бойся! Помни одно: наше дѣло правое... Смотри прямо!.. Будутъ у тебя жена, дѣточки—отъ жадности ихъ остерегай! Въ работѣ ли будутъ жадничать, въ трудѣ захотятъ, страха ради іудейска, истощаться—воздерживай... Поработаютъ—и будетъ, пѣсни пускай поютъ, на народъ сходятъ. Тогда на душѣ будетъ довольство и миръ со всѣми, и въ семьѣ, и на людяхъ.

Янька слушалъ все съ большимъ и большимъ изумленіемъ. Никогда еще ни разу не приходилось ему выслушивать отъ отца такой длинной проповѣди.

— Да ты чего нынче... какой?—спросилъ, улыбаясь, Яня, замѣтивъ, что отецъ надѣваетъ свой лучшій синій кафтанъ и тщательно застегиваетъ его подъ бородой, а лицо у него торжественное.

Янька зналъ, что отецъ большею частью бывалъ равнодушенъ къ костюму и даже въ праздники надѣвалъ полушубокъ, а когда ему это замѣчали, то онъ отвѣчалъ, что, молъ, „шуба овечья, да душа человѣчья". И лицо у него никогда прежде торжественнымъ не бывало, всегда оно „играло", какъ у ребенка.

— Ну, да чего тутъ учить!.. Коли кровью въ отца — такъ и бровью!—сказалъ Минъ Аѳанасьичъ, какъ будто силясь сбросить съ себя несвойственную торжественность. — Пойдемъ къ Пимановъ... Нынче они празднуютъ.

Янька, повидимому, очень отдаленнымъ чутьемъ догадался, въ чемъ можетъ быть дѣло. Онъ какъ-то невольно весь вспыхнулъ и оробѣлъ. Зачѣмъ-то еще разъ взглянулъ мимоходомъ въ осколокъ зеркала, прибитый гвоздочками къ стѣнѣ, пригладилъ волосы, франтовитѣе поправилъ на плечахъ накинутый кафтанъ и вышелъ съ отцомъ.

Яня былъ, дѣйствительно, очень похожъ на отца: низенькій, худой, но стройный, съ маленькимъ лицомъ, на которомъ и носъ, и глаза, и ротъ тоже были маленькіе, но въ общемъ все это было симпатично, въ особенности при застывшей на всемъ его существѣ беззавѣтной улыбкѣ.

Какъ, однако, ни была несвойственна натурѣ Мина Аѳанасьича торжественность, онъ все же не могъ освободиться отъ нея сегодня. Чѣмъ ближе подходилъ онъ къ дому Пимана, тѣмъ эта торжественность въ немъ становилась замѣтнѣе. И торжественность эта была, должно быть, вполнѣ подобающей моменту; впереди предстояло совершиться акту, имѣвшему для Мина Аѳанасьича—и исключительно только для него — громадное значеніе. Онъ сразу долженъ былъ завершить циклъ шестидесятилѣтней жизни, придать ей ту округлость, полноту, цѣльность и смыслъ, которые на смерть крестьянина кладутъ такой эпическій отпечатокъ высокаго спокойствія, полнаго сознанія „правоты" пройденнаго существованія. Безъ этой округлости и цѣльности въ этомъ существованіи и въ этой „правотѣ" чего-то недоставало очень цѣннаго, что дѣлало его похожимъ на могучую рѣку, разбившуюся на множество рукавовъ, разбѣжавшихся въ разныя стороны и не нашедшихъ еще общаго русла. Когда совершился великій „водоворотъ" въ народной жизни вообще, о какой подводный камень разбилось ея могучее теченіе—это дѣло довольно темное еще. Но что касается судьбы интересующихъ насъ лицъ, то Пиманъ и Минъ Аѳанасьичъ, несомнѣнно, когда то подхвачены были и неслись по волнамъ тѣхъ основныхъ и великихъ потоковъ этой жизни, которые такою яркою и широкою полосой прошли черезъ весь историческій процессъ, вблизи одинъ другого, замѣчательно сходные и родственные въ своей сущности и хотя рѣдко когда мѣшавшіе свои волны, иногда даже враждебныя другъ другу, но всегда стремившіеся слиться въ общее русло. Въ то время, когда Пиманъ являлся потомкомъ „хозяйственнаго" Груздя, Минъ былъ правнукомъ того Парамона, который родилъ „вольницу" въ лицѣ своихъ бѣглецовъ-сыновей. Какъ ни иронически звучитъ это по отношенію къ „смирному" и „захудалому" мужику Мину, но, несомнѣнно, онъ былъ „вольница", порожденіе того же духа неудовлетворенности и жажды „широкаго захвата", который родилъ вольницу новгородскую, рыскавшую по лицу земли русской. Что вышло бы изъ Мина Аѳанасьича, если бы онъ подхваченъ былъ потокомъ, уносившимъ вольницу изъ мирной общины труда, — можетъ быть, вышли бы тѣ же „Іуды", продавшіе родной міръ, о которыхъ говорилъ со скорбью Груздь, а, можетъ быть, что-либо другое—неизвѣстно, но когда, въ лицѣ стараго Парамона, община, вѣрная традиціямъ героическаго

попа Варлама, съ дикою строгостью силилась остановить потокъ вольницы изъ своего сердца, она успѣла осадить на мѣстѣ цѣлыя милліоны этихъ элементовъ „широкаго, поэтическаго захвата". Осадить она ихъ осадила, но измѣнить внутреннюю сокровенную сущность ихъ не могла. Въ то время, когда проникшаяся „подозрѣніемъ" община вырабатывала суровый хозяйственный идеалъ, вооруженный на борьбу за существованіе однимъ трудомъ, и создавала крѣпкую трудовую общину, осѣвшая вольница, сохранивъ въ себѣ неприкосновенной „широту захвата", растворилась въ этомъ мірѣ безнадежнаго и суроваго труда, принесла въ него поэзію, вѣру, любовь. Она въ трудовой сельскохозяйственной общинѣ силилась создать общину духовную, посредствомъ ея придать округлость, цѣльность и смыслъ милліонамъ человѣческихъ существованій, умѣрить дѣйствіе почти непосильнаго, суроваго закона борьбы за существованіе.

III.

Стояло ясно-морозное утро. Послѣ обѣдни много собралось народу у счастливаго Пимана—и изъ своихъ Дергачей, и съ Вальковщины, съ разныхъ сторонъ. Старики и почтенные „хозяйные" люди въ первой половинѣ вокругъ самовара сидѣли; молодежь собралась на другой половинѣ и усердно грызла орѣхи; но въ раскрытыя настежь двери всѣ могли слышать другъ друга, и старики часто перекликались съ своими дѣтьми или слушали, какъ съ заработковъ вернувшіеся парни передавали разные слухи и вѣсти, которые молодежь часто прерывала взрывомъ веселаго смѣха.

— Ну, вотъ и Минъ Аѳанасьичъ пришелъ!—весело сказала Катерина Петровна,—а то безъ стараго весельчака и праздникъ не въ праздникъ.

— Пришелъ!... Какъ не притти!... Гдѣ народъ, тамъ и я!—отозвался, входя съ сыномъ, Минъ Аѳанасьичъ.—Ну, старики, праздникъ у васъ, слышно, нонѣ большой,—обратился онъ къ Пиману съ женой,—дай Богъ въ спорость, въ довольство, да въ счастіе...

— Крестьянинъ — не баринъ, немного крестьянину надо, чтобъ былъ онъ въ довольствѣ, — сказала Катерина Петровна. — При своемъ дѣлѣ крестьянинъ доволенъ и малымъ... При неправомъ же дѣлѣ всегда всего мало...

— Вотъ, вотъ!... Я тоже всегда говорю! — подхватилъ Минъ Аѳанасьичъ. — Въ томъ и мужицкая сила, что дѣла правѣе не сыщешь. Правота всему голова!.. Ежели ты правоту свою знаешь — и съ черствымъ кускомъ будешь доволенъ и счастливъ... А нѣтъ правоты въ твоемъ дѣлѣ—что тебѣ ни давай, только алчбу рождать въ тебѣ будетъ: все мало!... Взять хоть бы баръ... Вы вотъ, молодые, слава Богу, не знаете ихъ, а мы при нихъ состояли довольно... Бывало, посмотришь, Господи Боже, чего у нихъ нѣтъ! Во всемъ сладкій скусъ, ни труда, ни заботы, нѣжитъ и тѣло и умъ, сколько влѣзетъ... А вотъ, братецъ мой, чтобы довольство въ душѣ было... нѣтъ!...

— Ну-у, ужъ ты, Минъ Аѳанасьичъ тоже придумалъ! — перебили его старики. — По твоему выйдетъ, что намъ въ крѣпости жизнь была лучше, чѣмъ барамъ...

— Онъ всегда за господъ былъ!... Лизоблюдъ былъ извѣстный, — шутя перебилъ старшій Пимановъ сынъ.—Онъ, пожалуй, о барахъ заплачетъ...

— Ты постой, погоди... Выслушай прежде... Я постарше тебя... Ты вотъ баръто видѣлъ въ заборную щель, а я при нихъ двадцать лѣтъ подвизался... Говорю: довольства въ душѣ у нихъ было мало... Бывало, рыбу ловить, на охоту, гулянку устроить, по озеру или въ лѣсу, первымъ дѣломъ за Миномъ сейчасъ: „онъ-де радъ и самъ отлынять отъ работы!" Минъ какъ тутъ!... Цѣлами почами пьютъ, ѣдятъ, веселятся... Чего ни придумаютъ только: и всякой ѣды, и питья, и веселья... а довольства все нѣтъ!... Посмотришь въ лицо имъ, такъ вотъ и видишь: нѣтъ довольства въ душѣ! Бывало, молодой баринъ такъ то, единожды, мнѣ говорилъ: „Минка, отчего ты всегда такъ доволенъ и веселъ?"—„Оттого, говорю, баринъ, что у меня въ душѣ довольство".—„Отчего-жъ, говоритъ, это у тебя въ душѣ довольство?"—„А оттого, говорю, что я при правомъ дѣлѣ состою, хлѣбъ рощу... Безъ хлѣба людямъ жить нельзя". — „Ну, а у Захарки (Захарка камардинъ былъ при немъ), значитъ, нѣтъ этого довольства?" — „Нѣтъ, говорю".— „Да ты, говоритъ, посмотри на него: вся рожа у него оплыла... Видишь, какъ улыбается".—„Нѣтъ, говорю, не можетъ быть у него довольства, потому не при правомъ дѣлѣ состоитъ". — „Какъ, говоритъ, не при правомъ? Вѣдь, онъ тоже работаетъ!

вѣдь, и поваръ Васька работаетъ и Савельевна работаетъ". (Савельевна тогда была въ нянюшки взята.)—„Савельевна, говорю, точно, имѣетъ въ душѣ довольство, потому что она при правомъ дѣлѣ: при дѣвочкахъ, дѣточекъ произрастаетъ... А при дѣточкахъ наблюдать, все одно, что при молодомъ хлѣбѣ... Въ дѣточкахъ неправаго положенія нѣтъ".—„А при мнѣ быть, при баринѣ—значитъ, мое положеніе неправое?" — закричалъ онъ. Позамялся я этакъ немного, струхнулъ, однако, осилилъ себя, говорю: „Въ тебѣ, господинъ, тоже довольства нѣтъ".—„Ты, Минка, говоритъ, глупъ, да еще и бунтовщикъ. Какъ ты осмѣлился такое слово барину сказать?„—„А потому и смѣлость взялъ отвѣчаю, что при правомъ дѣлѣ нахожусь... Какъ ты мнѣ скажешь, что я неправое дѣло дѣлаю?"—„Ну, выходитъ по твоему, всѣ мужики у меня довольны! (Засмѣялся.) Хоть это, говоритъ, хорошо. За это я, говоритъ, тебѣ твое грубіанство прощаю" (и опять засмѣялся).—„*Въ себѣ*, говорю, довольны, ваша милость... А въ тебѣ довольства нѣтъ".—„Рабъ ты, говоритъ, Минка, рабомъ ты родился—рабомъ тебѣ и быть надлежитъ... И разсужденія у тебя такія..."

— Ну, вотъ мы про то и говорили!—разомъ всѣ хозяйные мужики подхватили.—Къ тому и дошелъ, что, вишь, мужикамъ у баръ житье было не надо быть лучше... Какъ около баръ-то терся, такъ ему и все казалось сладко! Барское блюдо разъ лизнуть мужику—гляди, и скусъ къ нему получилъ! Хорошо оно съ барами-то было погуливать, какъ другихъ на конюшняхъ пороли!... Ихъ порютъ, а Минка въ дудку дудитъ, да баръ веселитъ!..

Всѣ засмѣялись. Минъ Аѳанасьичъ, однако, этимъ не былъ встревоженъ. Пригладивъ обѣими руками волосы и утеревъ бороду, онъ твердо повторилъ:

— Въ себѣ довольны... въ своей правотѣ... Вотъ здѣсь „правота"!—Онъ постучалъ кулакомъ по худой груди, сверкнулъ подслѣповатыми глазами и поднялся.—А правотѣ въ мірѣ не сгибнуть... Правота всегда жива, а неправота только временно живетъ... Вотъ Іуда предатель хотѣлъ жить неправотой—и удавился...

— Дожидайся, пока Іуды всѣ перевѣшаются... Что-то, братъ, непримѣтно...

— Въ свѣтѣ только двѣ правоты и есть,—продолжалъ, все еще играя въ торжественность, Минъ Аѳанасьичъ:—крестьянинъ при хлѣбѣ и царь при мірѣ. И больше грѣха нѣтъ, какъ ежели крестьянинъ отъ хлѣба отобьется—значитъ, отъ правоты отшибся, а царь отъ міра, потому, значитъ, отъ мірской правоты отшибается. Какъ крестьянину за свой грѣхъ мало жизни, чтобъ умолить, такъ за единый, самый малый царскій грѣхъ—вся Россія не умолитъ... Вотъ она какая правота-то въ мірѣ! Сила въ ней, въ этой правотѣ, большая, и никакой неправдѣ противъ нея не выстоять... Не выстояла противъ нея и барская неправота!.. Слава Создателю!..

— Да противъ кого ей, неправотѣ-то, не выстоять? Ты вотъ что скажи!—вдругъ сердито окрикнулъ Мина высокій старикъ, съ большою, окладистою, сѣдою бородой и умными, но суровыми и даже съ выраженіемъ какой-то сухой жестокости глазами.

Онъ все время слушалъ молча, опустивъ глаза въ полъ, и только отъ времени до времени поднималъ ихъ на Мина и съ чувствомъ презрѣнія сдвигалъ свои густыя брови. Но при послѣднихъ словахъ Мина, и въ особенности когда онъ стукнулъ въ грудь кулакомъ,—въ знакъ искренней своей правоты,—старикъ не выдержалъ. Этотъ старикъ, Іона Губинъ, былъ старовѣръ, вытный въ старовѣрской дергачевской выти.

— Противъ кого?—повторилъ Минъ Аѳанасьичъ.

— Да, противъ кого неправотѣ-то не выстоять?—еще суровѣе повторилъ старикъ.

— Противъ правоты,—сказалъ Минъ Аѳанасьичъ, стараясь выдержать взглядъ старовѣра.

— Противъ какой?

— Противъ моей!—задорно выговорилъ Минъ Аѳанасьичъ съ тѣмъ энергическимъ покачиваніемъ головы и движеніемъ всѣхъ членовъ, съ какимъ любятъ сопровождать свои увѣренія упрямыя дѣти и вообще непосредственныя натуры, у которыхъ выраженіе чувства идетъ скорѣе, чѣмъ мозгъ успѣваетъ формулировать мысль.

Іона что-то произнесъ сквозь зубы, совсѣмъ пораженный „глупымъ" отвѣтомъ Мина.

Взрывъ веселаго хохота раздался со стороны молодежи. Изъ среды ея внезапно вырвался высокій молодой мужикъ, нашъ старый знакомый Лимподистъ, недавно вернувшійся изъ заработковъ, весь

бѣлый, словно мельникъ, но съ розовымъ лицомъ, покрытымъ тоже бѣловатымъ пухомъ, и, размахнувъ, какъ мельничными крыльями, своими могучими руками, растолкавъ народъ, подошелъ, улыбаясь во весь ротъ, къ Мину, обнялъ его маленькую голову своею широкою рукой и, опять оттолкнувъ отъ себя, сказалъ:

— Лю-юблю!.. Вотъ это я л-люблю! Вотъ... это... я люблю!—повторялъ онъ, силясь что-то сказать получше, но рѣшительно не находя словъ.

Лимподистъ почти совсѣмъ не понималъ, что хотѣлъ сказать своимъ отвѣтомъ Минъ (да едва ли въ этотъ моментъ понималъ и самъ Минъ), но Лимподисту понравилась та храбрость, съ которою маленькій, худенькій Минъ Аѳанасьичъ возразилъ надменному книжнику. Да таковъ и былъ дѣйствительно смыслъ самаго отвѣта Мина.

Этотъ неожиданный порывъ Лимподиста вызвалъ еще большее веселье. Даже солидные „середняки", сначала было сочувствовавшіе старовѣру и неодобрявшіе отвѣта Мина, теперь смѣялись. Поощренный такимъ одобреніемъ, Минъ Аѳанасьичъ пріободрился и хотѣлъ было, такъ или иначе, окончательно уничтожить старовѣра, когда въ дверяхъ появился, зачѣмъ-то вышедшій раньше, Пиманъ Савельичъ и, улыбаясь, бережно несъ въ рукахъ какой-то бумажный свертокъ.

— Вотъ, во снѣ мнѣ... указаніе было... И совсѣмъ забылъ,—говорилъ онъ, бережно развертывая свертокъ корявыми пальцами.— Вотъ еще отъ отца (Груздя онъ считалъ отцомъ) остался... Говоритъ: „Бери... Когда ни то удосужишься—прочитаешь... „Да вотъ вѣкъ прожилъ, а все не удосужился...

— Долго же собирается мужикъ грамоту читать!—весело замѣтили гости.

— Да и то забылъ совсѣмъ... Ни къ чему... Да вотъ ужъ во снѣ указаніе было... — говорилъ Пиманъ, все еще не умѣя сладить со свиткомъ и поварачивая его то внизъ, то бокомъ.

— Дай сюда!—сказалъ сурово раскольникъ, подходя къ нему съ видомъ человѣка, знающаго свое дѣло.

— Дай, дай ему... Авось скорѣе тебя дочитается!.. Ты вотъ цѣлый вѣкъ собирался,—шутили гости.

Раскольникъ долго всматривался въ характеръ „устава", которымъ былъ написанъ свитокъ. Повидимому, его интересовало не столько содержаніе свитка, сколько его „начертаніе". Но по лицу его было замѣтно, что онъ то сомнѣвался въ чемъ-то, то иногда въ глазахъ его загоралась надежда.

— Какъ онъ тебѣ достался? — спросилъ, наконецъ, Іона Губинъ, повидимому, въ чемъ-то окончательно убѣдившись.

Пиманъ разсказалъ исторію свитка, какъ передавалъ ему Груздь.

— Читай!.. Пусть Іона читаетъ! Послушаемъ, какъ старики-то наши писали! — заговорилъ заинтересованный народъ, и всѣ сгрудились около Іоны.

Іона обвелъ всѣхъ сердитымъ внимательнымъ взглядомъ, какъ будто желая удостовѣриться, дѣйствительно ли способенъ окружающій его народъ проникнуться серьезностью его чтенія и не унизится ли онъ, Іона, до метанія бисера передъ свиньями. Наконецъ онъ сталъ читать медленнымъ, протяжнымъ тономъ.

Свитокъ этотъ заключалъ именно то „Слово о двухъ мужикахъ", о которомъ говорилъ Груздь во снѣ Пимана. Стиль „Слова", замѣтно, былъ разсчитанъ на возможно большее число слушателей и читателей, а потому въ немъ всюду замѣчались старанія автора приноравливаться къ пониманію и языку массы. Вотъ почему, вѣроятно, чѣмъ больше читалъ Іона, тѣмъ гости Пимана внимательнѣе вслушивались. Въ „Словѣ" говорилось обо всемъ просто и ясно. Начиналось оно воззваніемъ: „Православные крестьяне, истинные Господа нашего христіане! Просимъ оное послушать сказанье, да будетъ оно вамъ въ указанье, какъ теченіе жизни познати и отъ того въ тяжкій грѣхъ не впасти; чадъ своихъ отъ соблазна охранити, и тѣмъ Царю небесному угодити!"За этимъ воззваніемъ характеръ стиха измѣнялся и „Слово" разсказывало такъ:„ Зачиналася церковь православная, свѣтозарная церковь апостольская (вторая половина стиха обыкновенно повторялась въ первой половинѣ слѣдующаго), разливался свѣтъ по всей землѣ, по всей землѣ россійской и греческой. Настало всѣмъ христіанамъ радованіе!" Разсказавъ затѣмъ, какъ „ликовали" православные люди, „Слово" продолжаетъ: „Тому слову Господа-Спаса внимаючи, ссоръ и сваръ отрѣшалися, общимъ лобызаніемъ сопрягалися, имуществомъ подѣлялися: на поляхъ-лугахъ мужички собиралися, предъ иконою Спа-

са поклонялися: чтобы съ того часа великаго, жить намъ въ мірѣ-любви о Господѣ, не дѣлить по себѣ свѣтъ солнца краснаго, не межевать землю-матушку, а жить всѣмъ намъ жизнью обчею, обчею жизнью апостольской". Затѣмъ, по разсказу „Слова", оказывалось, что дьяволъ былъ очень недоволенъ такимъ распространеніемъ среди крестьянъ „обчей апостольской жизни" и сталъ изыскивать разныя козни. „Близъ Новгорода проживала честная вдова съ двумя сынами: старшій сынъ нрава кроткаго, прилежалъ хозяйству крестьянскому, боголюбивому, а младшій сынъ — ума дерзкаго, красоты неописанной, отъ честной вдовы былъ балованъ, не прилежалъ труду боголюбивому". Этого-то младшаго сына дьяволъ и выбралъ своимъ орудіемъ, „обуявъ его гордыней отъ того ли ума дерзкаго". „Не хуже я другихъ, говорилъ младшій сынъ, умомъ-разумомъ, не прилично-де мнѣ чужому уму покорятися. Надлежитъ мнѣ быть при самомъ царѣ. И ходилъ онъ къ самому царю, обольщалъ царя своимъ дерзкимъ умомъ". Тогда царь приблизилъ его къ себѣ, окружилъ почестями и предоставилъ ему „вѣдать всѣ дѣла по-своему". „И тогда гордыня его подымалася, дерзновенію его предѣла не было: возмнилъ онъ быти выше уставовъ апостольскихъ". Послѣ этого „Слово" разсказываетъ, какъ онъ приказалъ печатать новыя книги, править и жечь книги истинныя, старинныя, какъ всѣхъ людей мѣтилъ печатью и клеймами, велѣлъ межевать земли, вводилъ обычаи иноземные и проч. Очевидно, „Слово" въ образѣ младшаго брата смѣшало въ общій типъ и Никона, и царя Петра, и позднѣйшія мѣропріятія Екатерины. Поступалъ младшій братъ „по своему уму дерзкому, православному міру не внимаючи... А врагъ человѣческій тому радовался!" Дальше „Слово" разсказываетъ, какъ „возмущались тогда люди благочестивые, мужики-крестьяне православные, высылали они того ли брата старшаго, да и идетъ онъ къ самому царю; да велитъ ему царь съ младшимъ братомъ помѣряться: чья правда вытянетъ — той правдѣ въ міру быть". Царь допустилъ ихъ помѣряться, и старая правда новую перевѣсила. Но это не понравилось младшему брату: „аки звѣрь, бросился онъ на брата старшаго", велѣлъ ковать его въ кандалы, сажать въ тюрьму. Наконецъ, „Слово", замѣтивъ, что многія юныя души пошли на соблазнъ, заключаетъ такою безнадежною картиной: „Съ того въ мірѣ брань-свара водворялася, наступали времена купующія, наступали времена самосудныя; покупались судьи неправедные. Кровь на кровь подымалася, братья на братьевъ вооружалися, на отцовъ дѣти ополчалися. Раскололася земля русская на-двое: расходилися люди благочестивые по лѣсамъ дремучимъ темнымъ, уносили съ собой правду старинную, хоронили ее отъ злого антихриста. И будутъ старинные люди уменьшатися и погибнуть старшему брату отъ младшаго, не видать на землѣ церкви апостольской, не знавать людямъ мірской правды, до второго пришествія самого Христа-Спаса справедливаго". На этомъ „Слово" кончалось.

Чѣмъ больше вчитывался въ него Іона Губинъ, тѣмъ голосъ его становился торжественнѣе, тѣмъ больше всѣмъ существомъ проникался онъ его содержаніемъ; суровые глаза его сверкали, голосъ дрожалъ, а когда онъ дошелъ до конца, у него полились слезы. Все это произвело на слушателей сильное впечатлѣніе: прежде всего, всѣ они какъ будто нѣсколько смутились, такъ какъ содержаніе „Слова" очень плохо гармонировало съ общимъ праздничнымъ, довольнымъ настроеніемъ. Многіе старики крестились. Старичокъ Ермилъ изъ Груздей подсѣлъ къ Пиману, въ добродушномъ, испуганномъ недоумѣніи смотрѣвшему на Іону и на свитокъ, и сказалъ ему вполголоса:

— Мотри, Пиманъ Савельичъ, это тебѣ какое ни то указаніе.

Пиманъ совсѣмъ сконфузился и оробѣлъ. Старшіе сыновья Пимана качали головами, силясь тщетно понять мораль „Слова". Катерина Петровна, благочестиво сложивъ на груди руки, смотрѣла на Мина Аѳанасьича, который глядѣлъ куда-то въ уголъ, въ сторону, и тихонько покачивалъ головой, какъ человѣкъ, которому сдѣлали большую несправедливость. Всѣ же вообще повторяли ничего не значившія фразы, въ родѣ: „все Богъ, выше Бога не станешь!.. Ахъ, дѣло, дѣло!.. Грѣшники, конечно..." — фразы, къ которымъ обыкновенно прибѣгаетъ крестьянинъ, когда его умъ угнетенъ непривычнымъ наплывомъ впечатлѣній. Во всѣхъ что-то бродило, что-то хотѣлось сказать, но всѣ молчали, ожидая, что скажутъ „умные люди".

Вдругъ Іона, утеревъ слезы, поднялся

сердитый и недовольный и, взявъ шапку, подошелъ къ Мину.

— Вотъ! — сказалъ онъ, подставляя свитокъ къ его лицу, — можешь ты что-нибудь въ этомъ понимать?

Минъ, не оборачиваясь къ нему и все смотря въ уголъ, отвѣчалъ:

— Небойсь, поймемъ!

— Что ты понимаешь?—закричалъ Іона своимъ грубымъ, нахальнымъ голосомъ, которымъ большею частью говорятъ старовѣры съ людьми изъ „міра", которыхъ они презираютъ и которыхъ любятъ унизить въ глазахъ другихъ (этотъ полемическій пріемъ, и не безъ успѣха, они практикуютъ часто).

— Я понимаю,—повторилъ Минъ Аѳанасьичъ, какъ будто собираясь съ мыслями, которыхъ онъ никакъ не могъ высказать; онъ только чувствовалъ, что вдругъ ему стало за кого-то обидно, кого-то жалко, онъ ощущалъ какую-то большую несправедливость. Почему-то онъ вспомнилъ Катерину Петровну, свою жену, Яньку, Пимана, вспомнилъ недавнюю уборку хлѣба, сѣнокосъ, веселаго Пимаху на стогу, мужиковъ всѣхъ вообще, почему-то вспомнилъ даже свою сивую лошадь, съ которой онъ неразлучно лѣтъ десять ходилъ бокъ-о-бокъ, въ извозъ, въ поле; вспомнилъ двухъ кроликовъ, которые жили у него въ подпольи...

Зачѣмъ все это вдругъ пришло ему въ голову, онъ никакъ не объяснилъ бы, но если бы онъ стоялъ предъ толпой и говорилъ свободно, онъ такъ бы все и разсказалъ, какъ ему въ голову все это лѣзло, и непремѣнно было бы понятно и ясно и ему самому, и слушателямъ. Но когда надъ нимъ стояли съ ножомъ къ горлу и требовали категоричнаго отвѣта, онъ не понималъ, что у него въ головѣ, хотя и повторялъ:

— Я понимаю, небойсь!..

— Что же ты понимаешь?—повторилъ опять свой вопросъ, не измѣняя ни голоса, ни позы, Іона.

Онъ уже чувствовалъ, что отвѣть еще разъ Минъ также, толпа не выдержитъ и захохочетъ. Іона зналъ мужицкую толпу.

— Чего я понимаю?—вдругъ напружился Минъ Аѳанасьичъ, прямо съ какою-то отчаянною рѣшимостью посмотрѣвъ на Іону, и поднялся.

— Да,—сказалъ Іона.

— А тебѣ чего нужно? — неожиданно спросилъ Минъ Аѳанасьичъ, какимъ-то чутьемъ понимая, что перемѣни только Іона вопросъ, и онъ дѣйствительно „все пойметъ сразу".

— Противъ кого, скажи, неправдѣ-то не выстоять? Вотъ этой неправдѣ-то, что тутъ прописана! — кричалъ Іона, стуча свиткомъ по рукѣ.

— Противъ кого?

— Да.

— Противъ насъ... Вотъ противъ всѣхъ... Мы вотъ...

Минъ Аѳанасьичъ вдругъ весь заволновался, замигалъ глазами, всего его задергало.

— Богохульникъ! — проговорилъ Іона, услыхавъ прежній отвѣтъ Мина, который онъ принялъ тогда за неумѣстную шутку глупаго мужика.

— Врешь,—закричалъ Минъ Аѳанасьичъ,—врешь, Господь насъ въ обиду не дастъ... Господь милостивъ, милосердъ... Правому дѣлу онъ не дастъ погибнуть. Неправому дѣлу погибель, а правому нѣтъ... Онъ не допуститъ!.. Вотъ противъ чего неправотѣ не выстоять!.. Богъ отъ насъ не отступится, потому мы при правомъ дѣлѣ...

— Отъ васъ, пьяницъ и сквернослововъ? Отъ разбойниковъ? — загремѣлъ Іона.—Да онъ отъ васъ, въ несправедливомъ своемъ гнѣвѣ, давно отступился! Ему больно, что вы имя-то Его своими сквернословными устами говорите!.. Вотъ оно—люди-то святые что̀ писали?.. Вникните!

— Старовѣрскія сказки,—тихо, садясь, проговорилъ Минъ Аѳанасьичъ,—Конецъ-то сторовѣры приклеили!.. По всему видно!

— Продай мнѣ!—вдругъ сказалъ Іона Губинъ Пиману, услыхавъ слова Мина и показывая на свитокъ, но не выпуская его изъ рукъ.

— Продать?—спросилъ въ недоумѣніи Пиманъ.

— Да. Хочешь четвертной билетъ?

— Продать? Зачѣмъ продать?.. Это у меня отъ отца...

— Не продавай,—шепнулъ ему старичокъ Ермилъ,—можетъ, указанье... Почемъ знать?... Вишь, во снѣ... объявилось... Можетъ, и счастіе твое оттого, что онъ у тебя въ домѣ...

— Что же, продашь? — допрашивалъ Губинъ.

— Зачѣмъ продавать!.. Самимъ пригодится.

— Да вы себѣ Еруслана купите! Вамъ

все одинаково сказки-то!... Тотъ всего трешникъ стоитъ, а я четвертной билетъ даю! — сказалъ Іона и иронически засмѣялся.

— Зачѣмъ продавать! Небойсь, и сами поймемъ,—заговорилъ, уже обидѣвшись, Пиманъ. Обидѣлись и его сыновья.

— Не кичись, Іона Петровичъ, очень-то, — сказали они, — умъ-то не на васъ однихъ клиномъ сошелся!... Найдемъ и у себя... Ты, батюшка, не давай... Что мы, съ голоду, что ли, помираемъ?.. Видали четвертные-то!..

— Ну, полсотни хочешь?—сказалъ Іона, надѣвая шапку.

— И полсотни не хочу, Іона Петровичъ. Самимъ пригодится.

Іона сердито сунулъ ему въ руки свитокъ и быстро вышелъ изъ избы, ни съ кѣмъ не прощаясь.

— Вишь, сердце какое! — сказали въ толпѣ.

— Собачье, истинно собачье...

— Себялюбцы! — сказалъ Минъ Аѳанасьичъ,—одно имъ слово...

— Эй, Пиманъ!—постучалъ клюкой въ окно съ улицы Іона,—хошь десятку накину?

— Ступай съ Богомъ, ступай!.. Говорю, самимъ пригодится...

— На цыгаркахъ искурите, богохульники!—закричалъ Іона съ улицы и ушелъ.

IV.

Уходъ Іоны какъ-то сразу согналъ со всѣхъ томящее недоумѣнье; какъ-то сразу всѣ что-то поняли, у всѣхъ вдругъ стало свѣтло въ мозгу: всѣ заговорили.

— Себялюбцы! — проговорилъ добродушный Пиманъ.

— Себялюбцы!—подхватилъ Мина Аѳанасьичъ, весь словно просіявъ.—Вѣрно—себялюбцы!.. Вотъ истинное слово!.. Потому міру ненавистники... Себя только любятъ!.. Смотри, ото всѣхъ отгородились, ровно отъ чумы... Себя только святыми считаютъ, а другіе, вишь, въ грѣхѣ ходятъ!.. Мірскіе ненавистники!

— Господа Бога огорчаютъ; Онъ насъ, милостивый, изъ какихъ рукъ-то высвободилъ?—замѣтили солидные хозяева.

— То-то вотъ, какую неправоту сломилъ?—подхватилъ Минъ Аѳанасьичъ.—Не въявѣ ли? А, вѣдь, прежде тоже не вѣрили... Помните, чай, не мало мнѣ доставалось!—улыбался онъ.

— Трудно было, извѣрились,—сказалъ старичокъ Ермилъ изъ Груздей.

— Маловѣры! Вотъ истинно, что мы маловѣры... А оттого въ отчаянность, въ жадность впадаемъ,—добавилъ Минъ Аѳанасьичъ.

— И теперь опять прописано, что мужикъ отъ ума заблудился... Въ умѣ плохого нѣтъ... Какъ себя поведешь... Еще безъ ума-то зла больше сдѣлаешь,—сказалъ старшій Пимановъ сынъ.

Всѣ еще долго говорили, восклицали въ подобномъ же родѣ, а Лимподистъ весь сіялъ, какъ будто его собственная „правота“, состоявшая вся въ томъ, что онъ съ своею артелью таскалъ въ московскихъ лабазахъ кули, вдругъ просіяла для него неожиданнымъ свѣтомъ, и онъ внезапно объятъ былъ вѣрой, что Господь милостивъ и его „правота скажется и неправота замолчитъ предъ его правотой, и что въ будущемъ все для его правоты и ничего для неправоты“. И во всѣхъ говорило то же. Во всѣхъ возгласахъ сказалась вдругъ страстная жажда жизни, а съ ней и вѣры. Такъ различны были результаты впечатлѣнія, произведеннаго однимъ и тѣмъ же фактомъ теперь и сотни лѣтъ назадъ.

Только одинъ старичокъ Ермилъ изъ Груздей не раздѣлялъ общаго порыва вѣры, можетъ быть, именно потому, что былъ очень старъ, и сказалъ:

— Много, много еще неправоты въ мірѣ осталось!.. Ой, много!..

— Много, дѣдушка, много,— подтвердилъ и Минъ Аѳанасьичъ,—только и ей не жить...

— Вотъ ты говорилъ про баръ,—продолжалъ Ермилъ,—а свой-то братъ покруче будетъ... Ой, покруче!.. Въ барахъ баловства было много, а тутъ дѣло то въ сурьезъ пошло!.. Въ большой сурьезъ!

— Сгибнутъ!—увѣренно сказалъ Минъ Аѳанасьичъ.

— Почему ты такъ? — спросили хозяйные мужики.

Всѣ примолкли. Минъ Аѳанасьичъ такъ убѣдительно доказалъ эту гибель относительно баръ и такъ увѣренно пророчилъ эту гибель кулакамъ, что всѣ съ большимъ интересомъ ждали его отвѣта. Минъ Аѳанасьичъ протеръ больные, заслезившіеся глаза, посмѣялся въ бороду, обвелъ всѣхъ лукаво-добродушнымъ взглядомъ и спросилъ:

— Али понѣ у васъ Минъ уменъ сталъ?.. Что всѣ уши-то, словно зайцы, прижали? Должно и за Миномъ кое-что

водится... Пора, пора!.. Есть, братцы, и у Мина заслуги!

— Ну, ну... Ты ужъ на пустой то не играй! Посмотримъ еще!—закричали на Мина.

— Что мнѣ смотрѣть!.. Умнѣе не буду: все, что есть,—все при мнѣ... Такъ вотъ, говорю вамъ: кулакамъ-міроѣдамъ не жить... А не жить имъ потому, что у нихъ *сытости* нѣтъ!.. Коли сытости нѣтъ — шабашъ, пропало!.. А у нихъ, милые, даже ни чуточки ея нѣтъ... У барина хоть малость, да было, а у кулака нѣтъ: у него одна алчба, жадность, гладъ душевный и тѣлесный... Чѣмъ больше жертвъ, тѣмъ больше утроба проситъ... Вотъ что у пьяницъ: чѣмъ больше пьетъ, тѣмъ больше хочется... Онъ думаетъ: вотъ выпью еще, буду въ довольствѣ, сытости,—выпьетъ, а его пуще алчба мучитъ... Вотъ отъ этого самаго... А отъ чего эта алчба? Отъ неправоты... Правоты въ своемъ положеніи не видитъ... Коли кто правоту чувствуетъ свою, онъ всегда и сытость чувствуетъ, у него есть предѣлъ, у него довольство въ себѣ есть... Вотъ, милые, гдѣ ихъ гибель ожидаетъ...

— Отъ жадности, по-твоему?

— Да, оттого, что *сытости* нѣтъ... довольства *въ себѣ* нѣтъ...

Всѣ замолчали; трудно брелъ мужицкій хозяйственный мозгъ за Миномъ, у котораго слова слетали съ языка какъ-то сами собой: вѣдь, и сами мужики знали, что Минъ говоритъ какъ-то по-птичьему, не такъ, какъ истинный умственный человѣкъ,—резонисто и обдуманно, и удивлялись одному, какъ это у него выходило такъ, что всѣ невольно его слушали.

— Будешь голоденъ!.. Какъ зубами-то прежде щелкалъ, такъ пироги-то куда вкусны!—замѣтилъ, засмѣявшись, одинъ толстый хозяинъ съ краснымъ лицомъ.

— Отъ неправоты... правоты въ своемъ дѣлѣ не видитъ,— повторилъ Минъ Аѳанасьичъ.—Ну, хозяюшка, разступись пивцомъ, — прибавилъ онъ и, выпивъ ковшъ, утеръ усы, бороду и, не обращая вниманія, что мужики начали разговоръ между собою, вдругъ заговорилъ уже по собственному, такъ сказать, почину.

— А вотъ, братцы, за свой вѣкъ еще я неправоту видалъ!

— Какая же это, Минъ Аѳанасьичъ, неправота?—спросила съ серьезнымъ любопытствомъ умная Катерина Петровна, которая, можетъ быть, одна въ глубинѣ души искренно вѣрила въ „умъ“ Мина Аѳанасьича, но не въ тотъ „умъ“, за который она измѣнила ему и вышла за Пимана, не въ „хозяйственный умъ“, такъ дорогой и важный для крестьянской страды, а въ другой, въ тотъ „разумъ“, съ которымъ плохо живется на свѣтѣ, но при которомъ свѣтло на душѣ. И радъ крестьянинъ, когда изъ-подъ „хозяйственнаго „ума“, хоть одинъ лучъ блеснетъ ему въ душу отъ этого сіянія разума, чистаго, безгрѣшнаго, чуждаго мзды и разсчетовъ... А ужъ какую же кто-либо могъ заподозрить „мзду“ за умомъ Мина Аѳанасьича! Тѣмъ менѣе могла заподозрить его Катерина Петровна.

Всѣ опять стали прислушиваться къ разболтавшемуся Мину.

— Да вы, старики, сами знаете, на кого я мекаю,—отвѣчалъ Минъ Аѳанасьичъ:—на нѣмца вотъ на кого!.. Помните, жилъ въ Хопрахъ, въ графскомъ имѣньи, верстъ отъ насъ за двадцать, управляющій... Чать, не забыли, какъ барыня наша, овдовѣвши, объ нѣмцѣ мыслями сбилась и ужъ совсѣмъ было замужъ вышла... да!.. а мы не пустили!..

— Помнимъ, помнимъ! — засмѣялись старики.

— Ну, вотъ... про него я мекаю!.. Слыхали мы объ нѣмцѣ и раньше, да такъ, мимоходомъ... Заходили оттуда къ намъ мужики, кое-что говорили, — и во всей сторонѣ объ нѣмцѣ шли слухи,—да намъ тогда было оно ни къ чему... А вотъ какъ прослышали мы отъ Савельевны, что барыня наша объ нѣмцѣ болѣетъ, взялъ я тихимъ манеромъ, да и закатился въ Хопры поразвѣдать получше: что тамъ и какъ у нѣмца живется народу... Ну, посмотрѣлъ!.. „Какъ, спросилъ мужичковъ, братцы, живете: какъ хлѣбецъ, скотинка?“ — Мы, говорятъ, не знаемъ: вотъ нѣмца спроси!.. Мы ужъ давно, говорятъ, не имѣемъ ни въ чемъ своей воли, нѣтъ давно ужъ у насъ своей полосы; давно уже мы хлѣбушка сами не ростимъ, скотинушку не холимъ въ дворахъ, нѣтъ съ землей передѣловъ и поравненья... Работаемъ мы по звонку, по часамъ; ровно солдатъ, насъ выгоняютъ въ поля; по приказу мы пашемъ и сѣемъ, скотина у насъ вся на скотномъ дворѣ; ходятъ за ней по наряду наши бабы; по часамъ, по мѣрѣ да вѣсу выдаютъ ей и пойло, и кормъ... Также и въ полѣ: косятъ и пашутъ машина да плуги; луга и лѣса не Божьею

благодатью произростаютъ, а по нѣмецкому указу,— засѣваемъ мы ихъ, какъ поля, сѣменами... Сущая каторга здѣсь!.. Нѣтъ ни воли тебѣ, ни къ чему не приложишь ума своего и охоты... Какъ солдаты, по командѣ вертимся!.. Къ ночи вернемся домой — голова, какъ чугунъ, все въ тебѣ ровно окостенѣло, словно скотина,—только бъ до корму, да до соломы дорваться: наѣлся и спишь, какъ убитый... А на утро,—какъ скотину-жь, опять выгоняютъ!.. Такъ и идетъ: нѣтъ вкуса ни въ чемъ—ни въ кускѣ, ни въ питьѣ, ко всему равнодушны... Давно ужъ насъ всѣхъ одолѣла тоска: сколько изъ насъ передавилось на петлѣ, сколько бѣжало отъ машиннаго хлѣба..." Такъ мои мужики говорили, меня-жь, вчужѣ, страхъ обуялъ... Пробылъ у нихъ я цѣлые сутки: высмотрѣлъ все... Что за сила надъ ними? И точно, увидалъ: сила большая... Только чуть утро занялось, въ звонки зазвонили, и не успѣлъ народъ на полѣ собраться, нѣмецъ ужъ тамъ... Поглядѣлъ: мала птичка, да ноготокъ востеръ... Тонокъ, какъ спичка, а глазами такъ вездѣ и стрѣляетъ, какъ коршунъ... Ничто отъ него, кажись, не уйдетъ... Кричать чтобъ, какъ наши бары или бурмистры,—совсѣмъ не кричитъ, но разъ что ужъ скажетъ — другой повторить не заставишь... Ходитъ вездѣ, подъ мышкою книжки: тамъ вѣситъ, тамъ мѣритъ, слѣдитъ по часамъ, смотритъ машины, винты, шестерни, щупаетъ вымя коровамъ. Ну, дошлый!.. И что же, братцы! врать не хочу: посмотрѣлъ я на хлѣбъ, на траву, на скотину—такую мы во снѣ развѣ видимъ!.. Сказалъ мужикамъ: „Братцы! да съ эдакимъ Божіимъ даромъ и умирать бы не надо!" А они мнѣ въ отвѣтъ: „Даръ этотъ не Божій, а бѣсовскій обманъ... Не по-Божьи, не по-крестьянски онъ возращенъ: намъ онъ не въ спорость". И точно, какъ я поразмыслилъ объ ихнемъ житьѣ, на другую же ночь убѣжалъ. „Господи Боже, спаси насъ и помилуй!—только твердилъ.—Не попусти намъ неправоты еще горшей!.." Такъ вотъ оно, неправота-то у нѣмца какая... Идетъ она съ бѣсовскимъ обманомъ! Въ глазахъ у тебя она разукраситъ богатствомъ поля и луга и скотину... Всюду умъ!.. Баловства ужъ не видно!.. И не примѣтишь, какъ дьяволъ тебя заберетъ къ себѣ въ лапы... Тогда ужъ прощай!.. Истаешь въ тоскѣ, будешь ходить, какъ шальная скотина,—ни объ чемъ ни заботься, ни думай: все машина да нѣмецъ за тебя обдумаютъ! Бога забудешь, міръ и царя... Дьяволу только и надо, чтобъ изъ тебя умъ взять и душу!.. Вотъ чего, милые, бойтесь... Вотъ объ чемъ Бога молите!.. Какъ царь даровалъ волю, такъ съ тѣмъ и сгинулъ!.. Какъ манифестъ объявили, крестьяне бросились всѣ на машины—и въ одночасье все поломали!.. Нѣмецъ глядитъ: дѣлу его пришло закончанье,—давай Богъ только ноги!.. Ну, вотъ съ тѣхъ поръ и не слышно нѣмецкихъ порядковъ... Жмутъ насъ землей и лѣсомъ бары да кулаки, а только нѣмецкихъ обмановъ не видно!.. Создатель, видимо, милостивъ къ намъ, многогрѣшнымъ!

— Все до поры, — замѣтилъ Ермилъ изъ Груздей.— Всякій нынче народъ повелся... Изъ-за мамона и нѣмцу продастся.

— Нѣтъ... Ужъ если бъ такому народу у насъ быть, давно завелся бы... Онъ бы еще у баръ заявился... Видѣлъ я и баръ, какъ они льстились на нѣмца: все хотѣли у него перенять... Да не вышло! Смѣхъ былъ одинъ только!

— Ну, мужикъ при умѣ посурьезнѣй барина будетъ,—сказалъ старшій Пимановъ сынъ.

— Это вѣрно. Только какъ у нѣмца, не выйдетъ.

— Почему-жь у насъ нѣтъ, а у нѣмца?..

— На то онъ и нѣмецъ!—замѣтилъ Минъ Аѳанасьичъ.—Поставь меня, и поставь его: мнѣ угонять его своею правотой трудно...

— Да ты говорилъ, что ли съ нимъ?

— Нѣтъ, не говорилъ... А только въ лицо смотрѣлъ...

— Ну?

— Лицо у него ровное, взглядъ твердый, не дрогнетъ! Это умъ въ немъ!.. Онъ по немъ и довольство въ душѣ своей имѣетъ.

— И сытость въ немъ есть?

— И сытость есть. Онъ жадничать не станетъ. А возьметъ и малую вещь, да ужъ ее до корня произойдетъ... И доволенъ, что умомъ взялъ!.. Умъ его радуетъ!.. Алчбы этой у него быть не можетъ...

— Значитъ, все отъ ума?

— Отъ ума.

— Такъ, такъ... Такъ, выходитъ, потвоему,—засмѣялся одинъ хозяйный мужичокъ,—что тѣмъ мы и живы, что ду-

раки нами владѣли да и теперь мудрятъ?

— Пожалуй что такъ.

Минъ Аѳанасьичъ усталъ: до такой степени ему были несвойственны и торжественность и категорическое развитіе мысли, что онъ сразу какъ-то ослабъ и растерялся.

— Э, да ну васъ совсѣмъ! — сказалъ онъ, заглянувъ на пустую половину, гдѣ прежде была молодежь.—Гляди, разбѣжались всѣ молодые... Что вы праздникъ на поминки свели? Больно нынче сурьезны ужъ стали!

— Ты постой, погоди... Ты разскажи, какъ барыню вы не пустили за нѣмца!— остановили его сторонніе гости.

— Барыню-то?.. Чать, старики помнятъ и это... Какъ? Засмѣяли!.. Ей-Богу, не вру... Вернулся въ деревню, пошли разговоры про нѣмца, на сходкахъ и въ дворнѣ... Только и слышно, какъ нѣмецъ щупаетъ куръ да вымя коровамъ, какъ лижетъ онъ масло... Смѣхъ! Савельевна барынѣ, къ слову, тоже закинетъ объ этомъ... „Барское-ль дѣло? Стыдно сказать!“ А тутъ мы подвалили къ веселому часу; говоримъ: „Матушка-барыня, да неужто же мы тебя съ барчатами сами пропитать не сумѣемъ?.. А коли барина нужно: бери, чтобы баринъ былъ настоящій, рукъ не маралъ на мужицкомъ дѣлѣ, а смирненько сидѣлъ себѣ на балконѣ, курилъ табачокъ да расправу чинилъ, когда межъ собой больно войдемъ мы въ раздоръ... Вотъ то баринъ! А то—щупать вымя коровье! Стыда не возьмешь!..“ Что же, вѣдь, братцы, засмѣяли!.. Ей-Богу!..

— Ну, и что жъ?—подхватили весело мужики...

— Будетъ, будетъ... Ну васъ совсѣмъ... Никогда не бывало, чтобъ отъ Мина народъ разбѣжался... А теперь, вишь ты, скуку какую нагнали!

— Не молодые ужъ мы, Минъ Аѳанасьичъ, — замѣтила Катерина Петровна, — пора быть постепеннѣй...

— Ну, сватья, не Мина степенству учить: малая собачка до старости щенокъ,—отвѣчалъ ей Минъ Аѳанасьичъ.— Да и тебѣ бы совѣтовалъ я быть къ молодежи поближе: на молодыхъ и стариковской крови теплѣе!.. Такъ-то! — прибавилъ Минъ Аѳанасьичъ, и, заслышавъ веселый говоръ у оконъ, ушелъ изъ избы.

— Бабникъ былъ — имъ и остался, — шутили степенные гости.

— Въ свое время не мало свелъ онъ съ ума на Вальковщинѣ дѣвокъ и бабъ... Кабы не держали отцы да мужья ихъ крѣпко въ рукахъ при хозяйствѣ, съ человѣкомъ такимъ Богъ знаетъ куда бы онѣ угодили!—сказалъ старичокъ Ермилъ изъ Груздей.—Было однажды дѣло такое: своимъ разговоромъ Минка увелъ половину бабъ изъ нашей Вальковщины...

— Ну-у?—изумились Пимановы дѣти.

— Ей-Богу, не вру... Стариковъ вотъ спросите, знаютъ они, что за птица Минъ Аѳанасьевъ... Было то предъ „волей“. Минъ тогда то и дѣло слухи и вѣсти на Вальковщину несъ отовсюду. Ходитъ по деревнямъ, тихо толкуетъ по задворкамъ, возлѣ него, то и дѣло, собирался народъ, а больше все бабы да дѣвки... „Ну, говоримъ, Минка сгубитъ себя, да и насъ подъ отвѣтъ подведетъ“... Хоть и самимъ хотѣлось послушать, а все же частенько гоняли его и даже бивали... А онъ твердитъ себѣ, знай: „Уповайте, кричитъ!.. Въ государѣ сказалась мірская правда! Эхъ, вы, маловѣры!.. Говорю вамъ, самъ государь ѣздитъ по селамъ и всюду народу правду оповѣщаетъ!.. Слышь, отъ насъ теперь верстахъ въ сорока...“ Жутко намъ стало отъ этихъ рѣчей, и, чтобы какъ не смутиться, настрого мы бабамъ и дѣтямъ заказали Минку не слушать... Что же, братцы?.. Вскорости послѣ того проснулись мы утромъ—хвать, нѣтъ при насъ ни дѣвокъ, ни женъ!.. Вотъ оказія!.. Какъ намъ бурмистру сказать?.. А на барщину надо было итти... Туда да сюда— нѣтъ нашихъ бабъ!.. Мы въ Дергачи: „Братцы, цѣлы ли бабы у васъ?“—„То-то не всѣ, говорятъ, на половину и мы досчитаться не можемъ... Вишь ты, съ Минкой ушли—царю поклониться и изъ самыхъ устъ его вѣсть о правдѣ услышать!“

— Вотъ такъ Минъ!—сказали молодые, смѣясь,—да ему что! На немъ ни брань, ни побои не виснутъ!.. Отъ него, слышь, и баре—и тѣ отступились... Ну что-жь?

— Ну, и была тогда всѣмъ намъ гонка: намъ отъ старостъ, что женъ распустили, женамъ отъ насъ, а Минкѣ—ото всѣхъ по наградѣ: и отъ насъ, и отъ баръ, и отъ бабъ,—въ городѣ, вишь ты, царя и не ждали...

— Что же Минка?

— Ну, такъ что-жь, говоритъ, подождемъ... Правда насъ не минуетъ!.. Нашего дѣла правѣе не сыщешь!.. И что же, братцы! хоть мы и сердились на Мина, а

на Минѣ всѣмъ намъ веселѣе бывало всегда: хочешь не хочешь, а вѣришь!

— Какъ же не вѣрить!—сказала Катерина Петровна.—Видите сами, правду ли говорилъ Минъ Аѳанасьичъ?.. И точно, мы маловѣры, а такимъ людямъ, какъ Минъ Аѳанасьичъ, можетъ, самъ Богъ открываетъ... Они не такіе, что мы. Нѣтъ въ нихъ ни зависти къ людямъ, ни жадности, малымъ довольны, всѣхъ любятъ, душою равны, все въ нихъ, словно въ младенцахъ, играетъ... Посмотри на него, онъ весь наружи. ровно стеклянный... Поговоришь съ нимъ, словно сходишь въ Божью церковь.

Такъ говорила Катерина Петровна, зардѣвшись вся краской, въ странномъ волненіи, пряча отъ постороннихъ возбужденные взгляды.

— Ну, матушку съ Миномъ не разлей и вода, — пошутили Пимановы дѣти. — А съ батюшкой все же, должно, было теплѣе?.. а?

— Не въ церквахъ людямъ жить... Церковь въ праздникъ, а въ будни — изба,—замѣтилъ мягко Пиманъ.

— Грѣшники мы,—заключила Катерина Петровна,—и маловѣры!

V.

Между тѣмъ, молодежь, наскучивъ бесѣдой солидныхъ людей, давно уже выбралась на улицу и, вынеся скамьи, рядами усѣлась у оконъ. Въ серединѣ сидѣла лучшая пара: то были Аннушка и Яня. Аннушка—младшая, незамужняя дочь Пимана, вся въ мать, съ тѣмъ же лукаво-смѣющимся взглядомъ умныхъ большихъ глазъ. Яня въ желто-пахучемъ новомъ полушубкѣ, накинутомъ на плечи, сидѣлъ, откинувшись къ стѣнѣ, забросивъ высоко голову, такъ что глаза его только какъ будто скользили поверхъ сидѣвшихъ и стоявшихъ кругомъ, а въ сущности блуждали въ безграничномъ просторѣ, открывавшемся тотчасъ за житницами. Руками онъ перебиралъ лады гармоники и слегка пристукивалъ ногой; на мягкихъ губахъ витала та характерная добродушная улыбка, которая чуть не съ рожденія осѣнила его и съ тѣхъ поръ уже не покидала. Рядомъ съ нимъ сидѣлъ высокій парень, изъѣденный оспой, въ мерлушковой, набекрень, шапкѣ, въ черномъ узенькомъ сюртукѣ поверхъ красной рубахи и въ узкихъ брюкахъ, засунутыхъ за голенищи низкихъ барскихъ сапогъ. Вся фигура его, жилистая, костистая, неуклюже выбивавшаяся изъ костюма, выпученные сѣрые глаза, упертые въ колѣнки красные кулаки, — все дышало необычайнымъ нахальствомъ. Это была одна изъ тѣхъ оригинальныхъ фигуръ, которыя вы часто можете встрѣтить въ фабричныхъ конторахъ среди недѣли, когда, кромѣ нихъ, эти конторы никто не осмѣлится безпокоить. Съ гармоникой подъ мышкой, съ серьгой въ ухѣ, съ гладко остриженною головой, выпучивъ упорно на суроваго конторщика оловянные глаза, онъ говоритъ отрывисто: „Желаю получить разсчетъ“.—„Пошелъ вонъ! — кричитъ конторщикъ.—„Какъ ты смѣешь безпокоить до срока?“—„Пожалте разсчетъ... Какъ мы, значитъ, наскучены вашимъ поведеніемъ, болѣе не желаемъ... Мы себѣ мѣсто въ Расеи найдемъ!“ — тѣмъ же нахальнымъ тономъ продолжаетъ фабричный. Конторщикъ выходитъ изъ себя, бросается на него съ кулаками, происходитъ скандалъ, скликаютъ сторожей и десятниковъ, его связываютъ, сажаютъ въ кутузку. Въ кутузкѣ онъ играетъ на гармоникѣ, время отъ времени производя буйство съ дверью и тревожа сторожей; наконецъ, ему выбрасываются деньги и выгоняютъ съ завода. Этотъ парень дѣйствительно, наскучивъ фабрикой, недавно явился домой къ старику-отцу „на праздникъ“. Сидѣвшая объ руку съ нимъ востроносая, тонкая, низенькая дѣвушка, съ бойкими карими глазами, казалось, была вся охвачена существомъ Прошки; достаточно было Прошкѣ сказать слово, повести рукой,— ее такъ и подмывало. Третьей характерной парой были „молодые“, недавно обвѣнчанные мужъ и жена, типъ тѣхъ рабовъ „труда“ и „хозяйства“, которые провели всю жизнь подъ рукой „хозяина-большака“ и потомъ вдругъ вышли въ „свою жизнь“. Мужъ—это тотъ высокій, плечистый, съ круглымъ, краснымъ, „бабьимъ“ лицомъ, огромными руками и ногами, неповоротливый субъектъ, котораго именно разумѣетъ общество, когда называетъ „мужикомъ“. Несмотря на свое апатически-добродушное отношеніе ко всему, что происходитъ предъ нимъ, и отвѣчающій на обращенные къ нему въ оживленной бесѣдѣ вопросы только кряканьемъ, онъ всегда находитъ въ себѣ достаточно энергіи, чтобы послѣ бурныхъ почему-либо преній лаконически сказать: „пора бы ихъ, подлецовъ,—во!“ и, вытянувъ могучую руку, показать свой здоровенный кулакъ, при

взрывахъ одобрительнаго хохота. Молодая, сидѣвшая съ нимъ жена, пока еще съ пухлымъ крупичатымъ лицомъ, беззавѣтно вѣрила въ физическую силу своего мужа и въ право этой силы, совершенно ясно сознавая, что этой „силѣ“ должна подчиняться и она. Они оба были вполнѣ довольны, передъ ними лежала жизнь съ изумительною ясностью и отчетливостью, разработанная вѣками во всѣхъ подробностяхъ. Тутъ нѣтъ ни колебаній, ни сомнѣній; если что-либо—будетъ ли то сынъ, жена, сосѣдъ или кто-нибудь и что-нибудь изъ постороннихъ воздѣйствій—осмѣлится слишкомъ уже нарушить это неприхотливое право физической силы, то неповоротливый и смирный хозяинъ лаконично укажетъ глазами на свой волосатый кулакъ. Обоихъ молодыхъ звали въ деревнѣ общимъ именемъ „Лукашекъ“, такъ какъ мужикъ крещенъ былъ Лукой, а жена его Лукерьей. Если мы къ этимъ тремъ группамъ прибавимъ Пимаху-внука, Лимподиста, то познакомимся вполнѣ съ собравшеюся у воротъ Пимана группой молодежи, такъ какъ прочія пары были уже простыя варіаціи изъ описанныхъ нами. Впрочемъ, изъ этихъ послѣднихъ слѣдуетъ упомянуть старшую дочь Пимана, Пашу, съ мужемъ, которые хотя и были обвѣнчаны три года тому назадъ, но, какъ не имѣющіе самостоятельнаго хозяйства (мужъ Паши взятъ былъ Пиманомъ „во дворъ“), все еще считались наравнѣ съ парнями и младшими членами деревни, неимѣвшими своего голоса и воли. Паша, въ противоположность сестрѣ, была высока, бѣлокура, полна, одна изъ тѣхъ „простыхъ“ натуръ, которыя недалеки умомъ, но крѣпки душой; Паша любила своего мужа Алешу, добраго малаго, представлявшаго собой нѣчто среднее между поэтическимъ Яней и мужиковатымъ Лукашкой. Онъ былъ уже съ утра навеселѣ и постоянно болтался то около кого-либо изъ сидѣвшихъ, то около кучекъ, ходившихъ по улицѣ, и всѣмъ что-то съ блаженною улыбкой разсказывалъ, хотя его никто не понималъ, да и не добивался понять. Наконецъ, послѣдняя пара стояла вдалекѣ, подъ навѣсомъ воротъ. То былъ еще молодой юноша, едва вышедшій изъ подростковъ, съ робкимъ, боязливымъ, забитымъ выраженіемъ на лицѣ, но, какъ это часто бываетъ съ робкими натурами, въ глазахъ его теперь сверкала какая-то отчаянная, скрытая храбрость; онъ стоялъ рядомъ, плотно прижавшись плечомъ къ плечу, съ красивою дѣвушкой, старше его годами. Въ какомъ-то невыразимомъ томленіи, не говоря ни слова, съ возбужденными глазами и пылающимъ лицомъ жались они другъ къ другу: такъ стоятъ цѣлыми часами овцы или лошади, прижавшись одна къ другой боками и головами. На любовную пару никто не обращалъ вниманія, такъ какъ „стояніе“ было обычнымъ среди дергачевской молодежи выраженіемъ той любовной истомы, которая охватываетъ молодое существо при взаимномъ, свободномъ общеніи, охраняющемъ, тѣмъ не менѣе, строгую дѣвственность. Къ счастію, ранніе браки въ крестьянствѣ скоро разрѣшаютъ мученія „стоиковъ“. Но положеніе упомянутой пары было тѣмъ печальнѣе, что юноша былъ сынъ суроваго старовѣра; къ обычнымъ мученіямъ „стоянія“ здѣсь прибавлялось мученіе безнадежности.

VI.

Холодное осеннее солнце въ упоръ освѣщало собравшуюся группу молодежи, когда вышелъ къ ней Минъ Аѳанасьичъ. Молодежь запѣла пѣсню, сначала тихо, неровно, потомъ подхватила дружно. Съ Мина сразу соскочила торжественность; ставъ предъ группой поющихъ и отступая тихо назадъ, чтобы видно было всѣхъ, онъ махалъ въ тактъ руками. Его такъ всего и охватило... Играющими глазами впился онъ въ своего двойника-Яню и въ веселое лицо Аннушки. Едва успѣли кончить пѣсню, какъ Минъ закричалъ:

— Стой, братцы, стой!... шабашъ! Сонъ въ руку!.. Пиманъ Савельичъ, другъ! Пиво сюда... Тащи ведро!.. Тащи сюда, на волю... Вотъ онъ, сонъ-то, въявѣ... Сватъ, сватья, выходи сюда!

Минъ кричалъ; молодежь смѣялась. Снисходительно улыбаясь, вылѣзли изъ избы солидные мужики. Пиманъ притащилъ пиво и сталъ было обносить гостей, но Минъ остановилъ его и сказалъ:

— Стой!.. не такъ...

Взявъ изъ рукъ Пимана ковшъ и ведро и поставивъ стулъ, онъ сѣлъ въ серединѣ толпы.

— Слушайте, братцы: единственный сонъ!...

— Ну, ну, послушаемъ... Давно ужъ съ нимъ носишься ты,—сказалъ, улыбаясь, Пиманъ.—Кого же ты видѣлъ?

— Себя самого—вотъ кого!

— Милѣе себя Минъ не знаетъ!—разсмѣялись всѣ.

— Слушайте; такъ же вотъ Покровъ былъ... Иду я, будто не знаю откуда; слышу: веселье, и говоръ, и смѣхъ въ Дергачахъ. Что бы это было? Гармоника, пѣсни... Что за веселье? спросилъ. А вишь ты, сказали, крестьянинъ Минъ Аѳанасьевъ сыновнюю свадьбу играетъ, съ другомъ стариннымъ, вишь ты, породниться хочетъ. Давнему ихъ уговору Богъ показалъ совершиться!.. Ну, говорю, давно бы пора: вѣдь, пятьдесятъ тому лѣтъ, какъ они уговоръ положили, да все не свершалось... Гляжу: кто же это то у воротъ, то въ избѣ межъ гостей бродитъ? Анъ это Минъ Аѳанасьичъ и есть... „Гдѣ народъ, тамъ и я!" говоритъ. Гляжу, вынесъ Минъ скамьи, гостей усадилъ, сына съ невѣстой, свата да сватью въ первый конецъ, самъ въ серединѣ круга усѣлся, на колѣни поставилъ четвертную бутыль и дорогихъ гостей угощаетъ... ну, вотъ, точь въ точь какъ теперь мы усѣлись... „Кушайте, братцы, въ полную душу! говоритъ,—вижу я, будто стѣсняетесь вы... Полноте, други, гляди веселѣй! Али вамъ пала въ голову мысль, что разорится совсѣмъ, молъ, Минъ безшабашный — гдѣ ему угощенье такое поднять! Наткось, народу назвалъ! пиръ на весь міръ, да и полно! А чѣмъ напоить? Вѣдь, и то ужъ корову спустилъ!... Такъ ли? Чую я вашу тайную думу!.. Э, братцы, Мина не этимъ доѣхать: мало коровы — лошадь сведу! Знайте одно, чтобы свадьба—такъ свадьба была, а не поминки, чтобы у свата и сватьи въ глазахъ зарябило..."—Что, сватъ, головою качаешь? Знаю я (подмигнулъ Минъ Пиману), другой вы народъ: крѣпкій, прижимистый... Да, вѣдь, и я вотъ не сгибъ, а не меньше васъ прожилъ... Други! пустое!.. Только въ себѣ было бы довольство, въ своей правотѣ... А то—временемъ все! Вѣрьте, хуже не будетъ... Бываютъ дожди, морозы, а солнышко все на свое наведетъ; время придетъ — выглянетъ, тучи разгонитъ, огрѣетъ. Такъ-то и съ нами!...

— Ну, какъ есть Минъ Аѳанасьичъ!— вскрикнули гости.

— Слушайте, дальше что будетъ... Вотъ, говоритъ,—это Минъ-то—вотъ взять хоть бы насъ съ Пиманомъ... Сколько ужъ лѣтъ, какъ мы съ нимъ уговоръ положили дѣтей повѣнчать; сколько за это время всего пережито злобы, вражды, подвоховъ... Ты не обидься, Пиманъ Савельичъ, коли правду я молвлю, отъ тебя приходилось терпѣть намъ не мало: ты все хозяйство свое охранялъ... Ну, да минуло же вотъ! Развѣ опять не пріятели мы?.. Еще крѣпче, пожалуй, дружбу скрѣпили... А почему? Потому что всѣ мы одно. Я ли, Пиманъ ли. Расколи насъ хоть на щепки, а все одного мы полѣна...

— Вѣрно, вѣрно! — шумѣла толпа.— Вотъ не гадали, не ждали, на сговоръ попали!... Ну, весели же, Минъ Аѳанасьичъ!

Минъ Аѳанасьичъ, взявъ въ руки ведро, съ низкимъ поклономъ сталъ угощать солидныхъ гостей, пуская въ ходъ приговоры. Толпа шутила, смѣялась. Старый Пиманъ съ Катериной Петровной стояли въ сторонѣ, скрестивъ на груди руки, и добродушно - снисходительно улыбались. „Что жъ! воля Божья, должно", думали они, и каждому изъ нихъ казалось, что это такъ должно когда-нибудь быть, потому что не даромъ соединяла ихъ съ Миномъ еще съ юности какая-то непостижимая и неуловимая связь.

. . . .

Минъ опять сѣлъ и хотѣлъ говорить, когда послышался съ другого конца деревни гулкій топотъ копытъ. Всѣ обернулись въ ту сторону. Гулявшія по улицѣ кучки народа сторонились и тоже съ любопытствомъ глядѣли на проѣзжавшихъ. Въ желтой, на городскомъ ходу, плетушкѣ, заложенной въ сѣрую породистую лошадь, крупною рысью ѣхали двое мужчинъ; одному было лѣтъ подъ сорокъ, другой былъ значительно моложе: на видъ ему было не больше двадцати пяти; оба были въ суконныхъ халатахъ и новыхъ картузахъ. Старшій—плотный, но не толстый мужчина, съ худымъ, осунувшимся лицомъ, лѣниво правилъ лошадью и апатичными, сонными глазами, тихо поворачивая голову, смотрѣлъ на народъ, нехотя иногда хватаясь за козырекъ: ему лѣнь было даже поднять фуражку. На лицѣ его не выражалось ни любопытства, ни смущенія, ни довольства самимъ собой, никакихъ ожиданій: онъ былъ спокоенъ и неуязвимъ, какъ человѣкъ, которому все, что окружало его, было извѣстно какъ дважды два и надоѣло до смерти. Но молодой его спутникъ, несмотря на то, что старался держаться какъ можно спокойнѣе, весь, напротивъ, былъ поглощенъ внутреннимъ безпокойствомъ. Онъ уже совсѣмъ не кланялся съ народомъ и толь-

ко крѣпче натягивалъ на глаза козырекъ да старался упорно смотрѣть впередъ. Но глаза его, все-таки, безпокойно бѣгали, и онъ былъ, повидимому, очень недоволенъ этимъ внутреннимъ волненіемъ.

— Я говорилъ, что вечеромъ надо было ѣхать... Вонъ сколько народу: всѣ на улицѣ словно живутъ,—проговорилъ онъ.

— Все одно!—лѣниво протянулъ спутникъ и хлестнулъ лошадь.—Вечеромъ еще хуже, какъ напьются...

Петръ сердито закусилъ губу. Пріѣхавшіе въ Дергачи на праздникъ были: Петръ Вонифатьевъ Волкъ-младшій и его сонный спутникъ — Митродоръ Васильевъ Графскій, прозванный мужиками просто Графомъ. Послѣдній былъ крестьяниномъ деревни Пузыри, прежде торговавшій краснымъ товаромъ по сельскимъ ярмаркамъ. Теперь онъ купилъ у одного мелкопомѣстнаго барина усадьбу и жилъ въ ней невдалекѣ отъ барскаго имѣнія, которое купилъ Петръ.

По возвращеніи изъ Москвы, Петръ, какъ извѣстно, не завернувъ въ Дергачи, прямо проѣхалъ въ Волчій поселокъ и съ тѣхъ поръ туда не заглядывалъ. Послѣ же исторіи, порушившей существованіе Волчьяго поселка, когда вся семья Мосея Волка переселилась опять въ Дергачи, Петръ тѣмъ менѣе имѣлъ охоты навѣщать свою родную деревню. Такимъ образомъ, онъ являлся сюда въ первый разъ. И замѣчательно, что онъ самъ не ожидалъ, чтобы пріѣздъ въ Дергачи вызвалъ въ немъ такое постыдное безпокойство. Онъ припоминалъ, съ какимъ спокойнымъ самообладаніемъ проѣзжалъ онъ мимо Дергачей изъ Москвы, съ какою самоувѣренностью явился въ Волчій поселокъ, и вдругъ теперь, когда онъ сдѣлался полновластнымъ гражданиномъ этой палестины и, конечно, пріобрѣлъ еще болѣе права на самоувѣренность, онъ вдругъ смутился... Чего смутился — онъ рѣшительно не понималъ... Просто, толпы, толпы обыкновенныхъ мужиковъ.

Онъ смутился, хотя зналъ впередъ, что въ Дергачахъ, какъ и вездѣ въ этой окрестности, его встрѣтятъ, прежде всего, съ очень льстившимъ его самолюбію любопытствомъ. И онъ не ошибался. Исторія, продѣланная имъ съ Волчьимъ поселкомъ, еще болѣе скандалъ, устроенный имъ адвокату Парамошкѣ и значительно выдвигавшій его личность изъ ординарныхъ, создали ему большую извѣстность. Но онъ не зналъ достовѣрно, какъ о немъ думаютъ крестьяне. Точно такъ же и сами крестьяне хотя и говорили много о Петрѣ, тѣмъ не менѣе не успѣли выработать никакихъ опредѣленныхъ къ нему отношеній. Вотъ почему, когда Петръ, миновавъ быстро избы своихъ родственниковъ, Ульяны, Вахромея и Хины, куда, какъ думали всѣ на улицѣ, онъ и направлялся, подъѣхалъ прямо съ своимъ спутникомъ къ избѣ Пимана и остановилъ лошадь у собравшейся здѣсь группы,—всѣ, и сами Пиманы, и гости, были поставлены въ большое недоумѣніе. Но присутствіе Графа, который былъ знакомъ съ Пиманомъ и изрѣдка, разъ - два въ годъ, навѣщалъ его, нѣсколько разсѣяло это недоумѣніе, и всѣ порѣшили, что это собственно Графъ завернулъ по какому-нибудь дѣлу.

— А мы къ тебѣ, Пиманъ Савельичъ, въ гости,—сказалъ Графъ, лѣниво вылѣзая изъ кузова.

— Милости просимъ... Давно тебя не видалъ,—сказалъ Пиманъ. — Пимаша!—крикнулъ онъ внуку, — введи во дворъ мерина-то... Задай ему корму, да скажи бабамъ, чтобы самоваръ согрѣли... Садитесь вотъ сюда, — приглашалъ онъ ихъ сѣсть на освободившуюся подъ окнами скамью, рядомъ съ Аннушкой и Яней.—Жарко въ избѣ-то... Пока самоваръ наставятъ,—посидимъ здѣсь.

— Посидимъ,—протянулъ Графъ, утирая лицо руками, какъ человѣкъ, только что проснувшійся послѣ десятичасоваго сна, снялъ фуражку, ни на кого не смотря, почесалъ апатично пальцами лохматку и зѣвнулъ.

— А вы что дѣлаете? чай, сказки сказываете?—спросилъ онъ.

— Да вотъ сны разсказываемъ... Намъ, вѣдь, старикамъ, все старина снится... Мало ли прожито!—сказалъ Пиманъ.

— Поди, Минъ все бредитъ, — сказалъ Графъ, мотнувъ головой въ сторону Мина.

— Что мнѣ бредить?—обидѣлся Минъ,—правду говорю... Я не неволю: меня слушаютъ, кому любо, а кому не любо, такъ пусть уши зажметъ.

— Ну, ну, дяденька Минъ, разсказывай! — крикнула Аннушка, играя глазами. — Кому не любо — пусть въ избу идутъ... А нашей забавѣ пусть не мѣшаютъ.

Петръ уже овладѣлъ собой и поглядѣлъ внимательно на нее своимъ надменнымъ взглядомъ; Аннушка мелькомъ взглянула

на него, и ей опять захотѣлось какъ-нибудь сбить его спѣсь.

— Разсказывай, дяденька, разсказывай!—крикнула она опять.—Мы и сказки любимъ, и пѣсни любимъ... Мы не привыкли по стрункѣ выступать, что журавли...

— Вотъ люблю! — закричалъ Минъ, взмахивая руками.—Аннушка... люблю—одно слово!.. Моя!.. Сонъ въ руку!.. Моей породы!.. Миновой породы!..

— Говори, говори... Разсказывай! — закричала и вся молодежь, всегда готовая отпарировать единодушнымъ протестомъ, когда въ ея компаніи люди вздумаютъ смотрѣть свысока.

— Да что-жъ мнѣ еще говорить? Тутъ и все, — наивно вскрикнулъ Минъ Аѳанасьичъ, весело посмотрѣвъ на молодежь.— Говорю вамъ—сонъ въ руку!.. Вотъ онъ въявѣ! Что жъ, пора намъ, что ли, съ Пиманомъ сродниться!.. Говорите!.. Знаете вы, вѣдь, я не изъ выгодъ. Меня не этимъ доѣхать! А вотъ помирать надо намъ скоро, а молодымъ жить и плодиться! Что же, приспѣла пора, али все еще нѣтъ?.. Говори, молодые!—шутливо кричалъ Минъ Аѳанасьичъ.

— Пора! Пора!—подхватила весело вся молодежь: — чего еще нужно Пиманамъ! Счастливѣе нѣтъ мужиковъ!..

— Наши парни не хуже другихъ!.. Не по сторонамъ бѣгать за ними! — сказалъ Прошка, нагло взглянувъ на пріѣзжихъ.

— И насъ уважить пора, — сказалъ Алеша, улыбнувшись и прикинувшись дурачкомъ.—Не богаты казной, да кряжисты спиной... И за это надо почесть!..

— Пора и смирному честь отдать, не все бойкимъ счастье на свѣтѣ!—поддержала его любящая жена.

— Сватай, Минъ Аѳанасьичъ, скорѣе... Лови!.. А то улетитъ—не увидишь,—протянулъ Лукашка.—Нонѣ дѣвки насъ, быковъ, не очень ласкаютъ, ищутъ кого полегче... У васъ, говорятъ, деревенскихъ мужиковъ, больно рука тяжела!

И Лукашка, вытянувъ свой здоровенный кулакъ и широко раскрывъ огромный волосатый ротъ, громко захохоталъ, поддерживаемый хохотомъ все возраставшей около избы Пимана толпы дергачевской молодежи.

— И я скажу: лови, Минъ! Улетитъ,— подтвердилъ, смѣясь, Графъ.

— Мнѣ, дружокъ, все одно,—ласково сказалъ ему Минъ Аѳанасьичъ, мигая глазами,—я не изъ выгоды... И сыну моему тоже... Слава Создателю, мы жадными никогда не бывали. Мы, дружокъ, довольны, хоть и не бойко живемъ, а довольны, *въ себѣ*, дружокъ, довольны... А потому, другъ ты мой, — говорилъ онъ еще ласковѣе и слаще, прикладывая слегка пальцы къ плечу Митродора,—а потому намъ все одно; коли быть теперь правотѣ, такъ она свое возьметъ, а коли неправота сильна, такъ, значитъ, еще погодить надо!

— Ну, то-то, смотри, не прогадай!— проговорилъ Графъ и зѣвнулъ. Ему ужъ стало скучно.

— И опять же ты меня этимъ не обидишь,—отвѣчалъ Минъ Аѳанасьичъ,—потому правоты моей отъ меня ты не возьмешь... Ты вотъ тогда человѣка обидишь, когда правоту отъ него возьмешь... Ну, тогда для человѣка все будетъ въ обиду!

Пиманъ улыбался. У Катерины Петровры на сжатыхъ губахъ витала скорбная улыбка.

Но, повидимому, ни собравшаяся толпа, ни молодежь не раздѣляли воззрѣній Мина. Въ то время, какъ Минъ говорилъ съ Графомъ, Петра опять начинало охватывать внутреннее безпокойство. Онъ невольно чувствовалъ, что деревенская молодежь встрѣтила его недружелюбно, съ тѣмъ первымъ, досадливымъ раздраженіемъ и скрытымъ неудовольствіемъ, съ какимъ вообще встрѣчаютъ товарищи „выскочекъ“.

Нигдѣ не сказывается такъ чутко неравенство, какъ въ средѣ, привыкшей быть равноправной. Въ непосредственныхъ натурахъ это сказывается откровенно и неудержимо.

Въ толпѣ говорили:

— Пріѣхалъ не иначе, что Анютку сватать... А то зачѣмъ бы ему! Гляди! своихъ миновалъ.

— Пиманы знаютъ, гдѣ раки зимуютъ... Небойсь, это не мы, полушубки драные... Какъ снопы возить, такъ и мы хороши!.. А нажились теперь, такъ мы не годимся... Подавай сапожки!..

— Что говорить!.. Всякій ищетъ получше, да рыломъ почище... До кого не доведись!.. Не все съ нами, косорылыми пьяницами, дружбу водить!..

— Счастливый голоднымъ не пара,— вдругъ загудѣлъ словно изъ-за толпы, откуда-то издалека, знакомый голосъ.

Аннушка вдругъ вся вспыхнула, быстро вскочила, схватила за руку Яню и крикнула:

— Дѣвушки! что мы на пріѣзжихъ, ровно на писанные пряники, рты разинули? Скажутъ, пожалуй, что завидуемъ еще... Давайте хороводъ водить!.. У насъ свое удовольствіе есть!

И она, взглянувъ еще разъ на Петра и потащивъ Яню, который послушно шелъ за ней, выбралась сквозь толпу на середину улицы. Молодежь двинулась за ними; Янька ухарски заломилъ шапку и запѣлъ. Его подхватили съ какою-то особенною силой, какъ будто вся молодежь даже пѣсней хотѣла кого-то уязвить, что-то затушить на душѣ, что-то скрыть.

— Пойте, пока не продали!—крикнулъ опять голосъ изъ толпы.

Этотъ голосъ былъ хорошо знакомъ Пимановымъ: это выкрикивалъ ихъ единокровный Борисъ.

На лицахъ Пимана съ женой отразилось неопредѣленное безпокойство,—какъ и всегда при выкрикахъ Бориса,—сопровождаемое у Пимана суровою серьезностью, а у Катерины Петровны тою тихою грустью, съ которою вспоминаютъ матери о заблудшихъ дѣтяхъ.

— Пойдемте въ избу. Что здѣсь на народъ глядѣть... Вотъ его сколько набралось, еще наслушаешься чего ни то!—пригласили гостей дѣти Пимана.

— Пойдемте,—проговорилъ съ невольною поспѣшностью Петръ.

Внутреннее безпокойство, при видѣ все увеличивающейся толпы, въ немъ все больше усиливалось.

— Нынѣ мы такъ живемъ: вольница—на улицу, хозяева—въ избу,—проговорилъ старичокъ Ермилъ изъ Груздей.

— Ступайте, ступайте,—сказалъ Минъ Аѳанасьичъ,—а они пускай гуляютъ, коли у нихъ въ душѣ довольство. Въ душѣ довольство—прежде всего, дружокъ!—похлопалъ онъ по плечу Митродора Васильича Графа.

— Да коли ты съ косушки пьянъ, такъ какого тебѣ еще рожна надо?—замѣтилъ Графъ и громко захохоталъ. — Поневолѣ будешь доволенъ!

— То-то вотъ, дружокъ, и есть,—засмѣялся и Минъ Аѳанасьичъ.—Ты вотъ и по четвертной выпиваешь, а все за собой недовольство таскаешь.

И Минъ Аѳанасьичъ опять засмѣялся дребезжащимъ смѣхомъ.

Графу это замѣчаніе, видимо, не понравилось. Онъ какъ-то плотоядно расширилъ ноздри, запыхтѣлъ, но ничего не сказалъ и, съ пренебреженіемъ отвернувшись отъ Мина, пошелъ въ ворота.

А Минъ Аѳанасьичъ, все сіяя тою же улыбкой, съ которой онъ обратился къ Графу, поднявъ руки и тихо помахивая ими, какъ крыльями, въ тактъ пѣснѣ, подплылъ къ хороводу.

ГЛАВА IV.

Вольница.

I.

Новые гости — Митродоръ Графъ и Петръ Вонифатьевъ, сопровождаемые хозяевами—Пиманомъ, Катериной Петровной и старшими ихъ сыновьями, вошли въ ворота, подъ навѣсъ просторнаго, чистаго и свѣтлаго Пиманова двора. Къ нимъ, слѣдомъ, присоединились и прочіе „солидные хозяйственные" гости: старичокъ Ермилъ изъ Груздей, два сосѣда Пимана—его сверстники и два „середняка"—сверстники его сыновей.

Едва только Петръ вступилъ во дворъ, какъ его вдругъ охватило какое-то пріятное ощущеніе, напоминавшее что-то старое: этотъ просторъ и чистота истинно-хозяйственнаго двора, эта печать порядочности, строгости, крѣпости и устойчивости, это виднѣвшееся во всемъ сознаніе силы, правоты, прочности—сразу сказало Петру, что онъ не ошибся и знаетъ, съ кѣмъ имѣетъ дѣло. Онъ зналъ, какимъ путемъ возможно для крестьянина достиженіе этого хозяйственнаго идеала, безъ всякой сторонней помощи или счастливой удачи: это дѣло крѣпкой, суровой энергіи, размѣреннаго, упорнаго и неустаннаго труда, постоянной выдержки, неуклонной строгости во всемъ, до послѣднихъ мелочей, строгой гармоничности общаго труда всей семьи, гдѣ безповоротно каждый подчиненъ общей гармоніи, какъ колесо въ сложной машинѣ. Тутъ рѣдко допускается фантазирующая расплывчатость, нѣтъ мѣста „рукосуйству", лишней рюмкѣ водки, лишней личной прихоти, лишнему слову, выходящему изъ предѣловъ хозяйствованія. Потому что, случись малѣйшее нарушеніе кѣмъ-либо этой „строгости", и общая гармонія затрещитъ по всѣмъ швамъ: выпита лишняя рюмка водки—и общая гармонія уже спѣшитъ заявить, что въ этой рюмкѣ выпита часть крови каждаго изъ созидателя этой гармоніи.

Хозяйственный союзъ такая же страшная деспотическая сила, какъ и союзъ суровыхъ сектантовъ. Петръ понялъ сразу, что здѣсь ведется борьба за существованіе, строгая и неуклонная, безъ послабленій, безъ колебаній; онъ зналъ также, чего стоитъ эта борьба, безъ униженія собственнаго достоинства, однимъ упорнымъ трудомъ, и всегда трезвымъ, бдительнымъ умомъ, всецѣло пригвожденнымъ къ одному пункту. Увидалъ онъ въ омшаникѣ выхоленнаго молочнаго теленка и понялъ, чего стоитъ общей гармоніи „этотъ теленокъ", какою „строгостью" онъ воспитанъ, а, главное, въ самыхъ веселыхъ глазахъ этого теленка такъ и жила увѣренность, что онъ не будетъ пропитъ „душевнымъ" мужикомъ съ пріятелемъ въ кабакѣ въ счастливую или несчастную минуту жизни, или сведенъ за недоимку въ податяхъ и затѣмъ матерью и дѣтьми вымоленъ у начальства, у кулаковъ-торгашей, на колѣняхъ, путемъ униженій, слезъ, ползанья въ ногахъ, цѣлованья ручекъ. Петръ какъ-то инстинктивно понялъ все это; понялъ не только то, какъ это люди ухитрились все устроить (это онъ знавалъ, видѣлъ и въ своей семьѣ, у своего дѣда), но, что всего важнѣе было для него, онъ понялъ, что эти люди съумѣютъ удержать все это, не подвергая ни одной мелочи, ни одного куринаго яйца риску какой-нибудь собственной оплошности, обусловленной душевною или умственною необстоятельностью.

Петру было очень пріятно такое открытіе, и онъ выразилъ желаніе заглянуть и въ коноплянникъ, и въ сѣнницу, и въ житницу. Хозяева тотчасъ выразили и свое удовольствіе, въ особенности дѣти Пимана. Каковы бы ни были нравственныя качества Графа и Петра, для хозяйственнаго мужика прежде всего шла несомнѣнная увѣренность, что они были „умственные" люди, и что единственно только эти умственные люди и могутъ оцѣнить все значеніе „сурьезнаго" хозяйства. Они инстинктивно поняли, что эти люди съумѣютъ ихъ оцѣнить, хотя гости не говорили объ этомъ ни слова, не выражали своего удовольствія никакими восклицаніями; напротивъ, Графъ даже очень сердито позѣвывалъ. Гости просто спрашивали только о цѣнѣ попадавшихся имъ вещей, говорили, гдѣ встрѣчали дешевле и лучше, и все въ этомъ родѣ; тѣмъ не менѣе, между гостями и хозяевами сразу установилась та внутренняя гармонія отношеній, въ которой главную роль играетъ безмолвное, но льстящее и пріятное взаимное пониманіе. Эти чисто хозяйственныя ощущенія охватили какъ Петра, такъ и всѣхъ присутствующихъ. Катерина Петровна не представляла въ этомъ случаѣ исключенія. Было бы даже странно, если бъ она, главная зиждительница и хранительница этой хозяйственной гармоніи въ теченіе сорока (и какихъ еще!) лѣтъ, подъ гнетомъ всевозможныхъ внѣшнихъ воздѣйствій, осталась хладнокровной. И она не послѣдняя вполнѣ сочувствовала дѣтямъ, когда они говорили: „Только умственные люди вполнѣ оцѣнить могутъ, чего крестьянину все это стоитъ: не легко оно крестьянину дается!... Да! Какъ вотъ держишь себя въ страхѣ, да стараешься, какъ бы умомъ-то обладать, а не то что на первой косушкѣ его размѣнять, такъ по нонѣшнему времени еще и можно крестьянину жить. Да, это надо оцѣнить! А кто у насъ цѣнилъ или цѣнитъ? Баринъ только изъ своей пользы цѣнилъ... А начальство теперешнее развѣ цѣнитъ? Случись что, оно первое до конца добьетъ, а не то что оцѣнить, али бы помочь оказать... Вы, вишь, говорятъ, сами обертывайтесь. На то вы вольные стали... Только вотъ развѣ умственные люди, которые ежели понимаютъ!... Да! коли хочешь свое крестьянство выдержать, чтобы въ глаза тебѣ не плевали, бороду не драли, да на спинѣ не ѣздили, такъ и увидишь, чего это стоитъ!"

Въ такомъ родѣ очень долго говорили дѣти Пимана, Андронъ и Сергѣй, и всѣ вполнѣ оцѣнили справедливость этихъ словъ, всѣ до такой степени были охвачены идеаломъ хозяйствованія, свободнаго, трудового, сознающаго свою силу, достоинство и правоту, что, казалось, забыли все окружающее: и міръ, что копошился тамъ, съ боковъ, сзади, спереди, и Мина, и молодежь, веселившуюся на улицѣ, и недавніе споры съ раскольникомъ по поводу „Слова о двухъ мужикахъ". Все это исчезло, стушевалось моментально, лишь только хозяйственный крестьянинъ попалъ на свою излюбленную тему. Даже скучающій и давнымъ-давно уже ушедшій отъ хозяйства краснорядецъ Митродоръ Графъ—и тотъ былъ завлеченъ этимъ всеобщимъ крестьянскимъ умиленіемъ передъ хозяйственностью. Такъ и чувствовалось, что всѣ были охвачены

полнотою довольства людей, выбившихся, наконецъ, на волю изъ-подъ вѣкового гнета нужды и принниженія.

Вернувшись въ избу, всѣ были веселы и довольны до того, что Катерина Петровна, хотя и была пріятельницей Ульяны Мосевны, тетки Петра, и вмѣстѣ съ ней очень неодобрительно относилась къ продѣлкѣ Петра съ семьей, приведшей всю семью къ раздѣлу и почти къ разоренію, но и она теперь еще разъ встрѣтила гостей въ избѣ съ тѣмъ радушнымъ, безразличнымъ гостепріимствомъ, съ которымъ вообще крестьяне встрѣчаютъ одинаково всѣхъ и изъ-подъ котораго трудно узнать отношенія хозяевъ къ нравственнымъ качествамъ гостей. Катерина Петровна хлопотливо принялась угощать, а Петръ весело осматривалъ чистую, просторную избу.

— Это у васъ кто же занимается художествомъ-то? — обратилъ онъ вниманіе на узорные карнизы и переборы на перегородкахъ, по печкѣ, по окнамъ, на рѣзной работы большую божницу.

— Это?... это еще отъ отца мнѣ осталось... Вотъ полсотни лѣтъ какъ храню. Большой былъ искусникъ,—говорилъ Пиманъ,—умиралъ, говорилъ: „Смотри, Пиманъ, хозяйство наблюдай паипаче всего, то и крестьяниномъ будешь!.. Какая бѣда ни постигнетъ, все прими, а изъ хозяйства ничѣмъ не поступайся...“ Всего пережилъ за вѣкъ-то, баръ пережилъ, а все вотъ охранилъ... Слава Богу, теперь все же полегче намъ: авось, умру, дѣтямъ передамъ — пойдетъ въ вѣка... Я отъ него и хозяйство все принялъ, еще въ юношествѣ...

— А изъ васъ по этому художеству никто не пошелъ?

— Гдѣ ужъ!.. Послѣ того настали времена тяжелыя: какое тутъ художество!.. Думали, какъ бы и то, что есть, охранить, да свою шкуру соблюсти, чтобы не свели ее совсѣмъ... Тутъ ужъ было не до художества,—улыбаясь, отвѣчалъ Пиманъ.—Вотъ теперь, можетъ, попрочнѣе наше дѣло станетъ, посвободнѣе будетъ... Теперь, слава Богу, кажись бы, прочно устроено...

— Ой, не скажи, Пиманъ Савельичъ!— вмѣшался старикъ Ермилъ изъ Груздей.— Нѣтъ еще прочности у крестьянина, нѣтъ.

— Ну, все же попрочнѣе, какъ будто,—сказали дѣти Пимана.—Коли ежели сами будемъ прочны, да къ себѣ строги, и все будетъ прочно!

— Ой, не скажи, другъ!... Крестьянинъ живетъ на вѣтру, на міру: занесло искру—въ одночасье сгибъ.

— Конечно, все Богъ!—прибавилъ Пиманъ.

— Полно, Ермилъ Кузьмичъ, пророчить... Что же! и міръ насъ не утѣсняетъ, мы съ міромъ ладно живемъ...

— Да нѣтъ, вѣдь, я такъ, къ слову...

— Мы съ міромъ всегда хорошо жили... Отъ міра мы никогда не отбивались... Да, вѣдь, и мы въ міру не одни... Коли что и бывало, такъ, вѣдь, со всякимъ можетъ приключиться... Побранятся, и опять свои,—замѣтила Катерина Петровна Ермилу.

— Это что!... Кто говоритъ!... Вѣдь, я не то, что про ссору, али бы про утѣсненья... Я говорю: живемъ, молъ, на вѣтру, на міру... Все одно, что въ пожаръ: загорится вонъ еще въ коемъ концѣ, а глядишь, и ты не уцѣлѣлъ... Я вотъ про что!—и Ермилъ аппетитно понюхалъ табачку изъ табачницы.

— А мы къ вамъ, должно, не совсѣмъ чтобы къ разу... Незваные гости всегда не къ мѣсту,—сказалъ Митродоръ Графъ, зѣвнувъ въ руку.

— Что такъ?

— Да, вишь, сговоръ у васъ, должно быть.

— Сговоръ-то!.. Нѣтъ, это такъ,—сказалъ улыбаясь, Пиманъ.

— Это такъ! Пока еще такъ; вонъ старичокъ Минъ балуется,—тоже, засмѣявшись, сказали дѣти,—сонъ ему, вишь ты, снился... Ну, а онъ у насъ весельчакъ... Сейчасъ это въ представленіе пустилъ...

— Что жъ, хоть и сговоръ,—сказала Катерина Петровна.—Хорошіе люди всегда къ мѣсту.

— Это такъ, — повторилъ Пиманъ.— Старый пріятель онъ мнѣ, Минъ-то... Мы еще изъ младости съ нимъ дружили, ну, и тогда ужъ уговоръ положили — породниться... Да вотъ пятьдесятъ годовъ прошло, а все помѣхи были!..

— Долгонько же вы ждали!

— Да, вѣдь, по крестьянству впередъ ничего не загадаешь... Теперь не загадаешь, а прежде и того пуще... Ты думаешь такъ, анъ вышло — вонъ куда... Да я молодыхъ не утѣсняю въ этомъ... Какъ хотятъ... Нынче ужъ не прежнія времена: и намъ надо молодымъ уступать...

— А молодые рѣшили, должно быть?—

спрашивалъ Графъ, стараясь говорить возможно хладнокровнѣе и какъ бы мимоходомъ, мало этимъ интересуясь.

— Ничего, ничего, другъ, нельзя впередъ въ крестьянствѣ сказать, — вдругъ перебилъ Ермилъ изъ Груздей: ему пришелъ въ голову смѣшной анекдотъ, и онъ, будетъ ли это кстати, или не кстати, непремѣнно захотѣлъ разсказать его.—Вотъ, говорилъ я вамъ про пожаръ... Такъ еще чище было дѣло. Ѣхали съ базара три мужика, вмѣстѣ они, значитъ, въ городѣ по-пріятельски выпили, вмѣстѣ въ сани ввалились, обнялись и ѣдутъ назадъ домой, сказки разсказываютъ... Ѣхали, ѣхали, видятъ—лежатъ на снѣгу пара новыхъ голицъ. Подняли. Какъ теперь дѣлить? Вотъ задача: ихъ трое, а голицъ одна пара!—и, задавъ эту задачу, старичекъ Ермилъ поднялся, засмѣялся, обвелъ всѣхъ взглядомъ и сталъ неторопливо нюхать изъ тавлинки.

— Трудно,—замѣтили дѣти Пимана,— Что жъ? По-деревенски, чай, жеребій бросать?

— Вотъ вѣрно; такъ. Рѣшили — жеребьевку, — и старичокъ Ермилъ, хитро улыбаясь и понюхивая табакъ, продолжительно и обстоятельно разсказывалъ, какъ мужики кидали жребій по двухъ голицахъ, какъ, кинувши, выпили, а выпивши опять заспорили, какой у кого жребій былъ; одинъ говорилъ, что у него былъ пятакъ, а другой говоритъ: мой пятакъ, а твоя была гривна. Заспоривши о гривнѣ, дошли до рублей; отъ рублей дошли до дѣтей, отъ дѣтей до матерей; да пока своимъ селомъ ѣхали, всю родню перебрали. Услыхала родня, кто за кого: Иваны за Власовъ, Власы за Павловъ, Павлы за колья. Пошли колья погуливать по мужицкимъ скуламъ. Ѣдетъ начальство: „Что здѣсь такое?“—„Міръ, говорятъ, ваша милость, пару голицъ дѣлитъ!“—„Засадить, говоритъ, десятаго въ тюрьму!..“ Такъ-то вотъ, слышишь, и до сихъ поръ отъ суда міръ откупиться не можетъ... А и всего было, что ѣхали три мужика, да пару голицъ нашли!—заключилъ старичокъ Ермилъ, поощренный дружнымъ смѣхомъ слушателей. Гостямъ, видимо, очень понравился этотъ разсказъ и, по ихъ просьбѣ, Ермилъ еще не одинъ разъ повторялъ снова всю исторію дѣлежа пары голицъ.

— Міръ, други, что стадо овецъ: одной въ омутъ броситься—всѣ за ней полѣзутъ,—замѣтилъ Ермилъ.

— У кого свой умъ есть—за дураками, сломя голову, не полѣзетъ,—сказалъ Петръ серьезно.

— Конечно, не полѣзетъ,—подтвердили и дѣти Пимана.—Мало ли чего въ міру бываетъ... Коли у тебя умъ есть, ты къ сторонѣ отойди...

— Ой, не скажи, дружокъ,—замѣтилъ опять Ермилъ.—Молоды вы, потому такъ и говорите... Вы вотъ постарше кого спросите... Вотъ хоть бы Митродора Васильича: онъ живалъ въ міру, знаетъ...

— Знаемъ... Видали!—протянулъ Митродоръ, все съ тѣмъ же неизмѣннымъ выраженіемъ бывалаго человѣка, котораго ничѣмъ не удивишь.—Возились съ мужицкими мірами не мало; надоѣло!.. Ежели у тебя умъ, да хочешь ты спокой себѣ— отъ мужицкаго міра бѣги... Съ нимъ и умъ, и спокой загубишь!.. Ежели ты міру вотъ хоть съ эдакую росину повѣрилъ— дуракъ!—сердито закончилъ Графъ, неожиданно выходя изъ себя.

— То-то вотъ оно и есть,—прибавилъ Ермилъ.

— Ежели есть умъ... — началъ было Петръ, сомнѣваясь въ словахъ Графа...

— Оболванятъ!.. И не увидишь, дуракомъ станешь, — порывисто оборвалъ Графъ.—Ежели не хочешь себя загубить— изъ міра бѣги...

— Вотъ то-то, дружокъ, и есть,—сказалъ опять Ермилъ, уже обращаясь исключительно къ Петру,—вотъ что̀ опытные-то люди говорятъ. Въ міру ни за что поручиться нельзя, въ міру по своему ничего не разсчитаешь. Въ одиночку жить—одно, въ міру—другое. Міръ—великъ человѣкъ, хоть и изъ малыхъ людей. Какой большой человѣкъ ни приди, а міръ его побѣдитъ... Бывалъ ли ты на большихъ базарахъ, въ толпѣ? Зароймся-ка ты въ эту толпу-то погуще и узнаешь, какая въ ней сила: ты бы, по своему-то уму, хотѣлъ сюда, а она тебя тащитъ вонъ куда; ты бы вырваться, а она тебя на уносъ. У тебя умъ, а у толпы свой, у тебя душа, а у ней своя... Пока ты въ сторонѣ стоишь, потоль и въ своей силѣ, а попалъ въ міръ, глядишь, анъ своей-то силы на половину и нѣтъ. Потому и сказано: міръ—великъ человѣкъ!..

— Въ міру, что въ церкви, всѣ одному Богу молятся,—поддержала Ермила Катерина Петровна, — всѣ поклонъ — и ты поклонъ.

— Міръ — сила; и радъ бы отъ нея

отбиться, да невидимо сробѣешь,—прибавилъ Пиманъ.

— Міръ бываетъ поди всякій,—сказалъ Петръ, обращаясь къ Митродору Графу (хотя онъ и слушалъ, что говорили прочіе, но, видимо, мало довѣрялъ, и его больше интересовало мнѣніе Графа), — неужто жъ умъ дуракамъ покорится?

— Какая въ мужицкомъ міру сила?—сказалъ опять сердито Графъ,—конечно, дурацкая.

— Дурацкая, а все сила,—подхватилъ Ермилъ.—Тутъ не въ томъ, кто уменъ, кто глупъ (ты по-моему уменъ, а по его глупъ), а въ томъ, кто сильнѣе...

— Это вѣрно,—сказали дѣти Пимана.—Отчего жъ у насъ кто умнѣе, тотъ и отъ міра бѣжитъ?.. Отъ самой отъ этой отъ дурацкой силы... Что съ ней сдѣлаешь, коли она тебѣ жить не дастъ въ свое полное удовольствіе?.. Вотъ твой крестный, Строгій, ушелъ, вотъ Митродоръ Васильичъ!..

— Ну, что дальше будетъ, а пока тоже еще не далеко ушелъ. Глянь, гдѣ ни то загорится, и ихъ еще захватитъ: еще мужики пока и они,—замѣтилъ Ермилъ.

— Чего еще!.. Отъ мужицкой глупости не скоро отобьешься!—проворчалъ Графъ.

— То-то и есть... Всѣ подъ Богомъ ходимъ... Вотъ мы здѣсь то ли не въ свое удовольствіе пируемъ, да погуливаемъ,—сказалъ Ермилъ изъ Груздей, снова берясь за тавлинку, — а кто е знаетъ? Можетъ, вонъ тамъ, у кабака, а, можетъ, и еще гдѣ дальше, можетъ, въ Грачахъ или Пузыряхъ мужики пару голицъ нашли, да не раздѣлятъ... Хвать, анъ мы завтра изъ-за этихъ голицъ въ тюрьму угодимъ!.. Прямо съ пиру!.. То-то и сказано: отъ сумы да отъ тюрьмы никогда не отказывайся, — заключилъ, улыбаясь, Ермилъ.

— Полно пророчить-то пустое!—замѣтила Катерина Петровна. — Мина послушаешь—ровно въ Божью церковь сходишь, а тебя, Ермилъ Петровичъ, послушать, такъ въ пору въ гробъ ложиться да умирать!

— Чего жъ отъ него и ждать?—добродушно засмѣялся Пиманъ,—вѣдь онъ изъ-подъ петли!.. Онъ однимъ глазомъ на томъ свѣтѣ былъ, вотъ ему здѣсь и не по нраву все!

— Какъ такъ?—спросили удивленные гости, для которыхъ это было, повидимому, новостью.

— А вотъ спросите его; коли захочетъ, такъ разскажетъ самъ. А не захочетъ—его секретъ. Онъ мало кому довѣрялся въ этомъ, — отвѣтилъ Пиманъ, совсѣмъ смутившись, видя, что неосторожно сболтнулъ, такъ какъ старичокъ Ермилъ вдругъ закряхтѣлъ, поднялся, отыскалъ свою шляпу и подогъ и сталъ собираться домой.

— Чего ты, Ермилъ Кузьмичъ? Да полно... Вѣдь, я такъ, вѣдь, я пошутилъ,—извинялся Пиманъ.

— Смотри, старикъ... Этимъ не шути! Ой, не шути! Еще не въ монастырѣ, въ міру живешь, — сказалъ Ермилъ, ни на кого не глядя, полушутливо, полусерьезно, пророчески и, постучавъ слегка подогомъ о порогъ, вышелъ, отвѣтивъ на всѣ упрашиванія остаться двумя словами: „Спасибо! Богъ васъ храни!“

— Что съ нимъ было?—спросили Пимана въ одинъ голосъ Графъ и Петръ, въ особенности Петръ, котораго, повидимому, эта исторія Ермила очень заинтересовала. Но Пиманъ, боявшійся, какъ всѣ хозяйственные крестьяне, какихъ бы то ни было предвѣщаній, имѣвшихъ отношеніе къ ихъ хозяйственному спокою, долго не соглашался разсказывать.

— Ну, да разскажи, полно! — сказали дѣти.—Чего боишься? Чай, сломя голову, какъ Ермилъ, въ омутъ не бросимся, въ самомъ дѣлѣ.

— Да что! — сказалъ, улыбаясь, Пиманъ,—самъ я не знаю хорошенько... Слышалъ смѣхомъ болтаютъ про него... да, можетъ, это одно и было... Былъ, вишь, онъ мужикъ крѣпкій, хозяйственный; семья у него трезвая, работящая, одинъ къ одному. Ото всѣхъ въ округѣ уважаемъ былъ; матерно въ жизнь не ругался, водки не пивалъ, ни съ кѣмъ не бранился, не дрался; отъ соблазна и на сходы ходилъ рѣдко. Много надъ его стойкостью и мужики подсмѣивались. „Ну, говорили, нарвешься какъ ни то и ты на чорта! Не такихъ святыхъ онъ смущалъ!“ Вотъ проѣзжаютъ какъ-то мужики черезъ дальнюю барскую пустошь, видятъ — стоитъ на пустоши стогъ сѣна. Соблазнились мужики — пощипали. Сошло. Стало имъ въ соблазнъ, они еще разъ ужъ нарочно съѣздили, пріятелей пригласили. Опять сошло съ рукъ. Разожглись мужики на этотъ стогъ, стали о немъ ужъ на міру говорить. Долго они другъ друга усовѣщивали стогъ больше не трогать, а, наконецъ того поставили рѣшеніе всѣмъ міромъ по очереди на подщипку ѣздить, а послѣ дѣлить. Приступили къ Ермилу.

Ермилъ на сладъ не дается. Плюнули на него. Вотъ ѣздитъ міръ ночь, ѣздитъ другую, отъ стога ужъ половины не осталось. „Ну, говорятъ мужики, будетъ! Надо и барину оставить! А пока сошло съ рукъ—и слава Богу!“ Замѣчаютъ, на Ермилѣ лица нѣтъ, ходитъ, какъ ошалѣлый, всѣ ночи не спалъ, когда мужики къ стогу ѣздили. Какъ міръ въ лѣсъ, такъ его и подмываетъ: поѣзжай да поѣзжай! Ну, не выдержалъ, а міру сознаться не хочетъ. Услыхалъ онъ, что міръ порѣшилъ больше не ѣздить, первою же ночью собралъ сыновей, да чтобы никто не слыхалъ — обвязалъ колеса соломой и къ стогу. Тутъ ихъ, какъ на грѣхъ, и накрыли. Самъ не свой сталъ Ермилъ, ровно подкошенный, въ ноги сторожамъ упалъ, проситъ, молитъ, за все брался заплатить: и за полстога, и сторожамъ пообѣщалъ, и штрафъ выплатить, только бы на міръ славы не пускали. Взяли сторожа деньги, а барину все же его представили... Такъ вотъ какъ вышло дѣло; все хозяйство, почесть, разорилъ на это дѣло, лошадей, коровъ попродавалъ, за все вдвое и втрое платилъ, только бы скрыть дѣло.

— Ну, что же такъ и не узнали?

— Какъ не узнать! Узнали скоро, на міру въ хохотъ надъ нимъ. А тутъ еще подвернулось дѣло: міръ бунтовался, десятаго пороли—еще попади подъ десятаго Ермилъ. Онъ откупаться. Денегъ просорилъ много, высѣчь — все же высѣкли, а онъ на стропилахъ и повѣсился... Хорошо, скоро сыновья увидали...

II.

Пиманъ кончилъ; гости громко смѣялись и острили надъ Ермиломъ; Петръ скептически улыбался, какъ вдругъ съ улицы сталъ доносится шумъ. Всѣ какъ-то смутились и смолкли, въ особенности оробѣлъ Пиманъ; надъ ним кто-то пошутилъ. Но когда Екатерина Петровна вышла и полуотворила дверь, всѣ ясно различили что-то кричавшій на улицѣ голосъ Бориса. Пиманъ, сдерживая безпокойство, крякнулъ и тяжело поднялся со скамьи. Сыновья Пимана съ суровымъ безпокойствомъ стали смотрѣть то въ окно, то въ дверь. Гости почувствовали себя неловко, хотя ни они, ни хозяева не хотѣли этого выказать.

— Кушайте, пожалуйста! — угощала Катерина Петровна, вернувшись, но не сказавъ, что было на улицѣ; у нея лицо только стало какъ-то сдержанно-серьезнѣе.

— Вольница! — лаконически сказалъ кто-то, мотнувъ головой на улицу.

— Да, праздничное дѣло... Собирается народъ всякій, — замѣтила Катерина Петровна. — Кушайте!

— Вернулся, слышь, Борисъ-то?—спросилъ одинъ изъ гостей Пимана. — Давно его не видать было.

— Давно,—проговорилъ Пиманъ какъ-то механически и затѣмъ притворилъ дверь.

Шумъ на улицѣ усиливался, а, вмѣстѣ съ тѣмъ среди гостей Пимана разговоръ становился натянутѣе. Графъ и Петръ невольно взглянули одинъ другому въ глаза и поняли, что обоимъ хотѣлось одного: уѣхать.

Петръ чувствовалъ, что его снова охватываетъ неопредѣленное волненіе при шумѣ толпы на улицѣ: собственно говоря, онъ боялся не толпы, а боялся, что эта толпа „всякаго народа“ въ пьяномъ видѣ рѣдко стѣсняется и продѣлаетъ какую-нибудь нелѣпую штуку, которая поставитъ Петра или въ комическое положеніе, или заставитъ какъ-нибудь „измѣнить себѣ“, измѣнить этому проникавшему все его существо „умственному равновѣсію“, умственной неуязвимости. Чего онъ больше всего боялся и не любилъ — это именно зависимости отъ улицы, залѣзанья этой улицы въ душу каждаго, кто на ней жилъ или только показывался, этого сознанія въ улицѣ права контроля надъ всякимъ, кто попадалъ въ ея границы. Очевидно, деревенская улица изъ всѣхъ улицъ наиболѣе сознавала и сознаетъ еще это свое право, и, очевидно, поэтому-то Петръ всего болѣе не любилъ ея. По крайней мѣрѣ, ему самому казалось, что онъ именно только поэтому ея боится и только потому чувствуетъ при видѣ ея непреодолимое волненіе. Графъ же не любилъ улицы потому, что она-то и была та „дурацкая сила“, которая могла всегда нарушить хотя на минуту его „спокой“ и вывести его изъ полупрезрительной ко всему окружающему спячки.

Надо, однако, признаться, что эта полусознательная боязнь улицы приводила къ раздраженію какъ Петра, такъ и Графа, какъ раздражаютъ людей, занятыхъ серьезнымъ дѣломъ или воображающихъ, что они таковымъ заняты, шумъ и

гвалтъ за тонкою перегородкой, гдѣ „люди толпы“, какая-нибудь чиновница или сапожница съ азартомъ набрасывается на своего сожителя или сосѣдку, поднимаетъ весь домъ коромысломъ, заявляя о какихъ-то своихъ великихъ нуждахъ, о какихъ-то великихъ несправедливостяхъ и обидахъ, беря въ свидѣтели и Бога, и ревущихъ благимъ матомъ ребятишекъ, и, наконецъ, самихъ занятыхъ серьезнымъ дѣломъ людей, врываясь къ нимъ за перегородку, съ разбитою въ кровь физіономіей, умоляя ихъ покорнѣйше засвидѣтельствовать ея обиды и проч. Можно себѣ представить раздраженіе серьезныхъ людей, такъ было пріятно занявшихся разговоромъ о матеріяхъ важныхъ и вдругъ втянутыхъ „улицей“ въ свидѣтели о какихъ-то нелѣпыхъ и глупѣйшихъ нуждахъ и обидахъ! Но еще болѣе раздражала Графа и Петра та очевидная боязливая зависимость отъ улицы, которую выказали хозяйственные и степенные Пиманы и ихъ гости, эти деревенскіе люди, еще не научившіеся или не могущіе смотрѣть на улицу съ презрѣніемъ. Эта полусознательная растерянность, охватившая хозяевъ, эта поспѣшность, съ которою сосѣди, бывшіе тутъ же въ гостяхъ, ушли, даже не простившись, эта сердитая и загадочная торопливость, съ которою зачѣмъ-то сыновья Пимана спрашивали у отца, заперта ли житница, сѣнница, брали ключи, выглядывали въ окна,—однимъ словомъ, весь этотъ рядъ „уступокъ“, которыя продѣлывалъ подъ вліяніемъ уличнаго шума „хозяйственный мужикъ“, приводили Петра почти въ негодованіе.

— И часто это у васъ вольница-то властвуетъ? — спросилъ онъ не безъ ироніи.

— Мошенники! головорѣзы!— негодуя, сказали дѣти Пимана.—Истинному крестьянину ни отъ кого заступы нѣтъ! Бездѣльный народъ! Что хочетъ, то и творитъ.

— Воля! — внушительно сказалъ Митродоръ Графъ, но тотчасъ же зѣвнулъ, и на лицѣ его опять отразилось одно: „надоѣло!“

Между тѣмъ, гдѣ-то когда-то начавшееся мелкою рябью волненіе росло все шире и шире, волны становились все больше, все большее пространство захватывали собой; послѣдняя волна докатилась ужъ до избы Пимана. Вдругъ кто-то ударилъ здоровымъ кулакомъ въ ворота. Была ли то шутка веселаго подвыпившаго парня, или же просто случайность, но теперь этотъ стукъ почему-то показался сдѣланнымъ не спроста. Пиманъ съ сыновьями, стараясь не смотрѣть на гостей, вдругъ какъ-то совсѣмъ присмирѣли, какъ будто невольно прислушиваясь и дожидаясь второго удара. Петръ взглянулъ на Графа: Графъ былъ невозмутимъ; взглянулъ на хозяевъ — и вдругъ весь вспыхнулъ: ему стало стыдно, обидно за нихъ; ему показалось, что эти степенные, солидные, здоровые люди какъ будто прячутся чего-то, смотрятъ какими-то виноватыми, не находятъ въ себѣ силъ громко и грозно заявить правоту своего существованія, грозно и стремительно подавить авторитетомъ этой несомнѣнной правоты безшабашную, пьяную улицу.

— Что же, такъ *ихъ* и усмирить нельзя? Такъ всѣ степенные люди отъ *нихъ* прячутся, и гуляютъ они сколько хотятъ? — не выдержалъ онъ и спросилъ, презрительно кивая головой къ окну.

— Что жъ съ ними сдѣлаешь? — сказалъ Пиманъ, размахнувъ руками.—Воевать съ ними, что ли? Воевать мы не привычны... Коли въ міру война—крестьянину не жить.

— Съ чужими тяжело воевать, а съ своими того пуще,— замѣтила Катерина.

— Чужой воръ — бѣда, а свой въ дому заведется — вдвое, —сказали его сыновья.

— Свои грѣхи, — продолжала Катерина Петровна.—Какъ вѣкъ-то проживешь, такъ и-и много грѣховъ-то за собой потащишь!.. Обернешься взадъ-то, анъ ихъ за спиной видимо невидимо! Хвать, что прежде и за грѣхъ не считалъ, думалъ—добродѣтель, анъ оно послѣ грѣхомъ обернется, да такимъ, что и умолить времени ужъ не хватитъ.

Такъ говорила Катерина Петровна серьезно и грустно, одна изъ всѣхъ своихъ домашнихъ сохранивши полное и спокойное самообладаніе; ее не смущалъ ни шумъ на улицѣ, ни безпокойство мужа и дѣтей, какъ будто въ ней жила увѣренность, что это такъ должно быть и иначе быть не могло; но ее, какъ хозяйственную женщину, конечно, тревожило это нарушеніе обычнаго хода жизни, и на лицѣ ея отразилась сердитая грусть. Съ выраженіемъ этой же грусти взглянула она пытливыми и проницательными глазами на вбѣжавшую съ заплаканнымъ лицомъ свою дочь Пашу, спустившую

на лобъ платокъ и стыдливо прятавшую красные наплаканные глаза; также внимательно-спокойно посмотрѣла она и на пробѣжавшую на другую половину, вслѣдъ за Пашей, Аннушку, взволнованную и покраснѣвшую до корня волосъ. Катерина Петровна не сказала имъ ни слова и не пошла за ними въ свѣтелку, куда онѣ обѣ спрятались.

Въ эту минуту вошелъ староста Макридій Сафронычъ и, не позабывъ наскоро помолиться, тотчасъ же, волнуясь, замахалъ руками и заговорилъ:

— Что же вы? Ступайте на улицу. Не слышите, что ли? Что вы, въ самомъ дѣлѣ, по угламъ-то попрятались?

— А что тамъ?—спросили Пиманы.

— Что тамъ! Посмотрите, что тамъ... Чего прячетесь?

— Что же намъ?—сказали дѣти Пимана.—Твое дѣло. Ты староста.

— Староста, староста!.. Да что мнѣ разорваться, что ли?—волновался Макридій Сафронычъ.—Чай, я не царь?.. Вѣдь, это не прежній міръ... Посмотри только, что дѣлается!.. Того гляди до смертоубійства дойдутъ... Вѣдь, это прежде было такъ-то: все староста; забаламутитъ кто ежели, выйдутъ старички, палками постучатъ, кого слѣдуетъ изъ буяныхъ на міру разложатъ, да кашей накормятъ!.. Поди-ка теперь такъ-то... Сунься! Тоже своя голова дорога, господа мужики... А вы, вотъ, старички-то нонѣшніе, какъ чуть мало—по угламъ запрятались... Староста! Да что, въ самомъ дѣлѣ, царь я, что ли?

— Царь не царь, а все же власть, хотя и лыкомъ шитъ,—сказалъ Графъ и засмѣялся.

— Вамъ хорошо, господа бояре, смѣяться то!.. А вы въ міру пожили бы, да съ мое послужили бы міру...

— И вы бы ушли... Кто вамъ мѣшаетъ? У насъ, братъ, житье спокойное!—сказалъ Графъ.—Съ боку на бокъ переваливайся, знай!..

— Ушли бы!.. И уйду!.. Вотъ тебѣ Христосъ — уйду... Крестьянству такъ нельзя, чтобы война... Что мы за турки воевать-то!.. На то солдаты есть, воевать то. Что же вы сидите? Ахъ, Господи!—заволновался Макридій Сафронычъ, —я, коли, тоже на гуменники уйду, спрячусь... Какъ вы хотите!.. Коли что случится — будете сами отвѣтчики!.. Вотъ помяните мое слово—смертоубійство, али бо что другое будетъ!

— Полно пугать-то, Макридій Сафронычъ, попустому!—замѣтила Катерина Петровна.—Пошумятъ—и будетъ. Развѣ впервые?

— Ты, Катерина Петровна, оставь, коли не понимаешь... Это не бабье дѣло... Тутъ и мужицкій умъ не осилитъ... Говорю: не по-старому нынче въ міру... Что было — нынче въ примѣръ ставить нельзя! Идете, говорю, что ли?—спросилъ онъ Пимановъ.

Пиманы сурово молчали и какъ будто чего то еще ждали.

— Что же сидите? Водку пить на міру, такъ вы тутъ, сейчасъ...

— Да когда же мы водку-то пьемъ?—спросили дѣти Пимана.—Ты ужъ и то, кажись, изъ ума вышелъ...

— Выйдешь!.. Не водку, такъ балясы точить подъ вязомъ... Балясы-то разводить мы умѣемъ! До полночи готовы на улицѣ торчать! А какъ вотъ... такъ староста!..

— Мы сами не казаки воевать то!—сказали Пиманы.

— Ну, драть коли васъ на шестъ!.. Мнѣ все одно... Я, что ли, тащу воевать то?.. Какъ вотъ пустятъ краснаго пѣтуха, такъ выскочите!.. Небось!.. Тогда завоюете сразу.

И Макридій Сафронычъ, сердито хлопнувъ дверью, вышелъ съ обычною своею хлопотливостью и стремительностью.

— Надо сходить, — сказалъ старикъ Пиманъ, неохотно подымаясь, съ прежнею растерянностью,—а вы посидите пока вотъ съ бабой,— обратился онъ къ гостямъ.

— Нѣтъ, ужъ мы поѣдемъ, — вразъ сказали Графъ и Петръ, — видно не въ урочный часъ мы къ вамъ попали...

— Да полноте! что вы! Пустое! — заговорили дѣти Пимана.—Ну что! пьяницы гуляютъ... Хорошаго на нихъ начальства, на подлецовъ, нѣтъ!.. Только добрыхъ людей, мошенники, тревожатъ... Чего же вы спѣшите?

— Нѣтъ, ужъ мы поѣдемъ!.. Мы ужъ лучше поѣдемъ,—говорилъ, хитро улыбаясь, Графъ.—Мы тоже воевать-то не любимъ, отвыкли... Оно дома то у насъ поспокойнѣе вашего!.. Заѣзжайте-ка вотъ ко мнѣ... Мы на прохладѣ побесѣдуемъ... Да и молодежь-то съ собой захватите: моя жена—баба веселая... Скучно не будетъ...

— Ваши гости, — сказала Катерина Петровна.

— Такъ въ воскресенье я васъ ждать буду... Вотъ и онъ, Петръ Вонифатьичъ, ко мнѣ пріѣдетъ... Мы и попразднуемъ на свободѣ, въ привольѣ... Улица-то ужъ къ намъ въ горшокъ тамъ не полѣзетъ!..

— Да, вѣдь, и у насъ, кабы вотъ не мошенники...

— А вы свадьбу то поди еще не скоро будете праздновать?—замѣтилъ Графъ, все также лукаво улыбаясь и смотря прищуренными, сонливыми глазами.

— Гдѣ еще скоро!.. Скоро эти дѣла не дѣлаются! Не на день—на вѣкъ люди располагаются, — сказала Катерина Петровна.

— То-то!.. Это, вѣдь, не въ хороводъ сходить. Вы люди серьезные; вы не завтрашнимъ днемъ только живете, а и впередъ раскидываете,—продолжалъ Графъ. —Это вонъ Мину какому-нибудь, такъ ему все равно: онъ хоть тутъ же на улицѣ готовъ дѣтей повѣнчать. Ему что!.. Нынче сытъ, а завтра съ сумой пошелъ—и опять сытъ; съ него какъ съ гуся вода... А хозяйному крестьянину, настоящему, такъ нельзя.

— Какъ можно!—сказали дѣти Пимана.—У насъ свой стыдъ есть... Намъ тоже бросаться зря нельзя.

Пока говорили Графъ и Пиманы, Петръ думалъ о томъ, какъ бы опять увидать Аннушку: ему было досадно, что „улица“ помѣшала ему покороче познакомиться и получше разсмотрѣть ее. Но такъ какъ желанія молодыхъ людей часто совпадаютъ, то, несмотря на вызывающую суровость, съ которою Аннушка приняла Петра, когда онъ только пріѣхалъ, ей самой очень хотѣлось, хотя издали,—и именно *издали*, чтобы онъ не замѣтилъ ея любопытства,—вглядѣться хорошенько въ этого „умственнаго“ молодца, о которомъ такъ много говорили и который такъ рѣзко отличался отъ прочей деревенской молодежи. Но „улица“, повидимому, нынче хотѣла помѣшать и этому скромному желанію: пришлось имъ встрѣтиться при обстоятельствахъ, очень не располагающихъ къ знакомству. Аннушка уже выглянула было изъ „горницы“, пріотворивъ дверь и дожидаясь, когда будутъ выходить гости изъ избы, когда услыхала необычно суровый голосъ отца, вышедшаго раньше другихъ къ воротамъ. На этотъ голосъ, какъ сумасшедшая, выскочила Паша, а изъ избы вышли гости и братья.

— Мошенникъ!.. мошенникъ!.. — кричалъ отчетливо и усиленно Пиманъ голосомъ, совершенно непохожимъ на тотъ мягкій, ровный, „душевный“, которымъ онъ говорилъ пять минутъ тому назадъ.

— Живодеры!.. Кровь вы нашу выпили!.. Будетъ!—отвѣчали чьи-то отчаянные голоса.

— Мошенники!.. Вяжите ихъ!.. Андронъ! Сергѣй!..—кричалъ Пиманъ сыновей.—Вонъ отсюда! вонъ, голыдьба!.. Вонъ, змѣя!..

— Тятенька!.. Алеша!.. Батюшка!.. Алеша!.. Борисъ Пиманычъ! — голосила Паша.

Всѣ эти выкрики, сопровождаемые какимъ-то усиленнымъ пыхтѣньемъ: „Стой!.. Па-а-га-ди!.. Нѣтъ, не смѣешь!.. Да-а-вольно!..“ неслись отъ воротъ.

— Батюшки, никакъ дерутся!—сказала въ волненіи Катерина Петровна и бросилась вслѣдъ за Андрономъ и Сергѣемъ, бѣжавшими, на помощь отцу, къ воротамъ!

— Надо уѣхать задами, — тихо сказалъ опытный Графъ и спустился во дворъ къ лошади. Петръ и Аннушка случайно остались въ сѣняхъ одни.

— Какъ у васъ гуляютъ, — проговорилъ Петръ съ легкою насмѣшкой,—пріятное времяпровожденіе!

Аннушка была самолюбивая дѣвушка и, притомъ, дерзкая и грубая.

— Какіе есть! Не вамъ чета: по стрункѣ не ходимъ! — дерзко сказала она, вспыхнула и убѣжала въ горницу.

Здѣсь она сѣла на лавку и заплакала слезами негодованія, стыда за своихъ и досады на чужихъ.

Петръ остался одинъ и съ секунду не зналъ, что дѣлать, когда вдругъ ворота на улицу распахнулись и онъ увидѣлъ безобразную сцену: на улицѣ переливалась толпа, надъ которой висѣлъ цѣлый гомонъ голосовъ; у самыхъ воротъ стоялъ старый Пиманъ, котораго Петръ не узналъ: онъ какъ-то весь выпрямился, правый рукавъ рубахи былъ засученъ, воротъ разорванъ, глаза сурово, звѣрски смотрѣли изъ-подъ сѣдыхъ бровей; теперь онъ стоялъ, опустивъ обѣ руки, и усиленно дышалъ своею старою, провалившеюся грудью. Между тѣмъ, въ сторонѣ, у житницы, возилась около какихъ то мѣшковъ цѣлая куча тѣлъ. Петръ замѣтилъ тутъ Андрона, Сергѣя, Пимаху-внука (въ особенности бросился ему въ глаза молодой Пимаха-внукъ, остервенѣвшій, какъ волченокъ, и постоянно съ за-

сученными рукавами красной рубахи бросавшійся между кѣмъ-то высокимъ и отцомъ, съ тѣмъ же беззавѣтнымъ ухарствомъ физической удали, съ какимъ нѣкогда онъ, поглощенный до самозабвенія, навивалъ стога). Потомъ онъ видѣлъ зятя Пимана—Алешу, рвавшаго на груди рубаху, кричавшаго раздирающимъ голосомъ, ругавшагося невозможнымъ подборомъ словъ и, въ то же время, заливавшагося слезами, которыя текли по его лицу рѣкой. Онъ то налеталъ на мѣшки, отбивался отъ жены, тащившей его сзади, то летѣлъ кубаремъ, оттолкнутый въ грудь Сергѣемъ, опять вскакивалъ, опять бросался... А надъ улицей, попрежнему, стоялъ гомонъ... И вдругъ Петръ увидѣлъ невдалекѣ отъ этой возившейся кучи высокую, могучую фигуру своего дяди Хипы. Онъ еще его не видывалъ со времени переселенія всего Волчьяго поселка вновь въ Дергачи. Его ласковый, неповоротливый, смирный силачъ дядя Хипа, носившій, бывало, его на ладони, водившій съ собой на бой, на пристань, дававшій ему такъ много пряничныхъ батоновъ и коврижекъ, которые онъ собственно для него „выбивалъ“ на пари у городскихъ розносчиковъ и лоточниковъ,—этотъ дядя былъ теперь неузнаваемъ: растрепанная рыжая лохматка его развѣвалась по вѣтру, какъ взъерошенный стогъ сѣна, лицо было все красно, какъ кумачъ; широкія ноздри раздувались; толстыя губы что-то выговаривали грубое, жесткое, скверное; мутными и какъ то совсѣмъ животно-безсмысленными глазами выглядывалъ онъ кого-то пристально, смотря въ окно Пимановой избы. Вдругъ онъ застучалъ своими здоровыми кулаками въ раму.

— Гдѣ... вы?..

Но Петръ уже не слыхалъ дальше, онъ вдругъ поблѣднѣлъ и затрясся. Ему припомнилось вдругъ, какъ года два тому онъ, послѣ тяжбы, пріѣхалъ въ Волчій поселокъ съ миролюбивымъ предложеніемъ своимъ дядьямъ поселиться опять вмѣстѣ, лишь съ условіемъ „покориться уму“, и какъ тогда этотъ дядя Хипа вдругъ бросился на него, остервенѣлый, и закричалъ: „убью!..“ Тогда Петръ тоже поблѣднѣлъ, но не струсилъ: онъ не былъ, какъ извѣстно, трусомъ. Но теперь онъ, дѣйствительно, испугался: его вдругъ объяли ужасъ и вмѣстѣ негодованіе при видѣ этой расходившейся на улицѣ физической силы, внезапно сознавшей, что выше ея ничего нѣтъ.

— Петръ Вонифатьичъ!—крикнулъ со двора Митродоръ Графъ,—ѣдемъ! Готово!... Теперь ты ихъ не дождешься... Теперь, дай Богъ, чтобы дня въ три улеглось у нихъ...

Петръ, не говоря ни слова, смущенный, сбѣжалъ во дворъ внизъ, торопливо вскочилъ въ плетушку, рядомъ съ Графомъ, и они быстро выѣхали въ заднія ворота, черезъ задворки, мимо житницъ и гуменъ.

— Вѣдь, эдакъ хорошимъ людямъ и жить совсѣмъ здѣсь нельзя, — наконецъ, замѣтилъ Петръ.—Что жъ это за порядки?—и онъ весь вспыхнулъ, какъ будто ему лично была нанесена кѣмъ-то кровная обида.

Но Графъ въ отвѣтъ ему смачно зѣвнулъ и перекрестилъ ротъ.

III.

Лѣтъ за пять до освобожденія въ Вальковщинѣ произошло событіе, имѣвшее очень важныя послѣдствія не только для многихъ изъ знакомыхъ намъ лицъ, но и для многихъ деревень Вальковщины. Однимъ осеннимъ утромъ, въ передней стараго барскаго дома, находившагося въ верстѣ отъ села Добраго, стояли два мужика—одинъ лѣтъ около пятидесяти, другой—очень еще молодой, красивый, бодрый, румяный, съ умнымъ взглядомъ острыхъ, проницательныхъ глазъ; ему было на взглядъ не больше 20 — 22 лѣтъ. Это были Пиманъ и его старшій сынъ Борисъ. Одѣты они были хотя и просто, но парадно, а опытный наблюдатель могъ бы догадаться, что эта одежда была, вѣроятно, у нихъ еще не лучшая и не послѣдняя. Отецъ и сынъ стояли въ самыхъ дверяхъ, выходящихъ въ залу, не осмѣливаясь переступить порогъ, и только, когда говорилъ Пиманъ, онъ вытягивалъ почтительно шею и всѣмъ корпусомъ наклонялся впередъ, насколько было это возможно сдѣлать, оставляя ноги въ передней. По зальцу легко и беззвучно, ступая вышитыми туфлями, въ суконномъ шлафрокѣ, ходилъ неторопливо, съ трубкою въ зубахъ, низенькій, сѣдоватый, что называется „легкій“ старичокъ, съ бойкимъ, сердитымъ, повидимому, но, въ сущности, добрымъ взглядомъ. Это былъ самъ баринъ всей Вальковщины, владѣв-

шій сю нераздѣльно съ братомъ, жившимъ гдѣ-то за границей,—статскій генералъ и уѣздный предводитель дворянства.

— Гм... гм...—мычалъ отъ времени до времени баринъ, пуская клубы дыма и глубокомысленно шевеля губами. — Такъ ты говоришь, Савельевна, что это братъ твой съ сыномъ?—спрашивалъ онъ, обращаясь къ старушкѣ, смиренно стоявшей въ углу зальцы у двери, въ косыночкѣ, въ платьѣ и съ бѣлымъ платочкомъ въ рукахъ. Она уже нѣсколько лѣтъ какъ была взята прямо изъ „мірскихъ нянекъ", въ качествѣ которой проживала въ Дергачахъ почти полвѣка, прямо въ „пянюшки" въ барскій домъ.

— Такъ точно-съ, ваша милость... Единокровные мы съ нимъ, — отвѣчала Савельевна. — Вмѣстѣ сиротами остались, вмѣстѣ изъ лѣсу на міръ были взяты, вмѣстѣ міромъ вспоены, вскормлены... Мы, такъ сказать, ваша милость, прямо мірскія дѣти... А я сама-то, почесть, всѣхъ дергачевскихъ голоштанниковъ (простите, батюшка, за глупое слово), всѣхъ ихъ вынянчила, а ужъ про родныхъ и говорить нечего! Вотъ и этотъ молодецъ-то моихъ рукъ да моего глаза не минулъ.

— Она ужъ у насъ, ваша милость, все она,—подтвердилъ и Пиманъ.

— Ну, что жъ... Я согласенъ...—сказалъ баринъ.—Только вы знаете: я люблю, чтобы у меня мужикъ былъ смирный, добрый, душевный... чтобы у меня гордыбачить, да кулачить, да носъ задирать одному предъ другимъ — Боже упаси!

— Да ваша барская милость... да посмѣемъ ли мы объ этомъ подумать!—завылъ какъ-то умильно Пиманъ.

— Ну, ну... хорошо!.. Грамотный онъ у тебя, говоришь?

Грамотный, сударь... Открылъ Богъ му разумъ... Такъ надо вамъ сказать, о всей волости разумъ у него ко всякому дѣлу и охота—на рѣдкость.

— Ну, ну... хорошо!.. А не на очереди онъ? Надо бы Елизарыча спросить,—сказалъ какъ-то мимоходомъ баринъ.

У Пимана такъ и „упало сердце". Онъ весь сразу съежился, сгорбился и такъ вытянулъ шею по направленію къ барину, что, казалось, весь вотъ-вотъ перекинется въ зальцу.

— Ваша барская милость,—заговорилъ онъ уже совсѣмъ умоляющимъ голосомъ,—вѣдь, хотя оно точно... касательственно того ежели... Вѣдь, позвольте слово молвить, батюшка баринъ... Хоть, вотъ, ежели Савельевну извольте попытать, али Павла Елизарыча: есть ли теперича во всей деревнѣ такое хозяйство, что у насъ? Али бы кто изъ насъ когда рюмку выпилъ, али бы на печи провалялся, али бы за нами проступки какіе противъ вашей милости стояли... Только вотъ единственно, что несправедливость къ намъ видится отъ управителя, Петра Егорыча... Теперича хозяйство у меня все въ струнѣ, все одно къ одному (еще отъ отца-покойника весь порядокъ блюду), — все идетъ коловоротомъ, ровно мельница...

— Знаю, знаю... Слыхалъ... Ты крестьянинъ настоящій, хозяйственный.

— Теперича у меня и скотинка, и круподерка, и пасѣчка... За всѣмъ нуженъ глазъ, присмотръ... А отними ото всего этого человѣка, али смуту внеси, али дожиму сдѣлай—малое тронь, анъ ужъ все и пойдетъ не то... Мужичка, ваша милость, разъ тронь—его ужъ скоро не подымешь.

— Знаю, знаю... Вѣрно,—подтвердилъ и баринъ.

— А замѣсто всего, ваша милость, видишь какъ бы утѣсненье отъ конторы,—все храбрѣе начиналъ говорить Пиманъ, самъ даже удивлявшійся, откуда у него такъ много нашлось словъ.—Мало ли теперича у вашей милости народу есть гулящаго, нерадиваго, къ хозяйству неприверженнаго... Теперича они, такъ скажемъ, гулять будутъ, а отъ хозяйства человѣкъ отнимается, настоящему хозяйству раззоръ полагается... Дѣло ли это?.. Замѣсто чтобы для вашей милости пользу соблюдать, а выходитъ...

— Ну, ну, хорошо!.. — прервалъ баринъ, всматриваясь въ Бориса.—Парень, должно быть, хорошій... Жалко, жалко такого парня... Грамотныхъ у насъ немного... Хорошо, пускай при конторѣ будетъ, присмотрится...

— Вотъ еще къ тому же, ваша милость, и поженили недавно... Хозяйство не то чтобъ умаляться, а все приращается.

— Ну, ну... Только у меня смотри, старикъ, впередъ говорю: я въ люди выведу хорошаго человѣка, ну, только ежели будетъ плутовать, міроѣдомъ станетъ... Ты знаешь, Савельевна, я добръ, ну только если что-нибудь *такое* замѣчу — старикомъ въ солдаты забрею!

— Да смѣетъ ли онъ подумать, ваша милость?—заговорили въ одинъ голосъ Пиманъ и Савельевна.

— Ну, ну!.. Ступайте съ Богомъ...

— Ваша милость, окажите защиту,— повалился въ ноги Пиманъ.

— Ну, ну... Ступайте... Я это тоже, старикъ, не люблю...—замахалъ баринъ рукой съ видимымъ неудовольствіемъ.

— Простите нашу мужицкую глупость,— сказалъ Пиманъ, подымаясь и двигаясь задомъ къ двери.

На другой же день по всей Вальковщинѣ было извѣстно, что „Пиманъ поклонился барину сыномъ Борисомъ“, что, благодаря Савельевнѣ, теперь уже Пимановымъ не будутъ страшны козни самого управляющаго, почему-то невзлюбившаго было ихъ, что Борисъ „пойдетъ теперь далеко“, что онъ при своемъ умѣ „барина самого завертитъ“, но что вмѣсто него теперь на очередь придется встать не иначе, какъ старшему сыну Мина Аѳанасьича (Яня тогда еще и не родился), котораго онъ, да и самъ Пиманъ, думалъ женить на своей старшей дочери, „по давнишнему ихъ уговору“ (эта дочь такъ и умерла въ дѣвушкахъ послѣ этого вскорѣ). „Да вотъ—не свершилось!“—искренно соболѣзновалъ Пиманъ; впередъ у мужика ничего не загадаешь! И соболѣзнованія его, дѣйствительно, были искренни настолько же, насколько онъ искренно былъ увѣренъ, что „все въ жизни отъ Бога, что безъ Божьяго произволенья волосъ съ головы не упадетъ...“ Онъ чувствовалъ, что что-то вышло очень не хорошо, совѣсть его иногда грызла, но онъ не зналъ хорошенько: это *нехорошее* отъ него ли лично зависитъ и насколько, или же больше отъ причинъ, отъ него независящихъ.

Когда услыхалъ объ этомъ беззаботный Минъ Аѳанасьичъ, онъ вдругъ какъ-то опѣшилъ, опустился и потерялся. Безропотно и почти равнодушно, какъ будто „ушибленный“ стихіей, съ которой не можетъ быть никакихъ взысковъ, онъ сдалъ сына въ солдаты, найдя единственное утѣшеніе въ томъ, что его сынъ попалъ за красоту и ростъ въ гвардію. Долго послѣ этого удара не могъ оправиться Минъ Аѳанасьичъ, ходилъ какъ „опущенный“, бросилъ хозяйство, улыбался и смѣялся какъ дурачокъ, некстати, толкался безъ пути въ толпѣ. Его считали совсѣмъ погибшимъ... Какъ вдругъ заговорили въ народѣ о „волѣ“... И вотъ въ Минѣ Аѳанасьичѣ внезапно вспыхнула вся та страстная жажда жизни, счастья, любви, которая была убита въ немъ почти совсѣмъ подъ гнетомъ несвойственнаго его душѣ мрачнаго пессимизма и покорности судьбѣ.

Съ утра до ночи, въ какомъ бы положеніи онъ ни находился, — пахалъ или спалъ, сидѣлъ дома или бродилъ по селамъ и городамъ, чутко ища всякихъ слуховъ,—его маленькая голова неустанно работала: онъ только и жилъ тѣмъ, что создавалъ разнообразныя формы грядущаго царства „воли“; и никогда, никогда она не являлась ему иначе, какъ безкровною побѣдой царства мира и любви, всеобщаго мирнаго довольства, счастья... и всепрощенія. „Ну, Богъ съ ними!—говорилъ онъ.—Про *всѣхъ*, про *всѣхъ* —теперь пусть ужъ всѣ живутъ въ мирѣ, въ согласіи.... Господь съ ними! Теперь ужъ правота, для всѣхъ правота!“

IV.

Предсказанія относительно Бориса Пиманова не только оправдались вполнѣ, но превзошли всякія надежды. Умный, но не столько проницательный, сколько талантливый и бойкій, Пимановъ сынъ „пошелъ далеко“: черезъ два года онъ уже вполнѣ сдѣлался довѣреннымъ добраго барина, а еще черезъ два года, едва ему минуло двадцать семь лѣтъ, вся Вальковщина была во его рукахъ, и не только Вальковщина трепетала его, передъ нимъ трепеталъ самъ управляющій и даже управляющіе и бурмистры сосѣднихъ помѣстій.

А, между тѣмъ, черезъ четыре уже года, въ той же зальцѣ барскаго дома, также ходилъ старичекъ-баринъ, но уже грозный, взбѣшенный до того, что, казалось, жидкіе сѣдые волосы поднимались вокругъ его лысой головы, въ то время, какъ и въ самой зальцѣ, и въ передней, и на крыльцѣ, и подъ окнами дома стояли мужики, богатые и бѣдные, свои и сосѣдніе.

— Что ты надѣлалъ? Что ты надѣлалъ, каналья? а?—кричалъ баринъ, обращаясь къ красивому молодому мужику въ кумачной рубахѣ и новомъ суконномъ казакинѣ, съ тщательно причесанною головой, чистому, вымытому, въ блестящихъ сапогахъ.

Это былъ Борисъ, смотрѣвшій въ глаза барина бойко, самоувѣренно и даже весело и, въ тоже время, съ тою ироническою улыбкой, съ которою смотрятъ въ недоумѣніи люди, вполнѣ увѣренные въ своей правотѣ, на нелѣпыя обвиненія.

— Что ты надѣлалъ? Вѣдь, ты всю Вальковщину противъ меня поднялъ... всю округу... Вѣдь, ты...

— Что же мы сдѣлали такого... глупаго?—спрашивалъ Борисъ, пренебрежительно пожимая плечами.

— Какъ что? Какъ что?... Цѣлый годъ изо-дня въ день я слышу жалобы ото всѣхъ... Какъ что?—кричалъ баринъ. — Есть ли хотя одинъ человѣкъ у меня, кто былъ бы тобою доволенъ? Ты всѣхъ со свѣту сжилъ... Отъ тебя народъ вѣшается... Какъ что?..

— Все... для васъ же... старались, а замѣсто того... — процѣдилъ чуть слышно Борисъ.

— Какъ? Какъ? Я тебѣ велѣлъ обижать народъ? Ты смѣешь прятаться за меня?—вдругъ обернулся къ нему баринъ. —Савельевна!—закричалъ онъ.—Позовите мнѣ Савельевну.

— Ну, старуха, говори, что я съ нимъ долженъ дѣлать? Говори... Вѣдь, ты мнѣ за него ручалась,—говорилъ баринъ, когда трусцой, взволнованная, прибѣжала на зовъ старушка.

— Батюшка-баринъ,—повалилась она въ ноги барину,—убери его отъ міра... Онъ съ своимъ умомъ весь міръ загубитъ, души христіанскія погубитъ!.. Думала ли я, гадала ли, что столько грѣха будетъ?.. Все, батюшка, отъ гордости отъ его... Вѣдь, у него, непутнаго, еще борода хорошенько не выросла, а передъ нимъ старики сѣдые трясутся. Вѣдь, его глаза пуще вашего барскаго боятся, простите, меня, батюшка, глупую старуху.

— Чѣмъ же мы виноваты?.. Коли боятся, значитъ есть за что,—проговорилъ Борисъ и улыбнулся.

Баринъ внимательно взглянулъ ему въ лицо.

— А! Теперь я знаю, въ чемъ ты виноватъ!—сказалъ онъ.

И къ изумленію всей Вальковщины и даже сосѣднихъ помѣщиковъ и крестьянъ, добрый баринъ, ратовавшій за освобожденіе, высѣкъ своего собственнаго бурмистра... Говорили, что баринъ на другой же день раскаялся за невольный порывъ гнѣва и думалъ было наградить Бориса, но Бориса уже не было въ Дергачахъ: онъ бѣжалъ изъ нихъ съ женою и дѣтьми.

А въ сущности, все-таки, ни самъ Борисъ, ни баринъ, ни мужики не знали, въ чемъ же собственно виноватъ Борисъ. „Убери, ваша милость, убери его отъ насъ!.. Боимся мы его... Житья не стало отъ страха!“ — говорили только всѣ въ одинъ голосъ. И дѣйствительно, трудно было опредѣлить, въ чемъ собственно былъ виноватъ Борисъ: онъ не былъ ни на сторонѣ богатыхъ, ни на сторонѣ бѣдныхъ; не грабилъ ни мужиковъ, ни барина; если былъ иногда суровъ, то былъ также неожиданно щедръ, милостивъ, справедливъ. Знали только одно, что Вальковщина стала приносить барину неслыханные доходы. Борисъ вдругъ поднялъ на ноги всю тысячедушную и мирно прозябавшую цѣлый вѣкъ Вальковщину. Цѣлыми сотнями, не разбирая богатыхъ и бѣдныхъ, гонялъ Борисъ народъ на работы: то заведетъ по всѣмъ деревнямъ общественныя запашки; на время уборки сгонитъ на нихъ все здоровое населеніе Вальковщины, и въ одинъ, въ два дня громадные стога сѣна и скирды хлѣба уже стояли на поляхъ; то сгонитъ народъ въ лѣсъ, и цѣлыя вереницы возовъ потянутся изъ него съ хворостомъ, буреломомъ, сучьями, прежде гнившими тамъ безъ толку; то цѣлые мѣсяцы заставлялъ всю Вальковщину стоять по поясъ въ водѣ, въ болотѣ, копая канавы на протяженіи пяти верстъ, заставляя то же дѣлать всѣ сосѣднія помѣстья, грозя затопить ихъ луга и поля, спустивши воду съ своихъ болотъ. Борисъ—вѣчно веселый, бодрый—съ какимъ-то запоемъ отдавался этой дѣятельности. Онъ страстно любилъ смотрѣть, какъ эти толпы, покорныя одному его слову, поднимали невѣроятные труды и въ одинъ-два дня совершали такія дѣла, какихъ хватило бы на цѣлые десятки лѣтъ. Онъ чувствовалъ одно, что отданная въ его руки тысячедушная масса сама выносила его на какую-то высоту, гдѣ закруживалась голова. Часто, въ красной кумачной рубахѣ и плисовыхъ шароварахъ, являясь на общія работы, онъ выкачивалъ народу бочки водки и оралъ пѣсни, идя впереди подгулявшей Вальковщины. Онъ самъ весь захлебывался этою массовою поэзіей... Денегъ онъ не домогался, не грабилъ, не припрятывалъ,—онъ не зналъ имъ счета: послѣ каждаго новаго предпріятія скоплялось у него ихъ столько, что онъ могъ отдавать ихъ также безъ счета барину, какъ безъ счета бралъ себѣ самъ. Борисъ завелъ любовницъ, тройку лошадей, тарантасъ, посадилъ на козлы ямщика съ павлиньимъ перомъ, въ плисовой безрукавкѣ, и рыскалъ по сосѣднимъ селамъ и городамъ, ухарскій, беззавѣт-

ный, встрѣчаемый всюду съ изумленіемъ и невольнымъ страхомъ и уваженіемъ. Добрый баринъ гордился и даже хвалился на дворянскихъ собраніяхъ „своимъ министромъ“. Обязанный своимъ величіемъ исключительно массѣ, которая въ его рукахъ неожиданно для всѣхъ стала творить чудеса, Борисъ не обращалъ вниманія на людей: часто богатые разсчитывали на Бориса въ собственныхъ видахъ, и лишь только входили во вкусъ дружбы съ „сильнымъ человѣкомъ“, какъ онъ неожиданно начиналъ ихъ преслѣдовать, дожимать, повидимому безъ всякаго повода, и разсчеты на дружбу падали. Тогда думали найти защиту у „сильнаго человѣка“ бѣдняки и посылали за него молитвы Богу, когда онъ нерѣдко оказывалъ имъ дѣйствительную защиту отъ богачей; но и здѣсь также неожиданно вдругъ дѣлался суровымъ и безпощаднымъ деспотомъ, безпощадно сдавая въ солдаты дѣтей самыхъ бѣдныхъ провинившихся въ чемъ-нибудь мужиковъ, гонялъ беременныхъ женщинъ на барщину, не позволялъ жениться парнямъ на любимыхъ невѣстахъ. Вся Вальковщина все больше и больше начинала ощущать одно—ужасъ, страхъ, непонятный, гнетущій, передъ какою-то силой, перепутавшею всѣ вѣками установленныя, опредѣленныя отношенія.

Вальковщина роптала.

V.

Спустя лѣтъ пять или шесть, когда уже не было въ живыхъ ни стараго барина, ни прежнихъ порядковъ, Борисъ вернулся въ Дергачи одинъ, въ красной рубахѣ, въ плисовой поддевкѣ и штанахъ, сдѣлавшійся старше, серьезнѣе. Былъ онъ богатъ или бѣденъ, при дѣлѣ или нѣтъ—никто не зналъ. Семья Пимана уже къ тому времени окрѣпла и его хозяйство все росло и росло въ строгомъ и чинномъ порядкѣ большой артели-семьи. Борисъ гостилъ и все къ чему-то присматривался, надъ чѣмъ-то наблюдалъ. Иногда онъ вдругъ кутилъ въ кабакѣ, угощалъ всякую рвань. Иногда неожиданно являлся къ прежнимъ мірскимъ воротиламъ и своимъ посѣщеніемъ приводилъ ихъ въ смущеніе. Борисъ не могъ не видѣть, какъ всѣ его боялись, сторонились, опасались, какъ въ семьѣ отца дѣлали всѣ важныя дѣла какъ-то тайкомъ, въ тихомолку отъ него.

А Борисъ все гостилъ, ничего не просилъ, но ничего и не дѣлалъ: онъ, повидимому, ждалъ, когда ему укажутъ дѣло. Но ему никакого дѣла не предлагали и даже старались избѣгать говорить съ нимъ о дѣлахъ. Пили ли чай, обѣдали ли—и отецъ, и мать, и братья, всѣ наперерывъ разговаривали съ нимъ, какъ съ гостемъ, о мѣстныхъ новостяхъ, разспрашивали о житьѣ на Волгѣ, о городской жизни тамъ, и никогда ни одного слова не говорили о домашнихъ дѣлахъ. Однажды Борисъ улыбаясь, самъ спросилъ:

— Что же вы мнѣ никакого дѣла не даете?

— Да, вѣдь, какія дѣла, Борисъ Пиманычъ... Дѣло у насъ идетъ, слава тебѣ Господи!.. У насъ артель крѣпкая... Какое дѣло! Зачѣмъ утруждать, коли сами справляемся... Да и гдѣ же вамъ нашими дѣлами заниматься?

— Что же, думаете, я работать не умѣю? — сказалъ Борисъ и вдругъ принялся за работу. Онъ проработалъ цѣлую недѣлю. Дѣло кипѣло въ его рукахъ. Онъ пахалъ, плотничалъ, дѣлалъ телѣги, косилъ, ѣздилъ на базары и, наконецъ, сдѣлалъ одну такую хозяйственную операцію, которая никогда бы не могла притти въ голову тяжеловатымъ хозяйственнымъ Пиманамъ. Такъ прошло недѣли двѣ. Всѣ, смѣясь, восторгались Борисомъ, его умелостью и бывалостью, но весь этотъ восторгъ былъ какой-то неискренній, боязливый. Замѣчалъ это и Борисъ и таинственно посмѣивался.

Однажды, когда онъ работалъ въ огородѣ одинъ, къ нему подошелъ Пиманъ и, покряхтывая, наконецъ, проговорилъ тяжело и запинаясь:

— Ты бы, Борисъ Пиманычъ, отдѣлился... Хоша и мало въ семью-то Господь тебѣ судилъ поработать, да ужъ мы не обидѣли бы... Вотъ братья-то говорятъ: мы бы его честь-честью... Говорятъ, не постоимъ...

— Боятся?—спросилъ Борисъ и опять улыбнулся.

— Да, вѣдь, точно... смирные они у меня, робкіе... За большимъ не гонятся... Гдѣ ужъ намъ!.. Коли вотъ все идетъ колесомъ, ровно,—ну, и рады... Хазяйство—одно сказать!.. Съ нимъ надо осторожно... Ты самъ умный человѣкъ: знаешь, вѣками оно строилось... А разстроить его немногаго надо... Ну, и тово... Хозяйство!..

Борисъ тутъ же пересталъ работать и цѣлые дни сталъ сидѣть у калитки, на

завальнѣ, и ждалъ, но самъ ничего не начиналъ. Наконецъ, назначили день раздѣла. Борисъ сидѣлъ за столомъ и улыбался: онъ не спорилъ, не возражалъ, не протестовалъ. Когда его спрашивали: „такъ ли?“ онъ опять улыбался и говорилъ: „вамъ лучше знать!“

Онъ видѣлъ, какъ, пользуясь его уступчивостью, его немножко дожимали, немножко обсчитывали, но онъ ничего не говорилъ: ему пріятно было чувствовать, что всѣ, тѣмъ не менѣе, очень хорошо понимаютъ, что *все это онъ видитъ и знаетъ*. Такъ чувствуетъ силачъ, котораго кусаютъ, теребятъ копошащіеся вкругъ него пигмеи.

По окончаніи выдѣла Борисъ положилъ въ карманъ раздѣльную запись, тутъ же продалъ всю живность и мелочь братьямъ и бывшимъ свидѣтелямъ, взялъ деньги и на другой же день исчезъ опять изъ Дергачей.

Вернулся онъ уже осенью, но не одинъ, а съ женой и сыномъ-подросткомъ; потребовалъ отъ міра отвести ему усадьбу и землю въ полѣ и тотчасъ же принялся строить большую избу. Самъ нарисовалъ планъ, самъ чертилъ и вырѣзалъ узоры для подзоровъ и наличниковъ; сыпалъ деньги плотникамъ, кровельщикамъ; угощалъ ихъ постоянно водкой... Изба была выведена на удивленіе всей Вальковщинѣ; крыта желѣзомъ, съ рѣзьбою вездѣ, гдѣ было только можно; раскрашенная яркою зеленою краской, она закрасовалась на всю окрестность. Одно приводило только всѣхъ въ недоумѣніе: Борисъ не заводилъ ничего изъ крестьянскаго хозяйства. А къ Рождеству онъ неожиданно забилъ окна избы тесинами и снова исчезъ изъ Дергачей съ женою и сыномъ. Шли годы; новая узорчатая изба вывѣтривалась, гнила безъ толку, безъ приложенія, только внушительно напоминая деревенскому люду объ ея странномъ хозяинѣ.

Съ тѣхъ поръ, въ теченіе десяти лѣтъ, онъ разъ пять попрежнему неожиданно являлся въ свою заплѣсневѣвшую избу,— то съ женою и сыномъ, то съ однимъ сыномъ, — расколачивалъ окна, и вотъ вся изба вдругъ наполнялась шумомъ, весельемъ и гамомъ. Отецъ и сынъ, въ плисовыхъ шароварахъ, казакинахъ и кумачныхъ рубахахъ, ходили по деревенскимъ улицамъ, грызя орѣхи, угощаясь и угощая народъ по кабакамъ и у себя въ избѣ; если дѣло было зимой, они закупали статнаго жеребца со всею сбруей и санями, рыскали по всей Вальковщинѣ, изумляя ея мирныхъ обывателей, и пускали, что называется, пыль въ глаза всей добросельской знати. Послѣ мѣсячнаго кутежа лошадь и сбруя спускались опять за безцѣнокъ, и странная семья исчезала года на два. Много, конечно, ходило о Борисѣ разсказовъ по Вальковщинѣ, иногда невѣроятныхъ; болѣе правдоподобны были тѣ, которые разсказывали, что встрѣчали Бориса то въ Астрахани, откупавшимъ огромные рыбные участки, собиравшаго артель до 200 — 300 человѣкъ рыбаковъ, то видѣли его подъ Самарой, вытаскивавшаго потонувшій пароходъ, то сплавлявшаго цѣлые „караваны“ съ хлѣбомъ, и все это непремѣнно во главѣ огромной массы рабочаго народа, который опять сгоняли въ лапы отца съ сыномъ словно какія-то невидимыя силы... А отецъ съ сыномъ, ухарски и беззавѣтно, царили надъ нею... Часто послѣ одной изъ такихъ „операцій“ въ ихъ рукахъ скоплялись огромныя суммы денегъ. Тогда Борисъ распускалъ эти массы, пропивъ на нихъ чуть не половину денегъ, и возвращался доканчивать съ другою половиной въ родные Дергачи.

Послѣ того Бориса долго что-то не видали въ Дергачахъ. О немъ уже начинали забывать и порѣшили даже, что, „должно быть, уходили ихъ необузданныя головушки“, когда одною весной, пѣшкомъ, явились опять въ свою избу отецъ съ сыномъ. Самъ Борисъ сильно постарѣлъ и полысѣлъ, хотя не потерялъ своего внушительнаго вида. Сыну его было уже лѣтъ подъ тридцать: онъ былъ выше, плотнѣе, здоровѣе отца, но не такъ подвиженъ и не такъ характерно-иронически сверкали его черные глаза. Но пріятели они были неизмѣнные. Жены Бориса уже съ ними не было, и съ тѣхъ поръ не видали у нихъ въ домѣ ни одной бабы. Явились они на этотъ разъ хотя въ тѣхъ же „понизовскихъ“ костюмахъ, но уже казакины и плисовыя шаровары были вытерты, перепачканы, стары; сапоги стоптаны, рубахи порваны. Отецъ и сынъ, повидимому, поселились въ Вальковщинѣ на все лѣто. Стали они наниматься въ работу — косить, пахать, но все какъ-то шутя, словно сами кому одолженіе дѣлали. Покосятъ дня три-четыре и сидятъ въ кабакѣ, пьютъ пиво, или шатаются по сходкамъ, по базарамъ. Стали было заниматься мѣной лошадей. Окрестные

крестьяне дрогнули и начали покрѣпче смотрѣть за скотиной. А, между тѣмъ, отецъ и сынъ не переставали ходить по кабакамъ, и когда солидные люди говорили имъ: „Что же это, Борисъ Пиманычъ, ни къ чему-то ты съ сынкомъ своей головы, своихъ рукъ не приложите? Вѣдь, золотыя у васъ головы-то и руки!"—Борисъ и сынъ отвѣчали какимъ-то неестественнымъ, напряженнымъ, сухимъ хохотомъ... и говорили: „Боимся какъ бы народъ не напугать!" Измѣнила ли Борису съ сыномъ удача, или усталъ самъ Борисъ, только они теперь засѣли въ Дергачахъ надолго.

VI.

Когда осеннія сумерки уже совсѣмъ почти налегли на Дергачи и уже совсѣмъ стихало взбудоражившее деревенскую улицу волненіе, эти два человѣка сидѣли за простымъ сосновымъ столомъ въ пустой, безъ всякихъ признаковъ хозяйственности, своей большой избѣ. Въ ней было сыро, пахло подваломъ, по стѣнамъ стояли только лавки и висѣлъ всюду паутинникъ. Сальная оплывшая свѣча горѣла, воткнутая въ бутылку. Двери были растворены и въ нихъ то входили, то выходили мужики: кто съ хлѣбомъ и лукомъ, кто съ водкой, пивомъ. Слышался постоянный говоръ. Всѣ большею частью говорили о Борисѣ въ третьемъ лицѣ, но самого его ни о чемъ не спрашивали. Борисъ сидѣлъ, отшатнувшись къ стѣнѣ, и лѣниво смотрѣлъ на толкавшуюся передъ нимъ и постоянно мѣнявшуюся публику, съ своею обычною улыбкой, изрѣдка и коротко бросая свои замѣчанія. Среди смѣнявшейся публики былъ и Алешка, Пимановъ зять, и Хипа, и Лукашка, и какіе-то замухрястые мужички въ изодранныхъ полушубкахъ, и тотъ худой чахоточный мужикъ, который такъ рѣзко когда-то оборвалъ на сходкѣ своимъ появленіемъ разболтавшихся „о мужицкомъ счастіи" благодушныхъ міряиъ. Заходили какіе-то старички и даже бабы. Все это говорило какъ-то разомъ. Большинство, едва переступивъ порогъ, прямо начинало свой разговоръ, не обращая вниманія, о чемъ говорили присутствовавшіе.

— Да!.. Они такъ полагали, что это только мы, молъ... Ха-ха!.. Нѣтъ, тутъ шалишь!.. Тутъ, братъ... Да!.. Вонъ онъ, Борисъ-то Пиманычъ... Да!.. хо - хо! Это не съ нами, нѣ-ѣтъ!.. Еще съ нимъ надо поговорить, — выкрикивалъ Алешка, съ раскраснѣвшеюся добродушною рожей, на которой кое - гдѣ виднѣлась запекшаяся кровь, держа въ рукахъ бутылку и стаканъ.

— Еще бы! — подхватывали другіе.— Тутъ, братъ, разговоръ особый... Вѣдь, это никто другой Борисъ-то Пиманычъ!.. Да!.. А то на нихъ страху нѣтъ!.. Да, небойсь, это не мы...

— Поджали хвосты-то... Ха-ха-ха!.. Под-жа-али!..

— Нѣтъ тебѣ, братецъ, ни закону, ни справедливости... Ничего-о, братецъ мой, ничего,— хрипѣлъ, подсаживаясь къ Борису, чахоточный мужикъ. — А я вотъ больной... вотъ до чего дошелъ съ ними, оглашенными... А отчего? Порядку не видно...

— Что ужъ и самъ дѣлъ,— говорила какая-то баба, то прислушивавшаяся къ говору, то смотрѣвшая въ лицо Бориса и чего-то ждавшая отъ него. — Что ужъ и самъ дѣлъ! Господи, батюшки!.. Такія ото всѣхъ обиды, такія обиды!.. Теперича ребятишки у меня, а хозяина въ заработки угнали... Земли вотъ на паренька сколько лѣтъ просимъ-просимъ.

Пришли какіе-то старички со старушкой и тоже на что-то жаловались Борису.

— Нѣтъ, они, черти, зажились... Ихъ пошевеливать надо, пошевеливать! — вдругъ кричалъ какой-то молодой мужикъ,—а? Такъ ли, Борисъ Пиманычъ?.. Ха-ха!.. Мы ихъ пошевелимъ!

Группы смѣнялись одна другой. Входили новыя; опять раздавалось:

— Нѣтъ, это не мы... Они полагали, что такъ на нихъ и ума не найдется... Нѣтъ, вотъ онъ, Борисъ-то Пиманычъ... Да!.. Это, небось, не мы... Прижали хвосты!.. Ха-ха!..

А Борисъ все сидѣлъ, охаживая всѣхъ глазами, улыбался и молчалъ. Ему припомнилось, какъ давно когда-то и здѣсь, въ Вальковщинѣ, и послѣ тамъ, на Волгѣ, также вкругъ него раздавалось: „Уменъ!.. Ой, уменъ!.. Онъ, братъ, всѣхъ покоритъ!.. Онъ, братъ, далеко пойдетъ! Да!.. Нѣтъ, это не мы... Онъ, братъ, не пропадетъ!".. И, какъ тогда же, онъ чувствовалъ теперь, что-то выноситъ его опять и опять, и всегда помимо его сознанія и воли, изъ уровня кишѣвшей вокругъ него массы и снова гонитъ что-то эти массы въ его руки.

ГЛАВА V.

Романтики.

I.

Войдемте, читатель, въ двѣ крайнія дергачевскія избы, къ нашимъ давнимъ, очень давнимъ знакомымъ, которыхъ хотя блѣдныя тѣни еще, можетъ быть, живутъ въ вашемъ воображеніи. Въ этихъ избахъ, какъ-то сбоку, хвостомъ прилипшихъ къ Дергачамъ, какъ лишній лоскутъ, поселились обитатели такъ еще недавно смытаго стремительными потоками новой жизни Волчьяго поселка, устои котораго были заложены когда-то старозавѣтнымъ земледѣльцемъ Мосеемъ. Въ первой избѣ жили Ульяна Мосевна съ братомъ Вахромеемъ и его семьей; во второй—братъ Хипа съ семьей, а въ маленькой двухоконной избушкѣ, едва поднявшейся отъ земли, пріютился молчаливый охотникъ Сатиръ съ своею единственною дочерью. Не покинули разоренную семью и заштатный старый понамарь Ѳеотимычъ, и старая бобылка Ѳеклуша: Ѳеотимычъ прилѣпился къ Вахромею, а Ѳеклуша — къ Хипѣ. Только солдатки Синклетеи съ ребятишками не было: новыя волны жизни унесли и ее въ жестокій и непонятный водоворотъ.

Мы зайдемъ къ нимъ въ поздній вечеръ того несчастнаго дня, когда мирная дергачевская улица была потрясена однимъ изъ тѣхъ конвульсивныхъ содроганій, которыя въ періодъ, нами описываемый, спорадически охватывали, какъ болѣзненные, нервные припадки, наши деревни. Такъ по иаселитренной ниткѣ вдругъ вспыхнувшій огонь пробѣжитъ съ одного конца до другого и потухнетъ. И было въ этихъ припадкахъ нѣчто такое странное, необычное, что вотъ наши давнишніе знакомые, эти „старые“ деревенскіе люди, собравшись, по старинной привычкѣ, въ избу Ульяны Мосевны, какъ издавна привыкли они дѣлать во всѣхъ экстренныхъ случаяхъ, скорбно покачиваютъ головами и, вмѣсто того, чтобы въ качествѣ „мірскихъ“ людей пойти на улицу и помочь поскорѣе распутаться ей, говорятъ: „Что дѣлается-то, что дѣлается-то! Создатель милосердый!“ И продолжали повторять это и тогда, когда шумный гомонъ стоялъ надъ улицей, и послѣ, когда все какъ-то сразу улеглось и стихло на улицѣ и слышались лишь отъ времени до времени отдѣльные выкрики. Мосеева семья — всѣ были трезвые люди и хотя любили „улицу“, но, когда въ праздникъ эта улица разгуливалась уже черезъ-чуръ, всѣ мосеевцы обыкновенно, незамѣтно ни для кого, тихо уходили по своимъ избамъ. Теперь же они не только давно уже ушли съ улицы, но Вахромей сердито скликалъ съ улицы всѣхъ своихъ ребятишекъ, этихъ самыхъ любопытнѣйшихъ смертныхъ, и, къ великому огорченію ихъ, усадилъ на полати, отъ времени до времени покрикивая на тѣхъ, которые намѣревались потихоньку улизнуть.

— Не зачѣмъ, ребятки, туда ходить,— говорила и Ульяна Мосевна, — ну, что тамъ смотрѣть, что слушать? Пьяныхъ смотрѣть, скверное слово слушать. А это Богъ не любитъ... Потому Богъ не любитъ, что будешь ежели смотрѣть да смѣяться чужому горю—не знаешь кого осудишь... Ты его осудишь, а тутъ, можетъ, горе... Охъ, Господи, Господи! — вздохнула Ульяна Мосевна и опустила голову.

И всѣ словно замерли, такъ какъ всѣмъ были ясны и понятны и ея слова, и ея вздохи; даже ребятишки какъ будто что-то понимали, потому что слышали совершенно явственно доносившійся съ улицы буйный голосъ смирнаго и ласковаго Хипы, отца однихъ и дяди другихъ.

— Унять бы ихъ, что ли? Очень ужъ всѣ разожглись,—наивно сказалъ старшій сынъ Вахромея, мальчикъ лѣтъ двѣнадцати, пугливо смотря въ глаза тетки: видимо, онъ былъ или очень робокъ, или то, что онъ видѣлъ на улицѣ, было для него ново и необычайно.

— Кого унимать-то будемъ, да и судить кого, коли праваго не найдешь, да и виноватаго не сыщешь?—отвѣчала Ульяна Мосевна.

И опять всѣ молчали и какъ будто ясно понимали и сочувствовали Ульянѣ; только Вахромей, по привычкѣ сидѣвшій съ трубкой на порогѣ полуотворенной въ сѣни двери и выпускавшій медленно дымъ въ щель, поднялся и, выбивая о шестокъ трубку, сказалъ сердито:

— Поискать бы—пошли!.. Авось оказались бы!

— Ну, братецъ, насъ съ Петрушей людямъ не разсудить; Богъ разсудитъ одинъ!—отвѣчала Ульяна, съ одного слова понявшая, на что намекалъ братъ.

— А изъ-за чего жъ это у нихъ, тетенька, вдругъ? Все сидѣли, пѣсни пѣли, хороводы водили, а тутъ вдругъ и загорѣлось? — спрашивали любопытные ребя-

тишки, устремивъ полные недоумѣнія глаза на замолчавшихъ большаковъ.

Но большаки, повидимому, были сами преисполнены тѣмъ же дѣтскимъ недоумѣніемъ, такъ какъ на вопросъ дѣтей никто ничего не отвѣтилъ, и только Ѳеклуша повторяла, когда съ улицы доносились до ихъ отдаленныхъ задворокъ взрывы криковъ:

— Святъ, святъ, святъ! Господи милосердый! Что у нихъ дѣлается-то, что дѣлается-то!

— Война,—уже не впервые категорически отвѣчалъ ей Ѳеотимычъ, каждый разъ нюхая табакъ, — война, Митревна, компанейская война... Я читалъ когда-то: бываютъ такія войны...

— Какія жъ это такія войны?—спрашивала Ѳеклуша.

— А такія—безъ солдатъ. Тутъ ужъ всѣ воюютъ... Тутъ ужъ ни командировъ, ни полководцевъ: одно—баталія... Братъ съ братомъ воюетъ, сынъ съ отцомъ...

— Да что они, окаянные,—вскрикнула Ѳеклуша,—рехнулись, что ли? Али ужъ нонѣ на нихъ суда нѣтъ?

— То-то что нѣтъ... Самосудное время!.. Когда компанейская ежели война, тогда самосудамъ время всегда. Вотъ въ двѣнадцатомъ году — ты, чай, сама помнишь—компанейская война была... Казакъ Платовъ воевалъ; всѣ мужики тогда воевали, съ вилами, съ косами, избы жгли, хлѣбъ таскали, французовъ топили да обухомъ били... Кто не поправился, того и тюкъ!..

— Такъ, чать, тогда французъ былъ... А нонѣ гдѣ онъ, французъ-то? Чать, француза-то батюшка бѣлый царь всего на океанъ-море заточилъ?

— Вотъ развѣ что француза-то нѣтъ!— глубокомысленно сказалъ Ѳеотимычъ.

— Полно старикъ... .Это ты все меня пугаешь,—не повѣрила даже Ѳеклуша, а ребятишки давно уже смѣялись:—какъ не быть начальства? Чтобы надъ мужикомъ да начальства не было? Кто же ихъ, головорѣзовъ, учить-то будетъ?

— Ахти-хти,—вздохнулъ Ѳеотимычъ.— Пугаешь? Испугаешься... Мы вотъ съ тобой, старушка, жили въ Волчьемъ поселкѣ, что у Христа за пазухой, ничего не вѣдали, не знавали... А тутъ люди жили, да поживали... да и невѣсть куда ускакали!..

— Вѣрно, Ѳеотимычъ, вѣрно ты это сказалъ, — замѣтила Ульяна Мосевна. — Намъ ужъ, Ѳеклуша, нынѣшній народъ не понять... Не намъ его и судить!

Дѣйствительно, если разсужденія Ѳеотимыча вначалѣ и были довольно-таки фантастичны, ради устрашенія восьмидесятилѣтней Ѳеклуши, то послѣднее его замѣчаніе было вполнѣ справедливо.

Тому уже около пятнадцати лѣтъ, какъ семья Мосея Волка, вслѣдъ за нимъ, переселилась въ его любимую рощу, перешедшую къ нему въ собственность, и основала тамъ чистую земледѣльческую колонію, мирную, неприхотливую, „по-Божески“, по дѣдовскимъ завѣтамъ. Въ этомъ Волчьемъ поселкѣ прожили они пятнадцать лѣтъ, какъ Робинзоны, переселившіеся на необитаемый островъ, сами удовлетворяя почти всѣ свои неприхотливыя потребности, и только изрѣдка, и то больше одна Ульяна Мосевна, выходили они за границы выселка и отъ времени до времени сталкивались съ окружавшимъ ихъ міромъ, въ которомъ, какъ имъ казалось, шло все такъ же, что и прежде. Были жалобы, были страданія, такъ же, какъ и прежде, родили бабы въ полѣ, страдали отъ страды, также били ихъ подъ пьяную руку мужья; были бѣдные, забижаемые богатыми, были несчастные, забиваемые, вмѣсто барина, какимъ-то „начальствомъ“ (они даже не знали, какое это начальство было, какъ не знали и теперь; какой-то исправникъ, непремѣнный членъ, земство, мировой судья—все это смѣшивалось для нихъ въ одно прежнее лицо „барина“; только этому барину царь не позволялъ уже много „баловаться“, не позволялъ людей продавать, на барщину гонять,—однимъ словомъ, за все, что прежде вносилось „натурой“, велѣно вносить деньгами). Все было, повидимому, такъ же, какъ и прежде, на все считала своимъ долгомъ, попрежнему, откликаться „благомысленная“ женщина Ульяна Мосевна, попрежнему, помогала и сочувствовала чѣмъ и какъ могла, утѣшая всѣхъ тѣмъ, что „правоту Господь не оставитъ, что неправота, которая есть, погибнетъ, что не надо отчаиваться, а надо вѣрить и надѣяться“. И вотъ въ этой массѣ мелкихъ будничныхъ явленій для нея совершенно пропадалъ внутренній смыслъ ихъ; она не замѣчала, что подъ этимъ видимымъ прежнимъ однообразіемъ струилось что-то другое. Таково же, или еще наивнѣе, было отношеніе къ окружающему и всѣхъ прочихъ обитателей поселка. И вдругъ какая-то волна изъ

житейскаго моря оторвалась и кинулась на ихъ укромный островъ, сразу потопила его въ пучинѣ, а ихъ, утопавшихъ и безнадежно и тщетно боровшихся съ нею, снова выкинула на материкъ... Что это была за волна, они, конечно, не знали; не знали, что она именно и родилась отъ того непримѣтнаго родника, который прежде, мирно и ни для кого невидимо, текъ подъ внѣшнею неизмѣнностью будничной жизни, и вдругъ теперь сталъ все чаще и чаще заявлять о своемъ присутствіи какими-то внезапными, періодическими всплесками на поверхность. Но, слава Богу, благодаря счастливому случаю, они все же выброшены были въ родное гнѣздо, въ свой старый „міръ".

— Что жъ, селитесь, селитесь!—говорилъ Макридій Сафроньічъ.—Свои люди... Какъ своимъ людямъ откажешь? Пока мѣста хватитъ, а что послѣ, то въ Божьихъ рукахъ!

И они чувствовали, что это, дѣйствительно, свои люди, прежніе люди. На первый взглядъ, да и долго еще въ обычныхъ будняхъ своей родной деревеньки они видѣли все, все „попрежнему": та же „земля-кормилица", тотъ же „хлѣбъ", тотъ же трудъ, тѣ же мірскіе порядки, тѣ же „свои люди", только молодежь подросла какъ-то скоро, да старики какъ-то стали старѣе... Попрежнему оставались тѣ же жалобы, тѣ же страданія; но вотъ мало-по-малу въ этихъ жалобахъ и страданіяхъ вдругъ они стали примѣчать что-то другое; и чѣмъ больше переселенцы всматривались и вдумывались въ эти жалобы, тѣмъ меньше они ихъ постигали. Скоро наши Робинзоны, эти наивные, старые, *хорошіе люди деревни сдѣлались людьми недоумѣнія*. Эти люди, которые все были зрячими, которые все, до мелочи, понимали въ прежней своей жизни ясно, вдругъ ослѣпли, какой-то туманъ заволокъ ихъ очи, все предъ ними какъ будто стало мѣшаться, перевертываться вверхъ дномъ. Какъ будто, вмѣсто прочной, устойчивой почвы, подъ ихъ ногами оказалась вода: вотъ она заливаетъ все больше и больше, они видятъ, что кто-то гибнетъ, кто-то хочетъ другого спасти, но этотъ другой, тонущій, самъ тащитъ въ пропасть своего спасителя; вотъ одинъ карабкается на берегъ, а другой хватается за него сзади и тащитъ опять назадъ; всѣ кругомъ что-то кричатъ, говорятъ странное, новое, непонятное, все, что прежде называлось добромъ, въ ихъ устахъ стало зломъ, потерялось различіе между зломъ и добромъ. Даже сами они, для которыхъ прежде все было такъ ясно и опредѣленно, сами они, спѣша и видя зовущихъ на помощь, готовые ринуться къ нимъ, стоятъ пораженные недоумѣніемъ, ибо не знаютъ, кому, какъ, даже зачѣмъ помогать... Даже тѣ боли, жалобы и страданія, которыя искони ни въ комъ не возбуждали сомнѣнія, а тѣмъ болѣе въ Ульянѣ Мосевнѣ, которая всегда спѣшила къ нимъ на помощь, даже то зло, которое было для нея и для всѣхъ всегда ясною причиной этого страданія, — все это вдругъ приняло такой странный видъ, что не разъ становилась уже втупикъ сама Ульяна Мосевна и предъ этими болями и жалобами, и предъ этимъ „зломъ", противъ котораго она когда-то, не задумываясь, ратовала съ такою непосредственною прямотой... Да неужели сама она измѣнилась? Неужели измѣнилась внутренняя сущность этихъ людей „непосредственной прямоты" и измѣнилась вдругъ, такъ-таки взяла и исчезла эта нравственная сила, пережившая тысячелѣтіе? Въ томъ-то и дѣло, что нѣтъ, въ томъ-то и тяжелое недоумѣніе, въ томъ-то и гнетущая загадка, что вотъ она, Ульяна Мосевна, чувствуетъ въ глубинѣ своей души, что она не только не измѣнилась, но съ тою же прежнею, если еще не большею, охотой готова итти помогать болямъ и жолобамъ; чувствуетъ она, видитъ, что и всѣ ея близкіе и присные, которыхъ она уже знаетъ давно, весь этотъ міръ, съ которымъ она выросла, всѣ они — все тѣ же, *въ сущности*, съ тѣми же грѣхами и добродѣтелями, и, между тѣмъ, что же это сталось съ ними, что она перестала ихъ понимать? Что такое совершилось, что тѣ же люди—не тѣ; что то, что прежде она считала въ нихъ несомнѣннымъ добромъ, несетъ съ собою зло, несетъ страданія, вызываетъ боли и жалобы; съ другой стороны, то, что нѣкогда она считала несомнѣннымъ зломъ, вдругъ приняло видъ несомнѣннаго „добра", вдругъ заговорило языкомъ несомнѣнной „правоты", требовало себѣ сочувствія, и нельзя было отказать въ немъ. Въ концѣ-концовъ, ясность различенія между „добромъ" и „зломъ" вдругъ исчезла, такъ какъ невидимо народилась цѣлая масса явленій, изъ которыхъ каждое было столь же виновно, сколько и право. Очевидно, не эти присные измѣнились въ своей сущности

(да какъ же этого не видать? Вѣдь, вотъ они, всѣ тутъ, налицо, живые!), а произошло что-то другое, народилось нѣчто „новое“, что сразу вышло изъ сферы ясности прежняго цѣльнаго міровоззрѣнія. Это нѣчто „новое“, непонятное, ввергающее въ недоумѣніе, потребовало созданія новаго міровоззрѣнія, новыхъ рамокъ, новаго мѣрила добра и зла... И притомъ это „новое“ было такъ объемисто, такъ глубоко захватывало всѣ основы жизни; оно было такъ неуловимо, порывисто, что не поддавалось уже никакимъ компромиссамъ, никакимъ сдѣлкамъ съ прежнею „совѣстью“, съ прежнимъ міровоззрѣніемъ. Въ такіе моменты внезапнаго нарожденія „новаго“ ничего нельзя себѣ представить болѣе печальнаго, жалкаго и трагическаго, какъ положеніе стариковъ, притомъ же не воспитанныхъ въ условіяхъ дисциплины ума, неспособныхъ быстро оріентироваться въ новыхъ сферахъ и невооруженныхъ противъ неожиданностей. Положеніе это, иногда трагикомическое, но всегда тяжелое и грустное, сразу вырываетъ у человѣка изъ-подъ ногъ, у самаго гроба, всю ту „гармонію жизни“, которою онъ жилъ, въ которой считалъ все яснымъ, опредѣленнымъ, понятнымъ, въ которой для него такъ ярко горѣлъ идеалъ несомнѣнной „правоты“. Не легко, не только у дверей гроба, но и въ зрѣлыхъ лѣтахъ, при полномъ обладаніи здоровьемъ и умомъ, вдругъ узнать, что твои вѣрованія и идеалы — уже устарѣлые идеалы, что твое мѣрило добра и зла стало коротко, неприложимо, фальшиво, что непремѣнно, вотъ сейчасъ, тутъ же надо взять въ руки новое мѣрило, если ты не хочешь остаться равнодушнымъ къ окружающимъ тебя болямъ, жалобамъ, страданіямъ, требованіямъ...

II.

Ульяна Мосевна была „благомысленная“ женщина деревенскаго міра, стараго закала, воспринявшая въ свою душу все то чистое, любовное, мирное, устойное, что только выработалъ народный романтизмъ въ суровую пору своей жизни; изъ того же великаго, неизсякаемаго, искони одухотворяющаго народъ, источника черпалъ свою силу и Минъ Аоанасьичъ. При этомъ условіи Ульяна Мосевна не могла не быть съ нимъ пріятельницей. Но оба они были далеко не одно и то же. Ульяна Мосевна была простая, недалекая женщина; къ тому, что она знала, впитала въ себя, невидимо, какъ чистая губка, изъ народной жизни, профильтровавъ все это въ своей безхитростной романтической душѣ,—она ничего не прибавила, не могла прибавить своего собственнаго; душа ея была именно только фильтръ, не придававшій тому, что чрезъ него проходило, ни собственнаго цвѣта, ни запаха, ни вкуса. Иное дѣло былъ другой народный романтикъ, Минъ Аоанасьичъ; хотя онъ почерпалъ свою силу изъ того же источника, что и Ульяна Мосевна, но онъ былъ вмѣстѣ и „творецъ“. „Народная правда“, прошедшая черезъ душу Ульяны Мосевны, въ своемъ чистомъ, безпримѣсномъ видѣ, не пригнетала его, не давила его самостоятельное творчество такъ фатально, какъ Ульяну Мосевну; постоянно опираясь на эту „народную правду“, онъ, тѣмъ не менѣе, въ данный моментъ, какъ беззавѣтный художникъ, властвовалъ надъ нею, вносилъ въ нее нѣчто изъ своего творчества, придавалъ ей каждый разъ своеобразный вкусъ и цвѣтъ. Онъ весь жилъ этою постоянно преобразуемою „народною правдой“; его маленькая голова ежеминутно работала надъ этими новыми формами правды, никогда не измѣняя ея сущности, и потому не было такого положенія, гдѣ бы и когда онъ не могъ оріентироваться съ этою „правдой“; много проходило предъ нимъ этихъ положеній, много вокругъ него падало подъ игомъ ихъ народныхъ романтиковъ, многіе впадали въ мрачный и отчаянный пессимизмъ, но для Мина Аоанасьича непрестанно сіяла эта „правда“, вѣчно юная, вѣчно живая, и непрестанно разукрашивалъ онъ ее цвѣтами воображенія и фантазіи. Были эти фантазіи, часто и очень часто, глупы, нелѣпы до очевидности, иногда больше раздражали, обостряли раны страдающихъ, за что эти страдающіе платили ему презрѣніемъ, насмѣшкой, даже негодованіемъ, но изъ-подъ этихъ нелѣпыхъ фантазій и разрисовокъ всегда сіяла все та же неувядаемая „правда“. Сколько уже людей, носителей „старой правды“, сгибло, извѣрилось въ эту „старую правду“ или заскорузло въ ней фанатически, когда измѣнились положенія и являлась необходимая поправка въ этой „старой правдѣ“; но въ то время, какъ эти люди упорно, въ отчаяніи силились удержаться за эту „старую правду“ и заскорузнуть въ ней, будучи не въ силахъ понять новыя положенія, — Минъ

Аѳанасьичъ уже творилъ „новую правду“... или нѣтъ, не *„новую правду“*: правда всегда оставалась неизмѣнной, въ какія бы путы и паутины ни была она заткана, — это неизбываемая *„правота въ себѣ“*, внутренняя правота собственнаго существованія всѣхъ труждающихся и обремененныхъ, ибо у народа только и есть правота производителей необходимыхъ потребностей жизни и правота романтика, какъ безкорыстнаго носителя и ратника „идеи“ этой правоты. Нѣтъ, не „новую правду“ творилъ Минъ Аѳанасьичъ, такъ какъ никакой „новой правды“ народъ сотворить не можетъ, а творилъ новыя формы ея. Вотъ въ этомъ-то и различались между собою два романтика: Ульяна Мосевна и Минъ Аѳанасьичъ. Этой способности творчества, этого умѣнья отрѣшаться отъ формы, не измѣняя содержанія, этого умѣнья въ новыхъ положеніяхъ открыть присутствіе неувядаемой „правды“ и не имѣла „благомысленная“ женщина Ульяна Мосевна. И вотъ, когда вмѣсто ясной, опредѣленной, понятной и разработанной столѣтіями „старой правды“ предъ нею выступили новыя положенія, повидимому, колебавшія эту правду до самыхъ основъ, любящая, романтическая натура ея подсказала ей только одно: что въ новыхъ положеніяхъ тоже нѣтъ ни правыхъ, ни виноватыхъ. Но итти дальше этого она не могла.

Не мало передумала своимъ непосредственнымъ умомъ Ульяна Мосевна за то время, когда надъ Волчьимъ поселкомъ пронеслась гроза и съ корнемъ сорвала столѣтній дубъ съ его вѣковыхъ устоевъ; но сколько она ни думала, она ничего не поняла въ Петрѣ—и рѣшила, что все это послано въ наказаніе за какіе-нибудь ихъ личные грѣхи. Но когда, возвратившись въ старый знакомый дергачевскій міръ, она увидѣла, что и тамъ вездѣ бушуетъ та же непонятная буря и также рушитъ старые „устои“, видимымъ образомъ разрушая прежнюю гармонію и не созидая вмѣсто нея никакой новой, она рѣшила, робко и скромно, съ болью въ сердцѣ: нѣтъ больше въ мірѣ правды!.. Но развѣ прежде, при крѣпостномъ правѣ, была правда для нея? Была: кромѣ общей, неувядаемой правды труждающихся и обремененныхъ, для нея существовалъ тотъ нравственный устой, который давалъ возможность ясно различать добро, ясно осязать страданія и итти на помощь; была возможность подвига, былъ смыслъ въ самоотреченіи, были смыслъ и возможность „идейной“ жизни для народнаго романтика. Этою возможностью, этимъ смысломъ жили милліоны „человѣческою жизнью“, полною значенія, и умирали въ сознаніи этого „значенія“, какъ люди, а не какъ подъяремные скоты. И вдругъ эта правда исчезла, стала непригодной, ненужной и—почемъ знать?—(она могла судить по Петру, по всей исторіи со своей семьей), можетъ быть, она уже приноситъ зло, вмѣсто добра, вызываетъ страданія вмѣсто исцѣленія. Вотъ она и пошла на проломъ за эту „старую правду“, она не щадила ни силы, ни энергіи, ни достатковъ, она все отдала на эту борьбу противъ племянника, и что же получилось въ концѣ? Хипа спился, озлобился; озлобилась его жена Прасковья; нелюдимъ сталъ Вахромей, сталъ бояться міра, улицы; сталъ „обособляться“, чтобы только не тронули, даже дѣтей держитъ въ сторонѣ отъ улицы. А что сталось съ Вонифатіемъ, вдругъ оторвавшимся отъ прежнихъ устоевъ, съ солдаткой Синклетеей? Что станется съ ея ребятишками? Кто же виноватъ? Петръ? Да виноватъ ли онъ, полно? Развѣ не добра онъ имъ хотѣлъ? Развѣ бы ихъ не могли также разорить, но уже другіе, „чужіе“, напримѣръ, барыня, которая уже и намѣревалась это сдѣлать, не подоспѣй Петръ и не спаси ихъ имущество? Что-бы они стали противъ нихъ, противъ этихъ чужихъ, дѣлать? Также искать правды? но нашли ли бы они ее? Ужъ если не нашли тутъ, то тѣмъ паче не нашли бы тамъ... И, навѣрное, погибли бы они еще хуже, и еще больше было бы зла и страданій. Развѣ не знала она такихъ примѣровъ, гдѣ погибали смирные старые люди отъ „чужихъ“ людей? А покорись она вмѣстѣ съ Петромъ, съ этимъ человѣкомъ, знающимъ все въ новыхъ положеніяхъ, можетъ быть, знающимъ уже и „новую“ правду, покорись они его уму, кто же бы ихъ разорилъ такъ легко тогда? И столько было бы избѣгнуто золъ и страданій!.. Такъ думала Ульяна Мосевна, у которой уплывала изъ рукъ „старая“ правда, терялся смыслъ жизни; такъ безпомощно работалъ ея мозгъ, силясь постигнуть и разобраться въ новыхъ положеніяхъ, но не имѣя силъ, чтобы создать для себя „новую правду“. Да и когда же создать ее? Если на выработку „старой правды“ потребны были столѣтія, то почему же на

созданіе „новой правды" достаточно должно быть два десятилѣтія? И если уже въ недоумѣніи между старою и новою правдой остановилась Ульяна Мосевна, то сколько милліоновъ деревенскихъ людей, завѣдомо хорошихъ, этой деревенской старой интеллигенціи, стоятъ теперь въ томъ же недоумѣніи, растерявшіеся, потерявшіе смыслъ жизни, ушедшіе въ себя, боязливые, бѣгущіе „мірской улицы", на которой нѣкогда они чувствовали себя какъ дома, въ которой все понимали, и въ которой теперь все стало *выше* ихъ пониманія? Ибо въ данный моментъ жизнь поставила задачи столь глубокія и великія, которыя не стояли никогда передъ „старою правдой"... И когда же все это совершилось? Совершилось—когда такъ еще недавно „старая правда" торжествовала и ликовала, обѣщая освобожденіе для всѣхъ труждающихся и обремененныхъ!

Много передумала обо всемъ этомъ Ульяна Мосевна. Часто вспоминала она Еремѣя Еремѣича Строгаго: вотъ то ли не „умственный человѣкъ" былъ, то ли не человѣкъ „старой правды", а что сдѣлалъ? Ушелъ отъ міра, отъ своихъ, ушелъ въ городъ, какъ себялюбецъ, не захотѣлъ заодно съ міромъ тяготу нести. А еще лучше: какъ онъ отнесся къ горю ихъ семьи, когда они изнемогали въ тяжбѣ? „Да, говоритъ, дѣла!" Вотъ и онъ такой же, и онъ не знаетъ, что дѣлается съ народомъ. „Конечно,—думала Ульяна Мосевна, — много - много несправедливости надъ народомъ, жмутъ все еще бары, жмутъ кулаки - купцы, поборы большіе, мало у крестьянина земли и лѣсу; все это такъ, да съ *самимъ*-то народомъ что дѣлается? Вѣдь, при барщинѣ, житье не лучше было, а народъ былъ не такой, дружнѣе жилъ, ровнѣе, тѣснѣе... Что говорить! Были и тогда драки, несправедливость была, да, вѣдь, видно было, изъ-за чего эта драка и кто въ ней виноватъ, кто правъ, и несправедливость была для всѣхъ явнѣе: ежели несправедливый человѣкъ и дѣлалъ несправедливое дѣло, такъ онъ и самъ зналъ, что несправедливое дѣло дѣлаетъ. Ты ему скажешь, а у него одинъ отвѣтъ: „а вотъ хочу такъ, и дѣлаю!" Тутъ явное дѣло, что человѣкъ только „нравомъ" да нахрапомъ беретъ, а нынче... Развѣ Петръ ей такъ отвѣчалъ?"

Когда два года тому назадъ семья Мосея Волка изнемогала въ тяжбѣ съ племянникомъ и братомъ, Ульяну Мосевну съ ея близкими еще поддерживала вѣра въ „старую правду"; она говорила тогда, несмотря на всѣ испытанія: „ежели бы не знать, что у Бога правду сыщешь, лучше бы въ гробъ лечь"; теперь же она чувствовала, что и сама „старая правда" стала безсильна...

Все это она думала и передумывала и въ этотъ вечеръ, все съ тѣмъ же безнадежнымъ результатомъ въ концѣ, съ тѣмъ же скорбнымъ покачиваніемъ головы.

На улицѣ уже темнѣло все больше и больше, а мосеевцы все еще хорошенько не знали, что случилось въ дергачевскомъ міру, хотя они по прошлогоднимъ подобнымъ же исторіямъ и предполагали, въ чемъ могло быть дѣло. Они все поджидали, не зайдетъ ли кто съ улицы. То Вахромей, то Ульяна Мосевна выглядывали въ волоковое окно, но, кромѣ все больше и больше таявшей въ сумеркахъ толпы, какъ темныя волны качавшейся вдалекѣ, никого не видали. Вотъ, наконецъ, отъ толпы остались только чуть видные силуэты небольшихъ разорванныхъ грушъ.

— Что это Прасковья нейдетъ съ Хипой? Вѣдь, ужъ поди часа два, какъ она за нимъ побѣжала,—сказала Ульяна Мосевна.

— Не набѣдилъ бы чего,— прибавилъ Вахромей.—Вѣдь, оно, въ толпѣ-то, что на водѣ: снесетъ въ омутъ — и не почуешь.

— Спаси Господи, Мать Пресвятая Богородица, по сушѣ странствующихъ, по водамъ плавающихъ... Долго ли человѣку до бѣды! — благочестиво шептала Ѳеклуша.

Но вотъ послышались тяжелые и нетвердые шаги, затѣмъ какое-то ворчанье, и въ избу стала валиться, держась за косяки, могучая туша Хипы безъ шапки, въ поддёвкѣ на одну правую руку, съ осовѣлыми глазами и уставшимъ лицомъ.

— Куда лѣзешь, медвѣдь, говорю?.. Ступай въ избу да дрыхни!.. Куда ты теперь годишься?—кричала сзади Прасковья, держа въ одной рукѣ мужнину шапку, а другою силясь вытащить его назадъ.

— Оставь его, Паша,—сказала Ульяна Мосевна,—дай, отсидится немного... Что съ него взять?

— Ну, ступай, сиди,—толкнула мужа на лавку Прасковья и сама тотчасъ же опустилась на другую, съ истомленнымъ лицомъ, поправляя на головѣ платокъ.

— Охъ, батюшки мои!.. Охъ, силъ нѣтъ!.. Изъ моченьки выбилась!—выговаривала она, задыхаясь отъ одышки.— Охъ, проклятые! Охъ, ненавистники! Охъ, головорѣзы!—повторяла она.

Всѣ такъ ясно понимали эти вздохи, что никто и не думалъ о нихъ спрашивать у Прасковьи, а тѣмъ болѣе разспрашивать ее о томъ, что было, такъ какъ, навѣрное, отъ нея услыхали бы больше причитаній и крѣпкихъ словъ, чѣмъ дѣла.

— За-аду-шу... всѣхъ за-аду-шу-у!.. Вотъ какъ возьму, какъ поро-сенка...— ворчалъ между тѣмъ Хипа, сидя на лавкѣ и склонивъ безпомощно державшуюся на шеѣ голову. Онъ вытягивалъ кулакъ и, скрипя зубами, что придавало его широкому, добродушному лицу больше комическое, чѣмъ устрашающее выраженіе,— показывалъ видъ, какъ бы душилъ поросенка.

— Сиди!—крикнула на него Прасковья,— ворчи тамъ! Нажрался зелья-то и развозился, что пьяный медвѣдь!.. Довалился бы ужъ до берлоги-то!.. Задушишь!.. Какъ же! Передушишь ихъ всѣхъ-то, ненавистниковъ!.. Развѣ сами себѣ горло перегрызутъ—одна надежда!

— Пере-е-душу-у! Всѣхъ передушу!— вдругъ заоралъ Хипа, протянулъ руки, оглянулъ всѣхъ мутными глазами, вскочилъ и опять повалился на лавку.—Подай ихъ... А-а! По-о-длыя души... Вишь, за окномъ прячутся... Я васъ разыщу-у-у!— ворчалъ онъ, съ неизбѣжнымъ уснащеніемъ каждой фразы цѣлымъ потокомъ крѣпкихъ словъ.

— Али его кто раздразнилъ?—спросила Ульяна Мосевна.

— Кто? Извѣстно кто!.. Петрушку увидалъ...

— Да развѣ онъ пріѣхалъ?—спросила съ невольнымъ изумленіемъ Ульяна Мосевна, такъ какъ извѣстно, что Петръ въ Дергачахъ, со времени пріѣзда изъ Москвы и поселенія въ барской усадьбѣ, еще не заявлялся.—Да къ кому онъ? Съ кѣмъ?

— Къ кому? Не къ намъ... небойсь! Рыло-то тоже, чай, стыдно показать нищимъ-то... Они по насъ не ѣздятъ... Къ Пимановымъ проѣхали, на праздникъ, вишь, съ Графскимъ Митродоромъ...

— Зачѣмъ онъ?—все въ большемъ недоумѣніи спрашивала Ульяна Мосевна.

— А я почемъ знаю!.. Спроси поди!.. Что имъ, подлецамъ! Ѣздятъ въ шарабанахъ, да нищимъ глаза мозолятъ!.. Имъ что! Имъ еще любо, что у нищихъ-то отъ зависти слюни текутъ, на нихъ глядя, что они отъ злости въ кабакѣ винищемъ полоскаются... Имъ что, подлецамъ!.. Не ихъ бокамъ достается... У нихъ жеребцы хорошіе! Какъ начала вольница-то, спьяна да съ досады, въ мертвую голову бунтовать на улицѣ, такъ они, небойсь, жеребца-то поворотили, да черезъ задворки... Проклятые!.. Кровопійцы!—сыпала безостановочно раздраженная, нервная, грубая Прасковья.

— Переду-ш-у-у! Всѣхъ передушу!— вторилъ ей Хипа.

— Да и надо бы... Все одно отвѣчать-то!.. Авось жадность поукротили бы... Сама бы своими руками смазливую-то рожу исцарапала!—неистовствовала Прасковья, —каломъ бы всѣ ихъ пенжаки-то облѣпила!.. Ходи! Гуляй тогда!.. Ищи богатыхъ невѣстъ!.. Ха-ха-ха!—и Прасковья захохотала нервнымъ, болѣзненнымъ, нехорошимъ смѣхомъ.

— Ну, полно-се, Паша!.. Ишь ты разгасилась! — сказала Ульяна Мосевна.— Пойдемте-ка и въ самомъ дѣлѣ, я васъ провожу; ложитесь-ка со Христомъ... Сонъ все покрываетъ!.. Бери мужа-то, а вы, ребятки, пойдемте со мной... Я васъ провожу... Темно, вѣдь,— говорила она дѣтямъ Хипы.—Пойдемъ, Ѳеклуша.

— Ну, медвѣдь! Поворачивайся!—толкала Прасковья уже задремавшаго Хипу.— Ну, вались, ступай къ женѣ подъ бокъ, пока въ губу кольцо не продѣли... Глядишь, и не почуешь, какъ съ эдакой битвы въ тюрьму угодишь!.. Вѣдь, имъ, подлецамъ, что до того, что медвѣдь съ женой спать не будетъ? Охъ, ты, горе мое!—говорила Прасковья съ какою-то болѣзненно-отчаянною ироніей.—Ну-ка, помогите, родные,—обратилась она къ сидѣвшимъ.

Молчаливый Вахромей всталъ и, не выпуская изо рта трубку, подхватилъ, не говоря ни слова, Хипу подъ правое плечо, а Ѳеотимычъ, кряхтя, схватился обѣими руками за лѣвую его руку, и Хипу благополучно сволокли за ворота.

Хипа былъ дѣйствительно очень похожъ на медвѣдя, у котораго разорили зачѣмъ-то берлогу, въ которой цѣлыми столѣтіями и цѣлыми поколѣніями его прапрадѣдовъ все было такъ плотно уложено, укладено и облежано, такъ мягко и тепло лежалось. И вотъ теперь, зачѣмъ-то побезпокоенный, смирный и неповоротливый Михаилъ Иванычъ, выпуча глаза, ничего

не понимая, носился по лѣсу, безъ пути ломалъ сосны, безъ пути бросался на проходящихъ, такъ какъ всѣ ему казались виноватыми въ непонятной и непостижимой ему невзгодѣ. И будетъ онъ носиться до тѣхъ поръ, пока вновь не попадетъ на глубокую, всю усѣянную на днѣ, какъ пухомъ, сухими листьями яму, и, свалившись въ нее, почувствуетъ, что стало опять тепло, уютно, улежно и, главное, никто опять долго его не увидитъ и не побезпокоитъ.

У воротъ избы Хипы Ульяна Мосевна передала ребятишекъ Ѳеклушѣ и, не надѣясь уже получить отъ Прасковьи какія-либо болѣе точныя свѣдѣнія объ уличной исторіи и о Петрѣ, она пріостановилась, посмотрѣла вдоль улицы, по которой изъ оконъ еще мелькали огни и двигались еще чьи-то тѣни, и подумала, къ какому бы человѣку получше зайти. Кто же для нея могъ быть лучше Мина Аѳанасьича? Сказавъ въ окно Вахромею, что она зайдетъ не надолго къ Мину, она направилась на другой конецъ деревни.

На улицѣ уже стояла полная тишь, и мракъ осенняго вечера сгущался все больше и больше, какой-то мглистый, пронизывающій, влажный и холодный; огни въ темнотѣ горѣли ярко и падали изъ маленькихъ оконъ избъ полосами черезъ дорогу. Вмѣстѣ съ влажностью поднимались и плыли по улицѣ пары отъ свѣжаго навоза. То тамъ, то здѣсь со дворовъ слышались фырканье лошадей, похрюкиванье свиней и стукъ отъ ударявшейся, въ темнотѣ дворовъ, о стѣны скотины. На улицѣ всякій звукъ слышался отчетливо, рѣзко. Слышно было, какъ въ однѣхъ избахъ ужинавшіе хозяева говорили медленно, протяжно, прожевывая пищу. Только въ большой шестиоконной избѣ Пимановъ, освѣщенной керосиновою, висѣвшею съ потолка, лампой, отъ которой яркій колыхающійся свѣтъ широкою полосой освѣщалъ противоположную половину деревни, слышался громкій разговоръ Андрона и Сергѣя, перебивавшихъ другъ друга, и старосты Макридія. Хозяева и староста сидѣли за самоваромъ. Вотъ, навстрѣчу Ульянѣ, шелъ тихо кто-то пьяный, качаясь и едва двигая ногами, остановился, посмотрѣлъ на Ульяну и, выругавшись, прошелъ дальше. Вотъ отъ чьихъ-то воротъ отдѣлились двѣ фигуры, вышли на средину улицы, и вдругъ въ сумеркахъ раздались звуки гармоники. Это шелъ съ кѣмъ-то, — но съ кѣмъ, именно, Ульяна Мосевна не разглядѣла, — наскучившій фабрикой Прошка. Онъ игралъ на гармоникѣ, пѣлъ, говорилъ и смѣялся въ одно и то же время.

— Ахъ ты, удивительная, восхитительная! Изъ кусточковъ шла, сапожки нашла! — пѣлъ Прошка и затѣмъ, захохотавъ, говорилъ: — Весьма хорошо вышло!.. Ве-есьма даже... занятно! Ха-ха-ха!.. А то заспались безъ на-асъ... Да-а!.. Заспались, старички, безъ на-а-асъ!..

И опять выдѣлывалъ трели на гармоникѣ:

Ахъ, изъ кусточковъ шла,
Сапожки нашла,
Сафьянненькіе.

— И изъ-за чего, братецъ мой!.. Предположительно, что ровно не изъ чего... Такъ, истинно позаспались всѣ... Кровь разбить!.. Да, вѣдь, всѣ... Старухи — и тѣ... Хипа завозился... Разожгли старичковъ!..

— Все Борисъ, — сказалъ спутникъ.

— Что Борисъ! говорю: заспались... Полировку надо было въ кровь пустить... Конечно, тоска, скука здѣсь... Какое удовольствіе!.. Это вотъ на фабрикахъ, — выйдешь въ праздники, музыка, пѣсни, развлеченіе... А здѣсь...

И опять гармоника:

Ахъ, сафьянненькіе...
Чулочки нашла,
Со стрѣлочками...
Ахъ ты, удивительная,
Восхитительная!

— Все раскольникъ это... Мишка Раскольниковъ теперь разжегся на „стоянья“ такъ, что... Мы, братъ, это очинно понимаемъ, ежели въ эдакомъ часѣ тронуть!.. Упаси Богъ!.. Ни отецъ родной, ни мать родная — никто... Потому кровь крови проситъ! На кровь просится! Ежели, теперь, кровь на кровь просится и ежели ей помѣху сдѣлать — въ эдакомъ разѣ она на все бросится, а свое возьметъ... Вотъ, посмотри, у него съ отцомъ даромъ это не пройдетъ... У насъ родители очинно строги были, но что касательно „стоянья“, ежели парень съ дѣвкой „стоятъ“ — никогда чтобы препятствовать... Потому безъ помѣхи — либо сама кровь отойдетъ, либо свадьба будетъ... Ну, только ежели помѣха...

Ахъ, чулочки нашла,
Со стрѣлочками...

— А Петька-то Вонифатьевъ, — продолжалъ Прошка, — фа-а-арсистъ, братъ!.. Надо бы его въ науку...

— Онъ далеко пойдетъ... Его не загонишь,—прибавилъ спутникъ.

— А Анюткѣ Пимановой за нимъ быть!.. Это ужъ какъ пить дать!.. Янька пиши отпускную! Потому теперича, послѣ такого, можно сказать, происшествія, ему пропишутъ Пиманы-то...

Гдѣ жъ сапожки нашла?
Гдѣ чулочки нашла?
Я вдоль улицы шла,
Подъ кусточки зашла...

Звуки гармоники и голоса постепенно пропадали вдали. Ульяна Мосевна нарочно пріостановилась и прислушалась, что говорили парни; спачала она мало поняла, но когда Прошка сказалъ, что Анюткѣ быть за Петькой, Ульяна Мосевна невольно перекрестилась и пошла дальше. Почему она перекрестилась — радовалась ли она этому, или же открещивалась, какъ отъ бѣды,—она и сама не знала хорошенько. Просто въ ней сказалась вдругъ старая привязанность къ племяннику, котораго растила она сиротой, какъ родная мать; и вотъ она перекрестилась теперь такъ же, какъ крестилась при каждомъ важномъ актѣ его жизни, когда онъ былъ близокъ къ ней.

Ульяна Мосевна дошла до двужильной избы Мина Аѳанасьича. Въ первой половинѣ, у его брата, должно быть, уже всѣ спали. Огонь свѣтился только на половинѣ Мина Аѳанасьича, откуда раздавался громкій, суровый голосъ его жены, очевидно, ругавшей Мина. Ульяна Мосевна невольно пріостановилась, прислушалась и задумалась, итти ей или нѣтъ.

III.

— Ну, что, уличные скоморохи? Что? Спраздновали свадьбу на улицѣ? Вишь, какое веселье было! а? У кого такія свадьбы бываютъ? Натко-сь, вся улица пировала!.. Еще бы, никто другой—скоморохи уличные свадьбу играли! Чему другому и быть!—говорила однообразнымъ басистымъ тономъ Ѳедора, гудя словно майскій жукъ, попавшій въ комнату въ открытое окно.

— Ахъ вы, скоморохи! Долго ли вамъ добрыхъ-то людей смѣшить?—вдругъ подходила она къ столу, за которымъ сидѣли мужъ и сынъ, и внезапно поднимая выше тонъ, какъ тотъ же жукъ, стучавшійся то въ стѣны, то въ потолокъ:—хорошее дѣло придумали, что говорить! Пора бы за умъ хватиться... Пора бы къ хорошимъ людямъ, а не къ пьяной улицѣ поближе стать... Да, вѣдь, милые мои, надоть бы прежде рыло-то суконное вымыть! Вѣдь, прямо съ улицы-то въ грязныхъ лаптяхъ въ чистые-то хоромы не пускаютъ... Вишь, разлетѣлись!.. Вѣдь, Пиманы-то, други любезные,—люди, хозяйственные крестьяне, а не уличные шатуны... Вѣдь, Пиманъ-то...

И вдругъ Ѳедора, не докончивъ словъ, мѣняла тонъ и жужжала уже ироническою пѣвучею мухой.

— Стыдъ-то я съ вами потеряла!.. Голову свою загубила!.. Ну, какъ я теперь на улицу покажусь?.. Ну? Что я скажу?.. Поздравлять станутъ: „поздравляемъ-де, молъ, Ѳедора Васильевна, съ нареченнымъ“... Ну, что мнѣ говорить? Что я скажу? Ну, совѣтуйте, учите!.. Ну-у... У-у, оглашенные! — неожиданно заканчивала она уже опять басомъ.

Но, странное дѣло, какъ ни измѣняла тонъ Ѳедора Васильевна, какія рулады ни выдѣлывалъ ея голосъ, она не дождалась ни обычныхъ „рацей“, ни внезапныхъ взрывовъ Мина Аѳанасьича, ни обычной добродушной улыбки отъ Яньки, которая неизмѣнно витала на его лицѣ во время войны между отцомъ и матерью. Это, наконецъ, она замѣтила и даже съ безпокойствомъ, не переставая жужжать, стала внимательно всматриваться въ ихъ лица.

Яня сидѣлъ за столомъ, надувшись, какъ большой ребенокъ, у котораго отняли куклу: ему какъ будто уже и самому стыдно, что онъ по такимъ пустякамъ капризничаетъ, хочется ему разыграть уже взрослаго, и въ то же время непонятная, еще дѣтская связь съ игрушками, которыя доставляли еще вчера такъ много удовольствія, невольно заставляла ребячески дуться. Онъ сидѣлъ, опустивъ носъ, и неохотно жевалъ хлѣбъ.

Минъ Аѳанасьичъ сидѣлъ по другую сторону стола и моргающими глазами смотрѣлъ то въ одинъ уголъ избы, то въ другой, стараясь избѣгать взглядовъ жены. Отъ времени до времени онъ то потиралъ кулакомъ поясницу, то всею спиной чесался о стѣну. Маленькое лицо его свѣтилось попрежнему; попрежнему, казалось, сіяли его большіе, добрые сѣрые глаза тою вызывающею веселостью, съ которой онъ привыкъ встрѣчать обрушивавшіеся на него суровые упреки „солидныхъ людей“. Тѣмъ не менѣе, однако, было замѣтно, что онъ весь какъ-то

съежился; иногда по его лицу пробѣгало выраженіе усталости и полнаго изнеможенія, какъ будто онъ весь былъ подъ тяжестью какого-то непонятнаго угнетенія. Такъ бываетъ, когда человѣкъ, давно уже привыкшій къ извѣстному явленію, къ которому всегда относился подозрительно, неожиданно узнаетъ, что оно имѣетъ значительно бо̀льшіе размѣры, чѣмъ онъ предполагалъ. Нѣчто подобное было и съ Миномъ Аѳанасьичемъ. Давно, цѣлый свой вѣкъ провелъ онъ подъ непрерывнымъ угнетеніемъ деревенскаго „хозяйствованія“, которое съ самаго момента его рожденія обрушилось на него всею тяжестью, всевозможными способами давало знать о себѣ, всѣми самыми ничтожными мелочами деревенскаго обихода неуклонно кричало о своей силѣ, о своемъ значеніи, грозило, за легкомысленное отношеніе къ нему, всѣми житейскими кознями, болѣзнями, униженіями, холодомъ и голодомъ, душило всякую малѣйшую попытку мятежнаго духа вырваться изъ-подъ его гнета, — все это зналъ Минъ Аѳанасьичъ и со всѣмъ этимъ дѣтски-наивно воевалъ; но онъ не предполагалъ, чтобы разгулъ этого „хозяйствованія“ сказался вдругъ такъ жестко, такъ грубо, въ то время, когда Минъ Аѳанасьичъ такъ давно уже жилъ надеждой, что этой жесткости и суровости положенъ конецъ. И вотъ этотъ разгулъ хозяйствованія, неожиданно сказавшійся, лишь только его потревожили, въ то время, когда онъ уже укладывался было въ мирныя и мягкія формы,—этотъ-то внезапный разгулъ и угнеталъ Мина Аѳанасьича, какъ внезапно вдругъ пригнетаетъ къ землѣ ударъ молніи въ ясный, веселый день, при свѣтломъ, чистомъ небѣ, по которому весело неслись только бѣлыя, молочныя облака. И, вѣдь, ни Мина, ни Яни никто не оскорбилъ, никто прямо не насмѣялся имъ въ лицо, какъ это можно предположить изъ словъ Ѳедоры Васильевны: ничего подобнаго не было. Когда Минъ Аѳанасьичъ, услыхавъ крики Пимана, увидалъ безобразную драку у воротъ Пимановой избы, онъ на первый разъ закричалъ: „Батюшки-свѣты!.. Да что вы, отцы родные! Господи милостивый!..“—и бросился было разнимать, но когда, тутъ же оттолкнутый кѣмъ-то въ грудь, всмотрѣлся въ безобразную, барахтающуюся кучу тѣлъ, когда разсмотрѣлъ остервенившіяся лица дѣтей Пимана, Андрона и Сергѣя, уже прижимавшихъ колѣнками грудь, плечи, руки и ноги валявшагося Бориса, злое лицо котораго смѣялось такимъ нехорошимъ смѣхомъ, когда увидалъ Пимку-внука, бросавшагося, какъ щенокъ, истерзаннаго Алешку, наконецъ, самого Пимана, дрожавшаго отъ гнѣва и старости, сердитую Катерину Петровну,—онъ надвинулъ на уши шапку и пошелъ домой, не обертываясь, повторяя вслухъ: „Ну, какъ хотите!.. Богъ съ вами!.. Какъ хотите!.. Не намъ ужъ, вамъ жить... Какъ хотите!“ По дорогѣ онъ увидалъ Яньку, который стоялъ на углу прогона, прислонившись къ чьей-то избѣ, и, какъ будто забывшись, разсѣянно перебиралъ лады гармоники, словно не замѣчая, что это было вовсе не кстати. „Пойдемъ, Янька, домой!“—зачѣмъ-то сказалъ, мимоходомъ, старикъ, все потряхивая головой, какъ будто въ ней что-то стало неловко. И Янька почему-то, тоже не зная зачѣмъ, пошелъ за отцомъ нога за ногу. Съ крестьяниномъ вообще бываетъ такъ, а съ непосредственными натурами тѣмъ чаще, что иногда онъ рѣшительно не въ силахъ разобраться и понять самые бьющіе въ глаза факты и упорно лѣзетъ на рожонъ; напротивъ, другой разъ весь преисполняется такою чуткостью, что вдругъ безсознательно проникаетъ интимную глубину самыхъ сложныхъ явленій. Онъ ничего не можетъ объяснить въ нихъ, не можетъ ясно проанализировать даже для себя эти явленія, но внутренняя чуткость говоритъ въ немъ сильнѣе всякихъ доводовъ разсудка.

Вотъ это-то неопредѣленное ощущеніе неполноты въ прежней цѣльности и округленности, такъ неожиданно сказавшееся въ этотъ вечеръ, и угнетало Мина Аѳанасьича; оно-то сразу и обезсилило его. На выкрики жены онъ не обращалъ никакого вниманія; они его только начинали раздражать, какъ раздражаетъ жужжащій подъ ухомъ комаръ, онъ уже начиналъ сердится и, можетъ быть, между ними произошла бы обычная баталія съ ухватами, кочергами и прочими орудіями, всегда такъ смѣшившая Яньку, какъ въ избу вошла Ульяна Мосевна. Минъ Аѳанасьичъ сначала всматривался въ нее, не узнавая, пока она молилась, и вдругъ въ его глазахъ что-то блеснуло яркое, веселое, мягкое, сердечное, потомъ все это разлилось по маленькому лицу, по лучистой бородкѣ, по широкимъ губамъ, по жиденькимъ растрепаннымъ волосамъ, изъ-подъ которыхъ свѣтилась желтоватая лысина, и онъ сказалъ:

— А, благомысленная жена!

И, сказавъ это, моргнулъ, улыбнулся и съ особеннымъ уже удовольствіемъ почесалъ кулакомъ поясницу. Сразу повернулся на мѣстѣ и Янька, какъ будто съ тряской мостовой, по которой онъ ѣхалъ, телѣга свернула на гладкую и ровную дорогу. Сразу измѣнила выраженіе лица и Өедора. Такъ всегда, въ минуты неопредѣленныхъ томленій и тяжелыхъ отношеній между близкими, бываетъ пріятно появленіе добраго гостя, съ которымъ каждый любилъ не разъ говорить по душѣ и который съ одинаковымъ вниманіемъ относился къ жалобамъ, болямъ и горю каждаго.

— Здравствуйте... Ишь, я какъ поздно!.. Не взыщите,—сказала Ульяна Мосевна.

— Здравствуй, Ульяна Мосевна... Что за взыски? Хорошему человѣку всегда рады,—перемѣнила опять тонъ Өедора Васильевна на жалобный и плаксивый и стала вытирать рукой столъ, зная, что Ульяна Мосевна была чистоплотная женщина и могла худо отозваться объ ея хозяйственности.

— Что дѣлается-то, что дѣлается!—сказала Ульяна Мосевна, присаживаясь къ Мину Аѳанасьичу на скамью и покачивая головой.

— Война, — улыбнувшись ей какъ-то особенно любовно, съ прежнею вызывающею беззавѣтностью отвѣтилъ Минъ Аѳанасьичъ.—Вездѣ война... Вотъ и мы съ женою все воюемъ... Чѣмъ бы Богу молиться, а мы, дураки, воюемъ!.. Вотъ ужъ сколько лѣтъ отбиваюсь!.. Думаю, вотъ миръ, анъ...

— Да ужъ пора бы вамъ перестать... Старики ужъ, а все пустымъ дѣломъ занимаетесь, — замѣтила Ульяна Мосевна, шутя.

— Да, вѣдь, Мосевна, что мнѣ съ нимъ дѣлать-то? — вдругъ запыла Өедора. — Вѣдь, голубушка, все думается, авось въ умъ придетъ.

— Ужъ гдѣ, Васильевна, на старости лѣтъ мѣняться? Трудно, мать, это... Ужъ тебѣ бы оставить надо... Изъ стараго молодого не сдѣлаешь.

— Да мнѣ-то плевать на него, одра эдакаго, да вѣдь, сынъ растетъ... Надо ли ему человѣкомъ быть?.. Въ отца, что ли, ему быть? Вѣдь, ему жить надо!—плакалась Өедора.

— Богъ дастъ, и онъ человѣкъ будетъ: въ кого ему худымъ быть?—прибавила больше для утѣшенія Өедоры Ульяна Мосевна, мало, повидимому, интересуясь ея давно знакомыми всѣмъ въ Дергачахъ жалобами, и тотчасъ же обратилась къ Мину Аѳанасьичу:

— Ну-ка, Минъ Аѳанасьичъ, ты то скажи, что въ мірѣ-то дѣлается, а? Правда-то гдѣ? Правды-то, вѣдь, въ мірѣ не стало: оттого ли, что всѣ мы виноваты, али оттого, что ужъ и виноватыхъ нѣтъ—не знаю.

— Правота есть,— проговорилъ Минъ Аѳанасьичъ,—неправотой, можетъ, только сказывается,—какъ-то необычно робко добавилъ онъ.

— Да какая же это правота, ты то подумай: люди дерутся, отецъ на дѣтей, братья на братьевъ... А виноватаго нѣтъ!.. Какъ же это? Вѣдь, это, по-старинному, говорятъ, послѣднія времена...

— Можетъ, и послѣднія... неправотѣ!—сказалъ Минъ Аѳанасьичъ и какъ-то конфузливо улыбнулся.—Можетъ, ей предѣлъ пришелъ... Дальше куда пойдешь?.. Дальше нельзя (Минъ Аѳанасьичъ пріостановился)... Дальше нельзя,—повторилъ онъ еще разъ.

— Ну, а это какъ же, что всѣ правы, что виноватаго никого нѣтъ? Коли правотѣ сказаться, такъ и виноватый былъ бы и правый виденъ... А мы всѣ себя правыми почитаемъ. Это какъ же? Вѣдь, вотъ, взять хоть бы старое время: грѣха было тоже не мало... Всѣ грѣшны были... Развѣ тоже жадности, али злобы, али обмановъ, зависти, али жестокосердія не было? Все было... Да зато же всякій, по грѣхамъ своимъ, и каялся... Развѣ кто себя въ грѣхѣ правымъ почиталъ? Бывало, другой мужикъ жадничаетъ-жадничаетъ, безобразитъ-безобразитъ, а придетъ смертный часъ, али бы такъ—очухается вдругъ—возьметъ, да все и раздастъ, что на жадничалъ, по людямъ или въ храмъ Божій, Богу пойдетъ молиться... „Простите, скажетъ, православные христіане, грѣшенъ! великій я грѣшникъ!“ А почему такъ? Значитъ, неправоту свою восчувствовалъ... Али вотъ тоже другой мужичокъ запьянствуетъ, отъ хозяйства отобьется, ребятишекъ, жену броситъ, гуляетъ-гуляетъ, а все вернется назадъ, да міру-то въ ноги, и женѣ-то, и ребятишкамъ... Опять, значитъ, неправоту восчувствовалъ. А нонѣ? Нутка-сь, Минъ Аѳанасьичъ, пораздумай: кто нонѣ себя виноватымъ считаетъ? Да въ чемъ, скажетъ, я неправъ? Въ чемъ мнѣ каяться-то? Ну, точно, есть такіе жадные мужики, что вонъ въ волости жрутъ да пьютъ,

да съ живого и мертваго дерутъ, ну, тѣ точно — больше отъ нахрапу такъ говорятъ... А, вѣдь, другого возьмешь — и точно, подумаешь: да и вправду, виноватъ ли онъ? Въ чемъ ему каяться-то? Посмотри кругомъ — всѣ такіе: всѣ заѣлись, задрались, и люди-то всѣ хорошіе, кажись; кабы были виноваты, покаялись бы сами, сами бы очнулись, а всѣ правы! Всѣ правы, а правды нѣтъ! Это что значитъ?

И Ульяна Мосевна съ искреннимъ недоумѣніемъ смотрѣла на Мина Аѳанасьича: видимо, все, что она говорила, было слишкомъ хорошо ей знакомо, слишкомъ тяжело лежало на сердцѣ. Но видно было также, что она пришла сегодня къ Мину Аѳанасьичу если не для того, чтобы получить разрѣшеніе своихъ недоумѣній, то хотя бы душу отвести съ нимъ. Она знала, какъ умѣлъ это дѣлать Минъ Аѳанасьичъ съ своею обычною беззавѣтностью. Бывало, сейчасъ же подхватитъ и заговоритъ, заговоритъ... И чего только онъ ни наговоритъ, а въ концѣ выйдетъ легко на душѣ: какъ бутто онъ и дѣйствительно разрѣшилъ всякія недоумѣнія. Такою ужъ отъ него всегда вѣрой отдавало. Недаромъ говорилъ про него Ермилъ изъ Груздей: „И знаешь, что не надо бы его слушать, а вѣришь, хочешь не хочешь, а вѣришь“. И вотъ сегодня Минъ Аѳанасьичъ молчалъ, и какъ будто чѣмъ дальше говорила Ульяна Мосевна, тѣмъ онъ больше робѣлъ, какъ будто къ тому угнетенію, которое уже лежало на немъ, Ульяна Мосевна съ каждымъ словомъ прибавляла все новыя и новыя гири. Это невольное, необычайное молчаніе было даже для него самого какъ-то не въ порядкѣ вещей, и онъ то теръ глаза, то бороду, то клалъ руки на столъ, то опять сжималъ, то потихоньку перхалъ и крякалъ, какъ овца, шевелилъ губами, постоянно думая что-нибудь сказать, и не говорилъ ничего, какъ будто всѣ слова, которыя онъ зналъ, были все неподходящія, *старыя*, которыхъ не хотѣлось повторять.

— Какъ же это? — повторяла Ульяна Мосевна, не дождавшись возраженія Мина Аѳанасьича.— Что это такое, милые, подѣлалось?.. И, вѣдь, во всемъ, вездѣ такъ... Вѣдь, вотъ ужъ вы меня знаете: у кого я, гдѣ не перебывала... Слава Богу, вездѣ меня принимаютъ, нигдѣ передо мною дверь не закрывали... Видѣла я прежде всякаго народу: и богатаго, и бѣднаго, и счастливаго, и несчастнаго, вдоволь наглядѣлась и теперь вижу... И вездѣ одно теперь: ежели всѣ правы—правды нѣтъ; ежели всѣ виноваты — каяться не въ чемъ... Вотъ хоть бы взять мірское дѣло... Что это сталось, что хорошіе люди мірского дѣла бѣгутъ? Бѣгутъ и бѣгутъ... Ужъ на что пустое дѣло: въ загонщики или полѣсовщики, озимь отъ скотины беречь—нейдутъ хорошіе люди!.. „Богъ, говорятъ, съ вами, управляйтесь какъ хотите!“ Всѣ въ одно слово, всѣ бѣгутъ: изъ старшинъ бѣгутъ, изъ судей, изъ старостъ, отовсюду бѣгутъ... Говорятъ, вишь, потому, что хорошихъ-то людей не стало. Да полноте, други!.. Да куда жъ они дѣвались? Все были-были, да вдругъ провалились... Да, что же это съ ними подѣлалось? Коли такъ, такъ ужъ, значитъ, и раньше они не были хороши... Нѣтъ, милые, есть они, какъ ихъ не знать, да что съ ними подѣлалось, что правыхъ не видятъ и виноватыхъ не сыщутъ?.. Вотъ хоть бы судъ взять... Въ судѣ, говорятъ, правды мало, а все скажу: въ мірскомъ судѣ, по старинѣ, все старики умѣли правду найти, потому знали праваго, знали и виновнаго... Бывало, что ни случись: у мужа ли съ женой, у отца ли съ сыномъ, у сосѣда ли съ сосѣдомъ, все разсудятъ, грѣха на совѣсть не беря, потому грѣхи-то были для всѣхъ видимые, прямые; дѣла-то были простыя. А нынче... Вотъ видѣлась я съ Иваномъ Ѳедотычемъ изъ Добраго. Ужъ то ли не благомысленный былъ старикъ, строгихъ правилъ, сколько лѣтъ въ судьяхъ ходилъ, а теперь ушелъ... „Что такъ, спрашиваю, Иванъ Ѳедотычъ?“ — „Нѣтъ, говоритъ, не могу“.— „Отчего такъ?“— „А оттого, говоритъ, что по двумъ правдамъ судить нельзя“. — „Какъ же такъ по двумъ правдамъ?“— „А такъ, говоритъ, теперь зайди ты къ намъ въ судъ и увидишь: станутъ предъ тобою либо двѣ неправды, либо двѣ правды. Какъ ты ихъ разсудишь? Пока ты руками разводишь, а негодный человѣкъ этому и радъ. Какая, говоритъ, *у васъ* теперь правда? ***Вашей правды ужъ теперь нѣтъ:*** дѣлай, коли такъ, по закону, а не по правдѣ... Эй, писарь, какой такой есть законъ? Есть законъ, чтобы мнѣ праваго дожать?—Есть, говоритъ, по закону ты правъ... Ну, такъ, говоритъ, съ тѣмъ вы, старички и оставьтесь...“ Такъ вотъ оно какъ!.. „Вотъ, говоритъ, хоть бы взять ваше дѣло съ Петромъ: какъ бы васъ судить-то стали по старой-то правдѣ, коли у васъ либо у обоихъ неправда, либо у обоихъ правда?.. Бывало, забалуйся сынъ, забунтуй-

ся, запьянствуй, задури, ну, сейчасъ и видишь, въ чемъ его противъ родителей вина: разложимъ на міру и выдеремъ! Глядишь, онъ еще самъ благодаренъ... Такъ ты Петьку-то твоего разложишь, что ли, теперь? а? разложишь, что ли, говорю?.. Что онъ: пьяница, распутникъ, объ домѣ, что ли, не брежетъ? Буянъ? Драчунъ? Ну, говори!—кричитъ на меня Иванъ-то Ѳедотычъ, — какъ намъ его судить?"— „Такъ, вѣдь, и мы развѣ виноваты? говорю; зачѣмъ же насъ зорить-то".—„То-то, говорю тебѣ, и есть, что разобрать мы не можемъ теперь: двѣ ли у васъ неправды, али двѣ правды — все одно, ничего не разсудишь, коли виноватаго не видать!.. Жизнь стала другая—другую и правду надо... а ея невотъ возьмешь! Оттого-то вотъ, посмотришь-посмотришь, да отъ міра и уйдешь!"

Ульяна Мосевна остановилась и, подперевъ голову рукой, долго смотрѣла въ полъ, не говоря ни слова, какъ бутто забыла, что она въ гостяхъ: дома, въ послѣднее время, послѣ своихъ обычныхъ поѣздокъ по больнымъ и знакомымъ изъ сосѣднихъ деревень, она часто сидѣла такъ на лавкѣ, по нѣскольку разъ перебирая въ головѣ все, что ей пришлось увидать и услыхать. Такъ сидѣла она и теперь, пока не закашлялъ Минъ Аѳанасьичъ, у котораго въ головѣ такъ все и кружилось, и суетилось въ какой-то непонятной сутолокѣ и который все боролся съ тщетнымъ желаніемъ что-нибудь сказать.

— Что жъ это, скажи, Минъ Аѳанасьичъ, у насъ нонѣ на улицѣ подѣлалось? Не доберусь я хорошенько-то,—спросила Ульяна Мосевна.

— У насъ-то?—вдругъ оживился Минъ Аѳанасьичъ, какъ будто обрадовавшись, что, наконецъ, явилась ему возможность говорить.— У насъ-то?.. А вотъ все это и объявилось, что ты говорила... Какъ есть все это!

— Да съ чего же это, сразу-то?

— А такъ, загорѣлось... Деревня, конечно!.. Народъ, что съ норовомъ конь: все ходитъ, все ходитъ—бьешь ли ты его, ласкаешь ли... возитъ себѣ да возитъ... А тутъ попалъ на такое мѣсто, можетъ, камешекъ не тѣмъ бокомъ подъ колесо попалъ, и пошелъ, и пошелъ! Ты его ласкать, а онъ копытомъ въ зубы, ты его бить, а онъ закусилъ удила и...

— Да съ чего загорѣлось-то?

— А Богъ е знаетъ!.. Можетъ, и я тому причиной: я вотъ у Пимана со старовѣромъ Іоной поспорилъ... Ну, онъ огорчился... А, можетъ, Петрушка твой, что не въ часъ пріѣхалъ... А, можетъ... Кто е знаетъ, отчего? Другой разъ то ли еще дѣлается, да ничего... Другой разъ хоть всю деревню коломъ избей—хоть бы тебѣ голосъ подали, а въ иное время спичку подставь—глянь, все и вспыхнуло!.. Міръ—не одинъ человѣкъ... Гуляемъ мы, значитъ, пѣсни поемъ, въ полномъ довольствѣ всѣ, стѣной по улицѣ ходимъ. Идемъ энто мимо избы Губина, старовѣра, а онъ и крикни, ровно собака, на Мишку, сынишку своего, чтобы домой шелъ. А тотъ съ Митревой Олёнкой „стоялъ", женихался съ ней... Мишка что-то ему отвѣть... А тотъ вышелъ съ подогомъ, взялъ Мишку за воротъ, да подогомъ и давай домой гнать... Вѣдь, онъ дуроломъ, чортъ! Вѣдь, онъ на крещеный-то міръ, что на собакъ смотритъ... „Я-де одинъ святой, а вы-де давно всѣ бѣсу запроданы!.." Глядимъ, на Мишкѣ лица нѣтъ... Наши-то парни въ хохотъ, кричатъ: „Вотъ такъ-то нашихъ-то молодцовъ, вали по загривку!.. Дуй его и въ усъ, и въ рыло!.. Мы, вѣдь, не Петюшки Вонифатьевы!.. Валяй его!.. Чего намъ въ зубы-то смотрѣть?.." А Іона весь поблѣднѣлъ, закричалъ: „Головорѣзы!—кричитъ,—пропойцы! Воры, говоритъ, вы. Изъ-подъ машины мошенники!.. Трактирные пьяницы!.. Голытьба фабричная!.." Ну, а фабричные, ты знаешь, ругаться-то не уступятъ Іонѣ: сцѣпился съ нимъ Прошка, да еще трое. А Борисъ хохочетъ да травитъ... Ты знаешь, какой онъ, Борисъ-то?.. У него сердце-то, что кипятокъ. Глядь, за фабричныхъ жены да матери встали, кричатъ на Іону, а за Іону ужъ Макары да Наумы старовѣрскіе изъ воротъ повылѣзли... Наши-то кричатъ: „Ахъ, говорятъ, безстыжіе ваши глаза. Вотъ святые выбрались! Да какъ у васъ языкъ поворотился нашихъ дѣтей срамить?.. Да, вѣдь, кабы не вы, жадные, развѣ бы мы на фабрики-то въ омутъ головой бросились?.. Да кабы они по фабрикамъ-то не жили, вѣдь, вы бы всѣ съ голоду подохли!.. Вѣдь, вы только тѣмъ и живы, что наши земли похватали... Еще вы намъ землю-то подайте!.. Еще мы подумаемъ пускать ихъ опять на фабрики-то!.." Господи Боже мой! Отъ малой искры и пошло, и пошло!.. За старовѣрскую выть встали Коты, а противъ нихъ Строгіе да Поперешные, а ужъ коли Поперешные развозились, тутъ ужъ всякіе резоны оставь... Я было и тѣмъ, и сѣмъ: „Братцы, говорю, да изъ

чего? Господи! Да развѣ мы виноваты, что земли нѣтъ?“ Куда тебѣ! огонь такъ и рветъ, такъ и разноситъ... Махнулъ я рукой, да и ушелъ на задворки... Гляжу, анъ твой Петрушка съ Графомъ задами уѣзжаютъ!.. Испужались! Признаться, посмѣялся я надъ ними вслѣдъ...

И Минъ Аѳанасьичъ, щуря глаза, долго смѣялся тихимъ смѣхомъ.

— Ну, милая моя,—продолжалъ онъ,—думаю, вотъ теперь утихнетъ... Перегоритъ и утихнетъ. Вернулся, а тамъ ужъ всѣхъ обняло: какъ старики-то изъ Строгихъ за старовѣровъ встали, за отцовъ, тѣ съ своими молодыми перессорились. Гляжу, и вашъ медвѣдь-то, Хипа, пьяный, развозился, все къ Пиману въ избу рвется, къ Петюшкѣ... А Пиманъ у воротъ стоитъ, не пускаетъ... Смотрю, а тутъ и Алешка ихній шумитъ, что вѣникъ... Борисъ, вишь, напоилъ его, а самъ хохочетъ, да надъ стариками издѣвается... А Алешка за нимъ того пуще: „Брюхо растить захотѣли? Въ богатѣи лѣзете? На дуракахъ хотите выѣхать? Небойсь, у кого мошна толста, тѣхъ въ первый уголъ?.. А вамъ, молъ, дуракамъ, и сухой каши будетъ! Подай, говоритъ; мою одежу, свое беру!.. Будетъ вамъ!..“ Лѣзетъ съ дуруто въ клѣть, мѣшки тащитъ... А Борисъ то ли пару поддаетъ, ровно лѣшій, разливается... Вишь, Пиманъ-то не вытерпѣлъ, да ему въ грудь вцѣпился, а тотъ его толкнулъ, да объ ворота... Выбѣжали Андронъ съ Сергѣемъ... Накинулись на Алешку, да на Бориса... Господи!.. Чѣмъ бы стихать, а пожаръ такъ и забираетъ!.. Шуму-то, шуму-то...

И вдругъ, увлекшійся разсказомъ объ уличной дракѣ, Минъ Аѳанасьичъ какъ-то внезапно смолкъ, словно сконфузился, словно припомнилъ что-то и уже тихо прибавилъ:

— Строгоньки они, Пиманы-то, строгоньки!..

— Хорошіе люди, трезвые, работящіе, а строги,—сказала и Ульяна Мосевна.—Вотъ недавно у Клопа чуть лошадь не убили, что на атаву къ нимъ зашла... Андронъ съ Сергѣемъ ровно съ ума сошли; кричатъ: „Голодомъ поморимъ!.. Васъ, говорятъ, учить надо, голяковъ, потому вы знать не хотите, чего чужой трудъ да забота стоятъ!.. Привыкли, говорятъ, спустя рукава на свѣтѣ жить...“ Насилу ужъ уняли молодыхъ-то съ Катериной! Да вотъ и Алеша... Парень хорошій, взяли къ себѣ во дворъ, а будто дурачкомъ считаютъ... Ну, ужъ ему и въ обиду, какъ будто чести не даютъ...

— Строгоньки они, строгъ сталъ народъ! — повторилъ опять Минъ Аѳанасьичъ.—Вотъ я было тоже...—заговорилъ онъ, желая разсказать что-то, но опять остановился и замолчалъ.

Ульяна Мосевна тоже ничего не сказала. Наступило минутное молчаніе, какъ вдругъ Ѳедору что-то словно сорвало съ лавки.

— Такъ дураковъ-то и учатъ умные люди!—выкрикнула она съ какимъ-то даже визгомъ, сразу разсердившись на всѣхъ — и на мужа, и на сына, и даже на Ульяну Мосевну. Метнувъ на нихъ сердитымъ взглядомъ, она быстро вышла, хлопнувъ за собой дверью.

И Ульяна Мосевна, и Минъ Аѳанасьичъ, и Янька не сказали ни слова и продолжали молчать. А тамъ, на дворѣ, слышно было, какъ Ѳедора стучала дверями, засовомъ, скрипѣла по мосту.

— Какъ же это жить-то будемъ, Минъ Аѳанасьичъ, а? Жить-то какъ будемъ?—тихо спросила Ульяна Мосевна.—Неужто такъ никто объ этомъ въ мірѣ и не думаетъ?

И вдругъ при этихъ словахъ Мина Аѳанасьича словно что-то осѣнило. По лицу его скользнула привычная добродушно-лукавая и вызывающая улыбка. Онъ заморгалъ и, когда вошла опять Ѳедора, прибавилъ весело:

— Хочу вотъ Богу сходить помолиться!

— Что же, дѣло доброе, — замѣтила Ульяна Мосевна, подпимаясь.—Простите, Бога для, что засидѣлась.

Ѳедора стояла въ дверяхъ и сердито смотрѣла на мужа.

— Богъ-то на насъ, кажись, не взыскалъ бы,—проворчала она.

— Али и то правда?—подхватилъ Минъ Аѳанасьичъ.—До Бога ли?—спросилъ онъ и засмѣялся какимъ-то дребезжащимъ смѣхомъ, въ которомъ сказалось все: и обманутыя надежды, и иронія, и вѣра—опять вѣра, потому что звучала въ немъ мягкая, сердечная веселость.

Когда возвращалась Ульяна Мосевна домой, для нея уже не было сомнѣнія, что Минъ Аѳанасьичъ уйдетъ изъ Дергачей, исчезнетъ внезапно... уйдетъ такъ же, какъ онъ нѣкогда уходилъ не одинъ разъ и раньше.

И Ульянѣ Мосевнѣ почему-то вдругъ стало легче, веселѣе... Она истово перекрестилась три раза.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

НА СМѢНУ.

ГЛАВА I.

Ефимы.

I.

Усадьба Петра Вонифатьича Волка-младшаго, купленная у разорившагося помѣщика два года назадъ, лежала въ пяти верстахъ отъ Дергачей и въ полуверстѣ отъ ближайшей деревеньки, отдѣленной отъ нея неглубокимъ оврагомъ. Усадьба не отличалась ни особою красотой мѣстоположенія, ни особыми какими-либо хозяйственными удобствами: голое, плоское мѣсто, невдалекѣ отъ трактовой дороги, кое-гдѣ покрытое одиноко торчащими жидкими кустами, отсутствіе рѣки и озеръ, за исключеніемъ мелкаго ручейка, бѣжавшаго въ оврагѣ и пересыхавшаго по лѣтамъ, чужой лѣсъ, виднѣвшійся лишь на горизонтѣ, каменистая пашня и кое-гдѣ кочковатый, скудный лугъ, — все это глядѣло куда не весело. Повидимому, какъ прежній, такъ и новый владѣлецъ, пріобрѣтая эту усадьбу, руководились какими-то совсѣмъ особыми соображеніями, въ которыхъ красота мѣстности и сельскохозяйственныя удобства играли второстепенную роль. Основатель усадьбы былъ однимъ изъ тѣхъ „случайныхъ" помѣщиковъ, который, подвизаясь всю свою молодость около бильярдовъ, вдругъ получилъ по отдаленной линіи, по раздѣлу, сосѣднюю деревеньку. Облюбованный столь неожиданною прихотью фортуны, новый помѣщикъ былъ несказанно радъ, что вдругъ кто-то бросилъ въ его власть пятьдесятъ человѣческихъ душъ, которыя почему-то теперь обязаны будутъ для него „и коровъ доить, и масло пахтать, и на базаръ возить", и даже украшать пейзажъ, а онъ попрежнему будетъ играть на бильярдѣ. Въ новомъ же владѣльцѣ, замѣстившемъ прежняго „случайнаго" помѣщика и пріобрѣвшемъ его жиденькое имѣньице, прежде всего сказалась та лихорадочная торопливость, съ которою человѣкъ, только что повышенный въ чинѣ, спѣшитъ забраться въ новый мундиръ, торопливо разсчитываетъ свои скудныя средства, мучительно придумываетъ всевозможныя комбинаціи, чтобы вытянуть ихъ до предѣловъ „новаго положенія", торопитъ портного и ребячески радуется въ первый моментъ, когда, наконецъ, мундиръ готовъ, хотя того и гляди, что разлѣзется по всѣмъ швамъ. Хотя подобная ребяческая торопливость и, притомъ, въ такомъ дѣлѣ, какъ деревенское хозяйство, можетъ показаться неправдоподобной по отношенію къ новому владѣльцу, какъ извѣстно, человѣку, выросшему въ діаметрально противоположныхъ условіяхъ тѣмъ, въ какихъ воспитался его предмѣстникъ, тѣмъ не менѣе это справедливо. Мы всѣ слишкомъ привыкли считать русскаго мужика узкимъ, сухимъ практикомъ; между тѣмъ какъ практицизмъ его довольно низкой пробы и часто въ самыхъ практическихъ натурахъ является больше фикціей и самообольщеніемъ, чѣмъ настоящимъ „дѣломъ", и нерѣдко весь вылетаетъ въ трубу отъ довольно легкомысленныхъ „промашекъ". Какъ ни глубока разница между первымъ владѣльцемъ этой усадьбочки и его замѣстителемъ, но между ними, несомнѣнно, существуетъ нѣчто органически-общее и даже въ бóльшихъ размѣрахъ, чѣмъ это допускается обыкновенно. Тѣмъ не менѣе новый владѣлецъ тотчасъ же заявилъ свой „вкусъ". Поко-

рялсь какимъ-то темнымъ традиціоннымъ вліяніямъ, онъ, прежде всего, длинный низкій барскій домъ, съ своеобразными удобствами, тотчасъ же поставилъ ребромъ, и, вмѣсто одноэтажнаго прежняго зданія, пропадавшаго въ укромной тѣни и глуши сада, получился высокій, весело глядѣвшій на дорогу, черезъ садъ, двухъэтажный флигель, какъ фонарь, усѣянный маленькими, но частыми, съ фигурными украшеніями, окнами. Вообще великорусскій мужикъ не любитъ глуши и полутьмы. Густой, запущенный садъ съ аллеями, въ которыхъ такъ любилъ изнывать въ маниловской истомѣ нашъ помѣщикъ, Петръ тотчасъ же вырубилъ, и хотя половину деревъ употребилъ на амбары и сараи, однако и въ этомъ случаѣ руководствовался не столько практическими соображеніями, сколько опять тѣмъ же своеобразнымъ „вкусомъ“: такъ, ту часть сада, которая выдвигалась сбоку, ближе къ трактовой дорогѣ, онъ не тронулъ, онъ только разрѣдилъ ее и устроилъ бесѣдку такъ, чтобы съ нея непремѣнно былъ виденъ „трактъ“. Съ тою же, вѣроятно, цѣлью, и балконы, прежде тянувшіеся вдоль дома внизу, онъ вынесъ на верхній этажъ и придѣлалъ ихъ сбоку. Особую практическую смѣтливость противъ прежняго владѣльца Петръ выказалъ развѣ въ одномъ: онъ обнесъ весь дворъ, со всѣми службами, крѣпкимъ тесовымъ заборомъ, а не жиденькими, хотя и красивыми, изгородями и балясами барскаго двора. Доступъ за этотъ заборъ могъ быть только черезъ массивныя ворота, всегда накрѣпко запиравшіяся. Но во всемъ этомъ сказывается уже „духъ времени“... Вѣдь, и то, что мы разумѣемъ подъ „практичностью“ русскаго мужика, до сего времени была больше робость, неувѣренность, „семь разъ примѣрь — и все-таки промахнись“, чѣмъ истая практичность, прямолинейная, жестокая, безъ малѣйшихъ колебаній и сомнѣній, чувствующая свою „правоту“. Можетъ быть, когда-нибудь „мужикъ-практикъ“ и выработаетъ для себя эту „правоту“, а пока...

Въ то время, какъ новый владѣлецъ жиденькой барской усадьбы, почему-то прозванной Ключи, праздновалъ такъ неудачно свой первый пріѣздъ въ родную деревню,—два мальчугана, восьми и семи лѣтъ, одинъ въ старомъ-престаромъ дырявомъ полушубкѣ, напоминавшемъ больше истерзанную и вытертую овчину, другой въ широкой женской кацавейкѣ, оба босикомъ и безъ шапокъ, сидѣли за полверсты отъ усадьбы, на самомъ „трахту“. День былъ хотя и ведреный, но довольно прохладный. Однако, ребятишекъ это обстоятельство мало безпокоило, такъ какъ уже два часа они безъ устали прыгали „черезъ огонь“, нагребя на самой серединѣ дороги кучу земли и пыли и воткнувъ въ вершину ея палку. Впрочемъ, отъ времени до времени они вдругъ прекращали игру, заслышавъ вдали скрипъ колесъ, и начинали долго и пристально всматриваться вдоль дороги. Мальчуганы эти были тѣ „кантонисты“, которые нѣкогда своимъ голосистымъ плачемъ вдругъ оживили мирную тишь Волчьяго поселка, когда староста дергачевскій, Макридій Сафронычъ, въ одно прекрасное утро привелъ ихъ вмѣстѣ съ матерью, солдаткой Сиклетеей, къ Ульянѣ Мосевнѣ и братьямъ-собственникамъ, прося ихъ „принять съ міра тяготу“. Тяготу мірскую приняли. И когда затѣмъ хитроумный дергачевскій политикъ, Макридій Сафронычъ, увидалъ, какъ хорошо и солдаточка Сиклетея съ дѣтишками, и „неудобный“ мужикъ Сатиръ, и смиренный Клопъ устроились въ Волчьемъ поселкѣ, то искренно воскликнулъ: „О, дуй васъ горой! Что это у васъ только за жизнь въ выселкѣ? Хоть бы денекъ пожилъ, кажись, тутъ бы и умеръ отъ удовольствія!“ Умиленный идилліей Волчьяго поселка, онъ даже мечталъ, какъ онъ всѣхъ случайныхъ обитателей его переженитъ и пересватаетъ и дастъ начало новому „міру“, въ которомъ въ свою очередь народится новый староста Макридій, обладающій въ свою очередь необходимымъ умѣньемъ „спускать съ міра тяготу“ и разрѣшать неразрѣшимыя деревенскія дилеммы... „Да мы, — говорилъ онъ,—весь выселокъ въ законный бракъ сочетаемъ: первымъ дѣломъ, Господи благослови, Ульянею съ Сатиромъ... Вторымъ дѣломъ, благослови Господи, Вонифатія къ солдаточкѣ Сиклетеѣ приспособимъ!.. Такъ ли, Вонифатій Мосеичъ? А? Слышишь, что ли?“—спрашивалъ онъ тяжелаго и меланхолическаго „большака“ поселка. И пророчество Макридія относительно послѣднихъ сбылось, хотя далеко не въ формѣ старостиной идилліи.

Ключи тоже праздновали Покровъ, и тоже по-своему. Въ нижнемъ этажѣ новаго дома вотъ уже съ часъ какъ сидѣла за столомъ компанія. Простой бѣлый сосновый столъ сплошь былъ уставленъ деревенскими яствами; пироги, огурцы, кар-

тофель, яйца, самоваръ, водка, наливка... Вокругъ стола сидѣли лица—красныя, потныя, пухлыя, съ масляными умильными глазками, съ тѣми широкими, расплывшимися улыбками, которыя до того овладѣваютъ человѣкомъ въ минуту довольства, что, при самомъ упорномъ желаніи согнать ихъ съ лица, онѣ не покидаютъ его даже во снѣ. Очевидно, всѣ присутствовавшіе тутъ находились въ томъ высокомъ „градусѣ" физическаго и моральнаго довольства, при которомъ „море по колѣно" и хоть трава не расти. И, видимо, вовсе не потому, чтобы эти люди слишкомъ уже много выпили, а просто отъ душевной полноты опьянѣли. Это было слишкомъ замѣтно и по лицу Вонифатія Мосенча, на которомъ витало одно безграничное блаженство, которое онъ тщетно силился сдержать плохо поддававшеюся ему степенностью и великатностью, и по лицамъ какихъ-то низенькихъ, маленькихъ старичковъ съ растрепанными бородками, сплошь сіявшихъ безграничнымъ умиленіемъ, и по лицу солдаточки Сиклетеи, которая, склонивъ въ какой-то невыразимо сладкой истомѣ голову на руку и вперивъ сладкіе взоры въ Вонифатія Мосенча, звонкимъ надрывающимся фальцетомъ тянула пѣсню.

— Ахъ, Боже мой!— вдругъ вскрикивали старички. — Вонифатій Мосенчъ!.. Неужли жъ намъ нельзя?..—спрашивали они, стуча въ грудь кулакомъ. — Почему?.. Грѣхъ ли это, говоримъ?..

— Оставьте!..—резонисто произносилъ Вонифатій Мосенчъ.—Далъ намъ Господь праздникъ, и празднуй... Одно слово въ полнотѣ...

— Вѣрно! — вскрикивали старички.— Поцѣлуемся!.. Все Господь... все Онъ... все... Поцѣлуемся!—и старички тянулись къ Вонифатію Мосенчу, и Вонифатій Мосенчъ смачно цѣловался съ каждымъ изъ нихъ.

— Эхъ, одно слово...—вдругъ вскрикивала умиленная Сиклетея, нѣжно хлопая по плечу Вонифатія Мосенча, —одно слово... Почему намъ грѣхъ?.. Ежели Господь далъ для человѣка праздничекъ...

— Вѣрно, Сиклетеюшка! — перебивали старички.—Поцѣлуемся!.. Онъ ничего!— указывали они на Вонифатія, — мы отъ него не отымаемъ... Пускай въ свое удовольствіе!.. Почему грѣхъ?..

— Оставьте... Празднуй, одно слово!—замѣчалъ опять Вонифатій.—Сиклетеюшка, повеселѣе!

— „Ахъ вы, сѣни мои, сѣни!.."—взвизгнула Сиклетея и маленькіе, низенькіе съ растрепанными бородками мужички пустились въ плясовую, притопывая старыми разбитыми сапогами. Вонифатій Мосенчъ млѣлъ, помахивая руками. Сиклетея забирала все выше и выше; старички неистовѣе стучали о деревянный полъ...

Страшное было что-то въ этомъ весельи: это не былъ дикій разгулъ безшабашной бѣдности, пускающей ребромъ послѣднее достояніе, чтобы забыться, подъ которымъ всегда звучитъ такъ много горечи, безсознательной мести чему-то; но не было оно и тѣмъ развратнымъ гульбищемъ пресыщенныхъ людей, подъ которымъ видится такъ много отвратительно-искусственнаго, такъ много сознательнаго захлебыванія этимъ развратомъ. Что-то было здѣсь глупо-ребяческое, наивно-животное. Такъ страннымъ кажется солидный человѣкъ, за минуту предъ тѣмъ серьезно тянувшій лямку жизни, и вдругъ, въ тихій лѣтній вечеръ, бросившійся въ теплыя, мягкія волны рѣки: вотъ онъ повернулся на бокъ, на спину, на брюхо, бьетъ ногами и руками, обдаетъ брызгами спину, фырчетъ, фонтаномъ выдуваетъ изо рта воду, ржетъ... Онъ весь тутъ, въ водѣ, въ этихъ теплыхъ, мягкихъ волнахъ, нѣжащихъ не только его тѣло, но и его душу, ибо онъ, вмѣстѣ съ одеждой, сбросилъ тамъ, за берегомъ, весь жизненный грузъ, который сковывалъ, пригнеталъ, держалъ въ границахъ и душу, и тѣло. Странно, даже до непріятности, видѣть въ такомъ положеніи солиднаго человѣка, но, тѣмъ не менѣе, представляетъ ли онъ собой одно только это тѣло, животное, какого-то ржущаго жеребца? Не видится ли за этимъ барахтающимся, трепещущимъ, млѣющимъ въ истомѣ физическаго наслажденія тѣломъ также трепещущая, ликующая, изнывающая въ истомѣ душа, на мгновеніе освобожденная отъ всѣхъ путъ грѣха, обязанностей, долга, отъ всѣхъ узъ житейской сутолоки, въ которыхъ она билась и томилась?

Въ то время, когда Вонифатій Мосенчъ такъ беззавѣтно праздновалъ съ своими гостями ниспосланный имъ Господомъ „праздничекъ", тутъ же, вмѣстѣ съ ними, сидѣлъ человѣкъ, который въ этомъ „праздничкѣ" не видѣлъ никакого вкуса. Человѣкъ этотъ былъ тоже мужикъ, высокій, среднихъ лѣтъ, солидный, плотный, костлявый, въ большихъ сыромятныхъ сапогахъ, въ синей рубахѣ, съ серьезно-

суровымъ и равнодушнымъ лицомъ; онъ сидѣлъ у двери на лавкѣ, глядѣлъ на пирующихъ, но на его лицѣ не дрогнула ни одна жилка, какъ будто все, что совершалось предъ нимъ, проходило мимо него, да и онъ самъ какъ будто не тутъ сидѣлъ, а гдѣ-то совсѣмъ въ другомъ мѣстѣ. Его угощали водкой—онъ выпивалъ, но кажется, совсѣмъ не ощущалъ ея вкуса; ему давали кусокъ пирога—онъ жевалъ его лѣниво, размѣренно, неторопливо и тоже, повидимому, безъ всякаго вкуса. Вообще все, что было кругомъ него, не имѣло для него вкуса; какъ будто не вокругъ него была дѣйствительная, настоящая жизнь, а гдѣ-то тамъ, далеко, о чемъ зналъ только онъ одинъ. Въ то время, когда окружающіе его люди, попавъ въ теплыя, мягкія волны, барахтались, млѣли, ржали, фыркали, онъ въ эти волны входилъ такъ же безвкусно и безучастно, какъ входилъ въ рѣку, въ жаркій полдень страды, солидный мужикъ-хозяинъ. Раздѣвшись, онъ никогда не бросится азартно въ волны, какъ парень, и не бросится вплавь, хотя и умѣетъ плавать, а войдетъ въ воду мѣрнымъ, осторожнымъ шагомъ, пока не погрузится по грудь, истово перекрестится, зажметъ руками уши и, три раза окунувшись, опять перекрестится, также солидно выйдетъ на берегъ, надѣнетъ наскоро порты и рубаху и торопливымъ шагомъ направится къ своему „хозяйству“.

Мужикъ этотъ былъ „работникъ“ у Петра, съ „дальней стороны“, не изъ мѣстныхъ. Петръ не сразу напалъ на это сосредоточенно-молчаливое, медлительно-равномѣрное существо, которымъ онъ оставался очень доволенъ. До него онъ не мало перемѣнилъ работниковъ. Лишь только поселился онъ въ новой усадьбѣ, какъ его осадила цѣлая армія „своихъ“ людей, которые, галдя, добродушно махая руками, искренно или преднамѣренно льстя ему, всѣ предлагали себя или своихъ братьевъ и сыновей къ нему въ услуженіе, всѣ говорили: „Да мы тебѣ по гробъ жизни!.. Да ужъ сдѣлай милость!.. Одно знай—свои! Мы, вѣдь, не откуда—землячки будемъ!.. Вѣрой - правдой — во какъ!.. Уважимъ! своего да не уважить!..“ И все въ такомъ родѣ. Петръ, въ медовый мѣсяцъ своего „новаго положенія“, не былъ расположенъ слишкомъ строго присматриваться къ людямъ; и „свои люди“ легко овладѣли имъ. Однако, какъ и слѣдовало ожидать отъ Петра, ихъ торжество было непродолжительно. Петръ скоро замѣтилъ, что всѣ эти „свои люди“ распадались на двѣ категоріи, одинаково для него несимпатичныя. Одни слишкомъ уже были похожи на тѣхъ шабровъ, троюродныхъ и двоюродныхъ дядьевъ, которые почему-то еще въ артели въ Москвѣ упорно считали себя призванными опекать „молодца“, фамильярно, на основаніи „сусѣдскихъ“ и „мірскихъ“ привычекъ, дѣлать родительскія наставленія и прочее въ такомъ же родѣ. Если такое рукосуйное отношеніе могло быть допустимо въ артели, когда Петръ былъ равновеликою съ ними величиной, то оно становилось очень курьезно теперь, когда „шабры“ превратились въ „работниковъ“, а нѣкогда „равновеликій“ членъ артели — въ „хозяина“. Притомъ же, всѣ они, очень ужъ какъ-то скоро „по душѣ“, сходились съ Вонифатіемъ Мосеичемъ и начинали также беззавѣтно праздновать „ниспосланный ему Богомъ праздничекъ“, какъ и онъ самъ. А потому часто, по возвращеніи изъ отлучки, Петръ заставалъ свою усадьбу въ такомъ состояніи, что почти вся сосѣдняя деревня собиралась на дворъ смотрѣть, какъ весело празднуютъ новые владѣльцы, а эти „владѣльцы“, вмѣстѣ съ работниками, встрѣчали его радушными улыбками, похлопывали по плечу, говорили какія-то умиленныя рѣчи... Нѣтъ; эта категорія „своихъ людей“ Петру очень скоро не приглянулась. Онъ сталъ мѣнять работника за работникомъ. Тогда пошла другая категорія „своихъ людей“: они уже не заявляли претензіи на равноправность, а тѣмъ болѣе на опеку, такъ какъ были настолько внушительно вспудрены и взбиты жизнью, что потеряли всякую охоту считаться съ нею. Но всѣ они настолько оказались подловато-льстивыми, настолько „рабами лукавыми“, что этого не могъ не замѣтить и Петръ. Не полюбилась ему и эта категорія. Много перемѣнилъ онъ людей этого рода, пока, наконецъ, слишкомъ поспѣшно рѣшилъ, такъ или иначе, отвязаться отъ „своихъ людей“, повидимому, убѣдившись, что въ деревнѣ нѣтъ ничего хуже, какъ „свои люди“.

Тогда-то подвернулся ему мужикъ „съ дальней стороны“: это былъ Ефимъ. Онъ, дѣйствительно, забрелъ изъ далека, изъ губерніи, которой южные уѣзды уже граничили съ Бѣлоруссіей. Губернія эта всегда выдавалась скудостью почвы и бѣдностью своихъ обитателей... Съ тѣхъ

поръ, какъ помнитъ себя Ефимъ, онъ зналъ въ жизни одно: „искать работы". На это исканіе уходило двѣ трети его жизни. Вмѣстѣ съ земляками искалъ онъ работы осенью, искалъ зимой, искалъ весной, и только два мѣсяца, время страды, онъ оставался дома. Притомъ, это исканіе работы для него вовсе не соединялось съ тѣмъ внутреннимъ чувствомъ самосознанія и довольства „мастера", съ какимъ странствуютъ въ Россіи по отхожимъ промысламъ разные великорусскіе плотники, каменщики, столяры, маляры и прочій деревенско-мастеровой людъ. Несмотря на то, что Ефимъ готовъ былъ на всякую работу и исполнялъ ее честно и добросовѣстно, что онъ брался и землю копать, и воду возить, и камни бить, и дрова рубить, — эти работы не представляли для него никакого внутренняго содержанія, кромѣ одного, — платы. Вмѣстѣ съ земляками, нанявшись на какую-нибудь работу на чужой сторонѣ, онъ зналъ только одинъ интересъ: ежедневно считать по вечерамъ и даже ночамъ — харчи, часы, гривенники, пятиалтынные и двугривенные; для этой „своей стороны" онъ мерзъ въ снѣгахъ, пачкался въ грязи, мочился по поясъ въ водѣ на чужой сторонѣ. И, удивительное дѣло, чѣмъ дальше вглубь времени уходило то блаженное состояніе, когда Ефимъ съ земляками могъ удовлетворять „при землѣ" свои потребности собственными средствами, чѣмъ больше росли подати, чѣмъ сильнѣе истощалась и безъ того скудная земля, тѣмъ упорнѣе подвергалъ себя иску работы Ефимъ, тѣмъ беззавѣтнѣе на ней подвижничалъ. И все это для нея, для своей земли, для своей деревни, для своей семьи. То былъ какой-то фатальный долгъ, невидимо сковавшій Ефима, ликвидировать который у него никогда не было мысли. Почему для этого скуднаго клочка земли, для этой ветхой избенки, для этой семьи пятерыхъ „ѣдаковъ", для этой соломенной, замухрястой деревенской улицы, съ которой, притомъ же, приходилось быть ему въ общей сложности очень короткое время, почему требовалось такъ много упорныхъ жертвъ для поддержанія всей этой скудной обстановки, для этихъ короткихъ часовъ и дней, въ которые онъ могъ непосредственно принимать въ ней участіе? Ни Ефимъ, ни земляки его объ этомъ не думали. А, между тѣмъ, эту обстановку всюду носили они съ собой въ душѣ, она была для нихъ цѣлью цѣлой жизни, она придавала смыслъ ихъ существованію, она наложила на нихъ цѣлое ярмо обязанностей, долговъ, безъ нея они не находили вкуса въ чужой сторонѣ. Весь міръ для нихъ распался на двѣ половины: на „свою" и „чужую" сторону, на „своихъ" и „чужихъ" людей, на нихъ, ищущихъ работы, и на тѣхъ, которые даютъ работу. Чѣмъ больше скудѣла ихъ „обстановка" и больше требовала жертвъ себѣ, тѣмъ это положеніе становилось для нихъ незыблемѣе и, наконецъ, превратилось въ принцыпъ, осмысливавшій для нихъ всю жизнь: онъ охватилъ весь строй ихъ понятій, экономическихъ, юридическихъ, нравственныхъ. Ефимъ говорилъ: „Люди другъ другомъ питаются, такъ Богъ положилъ: другъ отъ друга кормятся. Ежели человѣкъ другому работу даетъ, даетъ кормиться, — ему все простится! И пуще нѣтъ грѣха, ежели человѣкъ все въ себя беретъ, что собака на сѣнѣ: ни сама не жретъ, ни другому не даетъ".

Вотъ почему Ефимъ не находилъ ни вкуса, ни смысла въ происходившемъ предъ нимъ празднествѣ; по своему душевному складу не находилъ вкуса потому, что для него имѣло вкусъ только то, что непосредственно соприкасалось съ тою „обстановкой", которая была далеко отсюда, тамъ, въ „своей сторонѣ", въ своей деревнѣ; съ точки зрѣнія своего принципа онъ не находилъ смысла въ этомъ празднествѣ, такъ какъ видѣлъ, что эти люди ликовали и жили „зря", что они не могли и не умѣли дать другимъ возможности „кормиться".

Какъ часто бываетъ во всѣхъ вообще пирушкахъ, гдѣ ликующіе люди неожиданно отъ буйнаго веселья переходятъ къ спорамъ, Богъ знаетъ по какому поводу начинающимся, — такъ было и здѣсь.

За минуту предъ тѣмъ беззавѣтно плясавшіе маленькіе, сѣденькіе старички теперь азартно говорили Вонифатію Мосеичу, перебивая одинъ другого:

— Нѣтъ, ты, братъ, этого не скажи... Это не модель!.. Ты говори по чести: мы, братъ, люди свои, понимаемъ и знаемъ: что и отчего... Ты ужъ лучше напрямки кайся, а въ худомъ дѣлѣ правоты не ищи!..

— Всѣ вы баловни, — говорилъ обиженно Вонифатій Мосеичъ. — Васъ приголубь, помани, а вы ужъ и къ дѣлу

хозяйственному лѣзете... Васъ и угостить-то хорошему человѣку нельзя...

— Отчего?—подхватывали старички.—Развѣ мы что дѣлаемъ?.. Другъ!.. да сдѣлай милость, празднуй въ свое удовольствіе!.. Мы развѣ про то... Мы тебя не осуждаемъ!.. Господи спаси!.. Вотъ хоть бы теперь ты съ Сиклетеей живешь... Да Господь съ тобой: празднуй!.. Конечно, ты мужикъ еще въ тѣлѣ... Жена у тебя умерла давно... Ну, и при достаткѣ теперь — тѣло-то погулять просится... Развѣ мы что! А только что говоримъ: веди линію прямо... Праздную, молъ, и шабашъ!.. А ты, вѣдь, грѣшишь, а норовишь на правду повернуть... Вѣдь, мы „свои“ — говори прямо... Тоже, вѣдь, мы не знаемъ, что ли, откуда вамъ свалилось?.. Вѣдь, это не иголка!.. Такъ-то, другъ... Вѣдь, ужъ этого не скроешь, какъ вы семью-то зорили... А ты — эвона!.. Правѣе, слышь, васъ не сыщешь! Вмѣсто, чтобы... а ты эвона куда!

— Баловни, говорю, вы! Балованный народъ! — кричалъ Вонифатій Мосеичъ. Вотъ васъ метлой отсюда погнать, коли вы честно, благородно обходиться не умѣете... Я васъ честь-честью, а вы... Вы хоть бы постыдились чужого человѣка,— показалъ онъ на Ефима.—Вотъ онъ, чужой человѣкъ, съ дальней стороны, а онъ понимаетъ... Да!.. Онъ вотъ умѣетъ оцѣнить нашу правоту... Спроси-ка его: мы народу кормиться даемъ, мы къ тому ведемъ, чтобы все какъ лучше... Мы не то, что вы, или вонъ какъ въ старину: набьетъ мужикъ кубышку правдами-неправдами, да въ подполицѣ и держитъ... Кому отъ того легость или питаніе?.. А мы богатство произращаемъ, мы всякой самой малой вещи цѣну даемъ... По-твоему, вотъ, скажемъ щепка никуда негодна, а мы ей цѣну дадимъ... Около нея вотъ, щепки-то, глядишь, народу сколько прокормится... Мы народу хлѣбъ даемъ!.. Вотъ вы спросите-ка его,— тыкалъ обрубкомъ своего пальца въ Ефима, красный весь отъ жары и волненія, Вонифатій Мосеичъ.

— Да Господь съ тобой! Мы что жъ, хорошему дѣлу мы всегда рады! — кричали старички.—Ты только худому дѣлу правоты не ищи... Мы вотъ про что!.. А то... эвона!..

— Нѣтъ, вотъ вы его спросите: правильно ли мы говорили?— убѣждалъ Вонифатій Мосеичъ, продолжая тыкать въ невозмутимаго Ефима.—Ну, Ефимушка, скажи: правы мы али нѣтъ?

— Что жъ, знамо, такъ Богъ положилъ: людямъ другъ отъ дружки кормиться... То и законъ, коли самъ живешь и другому жить даешь!—протянулъ лѣниво и безучастно Ефимъ.

Но въ душѣ онъ вовсе не думалъ объ этихъ „чужихъ людяхъ“. Что ему эти „чужіе“! Они хороши или дурны для него только по отношенію къ той, „своей сторонѣ“.

— Слышите!.. Что я говорилъ? а? Вотъ какъ Богъ-то располагаетъ! подхватилъ Вонифатій Мосеичъ, торжествуя. Вотъ онъ и чужой человѣкъ, а благодарность чувствуетъ.

Но какъ равнодушно-невозмутимъ ни былъ Ефимъ, однако это ликованіе Вонифатія пробрало и его: онъ какъ-то весь осклабился и хитро-насмѣшливо прибавилъ:

— Такъ, вѣдь, правда-то эта не твоя, Вонифатій Мосеичъ, а все Петра же Вонифатьича.

— Вотъ, вотъ! — подхватили, вскакивая, маленькіе, сѣденькіе старички, махая руками. — За свою правду пусть самъ Петръ отвѣчаетъ, а ты за свою отвѣчай... Вотъ, вотъ— это такъ!.. Послалъ тебѣ Господь праздничекъ, ты Его, Создателя, и возблагодари, смиренно и сокрушенно... Сколь побалуешься, столь и покаешься... Вотъ какъ, другъ!.. А то... эвона куда забрелъ!..

— Да кто Петръ-то?.. Мой онъ, али нѣтъ?— кричалъ снова обиженный Вонифатій,— моя кровь, али чужая?..

— Ну, полно, оставь!.. Ну, поцѣлуемся! — утѣшали его старички и лѣзли на него взлохматившимися бородами.

— Лучше, лучше, милые... Ну, что жъ, коли грѣхъ—мы покаемся: Господи, прости наше великое согрѣшеніе!.. Ну, грѣхъ, что ли, Ефимушка? — причитала раскраснѣвшаяся Сиклетея, умильно обводя всѣхъ пьяно-смѣющимися глазами. Коли грѣхъ, Ефимушка, мы покаемся... Ежели намъ за всю-то жизнь праздничекъ выйдетъ единый, такъ ужъ мы за этотъ часокъ всю жизнь, всю жизнь... Пойми!.. Вотъ какъ мы! За единый-то часокъ!..

Ахъ, вейся ты, вейся, капустка!
Вейся ты, вейся, родная!

вдругъ вскрикнула она, вскочивъ, и, помахивая платкомъ, пошла вдоль горницы, подхваченная сѣденькими старичками.

———

II.

Своеобразное волненіе, взбудораживши Дергачи, не только испортило ихъ праздничное настроеніе, но, какъ увидимъ ниже, согласно предсказанію старика Ермила изъ Груздей, хватило далеко за границы дергачевскаго міра и нѣкоторымъ образомъ коснулось даже нашей маленькой кучки съ сѣденькими старичками, такъ беззавѣтно купавшимися въ мягкихъ волнахъ ниспосланнаго имъ Господомъ праздничка. Ликованіе старичковъ съ Вонифатіемъ Мосеичемъ и Сиклетеей далеко не достигло еще наивысшаго градуса, когда въ дверь, какъ перепуганныя куры, въ смятеніи, толкая и перебивая другъ друга, влетѣли Сиклетеины ребятишки съ разлетавшимися, какъ крылья, полами.

— Маменька! Дяденька! Ѣдутъ!... Ѣдутъ!— кричали они съ такимъ серьезнымъ волненіемъ, какъ будто вполнѣ понимали всю экстренность настоящей минуты.

Такъ какъ пировавшіе не могли, конечно, предусмотрѣть волненія, испортившаго праздникъ въ Дергачахъ, и не могли ожидать столь ранняго возвращенія Петра (Петръ съ Графомъ, по деревенскому обычаю, думали даже ночевать на праздникѣ), это извѣстіе настолько поразило ихъ, что мальчишки, перебивая одинъ другаго, должны были всячески увѣрять ихъ въ несомнѣнной справедливости принесенной вѣсти.

— Ѣдутъ!.. Петръ Вонифатьичъ!.. Изъза ямъ повернули!.. Меринъ въ яблокахъ! — кричалъ одинъ. — Графскій меринъ!.. Барская дуга... точена!—кричалъ другой.—На городскомъ ходу!

Сомнѣній больше не могло быть: на лицахъ сѣденькихъ старичковъ, Сиклетеи и даже самого Вонифатія Мосеича вдругъ появилось такое глупо-ребяческое, конфузливое выраженіе, что сами ребятишки, несмотря на всю экстренность минуты, какъ-то снисходительно-покровительственно улыбались, глядя на нихъ.

Когда въ открытыя окна ясно послышался несшійся издалека топотъ лошадиныхъ копытъ, Сиклетея моментально бросилась убирать со стола всѣ видимые признаки празднества. Вонифатій Мосеичъ, покрякивая, солидно поднялся, подбадривая себя, а старички сначала закашляли, заперхали, какъ овцы, и затѣмъ вдругъ, словно по уговору, стремительно бросились въ дверь и исчезли со всею своею беззавѣтностью и даже вмѣстѣ съ улыбками, засѣвшими въ ихъ широкихъ бородахъ. Такое легкомысленное волненіе было, впрочемъ, мало основательно, по крайней мѣрѣ, въ данный моментъ.

Петръ и Графъ большую часть дороги ѣхали молча, изрѣдка перекидываясь незначительными фразами. Когда показалась вдали усадьба Петра, Графъ спросилъ его:

— Устроился?

— Совсѣмъ съ постройкой,—отвѣчалъ Петръ.

— А что отецъ?

Петра при этомъ вопросѣ покоробило; онъ повернулся на мѣстѣ, отвернувъ лицо въ бокъ дороги, и молчалъ.

— Празднуетъ? — опять спросилъ Графъ.

— Безъ передыху,—сказалъ Петръ, не поворачивая головы и безучастно глядя на мелькавшіе предъ глазами близъ дороги кусты, ельникъ, березникъ:—ровно быкъ отгуливается въ степи... Какъ ни выглянешь во дворъ, а онъ съ Сиклетеей либо въ сарай плыветъ, либо изъ сарая... Смотрѣть не хочется!

Графъ весело засмѣялся беззвучнымъ смѣхомъ, какъ-то животомъ.

— Да ты бы хоть повѣнчалъ ихъ!.. Право!.. А мы на свадьбу пріѣхали бы... Я вотъ читалъ книжку: „Ледяной домъ". Занятная... Такъ вотъ тамъ такая свадьба расписана... Право, повѣнчалъ бы ихъ!—совѣтовалъ, шутя, Графъ и долго продолжалъ еще смѣяться брюшнымъ смѣхомъ при воспоминаніи свадьбы въ „Ледяномъ домѣ".

Но Петру, видимо, не нравился этотъ разговоръ и онъ сердито молчалъ.

— А что съ работникомъ устроился?—спросилъ опять Графъ.

— Устроился, кажись.

— Каковъ?

— Ничего, мужикъ основательный,—отрекомендовалъ Петръ Ефима, но тотчасъ же какъ будто спохватился.—А не знаю... Имъ въ душу не влѣзешь... Одно, по крайности, хорошо: не изъ здѣшнихъ, съ дальней стороны...

— Для спокою, это лучше всего,—замѣтилъ Графъ, останавливая лошадь посрединѣ дороги, отъ которой шелъ поворотъ къ усадьбѣ Петра. Петръ пригласилъ было Графа заѣхать, но Графъ отказался, отговорившись „скукой", и, конечно, не преминулъ при этомъ зѣвнуть.

— Въ воскресенье, смотри, жду!—ска-

залъ Графъ Петру, улыбнувшись двусмысленно.

Петръ въ отвѣтъ пожалъ ему только руку, поправилъ на головѣ картузъ и дѣловою походкой пошелъ къ своему дому. Въ калиткѣ встрѣтилъ его „основательный“ Ефимъ, молча пропустилъ мимо себя, затѣмъ зачѣмъ-то заперъ за нимъ ворота и опять неторопливымъ и основательнымъ шагомъ двинулся къ дому. Проходя мимо оконъ нижняго этажа, Петръ, по привычкѣ, проницательно, хотя и мимоходомъ, заглянулъ въ окно, но заходить туда и не думалъ, а съ обычнымъ серьезно-сухимъ выраженіемъ на лицѣ вошелъ на крыльцо и, скрипя новыми, свѣжими, какъ будто только что выпиленными досками лѣстницы, поднялся къ *себѣ* наверхъ, такой же новый, свѣжій, весь пропитанный влажнымъ, душистымъ ароматомъ только что выстроенныхъ сосновыхъ стѣнъ, потолковъ, половъ. Кругомъ еще виднѣлось полное отсутствіе хозяйственности, уютности: все смотрѣло голо, сиротливо, „холосто“, какъ говорятъ мужики, и дѣйствительно, больше напоминало тѣ „холостыя стройки“, амбары, бараки, конторы и т. п., которыя строятся не для комфорта и семейнаго очага. Да и Петръ на всю свою обстановку смотрѣлъ равнодушно, она не вызывала въ немъ ничего похожаго на то чувство теплоты, предвкушенія физическаго наслажденія, которое охватываетъ человѣка, возвращающагося въ свой уголъ. Развѣсивъ съ обычною обстоятельностью въ передней свою праздничную одежду и оставшись въ жилеткѣ и рубахѣ навыпускъ, онъ сѣлъ къ столу и, смотря въ окно, сталъ барабанить пальцами по подоконнику, какъ будто кого-то поджидая. Наконецъ, взобрался по лѣстницѣ Ефимъ.

— Самоваръ бы,—сказалъ Петръ, не оборачиваясь отъ окна.

Ефимъ взялъ подъ мышку небольшой собственный самоваръ Петра, въ формѣ вазы, купленный имъ еще въ Москвѣ, и спустился внизъ.

Если бы мы заглянули въ душу Петра въ данный періодъ его жизни, мы, прежде всего, нашли бы въ немъ нѣчто похожее на душевное состояніе человѣка, вдругъ, съ неимовѣрною энергіей, поднявшагося на высокую лѣстницу, въ чаяніи найти тамъ дверь, ведущую къ чему-то совершенно ясному, опредѣленному, и неожиданно увидавшаго предъ собою нѣсколько совершенно одинаковыхъ, но замкнутыхъ дверей. То былъ въ жизни Петра минутный интервалъ, но интервалъ критическій.

Такіе интервалы въ жизни дѣтей народа вообще рѣдки, а если и бываютъ, то, подъ напоромъ ихъ непосредственности, проживаются столь неуловимо быстро, что представляютъ собою какія-то salto mortale, прослѣдить психическій процессъ которыхъ такъ же трудно, какъ капризы дѣтей. Вчерашняя блудница сегодня ходитъ по „Божьимъ мѣстамъ“, вериги налагаетъ на себя, „изможденіе“, искусъ; нынѣшняя подвижница назавтра становится блудницей; нынѣшній „черезвый“ и крѣпкой воли человѣкъ завтра запиваетъ мертвую, и многое въ такомъ родѣ. Очевидно, что все это натуры крупнаго калибра, натуры „зарвавшіяся“, которыя такъ же, какъ и Петръ, стремительно вздымались по лѣстницѣ, куда-то вверхъ, и стремительно отрывались отъ земли, отъ устойной почвы. Но, поднявшись, они, какъ непосредственныя натуры, стукались лбами въ запертыя двери и, очнувшись отъ этого удара, внезапно *приходили въ себя*, такъ какъ двери отъ удара не отворились, а между ними и „своею“ устойною почвой, отъ которой они оторвались, уже образовалась захватывающая духъ высота. У нихъ кружилась голова—и они стремглавъ летѣли внизъ, ломая себѣ члены. Не то бываетъ съ натурами другого разбора, съ натурами „массы“. Если послѣднія и достигаютъ этой высоты, то вовсе не благодаря стремительной энергіи, а исподволь, карабкаясь другъ на друга, цѣпляясь, переползая одинъ черезъ другаго, какъ тѣ волки, которые, влѣзая одинъ на другого, думали достать сидѣвшаго на деревѣ портного. Онѣ не прерываютъ связи съ лежащею предъ ними почвой и поднимаются вверхъ, такъ сказать, общимъ напоромъ. Тутъ ужъ нѣтъ интерваловъ; добравшись на верхъ лѣстницы и не отворивъ дверей, онѣ преспокойно располагаются съ полнымъ комфортомъ отдыхать на головахъ и плечахъ сидящихъ подъ ними товарищей, вполнѣ довольные своею судьбой, и только боятся, какъ бы какой-нибудь остроумный портной не продѣлалъ съ самымъ нижнимъ изъ поддерживающихъ ихъ товарищей того же, что было продѣлано въ сказкѣ надъ куцымъ волкомъ.

Петръ, по существу, принадлежалъ къ натурамъ перваго разбора. Конечно, голова у него не закружилась и онъ не позволилъ бы себѣ броситься внизъ въ

какомъ-то непостижимомъ экстазѣ, какъ бросались подвижники и подвижницы, блудодѣи и блудницы, которымъ онъ хотя и былъ по натурѣ сродни, но врядъ ли бы когда-либо самъ признался въ этомъ родствѣ. Притомъ, сомнѣнія и недоумѣнія его были далеко не такого свойства, какъ понимаютъ ихъ въ общепринятомъ смыслѣ. Съ нимъ совершалось нѣчто удивительное, въ чемъ онъ опять-таки никакъ не могъ бы сознаться. Когда прошелъ первый медовый мѣсяцъ его на новомъ положеніи (а онъ миновалъ у него быстро), когда, кажется, окончательно осуществилось его желаніе возможно дальше убѣжать, отрѣшиться, отмежеваться отъ всѣхъ этихъ „своихъ людей“, отъ этихъ троюродныхъ и двоюродныхъ дядьевъ и шабровъ, когда прошелъ періодъ мелочной сутолки съ банковыми операціями, съ тяжбами и адвокатами, съ устройствомъ земельной аренды и перестройкой усадьбы, онъ вдругъ ощутилъ вокругъ себя и даже внутри души какую-то пустоту. Все, для чего онъ такъ много и энергично хлопоталъ, въ правотѣ и значеніи чего онъ не сомнѣвался (онъ не сомнѣвается и теперь ни на секунду), вдругъ стало безвкусно. Стало безвкусно безъ этихъ троюродныхъ и двоюродныхъ шабровъ и дядьевъ, безъ этихъ „своихъ людей“. Лично въ этомъ онъ никогда бы не сознался, и явись ему такая мысль, онъ назвалъ бы ее дикой. И, тѣмъ не менѣе, вотъ уже полгода, съ тѣхъ поръ какъ лихорадочная дѣятельность по пріобрѣтенію и устройству „новаго положенія“ кончилась, все, что онъ ни дѣлалъ, было, прежде всего, постоянными попытками сблизиться съ этими „своими людьми“. Казалось, онъ достигъ очень многаго, достигъ такого положенія, захлебываться которымъ отъ удовольствія хватало у другихъ на цѣлыя поколѣнія, и, между тѣмъ, у него вдругъ оно оказалось очень скоро безвкуснымъ. Банковыя операціи удались какъ нельзя лучше, земля пристроена была сосѣднимъ хозяйственнымъ мужичкамъ (Петръ не отдалъ ея въ аренду всему міру изъ сосѣдней деревеньки, а отдалъ товариществу изъ хорошихъ, хозяйныхъ людей) очень выгодно и прочно; репутацію онъ создалъ для своихъ лѣтъ очень почтенную, если принять во вниманіе, что въ его года такіе мужички еще въ бабки на улицѣ играютъ. Только, казалось бы, теперь-то расправить крылья и показать во всей шири свою умственность, и вдругъ для этого не оказалось чего-то очень существеннаго. Въ то время, какъ какой-нибудь плутоватый кулачишка или кулакъ-Маркушка, грязный, пьяный, оплывшій жиромъ, краснорожій, вполнѣ наслаждался своимъ положеніемъ, окруженный цѣлою аравой чадъ и домочадцевъ, не разбирая средствъ, клавшій все выше и выше свой муравейникъ, Петръ съ каждымъ часомъ все больше и больше терялъ вкусъ къ новому положенію. Онъ, конечно, не завидовалъ Маркушкѣ, обворовывавшему всю волость при пособіи всякаго мелкаго и крупнаго начальства, и очень неодобрительно отзывался о немъ, но, тѣмъ не менѣе, смутно чувствовалъ, что вокругъ Маркушки были „свои люди“, своя „публика“, и что не будь этихъ своихъ людей, Маркушка далеко не достигъ бы такого самодовольства.

Всякому необходимы эти „свои люди“, своя публика, которая бы окружала его общимъ, дружнымъ, хотя бы безмолвнымъ сочувствіемъ. А тѣмъ болѣе нуждается въ этомъ сынъ народа, не успѣвшій выработать привычку къ книгѣ, замѣняющей для грамотнаго человѣка непосредственное соучастіе окружающихъ, лишенный еще возможности находить вкусъ въ насажденіи культуры. Петръ очень скоро почувствовалъ, что ему недостаетъ этихъ „своихъ людей“, своей публики, которая оживила бы все вокругъ него, признала бы его своимъ руководителемъ и, дружно сопутствуя ему, утвердила бы внутреннюю правоту его существованія, укрѣпила бы ее. Нельзя же Петру считать этими „своими людьми“ Вонифатія Мосеича съ Сиклетеей! Были у Петра кое-какіе пріятели, въ родѣ Митродора Графа, но это слишкомъ своеобразные люди, чтобы могли составить его „публику“; притомъ же, это были „одиночки“, между тѣмъ какъ ему нужны были „люди массы“. Вотъ почему, когда кончилось лихорадочное взбираніе на высоту, и въ жизни Петра наступилъ интервалъ, его вдругъ снова потянуло къ своимъ, къ Ульянѣ Мосевнѣ, ко всей той гармоніи, центромъ которой была послѣдняя. Несмотря на неудачу первой попытки къ примиренію, сдѣланной имъ въ медовый мѣсяцъ, подъ наплывомъ чисто-романтическихъ чувствъ, онъ теперь снова рѣшился на ту же попытку, хотя уже не пошелъ къ нимъ самъ, а подослалъ отца. Когда же и эта попытка не увѣнчалась успѣхомъ, онъ окончательно обозвалъ своихъ дядьевъ

юродивыми и началъ искать свою публику среди другихъ; по указаніямъ опытнаго, умнаго, но лѣниваго Митродора Графа онъ нашелъ ее въ „хозяйственномъ мужикѣ“.

Конечно, Петръ лично всѣ эти неопредѣленныя попытки и исканія объяснялъ одною практическою стороной; даже визитъ въ Дергачи къ Пиманамъ и знакомство съ Аннушкой представлялись ему ничѣмъ инымъ, какъ „дѣломъ“, простымъ практическимъ расчетомъ, но, въ сущности, это было исканіе почвы въ массѣ, поиски за признаніемъ его, Петра, правоты, безъ чего сынъ народа жить не можетъ.

Несмотря на не совсѣмъ удачный сегодняшній визитъ въ Дергачи, онъ, тѣмъ не менѣе, чувствовалъ въ душѣ удовлетворенность: онъ открылъ „людей массы“, съ которыми связь его несомнѣнна.

Но еще прежде хозяйственнаго мужика порадовала его находка Ефима.

Ефимъ былъ столь же необходимое дополненіе къ Петру, какъ Захаръ къ Обломову. И ни съ кѣмъ еще Петръ не спускался до такой непринужденности бесѣды, до такой фамильярности и даже искренности, какъ съ Ефимомъ, хотя, впрочемъ, по своей крайней недовѣрчивости, не смотрѣлъ сквозь пальцы и на него. Пока ставился самоваръ, Петръ все время мечталъ о сліяніи съ „хозяйственнымъ мужикомъ“; больше всего ему нравились дѣти Пимана—Андронъ и Сергѣй, нравилась Катерина Петровна, такъ много напоминавшая тетку и, въ то же время, болѣе сподручная съ практической точки зрѣнія, нравилась Аннушка, хотя она и вела съ нимъ себя очень странно... Нравились всѣ Пиманы, и самъ старикъ, а всего больше приглянулась эта стойкая, трезвая, упорная трудовая гармонія... И въ это время ему представилась его собственная усадьба, его отецъ, Синклетея съ ребятишками, хозяйство, которое было заправлено на хорошую ногу, но все какъ-то больше смахивавшее на трактиръ, чѣмъ на оживленную, дружную, единодушную гармонію „своихъ людей“. Онъ взглянулъ въ окно: одинъ за другой, покачиваясь, плыли по стѣнкѣ подъ окнами, по направленію къ сараю, Вонифатій и Синклетея, оба румяные, улыбающіеся.

Петръ сурово нахмурился и отвернулся отъ окна. Въ это время вошелъ, равномѣрно шагая, Ефимъ и сталъ ставить на столъ передъ Петромъ поднос и чашки. Съ тѣхъ поръ, какъ въ домѣ обосновался Ефимъ, Петръ уже не пускалъ къ себѣ наверхъ Синклетеи.

— Что *наши*-то, упраздновались? — спросилъ Петръ, кивая головой на дворъ.

— Попраздновали, — отвѣчалъ Ефимъ ровнымъ, размѣреннымъ и нѣсколько пѣвучимъ тономъ, растягивая, по мѣстному выговору, послѣдній слогъ, — что же имъ больше дѣлать? Они народъ отъ грѣха вольный... Что же имъ больше дѣлать, что не праздновать? У нихъ заповѣди этой самой нѣту-у... Ежели бы какая заповѣдь была, они бы знали, что и окромя ихъ на свѣтѣ живутъ люди-и... А они отъ заповѣдей народъ вольный-ый.. Ну, и празднуютъ! — говорилъ Ефимъ, ерзая около стола своими колоссальными сыромятными сапогами.

Прервавъ свои разсужденія на полусловѣ, онъ спустился опять внизъ къ самовару, раздулъ его, внесъ наверхъ и продолжалъ въ томъ же тонѣ:

— Ежели бы какая у нихъ заповѣдь была, они бы знали, что и окромя ихъ на свѣтѣ люди живу - утъ... А они отъ заповѣди народъ вольный... А ты вотъ какъ живи (и Ефимъ опять такъ дунулъ въ самоваръ, что покрылъ цѣлымъ слоемъ пепла и столъ. и Петра, и половину пола), ты вотъ какъ живи, ежели Богъ тебѣ отъ работы отдыхъ указалъ: ты народу жить дай, хлѣбъ народу дай... Народу хлѣбъ нуженъ!.. Всѣмъ хлѣбъ нуженъ, питаніе... Ежели ты дашь народу заработать хоть маленькій ломтикъ, онъ тебя вспомнитъ, онъ тебя почтитъ... Ты такую заповѣдь держи: есть у тебя силы—работу изыскивай, сытъ ли, не сытъ ли; ежели самъ сытъ—все работай, деньгу приращай... Ты за денежкой-то ровно за младенцемъ ходи: дорога она, деньга-то... Она уходъ любитъ: коли ты ее оберегаешь, она, что ребенокъ, расте-етъ. Не даромъ сказано: копѣечка рубль бережетъ.

Ефимъ говорилъ такъ основательно, плавно, мягко, словно убаюкивая, что Петру даже жалко было его прерывать: съ его лица все больше и больше сходили тѣни суровости. Не то, чтобы мысли Ефима были ему незнакомы (мало ли всякаго голоднаго народа, толпившагося около него, говорило ему не только то же, но еще съ заявленіемъ такого самопожертвованія, что, казалось, только бери ихъ, да съ кашей ѣшь), но никогда, ни отъ

кого онъ не слыхалъ такого яснаго, плавнаго развитія ихъ, возведенія ихъ въ устойный принципъ, какъ отъ этого пришельца „съ дальней стороны".

— Садись, попьемъ, — пригласилъ Петръ, предлагая ему стаканъ,—снисхожденіе, которымъ дарилъ Петръ съ разборомъ. Въ послѣднее время онъ рѣдко пилъ чай вмѣстѣ даже съ отцомъ.

Ефимъ подвинулъ къ себѣ стаканъ съ обычною своею медлительностью, безъ принужденія, даже не особенно принимая къ сердцу дѣлаемую ему честь.

— Беречь деньги—одно, а обхожденіе съ деньгой имѣть—друго-ое,—опять плавно, какъ ручей, потекла рѣчь Ефима.— Что беречь деньгу, что прогулять деньги—добродѣтель равная, ума тутъ надо немнога-а... А коли тебя Господь послалъ деньгой, ты за ней, ровно за яблонкой ходи: потому черезъ денежку вокругъ тебя народъ питается; денежка растетъ— хлѣбъ народу растетъ... А то вотъ, пожалуй, зашей въ мошну, да и сиди на ней, али возьми да по-вѣтру безъ пути разсыпь... Одна пѣна!.. Въ такомъ человѣкѣ добродѣтели нѣ-ѣтъ...

Въ такомъ родѣ долго и плавно развивалъ свои положенія Ефимъ, безконечно варьируя ихъ; долго слушалъ его Петръ, выпивая чашку за чашкой, и вотъ въ его глазахъ этотъ Ефимъ все росъ и росъ, превращаясь въ цѣлую массу Ефимовъ, въ цѣлыя полчища, впереди которыхъ стоялъ онъ, Петръ, ихъ руководитель и благодѣтель, — онъ, умственный мужикъ, умѣющій придать всему цѣнность и значеніе, онъ, носитель „новой" деревенской правды...

Самоваръ давно былъ выпитъ досуха; короткій осенній день давно уже смеркся; за перегородкой вздыхалъ Ефимъ, собираясь спать, а въ тишинѣ сумерекъ ходилъ, поскрипывая половицами, въ валеныхъ сапогахъ, Петръ, мечтая о томъ, какъ скоро вокругъ него все закипитъ жизнью, все оживятъ хозяйственные Пиманы и основательные Ефимы... И первымъ звеномъ, которое обязывалось связать ихъ и лечь въ основу гармоніи, должна была сдѣлаться Пиманова Аннушка. Чѣмъ больше темнѣло въ воздухѣ, тѣмъ образъ этой грубоватой дѣвушки завладѣвалъ имъ неотступнѣе; а въ концѣ-концовъ, заговорила и молодая кровь... Когда, потушивъ лампу, онъ приготовился лечь въ постель, для него уже было рѣшено, что онъ женится на Аннушкѣ... А какъ сама Аннушка?

Но у Петра не явилось даже сомнѣнія, чтобы его, умственнаго мужика, могли предпочесть кому-нибудь другому: такъ полонъ онъ былъ сознанія своей силы, и такъ полна была окружающая деревенская атмосфера тяготѣніемъ къ этой силѣ.

Все же Петръ съ нѣкоторымъ волненіемъ ждалъ назначеннаго Графомъ воскресенья.

ГЛАВА II.

Новый союзъ.

I.

Уличная вспышка, испортившая праздникъ въ Дергачахъ, потухла такъ же неожиданно и безпричинно, какъ, повидимому, быстро и безпричинно она явилась: къ наступленію ранней осенней ночи, какъ мы видѣли, на дергачевской улицѣ было такъ же все мирно, какъ въ обычные дни, и эта вспышка, казалось, оставила столь же мало слѣдовъ, какъ обыкновенныя драки подвыпившихъ на праздникѣ мужиковъ. Но это былъ миръ только видимый: вспышка потухла, но вызванное ею волненіе, скрывшись съ улицы, тѣмъ напряженнѣе сказалось за стѣнами и крышами дергачевскихъ избъ. Въ доброй половинѣ ихъ семейный миръ былъ нарушенъ; заговорили долго скрытыя и накопившіяся неудовольствія; невѣстки шипѣли на свекровей и золовокъ, зятья на тестей, дѣти на отцовъ. Заговорило все униженное и оскорбленное, и все хозяйственное, экономически сильное вдругъ сказалось грубымъ, жестокимъ деспотизмомъ, силясь потушить этотъ ропотъ, нарушавшій хозяйственный ходъ. Прошло уже три дня со времени праздника, а во многихъ хозяйственныхъ семьяхъ все еще былъ цѣлый адъ, устроенный хозяйственнымъ мужикомъ... Нѣчто смахивавшее на этотъ адъ устроилось и въ семьѣ „счастливаго" Пимана. Благодаря, съ одной стороны, скоро наступившей осенней ночи, а съ другой—дѣйствію водки, которая, послѣ сильнаго возбужденія, моментально свалила съ ногъ и расшибла „бунтовщиковъ", одинъ изъ этихъ „бунтовщиковъ", Алешка, зять Пимана, скоро свалился и спалъ непробуднымъ сномъ въ избѣ своего пріятеля Лукашки. Но дѣти Пимана, Андронъ и Сергѣй, резонно предполагали, что этимъ дѣло не кончится и назавтра Алешка подниметъ опять „дебошъ", вмѣстѣ съ

другими „голяками“, которыхъ опять постарается натравить Борисъ. Они знали, что это было только временное затишье, и, какъ предусмотрительные хозяйственные люди, тотчасъ же постарались заблаговременно принять мѣры. Когда стемнѣло, Андронъ и Сергѣй, не сказавъ отцу и матери, сбѣгали къ старостѣ Макридію Сафронычу и пригласили его къ себѣ „попраздновать“.

Макридій Сафронычъ относительно водки еще былъ довольно крѣпокъ духомъ; но что касается наливокъ и „красненькаго“, которое водилось, конечно, только у истинно-хозяйственныхъ мужиковъ, онъ часто пасовалъ, въ особенности, когда, измотавшись на неблагодарномъ дѣлѣ примиренія старой правды съ новой, махнулъ на ту и другую рукой. Андронъ и Сергѣй, сидя со старостой за самоваромъ, всебольше и больше входили въ хозяйственный азартъ и, волнуясь, доказывали старостѣ, какъ невозможно жить хозяйственному мужику при подобныхъ порядкахъ, что хорошему человѣку въ деревнѣ житья нѣтъ и пр. Макридій Сафронычъ, конечно, также искренно волновался, хотя зналъ, что все это *такъ*, разговоръ пока, а что у Пимановыхъ какая-нибудь штука еще припрятана къ концу. И дѣйствительно, только послѣ цѣлаго часа балаканья, несмотря на то, что каждый изъ собесѣдниковъ зналъ, что цѣна этому балаканью — грошъ, добрались они, наконецъ, до самой сути, начавъ пытать старосту насчетъ того, „имѣетъ ли какія-такія права всякій, можно сказать, необстоятельный человѣкъ озорствомъ своимъ зорить хорошихъ людей и хозяйство разбивать, на которое, можетъ, кровь и потъ ихъ излиты“. Макридій Сафронычъ, конечно, высказался противъ такихъ правъ „необстоятельныхъ“ людей. Тогда Андронъ и Сергѣй уже прямо стали доказывать, что „такихъ людишекъ прямо на морозъ надо гнать, чтобъ они почувствовали, каково оно, хозяйство-то, достается, а не то что, по ихнему нраву да нахрапу, выдѣлъ имъ выдавать да все хозяйство безпокоить“.

— Да и въ самомъ дѣлѣ, — говорили, волнуясь все больше и больше, Андронъ и Сергѣй, — ты, можно сказать, жизни своей не жалѣлъ, потъ-кровь проливалъ, теперича съ эскольких годовъ къ хозяйству прилежалъ, а тутъ, на-ты поди, вздумаютъ людишки бунтовать, несообразное въ голову заберутъ, имъ и подай все, чего просятъ? Да за что мы хозяйство-то будемъ рушить? Вѣдь, хозяйство-то потоль и сильно, коли огуломъ идетъ, кругомъ... Ты возьми-ка изъ хозяйства-то малую вещь, а оно тебѣ по всему дому трещину дастъ. Да съ чего жъ это? а? Съ чего жъ это мы хозяйству ущербъ будемъ дѣлать?.. Не нравится — уходи, а касаться хозяйства не моги... Уходи, коли не нравится, гуляй — сдѣлай милость!.. Ну, только чтобы ежели требовать... съ чего такъ?

Въ такомъ родѣ волновались братья, угощая старосту, который выпивалъ, утиралъ солидно бороду и старался только возможно увлекательнѣе повторять фразы своихъ собесѣдниковъ. Впрочемъ, кромѣ нихъ, троихъ, въ собесѣдованіи никто больше не принималъ участія: Катерина Петровна была сердита и упорно-молчаливо мыла посуду и мѣсила тѣсто; Пиманъ сначала какъ-то нерѣшительно поддакивалъ сыновьямъ, потомъ сталъ просто вздыхать и, наконецъ, скрылся на печку. На утро, дѣйствительно, Алешка „забунтовалъ“ опять: въ избу Пимана онъ явился съ какими-то „добросовѣстными“, въ числѣ которыхъ былъ его пріятель Лукашка, требовалъ чего-то „своего“; Андронъ и Сергѣй снова вошли въ хозяйственный азартъ, выставивъ своихъ „добросовѣстныхъ“... Цѣлыхъ два часа шла неумолкаемая ругань; наконецъ, братья стали выкидывать Алешкины полушубки, сапоги, шапки, кушаки... Каждая выбрасываемая вещь сопровождалась съ той и другой стороны крупными пререканіями. Мирный дворъ Пимана превратился въ настоящій кабакъ, около котораго галдѣли, стояли, зѣвали посторонніе люди. И такъ цѣлый день, потому что Алешка, заполучивъ, напримѣръ, сапоги, несъ ихъ сначала въ кабакъ, выпивалъ съ „своими добросовѣстными“ и, выпивши, являлся снова съ требованіемъ выдачи „своего...“ Опять начинались споры... Катерину Петровну выводилъ изъ себя весь этотъ кавардакъ, нарушавшій обычный ходъ хозяйства; она была зла на всѣхъ — и на сыновей, и на Алешку, и на дочь Пашу.

Впрочемъ, наибольшее количество огорченій во всей этой „компанейской войнѣ“ пало на долю доброй, мягкосердой, любящей и слезливой Паши: со слезами на глазахъ, вздыхая и причитая, цѣлый день, не переставая, перебѣгала она отъ одного лагеря къ другому, умоляя, миря: бѣжала за мужемъ въ кабакъ, тамъ отъ

пьянаго Алешки получивъ тукманку, бѣжала назадъ домой, а здѣсь пилили ее братья; рыдая, бросалась къ матери, и раздраженная мать вскрикивала: „О, дуй васъ горой всѣхъ, окаянныхъ!.. Сама выбрала такое чадушко—никто не тянулъ!“ Къ Пиману она ужъ не обращалась ни съ мольбами, ни съ укорами; сунулась было она одинъ разъ къ нему, но онъ отчаянно замахалъ на нее руками, закричалъ не своимъ голосомъ, сердито и вмѣстѣ отчаянно: „Ступайте прочь!.. Всѣ прочь ступайте!.. Вонъ ступайте!.. Живите, какъ знаете!“ Пиманъ, чѣмъ больше разгуливался адъ въ его семьѣ, тѣмъ робѣлъ все больше и больше, тѣмъ чаще и неотвязчивѣе приходило въ голову пророчество старика Ермила изъ Груздей: ему ужъ чуялось, что вотъ, того гляди, все его хозяйственное „счастіе“ разлетится прахомъ, что вотъ-вотъ не сегодня-завтра его постигнетъ неминучее разореніе, пойдутъ суды, кляузы... Онъ робѣлъ, и чѣмъ больше робѣлъ, тѣмъ сердитѣе становился.

Аннушка тоже дулась. Она всѣ эти дни не выходила изъ свѣтелки. Закутавшись въ нагольный полушубокъ, сидѣла она у окна и, недовольная, вслушивалась въ долетавшіе до нея черезъ окно и дверь выкрики и брань родныхъ. Когда, однажды, прибитая мужемъ Паша, не желая показываться съ подбитымъ глазомъ, чтобы не вызвать пущихъ укоровъ на голову мужа и на свою, вбѣжала къ Аннушкѣ, какъ къ единственному прибѣжищу, и залилась слезами, Аннушка, негодуя, сказала:

— Вольно было всякому встрѣчному на шею вѣшаться!.. „Добрый да тихій!“ Вотъ тебѣ и доброта... Сраму какого напустили. Господи! На улицѣ стыдно показаться... Коли у самихъ сраму нѣтъ, такъ хоть бы другихъ пожалѣли... Не одни живете! — выговорила, вся вспыхнувъ, Аннушка и, натянувъ себѣ на голову плечо полушубка, отвернулась къ окошку. Но ужъ теперь Паша не выдержала больше.

— Да что вы въ самъ дѣлѣ? а? Что вы меня терзаете?—вдругъ крикнула она, сорвавшись съ лавки.— Да что вы такіе за господа-бояре?.. Въ кого вы другимито уродились?.. Постой, матушка, не ершись, придетъ время — самой синяки-то слюбятся... Янька твой тоже не Богъ знаетъ въ какой Москвѣ уродился... Да и твое тѣло не въ барской сорочкѣ родилось!.. Погоди въ колодезь плевать, самой придется соленой водицы попить!.. Ишь какіе стали!.. И, Господи-батюшка, съ чего только взялось!.. Ровно и самъ дѣлѣ какіе купцы проявились! На ты, поди ты! Ни къ кому приступу нѣтъ... А вотъ вернуть вамъ подъ носъ-то хвостомъ хорошенько, такъ свое мѣсто и узнаете!.. Больно ужъ высоко забираете!—кричала Паша сквозь слезы.—Что я вамъ далась? Что мы, въ самомъ дѣлѣ, хуже людей, что ли?.. Что вамъ Алеша-то дался? Что вы всѣ на него накинулись? Что смиренъ-то онъ? Такъ ужъ вамъ и въ диво, какъ это человѣкъ своимъ голосомъ заговорилъ?.. Эхъ вы, жестокіе!—всхлипывая, закончила Паша и залилась слезами.

Аннушка плотнѣе закуталась въ полушубокъ, и, ничего не говоря сестрѣ, вышла изъ свѣтелки.

Исторія, происшедшая въ семьѣ Пимановъ, впрочемъ, кончилась довольно скоро и осталась почти безъ послѣдствій, если не относительно кого другого, то для Алеши. Кончилась она довольно неожиданнымъ образомъ для самихъ Пимановъ.

Наканунѣ того дня, когда они должны были ѣхать на званый праздникъ къ Митродору Графу (о чемъ они въ суматохѣ совсѣмъ и забыли, за исключеніемъ, впрочемъ, одного существа—Аннушки, которая все время суматохи была въ какомъ-то лихорадочно-раздражительномъ состояніи; ее неустанно мучила мысль, что эта суматоха не только помѣшаетъ ихъ семьѣ поѣхать къ Графу, но можетъ и совсѣмъ нарушить знакомство съ ними умственныхъ мужиковъ, а между тѣмъ, чѣмъ больше разгорался домашній адъ, тѣмъ непобѣдимѣе росло въ ней желаніе посмотрѣть, *какъ* живутъ умственные люди). Итакъ, наканунѣ отъѣзда къ Графу, въ семьѣ Пимана происходила такая сцена: Катерина Петровна хлопотливо стряпала. Пиманъ мочилъ квасомъ голову и съ неимовѣрнымъ напряженіемъ расчесывалъ волосы на головѣ и бородѣ частымъ гребнемъ: очевидно, онъ былъ доволенъ. Невдалекѣ отъ стола, на скамьѣ сидѣлъ Алеша, въ чистой рубахѣ, причесанный, умытый, какъ шалунъ-школьникъ, котораго только что притащили съ улицы, изъ грязи, съ кулачнаго боя съ сверстниками, вымыли, вычистили, перемѣнили костюмчикъ и привели къ родителямъ выслушивать длинную правоучительную рѣчь. Алеша, несмотря на 22 года, былъ вылитый этотъ школьникъ. Онъ сидѣлъ, наклонивъ го-

лову, и размочаливалъ пальцами кусочекъ веревки. Хотя все лицо его носило насупившееся выраженіе, съ надутыми губами, съ сердитымъ взглядомъ исподлобья, но слишкомъ ясно было, что все это *такъ*, чортъ знаетъ зачѣмъ, а больше-то всего ему хотѣлось всѣхъ обнять, расцѣловать, попросить прощенія и затѣмъ вихремъ вылетѣть опять на улицу и раскатиться по ней веселымъ, звонкимъ смѣхомъ. Наша, съ румянымъ, широкимъ, полнымъ лицомъ, ужасно похожимъ на улыбающееся лицо ребенка, на которомъ не успѣли еще высохнуть слезы, торопливо вносила въ избу кожанные и валеные сапоги, синіе и сѣрые халаты, шубы и полушубки, которые недавно съ такимъ азартомъ были вышвыриваемы въ окно и двери „хозяйственнымъ разгуломъ". Нашѣ въ этомъ обратномъ стаскиваніи скарба помогалъ пріятель Алеши, Лукашка, съ тѣмъ же стараніемъ, съ какимъ онъ нѣсколько дней назадъ все это помогалъ таскать Алешѣ къ себѣ въ избу. Аннушка сидѣла у окна и лѣниво чистила картофель, сердито посматривая на происходившую предъ нею сцену. Въ то время, какъ прочіе упорно молчали, Андронъ и Сергѣй, въ розовыхъ ситцевыхъ рубахахъ, въ своемъ обычномъ хозяйственномъ волненіи, говорили перебивая другъ друга, то ходя по избѣ, то снова присаживаясь на лавки.

— Вѣдь, ты что?.. Вѣдь, ты...—говорилъ Андронъ, обращаясь къ Алешѣ,—вѣдь, ты подумалъ ли, на что покусился?... Ты сообразилъ ли, съ умной-то головы, на что ты смѣлость взялъ? а?.. Ты понималъ ли, что на общее хозяйство покусился, на артель?.. Подумалъ ли ты, что за тобой народъ стоитъ, что этимъ хозяйствомъ-то не одинъ ты питаешься?.. Вѣдь, ты... ты, прямо тебѣ сказать, въ разбойники шелъ!.. Да мало еще этого! Мало!.. Вѣдь, тебя, ежели правду-то говорить, за эти самые проступки взять, да расшибить!.. А?.. Умная голова!.. Покусился!.. На что!.. А?.. На обчее хозяйство покусился, въ которое, можетъ, сколько теперича годовъ кровь изливали... а?

Такъ говорилъ Андронъ, внушительно размахивая руками то въ одну сторону, то въ другую, какъ бы приглашая всѣхъ въ свидѣтели справедливости своихъ словъ; но едва онъ пріостановился, какъ будто подыскивая дальнѣйшій запасъ резонныхъ разсужденій, и присѣлъ, какъ съ лавки поднялся ему на смѣну Сергѣй, точь въ точь, какъ его двойникъ братъ, такъ же внушительно размахивая руками, съ тѣмъ же хозяйственно-резонистымъ волненіемъ.

— Съ кого ты примѣръ-то хотѣлъ взять? Съ кого? Съ Бориса?.. Такъ, вѣдь, Борисъ-то не тебѣ чета!.. Не тебѣ съ Борисомъ тягаться... Деревянный ты! Вѣдь, Борисъ-то прежде чѣмъ въ разбойники-то обдѣлаться, человѣкомъ былъ... Вѣдь, Борисъ-то самъ такихъ, какъ ты, тысячи въ лапахъ держалъ... Вѣдь, предъ Борисомъ-то и баринъ, и начальство въ трепетѣ были... Вотъ онъ каковъ, Борисъ-то!.. А ты... Вѣдь, ты... ты развѣ человѣкъ?.. Ты объ своемъ животѣ небрежешь, объ своей крови попеченія не знаешь... Вѣдь, ежели человѣкъ-то настоящій, такъ въ немъ ежели не умъ, такъ кровь говоритъ, кровь даетъ знать!.. У тебя вонъ скоро ребенокъ будетъ—куда ты его съ женой-то потащилъ бы по чужимъ людямъ? а? Ты это подумалъ ли? Припасъ ли ты для нихъ дворцы-то? а? Али, можетъ, пустилъ бы жену-то, что корову, въ омшаникѣ родить? а? Вѣдь, на кого ты покусился?.. Подумалъ ли ты, что это значитъ, хозяйство ежели тронуть!.. Вѣдь, оно, хозяйство-то, не то, что тебя обуетъ, накормитъ, напоитъ, а и дѣтей-то твоихъ и внуковъ!.. Ну, кто же послѣ того на деревнѣ тебѣ довѣріе окажетъ, послѣ такихъ твоихъ поступковъ?.. Ну?.. Вѣдь, ужъ мы теперь такъ, можно сказать, глупости твоей ради снисходимъ...

И снова, едва истощился потокъ самыхъ сильныхъ резоновъ у Сергѣя, его смѣнилъ Андронъ.

— Истинно глупости твоей ради снисходимъ,—подхватилъ онъ слова брата.— Хоть то подумать: взяли тебя мы во дворъ... за что мы тебя взяли?.. Вѣдь, ты чужакъ... Вѣдь, ты... Вѣдь, ты хоша бы благодарность чувствовалъ: вотъ, молъ, добрые люди вѣкъ изжили, вѣкъ кровь изливали, все для хозяйства старались, можетъ, каждый кусокъ берегли, не допивали, не доѣдали, чтобы только, значитъ, дѣтямъ напредки осталось, не голодать бы, молъ, нашимъ дѣтямъ... Вотъ бы ты какъ разсуждать долженъ, кабы ты былъ человѣкомъ... А, вѣдь, ты...

— А, вѣдь, ты... — подхватилъ было опять Сергѣй, срываясь съ лавки. Но въ это время изъ-за перегородки, отдѣляв-

шей стряпную, выглянуло раскраснѣвшееся отъ печного жара серьезное лицо Катерины Петровны.

— Ну, будетъ вамъ... али мало? Что у васъ сердце-то собачье, что ли? Али ему отходу нѣтъ?— сурово крикнула она на сыновей.—Что вы, въ самомъ дѣлѣ, человѣка-то совсѣмъ, что ли, съѣсть хотите?

Сыновья сразу послушно смолкли, взглянувъ на мать, и оба усѣлись около стола. Алеша передернулъ плечами и повернулся на мѣстѣ, какъ будто ему вдругъ стало лучше и мягче сидѣть.

— Не учась вѣкъ не проживешь,— пустилъ вполголоса Андронъ, уже какъ послѣдній раскатъ пронесшейся бури.

— Не одному ему, навѣкъ польза будетъ,—поддержалъ его Сергѣй.

— Ну, все, кажись, слава тебѣ Господи!—съ искреннимъ удовольствіемъ выговорила вспотѣвшая, задохшаяся Паша, внося съ Лукашкой послѣдній сундукъ.

— Ну, что же тутъ навалили?—сказала опять сердито Катерина Петровна, обращаясь, впрочемъ, не къ одной Пашѣ и Алешкѣ, а ко всѣмъ вообще.—Убирайте въ клѣть... Чего набросали на глаза-то? Чтобы всѣмъ сердцами терзаться?... Прибрали съ глазъ долой, да и конецъ... А ужъ дурость-то свою да сердце, коли ума нѣтъ, припрячьте подальше.

Катерина Петровна, какъ разсудительная женщина, очень хорошо понимала, что если раньше „война" по какимъ-то причинамъ оказалась неизбѣжной, и, ради спасенія хозяйства, сама готова была принять въ ней участіе, то теперь продолженіе войны было уже чистымъ „баловствомъ", неоправдываемымъ даже съ точки зрѣнія суроваго хозяйствованія. Всѣ замолчали. Катерина Петровна опять ушла къ печи, предварительно окинувъ всѣхъ внимательнымъ взоромъ, какъ будто желая удостовѣриться, не кипѣло ли въ комъ еще „сердце". Повидимому, этотъ осмотръ далъ ей утѣшительный отвѣтъ, и только на лицѣ Аннушки замѣтила она нехорошее выраженіе и задумалась.

— Аннушка, ты помогла бы мнѣ въ клѣть все убрать,—сказала Паша сестрѣ.

Аннушка ничего не отвѣтила, но, высыпавъ чистый картофель въ горшокъ и отнеся къ матери, вернулась къ наваленной кучѣ скарба и, взваливъ на плечо шубы, проговорила сквозь зубы сестрѣ:

— Нашумѣли, что сухіе вѣники... Только на это и хватило... По хорошимъ людямъ только славу пустили!

Но Паша теперь уже и не думала ей возражать; она такъ была переполнена всѣмъ существомъ своимъ настоящею минутой примиренія, что все въ ней какъ-то сладко переливалось; она чувствовала, какъ ровно, спокойно переливалась у нея кровь по жиламъ, какъ теплота равномѣрно расходилась по тѣлу, какъ плавно, безъ боли поворачивался у нея подъ сердцемъ ребенокъ, мучившій ее во время переполоха сильными схватками, ознобомъ конечностей, приливами крови къ головѣ... Это маленькое существо, еще не явившись на свѣтъ, тѣмъ не менѣе, управляло житейскими событіями и подавало въ нихъ рѣшающій голосъ за свою судьбу, заставляя свою мать страстно чувствовать эту минуту примиренія, которая принесетъ ему такъ много благъ: родится онъ среди своихъ, вдали отъ нужды, въ теплѣ и просторѣ, среди прочнаго хозяйства, устроеннаго дѣдами и прадѣдами, которое обезпечитъ и охранитъ не только моментъ его появленія на свѣтъ, но и его будущее, и даже будущее его дѣтей. А внѣ этого прочнаго хозяйства этому маленькому существу такъ было страшно являться на свѣтъ, такъ сиротливо глядѣла предстоящая жизнь!.. Во имя этого ощущенія для Паши исчезало кругомъ все другое, и она, словно торопясь, съ удвоенною энергіей таскала въ клѣть сундуки и одежду.

Что касается Алеши, то съ нимъ случилась одна изъ тѣхъ странныхъ, непостижимыхъ еще для насъ, но широкообычныхъ въ народѣ, исторій, которыя почти всецѣло должны быть отнесены къ области народной психики.

Проснувшись въ избѣ Лукашки дня черезъ три, въ теченіе которыхъ онъ неустанно „бунтовалъ", Алеша неожиданно почувствовалъ, что онъ усталъ; мало того, онъ весь былъ какъ-то разбитъ, всѣ члены размякли, всякая энергія пала. Когда Лукашка поднесъ ему стаканчикъ опохмелиться, Алеша только ребячески улыбнулся ему, сморщился и покачалъ головой. Водка стала ему противна, онъ весь дрожалъ, хотя продолжалъ улыбаться.

— Ты что какой? — спросилъ его Лукашка, пристально всматриваясь ему въ лицо.

Алеша не отвѣчалъ, только на лицѣ его все больше и больше выражались ужасъ и робость. Онъ смотрѣлъ на сваленное въ кучу „свое имущество" и не понималъ, что все это значило.

— Ты не робѣй... Чего робѣешь?—утѣшалъ его Лукашка.—Мы коли что, такъ, вѣдь, и во! — показалъ онъ, улыбаясь, кулакъ.—Что изъ того, что ты чужакъ? Ты требуй... Главное, стой крѣпко, бунтуйся, а коли что—мы ихъ, подлецовъ, во!

Какъ ни убѣдительно смотрѣлъ здоровый кулакъ Лукашки, но Алеша робѣлъ и робѣлъ все больше: онъ уже органически не могъ „бунтоваться", ему хотѣлось куда-нибудь уйти, убѣжать, провалиться сквозь землю, только бы его не трогали.

— Ты бы, Алеша, умылся, — сказала вошедшая Паша, предварительно еще въ дверяхъ внимательно разсмотрѣвшая его и сразу понявшая, что Алеша уже не тотъ.—Вишь ты—какой... Ровно изъ болота вылѣзъ!.. Вотъ я тебѣ рубаху чистую одѣну... Пойдемъ умою... Пойдемъ, касатикъ... а?.. Пойдешь?.. Будетъ ужъ... Показалъ себя—и будетъ... Богъ съ ними!.. Вотъ такъ, подымайся, пойдемъ... Вишь, тебя лихоманка бьетъ!—говорила Паша, уводя Алешу на крыльцо къ рукомойнику.

Здѣсь она проворно засучила полныя, упругія руки, наклонила ему, какъ ребенку, голову и стала мыть, потомъ вытерла полотенцемъ. Пока мыла, она, не переставая, говорила надъ самымъ его ухомъ:

— Вонъ, вишь, я тяжелая... Ребенокъто все это время какъ голубь бился: тоже чувствуетъ... Куда, молъ, это тятенька съ маменькой дѣнутся, на зиму глядя... Не нравится тоже ему... А у дѣдушки, молъ, вишь, тепло да уютно... Свои люди, своя кровь...

И долго бурлила ему Паша въ самыя уши, потомъ переодѣла она ему рубаху, причесала голову, потомъ ужъ какъ-то машинально онъ самъ надѣлъ полушубокъ и шапку.

— Вотъ такъ-то лучше,—сказала Паша, беря его за руку. — Ты ужъ, Лука Петровичъ, неравно, помоги намъ опять имущество-то перетащить, коли что...

— Что жъ, съ удовольствіемъ! — сказалъ Лукашка. — Долго ли перенести!.. Перенести не долго... Конешно, что вамъ нельзя, на зиму глядя... Ну, и ребенокъ, того гляди... Что говорить, по чужимъ людямъ житье бѣдовое... Это вонъ ежели Борька, такъ онъ человѣкъ мощный... А перенести съ полнымъ удовольствіемъ! Отчего не перенести!—продолжалъ онъ говорить, провожая Алешу, котораго Паша взяла за руку и повела къ своимъ задамъ. Что было дальше, — намъ извѣстно.

II.

Въ первое воскресенье послѣ Покрова Пиманы торжественно двинулись на праздникъ въ усадьбу Митродора Графа. Были заложены двѣ подводы въ небольшія, съ расписанными задками, телѣги (хозяйственный крестьянинъ всегда имѣетъ такую телѣгу, обыкновенно называемую имъ „тарантасикомъ"; для ѣзды „за дѣломъ" онъ обыкновенно употребляетъ роспуски, даже навозныя телѣги, но на роспускахъ онъ никогда не поѣдетъ на праздникъ или въ гости, а непремѣнно въ тарантасикѣ, хотя ѣзда на немъ въ тысячу разъ неудобнѣе, чѣмъ на роспускахъ). На одной подводѣ сидѣли Пиманъ, Катерина Петровна и Аннушка, на другой—Андронъ и Сергѣй. Всѣ были веселы и очень довольны, но довольнѣе всѣхъ былъ самъ Пиманъ, окончательно убѣдившійся, что пророчество Ермила изъ Груздей не оправдалось и что все осталось въ его жизни по-прежнему. Задумчивѣе другихъ были мать и дочь: обѣ онѣ смотрѣли пристально вдаль, какъ будто чувствовали, что тамъ, въ этой дали, должно находиться что-то для нихъ серьезное, рѣшающее... И именно тамъ, *вдали*, а не позади, не въ Дергачахъ... Какъ будто тамъ, въ Дергачахъ, что-то совершилось такое опредѣленное, безповоротное, о чемъ уже никто не считалъ нужнымъ не только говорить, но и думать. Что такое совершилось, почему это совершившееся должно быть безповоротно-рѣшающимъ, никто бы не сказалъ опредѣленно, но всѣ ясно чувствовали, что тамъ, позади, что-то кончилось, а то, что должно начаться, тамъ, впереди... Въ особенности таинственнымъ чутьемъ это ощущали женщины; хороша ли эта имѣющая совершиться замѣна, или нѣтъ—онѣ не знали; но онѣ чувствовали, что такъ должно быть; это дѣло „судьбы". Развѣ съ Катериной Петровной не то же было? Она любила Мина, любила искренно, и вышла замужъ за Пимана, тяжелаго, хозяйственнаго Пимана. Почему? Она не знала, но, положа руку на сердце, въ глубинѣ души искренно могла сознаться, что это не были ни прихоть, ни разсчетъ, ни вѣроломство. То было нѣчто непонятное, невидимое, неуловимое, но неотвратимое, сильное, что покоряетъ и прихоть,

и самый разсчетъ. Это была „судьба“— вотъ все, что она знала. И теперь, когда ей приходится выдавать замужъ дочь, она чувствуетъ, что и ею, и дочерью снова руководитъ не воля, не прихоть, даже не разсчетъ, а все тоже сильное, неотвратимое—„судьба“... Аннушка, конечно, не могла такъ чувствовать и такъ вдумываться въ это чувство, какъ мать; но и въ ея сердцѣ что-то ныло, жило какое-то неопредѣленное предчувствіе. Всѣ три дня, пока царилъ въ Дергачахъ „адъ“, она не выходила почти за ворота, не искала встрѣчи съ Яней; не искалъ этой встрѣчи и онъ... Какъ-то вдругъ стало имъ почему-то совѣстно, стыдно встрѣтиться другъ съ другомъ, и что-то непобѣдимое держало ихъ вдали другъ отъ друга. Ей часто приходилъ въ голову Яня, вотъ онъ и теперь почти неотвязно стоитъ передъ нею — и, между тѣмъ, ее стремительно влечетъ къ себѣ что-то „новое“, тамъ, вдали, и у нея замираетъ сердце. Ей хочется забыть все это старое, все, что тамъ, позади, потому что это старое вдругъ какъ-то все оголилось, оголилось такъ, что она не можетъ представить себѣ ни Яньку, ни другого дергачевскаго парня иначе, какъ въ образѣ Алеши... Какъ она ни перебираетъ ихъ всѣхъ—всѣ, рѣшительно всѣ, въ ея воображеніи тускнѣютъ, оголяются, и передъ нею стоитъ все тотъ же Алеша. Алеша и Паша, Паша и Алеша... и вся эта трехдневная безтолковая суматоха съ кулаками, кровью, бранью, криками, синяками, сапогами, шубами, сначала азартно выбрасываемыми въ окно, потомъ опять притаскиваемыми одна за другой... А что тамъ, *вдали?* А Богъ знаетъ что: „судьба!“... Такъ, замирая, несется иногда человѣкъ стремительно во снѣ: ему и страшно, и больно, духъ захватываетъ, и хочется остановиться—и между тѣмъ, страстно хочется узнать: что же будетъ?... Не болѣе ясно представляли себѣ цѣль и конечный результатъ этой поѣздки и Андронъ съ Сергѣемъ, хотя они, если бы ихъ спросить объ этомъ, конечно, тотчасъ же пустились бы въ длинныя разсужденія, какъ будто все это для нихъ совершенно ясно... Еще бы! чѣмъ же мужикъ живетъ, какъ только не брюхомъ, да не экономическимъ разсчетомъ? Тутъ все такъ ясно, что и самъ мужикъ, если вы его спросите, скажетъ: „да какъ же инако?.. Тѣмъ и жизнь держится!..“ И Андронъ, и Сергѣй были преисполнены самодовольства, ибо совершенно искренно полагали, что для нихъ все ясно.

Пиманы, по крестьянски, выѣхали рано. Воздухъ былъ ядреный, морозный; съ полей не сошелъ еще выпавшій за ночь мягкими, легкими пушинками снѣжокъ, кое-гдѣ бѣлѣвшій по сторонамъ дороги, въ канавкахъ, около камней, кустовъ. Солнце словно мигало изъ-за несшихся стремительно по небу разорванныхъ облаковъ.

— Вонъ, — крикнули Андронъ и Сергѣй, — смотри, вишь, галдарея-то отъ солнца играетъ стеклами! Это его, Графская!.. Вонъ за рощей-то видится!.. За версту увидишь.

— А Петръ-то какъ выстроился?—спросилъ Пиманъ.—Я еще не видѣлъ...

— Та-акже! — протянулъ Андронъ.— Словно колокольня, все галдареи... Тоже за версту видно... Вотъ, молъ, мы какъ!.. Да чего жъ съ хорошимъ отъ людей скрываться?.. Коли поведешь себя благородно—и къ барскому мѣсту будешь впору.

Помѣстье Митродора Васильича Графа было куплено, какъ и Петромъ, что называется, на мѣдныя деньги, а потому тоже было невелико и неособенно роскошно, хотя и не представлялось такимъ голымъ, какъ у Петра. Не то, чтобы кругомъ видѣлось больше практической предусмотрительности, а все какъ-то смотрѣло оживленнѣе. Во-первыхъ, „барскій“ домъ стоялъ нѣсколько ближе къ деревнѣ, во-вторыхъ, онъ представлялъ довольно странный по архитектурѣ, но очень удобный въ другихъ отношеніяхъ видъ: былъ онъ поставленъ въ три яруса, изъ которыхъ, какъ въ церквахъ, каждый верхній ярусъ былъ короче нижняго; въ самомъ нижнемъ помѣщались лавки и лабазы, въ среднемъ—парадное жилье, смахивавшее на трактиръ (да въ дни ярмарокъ и базаровъ оно иногда и въ самомъ дѣлѣ превращалось въ него), и, наконецъ, верхній ярусъ, нѣчто въ родѣ мезонина, съ стеклянными „галдареями“, былъ обычнымъ обиталищемъ самого Графа.

Митродоръ Васильичъ принадлежалъ не совсѣмъ къ ординарнымъ личностямъ. Онъ былъ сынъ двороваго, принадлежавшаго одному богатому барину, у котораго въ дворнѣ были всевозможные мастера: свои плотники, столяры, маляры. Къ послѣднимъ принадлежалъ отецъ Митродора. Первый моментъ зарожденія сознанія въ Метродорѣ совпалъ съ романтическимъ періодомъ народной жизни лѣтъ за пять

передъ освобожденіемъ, когда такою широкою волной ходили въ народѣ всевозможные толки и слухи, поддерживаемые еще болѣе ироническими намеками и разговорами объ эмансипаціи самими помѣщиками. Всѣ ожидали. Всѣ дворовые ясно выражали это ожиданіе словами: „Мы ужъ скоро будемъ сами по себѣ!.. Теперь намъ никто не указъ!.. Куда захотѣлъ—туда пошелъ; чего пожелалъ—то взялъ. Не пожелалъ здѣсь — хоть за море махнулъ. Теперь ужъ всякъ самъ по себѣ". Вскорѣ послѣ освобожденія баринъ распустилъ весь свой дворовый штатъ. Митродору тогда было 20 лѣтъ; тогда вскорѣ у него умерли отецъ и мать, и онъ остался одинъ устраиваться на бѣломъ свѣтѣ. Митродоръ, прежде всего, вошелъ въ одну малярную артель, работавшую безъ подрядчика. Онъ былъ плохой мастеръ, но проворный, бойкій и притомъ грамотный парень. Эту умственную бойкость, конечно, въ артели скоро замѣтили и не преминули ею воспользоваться: съ самой ранней весны артель снаряжала Митродора на поиски подрядовъ въ города, отпуская ему скудную сумму на харчи. Бойкій Митродоръ очень усердно бился въ городахъ на подрядахъ въ пользу своей артели: ходилъ по трактирамъ, угощалъ „нужныхъ людей", давалъ на водку и чаи дворникамъ, лакеямъ, такъ что скудная сумма, отпускавшаяся ему артелью, исчезала очень быстро. Митродору приходилось въ полномъ смыслѣ голодать, тѣмъ не менѣе, подряды онъ доставлялъ хорошіе. Добродушная артель просто была отъ него въ восторгѣ и не нахваливалась имъ, но когда приходилъ день разсчета, мужички оказывались очень туговаты въ оцѣнкѣ Митродоровой умственности, и какъ, ругаясь и горячась, ни доказывалъ имъ обиженный Графъ, чего стоило ему добиться подряда, сколько стоило это хлопотъ, бѣготни, голодовокъ, ночевокъ чуть не на улицѣ и, наконецъ, денегъ, которыя онъ иногда занималъ, артельные мужички, тѣмъ не менѣе, приходили въ ужасъ отъ истраченной имъ суммы, туго стояли на своемъ, и если на что соглашались, то единственно только накинуть рублишко лишній на его умственность. Эти дни расчетовъ были самыми мучительными днями для Митродора; добродушные мужички, наученные опытомъ жизни, припирали его такимъ недовѣріемъ и, притомъ, такъ низко цѣнили его умственность, возражая ему, напримѣръ, такими словами, что, молъ, и ты, парень, недалеко безъ насъ уѣдешь,—что Митродоръ получилъ органическое отвращеніе къ этой „070 возне съ народомъ" и бросилъ артель. Отчасти вслѣдствіе этого отвращенія, отчасти потому, что еще былъ очень молодъ, онъ и не подумалъ забирать артель „въ свои руки"; онъ захотѣлъ жить и дѣйствовать „самъ по себѣ", чтобы всякій къ нему въ душу „не лѣзъ", „чтобы быть самому себѣ господиномъ". Онъ бросилъ свое мастерство и, встрѣтившись въ городѣ съ однимъ офеней, прельстился его промысломъ. Получивъ отъ этого офени половину товара въ кредитъ, онъ пустился изъ края въ край, отъ моря и до моря охаживать Россію. Во время этихъ своихъ странствованій онъ сталкивался со всевозможнымъ народомъ: крестьянами, мѣщанами, семинаристами, мелкимъ чиновничествомъ и духовенствомъ, выучился отъ нихъ ариѳметикѣ, читать газеты и романы, пріобрѣлъ особую повадку, поступь, сталъ носить брюки и пиджаки. Расторговавшись, онъ купилъ лошадь и съ цѣлымъ возомъ всевозможныхъ товаровъ ѣздилъ по ярмаркамъ.

Когда ему минуло тридцать лѣтъ, онъ женился на дочери мѣщанина одного посада, невдалекѣ отъ Дергачей, и женился „по любви", такъ какъ жена его была красивая и, притомъ, „образованная" дѣвушка, т.-е. умѣла читать, писать, посвѣтскому и по-церковному, пѣла пѣсни „по пѣсеннику" и, притомъ, была мастерицей шить золотомъ. Близъ посада было большое торговое село; къ нему приписался Митродоръ и повелъ уже осѣдлую торговлю. Но съ этого момента съ нимъ случилось что-то странное: перемѣна ли кочевья на осѣдлость подѣйствовала на него, или онъ усталъ и его сразу забралъ въ руки открывшійся предъ нимъ „спокой", только онъ передалъ всю торговлю женѣ, а самъ... зѣвнулъ, и съ тѣхъ поръ сталъ зѣвать все смачнѣе и упорнѣе.

Онъ даже и барскую усадьбу купилъ—не какъ Петръ, не съ замираніемъ и захлебываніемъ, а такъ, шутя, зѣвая.

— Пожалуйте-съ, пожалуйте-съ!... Милости просимъ, — говорилъ онъ, полулѣниво встрѣчая гостей въ своей уютной зальцѣ, уставленной плетеными стульями, столами, покрытыми разнообразныхъ цвѣтовъ скатертями. Вообще, по убранству комнаты было замѣтно, что Графъ любилъ

и поддерживалъ чистоту, порядокъ и опрятность. На подоконникахъ лежали старыя газеты. На стѣнахъ висѣли фотографіи и была даже одна картина, писанная масляными красками, изображавшая фламандскій пейзажъ: эту картину онъ никакъ не могъ продать, такъ она у него и застряла. Но теперь онъ ею былъ доволенъ и врядъ ли бы даже продалъ.

Когда пріѣхали Пиманы, гости Митродора Графа почти всѣ уже были въ сборѣ; нѣкоторые пришли прямо отъ обѣдни. Публика была довольно разношерстная: крестьяне, мѣщане, купцы, разночинцы. Въ ожиданіи чая и закуски, которую съ обычною небрежностью и лѣнью разставлялъ на столѣ Митродоръ Графъ (нынче одѣтый по-городскому, въ пиджакъ, что, при его длинной, сухопарой фигурѣ, при худощавомъ, выразительномъ лицѣ, дѣлало его совершенно непохожимъ на обычный кулацкій и мужицкій типъ), гости чинно сидѣли по стульямъ вдоль стѣнъ; здѣсь были все мужчины; женщины были на половинѣ жены Митродора. Изъ мужчинъ-стариковъ было всего двое: дьячокъ, дальній родственникъ его жены, да мужичокъ, въ скромной, но новенькой свиткѣ, словно съ иголочки, умильно и радостно смотрѣвшій на всѣхъ, очень смахивавшій на сѣденькаго старичка-чиновника, выслужившаго Владиміра и получившаго дворянство. Самъ онъ былъ землепашецъ, но отъ его корня расцвѣло пятеро „молодцовъ", „хозяйствовавшихъ" на всѣхъ окраинахъ необозримой Россіи. Всѣ эти пятеро „молодцовъ", благодаря неизмѣримымъ разстояніямъ, отдѣлявшимъ ихъ другъ отъ друга, давно бы забыли одинъ другого навѣки, если бы не этотъ старичокъ, еще сидѣвшій въ самомъ центрѣ, на клочкѣ дѣдовской земли; этотъ старичокъ и этотъ клочокъ разъ въ два или три года стягивали къ себѣ, какъ къ сердцу, „молодцовъ" на праздникъ. „Молодцы", взаимно полюбовавшись другъ другомъ, приведя въ умиленіе старичка и, какъ Антей, освѣживъ свои силы прикосновеніемъ къ родному клочку земли, съ обновленными силами и вѣрой въ „мужицкую идею" разлетались вновь по окраинамъ.

Изъ сверстниковъ Графа было трое: одинъ, такой же длинный и сухопарый, какъ Графъ, но только съ какимъ-то дѣтски-наивнымъ лицомъ и постоянно устремленными какъ будто внутрь себя взорами, былъ сектантъ, носившій въ себѣ „храмъ Божій". Онъ принадлежалъ къ семьѣ закоренѣлыхъ раскольниковъ и долгое время раздѣлялъ воззрѣніе своихъ родныхъ, но, убѣдившись, что раскольничья „моленная" нисколько не уступала формализму, окружавшему представителей православной Церкви, онъ пришелъ къ убѣжденію, что „храмъ Божій въ сердцѣ человѣческомъ". Это убѣжденіе опредѣляло всю его нравственную физіономію. Стоило только взглянуть на него, чтобы сразу предположить, что этотъ человѣкъ, какъ „скудельный сосудъ", носитъ въ себѣ какое-то сокровище и что всѣ мысли его направлены исключительно на то, какъ бы этотъ хрупкій сосудъ неосторожно обо что-нибудь не ударить, какъ бы его кто-нибудь не толкнулъ грубою рукой. Все въ немъ — осторожная походка, жесты, постоянно сосредоточенные и, тѣмъ не менѣе, зорко наблюдающіе по сторонамъ взоры, деликатное, мягкое обращеніе со всѣми, готовое предупредить малѣйшую неловкость или грубость,—все говорило, что этотъ человѣкъ носитъ въ себѣ „святыню". Личная нравственность его была безукоризненна: онъ никогда не выпилъ рюмки вина, никогда не пропѣлъ пѣсни, и хотя былъ женатъ, никогда не испыталъ восторговъ плотской любви. Былъ онъ прежде землепашецъ, но постоянный рискъ подвергать носимую въ сердцѣ „святыню" сутолокѣ мірскихъ дѣлъ, заставилъ его бросить это занятіе; онъ открылъ лавочку и харчевню, въ которой торговала его жена, самъ же онъ предавался внутреннему созерцанію жившей въ немъ „святыни". Но такъ какъ онъ жилъ въ деревнѣ, въ міру, то грѣховные мірскіе люди не могли оставить его въ покоѣ. Такъ, зная его высокую личную нравственность, они неоднократно предлагали ему честь послужить мірскому правосудію въ качествѣ волостного судьи. Эта честь, однако, приводила сектанта въ ужасъ: сначала онъ откупался деньгами отъ нея, а затѣмъ, когда денегъ платить не захотѣлось, онъ хотя и согласился на выборъ въ судьи, но, для охраненія носимой въ сердцѣ святыни, прибѣгъ къ такой постановкѣ дѣла: когда два судьи-сотоварища обращались къ нему за мнѣніемъ, онъ говорилъ: „Братцы, судите по своей совѣсти: правы ли вы будете, неправы ли—васъ двое, а я завсегда самъ при себѣ останусь". Такъ и въ этомъ скользкомъ дѣлѣ онъ сумѣлъ пронести

незапятнанною свою „святыню“. Достойно замѣчанія, что, несмотря на уваженіе, которое питалъ къ нему народъ, и на удивленіе предъ его личною нравственною безукоризненностью, онъ былъ извѣстенъ подъ страннымъ прозвищемъ „антихристова кочерга“. Можетъ быть, этому подала поводъ его сухопарая фигура.

Второй сверстникъ Митродора Графа былъ Кумъ. Мужчина лѣтъ сорока, высокій, плотный, неимовѣрной силы и неизрѣченнаго добродушія. Кумъ былъ извѣстенъ подъ этимъ именемъ (кромѣ станового, врядъ ли кто и зналъ его имя, отчество и фамилію) не только въ окрестной палестинѣ, но въ цѣлыхъ трехъ сосѣднихъ уѣздахъ.

Слава про Кума гремѣла по всѣмъ окрестнымъ деревнямъ, и не было не только бабы и мужика, которые не знали бы, кто такой Кумъ, но и подростка, который не слыхалъ бы о немъ. Вѣчно веселый, улыбающійся, съ пухлымъ полузаспаннымъ лицомъ, добрыми маленьками глазами, огромнымъ ртомъ, всегда гремѣвшимъ трубой, безусый и безбородый, въ длинномъ, никогда не чищенномъ сюртукѣ, испачканномъ на спинѣ то въ известкѣ, то въ мѣху, въ широкихъ шароварахъ, выпущенныхъ поверхъ неуклюжихъ сапогъ, это былъ кутила, „добрый малый“, приводившій въ восторгъ все крестьянское населеніе. Прежде всего, не было деревни, гдѣ бы онъ не крестилъ у какой-нибудь бабы, не было „міра“, которому онъ *такъ,* зря, не выставилъ бы ведра водки, не было услуживавшаго ему мужика, которому онъ не заплатилъ бы вдвое. Пріѣздъ Кума въ какую-нибудь деревню былъ настоящимъ праздникомъ (а онъ только и дѣлалъ, что ѣздилъ изъ деревни въ деревню): мужики, бабы, дѣвки и парни, подростки и пятилѣтніе малыши — всѣ высыпали на улицу, лишь только здоровенная фигура Кума, въ крестьянской телѣгѣ, показывалась на ней. „Кумъ, Кумъ пріѣхалъ!“ — кричали кругомъ. Съ нимъ дружески здоровались, рука въ руку, лишь онъ тяжело выбирался изъ телѣги. Кто называлъ его Иваномъ Петровичемъ, кто — Петромъ Николаевичемъ: онъ никогда не поправлялъ. „Ну, братцы, здравствуйте!—кричалъ онъ,— выпьемъ, что ли?“— „Да ужъ знамо, что выпьемъ, Петръ Васильичъ! Чего жъ намъ съ тобой, Кумъ, дѣлать?..“ — „Вали за четвертью!— говорилъ Кумъ, сунувъ въ руку первому мальчугану зеленую. — Гривенникъ получай себѣ, остальное на закуску!.. Идемъ, братцы, на зады“. И вся деревня отправлялась за Кумомъ на зады: приносилась водка, велись разговоры. „И что это, братецъ, за житье тебѣ, Кумъ! Хошь бы ты къ мѣсту какому пристроился, къ дѣлу.“ — „Зачѣмъ? — спрашивалъ Кумъ въ добродушномъ изумленіи. — Денегъ, что ли, у меня нѣтъ?“ — „Оно точно... Да какъ-то, Кумъ, все что-то не по-людски. Ты бы деньгу, что ли, произращалъ...“ — „А зачѣмъ? Ну, говори: зачѣмъ? Что мнѣ, мало, что ли? Чего мнѣ не хватаетъ?“ — „Такъ-то такъ, а все же, братъ, какъ то не по закону ты живешь...“—„Ну, да говори, дурья голова, какъ мнѣ жить-то?.. Ну! Ну, вотъ попадись мои деньги тебѣ,—кричалъ Кумъ,— ну, что бы ты сталъ съ ними дѣлать? Ну?“ — „Я бы торговлей занялся... Оборотъ бы пустилъ... Эвона, денегъ-то сколько было бы! Куча!“ — „Куча! — горячился Кумъ, — а на кой тебѣ чортъ, прости Господи, эту кучу-то?.. Облопаться, что ли, тебѣ съ нихъ?“—„Да, вѣдь, вонъ другіе живутъ... вонъ въ городахъ... Значитъ, куды ни то нужны...“— „Куды ни то! Другіе! — дразнился Кумъ. - Ты не про другихъ говори, а про себя... Тебѣ-то куда бы ихъ?“—„Это точно, — соглашались мужики,— много намъ не надо, совсѣмъ ни къ чему, ну, а *малаго* было бы куды надо... куды бы кстати!.. Вотъ мы опять было къ тебѣ, Кумъ, насчетъ податей... Опять прижимка...“— „Вотъ бы и мнѣ, Петръ Николаичъ, пожаловалъ бы что: корова пала“, — говорила бойкая баба. — „Ну, ужъ это — извините... Вѣдь я прошлымъ годомъ за васъ внесъ?“—„Внесъ, внесъ!.. Спасибо, Кумъ!.. Это что говорить... Да, вѣдь, опять...“—„Ну, братъ, подожди!.. Эдакъ у меня денегъ-то не надолго хватитъ: тоже, кромѣ васъ, деревни есть...“— „Это такъ, такъ...“—„То-то вотъ и есть; вотъ я заѣхалъ къ вамъ: хотите выпить —выпьемъ, а приставать ежели будете, никогда не заѣду... Коровъ-то покупать всѣмъ у меня тоже капиталу не хватитъ, голубушка, а вотъ трешницу я тебѣ на починъ дамъ, коли хочешь: можетъ, у тебя и нарастетъ...“ Въ такомъ родѣ велъ разговоръ Кумъ, а тутъ приносили водку, пили въ круговую, пѣсни пѣли, Кумъ расходился: сдергивалъ съ себя сюртукъ, связывалъ съ туловища кожаную кишку, набитую деньгами, ко-

торою онъ подпоясывался, какъ поясомъ, и щедрѣе, чѣмъ обѣщалъ, раздавалъ деньги. Благодаря своей могучей комплекціи, онъ могъ выпить море, но никогда не валился съ ногъ, даже не терялъ того небольшого, но всегда яснаго смысла, который ему былъ присущъ. Раздавалъ онъ деньги безъ всякой опредѣленной системы, но эта присущая ему ясность взгляда какъ-то инстинктивно указывала ему настоящую нужду: его нельзя было подкупить ни лестью, ни подобострастіемъ, потому что въ немъ самомъ не было ничего такого, на чемъ можно было бы разыгрывать подходящія пѣсни. Зависѣло это отъ того, что онъ, во-первыхъ, хорошо зналъ народъ, понималъ его органически, безъ разсужденій и изученій; во-вторыхъ, отъ того, что за послѣднія пять лѣтъ, пируя съ мужиками по деревнямъ, онъ эти деревни зналъ какъ свои пять пальцевъ. Если Кума цѣлый міръ слишкомъ уже одолѣвалъ домогательствомъ, у него была одна угроза: „никогда не пріѣду!..“ Эта угроза была столь могучей, что останавливала самые сильные и разгулявшіеся аппетиты. И были такія деревни, въ которыя Кумъ не заѣзжалъ по году, по два.

Таковъ былъ Кумъ. Происхожденіе этого оригинальнаго человѣка было довольно темное и о немъ ходили самыя разнообразныя легенды. Несомнѣнно было одно, что онъ — сынъ народа. Самою распространенной была легенда о найденномъ подъ избой, гдѣ родился Кумъ, кладѣ, оставшемся еще отъ татаръ. Но справедливѣе были другіе слухи о нѣкоей крестьянской дѣвкѣ, которой пришла „идея“ создать общежительство, въ которомъ нашли бы пріютъ странники, болящіе и сироты. Идея эта, повидимому, явилась у нея по слѣдующему случаю: жила она вмѣстѣ съ братомъ, у котораго были жена и сынъ. Вслѣдствіе какого-то несчастія у брата умерла жена, а самъ братъ сталъ юродивымъ. Дѣвка осталась одна, принужденная ходить за братомъ и маленькимъ племянникомъ. Не имѣя силъ обрабатывать землю, она, взявъ брата, стала ходить по городамъ и селамъ Россіи, по святымъ мѣстамъ, а племянника поручила сосѣду. Хожденіе ея по міру съ юродивымъ было очень выгодно: городской и сельскій богатый людъ подавалъ ей очень щедро. Куда было дѣвать ей деньги, она совсѣмъ не знала, но, прежде всего, стала ихъ прятать, для чего каждый годъ возвращалась домой, въ свою избу, и тамъ глубоко закапывала ихъ въ землю. Между тѣмъ, въ головѣ ея создавался рядъ проектовъ, ей все хотѣлось устроить на эти деньги богадѣльню и въ то же время она боялась и не знала, кому довѣрить свою тайну. Такъ долго, очень долго копила она деньги, пока не состарилась и не умерла внезапно. Племянникъ ея былъ парень очень добрый, недалекій; онъ хотя у сосѣда и прислуживалъ въ послѣднее время въ лавочкѣ, но больше любилъ играть въ бабки, бѣгать въ лѣсъ и вообще мало подавалъ надежды въ торговлѣ, хотя и выучился грамотѣ. Послѣ смерти тетки опекунъ хотѣлъ его женить, для чего потребовалось поправить вторую избу тетки. Тогда-то и нашли въ ямѣ, подъ поломъ, нѣсколько тысячъ мѣдной, серебряной и золотой монеты; но тутъ правдоподобіе легенды прерывается и дальше уже разсказывается что-то невѣроятное и, притомъ, въ разныхъ варіантахъ.

Когда Митродоръ Графъ въ первый разъ „зѣвнулъ“, этотъ важный моментъ его жизни совпалъ съ его знакомствомъ съ однимъ богатымъ парнемъ. Что вышло бы изъ этого знакомства раньше, когда Графъ еще „не зѣвалъ“, трудно сказать, но теперь онъ довольно равнодушно посмотрѣлъ на деньги парня и, какъ умный человѣкъ, хотя и зѣвая, разъяснилъ парню, что есть на свѣтѣ банки, которые не только берегутъ деньги, но и даютъ за это проценты, и этихъ процентовъ дадутъ столь много, что можно жить припѣваючи, а, между тѣмъ, деньги останутся въ цѣлости... Этотъ парень (ему тогда было ужъ лѣтъ 30) былъ Кумъ. Совѣтъ Графа освѣтилъ его, какъ солнце. Онъ расцѣловалъ его, назвалъ „отцомъ“ и всею душой привязался къ Графу, за неимѣніемъ другихъ привязанностей. А скучающій Графъ тоже привязался къ нему: онъ не могъ недѣли пробыть безъ Кума, безъ этой веселой, шутливой, добродушной натуры. Графъ шутилъ надъ нимъ, хохоталъ, любилъ слушать разсказы объ его похожденіяхъ и привыкъ къ нему.

Да, Кума всѣ любили, любило даже начальство, которое онъ потѣшалъ своею эксцентричностью; только послѣднее побаивалось, какъ бы его когда-нибудь не убили. И опасенія эти были справедливы: на Кума не одинъ разъ были дѣлаемы

нападенія, и только благодаря своей невѣроятной силѣ, онъ успѣвалъ уходить цѣлымъ. Впрочемъ, палестина, въ которой жили наши герои, несмотря на близость промышленныхъ центровъ, была еще настолько патріархальна, что Кумъ могъ вполнѣ разсчитывать прожить еще долго, изрѣдка только отдѣлываясь кулаками.

Третій сверстникъ Графа былъ мужикъ Провъ, лѣтъ сорока, мельникъ, суровый и неразговорчивый, „бирюкъ“, человѣкъ трезвый, добросовѣстный, умный, но крутой и вспыльчивый. Онъ всего годъ какъ вышелъ изъ тюрьмы, гдѣ просидѣлъ три года, приговоренный присяжными за убійство отца, безъ предвзятаго намѣренія, въ запальчивости и раздраженіи. Отецъ его, прежде крутой большакъ большой семьи, послѣ раздѣла и паденія своего авторитета, „сбился съ пахлей“, запилъ и опустился до того, что сталъ воровать. Такъ какъ онъ, по раздѣлу, жилъ у старшаго сына Прова, то послѣдній, дорожившій своею репутаціей умственнаго мужика, не могъ сносить отцовскаго „поведенія“, тѣмъ болѣе, что его домъ постоянно подвергался обыскамъ, облавамъ отъ міра и начальства. Однажды, раздраженный, онъ ударилъ старика хомутомъ — и старикъ черезъ нѣсколько дней умеръ.

Таковы были гости и пріятели Графа, а вмѣстѣ съ нимъ и Петра. Вся эта компанія, вмѣстѣ съ Петромъ, во всей окрестности была извѣстна за преимущественно „умственныхъ мужиковъ“. Они жили довольно обособленною жизнью, имѣли мало сношеній съ тою „деревенскою интеллигенціей“, преимущественно обитавшею въ волости, селѣ Добромъ, представителями которой являлись бойкіе кулаки-коммерсанты, или пьяницы, какъ кулакъ Маркушка, старшина, писарь, адвокатъ, управляющіе и прочій людъ, заправлявшій „крестьянскимъ самоуправленіемъ“. Вся эта „деревенская интеллигенція“ жила столь безцеремонною жизнью, лишенною какой-либо умственности и даже внѣшней порядочности, что Петръ не находилъ никакихъ побужденій сходиться съ нею близко, хотя и сталкивался „по дѣламъ“, но сдержанно и холодно. Графъ относился къ ней съ обычнымъ равнодушіемъ. Народъ же различалъ эти два аристократическіе слоя, назвавъ однихъ просто „грабителями“, а другихъ—„себялюбцами“.

Вскорѣ послѣ Пимановъ пріѣхалъ и Петръ, а вслѣдъ за нимъ пришли два молодые человѣка, тоже родственники жены Графа: одинъ обучался въ школѣ ваянія и живописи въ Москвѣ, другой былъ только что вышедшій изъ философскаго класса семинаристъ. Оба молодые человѣка были одѣты уже вполнѣ по-цивилизованному, въ глаженыхъ сорочкахъ и черныхъ сюртукахъ, и держали себя хотя непринужденно, но съ достоинствомъ. Одного изъ нихъ—художника—Митродоръ. Графъ содержалъ на свой счетъ въ Москвѣ, а съ другимъ, котораго звалъ „ученымъ“, любилъ, отъ нечего дѣлать, бесѣдовать; этотъ же „ученый“, юноша крайне наивный, непосредственный и экспансивный, былъ радъ всякому случаю, чтобы высыпать запасъ своей „учености“; онъ часто и увлеченно развивалъ передъ Графомъ дарвиновскую теорію, сообщалъ о послѣднихъ успѣхахъ электротехники, а Графъ подсмѣивался надъ нимъ, нарочно подзадоривалъ и поддразнивалъ, и, все-таки, слушалъ и бесѣдовалъ съ нимъ съ удовольствіемъ, хотя снисходительнымъ, конечно. Нельзя не сказать, что оба эти молодые человѣка, стоявшіе къ Графу въ совершенно естественныхъ и непосредственныхъ отношеніяхъ, имѣли на него нѣкоторое вліяніе. Такъ, они уговорили его стать попечителемъ мѣстной народной школы, для которой, по ихъ указаніямъ, накупилъ онъ книгъ, и только перебранка изъ-за чего-то съ мужиками заставила его снова „зѣвнуть“ и опять уйти въ свой „спокой“.

III.

Какъ всегда бываетъ въ началѣ такихъ сборищъ, разговоръ шелъ вяло; Графъ угощалъ водкой и виномъ, многіе выпивали, крякали, но молчали. Только Кумъ успѣлъ выпить три рюмки, сопровождая каждую довольно-таки избитыми прибаутками. Графъ какъ будто даже обрадовался приходу молодыхъ людей.

— Ну-ка, господа! Водочки!—подхватилъ онъ ихъ, едва они успѣли положить шапки.

— Можно,—сказалъ „ученый“ и выпилъ. Художникъ отказался.

— Ну, такъ что жъ, господа, будемъ землю дѣлить?—спросилъ Графъ, съ шутливымъ заигрываніемъ, очевидно, больше для того, чтобы потѣшить своихъ гостей.

— Будемъ,—сказалъ юноша наивно-убѣжденно, закуривая папиросу.

— И прекрасно-съ. Мужику земли надо... А посмотрите сколько ея кругомъ зря валяется!.. Вѣдь, это государству ущербъ... Между тѣмъ, подати большія... Хорошему мужику житья нѣтъ. Посмотрите, то и дѣло драки, неурядица... Какъ мужику жить?.. Мужикъ любитъ спокой да миръ. Ему воевать некогда...

— Что мы за вояки!—подхватили Андронъ и Сергѣй.—Ты намъ земли дай—всѣ мы и довольны. Разложи-ка на всѣхъ подати, такъ мы тогда вдвое еще уплатимъ, чѣмъ теперь...

— Вѣрно... Мужику земля нужна, а барину зачѣмъ?.. Это не барское дѣло,—сказалъ Графъ.—Баринъ пускай жалованье получаетъ за свое дѣло.

Выпивавшіе гости разсѣлись по мѣстамъ, приготовляясь почтительно слушать дальнѣйшее продолженіе диспута. Кумъ, выпивъ опять залпомъ три рюмки и торопливо закусивъ, какъ будто боясь, чтобы его чавканье не помѣшало разговору „умныхъ людей", сѣлъ на прежнее мѣсто, широко разставивъ свои тумбообразныя ноги, укрѣпивъ на колѣняхъ фертомъ руки, и съ наивно-ребяческимъ выраженіемъ широкаго лица уставился на Графа и юношу. Петръ налилъ рюмку вина и поставилъ около себя. Онъ вовсе не вмѣшивался въ разговоръ; онъ не одинъ разъ слыхалъ все это отъ Графа, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и зналъ, что Графъ всѣ эти разговоры велъ такъ, зря, отъ скуки. Онъ не понималъ, зачѣмъ эти разговоры. Онъ понималъ разговоръ „сурьезныхъ людей" наединѣ, съ глазу на глазъ, „по дѣлу", чтобы за нимъ, за этимъ разговоромъ, немедленно, завтра же, слѣдовало это „дѣло". Петръ не понималъ убѣжденія „словомъ" или, лучше, не любилъ его, считалъ пустымъ „времяпровожденіемъ": это было органическое отвращеніе, воспитанное въ немъ многоголоснымъ, шумливымъ, болтливымъ, „рукосуйнымъ" міромъ, въ которомъ, сплошь и рядомъ, за самыми дружелюбными бесѣдами слѣдовали или потасовки, или вообще дѣянія, прямо противоположныя тому, о чемъ говорилось за минуту предъ тѣмъ. Впрочемъ, надо сказать, что Петръ ѣхалъ къ Графу въ довольно оживленномъ настроеніи духа, и только встрѣтивъ у него столь разнообразную публику и, притомъ, „постороннихъ людей", каковыми онъ считалъ художника и семинариста, несмотря на ихъ близость къ Графу, снова ушелъ въ себя. Напоминали ли ему эти „посторонніе люди" что-либо тяжелое изъ прошлаго, или почему-либо другому, только онъ, какъ и сектантъ, также ревниво охранялъ свою святыню, боясь вынесть ее на торжище или неосторожно расплескать.

— Ты, святитель, выпьешь, что ли,—смѣясь, спросилъ Графъ сектанта,—или нѣтъ? Гдѣ ужъ тебѣ!.. Вѣдь, ты самъ „сосудъ"!—подшутилъ Графъ съ обычнымъ цинизмомъ, съ которымъ онъ вообще относился къ религіозному настроенію.

Сектантъ, въ отвѣтъ, тотчасъ же приподнялся и сталъ поспѣшно и конфузливо раскланиваться; на лицѣ его выразилась такая робость, такая умильная мольба, какъ будто Графъ готовился расшибить сразу весь его „сосудъ".

— Ну, сиди, сиди... не соблазняйся!—замахалъ ему Графъ рукой.

Всего больше удовольствія эта сцена доставила старому дьячку, который, покачиваясь на стулѣ всѣмъ туловищемъ, беззвучно смѣялся, искоса поглядывая на сектанта.

— Вотъ вы разговариваете про землю,—началъ опять Графъ, выпивъ рюмку наливки, закусывая и обращаясь къ „ученому" юношѣ.—Конечно, вы только что ежели по теоріи... Ну, только что самаго дѣла касающее вы еще молоды понимать... Вотъ вы говорите—земля... Землю тоже надо отдать съ разборомъ, чтобъ она въ надлежащія руки шла... А то, вѣдь, зря, пожалуй, разбросать все можно... Вотъ у барина сколько земли, а что изъ того?.. Онъ вонъ на двухъ лаптяхъ бьется,—показалъ Графъ на Пимановъ,—да отъ податей прѣетъ, а у барина земля валяется!.. То-то и есть... Отдать можно (я про себя тоже скажу: мнѣ земля для оборота нужна; у меня въ ней деньги въ оборотѣ: отдай мнѣ деньги, я землю отдамъ... Я самъ говорю: она мнѣ не къ рукамъ)... Отдать, говорю, можно, да чтобы съ умомъ... Ты вотъ *ему* отдай, хозяину, онъ ее выведетъ въ лучшемъ видѣ, онъ ее устроитъ... А ежели ты ошалѣлому народу отдашь, пьяницѣ, дураку... Равнять! равнять можно, да между кѣмъ?.. Ну, землю поравняешь, а дурака съ умнымъ развѣ уравнять можно?.. Это вотъ господа-бояре такъ полагаютъ, потому какъ для нихъ мужикъ не иное что, какъ дуракъ... Съ дуракомъ-то жить легче!.. Барину дуракъ нуженъ...

Графъ что-то хотѣлъ сказать, быть можетъ, порѣзче, но замялся и промолчалъ.

— А дурака въ народѣ стало, что ни часъ, все больше, ошалѣлымъ народомъ хоть прудъ пруди... А за ошалѣлымъ народомъ кабакъ растетъ!.. Ошалѣлый народъ гуляетъ, а хорошему человѣку житья нѣтъ... Вотъ они, *энти* самые порядки-то... А барину что! Барину мужикъ только деньги принеси—онъ ему все дозволитъ... Онъ все распуститъ... Ему умнаго мужика не надо...

Но тутъ Графъ опять промолчалъ.

— Что же вы... Вы вотъ умный человѣкъ... Что же вы только разговоры разговариваете, а дѣла не дѣлаете?.. Зачѣмъ вы въ волость грабителей напустили?.. Сами бы дѣлали,—сказалъ юноша.

— Дѣлали мы... Ха-ха! дѣлали!—захохоталъ Графъ, подмигивая гостямъ, какъ будто имъ была извѣстна вся таинственная исторія этихъ „дѣлъ".

И всѣ гости увѣренно и тоже посмѣиваясь закачали утвердительно головами.

— Ничего вы не дѣлаете... Только барышничаете... Торговлей...

— Что жъ торговля?.. Торговля—дѣло спокойное... Мы не грабимъ... А коли само въ руки течетъ, такъ не дуракъ я промежъ пригоршней пропускать... А не дѣлаемъ, такъ, значитъ, и не зачѣмъ, почтенный... Не та намъ расцѣнка, чтобы мы стали дѣлать... Цѣна не та-съ,—все внушительнѣе, но и таинственнѣе на что-то намекалъ Графъ.—По этой цѣнѣ мы не ходимъ-съ: себѣ дороже, почтенный!—повторилъ Графъ, все больше и больше иронически посмѣиваясь и начиная позѣвывать.

Въ концѣ разговора Петръ тихо всталъ и ни для кого незамѣтно прошелъ въ сосѣднюю комнату, гдѣ сидѣли гостьи вкругъ самовара и жены Митродора. Онъ замѣтилъ Аннушку, которая придвинула стулъ за дверь и изъ этой засады пристально вглядывалась въ Петра, въ Графа, во всѣхъ этихъ „умственныхъ людей".

— Давно бы вы, Петръ Вонифатьичъ, къ намъ пожаловали... Пускай они тамъ разговариваютъ по-сурьезному!—сказала жена Графа.—Не все въ сурьезъ жить, когда-нибудь и чай надо пить да орѣхи грызть.

— Я не разговаривалъ, — отвѣтилъ Петръ.

— И лучше. Посидите-ка съ нами.

Петръ неловко подошелъ къ Аннушкѣ, видимо, пересиливая себя.

— Что это вы... разговоры слушаете?—спросилъ онъ ее тихо.

— А что? Али намъ ужъ, деревенскимъ дуракамъ, умныхъ людей и послушать нельзя?—вспыхивая румянцемъ, отвѣтила Аннушка.

— Да нечего слушать... Вѣдь, это такъ, разговоры. Митродоръ Васильичъ отъ скуки больше...

— Можетъ быть, вамъ отъ скуки, а намъ въ новинку.

— Кажется, вы въ недавнее время кого-то журавлями обозвали?—пошутилъ Петръ и исподлобья смотрѣлъ на Аннушку начинавшими блистать глазами.

— Съ досады, — отвѣтила Аннушка, взглянувъ на него такими же блестящими глазами.—Очень ужъ вы надменны... Очень вы насъ ужъ за ничто почитаете, деревенскихъ.

— И въ деревнѣ есть люди всякіе,—проговорилъ Петръ, плохо вдумываясь въ свои слова. Въ эту минуту онъ былъ весь поглощенъ чѣмъ-то, охватившимъ все его существо; онъ чувствовалъ, какъ у него начинало сильно биться сердце, какъ кровь горячимъ потокомъ переливалась то въ груди, то въ спинѣ, вотъ она бросилась въ лицо, подступила къ глазамъ. Онъ самъ чувствовалъ, что его глаза блестѣли... Въ немъ загоралась страсть при видѣ этой красивой, здоровой, черноволосой дѣвушки, у которой алая кровь горячо проступала сквозь смуглую кожу. Петръ отмахнулъ со лба волосы и съ непривычнымъ для себя оживленіемъ сказалъ, сдерживая голосъ:

— Желаете прокатиться въ шарабанѣ? У меня конь хорошій.

— Желаю,—стыдливо выговорила Аннушка.

— Я приготовлю... А вы соберитесь...

— Хорошо.

Петръ, въ волненіи, раскраснѣвшись, отыскалъ свою фуражку и незамѣтно выскользнулъ изъ избы.

Аннушка, вся пунцовая и тоже взволнованная, стыдливо подошла къ матери и тихо ей что-то шепнула.

Катерина Петровна таинственнымъ взглядомъ обмѣнялась съ женой Графа, обѣ улыбнулись.

— Ступай... что же! — сказала Катерина Петровна тихо дочери.—Только ты постепеннѣй держись. Вѣдь, здѣсь—не у насъ... Здѣсь на все смотрятъ... Своихъ не срами... Ты больно востра, вѣдь...

Аннушка неторопливо одѣлась, какъ

будто нарочно сдерживая слишкомъ уже шибко говорившее въ ней внутреннее волненіе, именно только волненіе, но не любовь. Этой таинственной, то пылкой, то тихой, замирающей симпатіи не чувствовали ни она, ни Петръ. Когда они сѣли рядомъ въ плетеный шарабанъ и рослый карій жеребецъ понесъ ихъ за село, они оба чувствовали только одно замираніе. Что-то захватывающее духъ, неотвратимое, непонятное, не столько пріятное, сколько жгучее, охватило ихъ. Такъ иногда встрѣтятся двѣ странныя натуры, бросятся другъ другу въ объятія, выпьютъ залпомъ всю чашу страсти—и разойдутся... И будутъ уходить другъ отъ друга все дальше и дальше, какъ будто между ними образовалась столь же сильная отталкивающая сила, насколько сильна была раньше сила притяженія. А бываетъ, что живутъ вмѣстѣ, холодныя, какъ лёдъ.

Яркое, но чуть грѣющее осеннее солнце играло на легкомъ покровѣ кое-гдѣ лежавшаго по сторонамъ дороги перваго снѣга. Быстро, плавно, ровно катился шарабанъ по промерзлой и гладкой, какъ холстъ, дорогѣ. Гулко и звонко раздавался равномѣрный и твердый ударъ копытъ хорошей лошади. Петръ, держа въ обѣихъ рукахъ натянутыя вожжи, Аннушка, судорожно схватившаяся за край шарабана, оба съ устремленными вдаль глазами, не глядя другъ на друга, затаивъ дыханіе, словно окаменѣли. А лошадь все несла въ необозримый просторъ.

— У васъ такой же домъ, что у Митродора Васильича? - спросила Аннушка, когда, наконецъ, Петръ пріостановилъ лошадь, поворачивая назадъ.

— Да, такой же...

— Хорошо, я думаю, жить вамъ... Спокой, чистота... Благородно... Шуму этого нѣтъ, безъ пути, безъ толку...

— Да, этого нѣтъ... Только скучно...

— Что такъ?

— Хозяйства настоящаго нѣтъ. Домъ большой, только пустой... Я люблю, чтобы кругомъ все кипѣло... около дѣла... А вокругъ меня такихъ людей нѣтъ... Это вотъ ежели Митродоръ Васильичъ, такъ ему все равно...

— Вотъ каково въ жизни бываетъ... Вотъ у насъ въ деревняхъ — въ одной избѣ сколько народу живетъ, ребятишекъ однихъ сколько, а и вся-то изба въ два окна... Не знаютъ куда отъ тѣсноты дѣться. Одна моя подруга недавно замужъ вышла въ такую семью. Говоритъ: „не знаю ужъ какъ и зиму прожили!“ Холодъ, а она родила. Ребенка окутать не во что. Всѣ ребятишки перехворали... Сами всѣ, большіе-то, переругались. Изъ-за угла ссорятся... Отъ тѣсноты не знаютъ куда разбѣжаться... А вотъ у васъ — вишь, какія хоромы, а пустыя стоятъ. Что вы раньше не пріѣзжали, я бы васъ на своей подругѣ сосватала... Она хорошая. То-то бы она вздохнула отъ такого житья! А то сердце надрывается на нее смотрѣть. Вотъ тоже сестра Паша...

— Мнѣ, можетъ, вашу подругу не надо было бы,—замѣтилъ Петръ, улыбнувшись.

— Какую же вамъ надо... городскую?

Но Петръ нарочно сталъ хлыстать усиленно вожжами лошадь, и та понеслась такъ быстро, что Аннушка невольно схватилась за руку Петра.

— Не бойтесь,—сказалъ онъ.

И снова оба они замерли, какъ окаменѣлые; снова блиставшими глазами упорно смотрѣли вдаль.

То былъ единственный „любовный“ разговоръ, который вели между собою Петръ и Аннушка.

Затѣмъ что-то сразу кѣмъ-то было сдвинуто, пущено въ ходъ колесо машины, все невѣроятно быстро завертѣлось и закружилось.

Послѣ того, какъ гости Графа разошлись, за исключеніемъ Пимановъ, Петръ увелъ Митродора въ другую половину дома.

— Что ты? — спросилъ Графъ, подозрительно смотря въ взволнованное лицо Петра.

— Надо начинать,—сказалъ Петръ.— Сватай!—и онъ улыбнулся.

— Одумалъ?

— Одумалъ... Только ты, того, Митродоръ Васильичъ... Какъ бы это поскорѣе. Безъ всякихъ этихъ тамъ, деревенскихъ... Ну, знаешь... Вѣдь у нихъ тамъ это всякая... такая церемонія... Не люблю я.

— Загорѣлось!.. Успѣешь!..

— Нѣтъ, все одно... Только не люблю... Я бы, по-своему, прямо къ попу, да и въ домъ... А то эти дружки, плясы... народъ... Ты ужъ, пожалуйста, какъ-нибудь того... безъ церемоніи...

— Нельзя, братъ... Ихъ тоже еще не скоро уломаешь... Еще они вотъ поломаются... Ну, а *сама-то* что? Какъ у васъ?

Петръ въ недоумѣніи взглянулъ на Графа.

— Ну, да это ужъ само собой,—прибавилъ Графъ, сообразивъ, что этотъ вопросъ былъ здѣсь неумѣстенъ. Онъ су-

дилъ по себѣ. Но Петръ и Аннушка были „влюблены“ по-своему.

Какъ ни старался Петръ сократить „церемонію“, тѣмъ не менѣе ему удалось обвѣнчаться только черезъ два мѣсяца.

ГЛАВА III.

Мирныя дѣти труда.

I.

Минула зима. Вслѣдъ за потокомъ первыхъ весеннихъ лучей все оживилось въ деревнѣ: вчера медленно двинулся снѣгъ по холмамъ, сегодня напружились воды, и, какъ будто отъ вздоха проснувшихся рѣкъ, ледъ поднялся, треснулъ и медленно-плавно тронулся, а назавтра вздохнула прогрѣтая солнцемъ земля и влажно-густые пары повисли надъ нею. Торопливо съ полатей сползли мужики; хлопотливыя бабы, крестясь, выгоняли скотину на потныя нивы. Еще на поляхъ листокъ не пробился, не высохла въ улицахъ грязь, а ужъ всюду движенье, шумъ, суета: тамъ провожаютъ въ работу артели; съ топорами, пилами, толпясь, по улицамъ ходятъ отцы, сыновья и мужья; обливаясь слезами, матери въ путь снаряжаютъ подростковъ; здѣсь—шумно-крикливые сходятся сходы на выборъ мірскихъ цѣловальниковъ, мѣрщиковъ, вытныхъ и, выйдя въ поля, покрестившись, равняютъ межъ всѣми еще неотталвшую грудь кормилицы-пашни. Гдѣ—еще мирно, согласно завѣтамъ отцовъ, свершается дѣло мірского равненья, полагая предѣлъ жаднымъ инстинктамъ; гдѣ — уже шумно и буйно, подобно голоднымъ ягнятамъ, что алчно рвутъ другъ у друга, толкаясь, полное вымя вернувшейся съ пастбища матери... Всюду „зеленымъ шумомъ“ загудѣла весна, всѣхъ пробуждая въ деревнѣ. Такъ отдыхающіе близъ Божьяго храма странники, вдругъ заслыша первый ударъ съ колокольни и скрипъ отворяемой двери, суетливо шумной толпой, подбирая на спины котомки, спѣшатъ на призывные звуки.

Вотъ ужъ сошло половодье; ковромъ зеленѣющихъ всходовъ покрылись поля; на припекѣ весенняго теплаго солнца окрѣпли дороги; слѣдомъ за артелями ихъ оживили другія толпы: то переселенцы двинулись съ сѣвера къ юго-востоку. Длинный рядъ самодѣльныхъ фуръ тянулся, тяжело нагруженный хозяйственнымъ скарбомъ. Отцы, крупно шагая съ боку дороги, бичами коней погоняли; матери, окруженныя стаей крикливыхъ ребятъ, лѣпились поверхъ высокихъ возовъ, какъ пчелы около улья, когда пчеловоды переносятъ ихъ съ мѣста на мѣсто. Медленно двигались фуры, истомленныя клячи едва постромки тянули и часто, въ гору поднявшись, долго стояли, разставивъ дрожащія ноги и тяжко дыша. Да и сами путники дѣлали часто привалы. Достигнувъ большого селенія, таборомъ, словно цыгане, близъ околицъ они становились. Зажегши костры, готовили матери кашу, подростки хворостъ сбирали, а мужья и отцы расходились по окрестнымъ селеньямъ, прося подаянья. Всюду охотно имъ помогали крестьяне, видя ихъ грустно-смиренныя лица, и, собравшись толпами вкругъ нихъ, долго слушали ихъ полные скорби разсказы. Такъ, ежегодно капля по каплѣ, насыщаютъ крестьянскую душу и умъ волны народнаго моря, переливаясь отъ края до края...

Троицынъ день былъ. Нынче три праздника выпало кряду. Старый Пиманъ съ сыновьями, вымывшись въ банѣ, вышелъ подъ вечеръ къ воротамъ — на улицу. Здѣсь они рядомъ сѣли на лавку, предавшись обычному отдыху на виду у деревни. Давно ужъ они тутъ не сидѣли. Много нынче дѣлъ у Пимановъ: то свою землю вспаши, то поспѣвай къ зятю, то въ Волчій поселокъ. Свою деревенскую улицу только и знали они, когда уѣзжали до свѣту въ поле или возвращались съ поздней зарей. Случалось, всей вытью на недѣлю они уѣзжали въ поля.

— Ну, вотъ и вы проявились!.. Пора бы и отдыхъ ужъ знать... Пора бы и свой міръ провѣдать, — говорили шутя подошедшіе къ нимъ сосѣди. — Совсѣмъ вы отъ улицы нашей отбились! По цѣлымъ днямъ васъ не видишь... Отбились отъ міра.

— Точно, давненько на улицѣ мы не гуляли... Вотъ попарили кости, да вышли ихъ поразмять, — отвѣчали довольные тѣломъ и духомъ Пиманы.

— Вы поди ужъ совсѣмъ позабыли, что и творится въ міру... Въ довольствѣ да въ счастьи другихъ забываешь скоро.

— А что?

— Да такъ... Къ слову... Вонъ вы всю зиму свадьбу играли, да по усадьбамъ ку-

нецкимъ гуляли... А теперь накинулись вотъ на работу...

— Что жъ, слава Богу!.. Всякому дай Богъ... Мы довольны теперь... Чего же намъ больше?.. Больше желать намъ не надо... Бога зачѣмъ гнѣвить?.. Говоримъ: всякому дай Богъ, а мы, слава Богу, довольны! — такъ отвѣчалъ счастливый Пиманъ.

— Слава Богу, что̀ говорить!.. Законнѣе счастья не сыщешь... Мы и то говоримъ на міру: вотъ счастье Пиманамъ!.. Да сто̀ятъ, что говорить!.. Счастіе ваше къ рукамъ... Кто скажетъ иное? Про васъ другого не скажешь: видимо всѣмъ, что у васъ подъ сохой сама пашня поетъ... Вамъ завидовать грѣхъ!.. Какъ бы такъ-то къ рукамъ да у всѣхъ въ мірѣ... а въ мірѣ другое... Весь и грѣхъ на землѣ, думать надо, отъ этого самаго вышелъ... Кому не къ рукамъ—у того всего много, а кому къ дѣлу — у того нѣтъ ничего... Вотъ взять хоть бы землю: сколько земли, поглядишь, а народу тѣсно!.. Не прямое ли дѣло, что Бога гнѣвимъ понапрасну?

Такъ говорили хозяйные люди.

— Вотъ вы не знаете, сколько нынче переселенцу мимо насъ провалило... Изъ годовъ вонъ! Шли и прежде, да все же не такъ... Говоримъ: „Что вы, братцы, ровно сбѣсились? Вѣдь, отъ родного гнѣзда отрываться не шутка!..“ — „Тѣсно, слышь, стало: отъ тѣсноты...“—„Да куда же Божья земля подѣвалась? толкуемъ. Нѣмецъ, что ли, пришелъ къ вамъ?“ смѣемся.—„Какъ нѣтъ земли! Земля есть, да не у рукъ, говорятъ. Что было, и ту міроѣды прибрали... Тѣсно и тѣлу, а съ тѣломъ душѣ утѣсненье...“

— Что говорить! одно къ одному...

— Поразсказали всего!.. Къ ночи припомнить — волосы встанутъ!.. Говорили одни: оттягалъ, вишь, у нихъ міроѣдъ клинъ земли, (а и то ужъ они кое-какъ перемогались), выгналъ наёмныхъ косцовъ... А матери всѣ собрались да подъ косы и побросали младенцевъ!..

— Господи-батюшка!.. Еще милосердъ Онъ, должно, къ намъ, Создатель!—сказали Пиманы.

— Поразсказали всего, — продолжали сосѣди.—Вчужѣ страхъ забираетъ... Тоже вотъ — драки, убивства... Бросили землю промежъ собою равнять.

— Сохрани Господь и помилуй!..

— Да ужъ и та мысль западаетъ, какъ послушаешь этихъ разсказовъ: не дойти бы и намъ... Похожаго тоже не мало... Недаромъ нонѣ Вальковщина вся бѣгаетъ слушать эти разсказы... Больной больному вѣсть подаетъ... Вотъ и теперь половина нашихъ ушла, а ребятишки еще съ обѣда, почесть, всѣ убѣжали...

— Развѣ стоятъ и теперь?—спросилъ старшій Пимановъ сынъ.

— Стоятъ... Вотъ на трахту, версты за двѣ отсюда, таборъ разбили... Семей, слышь, съ полсотни... Съ Олонца идутъ...

— Надо сходить,— сказали Пиманы — послушать, какъ люди живутъ въ дальнихъ краяхъ... А то такъ, за работой, совсѣмъ одичаешь!..

— Дѣло одно!—подтвердили сосѣди.— Какъ разъ одичаешь... Мина не даромъ припомнишь: работать—работай, а на народъ все выбери время сходить: на народѣ мякнетъ душа!..

— А гдѣ онъ? Неужъ съ богомолья еще не вернулся?—разомъ спросили Пиманы, чуть не впервые вспомнивъ о Минѣ.

— Нѣтъ еще, нѣтъ, то-то и дѣло!.. И мы ужъ взыскались... Ѳедора его чуть не всю волость съ ногъ сбила: все начальство тревожитъ... Да какъ же инако? Надоть работать, земля, вѣдь, не ждетъ, а его нѣтъ, какъ нѣтъ!.. Ругательски баба ругаетъ его!.. Да и жалко, точно, ее: Янька тоже, должно быть, въ отца уродился. Работать не шустеръ, нѣтъ прилежанья большого... Какъ мало время, такъ и закатится кто его знаетъ куда... и бьетъ тамъ баклуши... О Пасхѣ вонъ выдумалъ въ городъ ходить, отца, вишь, все ищетъ... А дѣло-то проще: сталъ попивать.

Такъ говорили сосѣди, медленнымъ шагомъ двигаясь къ переселенцамъ. Но Пиманы молчали, и только Андронъ немного спустя мимоходомъ замѣтилъ: „Противъ судьбы не пойдешь“.

И, вздохнувши на эти слова, всѣ повели разговоръ о хозяйственномъ дѣлѣ.

Вотъ и переселенческій таборъ. Убого стоитъ онъ на голомъ, скотиной утоптанномъ выгонѣ. Не было здѣсь ни шатровъ, ни палатокъ; только на вздернутыхъ кверху оглобляхъ висѣли рогожи и тѣмъ защищали сидѣвшихъ подъ ними отъ зноя и непогоды. Солнце давно закатилось. Въ полумракѣ розово-желтой зари сновали тѣни, вкругъ теплинъ, бросавшихъ на нихъ прихотливо лучи. Плакали малыя дѣти. Матери ихъ окликали. Подростки

безпечно чехардою играли, какъ будто желая пришедшимъ гостямъ показать свою ловкость. Старики и старухи, молча сидя у костровъ и широкимъ размахомъ крестясь, жевали скудныя крохи. Изъ хозяевъ иные еще доѣдали ужинъ, другіе жъ врастяжку лежали между колесъ. Вдали лошадей силуэты чернѣли... У послѣдней только телѣги толпился народъ любопытный, прибѣжавшій изъ деревень. Были тутъ люди всякаго пола и возраста. Молча стояли они, запрятавъ руки въ карманы, и кому-то внимали, изрѣдка только разсказъ прерывая короткимъ вопросомъ.

Предъ ними, близъ котелка, въ которомъ варился картофель, стоялъ высокій, костлявый, въ старой шинели, сѣдой ветеранъ. Былъ онъ дряхлъ и глаза у него постоянно слезились, но держался все еще выправки, бравой и строгой; щетиной торчали усы и небритый давно подбородокъ. Одѣтъ онъ хоть въ рубищѣ жалкомъ, но, видно, былъ всѣхъ веселѣе. Бойко лилась его рѣчь, свѣтло и радушно глядѣли глаза, и часто всѣ его кости, казалось, плясали, когда говорилъ онъ или громко самъ же смѣялся разсказу. Такъ былъ онъ неунывающъ, и бодръ, и вѣрой проникнутъ, какъ будто Израиля велъ въ обѣтованную землю, гдѣ молочныя рѣки текутъ, гдѣ теплое солнце весь день не заходитъ, гдѣ жатва сбирается дважды, гдѣ правда, довольство, свобода... Видно, что путникамъ былъ онъ немалой утѣхой въ длинномъ пути, такъ какъ доселѣ они не скучали, можетъ быть, въ сотый разъ уже слушая эти разсказы, и многіе, тутъ же собравшись, слушали молча. Близъ котелка, у огня, тихо прижавшись другъ къ дружкѣ, двѣ дѣвочки сладко дремали подъ эти разсказы. Но какъ будто стыдясь заснуть при народѣ, пока ихъ дѣдъ говорилъ, вдругъ просыпались и долго терли пальцами глаза.

— Польшу мы воевали,—говорилъ старикъ, обводя всѣхъ радушнымъ взглядомъ.—Тоже вотъ было... Тяжко жилось тамъ народу. Мы ужъ люди вольные были, а они все еще проживали при барахъ... А бары у нихъ были не нашимъ чета... Что нашъ баринъ!.. Супротивъ ихнихъ, нашъ баринъ такъ... дворецкій... Все одно, что по-ихнему шляхта... Баринъ же былъ у нихъ панъ ясновельможный... Такъ вотъ какъ: у насъ былъ баринъ одинъ, у нихъ же и подъ барами баре стояли: сами лакеи барскаго званія были... Народъ же. и близко къ барскимъ хоромамъ не смѣлъ подходить, не то что сапогъ господину почистить! Рабъ былъ, хлопъ, *быдломъ* его прозывали: по-нашему просто, значитъ, скотина... Какъ скотина жъ и пилъ онъ, и ѣлъ... Не знавалъ ни хаты своей, ни земли. Изо дня въ день шляхта гоняла его на работу къ панамъ. А паны—-такъ тѣ и говорить съ нимъ гнушались... Быдло—одно... Только крестьянина Богъ не покинетъ... Заслышали хлопцы, что царь даровалъ намъ свободу. Ожили духомъ—и ну бунтоваться. Выбрали тутъ ходоковъ и къ самому государю послали... „Что, говоритъ государь, вамъ, братцы, надо?“—„Да вотъ, говорятъ, государь, бунтоваться хотимъ, тяжко намъ жить у господъ, тяжко безъ правды и воли намъ жить... Просимъ тебя, государь, окажи намъ великую милость: дай намъ своего короля, чтобъ у него мы защиту нашли отъ шляхты и пановъ... Нѣтъ у насъ короля, чтобъ стоять за крестьянскій народъ, чтобъ далъ намъ свой хлѣбъ, скотъ свой и хату!..“—„Хорошо, говоритъ русскій царь, вашему правому дѣлу я помогу... Только не дамъ я вамъ своего короля, а вы мнѣ покоритесь... Согласны?“—„Какъ не согласны! кричатъ,—да мы всею душой, только дай намъ защиту отъ пановъ!“—„Ну, царь, говоритъ хорошо; коли такъ, ступайте домой, со Христомъ, а я пришлю къ вамъ свое храброе войско...“ Вотъ насъ и послали...

— Кого жъ воевать?

— А пановъ. Ну, и пошли мы: думаемъ, самихъ Богъ порадовалъ волей, надоть и за другихъ постараться... Всѣ, вѣдь, одни, мужики-то, на свѣтѣ: другъ для друга надо ль стараться? Тоже и народъ помогаетъ народу.

— Ну, какъ же вы тамъ воевали, служивый?—кругомъ раздавались вопросы.—Чѣмъ кончилось дѣло?

— Война была, братецъ, особаго рода: солдатъ воевалъ съ господами... Войны такія не часто бываютъ... За весь вѣкъ и самъ я одну только видѣлъ. Вышлютъ насъ роту, рощу облавить: оцѣпимъ, да словно бреднемъ и выудимъ рощу... И что же, братцы: все баре, все вьюношь одна молодая... Погонимъ конвоемъ, шагаютъ такъ храбро, пѣсни поютъ на своемъ языкѣ; а Варшавой погонимъ—паньи изъ оконъ имъ машутъ платками, бросаютъ цвѣты, другія—матери, можетъ, аль сестры — плачутъ... Жалко... Вьюношь

все... Вся по книжкамъ учёна, наукамъ... Ну, да нельзя... Предъ крестьяниномъ царь обязанъ былъ словомъ своимъ...

— По книжкамъ учёна, а неправды не хочетъ рѣшиться?—замѣтили тутъ мимоходомъ.

— Да вотъ... поди жъ ты!

И долго разсказывалъ старый служака свою безконечную повѣсть. Между тѣмъ какъ одни изъ пришедшихъ его окружали, другіе, подсѣвъ къ котелкамъ, вкругъ которыхъ переселенцы семьями сидѣли, тихо и съ любопытствомъ пытали: откуда? что сняло съ родимаго мѣста? И въ отвѣтъ имъ то тамъ, то здѣсь слышались только короткія рѣчи:

— Нудно землей... Ренды большія—невмочь... Правды не стало... Міръ расшатался... Маетно... Что ис дѣлежка—драки, да брань... Велика ли землишка—и той подѣлить не сумѣемъ... Нудно душѣ... Сынъ воюетъ съ отцомъ... Братъ брата убилъ за пятерку, а ужъ обоимъ было за шесть десятковъ... Помочи нѣтъ, только одни перекоры... Вотъ двѣ дѣвочки теперь у солдата... Дѣти мірскія, сиротки... Міромъ кормить отказались... Міроѣды на пьяницъ, а эти на нихъ... Ужъ солдатъ за себя взялъ.

— Захирѣли — вотъ вся причина!—вдругъ раздался голосъ служаки, который, заслыша обычныя пени, то къ тѣмъ подходилъ, то къ другимъ, сопя своей носогрѣйкой.— Захирѣли мои мужички—вотъ главное дѣло!.. Ну, да Богъ дастъ... Главное—духомъ не падать!.. А вы, господа, насъ не смущайте!.. Ха-ха!..—весело онъ гостямъ отзывался и уходилъ, заслыша говоръ въ другой сторонѣ.

А тамъ опять говорили:

— Вы всей деревней снялись?

— Нѣтъ... Товарищи будемъ... Съ разныхъ сосѣднихъ селеній... Мы тѣ, что смирнѣе... Воевать было намъ нудно... Остались кто похрабрѣе... да міроѣды... Мы жь посмирнѣе... Вотъ и идемъ.

— Хорошо будетъ тамъ?

— А не знаемъ, родные... Мы за солдатомъ... Онъ насъ ведетъ... Мы ужъ за нимъ... Былъ онъ тамъ, говоритъ...

— За мной, всѣ за мной!—вдругъ опять откликался служака. — Ничего, мужички! Главное дѣло — духомъ крѣпитесь... А что будетъ всѣмъ намъ просторъ и пріятство—это будьте въ надеждѣ!... Главное дѣло — не захирѣть!.. Вѣтромъ обдуетъ, дождичкомъ спрыснетъ, солнцемъ пригрѣетъ — хвать, и другой человѣкъ сталъ!.. Вотъ въ чемъ загадка!.. Вотъ поглядите меня; мнѣ, вѣдь, седьмой десятокъ въ исходѣ, а что изведалъ, такъ вѣрно изъ васъ довелося немногимъ... А вотъ глядите: чѣмъ не солдатъ!.. Бравъ и веселъ — и духомъ, и тѣломъ! А все почему? Захирѣть себѣ не далъ... Какъ чуть малость—такъ полировку... Бывало, я вамъ скажу, засядешь гдѣ въ гарнизонѣ, сейчасъ тутъ тебя и затянетъ: раскиснешь, что баба, ударишься въ дрязги, изъ-за грошей станешь ругаться, душа зачерствѣетъ, просто дрянь человѣкъ!.. Гляди того, за ничто человѣка загубишь... Только въ одномъ и спасенье было: ударишься въ ноги начальству—пустите въ походъ!.. Какъ ушелъ на свѣжее мѣсто — другой человѣкъ! Ожилъ!.. Куды что дѣвалось!.. И веселъ, и сердцемъ отмякъ... Побывалъ я вездѣ: на Кавказѣ, въ Крыму, въ Бессарабіи... Въ Финляндіи былъ раза три, у киргизъ, на китайской границѣ... И что ни разъ, только пару въ себя поддавалъ!.. Только бы новое мѣсто... Такъ-то любезные!.. Дѣло великое это!.. Богъ дастъ придемъ: закипитъ тутъ работа. Избы ставить, подымать новину, хлѣбушко сѣять... Дружба такая пойдетъ — не видали и вѣкъ!.. Вотъ вамъ и правда окажется въявѣ!.. Что я же, всѣ заново сразу пойдемъ! Сами себя не узнаемъ! Вотъ какъ обновимся—ужъ вы мнѣ повѣрьте!

— Ужъ мы за солдатомъ! — твердили смиренные пахари. — Мы тѣ, что смирнѣе... Пусть тамъ вояки воюютъ, а мы за солдатомъ... Служака бывалый, насъ не обманетъ...

— Ужъ будьте въ надеждѣ!.. Земли, что ли, нѣтъ? Для кого? Для мужичка?!.. Для мужичка земли у Господа много!.. Здѣсь нѣтъ—къ татарамъ пойдемъ; у татаръ нѣтъ—къ туркѣ пойдемъ... Главная сила, чтобы насъ пообдуло!.. А то захирѣли мы, мужички!

Ужъ заря потухала, пропѣлъ первый пѣтухъ гдѣ-то вдали, и звонко донесся сюда по росѣ его выкрикъ, а Пимапы все слушали переселенцевъ.

Сутки прошли, и двинулся дальше убогій таборъ. Скрипя и шумя, тянулся по тракту длинный рядъ фуръ. Впереди, вожакомъ, выступалъ беззаботный служака, подгоняя коней веселымъ свистомъ, да сопя въ свою носогрѣйку. Несмолкаемо онъ говорилъ: то съ встрѣчнымъ прохожимъ, то обходилъ фуру за фурой и съ каждымъ ронялъ по словечку, бодрость

во всѣхъ пробуждая, говорилъ и съ собакой своей, что устало плелась за телѣгой, и съ лошадьми. Вотъ и еще повстрѣчаться съ Пиманами имъ указала судьба. Пиманы ѣхали къ затю въ усадьбу на праздникъ.

— А! Знакомцы!—весело крикнулъ служивый.—Перебирайтесь-ка къ намъ, ежели часомъ и вамъ захирѣть доведется... Пишите!

— Дай Богъ счастливо!—улыбнувшись, сказали Пиманы въ отвѣтъ на веселыя рѣчи вояки. Смотри же, служивый, ведешь за собою ты горе большое!.. Будешь отвѣчать передъ Богомъ, коли это горе обманешь!...

— Я-то?! Смерти вѣрнѣе — вотъ какъ скажу!—крикнулъ служака.—Двухъ лѣтъ не пройдетъ — не узнаете насъ! Заново всѣхъ предоставлю!.. Мой лѣсъ не червякъ подточилъ, а засуха!.. Только бы вѣтромъ пахнуло съ весны, да спрыснуло бъ дождемъ, да солнышко теплымъ лучомъ приласкало—вотъ вамъ и зелень!.. Прощайте, миляки!..

— Дай Богъ счастливо, дай Богъ счастливо!—съ искреннимъ чувствомъ говорили вслѣдъ имъ Пиманы.

И жалость прокралась имъ въ сердце къ путникамъ, которыхъ судьба съ родного гнѣзда погнала въ невѣдомый край, и тайная радость въ душѣ шевельнулась, что прочно теперь ихъ довольство, что ни имъ и ни дѣтямъ уже не придется, быть можетъ, извѣдать горькую участь скитальцевъ...

Вдали, изъ-за рощи, уже виднѣлась свѣтлая, высокая, веселая усадьба умственнаго мужика.

II.

Не впервые подъѣзжаютъ Пиманы къ усадьбѣ умственнаго зятя, и съ каждымъ разомъ ощущеніе довольства растетъ все больше и больше. Въ душѣ поднимаются темныя, полуопредѣленныя надежды, является полусознанное, но пріятное ощущеніе общаго подъема духа; въ страшно однообразную жизнь вливается новая струя неизвѣданныхъ прежде ощущеній, интересовъ.

Вскорѣ послѣ Рождества была свадьба Петра и, такимъ образомъ, въ лицѣ его и Аннушки былъ заключенъ желанный союзъ умственныхъ и хозяйственныхъ мужиковъ. Всѣ эти Пиманы и Ефимы были довольны, очень довольны, и цѣлая масса Пимановъ и Ефимовъ имъ сочувствовала отъ души, благословляя этотъ союзъ въ простотѣ душевной и завидуя.

Пиманы и Ефимы были довольны и вели себя настолько безукоризненно, что даже Петръ не имѣлъ никакихъ поводовъ быть недовольнымъ и повеселѣлъ. Несмотря на всю свою замкнутость и нелюбовь ко всякимъ церемоніямъ, онъ настолько разошелся, что позволилъ себѣ кутнуть, хотя, впрочемъ, упорно настоялъ, чтобы празднество никоимъ образомъ не коснулось его родины, Дергачей. Медовый мѣсяцъ продолжался почти вплоть до масленицы; праздновали исключительно въ усадьбѣ Петра и Митродора Графа. Ѣздили даже кататься цѣлымъ поѣздомъ въ село Доброе. Петръ не устоялъ противъ тщеславнаго желанія „утереть носъ“ добросельской интеллигенціи и волостнымъ воротиламъ. Женитьба на простой крестьянской дѣвушкѣ въ этомъ случаѣ даже не была лишена особаго значенія: она выдвигала только рельефнѣе собственную силу, личную мощь Петра, его умственность и независимость. Такимъ образомъ, здѣсь женихъ показывалъ не свою невѣсту, а самого себя. На праздникахъ Петра, если не было много гостей, зато они были однороднѣе: тутъ не было никакихъ „почетныхъ“ лицъ, даже старшину не позвали. Священникъ былъ принятъ очень холодно и, получивъ тотчасъ послѣ проводовъ молодыхъ отъ вѣнца должное, принужденъ былъ скоро со всѣмъ причтомъ отретироваться восвояси. Главными гостями Петра были тѣ „умственные люди“, со многими изъ которыхъ мы познакомились въ предыдущей главѣ. Душой компаніи былъ Кумъ, неистощимый на всякія шутовства, а украшеніемъ — почтенный сектантъ, Макаръ Макарычъ Кочергинъ, и только на первые дни свадьбы пріѣхавшій Еремѣй Еремѣичъ Строгій. Впрочемъ, недовольный тѣмъ, что на свадьбѣ не было никого изъ близкихъ родныхъ Петра—ни Ульяны Мосевны, ни дядьевъ (справедливость требуетъ сказать, что Петръ посылалъ къ нимъ приглашеніе и получилъ отъ Ульяны Мосевны заочное благословеніе, а отъ дядьевъ — молчаливый отказъ), старикъ Строгій уѣхалъ, побесѣдовавъ только съ сектантомъ и не завернувъ въ Дергачи. Петръ, впрочемъ, былъ вполнѣ въ этомъ утѣшенъ своими новыми родными, въ особенности благообразнымъ и обстоятель-

нымъ тестемъ Пиманомъ, въ которомъ Петръ, какъ ему казалось, нашелъ истиннаго для себя отца, а въ Андронѣ и Сергѣѣ—истинныхъ братьевъ.

Нынче, какъ и всегда, Пиманы застали у Петра обычное общество. Благодушный родитель, Вонифатій Мосеичъ, продолжалъ разыгрывать роль гостепріимнаго патріарха. Со времени женитьбы сына онъ, впрочемъ, почему-то сталъ держаться степеннѣе, надменнѣе и съ сознаніемъ собственнаго достоинства, какъ будто давая знать роднѣ, что они, собственно, предъ нимъ еще мелко плаваютъ, и что онъ — человѣкъ, раньше всѣхъ ихъ понявшій, что за птица его сынъ. Роль эту, однако, онъ не всегда выдерживалъ послѣдовательно, отчасти, можетъ быть, по внутреннему сознанію, что какое же это собственно достоинство — плавать съ Синклетеей изъ амбара въ сѣнникъ, изъ сѣнника въ амбаръ, отчасти вслѣдствіе грубоватыхъ насмѣшекъ Митродора Графа или непосредственно-наивныхъ замѣчаній на его счетъ разныхъ Ефимовъ. Тогда Вонифафатій конфузился и, чтобы скрыть замѣшательство, впадалъ въ добродушно-натянутое шутовство. Петру все это очень не нравилось, и онъ продолжалъ обращаться съ отцомъ холодно и сдержанно. Стало это не нравиться и самому Вонифатію Мосеичу, и уже у него созрѣлъ коекакой планъ, которымъ онъ думалъ поправить дѣло... Но это пока былъ ихъ секретъ съ Синклетеей.

Роскошная дочь хозяйственнаго мужика, Аннушка, распустившаяся за полгода въ добрѣ и привольѣ, какъ добрая дыня, была истиннымъ украшеніемъ хозяйства молодого умственнаго мужика. Пока еще стройная, но съ упругими и полными формами, выпукло выливавшимися въ модныя платья, съ черною косой, съ карими съ поволокой глазами, хитро-насмѣшливо сверкавшими исподлобья, она уже вполнѣ отлилась въ типъ тѣхъ красавицъ, которыхъ любилъ навѣщать нѣкогда въ разныхъ веселыхъ „хуторкахъ“ романтикъ-помѣщикъ и которыхъ теперь отгуливаетъ мужикъ для собственнаго „обиходу“. Надо было видѣть умиленіе, съ которымъ, каждый пріѣздъ свой, смотрѣли на свою распускавшуюся въ привольи „дѣвку“ хозяйственные мужики, отъ которыхъ все еще наносило сѣротой и чернотой и которые до сихъ поръ еще не сумѣли освоиться съ поведеніемъ новаго общества. Затѣмъ неизмѣнными гостями Петра были: Графъ, сектантъ и Кумъ, этотъ добродушнѣйшій смертный, котораго Графъ не отпускалъ почти отъ себя. То былъ единственный человѣкъ, допущенный умственными людьми, какъ увеселяющій ихъ общество элементъ. Всякое другое „фиглярство“ было нетерпимо. Чѣмъ заслужилъ Кумъ такую льготу: тѣмъ ли, что у него умственные люди имѣли всегда возможность перехватить денегъ, или молчаливая беззавѣтность этого человѣка и непосредственность его шутливости были такъ увлекательны, что предъ ними не могли устоять даже такіе „серьезные“ люди, какъ сектантъ? Таково было общество и сегодня, хотя оно иногда увеличивалось, когда приходили братья и сыновья сектанта и коекто изъ его сподвижниковъ, столь же ревниво охранявшихъ носимый ими въ себѣ „храмъ Божій“, сколько и онъ самъ. Бывали и пріятели Графа...

И вотъ, когда сѣрые Пиманы попадали въ это общество, имъ казалось, что они себя рѣдко чувствовали счастливѣе, или, по крайней мѣрѣ, столько же, сколько при хорошемъ урожаѣ, при прибыльной работѣ. И, притомъ, вдругъ почему-то они начинали находить подъ собой прочную почву, чувствовали, что самое ихъ существованіе было прочнѣе, тверже. Мало того, даже въ будущемъ мелькали для нихъ какіе-то вполнѣ осязательные идеалы: въ умственныхъ мужикахъ предъ ними стояло какъ бы реальное воплощеніе нѣкоторой „мужицкой идеи“... Да, „мужицкой идеи“... Пока живъ баринъ—будетъ жива и эта „мужицкая идея“, и въ данный моментъ въ народѣ столько же романтиковъ „мужицкой идеи“, сколько и романтиковъ „народной правды“.

— Ну, что, какъ дѣла?—обыкновенно спрашивалъ Графъ послѣ обычныхъ привѣтствій.

— Что дѣла! Дѣла у насъ за первый сортъ!

— Дѣло у насъ идетъ дружно, ходко, словно по водѣ течетъ...

— Дѣло у насъ идетъ артельно, потому дѣло въ рукахъ, отъ рукъ не отбивается,—разомъ, перебивая другъ друга, размахивая руками и сіяя довольствомъ, говорили Пиманы.

Это самодовольное сіяніе было столь увлекательно, что не могли удержаться отъ улыбки даже Петръ и сектантъ.

— Ну, и ладно,—сказалъ Петръ,—мы, коли такъ, въ скоромъ времени машины заведемъ...

— Что намъ машины!.. Машинъ намъ не надо... Мы сами почище машинъ дѣло обдѣлаемъ... Ты насъ только къ настоящему дѣлу припусти, чтобы мы въ дѣлѣ-то вкусъ видѣли, крѣпость, такъ намъ что̀ тогда машины!..

— Вотъ возьми моего Пимаху, такъ онъ тебѣ за двухъ машинъ постоитъ! — улыбнулся старый Пиманъ.

— Что машина!—продолжалъ Андронъ.—Тутъ не машина, тутъ дѣло въ правилахъ идетъ, дѣло въ рукахъ... Вотъ возьмемъ хоть бы насъ: нанимали мы прежде у Маркушки землю въ одиночку, въ аренду... Ренды онъ гонитъ въ шальную голову, каждый годъ выше да выше... Съ чѣмъ сообразно?.. Такъ мнѣ на свойную-то землю, можно сказать, плюнуть... А вотъ какъ теперь, умственно-то все понять, вотъ какъ ты допустилъ къ ней, матушкѣ, настоящаго человѣка, да пустилъ ее не въ ренду, а исполу, или тамъ изъ третьей доли, такъ мы тебѣ тутъ умремъ на ней! Вотъ какъ!.. Да!.. да у тебя земля-то поетъ... Она не бросовая будетъ: что ни годъ, то пуще въ силу будетъ входить, потому навозу-то я въ нее не пожалѣю... Тутъ не машина, а правильнаго дѣла нѣтъ, настоящій человѣкъ къ землѣ не припущенъ...

— Вотъ переселенцы идутъ... Переселенцевъ встрѣтили,—замѣтилъ Пиманъ.—Тоже говорятъ: земли много, а не къ рукамъ, не у рукъ... Оттого и идетъ... переселенецъ. Земли много, а идетъ...

— Какъ земли мало! Земли много! — подхватили Андронъ и Сергѣй. — Вотъ взять хоть бы теперь нашихъ кулаковъ... Нахапали земли видимо-невидимо... А развѣ она къ рукамъ у нихъ?.. Такъ, грабительское дѣло — больше ничего. На землю-то матушку тяжело смотрѣть... вся изсохла, ровно вымя у голодалой скотины... Пожалуй, дои ее безъ путито!.. А дай-ка эту землю деревнѣ, настоящему народу, такъ пашня-то запоетъ!.. „Мы, говорятъ, тоже за нее подати платимъ“... Да какой лядъ въ твоей-то подати, ежели одно тутъ утѣсненье?.. Да и царю отъ тебя доходу грошъ... Платитъ онъ, кулакъ-то, хотя, примѣрно, 10 рублей за 100 десятинъ... А ты отдай-ка ее намъ, такъ мы 30 заплатимъ.... А то нахапали земель, а сами сложа руки сидятъ...

Но тутъ Андронъ и Сергѣй почувствовали, какъ будто въ ихъ рѣчь вкралось, вслѣдствіе увлеченія, что-то неладное. Дѣйствительно, въ ихъ словахъ звучало какъ будто нѣкоторое противорѣчіе, но эти противорѣчія составляютъ такой неизбѣжный въ данный моментъ элементъ всякой крестьянской рѣчи, что его очень рѣдко замѣчаютъ сами говорящіе. Слушающіе же или сами тоже не замѣчаютъ, а если и замѣтятъ, то или умолчатъ, или же поймутъ въ особомъ смыслѣ.

— А переселенцу идетъ видимо-невидимо, — началъ опять Пиманъ, — ровно вотъ мыши, али крысы иной разъ подымутся: и идутъ, и идутъ... И Богъ ихъ знаетъ—куда и изъ чего!

— Какъ же нейти? Нельзя не бѣжать, когда хорошему человѣку жить нельзя въ такомъ безпорядкѣ,—сказалъ Петръ, припоминая свое восклицаніе по поводу безпорядковъ въ Дергачахъ.

— Конешно, отъ безпорядковъ,—продолжалъ Пиманъ.—Земли много, а народу тѣсно. Царю ущербъ, а народъ бѣжитъ:.. Какой ужъ это порядокъ!.. И поразсказали же всего! „Мы, говорятъ, кои посмирнѣе, уходимъ, а вояковъ-міроѣдовъ, да пьяницъ оставили... Пущай ихъ воюютъ!.. Житья, говорятъ, не стало! Душѣ стало тѣсно...“ Вишь ты, парень, до чего дошли—ребятъ стали пропивать! Ей-Богу! Слышь, сиротки остались. Ну, стали говорить на міру, чтобы, значитъ, на міръ ихъ принять; пьяницы и говорятъ: „Пущай міроѣды кормятъ, на то они и богаты“, а міроѣды говорятъ: „Не обязались, вишь, мы вашихъ щенятъ растить!“ Ну, а тутъ, вишь, такой народъ проявился, купцы такіе пошли, что ребятъ сбираютъ на фабрики: „Уступите, говорятъ, намъ! Мы въ лучшемъ видѣ устроимъ!..“ — „Ладно, говорятъ, сдѣлай милость!.. Ставь магарычъ...“ Да ужъ солдатъ за себя взялъ... Вотъ какія бѣдовскія дѣла пошли!.. Ну, и бѣгутъ...

— Правда отъ неправды бѣжитъ,—замѣтилъ сектантъ.

— Отберите, сказано, плевелы отъ пшеницы,—повторилъ его братъ.

— Отдѣлите козлищъ отъ агнятъ, — продолжалъ первый братъ.

— Соберитесь въ сонмъ избранныхъ, да не пожретъ васъ проказа!

— Вотъ-вотъ!—подхватили братья Пиманы.—Только ежели настоящему народу собраться—ну, еще можно...

— Нынче въ міру нельзя дѣло вести.

Ныньче только и можно жить, ежели уйдешь подальше... Еще свое дѣло можно кое-какъ вести, а общественное... — и Графъ махнулъ рукой.

— Это вѣрно... Еще вотъ ежели выбрать кого изъ настоящаго народу, ну, можно, въ товарищахъ ежели... И то—отойди подальше.

Такъ размѣренно, степенно и „благорбдно" велись длинные, умственно-дѣловитые и хозяйственные разговоры, во вкусъ которыхъ съ каждымъ днемъ все больше входили наши хозяйственные мужики, и не только Андронъ и Сергѣй, но даже самъ Пиманъ мало-по-малу научились „умственному" резонерству.

Послѣ обѣда, когда гости разъѣзжались и оставался только Митродоръ Графъ на правахъ ближайшаго друга дома, Петръ, дозволивъ себѣ поблагодушничать, снисходилъ до того, что допускалъ принять участіе въ этомъ благодушіи даже хозяйственныхъ мужиковъ. Въ эти минуты онъ настолько размякалъ, что рѣшался мечтать вслухъ и показать хоть уголокъ своего внутренняго, замкнутаго и ревниво охраняемаго отъ посторонняго взгляда мірка.

Запасшись орѣхами и брагой, всѣ мужики, распустивъ пояса, другъ за другомъ выходили въ „галдарею" въ сопровожденіи Аннушки и жены Митродора Графа. Здѣсь, въ виду открывавшагося съ галлереи однообразнаго и сѣренькаго пейзажа, перерѣзаннаго лишь мало оживленною пунктовою дорогой, всѣ предавались послѣобѣденному „спокою", такъ располагающему къ откровенности. Говорилось здѣсь о многомъ, о чемъ умалчивалось при постороннихъ. Говорилось, напримѣръ, о пильномъ заводѣ, о томъ, что хорошо было бы купить и барскій лѣсъ, да кабы его „взять къ рукамъ". Говорилось о паровой мельницѣ. По поводу мельницы хозяйственными мужиками, уже понабравшимися отъ умственныхъ людей нѣкоторой фанаберіи, былъ заведенъ такой разговоръ:

— Чтой-то, братцы мои, въ нашемъ государствѣ ученаго народу не видать?— спрашивалъ Андронъ.—Все только одно начальство... диво! Какъ ежели мало что по умственной части, такъ тутъ тебѣ и нѣмецъ! Механикъ какой, или тамъ машинистъ — все нѣмецъ; вонъ чугунку, слышь, тоже французъ велъ... Значитъ, у нихъ тамъ всему этому обучаютъ, что къ жизни... А у насъ не видать, братецъ мой!.. Косу теперь взять... Ужъ на что, кажись, коса инструментъ немудрящій, а и то вонъ отъ нѣмца идетъ, отъ астріяка... А у насъ нѣтъ какъ нѣтъ своей! Диво! Баринъ коли ежели есть гдѣ умственный при фабрикѣ—знай прямо: нѣмецъ! А у насъ что баринъ, то становой: ѣздитъ да подати собираетъ. Науки, что ли, у насъ нѣтъ такой, настоящей, али баринъ ужъ такой...

— Какой нашъ баринъ! — говорилъ Петръ.—Науки есть... есть и у насъ по столицамъ науки, только не въ коня кормъ. Нашъ баринъ не настоящій, можно сказать, человѣкъ, а такъ... проживальщикъ! Ему науку даютъ, а онъ все норовитъ какъ бы безобразіемъ. А народъ ужъ отъ него учится. Смотритъ: ученый баринъ безобразитъ, а мнѣ и давно можно.

— А науки есть?

— Науки есть. Только настоящаго человѣка къ нимъ не подпущаютъ.

И при этихъ словахъ въ воображеніи Петра вдругъ встала Москва, семья Дрекаловыхъ, спущенный съ лѣстницы „ученый", всѣ эти Сережи, Вѣры, Пугаевы, и какимъ дикимъ, грубымъ презрѣніемъ звучали его слова! Это воспоминаніе непріятно подѣйствовало на Петра, но въ это время Аннушка сказала женѣ Митродора Графа:

— Какъ у насъ здѣсь прекрасно. Мнѣ бы, кажись, лучше до смерти не надо, а Петръ Вонифатьичъ уѣзжать хотятъ... Намъ ихъ не понять!—прибавила она съ наивною вѣрой въ безграничную умственность своего мужа.

— Куда жъ это ты? — спросили изумленные гости.

— Да это такъ,—смущенно улыбаясь, проговорилъ Петръ, — пока еще такъ... Объ Волчьемъ поселкѣ подумываю... Дѣдовское гнѣздо... Дѣдъ хлопоталъ, старался, настоящими людьми хотѣлъ всѣхъ сдѣлать, а мы, по глупости, бросили его, да разорили... Такъ вотъ хорошо бы подновить устои-то. Мѣсто привольное... Ежели съ настоящимъ народомъ, можно лѣсопилку пустить и мельницу паровую... Вотъ бы туда всѣ и перебрались... Глядишь, цѣлый городъ разродился бы у насъ. Вотъ около Москвы есть такія фабрики. Всякому тамъ работа, все кипитъ варомъ... Вотъ тогда и у настоящаго человѣка сила будетъ. А теперь у настоящаго человѣка силы нѣтъ, теперь настоящій человѣкъ кроется... Тогда бы

настоящій человѣкъ-то и указалъ бы грабежу-то да безобразію настоящее мѣсто. Тогда и показалъ бы настоящій крестьянинъ, каковъ онъ есть!

Въ такомъ родѣ долго велись интимные разговоры, и хотя Петръ не пускался въ большія подробности, но и этого было довольно, чтобы наивные Пиманы пришли въ несказанное умиленіе, крестились широкими крестами, предвидя въ перспективѣ цѣлую уйму работы для „хорошаго народа", которую открывалъ имъ умственный мужикъ.

А когда, послѣ вечерняго чая и ужина, всѣ, сытые и довольные, разлеглись въ прохладныхъ сѣняхъ на душистомъ сѣнѣ, каждому снились одни и тѣ же радужные сны: будущее царство „настоящаго", умственнаго и хозяйственнаго мужика.

III.

Было ли тому причиной душистое, свѣжее сѣно, напомнившее Пиману о чемъ-то недавнемъ, или какая-нибудь другая комбинація условій, только сонъ его принялъ къ концу нѣсколько иное направленіе. Снилось сначала ему, что будто лежитъ онъ въ своей сѣнницѣ вмѣстѣ съ Миномъ Аѳанасьичемъ и идетъ между ними дружеская бесѣда. Жалуется Минъ Аѳанасьичъ на свою жену, Ѳедору, что не даетъ она совсѣмъ, глупая баба, житья Мину: захочетъ ли Минъ на народъ выйти, побесѣдовать съ хорошимъ человѣкомъ о правдѣ, о житейскомъ, задумаетъ ли Минъ Богу сходить помолиться—вцѣпится ему въ полы глупая баба и не даетъ никуда шагу ступить. „Работай, кричитъ, старый хрычъ! Куда ты отъ работы бѣжишь?.. Не видишь, что ли, какъ добрые-то люди до работы дорываются? Взгляни-ка на Пимановъ: думаютъ ли они когда о чемъ? Они и объ душѣ-то за работой забыли думать: все только работа... Уйма работы!.." — „И не знаю, что мнѣ съ своей глупой бабой дѣлать: изведемъ мы другъ друга—либо она меня, либо я ее... Какъ тому дѣлу пособить? Сдѣлай милость, ты ужъ мнѣ присовѣтуй... Нѣтъ намъ мирнаго житія". Думалъ-думалъ Пиманъ, какъ пріятелю отвѣтить, и не надумалъ. Вотъ и пошелъ онъ къ умственнымъ людамъ. И идетъ онъ будто часъ, другой, и пришелъ въ Дергачи. Въ Дергачахъ сходъ: все-то на немъ, на этомъ сходѣ, умственные да хозяйственные крестьяне, всѣ-то въ смазныхъ, что ни есть новыхъ сапогахъ, всѣ-то въ суконныхъ поддевкахъ и кумачныхъ рубахахъ, у всѣхъ-то черезъ шеи цѣпочки къ часамъ серебряныя, а жилетки ковровыя. Бороды расчесаны, волосы помадой смазаны. Передъ сходомъ стоитъ Ѳедора и ругательски Мина Аѳанасьича ругаетъ.

— Господа міряне, — говоритъ она,— какъ вамъ угодно, войдите въ мое положеніе, приведите мужа къ порядку... нѣтъ мнѣ житья... Земля стоитъ не пахана, хозяйство не прибрано, подати не плачены, а онъ ушелъ Богу молиться, да и сына свелъ... Спросите, почтенные, съ него отвѣтъ... А мнѣ помочью поля уберите, потому жить мнѣ надо, а я за своего мужа, непутнаго, не отвѣтчица!

Такъ вотъ и сыплетъ, и сыплетъ Ѳедора, а умственные мужики ее слушаютъ. И будто сидитъ тутъ же, въ сторонкѣ на бревнушкѣ, Минъ Аѳанасьичъ вмѣстѣ съ Янькой. И такое ли у обоихъ у нихъ лицо свѣтлое, мягко такъ улыбаются, а сами въ кафтанишкахъ дерюжныхъ, въ лаптяхъ.

— Какъ же это вы, братцы, такъ незаконно поступаете? — спрашиваютъ ихъ умственные мужики, Андронъ и Сергѣй. — Всѣ люди къ хозяйству прилежатъ до поту лица, всѣ люди о податяхъ пекутся, всѣ носятъ сапоги смазные да синіе кафтаны, а вы, между прочимъ, это во вниманіе вовсе брать не хотите?

— Какъ, — говорятъ Минъ съ Янькой,—вамъ, господа умственные міряне, угодно, а только вы отъ насъ нашей правоты не отымете... Хотите—милуйте, хотите—казните, этимъ вы насъ не огорчите, потому наша правота при насъ останется...

— Какая же ваша правота, ежели всѣ люди стараются, а вы, между тѣмъ, прилежанія не оказываете? — спрашиваютъ опять умственные люди.—Теперича вотъ баба помочью міръ утруждаетъ, хозяйственныхъ мужичковъ отъ своей работы отбиваетъ, а у хозяйственнаго мужичка теперь работы столь много, что и глазомъ не окинешь... Что теперь умственные люди должны сказать, ежели хозяйственный мужичокъ, свою работу бросивши, да пойдетъ вдовамъ да мужнимъ женамъ помогать, а мужья будутъ, между тѣмъ, по богомольямъ ходить, да по базарамъ толкаться?.. Ну, порядокъ ли это будетъ? Не стоишь ли ты съ сыномъ, чтобы васъ, примѣрно, казнить, а впо-

слѣдствіи времени, ежели отъ васъ исправленія не будетъ, то и совсѣмъ извести?..

— Какъ, господа умственные міряне, угодно вамъ будетъ,—опять сказалъ, улыбаясь, Минъ Аѳанасьичъ,—а только правоты нашей вамъ отъ насъ не отнять... А правота наша одна: пойду я Богу молиться, а ты за меня поработай; захочу я на народъ сходить поразвѣтриться,—и опять же ты за меня поработай. А ежели и ты захочешь Богу помолиться, я за тебя поработаю... Помогай, Пиманъ Савельичъ, помогай!—вдругъ закричалъ Минъ. — Какъ хочешь, а помогай... Не пущу я тебя къ зятю на работу—помогай!.. Сначала мнѣ полосу вспаши! Моя полоска небольшая, я не жаденъ... Помогай! Помогай!

И, будто вскочивъ, онъ, и всѣ—и Ѳедора, и Минъ, и Янька, и потомъ еще отставной служака, что переселенцевъ велъ, и двѣ сиротки съ нимъ, всѣ протягиваютъ руки и хотятъ схватить Пимана съ сыновьями за полы. А Пиманъ съ сыновьями бросился бѣжать къ зятю и кричитъ, и будто всѣ умственные и хозяйственные мужики кричатъ: „некогда! некогда!" Кричатъ, а сами полы подбираютъ, бѣгутъ все дальше и дальше, а Миновы руки все за ними тянутся и за полы хватаютъ. Вотъ и бѣжитъ Пиманъ отъ Мина все скорѣе, все дальше и дальше, вотъ будто убѣжалъ онъ такъ далеко, что ужъ не только Мину не достать его за полы, а ужъ и совсѣмъ его не видать и голосу не слышно... А Пиманъ все бѣжитъ, бѣжитъ... и вдругъ прибѣжалъ. Видитъ—острогъ! Ведутъ его конвойные солдаты. Вотъ загремѣли у тесовыхъ воротъ цѣпи и ключи, завизжали засовы; повели Пимана по темнымъ коридорамъ, вмѣстѣ съ двумя другими крестьянами изъ Вальковщины. Пиманъ шагаетъ, какъ будто во снѣ, онъ весь дрожитъ, лихорадка бьетъ его отъ страха..

IV.

Пиманъ проснулся, оглядѣлся кругомъ въ чуть брезжившемъ сѣроватомъ свѣтѣ ранняго утра. Онъ былъ, дѣйствительно, въ острогѣ маленькаго уѣзднаго городка: нары, рѣшетки; сѣрые халаты храпятъ съ боковъ, спереди, сзади... И, точно, онъ долго не могъ понять хорошенько, было ли все это сонъ или дѣйствительность. Все это совершилось такъ быстро и такъ неожиданно, сорвало съ корня его, мирнаго пахаря, шестьдесятъ лѣтъ крѣпко цѣплявшагося корнями въ устойчивой почвѣ, и, притомъ, въ тотъ самый моментъ, когда онъ чувствовалъ, что эти корни запущены прочнѣе, чѣмъ когда-либо. Неожиданность эта была такъ велика, что изъ его памяти даже внезапно исчезли цѣлые дни, событія, лица. Такъ, сколько онъ ни силился напрягать воображеніе, онъ долго еще не могъ отрѣшиться отъ мысли, что онъ попалъ въ тюрьму прямо послѣ того, какъ заснулъ у зятя на душистомъ сѣнѣ. Даже послѣ, когда въ его памяти мало-по-малу воскресала вереница недавнихъ событій, онъ все-таки не могъ уяснить себѣ, когда и какъ онъ проснулся у зятя, куда поѣхалъ, что дѣлалъ. Исторія съ Ѳедорой и Миномъ на сходкѣ то представлялась ему сномъ, то выступала со всею реальностью дѣйствительнаго факта. А потомъ... потомъ вотъ что онъ припомнилъ въ тишинѣ острожной ночи.

Время приближалось уже къ Петрову дню. Крестьянская работа крѣпчала все больше. Поспѣвали травы. Крестьяне спѣшили убраться съ арендными лугами и полями, чтобы поспѣть къ своимъ покосамъ. Трудъ становился лихорадочнымъ для всякой деревни, а тѣмъ болѣе для „жадныхъ" Пимановъ. Послѣдніе, когда только что созрѣла трава, всею артелью товарищей или „братовъ", съ которыми они взяли у зятя землю, закатились въ его луга на всю недѣлю, гдѣ и жили таборомъ, въ шалашахъ, почти совсѣмъ отбившись отъ деревни. Работали съ ранней зари до поздняго вечера, отдыхали только въ самые жаркіе часы дня. Изъ деревни только мимоходомъ, и то изрѣдка, доходили кое-какія отрывочныя вѣсти; говорили, что на Вальковщинѣ что-то неладно, что баринъ пріѣхалъ, что у него идетъ тяжба съ кулаками, что разговоръ идетъ объ общемъ, нераздѣльномъ для всей Вальковщины, большомъ пойменномъ лугѣ, который вся Вальковщина сообща косила доднесь и искони. Сообщали даже, къ изумленію Пимановъ, всю зиму пропраздновавшихъ въ усадьбѣ Петра и всецѣло погруженныхъ въ его интересы, что „неладное" стало замѣчаться на Вальковщинѣ еще съ Рождества и чуть ли не съ побоища въ Дергачахъ. Что это по-

боnще вызвало разговоры въ другихъ деревняхъ волости, что по кабакамъ много шло о немъ разговоровъ и что въ Пузыряхъ была тоже битва у пьяницъ съ міроѣдами, за которыхъ встали хозяйные мужики; что вездѣ требовали „головныхъ“ передѣловъ, вездѣ кричали, что міроѣды и хозяйные люди нарочно передѣлы оттягиваютъ, нарочно безземельныхъ въ работы на сторону гоняютъ. Передавали за вѣрное даже, что нынче въ волости на половину меньше паспортовъ было взято, что многіе середняки остались дома и не пошли въ заработки, не желая поручать старикамъ дѣло, въ случаѣ, какъ всѣ ожидали, „шума“ при передѣлѣ, такъ какъ, по прежнимъ опытамъ, старики оказывались очень довѣрчивы и неграмотны. Говорили, что пузыревцы-офени, издавна славившіеся міроѣдствомъ, подговоривъ Пеньки и Дубы, хотятъ оттягать, по планамъ, половину луговъ себѣ, что пріѣхавшій молодой баринъ говорилъ, что я, коли такъ, лучше ихъ за себя возьму, чѣмъ кулакамъ отдать; говорили даже, что будто онъ такъ сказалъ: „Коли вы, дураки, своимъ добромъ сами распорядиться не умѣете и отъ кулаковъ оборониться не можете, то буду, говоритъ, опять я вамъ господинъ и самъ вамъ стану землю выдавать“.

Всѣ эти свѣдѣнія доходили до Пимановъ съ братами крайне отрывочно, даже не изъ однѣхъ рукъ, часто противорѣча одни другимъ: то мужикъ изъ какой-нибудь деревни проѣдетъ мимо черезъ пойму и, остановившись полюбопытствовать насчетъ урожая травы, сообщитъ кое-что „изъ міра“, то баба пройдетъ мимо съ грибами и тоже кое-что разскажетъ, то пастухи, загонявшіе лошадей на новую отаву. Только уже послѣ попался имъ мужикъ потолковѣе другихъ, который, запоздавъ, остался у нихъ заночевать. Онъ имъ и растолковалъ „пообстоятельнѣе“ (насколько, впрочемъ, это для мужика возможно) „хитрую механику“ всего дѣла. Оказалось, что это исторія старая, что о ней отъ времени до времени давно уже мимоходомъ поговаривали. „Въ томъ было дѣло, — передавалъ толковый мужикъ, — что, какъ всѣмъ вѣдомо, старый баринъ былъ у нихъ до народа добрый, что жили они съ нимъ по душѣ, что, когда составляли „уставныя грамоты“, онъ Вальковщинѣ прямо сказалъ, что пользоваться ей всѣмъ, чѣмъ владѣла, кромѣ лѣса. Такъ и порѣшили тѣмъ. А послѣ того, барыня, снюхавшись съ адвокатомъ Коронашкой, объявила старика безъ ума: что быдто не въ своемъ умѣ онъ грамоту составлялъ, и составили ее по-своему, въ такомъ разѣ, что, молъ, по „Положенію“, „вамъ слѣдуетъ, мужички, столько-то, а что сверхъ сего, то, памяти ради стараго барина, отдаемъ вамъ на десять лѣтъ, послѣ чего платить вамъ за нее намъ ренду, а буде вы ренды платить не намѣрены, вольны мы луга отъ васъ взять и другимъ въ пользованіе отдать“. А намъ и невдомекъ, что они такую вставку сдѣлали: наше, молъ, да наше... Да, вѣдь, наше и есть! Всею Вальковщиной сыскони и до днесь сообща владѣемъ! Какъ же не наша? Пожалуй, мы ренду платить будемъ, ну, только какъ же земля не наша, когда она искони была наша? Ну, хорошо. Первые эту механику пузыревцы раскусили (дошлый народъ до всего). Правдами-неправдами добились грамоты. Повели было дѣло съ барыней, да барыня умерла къ этому разу, а баринъ молодой насъ не убезпокоилъ. Такъ и шло дѣло, и пузыревцы бросили хлопотать. Только вотъ ужъ года три, сами знаете, какъ пошла у насъ сумятица: что ни годъ — все хуже. Такъ ужъ оно по всему народу ровно эдакъ болѣзнь оказалась. Пошли, знаете, по деревнямъ перекоры изъ-за передѣловъ. Вотъ пузыревскіе міроѣды какъ-то съ своими голяками подрались, да и удумали старое дѣло поднять. Помните, чай, что ни годъ все говорили: надо надѣлить, молъ, луга и пустоши каждой деревнѣ въ вѣчное владѣніе. Не стоитъ-де канитель тянуть съ поровенкой да жеребьями!.. Подѣлить, да подѣлить... А сами мекаютъ: грамота составлена, дескать, незаконно. Что тѣ луга, которые баринъ къ себѣ тянетъ, на половину должны въ надѣлъ поступить Пузырямъ, Пенькамъ да Дубамъ, какъ у нихъ, выходитъ, въ надѣлѣ недочетъ и, притомъ, луга эти самые по живымъ урочищамъ въ ихъ владѣніяхъ значатся искони... Пузыревцы — народъ извѣстный, мощный — съ волостью стакнулись, да и повели дѣло втихомолку... Тутъ бы намъ и невдомекъ, какъ они насъ накрыли бы. Узналъ объ этомъ баринъ, разсмотрѣлъ планъ и видитъ, что, вѣдь, луга-то онъ у насъ можетъ за себя взять. Узналъ, что кулаки орудуютъ, осерчалъ: „Нѣтъ, говоритъ, вамъ ничего... Земля моя! Самъ какъ хочу, такъ и подѣлю“. Ходили къ нему

попѣ о Рождествѣ наши мужики изъ Добраго говорятъ: „Смилуйтесь... искони наши были...“ А онъ знай кричитъ: „Вы, говоритъ, бараны... баранье стадо!.. Мы, говоритъ, такъ полагали, что вы съ своими дѣлами можете управляться, а замѣстъ того, видимъ въ васъ одно невѣжество... Сами вы своей пользы не понимаете... Васъ міроѣды грабятъ, а вы только ушами хлопаете... Нѣтъ, говоритъ, теперь ужъ я вамъ не дамъ въ руки!.. Вотъ, хотите, самъ надѣлю!“ А мужики наши твердятъ одно: „Смилуйся, не погуби... Искони была наша земля... Тятенька твой, царство ему небесное, самъ на томъ порѣшилъ... Добрый былъ къ мужику баринъ... Будь и ты отцомъ, не жми!..“ Долго имъ тутъ баринъ высчитывалъ, слышь, сколь имъ будетъ велика польза, ежели они землю въ его рукахъ оставятъ и на него положатся что самъ онъ подѣлитъ между ними землю въ лучшемъ видѣ и что кулаки ужъ тогда у нихъ эту землю не оттягаютъ. Бился, бился, слышь—нѣтъ, твердятъ наши мужички одно: „Смилуйся, отступись, наша землица искони, отъ дѣдовъ...“ Съ тѣмъ такъ и разошлись. Баринъ на своемъ сталъ, и они на своемъ. Да какъ же инако?.. Не мало дѣло — навѣкъ опять въ крѣпость попасть! Тоже дѣтки-то послѣ не похвалятъ!“

Вотъ какую длинную и сложную исторію разсказалъ имъ „толковый“ мужикъ, при потухающихъ вспышкахъ костровъ, среди сѣроватой полутьмы влажной, мягкой и темной ночи. Вдали и вблизи, тамъ и здѣсь, какъ черныя гигантскія привидѣнія, стояли огромные стога; вокругъ нихъ, полукругомъ, раскинулся таборъ косцовъ, съ палатками и телѣгами. Слышалось аппетитное хрустѣнье лошадьми свѣжаго сѣна, всплески воды отъ рѣки, плачъ грудныхъ ребятъ. Всѣ мужики табора собрались около костра, гдѣ сидѣлъ толковый мужикъ, раскинувшись врастяжку, внизъ животами, на влажно-душистомъ сѣнѣ. Тутъ же сидѣли, такъ же какъ будто внимательно слушая разсказчика и смотря ему въ лицо, сторожевыя собаки, изрѣдка навостряя уши и чутко прислушиваясь къ какимъ-то отдаленнымъ, имъ однимъ понятнымъ, звукамъ. И Пиманы, и всѣ прочіе мужики, конечно, слушали толковаго мужика съ большимъ вниманіемъ и сочувствіемъ, тѣмъ болѣе, что большая половина разсказанной имъ исторіи была имъ извѣстна; всѣ прерывали разсказчика вопросами, въ родѣ: „Да какъ же иначе?.. Знамо!.. Да ужъ пузыревскіе — одно слово, купцы!.. Барину-то тоже въ ротъ не влѣзешь!.. Какъ можно, чтобъ отдать... И то вонъ какія дѣла творятся, а тогда, эдакъ, и нашъ народъ въ переселенцу пойдетъ!.. Всякому тоже своя душа дорога!“ и проч. Въ такомъ родѣ восклицали Пиманы и ихъ „браты“, и, тѣмъ не менѣе, когда одинъ изъ „братовъ“, смачно зѣвнувъ, сказалъ: „Ну, да будетъ турусы-то на колесахъ разводить! Этимъ разговорамъ-то конца не будетъ... А, вѣдь, вонъ ужъ заря занялась! Еще у насъ эвонъ—какое море травы-то лежитъ!“ и показалъ на пойму, гдѣ темнѣли длинные валы скошенной травы,—всѣ вдругъ тоже стали торопливо зѣвать, креститься и собираться къ своимъ палаткамъ. А когда, съ зарею, всѣ принялись за косьбу, и толковый мужикъ ушелъ, всѣ „турусы на колесахъ“ были сразу забыты. Въ особенности мысль объ этихъ „турусахъ“ была далека теперь отъ Пимановъ, переполненныхъ довольствомъ и сознаніемъ прочности ихъ личнаго хозяйственнаго положенія. „Уйма дѣла“, отрытаго для нихъ умственнымъ мужикомъ, поглощала все ихъ внутреннее существо цѣликомъ. Со времени свадьбы Петра даже стараго Пимана не тревожили больше „предчувствія“ и изъ его памяти совершенно стерлось грозное и глубоко-чувствительное для каждой мужицкой души предсказаніе стараго Ермила изъ Груздей.

Вотъ все это, что разсказано нами и что происходило послѣ того, какъ ночевалъ Пиманъ у зятя и видѣлъ во снѣ Мина, все это и пропало изъ его памяти. Почему ему и казалось, что все случившееся послѣ было непосредственнымъ продолженіемъ его сна. А это послѣдующее стояло передъ нимъ съ ужасающею яркостью, несмотря на то, что это былъ внезапный, неимовѣрно быстро поднявшійся и несшійся вихрь.

Дня три спустя послѣ бесѣды съ толковымъ мужикомъ сыновья Пимана отправили старика-отца за недостававшими вилами домой, съ тѣмъ, чтобъ онъ „мигомъ“ вернулся назадъ. Старикъ, наскоро заложивъ лошадь въ сѣнныя дроги, поѣхалъ къ Дергачамъ. Здѣсь онъ даже и въ улицу не въѣзжалъ, а подъѣхавъ съ гуменниковъ къ задамъ усадьбы пря-

мо къ сараю, взялъ вилы и, сваливъ ихъ на дроги, тѣмъ же путемъ двинулся обратно, весь поглощенный спѣшною работой.

Ржаное поле въ нынѣшнемъ году подходило какъ разъ къ усадебнымъ задамъ Дергачей, и Пиманъ, повернувъ лошадь на межпольную дорогу, сразу потонулъ въ высокомъ морѣ колосьевъ, колыхавшемся волнами по высокому холму. Но едва онъ добрался до вершины холма, какъ ему навстрѣчу вынырнулъ, торопливо бѣжавшій откуда-то, староста Макридій Сафронычъ.

— Пиманъ, да ты куда? Да что съ вами, лѣшими, нонѣ подѣлалось?—закричалъ на Пимана Макридій, въ сердитомъ недоумѣніи. Онъ былъ весь въ поту отъ сильнаго волненія и ходьбы.

— Да что я?—спросилъ тоже недоумѣвавшій Пиманъ.

— Какъ что?... Да вы ума, что ли, рѣшились всѣ... не видишь, что ли, что дѣлается на деревнѣ-то?...

— А что?—обернулся невольно глазами къ Дергачамъ Пиманъ.

— Да разуй глаза-то... Вѣдь ты былъ или нѣтъ на улицѣ-то!...

— То-то что нѣтъ!...

— То-то что нѣтъ!—передразнилъ его староста.—У всѣхъ у васъ нынче глаза-то врозь смотрятъ... Вѣдь, сходъ собирается...

— Что вы когда вздумали? — уже заворчалъ Пиманъ.—Нашли время!... Намъ неколи... У насъ работа... Ишь, когда вздумали собирать!

И Пиманъ задергалъ вожжами.

— Да кто его собиралъ! — закричалъ Макридій. — Чортъ его собиралъ — вотъ кто!... Ты бы лучше глаза-то разулъ, али уши-то ототкнулъ... Что вы, лѣшіе, нонѣ ни о чемъ не думаете?... Малые ребята—и тѣ знаютъ!... Деревню вонъ чужіе люди заполонили, полна деревня народу, а они ничего не видятъ и не слышатъ... Ну, что случится, Господи спаси!... Вѣдь, это не что—вся Вальковщина собирается... Чтожъ, я, что ли, буду отвѣчать? Одинъ отвѣчать я не буду... Вишь ты, всѣмъ бы разбѣжаться только... Право!—сокрушался Макридій Сафронычъ, болѣе, впрочемъ, относя народную нечувствительность лично къ своей судьбѣ, чѣмъ къ міру.

— Да что мы, гулять, что ли, бѣгаемъ?—заворчалъ Пиманъ.—Чай, у насъ работа... Тоже не пироги въ лугахъ-то ѣдимъ... Ты вотъ торгуешь, тебѣ свободнѣй... ну, и говоришь такъ. А мнѣ неколи!

И Пиманъ опять дернулъ вожжами. Но тутъ Макридій Сафронычъ уже вышелъ изъ себя. Онъ въ отчаяніи схватилъ подъ уздцы Пиманову клячу и закричалъ:

— Да ты взгляни... взгляни, что дѣлается!... Вѣдь, это сполохъ... Вѣдь, вся Вальковщина... Подымись на телѣгѣ-то, взгляни!

Старый Пиманъ взобрался на телѣгу, посмотрѣлъ кругомъ и молча слѣзъ съ телѣги.

— Видѣлъ?—спросилъ Макридій.

— Видѣлъ... Съ чегожъ это?

— А вотъ узнаешь,—внушительно сказалъ Макридій и, почему-то вполнѣ увѣренный, что теперь Пиманъ уже не уйдетъ, отчаянно заработалъ руками и ногами, побѣжавъ къ Дергачамъ.

И дѣйствительно, Пиманъ снялъ шляпу, классически почесалъ затылокъ и, повернувъ лошадь, пустилъ ее рысцой обратно къ Дергачамъ, внимательно посматривая по сторонамъ, вдоль полей.

ГЛАВА IV.

Духъ міра.

I.

Если небольшая, обыкновенная сѣрая деревенька Дергачи ничѣмъ особеннымъ не выдавалась изъ среды своихъ ближайшихъ сосѣдокъ по внутреннему укладу своему, зато она пользовалась особымъ преимуществомъ, не имѣвшимъ, впрочемъ, въ глазахъ ея исконныхъ обывателей особенно важнаго значенія: судьба помѣстила ее въ самомъ поэтическомъ и красивомъ уголкѣ Вальковщины. Уютно и весело засѣли Дергачи въ зеленой ложбинѣ между высокими скатами холмовъ, разубранныхъ теперь — въ іюньскій яркій день — разноцвѣтными полосами еще нетронутыхъ косой и серпомъ хлѣбовъ. Съ какого изъ этихъ холмовъ ни подъѣзжай къ Дергачамъ, всюду увидишь деревню, какъ на блюдечкѣ. Она была вся налицо, вся на виду у своихъ сосѣдокъ, разсѣвшихся по холмамъ: смотри кто хочешь! Трудно было бы спрятаться дергачевскому обитателю отъ любопытнаго взгляда даже за старинными вѣтвистыми вязами, осѣнявшими деревеньку своими шумными вершинами, какъ шатромъ.

Трудно сказать, что было причиной:

центральное ли положеніе Дергачей среди своихъ сосѣдокъ, красота ли мѣстности, или же древнее происхожденіе Дергачей, начала которыхъ не помнятъ самые древніе старожилы Вальковщины,—только эта небольшая деревенька искони играла видную роль въ общинной жизни всей Вальковщины. Роль эта, впрочемъ, въ послѣднюю четверть столѣтія умалялась больше и больше и жила въ воспоминаніи обитателей, какъ легендарная традиція, изрѣдка только, и то черезъ очень длинные періоды, освѣжаемая для молодыхъ поколѣній бурными вспышками всей Вальковщины. Послѣдняя изъ такихъ вспышекъ была въ шестидесятыхъ годахъ, когда для всей Вальковщины былъ поставленъ вопросъ о размежовкѣ общихъ для всѣхъ деревень угодій. И на этомъ послѣднемъ традиціонномъ сходѣ всей Вальковщины, послѣ шумной борьбы, старыя традиціи должны были уступить передъ „теоріей надѣловъ". Съ тѣхъ поръ традиціонная волость уже не собиралась въ Дергачахъ ни разу и сами дергачевцы мало-по-малу забыли свое традиціонное преимущество. Оно совершенно стерлось предъ возраставшимъ значеніемъ, хотя и иного свойства, богатаго Добраго села, которое вмѣстило въ себѣ волость административную. Но, тѣмъ не менѣе, и до сихъ поръ въ Дергачахъ сохранилось еще нѣчто, связывавшее ихъ въ представленіи обитателей Вальковщины съ „былымъ".

Если войти на вершину одного изъ самыхъ высокихъ холмовъ окружающихъ Дергачи, на которой произошла случайная бесѣда Пимана съ Старостой Макридіемъ, внимательный наблюдатель могъ бы здѣсь замѣтить небольшую полянку, поросшую кустарникомъ и никогда не запахиваемую. На этой полянкѣ онъ увидалъ бы небольшую, древнюю, почти совсѣмъ развалившуюся, съ изломанною и поросшею мхомъ крышей, деревянную часовню; подъ ея провалившимся дырявымъ навѣсомъ стоятъ двѣ облѣзлыхъ и полинялыхъ иконы стараго письма. Далекою стариной вѣетъ отъ этой покосившейся часовеньки... А если посмотрѣть съ этого пункта кругомъ, то невольно является мысль, что эти руины имѣютъ многознаменательный смыслъ: съ этого пункта, въ ясный день можно обозрѣть окрестность на громадное пространство; вся Вальковщина здѣсь открывается предъ глазами, и въ лѣтній день воздухъ до того чистъ и прозраченъ, что самыя дальнія деревни выступаютъ рельефно среди зелени полей. Стоя на этой вершинѣ, близъ дряхлой часовни, въ виду открывшейся перспективы деревень и полей, невольно чувствуешь, какъ что-то далекое, эпически величавое охватываетъ душу. А если вмѣстѣ стоитъ здѣсь дряхлый старожилъ, то онъ двумятремя штрихами вызоветъ въ воображеніи цѣлую картину: кажется, что вотъ отъ всѣхъ этихъ деревень, какъ по радіусамъ къ центру, тянутся къ этой часовнѣ мужицкія фигуры, въ поярковыхъ шляпахъ гречневикомъ; какъ на этой вершинѣ мало-по-малу толпа наростаетъ все больше и больше; какъ становится шумнѣе и говорливѣе, когда начинается выборъ „мѣрщиковъ"; какъ, наконецъ, приступаетъ эта толпа пахарей къ дѣлежу и равненію общаго достоянія; какъ передъ вынутіемъ жеребьевъ толпа обнажаетъ головы и, въ виду этой часовни, призываетъ Бога въ свидѣтели правоты предстоящаго дѣла, какъ вся она падаетъ на колѣна въ подкрѣпленіе своей вѣры въ прочность и ненарушимость совершающагося акта... А въ это время вся вершина холма горитъ въ золотистыхъ лучахъ заходящаго солнца... Но старый „духъ міра", призывавшій сюда толпы пахарей, давно отлетѣлъ изъ дряхлаго остова часовни, и цѣлыя десятилѣтія она одиноко и равнодушно смотритъ на давно забывшія ее поколѣнія...

Когда Пиманъ забрался по указанію Макридія на телѣгу и оглянулъ окрестность, для него ужь не было сомнѣнія, что дѣйствительно совершается что-то необычное: отъ каждой деревни-сосѣдки, по межпольнымъ дорогамъ, брошеннымъ по скатамъ холмовъ, среди зеленѣвшихъ полей, какъ длинныя, извивающіяся полосы полотенъ, двигались по направленію къ Дергачамъ мужицкія фигуры въ шляпахъ-гречневикахъ и картузахъ, съ накинутыми на спины или переброшенными черезъ плечи халатами: всѣ они двигались небольшими группами, по-двое, по-трое, съ разныхъ сторонъ и одна за другой исчезали въ дергачевской ложбинѣ, въ тѣни ея широковѣтвистыхъ вязовъ.

Волненіе Макридія, видъ надвигавшагося на Дергачи народа, воспоминаніе прошлаго, невольно вставшаго при этомъ въ памяти, — все это сначала какъ-то ошеломило Пимана, а когда онъ, убравъ лошадь и наскоро застегивая кафтанъ, вышелъ на улицу, об-

щее лихорадочное настроеніе этой улицы сказалось и въ немъ. Вотъ ребятишки пробѣжали мимо къ дергачевскому „дубу мавріискому“, на мѣсто обычныхъ сходокъ; вонъ, широко шагая, почти бѣгомъ, перегоняя другъ друга и весело кивая Пимапу, прошли туда же Лимподистъ и Лукашка; вонъ Сысой Строгій трусцой пробѣжалъ, крестясь на ходу, этотъ „артельнѣйшій“ изъ мужиковъ; бабы повысыпали изъ воротъ и смотрятъ; покорный общему настроенію, заерзалъ усиленно сапогами и Пиманъ, направляясь къ тому же дубу. Вотъ онъ взглянулъ еще разъ: мужикъ такъ и валитъ на Дергачи со всѣхъ сторонъ... Вотъ Ульяна Мосевна торопливо надѣваетъ на голову праздничный платокъ и, торжественно крестясь, говоритъ подходящему Пиману: „Слава Богу! Давно не были!.. Забыли Дергачи... Авось хоть поговорятъ безъ вина по душѣ, по старинѣ!.. Пошли-ка Богъ совѣтъ да разумъ!“ Пиманъ ерзаетъ дальше, почему-то считая нужнымъ все больше ускорять шаги; ему даже слова Ульяны Мосевны какъ будто говорятъ: „скорѣе, скорѣе!..“ Около обычнаго схода подъ дубомъ уже пребываетъ толпа: ребятишки, подростки, парни перебѣгаютъ съ мѣста на мѣсто, мужики толкаются группами и что-то говорятъ, бабы вздыхаютъ, старики пробираются съ клюками къ завѣтному отдѣльному бревну. А толпа все растетъ, все прибываютъ новыя и новыя лица; слышенъ невнятный говоръ; здороваются, хлопаютъ рука объ руку; раздаются отдѣльные, отрывочные вопросы, серьезные вмѣстѣ съ шуткой...

— Кто собралъ?—слышится чей-то недовольный и грубый заспанный голосъ.

— А Богъ собралъ, почтенный, Богъ собралъ,—тоже кто-то отвѣчаетъ съ другого конца толпы.

— Дѣдушка, кафтанъ-то задомъ напередъ надѣлъ. Ха-ха!.. Шляпу-то поправь!—весело шутятъ подростки.

— Говорятъ, мірскихъ мѣрщиковъ съ луговъ кольями прогнали, — раздается сбоку.

— Что ужъ это, до послѣдняго конца дошли! Господи помилуй, спаси и сохрани!—вздыхаетъ кто-то въ отвѣтъ.

— Пузыревскіе міроѣды...

— Что пузыревскіе міроѣды?

— Спрашивай дальше!

— Кто собралъ?—опять спрашиваетъ кто-то.

— Міръ!—отвѣчаетъ Лимподистъ и хохочетъ.

— Отчего не въ волости? Волость есть!..

— У волка на зубахъ немного наговоришь!..

— У-у! Го-го! фю!.. Шш! Шш!..—неистово кричали ребятишки, подростки и разные великовозрастные Лукашки и Лимподисты; оказалось, что ошалѣвшій теленокъ, задеря хвостъ и выпуча глаза, какъ сумасшедшій, несся черезъ толпу.

— Ну, надѣлаютъ теперь дѣловъ... Эхъ, народъ, народъ! – кто-то произнесъ съ искреннимъ сожалѣніемъ.

— Въ два, братцы, кнута жарятъ,— говоритъ кто-то съ видимымъ восторгомъ.—И изъ волости, и пузыревскіе міроѣды, и баринъ, и міръ!.. Баталія!..

— Что ужъ это—мѣрщиковъ прогнали!..

— Ихъ, подлецовъ, за это—во! —заоралъ вдохновившійся Лукашка и поднялъ здоровый кулакъ надъ толпой, привѣтствуемый взрывомъ дружнаго хохота Лимподистовъ.

Пиманъ, захлестнутый толпой въ самую гущину, не зналъ, куда повертывать голову, къ чему прислушиваться: мимо его ушей, какъ стрѣлы, пролетали отдѣльныя фразы, засѣдали въ головѣ и складывались въ одну кучу, въ которой Пиманъ не думалъ разбираться.

Наконецъ, Пиману удалось пробраться къ бревну, которое было вплотную уже засажено мужиками—мірскими представителями, плотно жавшимися одни къ другимъ, словно стая галокъ, внезапно опустившаяся на застрѣхи. Тутъ увидалъ Пиманъ выборныхъ мѣрщиковъ, вытныхъ и старостъ отъ всѣхъ деревень Вальковщины: по-двое или по-трое, какъ будто выпущенныя пары изъ Ноева ковчега, сидѣли они рядкомъ, окруженные толпой. Вотъ подъѣхала послѣдняя „пара“: два старика въ телѣгѣ, на низенькой буланой лошадкѣ. Одинъ—высокій, худой, съ сивою гривой на головѣ и такою же сивою, длинною бородой, какую рисуютъ на иконѣ св. Ануфрія, другой—низенькій, съ большою, круглою, какъ арбузъ, и бѣлою, какъ лунь, головой. Оба они, кряхтя, выбрались изъ телѣги, оба вразъ принялись раскладывать лошаденку: кто спускалъ вожжи, кто черезсѣдельку, одинъ тащилъ дугу, другой хомутъ, и, наконецъ, стреноживъ лошадь и пустивъ ее тутъ же на лужайкѣ, двинулись къ мірскимъ бревнамъ. Но тутъ и щепкѣ трудно было бы помѣститься.

— Что жъ, братцы, постѣснитесь! — закричали съ бревенъ. — Пустите ужъ стариковъ... Вѣдь, имъ и чести-то только осталось, что здѣсь!.. Садись, Грачи, садись!

Эти старики, оба изъ Грачей, оба пріятели, были не только самыми древними изъ всѣхъ обывателей Вальковщины, но и просто легендарными, такъ какъ ихъ не столько знала лично молодая Вальковщина, сколько слышала о нихъ разнообразныхъ легендъ. Они родились въ годы генеральнаго межеванія, помнили двѣнадцатый годъ, сколько-то голодныхъ годовъ, сколько-то холерныхъ, сколько-то бунтовъ, усмиреній, — однимъ словомъ, очень много помнили и очень уже давно жили одними воспоминаніями... Въ теченіе десяти уже лѣтъ ихъ никто не видалъ, кромѣ двухъ-трехъ дней въ году, когда они, въ качествѣ самыхъ свѣдущихъ и опытныхъ мірскихъ мѣрщиковъ, вылѣзали изъ своихъ хатъ при дѣлежкѣ общихъ мірскихъ луговъ Вальковщины.

Легенды о нихъ ходили самыя невѣроятныя: говорили, что они у Пугача служили еще, хотя въ дѣйствительности они родились только около этого времени; говорили, что они въ 12-мъ году хотѣли передаться французу „за вольную“ и народъ подговаривали; говорили, что они были сосланы въ Сибирь, но оттуда бѣжали съ жалобой къ австрійскому королю; говорили... но мало ли что говоритъ молва, разъ имѣетъ для этого хотя нѣсколько данныхъ! Обоихъ легендарныхъ старичковъ звали Евтропами: только одинъ былъ Евтропъ Длинный, а другой Евтропъ Короткій. Евтропъ Длинный былъ мужикъ дубоватый, грубоватый и суровый, а Евтропъ Короткій — мужикъ мягкій, нѣжный, говорливый, прибауточный. Когда Пиманъ увидѣлъ двухъ этихъ старичковъ, онъ подумалъ: „Ну, старички даже потревожились!..“ — и при видѣ этихъ старичковъ оторопѣлъ еще больше.

А, между тѣмъ, толпа вкругъ мірскихъ выборныхъ все росла и надъ ней носился невнятный говоръ, изъ котораго постоянно вырывались какіе-то выкрики.

— Что же, тащите вытныхъ! Вытныхъ нѣтъ! — кричалъ кто-то. — Гдѣ Макридій?..

— Что Макридій! — отозвался староста Макридій Сафронычъ откуда-то изъ такого далека, что Пиману казалось, будто онъ говорилъ изъ-подъ земли. — Что Макридій!.. Я теперь не слуга...

— Кто же слуга-то будетъ?

— Плюньте на него!..

— Тащите вытныхъ!.. Чего они прячутся? Гдѣ Пиманъ? — вдругъ заоралъ Борисъ.

Но въ это время толпа колыхнулась, по ней пробѣжалъ какой-то зудъ; вотъ она рванулась вправо, потомъ отошла влѣво, заколыхалась, словно водоворотъ надъ омутомъ, увлекла Пимана въ самую средину, сжала его. Онъ вспотѣлъ, споткнулся, но тутъ толпа остановилась.

— Стой, слушай! — кричали кругомъ Пимана.

— Грачи говорятъ!.. Грачи!.. Стой, ребята!.. Молчи дружнѣе!

Пиманъ хочетъ прислушаться, но до него долетаютъ только обрывки фразъ, такъ какъ, очевидно, весь этотъ устремившійся съ холмовъ на дергачевскую ложбину людъ собрался здѣсь настолько же гонимый любопытствомъ, желаніемъ послушать другихъ, насколько, а, можетъ быть, еще болѣе, излить свои собственныя ощущенія; очевидно, что главные герои всего этого сборища не легендарные старики, не сидѣвшіе на бревнахъ мѣрщики и вытные, а именно вотъ эта колыхавшаяся вкругъ масса. И не сбродъ, а именно „масса-народъ“, „масса-міръ“, собравшійся не по принужденію, не по выбору, — „міръ“, въ которомъ исчезали и друзья, и враги, въ которомъ уже нельзя было отличить ни хозяйственныхъ, ни умственныхъ мужиковъ, ни кулаковъ, ни голытьбы; каждый выкрикъ, каждое мнѣніе, каждая фраза, поминутно со всѣхъ сторонъ долетавшіе до Пимана, были не личнымъ чьимъ-либо мнѣніемъ, выкрикомъ, которому онъ могъ довѣряться или не довѣряться, а „гласомъ народа“, „міра“, были выраженіемъ одного цѣльнаго, мощнаго, назрѣвшаго ощущенія, которому не было дѣла до того, что говорили выборные и „умные“ люди: что̀ бы они тамъ ни говорили, имъ не измѣнить уже этого ощущенія, разъ оно назрѣло.

— Православные! — уже въ десятый разъ выкрикивалъ Евтропъ Малый, тщетно борясь съ гуломъ толпы, который иногда то какъ будто ослабѣвалъ, замиралъ, то какъ будто, уловивъ двѣ-три сказанныя фразы, поднимался снова. — Православные! я — Грачъ и онъ — Грачъ, оба мы Грачи, оба мы Евтропы, оба полвѣка въ мѣрщикахъ стоимъ, оба мѣряли по чести-совѣсти, никогда грѣха на душу не взяли, никакихъ отъ насъ сумлѣній не выходило... Такъ ли, горюны?

— Такъ, такъ, вѣрно, старики! Старики-то знаютъ! У стариковъ — правда! Старикамъ неправды не надо!.. Выкликай, старики!.. Пора! Что въ самомъ дѣлѣ!.. Ровно оглашенные всѣ стали!—гудѣло въ отвѣтъ кругомъ Пимана.

— Знамо вамъ и вѣдомо, православные,—силясь перевысить гулъ толпы, напрягался Евтропъ Малый,—что подѣлить міръ въ честь и совѣсть, въ совѣтъ и любовь, въ согласъ и миръ, надо ума не мало, не мало, горюны! Одначе, по милости Божіей, смѣткой на это дѣло мы были не обижены... А теперь говоримъ: міръ православный—обида!.. Кольями гнали!.. Сквернымъ словомъ поносили!.. Ослобоните насъ, горюны, одна намъ, старикамъ, стала истома!.. Служили міру въ честь и совѣсть, а теперь, говоримъ, ослобоните стариковъ!.. Обиду-у выкликаемъ!

И только лишь успѣлъ уловить Пиманъ, въ чемъ заключалась „обида" легендарныхъ стариковъ, какъ уже полетѣвшій по толпѣ гулъ снова потопилъ собой всю обиду, весь ораторскій талантъ Евтропа Малаго.

— Конечно, обида!.. Какъ не обида?.. То ли не обида, коли въ міру житья нѣтъ... Гдѣ правда? Правды нѣтъ... Надо правду искать... Выкликай, старички, правду!.. За правду выкликай!

— Какъ не обида?—говорила рядомъ съ Пиманомъ какая-то бабочка, держа одного ребенка на рукахъ, а другого, побольше, за плечи.—Вотъ, милые, оставили одну, оглашенные, съ ребятишками, а что я имъ мать, что ли?.. Куда ихъ дѣну? Вѣдь, они, малые ребятишки, пить-ѣсть хотятъ, ровно птенцы... Развѣ они что понимаютъ?..

— Да на комъ ты обиду ищешь, старуха?—кто-то спрашивалъ ее.

— На мужикахъ, на нашихъ мужикахъ, родные... Изъ Поджарихи я... Что, милые, сдурачились нонѣ мужики совсѣмъ, ровно оглашенные стали... Жадные да нечувствительные... Все другъ у друга рвутъ, все другъ другу на горло лѣзутъ... Ты отца-то учи, учи его пьяницу, да младенца-то не бросай... Младенецъ-то, вѣдь, не понимаетъ вашихъ дѣловъ!.. Ты отца-то, пьяницу, высѣки, накажи, а младенца-то приголубь... Вотъ по мірскому-то!..

— А что съ отцомъ-то? — спрашивала ее другая бабочка, посматривая на ребятишекъ.

— А Богъ-е знаетъ, что съ нимъ, оглашеннымъ? Сестра я ему... Мать-то померши... А его, милая, пьяницу, на судѣ сѣкли, да и міромъ за недоимку землю отняли... Говорятъ: вишь ты, у насъ и хорошему мужику земли мало... И пустился онъ, милая, въ бѣга... А наши-то мужики жадные.

— Какъ не обида?—говорилось съ другого конца.—Какъ не говорить, коли Бога забыли?.. Все-то брань, все-то свара...

— Слышь, къ царю хотятъ итти...

— Какъ не итти?.. Надо итти... Міръ прикажетъ, какъ не итти?—говорила какая-то старушка, маленькая, но прыткая, съ вострымъ носомъ, вострымъ подбородкомъ и вострыми глазами.—На что жъ и народъ сошелся?.. Вѣдь, здѣсь не въ волости водку пить собрались; здѣсь всѣмъ народомъ, всѣмъ міромъ сошлись... Здѣсь всякъ свою обиду выкликаетъ... Какъ не пойти, когда міромъ прикажутъ, народъ?.. Нельзя; тутъ все въ счету, и мы, старухи, слово скажемъ. Тутъ ни большихъ, ни малыхъ нѣтъ—всѣ равны предъ правдой... Выкликайте, старички, мірскую обиду! Выкликайте! — вдругъ крикнула она старческимъ, дряхлымъ, дребезжащимъ голосомъ и до того громко, что сама испугалась и сконфузилась.

— Вотъ такъ, старушка!.. Кричи!—замѣтилъ, улыбаясь, одинъ благообразный мужичокъ.—Нынче всѣмъ голосъ!..

— Ничего! — отозвалась старушка.— Можетъ, и насъ услышатъ...

Между тѣмъ, толпа, какъ будто поддерживая и бабочку съ ребятишками, и востроносую старуху, кричала:

— Говори, старики, говори!..

— Не робѣй, старики!.. Вали громче!.. Здѣсь у насъ, въ Дергачахъ, свободно!— съ веселымъ замираніемъ, не помня себя отъ какого-то несказаннаго удовольствія, орали во всю глотку Лимподистъ и Лукашка.

— Потише, потише бы, православные, глотки-то драли... Народъ здѣсь тоже всякій... Потише бы!—слышался въ толпѣ голосъ взволнованнаго и возбужденнаго старосты Макридія Сафроныча.

— Говори, старики! Выкликай! Не слушай его! Вы его у насъ не бойтесь!.. Онъ изъ нашей воли не выходитъ!.. Ха-ха-ха!..—еще громче орала цѣлая масса Лимподистовъ и Лукашекъ, пришедшая въ совершенно неописанный восторгъ.

— Что скажу-у?—пользуясь минутнымъ „штилемъ", установившимся надъ толпой, слышитъ опять Пиманъ голосъ Евтропа,

но уже не Короткаго, а Длиннаго, видимо, выступившаго на помощь изнемогшему своему сверстнику; голосъ у этого Евтропа грубый, дубоватый, говоритъ онъ, словно сидитъ въ пустой и надтреснутой бочкѣ. — Видимо и знамо всѣмъ, православные,—выкрикивалъ онъ,—дошло нонѣ, что не стало въ міру поравненія, стало въ міру шатаніе... Пошла въ мірѣ рознь... Пройди по Вальковщинѣ — что услышишь? Что узришь? Плачетъ вдовица, плачутъ малые птенцы, плачутъ сирые, убогіе... Отецъ—въ кабакъ, а дѣдъ—съ сумой! Дочь—къ монахамъ, а сынъ—въ Вавилонъ! Такъ ли я говорю?

— Такъ, такъ! Что тутъ!.. Дѣло видимое! — громко отзывались сидѣвшіе на бревнахъ старики.

— Видимое дѣло, видимое!.. Правильно старички говорятъ,—вдругъ словно зазвенѣлъ какъ-то пронзительно звонкій бабій голосъ, внезапно вырываясь изъ общаго гула.—Прислушайте, господа, міръ православный!.. Вникните и въ мою обиду!.. Не у кого больше защиты искать, нѣту правды... Ищу на старостѣ Макридіи... Вонъ онъ, грабитель!... Вонъ онъ, разоритель!.. Казните его, господа, міръ православный!.. Не одна я, всѣ покажутъ, какъ онъ нашихъ дѣтей въ работу сдавалъ, какъ съ мірской земли народъ они на сторону сгоняли... Не у кого больше правды искать!..

— Всѣ они жадны, какъ Пиманы!—вдругъ загремѣлъ кто-то.—Всѣ заодно!.. Поровёнку надо!.. Надо жадныхъ сократить! Поровёнку!..

— Поровёнку! Поровёнку! — вторили сотни голосовъ.

Гулъ разливался все сильнѣе и сильнѣе; изъ сплошного ровнаго волненія онъ начиналъ переходить въ шумъ, въ брань, въ споры; кругомъ Пимана кто-то на кого-то наступалъ, кто-то кого-то умолялъ, деревня сцѣпилась съ деревней, вытъ съ вытью, семья съ семьею. Что дѣлалось у бревенъ — уже нельзя былъ разслышать. Что сталось со стариками Евтропами—Пиманъ уже не зналъ. Онъ только слышалъ, какъ откуда-то неслись выкрики:

— Намъ!.. Намъ! Кому вамъ? Намъ, а не вамъ!..

Вдругъ ему такъ ясно послышалось, какъ будто всѣ разомъ крикнули: „Пиманъ! Пиманъ!“ Совершенно безотчетно онъ рванулся на этотъ голосъ и сталъ продираться черезъ толпу къ сборному мѣсту. Но онъ не успѣлъ еще добраться до него, какъ услыхалъ напряженный, охрипшій, словно умоляющій о помощи голосъ утопающаго: это собралъ послѣднія силы своей старческой груди Евтропъ Длинный.

— Православные!.. Прислушайте... Прислушайте, православные!..

— Стой! Замолчите!.. Грачи говорятъ! Стой! Смолкните!—раздалось съ разныхъ концовъ.

Ураганъ, разгоравшійся все больше и больше надъ толпой, вдругъ какъ-то порывисто сталъ стихать, какъ будто нехотя, ворчливо, кое-гдѣ еще поднимая нехотѣвшія улечься волны. Пиманъ остановился.

— Міръ православный! все теперь, какъ на ладони, предъ тобой объявилось!—ясно, рѣзко, отчетливо раздался въ ушахъ Пимана голосъ Евтропа Длиннаго, сухопарая фигура котораго, какъ колодезный оцѣпъ, торчала теперь надъ толпой; онъ былъ безъ шляпы, весь въ поту и вмѣстѣ дрожалъ, какъ въ лихорадкѣ; также, напряженно дыша, стоялъ близъ него Евтропъ Малый, возбужденными глазами бѣгая по толпѣ и взмахивая обѣими руками, какъ будто порываясь тоже что-то сказать. — Въявѣ видно: человѣка надо-о! — продолжалъ Евтропъ Длинный.— Надо человѣка-а-а!..

— Человѣка надо-о!—какъ эхо прокричалъ вслѣдъ за нимъ Евтропъ Малый.—Божье произволенье!.. Кто за міръ крестьянскій живота не пожалѣетъ? Правду искать надо, горюны, правду!

Внезапное затишье вдругъ стало надъ Вальковщиной. Пиману сдѣлалось какъ-то жутко. Изрѣдка только слышалось какъ вполголоса, говорили:

— Тяжелъ крестъ!

— Выше Бога не станешь!

— Это, должно, не въ старшины итти!

— Воспретить бы надо... Это сходъ незаконный...

— И смерти нѣтъ этимъ бунтовскимъ старичишкамъ! — словно надъ самымъ ухомъ Пимана прошепталъ Макридій.— Съ ними въ острогъ угодишь... Мало ихъ еще драли!

— Вотъ она нонѣ правда-то какая!.. Охъ, Господи, Господи!..—сказала бабочка съ двумя ребятишками. — Нишкните, окаянные... Вишь, цѣлый міръ молчитъ!—окрикнула она вдругъ заревѣвшихъ ребятишекъ.

— Молчите!.. Я васъ! — пристращалъ ихъ почему-то и Пиманъ, добродушно погрозивъ пальцемъ (все это онъ помнитъ

очень ясно, помнитъ даже, какъ ребятишки, въ недоумѣніи, посмотрѣли на него сквозь заволокшія глаза слезы и, всхлипывая, замолчали).

— Человѣка надоть, человѣ-ѣ-ка-а! Али не слышите, горюны? — вдругъ раздался уже среди тишины сердитый окрикъ Евтропа Длиннаго.

Пиману показалось, что старикъ дѣйствительно осердился, какъ сердятся дѣды на внуковъ, когда тѣ не хотятъ сдѣлать что слѣдуетъ и ждутъ, что за нихъ все еще сдѣлаетъ дѣдъ.

По Вальковщинѣ пробѣжалъ сдержанный гулъ, похожій на невнятный ропотъ.

— Вотъ нонѣ какъ за правду-то... Небойсь, за правду-то не скоро найдешь кого постоять,—сказала Пиману бабочка съ ребятами, утирая слезы, почему-то вдругъ покатившіяся у нея по облупившимся на солнцѣ щекамъ.

— Гдѣ нонѣ!.. Нонѣ такого народу нѣтъ, — тоже вполголоса и сокрушенно вздыхая, сказалъ Пиманъ,—какой нонѣ народъ!.. Бывало, народъ-то умѣлъ за міръ стоять, а нонѣ... Какой ужъ мы нонѣ народъ!.. Э-эхъ!..

И Пиманъ не договорилъ, пораженный общею тишиной, налегшею на толпу.

— Что жъ вы, лѣшіе, молчите? а?... Вѣдь народу погибель!... За коимъ же васъ рожномъ сюда принесло?—вдругъ загремѣлъ надъ толпой чей-то голосъ. Но чей онъ былъ, Пиманъ не зналъ. Только Пиманъ вздрогнулъ, да, показалось ему, вздрогнула и вся Вальковщина. Вотъ толпа зачѣмъ-то отпрянула назадъ, и тотчасъ же раздались крики: „Что жъ! выкликайте!.. Въ жеребьевку!.. Кричите: Романовъ!.. Евтроповъ, Евтроповъ, стариковъ!.. Мало ихъ еще драли?.. Пожалѣли хоть бы!.. Власовъ, Дроздовскихъ... Сысоя Строгаго! Романовъ!... Романовъ!..“ Но не успѣли еще эти крики разлиться по толпѣ, какъ она опять колыхнулась: кто-то торопливо пробирался черезъ нее съ обоихъ боковъ. Послышалось чье-то тяжелое дыханіе: это Сысой Строгій спѣшно продирается между мужицкими спинами и плечами. „Господи благослови!—крестится онъ и говоритъ:— Братцы, идемъ!.. Идемте, почтенные!...“ Вотъ за нимъ, съ другого бока, лихорадочно-дрожащими руками застегивая воротъ кафтана, точно вплавь, бокомъ, разрѣзая плечомъ толпу, какъ волны, плыветъ усиленно Ермилъ изъ Груздей, съ широко открытыми, но какъ будто ничего невидящими глазами; за нимъ еще кто-то, и еще . . . .
. . . .

— Вы, что ли, горюны?—говоритъ уже мягкимъ, ласковымъ голосомъ старикъ Евтропъ Малый, весь смѣющійся и сіяющій, крестя себя широкими и частыми размахами.

— Мы... что жъ!.. желаемъ... потрудиться... для міра, — едва слышно выговариваютъ взволнованные и Сысой Строгій, и Ермилъ, и еще трое такихъ же мужиковъ, отирая съ лица красными и синими платками потъ.

— Желаю... для міра!—какъ-то машинально повторяетъ за ними и Пиманъ, снявъ шляпу и кому-то кланяясь.

— Есть, православные! е-е-сть! — отчетливо прокричалъ Евтропъ Длинный къ толпѣ.—Бога благодарите! Есть! Благослови, Царь небесный!..

— Кто? кто?—шумѣла толпа.

Но пока спрашивали задніе—впереди уже кричали:

— Пишите приговоръ!.. Приговоръ давайте!..

— Безъ оттяжки!—подхватывала толпа.

— Ждать нечего: пишите, да по домамъ... Одно худо начали—веди до конца ужъ!.. Все одно теперь... заодно!.. Ступайте, вытные, въ избу! Въ сборную ступайте! Ведите *ихъ* въ сборную!—говорилъ хлопотливо какой-то брюзгливый старикъ, въ синемъ халатѣ, почему-то вдругъ принявшій на себя санъ распорядителя, хотя Пиманъ зналъ, что онъ ни въ какомъ начальствѣ, ни даже простымъ мѣрщикомъ, не значился. Но всѣ его стали слушаться почему-то. И ни онъ самъ, и никто не думали сомнѣваться въ справедливости его права.

——

II.

Толпа, какъ распущенная изъ классовъ стая школьниковъ, весело шумѣла, волновалась, распадалась на группы, которыя сталкивались, расходились, опять сходились. Но особенно плотно скучился народъ около „мірскихъ людей“. Скинувъ шляпы, полунаклонившись, растерянно смотрѣли они на сновавшій мимо нихъ народъ, изрѣдка проводя руками по головамъ и бородамъ. Странный видъ былъ у этихъ мірскихъ людей, вышедшихъ на подвигъ. Въ то время, какъ Сысой Строгій силился скрыть „конфузъ“ и застѣ-

чивость подшучиваніемъ надъ собой, перебрасываясь подбадривающими фразами съ подходившимъ народомъ, Ермилъ, напротивъ, имѣлъ видъ человѣка, безропотно покорявшагося неизбѣжной судьбѣ, удары которой были уже ему знакомы. Но наивно-добродушное и нѣсколько какъ будто даже глуповатое теперь лицо Пимана...

Впрочемъ, не случалось ли вамъ видѣть такой сцены: жаркій лѣтній день; широкая рѣка лѣниво волнуется въ крутыхъ обрывистыхъ берегахъ; тяжело нагруженныя барки какъ будто застыли на ея поверхности. На палубахъ, растянувшись, на-отмашь, спятъ крючники, лоцманы, черпальщики. На горячемъ пескѣ, изрѣдка освѣжаемомъ брызгами мелкой, набѣгающей на берегъ волны, тоже вповалку лежатъ мужики. Заштатный понамарь, съ косичкой на затылкѣ, сидитъ подъ кустикомъ и дрожащими старыми руками насаживаетъ на крючки червей... Тишь невозмутимая. Бѣлый рыболовъ изрѣдка покружится надъ рѣкой, быстро, какъ комъ снѣга, упадетъ въ воду и тотчасъ же поднимется съ трепещущею въ клювѣ серебристою плотвой. Лошадь гдѣ-то фыркаетъ. Гдѣ-то мѣрно всплескиваетъ весло... И вдругъ: „Ба-атюшки! Тонемъ!.. Ба-атюшки!..“—внезапно проносится надъ заснувшею рѣкой и побережьемъ. Быстро вскочили на ноги спавшіе и не спавшіе; растерянньмъ взглядомъ всматриваются въ даль рѣки, которая колышется, попрежнему, равнодушно-холодно и лѣниво. „Во-о! во-о! Лодку перевернуло! Посередъ рѣки... Надъ самою воронкой!“—кричитъ благимъ матомъ лохматый парень, тыкая куда-то пальцемъ и больше всего, кажется, довольный тѣмъ, что ему первому удалось сдѣлать открытіе. Словно внезапная рябь на застывшей рѣкѣ, всколыхнутой порывомъ вѣтра, заколыхался по берегу народъ. „Готовь лодку!.. Лодку готовь! Живо!“ Лодка отчалена... Мужики, толкаясь, усаживаются какъ попало и съ устремленными въ одну точку взорами быстро несутся на середину рѣки. „Во-о! во-о! Мырнулъ! Гли!..“ — тихо и напряженно говоритъ кто-то. — „Надо мырнуть. Полѣзайте!“ Всѣ съ минуту молчатъ. „Должно, рыбакъ... Такъ и есть! Вонъ шапка его... Вѣрно—его!“ —кто-то перебиваетъ молчаніе. — „Какъ не утонуть? Вишь, челнокъ-то —душегубка... Утонешь!.. Особливо ежели выпивши“. Опять молчатъ. Лодка медленно очерчиваетъ полукругъ около перевернутаго вверхъ дномъ челнока... „Что же вы раз-такъ васъ, молчите? Вѣдь, человѣкъ утонулъ али нѣтъ? Черти! Что жъ вы сидите?“—вдругъ раздирающимъ голосомъ, волнуясь, кричитъ одинъ изъ лодочниковъ съ остервенѣлымъ и гнѣвнымъ лицомъ, тряся бородой. — „Сунься-ко самъ... Тутъ воронка!“—кто-то нерѣшительно отвѣчаетъ ему.—„Такъ, черти, что же вы сюда заѣхали?“ — реветъ лодочникъ.—„Ругайся еще чортомъ-то на экомъ мѣстѣ!“—укоризненно кто-то отвѣчаетъ ему. Но въ это время уже сидѣвшій на кормѣ быстро распутываетъ онучи, сбрасываетъ порты, рубаху; глаза у него все больше начинаютъ блуждать тупо и растерянно; наконецъ, какъ будто всякій проблескъ сознанія пропадаетъ на лицѣ. Вотъ поднялась въ лодкѣ высокая, здоровая фигура голаго мужика, съ глянцевитою кожей; мощные мускулы, какъ канаты, выступаютъ на спинѣ, плечахъ и ногахъ; на головѣ встрепанная шапка кудрявыхъ волосъ. Въ воздухѣ на-скоро мелькаетъ его рука, дѣлая крестъ, и вотъ что-то громко шлепнулось пластомъ въ воду... Все замерло. На берегу ждетъ уже цѣлая толпа. Черезъ четверть часа лодка тяжело и медленно приближается къ берегу. Кто-то лежитъ посрединѣ ея, въ мокромъ кафтанѣ, мокрые волосы упали на лицо... У самой головы утопленника, въ глубинѣ кормы, кудрявый мужикъ на-скоро надѣваетъ рубаху... Лодка причалила. Тѣло выносятъ на берегъ, и толпа окружаетъ его плотнымъ кольцомъ.

— Кто вытащилъ? Кто?—спрашиваютъ въ толпѣ.

— Кузяха... Вотъ онъ!

Всѣ смотрятъ на Кузяху. Кузяха растерянно поводитъ глазами и одергиваетъ рубаху; чѣмъ дальше, тѣмъ больше онъ начинаетъ приходить въ смущеніе и, наконецъ, стыдливо прячется за толпу съ тѣмъ классическимъ дѣтски-наивнымъ выраженіемъ мужицкаго лица, которое освѣщаетъ его въ минуты высокаго нравственнаго подвига.

. . . .

Пиманъ, какъ и Кузяха, вплоть до того момента, какъ онъ бросился въ омутъ, понималъ все ясно и дѣйствовалъ вполнѣ сознательно. Да для Пимана и не могло быть иначе: разъ выкрикнулъ, какъ ему казалось, „міръ“ его имя (его даже и не выкликали; кричали „Романовъ“, и только ему послышалось совершенно ясно, что

кричатъ „Пимановъ"), для него уже не могло существовать сомнѣній. Но что должно было послѣдовать затѣмъ: сумѣетъ ли или нѣтъ онъ справиться съ теченіемъ, куда его понесетъ, выплыветъ онъ или погибнетъ самъ—все это уже рѣшительно стояло внѣ его сознанія. И чѣмъ дальше, тѣмъ, казалось, онъ безотчетнѣе отдавался на волю подхватившаго его теченія.

Вокругъ него толпились знакомые и незнакомые, смотрѣли ему въ лицо, крестились, другіе покачивали головами.

— Дай Богъ, Пиманъ Савельичъ, дай Богъ тебѣ искусъ вынести! — говорилъ одинъ сѣдой старикъ изъ самой дальней деревни въ Вальковщинѣ, закинувъ руки за спину и внимательно разсматривая „мірского человѣка" съ головы до пятъ.— Дай Богъ... Только оно того... міръ-то нонѣ, что птичье стадо: разлетѣлся, — лови его, собирай!

— Ничего!.. Богъ дастъ... съ вѣрой!— говоритъ Пиманъ, въ смущеніи приглаживая волосы.

— Дай Богъ,—повторяютъ кругомъ,— корабли поведете большіе...

— Какъ ни-то... Дастъ Богъ... Другихъ не хуже... послужимъ...

Вотъ подошла Ульяна Мосевна.

— Дай вамъ Богъ, — говоритъ она и крестится,—доброе дѣло!.. Давно пора... Глядишь, и народъ-то веселѣе глянетъ... Можетъ, ваша правда и дойдетъ... Помоги вамъ Создатель!

И опять крестится, и, видимо, весело ей, радостно, и хочется что-то сказать ей еще Пиману, да словъ не находитъ.

И кажется Пиману, что дѣйствительно будто всѣмъ стало веселѣе, всѣ ожили. Вотъ и бабочка съ ребятишками подошла, смотритъ на него... и лицо у нея ужъ совсѣмъ другое.

— Ну-у,—говоритъ она, — вотъ и не въ разумъ было о тебѣ, какъ съ тобой говорила... А оно вонъ какъ Богъ-то!... Не забудьте, родные... Измаялись!—прибавляетъ она и кланяется Пиману.

Вонъ и Лимпондистъ съ Лукашкой чего-то суетятся: вонъ они подошли спачала къ Ермилу, потомъ къ Сысою, что-то мащутъ руками, говорятъ громко. Вотъ они подошли и къ Пиману.

— И-ну, Пиманъ Савельичъ! Другъ! Одно слово... Главное дѣло... Одно слово—руку! Во!—кричатъ они и машутъ руками, какъ крыльями, отъ полноты душевнаго довольства.—Главное дѣло, все говорите, все предоставьте!.. Главное дѣло, только бы до *самого*... Вся причина!.. Не робѣй, говори прямо—одно слово! Все говорите... Вамъ что! Міръ—вотъ и все... Ваше дѣло правое... А ужъ мы постоимъ, только бы намъ приказъ... Мина-то нѣтъ!.. Ахъ ты, братцы, пропалъ!.. Ужъ Мина бы къ вамъ—первое дѣло.

И, волнуясь, опять куда-то спѣшатъ.

Вонъ и сами легендарные старики Евтропы совсѣмъ перемѣнились: словно помолодѣли они, словно ожило въ нихъ все старое, и вотъ со старческою, безтолковою суетливостью снуютъ они то туда, то сюда; о чемъ-то со всѣми разговариваютъ, кричатъ. Евтропъ Длинный спѣшно ерзаетъ почти несгибающимися уже ногами, а Евтропъ Малый — такъ этотъ совсѣмъ бѣгомъ бѣгаетъ. А, между тѣмъ, „мірскіе люди" не знаютъ, совсѣмъ не знаютъ, что имъ нужно дѣлать, и все чего-то ждутъ.

Вотъ, наконецъ, подбѣжалъ къ нимъ Евтропъ Малый.

— Ну, ну, голуби, ступайте въ сборную избу!—говорилъ онъ суетливо, таща за рукавъ Пимана.—Ступайте, принимайте, голуби, мірскую тяготу! Ступайте, горюны!.. Тамъ вамъ все выпишутъ...

— Пообождать бы... ровно бы спѣшно... Одуматься бы надо,—говоритъ Пиманъ, котораго начинаетъ охватывать безотчетный страхъ.

— Неколи, горюнъ, неколи ждать... Мы ужъ знаемъ эти дѣла-то, видѣли... Лучше послѣ дѣла погибать, чѣмъ до дѣла. Вѣдь, оно кипитъ теперь!.. Ты ужъ не пяться, голубь, ежели тебѣ Господь такую мысль вложилъ!—поучительно говоритъ опытный въ „бунтовскихъ дѣлахъ" легендарный старичокъ и тащитъ Пимана за собой.

— Пятиться, братъ, не хорошо, Пиманъ Савельичъ,—мимоходомъ замѣчаетъ одинъ мужикъ, въ красной кумачной рубахѣ, здоровый и высокій, съ гладко-причесанною головой и гладкимъ плутовскимъ лицомъ.—Что жъ ты? Славу-то пустилъ, а самъ... въ кусты!.. Э, братъ, не модель!..

Пиманъ мелькомъ взглянулъ въ плутоватое лицо говорившаго и на секунду какъ будто созналъ весь ужасъ пути, на который онъ вступилъ.

— Я не пячусь... зачѣмъ! Отъ міра не отступаюсь... Только что распорядки бы сдѣлать по домашнему обиходу.

— Зайдемъ, зайдемъ и въ домъ къ тебѣ... Ты сызначала объ мірѣ думай... А

тамъ будь спокоенъ, — утѣшалъ его Евтропъ Малый, — за всѣмъ, голубь, присмотримъ, не сомнѣвайся.

— Идемте, идемте!—вдругъ закричалъ своимъ надтреснутымъ басомъ, откуда-то выплывая, Евтропъ Длинный. — Идемъ, старики, къ приговору кресты ставить... Иде-емте-е! Поторапливайтесь!—выкрикиваютъ оба Евтропа, таща за собой мірскихъ людей и продираясь сквозь толпу. Быстро плыветъ, словно на лыжахъ, Евтропъ Длинный, быстро сѣменитъ за нимъ Евтропъ Малый, оба лихорадочно возбужденные, какъ будто боятся, что вотъ-вотъ, гляди того, очарованіе исчезнетъ, иллюзія разсыплется — и моментально потухнетъ этотъ неожиданный возвратъ къ старому, переживаніе котораго такъ любятъ старики. Вѣдь, двадцать лѣтъ ужъ прозябали легендарные старички, забытые, заброшенные, почти исключительно погруженные въ борьбу за кусокъ хлѣба съ изумительно-быстро нараставшимъ въ ихъ семьяхъ молодымъ поколѣніемъ; о существованіи ихъ давно уже почти забыли всѣ (развѣ легенда говоритъ о живыхъ людяхъ?), они сами уже давно почти порѣшили съ собственнымъ существованіемъ— и вотъ вдругъ они ожили! Они могли сказать всѣмъ и себѣ, что они еще существуютъ!

За Евтропами, тяжело и неповоротливо, вперевалку, спѣшили „мірскіе люди“: Пиманъ, Сысой, Ермилъ. Слѣдомъ тряслись какіе-то архаическіе старички, увѣсисто ступая большими сапогами, тащить которые было имъ, видимо, не по силамъ. У всѣхъ этихъ лихорадочно спѣшившихъ людей безцвѣтные, потухавшіе глаза смотрѣли возбужденно и напряженно впередъ, не останавливаясь ни на комъ и ни на чемъ, какъ будто эти люди потеряли совсѣмъ *личное* сознаніе, и шли, шли куда-то, влекомые инымъ, высшимъ, *общимъ* сознаніемъ.

Кругомъ ихъ гудѣли и переливались мужицкія толпы, разсыпавшіяся по Дергачамъ, какъ волны взбаламученной рѣки, по которой гулялъ порывистый вѣтеръ, а застигнутые ураганомъ пловцы, молча, сосредоточенно работая веслами, съ устремленными вдаль безпокойными взорами, беззвучно несутся по ея зыбкой поверхности.

III.

Сборная изба была полна. Высокія и плечистыя фигуры, широкія спины терлись одна о другую, сталкивались, расходились, выходили изъ избы и замѣнялись новыми. Громкій, едва выносимый для непривычнаго уха, говоръ стоялъ въ избѣ: всѣ говорили разомъ. Кто-то низенькій, толстый, краснорожій, какъ яблоко, съ высокоподбритымъ сзади, подъ щетку, затылкомъ, одѣтый купцомъ, сидѣлъ, поводя возбужденными глазами, въ переднемъ углу и, отъ времени до времени стуча по столу кулакомъ, неистово кричалъ: „Не боюсь! не боюсь!“ — вскакивалъ и снова садился на лавку. Молодые мужики—Лимподисты, Лукашки, Ипы, въ красныхъ рубахахъ, съ красными лицами — разражались громкимъ хохотомъ надъ купцомъ, пересыпая смѣхъ грубыми и дикими остротами. — „Врешь, купецъ, забоишься!.. Вре-ешь, отдашь!.. За милу душу отдашь!.. Ха-ха!.. Порастрясете животы-то!.. Мы васъ предоставимъ всѣхъ въ лучшемъ видѣ... Вотъ, молъ, они: извольте получить... Ха-ха!.. Какая есть такая за ними правота? Почему такой грабежъ въ поземельномъ дѣлѣ идетъ?.. Бога мужичокъ долженъ забыть, а они, между тѣмъ, брюха около энтой земли нагуливаютъ!.. Да развѣ это по манифесту? а? Какой-такой манифестъ былъ у насъ, а вы, между прочимъ, что̀ дѣлаете съ народомъ? а?.. Хо-хо-хо!..“

— Вонъ, собачьи дѣти!.. Во-онъ!.. Кто посмѣетъ мое взять? Не боюсь!—кричалъ пьяный кутила. — Виномъ залью!.. Не боюсь!..

— Хо-хо-хо!—гремѣли ему въ отвѣтъ десятки здоровыхъ кадыковъ, такъ что, казалось, матицы трещали въ избѣ.

— Пропустите... Выборныхъ пропустите!—слышались въ сѣняхъ, наполненныхъ спинами, голоса Евтроповъ.

— Подождешь!.. Успѣешь!.. — отзывались изъ избы.

— Не боюсь!—снова оралъ кутила.— Кто мое возьметъ?..

— Возьмутъ, братъ... Хо-хо!.. У казны деньги есть... Прогуляешься, купецъ, по узенькой дорожкѣ...

— Видѣли?—вскакивалъ кутила и энергичнымъ жестомъ совалъ въ воздухъ фигу. Все лицо его, обезображенное водкой, передергивало и корчило судорогами.

— Видали!.. Не впервой! Хо-хо-хо!— грохотала толпа.

Почтенные, сѣденькіе и приличные старички сокрушенно покачивали головами, смотря на пьянаго кутилу, и безнадежно махали руками. Несмотря на шумъ и

гвалтъ, тутъ же сѣдой старикъ что-то равномѣрно-невозмутимымъ голосомъ, не повышая и не понижая тона, уперевъ бороду въ колѣни, разсказывалъ другимъ двумъ мужикамъ, сидѣвшимъ по бокамъ его. Дверь и окна были открыты настежь. Миріады мухъ носились у потолка. Съ улицы что-то кричали въ окна; изъ оконъ отвѣчали туда. Въ переднемъ углу, около пьянаго кулака, стоялъ большой сосновый столъ. За этимъ же столомъ, на табуретѣ, сидѣлъ здоровый, коренастый парень, пріятель Лимподиста изъ Подпалихи, исполнявшій по охотѣ должность секретаря при старостѣ, большой любитель каллиграфіи, и поэтому приглашавшійся на всѣ деревенскіе мѣстные сходы для писанія мірскихъ приговоровъ. Приглашенія эти всегда онъ принималъ съ великою охотой, и какая бы у него ни была работа въ полѣ, онъ не могъ противостоять каллиграфическому искушенію: писалъ онъ мірскіе приговоры всегда съ замѣчательнымъ стараніемъ, которое очень высоко цѣнили міряне, и большею частью безкорыстно, за исключеніемъ развѣ мірской выпивки, сопровождавшей большинство такихъ приговоровъ. Нравился онъ мужикамъ еще и тѣмъ, что не „фордыбачилъ", не спорилъ, молча и внимательно узнавалъ, въ чемъ заключалось дѣло, и затѣмъ уже писалъ такъ, какъ ему Богъ на душу положитъ, истинно „по вдохновенію". Словъ онъ никогда не подбиралъ, писалъ коротко; если ему говорили, что то-то надо прибавить, онъ прибавлялъ, и тутъ же кстати присовокуплялъ кое-что и „отъ себя", на что, впрочемъ, міръ никогда не сердился. Хоть оно и не кстати было, да отчего жъ и не приписать, когда это Соснѣ (такъ прозывало писаря-земледѣльца) доставляло большое удовольствіе? Писарская практика его, впрочемъ, не выходила дальше писанія приговоровъ о передѣлахъ земли или о мірскихъ „заказахъ"—праздновать Тихвинской Божьей Матери въ теченіе трехъ лѣтъ или не рубить лѣсъ до пятаго года и т. п. Впрочемъ, съ неизмѣннымъ прилежаніемъ и напряженіемъ, нисколько не превышавшимъ обычной старательности, онъ писалъ и теперь. Въ розовой ситцевой рубахѣ, какъ парусъ надувшейся у него подъ мышками, сидѣлъ онъ за столомъ, раздвинувъ, какъ крылья, голые локти въ длину стола, и, низко приклонивъ къ нему большую, кудрявую, рыжевато-золотистую голову, выпучивъ, словно съ остервенѣніемъ, красноватые бѣлки глазъ, онъ писалъ, громко сопя мясистымъ носомъ. Ничто не смущало его, привыкшаго къ уличной, мірской каллиграфіи: ни обычныя остроты и шутки пріятелей, хохотавшихъ ему „подъ руку", ни пьяные выкрики кутилы-купца, ни говоръ сходки. Медленно, но твердо и увѣренно, съ усиліемъ выводилъ онъ каждую букву, не задумываясь ни надъ однимъ словомъ (потому что писалъ онъ всегда не „литературно", а такъ, какъ думалъ и говорилъ): онъ даже больше заботился о буквахъ, чѣмъ о словахъ.

Прямо противъ писца зачѣмъ-то, плохо сознавая даже самъ, сидѣлъ, словно ушибленный обухомъ, староста Макридій и, ни на кого не смотря, лихорадочно, въ нервномъ волненіи, барабанилъ по столу пальцами.

— Что выкрутасы-то разводишь? Скорѣй бы ужъ, что ли, канитель-то кончали!—иногда сердито окрикивалъ онъ Сосну, вскакивалъ зачѣмъ-то, но затѣмъ снова тяжело садился и искоса опять слѣдилъ сердитымъ взглядомъ за медленно бродившимъ по сѣрому листу перомъ Сосны.

Но на него никто не обращалъ вниманія, ниже самъ Сосна, который ни на минуту не ускорялъ своего писанія.

Приговоръ уже близокъ былъ къ концу, когда „мірскимъ людямъ" удалось, наконецъ, пробраться въ двери. Когда поднялся Сосна, къ столу подошли благообразные, въ синихъ халатахъ, хозяйчики-середняки, ходившіе на заработки въ Москву и другіе большіе города въ качествѣ десятниковъ или хозяйчиковъ небольшихъ артелей, говорившіе ровнымъ, спокойнымъ голосомъ, употреблявшіе вычурныя и мудреныя выраженія. Такимъ же ровнымъ, спокойнымъ тономъ, не повышая и не понижая нигдѣ голоса, одинъ изъ нихъ, слово за словомъ, прочелъ приговоръ, какъ будто читалъ онъ только тѣмъ, которые стояли у стола, и нисколько не интересуясь, слышали или нѣтъ прочіе. Въ избѣ, однако, говоръ нѣсколько стихъ и всѣ придвинулись къ столу.

Приговоръ, сочиненный Сосной на свой страхъ и по своему личному вдохновенію, былъ слѣдующій:

„Мы, нижеподписавшіеся, крестьяне волости Вальковщины (Добросельской тожъ), на волостномъ сходѣ, бывшемъ (такого-то) числа въ деревнѣ Дергачахъ, поставили выдать сей приговоръ крестьянамъ (имя рекъ), съ тѣмъ, чтобъ онымъ кресть-

янамъ искать у правительства за весь міръ нашъ обиду на крестьянъ деревни Пузыри, кои завсегда были не наши, а переселены къ намъ бариномъ, и значились міроѣдами по торговой части. Оные крестьяне, совративъ виномъ крестьянъ же деревень Пеньки и Дубы, въ сообществѣ съ ними съ дрекольями и дубинами, когда мірскіе мѣрщики общій лугъ Коровье Поле дѣлили, на оныхъ бросились и нанесли имъ тяжкую обиду съ побоями, за кои не стоимъ, а что касательно луга — того домогаться правъ у нихъ никакихъ быть не можетъ и никогда имъ этого не будетъ, какъ оный лугъ искони въ общей всей Вальковщины вотчинѣ состоялъ. Одно дѣло и барину нашему молодому, Валентину Петровичу Сухорукову, на оную жъ землю виду не имѣть, какъ, значитъ, батюшкой ихнимъ намъ на вѣчное владѣніе предоставили. А по ихнему указанію также владѣть ей не желаемъ, потому будетъ это не по закону и противу милостивѣйшаго манифесту. А просить онымъ крестьянамъ у высшаго правительства приказъ землю всю намъ по-прежнему поравнять всѣмъ чтобы поровну, чего сами нынѣ мы по народному нашему разстройству сдѣлать добровольно не можемъ, какъ почему-что въ народѣ оказалась слабость противу прежняго. А безъ того мы видимъ въ жизни своей большое утѣсненіе для семейственнаго обиходу, равно также родителямъ и малолѣтнимъ, и міру всему, и всей жизни разстройство. Жадности предѣлу никакого нѣтъ. Почему онымъ же крестьянамъ просить на поповъ и на волость: поборы идутъ большіе, а дѣла не видимъ, кромѣ что грабежу, прямо сказать: пять тысячъ на пунктовыхъ лошадей взяли, а тѣхъ лошадей на дѣлѣ не стояло, а безвинно двоихъ крестьянъ наказали, да мірскихъ приговоровъ написали, какихъ въ дѣлѣ не было, да народъ въ работы сдаютъ, будто въ платежъ недоимокъ, а за-все изъ міроѣдства, да отъ озорства и безобразія вреда много народу—дѣвокъ портятъ силкомъ и за деньги съ угощеніемъ, да потому же нонѣ хорошій народъ въ выборы міру нейдетъ. А отъ этого всего какъ бы не было намъ раззору, и теперь есть, которые на новыя земли отъ срамоты думаютъ уйти. Обо всемъ томъ онымъ крестьянамъ просить и гдѣ слѣдуетъ хлопотать и ежели что—доходить до правительствующаго сената и просить приказу, чтобы поступать народу по милостивѣйшему манифесту. А что касательно земли у купцовъ и господъ, что есть не у рукъ, то мы за платой не постоимъ, и такъ думаемъ, что государевой казнѣ болѣе много будетъ отъ того прибытку, чѣмъ того нонѣ есть, народу жъ облегченіе, какъ, значитъ, въ землѣ со всемилостивѣйшаго манифесту стало утѣсненіе: гдѣ прежде дѣлили на 100 душъ, нонѣ надо по нарожденію малолѣтнихъ вдвое, а отъ того всѣмъ утѣсненіе и большіе раздоры. А что оные крестьяне по сему учинятъ, въ томъ спорить и прекословить не будемъ, а на Бога и государя нашего уповаемъ".

— Ладно!.. Важно! — заголосили Лимподисты и Лукашки, лишь только кончилось чтеніе.—Вотъ такъ Сосна!.. Слово къ слову!.. Ровно кто ему говорилъ .. Ну, башка!..

— Чего жъ тутъ?.. Чать, такой же мужикъ, какъ и всѣ... Мудрость не велика!..

— Ну, тоже, братъ... Попрѣешь важно!

— Правильно, правильно, — подтверждали, мотая бородами, солидные люди.

Но тутъ произошелъ было скандалъ. Вдругъ пьяный кутила, вскочивъ и сдѣлавъ прежній энергическій жестъ по направленію къ публикѣ, крикнулъ:

— Видѣли?

Дружный хохотъ Лимподистовъ былъ ему отвѣтомъ, вмѣстѣ съ цѣлымъ градомъ не менѣе приличныхъ остротъ. Благоразумные хозяйчики-середняки только улыбнулись и стали подписывать, какъ изъ толпы вырвался къ столу Лукашка и, засучивъ волосатую руку, закричалъ:

— Его, подлеца, во-о!..

Благообразные хозяйчики вскочили и схватили Лукашку за руки.

— Оставь!.. что за безчинство!.. Плюньте на него...

— А-а!.. ха-ха-ха... Присѣлъ!— кричалъ Лукашка, проталкиваемый опять въ гущину публики.

— Подходите! Пожалуйте!.. Вытные, подходите!—торопливо приглашали хозяйчики.

Изъ толпы потянулись старики и вытные, фигура за фигурой, какъ тянутся въ церкви прикладываться къ образу.

Цѣлое кладбище крестовъ уже стояло на листѣ, когда Евтропамъ удалось, наконецъ, протолкаться съ „мірскими людьми" къ столу.

— Садись, голуби!.. Присядьте!.. вотъ сюда!.. Посторонились бы вы, горюны!— говорилъ Евтропъ Малый, усаживая Имана на лавку.— Рукоприкладствуйте-ка

побойчѣе, старички, побойчѣе!— прикрикивалъ онъ. — Много ужъ время-то... Вишь, смеркается.

Пиману пришлось сѣсть рядомъ съ Макридіемъ; онъ, попрежнему, широко-открытыми глазами смотрѣлъ предъ собой. Макридій сердито старался глядѣть въ сторону отъ него. Мужики-хозяйчики съ кудрявыми бородками только мелькомъ взглянули на „мірскихъ людей". Никто никому не сказалъ ни слова. Томительно-медленно подходили старики и ставили кресты, подгоняемые теперь Евтропомъ Малымъ.

— Считай кресты,—сказалъ кто-то.

— Шесть десятковъ,— черезъ минуту произнесъ одинъ изъ благообразныхъ мужиковъ съ кудрявою бородкой.

— Будетъ! Довольно!

— Будетъ! За глаза!—подхватила толпа.

Мужики съ кудрявыми бородками поднялись.

— Макридій, гдѣ печать? — спросили они.

— Не дамъ!— вдругъ, сверкнувъ глазами, отрывисто выговорилъ Макридій и отвернулся къ окну.

— Ты чего? Ты чего, голубь? — налетѣли на него оба Евтропа, сердито задвигавъ своими большими бровями.—Не твою дурью голову несутъ!.. Не твою! Ты еще этого, дурья голова, заслужи!

Мужики съ кудрявыми бородами хитро улыбнулись и стали искать что-то въ божницѣ. Они скоро зажгли огарокъ сальной свѣчки и стали коптить отысканную печать.

— Мое слово было сказано!— выкрикнулъ не своимъ голосомъ Макридій и, вскочивъ, бросился въ народъ, къ выходу.

— Ну, обойдется! — проговорили ему вслѣдъ.

— Еще прочесть?—спросилъ одинъ изъ благообразныхъ мужиковъ Пимана.

— Нѣту... Къ чему?.. Дѣло знамое... Дѣло мірское... А какъ прописано—вамъ лучше знать,—разомъ проговорили „мірскіе люди".

— Получите! — сказалъ тотъ же мужикъ, тщательно свертывая приговоръ и передавая Пиману.

Всѣ благообразные мужики-хозяйчики внимательно посмотрѣли на „мірскихъ людей" и во взглядѣ ихъ сказалось одно: „Все равно... ничего не выйдетъ!.." Пимана опять было на мгновеніе озарило сознаніе ужаса того пути, на который онъ вступалъ. Но затѣмъ онъ тотчасъ же, вмѣстѣ съ Сысоемъ и Ермиломъ, сталъ креститься и взялъ въ руку приговоръ. Всѣ сидѣвшіе зачѣмъ-то поднялись. Толпившійся народъ въ избѣ притихъ. Какъ вдругъ пьяный кутила сорвался съ лавки и повалился народу въ ноги.

— Голубчики!.. Православные!.. Простите... меня, окаяннаго, пьяницу!.. Богохульникъ я! звѣрь!.. Въ содомскій грѣхъ впалъ!.. Казните меня, пьяницу! Бога забылъ! Забылъ, православные!—причиталъ онъ, рыдая навзрыдъ и ползая по грязному полу. Волоса у него всклокотились, по красному лицу потоками лились слезы и потъ.—Казните меня!.. Казните!.. Вотъ все берите, все берите, старички... Нате!—кричалъ онъ, вскакивая и выбрасывая на столъ изъ кармановъ скомканныя кредитки.—Все отдамъ... Богу пойду молиться, пьяница!..

— Обожрался! — сказалъ кто-то изъ толпы.

— А неправота-то сказывается...

— Ну, завра проспится, не то заговоритъ... Изъ-за денегъ въ петлю полѣзетъ.

— А все вотъ, должно, какъ правоты-то нѣтъ...

— Хозяинъ, поѣдемъ!.. Вакула Петровичъ, поѣдемъ!.. Что хозяйка скажетъ? Нутка-сь, какія дѣла: деньги бросаешь!.. Ай-ай-ай! — говорилъ какой-то мужикъ, беря купца подъ мышки.

Но что было съ купцомъ дальше—Пиманъ уже не зналъ. Вся толпа съ шумнымъ говоромъ хлынула къ двери, увлекая за собою и ходоковъ, и благообразныхъ мужиковъ, и легендарныхъ стариковъ.

IV.

Помнитъ Пиманъ, какъ изъ сборной избы съ прежнею суетливостью повели ихъ Евтропы опять на сборное мѣсто, къ дергачевскому „дубу маврійскому". Были сумерки, толпа рѣдѣла. У сборнаго мѣста на бревнѣ опять сидѣли старосты, вытчики, мѣрщики... Опять что-то выкликалъ Евтропъ Длинный... Опять что-то имъ здѣсь объясняли, долго и обстоятельно говорили о городѣ, объ адвокатахъ, совѣтовали разыскать Филаретушку, говорили о Питерѣ, о сенатѣ... Потомъ опять что-то выкликалъ Евтропъ Длинный, кричалъ: „Приберечь, приберечь надо! Случаи бываютъ!" послѣ чего ихъ опять повели въ сборную избу.

Въ сборной избѣ ихъ усадили, и опять изба наполнилась Лимподистами, Лукашками, Хипами, которые всѣ въ голосъ говорили:

— Да ужъ мы за нихъ, сдѣлайте милость... У насъ только тронь!.. Да ужъ мы знаемъ!.. Гдѣ приговоръ-то?.. У него?.. Ну, ужъ будьте въ надеждѣ!.. Только кто сунься... Во-о!.. — показывалъ свой кулакъ Лукашка. Всѣ смѣялись. А Евтропы опять все что-то суетились, съ кѣмъ-то говорили; сдавъ мірскихъ людей подъ присмотръ Лукашки и Лимподистовъ, они куда-то убѣгали, потомъ опять приходили, о чемъ-то шептались съ Сосной; потомъ Сосну „потихоньку" отправили зачѣмъ-то въ волость...

Потомъ, помнитъ Пиманъ, прибѣжали сыновья, Андронъ и Сергѣй, запыхавшіеся, взволнованные, говорили: „Какъ?.. Что?.. Ахъ ты, Господи!.. Да какъ это тебя? а?.. Да ты бы..." Помнитъ Пиманъ, что онъ сначала смутился, какъ будто сконфузился ихъ... Но потомъ отвѣчалъ твердо, чтобы не подать имъ виду:

— Ну, что зря кричите, ровно бабы?.. Нельзя не итти... Не я пошелъ, другой пошелъ бы... Какъ не итти?.. Дѣло большое...

— Ахъ ты, грѣхъ какой! Ахъ ты!.. Вотъ не ждали, не гадали... А мы думаемъ: что старикъ запропалъ?.. Анъ, вонъ что... Ахъ, грѣхъ какой...

А тутъ ужъ Евтропы прибѣжали и оба накинулись на Андрона и Сергѣя:

— Какой грѣхъ, голуби? Въ чемъ грѣхъ? Въ правдѣ грѣха нѣту... Что вы, голуби, али зажирѣли?

А послѣ того Андронъ и Сергѣй заговорили:

— Что жъ, мы... не препятствуемъ... Ужъ ежели такой часъ... Только что будто дѣло-то... Толкъ-то будетъ ли?

А Евтропы опять говорили, и Лимподисты, и Лукашки кричали:

— Какъ толку не быть?.. Для кого жъ и толку быть, какъ не для народу?.. Вѣдь, народъ... Вѣдь, это не что... Вѣдь, это не мы для своего мамону корыстуемся. Вѣдь, это народъ!

Послѣ того сыновья скоро ушли. Тогда пришла жена, Катерина Петровна. Она только спросила:

— Чай, далеко поѣдете?

— Далеко, бабушка, далеко,—сказали Евтропы.—Ты ужъ старичка-то снаряди!

— То-то, молъ...какъ не снарядить?.. Надо позаботиться... Завтра поѣдутъ?

— Завтра, завтра, родная.... Ты ужъ пораньше съ печкой-то управляйся.

Потомъ всѣ ушли,—и Лимподисты, и Лукашки, и Евтропы. Пиманъ посмотрѣлъ въ окно. На небѣ ужъ звѣзды загорались. Толпа быстро таяла. Пріѣхавшіе на лошадяхъ торопливо закладывали ихъ въ телѣги. Слышно, по улицѣ бѣгаютъ Евтропы, спрашивая: „не видалъ ли кто ихъ мерина?"

— Эхъ, утро вечера мудренѣе!—весело сказалъ Сысой.—Выспаться покрѣпче.

И онъ, подложивъ подъ голову армякъ, завалился на лавку. Ермилъ изъ Груздей сидѣлъ, какъ ушибленный, не шевелясь, наклонивъ голову, и не говорилъ ни слова, даже не вздыхалъ.

Потомъ пришелъ какой-то бѣдный, обдерганный старичокъ, присѣлъ на лавку и сталъ молча смотрѣть на нихъ.

Скоро въ окно послышалось, какъ подъѣхала съ грохотомъ телѣга и сидѣвшіе въ ней Евтропы что-то говорили съ Лимподистомъ и Лукашкой, уже прилаживавшимся улечься на завальняхъ въ качествѣ самыхъ несокрушимыхъ стражей при „мірскихъ людяхъ".

— Ну, прощайте-е-е, голуби! — крикнули Евтропы, и телѣга опять шумно загремѣла въ наступившей тишинѣ ночи.

— Прощай, Богъ проститъ, — ворчливо проговорилъ смотрѣвшій на мірскихъ людей старичокъ.—Накаркали, что старыя вороны, и улетѣли!.. Мало ихъ еще драли!.. Мало еще народу разорили,— продолжалъ онъ, съ недовольствомъ поглядывая на Пимана,—а народъ, что малый ребенокъ, все вѣритъ...

— Дѣдушко-о!—вдругъ пронесся звонкій, по видимо сквозь слезы, ребячій голосъ.—Да гдѣ ты?.. Поѣди-имъ!.. Мамка ждать будетъ!..

— Иду-у!..—отвѣтилъ ему, вскрикнувъ словно старый кочетъ, старикъ.

Старикъ поднялся, крякнулъ, вздохнулъ и сказалъ:

— Эхъ, народъ, народъ!.. Когда за твою вѣру тебя почтутъ?

Старикъ ушелъ, а Пиманомъ опять одолѣли смущенія. Ему уже не разъ вспоминались „умственные люди", съ которыми ему хотѣлось посовѣтоваться. Но онъ помнитъ, что какъ ни выглядывалъ въ толпѣ умственныхъ людей, на этотъ разъ никого не примѣтилъ.

„Ишь ты, — подумалъ онъ, — никто, вѣдь, не прибѣжалъ!"

Къ полудню, на другой день, опять

пріѣхали Евтропы, съ деньгами; говорили, что пока успѣли по деревнямъ немного собрать. Что послѣ доставятъ въ городъ. Пріѣхалъ запыхавшійся Сосна и сказалъ, что насилу онъ въ волости уставную грамоту „выкралъ“, при помощи второго писаря, котораго подкупилъ; что копію писалъ всю ночь.

Потомъ *ихъ повезли* на трехъ телѣгахъ, на парахъ; впереди и сзади Лимподисты, Хипы да Лукашки.

Потомъ они ѣхали мимо волости задами, чтобы съ кѣмъ не встрѣтиться... Потомъ за версту отъ волости, изъ-за моста черезъ оврагъ, гдѣ густые кусты, по нимъ два раза стрѣляли... Лимподисты разогнали лошадей, а потомъ говорили, что это стрѣляли не иначе, что Маркушкины да старшинскіе „молодцы“. Одинъ охотникъ увѣрялъ, что „дробью пропуделяли“ и что они — стрѣлки завѣдомо плохіе: по коровѣ промахнутся.

Потомъ ихъ привезли въ городъ. Въ городѣ жили недѣлю, ходили куда-то, искали Филаретушку — не нашли. Потомъ Евтропы привезли денегъ и отправили ихъ по желѣзной дорогѣ.

Черезъ двѣ недѣли или черезъ мѣсяцъ они опять ѣхали по чугункѣ, но уже обратно, по этапу, вмѣстѣ съ какимъ-то другимъ народомъ.

Потомъ...

V.

Потомъ Пиманъ проснулся совсѣмъ... Въ острогѣ понемногу начиналось движеніе. Кругомъ начинали на нарахъ подниматься, креститься, зѣвать, потягиваться... Вонъ и Сысой съ Ермиломъ поднялись... Сталъ Пиманъ всматриваться въ народъ и видитъ: сидитъ въ противоположномъ углу лысый мужичокъ, лицо у него веселое, глазами постоянно моргаетъ, сидитъ у себя въ углу, словно въ своей избѣ, да въ сумкѣ копается.

— Да никакъ, братцы, это нашъ Минъ,—сказалъ тихо Пиманъ Сысою.

— И правда, что онъ!.. Вотъ гдѣ привелъ Богъ встрѣтиться,—весело сказалъ Сысой.

Подошли къ Мину. Заморгалъ Минъ больными глазами.

— Да какъ это вы, родные? а? Какъ это вы угодили въ экое мѣсто?

— Ходоками,—сказали Пиманъ и Сысой.

— Ахъ, братцы...

Тутъ Минъ и просіялъ и засвѣтился.

— Натко-сь, натко-сь... Вотъ гдѣ привелось встрѣтиться!—говорилъ онъ, протирая глаза, какъ будто никакъ не могъ еще хорошенько разглядѣть.—И ты, Пиманъ Савельичъ?.. Ну-у... Вотъ, вѣдь, правду, вишь, я тебѣ говорилъ, что мы съ тобою изъ одного полѣна: расколи насъ хоть на щепки, а придетъ время, все къ одному мѣсту придемся... Хи-хи-хи!..

И Минъ Аѳанасьичъ засмѣялся своимъ обычнымъ, мягкимъ смѣхомъ.

— Эки дѣла, Минъ Аѳанасьичъ, а?—говорили ходоки. — Думаемъ разорятъ насъ теперь.

— Пятьдесятъ вотъ лѣтъ старался, а тутъ вотъ... Раззоромъ разорятъ, какъ пить дадутъ!—прибавилъ Пиманъ, давно уже загрустившій.

— А вы, други, духомъ укрѣпитесь,—сказалъ Минъ Аѳанасьичъ.

— То-то вотъ... А ты все вотъ веселъ!

— Да что намъ, други, съ чего горевать-то? Никто нашей правоты отъ насъ не возьметъ... Какъ нашу правоту отъ насъ взять?.. Да ты меня куда хошь засади, въ Сибирь сошли—и все я при своей правотѣ останусь!

— Да какъ ты сюда попалъ, мы и не спросимъ?—вскрикнулъ Сысой. — Вѣдь, ты Богу пошелъ молиться?..

— И Богу помолился, и съ народомъ поговорилъ... Надо думать, за это самое тоже по этапу справляютъ... Пока солнышка нѣтъ, она и все, правота-то, такъ гуляетъ!..

И Минъ Аѳанасьичъ опять такъ весело засмѣялся, что и сами ходоки улыбнулись.

ЭПИЛОГЪ.

ДВѢ ПРАВДЫ.

(ПИСЬМА ЛИЗЫ)

Марта 4-го.

Доброе село.

Милый, дорогой Пугаевъ! Я не знаю, что дѣлается со мной съ тѣхъ поръ, какъ вы уѣхали отъ насъ. Мнѣ кажется, въ эти мѣсяцы я пережила такъ много, такъ ужасно много. Мнѣ иногда казалось даже, что сердце мое разорвется на части и лопнетъ моя бѣдная голова... Ахъ, Пугаевъ, знаете ли, я иногда негодовала на васъ. Зачѣмъ вы увлекли за собой бѣдную, легкомысленную, веселую, глупенькую Лизу, ту Лизу, помните, девятнадцатилѣтнюю Лизу, которая беззаботно цвѣла въ маленькомъ домикѣ въ Замоскворѣчьи? И какъ уже, однако, давно это было! Вчера мнѣ минулъ двадцать седьмой годъ. Я была одна... Мнѣ почему-то сгрустнулось, а въ эти минуты какъ-то само собой начинаешь сводить итоги. Мнѣ пришла странная мысль — прежде всего сравнить лицо. Я вынула изъ чемодана свою давнишнюю карточку, потомъ подошла къ своему маленькому зеркальцу, взглянула въ него, взглянула на карточку и отвернулась... Какая я стала гадкая, противная, старая дѣва! Добрый мой, простите, что я пишу такой вздоръ! Но, вѣдь, я привыкла съ вами говорить искренно, вы сами научили меня этой искренности... Итакъ, я продолжаю: я легла на постель, спрятала лицо въ подушки и зарыдала; я плакала долго, очень долго. Никогда въ жизни не плакала я такъ. Но почему, зачѣмъ я плакала, въ ту минуту и сама не сознавала. Сѣтованіе на что-то, мольбы къ кому-то,—все это, какъ будто растерзанное вихремъ, носилось въ моей головѣ... Помню, что я всего чаще повторяла: когда же свѣтъ?

Когда я немного успокоилась, то рѣшила, что никому не покажусь въ этотъ день, никого не приму, никуда не пойду... Мнѣ такъ страстно хотѣлось уйти въ себя, быть съ собой одной... Не странное ли желаніе! Мнѣ почему-то казалось, что до сихъ поръ, въ теченіе всѣхъ этихъ пяти лѣтъ, мои думы, мои чувства,—все было направлено на что-то другое... Что-то я жадно и пытливо изучала, къ чему-то прислушивалась; былъ какой-то всепожирающій объектъ, въ которомъ исчезло все мое личное: мое прошлое, настоящее и... и даже будущее... А гдѣ была *я*, сама, какъ цѣльное, живое существо? Вопросъ этотъ никогда не задавался... Развѣ можетъ задать подобный вопросъ весталка, не обидѣвъ свое божество?.. Ты сама — ничтожество, прахъ; ты жива только въ твоемъ божествѣ!.. И теперь, когда, побуждаемая темнымъ инстинктомъ, я подумала о себѣ, мнѣ стало страшно...

Я взяла пѣсни Гейне... Случайность это или нѣтъ? И читала, перечитывала, и знаете, что меня завлекло и поразило? Его поэтическое предисловіе: „Я шелъ, а вкругъ меня цвѣты дышали... И соловей такъ сладко пѣлъ!“ А потомъ—замокъ и этотъ сфинксъ, это жестокое божество, которое непобѣдимо влекло къ себѣ, душило въ своихъ объятіяхъ, переполняло восторгомъ, трепетомъ все существо, и, въ то же

время, когтями рвало грудь... Кто же этотъ сфинксъ? Это ты — любовь, отвѣчалъ Гейне... Да, любовь, человѣчество, весь міръ... А кто безжалостно бросилъ меня, бѣдную дѣвушку, въ объятія этого сфинкса, въ которыхъ изнывали сами Гейне... Кто? Вы, вы, безжалостный старикъ!

Простите! Вы, конечно, знаете, что это вздоръ... Вамъ уже не въ первый разъ слышать это отъ меня. А теперь я стала еще раздражительнѣе. Мнѣ думается, что у меня развивается болѣзнь... Грудь что-то ноетъ. Кстати, сегодня исполнилось четыре года, какъ я „подвижничаю" въ сельскихъ учительницахъ.

Муха, попавшая въ крынку съ молокомъ... Бѣдная муха! Какъ она обрадовалась изобилію благодати—и потонула въ ней!

Марта 5-го.

Вчера я не могла больше писать: сводить итоги — страшное дѣло. Для кого, зачѣмъ нужна была моя жизнь?

Вы пишете, чтобы я подробно сообщила обо всемъ, что дѣлается теперь у насъ... Что дѣлается у насъ? Господи! я ничего не понимаю... Я только чувствую, какъ томительно ноетъ мое сердце. Что у насъ дѣлается? Нѣтъ, Бога ради, не заставляйте переживать еще разъ ту муку, которую вызываютъ мгла, туманъ собственной души и всего окружающаго... Помню, я была маленькою дѣвочкой. Мы жили въ губернскомъ городѣ, въ которомъ разъ въ годъ бываетъ огромное стеченіе народа по поводу принесенія чудотворной иконы. Я всегда любила ожидать этого дня, когда городъ необычно оживлялся, но и боялась его, боялась его потому, что ужъ очень много наплывало на городъ мужика. Этотъ сѣрый мужикъ, какъ неудержимый потокъ, еще съ вечера начиналъ налегать на городъ; все шоссе, ведущее въ городъ, на нѣсколько верстъ представлялось непрерывною цѣпью мужицкихъ группъ, какъ волны, неторопливо катившихся въ городъ. Къ утру, когда трогалась икона изъ пригороднаго монастыря, все это уже представлялось сплошною массой, волнующеюся и неудержимо стремящеюся въ одномъ направленіи. Вотъ эта стотысячная масса сгущается около городской заставы; со всѣхъ городскихъ колоколенъ раздается трезвонъ; разряженный городской людъ торопливо стремится навстрѣчу ходу; мать, въ волненіи, схватываетъ насъ, сестеръ, за руки и поспѣшно тащитъ туда же. Массовый потокъ уже ворвался въ городъ, запрудивъ всю улицу; насъ встрѣчавшихъ, прижали къ стѣнамъ... И вотъ, одинъ разъ, я, не знаю какъ, отбилась отъ матери; оглянулась въ стороны, назадъ, нашихъ нѣтъ, а меня уже несетъ общій напоръ, не давая остановиться ни на секунду; и я бѣжала своими маленькими ножками, стараясь поспѣть за широкимъ шагомъ сыромятныхъ сапогъ и лаптей. Я задыхалась; едва я обертывалась назадъ, чтобы посмотрѣть своихъ, какъ меня что-то опять подхватывало и несло, несло что-то пыльное, потное, запыхавшееся, высокое, могучее, отъ чего пахло масломъ и дегтемъ: это все былъ мужикъ... А я была чуть-чуть выше его сыромятнаго сапога!.. Помню, меня охватилъ безотчетный страхъ предъ этимъ напирающимъ мужикомъ, который не обращалъ на меня никакого вниманія. Чувство полной безпомощности, одиночества, ужаса охватило меня, и я, измученная, мокрая, уставшая, едва переплетая ногами, вдругъ заплакала... Но мужикъ все валилъ и валилъ: съ боковъ его жали крупы жандармскихъ лошадей, въ другомъ мѣстѣ онъ самъ жалъ ихъ къ стѣнамъ домовъ... На мои плюнелевыя ботинки то и дѣло ступали тяжелыя подковы мужицкихъ сапогъ; барежевое платьице и юбочки не только были измяты, какъ тряпки, но готовы были превратиться въ лоскутья... Слезы у меня лились все неудержимѣе, а кругомъ я слышала только звонъ колоколовъ, несвязный гулъ, тяжелое дыханіе сотни грудей и только изрѣдка возгласы старухъ или стариковъ, которые говорили, обгоняя меня: „Ай, ай! задавятъ, того гляди, дѣвочку!.. Долго ли, Господи!.. Много ли ей надо? Мужикъ сапогомъ раздавитъ!" И, сказавъ это, онѣ уже перегоняли меня, увлекаемые сами. Вотъ я спотыкнулась — и упала... И мнѣ, помню, мелькнула мысль — вотъ сейчасъ огромный мужицкій сапогъ придавитъ меня, и мнѣ будетъ такъ же больно, какъ моей ногѣ въ плюнелевой ботинкѣ... Но затѣмъ я уже не помню, что было... Когда я очнулась, меня держалъ на рукахъ какой-то деревенскій старичокъ, съ томнымъ, ласковымъ, мягкимъ взглядомъ, и говорилъ: „Ну, ну, не плачь, красавица!.. Теперь ужъ мы съ тобой какой ни то путь найдемъ... И мамыньку найдемъ... Не плачь, красавица, не бойся!.. Ай, какое дѣло!.. И зачѣмъ это ты сюда

попала?..“ Я помню, что онъ, не переставая, говорилъ мнѣ что-то въ этомъ родѣ очень долго, выбираясь изъ толпы въ первый попавшійся переулокъ... Я долго не могла остановить рыданій, долго еще боялась этого старика, и, въ то же время, мнѣ онъ почему-то нравился... Вотъ онъ носитъ меня по городскимъ улицамъ и спрашиваетъ встрѣчныхъ: не знаютъ ли, чья это дѣвочка? А самъ все утѣшаетъ: „Ты не плачь, красавица!.. Ты вѣрь мнѣ, мы ужъ найдемъ путь... И мамыньку найдемъ!.. На что Богъ-то?.. Богъ намъ укажетъ...“ И пока носилъ онъ меня по улицамъ, я совсѣмъ съ нимъ свыклась, и перестала бояться его, и почему-то вѣрила, что ужъ теперь я не пропаду... Намъ скоро попался одинъ знакомый моего отца и указалъ дорогу къ дому... Господи, какъ я обрадовалась!.. Мнѣ кажется, что я теперь чувствую, какъ сильно забилось мое сердце, когда я увидала нашъ домъ... Я быстро выскользнула изъ рукъ старичка и, закричавъ: „мама, мама!“ бросилась бѣжать. Я только слышала, какъ старичокъ сказалъ: „Ну, бѣги, бѣги! Теперь ужъ одна найдешь!..“ Это были его послѣднія слова — и уже старичка я больше не видала... Но съ тѣхъ поръ я какъ-то инстинктивно стала бояться мужиковъ; у меня даже эта боязнь развилась въ какое-то предчувствіе, что когда-нибудь мужицкій сапогъ раздавитъ меня какъ случайно попавшую подъ ногу лягушку... И, въ то же время, мнѣ очень, очень часто все снился спасшій меня старичокъ съ мягкими, добрыми глазами; то будто я плутаю въ лѣсу—и вотъ старичокъ тутъ, какъ тутъ, выводитъ меня на дорогу; то будто я тону—и вотъ опять старичокъ беретъ меня на руки и несетъ домой...

Но что такое я написала вамъ? Вы спрашиваете о дѣлѣ, а я пишу... Да что же мнѣ дѣлать, если подъ руку подвернулось это воспоминаніе, и если оно почему-то мнѣ кажется теперь имѣющимъ для меня какой-то особый смыслъ?.. Что я напишу вамъ о дѣлѣ, когда кругомъ себя я ничего не вижу, кромѣ стремительно несущейся вкругъ меня мужицкой толпы?.. Что могла бы вамъ сказать маленькая дѣвочка, попавшая въ эту мятущуюся толпу, если бъ вы спросили ее, задыхающуюся и объятую страхомъ, что дѣлается вокругъ нея?.. Она знаетъ только одно: что привели ее молиться Богу вмѣстѣ съ этою толпой, и думала она, что это будетъ мирная и тихая молитва, полная единенія въ духѣ любви, а, между тѣмъ...

Бога ради, пріѣзжайте сюда сами, если хотите узнать, что дѣлается здѣсь, и понять это... Можетъ быть, вы сумѣете найти таинственный и высокій смыслъ въ томъ, въ чемъ другіе видятъ просто безтолочь, сумятицу и панургово стадо!..

Марта 6-го.

Очевидно, на этотъ разъ я не напишу вамъ настоящаго письма: у меня Богъ знаетъ, что выходитъ, какой-то „дневникъ сумасшедшей“... Но все равно. Такъ какъ я отказываюсь понимать то, что дѣлается со мной и вокругъ меня, то буду передавать первое, что попадется подъ руку. Разбирайтесь сами, какъ хотите.

Да! У насъ большое несчастіе. Вотъ уже двѣ недѣли, какъ мои хозяева не спятъ ночей, измучились всею семьей, да и я измучилась, глядя на нихъ. Какъ ни много встрѣчала я здѣсь нечеловѣческаго терпѣнія, высокаго въ своей простотѣ самопожертвованія, среди ужасающаго хладнокровія и тупого равнодушія, я никакъ не ожидала быть свидѣтельницей того, что увидала въ эти двѣ недѣли.

Фрося (сестра моихъ хозяевъ, вы ее видѣли у меня, такая была милая, задушевная, добрая дѣвушка! Годъ тому, какъ ее выдали замужъ) сошла съ ума, бѣдненькая! Въ самомъ расцвѣтѣ жизни! И ее, голубушку, зачѣмъ-то зацѣпили могучіе жернова непонятной машины, работающей непостижимую работу, и измололи... такую молодую, свѣжую, сердечную! И откуда, изъ какихъ источниковъ родятся въ народѣ эти свѣтлыя, какъ стекла, натуры? Вы знаете, какіе суровые, при всемъ ихъ добродушіи, люди мои братья-хозяева. Въ особенности я боюсь до сихъ поръ большака. Вы все еще подсмѣивались, что я ихъ трушу, помните, когда я только-что поселилась у нихъ... Я тогда съ ними совсѣмъ не могла говорить. Едва я, по своей обычной восторженности, начинала говорить, какъ вдругъ большакъ такъ спокойно, серьезно и, какъ мнѣ казалось, ужасно холодно и сурово говорилъ: „А Богъ-то зачѣмъ?.. А царь-то зачѣмъ?“ И мой бойкій языкъ начиналъ заплетаться, глаза безпокойно бѣгать и я умолкала, какъ виноватая, какъ школьники предъ окрикомъ учителя. А вы еще все подсмѣива-

лись надо мной!.. Итакъ, я боюсь этихъ мужиковъ, а, между тѣмъ, они воспитали такое нѣжное, хрупкое созданіе, какъ Фрося. Братья всегда жили большою нераздѣленною семьей; ихъ три брата (одинъ ходитъ въ заработки), сестра-незамужница, крестная мать Фроси, и, наконецъ, Фрося, оставшаяся послѣ смерти матери и отца восьми лѣтъ на попеченіе братьевъ. У старшаго брата не было дѣтей, и онъ еще больше полюбилъ сироту; но, главнымъ образомъ, ее холила мать крестная. Въ большой семьѣ Фросѣ жилось такъ привольно, что она могла расцвѣтать свободно и пышно, какъ маковъ цвѣтъ... И она цвѣла, добрая, веселая, романтичная, поэтическая... Вся она была—одна поэзія. Я какъ-то предложила ей учиться грамотѣ вмѣстѣ съ другими двумя ея сверстницами, которыя бѣгали урывками ко мнѣ отъ хозяйства и тихонько отъ семей (да, я вамъ укажу много такихъ дѣвушекъ лѣтъ по 18, по 20, даже молодыхъ бабъ, которыя сидятъ по ночамъ надъ азбукой, гдѣ-нибудь въ углу, и старательно „вышептываютъ“ грамоту). Она, конечно, съ радостью согласилась, но послѣ двухъ уроковъ я замѣтила, что она больше смотритъ мнѣ въ глаза, чѣмъ занимается. Кажется, и она поняла, что я замѣтила это. Послѣ урока она подошла ко мнѣ, крѣпко обвила мою шею и, вся зардѣвшись, сказала: „Нѣтъ, мнѣ скучно... Я глупая на это ученье... Зачѣмъ мнѣ?.. Ты меня этимъ не мучай... Я крестьянка...“—„А Маша съ Дуней тоже, вѣдь, крестьянки?“—„Онѣ другія какія-то...“—отвѣчала она. Дѣйствительно, Фрося была вполнѣ крестьянка: крестьянское хозяйство, жнитво, сѣнокосъ, пряжа, — все, всякая мелочь была ею опоэтизирована... Весь нравственный складъ ея души исчерпывался двумя замѣчательно-краткими и простыми словами: „Богъ, царь“. Какое бы затрудненіе не представилось ей, какіе бы вопросы ей ни давали, она такъ спокойно и увѣренно повторяла за братьями: „А Богъ-то зачѣмъ? А царь-то зачѣмъ?“

Я увидѣла ея мужа еще парнемъ. Онъ не изъ заурядныхъ, младшій сынъ въ большой семьѣ, въ сосѣдней деревнѣ. Онъ очень напоминалъ Петра, какимъ онъ былъ у насъ въ Москвѣ, только въ немъ больше души и веселости. У меня нерѣдко были такіе ученики, лѣтъ 15-ти, есть и теперь двое. Они меня всегда очень занимали. Вечеромъ, когда выйдешь гулять на улицу, они неторопливо всегда подойдутъ къ тебѣ, заложивъ солидно руку за бортъ казакина. Всегда они одѣты чисто, держатся „благородно“, осанка, походка, — все сдержанно. „Здравствуйте, Лизавета Ивановна! Гуляете?—спрашиваютъ они, приподнимая фуражку.—„Гуляю. Пойдемте вмѣстѣ!“ Я уже знаю, что этого имъ только и нужно. И вотъ мы идемъ: они ступаютъ важно, стараясь сдерживать шаги. И мы начинаемъ „солидную бесѣду“: это уже не школа; это первыя ступени жизни...

Фрося вышла замужъ по любви; это было замѣтно по всему. Но уже полгода спустя можно было примѣтить, что она нашла въ мужѣ, чего не ожидала... Или, лучше, она нашла въ мужѣ нѣчто больше того, что ожидала... Оказалось, что въ семьѣ Вассія *) (такъ звали мужа Фроси) между нимъ и отцомъ со старшимъ братомъ уже есть какія-то недоразумѣнія. Но Вассій молчалъ объ этомъ. Дѣло, кажется, было въ томъ, что когда Вассій учился въ нашей школѣ, мой предмѣстникъ-учитель былъ отъ него въ восторгѣ и всячески уговаривалъ его отца отпустить Вассія въ учительскую семинарію. Отецъ съ братомъ заупрямились, хотя Вассію приходилось итти въ солдаты. Заупрямились просто потому, что Вассій, пробывъ 3 года въ солдатахъ, все же возвращался къ хозяйству, а учительская семинарія представлялась для нихъ уже дѣломъ пропащимъ. Кажется, что-то было въ этомъ родѣ, —не знаю хорошенько. Только черезъ полгода послѣ свадьбы, молчаливый и сдержанный въ семьѣ, Вассій задумалъ раздѣлъ, придравшись, въ сущности, къ очень еще небольшому поводу: ему казалось, что его жену начинаютъ семейные слишкомъ уже пріучать къ хозяйству... Сама Фрося, впрочемъ, ни мало этого не чувствовала. И вотъ Вассій задумалъ „отдѣлиться“, но прежде чѣмъ окончательно рѣшить это дѣло, онъ вдругъ ушелъ на сторону, въ конторщики къ одному подрядчику. Плату давали хорошую и, по его расчетамъ, это было очень важно для заведенія хозяйства. У Фроси родился сынъ какъ разъ предъ отъѣздомъ Вассія. Вассій, боясь, чтобы его молодую жену не обидѣли въ его семьѣ, перевелъ ее къ матери крестной. далъ ей на содержаніе денегъ съ сыномъ, обѣщая выслать и еще. Такимъ об-

*) Вассіанъ.

разомъ, Фрося опять поселилась въ нашемъ селѣ, у своей матери крестной, которая живетъ рядомъ съ нами въ кельѣ.

Первое время Фрося была весела и все няньчилась съ ребенкомъ, хотя была недовольна, что мужъ уѣхалъ очень далеко... въ Нахичевань!.. Но онъ писалъ ей часто и высылалъ деньги. Письма были хоть короткія, но душевныя. Въ каждомъ письмѣ онъ вспоминалъ о ребенкѣ и писалъ, что привезетъ ему гостинцевъ. Осенью, когда Фрося поджидала Вассія, онъ прислалъ письмо, что его подрядчикъ умеръ и что жена подрядчика проситъ его остаться на зиму... Онъ уговаривалъ жену не грустить, что, можетъ быть, онъ вырвется къ Рождеству, что ему даютъ хорошія деньги и что эти деньги будутъ для нихъ къ дѣлу. Фрося загрустила. Придешь къ ней—она разглядываетъ подарки, какіе прислалъ мужъ, но что-то все покачиваетъ головой. Впрочемъ, никому ничего не говорила. Къ масляницѣ пріѣхала вдова-подрядчица въ свою деревню, чтобы устроить дѣла послѣ смерти мужа. Она заѣхала къ Фросѣ. Я въ это время сидѣла у нея. Вошла женщина лѣтъ тридцати, высокая, плотная, съ энергичнымъ и умнымъ лицомъ,—больше умнымъ и здоровымъ, чѣмъ красивымъ и симпатичнымъ. На ней былъ лисій казакинъ, городское платье и ковровый платокъ.

— Здравствуй, Фрося, — сказала женщина громкимъ, гортаннымъ голосомъ, протяжнымъ, какимъ не говорятъ обыкновенныя крестьянки, а люди, привыкшіе къ длиннымъ, солиднымъ, „поучительнымъ“ бесѣдамъ. — Вотъ мужъ тебѣ подарокъ прислалъ... кланяться велѣлъ... Приказывалъ не скучать.

Сказавъ это, подрядчица степенно сѣла къ столу. Все въ ней: поступь, движеніе, позы—были не обычныя, какія-то степенно-сознательныя, размѣренныя и, въ то же время, деликатныя, изящныя: это былъ своего рода врожденный, мужицкій аристократизмъ.

— Что жъ ты молчишь? — спросила подрядчица.—Вишь, ты какая блѣдная... Или еще послѣ родовъ не поправилась?

Я взглянула на Фросю: она была блѣднѣе полотна и сидѣла какъ ледяная, опустивъ голову, сжавъ тонкія, блѣдныя губы и держа въ рукахъ, не развертывая, привезенный подрядчицей свертокъ.

— Долгонько, долгонько, Саломея Петровна, хозяинъ-то къ намъ не ѣдетъ,— замѣтила мать крестная Фроси, — а мы еще молоды... къ этому непривычныя...

— Ты ужъ меня прости,—сказала Саломея Фросѣ, чуть-чуть улыбаясь, — это ужъ я виновата... Да ничего не сдѣлаешь... Я теперь безъ него, какъ безъ рукъ... Такого мужика, какъ твой мужъ, по *вашимъ* деревнямъ не часто встрѣтишь... А у меня дѣла большія... Самой вотъ сюда надо было ѣхать...

— Развѣ вы не хотите прекращать дѣла послѣ мужа?—спросила я.

— Зачѣмъ? Пока Богъ умомъ не обидѣлъ, нужды не вижу,—отвѣчала Саломея съ такимъ увѣреннымъ самосознаніемъ, что я невольно заглядѣлась на нее.

Саломея помолчала. Потомъ встала и сказала:

— Ну, прощайте... Некогда мнѣ... А ты на меня, голубушка, не сердись, — сказала она Фросѣ.—Такое дѣло вышло... Вотъ я и сама овдовѣла... Да слезами горю не поможешь: надо крѣпиться. Люди на слезы не смотрятъ; Богъ—высоко, а царь—далеко... Гляди горю въ глаза прямо, чтобъ оно тебя не съѣло... Неравно, что захочешь послать — забѣги... Недѣльки черезъ двѣ опять поѣду.

И, раскланявшись съ нами, тою же ровною, самоувѣренною поступью Саломея вышла.

Я тотчасъ же присѣла къ Фросѣ.

— Что съ тобой, Фрося? на тебѣ лица нѣтъ... Развѣ ты знаешь эту подрядчицу?..

— Да, знаю,—прошептала Фрося.

— Какая же она? Развѣ не хорошая женщина?

— Она не такая, какъ мы... *Онѣ* всѣ не такія, изъ той деревни... У насъ такихъ не было, да и теперь еще мало.

— Какая же она?

— Такъ, не такая... И онъ, Васся, тоже не такой... Я знаю...

Я старалась утѣшить ее, какъ могла, и разогнать ея ревнивыя сомнѣнія. Она какъ будто, дѣйствительно, отмахнула отъ себя черныя мысли, проведя рукою по головѣ, оживилась, развернула свертокъ, въ которомъ лежали чулочки, башмачки и ермолочка, вышитая шелкомъ, для мальчика, и какой-то смѣшной халатикъ. Мы стали съ Фросей обряжать годового мальчугана, и когда одѣли его, онъ показался намъ такимъ смѣшнымъ, забавнымъ, что обѣ смѣялись безъ умолку.

Я очень обрадовалась, что налетѣвшая было на Фросю туча разсѣялась. А, между тѣмъ, меня очень заинтересовала Саломея, я стала разспрашивать о ней у знакомыхъ сосѣдокъ. Оказалось, что она, дѣйствительно, была изъ сосѣдней деревни (верстахъ въ восьми отъ насъ), пользующейся здѣсь въ окрестности довольно странною репутаціей: къ ней относились съ какимъ-то особымъ уваженіемъ, смѣшаннымъ съ суевѣрнымъ страхомъ. Говорили, что въ той деревнѣ давно всѣ до одного „по старой вѣрѣ“ (старовѣрами народъ обзываетъ всѣхъ раскольниковъ, даже новѣйшаго происхожденія), что попы къ нимъ ѣздятъ рѣдко, что живутъ они чисто, аккуратно, зажиточно, но что все это добыто ими „не чисто“. Когда же я спрашивала: какъ же именно?—мнѣ отвѣчали: „Да ужъ такъ... не чисто!.. Бѣсомъ пахнетъ...“ Ну, это я заношу между прочимъ. Что касается Саломеи, то она, какъ и большая часть женщинъ той деревни, грамотница и книгочея, что она стариннаго роду и что въ роду у нихъ всѣ такія, что на слова она востра и что противъ рѣчей ея и мужику устоять трудно, что съ народомъ, которому у нихъ приходится работать, обращаются хорошо и деньги даютъ большія и плату честно держатъ, да только нашъ народъ къ нимъ неохотно идетъ, боясь „соблазна“; развѣ кто изъ бойкихъ... Болѣе, впрочемъ, я ничего не могла узнать. Фрося, повидимому, настолько успокоилась, что я однажды рискнула спросить ее:

— Что, Фрося, ты все еще боишься подрядчицы?

— Боюсь, — отвѣчала она и улыбнулась, опустивъ глаза.

— Все отъ того, что она не *такая*, какъ здѣшнія?

— Не такая... Она въ Бога не вѣритъ... И Вася мой не вѣритъ,—грустно прибавила она.

— Ну, что ты шутишь!—засмѣялась я.

Замѣтивъ ея грусть, я больше не разспрашивала ее. Но съ этихъ поръ она опять стала задумчивѣе. Я ругала себя за неумѣстные разспросы. Чрезъ двѣ недѣли, предъ отъѣздомъ Саломеи, Фрося пришла ко мнѣ — просить написать мужу письмо: благодарить за подарки, что она здорова, что ей и ребенку хорошо, но что она скучаетъ безъ него... Попросила даже прибавить, какъ мы съ ней смѣялись, когда одѣли сынишку въ ермолку и халатикъ. Но, несмотря на это веселое прибавленіе, Фрося все время, пока я писала, стояла неподвижно позади меня, скрестивъ на груди руки, склонивъ какъ-то безпомощно голову и какъ будто задерживая въ себѣ рвавшіеся изъ груди вздохи. Она была совсѣмъ одѣта въ дорогу, въ синій на барашкѣ кафтанчикъ и валенки. Получивъ отъ меня письмо, она завязала его въ узелокъ, вмѣстѣ съ деревенскимъ подаркомъ, и ушла. Оказалось, что она домашнимъ никому не сказала и пошла за восемь верстъ пѣшкомъ; но такъ какъ погода стояла теплая, то объ этомъ никто не безпокоился. Хватились уже на другой день утромъ, когда ея мать крестная вошла ко мнѣ и сказала: „Вѣдь, Фрося-то не ночевала дома! Ребенокъ-то надсадился, ревѣвши. Неужели она, глупая, тамъ ночевать осталась, про ребенка забыла?“ Старшій братъ заложилъ лошадь и поѣхалъ за ней. Оказалось, что она у Саломеи и не была. Всѣ перепугались, и въ нашемъ горѣ принялъ участіе чуть не весь конецъ нашъ. Предположеніямъ, конечно, не было конца. Братья на двухъ подводахъ поѣхали по сосѣднимъ деревнямъ. И только уже на третій день нашли ее въ селѣ, верстъ за 15, въ волостномъ правленіи, гдѣ не знали, что съ ней дѣлать. Тутъ же былъ и мужичокъ, нашедшій ее около дороги стоявшею по поясъ въ сугробѣ. „Я, говоритъ, ее окрикнулъ, а она молчитъ. Перекрестился я, подошелъ, а она совсѣмъ окоченѣла. Подолъ у нея хоть выжми. Взялъ я ее да въ дровни, укрылъ, привезъ къ себѣ въ деревню. Тутъ мы ее со старухой на полати затискали: думаемъ, авось отогрѣется — въ себя придетъ... А она что же? Какъ отошла немного, схватила мальчика (ребятишки-то тоже на полатяхъ спали), да и давай ему голову кусать... Бросились, насилу отняли. Старуха моя кричитъ: зови старосту, что мы съ ней будемъ дѣлать?.. Ну, пришелъ староста, тутъ ужъ мы ее связали да въ волость...“ Я не стану передавать вамъ всей грустной исторіи, какъ ее привезли, какъ цѣлые дни и ночи оба брата, сестра и золовка держали ее попеременно за руки, какъ она билась, рвалась къ ребенку, какъ толпился съ утра до ночи народъ у ея избы... Все это исторія извѣстная... Приходили попы, дьяконы и дьячки, совѣтовали отчитывать, везти по монастырямъ. Пла-

кала мать крестная, плакалъ даже суровый старшій братъ, хотя обращался съ нею строго: она одного его и боялась... Я умоляла ихъ отправить ее въ больницу въ городъ, и тутъ-то опять загремѣлъ на меня старшій братъ: „А Богъ-то зачѣмъ? Богъ-то?“ И, кажется, никогда еще онъ не произносилъ этихъ словъ съ такимъ свирѣпымъ выраженіемъ... И вотъ стали ее возить, связанную, по монастырямъ, верстъ за 30, въ морозъ... Изъ одного монастыря ихъ отправляли въ другой... И, между тѣмъ, ловили и исполняли совѣты перваго встрѣчнаго: чего-то давали пить, дѣлали ножныя ванны изъ настоя табаку, перца и еще чего-то... Измучились всѣ, измучились сами, измучили ее... Да, бѣдненькую Фросю трудно узнать: такая она стала маленькая, худенькая, вся прозрачная, какъ воскъ, и только большіе глаза съ сумасшедшею энергіей сверкаютъ изъ глубокихъ впадинъ... А, между тѣмъ, это маленькое, безпомощное существо на каждое обращенное къ ней слово разражается цѣлымъ потокомъ самой грязной, кабацкой брани... Но — что всего удивительнѣе — она невыразимо кощунствуетъ... Какъ-то ужасно странно слышать это изъ тѣхъ же губъ, которыя недавно съ такою любовью и вѣрой произносили другія рѣчи... Отчего контрасты эти всегда такъ сильны и поразительны?

Вотъ вамъ и цѣлый деревенскій романъ! Теперь, кажется, въ моемъ письмѣ есть все, кромѣ того, что я должна была и собиралась вамъ писать.

Впрочемъ, все одно ужъ, я докончу вамъ этотъ романъ нѣкоторыми характерными подробностями: къ мужу послали телеграмму, но до сихъ поръ отвѣта нѣтъ; очевидно, по деревенскому адресу ее не доставили. Братья истратили пропасть денегъ на лѣкарство, отчитыванья и совѣты, даже помогала сестра-солдатка, жившая въ городѣ въ кухаркахъ, принося все свое жалованье... А, между тѣмъ, у матери крестной есть Фросины деньги, около полсотни, но старуха не даетъ ихъ ни подъ какимъ видомъ: „Какъ я могу безъ хозяина?.. Ну, что съ ней случится, съ чѣмъ парнишка останется? И какой отвѣтъ я хозяину дамъ, когда онѣ мнѣ на сохраненіе даны?..“

Бѣдненькая Фрося! А, все-таки, она счастлива, у нея есть жизнь, полная, цѣльная... даже у нея есть романъ!.. А какъ вы думаете, что лучше: сумасшедшая, хоть бы и деревенская Офелія, или пропитанная школьною плѣсенью изсохшая классная дама, потерявшая счетъ своимъ воспитанницамъ и никогда незнающая, какъ и что вышло изъ нихъ и какой смыслъ внесла она въ ихъ существованіе?.. А воспитанницы, между тѣмъ, давно забыли даже ея имя, такъ что унесшій ихъ потокъ жизни не имѣетъ ничего общаго съ существованіемъ этой изсохшей дамы... Развѣ когда нибудь, среди собравшихся подругъ въ гостиной, наиболѣе бойкая изъ нихъ случайно передразнитъ полуизсохшую мумію и вызоветъ громкій добродушный смѣхъ...

Кстати, вотъ еще подробность къ роману Фроси. Полгода тому назадъ двухъ ея подругъ чуть не отдали подъ судъ. Одна изъ нихъ—дѣвушка—забеременѣла и, конечно, съ великими усиліями скрывала это до тѣхъ поръ, пока было возможно. Но чѣмъ ближе подходило дѣло къ концу, тѣмъ она больше падала духомъ. Въ отчаяніи, она призналась Фросѣ и другой общей подругѣ, уже года полтора вышедшей замужъ. Подругъ не столько поразило это событіе само по себѣ, сколько отчаяніе Маши (такъ звали дѣвушку). Долго терзались вмѣстѣ съ нею подруги, долго не знали, что придумать, когда Фросѣ пришла мысль уговорить свою замужнюю подругу, у которой не было дѣтей, а мужъ ходилъ въ заработкахъ, сказаться дома беременной. И вотъ заговоръ былъ составленъ и началъ постепенно приводиться въ исполненіе. Наивныя подруги уже беззавѣтно радовались благополучному исходу дѣла, когда вернувшійся мужъ, послѣ долгихъ недоумѣній и раздумываній, не присталъ къ своей бабѣ и та не объяснила въ чемъ дѣло.

Марта 10-го.

Вы ужъ, вѣроятно, получили, вмѣсто ожидаемаго письма, мой сумбурный дневникъ? И изумлены? Изумляйтесь! Но я буду, вѣроятно, продолжать въ томъ же родѣ... Знаете, я почему-то чувствую теперь ужасную жажду высказаться, наговориться (эта жажда, говорятъ, одолѣваетъ предъ смертью). Да, наговориться, но не попрежнему: обдуманно, резонно, въ порядкѣ,—нѣтъ, мнѣ хочется именно говорить безъ всякаго порядка, безъ всякаго резона. Взять и высыпать все, все, что первое попадется подъ руку. О, какъ много, незамѣтно скрываешь отъ себя и отъ другихъ, когда говоришь

„обдуманно“! И въ особенности при васъ. Вы такъ чудно „умѣете польстить“, такъ „окурить упоительнымъ куревомъ“ очи, что и сама какъ будто начинаешь думать о себѣ иначе. Знаете ли вы, двѣ недѣли тому назадъ мою школу посѣтилъ, въ качествѣ начальства... Петръ! Петръ! Тотъ Петръ... тотъ „юный сынъ народа“, тотъ „интеллигентный парень“, тотъ „любопытный экземпляръ“, которымъ мы такъ беззавѣтно „играли“ во время оно, котораго учили и дрессировали... О, Пугаевъ! какая хитрая и сложная штука жизнь!.. Что такое была тогда ваша Лиза? Добрая, сердечная, увлекающаяся, романтичная и легкомысленная, какъ вешній вѣтеръ, но глупенькая, полуграмотная барышня, дочь захудалаго помѣщика. И, однако, могла ли бы она хотя на минуту допустить мысль, что черезъ пять лѣтъ та же Лиза, но во сто разъ образованнѣе, опытнѣе и умнѣе, будетъ стоять смущенная, растерянная предъ этимъ полуграмотнымъ парнемъ?

Помните тотъ день, тотъ знаменательный день, когда мы шли съ вами по Лужнецкой улицѣ къ Петру?.. Впрочемъ, врядъ ли вы его помните. Это день *мой*, а не *вашъ*...

Вотъ мы идемъ съ вами весело, бойко... Я вспоминаю: я очень была возбуждена, весела, что-то необычное было во мнѣ, я чувствовала, что чувствуетъ гимназистка, когда ее переводятъ въ высшій классъ.

Помню, вы мнѣ говорили: „*Онъ* хорошій, хорошій паренекъ“, и говорили такъ мягко, нѣжно.

— А все-таки, если бы вы видѣли, Пугаевъ, какой онъ злой, какой злой!— возражала я, вспоминая ужасную сцену драки между Петромъ и женихомъ моей сестры.— О, онъ оказался настоящимъ волченкомъ!

— Лиза,—сказали вы,—будьте гуманны, любящи, добры съ ними... Это несчастные... Мы, мы сбиваемъ ихъ съ пути, наши города, наша прогнившая, пропитанная міазмами цивилизація... Но подойдемте къ нимъ, какъ братья... нѣтъ, какъ кающіеся, протянемъ къ нимъ любовно руки, просвѣтимъ ихъ сіяніемъ вѣры, знанія, и вы увидите, какъ заблещутъ перлы изъ глубины ихъ непосредственныхъ натуръ.

И съ этими словами мы подошли къ крыльцу трехъэтажнаго домика и стукнули въ дверь. Помню (все это я ужасно хорошо помню!), помню, какъ на лицѣ моемъ сіяла свѣтлая, беззаботная дружеская улыбка, съ которой я когда-то прыгала и бѣсилась, какъ школьница, около Петра, этого забавнаго волченка (вѣдь, я была всегда отходчивая, не злопамятная, и этимъ отличалась отъ серьезной сестры Вѣры). Мы стукнули еще. Вотъ слышно кто-то подошелъ къ двери, чтобы отпереть, кто-то кашлянулъ. Мы узнали, что это самъ Петръ. На вашемъ лицѣ я замѣтила ту же добрую, привѣтливую улыбку. И вдругъ... Нѣтъ, это жестоко, безобразно, дико!.. „Не надо! Не желаемъ-съ!“—какъ-то выкрикнулъ Петръ, словно взвизгнулъ, и громко захлопнулъ предъ нами дверь. Изумленные, пораженные, мы нѣсколько секундъ стояли, смотря на дверь. За дверью кто-то что-то спросилъ, кто-то отвѣтилъ: „Такъ это... проживальщики!“ И мы медленно повернулись и медленно сошли съ лѣстницы, и долго шли, не говоря ни слова. У меня все лицо залила краска; что-то смутное, тяжелое на душѣ: негодованіе, злоба, омерзеніе, чувство позора,— все было тутъ. И знаете, что мнѣ тогда пришло на память? Я была еще очень маленькая дѣвочка, у насъ тогда были крѣпостные, но ужъ, кажется, послѣдніе... Кажется, даже это было года два спустя послѣ манифеста. У отца въ казачкахъ служилъ тогда парень, такой же, какъ Петръ, и также все глядѣлъ исподлобья. Отецъ не любилъ его, но держалъ потому, что ужъ больше, должно быть, никого не было. И вотъ одинъ разъ этотъ парень, вмѣсто того, чтобы отвѣтить отцу, хлопнулъ дверью. Отецъ вспыхнулъ, затрясся, велѣлъ парню вернуться и съ какимъ-то дикимъ взвизгомъ ударилъ его три раза по щекѣ. Я помню, мнѣ было очень жалко казачка, но (странное дѣло) я съ уваженіемъ смотрѣла на отца: такое на лицѣ его было благородное негодованіе! Въ первыя минуты, теперь, во мнѣ вспыхнуло вотъ это темное, инстинктивное „благородное негодованіе“. Недаромъ же, конечно, припомнилась мнѣ эта сцена! И развѣ было рѣдкостью, что нѣжныя ручки оставляли свои слѣды на пухлыхъ щекахъ горничныхъ, а алыя губы, созданныя „для звуковъ сладкихъ и молитвъ“, развѣ не изливали ругательствъ въ „благородномъ негодованіи“? Но это продолжалось во мнѣ всего нѣсколько минутъ; затѣмъ меня внезапно охватило чувство такого униженнаго смиренія, со-

знанія такого личнаго ничтожества и безпомощности... Я думала: вотъ онъ нагрубилъ дерзко, нагло... намъ, мнѣ... А почему жъ онъ обязанъ былъ не грубить?.. Что такое я?.. Что такого во мнѣ, что давало бы право... Да, вѣдь, онъ... онъ мужикъ?!—возражала я себѣ.—Что-жъ изъ этого? И вотъ, все-таки, сказалъ, и вотъ нѣтъ у меня, не чувствую я за собой никакой силы, ничего такого, что бы заставило его не дѣлать этого, относиться иначе... Отецъ былъ баринъ, у него было право, и онъ могъ отвести душу „въ благородномъ негодованіи"... А я — барышня... Что такое барышня? И на какомъ „правѣ" я могу „отвести душу"?.. А мнѣ непремѣнно, непремѣнно надо отвести... какъ-нибудь надо... Потому что щеки у меня все-таки горятъ, потому что у меня что-то гложетъ на сердцѣ. Въ чемъ же это *мое право?*..

Такъ, въ этомъ родѣ, что-то странное, полупонятное, безсвязное носилось въ моей головѣ.

Но тутъ, вздохнувъ, заговорили вы. Что вы говорили— вамъ, конечно, хорошо извѣстно. Ваши мягкія, сердечныя слова пронизывали меня насквозь, какъ осенняя изморозь, пробирались до самаго сердца, и я дрожала, какъ въ лихорадкѣ... Ну, да это все прошлое, далекое прошлое! Только съ того времени прежней Лизы не стало, въ ней что-то надтреснуло, надломилось.

Я уже тогда чувствовала, что меня съ Петромъ связали какія-то невидимыя, непостижимыя, нити, хотя съ тѣхъ поръ до нынѣшняго года я ни разу не встрѣчала его. Но эти нити все больше и больше запутывали меня и неудержимо влекли подъ могучіе жернова непостижимой машины, работавшей непостижимую работу. И все измололи, все пожрали эти жернова: и бѣдную Лизу („бѣдная Лиза!"— какое знакомое это для русскаго уха слово!), и всѣ наши хорошія, сердечныя слова.

Марта 11-го.

Итакъ, меня осчастливилъ своимъ посѣщеніемъ Петръ въ качествѣ попечителя школы. Вы удивлены? Впрочемъ, постойте. Я уже забыла, на чемъ именно остановились мои сообщенія вамъ объ „исторіи нашей деревни" (какъ вамъ угодно было обозвать мою періодическую хронику).

Такъ съ чего же мнѣ начать? Все равно, я повторю вамъ вкратцѣ все, что совершилось послѣ вашего пребыванія здѣсь, совпавшаго съ „торжествомъ устоевъ", какъ выразились вы... Но это, вѣдь, и дѣйствительно оказалось „торжествомъ", только не „устоевъ", а чего-то другого... чего-то такого, что такъ трудно поддается нашему пониманію, что мы какъ-то органически не можемъ теперь допустить, потому что *боимся*. Именно боимся; по крайней мѣрѣ, *я боюсь*, и выговариваю это искренно и прямо... А другіе тамъ какъ хотятъ.

Постойте, дайте скажу нѣсколько словъ объ этой боязни. Вы ужъ, конечно, знаете, что я теперь далеко не прежняя глупенькая и полуграмотная Лиза; положимъ, что и не Богъ знаетъ, какъ образована, но все же скажу, что за эти шесть-семь лѣтъ проштудировано, продумано и прочувствовано мною столько хорошаго, серьезнаго, что дай Богъ всякому, патентованному разными аттестатами зрѣлости и кандидатскими дипломами. Я говорю это съ гордостью, безъ ложнаго смиренія. Конечно, у меня не было школярской выдержки, но зато у меня были любовь и жажда истины. Кажется, я имѣю право прямо смотрѣть на припадки малодушія, которые охватываютъ меня, безъ страха внутренно обвинить себя въ невѣжествѣ.

Итакъ, откуда же это малодушіе и боязнь? Мнѣ кажется, мое опредѣленіе вѣрно, что это малодушіе и боязнь, эта постоянная смѣна вѣры и отчаянія — у насъ *органическія*. Крѣпостное право пріучило насъ смотрѣть на народъ, какъ на однообразную, безцвѣтную массу. Мы такъ же смотрѣли на нее и въ то время, когда эту массу „освобождали". По инерціи мы такъ же продолжаемъ на нее смотрѣть и теперь. Прибавилось только пока болѣе рѣзкое различіе во взглядахъ на эту массу и въ отношеніяхъ къ ней. Но, несмотря на радикально-противоположныя воззрѣнія на народъ, мы относимся къ нему такъ же, какъ холуйскій живописецъ къ полкамъ, которые онъ размалевываетъ: взялъ синей краски, мазнулъ— и сразу всѣ мундиры стали синіе; или взялъ красной краски, и не только всѣ мундиры, но даже сапоги и лицо стали красные. Это же „сплошное" первобытное малеванье массъ опредѣляетъ и наше отношеніе къ ней.

Впрочемъ, я зафилософствовалась, и, признаться, совсѣмъ не кстати... Да и скучно мнѣ стало. Пусть философствуютъ

тѣ; у кого свербитъ умъ, а у меня болитъ сердце и ноетъ грудь.

Хотѣла было я все это изорвать, да зачѣмъ? Рисоваться, что ли мнѣ предъ вами? Написалось это — значитъ, такъ нужно, значитъ, это *мое*, значитъ, это *я* въ данный моментъ переживаю. А я теперь только и хочу, чтобы вы видѣли меня всю цѣликомъ, живую.

Марта 12-го.

Мнѣ невольно припоминается теперь, когда я въ первый разъ (въ *первый* послѣ того, какъ меня захватили могучіе жернова) пріѣхала въ деревню. Какія это прелестныя, свѣтлыя воспоминанія! Вѣдь, ужъ знаешь теперь, что глупы они, наивны ребячески, а, между тѣмъ, какъ глубоко западаютъ въ душу эти ребяческія впечатлѣнія! Отчего вѣетъ отъ нихъ такимъ тепломъ, такимъ нѣжнымъ, оздоровляющимъ дыханіемъ? Ахъ, если бъ теперь блеснулъ предо мной этотъ розовато-желтый, мягкій, ласкающій свѣтъ зари, которымъ для меня было окрашено тогда все,—всѣ эти поля, эти избы, эти „убогіе“ храмы, „мирныя дѣти труда!“ Все было, какъ дымкой, подернуто этимъ „сплошнымъ“ колоритомъ, и только спустя долгое время, и то мало-по-малу, въ этомъ сплошномъ колоритѣ стало замѣчаться кое-какое разнообразіе: одни лица и предметы были болѣе красивы, другіе—менѣе... А розовый свѣтъ зари все сіялъ!.. И мнѣ казалось, что и меня онъ озарилъ, и я сіяю въ немъ, какъ единое, со всѣмъ окружающимъ! Говорятъ, что это иллюзія, миражъ, вздоръ, дѣтство мысли и чувства... Да. Но отчего же дѣтство мысли и чувства такъ глубоко запечатлѣвается въ душѣ? Отчего воспоминанія о немъ „разглаживаютъ морщины на удрученномъ челѣ?“... Отчего?.. Оттого, что въ немъ живетъ правда и должна жить... если не вся, не сама правда, то предчувствіе ея... Не такъ ли завязь хранитъ въ себѣ все роскошное, прекрасное, что послѣ распустится, какъ цвѣтокъ, и созрѣетъ, какъ плодъ?.. Но что сравненія! Они никого не утѣшали. Ахъ, если бъ мнѣ сюда хотя одинъ проблескъ этой вѣры въ дѣтскую правду! Или нѣтъ, не то... Я не утеряла вѣры въ эту правду, я чувствую присутствіе ея вокругъ себя, я чувствую, что она разлита въ воздухѣ, которымъ я здѣсь дышу, но, въ то же время, я чувствую, что стою *внѣ ея*, и потому не могу обнять ее, уловить, слиться съ ней... Между тѣмъ какъ прежде, когда все было освѣщено мягкимъ, розовато-желтымъ свѣтомъ зари, я чувствовала себя съ ней нераздѣльно...

Вы покачиваете головой, мой старый учитель и думаете: какой же вѣры ей надо? И отчего она больше не вѣритъ?

Погодите, не сбивайте меня... Иначе я расплывусь предъ вами въ туманное, полуопредѣленное безъ очертаній облако...

Марта 13-го.

Я даже забыла, сколько прошло времени съ вашего отъѣзда. Вообще со мной что-то творится неладное. Я не сомнѣваюсь, что если бы вы меня увидѣли теперь, вы не мало изумились бы... въ особенности потому, что, какъ мнѣ кажется, вы нѣсколько ошиблись относительно впечатлѣнія, которое произвели на меня послѣднія событія въ нашей Вальковщинѣ. Я, конечно, не скрываю, что этотъ „общій подъемъ духа“, этотъ единодушный протестъ противъ шайки грабителей, засѣвшей въ нашей волости, наконецъ, этотъ эпическій характеръ схода, выборъ ходоковъ,—за чѣмъ мы слѣдили съ вами съ затаеннымъ дыханіемъ, съ біеніемъ сердца,—что все это не прошло для меня безслѣдно... О, нѣтъ! Всѣ эти тонкія, неуловимыя перипетіи массоваго, „мірского“ движенія такъ глубоко захватывали душу, такъ волновали ее новыми, неизвѣданными ощущеніями, высокими и умилительными, даже самая эта чарующая неожиданность, что въ числѣ явившихся постоять за „міръ“ оказались люди, отъ которыхъ менѣе, чѣмъ отъ другихъ, можно было этого ожидать, — все это, говорю вамъ искренно, подѣйствовало на меня сильно, даже трогательно... Мнѣ почему-то хотѣлось плакать. Когда вы уѣзжали, то съ своею обычною восторженностью сказали, обращаясь съ высоты холма къ полямъ: „Нынѣ отпущаеши!.. Я видѣлъ... и больше мнѣ ничего не нужно!.. Я умру полный вѣры, которой у меня никто не отниметъ!.. Лиза! когда вамъ сгрустнется въ жизни,—прибавили вы, кладя мнѣ руку на плечо,—припомните, что мы видѣли съ вами недавно — и вы оживете! И васъ озаритъ свѣтъ жизни!.. Теперь я спокоенъ и за васъ, и за себя: кто разъ видѣлъ *это*, для того нѣтъ отчаянія, нѣтъ страха смерти!...“

Видите, какъ я твердо помню ваши слова. Но, когда я пришла домой—я разрыдалась. Никогда еще такая безнадеж-

ная грусть не охватывала меня, какъ въ этотъ день... и она не только не покидала меня до этой минуты, но все растетъ, грозная, какъ туча, и въ моихъ глазахъ все темнѣетъ и темнѣетъ...

Да, предо мною снова, на мгновеніе, мелькнулъ давно желанный, мягкій, теплый, умиляющій розовый лучь зари и озарилъ все меня окружающее... но, зачѣмъ же, какъ прежде, не озарилъ онъ и меня, отчего я не сіяю въ немъ, какъ единое, какъ неразрывно слитое со всѣмъ окружающимъ?

И я смотрю на это сіяніе, какъ умирающій на послѣднюю зарю въ своей жизни: онъ чувствуетъ, что не для него она сіяетъ. Вотъ еще два-три момента— и уже всякая связь съ нею порвана... И безысходная грусть переполняетъ его сердце тяжелымъ равнодушіемъ ко всему, что ликуетъ, растетъ, полное жизни и энергіи, молодости, въ сіяніи этихъ розовыхъ лучей... Все, что онъ можетъ, это—благословлять, но и только.

Вотъ, можетъ быть, почему я не могу до сихъ поръ сообщить вамъ о дѣлахъ съ тою же точностью и интересомъ, доходившими до мельчайшихъ мелочей, съ какими сообщала вамъ о всѣхъ здѣшнихъ дѣлахъ раньше. Можетъ быть, отчасти въ этомъ виновата моя болѣзнь.

Марта 14-го.

Мои ребятки уже наканунѣ извѣстили меня, что у насъ будетъ новый попечитель, Петръ Вонифатьевъ, и, главное, извѣстили объ этомъ съ какою-то особенною глубокомысленною выразительностью, которая меня даже разсмѣшила. Но, очевидно, это ребячье глубокомысліе, какъ въ зеркалѣ, отражало глубокомысленныя разсужденія насчетъ Петра ихъ отцовъ. Спрашиваю:

— Развѣ онъ поступилъ на мѣсто Марка?

— Онъ, онъ,—отвѣчаютъ всѣ разомъ,— новаго старшины зять...

— А откуда новый старшина?

— Онъ изъ дальней деревни... Такъ, изъ смирныхъ... мужичокъ... Хотѣли было Петра, потому, какъ онъ умственный, да, главное, молодъ еще. Міръ говоритъ: „Хоть онъ въ разумъ и вошелъ, пущай въ лѣта войдетъ“... А Пиманъ Савельичъ (тесть-то его) въ ходокахъ былъ, за міръ въ острогѣ сидѣлъ, разоренье всему хозяйству понесъ... Ну, міръ говоритъ: „Хоть оно и темный человѣкъ, да Бога знаетъ; пущай въ старшинахъ ходитъ, да хозяйство поправляетъ. Тоже три-то сотни въ годъ—не вотъ на дорогѣ найдешь!.. Ну, да для старшины онъ будетъ и видомъ посолиднѣе!“

Все это мнѣ щебетала, какъ воробьи, самая мелкая мелюзга, перебивая другъ друга, захлебываясь, заикаясь. Но когда я, къ вечеру, вышла посидѣть на улицу, ко мнѣ подошли двое изъ старшихъ и лучшихъ моихъ учениковъ. Я ихъ очень люблю. Они были изъ тѣхъ солидныхъ и степенныхъ подростковъ, о которыхъ я вамъ писала раньше. Мнѣ всегда доставляло большое удовольствіе бесѣдовать съ ними. Это были пытливые мальчики и очень способные; только ужъ очень солидно и серьезно всегда со мной разговаривали, хотя по натурѣ были очень живые, а Сеня, младшій, такъ этотъ былъ совсѣмъ романтикъ. Но ужъ таково ихъ (да и всѣхъ крестьянскихъ дѣтей) отношеніе къ „грамотѣ“ и ко мнѣ. У городскихъ дѣтей, помню, совсѣмъ иное отношеніе... Мы, городскіе, всѣ привыкли учиться какъ-то шутя, балуясь, и потому часто лѣнимся, считаемъ грамоту непріятною обязанностью. И давно ли она считалась только „украшеніемъ жизни?“ Да и понятно: чего у кого много, тотъ этимъ и не дорожитъ. Вообще, взглядъ крестьянъ на грамоту, какъ извѣстно, очень строгій и серьезный, а вмѣстѣ съ ними такой же взглядъ и у дѣтей. Это я могу вполнѣ подтвердить и имѣю много чрезвычайно любопытныхъ данныхъ, съ перваго раза какъ будто даже противорѣчащихъ этому взгляду. Извѣстны многіе случаи, когда крестьяне упорно не желали имѣть у себя школы или же закрывали имѣвшіяся. У насъ привыкли объяснять это бѣдностью крестьянъ, а чаще всего ихъ дикостью и тупымъ непониманіемъ. Конечно, бѣдность имѣетъ здѣсь большое значеніе. А еще большее значеніе имѣетъ серьезность взгляда на школу: просто данная школа ничего въ ихъ глазахъ серьезнаго не даетъ, или, какъ говорятъ они, „ни до чего не доводитъ“. Они понимаютъ ученье не въ смыслѣ одной грамоты, а въ смыслѣ общаго „развитія“, охватывающаго всего человѣка, цѣликомъ, всю умственную, духовную сторону. Поэтому, по ихъ понятію, ученье можетъ имѣть только два исхода: или сдѣлать человѣка вполнѣ „умственнымъ“, поднять его выше всѣхъ окружающихъ, выше темнаго люда, и

тогда онъ дѣлается руководителемъ жизни, наставникомъ, носителемъ Божьей правды; весь складъ его души, вся его жизнь уже не должна противорѣчить этому высокому призванію; или же ученье является зломъ, орудіемъ достиженія низкихъ цѣлей—просто лицемѣріемъ, несущимъ гибель всему окружающему.

Мнѣ иногда приходилось слышать отъ очень хорошихъ, умныхъ стариковъ, всегда бесѣдовавшихъ со мной съ большою охотой, всѣмъ интересовавшихся, такую страшную фразу: „Благодарю Господа, что Онъ, милостивый, отвелъ меня отъ грамоты... Будь я при своей охотѣ къ ученью, да при своемъ характерѣ ученъ,—большое бы я зло надѣлалъ людямъ, по нынѣшнему времени!.. Вотъ за Никашку я не боюсь: учи его—онъ характеромъ мягокъ... Онъ не въ меня характеромъ... Онъ только умомъ въ меня... охотой... А вотъ Николашкѣ—такъ совсѣмъ грамота ни къ чему: пущай пашетъ—цѣлѣе будетъ!..“ А главное: наша теперешняя народная школа „ни до чего не доводитъ“... Вотъ въ чемъ обида для народа, и вотъ почему не придаетъ онъ ей „серьезнаго“ значенія... Поприще учителя или писаря, единственно доступное для мальчика изъ крестьянъ,—*мое поприще*—народъ не считаетъ особенно высокимъ и важнымъ: это поприще не „умственное“, а чисто, можно сказать, механическое, которое можетъ исполнить всякій... И если еще народъ отдаетъ намъ въ ученье своихъ дѣтей, то единственно руководясь темною надеждой, что, умѣя читать, можетъ быть, кто-нибудь самъ изъ нихъ „дойдетъ до чего-нибудь *своимъ* умомъ“... И если относительно мальчиковъ онъ еще можетъ руководствоваться кое-какими практическими соображеніями чисто-житейскаго обихода, то относительно дѣвочекъ такого объясненія найти трудно...

Боже мой!.. Однако, я написала вамъ чуть не цѣлый педагогическій рефератъ!.. Что дѣлать?.. Но если бы не эти отвлеченія въ область „ума холодныхъ наблюденій“, мы, въ наше время, „изошли бы слезами“—и только...

Во всякомъ случаѣ, эти „разсужденія“, думаю, не будутъ для васъ безынтересны, уже просто потому, что они представляютъ итоги моихъ бесѣдъ съ „солидными“ учениками.

— Здравствуйте, Лизавета Ивановна! Гуляете? — говорятъ мнѣ Нилъ и Сеня обычное привѣтствіе.

— Гуляю. Садитесь со мной.

Они садятся, поправляя на головахъ фуражки.

— Вотъ скоро кончимъ у васъ ученье,—говоритъ Нилъ. — Отгуляли... Еще нѣсколько времени пройдетъ, а тамъ и за соху...

— А вамъ не хочется, Нилъ?

— Хочется—не хочется, а надо.

— А вы, Сеня?

— Мнѣ нельзя... Я въ семьѣ одинъ... Вонъ и Нилъ говоритъ, что нельзя, а ему можно... У нихъ трое въ семьѣ... Ему можно до чего ни то дойти... Была бы охота... А мой тятенька говоритъ: „Ты глупости оставь... Это не всякому дается... Нилкѣ вотъ можно: дойдетъ или не дойдетъ, у нихъ все хозяйство пойдетъ... А какъ ты до дѣла не дойдешь, что̀ будетъ? Человѣкомъ не станешь, грабежомъ займешься... фальшивыя расписки дѣлать... Мало ли у насъ такихъ-то?.. А при землѣ-то Божье дѣло... Что̀ и нагрѣшишь, то трудомъ замолишь... А Нилкѣ можно!“

Все это Сеня произнесъ протяжно, медленно и какъ будто нѣсколько грустно.

— Что̀ же вы, Нилъ? Или отецъ васъ не пускаетъ?

— Нѣтъ, отецъ ничего... Да, вѣдь, у насъ, Лизавета Ивановна, куда же итти?.. По торговой ежели части только... А я вотъ сидѣлъ у дяди въ кабакѣ—не показалось мнѣ... Лучше ужъ пахать—веселѣе!..

— Отчего же вы думаете, что только по торговой части? Вы оба могли бы въ учительскую семинарію, напримѣръ... Я бы за васъ похлопотала...

— А оттуда, Лизавета Ивановна, до чего доходятъ?

— До учителя... Вотъ будете, какъ я...

Мои собесѣдники молчали.

— Ты развѣ все такъ въ учительницахъ весь вѣкъ и будешь?—спросилъ Нилъ.

И я чувствовала, какъ въ его голосѣ уже слышалось изумленіе, смѣшанное съ сожалѣніемъ. У меня что-то сперло въ горлѣ и я промолчала.

— И не скучно тебѣ все насъ азамъ-то учить?—тихо проговорилъ Сеня.

И я видѣла, какъ онъ потупился и покраснѣлъ.

Пугаевъ, я не хотѣла лицемѣрить; я молчала и, сама не знаю отчего, не могла говорить... Мнѣ даже казалось, что я что-то отвѣчала, только не знаю что̀. Да, мнѣ, вмѣстѣ съ этими мальчиками, самой

такъ хотѣлось жить, хотѣлось „до чего-нибудь дойти...“

— Вамъ это такъ, можно,—вдругъ сказалъ Нилъ,—потому вы женскаго положенія... А намъ что жъ? Вотъ, если бы въ попы хоть выходили, въ настоящіе... какъ вотъ поповы дѣти выходятъ, или вотъ какъ у старовѣровъ я видалъ. У нихъ учитель-то всѣхъ учитъ: и большихъ, и малыхъ... Его всѣ слушаютъ, боятся. Что скажетъ—его слово свято. Его народъ боится, уважаетъ. Какъ велитъ жить, такъ и живутъ, и ослушаться никто не можетъ... А тебя вотъ и въ старшины не возьмутъ!—пошутилъ Нилъ.

И обоимъ юношамъ стало весело: они разсмѣялись.

И я смѣялась, а въ глазахъ у меня стояли слезы...

Я знаю, какъ вы будете улыбаться, какъ покачивать станете головой, читая эти слова, но я знаю, что вы меня поймете, постараетесь понять. А попадись это письмо другимъ, какой градъ оскорбительныхъ насмѣшекъ посыпался бы на мою голову, какая масса упрековъ въ непониманіи значенія первоначальной школы, въ неумѣніи вліять на молодыя души, въ отсутствіи любви къ дѣтямъ, которымъ истинный педагогъ посвящаетъ цѣлую жизнь и въ этомъ находитъ высочайшій смыслъ жизни. Упреки могутъ быть безконечны, страшны, убійственны. Увы!—я пишу не педагогическій трактатъ о значеніи первоначальнаго образованія, а простыя письма къ другу „о сердца горестныхъ замѣтахъ“ бѣдной, ни для кого не интересной Лизы.

Нилъ и Сеня, конечно, свели разговоръ на Петра.

— Да у насъ теперь все начальство въ волости новое!.. Очень ужъ прежніе-то грабили—силъ нѣтъ! Ну, и безобразія всякаго было много...

— А теперь не будетъ?

— Думаютъ, не будетъ. Хоть Пиманъ-то Савельичъ и темный человѣкъ, да всѣ знаютъ, что главная-то сила въ Петрѣ будетъ... А то гдѣ бы совладать съ здѣшнимъ народомъ! Нынѣ народъ сталъ—бѣда!

— А отчего же Петръ сладитъ?

— Да такъ весь міръ говоритъ. Вся волость въ одинъ голосъ... Кабы не Петръ, развѣ міру что̀ подѣлать! Противъ него какая сила была—баринъ да міроѣды... Вонъ ходоковъ засадили въ тюрьму сразу, а взялся за дѣло Петръ (тоже просили его не мало; онъ безъ расчету, зря, не бросится), все пошло колесомъ! Куда баринъ, куда міроѣды!.. И землю отдали, и ходоковъ выпустили.

И столько сдержаннаго восторга слышалось въ голосѣ Нила, котораго изрѣдка перебивалъ и дополнялъ Сеня.

— Вотъ вы неправду говорите, Нилъ,—сказала я.—Я хорошо знаю, что баринъ Валентинъ Петровичъ самъ помогалъ этому дѣлу, самъ по своей волѣ отступился...

— Кабы не Петръ, гдѣ бы ему отступиться... Не тотъ баринъ!.. Онъ не изъ таковскихъ... Его прежде не мало молили... А нашла коса на камень...

— А я вамъ говорю, что я хорошо знаю это дѣло, и оно было не такъ... Развѣ вы мнѣ не вѣрите?

И мои собесѣдники оба смолкли.

— Ну, Нилъ, будемте говорить откровенно... Вѣдь, вы, Нилъ, и вы, Сеня, я знаю, любите меня?

— Мы тебя любимъ... Тебя всѣ у насъ любятъ. Говорятъ, раньше такихъ учителей не бывало, да и въ округѣ не слыхать,—разомъ говорили они, улыбаясь.

— Ну, вотъ, скажите, отчего же вы мнѣ не вѣрите?

— Мало ли тебѣ чего баринъ наговорилъ!.. На себя охулки не положитъ...

— Да нѣтъ, я сама знаю... Ну, что такое Петръ? Полуневѣжда, полуграмотный мужикъ, неопытный даже, Богъ знаетъ какими-то путями деньги нажилъ, теперь кулакомъ сталъ... Ну, чѣмъ же ему выстоять противъ барина, ученаго, образованнаго, сильнаго, если бы баринъ самъ не захотѣлъ ему помочь или отступиться?

Мои слова, я видѣла, произвели сильное впечатлѣніе: Сеня весь покраснѣлъ, опустилъ, по обыкновенію, глаза, съежился, какъ будто оробѣлъ даже, но молчалъ. Нилъ отвернулся отъ меня въ сторону, но я замѣтила, какъ его глаза сердито сверкнули, и онъ молчалъ, плотно закутавшись въ кафтанчикъ.

— Что же, Нилъ, вы не говорите?

— Конечно,—тихо протянулъ онъ, не оборачиваясь ко мнѣ,—вы господа... Гдѣ намъ, мужикамъ!

И, знаете, въ эту минуту мнѣ показалось, что его голосъ звучитъ для меня чѣмъ-то знакомымъ: вотъ я будто слышала его еще вчера, слышала когда-то очень давно въ Москвѣ, слышала здѣсь, гдѣ-то въ другомъ мѣстѣ. Нилъ все сидѣлъ, смотря въ сторону и нервно закутываясь въ кафтанчикъ. Сеня какъ-то

еще больше съежился и наклонилъ голову.

— Что же вы, Сеня, ничего не скажете?—спросила я.

— Мы къ вамъ, Лизавета Ивановна, человѣка привели,—сказалъ онъ и вдругъ выпрямился и засмѣялся: — Вонъ, вонъ онъ тамъ стоитъ, у прогона!.. И не видать...

— Что же вы мнѣ до сихъ поръ не скажете? Зачѣмъ онъ?

— Учиться хочетъ... Онъ ужъ парень,—ну, ему и стыдно... Его ужъ было совсѣмъ женить хотѣли...

— Чей онъ?

— Онъ изъ дальней деревни, изъ Дергачей... Такъ, простого мужичка сынъ... Только отецъ у него такой... необыкновенный... Все бродитъ по Россіи... Какъ чуть мало отработается, такъ и пойдетъ ходить... Удержу не знаетъ!.. А придетъ—бабы вкругъ него соберутся, народъ... Слушаютъ его...

— Такъ вы позовите его,—показала я на парня.

Нилъ и Сеня стали махать ему руками, называя Янькой.

Пока онъ неторопливо подходилъ къ намъ, Нилъ и Сеня успѣли мнѣ сообщить, что Янька уже совсѣмъ было сосваталъ дочь новаго старшины, да пріѣхалъ Петръ, и невѣста Яньки вышла за него замужъ.

Опять Петръ!

NB. Когда я дописывала это письмо, мнѣ ясно представилась торжественная сцена, которую намъ сдѣлалъ Валентинъ Петровичъ послѣ „торжества устоевъ". Помните, какъ онъ сказалъ, положивъ руку вамъ на плечо: „Ну, старикъ, только для тебя я это дѣлаю... потому что уважаю тебя, твою вѣру, твои убѣжденія... Мой принципъ жизни всегда былъ—строгое и неуклонное слѣдованіе своимъ убѣжденіямъ. Я знаю, этого недостаетъ именно намъ, русскимъ. И до тѣхъ поръ у насъ не будетъ ничего хорошаго, пока мы не воспитаемъ себя въ школѣ этой выдержки. Первый разъ въ жизни я поступлюсь этимъ правиломъ. Поступлюсь для тебя... Мое убѣжденіе было: тамъ, гдѣ невѣжество, не можетъ быть никакихъ „устоевъ". Надъ массой дикарей необходима интенсивная опека, хотя бы насиліемъ. И я отступаюсь отъ этого убѣжденія, конечно, только въ данномъ случаѣ, ради тебя, старикъ, и ради васъ, барыня,—прибавилъ онъ снисходительно. Вы убѣждены, что въ этомъ благо народа, и я покоряюсь, я жертвую... Я буду даже помогать." И вы троекратно облобызались. Послѣ этого Сухорукій, однако, сдѣлалъ маленькое прибавленіе: „За послѣдствія я не отвѣчаю... Вина падетъ на ваши головы!"—и улыбнулся.

Мы—виноватые!!..

Марта 15-го.

Когда я, на другой день, послѣ разговора съ своими учениками, вошла въ школу (старшаго отдѣленія), она уже была полна и какъ-то лихорадочно шумлива. Взглянувъ на учениковъ, я сразу замѣтила, что сегодня занятія пойдутъ плохо; это былъ одинъ изъ тѣхъ школьныхъ дней, которые въ былое время назывались „рекреаціями",—дни экстраординарные, въ которые, почему-то думаютъ ученики, обычное теченіе дѣлъ необязательно. Таковы: пріѣздъ директора или инспектора, освященіе новой иконы, пожертвованной попечителемъ, или повѣшаніе лампадки къ ней, или же просто постановка новыхъ партъ. Но все это далеко не такъ волновало мою мелкую публику, какъ нынѣшній день. Напримѣръ, пріѣздъ директора производилъ на нихъ очень слабое впечатлѣніе. Что такое директоръ? *Вообще* начальство, безличное, отвлеченное, мундиръ... Какое, напримѣръ, значеніе для тысячи мужиковъ имѣетъ смѣна мировыхъ судей, непремѣнныхъ членовъ, предсѣдателей управы? Они могутъ смѣняться сотнями, не оставляя никакихъ впечатлѣній. Но ожиданіе нынѣшняго *своего* начальника было какое-то особенное. Отчасти это объяснялось тѣмъ, что ни Петра, ни его тестя, новаго старшину Пимана, никто почти не видалъ въ нашемъ селѣ до поступленія ихъ въ начальство, хотя о первомъ, очевидно, многіе знали по разсказамъ. Странное дѣло, я тоже давно не видала Петра, и общее настроеніе школы, я чувствовала, отразилось и на мнѣ. Но, что все хуже, это замѣтили чуткіе и наблюдательные мои маленькіе шпіоны. Меня это настроеніе нѣсколько раздражало и злило; я сдѣлалась суровѣе. Но, тѣмъ не менѣе, видимо, не могла отвлечь ни свое вниманіе, ни учениковъ отъ предстоящей сцены. Неизвѣстно, зналъ ли Петръ о моемъ здѣсь пребываніи (вѣроятно, уже зналъ), но, во всякомъ случаѣ, встрѣча почему-то мнѣ представлялась непремѣнно могущей имѣть какое-то значеніе и для меня, и для моихъ школьниковъ... Какъ

будто между мной и Петромъ долженъ былъ состояться турниръ, состязаніе, какъ будто насъ выводили на очную ставку.

Вы опять смѣетесь и говорите про себя, что все это галлюцинація, что, въ сущности, ничего подобнаго не было, что это ни больше, какъ мое личное душевное состояніе. Да, да, это мое душевное состояніе. О чемъ же я вамъ и пишу?

Вотъ послышались въ открытыя форточки голоса съ улицы, и половина ребятишекъ бросилась къ окнамъ. Я прикрикнула на нихъ даже необычно строго. Послышались шаги по лѣстницѣ, и какъ-то само собой все въ школѣ замерло: я вспыхнула и тоже почему-то замолчала... Дверь отворилась, и изъ передней раздался громкій голосъ нашего батюшки:

— А мы вотъ къ вамъ, Лизавета Ивановна, нагрянули!.. Ужъ извините, что не предупредили (это онъ всегда такъ извинялся, хотя нарочно никогда ни о чемъ не предупреждалъ). Все какъ-то, нечаянно... нежданно-негаданно выходитъ... Вотъ-съ съ новымъ, можно сказать, въ нѣкоторомъ родѣ начальствомъ желаемъ нашу школу познакомить...

И батюшка, даже не отрекомендовавъ меня, остановился въ сторонѣ. Онъ какъ бы открывалъ занавѣсъ и предлагалъ любоваться, сказавъ: „Ну, вотъ-съ!.. Милости просимъ!“

Петръ вошелъ смущенный, покраснѣвшій (какой онъ, однако, сталъ солидный!); неторопливо и нерѣшительно шагая, онъ, не глядя, поклонился мнѣ, затѣмъ тотчасъ обернулся къ ученикамъ и также нерѣшительно остановился; одна рука его закинута была за спину, другая лихорадочно бѣгала по борту кафтана... Слѣдомъ за нимъ вошелъ, тяжело ступая новыми, только что смазанными дегтемъ, сапогами, высокій, сутуловатый старикъ, съ большою бѣлесоватою бородой, съ тѣмъ широкимъ, открытымъ лицомъ, съ тѣми мягкими полузакрытыми глазами, которые всѣмъ намъ такъ хорошо знакомы. Это обычный типъ русскаго пахаря. Такъ и видно было, что его какъ будто сейчасъ только взяли отъ сохи. Онъ долго, какъ въ церкви, кланялся на всѣ стороны и, повидимому, старался все дѣлать такъ, какъ Петръ, потому что постоянно безпокойно взглядывалъ на него. Потомъ вошелъ еще господинъ, въ новомъ черномъ халатѣ, но изъ-подъ этого халата видно было, что онъ одѣтъ въ городское платье,—сухой, высокій господинъ, съ выразительнымъ лицомъ. Это былъ нѣкто Митродоръ Графъ, уже лѣтъ пятидесяти. Я слышала, что ему предлагали мѣсто попечителя, но онъ отказался въ пользу Петра, хотя обѣщалъ „содѣйствовать“. Потомъ вошли еще какіе-то мужики.

— Ну, вотъ-съ! — проговорилъ опять батюшка, когда всѣ уставились по мѣстамъ.—Вотъ это мы, а вотъ и вы! Теперь намъ, Лизавета Ивановна, повеселѣе будетъ... Маркъ Маркычъ, оно, конечно, гостепріимный былъ человѣкъ, ну, только насчетъ школы тугонекъ... Ну, и притомъ какъ бы соблазнъ былъ по его поведенію,—внушительно сказалъ онъ обращаясь къ Петру, отличающемуся безупречной трезвостью. — Ну, да, впрочемъ, того... этого... старшихъ не осудимъ!.. А вы ужъ, Петръ Вонифатьичъ, при содѣйствіи Митродора Васильича, намъ не откажите... Вотъ теперь кабы намъ перышковъ, да грифельковъ...

И батюшка долго высчитывалъ, что нужно школѣ. Онъ тыкалъ пальцами въ треснувшія парты, въ худыя стѣны, въ оборванные обои, сопровождаемый внимательными посѣтителями. Я ушла въ самый дальній уголъ, на свое обычное мѣсто, и посмотрѣла на моихъ ребятишекъ... на этотъ пестрый рядъ голубыхъ и карихъ глазъ, смѣшавшихся какъ въ полѣ цвѣты. И я видѣла, какъ всѣ эти глазенки, блистая напряженнымъ вниманіемъ, были прикованы къ этимъ двумъ новымъ, стоявшимъ передъ ними лицамъ: высокому старику и низенькому худощавому молодому мужику, Петру Вонифатьеву.

Никогда еще такъ внимательно, съ такою страстною и боязливою пытливостью не всматривалась я въ глаза крестьянскихъ дѣтей, какъ въ этотъ часъ. Мнѣ казалось, я проникала въ самую глубь ихъ, читала ихъ сокровенныя ребячьи тайны. И мнѣ показалось, что я все узнала, и мнѣ стало страшно, жутко, тяжело. Мнѣ не было времени обдумать и вникнуть въ то, что я увидала тамъ: я знала только одно—*меня* и *моего* тамъ не было!

Я не слыхала, что говорилъ батюшка, что говорили гости. Я стояла, какъ окаменѣлая, въ углу. Вотъ посѣтители тронулись къ выходу, раскланялись со мной, попрежнему, молча. Вотъ батюшка, шедшій сзади, подошелъ ко мнѣ и шепнулъ

на ухо, двусмысленно улыбаясь: „Комедія!.. Выбрали же народъ... Сектанты какіе-то!.. А, впрочемъ, для школы будетъ полезно... Ну, и мы можемъ разсчитывать на преферансъ!..“ И онъ засмѣялся своимъ обычнымъ дубоватымъ смѣхомъ и поспѣшилъ за ушедшими.

Дѣти давно уже выскочили и шумно говорили о новомъ начальствѣ. Кучка ихъ окружила меня и спрашивала: „Понравился вамъ, Лизавета Ивановна, новый попечитель?.. Какой маленькій! Маленькій да удаленькій!.. А старшина вамъ понравился? Совсѣмъ мужикъ, настоящій...“

Я что-то бормотала безсвязное, неопредѣленное, когда вдругъ громко спросилъ меня Нилъ:

— Что же вы, Лизавета Ивановна, не скажете, понравился ли вамъ новый попечитель?

Я взглянула на него: мнѣ какъ будто показался этотъ вопросъ вызовомъ.

— По одной наружности трудно судить... Вотъ увидимъ на дѣлѣ.

— Нѣтъ, это сразу видно, каковъ!... Этого не скроешь,—сказалъ Нилъ.

— Говорятъ, больно строгій,—прошептала одна дѣвочка,—ужасти, какой строгій...

— По нонѣшнему времени такъ и надо,—замѣтилъ Нилъ.

И дѣти еще долго продолжали шумно выражать свои мнѣнія о Петрѣ и Пиманѣ. Я видѣла, что занятія на нынѣшній день невозможны ни для меня, ни для дѣтей, и я распустила ихъ въ честь посѣщенія новаго попечителя...

Вотъ и все. Судя по тому, какъ много я упоминала объ этомъ событіи въ своихъ предыдущихъ письмахъ, вы, вѣроятно, ожидали, что встрѣча моя съ Петромъ не обошлась безъ какого-нибудь чрезвычайнаго столкновенія... Нѣтъ, ничего больше не было; ни я, ни онъ, мы не сказали другъ другу ни слова, даже не глядѣли одинъ на другого... И, тѣмъ не менѣе, добрый мой, состязаніе совершилось. И бѣдное сердце вашей бѣдной Лизы разбито, и развѣяно по вѣтру, какъ дымъ, все, во имя чего она пришла сюда. И побѣдилъ ее здѣсь тотъ „волченокъ“, тотъ „хорошій паренекъ“, которымъ она когда-то такъ игриво играла и забавлялась. И ничто не спасло ее здѣсь. Что такое она, съ своею любовью, съ своею жертвой, съ своими больными и тревожными думами, передъ этимъ смирнымъ, добродушнымъ, робкимъ старикомъ, попавшимъ „за міръ“ въ острогъ, и передъ этимъ низенькимъ, худощавымъ, полуграмотнымъ молодымъ „умственнымъ“ мужикомъ, который до чего-то „самъ дошелъ, своимъ умомъ“? За ними стоитъ все, а за мной?.. Завтра смѣнитъ новый *наемникъ*, „иже нѣсть пастырь“, и можетъ быть поведетъ дѣло даже лучше съ педагогической точки зрѣнія.

Марта 28-го.

Я ужаснулась, когда пересмотрѣла, какую кучу бумаги я исписала!... Давай поскорѣе въ пакетъ—и на почту. А то, чего добраго, еще наведешь подозрѣніе (я, впрочемъ, не знаю, какъ относится къ этому *новое* наше начальство, но думаю, что особаго расположенія питать къ намъ и ему нечего). И вотъ я поторопилась опять собрать все написанное въ груду и, не перечитывая, свалить въ ваши руки... Читайте и браните меня всюду за малодушіе!.. Что же, можетъ быть, это будетъ кому-нибудь полезно, что-нибудь кому-нибудь скажетъ. Но только не спрашивайте, Бога ради, меня: какая можетъ слѣдовать изъ сего мораль?.. Я пишу не басню.

Я сегодня особенно грустно настроена, можетъ быть, потому, что исписанная мною и отправленная вамъ груда бумаги вновь потревожила раны, которыя стали было не то что заживать, а какъ то тупо забываться (вѣдь, это было такъ давно, или мнѣ кажется, что очень давно). А, можетъ быть, и потому мнѣ такъ грустно, что грудь болитъ все сильнѣе. А на улицѣ весною пахнетъ... Солнце такое веселое смотритъ, мягкое, теплое. Да и на улицѣ все какъ-то веселѣе стало... все оживаетъ, все живетъ полною, цѣльною (можетъ быть, очень незавидною, очень узкою), несомнѣнно осмысленною жизнью... А дѣти?.. О, на нихъ мнѣ такъ обидно, такъ завидно смотрѣть! Сколько въ нихъ жизни, энергіи! все такъ естественно развивается, ростетъ, выпрямляетъ стебли, расправляетъ крылья, поднимаетъ высоко головки... И, кажется, какъ бы ни велики были препятствія, какою бы юдолью скорби ни представлялось окружающее, это молодое тѣло, тѣмъ не менѣе, топорщится, пыжится, ищетъ лазеекъ къ свѣту, пробивается темными, кривыми путями, иногда погибаетъ въ этой борьбѣ, иногда торжествуетъ, но, тѣмъ не менѣе, неудержимо, страстно заявляетъ свои права на жизнь!

Я распустила сегодня школу раньше обыкновеннаго, сѣла у окна и смотрѣла, какъ ученики, еще не проголодавшiеся, медленно, какъ Божьи коровки, парами выползаютъ изъ-подъ воротъ, останавливаются кучками и о чемъ-то болтаютъ, шалятъ съ бѣгущими быстро ручейками талаго снѣга... Я всматриваюсь въ каждую группу и думаю о будущей судьбѣ каждаго изъ своихъ воспитанниковъ. Вотъ Сеня съ Ниломъ стоятъ, надъ чѣмъ-то смѣются. Они уже послѣднiй мѣсяцъ въ школѣ. Скоро выйдутъ. Сеня придетъ домой, покажетъ свидѣтельство: отецъ и мать полюбуются на него и поставятъ въ шкафъ, за стекло, а потомъ, благословясь, отецъ съ сыномъ двинутся въ поле... Робкiй, смирный Сеня вначалѣ еще поговоритъ о чемъ-нибудь съ отцомъ, о землѣ, о небѣ, но отецъ скажетъ ему: „А Богъ-то зачѣмъ? А царь-то зачѣмъ?“— и этими простыми вопросами сами сразу на цѣлую жизнь разрѣшатъ всѣ вопросы. И если, при тяжелыхъ условiяхъ, надо будетъ обратиться къ Богу, онъ сходитъ на богомолье отслужитъ молебенъ; а если потребуется дѣло до царя, онъ вдругъ вынырнетъ новымъ Пиманомъ передъ новою Лизой... А гдѣ же та, старая Лиза?.. Оставила ли она какой-нибудь слѣдъ въ его душѣ, въ его жизни?... О, сколько перемѣнилось уже съ тѣхъ поръ этихъ Лизъ!.. Но не онѣ, а все еще Пиманы и Петры заполняютъ собой мужицкую душу... Вотъ и Ваня Петровъ такой же, и Вася Гуринъ, и Петя Гущинъ и... и... очень, очень много ихъ... И изъ этихъ чистыхъ, свѣтлыхъ, робкихъ и добрыхъ душъ образъ бѣдной учительницы Лизы, проведшей здѣсь съ ними лучшие молодые годы, сотрется еще быстрѣе, чѣмъ они успѣютъ забыть преподанную имъ грамоту. За то Пиманъ крѣпко и прочно засядетъ въ ихъ душѣ.

А Нилъ? О, онъ не такъ скоро сдастся жизни... Онъ сначала пройдетъ по деревенской улицѣ бойкимъ лихачемъ-кудрявичемъ, съ часами на жилеткѣ, съ новою пѣснью, заученною изъ хрестоматiи, съ мудренымъ словомъ, оставшимся въ памяти отъ школы, зазнобитъ много дѣвичьихъ сердецъ и, слюбившись съ какою-нибудь Фросей, на другой же годъ разобьетъ въ дребезги ея бѣдное существо, уйдя въ Нахичевань или Ростовъ-на-Дону. И вотъ пройдутъ года—и вдругъ онъ вынырнетъ деспотомъ-сектантомъ, суровымъ и грознымъ повелителемъ тысячной массы, и снова затуманитъ смыслъ существованiя и жертвъ этой новой Лизы. Вотъ и Сережа Прохоровъ, этотъ мальчикъ съ бойкими черными глазами, уже теперь пронырливый и хитрый; онъ тоже запечатлѣлъ въ своей душѣ образъ Петра и топорщится добраться до него... да жадность помѣшала. И вотъ онъ осѣлъ въ ближайшемъ торговомъ селѣ, въ кабачкѣ, и успокоился, примѣняя ариѳметику къ счету косушекъ и шкаликовъ: пальцы у него раздуло, животъ распухъ; онъ читаетъ патрiотическiя газеты и думаетъ отъ нечего дѣлать, какъ бы совсѣмъ извести господъ.

А Провъ Силинъ? Гдѣ онъ и что онъ? Это онъ пробрался въ земство, руководимый все тою же Петровою „умственностью“ и, заискивающiй, хитрый, твердо и неуклонно ведетъ оппозицiю противъ баръ... А Саша Рощинъ? Что онъ, этотъ нервный, раздражительный сангвиникъ? Онъ добрался сначала до ремесленнаго, а тамъ и до техническаго училища; вышелъ куда-то на заводъ; онъ знаетъ всѣ „штуки“ хозяевъ и десятниковъ, онъ изучилъ всю систему грабежа и, полный сознанiемъ своей умственности и мужицкаго происхожденiя, злой, острый на языкъ, громитъ по кабакамъ и трактирамъ, передъ партiей рабочихъ, и ихъ хозяевъ, и ихъ самихъ за тупое идiотство, пока не кончитъ жизнь избитый въ полицейской кутузкѣ...

А это кто такой? Это Асафъ Асафовъ, угрюмый, вѣчно исподлобья смотрящiй мальчикъ. наблюдательный, вдумчивый, резонный. Да, онъ „дошелъ *своимъ* умомъ“. У отца его фабричка. Вотъ онъ развилъ ее, увеличилъ, усовершенствовалъ; онъ нарочно три года жилъ въ Москвѣ, толкался около техниковъ, въ мастерскихъ; читалъ какiя-то неудобочитаемыя книги— и вотъ съ запасомъ разношерстныхъ знанiй, претворенныхъ въ какую-то странную систему, явился онъ къ себѣ на фабрику устраивать что-то „по-своему“, изъ „своего ума“.

И всѣ эти Нилы, Провы, Асафы запечатлѣли на себѣ образъ Петра въ безчисленныхъ, своеобразныхъ варiацiяхъ, но съ неизмѣнно-присущею имъ сущностью: борьбой за самобытное право мужицкой личности...

И ни на одной изъ этихъ энергичныхъ, живыхъ, дѣятельныхъ душъ не останется ни малѣйшаго отблеска бѣдной Лизы, лишь только они потеряютъ изъ вида ея

лицо; но даже и то, что бы и осталось вмѣстѣ съ грамотою,—и это они претворятъ въ свое собственное столь быстро, что въ нихъ не явится даже сомнѣнія, чтобы это было чужое. „Все господа!... Гдѣ ужъ намъ, мужикамъ!"—иронически звучатъ ихъ смиренныя, паче гордости, рѣчи, когда имъ укажутъ на заимствованное. И опять нѣтъ слѣда бѣдной Лизы!.. Зачѣмъ имъ Лиза, ея жертва, ея любовь, ея жизнь?..

И могуче, стихійно катятъ свои волны эти два необозримыхъ потока, широкихъ и глубокихъ, то сливающихся, то расходящихся и враждебныхъ, и погребаютъ безслѣдно и безнадежно въ своихъ волнахъ тысячи Лизъ, тысячи самоотверженныхъ существованій...

Что же это такое? Куда же стремится этотъ стихійный океанъ? Какой смыслъ для меня въ „устояхъ", если имъ не нужна любовь, мысль, самопожертвованіе, если они *всѣмъ* не даютъ смысла жизни, полной и цѣльной, если любовь, мысль и самопожертвованіе не могутъ жить съ ними, какъ единое, цѣльное, нераздѣлимое?..

Значитъ, тутъ что-нибудь не такъ,—значитъ, между тѣмъ и другимъ что-то лежитъ гнетущее,—и пока оно есть—не будетъ правды ни тамъ, ни тутъ... Любовь, мысль, самопожертвованіе не могутъ быть затоптаны, не могутъ быть смяты, раздавлены и развѣяны по вѣтру! Безъ нихъ рухнутъ самые прочные устои и самое могучее движеніе превратится въ застой!

Ахъ, если бы вы знали, какая у меня жажда вѣры, жажда жизни!...

Правда ли, говорятъ, что у чахоточныхъ передъ смертью бываетъ такая жажда!...

Да, Пугаевъ, двѣ правды не могутъ быть: онѣ должны слиться въ одну, или иначе погибнутъ обѣ!..

Ночь.

Сегодня вечеромъ, послѣ работы, пришелъ ко мнѣ Яня. Какой славный, любящій, беззавѣтный! Онъ вовсе не такъ неуклюжъ, робокъ, какъ я воображала вначалѣ. Вотъ истинно „хорошій паренекъ". Онъ ходитъ ко мнѣ чуть не каждый день—и это за пять верстъ послѣ работы (они возятъ съ отцомъ кирпичъ съ завода). Отложитъ лошадь, дастъ ей ѣсть, поставитъ отдыхать, а самъ ко мнѣ. Что за привязанность — я не понимаю. Были привязанности, говорятъ, крѣпостныхъ къ своимъ господамъ. Эту привязанность называли остроумные люди „собачьей". Ну, а какъ же теперь, при свободѣ, назовутъ они эту привязанность? Да, Пугаевъ, *это* что-то такое глубокое, такое великое, чему я не могу подыскать опредѣленіе, имя. И страшно сильное! Ужъ если *она* превозмогала цѣпи рабства, то что предъ нею сословность, разница положенія, образованія!

Насъ теперь тріо, случайно связанное кое-чѣмъ общимъ: я, бѣдная Лиза, бѣдная Фрося и бѣдный Яня, всѣ трое разбитые одною бурей, стихійно, невѣдомо какъ, невѣдомо зачѣмъ... И эта буря — Петръ. У меня онъ унесъ смыслъ жизни, у Фроси разбилъ сердце (развѣ Вассій не тотъ же Петръ?), у Яни вырвалъ изъ-подъ ногъ „устои"... И вотъ мы съ нимъ вспоминаемъ объ этомъ и шутимъ, хотя у обоихъ на сердцѣ, видимо, кошки скребутъ, а изъ сосѣдней съ нами кельи раздаются дикіе крики Фроси (да, до сихъ поръ ни Вассія самого нѣтъ, ни даже письма отъ него).

Я все думаю о Янѣ и не могу надуматься. Я чувствую, что у меня что-то такое растетъ въ душѣ, такое высокое, вздымающее, но не могу понять, откуда это, изъ какихъ источниковъ. И потому *это* только моментальное что-то, тотчасъ исчезаетъ, и меня снова грызетъ и терзаетъ безжалостный сфинксъ. Даже на Яню я смотрю иногда съ тайнымъ страхомъ. Мнѣ кажется, что онъ опять завлекаетъ меня, чаруетъ, чтобы потомъ съ еще большею яростью растерзать мнѣ сердце. Мнѣ кажется, что Яня замѣчаетъ это недовѣріе, и тогда его вдругъ охватываетъ грустная робость, онъ нѣсколько разъ собирается уходить—и не можетъ, а если уйдетъ, то не приходитъ дня два-три.

Я спросила его:

— Отчего ты, Яня, къ намъ такъ привязанъ? Ну, дѣти—я понимаю, а ты ужъ не маленькій...

Улыбается.

— Да что намъ съ тобою дѣлить-то?.. Ты не жадна, и я не жаденъ. А коли жадности нѣтъ, такъ со всякимъ дружиться можно.

— Я вотъ, все-таки, барыня, а ты мужикъ...

— Что-жъ изъ этого?... Это пустое. Изъ-за жадности мы другъ друга губимъ да ѣдимъ. Изъ насъ какіе подлецы-то есть—страсть Божія!... А все изъ жад-

ности. А коли жадности нѣтъ, такъ всѣ люди равны... Вотъ мой отецъ говоритъ: „Какъ засидишься дома, такъ и все кажется, что около тебя край земли, и всякому глупому слову вѣришь, а какъ походишь, говоритъ, такъ и увидишь, что люди-то, бѣдные, всѣ одни-то одинешеньки; всѣхъ Богъ уравнялъ — у всѣхъ-то одна правда, да одна неправда. А ежели мы по другому думаемъ, такъ это потому, что другъ друга мало видимъ, другъ друга мало знаемъ. Нѣтъ лучше для жизни да для души, какъ ежели почаще на народъ ходишь...“ А я ему вѣрю. Онъ у меня такой — что птица! Зернышко клюнетъ—сытъ, на вѣтку сѣлъ — поетъ!... Кто хочешь слушай, —ему все одно... Кабы ты поглядѣла, какъ онъ съ мамкой воюетъ! Мать у меня, извѣстно, баба, по нуждѣ нашей, робкая: плохъ хлѣбъ уродится—ругается, подати нечѣмъ платить — съѣсть тебя готова... Потому у ней робость большая... Ну, а старикъ-то—птица... Что съ него возьмешь? Взялъ порхнулъ и улетѣлъ!

И Яня смѣется самымъ веселымъ, мягкимъ смѣхомъ.

Спрашивала я его, зачѣмъ онъ учиться вздумалъ такъ поздно.

— Да, вѣдь, я тоже разбиралъ раньше-то всякую печать. У дьячка учили. Вотъ писать я не умѣлъ, ариѳметику... А учиться меня еще отецъ понуждалъ: „Книги, говоритъ, все одно, что люди; книгу почитаешь, все одно, что на народъ сходишь. Коли съ людьми надо знаться, и книгой небрежить нельзя. Книги, говоритъ, что люди, тоже всякія есть: дурныя и хорошія, все бери, ничего не чурайся: потому во всемъ есть что ни то для разумѣнія...“ Ну, да мнѣ на Петра Вонифатьича обидно!..

Потомъ онъ меня спрашивалъ: кто я такая? откуда? зачѣмъ я въ учительницы пошла въ деревню? *На что польстилась?*

И вотъ тутъ весело разсказала я ему все, и разсказала такъ просто, ясно, какъ никогда въ жизни не разсказывала; разсказала, какъ мнѣ тяжело, какъ мнѣ хочется жить, а не страдать... Многое я ему разсказала!

И онъ слушалъ меня, все больше и больше изумляясь, какъ будто передъ нимъ вдругъ открылся совершенно незнакомый ему міръ.

— Какая ты! — сказалъ онъ послѣ и улыбнулся. — Тебя бы вотъ съ отцомъ свести... Ты тоже птица! Что съ тебя взять?

И онъ такъ весело засмѣялся. Вообще такой смѣхъ бываетъ только у дѣтей, да у крестьянъ: это что-то такое естественное, такое непосредственно свое, будто вся душа трепещетъ въ этомъ смѣхѣ.

Какъ-то недавно онъ мнѣ сказалъ, уходя, и посмотрѣлъ на меня.

— А ты, Ивановна, больна... смотри, не расхворайся. Вѣдь, у тебя тѣльце-то, что у птахи... Загубишь ты себя на нашемъ житьѣ...

И ушелъ, а на другой день мнѣ принесъ подарокъ: двухъ тетерекъ, убитыхъ изъ чужого ружья.

— Вотъ принесъ тебѣ, два дня ходилъ... Мы не ѣдимъ ихъ, а для господскаго тѣла, говорятъ, хорошо.

Я взглянула на него, у меня сдавило грудь, слезы душили, и я крѣпко пожала ему руку.

— Ты бы, Ивановна, въ городъ уѣхала къ своимъ... Чай у тебя есть свои-то... Тебѣ бы тамъ пожить... — совѣтовалъ онъ мнѣ.—Я бы тебя проводилъ.

Потомъ онъ мнѣ почему-то (мнѣ показалось, что ему хотѣлось зарекомендовать себя) разсказалъ, какъ онъ самъ „бѣгалъ“, какъ и отецъ, въ городъ, когда старикъ сидѣлъ въ острогѣ. Я спросила его:

— За что?

— Говорятъ, за то, что „правду искалъ“. Ну, а его и взяли въ кабакѣ... Тамъ народъ собрался, а онъ ему говорить что-то сталъ... Начальство и взяло... Разсказываетъ имъ: „Я такъ говорю: все одно, вѣдь, добрые люди, я и въ острогѣ правду буду искать, и въ острогѣ люди есть... Какъ ты отъ меня отымешь?“ А они все берутъ, тащатъ...

И вдругъ мнѣ такъ захотѣлось спросить его... Страшный этотъ вопросъ!..

Ахъ, Пугаевъ, если бы вы знали, какъ больно отрывать куски отъ сердца! А меня оно такъ изболѣло... Но все одно: убивать себя, такъ убивать за разъ.

— А что, Яня,—спросила я,—если бы вотъ меня, какъ отца, пришли взять... Велѣли бы тебѣ связать меня, тащить.

— Ну-у, съ чего ты!..

— Да, вѣдь, ты говоришь, что я такая же птица? Что жъ мудренаго! Ну, скажи откровенно, чистосердечно...

И во мнѣ такъ сильно забилось сердце... А Яня вдругъ покраснѣлъ, сконфузился.

— Отецъ не связалъ бы,—сказалъ онъ, наконецъ.

. . . .

Апрѣля 7-го.

Я простудилась и слегла. И только теперь мнѣ нѣсколько лучше. У насъ совсѣмъ весна, рѣки вскрылись, снѣгъ сошелъ. Какой воздухъ у насъ! А мнѣ больно дышать (какое странное сравненіе: прекрасный воздухъ — и убилъ меня!). Пользуюсь случаемъ черкнуть вамъ немного. За эти дни, хотя и лежала въ постели, я, однако, много передумала. Я перечитала все, что написала вамъ объ Янѣ, и чувствую, что не высказала и сотой доли, т.-е. просто не представила вамъ его ясно. Я не знаю, почему не такъ вышло: чѣмъ больше потрясенъ чѣмъ-нибудь, чѣмъ ближе стоишь къ нему, чѣмъ глубже чувствуешь первый трепетъ восторга загорающейся вѣры, тѣмъ блѣднѣе это выходитъ въ передачѣ. Я думаю, что въ первомъ порывѣ страсти ни одинъ влюбленный ярко не нарисуетъ свою возлюбленную. Говорятъ, для яснаго, полнаго и цѣльнаго пониманія предмета необходимо нѣкоторое отдаленіе отъ него, необходимо спокойствіе. А, можетъ быть, въ данномъ случаѣ этому есть другая причина... Когда я вновь думала и передумывала обо всемъ, тогда недавнее отчаяніе уступило мѣсто—не вѣрѣ, не порыву, не жизни, а просто тихому спокойствію усталаго, больного человѣка, котораго убаюкиваетъ простой шумъ листвы, тихое вѣяніе вѣтра (да, таковъ для меня теперь и Яня — не больше). Такъ вотъ, когда я въ состояніи этого полусоннаго спокойствія вновь сдѣлала въ воображеніи генеральный смотръ всѣмъ прошедшимъ предо мною деревенскимъ и старымъ, и малымъ душамъ, я опять задала себѣ вопросъ (такъ страшный для меня прежде): есть ли изъ нихъ хоть одно существо, съ которымъ бы я могла слиться какъ единое, нераздѣльное цѣлое безъ насилія надъ нимъ и надъ собой, съ полнымъ взаимнымъ удовлетвореніемъ нравственныхъ и умственныхъ потребностей? Есть ли существо, которое, такимъ образомъ понявъ меня (*понять* не только значитъ *простить*, но и *защитить*), могло бы взять къ себѣ на грудь мою голову и я бы почувствовала, что здѣсь такъ же спокойно, какъ на груди друга?.. Я нашла въ себѣ силы отвѣтить искренно и прямо, рискуя растерзать свое сердце: Нѣтъ!.. Ни одного нѣтъ! И, въ то же время, меня что-то влекло къ нимъ неотвратимое, необъяснимое, что-то такое, что говорило, что въ этихъ существахъ есть то, чего такъ ищешь и не можешь найти. Нѣтъ, не одно чувство гуманности удерживало меня здѣсь, нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ; что бы ни говорили люди, подобные Валентину Петровичу, это не простое сожалѣніе и привязанность къ страдающей собакѣ, хотя бы и въ человѣческомъ образѣ... Но что это было — я тщетно силилась постигнуть, тщетно напрягала всю силу моего разумѣнія. И вдругъ теперь (только теперь!) меня поразилъ другой вопросъ: но гдѣ же были Яня и его отецъ? Отчего я не видала ихъ на моемъ смотру?.. Да, ихъ не было... не было ихъ, беззавѣтныхъ романтиковъ, какъ я ни искала ихъ среди длиннаго ряда разнообразныхъ, проходившихъ предо мною, фигуръ... И, между тѣмъ, я чувствовала невидимое присутствіе ихъ вотъ тутъ, вокругъ себя, вблизи и вдали, въ этомъ воздухѣ, которымъ я дышала, во всѣхъ этихъ душахъ, съ которыми я сталкивалась, въ этой милой, но не далекой Фросѣ, въ этомъ суровомъ большакѣ—ея братѣ, въ Вассіи, въ подругѣ Фроси, взявшей чужого ребенка, въ этомъ смирномъ Пиманѣ, идущемъ „за міръ“ въ острогъ, и въ этомъ самонадѣянномъ Петрѣ, спасающемъ старика изъ острога... Такъ вотъ они гдѣ были!.. Это былъ драгоцѣнный кристаллъ, разбитый вдребезги безконечно-разнообразныхъ искръ... Такъ вотъ что меня неотвратимо влекло въ безжалостныя объятія сфинкса!..

Апрѣля 10-го.

Добрый мой, вы все утѣшаете меня, пишете, что жизнь впереди... Да, она всегда впереди и, можетъ быть, была бы и для меня впереди, если бы... Я совсѣмъ слегла. Въ школѣ отправляетъ мою должность новый учитель (кстати: „сынъ народа“, ходитъ съ кокардой на фуражкѣ и говоритъ, что *образованіе* кладетъ пропасть между *нимъ* и *невѣжествомъ*. Это естественный порядокъ вещей. Сухой, черствый и недалекій грамотей - „наемникъ“).

Мнѣ хозяева и Яня сообщаютъ каждый день „мірскія“ новости. Оказывается, что дѣла „новаго“ начальства не ладны. Петръ оказался необузданнымъ деспотомъ, безжалостнымъ и неумолимымъ, какого не видали мужики со времени барства. Не-

счастнымъ, свихнувшимся бѣднякамъ, запьянствовавшимъ и разорившимся нѣтъ никакой пощады. Говорятъ, онъ даже сѣчетъ. Пиманъ—пассивное орудіе въ его рукахъ; ни во что не вмѣшивается, и только прикладываетъ печать. Петръ орудуетъ при немъ въ качествѣ волостного писаря. Но, тѣмъ не менѣе, большакъ, мой хозяинъ, его оправдываетъ, говоря, что съ нынѣшнимъ народомъ ничего нельзя подѣлать: иначе или все пропьютъ, или все разграбятъ. Говорятъ, положеніе Петра съ Пиманомъ шатко. Но Пиманъ совсѣмъ сбился съ толку, ничего не понимаетъ, что дѣлается, и только удивляется: прежде все было просто и понятно и сомнѣній не было, а теперь все стало выше его пониманія... И потому онъ, когда ему выговариваютъ, все сваливаетъ на „умнаго“ зятя: онъ уменъ, съ него и спрашивайте. Петръ даже доходитъ до такой дерзости, что покушается на реформу, по своей иниціативѣ: землю, которую онъ „высудилъ“ для міра при помощи Валентина Петровича, онъ не даетъ дѣлить „попрежнему“ и дѣлать „равненіе“... Онъ хочетъ разбить ее на участки и давать во временное пользованіе только „настоящимъ“, хозяйственнымъ мужикамъ... Говорятъ, въ Вальковщинѣ начинается опять волненіе.

Апрѣля 11-го.

Продолжаю. Петръ выказываетъ невѣроятную энергію, чувствуя, что за него большая „земельная сила“: большая часть зажиточныхъ домохозяевъ или „хозяйственныхъ мужиковъ“ и „рядчиковъ“, которые очень рады такому изобильному освобожденію народа отъ земли. Но противъ Петра идетъ чернота и бѣднота подъ предводительствомъ Бориса (сынъ Пимана, нѣчто въ родѣ Петра, бывшій нѣкогда возлюбленнымъ барина и бурмистромъ, но затѣмъ за самонадѣянность и дерзость высѣченный бариномъ... Оскорбленный и самолюбивый, онъ бѣжалъ и уже послѣ „воли“ явился опять въ этихъ мѣстахъ). Чернотѣ сочувствуютъ всѣ старинные люди—общинники. Прежніе кулаки-грабители, сначала было оробѣвшіе, теперь подняли голову и черезъ Бориса входятъ въ союзъ съ черното̆й, поятъ ее водкой... А она очень рада, чтобы только насолить хозяйственнымъ мужикамъ. Строгость Петра, вслѣдствіе этого, не знаетъ границъ. У него даже въ семьѣ недавно случился большой скандалъ: его отецъ-старикъ заявилъ, что хочетъ жениться, „вступить въ законъ“ съ бѣдною солдаткой, у которой трое дѣтей и съ которой онъ живетъ уже давно. Умственный мужицкій аристократъ—Петръ до того взбѣсился, что остервенѣвшій бросился на отца. Это, говорятъ, на старика такъ ужасно подѣйствовало, что онъ бѣжалъ. Говорятъ, онъ напугался „антихристовыхъ временъ“ и ушелъ въ Іерусалимъ замаливать грѣхи. Замѣчательно въ этомъ скандалѣ слѣдующее: когда Петръ бросился на отца, его не могли остановить ни жена, ни Пиманъ, ни его работникъ—и только, когда бѣдная солдатка крикнула: „Ахъ ты, безстыжій, безстыжій... Мы думали, онъ человѣкъ, а онъ *какъ мужикъ* дерется!“—говорятъ, Петръ тотчасъ же ушелъ.

Вечеръ.

Не замѣчаете ли, какъ я стала спокойнѣе?.. Пишу, словно отецъ Пименъ: „добру и злу внимая равнодушно“... Если бы я теперь написала хоть одно письмо такое, какъ раньше, я сразу убила бы себя... Но теперь мнѣ „хроника“ доставляетъ нѣкоторое развлеченіе... И вотъ я какъ-нибудь, понемногу, передамъ вамъ все. Недавно же разразился еще большій скандалъ. Петръ, возмущенный „продажною“, какъ онъ называетъ, чернотой, вошедшей въ союзъ съ „грабителями“, присталъ къ Пиману съ требованіемъ, чтобы тотъ выхлопоталъ мірской приговоръ о ссылкѣ своего сына Бориса въ Сибирь. Старикъ совсѣмъ растерялся и не знаетъ, что дѣлать. Онъ уже давно собирался сбѣжать со старшинства. Вообще идетъ что-то невѣроятное здѣсь. Собравшійся волостной сходъ вызывалъ на объясненіе Пимана и Петра; Пимана обругали „старымъ дуракомъ“, но ничего отъ него не добились. Петръ же, когда ему передали вызовъ на мірской судъ, сказалъ, „что еще не было видано, чтобы судъ дураковъ умныхъ людей судилъ“.

Сходъ жаловался въ уѣздное присутствіе. Валентинъ Петровичъ (вы слышали, онъ у насъ непремѣннымъ членомъ) внѣ себя отъ негодованія на Петра (а, между тѣмъ, они, кажется, близки по „неуклонности принциповъ“), зоветъ его „звѣремъ-мужикомъ“. Объ этомъ услыхалъ Петръ и, обозвавъ весь міръ „дураками“, пораженный поднявшеюся общею безтолочью, въ которой онъ не понималъ, какъ розобраться, отказался отъ дѣлъ и самовольно уѣхалъ въ Москву. За нимъ

сбѣжалъ было и Пиманъ въ Дергачи — *пахать*, но его привлекли. Впрочемъ, къ изумленію Валентина Петровича, дѣла волостного правленія оказались въ образцовомъ порядкѣ, касса — въ цвѣтущемъ состояніи, и только приговоры судовъ были всѣ кассированы вслѣдствіи вмѣшательства писаря и необычайной строгости. Послѣ ревизіи Пимана отпустили *пахать*, чему онъ несказанно обрадовался... Его мѣсто занялъ кандидатъ Сысой Строгій (такой же добродушный мужикъ, „артельный", какъ и Пиманъ: онъ вмѣстѣ съ нимъ сидѣлъ въ тюрьмѣ).

Я спросила хозяина: какъ теперь пойдутъ дѣла?

— Дураки, не умѣли умнаго человѣка цѣнить... Вотъ теперь опять на грабителей поработаютъ.

— А что же, развѣ Сысой плохъ?

— Сысой-то хорошъ, да тутъ мало хорошему быть... Не прежнія времена... Нонѣ жизнь-то понять надо... Хороши они, Пиманъ съ Сысоемъ, при умномъ человѣкѣ... А при грабителяхъ... Черезъ полгода запутаютъ ихъ... Вотъ помяни мое слово—быть ему въ Сибири...

Вотъ и конецъ моей хроники.

Апрѣля 12-го.

Впрочемъ, погодите, еще не конецъ. Еще нѣсколько словъ. Я забыла передать вамъ одну подробность. Недавно я была свидѣтельницей одной странной сцены... По крайней мѣрѣ, я не могу отдѣлаться отъ мысли, что тутъ есть какая-то страшная связь, хотя и не могу дать себѣ яснаго отчета...

Вскорѣ за бѣгствомъ Петра, послѣ одного бурнаго мірского схода, я вышла на улицу, предполагая, что весь сходъ и народъ съ улицы разошелся. Дѣйствительно, около сборной избы уже не было никого. Становилось темно, кое-гдѣ только брели вмѣстѣ, расходясь по избамъ и толкуя, по-двое, по-трое стариковъ. Я прошла въ конецъ улицы и вдругъ слышу около задворокъ послѣдней избы, у околицы, идетъ сдержанный сговоръ. По нѣкоторымъ голосамъ и по тону я узнала, что тутъ собрались все солидные, хозяйственные наши мужики.

— Что *они* здѣсь дѣлаютъ цѣлыми годами? Что *имъ* нужно? — говорили нѣкоторые. — Грохочутъ постоянно, что лѣшіе... Бога-то у *нихъ* не стало! Хозяйства нѣтъ... Добрыхъ людей только сна рѣшили...

— Всякая рвань къ нимъ льнетъ... Конечно что—умъ... Ну, какъ мухи къ меду и льнутъ.

— Что у человѣка больше ума, то для крестьянина страшнѣе, — замѣтилъ, повидимому, какой-то старичокъ.

— Не стало никакого сладу, ни въ семьяхъ, ни въ міру... Что ужъ это! На сына прикрикнулъ, на сноху—бѣгутъ къ Борису жаловаться..! Съ міру всякая рвань, голытьба, какъ что мало не по нихъ настоящій крестьянинъ думаетъ,—опять къ Борису...

— Вѣдь, эдакъ они съ умною-то головой до какого грѣха доведутъ!.. Вѣдь, эдакъ все хозяйство въ деревнѣ хоть рушь...

— Мы люди смирные, намъ такъ воевать нельзя — и въ семьѣ, и на міру. Опять же, чѣмъ они съ сыномъ живутъ?..

— Ахъ, грѣхи, грѣхи!.. Вотъ и золотыя головы, а что изъ нихъ у насъ вышло? Ни людямъ добро, ни самимъ — счастіе,—вздохнулъ кто-то.

— Теперь у насъ все село-то словно въ осадѣ... Какая жизнь! Ужъ только Господи... А-ахъ!—сокрушался кто-то.— Бьешься-бьешься, а все настоящей жизни не видишь,—долетѣло до меня.

Я прошла уже дальше.

А черезъ три-четыре дня послѣ этого разговора произошло страшное несчастіе: нашли Бориса убитымъ наповалъ гдѣ-то на задворкахъ, около кабака. Все наше село въ какомъ-то необъяснимомъ страхѣ крестилось.

Когда я разспрашивала своего суроваго хозяина, не знаетъ ли онъ чего объ этомъ дѣлѣ, онъ, не отвѣчая на мой вопросъ, проговорилъ задумчиво:

— Вотъ оно у насъ, золотой-то головѣ конецъ-то какой! Господи, спаси насъ всѣхъ и помилуй!—истово перекрестился онъ.

Такъ это страшное дѣло ничѣмъ и не выяснилось.

Опять повторяю, я не имѣю никакихъ основаній дѣлать какія-либо рѣшительные выводы изъ того разговора, который я случайно слышала у сходки, тѣмъ болѣе, что послѣ разсказывали, что будто Борисъ былъ убитъ въ дракѣ, но, все-таки... не могу отдѣлаться отъ мысли, что тутъ есть какая-то связь съ очень многимъ. Впрочемъ, можетъ быть, это чисто мое личное, субъективное ощущеніе.

Апрѣля 20-го.

Весна! весна, добрый мой!.. Какъ я ждала ее! Что жъ, хоть и послѣдняя, но она такъ хороша!.. Мнѣ все вѣрится, что моя жизнь только еще теперь начинается. Только теперь... Придетъ лѣто—я встану бодрая духомъ и тѣломъ, и... и уже сфинксъ не будетъ терзать мнѣ грудь! Я нашла къ нему надежнаго проводника. Яня все навѣщаетъ меня. Вчера мы долго говорили. И отчего это такъ легко говорить съ нимъ? А, вѣдь, онъ такой же мужикъ, какъ и всѣ. Онъ только... Все еще не могу опредѣлить однимъ словомъ: кто онъ? Нѣтъ, это не сынъ „земли“, не сынъ „міра“, не „ратникъ труда“, не подвижникъ „ума“... Онъ даже не все это вмѣстѣ,—онъ выше всего этого. Онъ царитъ надъ этимъ, беззавѣтный романтикъ! Мнѣ кажется, что исчезни изъ народа *это*, что такъ цѣлостно воплотилось въ Янѣ и отцѣ его Минѣ, безсильна будетъ оживить его и „земля“, ибо власть ея обратится тогда въ страшную, могильную власть животнаго, хотя бы и мирнаго прозябанія, и власть „міра“, община, ибо эта власть станетъ условною мертвою формой, деспотически принижающею неоживленную духомъ „порыва“ личность; власть труда сдѣлается страшною властью машины и, наконецъ, самая власть „ума“, власть интеллигенціи, превратится въ сухое, вялое доктринерство или умственный деспотизмъ... И только одно *это*...

А что такое *это*—я не знаю, дорогой Пугаевъ, не знаю до сихъ поръ, но я вѣрю въ *это*, мало того—я чувствую его... всѣмъ существомъ своимъ. Значитъ, *оно* реально... Что изъ того, что я теперь не могу опредѣлить *это?* Это даже лучше: значитъ, *оно* такъ глубоко...

Мая 1-го.

Пріѣзжайте... да, пріѣзжайте! вы правы—мнѣ плохо. Яня привелъ ко мнѣ своего отца... „Онъ тебя, Лизавета Ивановна, разсказомъ займетъ...“

Минъ Аѳанасьичъ, съ своими добрыми, мигающими глазами, сидитъ около меня. А знаете, кто этотъ Минъ?.. Это тотъ старичокъ, который, помните, поднялъ меня совсѣмъ было растоптанную мужицкимъ сапогомъ, поднялъ и сказалъ: „Не плачь, не плачь, красавица!.. Мы теперь съ тобой путь найдемъ!..“ Да, это онъ, ей-Богу!..

А что такое онъ? Одна безконечная, неизживаемая вѣра въ правду жизни, въ то, что въ этой жизни должна быть правда, и что только мы ее не умѣемъ найти...

Надо, надо умѣть! Идите съ нимъ рука объ руку и найдете!..

Добрый мой, прощайте!.. Прощай, Минъ, прощай, Яня!.. Пугаевъ! когда пріѣдете, обоймите за меня старика и скажите, что онъ спасъ меня. А я обнимаю васъ.

А какъ мнѣ хочется жить!..

Ваша Лиза Дрекалова.

Черезъ день, когда пріѣхалъ Пугаевъ, она уже умирала. Старикъ отдалъ ей земной поклонъ и зарыдалъ.

1878—1882 гг.

ОЧЕРКИ КРЕСТЬЯНСКОЙ ОБЩИНЫ.

(ДЕРЕВЕНСКІЕ БУДНИ).

ОЧЕРКИ КРЕСТЬЯНСКОЙ ОБЩИНЫ.

(ДЕРЕВЕНСКІЕ БУДНИ).

ДЕРЕВЕНСКІЕ БУДНИ.

ОЧЕРКИ КРЕСТЬЯНСКОЙ ОБЩИНЫ.

ГЛАВА I.

Вступленіе.—На погостѣ.—Попы и народная школа.

Столичная жизнь надолго оторвала меня отъ „деревни". Я зналъ собственно деревню „эманципаціи", деревню уставныхъ граматъ, деревню недоразумѣній между барской усадьбой и мужицкимъ міромъ, деревню „крестьянскаго устроенія", производившагося при помощи либеральныхъ и нелиберальныхъ посредниковъ, землемѣровъ, становыхъ, а отчасти и при помощи усмиреній. Эта деревня давно описана (хотя нельзя сказать, чтобъ очень обстоятельно), давно успѣла всѣмъ надоѣсть и, наконецъ, съ упраздненіемъ послѣднихъ посредниковъ, окончательно сдана въ архивъ. Настала эпоха новой деревни — деревни крестьянскаго самоуправленія, „вольнаго труда", деревни-общины, „какъ самостоятельно-активнаго элемента русскаго государственнаго строя". Мало этого, наступило даже время, когда эта „деревня свободнаго труда" оказалась носительницей идеаловъ и обратила на себя сугубое вниманіе интеллигенціи.

Изъ-за этой „новой деревни" начался литературный турниръ.

Наконецъ, значеніе деревни въ глазахъ общества становилось настолько серьезнымъ, что всѣ, кому были дороги интересы народа, поспѣшили уйти въ эту „новую деревню", чтобы вынести оттуда рядъ честныхъ, искреннихъ и добросовѣстныхъ наблюденій. Мы живемъ въ началѣ этого періода, плодотворные результаты котораго будутъ несомнѣнны.

Внести посильную долю и своего участія въ общее благое дѣло — таковъ мотивъ, руководившій мною въ изслѣдованіяхъ надъ „новою деревней".

Отправлялся я не совсѣмъ налегкѣ: за мною стояло нѣкоторое знакомство съ деревней старой, или, лучше, переходной; въ моихъ рукахъ были программы ученыхъ обществъ, а въ головѣ — рядъ вопросовъ, поставленныхъ на свой страхъ и по своему крайнему разумѣнію, и, наконецъ, кое-какой планъ. Прежде всего, вопреки многимъ нашимъ офиціальнымъ и неофиціальнымъ изслѣдователямъ, считающимъ болѣе удобнымъ производить свои изслѣдованія, *порхая* отъ села къ селу, отъ уѣзда къ уѣзду, отъ губерніи къ губерніи, на лету собирая капельки меда, я рѣшилъ лучше прожить все время въ одной мѣстности, войдя, насколько возможно, въ будничную жизнь ея обитателей. Вмѣсто того, чтобы возможно расширить районъ своихъ наблюденій, я предварительно предпочелъ окунуться въ глубь.

Этотъ пріемъ имѣетъ большія неудобства въ литературномъ смыслѣ: будни вообще штука невеселая, неразнообразная; придется повторять кое-что старое, записывать ежедневное, заурядное, а не экстренное, картинное и блестящее. Въ этомъ я впередъ прошу извиненія у читателя, въ надеждѣ, что скука можетъ быть искуплена полнотой.

Въ одномъ изъ центральныхъ губернскихъ городовъ я нанялъ лѣтніе роспуски и, минуя желѣзную дорогу, рѣку (несудоходную), громадную пойму, залегшую по берегамъ этой рѣки, углубился въ чащу лѣса, съ котораго начинается уѣздная

ДЕРЕВЕНСКІЕ БУДНИ.

ОЧЕРКИ КРЕСТЬЯНСКОЙ ОБЩИНЫ.

ГЛАВА I.

Вступленіе.—На погостѣ.—Попы и народная школа.

Столичная жизнь надолго оторвала меня отъ „деревни". Я зналъ собственно деревню „эманцыпаціи", деревню уставныхъ граматъ, деревню недоразумѣній между барской усадьбой и мужицкимъ міромъ, деревню „крестьянскаго устроенія", производившагося при помощи либеральныхъ и нелиберальныхъ посредниковъ, землемѣровъ, становыхъ, а отчасти и при помощи усмиреній. Эта деревня давно описана (хотя нельзя сказать, чтобъ очень обстоятельно), давно успѣла всѣмъ надоѣсть и, наконецъ, съ упраздненіемъ послѣднихъ посредниковъ, окончательно сдана въ архивъ. Настала эпоха новой деревни — деревни крестьянскаго самоуправленія, „вольнаго труда", деревни-общины, „какъ самостоятельно-активнаго элемента русскаго государственнаго строя". Мало этого, наступило даже время, когда эта „деревня свободнаго труда" оказалась носительницей идеаловъ и обратила на себя сугубое вниманіе интеллигенціи.

Изъ-за этой „новой деревни" начался литературный турниръ.

Наконецъ, значеніе деревни въ глазахъ общества становилось настолько серьезнымъ, что всѣ, кому были дороги интересы народа, поспѣшили уйти въ эту „новую деревню", чтобы вынести оттуда рядъ честныхъ, искреннихъ и добросовѣстныхъ наблюденій. Мы живемъ въ началѣ этого періода, плодотворные результаты котораго будутъ несомнѣнны.

Внести посильную долю и своего участія въ общее благое дѣло — таковъ мотивъ, руководившій мною въ изслѣдованіяхъ надъ „новою деревней".

Отправлялся я не совсѣмъ налегкѣ: за мною стояло нѣкоторое знакомство съ деревней старой, или, лучше, переходной; въ моихъ рукахъ были програмы ученыхъ обществъ, а въ головѣ — рядъ вопросовъ, поставленныхъ на свой страхъ и по своему крайнему разумѣнію, и, наконецъ, кое-какой планъ. Прежде всего, вопреки многимъ нашимъ офиціальнымъ и неофиціальнымъ изслѣдователямъ, считающимъ болѣе удобнымъ производить свои изслѣдованія, *порхая* отъ села къ селу, отъ уѣзда къ уѣзду, отъ губерніи къ губерніи, на лету собирая капельки меда, я рѣшилъ лучше прожить все время въ одной мѣстности, войдя, насколько возможно, въ будничную жизнь ея обитателей. Вмѣсто того, чтобы возможно расширить районъ своихъ наблюденій, я предварительно предпочелъ окунуться въ глубь.

Этотъ пріемъ имѣетъ большія неудобства въ литературномъ смыслѣ: будни вообще штука невеселая, неразнообразная; придется повторять кое-что старое, записывать ежедневное, заурядное, а не экстренное, картинное и блестящее. Въ этомъ я впередъ прошу извиненія у читателя, въ надеждѣ, что скука можетъ быть искуплена полнотой.

Въ одномъ изъ центральныхъ губернскихъ городовъ я нанялъ лѣтніе роспуски и, минуя желѣзную дорогу, рѣку (несудоходную), громадную пойму, залегшую по берегамъ этой рѣки, углубился въ чащу лѣса, съ котораго начинается уѣздная

глушь. Послѣ четырехъ часовъ ѣзды, я поднялся на довольно высокую гору, на которой былъ расположенъ *погостъ* Благовѣщенскій (Санницы тожъ).

Большая бѣлая каменная церковь, вокругъ которой тѣснились только дома и избы причта, господствовала надъ всей окрестностью. Былъ жаркій полдень майскаго дня. Вѣтеръ не дунетъ. Кругомъ невозмутимая тишина. На огромномъ, разстилавшемся предо мною пространствѣ только изрѣдка мелькали фигуры мужиковъ, да на склонахъ холмовъ, справа и слѣва, отдыхали неподвижно стада. Даже собакъ не было слышно, только чуть слышно доносился говоръ ребятишекъ, купавшихся въ озерѣ. Но видъ этой погруженной въ безмолвіе мѣстности былъ безподобный.

Внизу, подъ горой погоста, разстилалась широкая равнина; двумя, чуть замѣтно переходившими одна въ другую, террасами спускалась она къ рѣкѣ. По первой, примыкавшей къ подошвѣ горы, были раскинуты деревни: одна, двѣ, три, четыре... Я насчиталъ около семи. Вотъ двѣ изъ нихъ по бокамъ озера, три другихъ тянутся одна за другой, съ небольшими перерывами, четвертая пріютилась въ узкой лощинѣ между холмами, пятая чуть мелькаетъ изъ-за рощи. Между ними—поля, поля и поля, кое-гдѣ чередуясь кочковатымъ лугомъ, перелогомъ, кустарникомъ, гдѣ-то далеко переходящими въ синѣющій лѣсъ... А вотъ тутъ, между двумя деревнями, одиноко и картинно высится кучка уцѣлѣвшихъ сосенъ, для чего-то и кѣмъ-то охраняемая полуразрушенною городьбой. Вторая терраса — сплошь широкая, однообразная пойма.

Я долго стоялъ у околицы погоста, близъ полукружія алтаря, всматриваясь пристально въ наружный видъ деревень. Какое разнообразіе, однако! Тутъ куча избъ, очевидно, дряхлыхъ, двухоконныхъ, крытыхъ соломой, брошенныхъ какъ возъ хвороста, къ которому достаточно поднести фосфорную спичку, чтобы все это мгновенно вспыхнуло и черезъ минуту оставило только груду пепла. Здѣсь, напротивъ, новыя, трехоконныя избы, съ большими проулками между ними, крыты тесомъ; а между ними мелькаютъ даже зеленыя желѣзныя крыши съ флюгерами на трубахъ. А вотъ третья—длинная, извивающаяся какъ червякъ, гдѣ, рядомъ съ хоромами зажиточнаго кулака, торчитъ, чуть поднимаясь отъ земли, не то шалашъ, не то конура.

Пока я мысленно старался найти въ этомъ разнообразіи общую идею, пока проходили предо мной различныя наслоенія историческихъ воздѣйствій и вліяній на деревню, которыя придали ей въ послѣднее время этотъ нѣсколько пестрый видъ, въ это время, прохаживаясь по улицѣ погоста, то появлялась, то вновь пропадала за церковью чья-то фигура. Она была вся въ черномъ: черный длинный сюртукъ, сидѣвшій на ней мѣшкомъ, черныя узкія брюки, какъ-то совсѣмъ несоотвѣтствовавшія хотя и очень чисто вычищеннымъ, но слишкомъ ужъ большимъ сапогамъ; на груди бѣлая манишка съ огромными оттопыренными за уши воротничками, на головѣ—черная фуражка казеннаго покроя. Это былъ еще молодой человѣкъ, средняго роста, коренастый, нѣсколько сутуловатый. Онъ ходилъ медленнымъ шагомъ досужаго человѣка, безцѣльно блуждая глазами съ предмета на предметъ и похлопывая сѣренькой фильдекосовой перчаткой въ рукѣ. Прошелъ онъ разъ, вдалекѣ, мимо меня, затѣмъ другой разъ поближе — и раскланялся; наконецъ, на третій разъ подошелъ совсѣмъ и еще разъ раскланялся.

— Любуетесь?—спросилъ онъ, кивнувъ подъ гору и тѣмъ же блуждающимъ взглядомъ безучастно скользя по разстилавшейся предъ нами картинѣ.

— Да. Прекрасная здѣсь мѣстность... Въ особенности хорошо озеро...

— Какое это озеро! Это—лужа... Теперь еще ничего, а вотъ скоро цвѣсти начнетъ — вонища отъ него пойдетъ, не продохнешь! Вода гнилая, рыба вонючая... Парша только отъ купанья заводится.

Все это онъ проговорилъ съ уксуснокислымъ выраженіемъ. Вообще, въ его блуждающемъ, застѣнчивомъ взглядѣ (онъ никогда не смотрѣлъ въ лицо, а все куда-то въ сторону) и въ самой фигурѣ, и въ грубомъ мужиковатомъ лицѣ замѣчалась не то апатія и недовольство, не то какая-то пришибленность.

— Вы мѣстный житель?—спросилъ я.

— Да. Я—учитель,—лѣниво отвѣчалъ онъ.

— Очень пріятно! — Я протянулъ ему руку. Онъ кисло и недовольно улыбнулся.

— Въ земской школѣ?

— Да, въ земской.

— Вы уже, должно быть, покончили свои занятія?

— Вчера покончили. Вамъ бы вотъ вчера пріѣхать—любопытнаго было много: выпускной экзаменъ былъ. Директоръ училищъ пріѣзжалъ, предсѣдатель управы...

— Очень сожалѣю... Что же, вы какъ будто недовольны своей профессіей?

— Нечѣмъ быть довольнымъ, когда видишь, что все усердіе даромъ пропадаетъ. Вотъ хоть вчера, напримѣръ. Въ школѣ у меня 50 человѣкъ, да въ сосѣдней столько же считается. Экзамены соединяются у насъ въ одинъ. Только на экзаменѣ мы и подумать не смѣемъ все училище представить. Обыкновенно мы выбираемъ самыхъ способныхъ и прилежныхъ, подъ которыхъ ни сучка, ни задоринки не подточишь. Выбрали мы такихъ по 9 человѣкъ отъ школы, значитъ 18 только. Такъ что̀ же-съ вышло! Пріѣхалъ вчера *самъ-то* (директоръ), глазами молніи мечетъ, посмотрѣлъ на учениковъ, да, вмѣсто добраго слова, прямо:

— „Это что значитъ? куда это столько нагнали? Да я десятой части не выпущу!.. Сказано ужъ было, чтобы какъ можно строже дѣлать выборъ къ экзамену“. (Это онъ къ намъ, учителямъ). Ну, у мальчугановъ и екнуло сердце. А, вѣдь, тутъ кромѣ того, родители ихъ сидятъ, крестьяне, тоже каждому лестно... Притомъ, какое жъ къ намъ у нихъ уваженіе будетъ, если на насъ кричатъ да изъ 50 учениковъ троихъ выпускаютъ! Развѣ такъ можно?—наивно замѣтилъ онъ и даже, при послѣднихъ словахъ, нѣсколько оживился.

— Ну, началъ экзаменовать: „я, говоритъ, отъ программъ ни на іоту не отступаю“. А программы у насъ, я вамъ скажу, чуть ли не обширнѣе трехклассныхъ уѣздныхъ училищъ. Вы только то возьмите въ расчетъ, что у насъ по исторіи русской суворовскіе походы подробно проходятъ, грамматику и синтактисъ по Говорову, ариѳметику, каллиграфію, не говорю ужъ про законъ Божій... И еще замѣтьте, что все это долженъ я съ ними пройти въ 1½—2 года. А ко мнѣ приведутъ мальчишку-то—онъ говорить еще не умѣетъ. Говорить его выучу, потомъ азбуку, читать, писать... Такъ когда же суворовскіе-то походы проходить? А онъ за одну орѳографическую ошибку мальчишку вонъ гонитъ! А между тѣмъ, самъ послѣ себя оставляетъ документальные признаки собственнаго невѣжества. Вотъ я вамъ покажу послѣ листочекъ... На память берегу. Задастъ ученику задачу на *умственное* рѣшеніе, а самъ, незамѣтно карандашикомъ, для себя собственно, 280 на 5 дѣлитъ... Я вамъ покажу! Или такой еще забавный случай. Задалъ онъ мальчишкамъ задачу письменную, по Евтушевскому, что-то насчетъ того, сколько достанется карандашей на 50 учениковъ, если каждому раздать по 10... Что-то въ родѣ этого. Ну, подали ученики, а онъ и сталъ оцѣнивать по итогамъ. Посмотритъ въ „отвѣты“ Евтушевскаго: коли такъ—значитъ вѣрно, коли не совпадаетъ — единицу ставитъ... Случилось такъ, что одинъ мальчуганъ, вмѣсто 50 учениковъ, раздѣлалъ задачу на 60. Результатъ, конечно, съ Евтушевскимъ не совпадаетъ. Директоръ ему единицу, и тетрадь бросилъ сердито... Да хорошо еще, что тетрадь попалась предсѣдателю. Надо полагать, онъ въ ариѳметикѣ посильнѣе—разъяснилъ, что задача-то вѣрно сдѣлана... Развѣ такъ можно?

— Такъ троихъ только и выпустилъ со свидѣтельствами?

— Только троихъ; на обѣ школы, на 100, значитъ, человѣкъ... „Вы, говоритъ, не думайте, что воинская льгота даромъ достается!“ Это онъ отцамъ-то говоритъ. Да Богъ съ тобой и съ твоей льготой! Ты справедливость нашу да усердіе въ глазахъ народа не роняй, ты энергію поддержи въ ребятишкахъ! А онъ похвальный листъ всего одинъ далъ. Бумаги, что ли, жалко, или ужъ у нихъ взглядъ такой на дѣтей хладнокровный! Вотъ у меня одинъ мальчикъ есть. За семь верстъ двѣ зимы бѣгалъ, въ лаптишкахъ, съ краюхою чернаго хлѣба за пазухой. Больше ничего не ѣдалъ... Шустрый мальчишка, усердный, любознательный! Всѣ его умникомъ считали. Отецъ съ матерью взять было давно его хотѣли изъ училища (потому, дома нуженъ), да отговорили ихъ. „Ну, говорятъ, коли ученье задалось ему—пущай еще побѣгаетъ. Нечего дѣлать! Видно, ему такая линія!“— И всѣ мы такъ думали. Я его однимъ изъ первыхъ на экзаменѣ выдвинулъ. Что же вышло-съ? За двѣ орѳографическія ошибки всего лишили; не только что льготнаго свидѣтельства, даже поощренія ничѣмъ не выразили. Послѣ этого, какой же примѣръ для прочихъ! А мальчишку совсѣмъ убили. Что же, впрочемъ, я васъ задерживаю,—вдругъ перебилъ онъ самого себя:—матушка настоятельница давно уже самоваръ наста-

вила, какъ только васъ на погостѣ замѣтила.

— Хорошо. Пойдемъ къ матушкѣ настоятельницѣ. А вы здѣсь же живете?

— Здѣсь. Въ школѣ. Школа у насъ въ церковной сторожкѣ.

— А какъ къ вамъ народъ относится? Близко вы къ нему стоите?

— Да никакъ не относится. Если я вотъ живу здѣсь съ духовенствомъ, такъ и онъ меня въ то же число кладетъ. Одинаково относится. А если учитель при волости живетъ съ писарями, къ нему, какъ къ писарю, относятся.

— Ходятъ къ вамъ крестьяне, отцы-то, побесѣдовать, справиться о чемъ?

— Нѣтъ, не ходятъ. Развѣ только, къ случаю, кто-нибудь попроситъ мальчишку покруче держать, не жалѣть вихровъ... Вотъ и все. Духовенство, хоть по приходу ходя да закусывая, толкуетъ съ ними кой о чемъ, а мы совсѣмъ никакого отношенія ни къ чему не имѣемъ... Духовенство иногда споритъ съ раскольниками, съ нимъ о хозяйствѣ толкуютъ, у писаря—о новыхъ законахъ, распоряженіяхъ иногда освѣдомляются, съ нами ни о чемъ никогда не говорятъ.

— Ну, а вы-то сами, что жъ, не входите съ ними въ общеніе?

— Да какъ я войду? Какіе у насъ общіе интересы? Звуковой способъ, что-ли?.. А въ его интересахъ я ничего не смыслю... Газеты почитать? Да у насъ здѣсь онѣ рѣдки. Самъ же я выписывать ни газетъ, ни книгъ не могу. Да притомъ, знаете, и неловко нынче...

— Вы сами изъ духовнаго званія?

— Нѣтъ, я изъ крестьянскихъ дѣтей. Въ московской учительской семинаріи окончилъ.

Мы подошли къ дому отца настоятеля (въ погостѣ два священника—старшій, настоятель, и младшій). Домъ низкій, въ пять оконъ, съ разными пристройками и заплатами на крышѣ и стѣнахъ. Навѣрное онъ видѣлъ въ своихъ стѣнахъ не одно поколѣніе пастырей словеснаго стада. Черезъ проулокъ отъ него стоялъ такой же домъ — младшаго священника, съ зелеными ставнями, съ натянутой въ окнахъ марлей отъ комаровъ. Дальше за нимъ, вдоль улицы, противъ церкви, тянулись трехоконные домики причта, уже смахивавшіе просто на избы. Когда мы вступили въ сѣни батюшкина дома, насъ тотчасъ же обдало тѣмъ особымъ смѣшаннымъ запахомъ, который характеризуетъ деревенское хозяйство: пахло солодомъ, который выдѣлывался и прѣлъ тутъ же въ сѣняхъ, теленкомъ, парнымъ молокомъ, печенымъ хлѣбомъ, овчиной... Чтобы мы какъ-нибудь не попали не въ тѣ двери, матушка предупредила насъ, отворивъ настежь дверь, ведущую въ зальце. Въ дверяхъ стояла она сама и гостепріимно приглашала. Матушка была уже пожилая, хоть еще не старая женщина, типъ тѣхъ дѣловитыхъ и домовитыхъ хозяекъ-кулачковъ и вѣчно заботливыхъ матерей, которыя умѣютъ народить, вырастить, выняньчить, накормить, обуть и одѣть и, въ концѣ-концовъ, пристроить цѣлыя огромныя семьи, доходящія до 15 человѣкъ.

— Пожалуйте, милости просимъ, садитесь,—усаживала она насъ съ учителемъ въ зальцѣ,—только меня ужъ извините... Я вотъ сейчасъ самоварчикъ! Ты ужъ, Өедоръ Өедорычъ, займи ихъ, ты—свой человѣкъ, извинишь,—обратилась она къ учителю,—а я сейчасъ. Вотъ жалко самого-то нѣтъ.

— А гдѣ же батюшка?

— Въ приходѣ... Мольба у него... Теперь, какъ лѣто начнется, у нашихъ поповъ своя страда настаетъ... Чай, скоро вернется.

Матушка хлопотливо вышла, предварительно поставъ на столъ вязаныя нитяныя салфетки, вѣроятно, образчики „рукодѣлья“ ея дочерей-невѣстъ. Я сталъ осматривать зальцо; на окнахъ цвѣты, неизбѣжная герань, фуксія, въ окнахъ натянутая кисея отъ мухъ и комаровъ, между окнами старинная, тяжелая деревянная мебель, обитый кожей диванъ. По стѣнамъ медленно двигающіе маятникъ старые шипящіе часы, два портрета архипастырей, нѣсколько фотографическихъ карточекъ. Все это извѣстное, старое. Но вотъ и нѣчто новое, незаурядное: на передней стѣнѣ рядъ налѣпленныхъ на большой картонъ фотографій знаменитыхъ людей: тутъ и Дарвинъ и Бокль, Шекспиръ и Гёте, Прудонъ и Лассаль, Гоголь и Тургеневъ, Добролюбовъ и Бѣлинскій. Какъ-то весело оживляютъ эти строгія фигуры бѣдную комнату деревенскаго попа. Очевидно, у батюшки есть дѣти—студенты. Но что же это за юноши, за которыми слѣдомъ врывается въ глухую деревню этотъ рядъ носителей свѣтлыхъ, высокихъ идей? Модные ли это фразёры, которые скоро налетятъ на этотъ мирный сельскій погостъ съ громкой, кичливой фразой, съ гордымъ сознаніемъ

своего провосходства предъ пришибленнымъ сельскимъ учителемъ и темной массой причта—тѣ ли это сынки, которые мечтаютъ объ ученыхъ степеняхъ съ теплыми мѣстечками и о крупныхъ гонорарахъ „либеральныхъ профессій“ и наполняютъ радужными мечтами сердца папенекъ и маменекъ? Или то другіе юноши, „незадавшіеся“, о судьбѣ которыхъ цѣлыми днями и ночами болитъ и ноетъ материнское сердце?

Много предположеній, воспоминаній и мыслей пронеслось въ моей головѣ. Я взглянулъ на учителя и передалъ ему нѣчто изъ перечувствованнаго мною: апатическій взглядъ, какое-то неопредѣленное мычаніе и почти непониманіе, о чемъ идетъ рѣчь, были мнѣ отвѣтомъ.

Еще не успѣла насъ матушка угостить чаемъ, какъ съ колокольни, стоявшей прямо противъ оконъ, саженяхъ въ десяти, раздался оглушительный трезвонъ. Въ окнахъ зазвенѣли стекла, разговаривать и что-нибудь слышать стало невозможно.

— Вотъ у насъ какой колоколъ,—замѣтила матушка: — на весь уѣздъ единственный, да еще и съ соборнымъ поспоритъ. Все усердіемъ прихожанъ.

— То-есть, крестьянъ?

— Все они. Были и вклады, отъ богатыхъ. Хорошій колоколъ, звонкій. Вотъ сейчасъ и самъ придетъ. Это образа несутъ.

Въ ожиданіи *самого*, мы разговорились съ матушкой: неизбѣжныя жалобы на недостатокъ содержанія, на большое семейство, на дороговизну, на трудныя времена, когда нескоро жениховъ сыщешь, на прижимку мужиковъ. Разговоръ перешелъ къ общему обѣднѣнію крестьянъ и безпомощности деревенской жизни. Матушка сообщила, что къ ней много ходитъ крестьянокъ за помощью въ разныхъ болѣзняхъ. „Да что я имъ могу сдѣлать? Сама я ничего не знаю, ничему не учена. И жалко бываетъ, и сама съ ними плачешь, нечѣмъ взяться! Ни я, ни самъ ничего въ этомъ не понимаемъ. Хоть бы книги какія были, и того нѣтъ! Смотришь—человѣкъ мучается, а помощи никакой ниоткуда. Ну, дашь гривенникъ на лѣкарство—и все тутъ“. Впослѣдствіи я самъ воочію убѣдился, до чего доходитъ въ этомъ случаѣ безпомощность крестьянъ. О существованіи земства и земской медицины крестьяне имѣютъ весьма смутное понятіе.

Звонить перестали. Явился батюшка, съ истомленнымъ, потнымъ лицомъ, въ пыли. Впрочемъ, несмотря на усталость, онъ былъ любезенъ, разговорчивъ и оживленъ. Батюшка—истый русскій сельскій священникъ, исправно и съ убѣжденіемъ исполняющій свои „требы“, но не упускающій изъ виду и того, что эти „требы“ должны имѣть извѣстную матеріальную цѣнность; умѣющій „побесѣдовать отъ божественнаго“, но не надоѣдающій проповѣдями, а больше говорящій съ прихожанами отъ „житейскаго“.

— Устали?—спросилъ я.

— Есть-таки. У насъ у всѣхъ здѣсь дѣло трудовое. Вотъ теперь мольбы наступили...

— Какія же это „мольбы“?

— По обычаю, по обѣщанію, по заказу. „Заказныя мольбы“. Всякія! Вотъ мы считаемъ деревень пятнадцать въ нашемъ приходѣ, верстъ за восемнадцать есть— такъ въ каждой своя мольба, каждая деревня у насъ свою *пятницу* празднуетъ: у которой *восьмая*, у которой *десятая, девятая, одиннадцатая*. Въ каждую деревню и ходишь съ образами.

— Кто же установилъ эти праздники и что̀ собственно значатъ эти пятницы?

— Установились они искони, а значеніе, такъ надо полагать, болѣе суевѣрное имѣютъ.

— Сколько же вы собираете за эти мольбы?

— Копеекъ по 10—15 съ двора. У насъ всякія, вѣдь, есть мольбы – и кромѣ этихъ. Предъ началомъ работъ—опять мольбы. Ежели Богъ попуститъ засухой или ненастьемъ—опять мольбы бываютъ, „заказныя“. И все съ образами ходимъ. Тяжело, я вамъ скажу!

— Отчего жъ вы это какъ-нибудь иначе не устроите? Къ одному бы времени свести ихъ, въ одно мѣсто. Ну, въ храмѣ назначить, въ воскресные дни.

— Этого невозможно!—улыбнулся батюшка:—у насъ только тогда крестьянинъ и молится, когда къ нему въ деревню образа принесутъ; онъ и мольбу эту „крѣпче“ считаетъ. А храмъ очень мало посѣщаютъ. Къ храму они весьма хладнокровны. Хорошо, ежели въ воскресенье человѣкъ 50 придетъ. Спросишь ихъ, а они: „мы ужъ, батюшка, говорятъ, помолились, у насъ мольба своя была“. Вотъ они какъ объ этомъ думаютъ. Ну, и притомъ, ежели бы ни эти мольбы, чѣмъ намъ было бы жить? Вѣдь, у насъ здѣсь ду-

ховное-то поселенье въ 50 душъ считается. Возьмите это во вниманіе: два священника, у нихъ у каждаго въ семьѣ кладите по 10 душъ, отецъ дьяконъ—у него 8 человѣкъ, три дьячка при семействахъ, кладите на каждое по 5 хоть человѣкъ, просвирня, вдовы да заштатные кормятся, да *крикуны*, т.-е. богоносцы. Сочтите-ка! А, вѣдь, всѣмъ намъ требуется пропитаніе! Земля? Много ли земля дастъ! Пустое дѣло — въ особенности у дьячка. Велика ли дьячковская полоса! Вотъ и трудимся мольбой.

— По какому же случаю у васъ сегодня мольба была? Сегодня, кажется, не пятница.

— Сегодня по особому случаю. Удивительный, можно сказать, случай!.. То-есть, если хотите, по-деревенскому это не въ рѣдкость... Настоящій деревенскій случай! Мальчикъ въ одной деревнѣ пропалъ, недѣли три назадъ. Такъ, мальчикъ годковъ 5—6. Конечно, какой за ними здѣсь присмотръ!.. Пошелъ, видите, отецъ дровъ порубить въ лѣсокъ, а мальчишка за нимъ потянулся. Отецъ пригрозилъ ему, чтобы дома оставался, ну, онъ и повернулъ по околицѣ къ дому. Вернулся отецъ домой, мать спрашиваетъ: гдѣ парнишка? Туда-сюда—нѣтъ нигдѣ. Искали, искали, нигдѣ и слѣда нѣтъ, только шапенку около околицы нашли, гдѣ, значитъ, его отецъ оставилъ. Облаву міромъ сбили около лѣсу, ничего не нашли. Разное думаютъ: одни говорятъ—волчица утащила, другіе—цыгане, третьи, что утонулъ...

— А вы какъ думаете?

— Думаю, что волчица. Это нерѣдко бываетъ. Думается и такъ, что не зашибъ ли его отецъ самъ случайно въ лѣсу, да тамъ, съ испугу, и закопалъ, слѣдствія испугавшись.

— Не можетъ быть!

— Впрочемъ, это я такъ... Данныхъ никакихъ нѣтъ, но можетъ быть... Никакихъ слѣдовъ совсѣмъ нѣтъ. Вотъ сегодня и подымали образа въ эту деревню—не откроетъ ли Господь.

— Ну, а въ какихъ вы, батюшка, отношеніяхъ съ прихожанами? Мирно живете? Какъ, вообще, народъ у васъ здѣсь?

— Это вы въ какомъ, то-есть, смыслѣ спрашиваете? Въ модномъ, можетъ быть?—лукаво спросилъ батюшка.

— Напротивъ, совсѣмъ въ обыкновенномъ.

— А коли въ обыкновенномъ, такъ... какъ вамъ сказать? Ничего, живемъ мирно, кажись. Вотъ зима придетъ—и начнетъ въ голову лѣзть эдакое непотребное: думается, вырѣжутъ когда-нибудь насъ, поповъ, въ этомъ захолустьѣ — и шабашъ!

— Что вы?

— Нѣтъ-съ, это я такъ, шучу,—лукаво опять улыбнулся батюшка. — Оно, впрочемъ, и то сказать, съ голоду на что не пойдешь! а въ особенности ежели при этомъ да водочки пожелаешь...

— А бѣдны у васъ крестьяне? Пьютъ шибко?

— И бѣдны, и пьютъ шибко. Въ полномъ разореньи здѣшній народъ!

— Отчего же это, какъ вы полагаете?

Батюшка мелькомъ вскинулъ на меня глазами и повелъ плечомъ.

— А вотъ-съ какія у насъ отношенія,—вдругъ заговорилъ онъ, не отвѣчая на вопросъ.—Есть у насъ здѣсь деревня, большая деревня, изстари за этой деревней такая слава утвердилась, что живетъ въ ней народъ оттябель, народъ веселый, недаромъ и прозвали ее Разудаловка. Такъ вотъ эти разудаловцы на томъ теперь всѣ свои помышленія поставили, чтобы какъ-никакъ водки раздобыть. На этотъ предметъ и парламенты (сходки) свои устраиваютъ. Да-съ! Третьяго дня, вотъ, устроили они этотъ парламентъ и начали изыскивать разные способы финансовыхъ поступленій. Однако, всѣ способы уже были исчерпаны: оброчныя статьи пропиты, штрафы — тоже... Кому-то изъ міранъ и приди въ голову мысль, что, молъ, съ какого это права отцы наши духовные, изстари, безданно-безпошлинно, въ наши лѣса ѣздятъ да дрова на протопленіе рубятъ? Кажись бы, это не порядки!—Не порядки, не порядки! рѣшили міряне. Нельзя ли будетъ съ нихъ кое-что на нашу бѣдность сорвать? Рѣшили. Депутатовъ выбрали—къ намъ.—Что, почтенные?—Такъ и такъ, батюшка, хоша вы и отцы наши духовные, а все же какъ будто намъ обидно. Потому, живете вы съ нашихъ доходовъ, кажись, обстоятельнѣе насъ, а между тѣмъ лѣскомъ-то нашимъ балуетесь безданно-безпошлинно. — „А не будетъ ли это вамъ грѣхъ, господа міряне?“ говоримъ.—„Думаемъ такъ, отвѣчаютъ, что грѣха не будетъ... Прежде того мы ничего не говорили, какъ лѣсъ-то у насъ у всѣхъ былъ въѣзжій, руби сколько Богъ на душу положитъ, ну, а теперь, ежели намъ его по три лаптя на душу нарѣзали, такъ оно

какъ будто и того... утѣснительно будетъ, отцы духовные! Не будетъ ли отъ васъ къ міру какого-нибудь уваженьица?"—Я имъ сейчасъ — рубль. Потому, вижу, къ чему дѣло идетъ. Всѣ въ поясъ. Вотъ истинный отецъ!—говорятъ. А мой помощникъ заупрямился, ничего не далъ, такъ того... Какъ бы передки у телѣги не сняли послѣ. Они, вѣдь, не поглядятъ... Вы можете замѣтить, какъ они на отца-то духовнаго смотрятъ! Такъ ужъ у насъ, знаете, все и идетъ на экономическихъ отношеніяхъ.

— Вотъ вы говорите объ отношеніяхъ,— сказала матушка, появляясь въ двери;—ты, отецъ, знаешь ли: вѣдь, вчера Поликарпъ гнилую крупу-то оставилъ?.. Чѣмъ бы съ нимъ балясы-то точить, лучше посмотрѣть бы надо!

— А-а?—протянулъ батюшка и покачалъ головой.—Экой канальскій сынъ! А, вѣдь, чаемъ я его напоилъ, обѣдать оставилъ, о религіи бесѣдовали... Всегда знавалъ за мужика хорошаго, ко храму усерднаго... Это ужъ въ нихъ закоренѣлость такая!

Сидѣть въ комнатѣ стало душно. Я заявилъ желаніе осмотрѣть батюшкино хозяйство.

— Какое у насъ теперь хозяйство!— вскрикнулъ онъ:—только слово!.. Какъ будто это все такъ ужъ, отъ преданія больше!

Онъ повелъ меня въ садъ. Учитель, все время тоскливо вертѣвшій и курившій папироску и только изрѣдка вставлявшій односложныя замѣчанія, пошелъ вслѣдъ за нами. Ему, очевидно, просто нечего было дѣлать и онъ не зналъ, къ чему приложить свой умъ и свои руки, вдругъ оставшіеся безъ „службы".

Вмѣсто сада, предъ нами оказался огромный пустырь, около десятины, заросшій густою травой и посохшими кустами крыжовника, а среди нихъ высились кое-гдѣ одичавшія или совсѣмъ погибшія яблони.

— Что это, батюшка, у васъ? Отчего вы не займетесь? Такая пропасть хорошей земли...

— Мольба-съ!—отвѣчалъ со вздохомъ батюшка.—Вотъ теперь сокращеніе штатовъ...

— И у всего причта такъ?

— У всего-съ.

— Ну, а хлѣбопашество?

— Сдаю-съ, все сдаю крестьянину, исполу... Онъ пашетъ, сѣетъ (зерно мое, впрочемъ), молотитъ, а на жниво и покосъ я сбираю „помочь"...

— Сами-то не занимаетесь, значитъ?..

— Нѣтъ, развѣ только покосишь, по привычкѣ... а у насъ все хлѣбопашество вонъ тамъ... Вотъ, осенью, какъ хлѣбъ уберутъ, съ мольбой будемъ ходить; съ перваго умолота хлѣбомъ собираемъ...

— И много собираете?

— Да столько же, сколько и земля даетъ. Да еще безъ всякихъ хлопотъ и непріятностей.

— Значитъ, выгоднѣе мольба-то?

— На томъ стоимъ-съ.

— А у крестьянъ хватаетъ хлѣба до новаго?

— Да вотъ какъ хватаетъ: придетъ время посѣва, а зерна у половины мужиковъ въ поминѣ нѣтъ. Только и знай, что просятъ: „ужъ разступитесь, батюшка, одолжите на посѣвъ... Возвращу съ благодарностью". Ну, и раздашь половину изъ того, что у нихъ же собралъ. А въ благодарность онъ вотъ гнилой крупы привезетъ. Да еще говорятъ промежъ собой: „попы отъ насъ хлѣбъ-то отобрали".

Мы постояли, молча и кисло-печально посмотрѣли еще на пустырь.

— А можно мнѣ теперь посмотрѣть вашу школу?—спросилъ я учителя.

— Можно, можно-съ!—подхватилъ батюшка.

— Пойдемте,—протянулъ учитель.—Да что!.. Какая это школа! Это только стыдъ! Сторожка!

— Точно, точно-съ,—замѣтилъ и батюшка.—Какъ будто для школы и зазорно бы. А, вѣдь, есть желаніе у крестьянъ поучить ребятишекъ.

Противъ самаго настоящаго „погоста", иначе сказать—кладбища, раскинутаго вокругъ церкви, за маленькой каменной оградой, саженяхъ въ десяти, отдѣляясь только узкою дорогой, стоитъ маленькій, низенькій, въ три небольшія окошка, домикъ съ игрушечнымъ мезониномъ на крышѣ. Домикъ этотъ напоминаетъ желѣзнодорожныя будки. Это — народная школа. По одному только наружному виду этой „сторожки-школы" можно притти въ недоумѣніе, какимъ образомъ помѣщается здѣсь 50 человѣкъ, хотя бы и дѣтей, когда въ ней было бы тѣсно мало-мальски большому семейству?

Войдя чрезъ узкія холодныя сѣнцы въ темную маленькую переднюю, мы застали тутъ мужика и бабу, лежавшихъ на ши-

рокихъ парахъ. Они, поднявъ головы, равнодушно посмотрѣли на насъ. Мы переступили въ „школу“. Шесть аршинъ въ длину, пять въ ширину; до потолка высокій батюшка только чуть-чуть не доставалъ головой; посрединѣ огромная изразцовая печь съ лежанкой. Вдоль оконъ, отъ стѣны до стѣны, плотно наставлены столы и скамьи, образуя узенькій проходъ около лежанки и печки. На лежанкѣ стоитъ черная доска, а въ проходѣ помѣщается, во время урока, учитель, имѣя возможность двигаться только на два шага въ одну сторону и на два въ другую. Въ одномъ изъ оконъ форточка, маленькая форточка, узенькой трубкой, съ изломанной мельницей, которая никому никогда не приносила пользы. Больше— вентиляціи никакой. Воздухъ, даже теперь, „въ прелестный май“, былъ тяжелый, подвальный (кстати: окна такъ и стояли не открытыми).

— И вы не задыхаетесь здѣсь съ пятьюдесятью учениками?

— Задыхаться еще не задыхались, а голова каждый день кружится. Послѣ урока выйдешь словно дуракъ, совсѣмъ очумѣлый. А грязи да вони! Ребятишкамъ раздѣться негдѣ, прѣютъ въ полушубкахъ; на ногахъ снѣга натащатъ, да отъ самихъ воняетъ.

Учитель махнулъ рукой, а батюшка вздохнулъ и покачалъ головой, какъ будто говорилъ про себя: „не похвалю“!..

— Да, нельзя похвалить,—прибавилъ онъ вслухъ.—Весьма стѣснительно.

Молча смотрѣли мы на потолокъ, стѣны, носившія еще и теперь замѣтные слѣды плѣсени, на дырявый полъ.

— И вы не зябнете здѣсь по зимамъ?

— Какъ не зябнуть! Въ морозы руки и ноги коченѣютъ. Этотъ одеръ-то и великъ, да только тѣсно отъ него,—ткнулъ учитель пальцемъ въ печку.

Мы опять помолчали. Надо думать, въ воображеніи каждаго изъ насъ ярко предстала картина зимняго урока народной школы. „Да, это подвигъ“, порѣшилъ я про себя.

— Теперь ко мнѣ милости просимъ... Навѣстите!—пригласилъ учитель, иронически улыбаясь.

Мы прошли опять чрезъ переднюю. Мужикъ успѣлъ уже, видно, сообразить, что при гостяхъ спать съ бабой не особенно ловко, и потому всталъ и даже отворилъ предъ нами дверь. Баба, впрочемъ, не раздѣляла соображеній мужа и продолжала попрежнему лежать.

Переступивъ сѣнцы, по узенькой лѣстницѣ, едва проходимой и для не особенно толстого человѣка, мы поднялись на чердакъ. Съ чердака низкая, узкая дверка, въ которой батюшка согнулся въ три погибели, вела на голубятню. Это была квартира народнаго учителя. Мы вошли трое и въ комнатѣ стало тѣсно. Это, дѣйствительно, было нѣчто птичье, игрушечное. Крохотное оконце было поднято и подперто лучинкой. На подоконникѣ— горшокъ фуксіи. Около стоялъ старый столикъ; на немъ четвертка табаку и разсыпанныя патронныя гильзы, позеленѣвшій и заплывшій саломъ подсвѣчникъ. По одной стѣнѣ—кровать, упиравшаяся однимъ концомъ въ передній уголъ, другимъ—въ трубу съ отдушкой (значитъ, нижній „одеръ“ пользовалъ тепломъ и это крохотное помѣщеньице). По другой стѣнѣ стояли стулъ и сосновый табуретъ. На ней же висѣла старая гитара и полотенце. Надъ кроватью на веревкахъ висѣли двѣ короткія дощечки; на нихъ— истрепанныя книги: „Родное слово“, Евтушевскій, Говоровъ, Рождественскій, Евтушевскій, Говоровъ, „Родное слово“.

— Только и есть у васъ? Вся и библіотека?

— Да, это для учениковъ.

— А у васъ есть свои?

— Нѣтъ. Впрочемъ, вотъ у меня здѣсь...—спохватился учитель и, весь покраснѣвъ, повелъ меня за печку. За печкой, въ укромномъ уголкѣ, хранились двѣ разрозненныя книжки „Русскаго Вѣстника“.

— Побаивается,—лукаво пояснилъ батюшка.

— Какъ вамъ нравится мое помѣщеніе?—спросилъ учитель, чтобы замять замѣчаніе батюшки.

— А вотъ позвольте прикинуть.

Я сдѣлалъ три шага — разстояніе въ длину отъ двери до окна; сдѣлалъ два шага поперекъ и уперся въ стѣну.

— Для холостого человѣка достаточно... Ха-ха! Дѣло жениховское! — замѣтилъ батюшка.

— Да. Зато, какъ жениху подобаетъ, и поэзіи у васъ здѣсь пропасть! Надъ вами ласточки, голубки носятся... А посмотрите въ окно, что за роскошный видъ!

— Вотъ тоже и директоръ говорилъ. Удостоилъ подняться ко мнѣ сюда. Ка-

кая, говоритъ, у васъ здѣсь прелесть! Ландшафтъ! Вообще, у васъ и школа хоть куда! А отъ этого ландшафта,— ткнулъ учитель пальцемъ въ окно,—какъ только потянетъ вѣтромъ, такой вонью отъ усопшихъ съ погоста понесетъ, что хоть носъ зажимай... Совсѣмъ зараза!

Мы сошли внизъ. Мужикъ, ютившійся въ школѣ, повидимому, окончательно сообразилъ, что ему слѣдуетъ хотя проводить посѣтителей гостепріимно: онъ съ поклономъ отворилъ намъ дверь.

— Это у васъ сторожъ?—спросилъ я.

— Сторожъ—и при школѣ, и при церкви, и *крикунъ* въ то же число.

— Что же это за должность?

— Все одно,—икононосецъ,—объявилъ мнѣ батюшка:—когда ходимъ съ образами на мольбу, они носятъ иконы. Впрочемъ, иконы носятъ больше сами мужики или бабы, а крикуны только ходятъ впереди и зычнымъ голосомъ кричатъ нараспѣвъ, примѣрно: Христосъ воскресе! Воистинной! Пресвятая Богородица помилуй!..“ Всю дорогу это и тянутъ. У насъ ихъ двое—Петръ первый, да Петръ второй. Они уже вотъ лѣтъ двадцать состоятъ въ этой должности. Ходятъ съ нами по приходу, собираютъ, какъ и мы же, хлѣбомъ, яйцами, деньгами... Они у насъ чудные, удовольствія не мало крестьянамъ доставляютъ. Ходятъ всегда вмѣстѣ, словно родные братья, живутъ межъ собой мирно. Петръ, видите, первый—преимущественно поѣсть склонность имѣетъ, а Петръ второй—выпить. Петръ второй пьетъ, а Петръ первый закусываетъ. И ни одной избы они не пропустятъ, чтобъ не потрапезовать. Входя въ избу, всегда говорятъ такъ: Петръ первый: „съ праздникомъ, господа-хозяева!“, а Петръ второй: „добраго здоровья!“ А уходя: Петръ первый: „счастливо оставаться!“ а Петръ второй: „благодарствуемъ за угощеніе!“ И никогда не ошибутся.

— Все-таки, я не понимаю, зачѣмъ они при васъ существуютъ?

— Такъ ужъ изстари... Мольба-съ!

— Они изъ крестьянъ?

— Изъ крестьянъ. У Петра второго и земля есть.

— Кто же ихъ выбираетъ?

— Выборъ ихъ предоставленъ священнику. Я ихъ никогда не мѣняю, впрочемъ. Зачѣмъ же лишать? Они ужъ съ этимъ званіемъ какъ бы сроднились.

Мы пошли по улицѣ погоста. У одной избы сидѣла и дремала на лавочкѣ чья-то массивно-высокая фигура, въ бѣлой рубахѣ и порткахъ, въ большой, круглой шляпѣ на головѣ.

— Это нашъ отецъ дьяконъ,—рекомендовалъ батюшка.—Отецъ дьяконъ!—крикнулъ онъ,—приуснули?

Отецъ дьяконъ вдругъ вскочилъ и стыдливо скрылся въ избу. Черезъ минуту онъ вышелъ уже въ полукафтаньѣ и, снявъ шляпу, началъ продолжительно раскланиваться со мной. Но мы уже были далеко. На концѣ погоста, у своей избы, сидѣла тоже фигура: толстая, жирная, высокая, съ подобострастно-нахальнымъ лицомъ, въ полукафтаньѣ и фуражкѣ, напоминающая отъѣвшихся монастырскихъ послушниковъ, любимцевъ отцовъ-настоятелей. Эта персона забавлялась тѣмъ, что играла съ собачкой. Увидѣвъ насъ, она поднялась.

— Честь имѣю засвидѣтельствовать вамъ свое нижайшее почтеніе, милостивый государь!—произнесла персона и затѣмъ, долго еще не надѣвая шапки, смотрѣла намъ вслѣдъ.

— Кто это такой?

— Это — псаломщикъ. Пореформенный—такъ скажемъ.

— Что онъ какой жирный?

— Привольно живетъ,—отвѣтилъ батюшка.

Обогнувъ ограду погоста, мы очутились на томъ мѣстѣ, у полукружія алтаря, гдѣ такъ долго стоялъ я раньше и откуда открывался такой безподобный видъ на всю окрестность.

— Ну, батюшка, гдѣ же вы посовѣтовали бы мнѣ поселиться въ вашей округѣ? Не можете ли вы мнѣ характеризовать хоть бѣглыми чертами каждую изъ деревенекъ, которыя мы вотъ впереди видимъ?

— Извольте, съ удовольствіемъ. Разнообразно у насъ здѣсь! И въ самомъ разореньи-то разнообразіе замѣчается: каждая деревня чѣмъ-нибудь отличается, у каждой свой характеръ. Смотря, значитъ, какова у каждой была гражданская исторія. Вотъ извольте обратить свой взглядъ, вонъ туда-съ, гдѣ роща синѣется, а на горѣ деревенька сидитъ. Въ этой рощѣ, сударь, павлины жили, въ ней искусственные, фигурные пруды нарыты, по которымъ плавали иноземные гуси, въ которыхъ обитала золотая рыба. Въ ней искусственные холмы насыпаны, а на этихъ холмахъ воздвигнуты Венерины храмы; въ ней аллеи липовыя, тополевыя... Да

Крикуны (т. е. иконосцы)

чего тамъ нѣтъ! Все это вы, при желаніи, можете и теперь осмотрѣть, конечно, ужъ безъ павлиновъ, въ разореніи. Это имѣніе извѣстнаго К., варвара до своихъ крестьянъ. И теперь еще свѣжа память о тѣхъ временахъ. По дорогѣ, мимо этой деревни, никто не ѣздилъ въ одиночку. Да и до сихъ поръ въ нихъ еще осталась эта повадка къ воровству. Тутъ ужъ разоренье полное. Вотъ, правѣе деревенька — разношерстная. Принадлежала она пяти владѣльцамъ. Одна часть—г-ну К., другая—барынѣ одной, которя и живетъ близъ нея, въ маленькомъ домикѣ, третья—казнѣ, четвертая—выкупившіеся собственники и пятая—дворовые люди. Такой она и видъ имѣетъ разношерстный. А вотъ тамъ, за кучкой сосенъ, плотницкая деревня, все плотники живутъ. Въ настоящихъ дворцахъ живутъ: колышками подперты, вѣтромъ продуты. Вотъ тутъ, у озера, патріаршіе крестьяне живутъ. Деревенька ничего, обстоятельная. Дальше вонъ разудаловцы, а за ними вольные хлѣбопашцы. Выкупились они у барина всей деревней еще до „Положенія“.

— Такъ куда жъ вы мнѣ посовѣтуете толкнуться?

— Я такъ думаю—въ Ямы. Тутъ живутъ пообстоятельнѣе, въ избахъ просторно. А въ другомъ мѣстѣ и самимъ будетъ плохо, и хозяевъ утѣсните. Въ Ямахъ вы спросите дѣда Матвѣя; у него изба хорошая, а семейства всего три человѣка. Старикъ онъ хорошій. Вамъ будетъ у него привольно.

Батюшка вызвался было самъ проводить меня, но я поблагодарилъ его и предпочелъ спуститься въ деревню одинъ.

Едва успѣли уйти съ горы батюшка и учитель, какъ меня нагналъ псаломщикъ изъ „пореформенныхъ“.

— Позвольте, милостивѣйшій господинъ, поближе познакомиться... рукопожатіемъ!—сказалъ онъ и протянулъ мнѣ свою массивную руку, между тѣмъ какъ глаза его выражали то подобострастіе, то нахальство.— Вы желаете, какъ образованный человѣкъ, для лѣтнихъ сезоновъ дачное помѣщеніе найти? У насъ на погостѣ? Можетъ быть, у отца настоятеля? или, можетъ быть, у отца дьякона? Не совѣтую, милостивый государь! . Какъ человѣкъ, хорошо знакомый съ здѣшними жителями, считаю своимъ долгомъ предупредить. Не совѣтую! Непріятностей вы здѣсь не оберетесь.

— Какихъ же непріятностей?

— Помилуйте, какое здѣсь общество? сплетни, доношенія, кляузы. Вотъ недавно отецъ-помощникъ съ однимъ церковнослужителемъ на батюшку настоятеля доносъ изобразили, что яко бы дѣти ихъ студенты... понимаете? И что якобы самъ о. настоятель во время мольбы, въ пьяномъ образѣ, съ крестомъ въ хороводахъ ходилъ. Полная несправедливость! Да нашъ о. настоятель и не прикасается къ спиртнымъ напиткамъ! Все болѣе зависть, ненависть, желаніе съ мѣста согнать, а самимъ владыками быть,—вотъ чѣмъ побуждаются къ столь неблаговиднымъ поступкамъ! Теперь опять одинъ церковнослужитель подпоилъ тихонько мужиковъ въ приходѣ (вѣрно знаю—три ведра это ему стоило), чтобы получить приговоръ въ томъ родѣ, что, молъ, они его очень желаютъ имѣть у себя псаломщикомъ. Да съ этимъ приговоромъ, скрытно отъ всѣхъ, не будь плохъ, къ архипастырю. Ну, и утвердили! А прочихъ въ заштатъ, не беря во вниманіе, что онъ изъ нихъ наимладшій. Или опять теперь—о. дьяконъ недавно скрылъ въ сапогѣ (черезъ дыру въ карманѣ пропустилъ) двѣнадцать рублей сорокъ копеекъ, когда дѣлежъ кружки былъ. Уличили! Или теперь просвирня...

— Извините,—прервалъ я его:—я тороплюсь.

— А! Не смѣю задерживать. Такъ не совѣтую къ намъ. Вотъ развѣ у меня есть помѣщеньице...

— Нѣтъ, мнѣ не съ руки. Я намѣренъ поселиться въ деревнѣ.

— А! въ деревнѣ! И прекрасно, прекрасно придумали! Не смѣю задерживать. Хотя, конечно, очень пріятно съ образованнымъ человѣкомъ, видя такую кругомъ...

— До свиданія!

— До свиданія-съ, милостивѣйшій господинъ! — И онъ опять протянулъ свою толстую масляную ладонь, запахивая другою рукой засаленныя полы полукафтанья.

Впослѣдствіи я узналъ, что все, переданное мнѣ этимъ господиномъ, была сущая правда, даже больше. Оказалось, что и церковно-служитель, написавшій доносъ, и другой, умный человѣкъ, сумѣвшій забрать у мужиковъ приговоръ, былъ самый этотъ „пореформенный псаломщикъ“, очень любящій бесѣдовать съ образованными людьми!

Очень ужъ оригинальный типъ современной деревни.

ГЛАВА II.

Дѣдъ Матвѣй.

Черезъ недѣлю я окончательно поселился въ деревнѣ Ямы, въ избѣ дѣда Матвѣя. Изба у дѣда была большая, въ три свѣтлыя окна на улицу и одно въ проулокъ, совсѣмъ новая, новая до того, что въ передней половинѣ ея, гдѣ поселился я, даже печи не оказалось, а вмѣсто фундамента избу подпирали два толстые обрубка. Самъ дѣдъ съ небольшой своей семьей жилъ во второй, задней половинѣ избы, въ два этажа, изъ которыхъ въ нижнемъ была стряпная, а въ верхнемъ, нѣчто въ родѣ антресолей, помѣщался чуланъ, кладовая и небольшая свѣтелка, гдѣ спали по лѣтамъ „молодые", сынъ съ женой. Стѣны въ избѣ были выведены изъ хорошаго лѣса, крупнаго, но сложены не особенно прочно. Одна стѣна была выконопачена, другая оставалась съ продушинами. Вообще, видно было, что дѣло начиналось на широкую „хозяйственную" руку, но вдругъ почему-то было остановлено на половинѣ. Въ переднемъ углу висѣли образа, хорошаго стариннаго письма, въ массивныхъ фигурныхъ рамахъ; предъ ними двѣ лампады. У одной стѣны стоялъ стеклянный шкафъ съ хрустальною посудой, любимымъ украшеніемъ крестьянина. Посуда, впрочемъ, была бракъ, добываемый обыкновенно за дешевую цѣну на заводахъ.

По пріѣздѣ, первымъ же дѣломъ, конечно, „самоварчикъ", и я тотчасъ же пригласилъ къ себѣ знакомиться хозяевъ. Самоваръ внесла невѣстка старика—здоровая, лѣтъ подъ 30, женщина, съ веселымъ, довольно симпатичнымъ лицомъ, въ платьѣ и въ платкѣ. За нею явился и дѣдъ Матвѣй, высокій, сгорбленный, съ выстриженной маковицей, съ большой бородой, висѣвшей двумя косицами, и густой крышей сѣдыхъ бровей, нависшей надъ слезящимися глазами. Хозяевъ только и оказалось. Сынъ старика служилъ артельщикомъ при товарной желѣзнодорожной станціи въ городѣ. Я пригласилъ дѣда къ чаю. „Кушай! Кушай! чего ужъ намъ, старикамъ! Не слѣдъ намъ баловаться".

— Развѣ ты не пьешь?

— Какъ не пить! Пью. Избаловался и я. Оттого вотъ у насъ нонѣ все такъ и идетъ вѣтромъ. Баловство это—чай-то!

— А у васъ всѣ теперь пьютъ?

— Всѣ. Въ рѣдкомъ дворѣ самовара нѣтъ. И утромъ пьютъ, и вечеромъ пьютъ. А въ мое время на всю волость только и было, что два самовара. Одинъ у сельскаго засѣдателя, и другой — у одного богатаго мужика, да и тотъ прожился съ самоваромъ-то. Купилъ онъ этотъ самоваръ и пошло у него все не то, что въ прибыль, а въ убыль. Рассердился мужикъ, взялъ колъ, вынесъ самоваръ на задворки, да и давай его по бокамъ-то охаживать: „такъ тебя, дьявола, и нужно! Изъ-за тебя это я и прожился!" Православо, не вру!

Старикъ засмѣялся.

— Бѣда, какъ мужикъ осердится!— прибавилъ онъ.

— Славную избу ты, дѣдушка, вывелъ. Только что жъ ты ее не достроилъ?

Дѣдъ сокрушенно махнулъ рукой.

— А вотъ чаи-то... Чѣмъ бы копейку приберечь, а ты тутъ сахарцу купишь, въ трактиръ въ городѣ лишній разъ завернешь... Да и то сказать — не знаю зачѣмъ и зачиналъ такую хоромину! Думалъ, другъ ты мой сладкій, что въ вѣкъ она пойдетъ, а замѣстъ того... Думалъ, братецъ, просторъ дать, хозяйство полное пріустроить, какъ у батюшки въ старину было... а вышло—только бы какъ-никакъ умереть!

— Что жъ такъ?

— Да для кого этотъ просторъ-то строить, кому въ пользу онъ пойдетъ? Вотъ невѣстка-то у меня не родитъ, а ужъ девятый годъ замужемъ; сынъ въ городѣ служитъ, только на страду домой приходитъ, да и невѣстка все время на фабрикѣ работала, какъ моя старуха жива была. Только теперь вотъ придержалъ при хозяйствѣ. Бѣгутъ молодые-то, другъ мой сладкій, бѣгутъ отъ земли... Городъ ихъ смущаетъ! Только мной пока при землѣ и держатся. Умру я — дня здѣсь не останутся, совсѣмъ въ городъ переберутся, хозяйство все нарушатъ. Еще ежели бы сынъ былъ у нихъ, такъ было бы объ комъ позаботиться, да вотъ не родитъ! Такое это несчастіе! Да и самимъ-то имъ тоже скучно безъ ребятъ, въ работѣ ужъ эдакой спорины не видать...

— А когда ты и по какому случаю началъ новую избу строить?

— Пожаръ у насъ былъ, лѣтъ пять тому. Всю деревню снесло. Вотъ съ тѣхъ поръ... Все, другъ, выгорѣло дочиста. Жалко было, изба у меня была дѣдовская, хорошая изба, изъ одеженки

тоже кое-что было. Оторопѣлъ я тогда совсѣмъ, ума рѣшился. Обабился. Выбѣжалъ, братецъ мой, на задворки да коровой и реву. А тутъ идетъ нашъ дьячокъ, старый дьячокъ, и говоритъ: „ты что, дѣдушка Матвѣй, плачешь?“ — А я ничего въ умъ не беру. „Полно, говоритъ, ревѣть, пойдемъ ко мнѣ, живи пока у меня“. Дай ему Богъ здоровья! Всю зиму у него со старухой прожили. Ну, а потомъ строиться затѣяли. Пошелъ это я къ барину сосѣднему (верстъ за 10 отсюда лѣса-то его), далъ онъ мнѣ лѣсу нарубить, уступочку, да разсрочку сдѣлалъ. „Руби, говоритъ, какое приглянется!“ Ну, я и рубилъ! Вишь, какой лѣсъ! У насъ ни у кого нѣтъ такого... Барскій лѣсъ! Дай Богъ ему здоровья! А вывозилъ міромъ, помочью, міръ помогалъ.

— Это у васъ по обычаю?

— По обычаю. Такъ ужъ извѣковъ заведено—помогать при стройкѣ. Вотъ сынъ хочетъ по осени фундаментъ подвести, опять будемъ міръ просить кирпичу подвезть.

— А благодарятъ чѣмъ-нибудь за помочь?

— Какъ же не благодарить, ежели есть чѣмъ? Благодарятъ. Ну, а у кого взять нечего—и такъ хорошо. Насильно тянуть не станутъ.

— А сколько тебѣ стоила изба?

— Да рублевъ въ 500 вступила, думать надо. Пять лѣтъ вотъ каждый годъ плачу-плачу, а все конца не видать. Все въ кабалѣ еще. Ежели мужику блажь придетъ попросторнѣе да потеплѣе пожить, такъ отзовется на горбѣ-то!

Въ это время въ избу вошелъ мальчикъ, лѣтъ 13 — 14, босикомъ, но въ чистой рубахѣ, причесанный въ кружокъ, замѣчательно красивый, съ умнымъ лицомъ. Впослѣдствіи, чѣмъ больше я съ нимъ знакомился, тѣмъ больше приходилъ въ недоумѣніе, какимъ образомъ могли выработаться въ этомъ мальчикѣ, при общей грубости, которою, вообще, отличаются деревенскіе подростки, такая деликатность и мягкость натуры.

— Ты что сюда лѣзешь? — окрикнулъ его дѣдъ.

Мальчикъ, не отвѣчая дѣду, положилъ на столъ пятокъ яицъ.

— Тетенька прислала,—сказалъ онъ.

— Ну, хорошо. Садись чай пить.

Мальчикъ сначала отказался, но потомъ согласился.

— Это чей у тебя?—спросилъ я дѣда.

— Это внукъ. Дочь у меня была выдана верстъ за 10 отсюда. Ну, умерла. А мужъ-то на другой женился. Мачеху, значитъ, къ ребятишкамъ припустилъ. Пошла это бабья несправедливость. Своимъ дѣтямъ—сладкій кусъ, а пасынку—сухую корку. Вотъ Васютка и прибѣжалъ ко мнѣ, годовъ тому пять назадъ, прибѣжалъ зимой, дрожитъ весь.— „Что ты?“ говоримъ ему съ сыномъ. Молчитъ. — „Что, молъ?“ спрашиваемъ.— „Есть, говоритъ, хочу. Ѣсть дома, дѣдушка, не даютъ...“ Подумали мы съ сыномъ: оставайся, коли, живи у насъ. А зараньше того, сынъ-то у меня тоже одного моего внучка присыновилъ, да умеръ. Вотъ имъ и лестно было взять. Оставили. Обули, одѣли, въ школу пристроили.

— И теперь учится?

— Куда! Второй годъ ужъ, какъ прикончилъ. Онъ у насъ шустрый! Онъ ужъ и солдатство заучилъ! Вотъ посмотри-ка!

И дѣдъ полѣзъ въ шкапъ и изъ-за посуды вытащилъ бережно хранившіяся тамъ бумаги.

— Вонъ онъ у насъ каковъ! Вишь!—самодовольно развертывалъ дѣдъ бумаги и тыкалъ корявымъ пальцемъ въ напечатанное крупными буквами „свидѣтельство“.

— Такъ онъ у васъ умница?

— Ну-у! Умникъ! А ты уши-то не развѣшивай!—прикрикнулъ дѣдъ на внука, какъ бы желая умалить впечатлѣніе своей похвалы.—Умникъ!.. Больно скоро! Поживи ко вотъ съ мое сначала, тогда и окажется, уменъ али нѣтъ! Ты вотъ около земли усердіе покажи,— тогда и окажется!

И дѣдъ опять спряталъ бумаги въ шкапъ.

— А сколько тебѣ, дѣдушка, лѣтъ?

— Да восьмой десятокъ, того гляди... Старо стало!

— А работаешь?

— Еще бы не работать! Говорилъ тебѣ—пока живъ, только и хозяйство земельное держится. Сынъ-то вотъ круглый годъ въ городѣ, недѣль на шесть только придетъ на страду; невѣстка тоже отвыкшая отъ земельной работы... Это не старуха моя! Далеко имъ! такъ-то! Вотъ и робишь: и вспаши я, и взборонуй, и посѣй, и гряды вскопай, и дровъ привези... Васютка великъ ли еще помощникъ! А старо стало, слабо стало! Вотъ по-

завчера, другъ мой сладкій, подъ яровое попахалъ. И недолго чтобы очень пахалъ—такъ съ утречка до полдня; пахалъ-пахалъ да вдругъ и упалъ... и лежу! Думалъ, тутъ и духъ вонъ на пашнѣ отдамъ. Ничего, отлежался. Шли тутъ мужики:—„Что, говорятъ, дѣдушка? Али усталъ?"—подняли, помогли встать. Ну, ничего, отстоялся—допахалъ!

— А на сколько душъ у тебя земли?

— На три души тянемъ.

— Это обязательно, что ли?

— Зачѣмъ! У насъ этимъ не стѣсняютъ. Прежде мы на двѣ души брали, ну, а вотъ съ прошлаго года на три взяли

— Зачѣмъ же это, коли силъ нѣтъ?..

— Какъ нѣтъ силъ? Пока живъ—есть. Тоже хочется какъ-никакъ малость перевернуться.

— А сколько сходитъ платежей?

— Много, другъ сладкій; клади такъ, что рублей на 12 сойдетъ, выходитъ 36 рублевъ, какъ едина деньга въ годъ! А все тюрю ѣшь.

Я дописалъ эти строки въ то время, какъ принесли мнѣ газету. Пробѣжавъ ее, я наткнулся на такое сообщеніе фельетониста: „Закончимъ—пишетъ онъ—нашу бесѣду прекраснымъ примѣромъ человѣческой энергіи и самоуваженія, примѣромъ, достойнымъ подражанія. Общество соревнованія въ Рубе (Франція) присудило недавно золотую медаль одному престарѣлому ткачу, который занимается своимъ ремесломъ уже цѣлыхъ 72 года. Этотъ бравый старикъ благородно отказался отъ предложенной ему обществомъ мѣсячной пенсіи въ 10 франковъ, сказавъ, что онъ чувствуетъ себя еще достаточно сильнымъ для того, чтобы самому зарабатывать свой хлѣбъ. Онъ воспиталъ семью изъ 10 человѣкъ дѣтей и ни разу въ жизни не прибѣгалъ къ благотворительности. Онъ не разстается съ своимъ ткацкимъ станкомъ и теперь, несмотря на свои 82 года. Имя этого *„героя труда"*, какъ его справедливо называетъ мѣстная газета—Луи Гермоннѐ." Луи Гермоннѐ! Отчего жъ это Луи Гермоннѐ изъ Рубе, а не дѣдъ Матвѣй Шалохановъ изъ деревни Ямы? Отчего жъ это Луи Гермоннѐ долженъ служить примѣромъ человѣческой энергіи и самоуваженія, достойнымъ подражанія для Матвѣя Шалоханова, а не Матвѣй Шалохановъ для Луи Гермоннѐ? Отчего Луи Гермоннѐ „герой труда", преподносимый въ назиданіе россійской публикѣ, а не Матвѣй Шалохановъ?..

— Такъ о чемъ же ты, дѣдушка, сокрушаешься? — продолжалъ я спрашивать:—вотъ у тебя и наслѣдникъ есть, твое хозяйство въ вѣка пойдетъ?

— Васютка-то? Васютка не нашъ, чужой деревни онъ, къ чужому обществу приписанъ. Какой онъ мнѣ наслѣдственникъ? Кабы ежели приусыновить его, да къ нашему обществу приписать...

— Отчего жъ вы это не сдѣлаете?

— Трудно это у насъ. Первымъ дѣломъ, есть, вишь, положеніе, что только до 10-ти лѣтъ можно приписывать безъ спросу, безъ пошлины, а ежели мальчишкѣ за десять лѣтъ—нельзя. Два приговора тутъ нужно имѣть: отъ чужого общества, что оно его освобождаетъ, и отъ нашего, что оно его принимаетъ. А это куда нелегко. Дорого стоитъ. Потому, другъ мой сладкій, это все отъ земли. Ежели у общества земли много, а работниковъ мало—отпущаетъ оно трудно, выкупъ заломитъ нивѣсть какой! А ежели земли мало, а работниковъ въ залишкѣ, недоимокъ нѣтъ, отпущаетъ куда хошь. Также и насчетъ приписки. У нашей вотъ деревни не Богъ знаетъ сколько земли, совсѣмъ мало, такъ она землю бережетъ своимъ ребятишкамъ, потомству, значитъ. У насъ отпустятъ ни за что. Ступай съ Богомъ! Ну, а на приписку—не скоро уломаешь. Станетъ тебѣ въ копеечку.

— Ну, а какъ, примѣрно, сколько это стоило бы тебѣ.

— Да такъ, думать надо—четвертной не обернешься! Да водки на угощеніе въ ту деревню, да въ нашу... Гляди, въ полсотню влетитъ эта охотка-то! Такъ тутъ подумаешь.

Во время бесѣды съ дѣдомъ, я сидѣлъ у окна, выходившаго на улицу деревни. Надо замѣтить, что изба дѣда Матвѣя стояла какъ разъ посерединѣ второго ряда избъ, такъ что мнѣ въ окно видѣнъ былъ весь первый рядъ. Долгое время на улицѣ никого не было видно, кромѣ кучки дѣвченокъ, игравшихъ у житницы. Развѣ изрѣдка пойдетъ баба къ озеру, да проѣдетъ мужикъ изъ сосѣдней деревни. Время было около полудня и мужики уже навѣрно отдыхали послѣ обѣда. Но скоро я замѣтилъ, что на улицѣ появились два старика, въ синихъ рубахахъ и портахъ, безъ шапокъ. Заложивъ руки за спину и опустивъ внизъ бороды,

они, о чемъ-то мирно разговаривая неторопливо двигались въ нашу сторону. Наконецъ, они подошли къ избѣ, стоявшей какъ разъ противъ меня и, кряхтя, усѣлись на положенное на выдающіеся углы нижняго вѣнца длинное бревно. Скоро откуда-то вышелъ третій мужикъ, помоложе, въ красной рубахѣ, и присѣлъ противъ нихъ, задомъ ко мнѣ, на траву, обнявъ руками колѣна. Посидѣвъ, одинъ изъ мужиковъ стукнулъ въ окно избы пальцами и крикнулъ: „дядя Елисей!“... Минуты черезъ три изъ воротъ избы вышли: старикъ, съ бородою клиномъ, въ шляпѣ гречневикомъ, и помоложе, съ благообразнымъ лицомъ, причесанный, въ новой фуражкѣ и армякѣ въ накидку; оба они были въ сапогахъ, между тѣмъ какъ всѣ другіе босикомъ. Наконецъ, отъ сосѣдней избы подошелъ уже пожилой мужикъ въ соломенной шляпѣ, какую иногда носятъ пастухи.

— Что жъ мало?—крикнулъ онъ.—Чего лѣниво собираетесь? Ишь, дрыхнутъ!

— Разбудить надо,—отвѣтили мужики:—посылай Матвѣя съ оглоблей поворачивать ихъ!..

— И то надо! — сказалъ мужикъ въ соломенной шляпѣ и стукнулъ палкой къ намъ въ окно.

— Эй, дѣдушка Матвѣй! — крикнулъ онъ.

— Ась? — отозвался дѣдъ, дотягивая съ блюдечка чай.

— Выходи скорѣй! Ступай, буди мужиковъ-то!

— Ну-у! Ладно! Чего тамъ у васъ загорѣлось?—сердито протянулъ дѣдъ.

— Иди, говорятъ. Выходи, такъ и узнаешь... Ишь, лѣшій старый, съ бариномъ чай распиваетъ!—добавилъ мужикъ, отходя опять къ сходкѣ.

— Ишь,—проворчалъ на это дѣдъ:—ненависть все! Съ бариномъ, говоритъ, чай распиваетъ! Натко-сь, грѣхъ какой! Въ кои-то вѣки!

Дѣдъ, не торопясь, допилъ стаканъ и, кряхтя, поднялся.

— Ну, итти надо будить мужиковъ. Ишь, лежебоки! Не видятъ сами, что народъ собирается!

— Да ты при должности, что ли, на міру?

— Ка-акъ же! Десятскій.

— Выборный, значитъ. Въ почтеніи ты, выходитъ.

— Какой почетъ! У насъ по порядку справляютъ. У кого насколько душъ земли взято, тотъ столько времени и въ десятскихъ ходитъ. На одну душу—десять недѣль, на двѣ — двадцать. Мнѣ ужъ вотъ, слава-те Господи, немного осталось.

— А развѣ это тяжелая обязанность?

— Да вотъ бѣгай, буди мужиковъ! А ужъ я старъ. Кому помоложе—такъ ничего. Какой тутъ трудъ.

— А отчего же никто вотъ изъ молодыхъ, которые теперь сидятъ на улицѣ, безъ всякаго дѣла, отчего они не сходятъ? Давно бы ужъ собрали всѣхъ.

— Ни въ жизнь не пойдутъ, кому не чередъ. Это ужъ нельзя!

Дѣдъ захватилъ изъ угла липовую тросточку и вышелъ. Я вышелъ за нимъ, и долго смотрѣлъ вслѣдъ дѣду, какъ онъ, высокій и сухой, сгорбившись и прихватывая поясницу, двигая не сгибавшимися ногами въ большихъ, совсѣмъ развалившихся сапогахъ, переходилъ отъ избы къ избѣ, постукивая у оконъ палкой и называя каждаго хозяина по имени. Но вдругъ ему сходка закричала вслѣдъ: — „Эй, дѣдушка Матвѣй!.. Закажи, чтобъ бабы мѣшки тащили... Мѣшки!“...—„Слышу, знаю!“ откликнулся онъ, и затѣмъ по деревнѣ стали разноситься его выкрики: „Мѣшки! мѣшки тащите!“ —Я сѣлъ на бревно, положенное вдоль нашей избы. Мужики не обратили, повидимому, на меня особеннаго вниманія. Тѣ, которые выходили на зовъ Матвѣя, проходя мимо, только мимоходомъ взглядывали на меня. Нѣкоторые кланялись; большею частью—нѣтъ. Кланялись преимущественно старики и тѣ, которые посмирнѣе на видъ; молодые почти совсѣмъ не кланялись, а также богатые и сердитые на видъ мужики. Скоро на сходкѣ оживленно заговорили, сперва двое, потомъ присталъ третій, четвертый. Если кто наблюдаетъ мужицкую сходку первый разъ, то рѣшительно можно сказать, что, при самомъ напряженномъ вниманіи, онъ ничего не пойметъ. Не пойметъ и тотъ, кто только что пріѣхалъ въ деревню и не знаетъ самыхъ мелочныхъ, обыденныхъ подробностей деревенской злобы дня. Такимъ образомъ, для меня эта первая сходка была рѣшительно жидовскимъ кагаломъ, въ которомъ я ничего не понималъ. Я слышалъ отдѣльныя слова, даже фразы, я понималъ ихъ, но, при всемъ вниманіи, положительно не могъ составить что-нибудь связное.

— Мѣшки... Тридцать четвертей... Зер-

но... всыпали... Да когда кто изъ васъ считалъ? Считали вы галокъ на застрѣхѣ! Поди спроси Ивана Терентьича объ этомъ! Сунься къ Ивану Терентьичу, что къ кобылѣ подъ хвостъ? Онъ тебя надушитъ въ посъ-то! Считали! Я всыпалъ. Мы съ братомъ. Да когда? Когда еще не въ раздѣлѣ были! Были вы! Да ты, лѣшій, спроси мужиковъ! Ты чего лаешься? Лѣшій и есть! Чего ты лаешься, идолъ! Вотъ они, старики-то! Зерно всыпали... Двадцать мѣшковъ... Ловл ихъ, двадцать-то мѣшковъ? Просору больше! Просорилось зернышко-то наше—это вѣрно! Дураки, такъ дураки—мужики и есть!—заканчивалъ кто-нибудь эту невообразимую смѣсь восклицаній. Что можно понять изъ всего этого?

Мужики-домохозяева продолжали подходить къ сходкѣ. Если во дворѣ былъ старикъ и сынъ женатый, на сходку выходили оба. Скоро понесли бабы мѣшки и садились съ ними на травѣ, вокругъ мужиковъ. Иные изъ собравшихся распластались по землѣ вверхъ брюхомъ и, положивъ подъ головы мѣшки, сладко дремали подъ шумокъ сходки, на припекѣ. Шумъ на сходкѣ сталъ смолкать; только бойко говорилъ чей-то голосъ, но ему уже никто не возражалъ. Мужики кого-то ждали. Дѣйствительно, скоро показалась по дорогѣ кучка мужиковъ, съ мѣшками на плечахъ. Мужики были изъ сосѣдней деревни (плотницкой); они какъ-то рѣзко и сразу отличались отъ моихъ хозяевъ; были низкорослы, худы и смиренны на видъ; рѣшительно всѣ въ посконныхъ портахъ и рубахахъ и босые. Тогда какъ наши міряне, въ большинствѣ случаевъ, былъ рослый, здоровый народъ, въ ситцевыхъ рубахахъ, сапогахъ. Пришедшая толпа раскланялась сначала общимъ поклономъ съ нашей, затѣмъ нѣкоторые поочередно пожимали руки; заговорили между собой добродушно, весело.

— Ну, что, братцы, какъ живете-можете?—спросилъ мужикъ въ соломенной шляпѣ.

— Какъ живемъ!—отвѣчали наперебой пришедшіе.—Плохо живемъ! Больно ужъ мы смирны. Мы, вѣдь, не вы. Вамъ пальца въ ротъ не клади—укусите.

— Далеконько вамъ до насъ—ямскихъ. А что у васъ?

— Да что, братцы, совсѣмъ завоевалъ насъ мѣщанишка этотъ, рендаторъ; шумитъ, бунтуетъ, сквернословитъ, въ волости на насъ плететъ; никакого т.-е. къ міру уваженія: „я, говоритъ, васъ всѣхъ продамъ и выкуплю“. Это каково, братцы, отъ чужака слышать! Затесался къ намъ, живетъ безъ спросу, а хоть бы чѣмъ міръ уважилъ.

— Дураки вы и есть, коли попущаете, — замѣтилъ мужикъ въ соломенной шляпѣ. — А мы вотъ важно спровадили прошлымъ годомъ такого же рендатора. Поселился тоже безъ спросу у Якишки въ избѣ, избу снялъ... Что онъ рядомъ мельницу снимаетъ, да денегъ много, такъ ему вездѣ и мѣсто! Вотъ эдакъ тоже и съ нами сталъ... Ну, у насъ недолго: либо три ведра водки, да міру поклонъ, либо вонъ! Уперся!—„У васъ, говоритъ, такихъ правовъ нѣтъ“. Да мы, братъ, недолго думали: вынули рамы изъ оконъ, да досками и забили. Не хотѣлъ жить по чести, такъ бери шапку.

— Слыхали, слыхали! Храбры вы... А тоже и васъ за это не похвалили; за самоуправство, слышь, штрафы заплатили.

— За штрафами мы не стоимъ, а выжить—все же выжили.

— Вы стойки, что говорить! А мы куда смирны: прикрикнетъ кто поденежнѣе, да посильнѣе, у насъ и духъ вонъ. А все оттого, что у васъ вонъ избы-то въ пятнадцать вѣнцовъ кладены, на двѣ половины, а у насъ—шалаши, даромъ что плотники!

— Горе вы — плотники! — замѣтилъ одинъ мужикъ. Всѣ засмѣялись. Засмѣялись и сами плотники.

— Ну, идемъ, что ли, ребята! Закидывай мѣшки-то за плечи!—сказалъ, приподымаясь одинъ изъ мужиковъ, помоложе и побойчѣе другихъ. — Много мы въ вѣкъ свой въ гамазею свозили, много ли придется въ мѣшкахъ назадъ принести? Съ барышомъ не будемъ ли?

— Разставляй мѣшокъ шире! — отвѣтила въ одинъ голосъ весело вся сходка, поднимаясь и отбирая у бабъ мѣшки:—мышь-то тоже не дремлетъ, и ей съ міру пропитаніе надо.

Всѣ опять единодушно захохотали и, продолжая острить надъ кѣмъ-то и надъ чѣмъ-то, всей гурьбой двинулись по дорогѣ къ волости. Бабы остались дома и стали расходиться по избамъ. Я спросилъ Александру, невѣстку дѣда Матвѣя: что это былъ за сходъ и куда пошли мужики?

— Вотъ ужъ теперь почти съ недѣлю

валандуются: шумятъ, шумятъ, а все толку нѣтъ. Вышелъ, видите (она выражалась по городскому), приказъ, чтобы при каждомъ обществѣ своя запасная гамазея была, а прежнюю волостную гамазею уничтожить; теперь вотъ и дѣлятъ и усчитываютъ, кто сколько за свой вѣкъ зерна въ него всыпалъ. Да развѣ это учтешь!

— Чай, записи были?—спросилъ я.

— Какія тутъ записи! Тутъ одно воровство было. Такое воровство, что не приведи Господи: волостные тащили, кто сколько смогъ, домовъ себѣ купецкихъ настроили, до перемѣра не допускали; мужики-то вотъ считаютъ, считаютъ, и по пальцамъ, и всячески; и родителевъ-то, покойниковъ, потревожили, а гляди, все тѣмъ кончится, что по мѣшку на брата принесутъ! Вѣрно! Вотъ теперь ужъ слухи идутъ, что бывшій старшина 160 четвертей съѣлъ. Вонъ она какова мышеядь-то! Мышь, говоритъ, съѣла, да просоромъ, въ сусѣкахъ, въ полъ ушло.

Пока мужики ходятъ усчитывать мышеядь, я познакомлю читателя съ внѣшнимъ видомъ нашей деревни.

ГЛАВА III.

„Красная“ и „холодная“ сторона деревни современной. — Крестьянскія дѣти.— Перехожіе учителя.

Деревенька наша была очень небольшая и притомъ построена такъ правильно и просторно, не въ примѣръ всѣмъ сосѣднимъ деревнямъ, что видна была вся, какъ говорится, на ладони, съ котораго пункта на нее не смотри. Стройка въ ней идетъ въ два ряда, между которыми проходитъ проселочная дорога, не трактовая, а обыкновенная „межпольная“ дорога, соединяющая нѣсколько деревень. Въ сосѣднихъ деревняхъ ряды избъ такъ плотно подходятъ одинъ къ другому, что для проѣзда оставляется пространство, по которому съ трудомъ разъѣдутся двѣ телѣги. Было то же самое и здѣсь, какъ я узналъ послѣ; да и теперь еще остались посреди дороги кос-какіе слѣды отъ бывшей стройки. Но послѣ пожара мужики выстроились уже „по плану“, какъ говорятъ они, отодвинувъ одинъ рядъ избъ саженъ на 5 назадъ, черезъ 3—4 избы сдѣлали проулки, въ которыхъ коегдѣ насадили ивовыхъ кольевъ, уже пустившихъ жидкіе отростки. Такіе же каждую весну „прозябающіе“ и съ осенью вновь погибающіе ивовые стволы торчатъ и вдоль лицевого фасада избъ. Иногда, отъ нечего дѣлать, мужики поливаютъ ихъ, да и то не всѣ, а больше эстетики и люди досужные. У эстетиковъ имѣются даже огороженные палисадники, въ которыхъ цвѣтетъ шиповникъ, бузина и волчья ягода. Въ большинствѣ же случаевъ всякія насажденія вдоль улицы погибаютъ отъ скотины. Загородки, при безлѣсьѣ, стоятъ дорого, да и тѣсно отъ нихъ. Наша деревня, не въ примѣръ прочимъ, отличается и сравнительно лучшею стройкой. Въ то время, какъ въ сосѣднихъ деревняхъ избы, въ большинствѣ случаевъ, или совсѣмъ дряхлыя, полусгнившія, съ выпятившимися въ разныя стороны вѣнцами, крытыя побурѣлою соломой, или же, если и новыя, то такъ миніатюрны и сложены изъ такихъ тонкихъ бревенъ, что скорѣе похожи на шалаши изъ жердей,—здѣсь совсѣмъ другая стройка. Вотъ хоть бы противоположный отъ моей избы рядъ. Въ немъ пятнадцать дворовъ. У десяти изъ нихъ обыкновенныя крестьянскія избы—въ три большихъ окна, „съ полотенцами“ на улицу; окна высоко подняты надъ фундаментомъ, такъ какъ во всѣхъ избахъ подъ окнами помѣщаются клѣти, омшаники, подвалы. Всѣ избы на двѣ половины—лѣтнюю и зимнюю. Сбоку къ нимъ непосредственно примыкаютъ ворота и дворы, крытые соломой. Избы крыты тесомъ, если не сплошь, то первая передняя половина; иногда даже не вся и передняя половина, а только часть. Строены всѣ избы изъ лѣса, довольно порядочнаго, сравнительно съ другими деревнями.

Остальныя пять избъ—уже и не избы, а дома, очень разнообразной и оригинальной архитектуры. Опишу я ихъ по порядку. Я уже сказалъ, что наша деревня стояла у самаго озера, у „тіанской лужи“, какъ значилось оно офиціально. Оба ряда избъ непосредственно начинались отъ маленькаго ручейка, впадающаго туда же въ озеро. Ручеекъ этотъ доставляетъ всей деревнѣ воду для пищи, съ желѣзистымъ вкусомъ, такъ какъ во многихъ мѣстахъ течетъ по рудѣ, иногда совершенно мутную. Берутъ воду изъ маленькой запруды, сдѣланной у конца деревни, гдѣ поставлена въ дно ручья небольшая бочка. Изъ озера воду не берутъ. Около устья ручья сгрудились по мокрому, болотистому берегу бани—пять-

шесть низенькихъ срубовъ, безъ трубъ, съ наваленной на потолки соломой. Вмѣсто оконъ прорублены только дыры и дверь. Бани не запираются. Въ нихъ всегда можно войти. Согнувшись, вы входите въ передбанникъ, непроконопаченный, съ большими щелями въ стѣнахъ. Въ немъ едва можно повернуться одному человѣку. Изъ передбанника пролѣзаете въ собственно баню, въ которой съ трудомъ можно сдѣлать два шага. Стѣны всѣ черныя отъ копоти. Небольшая печка. Кадка для воды. Чугунъ. Лавка у стѣны и полòкъ. Полòкъ представлялъ собою нѣчто чрезвычайно рискованное. На козелкахъ изъ жердей положены двумя приступами доски. Верхняя полка подходитъ такъ близко къ низкому потолку, что на ней можно только лежать, но никакъ не сидѣть. Какъ это ухитряются мужики не только просто мыться, но и наслаждаться процессомъ паренья на полкѣ—совершенно непонятно... Вслѣдъ за банями, гдѣ почва уже нѣсколько выше уровня озера и не такъ мокра, начинаются избы. Вотъ первая избушка, какъ будто спихнутая напоромъ цѣлаго ряда избъ къ низу косогора, въ болото: это изба мѣстной торговки-бобылки, низенькой, юркой старушенки, у которой деревенская молодежь находитъ всякую дрянь въ свое удовольствіе, какъ-то: подсолнухи, пряничныя жамки, орѣхи и т. п. Лавки у нея нѣтъ, и весь этотъ скромный деревенскій десертъ хранится въ одномъ сундучишкѣ, вмѣстѣ со всякою рухлядью. Впрочемъ, это товары у нея такъ, между прочимъ, главнымъ же образомъ она занимается тѣмъ, что скупаетъ или беретъ на комиссію у бабъ яйца, масло сметану и справляетъ въ городъ. Вотъ вторая изба, богатая и разношерстная. Первая половина у нея каменная, некрашеная, двухъэтажная, крытая желѣзомъ; внизу кладовая съ желѣзной дверью. Вторая половина избы—деревянная, крыта тесомъ; наконецъ, сѣни и дворъ крыты соломой. Это изба большой, нераздѣленной зажиточной семьи: старикъ-большакъ, у него два сына—живутъ зимой приказчиками у городскихъ купцовъ; старшій приходитъ на страду въ деревню; дочь—невѣста; невѣстка отъ старшаго сына; старуха-жена и два внука; одинъ уже парень, кандидатъ въ женихи. Помимо отхода на сторону, ведутъ торговлю мясомъ, скупая у мужиковъ коровъ, телятъ, свиней, барановъ и проч. Скотъ или уводятъ въ городъ живымъ или бьютъ сами и ставятъ для крестьянъ по праздникамъ. Третья изба... Но это не изба, это нѣчто неопредѣлимое и совершенно оригинальное. Представьте себѣ, что кто-либо задумалъ вывести каменныя хоромы, выложилъ уже часть фундамента, и вдругъ, словно чего испугавшись, прекратилъ дальнѣйшее осуществленіе своего грандіознаго проекта и поспѣшилъ укрыться въ этой недостроенной части фундамента: настлалъ потолокъ, вывелъ надъ нимъ высокую деревянную крышу; въ маленькія окошки вставилъ на скорую руку старыя рамы съ осколочками, вмѣсто стеколъ, пристроилъ маленькія ворота и дворъ, и все это окуталъ обильно соломой. Въ этомъ странномъ каменномъ шалашѣ живетъ старшина нашей волости, нашъ деревенскій землепашецъ, Максимъ Максимычъ. Это очень странно, но это такъ... Въ жизни народа не мало явленій глубокаго смысла, неожиданныхъ и поучительныхъ. О нихъ нельзя говорить бѣглою замѣткой. Дальше—нѣсколько обычныхъ деревенскихъ избъ, обычнаго „обстоятельнаго крестьянства", которыя привѣчаютъ подъ своей полу-деревянной, полу-соломенной кровлей: стариковъ отца или мать, большака-сына, бородатаго и сердитаго хозяина, хлопотливую жену-хозяйку и цѣлую стаю бѣловолосыхъ ребятишекъ, а на дворѣ—единственную лошадь, флегматичную и смирную клячу, корову, низенькую, некрасивую, съ обломанными рогами и навязаннымъ на шею чеснокомъ, бодливую телушку съ взъерошенною шерстью на бокахъ и запачканнымъ хвостомъ, и съ пятокъ овецъ съ облѣзлыми боками... А вотъ, вслѣдъ за этими обычными избами недоѣдающаго и недосыпающаго крестьянства, въ самомъ центрѣ деревни, почти прямо предо мной, въ рядъ одна за другой, стоятъ тѣ избы не избы, тѣ хоромы, которыя совсѣмъ напоминали бы собою провинціальные трехъ и пяти-оконные домики, если бъ не узоры по бокамъ оконъ, если бъ не крытые дворы, плотно прилегающіе къ ихъ бокамъ. Ихъ здѣсь три; всѣ крашены въ цвѣтную краску—одна изба въ густо коричневую, другая въ синію, третья (совсѣмъ, какъ быть городской домъ, двухъэтажный) въ свѣтло-желтую. Всѣ крыты зелеными желѣзными крышами: на двухъ первыхъ—только съ передней части, на третьей—сплошь; у всѣхъ водосточныя трубы, каменные фундаменты. Эти избы-хоромы (крестьяне про-

должаютъ звать ихъ избами) принадлежатъ крестьянамъ-собственникамъ, т.-е. такимъ, которые имѣютъ земли „въ вѣчномъ владѣніи“, какъ говорятъ крестьяне, помимо общинныхъ надѣловъ. Первый дворъ—закоренѣлыхъ братьевъ староверовъ, изъ которыхъ одинъ торговалъ въ Москвѣ мебелью, нажилъ кое-какія деньги, разорился и пріѣхалъ въ свою деревню; на припрятанные 500 рублей купилъ онъ здѣсь, лѣтъ десять тому, нѣсколько десятковъ десятинъ земли у помѣщика. Теперь эта земля оцѣнивается уже въ 5.000 рублей. Можете видѣть, какъ возросли цѣны на землю въ теченіе 10 лѣтъ. Землю эту онъ сдаетъ въ аренду. Этотъ братъ—старый холостякъ, лѣтъ 50; другой братъ—старикъ уже, лѣтъ 80 слишкомъ, съ библейскою сѣдою головой; художникъ навѣрно выбралъ бы ее для головы апостола Матвѣя. Прежде старикъ велъ бойкую торговлю краснымъ товаромъ и серпами; теперь занимается хлѣбопашествомъ и пчеловодствомъ; у него нѣсколько ульевъ позади двора, составляющихъ предметъ вѣчной зависти и раздора между моимъ дѣдомъ Матвѣемъ и имъ; но на собственной пустоши есть большая пасѣка. У этого же брата — двѣ дочери и сынъ съ женой. Одна дочь отдана въ городъ за купеческаго сына, который рядитъ жену въ дорогія, но безвкусныя платья, а самъ ходитъ въ сюртукѣ. Другая дочь — невѣста. Ее сватаютъ тоже за купца въ сюртукѣ. Ни сюртукъ, ни куренье жениха не мѣшаютъ старовѣрамъ брататься съ купцами. Старовѣры нынче стали уступчивы. Ядъ свободомыслія уже забирается въ молодыя головы въ особенности тамъ, гдѣ идетъ вопросъ о капиталахъ или компромиссахъ съ начальствомъ...

Вторая, свѣтло-синяя изба, съ палисадникомъ подъ окнами, берегущимъ за своей загородкой кустъ шиповника и тонкій тополь, принадлежитъ мужику въ соломенной шляпѣ; у него—жена, дочь невѣста, сынъ съ женой и сынъ холостой, въ то время бывшій на войнѣ съ гвардіей. Этотъ мужикъ въ соломенной шляпѣ пользовался, повидимому, наибольшимъ значеніемъ въ общинѣ. Это былъ лѣтъ 55, дѣятельный, словоохотливый, толковый мужикъ любившій, чтобъ у него въ домѣ была „полная чаша“—и рюмка водки всегда, и бутылка вина „про случай“, и пирогъ на закуску. И жена у него была такая же: домовитая, хозяйная, здоровая старуха. Не только у всѣхъ бабъ, но и у самихъ мужиковъ она пользовалась исключительнымъ уваженіемъ, смѣшаннымъ, впрочемъ, съ боязнью. Молодые мужики, въ особенности изъ любившихъ покутить, боялись ее не на шутку. А ребятишки и подростки всей деревни были у нея какъ будто подъ началомъ. Мнѣ очень часто приходилось слышать ея звонкій, здоровый голосъ, раздававшійся изъ открытаго окна избы на всю деревню. „Я тебя, подлая, я тебя!.. Дай ты мнѣ только до тебя дойти!.. Ты что братишку-то бросила? А?.. Что онъ у тебя надорвался ревѣвши-то? Мать-то на кого оставила его? А?..“ гремитъ ея голосъ по деревнѣ. Посмотришь, а это тетка Аграфена, высунувшись изъ окна своей избы, кричитъ на другой конецъ деревни маленькой, лѣтъ пяти, дѣвочкѣ, увлекшейся лоскутками подругъ и оставившей своего годового братишку сидѣть среди улицы и орать на всю деревню. Заслышавъ голосъ Аграфены, дѣвчнека тотчасъ же бросаетъ своихъ подругъ, бѣжитъ къ братишкѣ и, щипнувъ его такъ, что у того духъ займется, схватываетъ его въ охапку и утаскиваетъ въ избу. У тетки Аграфены всегда чистый самоваръ; у нея всегда обѣдъ въ три кушанья; у нея всегда на ледникѣ сметана, молоко, творогъ, масло. У нея всегда есть лепешки, есть лишняя мука, крупа, чтобы ссужать бѣдныхъ сосѣдовъ. Пастухи считаютъ за праздникъ тѣ дни, въ которые выпадаетъ чередъ „кормиться“ у Павла Гордеева. Тетка Аграфена всегда ставитъ имъ все, что ѣстъ свое семейство. А семья, какъ мы видѣли, ѣстъ хорошо, въ этомъ себя не утѣсняетъ. У Павла во дворѣ двѣ лошади, двѣ коровы, нѣсколько телокъ, овецъ, свиней. Павелъ теперь исключительно занимается хлѣбопашествомъ, а сынъ ходитъ „въ серпы“, возвращаясь на страду домой.

Павелъ Гордеевъ, одинъ изъ братьевъ большой, старожилой, давно начавшей дѣлиться, но еще не раздѣлившейся окончательно и до сихъ поръ семьи Сысоя Гордеева съ братомъ. Сысой съ братомъ Иваномъ всю жизнь прожили не въ раздѣлѣ, до старости, вырастивъ по три сына. Занимались они, помимо хлѣбопашества, серповнымъ промысломъ и, кромѣ того, въ особенности Сысой, чѣмъ-то въ родѣ комиссіонерства у городскихъ и сельскихъ торговцевъ. Какъ-то, когда-то утвердилась за Сысоемъ, и въ городѣ,

и въ деревенскомъ округѣ, слава, какъ о мужикѣ добросовѣстномъ, не въ примѣръ прочимъ. Скажетъ, напримѣръ, Сысой мужикамъ: — „братцы, въ Москву думаю съѣздить: говори, что кому нужно. Справлю въ лучшемъ видѣ“. Со всѣхъ окрестностей села и несутъ мужики заказы Сысою: кто платокъ или матеріи на сарафанъ невѣстѣ-дочери, кто сукна купить „московскаго“; мелкіе деревенскіе торговцы краснымъ товаромъ прямо вступаютъ съ нимъ въ переговоры насчетъ закупки въ Москвѣ товаровъ въ свои лавчонки. А такъ какъ въ городкахъ торгуютъ, по большей части, такіе же, только расторговавшіеся крестьяне, то слава Сысоя, какъ добросовѣстнаго комиссіонера, утвердилась скоро и въ городѣ. Скоро комиссіонные заказы его достигли оборота тысячъ до десяти рублей. Сысой ежегодно нѣсколько разъ ѣздилъ въ Москву и доставлялъ своимъ заказчикамъ требуемый товаръ, и никогда, говорятъ, не слышно было, чтобы онъ хотя разъ покривилъ душой. Съ торгующихъ онъ бралъ извѣстный процентъ. Въ то время, какъ велъ онъ коммисіонерскую операцію, братъ его, Иванъ, торговалъ раннею весной и осенью серпами, по мѣстному обычаю, странствуя въ это время по всей Россіи — отъ Сибири до Польши; даже заходилъ въ Австрію. Кстати замѣтить, что въ этой мѣстности серповничество составляетъ кустарный промыселъ; онъ существуетъ здѣсь искони — и почти все мужское населеніе деревни было, путемъ его, знакомо съ половиной Россіи. Мы еще вернемся къ нему. Къ тому времени, когда подросли у братьевъ Гордеевыхъ сыновья и переженились, эта нераздѣльная семья, въ 16—18 человѣкъ здоровыхъ работниковъ, представляла собою могучую трудовую земледѣльчески-промышленную артель. Поставивъ незыблемымъ устоемъ своего существованія землю и земледѣлашество, въ которомъ принимала участіе вся артель, безъ исключенія, во время страды, — въ промыслѣ члены семьи находили каждый удовлетвореніе своихъ индивидуальныхъ склонностей. Сообразно съ отцами, и дѣти ихъ, двоюродные братья, примкнули каждый къ тому промыслу, къ которому лежала душа: одни шли за старикомъ Сысоемъ въ Москву, въ коммиссіонерское дѣло, другіе — за Иваномъ ходили по деревенскимъ ярмаркамъ необъятной Россіи. Скоро въ рукахъ Сысоя и Ивана скопилась малая толика деньжонокъ. Эти деньги тотчасъ положены были на закрѣпленіе того устоя, въ несокрушимость котораго такъ вѣрилъ всякій крестьянинъ: они купили двѣ пустоши земли. До самой смерти Сысой не измѣнилъ ни землѣ, ни годами составленной репутаціи добросовѣстности: онъ умеръ хлѣбопашцемъ. Вскорѣ за нимъ умеръ и братъ его Иванъ. Осталась неразрѣленная артель-семья изъ двоюродныхъ братьевъ. Еще при жизни отца, два сына его, Петръ и Сидоръ, ходившіе съ нимъ въ Москву, выказывали явное тяготѣніе къ легкой коммерческой жизни. Ядъ наживы быстро охватилъ ихъ. Они стали сторониться землепашества, а со смертью отца тотчасъ же пустились въ торговлю, въ городѣ. Многолѣтній союзъ рабочей артели-семьи рушился. Братья заговорили о раздѣлѣ. Между торговлей и землепашествомъ, между пронырливостью и трудомъ лежала бездна; связь не могла удержаться. Семья сначала распалась на двѣ половины, по родству: на семью Сысоевыхъ и на семью Ивановыхъ. Первая распалась тотчасъ же, сама собой, такъ какъ два брата, Петръ и Сидоръ, сообща повели торговое дѣло, а Павелъ остался при землѣ и продолжалъ ходить „въ серпы“ артелью съ семьей Ивана. Обѣ семьи, по раздѣлу, получили по ровной части закупленной Сысоемъ земли. Затѣмъ, на часть Павла изъ первой половины былъ сдѣланъ выдѣлъ.

Въ настоящее время, эта нѣкогда большая артель-семья распалась на пять дворовъ. Братья-коммерсанты, имѣя домъ въ городѣ, выстроили на удивленіе родной деревни еще хоромы-избу, ту двухъэтажную, крытую желѣзной крышей, о которой мы уже упоминали. Одинъ изъ братьевъ недавно умеръ, и теперь въ ней живетъ его жена, ведя съ своимъ деверемъ тяжбу изъ-за раздѣла. А самъ деверь Петръ Гордеевъ, торгуя въ городѣ бакалейными товарами, продолжаетъ считаться крестьяниномъ, наѣзжаетъ каждую недѣлю въ свою деревню, въ особенности въ праздники, такъ какъ сталъ церковнымъ старостой на погостѣ; несетъ на двѣ души надѣлъ, кажется, больше „для пригляду“ и для утѣхи своего старика-тестя, который и возится съ землей, по крестьянской привычкѣ. Петръ Гордеевъ ходитъ уже въ сюртукѣ; сыновья его старшіе кутятъ по клубамъ и

по московскимъ мамзелямъ, „всечасно огорчая тятеньку“; дочери ходятъ въ шелковыхъ платьяхъ и въ шляпкахъ, а младшій сынишка бѣгаетъ въ гимназическомъ мундирѣ.

Вдова другого брата коммерсанта, Сидора, толстая дебелая женщина, „сидитъ на капиталахъ“, какъ говорятъ, и только цѣлый день грызетъ орѣхи, да отъ всякаго встрѣчнаго барина спрашиваетъ совѣтовъ, какъ бы ей доѣхать своего деверя, который обидѣлъ ее въ раздѣлѣ. У нея сынъ подростокъ лѣтъ 15 — 16, учится въ Москвѣ въ какихъ-то художественныхъ классахъ; на лѣто пріѣзжаетъ въ деревню и бьетъ баклуши. Семья брата Ивана распалась на три двора, изъ которыхъ одинъ дворъ молодого мужика Алексѣя, а два другихъ — вдовьи, отъ помершихъ братьевъ; одинъ былъ гусаромъ—такъ и вдова его теперь зовется „гусарихой“; у этихъ вдовъ полны руки ребятишекъ, все малъ-мала меньше, по всѣ онѣ тянутъ надѣлы: „гусариха“ на одну душу, другая вдова — на двѣ. Такъ распался строго-гармоническій строй старой промышленно-земледѣльческой артели-семьи.

Въ одной изъ слѣдующихъ главъ мы еще вернемся къ этому факту и представимъ нѣсколько соображеній о раздѣлахъ вообще.

Этимъ „гордеевскимъ концомъ“, какъ называютъ крестьяне подъ рядъ стоящія избы раздѣлившейся гордеевской семьи, и оканчивается одна сторона нашей деревни. Это — „красная сторона“, такъ какъ и солнышко больше ласкаетъ ее, да и Богъ достаткомъ не обижаетъ. Та сторона, гдѣ поселился я, — „холодная сторона“, лицевыми окнами на сѣверъ смотритъ, а солнышко печетъ ее только сзади. И людямъ жить холоднѣе. Вся она сплошь уже заставлена обычными крестьянскими избами, которыя тяжелая нужда уравняла подъ одну архитектурную рамку. Силился было выбиться изъ этого однообразія съ своей избой дѣдъ Матвѣй, да и то осѣлся на половинѣ: хорошо у него задумана изба, да проконопачена только въ половину, а вмѣсто фундамента дыра, въ которой свободно гуляетъ вѣтеръ. Холодно! въ особенности, когда подуетъ съ сѣвера.— „Это у нихъ сторона захудалая, говорилъ мнѣ послѣ пастухъ: — голь все перекатная! Попадешь на нее „кормиться“ въ чередъ—не разъѣшься: то и думаешь, какъ бы ребятъ еще не объѣсть!“ Дѣйствительно, эта сторона принадлежала тому недоѣдающему и недосыпающему крестьянству, которое лишній полштофъ, выпитый „хозяиномъ“, уже разоряетъ, а за удовольствіе поставить разъ въ недѣлю самоваръ приходится переводить свой скудный лѣсишко, продавая въ городѣ по полтиннику возишки тонкихъ дровъ.

Достаточно было немногихъ наблюденій, чтобы замѣтить, что наша небольшая община пошла отъ немногихъ основныхъ корней, отъ трехъ-четырехъ семей, вѣроятно, путемъ раздѣловъ. И теперь еще это происхожденіе ясно уцѣлѣло въ четырехъ главныхъ прозвищахъ, подъ которыми извѣстны дворы. Одна часть ихъ, какъ мы видѣли, вся носитъ прозвище „Гордеевыхъ“ (пять дворовъ), другая—Шмонинныхъ (четыре двора), третья Шелохановыхъ (три двора), къ которой принадлежитъ и нашъ дворъ. Происхожденіе прочихъ дворовъ прослѣдить было трудно; но, несомнѣнно, что и они выдѣлились изъ двухъ-трехъ основныхъ корней и развѣ двора два-три пришлыхъ со стороны.

Таковъ, съ поверхностнаго взгляда, общій видъ и составъ нашей общины-деревни. Съ точки зрѣнія наблюдателя „новой деревни“, я былъ очень доволенъ, что судьба занесла меня именно въ эту общину. По моему мнѣнію, она представляла собою тотъ средній типъ современной „новой“ деревни, къ которому или стремятся приблизиться всѣ, вообще, русскія деревни, или нѣкоторыя успѣли шагнуть уже далеко дальше въ томъ же направленіи, т.-е. въ направленіи дезорганизаціи устоевъ деревни старой, какъ представительницы принципа труда и экономическаго равенства. Какъ видите, организація нашей общины, несмотря на ея очень небольшой объемъ, представляетъ, однако, собою довольно крайнія степени экономическаго неравенства, отъ „сидѣнья на капиталахъ“, погрызывая цѣлыми днями орѣхи, до „гусарихи“, бѣдствующей съ цѣлой оравой ребятишекъ; притомъ очень ясно дѣлится на „красную сторону“ и „холодную сторону“. Вы не увидите въ новой деревнѣ того единообразія „деревенскихъ устоевъ“, которое чаще бывало въ деревнѣ старой, захолустной. Вотъ почему „новая“ деревня такъ часто разочаровываетъ интеллигентныхъ мечтателей, ищущихъ въ ней идеаловъ. Къ „новой“ деревнѣ нужно много

и тщательно присматриваться, чтобы разобраться въ этой массѣ неожиданностей, которыми она поражаетъ, вопреки установившемуся мнѣнію о деревенской общинѣ, какъ носительницѣ идеаловъ. Больше чѣмъ гдѣ-нибудь при поверхностномъ взглядѣ мы рискуемъ здѣсь сказать неправду. Но зато для наблюдателя „новая“ деревня — кладъ. Здѣсь, какъ въ фокусѣ, онъ можетъ видѣть борьбу старыхъ традицій деревни съ новыми вѣяніями. Здѣсь для него еще яснѣе видно, какъ живучи въ деревнѣ ея излюбленные исконные идеалы, какъ устойчивы и неподатливы они, и, въ то же время, какъ сила иныхъ вліяній медленнымъ ядомъ подбирается къ самому сердцу общины.

Убьетъ ли этотъ ядъ общину? Или же община рѣшится на ампутацію и съ корнемъ вырветъ разъѣдающую ее гангрену?..

Перехожу, впрочемъ, „не мудрствуя лукаво“, къ изложенію своей скромной деревенской лѣтописи.

По уходѣ мужиковъ учитывать мышеядъ я остался сидѣть у своей избы, всматриваясь въ наружный видъ стоявшихъ предо мною избъ. Ко мнѣ подсѣлъ Вася, и скоро собралась вокругъ меня цѣлая куча ребятишекъ, прежде толкавшихся вокругъ сходки. Сначала подошли постарше, подростки, и остановились парами, обнявшись руками черезъ плечи, въ приличномъ отдаленіи; но затѣмъ скоро усѣлись рядомъ со мной на бревно. За ними явилась стая помельче и разсыпалась предо мной по травѣ. Скоро пристали и дѣвочки, съ маленькими ребятками на рукахъ. Всматриваясь въ ребячьи физіономіи, я замѣтилъ, во-первыхъ, что очень мало было здоровыхъ лицъ, и чѣмъ дѣти были моложе, тѣмъ болѣзненнѣе высматривали; во-вторыхъ, вовсе не было красивыхъ и свѣжихъ лицъ: у однихъ лица совсѣмъ зеленыя, безъ кровинки, „землистыя“, какъ говорятъ; у другихъ какая-то парша съѣла волосы и налѣпила, вмѣсто нихъ, на голову струпья; у третьихъ лица проѣдены оспой; двѣ дѣвочки косыя, тоже отъ оспы; у четвертыхъ какъ-то несоразмѣрно тонки ноги и раздуты животы. Вообще же, большая часть страдаетъ глазами; глаза красные, подслѣпые. Но маленькіе, отъ двухъ мѣсяцевъ до году, поражаютъ своей блѣдностью и худобой. Въ особенности меня поразилъ одинъ ребенокъ, на рукахъ у семилѣтней дѣвочки: его руки и ноги до такой степени были тонки, что превосходили всякое даже самое тенденціозное представленіе. Въ средѣ петербургскихъ рабочихъ нескоро такія отыщешь. Да, по правдѣ сказать, деревенскій „мужицкій“ ребенокъ вовсе уже не такъ здоровъ, сравнительно съ дѣтьми городского пролетарія, какъ это привыкли думать. Однѣ и тѣ же причины даютъ одни и тѣ же слѣдствія. Послѣ, когда я узналъ ямскихъ ребятишекъ всѣхъ чуть не по именамъ, для меня не оставалось сомнѣнія, что здоровѣе другихъ были дѣти зажиточныхъ крестьянъ; большинство же больныхъ и хилыхъ отъ бѣдности: скверныя жилища, возмутительно плохое питаніе, непосильный ранній трудъ. И все это, несмотря на деревенскій воздухъ, несмотря даже на то, что, въ общемъ, крестьяне жалѣютъ и ласкаютъ своихъ ребятишекъ. Подростки и парни, напротивъ, выглядятъ уже значительно здоровѣе. Вѣроятно, потому, что они тѣ индивидуумы, которые успѣли восторжествовать въ борьбѣ съ окружающими условіями, какъ натуры болѣе крѣпкія Извѣстно, что крестьянскихъ ребятишекъ мретъ масса.

Ребята на моихъ глазахъ возились, щипались, боролись. Одни поощряли борцовъ, другіе смотрѣли равнодушно и больше вслушивались въ нашъ разговоръ съ Васей. А мы вели съ нимъ солидную и степенную бесѣду, къ которой скоро пристало большинство дѣтей отъ 10 до 13 лѣтъ. Я бесѣдовалъ съ ними съ большимъ удовольствіемъ. Столько было въ ихъ разговорахъ простоты и *естественности*, что какъ-то само собой приходило въ голову сравненіе съ дѣтьми нашей интеллигенціи не въ пользу послѣднихъ. Прежде всего бросается въ глаза та разница, что съ нашими дѣтьми приходится говорить непремѣнно „по-дѣтски“, поддѣлываясь подъ складъ ихъ понятій и развитія, что не легко, конечно; если же ребенокъ говоритъ съ вами тономъ выше своего разумѣнія, вы видите, что онъ обезьянничаетъ, что онъ ломается, рисуется. Совсѣмъ другое дѣло здѣсь. Вы можете говорить съ крестьянскимъ мальчикомъ, какъ съ мужикомъ, обо всемъ, не выходя, конечно, изъ круга деревни. И на все получите простые, естественные отвѣты, почти настолько же дѣльные, какъ и отвѣты ихъ отцовъ. Одинаково толково или безтолково, какъ и его отецъ, разскажетъ онъ вамъ про общественныя дѣла деревни, про жизнь

той или другой семьи; мѣткимъ прозвищемъ охарактеризуетъ проходящаго мимо мужика и еще посмѣется надъ нимъ; свободно какъ взрослый, третируетъ онъ волостного писаря, старшину. И все это безъ напвничанья, безъ ломанья, безъ рисовки. Очевидно, это результаты воспитанія самой жизнью, а не школой, общиной, а не казеннымъ педагогомъ.

— Ну, что, посмотрѣлъ, какъ наши мужики шумятъ? — спросилъ меня Вася, весело встряхнувъ остриженными въ скобку волосами.

— Поглядѣлъ. Ругаются здорово.

— Ему въ новинку мужицкіе-то разговоры! — Любо! подхватили другіе и засмѣялись.

— Еще это что! Такъ ли у насъ ругаются! — продолжалъ Вася: — нашъ мужикъ — буянъ. Ты погляди, когда онъ выпьетъ...

— Тогда и тебѣ достанется, даромъ что баринъ... Наши мужики тюрьмы не боятся,—подкрѣпляли прочіе...

— Часто у васъ сходки бываютъ?

— Да каждый день! Вотъ сказалъ!.. Да еще и днемъ-то раза два или три... Лѣтомъ у насъ только спятъ, да ѣдятъ въ избахъ, а коли не работаютъ, такъ и все у избъ трутся... У насъ на улицѣ весело живутъ!.. Соберутся вотъ эдакъ, сидятъ - сидятъ да и надумаютъ за мірской счетъ за водкой послать... Выпьютъ—ругаться начнутъ, содомъ по деревнѣ до глухой ночи стоитъ... А то мірскіе чаи пьютъ... Тоже моду завели!..

— А какъ ихъ не пить! Коли ихъ не пить, такъ что же и пить? Нынче старики-то пива мірскія не варятъ... Разучились! — возразилъ одинъ бѣлоголовый мальчикъ, сверстникъ Васи. Замѣтно, Вася относился къ мужицкимъ удовольствіямъ строго; напротивъ, бѣлоголовый мальчикъ—снисходительно, душевно и мягко. Вася былъ пуританинъ и „обстоятельный мужикъ“; бѣлоголовый его пріятель—больше поэтъ.

— По какому же это случаю и на какія деньги пьютъ?—спросилъ я.

— На какія деньги! А вотъ какія на міръ сбѣгаютъ: штрафныя, или за потраву, съ ренды идутъ тоже... Вотъ недавно скотъ гнали, потрава была... Съ поповъ тоже недавно за потраву рубль съ полтиной содрали... Вотъ на эти деньги и пьютъ... Здѣшній мужикъ—уличный мужикъ, пьяница...

— Ничего не пьяница,—замѣтилъ бѣлоголовый пріятель,—а такъ—въ избѣ на печкѣ не парится... За чаемъ у него и разговоры всякіе, и смѣхъ... У насъ весело!.. Это въ нашей деревнѣ весь вѣкъ ровно поминки справляютъ.

— Рубль съ полтиной! нашелъ деньги!—возразилъ подростокъ, старше всѣхъ, съ краснымъ пятномъ во всю щеку.—Нѣ дѣлить же ихъ!.. По двѣ копейки на брата придется—все равно, зря уйдутъ: ни въ прибыль, ни въ удовольствіе.

— Въ нашей деревнѣ, небось, этихъ денегъ не пропьютъ,—опять обстоятельно резонировалъ Вася:—у насъ ихъ въ кассу сдаютъ, старостѣ на руки... А потомъ недоимки выплачиваютъ. (Напомню, что Вася былъ, по отцу, изъ сосѣдней деревни.) Бѣлоголовый мальчикъ скептически покачалъ головой и улыбнулся.

— А какимъ же порядкомъ мірскіе чаи распиваютъ у васъ? Въ избѣ?

Бѣлоголовый мальчикъ вдругъ встрепенулся и тотчасъ же подхватилъ мой вопросъ.

— У насъ это весело!.. Вся деревня сбирается! — скороговоркой заговорилъ онъ, словно боясь, чтобы его кто-нибудь не перебилъ.—Первое дѣло—посередь деревни, вотъ тутъ, насупротивъ насъ, козлы поставятъ, на козлы доски положатъ, длинныя... Это столъ будетъ... Потомъ два самыхъ большихъ самовара возьмутъ, у тетки Аграфены одинъ, да вотъ у мясника Алексѣя другой... Ихъ и поставятъ на столъ по краямъ... А по середкѣ—водки боченокъ. Павелъ Сысоичъ графинчики да рюмки вынесетъ. Всѣ вокругъ стола и засядутъ...

— Кто же всѣ? Вся деревня?

— Сядутъ-то только большаки, а тамъ подходи, кто хочешь... Кто водку пьетъ—тому водки подносятъ. А кто водку не пьетъ—чаемъ подчуютъ. У насъ есть такіе старики, что водки не пьютъ, или бабы... Ну, имъ пряничныхъ орѣховъ покупаютъ... Намъ тоже даютъ. Пастуховъ угощаютъ... Такое веселье идетъ!—закончилъ мальчикъ и весело улыбнулся, даже сконфузился нѣсколько за свой восторгъ. Видимо, онъ отъ души сочувствовалъ деревенскимъ клубнымъ вечерамъ.

— Любитъ Рыбкаъ весело пожить!—замѣтили другіе мальчики: очевидно, прозвище „рыбакъ“ относилось къ бѣлоголовому мальчику.

— Онъ у насъ и пѣвунъ, и плясунъ... Въ хороводахъ заодно съ парнями хо-

дитъ!... Онъ вотъ тебѣ еще пѣсню когда-нибудь споетъ!—сказалъ Вася.

— У него ужъ невѣста есть!.. Дѣвка въ три обхвата! — замѣтилъ подростокъ съ пятномъ на щекѣ, и ввернулъ, кстати, порядочную дозу сальности.

Рыбакъ сконфузился совсѣмъ и спрятался за спины дѣвочекъ.

— Вонъ у насъ идолъ-то главный! Только двое у насъ и есть бунтовщиковъ на всю деревню: быкъ да Алешка Гордеевъ!—вскрикнулъ подростокъ, указывая мнѣ на показавшагося на концѣ деревни здороваго, лохматаго мужика.

— Собакинъ! въ самый разъ прозвали... Ему другого имени нѣтъ!

— Бодунъ!

Мальчики захохотали и стали слѣдить за мужикомъ.

— Смотри, то ли не быкъ!—говорили мнѣ ребятишки, наперерывъ:—вишь, бурчитъ!.. Острожный!.. Ежели выпьетъ — хоть на цѣпь сажай! Только и спасенья.

— Онъ изъ братьевъ Гордѣевыхъ? Холостой?

— Какое холостой! Хозяйный... Двѣ дѣвчонки у него. Изба большая, новая... Вишь, строится...

— Чего же онъ балуется?

— А такъ вотъ: били мало въ молодости... Ну, братъ двоюродный, Петръ-то Сысоичъ, богатъ... Защиту въ немъ себѣ видитъ... Недавно мужика одного прибилъ, просто въ лоскъ положилъ въ кабакѣ... Мужикъ, ежели выпьетъ, совсѣмъ дуракъ станетъ... А этотъ—звѣрь-звѣремъ...

— И трезвый такой же?

— Трезвый онъ—баранъ! Совсѣмъ баранъ!..

— Трезваго его хоть на поцѣпкѣ води!

— Трезваго мы его не боимся.

— Изъ трезваго изъ него—веревки вей!

И въ доказательство своихъ словъ, ребятишки стали звать Собакина къ намъ.

— Собакинъ! Алексѣй!..—кричали они: —иди скорѣй!.. Баринъ съ тобой знакомиться хочетъ... Хочетъ тебя табакомъ угостить.

Собакинъ, шедшій до этого посрединѣ улицы, наклонивъ внизъ лохматую голову, остановился, посмотрѣлъ и повернулъ въ нашу сторону. Дѣйствительно, онъ смахивалъ на быка. Здоровый, мускулистый, съ шапкой рыжихъ кудрявыхъ волосъ и рыжей бородой, съ красными опухлыми щеками—онъ напоминалъ мясниковъ, или тѣхъ купеческихъ молодцовъ, которые замѣняютъ собою церберовъ замоскворѣцкихъ хоромъ. Онъ былъ въ красной рубахѣ, босикомъ. Рубаху надувалъ ему подмышками вѣтеръ, отчего онъ казался еще толще. Въ волоса ему застряло сѣно. Глаза были заспаны.

— Кто меня Собакинымъ кричалъ?—спросилъ онъ ребятишекъ.—А?

Ребятишки разсыпались въ разныя стороны, только Вася да подростокъ сидѣли степенно со мной.

— Ахъ вы, сивые черти!.. Нѣтъ у меня что ли крещенаго имени? Попадитесь мнѣ подъ руку, задамъ выволочку—только клочья полетятъ!..

Въ послѣднихъ его словахъ уже не слышалось ни малѣйшаго гнѣва. Ребятишки снова обступили гурьбой, а Алексѣй, конфузливо почесывая лохматку, подсѣлъ ко мнѣ.

— Ваше благородіе, извините... Пьянъ вчера былъ... Гдѣ у васъ мужики-то всѣ?—спросилъ онъ ребятишекъ.

— Заспалъ!.. Лови ихъ, мужиковъ-то!.. Храпунъ!.. Вѣдь, тебя будили, лѣшаго... Дѣдъ Матвѣй съ оглоблей ходилъ—ворочать-то тебя...

— Ахъ, драть бы тебя... заспалъ! Да ну ихъ къ лѣшему, ваше благородіе! Никакого резонту нѣтъ въ наши обчественныя дѣла встрѣвать... Спишь, али не спишь—все одна цѣна... Позвольте, ваше благородіе, папироской одолжиться...

Я далъ ему папироску. Онъ посмотрѣлъ вдоль улицы—и не рѣшился закуривать.

— Кури, кури, мы не скажемъ,—закричали ребятишки: — никого нѣтъ изъ мужиковъ-то! Покури ужъ съ бариномъ-то.

— А тетка-то Аграфена, — замѣтилъ одинъ мальчикъ.

— Гдѣ?—спросилъ Алексѣй.

— Вонъ, вонъ она!.. Вонъ! глядитъ изъ окна!..

Алексѣй взялъ папироску въ кулакъ и ушелъ курить на задворки. Ребятишкамъ опять веселье. Хохотъ. Оказывается, что у нихъ въ деревнѣ курить „не въ привычку“, и никто не куритъ, кромѣ Алексѣя. И Алексѣй, бородатый хозяинъ, отецъ семейства, куритъ на задворкахъ гдѣ-нибудь, присѣвъ на корточки, какъ школьникъ. Я думалъ, нѣтъ ли у нихъ на этотъ счетъ какого-нибудь приговора, не положены ли какіе-нибудь штрафы. Оказывается, ничего подобнаго нѣтъ. А такъ — „не въ привычку“, „засмѣютъ“, „Аграфена застыдитъ“... Своего рода требованіе общественнаго приличія.

Точно также во всей деревнѣ, споконъ вѣка, не было ни одной собаки. „Не любятъ“. „Пробовали заводить — камнями закидают“.

Въ это время, постукивая въ оконныя полотенца подогомъ, пробирался по деревнѣ нищій съ сумой. Изъ однихъ оконъ, гдѣ на этотъ разъ была хозяйка, подавали ему; изъ другихъ, гдѣ у воротъ домовничали только маленькія дѣвочки, не отвѣчали. Скоро нищій подошелъ къ намъ.

— Это Степа Гущинъ, — сказали мнѣ ребятишки.

Нищій былъ еще молодой, лѣтъ тридцати, но худой, изможденный мужикъ, смотрѣвшій дурачкомъ, безсмысленно бѣгая глазами съ предмета на предметъ; но въ то же время и въ его взглядѣ, какъ будто мимолетно, и въ складѣ его губъ выражалось что-то скорбящее, грустное, которое онъ хотѣлъ какъ будто скрыть, усиливая юродство. На немъ былъ рваный, старый суконный армякъ, ничѣмъ не подпоясанный; на тѣлѣ грязная изгребная рубаха и порты. Онъ что-то промычалъ сначала и потомъ, протягивая мнѣ руку, прибавилъ: „подай!“

— Подай ему,—сказалъ мнѣ Вася.— Онъ порченый. Испортили его.

— Я—порченый, — подтвердилъ какъ-то грустно самъ Степа Гущинъ.

— Прежде заправскій былъ парень,— сказалъ подростокъ.—Да жениться сталъ, на свадьбѣ его и испортили... И пошло съ того дня хуже, да хуже ему. Жена у него есть, мальчишка.

— Кто же его испортилъ?

— Лихіе люди... Такіе люди есть лихіе!- выразительно смотря на меня, сказалъ бѣлоголовый „рыбакъ“.

— Ты и работать ужъ не можешь?

— Куда ему работать! Развѣ можно работать, коли порча!

— Куда мнѣ работать!.. Давно ужъ работа отъ рукъ отбилась,—подтвердилъ опять Степа.

— Его трясучка трясетъ.

— Онъ ужъ теперь Божій!—опять сказалъ, попрежнему выразительно глядя мнѣ въ глаза, бѣлоголовый мальчикъ.

— Его ужъ теперь міромъ кормить— одно осталось. Съ него взять нечего, — замѣтилъ обстоятельно Вася.

— А вы его не дразните? Случается, мальчишки дразнятъ такихъ.

— Дразнятъ и у насъ... Вотъ Гордѣевъ мальчишка, московскій... Только не всегда... Онъ больно жалобно смотритъ...

— Какъ же это тебя испортили?—спросилъ я Степу Гущина?

— Не знаю... На свадьбѣ... Еще раньше мнѣ говорили — испортятъ Гущина... Ну, стали свадьбу играть... Все ничего, а тамъ всѣ заговорили: Степана испортили... Испортили, да испортили; сталъ я задумываться... Тоска на меня напала, замѣчаю, что точно испортили...

Степа вздрогнулъ. Мнѣ не хотѣлось больше смущать его разспросами. Я далъ ему какую-то монету — и онъ пошелъ дальше, стуча по избамъ.

— У насъ многихъ портятъ... Вотъ въ сосѣдней деревнѣ бабенка у насъ живетъ... Клятая!.. Килы все сажаетъ,— заговорили ребята.

— Полноте вздоръ говорить.

— Ну, вотъ!.. Развѣ мы не знаемъ!.. Вотъ спросите мужиковъ. Нашимъ вотъ двоимъ мужикамъ килу посадила... Страсть ее какъ боятся!.. Ужъ это вѣрно... спроси кого хочешь...

— Пустяки вы все говорите. Скажите мнѣ—изъ васъ кто былъ въ школѣ?

— Да всѣ были.

— А учителя вы объ килѣ спрашивали?

Мальчики засмѣялись.

— Онъ чудакъ! — шептали они одинъ другому.

— Читаете-ли вы что-нибудь теперь?

Мальчики опять засмѣялись и показали пальцемъ на „рыбака“.

— Онъ вотъ только у насъ читаетъ... Пѣсенникъ у него есть.... Онъ все невѣстѣ читаетъ!

Рыбакъ опять сконфузился.

— А вы такъ, послѣ школы, ничего и не читывали?

— Чего намъ читать?..

— Да зачѣмъ же вы учились?

— Вотъ мужиками будемъ—рихметику станемъ считать, въ правленьи подписи ставить.

— Да, вѣдь, этакъ все перезабудете?

— Бываетъ, что и забываютъ.

— Такъ у васъ ни одной книги и нѣтъ?

— Митрошка вонъ на базарѣ сказку купилъ... У отцовъ церковныя книги есть... Когда почитаемъ.

Какъ разъ въ это время съ озера подошелъ къ намъ учитель. Онъ только-что выкупался. Ребятишки равнодушно отодвинулись отъ насъ нѣсколько.

— Купались?—спросилъ я.

— Купался, — флегматично произнесъ онъ.—А вы что?

— А я вотъ съ ребятами бесѣдо-

валъ. Все ваши ученики... Объ килѣ говорили... Вотъ они разсказывали мнѣ, какъ у нихъ баба килу сажаетъ, людей портитъ...

— У нихъ этихъ разсказовъ много... Невѣжество!—подтвердилъ учитель.

— У нихъ очень много предразсудковъ, суевѣрій, а между тѣмъ никто ихъ не научитъ... И книгъ у нихъ никакихъ нѣтъ... Зачѣмъ же грамота?

— У насъ—программа... Въ два-то года съ однимъ Говоровымъ да Рождественскимъ умаешься... Я съ вами, впрочемъ, раскланяться пришелъ.

— Вы куда же?

— На родину ѣду, на каникулы.

— Счастливый путь...

— Погулять пока... А тамъ, зимой, опять канитель!—прибавилъ учитель, пожимая мнѣ руку, и на его кисломъ лицѣ отразилось нѣчто въ родѣ улыбки. Онъ обернулся и мѣрной, саженной, семинарской поступью отправился къ погосту, не обративъ на ребятишекъ ни малѣйшаго вниманія. Ребятишки тоже, кажется, не болѣе сочувственно относились къ нему.

По уходѣ учителя, я предложилъ мальчуганамъ проводить меня въ лѣсъ, замѣтивъ, между прочимъ, что должно быть у нихъ теперь никакого особенно экстреннаго дѣла нѣтъ.

— У насъ теперь дѣла нѣтъ! У насъ теперь время такое: мужики силу нагуливаютъ!.. Теперь только пока и знакомься съ нами... Ужо страда настанетъ,—некогда будетъ разговоры-то разговаривать! А теперь мы духу набираемся!—отвѣчали разомъ ребятишки, и цѣлою стаей двинулись мы черезъ лугъ къ рощѣ, засѣвшей въ оврагѣ между двумя горами.—Дѣйствительно, это было именно то время, когда сельскохозяйственная дѣятельность какъ будто замираетъ, ожидая, что вотъ дня черезъ три-четыре, а можетъ черезъ недѣлю, не нынче-завтра, вдругъ на вечерней сходкѣ, предъ ужиномъ, мужики надышатся, посмотрятъ на чистое небо, снимутъ шапки, перекрестятся и положатъ рѣшенье: „выходить завтра въ луга“. Поужинаютъ и лягутъ всѣ значительно раньше. Значитъ, наступила „страда“. Это было именно время предъ страдой, когда посѣяно уже яровое, когда травы еще не вошли въ сокъ, когда мужикъ „правитъ соху“ и „нагуливаетъ силу“. Въ это время больше всего бываетъ и сходокъ: мужикъ торопится прикончить всѣ стороннія полевой работѣ дѣла.

Войдя въ рощу, мои ребята бросились вразсыпную, и только Вася, заложивъ руки въ кармашки какого-то не то казакинчика, не то кацавейки степенно шелъ рядомъ со мной. Мы не говорили больше. Изъ моей головы не выходила наша недавняя бесѣда. И этотъ „порченый“ Степа Гущинъ, грустный Степа, такъ глубоко и искренно убѣжденный, что ужъ онъ—„не настоящій мужикъ“... Кто виноватъ въ судьбѣ этого несчастнаго?.. И этотъ бѣлоголовый рыбакъ, этотъ впечатлительный мальчикъ, восторженный, такъ вдумчиво говорившій о „лихихъ людяхъ“ и при этомъ такъ выразительно смотрѣвшій своими сверкавшими глазами... Въ чемъ ручательство, что эта богатая натура не кандидатъ въ Степы Гущины?.. А вотъ и *народная* школа, учитель, его „программа“ и „канитель“... Все это вертѣлось у меня въ головѣ и, какъ-то само собой, вызывало рядъ воспоминаній, сопоставленій... Вотъ что припомнилось мнѣ. Года два предъ этимъ, прожилъ я нѣсколько недѣль близъ Николаевской желѣзной дороги, въ одной деревенькѣ Новгородской губерніи. Въ точно такое же время, въ половинѣ мая, сидѣлъ я на лавочкѣ подъ окнами избы своего хозяина крестьянина, высокаго, плотнаго и притомъ кривого („вилами на сѣнокосѣ высадили!“); былъ онъ отцомъ довольно большой семьи: у него два сына—парни, двѣ дѣвки — невѣсты, да трое малышей отъ 12 до 8 лѣтъ: два мальчика и дѣвочка. Двое самыхъ малыхъ сидѣли съ нами. Между прочимъ замѣчу, что всѣ его дѣти какъ-то рѣзко дѣлились на двѣ половины: одна была обыкновенной крестьянской комплекціи, въ другихъ замѣчалось что-то, не совсѣмъ заурядное въ крестьянскомъ житьѣ, признаки чего-то „барскаго“ въ сложеніи: худощавыя, „интеллигентныя“ лица, тонкіе и маленькіе пальцы на рукахъ, какая-то слабость и нѣжность сложенія. Оказалось, что мать ихъ (покойница) была изъ „привилегированныхъ“, воспитанница какого-то барина, по волѣ какихъ-то судебъ попавшая замужъ за сѣрого мужика. Вѣроятно, половинѣ своихъ дѣтей и передала она по наслѣдству нѣкоторые изъ своихъ барскихъ элементовъ. Да это вліяніе чувствовалось и на всемъ семействѣ, даже на самомъ хозяинѣ.

Самъ онъ держался степенно, говорилъ тихо; въ семьѣ тоже рѣдко ругались и никогда почти не употребляли нецензурныхъ выраженій.

— А что, дѣти у васъ грамотные?— бесѣдовалъ я со старикомъ.

— Старшіе всѣ грамотные... Какъ же! Сыновья-то учились, по-нашему, „по-мужицки“, а дочерей хозяйка обучила еще при жизни своей... А вотъ малыши „череду“ ждутъ. Гляди того, съ нонѣшней осени у насъ въ деревнѣ учоба начнется.

— Какъ это вы сказали: „по-мужицки?“ У васъ есть здѣсь школа, казенная?

— Есть, при волости... Да мы не посылаемъ туда. Первое дѣло—далече весьма, верстъ за семь, а вторымъ дѣломъ, по нашему-то, какъ у насъ издавна ведется, сподручнѣе для насъ...

— Какъ же именно это у васъ дѣлается?

— А у насъ *перехожій* учитель есть, изъ нашихъ, изъ крестьянъ будетъ... Плотникъ былъ прежде...

— Лазарь Лазаричъ,—добавилъ мальчикъ постарше.

— Анъ Еруслапъ Лазаричъ, — поправила дѣвочка.—У насъ всѣ его Еруслапомъ прозываютъ...

— Это такъ, въ шутку, — замѣтилъ отецъ.—Прозвали вотъ его ребятишки Еруслапомъ—и шабашъ!.. Что съ ними сдѣлаешь.

— Онъ не сердится... Ему еще любо такое-то прозвище,—замѣтила опять дѣвочка.

— Какъ же онъ у васъ началъ учить, чему и какимъ образомъ?

— Учить онъ началъ у насъ уже лѣтъ десять тому... Говорилъ я, плотникомъ онъ былъ прежде, да ногу сбѣдилъ, отрѣзали ногу-то. А онъ грамотный, начетчикъ, любитель былъ книжный... мы его къ этому дѣлу и пріурочили. На то время и старый-то померъ у насъ. Съ тѣхъ поръ и учитъ. Учитъ онъ всему, что самъ знаетъ: читать, писать, книжки читать по гражданскому и церковному уставу... А учитъ онъ у насъ въ трехъ деревняхъ по очереди. Эту зиму онъ въ сосѣдней деревнѣ училъ. А на ту зиму, гляди того, къ намъ перейдетъ. Потому и перехожимъ зовемъ... У насъ онъ начинаетъ учить съ краю, съ крайней избы. Наберемъ ему ребятишекъ съ десятокъ, вотъ онъ и кочуетъ съ ними изъ избы въ избу; въ каждой избѣ по недѣлѣ; тутъ ему и ночлегъ, и кормежка полагается... Не во всѣхъ избахъ, а въ тѣхъ только, отъ которыхъ въ эту череду ребятишки есть... Платимъ мы ему съ каждаго малыша по пятидесяти копеекъ въ мѣсяцъ. Вотъ онъ у насъ и валандается съ ними! +)

— Что жъ онъ, хорошій человѣкъ? Любятъ его дѣти? Не дерется онъ? Говорятъ, дерутся они очень.

— Мужикъ онъ у насъ смирный... Зачѣмъ драться! Отцы да матери тутъ не далеко... А ежели очень зоровать начнетъ, тоже не позволятъ... У всѣхъ на виду, вѣдь... Того гляди, и изъ деревни вонъ... А малость когда и поучитъ, такъ безъ этого тоже нельзя!.. Сами такъ учились!

— У васъ не раскольничья ли деревня?—спросилъ я, думая, что „перехожіе“ учителя—не продуктъ ли особыхъ условій.

— Нѣтъ, расколу здѣсь нѣтъ.

— Вы, значитъ, на школу при волости своимъ чередомъ платите?

— Платимъ, надо думать.

— Вѣдь, тамъ выгоднѣе учиться. Тамъ теперь свидѣтельство даютъ, льготы по воинской повинности?

— Даютъ?

— Даютъ. Развѣ не слыхали? У тебя, вѣдь, дѣти не имѣютъ этого свидѣтельства?

— Нѣту... Слыхали, что даютъ... Только хлопотно... Да еще кому-кому дадутъ, развѣ ужъ такъ, кому на роду написано...

Дня черезъ три послѣ этого, сидѣли мы также, какъ и теперь, на скамейкѣ, раннимъ утромъ. Утро было веселое, ясное, свѣжее. Съ луговъ еще не сошелъ туманъ; кое-гдѣ, въ лощинахъ, еще замѣтны были его молочныя полосы. Малые ребятишки скакали взапуски по улицѣ, играя въ лошади. Куча ихъ собралась на концѣ деревни и серьезно складывала изъ камней какую-то кучу. Скоро мы замѣтили, какъ эта группа повскакала отъ кучи и побѣжала навстрѣчу къ двигавшейся вдали фигурѣ. Вмѣстѣ съ нею вошли всѣ въ деревню. Пришедшій оказался высокій мужикъ въ ситцевой розовой рубахѣ, лѣтъ пятидесяти, съ узкою, жидкою, бѣловато-рыжею бородой, съ трубкой въ зубахъ. На головѣ у него былъ картузъ; черезъ плечо перекинутъ армякъ и узелъ съ мѣшкомъ и сапогами. Обутъ онъ былъ въ лапти.

— Еруслапъ Лазаричъ, тятенька, пришелъ! Глядико-сь, вонъ онъ! — вскрикнула маленькая дочь хозяина.

— Ой ли! никакъ и въ самомъ дѣлѣ онъ! То-то ребятишки сгрудились.

— Еруслапъ! Еруслапъ пришелъ!—закричали ребятишки, скакавшіе по улицѣ конями, и съ гикомъ проскакали навстрѣчу Еруслапу. За ними поднялись и наши

„полу-барчата“. Еруслань что-то болталъ съ ребятишками, привѣтствуя каждаго, вновь подходящаго, по имени и отчеству, съ шутливой ироніей. Вступивъ въ улицу деревни, онъ началъ заходить, по очереди, къ каждой избѣ: гдѣ присядетъ у воротъ съ хозяйкой, гдѣ въ окно стукнетъ и поздоровается, спросивши: „живы ли?“ гдѣ совсѣмъ войдетъ въ избу, и, если застанетъ хозяина, засидится тамъ минутъ на десять. Ребятишки все это время гурьбой ходятъ за нимъ и толпятся около избъ. Всталъ и я, и издали сталъ слѣдить за перехожимъ учителемъ съ его воспитанниками. Вотъ онъ вышелъ изъ пятой, по счету, избы, веселый, прожевывая огурецъ, которымъ, вѣроятно, закусывалъ „хозяйское угощенье“.

— А Гришутка гдѣ? Культяпко-то какъ?— спрашивалъ онъ ребятишекъ.— Почему такому его на парадѣ не видать?

— Культяпка-то умеръ, Еруслань Лазаричъ! Воспой, говорятъ, умеръ! — зашумѣли ребятишки.

— Ой! Эки дѣла, братцы!.. Какъ же это онъ такъ сплоховалъ? А мальчишка-то былъ вострый къ наукѣ какой! Жалко... Какъ же это такъ? А? А я ему еще хотѣлъ сказку купить въ Москвѣ... Три копейки стоитъ сказка-то...

— Намъ ужъ купи...

— Куплю и вамъ, это само собой... А вотъ Культяпку-то жалко!.. Зайдемъ-ка, ребята, къ матери его попечалиться!.. Плачетъ, чай...

И Еруслань снова заходилъ въ одну изъ избъ.

Наконецъ, онъ подошелъ и къ нашей избѣ, гдѣ у воротъ стоялъ мой хозяинъ.

— Максиму Максимычу!— салютовалъ Еруслань, пожимая ему руку.

— Еруслану Лазаричу! Али прикончилъ учобу-то?

— Прикончилъ... Прогнали: ну, говоритъ, тебя! Пора и себѣ, и ребятишкамъ спокой дать...

— Куда?

— Да къ домамъ пробираюсь... Свои, братъ, тоже ребятишки есть... Всю зиму не видалъ... Ну, тоже землишка кой-какая есть... Знаешь, чай? Помочь хозяйкѣ надоть. А то скажутъ, совсѣмъ отъ дому отбился. Въ Москву тоже хочу закатиться запрежде.

— Что такъ?

— Да такъ, дѣла есть... Брательникъ у меня тамъ въ фабричныхъ ходитъ... Объ фитанцѣ сговориться..

— Пѣшкомъ развѣ думаешь?

— Пѣшкомъ! А то еще какъ? Пройду, по теперешнему времени, съ вальготой! Некуда торопиться... А этотъ одёръ-то понѣ въ копеечку станетъ,—показалъ онъ по направленію къ желѣзной дорогѣ.

— Ну, зайди... Пообѣдай, да отдохни на дорогу-то.

— Нѣтъ, некогда... Немного еще прошелъ—отдыхать-то!.. А закуски-то ужъ я и то понабрался...

— Ну, выпей хошь на прощанье... Старуху повидай. Сестру мою.

— Зайди-и, Еруслань Лазаричъ,—звали и ребятишки. Вышли парни, его бывшіе ученики, поздоровались, „въ руку“ и тоже звали зайти. Сидѣлъ онъ у нашего хозяина долго.

— Ну, счастливый путь, Лазарь Лазаричъ! Такъ неравно—не застрянь тамъ у своихъ ребятишекъ,—провожали его.

— Нѣту, зачѣмъ... Своимъ лѣто будетъ, а чужимъ—зима! Ну, прощай, ребятишки! Да смотри, не мрите, какъ Культяпка!.. Что-бы быть въ комплектѣ!.. Книгъ принесу, сказокъ...

— Мы ждать будемъ, не обманывай, мотри!—кричали ребятишки и провожали Еруслана за деревню.

Я уловилъ и представилъ вамъ только внѣшній смыслъ этой сцены. Предоставляю вамъ самимъ дополнить—какое внутреннее содержаніе скрыто въ этихъ отношеніяхъ. Можетъ быть, этотъ Еруслань только и знаетъ варварскій методъ обученія „по-складамъ“? Можетъ быть, этотъ самый Еруслань съ воодушевленіемъ самъ разсказываетъ ребятишкамъ о „килѣ“ и „порчѣ“? Очень вѣроятно. Но одно несомнѣнно, что то, что передастъ онъ дѣтямъ,—прочно и крѣпко перейдетъ въ ихъ плоть и кровь, сольется органически съ ними... И несомнѣнно, что вмѣстѣ съ „килой“, онъ также искренно и чистосердечно передастъ и кое-что многое другое, болѣе высокое, важное и существенное... Онъ это умѣетъ. А въ этомъ вся *суть* школы... Не потому ли онъ *сподручнѣе* для крестьянъ?

Послѣ я встрѣтилъ нѣсколько такихъ учителей и въ нѣкоторыхъ деревняхъ Владимірской губерніи, существовавшихъ одновременно и почти бокъ-о-бокъ съ казенною школой.

— Вѣдь, эти учителя, кажись, запрещены?—спросилъ я крестьянъ.

— Да развѣ мы окажемъ его!—отвѣчали мнѣ.

Я пришелъ домой уже къ вечеру. Мужики вернулись съ волости—и ужинали. Они, кажется, были всѣ сердиты. Сердитъ былъ и дѣдъ Матвѣй—ихъ даромъ продержали только цѣлый день.

ГЛАВА IV.

Нѣчто объ изученіи будней крестьянской жизни.—Нравственная доблесть, какъ будничный обиходъ.—Семейные раздѣлы. — Схема народно-бытовыхъ основъ.

— Мѣшки... Тридцать четвертей... Зерно... всыпали... Да когда кто изъ васъ считалъ?.. Считали вы галокъ на застрѣхѣ. Я ссыпалъ... Мы съ братомъ... Да когда? Когда еще не въ раздѣлѣ были!.. Были вы! Да ты, лѣшій, спроси мужиковъ—вотъ они, старики-то!.. Зерно... всыпали... двадцать мѣшковъ... Просоръ... Мышеядь...

Вотъ какимъ, повидимому, совершенно безтолковымъ наборомъ словъ, какъ я упомянулъ выше, представится мужицкая сходка „свѣжему человѣку", не знающему самыхъ мелочныхъ, обыденныхъ подробностей деревенской злобы дня.

Но это еще ничего. Съ мелочами деревенскаго дня *свѣжій* человѣкъ можетъ скоро познакомиться, поразспросить мужиковъ—и дѣло разъяснится достаточно. Но для „свѣжаго человѣка" деревня имѣетъ въ запасѣ массу такихъ неожиданностей, которыя такъ просто не разрѣшаются, отъ которыхъ „свѣжаго" человѣка коробитъ и онъ становится предъ ними втупикъ, а затѣмъ сплеча рѣшаетъ „по свѣжему впечатлѣнію".

Вотъ, напримѣръ, объясненіе, данное мнѣ дѣдомъ Матвѣемъ и впослѣдствіи подтвержденное другими ямскими мужиками, относительно „мышеяди" и „просора".

— Ну, что, дѣдушка,—спросилъ я на утро дѣда Матвѣя, — много ли получили изъ общественнаго магазина зерна?

— Получили мы кукишъ съ масломъ!

— Неужели ничего?

— Ничего не ничего, а на то похоже: по мѣшку, часть, получимъ... Да не то, другъ мой сладкій, обидно,—пущай грабятъ!—а то, что вотъ цѣлую недѣлю десять деревень за носъ водятъ: приходи завтра—придешь, цѣлый день просидишь, „вотъ сейчасъ! вотъ погоди, сосчитаемъ!" до ночи просидишь, а тамъ опять приходи завтра.

— Да отчего же это? Старшина, что ли, у васъ фальшивитъ?

— Нѣтъ, ты про нашего старшину такъ не говори,—обидчиво и поучительно замѣтилъ дѣдъ, кивая головой:—старшина у насъ хорошій... Только *слѣпой*—вся бѣда въ томъ.

— Какъ *слѣпой*?

— Такъ, неграмотный, значитъ...

— Давно онъ у васъ?

— Нѣтъ, недавно... Второй годъ. Принялъ, видишь, братецъ, волость онъ на себя разбойную, грабительскую: все разграблено, нѣтъ ни записей, ни *кассы* (общественной кассы)... Тутъ и обернись!.. Вся надежда на память... А память у него, надо тебѣ сказать, изъ рѣдкихъ. Скажи Максиму Максимычу:—„я, молъ, Максимъ Максимычъ, вотъ столько-то ржи взялъ!" Приди чрезъ пять лѣтъ и спроси: „Максимъ Максимычъ, запамятовалъ я, сколько ржи всыпалъ?", и будь въ надеждѣ—скажетъ въ самый разъ. Ну, только съ нашей волостью на памяти далеко не уѣдешь!..

— Такъ отчего же все это дѣлается?

— А оттого, что безъ записей—какъ ты сообразишь? Одинъ говоритъ—я столько всыпалъ, другой—столько. Вотъ ты тутъ и разсуди по справедливости... Кабы зерно-то все было, такъ оно бы и ничего; потому — врать у насъ нельзя, лишку не скажешь. Дѣло видимое, у всѣхъ на міру. Раздѣлилъ бы значитъ — и шабашъ. А вотъ теперь и окажи справедливость, коли зерна-то на половину нѣтъ!

— Раздѣлили бы поровну!

— Эко-се, братецъ, больно прытокъ!.. Тоже и грабежъ-то надо разложить на всѣхъ, *по равненію*.

— Ну, хорошо... У васъ сколько покрали всего?

— Да гдѣ еще сосчитать!.. Вотъ все валандаемся.

— Ну, на вашу деревню, приблизительно?

— Да на одну нашу деревню клади такъ, что 106 мѣръ! Вишь, какую махину!.. Тоже брали безъ сумлѣнія, въ полную руку.

— Чего же вы смотрите? Отчего вы не судитесь, не взыскиваете?

— Да кому хлопотать-то охота? Спросишь одного: „да что, говоритъ, я своей частью поступлюсь, пожалуй! Съ голоду,

чать, съ пяти-то мѣшковъ не сдохну!..“ Спросишь другого: „да, вѣдь, и мнѣ, говоритъ, убытокъ-то не великъ!..“ Такъ всѣ за однимъ...

— Конечно, если въ одиночку, такъ невозможно... Но, вѣдь, у васъ міръ, у васъ община, вы можете хлопотать сообща!..

— Что говорить!..

— Что же? За чѣмъ дѣло стало?..

— А за тѣмъ и стало, что ежели вотъ этого нѣтъ, такъ что ты подѣлаешь?.. Этого пустой рукой не схватишь!..

Вотъ вамъ бесѣда объ „общественныхъ дѣлахъ“ съ мужикомъ. Каковъ онъ покажется „свѣжему человѣку“, да еще интеллигентному, да еще если онъ при этомъ заявился въ деревню „искать идеалы?..“ Съ благороднымъ негодованіемъ и непритворною грустью наполнитъ онъ литературу пенями и объ отсутствіи въ мужикахъ интереса къ общественнымъ дѣламъ, и о томъ, что среди мужиковъ не замѣчается и признака общинной солидарности, что община—это миѳъ и пр., и пр. И все это подкрѣпитъ такимъ аргументомъ: „вотъ какое впечатлѣніе производитъ деревня на *свѣжаго* человѣка!“

А, вѣдь, въ сущности, у насъ подъ „свѣжимъ“ человѣкомъ разумѣется наблюдатель, свободный отъ всякаго предварительнаго знакомства съ тѣмъ предметомъ, наблюдать который онъ отправляется. Вотъ почему такъ часты въ литературѣ пени и восторги предъ тѣмъ, что собственно ихъ ни мало не заслуживаетъ. Въ особенности это вѣрно относительно деревни. Здѣсь для свѣжаго человѣка раздолье: знаній предварительныхъ никакихъ о ней не имѣется, а предметовъ, вызывающихъ пени или восторги – пропасть. И въ концѣ-концовъ у наблюдателя деревня является то аркадскою идилліей, то скопомъ всего тупого, дикаго, звѣрскаго, стихійнаго, безъ проблеска свѣта. Это ужъ смотря по темпераменту наблюдающаго ее „свѣжаго человѣка“,—склоненъ ли онъ болѣе къ оптимизму, или же къ пессимизму. И вотъ отсюда та „неправда“, вольная и невольная, которая царитъ въ нашей интеллигенціи относительно деревни, то странное раздвоеніе, которое ощущаетъ человѣкъ, принимающійся за изученіе деревни по свѣдѣніямъ свѣжаго человѣка. Отсюда то замѣчательное смѣшеніе понятій, въ которомъ „своя своихъ не познаша“. А все потому, что мы наблюдаемъ деревню только по свѣжимъ впечатлѣніямъ и „опросамъ свѣдущихъ людей“, каковы: попы, учителя, семинаристы, помѣщики, волостные писаря, чиновники и проч. Эти „свѣдущіе люди“ деревни почему-то до сихъ поръ считаются компетентными въ сужденіяхъ о народной жизни. Я раньше точно такъ же думалъ, но это оказалось печальнымъ недоразумѣніемъ. Всѣ эти „свѣдущіе люди“, несмотря на то, что весь свой вѣкъ живутъ среди народа, въ вопросахъ объ исконныхъ устояхъ народной жизни являются наименѣе „свѣдущими“ въ нихъ, наименѣе способными понимать совершающееся предъ ихъ глазами. Невѣжество ихъ въ этомъ случаѣ поразительно. Конечно, могутъ быть исключенія. Но въ общемъ всѣ эти „свѣдущіе люди“ могутъ быть подведены подъ общій типъ того волостного писаря, который, какъ мнѣ передавали, на одинъ изъ вопросовъ „Програмы вольнаго экономическаго общества“, отвѣчалъ: „никакихъ способовъ пользованія землей у крестьянъ извѣстной мнѣ мѣстности не существуетъ“. Да и самое пользованіе „Программами“ ученыхъ обществъ, при непосредственномъ даже обращеніи съ заключающимися въ нихъ вопросами къ мужикамъ, требуетъ необходимаго предварительнаго пониманія того общаго смысла, который проходитъ черезъ всѣ вопросы, пониманія тѣхъ общихъ, основныхъ пружинъ, которыми движется крестьянская жизнь, наконецъ—знанія, хотя приблизительно, историческихъ воздѣйствій на эту жизнь. Только въ такомъ случаѣ, если вопросы, предлагаемые крестьянину, вы сумѣете поставить въ такую форму, дать имъ такое освѣщеніе и такъ иллюстрировать, чтобы крестьянину сразу они стали близки, знакомы, конкретны и въ то же время въ прямой связи съ общимъ смысломъ народной (въ данномъ случаѣ—общинной) жизни, только тогда на эти вопросы вы получите ясные, опредѣленные, типичные и оригинальные отвѣты. Иначе и крестьяне васъ не поймутъ и отвѣтятъ вамъ какими-нибудь общими, даже безсмысленными фразами, да и сами вы послѣ не разберетесь въ массѣ противорѣчій. Я приведу здѣсь изъ моей практики наиболѣе типичный примѣръ. Такъ всѣми нами, интеллигенціей, обществомъ, извѣстный разрядъ симпатичныхъ отношеній богатаго къ бѣдному, сильнаго къ слабому, сердобольнаго къ несчастному считается *подвигомъ*, нравственною

доблестью, чѣмъ-то какъ бы выходящимъ изъ общихъ условій жизни. Воспитанный въ такихъ взглядахъ, „свѣжій человѣкъ" начинаетъ бесѣдовать съ крестьяниномъ по „Программѣ" и задаетъ ему такой вопросъ: „помогаете ли вы бѣднымъ, несчастнымъ, въ трудныхъ случаяхъ жизни, напримѣръ, при родинахъ, крестинахъ и проч.?"

— Нѣтъ, мало помогаемъ!..—отвѣчаютъ мужики:—куда намъ помогать! Сами еле управимся!.. Самъ еще всякъ норовитъ у каждаго изо рту кусокъ вырвать!.. Нынче прижимистъ народъ сталъ... Такъ, милостынку подашь, при случаѣ...

И вотъ „свѣжій человѣкъ" сначала приходитъ, по обыкновенію, въ ужасъ, и затѣмъ заноситъ этотъ отвѣтъ въ записную свою книжку.

А между тѣмъ, въ этой же деревнѣ существуетъ цѣлая, гармоническая, высоко гуманная система взаимной помощи, прочно лежащая и органически вытекающая изъ основъ общинной народной жизни. Тутъ вы найдете широкое примѣненіе „помочей", въ разнообразныхъ видахъ, „череда", назначаемые для пріема путниковъ и для содержанія и прокормленія сиротъ, этихъ „общинныхъ или мірскихъ дѣтей". Но какъ же можетъ случиться такое противорѣчіе? А все это происходитъ оттого, что извѣстный разрядъ отношеній къ ближнему мужикъ не считаетъ нравственною, особенно выдающеюся доблестью; что въ общинѣ эти отношенія — *обязанность*, вошедшая въ *общій обиходъ* жизни, что подъ нравственнымъ подвигомъ крестьянинъ разумѣетъ уже такія отношенія къ ближнему, которыя стоятъ выше обязательныхъ общинныхъ отношеній, выше общаго уровня. Возьмите, напримѣръ, крестьянина, выдѣлившагося изъ общаго мірского строя, изъ общины, мужика, уже нѣсколько развращеннаго, напримѣръ, кулаковъ, мѣщанъ. Сбросивши всякія для себя *общинныя обязанности*, онъ понижаетъ уже и свой нравственный уровень. Помогать чужимъ дѣтямъ, сосѣдямъ въ трудныхъ случаяхъ жизни онъ уже не считаетъ себя обязаннымъ, и если дѣлаетъ это, то только во имя доставляемаго ему эгоистическаго нравственнаго удовлетворенія, и ужъ, конечно, считаетъ, съ своей стороны, этотъ поступокъ великимъ душеспасительнымъ подвигомъ.

Значитъ, мужикъ отвѣтилъ вамъ совсѣмъ не въ томъ смыслѣ, какъ того требуетъ изслѣдованіе народной жизни. Онъ васъ не понялъ. Значитъ, вамъ необходимо *умѣть* сдѣлать такую варіацію этого вопроса, дать ему такое освѣщеніе (лучше всего иллюстрировать конкретными аналогичными примѣрами), чтобы онъ понялъ васъ какъ нужно. А для этого, конечно, требуется то, что мы сказали относительно естествоиспытателя. И это тѣмъ необходимѣе здѣсь, что запасъ нашихъ свѣдѣній о народной жизни и ея исторіи, вообще, чрезвычайно скуденъ. Тутъ вы рискуете и при хорошей предварительной подготовкѣ постоянно натолкнуться на рядъ недоразумѣній, или же упустить совсѣмъ изъ виду многое, очень существенное.

Что же вы хотите отъ „свѣжаго человѣка", являющагося въ деревню налегкѣ, или *порхающаго* съ деревни на деревню, отъ села къ селу?.. Что онъ увидитъ? Что онъ пойметъ? Какіе отвѣты дастъ? Вѣдь, кромѣ того, что онъ, приведя *дословно* (какъ того совершенно основательно требуютъ „Программы") отвѣтъ вышеприведеннаго мужика, сообщитъ, въ сущности, ложь, но и если затѣмъ онъ встрѣтится въ той же деревнѣ съ практикою „помочей", онъ, предубѣжденный предыдущимъ отвѣтомъ, освѣтитъ ихъ совершенно иначе, чтобы не впасть въ очевидное противорѣчіе; онъ постарается посмотрѣть на эти помочи или какъ „на особый видъ найма", или какъ на стремленіе мужиковъ гдѣ бы то ни было „дербануть водки", значитъ, какъ на результатъ ихъ распущенности, въ силу которой они бросаютъ работы и идутъ помогать другимъ „за угощеніе". Мало и этого. Записавъ вышеупомянутый отвѣтъ, онъ рискуетъ въ своемъ *порханіи* нигдѣ не встрѣтить выразительнѣйшихъ и характернѣйшихъ фактовъ общинной жизни, какъ, напримѣръ, содержаніе круглыхъ сиротъ міромъ. Эти явленія, конечно, не въ частомъ бываньи. Въ одной деревни они могли быть, но очень давно, въ другой ихъ и совсѣмъ не было. А вотъ мужики отвѣчаютъ, что „гдѣ имъ!.. Объ своихъ заботы много!" Между тѣмъ, какъ иначе предложенный вопросъ открываетъ вдругъ любопытнѣйшую картину нравовъ... Или еще лучше: въ деревняхъ иногда высокое нравственное подвижничество до такой степени входитъ въ обиходъ будничной жизни, что замѣтить его очень нелегко, а это значитъ выпустить изъ виду опять-таки любопытнѣйшую и

поучительную черту нравовъ. Вотъ, напримѣръ, такая картина. Въ такъ-называемомъ „Медвѣжьемъ Углу" Владимірской губерніи, на границѣ Шуйскаго уѣзда и Костромской губерніи идетъ жнитво. Смотритъ „свѣжій человѣкъ", наблюдаетъ и видитъ, что бабы каждая усердно жнетъ на своей полосѣ. Но вотъ одна, здоровѣе, моложе, проворнѣе, раньше другихъ кончила свою полосу и, вдругъ, вмѣсто того, чтобы итти отдыхать домой, благословляя Бога за „спорость" своей работы, она, молча, какъ будто на свою собственную, переходитъ на полосу своей запоздавшей сосѣдки и начинаетъ *„дожинать"* съ нею вмѣстѣ. Вдвоемъ, онѣ, конечно, скоро кончатъ, и дожавъ, обѣ уже переходятъ на полосу третьей сосѣдки. Втроемъ онѣ еще скорѣе дожнутъ, и всѣ три переходятъ къ четвертой, еще болѣе малосильной, чѣмъ онѣ, еще болѣе опоздавшей жницѣ. Дожинаютъ здѣсь и уже впятеромъ переходятъ къ слѣдующей, и т. д., пока, наконецъ, у самой малосильной, можетъ быть больной, запоздавшей больше всѣхъ жницъ, на полосѣ собирается цѣлая *„помочь"*, которая мигомъ сожинаетъ весь хлѣбъ.

Вотъ вамъ любопытнѣйшая страница общинной жизни. А между тѣмъ, попробуйте спросить, не знавши раньше объ этомъ, мужиковъ о практикуемыхъ у нихъ помочахъ, или же предложите вопросъ, поставленный раньше нами. Вполнѣ вѣроятно, что мужики и не заикнутся объ этомъ любопытнѣйшемъ явленіи, потому что это „просто жнитво, страда, обиходъ", заурядное явленіе, помочь безъ приглашенія, безъ угощенія, безъ мысли о воздаяніи на томъ свѣтѣ—это *будни деревенской жизни.*

Приведеннаго мною, кажется, вполнѣ достаточно, чтобы убѣдиться, какъ осторожно, съ какой солидной подготовкой, какъ добросовѣстно, какъ внимательно должны мы приступать и относиться къ наблюденіямъ надъ деревенскою жизнью. А какъ мы относились до сихъ поръ? Всякое лыко для насъ было въ строку: нелѣпое, невѣжественное заявленіе писаря, помѣщика, причетника для насъ имѣло видъ неопровержимаго документа. А сами? Мы изливаемъ цѣлыя іереміады, негодуемъ, грустимъ, что наши смутныя представленія о „деревенскомъ раѣ", съ точки зрѣнія интеллигентныхъ идеаловъ, не оправдались... Мы даже не находили въ себѣ настолько нравственной добросовѣстности, чтобы усомниться въ прочности такого критерія, какъ „собственныя свѣжія впечатлѣнія". Пора, наконецъ, убѣдиться, что „свѣжій человѣкъ" —плохой наблюдатель, что наблюденіе деревенской жизни безъ предварительной подготовки — недобросовѣстно, что, въ противномъ случаѣ, наши выводы, какъ бы они ни были остроумны, — ложь, что, наконецъ, сами художники, вышедшіе изъ среды интеллигенціи и берущіеся за сюжеты изъ народной жизни, должны, во имя добросовѣстности, измѣнить методъ своихъ отношеній къ деревнѣ, основывая ихъ до сего времени *только* на непосредственныхъ впечатлѣніяхъ: они должны заняться такой же предварительной солидной подготовкой, какую имѣетъ солидный этнографъ и историкъ народной жизни. Иначе, повторяю, будетъ, какъ было до сихъ поръ,—кое-какіе единичные типики, сцены семейной жизни, построенныя на общихъ банальныхъ основахъ любви, ревности и пр. Но общаго смысла народной жизни, духа ея, который проходилъ бы черезъ всѣ типы, ту неизгладимой идеи, которая проникаетъ каждый непосредственный индивидуумъ народной массы, отъ нихъ не ждите.

Да простятъ мнѣ читатели это отступленіе. Мы всѣ пріобщились изъ общей чаши невѣжества относительно народа. Такъ ужъ лучше предостережемъ другихъ. Я, съ своей стороны, очень желалъ бы, чтобы начинающіе художники, чувствующіе особое тяготѣніе къ воспроизведенію народной жизни, обратили вниманіе на сообщенное мною выше. Нѣтъ надобности, конечно, указывать на это же лицамъ, къ которымъ будутъ поступать отвѣты на программы ученыхъ обществъ. Лучше меня, конечно, они понимаютъ, какъ осторожно должно пользоваться ими. По крайней мѣрѣ, мои товарищи, посвятившіе себя изученію народной жизни, нерѣдко съ негодованіемъ передавали мнѣ, съ какою массой сырого матеріала приходится имъ имѣть дѣло: недобросовѣстность, невѣжество, противорѣчіе, поверхностность—вотъ неизмѣнная подкладка тѣхъ этнографическихъ сообщеній, которыми „свѣжій" и „свѣдущій" культурный человѣкъ наводнилъ номера провинціальныхъ и столичныхъ газетъ и разнообразные сборники...

А, вѣдь, на этихъ данныхъ, въ большинствѣ случаевъ, покоятся наши воззрѣнія на народъ, ими подкрѣпляются,

ими обусловливается и ими же оправдываются цѣлыя системы, налагающія руку на завѣтнѣйшія основы народной жизни!..

Все вышесказанное, по моему мнѣнію, имѣетъ еще значеніе и въ томъ отношеніи, что ежели я, такъ сказать, заранѣе уговорюсь съ читателемъ, какъ смотрѣть на нѣкоторые изъ сообщаемыхъ мною разговоровъ съ мужиками и явленія деревенскихъ будней, то мнѣ не придется, по крайней мѣрѣ, къ этимъ разговорамъ и явленіямъ прибавлять какіе-либо комментаріи. Но для этой цѣли я необходимо долженъ набросать предъ читателемъ нѣкую схему образованія нашей малой общины, тѣмъ болѣе что здѣсь придется, кстати, коснуться одного, наивнаго по существу, но крайне крупнаго и важнаго по послѣдствіямъ, недоразумѣнія.

Недоразумѣніе это — тоже прямой результатъ этнографическихъ изысканій нашихъ „свѣжихъ" и „свѣдущихъ" людей. Я говорю о семейныхъ раздѣлахъ.

Кому неизвѣстно то общепринятое положеніе и ходячее мнѣніе, что семейные раздѣлы — язва народной жизни, разъѣдающая въ корень его благосостояніе, что постоянные факты распаденія „патріархальной" семьи — язва, дескать, и въ нравственномъ смыслѣ, что раздѣлы семьи—одна изъ главныхъ причинъ громаднаго накопленія недоимокъ; что раздѣлъ плодитъ „деревенскій пролетаріатъ", выпускаетъ массу разоряющихся мелкихъ хозяевъ, поддерживающихъ всеобщее недовольство, немогущихъ и неумѣющихъ обработать хорошо свой участокъ земли; что, вслѣдствіе раздѣловъ, общинная земля дробится и пр., и пр. тому подобное, что успѣли сообщить „свѣжіе" и „свѣдущіе люди" о деревнѣ. Вотъ какое зло эти раздѣлы! Дѣйствительно, въ существованіи этого зла убѣдилось и само, наконецъ, правительство, давъ инструкцію непосредственному крестьянскому начальству возможно менѣе допускать раздѣлы. Да чего еще лучше: попробуйте завернуть въ любую деревню, попробуйте заговорить съ мужикомъ (въ особенности со старикомъ) о раздѣлахъ, и онъ разодолжитъ васъ такими жалобами „на новыя времена", на увеличивающіеся раздѣлы, на непокорность сыновей, на стремленіе ихъ обособляться, на упадокъ, вслѣдствіе этого, благосостоянія и нравственности, что вы, наконецъ, принуждены будете отдать полную честь проницательности „свѣжихъ" и „свѣдущихъ людей", а вмѣстѣ съ ними и мудрымъ мѣропріятіямъ. И какъ вамъ, вѣроятно, тоже извѣстно, что корень этого зла—баба, деревенская баба!.. Вотъ какая злоехидная эта деревенская баба! „У насъ всѣ раздѣлы отъ бабъ", — говорятъ старики въ деревняхъ. „Баба — главная причина раздѣловъ", — повторяютъ „свѣжіе" и „свѣдущіе" люди...

Но если вы внимательно присмотритесь къ основнымъ устоямъ общинной жизни, посмотрите, что за недоразумѣніе выходитъ!

Въ III-й главѣ, если помнятъ читатели, мы упомянули о большой промышленно-земледѣльческой артели-семьѣ братьевъ Гордеевыхъ. Мы представили въ ней наилучшій типъ большой крестьянской семьи. А между тѣмъ, въ концѣ-концовъ, мы должны были сказать: „такъ распался строго-гармоническій строй старой артели-семьи, выдѣливъ изъ себя нѣсколько малыхъ семей, при крайнемъ неравенствѣ благосостоянія: одни богатѣли, другія все больше и больше бѣднѣли".

Тогда я и оставилъ эту раздѣлившуюся семью, обѣщавъ вернуться дальше къ раздѣламъ вообще. Очень вѣроятно, что многіе изъ читателей пожалѣли вмѣстѣ со мной о распаденіи этого „гармоническаго строя большой семьи". Но врядъ ли наши сожалѣнія направлялись въ одну сторону. Принимая во вниманіе то общее предубѣжденіе, которое существуетъ въ обществѣ относительно раздѣловъ, надо думать, что въ томъ же родѣ были и сожалѣнія читателя. Но здѣсь приходится сожалѣть совсѣмъ о другомъ.

Такъ какъ, по моему мнѣнію, вопросъ о раздѣлахъ чрезвычайно важенъ, то я не могу отказать себѣ въ желаніи привести здѣсь нѣсколько общихъ соображеній по поводу его.

Прежде всего надо констатировать слѣдующія два положенія, къ которымъ привели научныя изслѣдованія обычно-общинной жизни народа: во-первыхъ, то, что раздѣлъ представляетъ явленіе глубокой старины, а во-вторыхъ, то, что онъ — явленіе прогресса. И это понятно. Семья наша есть тѣсный, ограниченный союзъ лицъ, связанныхъ между собою не свободнымъ договоромъ правомѣрныхъ личностей, а узами родства, переходящими нерѣдко въ узы патріархальнаго деспотизма. Слишкомъ тѣсный союзъ лицъ, въ особенности при отсутствіи достатка,

неизбѣжно вызываетъ рядъ самыхъ мелочныхъ столкновеній, повидимому, ничтожныхъ въ общемъ смыслѣ, но очень чувствительныхъ для каждой отдѣльной личности, и въ особенности для „бабъ", какъ наиболѣе опутанныхъ мелочами семейной будничной жизни.

Интеллигенція очень хорошо это знаетъ по себѣ, и между тѣмъ ставитъ невозможныя требованія для мужика. Она не хочетъ признать, что мужикъ такъ же имѣетъ право на правственную свободу личности, что бабѣ такъ же не чужды и чувство ревности къ своимъ дѣтямъ, къ мужу, и чуткость къ самымъ тонкимъ оскорбленіямъ, какъ и любой дамѣ общества, что у мужика можетъ быть свой сердечный уголокъ, въ который онъ не желаетъ впустить распоряжаться каждаго; что на этотъ завѣтный уголокъ онъ имѣетъ такое же неотъемлемое право, какъ и всякій человѣкъ. А между тѣмъ отъ него требуютъ, чтобы этотъ завѣтный уголокъ онъ принесъ въ жертву матеріальнымъ выгодамъ большой семьи. Понятно, что большая семья неизбѣжно должна распасться на *естественныя*, меньшія группы. Какъ бы ни были велики выгоды большого семейнаго союза, онъ никогда не переступитъ извѣстной *естественной* границы, за которою неизбѣжно слѣдуетъ распаденіе. Эта граница дѣлается все уже и уже, чѣмъ болѣе пробуждается въ личности сознаніе индивидуальной самостоятельности, правъ своего нравственнаго *я* и вмѣстѣ съ этимъ сознаніе преимуществъ *свободнаго* общиннаго союза. Существованіе иного союза, даже въ наиболѣе справедливой формѣ артели-семьи, неподверженной риску болѣе или менѣе близкаго, неминуемаго распаденія, немыслимо безъ искусственной, насильственной поддержки, путемъ ли „мѣропріятій", или путемъ нравственнаго гнета, или путемъ матеріальныхъ выгодъ. Между тѣмъ, *просто артель* представляетъ собою *естественную* группу, которая можетъ распадаться и вновь соединяться безъ гнета и насилія. Высшей формой такого естественнаго союза является *община* (у насъ преимущественно сельскохозяйственная). Какъ только примитивная форма союза личностей, семья, заявляетъ стремленіе къ органическому, естественному распаденію, такъ тотчасъ къ обособляющимся единицамъ семьи приходитъ на помощь община. Неизбѣжнымъ слѣдствіемъ распаденія семьи, конечно, въ матеріальномъ смыслѣ является упадокъ благосостоянія, могущій дойти до того, что обособившіяся единицы рискуютъ или погибнуть отъ нужды, или вновь поступиться своей нравственной свободой. Но здѣсь-то община, вопреки увѣреніямъ многихъ въ противномъ, и является покровительницей нравственной индивидуальной свободы. Обособившейся отъ семейнаго союза единицѣ она дастъ, во-первыхъ, въ видѣ „собственной усадьбы", гарантію нравственной свободы, предоставляя индивидууму въ полное, безконтрольное распоряженіе тотъ „завѣтный, сердечный уголокъ", который такъ дорогъ каждой личности, и регулируя злоупотребленіе этой свободой исключительно въ видахъ справедливости; во-вторыхъ, въ формѣ сельскаго схода и суда,—гарантію полнаго проявленія личной, самостоятельной воли каждаго, при условіи абсолютнаго равенства, доведеннаго до той степени, при которой на рѣшеніе большинства можетъ быть наложено veto каждою отдѣльною личностью, и это рѣшеніе не можетъ вступить въ силу иначе, какъ послѣ настойчивыхъ попытокъ сдѣлать его единодушнымъ; въ-третьихъ, въ формѣ общиннаго владѣнія и труда, право на всѣ выгоды общаго труда и общаго, равноправнаго пользованія всѣмъ достояніемъ общины, и въ-четвертыхъ,—*помочь*, какъ самое широкое проявленіе коллективной нравственности, когда община идетъ на помощь личности или въ чрезвычайныхъ, экстраординарныхъ случаяхъ жизни, или же узаконяетъ извѣстную форму помочи, какъ обиходъ, какъ начало, дѣйствующее постоянно (что мы и видѣли выше).

Вотъ какія широкія и глубоко-гуманныя основы для совмѣстнаго существованія человѣческихъ индивидуумовъ выработалъ народъ и выработалъ, какъ показываетъ исторія, еще „на зарѣ цивилизаціи". Эти же основы—краеугольный камень нашей народной жизни; на нихъ покоится все міровоззрѣніе народа, его инстинкты, его стремленія, его будущее...

Такова схема устоевъ народной жизни, одинаково справедливая и для ничтожной общины—деревеньки, въ три-пять дворовъ, и для огромнаго общиннаго союза въ видѣ общины—волости. Вотъ образъ для этой схемы: безпредѣльное, глубокое, спокойное, но не безжизненное море, поверхность котораго чуть замѣтно, но плавно волнуется. На этой поверхности по-

стоянно одна за другой рождаются, встаютъ и снова таютъ невысокія волны, образуя въ общемъ мелкую рябь, производимую тихимъ, равномѣрно дующимъ вѣтромъ. Море—это община; рябь—это дыханіе ея груди, это проявленіе ея будничной жизни; частичныя волны — это семьи, которыя группируются около каждаго индивидуума; сначала онѣ чуть замѣтны, составляясь только изъ одной пары, но вотъ онѣ разрастаются шире и шире, ихъ стволъ подымается выше, и вотъ, поднявшись до естественной границы, опредѣляемой общимъ состояніемъ моря, онѣ разсыпаются, дробятся и таютъ въ общемъ могучемъ организмѣ.

Таковы основы. Но каково, спросятъ, ихъ практическое приложеніе въ современной дѣйствительности? Мы сказали бы, что уже разъ народъ сумѣлъ выработать эти основы, разъ легли онѣ краеугольнымъ камнемъ въ его жизни, одно это должно быть актомъ высокой важности. Разъ согласившись съ этимъ, разъ проникнувшись убѣжденіемъ, что таковы идеалы народа, мы будемъ имѣть подъ собой самый прочный, самый устойчивый базисъ, который сразу освѣтитъ намъ всѣ разнообразныя и противорѣчивыя явленія исторической и современной народной жизни. Только прочно установившись на этомъ базисѣ, мы не рискуемъ сказать ложь о народѣ; только идя отъ него, мы не рискуемъ разойтись съ народомъ, даже при самыхъ благихъ намѣреніяхъ, не рискуемъ ввергнуть народъ въ массу золъ...

Дѣйствительно, море народной общины и въ своихъ историческихъ судьбахъ, и въ современномъ состояніи далеко не похоже на то идеально-спокойное море, чуть колеблемое и освѣжаемое только легкимъ дуновеніемъ вѣтра, какъ нами представлено выше. Исторія этого моря—бурная исторія; едва только были намѣчены народнымъ творчествомъ условія мирнаго органическаго развитія, какъ уже море его жизни должно было вступить въ борьбу съ стихійными порывами бурь и ураганов. Они носились надъ нимъ неустанно, неослабно, они вздымали на немъ громадныя бунтующія волны, они буравили въ немъ бездны страшной глубины, они чуть не выворачивали его вверхъ дномъ.

Силы внѣшнихъ вліяній на народную жизнь были громадны; исторія этой жизни оставила намъ изумительные памятники борьбы излюбленныхъ народныхъ идеаловъ съ этими вліяніями. Но, кромѣ памятниковъ этой поучительной борьбы, народная жизнь сохранила, къ нашему счастію, въ своихъ, еще мало извѣданныхъ глубинахъ, драгоцѣнные и чистые перлы,—тѣ великіе зачатки общественныхъ идеаловъ, которые она излюбила когда-то и которые пронесла неприкосновенными черезъ весь ужасъ стихійной борьбы. Какъ ни глубоко затерялись эти перлы подъ игомъ всевозможныхъ внѣшнихъ историческихъ воздѣйствій, какъ ни трудно, повидимому, открыть ихъ теперь, но, при мало-мальски честномъ и добросовѣстномъ наблюденіи народнаго быта, ихъ присутствіе чувствуется всюду; они, какъ золотой песокъ, разсыпаны по жиламъ народнаго организма. А тамъ, гдѣ сила внѣшнихъ вліяній была наименьшая, была сведена до нуля,—тамъ уже теперь есть цѣлые самородки, блистающіе яркимъ, свѣтлымъ отблескомъ первобытнаго идеала. Какое благодарное поприще, какая великая сокровищница для мыслящаго человѣка эта народная жизнь!

Умѣть открыть эти золотоносныя жилы, умѣть выдѣлить чистые, драгоцѣнные перлы изъ подмѣсей, собрать ихъ въ одну коллекцію и сохранить для потомства, какъ драгоцѣннѣйшее наслѣдство трудовой народной массы, разъяснить смыслъ и значеніе этого наслѣдства, чтобы затѣмъ ввести въ сознаніе всѣхъ понятіе объ его высокой цѣнности,—какая высокая и благодарная задача! Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, это трудная задача; она потребуетъ для себя работы еще не одного поколѣнія. Мы стоимъ только еще въ предчувствіи одной постановки ея, да и самая постановка этой задачи для насъ теперь темна и едва возможна... Мы были бы вполнѣ довольны, если бы наши читатели хотя только „приняли къ свѣдѣнію“ возможность ея постановки.

Для нашей же спеціальной цѣли было бы достаточно и того, если бы читатели, приступая къ чтенію изслѣдованій о народной жизни, встрѣчаясь съ неожиданными и часто противорѣчивыми проявленіями ея, припоминали набросанную нами, очень поверхностную, положимъ, но зато очень простую и несложную схему главныхъ основъ бытовыхъ народныхъ формъ. При этомъ условіи ему легко будетъ оріентироваться и каждая, даже самая малая, современная община-деревня представится ему довольно цѣльнымъ агломератомъ, въ которомъ онъ ясно различитъ составныя его части: и золото-

носную жилу, какъ центръ и основу его, и массу стороннихъ примѣсей, приставшихъ къ ней. Умѣнье отчетливо отличить эти примѣси и составляетъ одно изъ важнѣйшихъ условій для изслѣдователя народнаго быта.

Я полагаю, что все сказанное мною не будетъ лишнимъ; даже повтореніе нѣкоторыхъ общихъ мѣстъ небезполезно, въ виду того сумбура взглядовъ, который существуетъ въ настоящее время у насъ относительно деревни.

Возвращаясь затѣмъ къ раздѣламъ вообще и въ частности къ семьѣ братьевъ Гордеевыхъ, мнѣ остается только сказать, что, послѣ всего изложеннаго, очевидно, куда должны направляться соболѣзнованія по поводу раздѣловъ. Не о томъ мы должны сожалѣть, что̀ составляетъ явленіе органическое, естественное, неизбѣжное, и не къ тому стремиться, чтобы искусственными средствами изуродовать это естественное явленіе. Вѣдь, это, въ сущности, такъ же нелѣпо, какъ если бы ребенокъ, все время ходившій на помочахъ, наконецъ, естественно, захотѣлъ ходить самостоятельно, но при этомъ почему-то какъ разъ посыпались на него всякія невзгоды, а мы, на основаніи положенія post hoc, ergo propter hoc, рѣшаемъ, что все это оттого, что на помочахъ его не держатъ. Очевидно, не лучше ли намъ пожалѣть о чемъ-нибудь другомъ, напримѣръ, хотя о томъ, почему семья Гордеевыхъ распалась на мелкія семьи, но при этомъ одни стали бѣдны, другіе разбогатѣли еще больше? Почему община, при всемъ своемъ желаніи, не могла дать обѣднѣвшимъ семьямъ больше средствъ къ существованію, чѣмъ дала? Очевидно, эти вопросы уже совершенно иного свойства и съ раздѣлами ничего общаго не имѣютъ. Толкованіе же деревенскихъ стариковъ не больше, какъ хватаніе за соломенку утопающаго человѣка: вѣдь, для матеріальнаго достатка все же легче удержать семью не въ раздѣлѣ и потребовать отъ нея безпрекословнаго повиновенія, чѣмъ измѣнить условія, гнетущія крестьянскую общину. „Надо судить по человѣчеству!“ какъ говоритъ какой-то герой Островскаго.

ГЛАВА V.

Распредѣленіе общинной земли.

На другое утро, усѣвшись, по обыкновенію, „за кипяточкомъ“, мы съ дѣдомъ Матвѣемъ собесѣдовали о „мышеяди“ и „просорѣ“.

Такъ какъ мнѣ прежде всего необходимо было познакомиться съ самыми необходимыми предварительными данными о нашей деревенькѣ, то я и повелъ разговоръ съ дѣдомъ въ такомъ родѣ.

— Скажи мнѣ, дѣдушка, сколько у васъ въ деревнѣ душъ считается, сколько дворовъ, сколько земли, лѣсу?

— Дворовъ я тебѣ скажу—24, а душъ, скажу—въ наличности клади такъ—64, а насчетъ земли одно тебѣ могу сказать: было, братецъ, когда-то много, а теперь—маловато-таки.

— Да вы на какихъ правахъ владѣете землей?

— Нарѣзка намъ была, нарѣзано въ собственность. Раньше-то мы были патріаршіе; въ нашей деревнѣ конюшни патріаршія стояли. Давно ужъ это. Я вотъ не запомню. Потомъ переписали насъ въ экономическіе, а теперь государственными считаемся.

— Такъ сколько же у васъ земли на душу приходится?

— Не знаю, какъ тебѣ сказать,—отвѣтилъ задумчиво дѣдъ, и по лицу его нельзя было понять, дѣйствительно ли онъ и самъ не знаетъ, или не хочетъ сказать.

— Такъ какъ же это ты не знаешь?

— Да, вѣдь, какъ ее считать!.. А думается и то, что наговоришь тебѣ сдуру, наврешь себѣ на шею... А тамъ и ищи виноватаго!..

— Такъ ты мнѣ, значитъ, не довѣряешь?

— Отчего бы... Кажись, ты человѣкъ хорошій... Только учены мы очень, такъ теперь ужъ и въ дѣло, и не въ дѣло—сумнѣваешься.

— Ну, хорошо. Послѣ скажешь, когда я побольше у васъ поживу, когда лучше меня узнаешь... А какъ же вы учены были?

— Да были... Вотъ нарѣзка была, спрашиваютъ,—укажи, вишь, чѣмъ владѣли... Мы сдуру и давай указывать. Ну, и подрѣзали! Эва ли машину какую землищи отхватили!.. Ато было вотъ какъ, другъ мой сладкій: пріѣзжаетъ къ намъ въ волость чиновникъ, вотъ, что ты же, и давай всѣхъ опрашивать, кто какимъ ремесломъ промышляетъ. Мы это тоже сдуру давай валить: я, молъ, плотникъ, а я, молъ, серповщикъ!.. Мы, молъ, люди вострые! Еще въ похвальбу одинъ супротивъ другого пошли, а онъ, братецъ, сидитъ

да писарю всѣ эти наши показанія записывать велитъ. Записалъ и говоритъ: „Ну, теперь, братцы, говоритъ, вы промысловыя деньги должны вносить, по 2 рубля, значитъ, съ каждаго. Вотъ вамъ и обложеніе!“ Мы было спервоначалу сомутились. Говоримъ: какъ же это такъ-то, за довѣренность нашу?.. Онъ это сейчасъ лисой прикинулся и говоритъ: „Вотъ что, говоритъ, молодцы, вы это къ сердцу очень-то не принимайте. Будете вы платить всего два года. И за это, говоритъ, вамъ въ благодарность всѣмъ земли будетъ прирѣзано...“ — „И лѣсу?“— спрашиваемъ. — „И лѣсу!“ говоритъ. Повеселѣли. Платимъ, другъ мой сладкій, это самое обложеніе годъ, платимъ два. Прошло это два года, приходитъ въ волость предписаніе: промысловое обложеніе сложить и болѣе не взыскивать. Съ тѣмъ и конецъ. Толкнулись было мы это въ правленіе насчетъ благодарности... Ну, что! пустое дѣло! И посейчасъ ждемъ, да, правду сказать, и ждать перестали...

— Ну, я, дѣдушка, не чиновникъ, я интересуюсь по своей личной волѣ и охотѣ.

— Да это видать... Я вотъ тебѣ, пожалуй, если у тебя охота такая есть, владѣнную запись принесу. Читай самъ, какъ знаешь.

— А она у васъ у кого хранится?

— Хранится она у меня... У насъ по череду она хранится; кто, значитъ, въ десятскихъ ходитъ... Вотъ мой чередъ отойдетъ, я и бумаги всѣ сосѣду передамъ: владѣнную запись, оброчныя квитанціи.

— А старосты у васъ нѣтъ?

— Есть и староста, только онъ изъ другой деревни и живетъ тамъ. На ту деревню нонѣ чередъ выпалъ. Оттого это такъ, что деревни у насъ малыя, меньше 100 душъ. А староста на 100 душъ полагается. Вотъ у насъ нѣсколько деревень одного старосту только и выбираютъ, по очереди. А у каждой деревни въ начальствѣ одинъ десятскій ходитъ.

Дѣдъ Матвѣй сходилъ на свою половину и принесъ мнѣ владѣнную запись. Въ ней значились такія данныя:

По владѣнной записи 1872 года въ дер. Ямы считается, по 10-й ревизіи, 53 души (на лицо 64); на нихъ земли 311 дес. удобной и 7 дес. неудобной. Кромѣ того, 53 дес. лѣсу и 1,7 дес. въ немъ неудобной.

— Ну, узналъ, сколько у насъ земли?— спросилъ дѣдъ.

— Узналъ. Выходитъ по шести десятинъ. Это хорошо. Я знаю, у бывшихъ помѣщичьихъ всего по 3—3½ десятины. Да еще у васъ лѣсу по десятинѣ на душу... Вотъ вы какіе богатѣи!

— Что говорить! плохо ли по шести десятинъ!

— Значитъ, у васъ и хлѣба не только-что самимъ хватаетъ, а еще и на продажу хватитъ.

— Ну, это не скажи. Хватаетъ у насъ хлѣба до новаго вотъ развѣ дворовъ у десяти—это первое; а второе — и земли пахотной мало. Мы вонъ въ аренду у помѣщицы снимаемъ, 100 рублей ей платимъ въ годъ...

— Какъ же такъ? Значитъ, земля плоха?

— Нѣтъ, землю зачѣмъ обижать... Она насъ не обдѣляетъ, все ужъ самъ-пятъ-шостъ завсегда дастъ.

— Такъ отчего же это?

— Отчего ни-то да есть, — отвѣчалъ дѣдъ, очевидно, и самъ не понимая, отчего это такъ.

Я не сельскій хозяинъ и, конечно, ничего не могъ разъяснить по этому вопросу. Здѣсь я заношу только фактъ, что при шестидесятинномъ надѣлѣ, въ который входитъ хорошій поемный лугъ, и при десятинѣ лѣса на душу, во-первыхъ, община должна снимать въ аренду участокъ земли не меньше, какъ по 1—½ десятины на душу, и, во-вторыхъ, каждый дворъ ямскихъ крестьянъ непремѣнно долженъ отпустить отъ себя одного-двухъ работниковъ въ *зимній* отходъ на сторону: въ этомъ случаѣ, онъ оправитъ всѣ повинности, недоимокъ у него не будетъ, муки хватитъ до новой, избу покроетъ тесомъ, раза два-три въ недѣлю будетъ пить чай и кое-что останется на выпивку.

Въ противномъ же случаѣ, т.-е. если во дворѣ нѣтъ лишняго работника, уходящаго на заработокъ, или если самъ хозяинъ не идетъ въ заработокъ, онъ, оправивъ безнедоимочно повинности, никогда не соберется съ силами вывести хорошую избу, покрыть ее тесомъ, будетъ укутываться соломой, хлѣба у него не хватитъ до весны, чай пить будетъ не въ состояніи, ѣсть станетъ скверно, даже по мужицкому масштабу, и неизбѣжно втянется въ долги.

Я, повторяю, не берусь рѣшать здѣсь

этого вопроса. Я только констатирую фактъ.

— Какъ же, дѣдушка, вы распредѣляете между собою эту землю?

— Распредѣляемъ мы ее *по равненію*,— отвѣчалъ дѣдъ,—по справедливости, чтобы никому не обидно.

— Но какъ же именно?

Дѣдъ затруднялся отвѣчать. Оказалось дѣломъ не особенно легкимъ—ясно, опредѣленно, толково разсказать, повидимому, очень простую процедуру владѣнія землей, но, въ сущности, очень сложную, такъ какъ на этой процедурѣ основана сложная сѣть всѣхъ общинныхъ отношеній. Что дѣдъ Матвѣй, да и никто изъ мужиковъ не можетъ этого сдѣлать—вовсе не доказываетъ того, чтобы дѣдъ Матвѣй или, вообще, крестьянинъ не понималъ этой системы и что для правильнаго веденія ея изъ года въ годъ необходимъ, будто бы, какъ утверждаютъ нѣкоторые интеллигентные наблюдатели, какой-то придуманный ими фантастически-идеальный староста Иванъ Васильевъ. Не будь этого фантастическаго старосты Ивана Васильева, субъекта очень *рѣдкаго*, притомъ же, среди крестьянъ, какъ утверждаютъ эти интеллигентные наблюдатели, который *одинъ*, будто бы, *умѣетъ* дѣлать передѣлы, *умѣетъ* раскладывать подати, *умѣетъ*, вообще, руководить ходомъ крестьянской общинной жизни,—не будь его, этого великолѣпнаго старосты Ивана Васильева, и община крестьянская представляла бы стадо болѣе глупое, безсмысленное и стихійное, чѣмъ стадо барановъ. Что всего удивительнѣе — типъ этотъ изобрѣла фантазія людей очень развитыхъ и очень добросовѣстныхъ, но, очевидно, чѣмъ-то черезъчуръ увлекающихся... Не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что не только дѣдъ Матвѣй, не только каждый взрослый членъ общины, но даже подростки, дѣти крестьянскія, какъ мы уже видѣли, прекрасно понимаютъ всю сложную систему своихъ общинныхъ отношеній. Да это до очевидности ясно. Она—результатъ тысячелѣтней народной исторіи, она передается ими, какъ инстинктъ, плоть отъ плоти и кость отъ костей; она — весь нравственный укладъ мужицкой души. И вдругъ— только староста Иванъ Васильевъ является, не въ примѣръ всѣмъ прочимъ, ея носителемъ!.. Но понимать будни своей жизни, знать обиходъ ея, жить по извѣстной традиціи—еще не значитъ, конечно, умѣть толково и ясно изложить основы и всѣ проявленія этой жизни, какъ не значитъ это и въ обратномъ смыслѣ, т.-е. если не умѣть, то и не понимать. Для этого необходима извѣстная привычка къ *отвлеченію*, чѣмъ, конечно, мужику заниматься и некогда, и средствъ на это не имѣется. Какъ ни просты, напримѣръ, соціальныя отношенія въ сферѣ культурныхъ людей, но я сильно сомнѣваюсь, чтобы многіе изъ нихъ способны были ясно и толково растолковать основы своихъ будничныхъ отношеній. „Хожу на службу, почитаю отца и мать, люблю и кормлю жену и малютокъ, посѣщаю храмъ Божій, исполняю приказанія начальства и подаю ежедневно милостыню“—вотъ какъ изобразитъ вамъ культурный человѣкъ несложную махинацію своихъ будней. Удовлетворитесь вы этимъ? А махинація крестьянскихъ будней куда далеко посложнѣе!

Итакъ, чтобы дѣдъ Матвѣй могъ болѣе или менѣе ясно представить мнѣ процедуру распредѣленія общинной земли, я долженъ былъ долго говорить съ нимъ, задавая вопросъ за вопросомъ, наводя его на отвѣты. Я не стану, конечно, дословно передавать всего разговора съ нимъ по этому поводу. Я только отмѣчу тотъ характерный фактъ, что дѣдъ Матвѣй къ каждому отвѣту непремѣнно прибавлялъ слова: „по равненію, по справедливости, чтобы не обидѣть“.

Напримѣръ, въ такомъ родѣ:

— У васъ много, вѣдь, неудобной, болотистой земли около деревни, сверхъ усадебъ?

— Есть-таки.

— Можетъ изъ васъ, кто хочетъ, обработать эту землю, подъ огородъ, напримѣръ?

— Можетъ, отчего жъ, *не стѣсняемъ*...

— А потомъ онъ ужъ все время этимъ огородомъ и будетъ пользоваться?

— За что такъ. Надо *по справедливости*.

— Да, вѣдь, онъ все обработалъ, расчистилъ.

— За труды онъ и пользуется. Три года ему даемъ. *Зачѣмъ обижать!*

— А потомъ?

— А потомъ ужъ сообща будемъ пользоваться, потому—земля общая. Такъ ужъ *по равненію*.

— Такъ у васъ и составляютъ мірскіе огороды?

— Такъ и составляютъ. Ежели дѣло пошло у кого въ удачу, къ нему другіе

сейчасъ пристанутъ, а тамъ третьи. Раздѣлаютъ болотину, а тамъ ужъ въ общій передѣлъ пустятъ, будутъ *ровнять*.

Я говорилъ объ общинныхъ порядкахъ, конечно, не съ однимъ дѣдомъ Матвѣемъ, говорилъ почти со всѣми крестьянами, которыхъ встрѣчалъ, и эти знаменитыя слова: „по равненію, по справедливости" всегда сопровождали ихъ разсказъ; они являлись неизбѣжнымъ комментаріемъ къ каждому акту общинной жизни. И это не была пустая фраза, ужъ потому одному, что тотчасъ подтверждалась фактомъ.

Попробую, по возможности, ясно, опредѣленно и кратко представить читателямъ результатъ своихъ бесѣдъ съ ямскими крестьянами по вопросу о распредѣленіи земли въ нашей маленькой общинѣ.

Я выберу для этого сравнительный методъ, какъ наиболѣе пригодный для нагляднаго изображенія.

Я уже сказалъ выше, что ямскія общины получили въ надѣлъ 318 десятинъ удобной и неудобной земли, на 53 души мужского пола, какъ значилось по ревизіи.

Представьте себѣ, что такое же количество было, положимъ, отдано въ пользованіе группѣ изъ 53-хъ душъ (тоже только мужского пола, не считая женщинъ и дѣтей), не имѣющихъ никакого понятія объ общинномъ владѣніи и, вообще, не знающихъ никакихъ общинныхъ традицій, напримѣръ, группѣ оставленныхъ за штатомъ чиновниковъ (благо, аналогичные примѣры бывали). Предположимъ, наконецъ, что эти чиновники *сами* будутъ заниматься хлѣбопашествомъ, личнымъ, а не наемнымъ трудомъ. Какимъ образомъ разпорядились бы они дарованной имъ землей, съ условіемъ взноса за всю землю огуломъ ежегодно извѣстной суммы? Несомнѣнно, что, согласно традиціямъ городской жизни, они разбили бы всю землю тотчасъ же на отдѣльные участки, по семьямъ, на каждую семью участокъ во столько десятинъ, сколько въ семьѣ душъ мужского пола. Эти совершенно отдѣльные участки отгородили бы одинъ отъ другого заборами и изгородями; каждый на *своемъ* участкѣ поставилъ бы дворъ съ маленькимъ домикомъ, въ провинціальномъ вкусѣ и пустилъ бы во дворъ зубастыхъ собакъ. Общую сумму подати они разбили бы на части, пропорціонально величинѣ каждаго участка. Затѣмъ, каждому предоставлено было бы свободно жить за свой собственный страхъ и на свою собственную отвѣтственность: одни плодились бы на своемъ уголкѣ, другіе — вымирали; одни богатѣли, другіе бѣднѣли; одни исправно выплачивали подати, другіе подвергались бы взысканіямъ и, наконецъ, аукціонной продажѣ ихъ участковъ; чтобы избѣжать послѣдняго — бѣдняки должны были бы занимать деньги у болѣе состоятельныхъ; но это не отвратило бы бѣды: они на слѣдующій годъ должны были бы заложить свои участки богатымъ, а въ концѣ-концовъ не миновать аукціона, совсѣмъ отказаться отъ собственности въ пользу послѣднихъ. Въ концѣ-концовъ эта чиновничья поземельная коммуна, въ скоромъ времени, превратилась бы въ 3—4 большихъ участка, перешедшихъ въ собственность 3—4 разбогатѣвшихъ и болѣе счастливыхъ собратій. Прочіе 45—50 отставныхъ чиновниковъ, съ ихъ семьями, должны будутъ неминуемо или поступить въ *батраки* къ разбогатѣвшимъ собратамъ, или арендовать у нихъ нѣкогда бывшую собственость, или же итти искать другихъ заработковъ на сторонѣ, превратившись въ бездомныхъ пролетаріевъ. Таковъ неизбѣжный ходъ такого владѣнія землей. Этотъ порядокъ называется *подворнымъ* или участковымъ *владѣніемъ*, обыкновенно противопоставляемымъ *общинному владѣнію*.

Перейдемъ теперь къ нашей общинѣ.

53 души мужского пола получили *въ надѣлъ* 318 десятинъ земли, съ условіемъ выплачивать огуломъ ежегодно всю сумму податей (игнорируемъ пока, дль большей удобопонятности, многія другія существенныя условія). Воспитанныя въ общинныхъ традиціяхъ, всосавъ ихъ съ молокомъ своихъ матерей, ямскіе крестьяне повели дѣло совершенно иначе. Просимъ теперь читателей припомнить набросанную нами схему общинныхъ отношеній въ предыдущей главѣ. „Воспитанные въ общинныхъ традиціяхъ"—это значитъ, что каждый крестьянинъ болѣе или менѣе ясно, болѣе или менѣе сознательно принимаетъ, какъ неопровержимыя, приведенныя нами четыре основы схемы: самостоятельность личности, равное право на общій трудъ и общую собственность, и общинная помочь, какъ право и обязанность. Очевидно, что послѣдовательность и широта приложенія этихъ основныхъ принциповъ стоитъ въ зависимости отъ условій, въ которыхъ приходится ихъ примѣнять. Въ разсматриваемомъ нами случаѣ, цифровыя дан-

ныя (318 десятинъ на 53 ревизскихъ души мужского пола, съ общимъ количествомъ податей въ 12 рублей на душу въ годъ) отчасти опредѣляютъ эти условія. По крайней мѣрѣ, ихъ совершенно достаточно, чтобы понять, что эти условія не естественныя, не свободно избранныя и выработанныя, а предписанныя внѣшнею силой и, притомъ, исключительно въ ея собственныхъ соображеніяхъ и интересахъ. Это ясно видно изъ одного уже того, что въ этихъ данныхъ главную роль играетъ *ревизская душа мужского пола*,—элементъ совершенно произвольный, ничѣмъ логически не обусловленный (почему ревизская душа только платитъ? Почему за умершаго тотчасъ же послѣ ревизіи община должна платить вплоть до новой ревизіи, и не платить за работника, не попавшаго въ ревизію? Почему надѣляется душа только *мужского* пола, а не женскаго пола? Какія раціональныя основанія для всего этого?). Но этотъ элементъ давно уже настойчиво вводился въ жизнь народа, несмотря на полнѣйшее несоотвѣтствіе его съ главными народо-бытовыми основами, давно онъ ломаетъ эти основы, вынуждая ихъ всевозможными способами вступать съ нимъ въ компромиссъ. Отсюда логически вытекаетъ произвольность самаго *надѣла только ревизскимъ душамъ мужского пола*, и самое несеніе повинностей и податей за эти надѣлы. Я не буду здѣсь говорить уже о томъ, что самое понятіе *надѣлъ* чуждо народному воззрѣнію на землю.

Итакъ, прежде чѣмъ приступить къ распредѣленію надѣловъ, при данныхъ, *современныхъ* намъ условіяхъ, крестьянинъ ставится въ необходимость или обойти эти условія, или вступить съ ними въ компромиссъ. Крестьянская община дѣлаетъ и то, и другое. Въ этой операціи она съ каждымъ годомъ все больше и больше утрачиваетъ дѣвственность своего первобытнаго міровоззрѣнія. Чтобы нагляднѣе представить этотъ фактъ, мы должны продолжать нашу гипотетическую параллель. Предположимъ, что, имѣя въ своемъ распоряженіи 318 десятинъ, крестьянская община въ 53 души мужского пола и столько же женскаго не стѣснена никакими чуждыми ей представленіями, а свободно управляется своимъ естественнымъ міровоззрѣніемъ, такъ же свободно, какъ въ приведенномъ нами выше примѣрѣ чиновничья община свободно слѣдовала своему собственному міровоззрѣнію. Сообразно *всему* общинному складу, привычкѣ все дѣлать сообща, крестьянская община никогда не можетъ начать распредѣленія съ акта *раздѣла* земли. Прежде всего, она выберетъ удобный кусокъ земли изъ общаго ея количества и отведетъ его подъ *усадьбы*, на которомъ и осядетъ сообща, всей общиной. Сообразно своему представленію объ общинѣ, какъ о вѣчно-подвижномъ сложномъ организмѣ, состоящемъ изъ извѣстнаго, постоянно колеблющагося количества индивидуумовъ, около которыхъ группируются естественныя семьи, она отводитъ изъ усадебной земли участки *подъ дворы* для каждой существующей въ данный моментъ естественной группы-семьи, и строитъ *сообща*, помогая другъ другу, избы. Сообразно представленію о томъ, что естественныя группы-семьи постоянно возрастаютъ и постоянно же естественно разлагаются, достигнувъ извѣстной границы возрастанія, и, такимъ образомъ, выдѣляютъ изъ себя новыя, естественныя группы, община отводитъ *въ запасъ* подъ усадьбы болѣе земли, чѣмъ требуетъ то количество группъ, которое имѣется въ моментъ заселенія данной мѣстности. Этотъ запасъ мало-по-малу поглощается новыми, выдѣляющимися, естественными группами-семьями. Таковъ первый актъ распредѣленія. Затѣмъ, остальныя земли *естественно* распадаются на три основныя части, сообразно условіямъ сельскохозяйственныхъ трудовъ: на пашню, покосъ и выгонъ. Первая часть, въ свою очередь, соотвѣтственно данной сельскохозяйственной системѣ, дробится на три поля: паръ, озимое и яровое. И, наконецъ, какъ эти поля, такъ и луга *естественно* распадаются на такъ называемыя въ нашей мѣстности *еми* (вѣроятно, отъ слова *имать, брать, емлю, беру, выбираю*). *Емь*—это часть поля извѣстнаго *качества*; ее опредѣляютъ составъ и свойство почвы, нагорное или низкое мѣстоположеніе, направленіе скатовъ для стока воды, близкое или далекое разстояніе отъ дороги и усадебъ. Количество ихъ въ каждомъ полѣ, конечно, различно, какъ различны онѣ и по размѣру. Въ полѣ, которое я засталъ въ Ямахъ подъ озимымъ хлѣбомъ, считалось 6 *емей*. Емь, такимъ образомъ, есть первая, *естественная единица* распредѣленія земли въ отношеніи ко всей общинѣ. Съ нея начинается уже процессъ

распредѣленія, сообразно естественной комбинаціи группъ, составляющихъ общину. Здѣсь могутъ быть два случая, сообразно различнымъ даннымъ условіямъ: 1) каждая емь поля и луга обрабатывается *сообща всѣми наличными рабочими* мужскими и женскими *силами* общины, и затѣмъ идетъ дѣлежъ продукта. (Такъ это и должно было случиться неизбѣжно при естественномъ развитіи народно-бытовыхъ основъ. На это указываютъ нѣкоторыя сохранившіяся досель общины съ такимъ артельнымъ порядкомъ обработки полей). 2) Или же примѣняется система *передѣловъ*. (Эта система въ особенности утвердилась въ послѣднее время; надо полагать, что, будучи нѣкогда системой *на случай*, въ виду какихъ-либо *естественныхъ* условій, требовавшихъ ея приложенія, такъ какъ почему-либо обработка сообща извѣстной части поля была неудобна, она, въ послѣднее время, какъ увидимъ, явилась, какъ средство на защиту общинныхъ основъ равноправности). Что оба эти пріема одинаково сродны народнымъ міровоззрѣніямъ и что одинъ другому служитъ только дополненіемъ (но никакъ не исключаютъ другъ друга), ясно доказывается тѣмъ, что оба эти пріема, въ большинствѣ случаевъ, существуютъ одновременно. Такъ, поля могутъ поступать въ передѣлъ, а луга косятся сообща, и наоборотъ; или же одна часть поля идетъ въ передѣлъ, а другая обработывается сообща.

Принявъ первый случай, какъ естественное развитіе общинныхъ основъ, а второй—только какъ форму приспособленія къ извѣстнымъ условіямъ, такъ какъ однимъ изъ существеннѣйшихъ свойствъ общины является ея замѣчательная жизненная эластичность, и, вслѣдствіе этого, способность къ высокой степени развитія, мы и остановимся здѣсь. Логическія слѣдствія такого порядка вещей могутъ быть легко угаданы каждымъ. А сопоставивъ двѣ параллельныя системы распредѣленія земли—чиновничьей и мужицкой, всякому будетъ понятна радикальная разница логическихъ послѣдствій, изъ нихъ вытекающихъ.

Для нашей цѣли этого и достаточно. Имѣя въ виду эту параллель, читателю уже ясно будетъ въ *современной* общинѣ отличить, что собственно осталось въ ней нетронутымъ изъ главныхъ бытовыхъ народныхъ основъ, что явилось, какъ осложненіе, какъ результатъ приспособленія, что, наконецъ, вошло въ нее чуждаго.

Получила Ямская община въ 72 году надѣлъ, въ размѣрѣ 318 десятинъ на 53 ревизскихъ души мужского пола, выходитъ по 6 десятинъ на душу. Но что такое для общины ревизская душа? Какую функцію общины она представляетъ? И почему эта душа *мужского* только пола? Развѣ въ общинѣ было когда-нибудь отдаваемо особое преимущество мужскому полу? И были ли какія-нибудь основанія для этого преимущества? Община не можетъ найти въ себѣ никакихъ основаній для существованія этихъ представленій. Община знаетъ одно—право труда, право работника, будетъ ли то мужчина или женщина. Это право для нея одинаково. Но дѣлать нечего. Сохранивъ неизмѣнно исконную систему *естественнаго* распаденія земли, приходится дальше уже распредѣлять надѣлъ по ревизскимъ душамъ *). Но, вѣдь, община состоитъ не изъ ревизскихъ только душъ,—она состоитъ изъ непостоянныхъ, измѣнчивыхъ группъ живыхъ существъ, изъ семей, которыя осѣлись дворами. Этихъ дворовъ 24. Что же вышло послѣ распредѣленія по ревизскимъ душамъ? Вышло полное противорѣчіе съ самыми главными ея основами. На одинъ дворъ, гдѣ одинъ отецъ работникъ и у него пять сыновей малолѣтокъ, падаетъ пять душевыхъ надѣловъ, значитъ 30 десятинъ, съ уплатой налога въ 60 рублей; на другой дворъ, гдѣ отецъ работникъ, мать сильная работница и три дочери незамужнихъ, всѣ работницы, падаетъ всего одинъ душевой надѣлъ, т.-е. только 6 десятинъ, съ уплатой 12 рублей въ годъ. На третій дворъ, гдѣ при отцѣ, здоровомъ еще старикѣ-работникѣ, четыре сына работника, падаютъ полностью всѣ пять надѣловъ, т.-е. 30 десятинъ, съ платою 60 рублей. Если бы пришлось просуществовать при подобныхъ условіяхъ 5—10 лѣтъ, результатъ неизбѣжно былъ бы тотъ же, къ которому пришла чиновничья община. Но мужицкой общинѣ нелегко было сразу отрѣшиться отъ своихъ завѣтныхъ традицій. Она стала искать выхода, стала искать примиренія, компромисса. И вотъ

---

*) Здѣсь могутъ задать вопросъ: почему же община не перешла естественно къ тому порядку распредѣленія земли, съ артельною обработкой, какъ это слѣдовало по ея идеаламъ? Оттого, что внѣшнія вліянія начали давить на общину не сегодня, не вчера, читатель, а тысячу лѣтъ тому назадъ. *Авт.*

она, согласно традиціямъ, дѣлитъ все наличное количество общинныхъ группъ-семей или дворовъ на три разряда: на семьи *сильныя, среднія* и *малосильныя*, не по количеству уже ревизскихъ душъ, а по числу *здоровыхъ работниковъ* въ семьѣ, будутъ ли то мужики или бабы. Такимъ актомъ дисгармонія отношеній хотя уже значительно стушевана, но корень этой дисгармоніи остался нетронутымъ; самое раздѣленіе семей на эти группы уже показываетъ, что благосостояніе сильныхъ семей будетъ возрастать, а малосильныхъ—уменьшаться. Это выясняется вполнѣ при дѣлежѣ земли. Какъ только совершится актъ раздѣла на сильныя, среднія и малосильныя семьи, такъ тотчасъ входитъ въ свои права понятіе о *надѣлѣ*, о *надѣльной единицѣ*: сильныя семьи требуютъ, конечно, больше земли, чѣмъ малосильныя.

Согласно съ этимъ, Ямская община распадается на *четыре сильныхъ* семьи, получившія по четыре душевыхъ надѣла, на *семь среднихъ*, получившихъ по три душевыхъ надѣла, на *десять малосильныхъ*, получившихъ по два душевыхъ надѣла, и, сверхъ того, 3 двора безземельныхъ бобылей, которые не въ силахъ тянуть надѣлъ при 12 р. подати (однодушниковъ нѣтъ, такъ какъ съ одного надѣла не оправишь даже однѣхъ податей). Повидимому, общинная совѣсть должна бы удовлетвориться, хотя и фиктивно, такъ какъ она должна хорошо знать, что на двухдушевомъ надѣлѣ малосильная семья далеко не уѣдетъ; что это и будетъ та, вѣчно недоѣдающая и недосыпающая семья, которая не сведетъ даже концы съ концами, и что она неизбѣжно должна съ каждымъ годомъ разоряться все больше и больше. Другое дѣло—сильная семья: больше земли—возрастаетъ и ея продуктивность въ прогрессивной степени. А еще при этомъ четыре-пять здоровыхъ работниковъ. Къ двумъ же десятинамъ поставь хоть пять работниковъ, они только будутъ впятеро голоднѣе, а продуктивность земли останется та же. Знаетъ это Ямская община, и опять трогается ея общинная совѣсть. Не имѣя силъ слѣдовать своимъ традиціямъ, Ямская община прибѣгаетъ къ *системѣ передѣловъ*. По этой системѣ, черезъ болѣе или менѣе короткіе опредѣленные сроки, всѣ семьи Ямской общины въ назначенный день отказываются отъ своихъ надѣловъ, отказываются во имя *справедливости*, во *имя равненія*. На одинъ моментъ вся, находящаяся во владѣніи общины, земля какъ бы находится въ первобытномъ состояніи. Сроки передѣловъ въ Ямской общинѣ назначены такіе: пашня—черезъ 17 лѣтъ, огороды—черезъ 17 и луга—ежегодно. Такое различіе существуетъ здѣсь потому, что пашня представляетъ для общинниковъ наименѣе выгодную статью дохода, а, значитъ, надо и болѣе времени, чтобы каждому окупить съ пашеннаго надѣла свои труды, положенные въ нее; также и огороды; напротивъ, луга съ избыткомъ вознаграждаютъ ямскихъ крестьянъ ежегодно, и, слѣдовательно, справедливость наименѣе нарушается здѣсь частыми передѣлами. Несмотря, однако, и на это, общинная совѣсть все еще не можетъ успокоиться на такомъ компромиссѣ. И вотъ ямскіе мужики допускаютъ въ своей общинѣ ежегодныя и постоянныя передвиженія надѣловъ, *мѣну* надѣловъ. Такъ, если у двудушника семья „вошла въ силу“, а у трехдушника, напротивъ, количество работниковъ въ семьѣ уменьшилось, они *мѣняются* надѣлами, „пересаживаются“: двудушникъ „садится“ на надѣлъ трехдушника, а послѣдній переходитъ на надѣлъ перваго. Мѣна эта совершается естественно, безъ всякихъ коммерческихъ сдѣлокъ, какъ увидимъ ниже, и доплачивается только за городьбу полей.

Вотъ къ какой сложной системѣ компромиссовъ должна прибѣгать община, чтобы до возможной степени охранить свои излюбленныя основы! Это будетъ для читателя еще яснѣе, когда мы перейдемъ къ описанію самаго процесса передѣловъ.

Но о нихъ въ своемъ мѣстѣ. Здѣсь мы отмѣтимъ только, что эта сложная система распредѣленія земли, въ современномъ видѣ, при всѣхъ усиліяхъ общины, не можетъ уже поддерживать въ ней полнаго равноправія. А если принять во вниманіе массу другихъ условій, напирающихъ на общину, какъ, напримѣръ, развращающее вліяніе города, результатомъ котораго является наклонность къ обособленію и покупкѣ *собственной* земли „въ вѣчное владѣніе“,—какъ говорятъ мужики, несоотвѣтствіе количества земли съ платежами, лежащими на ней, что всего больше отзывается на малосильныхъ семьяхъ, на недостатокъ земли и пр., то дезорганизація ея исконныхъ устоевъ представится еще ярче. Но, тѣмъ не менѣе, община борется неустанно, всѣми силами охраняя свои излюбленные идеалы.

Въ заключеніе этой главы я приведу небольшую иллюстрацію въ доказательство того, какъ расходятся народныя міровоззрѣнія по самымъ существеннымъ вопросамъ, какъ, напр., по вопросу о равноправности женщинъ, съ ходячими представленіями культурныхъ людей; я приведу разсказъ дѣда Матвѣя. Между прочимъ, изъ него же можно увидѣть, какой сумбуръ понятій и отношеній вноситъ въ народную жизнь усердное проведеніе въ нее чуждыхъ ей воззрѣній.

— А почему это дѣвкамъ надѣлъ не полагается?—спросилъ я дѣда въ заключеніе сегодняшней съ нимъ бесѣды.—Какъ ты думаешь?

— Такіе ужъ законы повелись, вотъ поэтому дѣвкамъ и надѣлу нѣтъ! И земля дѣвкамъ не полагается! Стало, дѣвка — не мужикъ.

— А давно такіе законы повелись и отъ кого?

— Это отъ Петра Перваго идетъ. Вотъ это съ какихъ мѣстъ. Онъ *бабій разумъ принизилъ*, онъ такой и законъ далъ. Выходитъ, что съ Петра бабьему разуму и приниженье пошло. Оттого вотъ и разныя сумнѣнія выходятъ; оттого у насъ и сладу съ бабой не стало.

— Какія же сумнѣнія, дѣдушка?

— Пожалуй, я тебѣ разскажу. Вотъ, примѣромъ, у меня невѣстка есть... Все было запрежде ничего, какъ быть, а тутъ — вышло, братецъ, сумнѣніе, да и на-поди! Отецъ-то ея, значитъ, своякъ мой, недалече въ селѣ жилъ. Проживалъ у нихъ въ селѣ же мужикъ, достаточный мужикъ. И умри этотъ мужикъ скоропостижно. Осталась у него жена, которая тоже, грѣшнымъ часомъ, ослѣпла. А у мужика этого былъ братъ, въ городѣ жилъ и торговалъ. Сейчасъ этотъ братъ налетѣлъ изъ города и въ наслѣдство вступился. А надо тебѣ сказать, что они еще при родителѣ раздѣлены были и каждый свое имущество самъ преизрощалъ себѣ. По нашему, ежели братъ отдѣленъ, такъ ему нечего встрѣвать въ наслѣдство послѣ брата. Потому, покойникъ съ женой вдвоемъ, сообща достатокъ свой принаблюлъ. Да и жена-то осталась слѣпая, родныхъ никого нѣту: по-міру итти и то нельзя, однато далеко не уйдешь! Ну, пошло послѣ того слѣдствіе, пошли опросы съ мужиковъ. Такъ бы мужикамъ и показать, что, молъ, братья были въ раздѣлѣ, жили и наживали въ особнякъ, а что слѣпую вдову не слѣдъ обижать. Понаѣхали тутъ чиновники, показали законъ — и велѣли подписаться! Вотъ и своякъ мой тоже подписалъ. Я ему послѣ и выговариваю: зачѣмъ, молъ, вы, знавши все, допустили бабу изобидѣть?—А онъ говоритъ:—„Наѣхали говоритъ, чиновники, заставили подписать, что братъ точно былъ покойнику братъ и прямой наслѣдственникъ, а что вдовѣ слѣдуетъ по закону *семая* часть". Ну, такъ тому дѣлу и быть: выдали бабѣ сколько слѣдуетъ по Петрову закону—семую часть. Вотъ и разскажи, братецъ мой, про это самое своякъ-то мой дочери, невѣсткѣ моей, такъ же вотъ, какъ мнѣ разсказалъ. Та себѣ это въ голову и забери, что, молъ, другіе законы пошли, да съ умнаго-то разума, какъ-то въ сердитый часъ (поворчалъ я на нее, признаться) и молви мнѣ: „Такъ что, говоритъ, мнѣ въ домъ-то тестю стараться! Все равно, сколько жилы не тяни, а умретъ мужъ—всего только семую часть получишь!" Такъ эти ея слова по сердцу меня словно ножомъ и рѣзнули!..

ГЛАВА VI.

Деревенскіе сходы.

Вотъ уже второй день, какъ у насъ идетъ сходъ за сходомъ. Посмотришь въ окно, то въ одномъ концѣ деревни, то въ другомъ толпятся хозяева, старики, ребятишки: одни сидятъ, другіе стоятъ предъ ними, заложивъ руки за спины и внимательно кого-то слушая. Этотъ кто-то махаетъ руками, изгибается всѣмъ туловищемъ, кричитъ что-то весьма убѣдительно, замолкаетъ на нѣсколько минутъ и потомъ опять принимается убѣждать. Но вотъ вдругъ ему возражаютъ, возражаютъ какъ-то всѣ, сразу, голоса подымаются выше и выше, кричатъ въ полное горло, какъ и подобаетъ для такой обширной залы, каковы окрестные луга и поля, говорятъ все, не стѣсняясь никѣмъ и ничѣмъ, какъ и подобаетъ свободному сборищу равноправныхъ лицъ. Ни малѣйшаго признака оффиціальности. Самъ старшина, Максимъ Максимычъ, стоитъ гдѣ-то сбоку, какъ самый невидный членъ нашей общины. Вотъ уже идетъ третій сходъ; я напрягаю все вниманіе и только чуть-чуть начинаю понимать, въ чемъ суть. Я нарочно не разспрашивалъ никого, о чемъ толкуютъ наши мужики. Мнѣ хотѣлось непосредственно постигнуть суть деревенскаго

схода и посмотрѣть, какой эффектъ производитъ онъ на свѣжаго интеллигентнаго наблюдателя. Признаться сказать, мое положеніе было очень глупое. Воображаю, какое глупое выраженіе было и на моемъ лицѣ, когда, послѣ двухъ часовъ присутствія вблизи схода, я уходилъ совершенно отупѣлымъ, не имѣя силъ связать ни одного яснаго представленія о происходившемъ. Между тѣмъ, каждый изъ мужиковъ, нѣсколько разъ отрываясь отъ преній разными хозяйственными случайностями, въ родѣ, напримѣръ, того, что телка, задравши хвостъ, вырвется со двора—и ораторъ схватываетъ, на половинѣ своей блестящей рѣчи, колъ и бросается загонять ее; или пузатый двухлѣтній сынишка реветъ благимъ матомъ, теребя отца-оратора за порты—и ораторъ принужденъ произвесть родительское воздаяніе, прежде чѣмъ окончитъ свою рѣчь; несмотря на все это, нѣсколько разъ отрывающійся отъ преній ораторъ врывается въ бесѣду вновь съ яснымъ пониманіемъ всего, что происходило безъ него. Вообще, эффектъ былъ поразительный. Цѣлый часъ напряженнаго вниманія, и въ концѣ полное сознаніе, даже обидное сознаніе одного только, что, видя предъ собой совершающійся жизненный процессъ, вы лишены всякой возможности въ немъ участвовать. Эти люди — совсѣмъ другіе люди, чѣмъ вы; эти рѣчи стоятъ внѣ вашего постиженія; изъ посылокъ дѣлаются выводы, какъ разъ противоположные тѣмъ, какіе логически дѣлаются въ вашей собственной головѣ. Сто разъ впродолженіе часа ловишь аріаднину нить, думаешь—вотъ, вотъ начинаю понимать, и вдругъ неожиданно кто-то вспоминаетъ о теткѣ Пенилѣ, да дѣдушкѣ Ермилѣ, которые когда-то были къ этому вопросу прикосновенны—и снова нить потеряна, и снова все заволокло туманомъ. Въ особенности характерна была, по своему поразительному эффекту, послѣдняя, четвертая сходка. Къ сожалѣнію, я долженъ сознаться, что чувствую себя не въ силахъ въ типичныхъ образахъ представить здѣсь мужицкую *общинную* сходку. Это—вещь почти невозможная для не-художника, чрезвычайно трудная для художника изъ культурныхъ людей и выполнимая во всемъ объемѣ только художникомъ изъ народа. До сего времени наша художественная литература не дала ни одной мало-мальски типичной и яркой картины изъ области общинной жизни: мы не имѣемъ ни *общинныхъ* характеровъ, ни типичныхъ сценъ общинныхъ сходовъ, судовъ, передѣловъ—этихъ выразительнѣйшихъ и характернѣйшихъ картинъ народной жизни. Наши художники какъ-то ухитрялись изображать народъ, отвлекая его совершенно отъ почвы, на которой онъ рождался, выросталъ, дѣйствовалъ и умиралъ. Это и понятно. Гоняясь исключительно за психологическими сюжетами въ сферѣ культурныхъ слоевъ, они тѣ же пріемы переносили и въ область народной жизни, благодаря полнѣйшему невѣжеству въ этомъ отношеніи. Понятно отсюда, что хуже деревни мы ничего не воспроизводили.

Гдѣ-то, въ одной статейкѣ, мнѣ пришлось натолкнуться на мысль, что, вѣроятно, воспроизведеніе народной жизни потребуетъ совершенно новыхъ художественныхъ пріемовъ, что оно будетъ возможно только, когда въ сферѣ искусства будетъ сказано „новое слово“.

По моему, эта мысль совершенно вѣрна. Мнѣ даже думается, что это „новое слово“ выскажутъ вполнѣ только истинныя „дѣти народа“; только они, родившіяся и выросшія въ атмосферѣ общинной жизни, могутъ вызвать непосредственно изъ своей души образы этой жизни; только имъ возможно будетъ, въ полномъ объемѣ, осуществить идеалъ того *искусства на соціологической подкладкѣ*, если можно такъ выразиться, о которомъ мечтаютъ современные философы. Народная жизнь, и въ характерныхъ, величавыхъ картинахъ исторической борьбы, и въ своихъ современныхъ будняхъ представляетъ неисчерпаемое богатство для вдохновеній истинно-народнаго „соціальнаго“ художника. А нашъ культурный художникъ изъ этого матеріала сумѣлъ сочинить только quasi-патріотическія пантомимы, батальныя представленія съ турецкимъ барабаномъ и невыразимо пошлыя юмористическія кривлянья надъ мужицкимъ „рукосуйствомъ“. Исключая тѣ честные, добросовѣстные, но робкіе зачатки истиннаго художественнаго воспроизведенія народной жизни, которые мы встрѣчаемъ въ небольшой группѣ такъ называемыхъ писателей изъ народнаго быта, мало-мальски реально-правдивыя попытки воспроизведенія массовой, общинной жизни народа, я, покрайней мѣрѣ, знаю только у Льва Толстого, какъ, наприрѣръ, въ его „Поликушкѣ“ сдачу рекрута. И что же это такое? Двѣ странички легкихъ на-

бросковъ—только. Но всего замѣчательнѣе то, что, начиная съ Радищева, наша передовая интеллигенція всегда тяготѣла къ народу, всегда любезничала съ нимъ; не было почти ни одного крупнаго художника, который не посвятилъ бы воспроизведенію народной жизни своего „досуга". И—удивительное дѣло—*никто* изъ нихъ, несмотря на замѣчательную талантливость и отзывчивость, не далъ намъ почти ничего глубже и реальнѣе замѣтокъ умнаго Радищева. Не доказываетъ ли это еще разъ, что „ветхій" культурный художникъ совсѣмъ не годенъ для воспроизведенія народной жизни, ни по пріемамъ своего творчества, ни по свойству своей художнической натуры, такъ чуткой къ проявленіямъ культурной жизни и совсѣмъ глухой, мелкой, неспособной къ воспринятію могучихъ звуковъ народной массовой жизни.

Чтобы воспроизвесть картину этой жизни, чтобы создать типъ *мірского, общиннаго* человѣка, нужно быть этимъ человѣкомъ, нужно носить, по крайней мѣрѣ, въ своей душѣ идеалы этого человѣка, нужно проникнуться его духомъ и умѣть вдохновляться тѣмъ, чѣмъ вдохновляется онъ... Задача нелегкая!

Перехожу къ поразившей меня четвертой нашей сходкѣ. О началѣ ея я узналъ, за четверть версты, съ горы погоста, гдѣ въ то время бесѣдовалъ съ батюшкой.

— А, вѣдь, эта сходка у насъ!—сказалъ я, когда изъ-подъ горы сталъ доноситься до меня такой ужасающій шумъ, какъ будто гудѣлъ цѣлый базаръ.

— Надо думать—парламентъ! — замѣтилъ иронически батюшка:—а попросту—овцы безъ пастыря.

— Да зачѣмъ же имъ пастырь, батюшка? Кажется, и безъ него ладно обходятся.

— Точно-съ, дивлюсь!.. Какъ, вѣдь, вотъ ругаются—до ума помраченія! Думаешь иной разъ, того и гляди, въ колья примутся, до смертоубійства дойдутъ! Бывало, въ новинку мнѣ, случалось—бѣгалъ къ нимъ. Услышишь вотъ такой гомонъ, испугаешься—и побѣжишь разнимать! А у нихъ это—парламентъ!.. И ничего — глядишь, черезъ полчаса опять мирными поселянами живутъ, да еще въ компаніи и водочку попиваютъ!..

— Вотъ видите! Зачѣмъ же тутъ пастырь?

— Да оно такъ... Только какъ будто, на нашъ взглядъ, непривычно... безъ пастыря-то.

— Ну, извините... Я побѣгу... Мнѣ хочется узнать, чѣмъ кончится эта сходка,—распрощался я съ батюшкой.

Когда я прибѣжалъ въ деревню, надъ ней висѣла такая забористая, вычурная и крутая брань, что никакой благовоспитанный парламентъ не согласился бы признать себя, даже въ отвлеченномъ принципѣ, аналогичнымъ съ этимъ сборищемъ мужицкихъ депутатовъ. Сходка была нынче, видимо, полная. Большая толпа колыхалась противъ моей избы. Тутъ собралась, кажется, вся деревня: старики, обстоятельные хозяева, молодые сыновья, вернувшіеся съ заработковъ на страдное время, бабы и ребятишки. Я помѣстился, какъ и всегда, у избы, противоположной сходкѣ (какъ человѣкъ новый въ деревнѣ, я не рисковалъ забираться въ самую сходку, просто чтобъ не стѣснять ни себя, ни мужиковъ). Въ этотъ моментъ ораторскія пренія на сходкѣ достигли уже своего апогея. Если я и на болѣе спокойныхъ сходкахъ очень немногое могъ сообразить, то теперь и подавно; я ощущалъ только безразличный сплошной гулъ въ ушахъ, иногда покрываемый особенно рѣзко вырвавшейся изъ общаго гула фразой. Но я видѣлъ предъ собой непосредственнаго человѣка, во всей своей красотѣ. Прежде всего меня поразила замѣчательная откровенность непосредственнаго человѣка; чѣмъ онъ непосредственнѣе, тѣмъ меньше въ состояніи маскировать свои мысли и ощущенія; разъ овладѣло имъ возбужденіе, оно охватываетъ его быстро, и онъ ужъ тутъ весь загорается и не потухаетъ до тѣхъ поръ, пока не высыплетъ предъ вами все достояніе своей души; онъ тутъ ни предъ кѣмъ не стѣсняется; тутъ нѣтъ и признака дипломатіи. Мало того, что онъ раскроетъ здѣсь всю свою душу, онъ еще разскажетъ и про васъ все, что только когда-либо зналъ, и не только про васъ, но и про вашего отца, дѣда, прадѣда... Здѣсь все идетъ на-чистоту, все становится ребромъ; если кто-либо, по малодушію или изъ расчета, вздумаетъ отдѣлаться умолчаніемъ, его безжалостно выведутъ на свѣжую воду. Да и малодушныхъ этихъ на особенно важныхъ сходахъ бываетъ очень мало. Я видалъ самыхъ смирныхъ, самыхъ безотвѣтныхъ мужиковъ, которые, въ другое время, слова не заикнутся сказать противъ кого-нибудь, — на сходахъ, въ минуты общаго возбужденія,

совершенно преображались и, вѣруя пословицѣ „на людяхъ и смерть красна", набирались такой храбрости, что успѣвали перещеголять завѣдомо храбрыхъ мужиковъ. Въ минуты своего апогея сходъ дѣлается просто открытой взаимной исповѣдью и взаимнымъ разоблаченіемъ, проявленіемъ самой широкой гласности. Въ эти же минуты, *когда,* повидимому, *частные интересы каждаго достигаютъ высшей степени напряженія, въ свою очередь, общественные интересы и справедливость достигаютъ высшей степени контроля.* Эта замѣчательная черта общественныхъ сходовъ непосредственнаго деревенскаго человѣка особенно поражала меня. Мы еще встрѣтимся съ этимъ характернымъ явленіемъ въ „передѣлахъ", гдѣ оно представляется наиболѣе яркимъ и рельефнымъ.

Пренія на сходкѣ шли, брань крѣпчала все больше и больше. Старики, обыкновенно сидящіе на завалинѣ, и тѣ, поднялись всѣ и, сердито стуча кулаками, какъ пѣтухи налетали другъ на друга. Я видѣлъ, какъ Алешка Собакинъ, весь красный, съ рыжею лохматкой, толстый, съ такимъ же пузатымъ взъерошеннымъ двухлѣтнимъ сынишкомъ на рукахъ, наступалъ, крича во все горло, на своего старшаго двоюроднаго брата, Павла Гордѣева, у котораго, отъ сильнаго огорченія, соломенная шляпа совсѣмъ свалилась на затылокъ.

— Кто мѣшаетъ кончить? Кто?—спрашивалъ, наступая, въ свою очередь, на Собакина, Павелъ Гордѣевъ.

— Ты!..Ты!..Ты!..— оралъ Собакинъ:— Варнаки вы средь насъ поселились. Ишь, волю забрали! Богаты, драть васъ на шесть!

— Кто, идолянское твое происхожденіе? Кто? — допрашивалъ опять Гордѣевъ.

— Вы!.. Ишь, одинъ братецъ сидитъ-посиживаетъ купцомъ въ городѣ, а другой — защитникъ проявился! Эхъ, вы, круподеры!.. Ха-ха-ха!.. Право, круподеры!! — разливается веселымъ хохотомъ Алешка по всей улицѣ отъ собственнаго остроумія.

Я видѣлъ, какъ „Гусариха", высокая, худая, какъ щепка, вдова, наступала, махая руками и постоянно поправляя сбивавшійся съ головы платокъ, па двоихъ стариковъ.

— Нѣтъ, вы еще за бѣдную вдову поплатитесь... Грѣхъ вамъ, старымъ!— кричала она,—грѣхъ!.. Ишь, ты—держи, вишь, землю, тяни падѣлъ!.. Будь, ишь, благодарна, дура, что у тебя надѣлъ насильно не отняли!.. Да провались вы съ нимъ! Да что я — въ три жилы себя, что ли, буду тянуть за землю-то!.. А?.. Нѣтъ, вы и землю-то возьмите, да и рожь-то снимите... Я вотъ положу руки да и буду сидѣть барыней... Потому у меня вона руки-то, ровно плети висятъ, ломота ихъ ломитъ отъ пятерыхъ-то ребятишекъ... Такъ ты мнѣ мірскую помочь подай!.. Акулина Кротова не мнѣ чета— и той помочью рожь сжали въ третьемъ году!.. А я—истомленная!..

— Чего?—налеталъ вдругъ кто-то сзади на Гусариху.— Много васъ тутъ лѣзетъ за помочами-то!.. На себя всѣ жилы вытянешь, безъ помочей!.. Тутъ не до помочей!..

— Да ты чего? Безстыжіе твои глаза!— отпарировала Гусариха.—Вспомни-ка, кому помочью-то яровое-то вспахали, какъ вразтяжку-то ты животомъ по землѣ валялся да благимъ матомъ ревѣлъ? Кому?

Старики только отчаянно махали на Гусариху руками и, поправляя на головѣ шляпы, отходили въ сторону.

А тутъ дѣдъ Матвѣй, сердито надвинувъ брови и постоянно подтягивая гашникъ, бурчитъ медвѣдемъ на стоящаго предъ нимъ и, видимо, поддразнивающаго его молодого мужика, въ какомъ-то засаленномъ парусинномъ пиджакѣ, суконныхъ шароварахъ и картузѣ.

— Ты, вѣдь, идолъ? — солидно дразнилъ его парусинный пиджакъ, его сосѣдъ по избамъ, плутоватый торгашъ.

— Вы мнѣ за изгородь подай... Вотъ что!— бурчалъ дѣдъ.

— Вѣдь, ты идолъ? Ты чего брови-то сѣдыя крышей на глаза напустилъ? Стыдно на добрыхъ людей взглянуть!

— Вы мнѣ за изгородь подай!.. Вотъ что!..

— Ты чего носъ-то палилъ? чего онъ у тебя красный.— дразнилъ пиджакъ, — смутьянъ ты старый?.. Изъ-за васъ канитель-то тянется... Умирать бы пора ужъ!..

— Ты еще скажи, зачѣмъ ты ко мнѣ дохлую кошку въ огородъ подбросилъ?— неожиданно поражаетъ дѣдушка Матвѣй.— Ненавистники, дуй васъ горой!.. Ты мнѣ отвѣть за эту пакость!..

— Вѣдь, ты идолъ? Ты, вѣдь, ребятишкамъ подъ босыя ноги стекла наки-

дывалъ у себя въ огородѣ! Вѣдь, ты шишига старая!

— Ты мнѣ за огородъ подай!.. Да еще я подумаю пересаживаться съ надѣла-то!.. Вишь, охальники, весь міръ взмутили! всѣхъ хотятъ взбаламутить... Рады, что расписокъ дураки съ васъ не берутъ, рады, что дураки на слово вѣрятъ... Нѣтъ, васъ вотъ бумагой припирать надоть!.. А то наткось: то хочу мѣняться, то не хочу!.. Богаты, такъ думаетъ ему и воля! Изъ-за него вся деревня трогайся!.. и т. д., и т. д.

А вотъ опять вдругъ покрываетъ всѣхъ голосъ Алешки Собакина, наскакивавшаго на двоюроднаго брата Павла Гордѣева и теперь, освободившись отъ ребенка, какъ будто проникшагося еще большею яростью.

— Ты чего защищаешь? али угощаетъ богато? Али въ городѣ въ трактирѣ чаемъ поитъ братецъ-то?.. Эхъ, вы, оглашенные!

— Да ты кого посмѣлъ?..— Кто я тебѣ? Али забылъ?..

— Кто? Не забылъ!

— А кто тебя, подлеца, отъ тюрьмы-то ослобонилъ? Кто?..

— Кто?

— Вѣдь, я тебѣ отецъ духовный; вѣдь, я тебѣ, мошеннику, крестный отецъ!..

— Кто?.. А кто тебя просилъ?.. Развѣ я тебя звалъ меня крестить-то? Ха-ха-ха!—разливался опять Алешка на всю улицу.

— Мошенникъ— больше тебѣ названія нѣтъ. Собакинъ тебѣ и кличка! — огорчился Павелъ и сердито сѣлъ на завальню.

Ну, думаю, сейчасъ— въ колья. Какъ вдругъ, къ неописанному моему изумленію, Алешка направился ко мнѣ.

— Ваше благородіе, одолжите папироску! — сказалъ онъ, подсаживаясь ко мнѣ и улыбаясь во всю рожу.—Вотъ грѣхи! Ахъ, Боже мой!.. До чего у насъ ругань дошла! Крестнаго отца не пощадилъ! Вотъ какъ! Слышали?

— Слышалъ.

— Вотъ какіе грѣхи-то!.. А нельзя... Потому большая несправедливость!..

Вдругъ сходка смолкла; только слышались одинокіе голоса, что-то больше ворчавшіе про себя.

— Что же это? — въ удивленіи спросилъ я Алешку.— Кончили?

— Кончили!.. Слава те Господи! Развязались съ грѣхами.

— И рѣшили ужъ?

— Рѣшили!

— Да когда же?

— Вонъ видишь, половина разошлась, половина— отдыхать усѣлась.

Дѣйствительно, половина сходки расходилась, половина размѣстилась около житницы: кто на завальнѣ, кто на травѣ. Послышались шутки, хохотъ. Скоро вдоль улицы деревни пробѣжалъ вприпрыжку подростокъ съ четвертнымъ боченкомъ подъ мышкой. Значитъ— посланецъ въ волость за виномъ.

— Приходи, ваше благородіе, мірское вино пить! — пригласилъ меня Алешка Собакинъ, уходя къ компаніи.

— Благодарю.

Я продолжалъ прислушиваться

Дѣдъ Матвѣй уже сидѣлъ рядомъ съ своимъ неугомоннымъ „дразнилой“ въ пиджакѣ. Дразнило продолжалъ еще надъ нимъ острить, но уже совсѣмъ въ добродушномъ тонѣ; компанія поддерживала и смѣялась; смѣялся, ворча, и самъ дѣдъ. А Алешка, помѣстившись какъ разъ противъ своего отца крестнаго, скоро уже вошелъ въ оживленную бесѣду, которую послѣдній велъ съ Гусарихой. Мнѣ припомнились слова батюшки. „Рѣшили! Когда рѣшили? Что рѣшили? Вмѣсто того, чтобы „въ колья“, рѣшили водку пить, чтоли? Или рѣшили общинные вопросы, тѣ вопросы, которые волновали деревню въ продолженіе четырехъ сходовъ? Но гдѣ рѣшили, какъ?“ я въ недоумѣніи спрашивалъ себя. И я, такъ внимательно слѣдившій за всѣми сходами, такъ заинтересованный задачей—уловить до мельчайшихъ подробностей проявленіе общинной жизни въ самомъ выразительномъ ся факторѣ — общинномъ сходѣ, я, къ собственному стыду, долженъ былъ сознаться, что не понималъ ни вопросовъ, стоявшихъ на очереди въ общинѣ, ни преній по поводу нхъ, не смогъ даже уловить, когда и какъ эти вопросы были рѣшены.

Между тѣмъ, мірской посланецъ уже вернулся изъ волости съ четвертнымъ боченкомъ водки подъ мышкой (въ Ямахъ кабака не было; брали водку въ сосѣдней деревнѣ Разудаловкѣ, гдѣ имѣло пріютъ и волостное правленіе). Одинъ изъ общинниковъ, мужикъ лѣтъ 35, высокій, благообразный, здоровенной комплекціи, постоянно ходившій въ красной кумачной рубахѣ и сапогахъ съ наборами, говорившій ровно спокойно — и при

всемъ при этомъ плутъ первой степени, закадычный пріятель Алешки Собакина и бывшій волостной старшина, черезъ полгода же проворовавшійся самымъ безобразнымъ манеромъ и тогда же отставленный, — чинно принялъ отъ посланца-подростка боченокъ. Такъ же чинно и неторопливо, поощряемый общими прибаутками, сталъ онъ уставлять боченокъ въ серединѣ круга, образованнаго общинниками, подставляя подъ его бока кирпичи. А обстоятельный хозяинъ Павелъ Гордеевъ сходилъ въ избу и принесъ графинчикъ и стаканчики. Между тѣмъ, одинъ смиренный мужичокъ, почему-то состоявшій въ спеціальной должности „жеребьевщика", заключавшейся въ томъ, что у него на поясѣ хранились въ мѣшечкѣ „жеребья" (см. ниже), раскладывалъ на дощечкѣ закуску—пряничные орѣхи, или, попросту, ржаные пряники бураго цвѣта.

Началось подношеніе. Вмѣсто брани, уже крѣпчало деревенское остроуміе. Но вотъ поднялся дѣдъ Матвѣй, большой носъ котораго, дѣйствительно, „налился" и особенно рельефно выступалъ на заросшемъ сѣдыми волосами лицѣ, а маленькіе безцвѣтные глаза, совсѣмъ пропадавшіе подъ навѣсомъ сѣдыхъ бровей, благодушно-пьяно смѣялись. Онъ подошелъ ко мнѣ.

— Пойдемъ мірское вино пить, — сказалъ онъ:—велѣли звать за нашу компанію...

— Спасибо. Только, вѣдь, я не пью, дѣдушка.

— Ну ужъ, это ты тамъ какъ хочешь... Только нельзя. Надо тебя почествовать деревнѣ... Пріятство свести. Вмѣстѣ жить будемъ...

— Коли такъ, съ удовольствіемъ.

И я подошелъ къ кружку мірянъ.

— Пріятной компаніи!—раскланялся я.

— Благодаримъ. Садитесь съ нами мірское вино пить... Чтобы ужъ намъ, значитъ, съ тобой въ мирѣ жить, не ссориться,—заговорили мужики,—а то какъ-то эдакъ не въ обычаѣ у насъ—живетъ человѣкъ въ обществѣ, а дружбы и обхожденія съ нами не имѣетъ...

— Это, дѣйствительно, нехорошо!

— Чего хорошаго!.. Совсѣмъ плохо!.. Мы такъ не любимъ... Потому—кто тутъ разберетъ: ты ли нами гнушаешься, мы ли тебя обходимъ... Садитесь... Вотъ тутъ садись, промежъ стариковъ... Садись промежъ насъ, стариковъ, садись, да вотъ выпьемъ, тѣмъ и дружбу закрѣпимъ!—усаживали меня старики.

— Чтобы ужъ намъ въ одно жить, другъ дружки не утѣснять, по душѣ... Мы, вѣдь, откровенно живемъ,—продолжали еще долго увѣрять меня мужики въ необходимости общенія съ ними.

— Благодарю. Я и самъ хотѣлъ съ вами сойтись, пригласить васъ къ себѣ, въ воскресенье, да вотъ вы предупредили меня.

— Такъ и надо! Такъ и подобаетъ. Потому мы хозяева, а ты—гость.

— Ну что, прикончили дѣла? Много вы кричали.

— Прикончили. Мы, вѣдь, мужики,—у насъ этого крику много! Мы въ полное горло живемъ... Народъ, конешно, необразованный, вахлаки! Тебѣ, чай, поди за эти дни и деревня наша надоѣла?

— Нѣтъ, зачѣмъ же? Только, признаться, мало я понялъ, о чемъ у васъ толкъ шелъ.

Мужики вразъ засмѣялись.

— Гдѣ понять!.. Базаръ—одно слово!.. Мы и сами-то плохо разбираемъ.

— Такъ какъ же вы рѣшаете?

— А кто е знаетъ!.. Кричимъ, кричимъ, да до чего-нибудь и докричимся!—проиронизировали на свой счетъ міряне.

— Что же вы теперь, напримѣръ, рѣшали?

— Да мы все рѣшали!.. У насъ, братецъ мой, такъ бываетъ, у мужиковъ: заговори объ одномъ, начни съ малости, весь обиходъ потревожишь!.. Вотъ у насъ всю эту тревогу баба подняла. Баба у насъ есть, вдова, овдовѣла недавно — Гусариха да Гусариха прозывается. Вотъ изъ-за нея!.. отбилась отъ рукъ—и шабашъ.

— Какъ такъ?

— А такъ: надѣлъ она послѣ мужа тянула, оставили мы ей—пущай орудуетъ съ ребятишками... А вотъ теперь взбунтовалась, противу начальства пошла!..

— Взбунтовалась—вѣрно! — подхватили мужики и опять всѣ засмѣялись.

— „Не хочу, говоритъ, податей платить!.. Ну, васъ, говоритъ къ ляду и съ землей!.. Берите, да сами въ три жилы ее и тяните!.. А мнѣ, говоритъ, съ одними ребятишками каторги-то довольно..." Вотъ отъ самаго этого ея бунта все и пошло!

— Что же пошло?

— А то и пошло, что вотъ всю деревню Гусариха и потревожила. Говоримъ

тебѣ, что у насъ одно тронь — все тронется. Вотъ теперь она бунтуется, отъ надѣла отказывается,—нужно этому надѣлу мѣсто пріискать! нужно его на кого ни-то да навалить... Потому, начальство на наши бабьи бунты не очень посмотритъ! Ему подай! и т. д.

Я задавалъ вопросъ за вопросомъ; мужики отвѣчали, перебивая другъ друга, и, въ концѣ-концовъ, оказалось, что вотъ какимъ образомъ взбунтовавшаяся баба „потревожила всю деревню" и какимъ образомъ пришелъ міръ къ благополучному разрѣшенію *цѣлой массы* поднятыхъ „бабьимъ бунтомъ" вопросовъ. Здѣсь мы еще разъ увидимъ, изъ какой невообразимо-переплетенной паутины всякихъ компромиссовъ, невозможныхъ примиреній и противорѣчій приходится выпутываться общинѣ при каждомъ, даже самомъ незначительномъ, актѣ общинной жизни. Дѣло вотъ въ чемъ:

По распаденіи большой промышленно-земледѣльческой артели—семьи братьевъ Сысоя и Ивана Гордеевыхъ — изъ нея, среди прочихъ, выдѣлился одинъ изъ двоюродныхъ братьевъ, по прозванію Гусаръ, самый бѣдный изъ всѣхъ. Хотя ему и досталась часть собственныхъ пустошей по раздѣлу, но скоро эта землишка, путемъ разныхъ „одолженій" и закладныхъ сдѣлокъ, какъ-то перешла почти цѣликомъ къ его братьямъ-коммерсантамъ. А между тѣмъ, семья росла, самъ онъ попалъ въ военную службу; жена съ ребятишками кое-какъ перебивалась на общинномъ надѣлѣ, при пособіи мірскихъ „помочей". Вернувшись въ отставку, Гусаръ еще взялъ на одну душу надѣлъ и принялся крѣпко за землепашество. Но скоро умеръ. Осталась вдова съ пятерыми малыми ребятишками на рукахъ и съ двухдушевымъ надѣломъ. Міръ оставилъ за ней этотъ надѣлъ, пока не подрастутъ ея сыновья. Но Гусарихѣ, больной, измаявшейся „на вдовьей линіи" (она, вѣдь, почти всю жизнь вдовой прожила, хотя и при живомъ мужѣ, который ходилъ изъ полка только въ побывку), не по силамъ стало тянуть одной надѣлъ, даже при пособіи помочей. И вотъ она, какъ мы видѣли, приходитъ на міръ и отказывается отъ надѣла. На міру получаются такимъ образомъ свободными двѣ „залишнія души", два „гулевыхъ надѣла" и деревенскій безземельный человѣкъ, деревенскій пролетарій, нищій—въ лицѣ Гусарихи. Все это, какъ легко понять читателю,—логическое слѣдствіе той сложной и непримиримой системы компромиссовъ, о которой мы говорили въ предыдущей главѣ; это—логическое слѣдствіе антинародныхъ элементовъ деревенской жизни, каковы: надѣлъ, ревизская душа, подушная подать, сильныя и малосильныя семьи и пр., и пр. Если народъ и нашелъ чѣмъ парализовать эти неизбѣжныя логическія послѣдствія чуждыхъ ему началъ, прибѣгнувъ къ системѣ передѣловъ, то все-таки эта система могла только болѣе или менѣе парализовать ихъ, но не уничтожить радикально. Въ данномъ случаѣ съ Гусарихой система передѣловъ, конечно, дѣлаетъ въ высокой степени важную услугу, гарантируя ея дѣтямъ въ будущемъ право на общинную землю, но и только; въ данный же моментъ, когда дѣти слишкомъ малы, чтобы помогать матери, она безсильна спасти ихъ отъ юдоли пролетарія. Хорошо, если они, благодаря счастливымъ случайностямъ, благополучно пространствуютъ эту юдоль и сохранятся къ 18—20 годамъ бодрыми духомъ и сильными физически, чтобы вступить снова въ общину равноправнымъ ея членомъ, тогда система передѣловъ спасетъ ихъ отъ батрачества. Но если эти счастливыя случайности не будутъ ниспосланы небомъ на бѣдныя ребячьи головы, тогда не спасти ихъ общинной системѣ передѣловъ: они сгибнутъ или совсѣмъ, или отобьются отъ хлѣбопашества, отъ деревенскихъ работъ раньше чѣмъ община можетъ притти къ нимъ на помощь съ своей системой передѣловъ. Итакъ: слѣдствіемъ „бунта" Гусарихи въ общинѣ явились *два* новые элемента: „гулевой надѣлъ" на двѣ души и сельскій пролетарій въ лицѣ вдовы съ малолѣтками. Но такъ какъ *современные общинные* порядки повелись не вчера, не нынѣ, то въ ямской общинѣ, понятно, нашлись подобные же пролетаріи, т.-е. безземельные мужики, народившіеся еще раньше въ ней. Такимъ субъектомъ явился Наумъ Шмонинъ, одинъ изъ братьевъ, выдѣлившійся изъ семьи Шмониныхъ, получившій самостоятельный надѣлъ, но скоро запьянствовавшій, бросившій надѣлъ, пропадавшій нѣсколько времени гдѣ-то на сторонѣ, можетъ быть въ поискахъ за тѣмъ, „гдѣ лучше", и теперь вернувшійся опять въ родную общину. Наумъ заявился на сходъ и сказалъ:—„я бы теперь залишнія души, пожалуй, и взялъ. Я, братцы, сі-

Богу, понѣ исправенъ сталъ. Ученъ, оченно даже ученъ сталъ, какъ на сторонѣ-то бѣгалъ!" Наумъ, такимъ образомъ, явился *третьимъ* новымъ элементомъ общины, который община, по системѣ передѣловъ и по общинной совѣсти, обязана признать. „Отчего жъ бы ему и не дать эти залишнія души? Отчего жъ ему и не устроиться хозяйствомъ опять? Вѣдь, онъ—нашъ, не чужой. Мы обязаны". Но разсуждать такъ правильно, согласно своимъ исконнымъ міровоззрѣніямъ, община *долго* не можетъ.

Община сейчасъ же вспоминаетъ, въ лицѣ какого-нибудь старосты Макридія, что, вѣдь, она, помимо всего прочаго, въ современномъ ея видѣ, *призвана* быть нѣкоей государственной функціей и, главное дѣло, *единственно* только этой функціей, фискальной, *какъ сборщикъ податей*. А народная община, вырабатывая еще „на зарѣ цивилизаціи" схему своихъ бытовыхъ основъ, понятно, этого призванія не предвидѣла, а потому этой функціи и не могла естественно внести въ свою соціальную схему. И вотъ опять компромиссъ, невозможныя примиренія, общинныя коллизіи... „Это такъ, что говорить!—разсуждаетъ община:—человѣку помочь пріустроиться—на что лучше! Божье дѣло! Только ежели этотъ человѣкъ „задуритъ", то выбивать за него недоимку изъ своихъ кармановъ тоже хорошаго мало! А, вѣдь, она, недоимка-то, за двѣ-то души 24 рублика въ годъ, говорятъ, какъ едина деньга. А Наумка-то тоже... вѣдь, Богъ его знаетъ!.. На него упованія тоже большого не возложишь!.."

— А при всемъ при томъ, я вамъ, братцы, и вотъ что скажу, — заявляетъ одинъ міряинъ:—съ какого это порядку у насъ здѣсь богатѣи-то, хошь бы Гордѣевъ Петръ (торгующій въ городѣ, какъ мы говорили, бакалейными товарами, церковный староста на погостѣ и хозяинъ большого двухъэтажнаго дома въ нашей деревнѣ),—съ какого это порядку онъ только на двѣ души тянетъ?.. Кажись бы, у него четыре души должно быть? Ась? Это что же будетъ!.. Бѣдные въ три жилы подати вытягивай, а богатый льготой пользуйся!.. Ась?

— Да, вѣдь, онъ хлѣбопашествомъ не занимается?—ввернулъ въ защиту брата Повелъ Гордеевъ.

— Чего? Да намъ-то что? — вступился Алешка Собакинъ:—намъ отъ этого теплѣе, что ли? Какое мы отъ него міру угожденіе видимъ? Онъ богатѣетъ, а налогу только въ половину платитъ, да намъ, хошь бы благодарности для, поступился ли чѣмъ-нибудь?.. Вотъ онъ сына въ гимназію пристроилъ, въ баре лѣзетъ, отъ обчества его отписалъ, а намъ за это хошь бы плюнулъ!.. Нѣтъ, ихъ проучить надо! Зазнались!..

— Конечно, проучить!—возстали и другіе міряне.

— Пущай въ купцы выписывается, коли землепашеству не крѣпокъ... Коли не землепашество, такъ чего и мужикомъ быть! Пущай выписывается, такъ мы и знать будемъ.

— А мы теперь вотъ какъ сдѣлаемъ: Наумка-то (еще чортъ его знаетъ, лѣшаго, каковъ онъ тамъ будетъ), пущай для пробы на *полдуши* пока сядетъ, а полторы души на Гордѣева навалимъ!.. Нечего баловаться! Мы вотъ тоже за Гусариху сколько лѣтъ недоимки-то доплачиваемъ! Мошны-то у насъ тоже не больно толсты! Да!

— Конечно, навалить надоть! Что за баловство!—такъ разсуждалъ ямской міръ на первомъ сходѣ по заявленіи Гусарихи.

О такомъ намѣреніи міра было сообщено братьями Петру Гордѣеву, въ городъ. Петръ Гордѣевъ обидѣлся и отвѣчалъ, что „онъ кланяться мужикамъ не намѣренъ, водкой ихъ поить тоже не желаетъ, а коли они его захотятъ учить, такъ у нихъ еще руки не доросли. А ежели въ нихъ такое упорство оказывается, такъ онъ *пересядетъ на свой надѣлъ*, какой ему при передѣлѣ достался, на трехдушный! А больше навалить на него права у нихъ нѣтъ!"—сказалъ и въ деревню заявиться не подумалъ.

Мужики сошлись на второй сходъ. На этомъ сходѣ обсужденію предстояли уже еще два новые элемента, кромѣ первыхъ трехъ: это—*четвертый* элементъ въ лицѣ Петра Гордѣева, богача, хлѣбопашествомъ лично не занимающагося, а слѣдовательно, и мало платящаго податей, и *пятый—мѣна надѣловъ* (см. главу VI).

Какъ только стало извѣстно ямскому міру заявленіе Петра Гордѣева, такъ тотчасъ же были затронуты интересы цѣлой группы мірянъ, участвовавшихъ въ мѣнѣ надѣловъ, а ихъ было дворовъ 5—6. Богачъ зналъ, во что билъ. Дѣло было вотъ въ чемъ: мой хозяинъ, дѣдъ Матвѣй, по послѣднему передѣлу въ 1872 году получилъ надѣлъ на *двѣ души*. Онъ и довольствовался имъ, такъ какъ могъ съ

нимъ управиться одинъ, потому что его сынъ и невѣстка работали въ городѣ (сынъ артельщикомъ на желѣзнодорожной станціи, а невѣстка на фабрикѣ) и приходили только на страду. Но вотъ старикъ сталъ хирѣть; къ тому же, старуха у него умерла; стало ему одному вести хозяйство невозможно. Онъ выписалъ изъ города невѣстку. Съ прибытіемъ *цѣлой рабочей силы* можно было управиться и не съ двумя надѣлами. Дѣдъ сталъ дожидаться, не откроются ли „залишнія души". Но такихъ не случилось. А между тѣмъ Петръ Гордѣевъ, владѣя тремя надѣлами, заявилъ желаніе сбыть ихъ „хоша бы совсѣмъ", но совсѣмъ сбыть невозможно, и вотъ онъ предложилъ дѣду *помѣняться*. Къ этой мѣнѣ пожелали пристать и другія семьи, въ которыхъ, за время послѣ передѣла, отношеніе рабочихъ силъ къ количеству земли, по тѣмъ или другимъ причинамъ, было значительно нарушено. Въ концѣ этой мѣны оказалось, что дѣдъ Матвѣй сѣлъ на жеребій (извѣстное количество душевого надѣла, доставшагося по передѣлу) Петра Гордѣева, т.-е. на трехдушевой, а свой двухдушевой жеребій передалъ третьему мужику, сидѣвшему на четырехдушевомъ жеребьи; этотъ послѣдній передалъ свой четырехдушевой жеребій четвертому, у котораго, какими-то судьбами, оказался жеребій на $2^1/_2$ души (вѣроятно, $^1/_2$ души на *старика)*, и вотъ на эти-то $2^1/_2$ души и сѣлъ уже Петръ Гордѣевъ. Въ сущности, Петръ Гордѣевъ выгадывалъ всего $^1/_2$ души; но такъ какъ по ревизіи на немъ значилось 4 души, а по передѣлу онъ получилъ только 3, то уже въ суммѣ выгода выходила на $1^1/_2$ души. Но мѣна, хотя бы только на $^1/_2$ души, какъ оказывается, была для него выгодна въ томъ отношеніи, что онъ могъ теперь не бояться, что міръ наложитъ на него четвертую душу, т.-е. полный надѣлъ, падающій на него по ревизскимъ душамъ. И вотъ почему. Мѣна надѣла была очень выгодна для вышеприведенной группы семей, такъ какъ уравнивала ихъ рабочія силы съ количествомъ земли еще *задолго до общаго передѣла*. Теперь, когда міръ вздумалъ „поучить багача", богачъ, какъ человѣкъ коммерческій, для котораго нарушеніе не только честнаго слова (а мірскія сдѣлки, большею частью, на немъ основаны), но и „бумажныхъ" обязательствъ не представляетъ, вѣроятно, особаго затрудненія, пригрозивъ нарушеніемъ мѣновой сдѣлки, потребовалъ возвращенія ему его „настоящаго жеребья". А это и значило—„потревожить всю деревню": „одного тронь—и все тронешь".

— Подлецъ онъ, можно сказать, въ полномъ видѣ!—заругались мужики. Сходъ сдѣлался чрезвычайно буйнымъ. Но онъ все еще не такъ былъ буенъ, какъ третій сходъ. На этотъ сходъ дѣдушка Матвѣй вызвалъ своего сына изъ города, такъ какъ одному старику оказалось невмочь защищать свои интересы: „и глуховатъ сталъ, и слѣповатъ — гляди, того не дослышишь, другого не доглядишь; да и силы уже нѣтъ прежней, за молодыми не угоняешься, а они нынче ловко насобачились говорить-то". На третьемъ сходѣ на сцену выступили уже „городьба полей" и разные „череда". Хозяева, участвовавшіе въ мѣнѣ, требовали оцѣнки той городьбы, которую они сдѣлали соотвѣтственно количеству надѣловъ, перешедшихъ къ нимъ по мѣновой сдѣлкѣ *), и „лишки" взыскать съ тѣхъ, къ которымъ надѣлы перейдутъ. Также и „череда". По поводу, напримѣръ", чередного хожденія въ десятскихъ сыномъ дѣда Матвѣя, Якимомъ, былъ уже поднятъ очень интересный и важный вопросъ—о правахъ міра. Такъ какъ назавтра кончалась двадцатая недѣля хожденія дѣда Матвѣя въ десятскихъ (на двѣ души, по 10 недѣль), то Якимъ заявилъ: „вотъ что, господа старики, долженъ я теперь за третью душу въ десятскихъ ходить, али не долженъ?"

— Конечно, долженъ.

— Это такъ. Ежели вы приказываете, будемъ ходить. Противъ вашего рѣшенія мы не пойдемъ. Только, какъ же, ежели теперь Петръ Гордѣевъ такую прокламацію заводитъ, такъ кто жъ ему теперь можетъ запретъ положить?

— Мы положимъ.

— Такъ, такъ. А какія такія у васъ на это права есть? Обязательство онъ вамъ далъ, расписку, что до передѣла нарушать мѣны не будетъ?

*) Для лицъ, вовсе незнакомыхъ съ деревенскими порядками, объясню, что крестьяне вокругъ полей и, вообще, угодій, мимо которыхъ гоняется скотъ или проходитъ дорога, дѣлаютъ изгороди. Въ постройкѣ изгороди участвуетъ каждый крестьянинъ, имѣющій надѣлъ; онъ обязанъ загородить такую часть общей изгороди, которая соотвѣтствуетъ количеству надѣльныхъ душъ, лежащихъ на немъ. Если вся изгородь равняется 100 саженямъ, а всѣхъ душъ 50, то на душу падаетъ двѣ сажени изгороди, на три души—шесть и т. д.

— Я говорилъ тогда — взять бы расписку... Нонѣ за народомъ только смотри, — ввернулъ дѣдъ Матвѣй. — Нонѣ не старыя времена... Это мы по старинѣ-то жили.

— Погоди, дѣдушка, — сказалъ Якимъ: — чего расписка? Расписка не суть. Съ распиской можно прожить, а ты вотъ по совѣсти проживи, безъ расписки... Вотъ что! Мы живемъ на міру. При чемъ тутъ расписки? Ежели и есть на міру, что противъ совѣсти пойдутъ, такъ есть и такіе, что этими дѣлами заниматься не станутъ, совѣсть не продадутъ... Вотъ что! Пущай вотъ мнѣ скажутъ старики — сильно ли ихъ слово, силенъ ли ихъ законъ! Тогда я согласенъ...

— Экой ты, братецъ, — замѣтилъ кто-то Якиму: — и чего ты изъ пустяковъ сутяжишься? Эка штука — лишнюю недѣлю въ десятскихъ проходить!.. Сосчитаемся!

— Это что — плевать! Я за этимъ не стою... Я противъ міра не пойду... А только ты утверди одно: сильно ли нонѣ мірское слово?.. Вотъ что!.. Я отхожу... А заставятъ ли старики Петра Гордѣева слово сдержать, насъ не тревожить? Какія такія у міра права есть?

Старики нѣсколько задумались, но потомъ заговорили какъ-то всѣ разомъ:

— Какъ не имѣемъ? Конечно, имѣемъ!.. Ежели мы не имѣемъ силы такъ къ чему и міръ!.. Тогда что же будетъ? Какой порядокъ! Кто хошь, тотъ и деревню вверхъ дномъ обернетъ? Говоримъ, ходи — и шабашъ! А тамъ — міръ силу окажетъ...

— Это на что лучше! Это весьма пріятно, — тонко, дипломатически возражалъ Якимъ, какъ человѣкъ, живущій большую часть въ городѣ; — только, вѣдь, сдѣлка-то промежду насъ, сосѣдей, кажись, была... Вотъ что! Это, примѣрно, все одно — промѣнялъ я сосѣду лошадь на корову... Тутъ, кажись, наше дѣло. Какія такія права міръ имѣетъ, чтобъ насъ въ этомъ утѣснять?.. Какія такія права есть, чтобъ принуждать?..

— Оставь, говорятъ! — накинулись, наконецъ, мужики на Якима. — Лошадь! Лошадь тутъ не при чемъ... Лошадь не земля... Лошадью ты меня, али міръ не утѣснишь, а землей утѣснишь...

— Вотъ, вотъ! Это вѣрно! Лошадь не земля! — подхватили другіе.

— Коли такъ — я съ полнымъ нашимъ удовольствіемъ!..

Разговоръ Якима съ міромъ я могъ прослѣдить весь, такъ какъ былъ исключительно заинтересованъ имъ, и потому привелъ его здѣсь почти дословно; привелъ потому, что онъ мнѣ представляется очень характернымъ въ виду того общераспространеннаго положенія, что мужицкая сходка исключительно управляется одними стихійными, безсознательными инстинктивными стимулами, что, вслѣдствіе этого, часто рѣшенія сходовъ поражаютъ своею дикостью, очевидною нелогичностью... Я рѣшительно не могу съ этимъ согласиться. Хотя я далекъ отъ мысли видѣть въ мужицкомъ сходѣ идеалъ россійскаго парламента, хотя я не могу предъ нимъ приходить въ восторгъ и даже сравнивать съ митингомъ западно-европейскихъ рабочихъ, но, съ другой стороны, я имѣю массу вѣскихъ данныхъ за то, что мужикъ живетъ менѣе стихійно, инстинктивно и безсознательно по извѣстнымъ традиціямъ, чѣмъ, напримѣръ, полуобразованныя городскія сословія. На сходахъ очень нерѣдко поднимаются такіе вопросы, въ которыхъ нельзя никакъ отрицать сознательной и пытливой мысли. Другое дѣло, конечно, насколько широка сфера этой мысли; но въ той области, которая захватываетъ крестьянскій обиходъ, а иногда дальше, мысль крестьянина работаетъ. Въ слѣдующихъ главахъ я буду еще имѣть случай привести не мало фактовъ, подтверждающихъ мою мысль.

На четвертомъ сходѣ, какъ я уже говорилъ, пренія дошли до апогея. Масса выдвинутыхъ на общее обсужденіе вопросовъ дѣлала, повидимому, совершенно невозможнымъ мало-мальски строго мотивированное рѣшеніе. Такъ мнѣ и думалось. И, къ величайшему моему удивленію, было рѣшено все, сразу, вдругъ, съ поразительною неожиданностью. Для меня, какъ и вообще для всякаго сторонняго наблюдателя и свѣжаго человѣка, такая постановка рѣшеній была непостижима. Я рѣшительно не могъ логически прослѣдить весь ходъ преній, чтобы вывести тѣ заключенія, къ которымъ пришелъ сходъ. Только послѣ, когда разговоръ съ мужиками выяснилъ мнѣ всѣ частности общаго порядка дѣлъ, я уже былъ въ состояніи распутаться изъ этой паутины мелкихъ частныхъ интересовъ, общественныхъ обязанностей, внѣшнихъ воздѣйствій и всевозможныхъ компромиссовъ. Только тогда я могъ убѣдиться, что мужицкая сходка — не безсвязная болтовня, что рѣшенія, поставленныя ею, — логическое слѣдствіе тѣхъ сложныхъ взаимо-

дѣйствій разнообразныхъ элементовъ, подъ напоромъ которыхъ суждено существовать современной крестьянской общинѣ.

Рѣшеніе, постановленное послѣднимъ сходомъ, было слѣдующее: землю, отъ которой отказывалась Гусариха, передать Науму Шмонину, всѣ два надѣла полностью („пущай поправляется!“); самой Гусарихѣ помочь міромъ сжать хлѣбъ нынѣшняго посѣва; „учить“ Петра Гордѣева пока оставить, до другого случая (это ужъ само собой разумѣлось). Таковъ результатъ *современнаго* деревенскаго схода по даннымъ вопросамъ, результатъ тѣхъ стараній—примирить непримиримое, хоть до возможной степени охранить то, что завѣщано традиціями, хотя какъ-нибудь „посподручнѣе“ втиснуть новые, антинародные элементы въ схему своихъ исконныхъ основъ и заставить ихъ подчиниться этимъ завѣтнымъ традиціямъ.

И это—постоянная проблема современныхъ деревенскихъ сходовъ. Богъ вѣсть, что вынесетъ народъ изъ этой школы!

Я уже раньше сказалъ, что не берусь нарисовать типичную, яркую, рельефную картину деревенскаго схода, но я старался, по возможности, передать фактически вѣрно все, что видѣлъ и слышалъ. Въ нашей литературѣ многіе брались за воспроизведеніе деревенскаго схода. Но что изъ этого выходило? Культурный художникъ зналъ только два пріема этого воспроизведенія: „смѣшливый“ и сантиментально-резонерскій. Въ первомъ случаѣ художникъ заставлялъ нести мужиковъ всякую чушь, говорить невообразимую нескладицу, вообще, проявлять невообразимую глупость и тупость, съ цѣлью вызвать въ интеллигентномъ читателѣ соотвѣтствующее весело-правно-презрительное настроеніе. Въ другомъ случаѣ, культурный художникъ спѣшилъ „исправить ошибку“ перваго и выводилъ предъ нами рядъ лицъ, благообразно блистающихъ благородствомъ чувствъ, нѣжнымъ сердцемъ, замѣчательною вылощенностью рѣчей и чуть не парламентски-строгимъ діалектическимъ состязаніемъ. Очевидно, въ обоихъ случаяхъ—ложь. Какъ подъ тѣмъ, такъ и подъ другимъ пріемомъ довольно ясно отражается самъ культурный наблюдатель, съ своимъ темпераментомъ и складомъ міровоззрѣній. Впрочемъ, создавшаяся въ концѣ 60-хъ годовъ молодая школа беллетристовъ-народниковъ, посвятившая себя почти исключительно дѣлу изученія народа, вноситъ уже вполнѣ трезвый реализмъ въ представленія о народѣ и составляетъ значительный противовѣсъ „ветхому“ культурному художнику; но имѣть подобающее значеніе этой небольшой группѣ, среди другихъ условій, мѣшаютъ отрывочность и безсистемность ея произведеній, отсутствіе обширныхъ и капитальныхъ замысловъ, охватывающихъ наиболѣе характерныя и выразительныя стороны народной жизни; съ другой стороны, увлеченіе реакціей канцелярски-сантиментальному направленію заставляетъ ее часто, въ увлеченіи борьбой, быть слишкомъ односторонней и, отрицая *пріемы* и *взгляды* на народъ канцелярски-сантиментальнаго направленія, отрицать вмѣстѣ и „*устои*“ самой народной жизни... Можетъ быть, это выходитъ и невольно, но по крайней мѣрѣ таково впечатлѣніе получается для читателя.

ГЛАВА VII.

Деревенскіе политико-экономы.

Лѣтнія воскресенья въ этомъ году проводила наша деревня совсѣмъ невесело. Вымывшись наканунѣ въ баняхъ (помимо купанья въ озерѣ, въ которомъ въ жаркіе дни купаются по нѣскольку разъ),—бабы предъ обѣдомъ, мужики—послѣ, до всенощной,—одни изъ міранъ шли въ церковь (меньшинство), другіе уѣзжали съ вечера на городской базаръ или въ другія деревни, чтобы оправить праздникомъ всѣ стороннія дѣла. Оставшіеся въ деревнѣ послѣ всенощной потолкутся на улицѣ, затѣмъ раньше ложатся спать. Поутру, въ воскресенье, часовъ въ 6—7, начинаетъ гудѣть съ горы погоста нашъ звонкій, „голосистый“ колоколъ, благовѣствуя чуть не на 15 верстъ въ окружности. Въ этой мѣстности села рѣдки и отстоятъ одно отъ другого верстъ на 10—15, почему приходы очень большіе и раскинутые. Говорятъ, нашъ колоколъ славится изъ всѣхъ сосѣднихъ колоколовъ. Его звонъ знаютъ не только прихожане нашего погоста, но и далекихъ стороннихъ деревень. По ночамъ онъ бьетъ „часы“, и его густой звонъ мирно разносится въ ночномъ безмолвіи деревенскихъ полей и лѣсовъ, а для нашихъ лѣсовъ, и въ особенности зимой, онъ — второй путеводитель. По воскресеньямъ къ обѣднѣ онъ торжественно звонитъ цѣлый часъ, пока не со-

беретъ обитателей самыхъ дальнихъ деревень нашего прихода. Впрочемъ, нельзя сказать, чтобы много онъ собиралъ молитвенниковъ въ лѣтнее время. Батюшка, вообще, жаловался на нерадѣніе народа къ церковнымъ службамъ. А насчетъ нашей деревеньки я и самъ могу сказать, что особой ревности къ посѣщенію Божьяго храма не замѣтилъ. Нарочно наблюдалъ я, послѣ обѣдни, за возвращавшимися изъ церкви нашими богомольцами и больше десятка взрослыхъ и малолѣтнихъ не насчитывалъ. Изъ нихъ половина были постоянные богомольцы, которыхъ я замѣчалъ каждый разъ: двѣ старухи, да не совсѣмъ индиферентная къ религіознымъ вопросамъ довольно зажиточная семья крестьянина Шмонина, жившаго какъ разъ противъ меня. Старикъ Шмонинъ, чѣмъ-то недовольный нашими церковными порядками, перешелъ въ расколъ, подъ вліяніемъ своего сосѣда, исконнаго раскольника, о которомъ я уже упоминалъ. Вмѣстѣ съ собой увлекъ онъ всю семью, за исключеніемъ жены. Но затѣмъ, неудовлетворившись и расколомъ, недавно вновь обратился къ православію. Какъ, вообще, всѣ прозелиты, эта семья особенно усердно исполняла религіозные обряды. Что касается моего дѣда Матвѣя, то онъ *никогда* не ходилъ въ церковь, хотя при этомъ былъ очень религіозенъ, любилъ говорить о „божественномъ“ и, въ то же время, не былъ сектантомъ. Въ этомъ отношеніи, личность дѣда Матвѣя была очень замѣчательна, и, нужно сказать, что такихъ личностей не мало среди народа. Насколько я могъ понять изъ разговоровъ съ ними, они, неудовлетворенные ни одной изъ имѣющихся подъ руками религіозныхъ формъ, выработали совершенно своеобразный, самобытный взглядъ на вещи. Строго-законченной религіозной системы я у дѣда Матвѣя не замѣтилъ; онъ — скорѣе эклектикъ, по самобытность критическаго отношенія къ тѣмъ источникамъ, изъ которыхъ онъ выбираетъ все лучшее и выбрасываетъ все, для себя неподходящее, онъ отстаиваетъ сильно. Я думаю, что изъ этихъ-то собственно личностей и вербуются какъ послѣдователи, такъ основатели и руководители новыхъ сектантскихъ ученій. Сынъ дѣда Матвѣя, Якимъ съ женой, впрочемъ, были довольно индиферентны къ религіознымъ вопросамъ, частью по безпечности, какъ люди, прожившіе долгое время въ городѣ, частью, можетъ быть, и потому, что дѣдъ Матвѣй не былъ особенно настойчивъ въ этомъ отношеніи. Они ходили въ церковь, исполняли всѣ обряды и только; какъ всѣ вообще крестьяне, довольно строго говорили о церковнослужителяхъ и ихъ злоупотребленіяхъ; вообще, были о нихъ довольно нелестнаго мнѣнія. Но внука Васю дѣдъ Матвѣй „обучалъ“, надо думать, потому что, каждое воскресенье, какъ только начинали звонить, дѣдъ шелъ будить Васю, спавшаго рядомъ со мной, за перегородкой, въ клѣти. Онъ будилъ его долго, упорно, настойчиво, до жалости (въ особенности было жалко въ страдное время, когда наканунѣ работали до 11 часовъ почи съ 4-хъ часовъ утра, и Вася работалъ, какъ взрослый работникъ, не покладывая рукъ). Васѣ хочется и есть возможность соснуть хотя еще два часика. „Сейчасъ, сейчасъ“,—крикнетъ онъ дѣду и опять задремлетъ. А настойчивый дѣдъ, подождавъ минутъ десять, опять кричитъ: „Васютка! Васютка! вставай Богу молиться!“ Иногда такъ и хочется прогнать его. Нерѣдко тетка Александра вступалась за племянника и говорила: — „да полно-се тебѣ, батюшка, его мучить! Дай-се ему хоша часокъ поспать. Успѣетъ еще за свой вѣкъ намолиться... Вчера онъ, чай, не по ягоды бѣгалъ!..“ Уходилъ, ворча, дѣдъ, по черезъ четверть часа опять уже кричалъ: „Васютка! Ва-сь. Ступай, говорю, Богу молиться!“ Вася, наконецъ, сердито вставалъ и шелъ умываться. И вотъ какъ молились дѣдъ со внукомъ (къ сожалѣнію, я могу сообщить объ этомъ только очень поверхностно). Въ переднемъ углу, въ божницѣ, лежала большая кожаная книга—„Четіи-Минея“; къ ней прилѣплялъ иногда дѣдъ восковую свѣчу. Тутъ же, на лавкѣ, подъ образами, разстилалъ онъ какой-то платъ и начиналъ молиться, кладя большіе поясные поклоны и опираясь одной рукой въ этотъ платъ. Молился дѣдъ и шепталъ что-то. Вслѣдъ за нимъ молился, стоя въ сторонкѣ, и Вася. Послѣ долгихъ поклоновъ, они присаживались и сидѣли нѣкоторое время въ благочестивомъ молчаніи. Затѣмъ дѣдъ поднимался и возглашалъ полушопотомъ первыя слова тѣхъ молитвословій, которыя, по его расчету, должны были читаться въ церкви. Затѣмъ, снова молились, шепча про себя, вѣроятно, эти самыя молитвы. Потомъ дѣдъ бралъ съ божницы кадильницу съ ручкой, клалъ

въ нее изъ печки угли и ладанъ и начиналъ кадить. Въ это же время Александра, если не ходила въ церковь, отрывалась отъ хозяйства и, мимоходомъ, приставала къ молящимся. Со звономъ къ „достойно“ вскорѣ моленіе кончалось. Дѣдъ Матвѣй убиралъ платъ и кадильницу и затѣмъ вмѣстѣ со внукомъ садился около стола. Пока невѣстка ставила самоваръ, дѣдъ читалъ внуку (а иногда наоборотъ—внукъ дѣду) нѣсколько главъ изъ „Четіи-Минеи“. Дѣдъ часто увлекался чтеніемъ до того, что начиналъ сопровождать его объясненіями и собственными разсказами... Я имѣю основаніе думать, что не въ одной нашей деревнѣ и не въ одной нашей избѣ совершалось по воскресеньямъ такое моленіе. Объясненій такому обычаю найдется много, но, можетъ-быть, когда-нибудь я займусь подробнѣе этою важною стороной деревенскихъ будней. Здѣсь же я касаюсь ея только мимоходомъ.

Послѣ обѣдни, почти въ каждой избѣ, по праздникамъ, у насъ пьютъ чай, очень жидкій, экономничая до скудости на сахарѣ. Пьютъ всегда очень долго, такъ какъ къ чаю, обыкновенно, всегда приходятъ гости или изъ своей деревни, или изъ сосѣдней (большею частью—родня: раздѣлившіеся братья, сыновья, дядья, племянники, двоюродные братья и тетки). За чаемъ же всегда ведется и самая разнообразная бесѣда. Часто угощаютъ и постороннихъ, бѣдныхъ, у кого нѣтъ самовара и своего хозяйства: бобылей и бобылокъ, пастуховъ и подпасковъ, деревенскихъ сторожей, сиротъ. Послѣ чая имъ, обыкновенно, даютъ кусокъ творожной куженьки или пирога съ кашей. Сами хозяева за чаемъ ѣдятъ рѣдко, такъ какъ вскорѣ обѣдаютъ. Есть лица, которыя „по обѣту“ не пьютъ чая или вовсе, или пьютъ одну отварную воду, иногда подкрашивая ее, если есть, церковнымъ виномъ. Въ этомъ году у насъ не пили нѣкоторые чая потому, что сыновья или близкіе родственники ихъ были на войнѣ.

Черезъ часъ или полтора послѣ чая, накрывали вездѣ обѣдъ, почти въ одно время. Тамъ, гдѣ пили водку, изъ-за чая не выходили вплоть до обѣда, убравъ самоваръ, прямо подавали обѣдъ. Послѣ обѣда ложились спать и спали часа 2—3. Вечеромъ, часа въ четыре, опять пили чай, но уже не вездѣ, а только въ болѣе состоятельныхъ семьяхъ. Въ это же время, обыкновенно, мужики, выряженные въ чистыя ситцевыя розовыя или красныя рубахи, собирались на заваляхъ у одной избы, бабы — у другой. Пьяные у насъ рѣдко бывали, только развѣ уже извѣсныя лица, пившія запоемъ (ихъ было двое), да нѣкоторые, возвращавшіеся навеселѣ изъ города. Прочіе же очень мирно проводили время на заваляхъ, потѣшаясь надъ Алешкой Собакинымъ, бывавшимъ къ этому времени всегда навеселѣ. Въ большіе праздники устраивались между подвыпившими кулачныя состязанія: напр., Алешкѣ Собакину подвязывали правую руку и напускали на него двоихъ малосильныхъ, но очень задорныхъ мужиковъ: пастуха и Наума Шмонина. Алешка очень скоро расправлялся съ ними одною лѣвою рукой. Вотъ и всѣ увеселенія... Пѣсни рѣдко пѣли, такъ какъ и дѣвокъ-невѣстъ было всего три, а парней, настоящихъ, вовсе не было; всѣ были на войнѣ (три человѣка); оставались одни подростки, которые толпились съ дѣвками на задахъ деревни и иногда пѣли, а иногда просто ходили вдоль деревни и ѣли подсолнухи.

Вообще, проводили праздничное время очень скучно. Да лѣтомъ хозяева, кажется, этого не чувствовали, такъ какъ все свободное время, до вечера, чѣмъ-нибудь занимались: подготовляли сельскохозяйственныя орудія преимущественно. Бабы занимаются обычными домашними дѣлами, которыя одинаковы и для праздниковъ и для будней.

Къ вечернему-то чаю, когда мужики собрались посидѣть на улицѣ, я и попросилъ дѣда Матвѣя пригласить ихъ ко мнѣ. Я видѣлъ изъ оконъ, какъ мужики что-то переговорили по поводу приглашенія дѣда Матвѣя, и затѣмъ четверо изъ нихъ направились ко мнѣ. Это были: Павелъ Гордѣевъ, обстоятельный мужикъ, мужъ тетки Агриппины, Петръ Шмонинъ, проворовавшійся старшина и пріятель Алешки Собакина, старикъ Евтропъ Шмонинъ, двоюродный дядя Петра, заинтересованный очень въ религіозныхъ вопросахъ, какъ мы уже говорили, большакъ зажиточной семьи, состоявшей изъ двухъ нераздѣленныхъ сыновей, съ женами и дѣтьми, ходившихъ въ „серпы“; третій сынъ — отдѣленный и уже знакомый намъ Наумъ Шмонинъ. Наконецъ, одинъ тихій, низенькій, цыганскаго типа, захудалый мужичокъ, хотя еще и не старый, и притомъ же ходокъ по всѣмъ мастерствамъ: въ свободное время

онъ ходитъ и въ плотники, и въ каменщики, и въ кузнецы, и въ „серпы“.

Послѣ обычныхъ деревенскихъ привѣтствій всѣ усѣлись за столъ.

— Что же это, господа, вы въ такой небольшой компаніи навѣстили меня?— спросилъ я.

— Чего еще!.. Развѣ мало! Не всей деревней... Этакъ сразу-то навалимъ— угощенье не вынесетъ,—шутили гости;— а мы вотъ собрались, по соглашенію...

— Ну, что, какъ деревня наша приглянулась?—спрашивали меня.—Какъ понравились наши-то деревенскіе порядки?

— Ничего. Еще вотъ мало я у васъ пожилъ... Есть что и понравилось, а есть что и не совсѣмъ правится.

— Такъ. Это вѣрно. Вездѣ есть свое добро, свое худо. А, примѣрно, что вамъ не показалось?—спросилъ Павелъ Гордѣевъ, какъ человѣкъ, кажется, особенно дорожившій репутаціей своей деревни.

— Да вотъ, напримѣръ, хоть то, что одни у васъ живутъ порядочно, въ достаткѣ, а другіе—совсѣмъ бѣдствуютъ, плохо живутъ...

— Это точно, ты правильно замѣтилъ... Да, вѣдь, это такъ ужъ, значитъ, отъ Бога,—замѣтилъ Павелъ Гордѣевъ.

— Отъ Бога непремѣнно,—подхватилъ и большакъ Шмонинъ.

— Это ужъ отъ прилежанія, значитъ, отъ собственнаго усердія, отъ собственной примѣнительности, Николай Николаичъ... Такъ васъ звать-то? — говорилъ Петръ Шмонинъ тихимъ, деликатнымъ голосомъ, какъ человѣкъ, въ качествѣ старшины, нерѣдко распивавшій чаи съ господами и съ начальствомъ.

— Вотъ, вотъ!—подхватили и другіе.

— Ну да, отъ Бога,—заворчалъ дѣдъ Матвѣй:—вали все на Бога-то! Нынче ужъ народъ такой сталъ—поддержки не жди... Норовитъ, какъ бы тебѣ горло перервать... Это не прежнія времена!

— Вишь, дѣдушка-то изобидѣлся!— засмѣялись мужики.

— А, можетъ быть, онъ и правду говоритъ,—замѣтилъ я:—въ старину, надо думать, плотнѣе жили другъ къ другу, ближе, міръ силы больше имѣлъ, больше помогалъ своимъ... А вотъ у васъ теперь — одинъ хоромы выставилъ, Богъ знаетъ для чего, и самъ-то не живетъ, а Гусариха вонъ съ ребятишками бьется, была земля и ту отняли.

— Это все правда! Слова нѣтъ! Только, вѣдь, это какъ ужъ кому: одному, значитъ, счастіе такое, другому несчастіе въ линію выйдетъ...—сказалъ большакъ Шмонинъ.

— Это ужъ по уму дается,—подтвердилъ деликатный экс-старшина:—по соображенію, по смекалкѣ... Вотъ какъ я полагаю!..

— То-то нонѣ смекалка-то дальше своего кармана не видитъ. Что смекнетъ, то себѣ въ карманъ все волочитъ,— опять ворчалъ Дѣдъ Матвѣй:—нѣтъ, это не скажи!..

— Нѣтъ, такъ нельзя... Это ты вѣрно замѣтилъ, Николай Николаичъ!—тихонько говорилъ мнѣ, внушительно подмаргивая черными блестящими глазами, смирный мужичокъ-цыганъ.—Надо, вѣдь, то же разсудить...

— Нонѣ мірской поддержки не жди,— продолжалъ дѣдъ Матвѣй:—нонѣ молодой мужикъ отъ міра на сторону бѣжитъ... Бѣжитъ и шабашъ! И ничѣмъ его не остановить!.. Вотъ ужь міръ-то и слабнетъ... Какія нонѣ мірскія дѣла? Ругань одна... Ты одно скажи, а тебѣ другое говорятъ... Всякъ на свое тянетъ... Законы всякіе писанные повелись... Нѣтъ, не стало міру, совсѣмъ не стало!... Я вотъ тебѣ, другъ мой сладкій, скажу, какъ у насъ въ старину міръ-то жилъ, да какъ нонѣ живетъ. Вотъ видѣлъ ты, можетъ, у насъ на задахъ какая махина землищи лежитъ подъ болотомъ? И это болото, другъ ты мой, черезъ три деревни проходитъ. Земли — махина, а дарма пропадаетъ. Вотъ старики (наши еще старики, не намъ, муракамъ, чета: мы въ тѣ поры еще молодые были), вотъ старики глядѣли — глядѣли, плакались на эту землю, что она втуне лежитъ, да и порѣшили тремя деревнями канаву вдоль ея вырыть. Вырыли канаву большую, что твоя рѣка. По ней на лодкѣ въ большую рѣку переправлялись. И что же, другъ мой сладкій, сталось? Высохло болото, земля изъ-подъ сырости отошла, да такой сѣнокосъ Господь далъ, что по три стога на дворъ пало!... Сѣно первый сортъ, отъ пойменнаго не отличишь, вотъ какъ!...

— Это вѣрно!—подтвердили и прочіе:— и мы слыхали...

— Что же, эта канава до сихъ поръ у васъ цѣла?

— Цѣла. Да что въ ней теперь проку, ежели за ней присмотру нѣтъ! Опять теперь болото по поясъ стоитъ... А каторга-то какая! Косишь по брюхо въ водѣ, цѣлый день... Хорошо, коли еще солныш-

комъ грѣетъ, а ежели хоть малое ненастье — бѣда сущая, погибель! Издрогнешь, послѣ ноги болятъ, ломитъ тебя всего... А наипаче бабамъ плохо... Шибко болѣютъ послѣ каждаго сѣнокоса.

— Что же это вы никакихъ мѣръ не примете?

— Вотъ въ томъ-то и задача... Про чтожъ я и говорю! — сказалъ дѣдушка Матвѣй:—про то я и говорю, что старики-то насъ поумнѣе были, да посердобольнѣе! А нынче вонъ скажешь на міру: чего бы канаву не прочистить? Вѣдь, ужъ выкопали ее для васъ старики,—осталось прочистить только!.. Доколь мы будемъ каторгу-то съ нимъ принимать?... Такъ чего тебѣ! Богатѣи-то наши въ одно слово: прочищай, говорятъ, коли у тебя денегъ много! А намъ, говорятъ, что: мы батраковъ наймемъ косить-то! А у насъ запрежде о батракахъ-то не слыхивали...

— Да и батракъ-то еще подумаетъ итти... Дай ему за день три рубля, такъ онъ тебѣ въ болото полѣзетъ,—замѣтилъ Павелъ.

— Еще подумаютъ въ омутъ-то головой броситься!... Это вѣрно.

— Такъ какъ же вы это не согласитесь? Вѣдь, вотъ и богачамъ невыгодно.

— Да что имъ!... Нахватали вонъ они земель по сторонамъ, сами не работаютъ, въ ренды отдаютъ, съ насъ же деньги берутъ... Какой имъ въ канавѣ интересъ!— говорилъ дѣдъ: — а молодой народъ на сторону бѣжитъ отъ земли, все норовитъ на сторонѣ урвать: пущай, говорятъ, старики тамъ съ землей валандаются... Вотъ что!... Молодыхъ-то только и загонишь, что на страду. Пробылъ онъ тебѣ шесть недѣль, а тамъ и опять ушелъ... Тоже у него ужъ къ землѣ да къ міру интересу этого нѣтъ... А намъ, старикамъ, однимъ не сладить!

— Говоришь ты: канаву—канаву! Да какъ мы ее одни-то подымемъ, коли другія деревни въ согласъ нейдутъ?.. А у нихъ недоимки неоплачены, не токмо что канаву поднимать!... А ежели мы одни эту канаву прочистимъ, вѣдь, зальемъ всѣхъ сосѣдей.

— Такъ что жъ—зальемъ? Будетъ заливать, такъ прочистятъ!...

У мужиковъ пошелъ споръ о канавѣ.

— Много, другъ мой сладкій, у насъ неустройки, много, — заговорилъ дѣдъ Матвѣй, когда смолкъ споръ и всѣ замолчали.

— Вѣрно, вѣрно,—выразительно подмаргивалъ мнѣ и кивалъ головой мужичокъ цыганъ Иванъ Тарасычъ.

— Неустройки много! — подхватили и другіе.—Богъ-е знаетъ, какъ все идетъ: въ одномъ, глядишь, какъ будто такъ, какъ и слѣдуетъ, въ другомъ —и совсѣмъ неподобающее.

— Плохо мірское дѣло идетъ! Вотъ къ намъ въ волость хоть, примѣрно, заглянуть—что? Совсѣмъ разбойная волость!...

— Разбойная!--подхватили мужики.

— Да какъ же это такъ, братцы: вѣдь, вы сами же волостное начальство выбираете?...

— Кто?... Да мы нонѣ и на выборы-то не ходимъ... Дуй ихъ тамъ горой!...

— Что такъ?...

— Да по что? Развѣ насъ тамъ слушаютъ? Воровъ-то мѣнять, что ли? Все одно,—сердился дѣдъ Матвѣй.

— Такъ что жъ? Такъ и слѣдуетъ: вора смѣнили, хорошаго человѣка выбрали.

— Мы знаемъ, какъ слѣдуетъ-то,— сердито проворчали мужики:—мы за одни выборы шесть человѣкъ предоставляли, а все вора выбрали... Потому тѣ шесть человѣкъ, слышь, въ начальство не годятся...

— Да, вѣдь, у васъ теперь, кажется, хорошій старшина?...

— Это что!—засмѣялись мужики, совсѣмъ неожиданно для меня:—ему одно— не нонѣ, завтра въ Сибирь итти!

— Что жъ такъ?

— Да полно вамъ, братцы!... Развязали кадыки-то!—остановилъ ихъ Павелъ Гордѣевъ.—Экій народъ—болтунъ! Пойдетъ себя чернить, такъ хуже чорта очернитъ...

— И то—ну ихъ къ Богу!... Кому какой интересъ въ нашихъ дѣлахъ! Вотъ нашли о чемъ разсказывать!... Чать мы— въ гостяхъ, не на улицѣ промежъ собой,— говорили мужики.

— Нѣтъ, господа, мнѣ очень интересно.

— Ну, коли интересно, такъ что жъ... У насъ тутъ веселаго много найдется!...

— Я тебѣ вотъ, пожалуй, разскажу, какое начальство-то мы сами себѣ выбираемъ,—опять началъ дѣдъ Матвѣй.— Надо, братъ, тебѣ сказать, деревня у насъ, изъ другихъ, справная, недоимокъ за нами нѣтъ... Мы до этого сраму не доводимъ. Потому мы ужъ такъ объ себѣ полагаемъ, чтобъ намъ никакого утѣсненія на было... Мы свое дѣло справили— и ты насъ не замай. Тоже въ ротъ-то къ намъ нескоро залѣзешь!

— Да Такъ и то, другъ мой сладкій,

заѣзжаютъ въ лучшемъ видѣ. Какъ-то вотъ, на моей памяти, разъ пять наѣзжали...

— Въ ротъ-то! ха-ха!—подхватили мужики.

— Да, въ ротъ-то... Эдакъ вотъ все больше по осени или ранней зимѣ... Слышимъ: тюкъ-тюкъ-тюкъ — колокольчикъ! „Подать мужиковъ!" Ну, подать мужиковъ. Выходимъ. „Недоимку!" — „Ваше благородіе! Помилуйте!... Мы на томъ стоимъ, чтобы начальству всячески, не въ примѣръ прочимъ..."—„Недоимку!"— кричитъ...—„Какъ хотите, ваше благородіе, вины за собой не имѣемъ... Мы все очистили..."—„Такъ не хотите? Старшина! Есть за ними недоимка?"—„Есть, ваше благородіе!"—говоритъ старшина и глазомъ не моргнетъ.—Да у тебя есть ли на шеѣ крестъ-то? А?—орутъ мужики на старшину...—„Есть!"—говоритъ.

— Вѣрно, вѣрно!... „Есть", говоритъ,— подхватываютъ мужики и смѣются.

— „Описывай самовары!"—кричитъ,— продолжаетъ разсказчикъ: — ну, сейчасъ на самовары начнутъ печати класть... Что ты подѣлаешь? Давай сбивать „недоимку"; соберемъ половину, поторгуемся, отдадимъ, ну, и опять: динь-динь! — и уѣхалъ спокоенъ вмѣстѣ со старшиной!— Вотъ мы какое сами себѣ начальство выбираемъ! — иронически закончилъ разсказчикъ.

— Да мало ли у насъ этого, ежели тебѣ поразсказать!

И мужики мнѣ, дѣйствительно, разсказали о своемъ волостномъ „самоуправленіи" нѣчто такое, о чемъ я теперь здѣсь не могу говорить подробно.

— Мы ужъ на волость-то почесть рукой махнули: пущай ихъ тамъ грабятъ!— рѣшили мужики: — сладу нѣтъ совсѣмъ. Противъ рожна—и прать нечего!

Опять напомню здѣсь читателямъ то, что сказано мною въ IV главѣ—относительно передачи *дословно* мужицкихъ разговоровъ. Крестьяне, вообще, очень склонны иронически относиться къ своимъ собственнымъ дѣламъ, а потому невсегда можно принимать ихъ слова за чистую монету. Несомнѣнно, есть такія волости, какъ мы будемъ имѣть случай указать, и даже очень много такихъ волостей, гдѣ волостное самоуправленіе совершенно фиктивно, гдѣ царитъ и деспотствуетъ безконтрольно старшина съ волостнымъ писаремъ, поддерживаемые администраціей, и гдѣ, дѣйствительно, крестьяне давно „махнули рукой на волость", сознавъ полнѣйшую невозможность „прать противъ рожна". Но въ той волости, которую въ данномъ случаѣ описываю я, и собственно въ нашей деревнѣ—факты изъ волостного самоуправленія говорятъ совсѣмъ противное тому, что высказывали мнѣ мужики. Ихъ слова скорѣе можно принять, какъ логическое предчувствіе того, что рано или поздно, при данномъ порядкѣ дѣлъ, придется и имъ, дѣйствительно, махнуть рукой на изворовавшуюся волость. Теперь же наши мужики еще „собачатся" съ волостью, еще стойко держатся за свои волостныя права *), теперь еще имѣется немало поразительныхъ фактовъ этой борьбы; нѣкоторые случились на моихъ глазахъ.

— Мы теперь вотъ только въ своей деревнѣ и живемъ пока на слободѣ, никто не суется по крайности... Вотъ ежели что касается своихъ деревенскихъ распорядковъ, ну, такъ и поболтаемъ промежъ собой на улицѣ,—сказалъ старикъ Евтропъ Шмонинъ.

— Только и есть!

— И то... большая неустройка!.. Нельзя сказать, чтобъ... по справедливости, али бо въ порядкѣ надлежащемъ,—опять моргнулъ мнѣ своими блестящими глазами смирный Иванъ Тарасычъ, повертывая донышкомъ вверхъ чашку и деликатно кладя на нее крохотный огрызочекъ сахарцу.—Благодарствую!.. Нельзя сказать, чтобы въ порядкѣ... Большая неустройка.

— Что же такъ?

— Точно, сумнѣнія много у насъ насчетъ земли, — замѣтилъ самъ Павелъ Гордѣевъ.

— Въ чемъ?

— А въ томъ, — подхватилъ дѣдушка Матвѣй, — что вотъ теперь богатые мужики да купцы, да разные — не то приказные, не то аблокаты какіе-то изъ города понаѣхали, вокругъ насъ всѣ земли, всѣ лѣса, всѣ луга скупили барскіе...

---

*) Вотъ одинъ случай: проворовалась „волость"; міръ выбралъ „мірского человѣка" вести процессъ. Это былъ Максимъ Максимычъ (см. гл. II). Чѣмъ дольше онъ велъ дѣло, тѣмъ больше и сановитѣе людей долженъ былъ къ нему привлекать. Черезъ три года оказались заинтересованными въ дѣлѣ всѣ, начиная отъ писаря до губернатора, которому „волостные" доставляли даромъ сѣно на конюшню.—Конецъ: Максимъ Максимычъ разорился до тла. Міръ въ утѣшеніе и „для поддержки" выбралъ его въ старшины. Людямъ хищенія только это и было нужно. Его, смирнаго земледѣльца, тотчасъ же запутали – и черезъ годъ онъ, несчастный, былъ уже подъ судомъ.

Такая торговля пошла всѣмъ этимъ — упаси Господи! Сами они, тоись, и знать не знаютъ, какое съ землей обращенье, а все въ ренду ее намъ же отдаютъ... Ренды нагнали страсть какія! Силъ нѣту! Вотъ теперь мы платимъ за конецъ сто рублевъ въ годъ... Да и то думаемъ бросить, отказаться!.. Потому, барыши берутъ, рукъ не мозоля, совсѣмъ безъ всякаго ума - совѣсти. Понастроили себѣ хуторовъ, наѣзжаютъ гулять да на охоты, водку пить...

— Такъ вамъ-то что же?

— Какъ намъ что?! — заговорили разомъ мои гости:—намъ—сумнѣніе... Намъ, говорятъ, что „еще погодите: мы васъ, говорятъ, всѣхъ скупимъ, всей землей отъ васъ завладѣемъ!..“ Ну вотъ теперь и сумнѣніе. Толкались было мы въ правленіе, а тамъ тоже говорятъ: выкупайтесь, говорятъ, *на вѣчное владѣніе*, это самое лучшее, а то худо вамъ будетъ... Теперь вотъ всякій и норовитъ, вмѣсто чтобы въ міръ смотрѣть, сообща стараться, всякъ только глядитъ какъ бы гдѣ въ вѣчное владѣніе одному себѣ кусокъ урвать... А другіе ждутъ, что на эту самую торговлю скоро запретъ будетъ положенъ... Сколько, значитъ, теперь ни заграбастали купцы земли, все въ передѣлъ пойдетъ.

— Въ черный передѣлъ,—подморгнулъ мнѣ Иванъ Тарасычъ.—Это вѣрно.

— Какъ же это такъ будетъ?

— Будетъ, вѣрно... Мы тоже народъ не глупый, ходили „въ серпы-то“ почесть черезъ всю Рассею, тоже съ народомъ разговариваемъ... А будетъ это вотъ какъ, разсказывали мнѣ мужики (въ этомъ разговорѣ они приняли участіе всѣ и говорили, перебивая и дополняя другъ друга):—будетъ этотъ черный передѣлъ потому, что очинно много народу повелось, что сами землю не роблятъ, а торговать ей торгуютъ, истинному землепашцу утѣсненіе дѣлаютъ.

— Хорошо. Но какимъ образомъ, думаете вы, сдѣлается это?

— А это, видишь, какъ будетъ, — заявилъ дѣдушка Матвѣй:—объявится подать одна — поземельная. И будетъ эта подать для всѣхъ ровная, никому поблажки чтобы не допущать: примѣрно, у тебя три десятины, ну и будешь ты платить, примѣромъ, хоть по полтинѣ за десятину, значитъ, три полтины. А кто нахваталъ себѣ тысячу десятинъ, съ того и подати пущай пойдетъ тысячу полтинъ... Такъ вотъ тутъ и окажется: кто самъ не работаетъ, тому этой подати не осилить ни ввѣкъ!.. Сейчасъ они и скажутъ намъ: братцы, возьмите все, намъ силы нѣту землей володѣть!.. А намъ то и на руку: потому мы крестьяне настоящіе, мы всѣмъ міромъ возьмемъ и осилимъ... Вотъ это какъ будетъ!—заключилъ свои политико-экономическія соображенія дѣдушка Матвѣй.

Мужики поддакивали, согласно мотали въ знакъ утвержденія головами, несмотря на то, что изъ нихъ были и такіе, которые сами имѣли *собственныя земли* (т.-е. помимо надѣловъ, въ вѣчномъ владѣніи), какъ, напримѣръ, Павелъ Гордѣевъ.

Нельзя не припомнить здѣсь довольно справедливаго замѣчанія профессора Энгельгардта, что „у мужиковъ, даже самыхъ цивилизованныхъ, все-таки остается тамъ, гдѣ-то въ мозгу, тайничокъ, изъ котораго, нѣтъ-нѣтъ, да и выскочитъ мужицкое понятіе, *что земля можетъ быть только общинной собственностью*. Что деревня, т.-е. все общество, можетъ купить землю *въ вѣчность*... но чтобы землю, купленную какимъ-нибудь Егорешкомъ, когда выйдетъ „новое положеніе“ насчетъ земли, нельзя было отдать деревнѣ, этого ни одинъ мужикъ понять не можетъ. Какъ бы мужикъ ни былъ нацивилизованъ, думаю, будь онъ даже богатѣйшій желѣзнодорожный рядчикъ, но до тѣхъ поръ, пока онъ—русскій мужикъ (разумѣется, и мужика можно такъ споить шампанскимъ, что онъ получитъ нѣмецкій обликъ и будетъ говорить нѣмецкія рѣчи), у него останется въ мозгу „тайничокъ“. Нужно только умѣть открыть этотъ „тайничокъ“. Все это, мы говоримъ, довольно справедливо, хоть нельзя не признать, что послѣдняя половина тирады отзывается славянофильствомъ. Существуетъ этотъ „тайничокъ“ у всѣхъ мужиковъ, даже у богатыхъ собственниковъ, вовсе не потому, что они „русскіе мужики“, и будетъ существовать, пока, дескать, мужикъ будетъ *русскій* мужикъ (а онъ развѣ когда-нибудь будетъ не русскимъ?), а просто потому, что настоящая эпоха—эпоха критическая, переходная въ жизни русскаго мужика, эпоха, когда идетъ борьба за преобладаніе между старыми традиціями и новыми вѣяніями, между общиной и крайнимъ индивидуализмомъ. Кончится эта борьба въ пользу общины — и этому „тайничку“ незачѣмъ будетъ существовать, потому что нечему будетъ скры-

ваться въ тайнѣ. Кончится борьба въ пользу полнаго индивидуализма — кулакъ и собственникъ почувствуютъ свою настоящую силу, тогда и мужикъ, будь онъ самой чистой русской крови, потеряетъ всякое сознаніе о „тайничкахъ“ и, въ охраненіи основъ индивидуальной собственности, явится такимъ „столпомъ“, что утретъ носъ всякому нѣмцу... А о французахъ и толковать нечего! Онъ еще ихъ уму-разуму, пожалуй, въ этомъ разѣ учить пойдетъ. Дѣло тутъ вовсе, значитъ, не въ шампанскомъ... А если вотъ мы будемъ возлагать надежды на неувядаемость какого-то мистическаго „тайничка“, пока „мужикъ будетъ *русскій* мужикъ“, и въ пользу этого тайничка пальцемъ не шевельнемъ, то намъ очень скоро придется убѣдиться, что и русскій богатый мужикъ знаетъ не хуже нѣмца, гдѣ раки зимуютъ...

— Такъ какъ же это къ вашимъ хозяйственнымъ дѣламъ относится? Почему у васъ неустройка?

— А потому, видишь ты, Николай Николаичъ,—отвѣчалъ Иванъ Тарасычъ:— *крѣпости* къ землѣ нѣтъ... Все отъ этого!.. Кабы оно у всѣхъ въ одно-то шло, такъ бы и ничего, былъ бы порядокъ, всѣ бы *въ міръ смотрѣли*... А теперь, глядючи по сторонамъ, глаза и разбѣгаются... Накупитъ вотъ богатый въ вѣчное владѣніе пустошей, онъ ужъ на надѣлъ-то мірской и плюетъ... Не то онъ мужикъ, не то — купецъ... Ему мірское дѣло ужъ къ сердцу не лежитъ,—поясняли и прочіе мужики мысль Ивана Тарасыча.— У насъ вотъ теперь мало ли мужиковъ собственниковъ: они ужъ къ мірской землѣ и не радѣютъ... Вотъ хошь бы и канаву эту самую взять: бѣдный говоритъ — гдѣ денегъ взять? а богатый говоритъ—мнѣ что! Моя земля (собственная-то, значитъ) въ сторонѣ!.. Отъ эптого самаго всѣ и смущенія идутъ.

— Мы вотъ хотѣли васъ поразспросить,—заговорили разомъ мужики:—человѣкъ вы, надо думать, объ этомъ извѣстный... Разъяснить... Мы вотъ иной разъ потолкуемъ, да такъ ни до чего не договоримся. Одинъ въ одно тянетъ, другой въ другое...

Въ это время къ нашей бесѣдѣ подоспѣлъ и сынъ дѣда Матвѣя, Якимъ, ходившій зачѣмъ-то въ сосѣднюю деревню.

— Такъ въ чемъ же дѣло?—спросилъ я.

— А вотъ видите въ чемъ, — началъ своимъ тихимъ, вѣжливымъ голоскомъ Петръ Шмонинъ, экс-старшина:—отъ волости къ намъ идетъ такое наставленіе, чтобы мы, значитъ, поспѣшили выкупить надѣлы въ вѣчное владѣніе, а послѣ того по дворамъ и разбили бы, значитъ, кому что по выкупу падетъ... Говорятъ, въ теперешнемъ житьѣ крѣпости нѣтъ; въ теперешнемъ, значитъ, владѣніи. При всемъ при томъ — отвѣтственность большая: ни ты самъ себѣ хозяинъ, ни ты самъ себѣ баринъ... Съ землей этой большая возня, за всякаго нищаго али пьяницу отвѣтствуй... Подати большія... Нонѣ ты богатъ, а завтра — нѣтъ ничего. Нонѣ у тебя 30 десятинъ, а завтра — половины не стало... А ежели въ вѣчномъ у тебя владѣніи земля — такъ тутъ ты живи-поживай себѣ помѣщикомъ! Кромѣ себя, ни за кого не отвѣтственъ... Такъ ли-съ? Самъ себѣ голова... Налогъ съ тебя пойдетъ *барскій*, какъ, примѣрно, съ помѣщичьихъ земель... Говорятъ, что больше, какъ пятиалтынный, съ десятины не сойдетъ.

— Вотъ, вотъ, объ этомъ мы и хотѣли разспросить,—подтвердили мужики.

— А какъ вы сами то, по совѣсти, думаете? Что лучше: въ подворно ли всѣмъ раздѣлиться, или въ мірскомъ владѣніи землю имѣть?

Мужики задумались.

— Да, вѣдь, вотъ въ томъ и задача, что не знаемъ... Одно думаемъ—и такъ хорошо, а другое думаемъ—какъ бы на вѣкъ дуракомъ не остаться!.. Вотъ, вѣдь, что,—отвѣчали мужики.

— Ну, да все-таки; кто изъ васъ больше къ одному расположенъ, кто къ другому? Ну, вотъ, напримѣръ, ты, Евтропъ Васильичъ?—спросилъ я большака Шмонина.

— Я бы такъ полагалъ, что подворно разбить лучше. Потому тутъ ужъ я выкуплю землю въ вѣчное свое владѣніе—и спокоенъ. Никто меня съ нея не сгонитъ; что хочу, то и дѣлаю. Хочу пашу, хочу дома на печи лежу. Хочу рано всталъ, хочу до обѣдни проспалъ. Моя воля!

— Ишь ты, какъ онъ, старый, слободу-то любитъ!.. Богатѣть сталъ! По барски нѣжиться захотѣлъ,—подшутили мужики.

— А что жъ,—сконфузился старикъ,— мнѣ ужъ и отдыхать пора...

— Такъ вы думаете, такъ лучше?

— Думаю... Потому же вотъ, главное, говорятъ, и налога меньше пойдетъ, повинностей... Теперь навозъ... Я свою

землю унавожу, какъ хочу, она въ вѣка пойдетъ... А теперь ты ее унавозилъ, а у тебя ее отымутъ, да другому передадутъ, а тебѣ ненавоженной дадутъ...

— Чего ты тутъ съ навозомъ-то!—накинулись на него мужики: — нечего сказать, нашелъ что! Навозъ! Да больше, что ли, ты другихъ навозишь? Отколь это? Меньше, что ли, тебя люди-то навозятъ? Не дома берегутъ, чать, какъ ты же, весь вывозятъ... Откуда у тебя больше-то?

— У меня скота больше, а у другого мало.

— Такъ, вѣдь, у тебя и земли больше!.. Да что тутъ!—говорилъ Якимъ:— пустое болтаетъ... А ты вотъ скажи — куда ты скотину погонишь? Ну-ка, раздѣлись, попробуй!.. Куда ты ее погонишь? На задворкахъ кормить станешь? Ну и корми! Посмотримъ, много ли накормишь!

— Вотъ это такъ,—подхватили гости.

Евтропа доѣхали скотомъ. Противъ скота Евтропъ не нашелся, что сказать.

— Ну, а ты, Павелъ Сысоичъ?—спросилъ я Гордѣева.

— Да я... Какъ сказать? Какъ будто полегче бы такъ-то, что и Евтропъ говоритъ,—сказалъ онъ, несмотря на то, что вмѣстѣ съ другими доѣзжалъ Евтропа скотиной.

— Не тебѣ бы, Павелъ Сысоичъ, это говорить,—возразилъ смирный Иванъ Тарасычъ:—кажись, на своей шкурѣ вы это знаете... Вотъ Гусариха-то, ваша же, въ вѣчномъ владѣніи у нея была земля-то. А что теперь? Гдѣ она? На міръ же пришла земли просить, на мірской же землѣ жила? А ребятишки подрастутъ—къ кому пойдутъ за землей? Къ міру же!

— Вотъ что правда, такъ правда! Иванъ Тарасовъ съ вѣтру слова не броситъ.

— Это правда,—согласился и собственникъ Павелъ.

И Павла, значитъ, доѣхали Гусарихой.

— А какъ вы?—спросилъ я экс-старшину.

Но старшина юлилъ. Онъ ухитрился заявиться такъ, что выходило и съ одной стороны хорошо, да и съ другой — недурно.

— Недалеко отъ васъ, я слышалъ, живутъ уже давно собственниками, подворно?

— Живутъ. Это — вольные хлѣбопашцы. Дрозды подъ названіемъ. Живутъ. Они еще до воли выкупились у помѣщика съ землей.

— Ну, и что же? Хорошо живутъ?

— Ничего. Тоже вотъ все, что и у насъ: кои исправно живутъ, а кои обѣдняли... У кого семьи разрослись — плохо живутъ: земли совсѣмъ мало, а достать негдѣ ужъ, взять не у кого.

— У нихъ все ужъ порознь?

— Нѣту! Зачѣмъ? Все равно какъ у насъ; только поля не дѣлятъ. А луга дѣлятъ и выгонъ общій.

— А ты какъ, дѣдушка Матвѣй, полагаешь? Ты старше здѣсь всѣхъ, человѣкъ старожилый.

— Нашъ дѣдушка ужъ давно чужой вѣкъ заѣлъ,—пошутили гости.

— Вѣрно. Что ужъ мнѣ тутъ!.. Я ужъ не встряю въ эти дѣла. Пущай какъ хотятъ... Не мнѣ съ новыми порядками жить, — отвѣчалъ дѣдушка Матвѣй, — только мы жили по-дѣдовски, по-старому, тоже нехуже другихъ... Слава-те Господи! Тоже старики-то не глупѣе, должно, нынѣшнихъ были... Жили такъ—значитъ, хорошо было... Вотъ какъ я разумѣю! А ужъ теперь какъ хотятъ.

— Я такъ полагаю, — заявилъ Якимъ Матвѣичъ, — что изъ этого раздѣла по дворамъ ничего хорошаго не будетъ... Мнѣ что! Я тутъ говорю не изъ чего-либо... Потому, дѣдушка вотъ ежели, грѣшнымъ часомъ, помретъ, я, можетъ, и совсѣмъ отъ земли откажусь, въ городъ съ женой уйду... А только что—въ міру лучше. Пойдетъ этотъ раздѣлъ ежели, кляузъ всякихъ не оберешься, недовольства... Главное, кляузъ много будетъ... Одинъ скажетъ — ты на мое не ходи, другой скажетъ — мое не тронь... Мы вотъ знаемъ собственниковъ-то: заѣхалъ въ его землю — въ судъ ступай, ягоду у него сорвалъ—опять кляуза; прутикъ сломилъ — судись! Маята. У насъ вотъ велики ли фрукты на усадьбахъ растутъ, а тоже у всѣхъ огорожено, тоже кляузъ не оберешься... Опять хоть и то сказать: вотъ у этихъ вольныхъ хлѣбопашцевъ примѣры какіе есть—не приведи Господи! Разоренье полное.

— Да, да. Есть примѣры, — подтвердили мужики.

— Какіе же именно?

— А вотъ какіе: отецъ теперь, примѣрно, свернулся, запилъ али заболѣлъ; все пошло не въ прокъ, пошло въ долгъ, въ проживу... Разъ прорвешься у насъ, тутъ ужъ только держись, ровно тлѣлая тряпка полѣзетъ все... Тутъ на ноги нескоро станешь! Все прахомъ и пошло. Землю перезаложилъ. Да до того довелось, что, по смерти

его, ребятишкамъ и взять нечего—ступай по міру!.. Побирайся!

— Да, тутъ только того и гляди... Тутъ ужъ гляди въ оба... Надежды тутъ ни на кого не клади!—заговорили мужики.

— А теперь вотъ и то взять,—выразительно взглянулъ на меня Иванъ Тарасычъ: — ребятишки... Что ни случись, а имъ все впереди надежда... Хоть бы эту Гусариху взять... Все, какъ ни то, Богъ дастъ, подрастутъ... Опять, значитъ, мужиками заправскими станутъ...

— Такъ какъ ты намъ скажешь? — спросили мужики.

— Право, не знаю. Боюсь я совѣтовать. Плохо мы вашу жизнь знаемъ. По разговору я вижу, что вы сами на старину склоняетесь, по-мірскому считаете лучше жить... И я такъ думаю, если не о настоящемъ только заботу имѣть, а и о будущемъ подумать, о потомствѣ.

— Это такъ ты говоришь. Не однимъ намъ на свѣтѣ жить. Что хорошаго — послѣ насъ, стариковъ, клясть будутъ!

— И будутъ,—замѣтилъ Иванъ Тарасычъ.—Хорошо вотъ ты выкупилъ теперь, примѣрно, на двѣ души, а у тебя черезъ двадцать лѣтъ семью-то Господь пріумножилъ, стало у тебя пять сыновей, да самъ соловей, да внучата пойдутъ... Что ты съ ними на двудушномъ-то надѣлѣ станешь дѣлать? Ступай, значитъ, вонъ половина, живи на сторонѣ!.. А теперь міръ все же на всѣхъ надѣлитъ.

— Ну да,—сказалъ старикъ Евтропъ Шмонинъ, — держи карманъ. Все одно, братъ. Вотъ намъ надѣлили на 53 души, а теперь передѣлъ будемъ дѣлать ужъ на 64, а потомъ на 80... Вѣдь, міръ-то тоже растетъ!.. Вотъ что! А земли-то все столько же... Все одно—куда пойдешь?

Замѣчаніе Евтропа заставило мужиковъ смутиться.

— А вотъ куда пойдешь,—поднялся и сверкнулъ своими цыганскими глазками Иванъ Тарасычъ:—ты вотъ ежели одинъ, такъ поди сунься за землей-то! Дастъ тебѣ кто? А ежели у деревни земли не станетъ, такъ деревнѣ безъ земли быть нельзя! Такихъ деревень на свѣтѣ нѣту! У деревни земля какъ никакъ будетъ.

И Иванъ Тарасычъ сталъ молиться на образъ.

— Вотъ, братъ, что вѣрно сказалъ, то вѣрно... Иванъ Тарасовъ слова съ вѣтру не скажетъ,—подтвердили опять мужики и, поднявшись изъ-за стола, вслѣдъ за нимъ стали креститься.

— Ну, благодарствуемъ... Извини на глупыхъ рѣчахъ, ежели что... — заговорили, обращаясь ко мнѣ, деревенскіе гости:—извини... много мы у тебя тутъ наболтали...Извѣстно, мужики-дураки... Мы, вѣдь, это такъ, *по-праздничному* говоримъ, отъ нечего дѣлать... Ну, и болтаешь всяко... Вотъ ужъ завтра не заговоришь... Теперь ужъ шабашъ! Наговорились!.. Теперь языки на замокъ!.. Ха-ха!.. Теперь рукамъ работа пойдетъ—не языку.

— Что же такъ?

— Да вотъ нонѣ думаемъ собраться, да, благословясь, завтра начинать... Навозъ повеземъ... А тамъ, Господь дастъ, помолимся да и въ луга... Теперь ужъ, значитъ, прощай!.. Сердитые будемъ, неразговорчивые... — шутили мужики, — скучно тебѣ будетъ!

И я распрощался съ своими деревенскими гостями.

Существенное содержаніе этой бесѣды, нѣкоторые отвѣты почти дословно были записаны мною тотчасъ послѣ разговоровъ съ мужиками. Это я считаю здѣсь существенно важнымъ. И вотъ почему. Есть громадная разница между отношеніемъ интеллигентнаго читателя къ воспроизведенію жизни общества и къ воспроизведенію жизни народной, въ особенности у насъ. Литературная критика, мнѣ кажется, недостаточно разъяснила это, а потому, въ концѣ-концовъ, и должна была признаться, что не имѣетъ критерія въ оцѣнкѣ произведеній, касающихся народной жизни. Въ то время, какъ интеллигентный человѣкъ смотритъ на общество *изъ среды* самого общества, непосредственно *изъ себя*, на народъ онъ не можетъ смотрѣть иначе, какъ со стороны,—такъ, какъ смотритъ на дикихъ людей Америки и Африки. Отсюда вытекаетъ и громадное различіе въ отношеніяхъ читателя къ воспроизведеніямъ жизни того и другого. Критерій для оцѣнки художественнаго воспроизведенія общественной жизни читатель непосредственно находитъ въ себѣ, непосредственно ощущаетъ художественную правду или ложь, непосредственно наслаждается или не удовлетворяется. Другое дѣло съ воспроизведеніемъ народной жизни. Наше общество читаетъ романы изъ народнаго быта съ тѣмъ же *внѣшнимъ* любопытствомъ, съ какимъ читаетъ оно романы Купера, имѣя только единственный критерій для провѣрки ихъ художественной правды: общія психологи-

ческія основы и имя автора. Но, въ последнемъ случаѣ, оно имѣетъ то преимущество, что романы Купера или, вообще, воспроизведеніе жизни дикихъ можетъ быть провѣрено имъ путемъ научныхъ данныхъ, собранныхъ путешественниками. А этого-то важнаго условія русскій читатель лишенъ относительно жизни своихъ „младшихъ братьевъ".

Принявъ же во вниманіе еще и то, что наблюденіе народа *со стороны* у насъ сопровождается разными побочными соображеніями: крѣпостническими, опекунскими, сантиментальными, спекуляторскими, патріотическими и проч., и проч., смотря по тому, съ *какой стороны* подходитъ *извнѣ* наблюдатель, —у мыслящаго читателя невольно должно зарождаться сомнѣніе въ *правдѣ* воспроизведенія народной жизни этими „сторонними наблюдателями". И это совершенно естественно, потому что нѣтъ прочнаго критерія, нѣтъ данныхъ для оцѣнки, нѣтъ спеціально-научной точки зрѣнія. Этотъ критерій могли бы дать мыслящему читателю или научныя изысканія въ сферѣ народнаго быта, или непосредственный народный художникъ, *мірской*, *общинный* человѣкъ. Къ сожалѣнію, первыхъ у насъ до сего времени очень мало; второго мы не видѣли еще и, Богъ вѣсть, дождемся ли скоро.

Въ виду этого, задача литературной критики относительно произведеній изъ народнаго быта дѣлается чрезвычайно трудною. Чтобы вынести мало-мальски справедливое сужденіе, приходится прибѣгать къ предложеніямъ, сопоставленіямъ, догадкамъ, логическимъ умозаключеніямъ. Но еще труднѣе задача добросовѣстнаго воспроизводителя народной жизни, вышедшаго изъ среды интеллигенціи. Постоянное и упорное недовѣріе встрѣчаютъ его самыя задушевныя страницы, самыя правдивыя картины. И въ то же время онъ видитъ, какъ публика жадно зачитывается сыщнически-сантиментальными или весело-нравными воспроизведеніями народной жизни. Откуда же ждать ему поддержки, гдѣ искать помощи? Въ литературной критикѣ? Но она почти безсильна. Въ русской наукѣ? Но она „еще едва умѣетъ лепетать". Впрочемъ, все же она можетъ кое-что сказать съ авторитетомъ.

И знаете ли, что приходится дѣлать этому несчастному, добросовѣстному воспроизводителю народной жизни? Ему приходится или испещрять страницы своихъ повѣстей публицистическими и иными соображеніями, или же дѣлать ссылки и приводить цѣлыя научныя цитаты. Видали вы романы нѣмца Эберса изъ древне-историческаго быта, которые заткнутъ за поясъ обиліемъ цитатъ не только докторскія диссертаціи, но даже самого Бокля? Такъ будутъ писаться и *добросовѣстные* романы изъ жизни народа тѣми, кому дорого торжество истины, торжество своихъ убѣжденій. И будетъ это до тѣхъ поръ, пока или читателемъ не будетъ самъ народъ, или писателями не выступятъ люди изъ народа, мірскіе, общинные люди, или же пока научное изученіе народнаго быта не займетъ почетнаго мѣста и выводы науки не войдутъ въ общее сознаніе.

Вотъ почему существенно важно для меня подтвержденіе того, что вышеприведенная моя бесѣда съ ямскими мужиками передана фактически вѣрно, какъ фотографическая копія. Я знаю, будь эта бесѣда введена въ романъ или повѣсть, нашъ читатель, пріученный, съ одной стороны, сантиментально-резонерскими разсужденіями на избитыя моральныя темы, съ другой—„рукосуйствомъ" и непомѣрною тупостью, съ какими фигурируетъ русскій мужикъ въ большинствѣ нашихъ „художественныхъ" произведеній, — отнесся бы къ ней въ высшей степени недовѣрчиво; онъ объявилъ бы ее ultra-тенденціозной. „Помилуйте,— воскликнулъ бы онъ, —мужикъ разсуждаетъ о преимуществахъ общиннаго и подворнаго владѣнія? И какъ разсуждаетъ! Онъ приводитъ за и противъ почти всѣ тѣ возраженія и доводы, которые дѣлаетъ въ своей книгѣ самъ Эмиль де Лавелэ!.." Вотъ какъ скажетъ читатель и будетъ, съ своей точки зрѣнія, не совсѣмъ не правъ, въ виду полнаго незнакомства нашего съ народомъ, въ виду недовѣрія, которое успѣли въ немъ развить къ воспроизведеніямъ народной жизни „художники изъ стороннихъ наблюдателей", въ виду, наконецъ, полной невозможности провѣрки. Вотъ почему я тысячу разъ радъ, что въ мой „дневникъ" вношу я только факты, наблюденные и записанные мною, въ большинствѣ случаевъ, на мѣстѣ наблюденій. Значитъ, я могу имѣть хотя то утѣшеніе, что у читателя будетъ въ тысячу разъ меньше шансовъ заподозрить меня въ вольной или невольной фальсификаціи.

ГЛАВА VIII.

Передѣлъ.

Когда я, проснувшись на слѣдующее утро, вышелъ на нашу деревенскую улицу, особый, сыроватый, бьющій въ носъ ароматъ сразу далъ мнѣ знать, что страда началась. Всѣ широкія ворота дворовъ были растворены настежь; все содержимое дворовъ было „потревожено“. Всѣ крестьяне, по уговору, поднялись за разъ въ три часа утра и приступили къ возкѣ навоза. Эта особая, спеціальная навозная атмосфера сразу нависла надъ всей деревней и охватила собой на далекое пространство кругомъ и поля. Въ возкѣ навоза принимали участіе всѣ: и мужики, и бабы, и дѣти до 10 лѣтъ. Мужики и бабы накладывали на дворахъ, дѣти отвозили, а дѣвки дожидались и опоражнивали воза на поляхъ. Окрестные скаты холмовъ скоро запестрѣли буроватыми кучками на зеленовато-желтой поверхности пара. Такъ какъ начало нынѣшняго лѣта стояло чрезвычайно жаркое, травы поспѣли какъ-то неожиданно быстро, а рожь уже мѣстами палилась совсѣмъ, оказалось необходимымъ торопиться. Поэтому, къ вывозкѣ навоза приглашали на помочь особыя подводы съ погоста и изъ сосѣднихъ деревень, гдѣ былъ уже вывезенъ навозъ почти совсѣмъ или еще не начинали вывозить. У дѣда Матвѣя оказался на помочи дьячокъ съ погоста, съ женой и лошадью, съ условіемъ, что дѣдъ Матвѣй пріѣдетъ помогать дьячку послѣ, при свозѣ сноповъ. Такихъ товарищескихъ помочей было у насъ на деревнѣ много. Хозяинъ, обыкновенно, обязанъ держать помогающаго товарища все время на своихъ харчахъ, готовя обѣдъ нѣсколько лучше обычнаго, напримѣръ, съ пирогами; угощаютъ немного и водкой. То же самое и при обратной помочи.

Навозъ возили дня три или четыре. А между тѣмъ солнце жгло немилосердно. Вѣтеръ не дунетъ. Въ воздухѣ стоитъ какая-то мгла. Тяжело дышать. Люди и лошади выбились изъ силъ. Вяло, медленно накладывались послѣдніе воза; едва волоча ноги, отвозили ихъ на поля. Постоянно можно увидать мужика или бабу, выходившихъ на середину улицы и долго, приставивъ козырькомъ руку къ глазамъ, наблюдавшихъ съ разныхъ сторонъ за горизонтомъ. Но, кромѣ синеватой мглы, ничего не было. Мужикъ крякалъ и уходилъ опять подъ навѣсъ двора. Вотъ какъ-то сошлась ихъ на улицѣ цѣлая кучка, также посмотрѣли на небо, на поля.

— Во-о! смотри — загорѣлась, — сказалъ одинъ, показывая на вершину холма.

— Видѣли!—отвѣчали ему.

Рожь была еще достаточно зеленовата вездѣ, но на припекѣ, на вершинѣ этого холма, рѣзко выдѣлялась цѣлая позолотѣвшая полоса.

— Выгоритъ до время!—тужили мужики:—съ травой не обернешься, какъ она, *матушка*, начнетъ сыпаться... Экое наказаніе Господь послалъ!.. У шабровъ, слышь, молебствовать хотятъ.—Да такъ, видно, что безъ этого не обойтись! Надо будетъ помолебствовать... Чѣмъ ни-то прогнѣвили Создателя!.. Надо къ попамъ сходить.—Пождать бы, раи, до завтра?.. —Чего ждать-то? Когда еще? Вотъ оно, время-то, какое стоитъ!.. Надо итти... Чтобы завтра пущай поля обошли!.. А тамъ, что будетъ! Ступай, Матвѣй, ступайте съ Павломъ, заказывайте молебствовать.

Утромъ, часовъ съ восьми, колоколъ погоста гудѣлъ неустанно въ продолженіе часа: значитъ, обносили иконы вкругъ полей. То спускаясь въ ложбины, то подымаясь на холмы, показывалась пестрая, очень небольшая кучка народа, несшая двѣ-три иконы и спѣшно обходившая межами ржаное и яровое поле. Ни поповъ, ни дьячковъ при иконахъ не было. Заправлялъ процессіей только „крикунъ“ Петръ первый, и то ковылявшій сзади съ пустымъ кадиломъ. Иконы несли преимущественно женщины.

Между тѣмъ какъ подъ палящимъ зноемъ подвигалась процессія по межамъ, степенные мужики-домохозяева, какъ муравьи, тащили на лугъ матеріалы для помоста: кто несъ на плечѣ бревно, кто доску, кто жерди. Общими силами помостъ былъ скоро поставленъ близъ деревенской околицы. Мужики одѣли синіе халаты, намазали масломъ волосы, причесались и собрались у помоста, стараясь говорить тише противъ обыкновеннаго: кто разстилалъ холсты на помостъ, кто дѣлалъ кропильницу изъ вѣтокъ близстоящаго дерева, кто несъ угли и воду. Процессія приближалась къ помосту. Съ горы погоста одновременно, спускался причтъ.

Начался мірской молебенъ. Усерднѣе

всѣхъ молился замѣчательный „пореформенный псаломщикъ“. Нещадно припекаемая солнцемъ его жирная фигура постоянно припадала съ особымъ благочестивымъ смиреніемъ къ землѣ и вновь приподымалась съ глубокими вздохами. Нельзя было не замѣтить, какъ мужики въ душѣ „диву давались“, смотря на такое усердіе псаломщика. Дѣдъ Матвѣй, стоявшій вдали отъ помоста, гдѣ-то за избами, и молившійся „по-своему“, сказалъ мнѣ, показывая на псаломщика: „Мірского приговора толстый песъ добивается! Мірской приговоръ ему надобенъ, вотъ онъ глаза-то и мозолитъ... Молебщики!“ — заключилъ онъ сердито и ушелъ, не дождавшись конца молебна. Молебенъ конченъ, деньги получены. Иконы понесли обратно въ церковь. Домохозяева мигомъ разобрали помостъ, и каждый потащилъ обратно къ себѣ собственную жердь, доску, собственное бревно и гвоздь.

Къ вечеру пошелъ дождь. Вздохнули люди и скотина.

— Вотъ они, чудеса-то!—говорила деревенская улица.

Мужики повеселѣли.

Послѣ того, какъ погода съ перемежающимся ненастьемъ и ведромъ установилась, когда поблекшія отъ жары травы и яровое вновь весело и свѣжо зазеленѣли, однимъ очень раннимъ утромъ, часа въ три пополуночи, меня разбудилъ Иванъ Тарасычъ, тотъ мужичокъ съ цыганскимъ лицомъ, который состоялъ въ какой-то странной мірской должности „жеребьевщика“.

— Вставай!—сказалъ онъ, посмѣиваясь своими черными, блестящими глазами:—настоящая страда пришла. Али лѣнь? Рано, должно, подыматься приходится?.. Ну, самъ хотѣлъ, своя охота... Вставай. Вонъ я ужъ въ полномъ парадѣ!

И Иванъ Тарасычъ погремѣлъ висѣвшимъ у него на поясѣ мѣшочкомъ съ „жеребьями“.

— Ушли ужъ всѣ? Еще не дѣлили?— спросилъ я.

— Нѣтъ еще. Мы съ дѣдомъ Матвѣемъ, по должности, раньше всѣхъ поднялись. Будить вышли... Раньше насъ никто не смѣй просыпаться. Пока *въ косу не ударимъ*, никто не смѣй выходить... А въ косу ударили — шабашъ! Всѣ во фронтъ становись: ни малому, ни старому снисхожденія нѣтъ... Всѣ становись!— шутилъ Иванъ Тарасычъ.

Я сталъ одѣваться. Дѣйствительно, скоро съ одного конца деревни раздался звонъ въ косу.

— Вотъ, слышишь!—замѣтилъ Иванъ Тарасычъ и какъ-то весь еще больше оживился.

Это дѣдъ Матвѣй, въ качествѣ десятскаго, вышелъ *будить* народъ выходить въ луга. Онъ шелъ посрединѣ улицы; въ рукѣ у него на шнуркѣ висѣла коса, снятая съ косья; онъ билъ въ нее палкой... Особенные рѣзкіе, звонкіе звуки неслись въ свѣжемъ утреннемъ воздухѣ.

— Больно ужъ вы рано поднялись!— сказалъ я.

— Нельзя. Нонѣ нужно, пока роса не сошла, передѣлъ сдѣлать. Чтобы по первой росѣ первую траву поднять,—сказалъ Иванъ Тарасычъ.

Пока я успѣлъ одѣться и выйти на улицу, у дворовъ уже собирался народъ въ кучки. Первыми явились на улицѣ ребятишки съ десяти лѣтъ. Презабавно было на нихъ смотрѣть: одѣтые—кто въ кумачныя, кто въ розовыя ситцевыя рубахи, но всѣ въ чистыя или новыя, въ новыхъ, „праздничныхъ“ картузахъ—они выступали какъ-то особенно щеголевато, какъ будто каждому изъ нихъ нынѣшній день накинули вдругъ лишнихъ пять, а то и всѣ десять лѣтъ! Звонко стучали и звенѣли они, охорашиваясь и любуясь свѣтлыми, съ чисто вымытыми косовищами, маленькими косами, изготовленными спеціально для нихъ суровыми родителями-отцами. Неменьшее вниманіе и заботу, видимо, оказываютъ они и привязаннымъ сбоку къ поясамъ брусочникамъ, въ которыхъ хранятся точильные бруски. Эти брусочники у всѣхъ разукрашены или разноцвѣтными стеклышками, или фольгой; у иныхъ они сдѣланы сплошь изъ разноцвѣтной яркой жести. Очевидно, имъ доставляло большое удовольствіе разсматриваніе этихъ украшеній другъ у друга.

— Вотъ у насъ — первые косцы изъ всей деревни,—шутилъ Иванъ Тарасычъ.

— Неужели и они косятъ?

— Ка-акже! Пора!.. У насъ, какъ десять лѣтъ, такъ и за косу принимайся.

— Да что они накосятъ? Только попусту измучаются.

— Зачѣмъ, мучаться не надо... Надо учиться... Въ учебу идутъ... Вотъ эти, самые малые-то (замѣчу — тутъ были и дѣвочки, и мальчики, такъ какъ въ нашей деревнѣ косятъ и мужики, и бабы,

такъ же, какъ и живутъ вмѣстѣ) — вотъ они первый годъ выходятъ, другіе ужъ второй; третій годъ ходятъ. Тѣ ужъ косятъ—не мѣшаютъ.

— Ну, а малыши-то, чай, мѣшаютъ только?

— Ничего. Да, вѣдь, надо учиться когда-нибудь! Сначала тоже дома на задворкахъ учится, какъ косу держать, а тутъ ужъ и въ луга выходитъ... Въ лугахъ малышъ идетъ впереди отца; отецъ за нимъ ужъ равняетъ, гдѣ тотъ оставитъ высокую траву. Али косятъ *барышки* (обрѣзки отъ полосъ), овражки. Али ворошатъ траву (у каждаго косца, кромѣ косы, имѣлись такія же маленькія грабли).

Скоро показались на улицѣ подростки, съ настоящими уже „мужицкими“ косами и граблями, а за ними—мужики и бабы, которыя успѣли управиться съ печами. Всѣ, сбившись въ кучу посрединѣ деревни, помолились на церковь и двинулись въ луга: самые малые впереди, старшіе сзади; бабы—послѣ всѣхъ; нѣкоторыя изъ нихъ, не поспѣвшія управиться съ хозяйствомъ, догоняли въ одиночку, послѣ.

— Вишь ты, съ коихъ поръ поднялся!—говорили мнѣ мужики: — али наши мужицкіе распорядки посмотрѣть охотишься?

— Ка-акъ же! Вѣдь, передѣлы у васъ не каждый день бываютъ, разъ въ годъ, а то и рѣже. Когда еще-то увидишь!

— Такъ, такъ. У васъ этого нѣтъ.

„У насъ *этого* нѣтъ“—совершенно вѣрно. Этимъ сказано очень много. У насъ *этого* нѣтъ—и культурный художникъ изъ „свѣжихъ“ и стороннихъ наблюдателей, компануя мужицкія фигуры на основаніи только общихъ и очень поверхностныхъ психическихъ аналогій, совершенно игнорировалъ общенародный, исконно-традиціонный элементъ, охватывающій всецѣло, съ самой колыбели, непосредственный индивидуумъ изъ народа.

Почему это неизбѣжно должно было такъ случиться — я уже имѣлъ случай говорить по поводу деревенскихъ сходовъ. Все, сказанное мною тамъ, цѣликомъ относится и къ акту передѣла земли. И теперь я долженъ заявить, что не берусь воспроизвесть здѣсь въ яркихъ и типическихъ образахъ одну изъ глубокихъ и выразительнѣйшихъ сторонъ народной жизни, какую представляютъ собою передѣлы земли и продукта; и опять я долженъ повторить, что наши художники прошли мимо этого характернаго явленія, несмотря на все свое „народолюбство“, что они не только не дали намъ яркой, эпической картины этой замѣчательной общенародной бытовой формы, но даже никто не коснулся ея и такъ поверхностно, какъ иногда касались деревенскихъ сходовъ. Между тѣмъ, какъ, при мало-мальски серьезномъ и внимательномъ изученіи народной жизни, не можетъ быть сомнѣнія, что этотъ общенародный, исконно-традиціонный элементъ долженъ имѣть громадное значеніе какъ въ мужицкой „психіи“ исключительно, такъ и въ строѣ мужицкаго міровоззрѣнія и въ соціальныхъ отношеніяхъ. Какъ ни велики были внѣшнія вліянія на народную жизнь, какъ ни уродовали они естественно-органическое развитіе его первобытныхъ идеаловъ, подъ игомъ какихъ стороннихъ примѣсей ни дошли до насъ эти идеалы, но они все-же, къ счастію нашему, дошли, сохранились въ теченіе тысячелѣтій, и въ актѣ передѣловъ, можетъ быть, въ наиболѣе чистой, примитивной ихъ формѣ. Это доказывается какъ массой неопровержимыхъ фактовъ, такъ и путемъ очень простыхъ логическихъ умозаключеній.

Скажите, возможно ли послѣ этого, чтобы извѣстный соціальный факторъ, дѣйствуя неустанно и неослабно въ теченіе вѣковъ, сохранившійся подъ игомъ всевозможныхъ внѣшнихъ воздѣйствій почти въ первобытной чистотѣ, факторъ въ высшей степени своеобразный и характерный, охватывающій собой самый широкій принципъ справедливѣйшихъ соціальныхъ отношеній — возможно ли, чтобы этотъ факторъ проходилъ безслѣдно надъ мужицкою душой, чтобы онъ не наложилъ на нее глубокаго, своеобразнаго клейма, чтобы онъ не пронизывалъ насквозь все мужицкое міровоззрѣніе, чтобы онъ не сопутствовалъ мужику отъ колыбели до могилы? Мы можемъ, конечно, признавать или нѣтъ, что подъ вліяніемъ тѣхъ или другихъ тяжелыхъ условій значеніе этого фактора могло умаляться, суживаться, или же наоборотъ, но отрицать его, игнорировать, проходить мимо — невозможно. Однако, мы ухитрялись, говоря о мужицкомъ мірѣ, о мужицкой душѣ, воспроизводя въ самыхъ сочувственныхъ даже краскахъ мужицкіе „типы“, ухитрялись такъ игнорировать этотъ факторъ, что,

читая наши художественныя произведенія изъ народнаго быта, иностранецъ непремѣнно воскликнетъ: „Да что же это за фантастическій вздоръ наговорили намъ гг. Гакстгаузены, Лавелэ, Мены и др. о какихъ-то существующихъ въ Россіи первобытныхъ народныхъ идеалахъ, не въ примѣръ намъ, европейцамъ! Вотъ вамъ художественные типы русскихъ писателей, первостепенныхъ русскихъ писателей, хотя бы, напримѣръ, Пушкина, Тургенева, Толстого, Писемскаго; второстепенныхъ, спеціальныхъ уже народниковъ: Григоровича, Потѣхина, М. Вовчка и tutti quanti,—укажите же намъ, гдѣ тутъ имѣется хотя намекъ на своеобразное міровоззрѣніе, какъ логическое слѣдствіе вѣковыхъ общинныхъ началъ? Гдѣ эти выразительныя, характернѣйшія картины общинно-бытовой жизни? Эти художники сочиняли и историческія народныя эпопеи, и современные романы, дали намъ массу мужицкихъ фигуръ—любящихъ и враждующихъ, покорныхъ и протестующихъ, резонеровъ и тупоумныхъ, распутныхъ и ангельски-непорочныхъ, звѣроподобныхъ и моралистовъ высшей пробы. Но гдѣ же, укажите, гдѣ у всѣхъ этихъ фигуръ та общая всѣмъ имъ черта, которая говоритъ, что всѣ они—*общинные*, мірскіе люди, что всѣ они родятся, живутъ и умираютъ въ своеобразныхъ условіяхъ общиннаго быта?“—„Вотъ странное требованіе!—должны, по моему мнѣнію, отвѣчать наши великіе и малые художники: — развѣ мы можемъ изображать то, чего ни чувствовать, ни постигать, чѣмъ ни проникнуться, ни вдохновиться не можемъ, чего не помышляли изучать? Мы вамъ передавали „свѣжія“ впечатлѣнія, а, за недостаткомъ ихъ, въ большинствѣ случаевъ, собственныя логическія комбинаціи“.

До какой степени доходитъ у насъ игнорированіе общинныхъ бытовыхъ формъ, можно видѣть изъ того, что даже, къ удивленію, художники „сантиментальнаго“ направленія не сумѣли нигдѣ воспользоваться этимъ элементомъ народной жизни, хоть онъ могъ бы съ успѣхомъ эксплуатироваться ими въ приторно-сладкомъ тонѣ. Нельзя не замѣтить, что и небольшая группа народниковъ-реалистовъ 60-хъ годовъ почти не обратила на этотъ предметъ серьезнаго вниманія, какого онъ поистинѣ заслуживаетъ. А нѣкоторые изъ нихъ, если и касались его, то очень поверхностно и легкомысленно и то въ насмѣшливо - пессимистическомъ тонѣ, въ пику все тому же сантиментальному направленію, хотя, въ этомъ случаѣ, ихъ заряды пропадали совершенно даромъ.

Намъ кажется, что это произошло отъ отсутствія въ реальной школѣ всесторонняго изученія народной жизни, которому мѣшали, между прочимъ, очень уважительныя причины, направлявшія творчество этихъ художниковъ исключительно въ одну сторону.

Въ настоящее время, я полагаю, односторонность этого направленія отчасти утеряла свой raison d'être, во-1-хъ, потому, что и причины его въ значительной степени измѣнились, а во-2-хъ, и потому, что требованія и запросы отъ реальной школы стали шире, глубже, а въ этомъ случаѣ—и самое наблюденіе, и изученіе народной жизни должно встать на болѣе солидную, строго-научную почву. Въ послѣднее время мы уже и видимъ, что обходить такіе существенные факторы народной жизни, какъ общинно-бытовой элементъ, стало невозможнымъ, и художники, претендующіе на миссію „народниковъ“, должны такъ или иначе отвѣчать на нихъ.

За невозможностью представить здѣсь въ типичныхъ и яркихъ образахъ картину общиннаго передѣла, я, какъ и въ предыдущихъ главахъ, принужденъ прибѣгнуть къ нѣкоторымъ предварительнымъ замѣчаніямъ.

„Періодическій передѣлъ земли“ считаютъ, въ научномъ смыслѣ, главнымъ характернымъ признакомъ общинныхъ формъ быта земледѣльческихъ народовъ. Впрочемъ, въ Россіи *передѣлъ земли* надо считать не столько главнымъ, сколько наиболѣе распространеннымъ и уцѣлѣвшимъ элементомъ общиннаго владѣнія, такъ какъ, при естественномъ развитіи общинныхъ основъ, такимъ элементомъ является не передѣлъ земли, а *дѣлежъ продукта*.

Въ русской земледѣльческой общинѣ мы имѣемъ этому очень рѣзкія доказательства не только въ прошедшемъ, но и въ современномъ ея состояніи. Передѣлъ земли, какъ мы уже имѣли случай замѣтить, является такимъ образомъ только одною изъ формъ приспособленія къ извѣстнымъ условіямъ. Вслѣдствіе замѣчательной эластичности и живучести общины, разнообразіе этихъ формъ такъ велико, общинные принципы иногда такъ скрываются подъ несоотвѣтствующей имъ,

повидимому, внѣшней оболочкой, что требуется очень внимательное и добросовѣстное отношеніе со стороны наблюдателя, чтобы остеречься отъ слишкомъ поспѣшныхъ выводовъ. Я не буду повторять здѣсь многихъ общеизвѣстныхъ фактовъ, добытыхъ путемъ научныхъ изысканій, въ родѣ, напримѣръ, того, какъ многія общины, въ силу разныхъ соображеній, оффиціально вводятъ у себя подворное владѣніе, а de facto продолжаютъ пользоваться землей на исконныхъ общинныхъ началахъ. Я приведу здѣсь только одинъ очень характерный, по моему мнѣнію, примѣръ изъ моей личной практики.

Пришлось мнѣ прожить нѣсколько времени въ селѣ Л., Владимірской губерніи и уѣзда. Село большое, прежде барское, вблизи города, нѣсколько уже, значитъ, тронутое вліяніемъ городскихъ идеаловъ. Народъ въ немъ, впрочемъ, живетъ работящій, такъ какъ, несмотря на „нищенскій надѣлъ“ (по $1^1/_4$ дес. на душу), недоимокъ у него почти нѣтъ, самъ онъ гордится своей „обстоятельностью“ и трезвостью; еще во времена крѣпостного права закупилъ онъ, обществомъ, лѣсъ, а теперь снимаетъ въ аренду у сосѣдняго кулака-мужика нѣсколько десятковъ десятинъ пашни и покоса. По лѣтамъ село отправляетъ двѣ трети своихъ мужиковъ на заработки въ каменщики, а по зимамъ занимаются извозомъ. Въ концѣ-концовъ оказывается, что эта „исправность“ и „обстоятельность“ стоитъ л—скому мужику массы труда, изъ-подъ котораго вздохнуть некогда. Вотъ у этихъ-то обстоятельныхъ мужиковъ, при неоднократномъ опросѣ ихъ, оказывалось, что *передѣловъ давно уже нѣтъ, да и не будетъ, пожалуй*. Послѣдній передѣлъ пахотныхъ полей былъ лѣтъ двадцать тому назадъ.

— А будете дѣлить?

— Нѣтъ, наврядъ *по нонѣшнему времени* будемъ.

— Отчего же такъ?

— Да и такъ хорошо, проживемъ.

— Ну, а лѣсъ дѣлите?

— Какъ же! Каждый годъ дѣлимъ. Лѣсъ *нашъ, собственный*, на кровныя деньги купленъ, мы имъ никому не обязаны.

— А луга?

— Луга мы *сообща* косимъ. Копнами дѣлимъ.

— Какъ же это вы дѣлаете?

— А вотъ какъ. Считается насъ 112 душъ. И разбиваемся мы на *выти*, на 7 вытей; въ каждой выти будетъ, значитъ, по 16 душъ. Вотъ мы и разобьемъ луга на 7 частей, *по равненію*. Каждая выть и коситъ ужъ *сообща* свою выть. Ставитъ стога, потомъ, по мѣрѣ надобности, стога разбиваетъ на *равныя* копны, *по веревкѣ*, (по объему) и по качеству.

— Какъ же у васъ выти составляются? По сосѣдству дворовъ?

— Нѣтъ, зачѣмъ? У насъ выти *по-милу* составляются каждый разъ: *кто кому милъ, съ тѣмъ*, значитъ, *и въ одну выть идетъ*.

— Хорошо. Но какъ же вы равняете работниковъ въ каждой выти? Вѣдь, работники разные бываютъ: одинъ лучше коситъ, другой хуже; одинъ съ двора можетъ выставить трехъ ловкихъ и здоровыхъ работниковъ, другой — одиночка или только съ двумя работниками?

— Это мы равняемъ. Ежели вся выть согласно живетъ, по-милу сходится, такъ и косимъ такъ, не считаясь; а ежели кто *зарится* въ хорошую выть войти, а самъ работникъ плохой, съ того *вступного* беремъ рубль или два, по условію.

— А лѣсъ тоже дѣлите по вытямъ?

— Да, по вытямъ, а потомъ на *осмаки*, на каждый осмакъ, значитъ, двѣ души; потомъ ужъ на *дѣлянки*. Рубимъ по уговору, по *засѣчкамъ*, съ общаго согласія выти. Кто положенную ему на годъ *засѣчку* вырубитъ, а ему не хватило, онъ долженъ спроситься выти, чтобы нарубить еще; выть ему еще *отсѣкаетъ*.

— А выгонъ?

— Выгонъ у насъ общій съ сосѣдними деревнями. У насъ и луга общіе съ одною деревней. Каждый годъ передѣляемъ: дѣлимъ лугъ на пять частей и бросаемъ жеребій: три пятыхъ намъ, а двѣ пятыхъ сосѣдямъ.

— Вотъ ужъ теперь я не пойму, какъ это у васъ и отчего выходитъ, что вездѣ вы поступаете *по равненію*, передѣляете, даже сообща, напримѣръ, косите, а пашню не равняете и не передѣляете?

— Какъ не равняемъ? Равняемъ и ее, только не передѣляемъ. Признаться, опасаемся передѣлять. Видишь, теперь у насъ ужъ наросло душъ-то до 125. Ежели мы передѣлъ сдѣлаемъ, гляди того, какъ бы за лишнихъ-то противъ 112 не пришлось платить... Говорятъ, что придется... Такъ зачѣмъ же намъ на свою шею передѣлять, самъ посуди! А равнять-то мы и такъ равняемъ.

— Какъ же?

— А такъ. У насъ не стѣсняютъ. Ежели, примѣрно, у меня на три души было, потомъ мнѣ тяжело стало, я, значитъ, отъ одной души отказываюсь, міръ ее на себя беретъ, въ *залишнія*, и тому отдаетъ, у кого или земли не хватаетъ, или тѣмъ, кои въ совершеннолѣтіе пришли, или же налагаетъ силой на тѣхъ, у кого работниковъ много, а земли мало, въ случаѣ ежели на землю охотниковъ нѣтъ *).

Однимъ словомъ, практикуется та *мѣна* надѣловъ и равненіе при помощи *залишнихъ душъ*, о чемъ мы говорили уже выше.

Справедливы или нѣтъ опасенія мужиковъ насчетъ того, что послѣ передѣла съ нихъ увеличатся и подати, сообразно увеличенію дробности полевыхъ жеребьевъ — дѣло не въ этомъ; важно то, что каковы бы ни были „опасенія", въ результатѣ ихъ являются такія *формы* общиннаго владѣнія, подъ которыми вы нескоро признаете его основные принципы.

Уже изъ одного этого примѣра мы можемъ, кажется, сдѣлать слѣдующіе поучительные выводы.

Во-первыхъ, если въ одной и той же общинѣ существуетъ такое разнообразіе общинныхъ формъ, начиная отъ наиболѣе чистой, первобытной и высшей формы, каковъ *дѣлежъ продукта*, переходя черезъ различные виды дробныхъ *пополосныхъ передѣловъ* и кончая почти полнымъ отсутствіемъ передѣловъ, по крайней мѣрѣ съ внѣшней стороны, то каково же разнообразіе этихъ формъ и маскировки общинныхъ принциповъ въ необозримой массѣ деревенскихъ общинъ, раскинутыхъ по широкимъ пустырямъ средней, сѣверной и восточной Россіи?

Во-вторыхъ, если это такъ, то не очевидно ли, до какой степени общинному духу народа несвойственъ консерватизмъ какой-либо формы, мертвенность и застой ея, какъ народъ не дорожитъ никакой формой, лишь бы сохранить принципъ, и если на охрану этого принципа, при самыхъ тяжелыхъ условіяхъ, тратится масса ума и таланта, если при этихъ условіяхъ община сохраняетъ способность къ безконечному развитію (чему только и обязана она тѣмъ, что сохранилась до нашего времени), то какова эта способность должна быть при условіяхъ благопріятныхъ и каковы должны быть тогда результаты этой „массы ума и таланта"?

Въ-третьихъ, если эта замѣчательная эластичность и живучесть общинныхъ началъ въ народѣ гарантируетъ въ будущемъ ихъ высокое значеніе въ соціальномъ прогрессѣ человѣчества, то тѣмъ не менѣе тяжелыя условія, заставлявшія общину тысячу разъ въ теченіе вѣковъ измѣнять свои формы, сходить съ естественнаго, органическаго пути развитія, тратиться на приспособленія къ мелкимъ въ сущности и нелѣпымъ требованіямъ,—эти условія не могли вліять на нее благополучно, не могли не оставить многихъ пятенъ, не могли не лишить ее, въ свою очередь, значительной доли жизненности и широты приложенія своихъ исконныхъ основъ.

Такимъ образомъ въ концѣ-концовъ и по поводу „періодическихъ передѣловъ" мы должны сказать то же, что нами сказано выше: что и эта, наиболѣе сохранившаяся въ чистомъ видѣ, наиболѣе уцѣлѣвшая отъ стороннихъ воздѣйствій и наиболѣе туго подчиняющаяся экономическому или нравственному гнету и опекѣ (конечно, въ средѣ самой данной общины) кулачества и администраціи, что и эта общинная форма въ настоящее время въ значительной степени представляетъ рядъ компромиссовъ, всевозможныхъ примиреній, приспособленій и проч.

Это понятно само собой, если читатель припомнитъ, какъ говорили мужики, что у нихъ „ежели одно тронешь, все тронешь".

Однимъ изъ самыхъ яркихъ результатовъ этихъ неизбѣжныхъ въ современной общинѣ компромиссовъ представляется та дробность или „скрупулезность" въ передѣлахъ, которою достигается ихъ „справедливость" и „равненіе" между членами современной общины. На эту „скрупулезность общинной справедливости" указывали очень многіе, но указывали, къ сожалѣнію, всегда въ „смѣшливомъ" тонѣ. Мнѣ кажется, что этотъ важный вопросъ заслуживаетъ не столько юмористическаго отношенія къ нему, сколько внимательнаго изученія.

Если бы среди насъ могли найтись настолько внимательные и серьезные наблюдатели (я уже не говорю: *если бы могли заговорить сами общинные, мірскіе люди*), которые поставили бы себѣ цѣлью *на мѣстѣ* изучить цѣлый рядъ разнообразныхъ формъ общиннаго дѣлежа, распредѣленій и передѣловъ, которые бы

*) Впрочемъ, если нѣтъ *залишнихъ душъ*, прибѣгаютъ иногда къ разверсткѣ полей и вытей.

прослѣдили въ живомъ проявленіи, а не мертвомъ и книжномъ, отношенія членовъ деревенской общины какъ къ этому акту, такъ и между собою въ моментъ его совершенія, я увѣренъ, что они пришли бы къ слѣдующему заключенію: во-первыхъ, несмотря на нѣсколько, можетъ быть, грубую и комичную внѣшнюю сторону передѣловъ, подъ нею скрывается очень глубокій и поучительный смыслъ. Теперь, когда первобытное равенство отношеній членовъ въ современной деревенской общинѣ уже значительно нарушено и нарушается больше и больше, когда средній типъ современной девевенской общины представляется уже, какъ соединеніе двухъ несоединимыхъ элементовъ „красной" и „холодной" стороны, „богатаго и бѣднаго", „очень обезпеченнаго и мало обезпеченнаго"— интенсивность дѣлежа, распредѣленія, передѣла общиннаго имущества достигаетъ и будетъ достигать все высшей и высшей степени. Эта интенсивность и проявляется, съ одной стороны, въ видѣ чрезмѣрной дробности, „скрупулезности", дѣлежа, какъ единственной гарантіи равенства и справедливости въ современной общинѣ, и съ другой—въ томъ положеніи, что, *когда, повидимому, частные интересы при общинныхъ дѣлежахъ достигаютъ высшей степени напряженія, общественная справедливость достигаетъ наибольшей степени контроля.* Во-вторыхъ, въ то время, какъ эта интенсивность общинныхъ дѣлежей является результатомъ глубокихъ внутреннихъ соціальныхъ причинъ и тѣмъ болѣе имѣетъ мѣсто въ общинѣ, чѣмъ болѣе послѣдняя удаляется отъ средняго своего типа, дробность и скрупулезность въ мірскомъ дѣлежѣ зависятъ очень часто и отъ внѣшнихъ причинъ, какъ, напримѣръ, отъ „скрупулезности" самаго мірскаго имущества и отъ чрезмѣрной чрезполосности мужицкихъ владѣній.

До какой степени въ общинномъ хозяйствѣ можетъ доходить эта „скрупулезность" и чрезполосность, можно бы привести множество примѣровъ. Впрочемъ, это такъ общеизвѣстно, что и говорить объ этомъ здѣсь нечего. Достаточно замѣтить, что, при чрезполосности среди другихъ владѣльческихъ дачъ крестьянскихъ надѣловъ немыслимо никакое раціональное хозяйство и, понятно, напрасно усложняется и самый процессъ общиннаго дѣлежа.

Такъ какъ основнымъ фономъ моихъ замѣтокъ являются все-таки будни небольшой извѣстной деревенской общины, то я и не буду выходить изъ этихъ рамокъ. Какъ ни желали бы читатели имѣть всестороннее и широкое представленіе общинныхъ передѣловъ, въ родѣ, напримѣръ, такъ называемыхъ „головныхъ передѣловъ, съ ломаніемъ межъ", которые въ общинахъ составляютъ событіе и полны глубокаго эпическаго смысла, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сопровождаются даже особою торжественною обстановкой,—я не берусь здѣсь за это; я ограничусь только тѣми сценами общиннаго передѣла, на которыхъ участвовалъ въ ямской общинѣ.

По какимъ-то, оставшимся для меня въ туманѣ, сельско-хозяйственнымъ соображеніямъ, ямскіе мужики прежде всего направились дѣлить маленькій лужокъ по овражку. Прежде этотъ лужокъ, во избѣжаніе лишнихъ хлопотъ съ передѣломъ, сдавался кому-нибудь въ аренду; нынѣшній годъ не стали сдавать, такъ какъ „не видно, куда деньги уходятъ", и порѣшили скосить сами. Всѣ мы подошли къ лугу. Лугъ былъ не болѣе десятины: саженъ 80 въ длину и 30 въ ширину; изъ нихъ половина приходилась на косогорѣ, половина лежала въ ложбинѣ. Я, дѣвки, бабы и ребятишки разсѣлись на дорогѣ; мужики приступили къ передѣлу.

Первое впечатлѣніе отъ передѣловъ было такое же, какъ и отъ деревенскихъ сходовъ. Не успѣли мужики отдѣлиться отъ насъ, какъ посыпался рядъ совершенно непонятныхъ восклицаній, выкриковъ, возраженій, и я опять сразу потерялъ всякую возможность послѣдовательныхъ наблюденій.

— Матвѣй! ступай, ищи *устья!* Ты всѣхъ старше! Твое дѣло!.. — Гдѣ я тебѣ буду ихъ искать, устья-то? Лѣшій! Гдѣ они, устья-то, здѣсь? Передѣляли мы, что ли, ихъ прошлымъ годомъ? Устья! Ихъ до обѣда проищешь, *устья-то* (прежнія мѣтки, раздѣлявшія *еми*)! — На то и старикъ! Помнить долженъ!—Ну васъ къ лѣшему! Намѣчай новыя... Рѣжь новую *емь!* Конечно, новую... Какъ ее рѣзать?

— Бери вонъ: по косогору — одна, по ложбинѣ—пущай другая будетъ. И шабашъ!

— Такъ и пошабашилъ — держи карманъ! Ловокъ! Развѣ не видишь — половина болота въ ложбинѣ!

— Такъ что! Пущай! Кому достанется...

— О? Достанется? Такъ бери его, коли тебѣ любо... А за другихъ нечего говорить...

— Зачѣмъ мнѣ? Кому счастіе выйдетъ... Выйдетъ мнѣ — я возьму...

— Счастіе! На счастіе еще навалка безъ того будетъ... Счастіе-то впередъ береги...

— Болото выключай!.. Пущай болото въ особую емь идетъ... Накинемъ на него кусты...

— Кусты — вонъ! Чего у кустовъ взять?..

— Вали вонъ, я возьму кусты за себя...

— Ловокъ! Чуешь посомъ-то? Зачѣмъ кусты вонъ?.. Ихъ въ *барышки* пустимъ...

— Пущай кусты въ барышокъ, пущай на счастливаго!...

— Зачѣмъ на счастливаго? Ты держись старины! Пущай они тому въ барышокъ идутъ, кто въ болотѣ жеребій вынетъ...

— Пущай, у кого будетъ жеребій хуже—тому и въ барышокъ идутъ.

— Ну, вали, коли такъ; а болото какъ?

— Къ болоту прирѣжемъ косогору... Равняй косогорокъ! Вотъ отъ лысины... Отъ лысины отрѣзай!..

— Дѣдъ Матвѣй! Ступай съ вѣхой на лысину!.. Шляпу повѣсь!.. Повѣсь шляпу, чтобъ виднѣй!.. Н-ну! Съ Богомъ! Броди, Павелъ! У тебя сапоги здоровые... Бродъ медвѣжій проложишь!

— Погоди, бродъ! Дай оглядѣться!

— Чего тутъ еще! Не *дѣлянку* рѣжемъ! Обиды не будетъ. Коли обида будетъ, всѣмъ одинаково будетъ. Броди! Броди прямѣе!

Павелъ отправляется на дѣда Матвѣя прямо по травѣ, стараясь возможно сильнѣе срзать сапогами, чтобъ образовался виднѣе бродъ.

— Держи правѣе, чо-ортъ! Куда лѣзешь съ косого-то глаза! Куда тебя, лѣшій, ведетъ?—кричатъ на Павла.

— Куда! Смотри!.. прямо иду! Самъ кривоглазый чортъ!.. Вишь, шляпа-то Матвѣева! Да ты еще постой! — вдругъ останавливается дядя Павелъ:—вонъ меня куда ведетъ... Смотри, куда трава-то меня ведетъ: трава-то меня знаетъ, куда ведетъ!

— Куда?

— То-то куда. Говорю, оглядѣться хорошенько надо. Вишь, наливная-то трава ушла въ сторону; вишь, гдѣ цвѣтокъ-то виднѣется...

— Ну такъ что жъ цвѣтокъ?

— А то вотъ и цвѣтокъ! Еще указываетъ, кричитъ!.. Ты вонъ смотри—вонъ куда цвѣтокъ-то отошелъ, а здѣсь мятлица,—показывалъ Павелъ естественную границу хорошей травы съ богатымъ цвѣткомъ отъ жидковатой и сухой мятлики.

— Вѣрно, что цвѣтокъ въ той еми на цѣлый жеребій отошелъ, — подтвердили мужики.

— Про что жъ я и говорю! Я знаю, куда меня ведетъ! Кому этотъ жеребій достанется? Кто его возьметъ?.. Тоже никому любо не будетъ... Одна только непріятность будетъ.

— Мятлику надо къ болотной еми прирѣзать, заодно...

— Конечно, надо... Вали, дядя Павелъ, по цвѣтку, равняй бродъ по цвѣтку!.. Подвинь и Матвѣя-то со шляпой полѣвѣе!..

— Чего подвигать? Надо спросить. Матвѣй!.. Эй, старый!.. Дѣдушка!.. Али уснулъ?

(Среди насъ, въ сидящей компаніи зрителей смѣхъ и остроты поддерживаются постоянно).

— Заспалъ онъ, братцы! Будить его надо.

— Ма-атвѣй!— кричатъ мужики.—Гдѣ у тебя идетъ цвѣтокъ? Становись по цвѣтку!.. Ахъ, лѣшій старый! Двигайся, говорятъ!..

— Чего двигаться!.. Ступай, Миронъ, пробѣги по цвѣтку спервуначала... Ты на ногу легокъ, да и босой... А то, что даромъ траву мять.

— Вѣрно... Пробѣги, Миронъ.

Бородатый Миронъ пускается бѣжать „по цвѣтку“.

— Не прямо бѣжитъ, — говорятъ мужики.—Вишь, лукой выходитъ, залучина выступаетъ.

— Ничего, залучину мы въ барышокъ къ болоту пустимъ.

— Какъ ты ее пустишь: опять на счастливаго?

— Зачѣмъ? съ одной стороны у насъ въ барышокъ пойдетъ залучина съ цвѣткомъ, а съ той стороны кусты.

— Съ той стороны—кусты; это вѣрно. Будемъ ужъ полосу прокашивать поперекъ, чтобъ отъ залучины къ кустамъ шла... Чтобъ, значитъ, для всѣхъ равненіе было, чтобъ и кустовъ и залучины поровну всѣмъ...

— Это вотъ истинно, безобидно...

— Ну что? На цвѣткѣ, что ли, стоите?— кричатъ Мирону, уже поровнявшемуся съ дѣдомъ Матвѣемъ.

— На цвѣткѣ... Посередкѣ залучина выходитъ,—кричитъ Миронъ.

— Ладно, знаемъ. Ну, съ Богомъ, Павелъ. Отваливай. Клади бродъ. Теперь безъ сумлѣнія, теперь—навѣрняка!

И т. д. и т. д.

Наконецъ, „емь съ цвѣткомъ" и „емь болотная" отграничены. Приступили къ дѣлежу емей на „половины". Всѣ 53 души разбиваются въ двѣ группы: въ одной 26, въ другой 27 душъ, по сосѣдству дворовъ, или, „какъ въ поляхъ", т.-е. по сосѣдству полосъ въ пахотныхъ поляхъ. Если разбивка емей основывалась болѣе на общемъ чувствѣ справедливости, чѣмъ на столкновеніи личныхъ интересовъ, то равномѣрная разбивка на половины, кромѣ этого, регулируется еще и личнымъ интересомъ каждой половины. Вообще, чѣмъ дѣлежка дѣлается дробнѣе, тѣмъ личные интересы каждаго выступаютъ все ярче и ярче, права каждой личности заявляются открытѣе. Тутъ ужъ никто не допуститъ и малѣйшей тѣни неравенства. Все вымѣряется съ удивительной, именно „скрупулезной" точностью, посредствомъ шеста неопредѣленной длины, около 2-хъ саженей. Дѣдъ Матвѣй опять пошелъ съ вѣхой и остановился, приблизительно, въ головѣ половины еми. Дядя Трофимъ да дядя Ефимъ стали его равнять, мѣряя съ двухъ противоположныхъ сторонъ шестами. Наконецъ, установили. Дядя Павелъ опять проложилъ бродъ.

— Эй, Иванъ Тарасовъ, выходи! Тащи жеребья! — закричали мужики, сгрудившись около вѣхи дѣда Матвѣя.

Иванъ Тарасычъ опять погремѣлъ висѣвшимъ на поясѣ мѣшечкомъ и, таинственно сверкнувъ на меня своими черными глазами, побѣжалъ къ мужикамъ.

— Вынимай жеребья на половины! Матвѣй, давай шляпу!—кричали мужики: — Н-ну, Господи благослови!.. Тряси!.. Кто будетъ вынимать?—Давай я!—Держи карманъ: ты жеребья знаешь!—Крикни мальчишку, крикнемъ Ѳедюшку!.. Ѳедюшка!.. Бѣгай сюда!

Сидѣвшій со мной, самый маленькій изъ всѣхъ косцовъ, несмѣло подошелъ къ мужикамъ, сконфуженный такою честью.

— Бѣги, говорятъ, проворнѣе!.. Н-ну, трясп!.. Крестись, братцы!

Всѣ перекрестились. Мальчуганъ вынулъ жеребій. Каждая изъ двухъ группъ сразу отдѣлилась одна отъ другой и направилась на *свою* половину.

Общій передѣлъ былъ конченъ. Около меня произошло такое же передвиженіе. Бабы и ребятишки тоже раздѣлились на группы, и каждая придвинулась ближе къ *своимъ* мужикамъ. Обѣ половины уже не обращали другъ на друга никакого вниманія. Каждая пристально слѣдила только за своей стороной.

Пришлось и мнѣ пристать къ которой-нибудь изъ двухъ, такъ какъ услѣдить за одновременными дѣйствіями той и другой стало невозможно. Я, конечно, перешелъ къ той, въ которой былъ дѣдъ Матвѣй.

Стали дѣлить половины на *четверины*, каждая половина въ средѣ собственной группы. Опять шумъ, крикъ, мало понятные для сторонняго наблюдателя выкрики, возраженія; теперь они неслись уже съ двухъ сторонъ, и понять что-нибудь дѣлалось еще менѣе возможнымъ, чѣмъ прежде. Теперь уже фигурировали на *половинахъ* два мужика съ вѣхами, двѣ жеребьевыя шляпы. Вмѣсто шеста, единицей мѣры выступила новая — *косье* и *полукосье* (равная длинѣ косы, поставленной съ одной стороны на конецъ острія, съ другой на конецъ косовища; полукосье—половина этой длины, приблизительно опредѣляется ручкой посрединѣ косовища. Крестьяне измѣряютъ этимъ способомъ чрезвычайно быстро, повертывая косу на остромъ ея концѣ, какъ ножки циркуля). Опять выступилъ на сцену, съ одной стороны, засѣвшій посрединѣ *кустъ*, да какой-то *боровокъ*, съ другой — какія-то *корыта* (какъ мнѣ объяснилъ послѣ дѣдъ Матвѣй, нѣкогда спеціалистъ по мірскому пивоваренію, что въ этомъ мѣстѣ варили мірское пиво, для чего вырыты были особыя ямы для корытъ и чановъ, въ которые сливалось пиво). Одновременно слышалось:

Съ одной стороны:—Выключай кустъ! Кому онъ нуженъ? — Нельзя выключать: рѣжь кустъ посередкѣ, веди бродъ на середину куста, чтобы поровну!.. Стой, погоди! Пущай кустъ ко второй четвеpинѣ отходитъ! — Какъ ко второй? Куда намъ его, къ лѣшему? Бери его себѣ, кустъ-то, а другимъ не суй!—У васъ *уголъ* есть!—Какой *уголъ*, гдѣ?—Смотри, лупоглазый!.. Не видишь—въ поле уголъ зашелъ?.. Подарить тебѣ, что-ли?—Конечно, наше счастіе!..—Счастіе! Губа-то не дура!—Нашъ жеребій, наше счастіе... Зачѣмъ тогда и жеребій кидать.—А ты что за святой, что тебѣ противъ другихъ счастіе? Вишь, святые выбрались... Мы сами святые, еще васъ святѣе...—Ахъ-

ха-ха! Вотъ они, святые проявились!—У нихъ уголъ залишній, пущай къ нимъ къ четверину кустъ идетъ.—Это вѣрно—къ нимъ! Обходи бродъ вокругъ куста...

Съ другой стороны:—Корыта вонъ! Корыта мы не возьмемъ!.. Пущай на корыта намъ всѣ барышки отдадутъ!—Отчего такъ? Развѣ въ корытахъ не трава? Такая же трава...—Такая же? Поди, разуй глаза-то... Тутъ лягушки только въ корытахъ-то!—Ну, значитъ, ваше счастіе, лягушки-то!—Подбирай!—Мы корыта не возьмемъ. Пущай обѣ четверины на себя ихъ пополамъ принимаютъ...—Бросай жеребій на корыта! — Не стоитъ!.. Нельзя корыта въ жеребій пущать... Это въ обиду будетъ... Корыта совсѣмъ вонъ выключить. — А что замѣстъ ихъ возьмешь? Раньше говорилъ бы? Гдѣ былъ? Чего думалъ?—А ты чего думалъ?—Думалъ я! Я *бродилъ*...

— Эхъ, драть васъ на шестъ! Цѣлая толпа собралась, а проглазѣли!.. Вотъ теперь, дураки, и казнитесь.

— Братцы,—обращается одна половина къ другой,—замѣтьте хоть что ни то за корыта... Чего мы съ корытами будемъ дѣлать? Совсѣмъ убытокъ!

— А чего дремали? Проспали! Не опять дѣлить?.. Не валандаться съ вами!..

— Да намъ бы хоша барышки...

— Барышки и самимъ хороши!

— Ну мы дорогу себѣ возьмемъ!..

— Дорогу нельзя! Дорогу дѣлить будемъ...

— Ну-у, дѣлежникъ! Подъ куриный подкладъ, что ли, тебѣ понадобилось?..

— Плевать. Пущай дорогу берутъ за корыта... Надо равнять...

Раздѣлены *четверины;* въ каждой четверинѣ по 16 душъ *); на каждую четверину пришлось *по четыре косья, да по полукосью, да по два лаптя.* Стали дѣлить *по душамъ* (по дворамъ; сколько во дворѣ душъ, столько *лаптей* отрѣзаютъ къ одному мѣсту).

Тутъ ужъ я окончательно потерялъ всякую возможность услѣдить за измѣреніемъ.

Я только видѣлъ, какъ мужики становились одинъ противъ другого и, считая вслухъ, начали выдѣлывать па, приставляя одинъ лапоть ноги непосредственно къ другому, такъ чтобы носокъ одного приходился къ задку другого. Какъ-то невольно приходило въ голову смѣшное сравненіе съ тѣмъ, какъ, бывало, насъ танцмейстеръ училъ громко высчитывать, становясь въ фигуры и выдѣлывая разнообразныя па.

Слышалось:—На меня шесть лаптей, да полъ-лаптя!—Гдѣ они полъ-лаптя-то?—Откуда взять?—Гдѣ? Чать, у меня полдуши есть?—Да гдѣ ты его возьмешь, полъ-лаптя-то? — Мы съ Корягой въ одинъ лапоть войдемъ—у него тоже полудушевая есть!—Ну, входите! — Коряга! Иди со мной въ лапоть! — Ладно! Отсѣкай! Прокашивай *тяпокъ* (мѣтка, отдѣляющая подворную *дѣлянку* отъ другой; обыкновенно — прокашивается небольшой крестъ или круглая лысинка въ головѣ полосы).

Наконецъ, кончена дѣлежка по душамъ, *по лаптямъ.* Шумъ сразу смолкъ.

— Ребятишки, на барышки! Бабы на болотную емь!—крикнули мужики.

Блеснули на солнцѣ лезвія косъ. Звякнули бруски о стальное остріе. Ребятишки разсыпались по *барышкамъ*, по отрѣзкамъ, оставшимся отъ равненія полосъ.

На лугу стало вдругъ такъ тихо, что ясно и рѣзко выдавалось только шипѣнье косъ въ ложившейся грядами травѣ.

Я остался одинъ и, облокотившись на околицу, смотрѣлъ на работу.

— Вотъ барамъ житье-то: смотри да посматривай цѣлый день, какъ мужики работаютъ!.. Любо! Хоша бы денекъ такъ пожилъ! — вдругъ раздалось надъ моимъ ухомъ рѣзко выраженное замѣчаніе. Я обернулся: мимо меня спѣшила запоздавшая молодая баба, съ косой и граблями на плечѣ; это была сноха Павла Гордеева. Она улыбнулась мнѣ. И сколько въ этой улыбкѣ было завистливаго полупрезрѣнія!

Еще сцена:

Внезапно общая тишина нарушена была крикомъ.

— Э, э! Постой! Ты куда лѣзешь?

— Чего?

— Ты куда лѣзешь, спрашиваю?

— Ты что? Али спьяна бредишь?

— Нѣтъ, ты алошные-то глаза чего въ чужую полосу завернулъ? А? Али отъ жадности окривѣлъ?

Всѣ обернулись. Молодой мужикъ, Андрей Соха, наступалъ на одного изъ братьевъ староверовъ, стараго холостяка и богатѣя, косившаго по сосѣдству съ нимъ.

— Да ты чего лаешься, пьяное твое рыло?—допрашивалъ старовѣръ.

---

*) Собственно, въ той половинѣ, гдѣ 27 душъ, приходилось на 1 четверину 16, на другую — 17 душъ. Для этой *одной* души, кажется, послѣ дѣлежа было уступлено отъ всѣхъ полосъ *по* $^1/_2$ *лаптю*, т.-е. полосы на $^1/_2$ лапоть „постѣснились“.

— Нѣтъ, ты скажи, чего у тебя глазъ заѣхалъ въ Арзамасъ, когда ему дорога домой?—острилъ Соха.

— Очухайся раньше, пьяное отродье! Протри самъ зѣнки-то.

— Нѣтъ, ты, алошная твоя утроба, ты здѣсь въ чужія-то полосы не лазай... Ты ступай въ Москву по чужимъ-то карманамъ ходи. Ты смотри...

— Чего смотрѣть-то, прощалыга?.. Чѣмъ ты хочешь выгадать? Али одни портки остались, такъ на чужое добро заришься? Али стыдно смотрѣть, что у людей Божіе благоволеніе?

— Ты Бога-то не трогай съ своей алшностью... Бога-то не обижай... А ты оглобли-то съ чужой дороги вороти... Ты смотри, разуй глаза-то! Гдѣ у тебя тяпокъ, гдѣ мой? Что ты залучиной-то въ мою полосу заѣхалъ?

— Гдѣ залучиной, пустая твоя голова?—чуть не съ бѣшенствомъ налеталъ на Андрея старовѣръ,—на, смотри! Смотри, гдѣ кустъ-то! Вѣдь, по-за-кустомъ идетъ!

— За кустомъ-то, за кустомъ... Да ты чего дугу-то въ мою полосу гнешь? Чего ты ко мнѣ забираешься?..

— Эко непутное отродье въ міру завелось! Экое подлое! А! Вотъ они, прощалыги-то, пропойцы... Корку сухую цѣлый вѣкъ гложутъ, да Господа Бога гнѣвятъ! Передохнуть бы вамъ всѣмъ, окаяннымъ, — ругался старовѣръ, а между тѣмъ, незамѣтно, все больше и больше отклонялся съ косой къ своей полосѣ...

— Вотъ такъ-то лучше! Ступай съ Богомъ, не проѣдайся! — поощрялъ его Андрей Соха, вызывая на сѣнокосѣ взрывы смѣха.—А Бога-то не трогай! Богъ-то тоже вашему брату не очень поблажаетъ... Эко, братецъ, какъ эта алшность-то обуяетъ—и правду всю, и себя человѣкъ забудетъ... А! Вѣдь, у жидомора житницы да сѣнницы отъ хлѣба съ сѣномъ ломятся, а все ему мало!.. Хоша два лаптя — да отъ чужой полосы оттяпать!.. Какъ только вы, дьяволы, не подавитесь!..

— Ты скорѣй, безпортошный, чорствой коркой подавишься! Ишь, съ голоду-то злобствуетъ на добрыхъ людей!

— Подавитесь еще... Дай срокъ! Богъ-то долготерпѣливъ, батюшка, а то бы...

И т. д., и т. д.

Два міранина, стоя почти рядомъ на сосѣднихъ полосахъ и съ особымъ усердіемъ взмахивая косами, продолжали не на животъ, а на смерть костить другъ друга. Иногда дѣло становилось такъ жарко, что мнѣ не разъ казалось: вотъ взмахнетъ еще разъ чья-нибудь коса и, *нечаянно*, вмѣсто травы, прожужжитъ надъ головой обидѣвшаго до сердца сосѣда. Слава Богу, мои опасенія были напрасны: ничего подобнаго не случилось, да и не случалось, говорятъ.

Черезъ полчаса лугъ былъ скошенъ. Я подошелъ къ кучкѣ мужиковъ изъ нашей четверины.

— Что, братцы, вамъ за охота изъ-за этакой малости такую канитель съ передѣломъ тянуть? — спросилъ я. — Размѣряете вы, размѣряете, и лаптями, и полулаптями—смѣхъ одинъ!

— Точно, что смѣшно... Только ужъ, чтобы справедливо у насъ. Никому чтобы не обидно.

— Это такъ, это вѣрно! Такъ, вѣдь, этого проще можно достигнуть. Вотъ я знаю—недалеко отъ васъ иначе дѣлаютъ, прямо сѣномъ дѣлятъ: и проще, и скорѣе много, и справедливѣе. Пришли вотъ вы сюда, въ разъ бы сообща въ косы ударили, въ 10 минутъ все бы снесли. А тамъ поставили бы копны, да когда въ свободное время и подѣлили бы.

— Это такъ. Это, вѣдь, мы хорошо знаемъ. Только у насъ нельзя, у насъ народъ не такой. Этакъ-то тамъ хорошо, гдѣ народъ *ровнѣе живетъ*, дружнѣе. Оно тогда и выйдетъ проще да справедливѣе. А у насъ, нельзя... У насъ, видѣлъ, какой народъ есть: не раздѣли его до точности, чтобъ ни сучка, ни задоринки не осталось, такъ онъ косами перерѣжется... Ужъ, кажись, на что виднѣе дѣлили,—говорилъ дѣдъ Матвѣй,—а и то вонъ залѣзъ въ чужую полосу, до ругательства дошли... Такъ станутъ они тебѣ сообща косить? Ка-акъ же! Тутъ еще больше счеты-то пойдутъ. Народъ неровенъ сталъ, другъ мой сладкій, неровенъ народъ... Въ томъ и сила!

Вмѣсто морали въ этой сценѣ общиннаго передѣла я попрошу читателя ни подъ какимъ видомъ не думать, что ею исчерпана вся суть этой важной общинно-бытовой народной формы. Представленная сцена не согрѣта ни вдохновеніемъ, ни проницательностью художника, не отличается ни подобающею всесторонностью и солидностью наблюденія, не исчерпываетъ она не только всѣхъ своеобразныхъ пріемовъ и видовъ передѣла, но и основныхъ руководящихъ пружинъ;

пусть смотритъ на это изображеніе передѣла читатель не больше, какъ на слабую, безыскусственную фотографію съ одной будничной деревенской сценки, записанной только по „свѣжему впечатлѣнію“ и такъ, какъ сохранилась она въ памяти. Воспроизведенія—полнаго и всесторонняго — этого важнаго акта народной жизни надо ждать въ будущемъ, когда наши художники сознаютъ, наконецъ, что мужицкій типъ, характеръ во всей его полнотѣ и цѣльности, можно воспроизвесть въ тысячу разъ всестороннѣе на почвѣ общинно-бытовой, чѣмъ на избитошаблонной канвѣ психическихъ коллизій въ узко-индивидуальной сферѣ любовныхъ и имъ подобныхъ отношеній. Попробуйте, гг. художники, этотъ новый пріемъ творчества (которому, вообще, не мѣшало бы давно замѣнить извѣстный рутинный методъ) и, можно ручаться, пожнете прекрасные плоды.

ГЛАВА IX.

Помочь. — „Заказные дни“. — Товарищества.

Исчерпать будни деревенской жизни во всемъ ихъ объемѣ всесторонне и полно— немыслимо въ журнальной статьѣ. Всестороннее воспроизведеніе „деревенскихъ будней“ можетъ быть только результатомъ долголѣтняго и упорнаго изслѣдованія, обширнаго и упорнаго труда, врядъ ли даже посильнаго для одной личности. Понятно, что, приступая къ этимъ замѣткамъ, я былъ далекъ даже отъ мысли объ этой попыткѣ. Я даже не могъ взяться за всестороннее воспроизведеніе тѣхъ будней маленькой деревенской общины, которые служили фономъ для моихъ замѣтокъ, такъ какъ для исполненія одной этой задачи съ подобающею добросовѣстностью мнѣ необходимо было бы прожить въ этой деревенькѣ годы, сдѣлаться самому *общиннымъ*, *мірскимъ* человѣкомъ. Но нашему поколѣнію не суждено этого. Мы вынуждены ограничиться крайне узкой и неудобной ролью „стороннихъ наблюдателей“... Моя же скромная задача— дать „нѣсколько отвѣтовъ“ на запросы нашей читающей публики о наиболѣе характерныхъ и существенныхъ сторонахъ деревенскихъ будней и въ то же время, наименѣе разработанныхъ въ литературѣ; эта цѣль была бы болѣе или менѣе достигнута мною, если бы я написалъ еще главу, посвятивъ ее „помочамъ“. Къ сожалѣнію, послѣдняго предмета, при всемъ его громадномъ значеніи, и даже именно поэтому, я не могу здѣсь коснуться. „Общинная помочь“ — одно изъ самыхъ любопытнѣйшихъ и поучительныхъ явленій деревенскихъ будней. Будучи прямымъ, логическимъ слѣдствіемъ общинно-бытовыхъ основъ, зарождаясь изъ самой чистой и первобытной формы ихъ, каково равноправное участіе членовъ общины въ трудѣ *сообща* и затѣмъ въ равномъ *дѣлежѣ продукта*, оно неизбѣжно сопутствуетъ общинѣ всюду. Чѣмъ чище, ближе къ первобытному идеалу общинныя формы, тѣмъ выше, глубже и шире по нравственному значенію и формы общинной помочи. Также и наоборотъ: чѣмъ болѣе угнетены общинныя формы быта внѣшними воздѣйствіями, чѣмъ болѣе они составляютъ результатъ невозможныхъ компромиссовъ, тѣмъ болѣе общинная помочь удаляется отъ общаго бытового строя, тѣмъ менѣе глубоко и широко ея проявленіе, тѣмъ болѣе проявленія ея дѣлаются единичными и исключительными. Тамъ же, гдѣ общинно-бытовыя основы достигаютъ полнаго, естественнаго развитія,—тамъ принципъ общинной помочи совершенно сливается съ общими общинными формами; нравственная доблесть становится обиходомъ, правомъ и обязанностью. Что это дѣйствительно такъ должно быть, мы уже видѣли на одномъ частномъ, характерномъ примѣрѣ.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что общинная помочь находится въ прямой и существенной зависимости и взаимодѣйствіи со всѣми другими общинно-бытовыми формами; слѣдовательно, изученіе однѣхъ немыслимо безъ изученія другой. По степени проявленія общинной помочи, по ея формамъ вы можете судить какъ о глубинѣ вообще общинныхъ „устоевъ“ въ данной мѣстности, такъ и о чистотѣ и первобытности другихъ общинно-бытовыхъ формъ. И наоборотъ. Изученіе же формы „общинной помочи“ представляетъ, кромѣ того, громадный интересъ и въ научно - соціологическомъ смыслѣ, какъ проявленіе коллективной нравственности. Изъ всего вышесказаннаго читатель можетъ видѣть, какого серьезнаго отношенія заслуживаетъ вопросъ о „помочахъ“. Между тѣмъ, въ той маленькой общинѣ, которая служитъ фономъ моихъ замѣтокъ, и въ тотъ незначительный моментъ, который я могъ посвятить ея наблюденію,

я могъ найти болѣе чѣмъ скудныя свѣдѣнія о практикѣ помочей. Мнѣ пришлось бы говорить о другихъ общинахъ, гдѣ я наблюдалъ формы помочей, и, такимъ образомъ, сойти съ разъ намѣченнаго пути. Такимъ образомъ, лучше и говорить объ этомъ тогда, когда мнѣ придется знакомить читателя съ „буднями" тѣхъ деревенскихъ общинъ, гдѣ практика помочей наиболѣе разностороння, или же посвятить этому предмету особый этюдъ. Я такъ и сдѣлаю. Здѣсь же ограничусь я только нѣсколькими бѣглыми замѣтками насчетъ изученія и наблюденія формъ общинныхъ помочей.

Стоитъ ли упоминать о томъ, что наши художники изъ „стороннихъ наблюдателей" и „свѣжихъ людей" никогда не посвящали своего вниманія этому явленію народной жизни? Бывали, впрочемъ, случаи, что художники сантиментальнаго направленія наталкивались на него. И, Боже мой, какая непроходимая пошлость выходила у нихъ! Достаточно сказать, что характернѣйшее, самобытное явленіе общинно-бытовыхъ народныхъ основъ являлось у нихъ въ формѣ невыразимо слащавой мужицкой филантропіи или религіозно-фарисейскаго ханжества!.. Но Богъ съ ними, съ этими „сочинителями!"...

„Общинная помощь", будучи прямымъ логическимъ слѣдствіемъ общинно-бытовыхъ основъ, идеалы которыхъ созданы народнымъ творчествомъ еще „на зарѣ цивилизаціи" и, какъ извѣстно, не однимъ *русскимъ* народомъ, общинная помочь, зарождаясь изъ самаго чистаго акта общинной жизни, каковъ *дѣлежъ продукта*, въ своемъ существенномъ содержаніи носитъ два элемента: соціально-экономическій, въ строгомъ смыслѣ слова, и этико-соціальный. Такое широкое внутреннее содержаніе „общинной помочи", само собой разумѣется, наиболѣе способствовало интенсивности вліянія на нее тѣхъ внѣшнихъ, анти-народныхъ воздѣйствій, подъ которыми росъ народъ въ теченіе тысячелѣтія. Вслѣдствіе этого, „общинная помочь" проявляется въ современной деревнѣ, во-первыхъ, въ чрезвычайномъ разнообразіи формъ, во-вторыхъ, самыя эти формы, въ очень многихъ случаяхъ, носятъ въ себѣ содержаніе, совершенно противное общинно-бытовому духу и народнымъ міровоззрѣніямъ. Дѣло въ томъ, что, благодаря двумъ, взаимно переплетающимся элементамъ „общинной помочи", соціально-экономическому и этико-соціальному, она давно уже сдѣлалась предметомъ эксплуатаціи, съ одной стороны, въ видахъ религіозной морали, съ другой—въ цѣляхъ чисто-экономическихъ. Первое придало „общинной помочи" форму нищенства и душеспасительной филантропіи, второе—скрытую юридическую форму „мошенничества-найма", въ видахъ наглой наживы. Между этими двумя крайними степенями двухъ элементовъ, гармонически соединяющихся въ истинно-народной „общинной помочи", заключается многообразный рядъ формъ общинныхъ помочей, въ которыхъ народное міровоззрѣніе болѣе или менѣе стушевано или изуродовано внѣшними, анти-народными вліяніями. Разобраться въ этомъ — первая и неотложная необходимость всякаго наблюдателя, чтобы, отрицая одно, не отрицать вмѣстѣ съ нимъ огуломъ другого.

Здѣсь, въ доказательство своихъ положеній, я только бѣгло пересчитаю нѣсколько видовъ „общинныхъ помочей", которыя мнѣ пришлось узнать въ разныхъ мѣстахъ и замѣтки о которыхъ имѣются теперь подъ руками. Я изложу ихъ хотя нѣсколько въ послѣдовательномъ порядкѣ:

1) Наиболѣе чистый и идеально-высокій, въ общинномъ смыслѣ, видъ народной помощи мы видѣли въ формѣ перехода жницъ съ своей полосы на полосу сосѣдокъ, въ Медвѣжьемъ углу, Владимірской губерніи (см. гл. IV). Въ этой формѣ помочи мы видѣли, что два существенные элемента народной помочи: этико-соціальный и соціально-экономическій, сливаются здѣсь гармонически не только между собою, но и со всѣмъ строемъ общинно-бытовой системы. Вы не можете сказать, гдѣ здѣсь начинается собственно нравственный элементъ и гдѣ кончается спеціально сельско-хозяйственный. Эта форма „общинной помощи", очевидно, очень близко стоитъ къ народному идеалу общинной помочи, вытекающему логически изъ общаго труда и общаго дѣлежа продукта.

2) Форма помочи по наряду. Въ селѣ Л. той же губерніи въ широкихъ размѣрахъ примѣняется эта форма помочи въ экстраординарныхъ, чрезвычайныхъ случаяхъ, каковыми были холерные годы. На всѣ полосы, принадлежавшія захваченнымъ эпидеміей въ страду крестьянамъ, міръ *выгонялъ по наряду бабъ* для уборки хлѣба. Недавно, въ одномъ дворѣ умерла хозяйка, а хозяинъ заболѣлъ, оставшись

только съ малолѣтними. Хозяинъ прохваралъ все лѣто. По наряду былъ убранъ весь хлѣбъ съ полей. Эта форма помочи мотивируется насколько этико-соціальными соображеніями, настолько же и сельскохозяйственными, такъ какъ общинная система земледѣлія не допускаетъ обработки полей *не вразъ*, и неубранная полоса мѣшаетъ общему ходу сельскохозяйственныхъ работъ. Эта форма—уже прямое слѣдствіе *системы передѣловъ*. (Здѣсь же, *помочь лошадьми*, въ случаѣ эпизоотіи.)

3) Общинная помочь при пожарахъ, наводненіяхъ и другихъ чрезвычайныхъ бѣдствіяхъ, дѣйствующихъ моментально. Въ Новгородской губерніи загорѣлась деревня въ то время, какъ весь взрослый народъ былъ въ далекомъ полѣ. Сосѣдняя деревня, отстоявшая на 5 верстъ, зная, что въ горѣвшей деревнѣ, кромѣ дѣтей и стариковъ, никого нѣтъ, всѣмъ міромъ бросилась на помощь, но успѣла отстоять только три двора. До прихода хозяевъ вся уже деревня сгорѣла. Помогавшая деревня приняла къ себѣ въ избы погорѣльцевъ и *по наряду* помогала имъ *возить лѣсъ и строить избы*. Эта форма помочи—чисто этико-соціальнаго характера.

4) Содержаніе круглыхъ сиротъ, увѣчныхъ, убогихъ и стариковъ. Первый видъ помочи имѣлъ случай наблюдать въ деревнѣ Михайловкѣ, Владимірской губерніи, а также имѣю свѣдѣнія изъ Рязанской губерніи. Село Л. содержитъ старика, у котораго умерли всѣ родные. Содержаніе идетъ „по наряду", отъ сосѣда къ сосѣду, назначаются „череда". Каждый дворъ прокармливаетъ въ продолженіе сутокъ, какъ пастуховъ. Иногда отводится помѣщеніе, если есть въ міру лишнее, или нанимается уголъ у какой-нибудь вдовы бобылки, или тоже кочуетъ изъ избы въ избу. Форма помочи такого же характера, какъ и предыдущая.

5) „Вдовья помочь", во многихъ мѣстахъ и въ разнообразныхъ видахъ: въ видѣ *отвода* усадебной земли подъ огородъ, отвода *барышковъ* на сѣнокосахъ и пашнѣ, отвода хворосту для топлива и возка его по наряду, выдѣлъ *пая* изъ продукта съ каждаго двора и проч., и проч.

6) „Тихая милостыня" — особый видъ вдовьей помочи преимущественно. Въ селѣ Л. вдова, оставшаяся съ трехлѣтнимъ сыномъ, выкормила и возрастила его тихой милостыней, *не ходя по міру*. Обыкновенно, неизвѣстно какъ, каждое утро приносятъ кто хлѣба, кто квасу, кто молока, яицъ и проч. Теперь уже мальчикъ ходитъ на заработки. Форма помочи съ преобладающимъ вліяніемъ религіозно-нравственнаго характера.

7) Товарищескія помочи при разнообразныхъ случаяхъ и во всѣхъ видахъ работъ: при стройкѣ, возкѣ навоза, косьбѣ, жнитвѣ. Помощь безъ угощенія. Характера соціально-экономическаго и этико-индивидуальнаго. Практикуется вездѣ.

8) Помощь сосѣдей съ угощеніемъ, *по признательности*. Чисто соціально-экономическаго характера. Практикуется тоже вездѣ. Въ особенности послѣ пожаровъ: возятъ лѣсъ, кирпичъ, известку... Если падетъ или заболѣетъ лошадь—то же.

9) Помощь сосѣдей съ *угощеніемъ по необходимости* („иначе не пойдутъ"), очень распространенная. Переходная форма къ явно эксплуататорскимъ формамъ.

10) Помочь съ *подарками и угощеніемъ*, практикуется кулаками, кабатчиками и проч. Наглый способъ вымогательства чужого труда. Подарками, служатъ, напримѣръ, линючіе платки дѣвкамъ, т.-е., попросту, заплатить ломаный грошъ за день труда.

11) Помочь, какъ особый *видъ найма*, выговариваемая при какомъ-либо условіи. Практикуется землевладѣльцами-помѣщиками и землевладѣльцами-кулаками при контрактахъ съ сосѣдними деревнями. Названіе *„помочь"* здѣсь такъ же нелѣпо, какъ названіе *артель* въ примѣненіи къ случайному скопу бѣдняковъ-рабочихъ въ рукахъ кулака-подрядчика.

12) Помощь духовенству. Мотивируется сколько религіозно-нравственными побужденіями, столько же и гастрономическими.

Этимъ бѣглымъ перечисленіемъ я здѣсь пока и ограничусь. Въ заключеніе же упомяну еще о нѣкоторыхъ своеобразныхъ явленіяхъ крестьянской жизни, непосредственно вытекающихъ изъ общинно-бытовыхъ основъ. Таковы—*заказные дни*; заказные праздники и заказныя работы; вообще, мірскіе заказы. Этимъ мірскимъ заказамъ, заказнымъ днямъ, не въ примѣръ прочему, очень посчастливилось или, скорѣе, не посчастливилось. Очень давно, очень настойчиво и вплоть до послѣдней минуты (только-что недавно прочелъ либеральный проектъ какого-то земства насчетъ заказныхъ праздниковъ)

разные интеллигентные опекуны—и либералы, и обскуранты—съ завиднымъ единодушіемъ посвящали этому явленію свое просвѣщенное вниманіе. Благородное негодованіе, которое изливали они по поводу этого „своевольнаго обычая“, было, поистинѣ, изумительно и... совершенно нелѣпо. Въ самомъ дѣлѣ, что такое хотя бы мірской заказъ въ извѣстный день не выходить въ поле? Право мужицкой общины самостоятельно и независимо распоряжаться своимъ трудомъ. Что можетъ возбудить въ этомъ правѣ (этомъ, поистинѣ, самомъ примитивномъ и естественномъ правѣ каждой общины) благородное негодованіе благородныхъ опекуновъ? Стѣсняется индивидуальная свобода членовъ, желающихъ *посвятить* этотъ день „святому труду“; очевидно, заказъ пріучаетъ къ лѣни и приводитъ къ упадку сельское хозяйство,—говорятъ обскуранты. Заказные праздники—результатъ суевѣрій и невѣжества, которыя заставляютъ проводить въ безпечности и лѣни дорогіе часы, долженствующіе быть посвященными святому труду,—говорятъ либералы. Какъ то, такъ и другое возраженія отличаются одинаково своеобразною послѣдовательностью, всегда отличавшей нашу интеллигенцію, когда она принималась опекать „младшихъ братьевъ“,—тою послѣдовательностью и проницательностью, результатомъ которой являлось всегда стрѣлянье изъ пушки по воробьямъ... Стоитъ ли опровергать эти возраженія, въ которыхъ сквозитъ одно невѣжество свѣжаго наблюдателя да крѣпостническіе позывы... „Заказъ“ — логическое слѣдствіе общинной системы; безъ „заказовъ“ она немыслима, какъ и всякая гармоническая и цѣльная система. Что-нибудь одно—или безпардонное laisser faire, laisser passer, или община. Если же „заказы“, въ формѣ такъ называемыхъ „заказныхъ праздниковъ“, иногда являются слѣдствіемъ эксплуатаціи религіознаго чувства, то, вѣдь, здѣсь для „благороднаго негодованія“ недостаточно показаній однихъ либеральныхъ „свѣжихъ“ и „свѣдущихъ“ людей, восклицающихъ: „Боже мой! Въ страду, въ такое нужное и тяжелое время—и столько праздниковъ!..“ Вѣдь, нужно точно опредѣлить, въ какихъ случаяхъ это—очевидная эксплуатація религіознаго чувства, и въ какихъ это — необходимое слѣдствіе общинной системы, *въ данныхъ условіяхъ* только прикрытое внѣшними религіозными формами. А это послѣднее бываетъ въ большинствѣ случаевъ. Нужно знать, что какъ многія народныя міровоззрѣнія, такъ и многія изъ обычно-общинныхъ проявленій носятъ внѣшнюю религіозную оболочку, въ особенности въ объясненіяхъ мужиковъ. Чтобы отдѣлить здѣсь одинъ элементъ отъ другого, надо быть очень строгимъ и проницательнымъ, чѣмъ интеллигентные опекуны никогда у насъ, однако, не отличались.

Въ нашей маленькой общинѣ я былъ свидѣтелемъ одного прехарактернаго схода по поводу „заказного праздника“. Вмѣсто всякихъ теоретическихъ препирательствъ съ гг. опекунами, я и приведу здѣсь цѣликомъ сцену этого схода. Изъ нея самъ читатель можетъ увидать, какими мотивами обусловливаются мірскіе заказы по объясненію самихъ крестьянъ.

Съ началомъ сѣнокосовъ наступила „настоящая“ страда. Послѣ мірского молебна дожди перепадали, однако, недолго. Настали снова жары. Хлѣбъ поспѣвалъ окончательно. На припекахъ холмовъ собирались боло жать, бросивъ сѣнокосъ. Однимъ словомъ, приходилось торопиться, приходилось напрягать силы, хотя бы сверхъ всякой физической возможности. Нельзя было потерять ни одного лишняго часа. И какъ сурово понималъ это крестьянинъ! Такъ понималъ, какъ даже въ отвлеченіи не понять поклонникамъ „святого труда“. Дѣйствительно, часу не пропало даромъ. Даже какъ-то жутко было смотрѣть со стороны на это неимовѣрное напряженіе; какъ-то было даже совѣстно думать о *своемъ* интеллигентномъ трудѣ въ этой сферѣ физическаго напряженія; совѣстно было выйти на улицу...

— Разгуляться вышелъ, Николай Николаичъ? — добродушно спрашиваетъ какой-нибудь мірянинъ съ грязнымъ, запотѣлымъ и утомленнымъ лицомъ.

И, вѣдь, совѣстно признаться, что своимъ относительнымъ досугомъ мозолишь деревнѣ глаза. Навѣрно, не одинъ изъ этихъ „добродушныхъ“ міряпъ завистливо ругнулъ меня въ душѣ „крѣпкимъ“ словомъ. Тяжело, господа, быть культурному человѣку среди деревенской страды. Вы чувствуете, какъ масса чужого труда и напряженія гнететъ васъ, душитъ... Всякія идилліи на деревенской улицѣ исчезли, всякіе „пріятные“ разговоры прекратились...

Были Петровки въ исходѣ. Мужики вставали въ два-три часа ночи, раньше одиннадцати не ложились. Только въ са-

мые жаркіе полдни часъ или полтора отдыхали, приткнувшись, гдѣ кому пришлось: кто подъ телѣгой, подъ деревомъ, около копны, кто у себя на дворѣ, прямо на землѣ... А ѣли какъ! Заглянулъ я къ своимъ хозяевамъ во время обѣда: наскоро накрошенная тюря съ квасомъ и лукомъ и каша. Больше ничего. Картофель еще не поспѣлъ, огурцы тоже. Молоко берегутъ для мясоѣда—на масло и творогъ. А у другихъ и этого нѣтъ... У другихъ нехватило до страды ни крупы, ни муки... Часто вернется мужикъ съ поля измученный, надо бѣжать или къ сосѣду, или ѣхать въ сосѣднюю деревню перезанять мѣшокъ муки до новой, хотя бы на кусокъ чернаго хлѣба, а то и этого нѣтъ!.. А тутъ, чтобы успѣть убраться съ хлѣбомъ, надо принанять бобылку-вдову или безземельнаго мужика: ихъ надо кормить; мало этого — надо денегъ достать, такъ какъ безземельный мужикъ только и работаетъ изъ того, чтобы брать впередъ деньги на выпивку... А какая великая эта вещь въ страду—выпивка.

— Дѣдушка? не хочешь ли выпить стаканчикъ? предлагалъ я дѣдушкѣ Матвѣю, когда возвращался онъ вечеромъ домой.

— Ну, вотъ!.. Что ужъ тутъ спрашивать? Спрашивать тутъ не о чемъ!

— Ты вотъ этого чувствовать не можешь,—говоритъ онъ, выпивъ стаканъ:— что это такое для мужика водка-то!.. Вотъ видишь: отсюда вонъ, отъ груди, по всѣмъ жиламъ—вплоть вотъ до сихъ мѣстъ (и дѣдъ Матвѣй наклонялся и показывалъ на большой палецъ ноги), до сихъ мѣстъ вотъ ровно огнемъ прошла... Оживила!..

И какъ же, однако, уставалъ этотъ семидесятилѣтній старикъ! А никогда не придетъ раньше, не встанетъ позже другого! Только сердитъ сталъ, раздражителенъ... Чаще ругается съ невѣсткой и сыномъ. А Вася... Врѣзалась у меня въ памяти такая сцена. Было уже часовъ десять. Стало темно. Во многихъ избахъ пили чай (крестьяне очень любятъ пить чай послѣ работъ, у кого онъ есть, конечно; они говорятъ: онъ подкрѣпляетъ). Я вышелъ на улицу. Наши только что вернулись съ поля. Подходитъ ко мнѣ Вася: ноги едва волочитъ, рученки повисли, глаза смотрятъ мутно, утомленно. Онъ крякнулъ (и какъ крякнулъ— словно старикъ!) и сѣлъ рядомъ со мной. Сѣлъ и словно замеръ.

— Усталъ, Вася?

Онъ не отвѣчалъ, только лѣниво улыбнулся...

— Дождичка бы теперь, — вздохнулъ онъ, смотря въ небо,—хошь бы на полдня...

— Зачѣмъ же, Вася?

— Народъ бы вздохнулъ... Не пошли бы на луга...

— А если не будетъ?

— Не будетъ—нельзя не итти, нужно итти...

А по ночамъ я постоянно слыхалъ, какъ онъ бредилъ; бредилъ тоскливо: все плакалъ и стоналъ...

— Послѣзавтра воскресенье, Вася,— утѣшилъ было я его.

— Въ воскресенье у насъ помочь у Гусарихи, до обѣда.

Въ воскресенье, точно, была помочь до полудня. Послѣ полудня мужики легли спать. А вечеромъ былъ собранъ сходъ. Назавтра былъ какой-то небольшой церковный праздникъ.

— Завтра не работать,—сказалъ кто-то на сходѣ:—надо почтить... Тоже ничѣмъ не благодарили... Тогда помолились, анъ и дождичка Господь далъ... А мы хошь бы что въ благодарность!..

— Конечно, не работать... Вздохнуть надо... Жара!

— Мало вамъ было нонѣшняго-то дня,—замѣтилъ тотъ богатѣй-старовѣръ, старый холостякъ, который на сѣнокосѣ ругался съ Сохой.

— Тебѣ было много! У тебя спина-то крѣпка за батраками-то!... — накинулись на него мужики.—Алшное твое отродье!.. Поблагодари хоть разъ Бога-то... Войди въ совѣсть!

— Нечего меня учить Богу-то молиться... Еще я почаще вашего къ нему припадаю!.. А вотъ назавтра я въ луга выѣду.

— Не смѣешь!..Какъ выѣдешь? Какъ ты посмѣешь, коли міръ хочетъ праздникъ заказать!

— А такъ и выѣду!.. Мало ли вамъ что, дуракамъ, захочется!

— А вотъ, что захочется, того и слушайся... Вотъ тебѣ и сказъ... А выѣдешь— передки у телѣги снимемъ, да четверть на міръ купимъ... Понимаешь?

— Непремѣнно, передки...

— Ты уже разъ ученъ былъ, пустая твоя башка! Али тебя наука-то не пронимаетъ, жадное твое сердце!..

— Не смѣешь!

— Анъ смѣемъ... Попробуй!.. Сдѣлай

милость! Ха-ха-ха... Она бы намъ, четвертуха-то, куда какъ теперь кстати!.. Пожалуйста, услужи міру!.. Слезно просимъ—выѣзжай въ луга...

Посыпались остроты; раздался хохотъ...

— Постой, погоди, братцы, — заговорилъ другой богатѣй мясникъ Козловъ.— Къ чему человѣка стѣснять? Пущай коситъ... Кто хочетъ—отдыхай, а кто хочетъ—пущай робитъ!..

— Робитъ! Робитъ!—зашумѣли на міру, — да кто у васъ робитъ? Батраки робятъ!.. Кто самъ робитъ, у того спина „заказъ" дѣлаетъ! Робитъ! Вишь, драть бы васъ на шестъ, какіе смутьяны завелись!.. Приговоръ былъ, чтобы *по косѣ* выходить... Кто не по косѣ, по своевольству, съ того рубль штрафу!.. Слышали? Отъ дѣдовъ еще это идетъ... Что за уставы!.. Алшные черти... Корысть загрызла!.. Брюха повырастили на чужой-то работѣ!

— Ты брюхами-то не кори! Тебѣ никто не заказываетъ брюхо-то растить... Расти, коли умъ есть...

— А мы заказываемъ! Вотъ тебѣ и шабашъ!..

— Почему такъ? У меня теперь рабочіе ждутъ, я имъ плачу, харчи идутъ...

— И плати!.. А выходить не смѣешь, своевольствовать не позволятъ,—шумѣли мужики. — Кто тебя знаетъ, сколько ты тамъ накосишь, да чужихъ полосъ нажнешь!.. Вѣрно!.. Что за порядокъ будетъ, ежели каждый своевольничать пойдетъ!.. Тогда и міръ совсѣмъ рушь... Конечно, рушь!.. И теперь богатѣи на міръ плюютъ, а тогда что будетъ!.. Никакого сладу не будетъ, никакого порядку!.. Нѣтъ васъ, дьяволовъ, штрафами-то хорошенько надо доѣхать... Избаловались вы на чужомъ-то трудѣ...

— Нечего меня чужимъ трудомъ корить!.. Это ко мнѣ Господнее снисхожденіе за умъ мой, да за правоту, за усердіе. Я не причина, что вамъ, пропойцамъ да лежебокамъ, все не въ прокъ идетъ!.. Надѣлайте побольше „заказовъ"—и совсѣмъ управляться не станете. Что Богъ не уроди, все въ полѣ сгноите.

— Да когда мы сгноили-то?... Когда? Ты у себя въ амбарахъ-то даръ Божій гноишь, а не мы! Когда мы не управлялись? Хуже мы тебя, что ли, знаемъ, али намъ дешевле твоего хлѣба-то стоитъ!.. Міроѣдъ!

— А вотъ посмотримъ... Коли такъ, никто ко мнѣ за зерномъ, али мукой не ходи! Шабашъ! Заказываю! Оглоблей отъ воротъ буду гонять,—рѣшилъ старовѣръ.

— А дьяволъ съ тобой, и то сказать!—зашумѣлъ міръ:—и лучше... Ты, идолъ, и то насъ опуталъ!.. А завтра выѣзжай, сдѣлай милость!... Намъ очень будетъ пріятно... Неравно, за передки-то полведра намъ дадутъ... Сдѣлай милость! Удружи!

— Ну, ладно же!—озлобился старовѣръ и ушелъ со сходки.

— Ладно!.. Коли что не ладно — конешно, ладно! На міру, братъ, все ладно должно быть!.. Вотъ что!.. Экое своевольство проявилось! Господи!.. Да это хошь не живи по-людски... Такъ вотъ, одно остается — огородиться всѣмъ отъ каждаго конурами, да и жить по-собачьи... Одно остается!.. Конешно одно! Такой народъ повелся... Сладу въ міру никакого не стало: ни тѣ Бога не помнятъ, ни тѣ къ міру уваженія нѣтъ... Все въ своевольство пошло, все въ особицу...

Долго еще волновался разобиженный міръ.

— Эй, дѣдушка! Ступай—объявляй на завтра заказъ не работать, — наконецъ сказали на міру дѣду Матвѣю.

Дѣдъ Матвѣй съ своей обычной липовой тростинкой отправился по избамъ и сталъ стучать въ окна: „Праздникъ завтра. Не работать!.. Заказной праздникъ!.. Праздникъ завтра!.. Въ поля не выходить!"—покрикивалъ онъ у каждой избы.

На улицѣ стало веселѣе. Деревня какъ будто вздохнула. Встрѣтилъ Васю.

— Слава-те Господи! Дай Богъ старикамъ добраго здоровья! — сказалъ онъ такъ солидно, какъ взрослый мужикъ. А развѣ онъ не имѣлъ права на эту „солидность"?..

Затѣмъ изъ явленій, непосредственно вытекающихъ изъ общиннаго владѣнія и, конечно, составляющихъ логическое слѣдствіе общинно-бытовыхъ народныхъ основъ, мнѣ остается упомянуть о нѣкоторыхъ видахъ кооперативнаго труда въ современной деревнѣ, каковы: „сельско-хозяйственныя артели, товарищества, компаніи", въ послѣднее время, время всевозможныхъ компромиссовъ, очень значительно распространяющихся среди крестьянъ. Читателю, конечно, хорошо знакома та форма народныхъ трудовыхъ коопераціи, которая извѣстна подъ именемъ *артелей* (артелей, конечно, самостоятельныхъ), имѣющихъ такое широкое приложеніе въ отхожихъ промыслахъ.

Вопросъ объ этихъ артеляхъ разработанъ у насъ, сравнительно, болѣе другихъ. Но собственно на „деревенскія“ коопераціи мало было обращено вниманія, очень можетъ быть потому, что наиболѣе опредѣленныя формы ихъ зародились только недавно. Въ сущности, кооперативная форма труда всегда составляла неизбѣжный элементъ общины. Только здѣсь необходимо строго различать границы, въ которыхъ кооперація служитъ *подспорьемъ* общинѣ и за которыми она уже можетъ явиться, какъ элементъ дезорганизаціи общинности. Это можно легко прослѣдить въ современныхъ деревенскихъ будняхъ.

Выше мы привели въ высшей степени любопытную обычно-общинную форму, существующую, среди другихъ, въ селѣ Л.; именно—передѣлъ *вытями*, составляющимися *по-мілу*. Очевидно эти выти, составляющіяся *по-мілу* и есть, въ сущности, небольшія трудовыя коопераціи, на которыя, для удобства сельскохозяйственныхъ работъ, и разбивается вся община. Затѣмъ, каждая *выть*, каждая кооперація ведетъ работы уже самостоятельно, *общими силами*, *общими орудіями, и результаты труда—продуктъ—дѣлитъ сообща, равномѣрно, между своими членами*. Въ этомъ случаѣ, кооперація труда вполнѣ естественна и законна, какъ необходимый элементъ общины. Съ тѣхъ поръ, какъ патріархальная кооперація труда въ формѣ артели-семьи, подъ главенствомъ, иногда очень тяжелымъ, основаннымъ на правѣ родства, а не свободнаго выбора, все болѣе и болѣе исчезаетъ путемъ семейныхъ раздѣловъ, кооперація труда *„по-мілу, кто кому любъ“*, въ формѣ свободной артели, все сильнѣе и сильнѣе распространяется и укрѣпляется среди крестьянъ.

При недостаткѣ, вообще, общинной земли, а въ особенности въ такихъ общинахъ, какъ село Л., которыя имѣютъ „нищенскій надѣлъ“ въ $1^1/_4$ десятины, эти товарищескія коопераціи являются уже, какъ компромиссъ общинныхъ началъ, поставленныхъ въ невозможность дѣйствовать въ полномъ объемѣ. Такъ, напримѣръ, село Л. имѣетъ чрезвычайно мало земли, и, между тѣмъ, негдѣ взять земли, ни купить, ни арендовать и на сторонѣ въ потребномъ количествѣ для *всей* общины; притомъ же, еслибы это и было возможно, половина общины, при своихъ скудныхъ средствахъ, не вынесла бы арендной платы. Здѣсь-то и выступаютъ на сцену товарищескія коопераціи: *Выти*, болѣе сильныя и состоятельныя, самостоятельно снимаютъ *въ аренду* поля и луга у сосѣднихъ владѣльцевъ и обрабатываютъ ихъ такъ же и на тѣхъ же принципахъ, какъ и общинную землю. Или же составляются свободныя товарищества просто изъ людей, болѣе состоятельныхъ, для той же цѣли. Или же, наконецъ, кто-нибудь одинъ беретъ на себя всю аренду, а затѣмъ уже принимаетъ товарищей.

Эти формы товарищескихъ кооперацій, какъ видитъ читатель, безъ всякаго сомнѣнія, очень ярко заявляютъ какъ о живучести общинныхъ началъ въ народѣ, такъ и о той жизненности и эластичности ихъ формъ, съ которою онѣ примѣняются ко всевозможнымъ условіямъ, но, въ то же время, онѣ, выходя изъ границъ цѣлой общины, представляются, какъ компромиссъ, явленіемъ далеко не отраднымъ. Такъ, въ послѣднихъ, приведенныхъ мною формахъ, эти товарищескія коопераціи вносятъ въ общину духъ дезорганизаціи, усиливая благосостояніе и безъ того болѣе сильныхъ членовъ общины и оставляя совершенно безпомощными и безъ того болѣе слабыхъ...

Въ ямской общинѣ я встрѣтилъ одно такое товарищество (помимо промышленныхъ; у нихъ этихъ было много, какъ у серповниковъ). Составилъ его сынъ дѣда Матвѣя — Якимъ Матвѣичъ. Бывши въ городѣ, онъ узналъ, что одинъ мѣщанинъ сдаетъ въ аренду *пожню*, прилегающую къ пожнѣ ямскихъ крестьянъ, сдаетъ изъ двухъ пятыхъ, т.-е. два стога ему, а три — работникамъ. Якимъ пришелъ въ деревню и заявилъ: кто желаетъ войти съ нимъ въ компанію по съемкѣ луга? Выбрался Павелъ Гордѣевъ съ сыномъ, да двоюродный братъ Якима. Изъ нихъ болѣе состоятельнымъ былъ Павелъ Гордѣевъ. Семья же Якима была не только, какъ мы знаемъ, не состоятельна, но и „сильной“ не могла считаться. А братъ Якима и совсѣмъ былъ одинъ съ женой, Поэтому, Якимъ взялъ луга больше въ силу своей городской юркости и все изъ того же, рѣдко не сопутствующаго мужицкой жизни, желанія „перехватить лишнюю копейку къ хозяйству“, хотя бы эта лишняя копейка облилась уже не потомъ, а собственною кровью... Мы видѣли уже, какого напряженія достигъ страдный трудъ въ ямской общинѣ. А тутъ Якимъ еще „компанію“ заводитъ!

Дѣдъ Матвѣй, какъ ни хвалился своимъ „умственнымъ сыномъ“, какъ ни умилялся передъ его „юркостью, изворотливостью и лютостью въ работѣ“, однако, сталъ сильно ворчать и ругаться, когда все дѣло чуть не вышло изъ рукъ—и *свое*, и *стороннее*... Надъ Якимомъ даже міръ сталъ подтрунивать, глядя, какъ онъ, какъ сумасшедшій, перебѣгаетъ съ своихъ луговъ на арендные и обратно... „Больно юрокъ! Всего на свѣтѣ не охватишь!.. Всему тоже предѣлъ есть!“—говорили. Но Якимъ-таки изловчился, и въ этомъ ему помогли... кто бы, думали вы? Турки, плевненскіе турки... Якимъ, какъ городской человѣкъ, скоро сообразилъ, что въ городѣ шляются бездѣльные турки, набрасывающіеся на всякую работу. Онъ—въ городъ, и привелъ троихъ турокъ косить. Платилъ имъ по 25—30 к. за день. Турки оказались, къ удивленію и удовольствію ямской общины, народъ и здоровый, сильный, и работящій, и ловкій, а притомъ и вовсе не страшный, а общительный и даже веселый. Деревня ходила смотрѣть, какъ у Якима турки косятъ. Оказались — косцы молодцы. Мужики сообразили—и тоже въ городъ. И скоро наша деревня приняла видъ болгарскихъ деревень смѣшаннаго славянско-турецкаго населенія. Крестьяне сначала было призадумались—какъ имъ кормить *поганыхъ* турокъ: бить послѣ нихъ или не бить посуду, пускать въ избу за столъ или не пускать. Въ особенности, въ этомъ направленіи смущалъ ихъ одинъ раскольникъ. Но, черезъ два же дня, турки такъ увлекли нашихъ крестьянъ своею „любезностью“, ловкостью и прилежаніемъ къ работѣ, честностью и нетребовательностью, что я уже видѣлъ, какъ Якимъ и другіе мужики обѣдали вмѣстѣ, послѣ работъ. Турокъ сажали подъ образа и вели съ ними разлюбезныя бесѣды (изъ турокъ было немало говорившихъ, хотя и плохо, по-русски), такъ какъ турки оказались большими остряками. Турокъ же пригласили и на жнитво. И опять турки оказались молодцы: „самой ловкой бабѣ не уступятъ“, — говорили мужики. Въ концѣ-концовъ, деревня очень любезно распростилась съ турками: и та, и другая сторона остались вполнѣ довольными другъ другомъ. „Молодцы! народъ работящій — даромъ что нехристи!.. Да, вѣдь, что жъ?—такіе же мужики они у себя-то тамъ!“ —говорили мнѣ послѣ крестьяне. Судя по корреспонденціямъ изъ Турціи, видно, что и возвратившіеся плѣнные насчетъ похвалы русскимъ мужикамъ въ долгу не остаются... Трудовая масса народа всегда признательна, такъ какъ основа ея трудовой жизни—братство, а не вражда.

ГЛАВА X.

«Новыя птицы—новыя пѣсни».

Въ предыдущихъ главахъ моего „дневника“ я старался познакомить васъ съ буднями одной маленькой деревенской общины собственно только съ одной стороны, именно со стороны исключительно общинно-бытовыхъ формъ, да и эти послѣднія только въ сферѣ земельныхъ отношеній. Такимъ образомъ, я какъ-будто изолировалъ извѣстный разрядъ явленій среди другихъ, вслѣдствіе чего мои наблюденія приняли, будто бы, по замѣчанію нѣкоторыхъ рецензентовъ, отпечатокъ преднамѣренности. Можетъ быть, это отчасти и справедливо, но только уже никакъ не въ смыслѣ преднамѣренности. Это сдѣлалось какъ-то само собой. Начиная писать первую главу, я имѣлъ въ виду одну цѣль: день за днемъ, фактъ за фактомъ, передать читателю все, что я видѣлъ и слышалъ, живя въ ямской общинѣ. Но со второй же главы такой пріемъ оказался далеко неудобнымъ. Въ виду той „злобы дня“, того интереса, который возбужденъ въ обществѣ къ изученію спеціально общинныхъ формъ быта, являлась потребность яснѣе, отчетливѣе, опредѣленнѣе выяснить вопросы, касающіеся именно этой стороны крестьянскихъ будней. Это же возможно сдѣлать только именно при нѣкоторомъ отвлеченіи этихъ явленій отъ массы другихъ, которыми полна жизнь деревенскихъ будней, каковы—сферы семейныхъ, религіозныхъ, юридическихъ, индивидуально-нравственныхъ и умственныхъ отношеній и интересовъ. Врядъ ли отсюда можно заключить, что я игнорирую эти явленія въ какихъ-нибудь особенныхъ цѣляхъ, а не въ виду исключительно ясности и опредѣленности изложенія, а тѣмъ болѣе обвинять меня въ желаніи преднамѣренно находить въ деревнѣ то, что я уже раньше предполагалъ найти. Думаю, что это несправедливо.

Будни такой маленькой деревенской общины, какова деревня Ямы, какъ нельзя болѣе, по моему мнѣнію, оказались удобной канвой для ознакомленія читателей съ самыми простыми, элементарными осно-

вами общинно-бытовыхъ отношеній. Эта деревня живетъ пока еще очень несложною жизнью,—жизнью, сравнительно, довольно изолированною какъ отъ своихъ сосѣдокъ, такъ и отъ вліяній городской цивилизаціи. Она была незнакома и съ барщиной, незнакома, значитъ, и съ тѣми крутыми переворотами въ крестьянской жизни, которые испытали на себѣ деревни крѣпостныя. Все это не могло не отразиться на ней извѣстными результатами; таково, напримѣръ, то, что она сохранила въ значительной степени равноправность своихъ членовъ, большее, сравнительно, экономическое равенство въ собственной средѣ и, наконецъ, большую независимость, сравнительно, отъ вліяній чисто-экономическаго свойства: какъ издавна она обработывала землю и посылала свободныхъ своихъ членовъ на „свободные" промыслы, напримѣръ, въ серповники, такъ продолжаетъ жить и теперь. Ни фабрики, ни крайнее безземелье, ни отрыжка барщинной забитости и приниженія не гонятъ ее, по крайней мѣрѣ, теперь настоятельнѣйшимъ образомъ во всезахватывающія жадныя лапы экономической кабалы. Мужикъ ея вполнѣ могъ сказать про себя: „неуѣжно, да улежно".

— Хоша мы и нивѣсть какъ богато живемъ, тоже съ хлѣба на квасъ перебиваемся,—говорятъ про себя ямцы,—да у себя сами себѣ господа!—И это справедливо. Если общій строй „двуличной" современной жизни не могъ, конечно, не отразиться и на ней извѣстнымъ развращающимъ образомъ, не могъ не внести извѣстной доли дисгармоніи въ ея общинный бытъ, не могъ не сбить ея правильнаго теченія на путь всевозможныхъ компромиссовъ, то вліяніе его не было еще настолько велико, чтобы образовать въ самомъ сердцѣ этой небольшой общины кабальную зависимость ея членовъ другъ отъ друга. Несмотря на то, что въ ней, какъ мы говорили, есть „красная" и „холодная" сторона деревенской улицы, есть и крайнія степени экономическаго неравенства, какъ, напримѣръ, съ одной стороны, коммерсанты, сидящіе на капиталахъ, съ другой—бѣдствующая Гусариха, тѣмъ не менѣе въ ямской общинѣ нѣтъ еще ни кулачества, ни міроѣдства, по крайней мѣрѣ, въ рѣзкихъ формахъ вліяющія на мірскіе распорядки и сходы. Вотъ почему ея общинно-бытовый строй наиболѣе типиченъ для ознакомленія съ основными формами и мотивами, на которыхъ стоитъ и которыми движется жизнь современной *средней* деревни. Изолированная до извѣстной степени отъ крайнихъ проявленій вліянія крѣпостного права и барщины съ одной стороны и крайняго экономическаго гнета современнаго строя съ другой,—она тѣмъ яснѣе и рельефнѣе отражаетъ на себѣ вліяніе *общихъ* воздѣйствій на деревенскую общину какъ историческаго прошлаго, такъ и современнаго строя. Мы видѣли, какъ отзываются результаты этихъ воздѣйствій въ самой несложной, элементарной формѣ общинныхъ отношеній. Надѣюсь, достаточно уяснилась для читателя на будняхъ ямской общины какъ сущность основныхъ обычно-бытовыхъ формъ, такъ и сложная сѣть тѣхъ отклоненій, компромиссовъ и непримиримыхъ противорѣчій, въ которую заткали ихъ общія историческія вліянія и изъ которой приходится постоянно выпутываться общинѣ, конечно, не безъ большого ущерба для чистоты приложенія своихъ исконныхъ идеаловъ.

Въ предыдущихъ главахъ, для подкрѣпленія нѣкоторыхъ общихъ выводовъ, не разъ приходилось намъ ссылаться на факты изъ будней другихъ деревенскихъ общинъ, въ которыхъ формы общинно-бытовыхъ отношеній значительно сложнѣе, а сфера внѣшнихъ вліяній и воздѣйствій шире и многостороннѣе. Къ описанію будней одной изъ такихъ общинъ я и намѣренъ приступить теперь. Познакомившись съ такой несложной конструкціей общины, какова въ деревнѣ Ямы, намъ уже будетъ теперь значительно легче и удобнѣе оріентироваться въ сферѣ болѣе сложныхъ общинныхъ отношеній. Здѣсь мы еще ближе познакомимся съ тою запутанною и хитрою сѣтью стороннихъ вліяній, которая опутываетъ цѣликомъ крестьянина, лишаетъ его свѣта Божьяго, лишаетъ возможности ступать твердо и самостоятельно, измѣняетъ его умонастроеніе, губитъ его традиціи, затуманиваетъ исконные идеалы и неуклонно влечетъ куда-то... Всему есть границы: не безгранична и народная выносливость.

Покинемъ же пока деревню Ямы и перенесемся въ село Верхніе и Нижніе Лопухи. x)

Прежде всего, здѣсь уже далеко не такая деревенская чушь и глушь, въ которой засѣла деревня Ямы, окруженная болотами и лѣсами. Въ водополь, напримѣръ, эта глушь на цѣлый мѣсяцъ дѣ-

x) Лемешки.

лается совершенно невозможною ни для какого рода сообщеній съ округой и городомъ—ни пѣшкомъ, ни верхомъ и тѣмъ менѣе въ телѣгахъ. А если настоятельная нужда заставляетъ во что бы ни стало побороть такъ или иначе эту непроходимую глушь и пробраться сквозь нее на свѣтъ Божій, то такой подвигъ является всегда очень рискованнымъ и врядъ ли проходитъ даромъ подвижнику. Недавно, напримѣръ, въ Ямахъ умеръ священникъ; путешествуя въ концѣ марта съ требой, онъ простудился, можетъ быть, окунувшись гдѣ-нибудь по поясъ въ полынью; но простуда все же была легкая, и перенести ее было тѣмъ легче, что священникъ былъ человѣкъ въ полной силѣ. Однако, черезъ двѣ недѣли онъ умеръ воспаленіемъ легкихъ, умеръ потому, что кругомъ не было никакихъ средствъ, помоги, кромѣ услужливыхъ совѣтовъ знахарокъ. Имѣя въ разстояніи трехъ-четырехъ часовъ ѣзды городъ, не было никакой возможности обратиться къ медицинской помощи—и человѣкъ умеръ, хотя люди компетентные говорятъ, что при ничтожной медицинской помощи „все бы какъ рукой сняло". И въ такой безпомощности умеръ священникъ, человѣкъ состоятельный, который не постоялъ бы, конечно, ни за чѣмъ, чтобы достать врача. Въ какой же безпомощности суждено умирать его бѣдной паствѣ! Такова глушь въ разстояніи всего 15 — 20 верстъ отъ губернскаго города!

Совсѣмъ другое дѣло было въ Верхнихъ и Нижнихъ Лопухахъ. Современная россійская цивилизація такъ и била въ глаза, куда ни обернись. Мѣстность, на которой расположены Лопухи, была открытая, возвышенная; въ то время, какъ надъ Ямами и ея глухими сосѣдками-деревнями царила на 15 верстъ въ окружности одна только колоколня погоста,— здѣсь со всѣхъ сторонъ, въ двухъ-трехъ верстахъ одна отъ другой, мелькали большія бѣлыя сельскія церкви. Уже по этому одному можно было заключить, что поселились здѣсь не старинныя убогія деревеньки, а большія, густонаселенныя села. Дѣйствительно, все плоскогорье было усѣяно этими селами, въ самомъ маломъ изъ которыхъ считалось болѣе 200 душъ, а иныя считали до 800... И какъ весело было смотрѣть, въ особенности издали, съ высокой горы, на это плоскогорье, у подошвы котораго ярко блестѣли на солнцѣ хотя и небольшія, но полныя и красивыя рѣки, а вдоль прорѣзывали его и въ самомъ центрѣ пересѣкались шоссе и желѣзная дорога, съ своими картинными, игрушечными новыми станціонными домиками, будками и шлагбаумами! А какъ красиво смотрѣли эти раскинутыя села съ своими бѣлыми церквами и разноцвѣтными избами-хоромами, крытыми ярко-зелеными желѣзными крышами! И какъ много, однако, этихъ избъ-хоромъ! Ихъ тамъ много, а яркая зелень крышъ такъ нахально рѣжетъ глаза, что изъ-за нихъ совершенно незамѣтно бѣдныхъ, захудалыхъ, крытыхъ соломой избенокъ, такъ же незамѣтно, какъ незамѣтны за этими богатыми раскинутыми селами маленькія деревни, которыя совсѣмъ сбѣжали въ лощину и ютятся по бокамъ плоскогорья. Но нѣтъ, этого мало... Взгляните вы на эту мѣстность въ свѣтлое прозрачное утро какого-нибудь большого праздника, вотъ тутъ посмотрите какіе пестрые, яркіе узоры рисуетъ цивилизація на нашей захудалой, „рукосуйной" деревнѣ!.. Весь воздухъ переполненъ густымъ, переплетающимся гулкимъ звономъ массивныхъ колоколовъ, которыхъ каждый ударъ подхватываетъ эхо и наполняетъ окрестность слегка колеблющимися волнами воздуха... Въ особенности мощно гудитъ колоколъ богатаго мужского монастыря при селѣ Добролюбовѣ. Сюда-то, видимо, стекается со всѣхъ окрестныхъ дорогъ благочестивое населеніе ближайшихъ селъ, все шоссе запестрѣло группами бабъ и мужиковъ; на бабахъ пестрыя ярко-цвѣтныя шумящія ситцевыя, шерстяныя и шелковыя платья, свѣтлые, на высокихъ каблукахъ и мѣдныхъ подковахъ, полусапожки, шерстяные или шелковые платки на головахъ; на мужикахъ суконныя поддевки, драповые пиджаки, красныя шитыя гарусомъ, кумачныя и шелковыя рубахи, глянцевитые сапоги и бархатные жилеты, съ распущенными на нихъ часовыми цѣпочками. Гдѣ же вы, классическіе липовый лапоть и китайчатый сарафанъ! Увы!—ихъ едва можно примѣтить, и то изрѣдка, въ этой массѣ пестрыхъ рѣжущихъ глазъ цвѣтовъ. Этотъ лапоть не показывается здѣсь, потому засмѣютъ его, со свѣту сживутъ насмѣшками его, добродушнаго страстотерпца,—и мирно сидитъ онъ и одиноко молится гдѣ-нибудь въ ветхой избенкѣ, затерявшейся въ оврагѣ, подъ подошвой богатаго села, или безобразно и дико пьетъ въ кабакѣ отверженный глубокимъ презрѣніемъ и этой толпы, и даже самого

кабатчика... А что насчетъ сарафана, такъ вы въ этой же толпѣ услышите тысячу разъ такого рода разговоры: „Вотъ оно дѣло-то: мы—за барами, а баре—за нами! У насъ попѣ за китайчатый сарафанъ-то съ улицы сживутъ, потому—что такое китайка? Такъ, одно только убожество: ни красоты, ни цвѣта... А барыни китайчатые сарафаны понадѣли! Такъ ужъ, красоту понимать перестали! Не настоящіе попѣ господа!“ — презрительно разсуждаетъ добролюбовская „дама“ по поводу барышень-патріотокъ...

Но это еще только „толпа“, „пѣшеходы“. Скоро начинаютъ перегонять ихъ легкіе „купецкіе тарантасики“, прекрасные, рослые жеребцы въ городской сбруѣ и даже „шарабанчики“ съ плетеными задками, на лежачихъ рессорахъ... А въ этихъ „шарабанчикахъ“ сидятъ гордые, надменные супруги, уже вполнѣ въ городской одеждѣ, впрочемъ, безъ шляпъ: супругъ въ сюртукѣ или пиджакѣ, супруга въ „платочкѣ“ и дорогой шали или бурнусѣ. Но встрѣчаются и „по старинѣ“ — больше, впрочемъ, мужчины—въ суконныхъ халатахъ и длинныхъ поддевкахъ... „Купцы, настоящіе купцы живутъ въ нашихъ селахъ!“ хвалятся мѣстные обитатели... Но и эта масса пестраго, разряженнаго народа — не купцы, и эти „супруги“ въ шарабанчикахъ — не купцы; все это мѣстные крестьяне, „мужички“, и даже не „мужички-собственнички“, а общинники, „обчественные люди“... Не хотите ли познакомиться съ ними? Остановимъ вотъ первый попавшійся шарабанчикъ.

— Мардарію Варсанофьичу! Поликарпу Мардарьевичу! Фелисатѣ Кондратьевнѣ—здравія желаемъ!—обращаемся мы къ шарабанчику, въ которомъ сидятъ три „персоны“: „тятенька“—худой, высокій мужикъ, сохранившій еще на лицѣ глубокія борозды и жилистую, костлявую структуру отъ тѣхъ былыхъ временъ, когда самъ онъ ходилъ въ лаптяхъ и по 15-ти часовъ въ сутки тесалъ дикій и бѣлый камень; „маменька“ (а то даже и „мамаша“)—типъ не той толстой, мягкой, разсыпчатой купчихи, взлелѣявшей свое тѣло „сынзмалѣтства“ въ пуховикахъ и лѣни, а какой-то грубоватой, неуклюжей дебелости и толщины, въ родѣ той, которою награждаетъ водянка худого и жилистаго человѣка. Очевидна и здѣсь печать былой суровой, рабочей жизни. А вотъ, наконецъ, и самъ „молодецъ“, ловко примостившись сбоку шарабанчика, покачивается на облучкѣ. Онъ толстъ, мясистъ, кровь съ молокомъ; румянецъ заливаетъ его пухлое лицо и пробивается даже сквозь жидковатую мягкую бѣлую бородку.

— Здравствуйте, господинъ!—отвѣчаютъ „тятенька“ и молодецъ, ловко приподнимая надъ головой фуражки и снова плотно насаживая ихъ на пропитанные коровьимъ масломъ волосы.

— Какими судьбами?

— Къ празднику, къ угодникамъ... Нельзя-съ! Свои! мы, вѣдь, часто наѣзжаемъ, къ каждому празднику... Этого не упущаемъ, потому свои угодники-то!

— Нонче это плевать стоитъ! Себѣ удовольствіе весьма легко можно получить!—прибавлялъ молодецъ.

— Деньги у насъ вольныя,—поддерживаетъ тятенька.—Пути сообщенія теперь въ государствѣ стали надлежащіе... Сѣлъ въ Москвѣ па энтаго желѣзнаго коня,—мотаетъ онъ головой по направленію къ полотну желѣзной дороги,—мигомъ прикатитъ куда хочешь! Приспособительно!..

— Такъ приспособительно,—перебиваетъ маменька,—что возможно бы хоша каждое воскресенье наѣзжать, ровно бы на дачу! Только за народомъ некому смотрѣть... Народъ рабочій нонче баловень, пропоица, воръ—народъ... Ежели бы не народъ...

И маменька сокрушенно машетъ рукой и не доканчиваетъ.

— Что вамъ, богатымъ людямъ, за охота жить здѣсь? Давно бы вы совсѣмъ въ купцы выписались, да въ Москву и переселились?

— Зачѣмъ такъ?—внушительно замѣчаетъ старикъ: — мы—крестьяне... Мы своимъ званіемъ не то что брезгуемъ, а наиболѣе стараешься его поддержать на виду... У насъ свое обчество здѣсь... Мы—люди обчественные... Мы отъ царскихъ щедротъ надѣлами награждены, земельными... Чтобы, значитъ, хозяйство крестьянское содержать... А не то что!.. Насъ награждаютъ, а мы бросать будемъ!.. Послѣ энтаго какіе же мы будемъ люди! Все одно—пропоицы, голяки безземельные, что надѣлы свои покидали да по кабакамъ гуляютъ! А мы обвязаны мірскую землю держать, обчество крестьянское содержать въ порядкѣ, чтобы на насъ взыску отъ правительства не было... Чтобы начальству пріятно было въ

нашей избѣ чайку попить!.. Вотъ какъ правильный-то крестьянинъ живетъ!

— Какъ же вы хозяйство ведете, когда все лѣто въ Москвѣ?

— Мы сами не убираемъ... Потому рукъ не стоитъ марать изъ-за энтой прокламаціи!.. Грошовое дѣло!

— Кто же у васъ убираетъ?

— Бабы у насъ есть, бѣдныя сродственницы... Тѣ, значитъ, въ ренду берутъ отъ насъ... А то есть у насъ такіе мужички, которые сбираютъ къ рукамъ пять-шесть надѣловъ, кои брошены недоимщиками, али вотъ у насъ, да потомъ и орудуютъ... Батраковъ нагонятъ... Ну, ему тогда и выгода есть... А намъ нѣтъ никакого барыша съ ней возиться!.. Мы единственно только держимъ изъ того, чтобы отъ обчества не отбиваться...

— А что же за охота вамъ подати платить?

— Подати?.. Помилуйте, господинъ... Да это намъ даже въ лесть!.. Потому, неужели жъ мы на эти самые гроши вниманіе будемъ обращать! Притомъ же мы понимаемъ-съ, что правительству тоже деньги требуются... И безъ насъ его много пьяницы-то огорчаютъ!.. Мы не токмо что какія-нибудь подати... мы вотъ недавно для своего обчества пожарную механику привезли... И даже за провозъ ничѣмъ не попользовались! А то подати! Не своя насъ подать, господинъ, огорчаетъ, а то, что за пропоицу обидно платить...

— Съ него только и получишь, коли ежели его въ рукахъ держишь, при своемъ дѣлѣ... Да смотришь за его несуразной образиной!—заключилъ сынъ.

— Одначе просимъ прощенья!.. На чаекъ послѣ молебна завернитe... Насъ этимъ не утѣсните!

„Попробуй-ка чѣмъ-нибудь утѣснить тебя, коли тебѣ и подати въ лесть!"— думаете вы, смотря въ широкія посѣрѣвшія отъ пыли спины удаляющихся обчественныхъ мужичковъ.

Что же, однако, за деревенскія птицы—эти „обчественные мужики?" Откуда они взялись, какъ живутъ и чѣмъ кормятся? Какія условія разукрасили ихъ этими пестрыми цвѣтами и зелеными желѣзными крышами покрыли деревенскія избы?

— Почтенный! — обращаетесь вы къ одному хотя „пѣшеходному общественному мужичку", но, тѣмъ не менѣе, разодѣтому нисколько не хуже „обчественнаго мужичка" въ шарабанѣ,—у васъ здѣсь, надо думать, народъ Богомъ не обиженъ, живетъ въ достаткѣ?

— Ничего! У насъ живутъ нарядно,— самодовольно улыбаясь, говоритъ „обчественный мужичокъ": — передъ барами, гляди того, выстоимъ.

— Что же, земли у васъ много, большіе надѣлы, хорошая земля, поемные луга?

— Земли! Кабы земли было много,— энтаго бы не видать... Земля—дѣло черное, лѣнивое, бабье дѣло, — поражаетъ васъ разодѣтый мужичокъ.

— Вотъ какъ! Откуда же достатокъ вашъ взялся?..

— Отъ собственнаго ума... По нашимъ селамъ умственный крестьянинъ живетъ, расторопный... У насъ умственнаго мужика много живетъ!..

— Почему же онъ умственный?..

— Потому—*хозяйствуетъ*... Въ Москвѣ хозяйствуетъ, въ Адестѣ хозяйствуетъ, въ Таганрогѣ, въ Черкаскѣ... Дома хозяйствуетъ... Поэтому и Богъ его не забижаетъ, и живетъ онъ нарядно! У насъ лапотника въ селахъ рѣдко найдешь: лапоть по деревнямъ живетъ!..

„Хозяйствуетъ" — вотъ то таинственное, магическое слово, съ которымъ цивилизація пришла на помощь къ измотавшемуся въ юдоли бѣдности, въ скорби и горѣ русскому деревенскому люду; вотъ тотъ ключъ, заручившись которымъ вы откроете тайну мужицкаго довольства и нряднаго житья.

„Хозяйствовать"—это слово въ устахъ крестьянина звучитъ вовсе не такъ просто, какъ можетъ показаться съ перваго взгляда; въ немъ, въ этомъ небольшомъ словѣ, заключено сложное, характерное, обширное понятіе. Достичь мужицкаго современнаго идеала, выражаемаго однимъ словомъ „хозяйствовать" — это значитъ рѣшить трудную мужицкую проблемму; это значитъ—невозможное сдѣлать возможнымъ, примирить непримиримое, голоднаго мужика увидать сытымъ, безземельнаго— „раціональнымъ сельскимъ хозяиномъ", вѣковѣчные принципы общины примирить съ широкимъ понятіемъ личной собственности и эксплуатаціи чужого труда, безземельную „поземельную общину" недоимщиковъ, столь много приносящую хлопотъ заботливой о меньшемъ братѣ интеллигенціи,—увидать безнедоимочною и процвѣтающею общиной „обчественныхъ му-

жичковъ", разъѣзжающихъ въ шарабанахъ и не только не помышляющихъ о неуплатѣ недоимокъ, но заявляющихъ предупредительно начальству, что имъ и самыя подати „въ лесть"! Вотъ тотъ широкій, всеобъемлющій національно-русскій компромиссъ, который въ концѣ-концовъ долженъ успокоить самыхъ притязательныхъ скептиковъ и привести въ умиленіе славянофильствующаго оптимиста.

ГЛАВА XI.

Каковы могутъ быть результаты современныхъ пріемовъ изученія „деревни".

„Того ли мы ждали?" спрашивается. Представьте, оказывается, какъ будто, что именно *того*; оказывается, что „хозяйственный мужичокъ" и есть именно то искомое, которое намъ требовалось найти!

— Позвольте, однако,—въ негодованіи перебиваетъ меня интеллигентный радѣтель о благѣ народномъ: — позвольте, вѣдь, такъ мистифицировать нельзя безнаказанно... Вѣдь, и у насъ, въ настоящее время, мужицкій міръ все же не темный лѣсъ, не вновь открытая земля неизвѣстныхъ обитателей, не безъ году недѣлю мы препираемся по поводу его и въ словесныхъ, и въ литературныхъ дебатахъ... У насъ есть традиція, позади насъ кое-что было уже сказано очень вѣскаго, кое-что было высказано, что для насъ, по крайней мѣрѣ недавно, было завѣтнымъ и дорогимъ, мы считали эти традиціи драгоцѣннѣйшимъ продуктомъ того періода умственнаго движенія, который по страстности общественнаго возбужденія и свѣтлыхъ надеждъ, стоитъ тяжелымъ укоромъ періоду современнаго унынія и апатіи... И вдругъ... Что вы говорите?

Объяснимся.

Во вступительной главѣ своего дневника я, между прочимъ, сказалъ: наступило время, когда „деревня свободнаго труда" оказалась носительницей идеаловъ и обратила на себя сугубое вниманіе интеллигенціи. Изъ-за этой „новой" деревни начался литературный турниръ. Наконецъ, значеніе деревни въ глазахъ общества становилось настолько серьезнымъ, что всѣ, кому были дороги интересы народа, поспѣшили уйти въ эту новую деревню, чтобы вынести оттуда рядъ честныхъ, искреннихъ и добросовѣстныхъ наблюденій. Мы живемъ въ началѣ этого періода, плодотворные результаты котораго будутъ несомнѣнны. Что же это насъ, радѣтелей народнаго блага, погнало въ деревню? Съ одной стороны, дѣйствительно, исканіе идеаловъ, очень, положимъ, туманныхъ, неопредѣленныхъ, но все-таки представляющихъ насущную потребность: нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, обходиться идеалами Юхапцева съ братіею? Съ другой же стороны, и, пожалуй, главнымъ образомъ, зловѣщіе слухи, все больше и больше крѣпчавшіе въ послѣднее время, все ехиднѣе заявлявшіе, что народъ гибнетъ, развращается, бѣднѣетъ и напросто голодаетъ не отъ чего иного, какъ отъ того, что общинные идеалы современной деревни идутъ въ разрѣзъ съ успѣхами народнаго хозяйства, сельскаго хозяйства. „Какое тамъ сельское хозяйство, какое тамъ самоуправленіе—тамъ чортъ знаетъ что такое, — говорили пессимисты. — Какіе тамъ излюбленные народные идеалы? Тамъ одно—голодовка! Вотъ результаты существующихъ условій народной жизни".— „Совершенно вѣрно,—поддерживаютъ ихъ обскуранты:—голодовка, развратъ, страшное паденіе народнаго хозяйства. Вотъ къ чему привели санкціонированные закономъ излюбленные народные идеалы! Вотъ ваша хваленая поземельная община и общественное самоуправленіе! Нашъ народъ блистательно доказываетъ, что его идеалы ни къ чорту не годятся и что самоуправленіе народа привело къ печальнымъ результатамъ... Спросите хозяйственныхъ, зажиточныхъ, умныхъ мужичковъ—и они подтвердятъ вамъ это".— Зловѣщія восклицанія становились все упорнѣе и упорнѣе, раздавались все чаще и чаще — и окончательно, наконецъ, сформировались въ нѣчто внушительное и грозное. Вышли труды коммиссіи при министерствѣ государственныхъ имуществъ о состояніи сельскаго хозяйства. Пессимисты и обскуранты оказались правы. Наступило критическое время. „Народные идеалы" могли исчезнуть моментально и безслѣдно... „Господи! что намъ дѣлать?" — возопили радѣтели народнаго блага и поклонники народныхъ идеаловъ.— Попробовали-было вспомнить и высказать вновь свои драгоцѣнныя традиціи, но потерпѣли только великій конфузъ: во-первыхъ, потому, что и выска-

заться хоть на сотую часть нельзя было—потому времена не прежнія, а вовторыхъ, потому, что едва они заикнулись объ этихъ традиціяхъ, едва намекнули на то, что, вѣдь, еще прежде умные люди, кажется, достаточно растолковали, что народные идеалы и количество сельскохозяйственнаго навоза—вещи врядъ ли соизмѣримыя, что ежели этого навоза недостаточно, то слѣдуетъ ли, что идеалы повинны въ этомъ недостаткѣ... Едва, говоримъ, намѣревались-было только заговорить на эти „теоретическія" темы, какъ люди „практичные" насмѣшливо только пожали плечами и, улыбнувшись, сказали: „Мальчишество! Ребяческія утопіи! Вотъ факты..." И приводили факты, дѣйствительно, зловѣщіе факты. И предъ ними отступили люди здравомыслящіе и усомнились въ своихъ прежнихъ вѣрованіяхъ, и подъ напоромъ этихъ фактовъ смутились даже мы, неисправимые поклонники народныхъ идеаловъ. Что же намъ дѣлать? что дѣлать?— засуетились мы. — Неужели это правда? Неужели все должно погибнуть, все, что мы такъ давно отстаивали и частичку чего,—хотя очень маленькую частичку,— удалось-таки охранить отъ крушенія?.. Неужели и эта маленькая частичка погибнетъ и будетъ принесена въ жертву какому-то „преуспѣянію сельскаго хозяйства", какимъ-то „преимуществамъ крупнаго землевладѣнія предъ мелкимъ въ сельскохозяйственномъ отношеніи", какимъ-то прерогативамъ подворнаго владѣнія предъ общиннымъ, какому-то фермерству и пр., вещамъ, странно и чуждо звучавшимъ у насъ въ ушахъ?.. „Сельское хозяйство... Удобреніе... Народные идеалы... Подворное и общинное землевладѣніе... Передѣлы"... повторяли мы. Мы, профаны, никогда не сомнѣвались въ незыблемости идеальныхъ основъ — и вдругъ... удобреніе!.. Недостатокъ удобренія оттого, изволите видѣть, что ужъ слишкомъ, будто бы, много предоставлено мужику всѣхъ этихъ идеаловъ! „Но, вѣдь, это — абсурдъ, восклицали мы;—этого быть не можетъ! Это злонамѣренная подтасовка фактовъ! Это ребенку даже ясно!" — Но намъ обидно возражали: „Вотъ факты... примѣрно хоть насчетъ недостатка и нераціональности удобренія... передѣлы, мѣшающіе спокойному теченію народнаго хозяйства... узкополосицы и чрезполосицы... драгоцѣнные клочки земли, погибающіе непроизводительно подъ межполосными межничками (сообразите, какое могло бы послѣдовать приращеніе въ мужицкомъ надѣлѣ, если бъ этихъ формъ владѣнія землей не существовало!)... дикій произволъ въ передѣлахъ и частость ихъ... и пр. Потрудитесь опровергнуть фактами же и тогда мы увѣруемъ, что ваши идеалы не мѣшаютъ раціональному удобренію полей..."

Что могли мы, профаны, возразить на это? Гдѣ у насъ, въ самомъ дѣлѣ, факты насчетъ количества навоза и раціональности удобренія?—Развѣ намъ когда-нибудь приходила мысль о возможности такихъ сопоставленій?—Но, вѣдь, надо же, надо искать фактовъ... потому что они *навѣрно* есть, несомнѣнно, такъ какъ не можетъ же въ дѣйствительности существовать абсурдъ—согласитесь?

И мы смиренно принялись вникать въ значеніе раціональныхъ способовъ удобренія. Мы стали искать въ этомъ помощи у сочувствующихъ намъ нашихъ ученыхъ спеціалистовъ. Они отозвались съ большою готовностью и даже нѣкоторою радостью за насъ, что вотъ-де, наконецъ-то, люди перестанутъ блуждать въ области „отвлеченныхъ идеаловъ" и предадутся „серьезному дѣлу". Какъ и подобаетъ ученымъ людямъ, прежде всего они прочли намъ въ этомъ смыслѣ строгую нотацію: „пора, господа, бросить всѣ эти теоріи, утопіи... Настало время практическаго изученія предмета, серьезнаго, а не легкомысленнаго отношенія къ нему... Если вы хотите дѣйствительно отдаться этому дѣлу и принести ему несомнѣнныя услуги, вы должны выбросить всякія предвзятыя теоріи изъ головы, отрѣшиться отъ всякихъ легкомысленныхъ субъективныхъ мнѣній и вооружиться однимъ холоднымъ и безпристрастнымъ научнымъ орудіемъ... Если, господа, вы исправитесь въ этомъ направленіи— вы окажете и намъ огромную услугу, такъ какъ мы сами очень бѣдны фактами... Помните одно—факты и факты, цифры и цифры... Потому—теперь все спасеніе въ фактахъ... Если не факты, то все погибнетъ... Если вы не подтвердите фактами, то всѣ ваши прекрасныя теоріи будутъ гласомъ, вопіющимъ въ пустынѣ... Итакъ, господа, смиритесь!"— И мы смирились, и подъ руководствомъ сочувствующихъ намъ ученыхъ, хоть съ грѣхомъ пополамъ, но съ истинно похвальнымъ усердіемъ, познакомились съ „серьезною" стороной дѣла,

изучили всѣ эти фермерства, трехпольныя и многопольныя хозяйства, раціональныя удобренія, и пр., и пр., Наконецъ, сказали: „мы готовы!..“ Ученые похвалили насъ, но, плохо вѣруя нашей обстоятельности и научной выдержкѣ, снабдили насъ подробными инструкціями и программами вопросовъ, дабы мы никоимъ образомъ не вышли изъ практической сферы дѣла и не занеслись въ какія-нибудь неподходящія области. Въ сущности эти инструкціи и программы по большей части сводились, главнымъ образомъ, къ слѣдующимъ положеніямъ: „Помните только одно, что вы должны доказать фактами и цифрами слѣдующія три существенныя положенія:

1) Способствуетъ ли общинное владѣніе питію мужиками водки или нѣтъ? Факты и точныя цифры до возможной степени.

2) Гдѣ лучше удобряется земля и раціональнѣе ведется хозяйство—у крестьянъ ли, живущихъ подворно, или у общинниковъ? Факты и цифры.

3) Часто ли передѣляютъ мужики землю или нѣтъ, и кто больше „балуется“ этимъ правомъ передѣла — голяки ли, пьяницы или хозяйственные мужички? Цифры и факты.

Помните, что отъ количества и точности цифръ и фактовъ, отвѣчающихъ на эти вопросы, будетъ зависѣть судьба нашихъ упованій. Если собранныя вами на сей разъ данныя блистательно подтвердятъ наше убѣжденіе, что сельское хозяйство не можетъ не успѣвать при существующихъ формахъ, сообразныхъ народнымъ идеаламъ, мы окончательно убьемъ нашихъ враговъ и возблистаемъ! Если же наоборотъ, то во имя науки, мы должны будемъ признать, что интересы раціональнаго удобренія несовмѣстимы съ общинно-бытовыми формами, а потому сами самоотверженно потребуемъ, чтобы послѣднія были уничтожены. Таково серьезное отношеніе къ дѣлу!“

Но мы уже не обращали вниманія на послѣднюю половину тирады,—для насъ было ясно, что этого быть не можетъ: „Какъ, чтобы народные идеалы необходимо влекли за собой нераціональность удобренія? Не можетъ быть! Какъ, чтобы у общины дѣла шли хуже, чѣмъ у подворниковъ? Чтобы община регрессировала и переживала послѣдніе дни? Какъ, чтобы „обстоятельные и хозяйственные общинники“ позволяли себѣ „баловаться“ частыми передѣлами? Не можетъ этого быть!.. Не можетъ быть сомнѣнія, что все это мы блистательно докажемъ поражающей массой фактовъ... Что-то тогда запоютъ пессимисты!“

И мы, съ кипами книгъ и программъ, лихорадочно устремились въ деревни. И какъ же мы усердствовали: мы залѣзали къ мужику въ горшокъ, въ чашку, въ рюмку, въ карманъ, мы лѣзли въ хлѣвъ, считали скотину, считали возы навоза, мы отбирали данныя у кабатчиковъ, у акцизныхъ чиновниковъ, летали на сходы и „усчитывали“ мірскую выпивку, мы топтались по полямъ и лугамъ, мѣрили полосы *шагами*, снимали планы, прикидывали *четвертями* и *вершками* межники и межполосные броды (какъ же! такое, вѣдь, драгоцѣнное могло бы быть приращеніе мужицкихъ надѣловъ отъ раціональнаго количества межничниковъ!),—чего-чего только мы не нюхали, не измѣряли, не вѣшали!.. Ну, и... получились результаты блистательные! Потекли отъ насъ къ нашимъ спеціалистамъ „отвѣты“, дождемъ полились... А чтобы „безвозмездно“ они въ ученыхъ обществахъ не пропали (наши, вѣдь, ученыя общества скупеньки, все больше на „горячую преданность“ дѣлу разсчитываютъ), мы, ради практичности, сначала наводнили ими страницы журналовъ, которые печатали, въ виду всеобщаго интереса къ предмету, всякія свѣдѣнія, въ надеждѣ, что „послѣ разберемся какъ-нибудь“. Ученые не нарадуются на насъ, не нахвалятся нами... Вѣдь, совсѣмъ, совсѣмъ „прониклись удобреніемъ“ и въ отвѣтахъ даже запаха не оказывалось какихъ-либо легкомысленныхъ теорій или утопій, даже и признака бывшихъ традицій не оказывалось. Безпристрастіе и объективность удивительныя. И ожидать было нельзя!.. Слыша такія похвалы, мы проникались еще пущимъ „безпристрастіемъ“ и всесторонностью наблюденій въ рамкахъ данныхъ намъ инструкцій. Наконецъ, въ рукахъ ученыхъ скопилась уже такая масса доставленнаго нами матеріала, что они сочли возможнымъ приступить къ научной группировкѣ данныхъ. Начали появляться волюмы, испещренные таблицами и цифрами, цифрами и фактами и подробнѣйшими, скрупулезнѣйшими объясненіями и примѣчаніями. Наши противники пріумолкли. Многозначительный признакъ! Ударить бы наповалъ —и шабашъ! Но наши ученые говорили: „по-

годите, будьте терпѣливы, время синтеза придетъ, собирайте, господа, собирайте, нюхайте, мѣряйте, вѣшайте... Чѣмъ больше, тѣмъ лучше. Выводы сдѣлать не долго,— они уже и теперь ясны. Вы видите, наши враги замолчали!..“

А, дѣйствительно, выводы были ясны.

Всѣ эти таблицы и цифры, цифры и факты несомнѣнно отвѣчали:

На 1-й вопросъ инструкцій: если община состоитъ изъ „хозяйственныхъ мужичковъ“, нѣтъ никакого сомнѣнія, что мужики пьютъ вовсе не такъ много, какъ предполагаютъ. Цифры, факты и сравнительныя таблицы. Оказывается вѣрно.

На 2-й вопросъ: ежели община состоитъ изъ хозяйственныхъ и умственныхъ мужичковъ, раціональное удобреніе не только не отсутствуетъ, но даже преуспѣваетъ. Цифры и факты.

На 3-й вопросъ: передѣлы не только не часты, но ихъ никто недолюбливаетъ, а наиболѣе „хозяйственные“ и общественные мужички, и, вообще, замѣтно удлиненіе сроковъ передѣловъ, что, несомнѣнно, показываетъ, что община въ настоящее время не только не регрессируетъ или не близится къ окончательному упадку, но очень замѣтно прогрессируетъ, крѣпнетъ и преуспѣваетъ. Цифры и таблицы, таблицы и цифры.

„Мы не ошибемся,—прибавляютъ ученые, — если скажемъ, что выводы изъ этихъ многочисленныхъ и точныхъ данныхъ приводятъ къ несомнѣнному заключенію, чтобы была предоставлена общинѣ полная свобода развиваться и преуспѣвать при данныхъ условіяхъ, ибо хозяйственный и умственный „обчественный“ крестьянинъ сумѣлъ и при нынѣшнихъ условіяхъ не пить много водки, раціонально удобрять поля и удлинять сроки передѣловъ, съ каждымъ годомъ, кромѣ того, эти сроки еще болѣе удлиняя, а очевидно, этимъ самымъ способствовалъ прогрессированію общины. Есть, конечно, пятна и на солнцѣ, есть они и здѣсь. Но ихъ легко стереть совсѣмъ при помощи нѣкоторыхъ мѣропріятій“.

Выводъ превзошелъ самыя смѣлыя ожиданія. Мы прежде едва смѣли думать, что если община держится вопреки самымъ неблагопріятнымъ условіямъ, то единственно благодаря консерватизму народныхъ принциповъ и ихъ неподатливости и массѣ компромиссовъ, въ которые вступала община, и что, однако, того гляди, эта неподатливость скоро лопнетъ, а компромиссы уже давно значительно извратили ея исконные принципы, а тутъ вдругъ оказалось, что община еще прогрессируетъ по части удлиненія сроковъ передѣла.

Да, таковы цифры и факты, факты и таблицы! Враги будутъ посрамлены, общинѣ будетъ предоставлено вѣдаться со всевозможными условіями, какъ ей будетъ угодно, ибо хозяйственный и умственный обчественный мужичокъ прогрессируетъ и по части удлиненія передѣловъ, и по части раціональнаго удобренія!.. *)

Того ли мы ждали?

Конечно, того, потому что „драгоцѣнные“ матеріалы (я говорю не иронически, а въ прямомъ значеніи слова, такъ какъ, *сами по себѣ*, они, какъ факты, несомнѣнно очень цѣнны) привели неожиданно къ *желаемымъ* выводамъ. Мы самодовольно потираемъ руки, и только изрѣдка леденитъ наше серце мысль: а что, если бы этого не оказалось? А что, если бы раціональное-то удобреніе... не оказалось бы совмѣстимымъ съ современнымъ общиннымъ владѣніемъ? А что, если бы наши таблицы вдругъ „оказали“ не тен-

---

*) „Если общія причины передѣловъ коренятся въ самой сущности общиннаго землевладѣнія, если они (передѣлы) стоятъ въ необходимой причинной связи со всѣми существующими условіями народной жизни, то самое существованіе передѣловъ, при существующихъ условіяхъ, придется признать явленіемъ неизбѣжнымъ... Если окажется, что виною частыхъ передѣловъ, вредныхъ для веденія хозяйства, является самый общинный порядокъ, то остается *лишь* изыскать мѣры къ уничтоженію этого порядка, т. е. къ измѣненію существующихъ условій общинной жизни; если же окажется, что причины ненормально частыхъ общихъ передѣловъ лежатъ внѣ общины, тогда, разумѣется, слѣдуетъ позаботиться объ устраненіи этихъ внѣшнихъ причинъ, препятствующихъ правильному развитію общиннаго хозяйства („Сборникъ статистическихъ свѣдѣній по Московской губерніи“, т. IV, вып. 1-й. Формы крестьянскаго землевладѣнія, сост. В. Орловъ, стр. 134).

„Итакъ, повторяемъ, сопоставленіе по уѣздамъ среднихъ чиселъ, выражающихъ промежутокъ времени между общими передѣлами, съ числами частости передѣловъ, указываетъ *на тенденцію къ удлиненію сроковъ передѣловъ*, а слѣдовательно, къ уменьшенію числа передѣловъ, т. е. *къ большей продолжительности владѣнія* (ib. 158).

Мы видимъ, что большая часть общинъ рѣдко передѣляетъ свои поля, что частые передѣлы имѣютъ незначительное распространеніе, составляютъ какъ бы исключеніе изъ общаго правила; мы видимъ, что тамъ, гдѣ возможно, сами крестьяне принимаютъ цѣлесообразныя мѣры къ устраненію слишкомъ частыхъ передѣловъ, составляя приговоры о срокахъ. Въ этомъ случаѣ приговоры составляются вполнѣ свободно и сознательно, вслѣдствіе чего они и не нарушаются. Въ виду

денцію къ удлиненію сроковъ общихъ передѣловъ, а наоборотъ, тенденцію къ возможному укороченію ихъ, примѣрно хотя бы до сроковъ передѣла луговъ, которые ежегодно передѣляются каждою общиной на крупныя группы-выти, а затѣмъ каждая группа обработывала бы *сообща* свой участокъ, дѣля продуктъ? Т. е. если бы община въ этомъ случаѣ не прогрессировала, а регрессировала? Если бы это случилось, къ нашему несчастію, то, volens-nolens, намъ оставалось бы *лишь* изыскать мѣры къ уничтоженію этого порядка, т. е. „къ измѣненію всѣхъ существующихъ условій общинной жизни". Но „великъ Богъ земли русской"! Этого, какъ вы видите, не случилось. Выходитъ даже нѣчто совершенно обратное. Въ нашихъ драгоцѣнныхъ изслѣдованіяхъ имѣются такія данныя, которыя съ яркою очевидностью, будто бы, доказываютъ слѣдующія два положенія: во-первыхъ, насколько сильны въ народѣ общинныя традиціи и, во-вторыхъ, насколько „хозяйственный, обчественный" мужичокъ тонко понимаетъ выгоды раціональнаго веденія хозяйства и какъ онъ умѣетъ, не измѣняя исконно-русскимъ общиннымъ формамъ, заставить ихъ „развиваться" при существующихъ условіяхъ. Первый примѣръ. Въ одной изъ волостей Костромской губерніи крестьяне-собственники раздѣлили мірской надѣлъ слѣдующимъ образомъ: *исправные плательщики*, въ числѣ 18-ти душъ, отдѣлили себѣ одинъ общій участокъ и *оставили его въ общинномъ между собою владѣніи*, а остальнымъ крестьянамъ недоимщикамъ выдѣлили каждому отдѣльный участокъ по числу душъ (см. программу „Вольнаго экономическаго общества" изд. II, стр. 59).

Второй примѣръ. Въ виду размноженія пустырей, отъ которыхъ наиболѣе страдаютъ *исправныя хозяева*, *въ послѣднее время* стали приниматься при общихъ передѣлахъ особыя мѣры, служащія къ охраненію интересовъ послѣднихъ. Къ числу такихъ мѣръ относятся: а) оставленіе пустырныхъ полосъ *безъ жеребья* за тѣми же домохозяевами, во владѣніи которыхъ онѣ находились до новаго передѣла; эта мѣра, кромѣ того, что освобождаетъ исправнаго домохозяина отъ необходимости взамѣнъ своей раздѣланной полосы брать пустырь, имѣетъ еще и другую *хорошую сторону*: она побуждаетъ всякаго домохозяина тянуть свою землю, не бросать хлѣбопашества, не допускать залужанія своихъ полосъ, подъ опасеніемъ быть исключеннымъ изъ общаго жеребья при передѣлѣ. б) Другою мѣрой является выдѣленіе особыхъ ярусовъ, лежащихъ въ задахъ, и, притомъ, наименѣе удобныхъ, изъ которыхъ исключительно и нарѣзываются надѣлы для домовъ, переставшихъ *почему-либо* заниматься хлѣбопашествомъ. Слѣдовательно, мірское поле разбивается на двѣ неравныя части: одна, состоящая изъ лучшихъ ярусовъ, идетъ въ надѣлъ исправнымъ хозяевамъ-хлѣбопашцамъ и обработывается ими; другая, состоящая изъ другихъ ярусовъ, расположенныхъ взади, поступаетъ въ надѣлъ безхозяйнымъ дворамъ и лежитъ въ пустыряхъ. *Такимъ образомъ, „пустырники" выдѣляютъ особую группу и становятся какъ бы отверженными, изгнанными изъ міра*... (см. „Сборникъ статистическихъ свѣдѣній по Московской губерніи". Формы землавладѣнія, В. Орлова, стр. 55).

Вотъ факты. Нѣтъ сомнѣнія, что всѣ эти „исправные плательщики" и хозяйственные мужички-общинники видятъ для себя большія выгоды въ удлиненіи сроковъ передѣловъ; нѣтъ сомнѣнія, что эти общины „исправныхъ плательщиковъ" занимаютъ не послѣднее мѣсто въ статистическихъ таблицахъ частости передѣловъ и значительно вліяютъ на общій характеръ ея и на общіе ея итоги, въ особенности въ такихъ общинахъ, каковы

всего этого, мы позволяемъ себѣ думать, что всякое постороннее вмѣшательство въ область мірского землевладѣнія, составляющаго вполнѣ бытовую форму народной жизни, не принесло бы пользы; полагаемъ даже, что такое вмѣшательство принесло бы вредъ, такъ какъ нарушило бы исконныя права міра на свободное пользованіе своею мірскою землею и тѣмъ вызвало бы безчисленныя злоупотребленія со стороны отдѣльныхъ членовъ общины (ib. 163)".

„Срочные передѣлы вызываются не тѣмъ, чтобы удлинить средній по губерніи промежутокъ между передѣлами, а устанавливаются для того, чтобы устранить слишкомъ короткіе промежутки, считаемые *лучшими хозяевами* невыгодными для успѣховъ земледѣльческаго хозяйства (ib. 161).

Цитируя здѣсь прекрасный и цѣнный трудъ г. Орлова, мы вовсе не думаемъ относить къ нему все то, что высказано въ этой главѣ въ общемъ смыслѣ. Мы искренно сочувствуемъ и благимъ намѣреніямъ г. Орлова, и его добросовѣстному отношенію къ дѣлу, и если ссылаемся здѣсь на него, то чтобы показать, какъ даже самыя лучшія намѣренія, volens-nolens, подчиняются односторонности современнаго направленія въ изученіи деревни и могутъ привести къ громаднымъ недоразумѣніямъ. *Авт.*

подмосковныя и, вообще, въ промышленныхъ уѣздахъ, гдѣ „общинные бѣгуны" представляютъ явленіе довольно обыкновенное.

Итакъ, „плодотворные результаты" нашихъ послѣднихъ экскурсій въ деревню начинаютъ выясняться: плодотворностью результатовъ эти экскурсіи, конечно, обязаны тому, что онѣ были и вполнѣ благонамѣренны, и серьезны, носили и практическій характеръ; однимъ словомъ, потому, что профанъ вполнѣ понялъ свою роль и проникся тѣми благими совѣтами, которыми снабдили его гг. спеціалисты... Но не думайте, чтобы пошло такъ дѣло и впредь! О, гг. ученые! вамъ, которые такъ довольны теперь „исправленіемъ" легкомысленныхъ профановъ, скоро, очень скоро измѣнитъ вамъ легковѣрный профанъ! Я чувствую уже приближеніе той минуты, когда ваше мирное единодушіе съ профанами будетъ невозможно болѣе... Я знаю, что профану вовсе не такъ легко отрѣшиться отъ завѣтныхъ и дорогихъ традицій, отъ несбыточныхъ утопій и легкомысленныхъ теорій, какъ думаете, можетъ быть, вы. Возможно, что на время онъ какъ будто забудетъ ихъ, какъ будто, дѣйствительно, погрузится по уши, какъ самый узкій спеціалистъ, въ трактаты по части раціональнаго удобренія и будетъ все человѣчество разсматривать „съ точки зрѣнія практическихъ результатовъ данной минуты"; возможно, что онъ увлечется „серьезной стороной дѣла" и трезво отнесется къ важности вопроса объ удлиненіи сроковъ передѣла, но, повѣрьте, это очень ненадолго, и въ концѣ-концовъ онъ васъ обманетъ... Я уже чувствую, какъ, вмѣстѣ съ несомнѣнностью выводовъ, которые провидятъ гг. ученые въ группировкѣ собранныхъ имъ матеріаловъ, въ профанѣ начинаетъ зарождаться какой-то легкомысленный скептицизмъ, скептицизмъ въ соизмѣримости такихъ величинъ, каковы раціональность удобренія и удлиненія сроковъ передѣловъ съ одной стороны и идеаловъ общины — съ другой. Завѣтныя традиціи глухо начинаютъ пробуждаться въ его сердцѣ. Смутные вопросы начинаютъ шевелиться въ его душѣ. „Неужели я могъ такъ увлечься вопросомъ объ удобреніи, чтобы забыть то, что было когда-то моею дорогою заповѣдью?.. Неужели интересы „исправнаго хозяйственнаго мужичка", хотя бы то общинника, интересы съ точки зрѣнія удобренія, преимущества передъ подворнымъ владѣніемъ и удлиненія передѣловъ, стали для меня важнѣе интересовъ общиннаго идеала? Неужели я дошелъ до того, что могу отказаться отъ всякихъ регламентацій и вмѣшательствъ, если ихъ требуетъ защита моей дорогой завѣтной заповѣди, отказаться только потому, что якобы всякое постороннее вмѣшательство въ область мірского землевладѣнія, составляющаго вполнѣ бытовую форму народной жизни, было бы вредно въ интересахъ этого хозяйственнаго мужичка, имѣющаго тенденцію удлинять все больше и больше сроки мірскихъ передѣловъ? О, нѣтъ, я чувствую: тутъ что-нибудь не такъ... Тутъ выростаетъ какое-то громадное, чудовищное недоразумѣніе, и я, профанъ, я, такъ много излившій восторговъ предъ исконными народными идеалами, я прежде всѣхъ обязанъ постараться всѣми силами выбиться изъ подъ гнета этого удручающаго недоразумѣнія... Я первый обязанъ высказать прямо, что отказываюсь защищать интересы современной прогрессирующей общины „хозяйственныхъ мужичковъ" съ точки зрѣнія *только* раціональнаго удобренія и тенденціи къ удлиненію сроковъ передѣловъ. Вы говорите: если не интересы сельскаго хозяйства—община должна быть уничтожена. Я говорю: если не интересы общиннаго идеала—должны быть измѣнены всѣ существующія условія общинной жизни, хотя бы она и прогрессировала по части удлиненія сроковъ передѣловъ въ интересахъ сельскаго хозяйства! Сознайтесь, господа, что тутъ есть существенная разница... И сущность этой разницы заключается въ томъ положеніи, что то, что является только результатомъ массы компромиссовъ въ современной общинѣ, не можетъ быть выраженіемъ ея прогресса и рекомендоваться какъ желаемое развитіе въ общинно-бытовыхъ народныхъ отношеніяхъ".

Вотъ что творится на глубинѣ души профана и что, рано или поздно, онъ выскажетъ во всеуслышаніе. Можетъ быть, онъ слишкомъ нетерпѣливъ, впечатлителенъ, наивенъ, требователенъ, прямолинеенъ и не можетъ отличить практической стороны дѣла отъ утопическихъ теорій, возможнаго и вѣроятнаго отъ дѣйствительнаго,—все это можетъ быть, но профанъ—„неисправимъ, хоть брось!"

ГЛАВА XII.

Въ атмосферѣ деревенскаго двоедушія и двуличія.

Въ словѣ „хозяйствовать", какъ я сказалъ уже, заключается очень широкое понятіе. Въ этомъ я могъ убѣдиться очень скоро по переселеніи своемъ въ Верхніе и Нижніе Лопухи. Въ этомъ пестромъ районѣ большихъ селъ все „хозяйствуетъ": хозяйствуетъ мужичокъ-землепашецъ, забирая нѣсколько надѣловъ своихъ „шабровъ" въ свои руки; хозяйствуетъ „мелкій хозяинъ" надъ артелью изъ 4—5 человѣкъ своихъ собратій на заработкахъ; хозяйствуютъ крупные подрядчики надъ цѣлыми арміями рабочихъ изъ сосѣднихъ деревень; хозяйствуютъ мелкія товарищества изъ мужиковъ-замлевладѣльцевъ, снимая аренды и вновь барышничая ими на счетъ своихъ собратьевъ; хозяйствуютъ цѣлыя общины надъ своими сосѣдками, пріобрѣтая земли и сдавая ихъ съ торговъ этимъ послѣднимъ; хозяйствуютъ мужики-собственники, скупившіе цѣлыя барскія имѣнія и закрѣпостившіе себѣ сосѣднія общины; хозяйствуютъ, наконецъ, интеллигентные замлевладѣльцы-помѣщики, попы, адвокаты, чиновники, учителя, желѣзнодорожные служащіе, успѣвшіе урвать кусокъ при общемъ расхищеніи и ликвидаціи былого барскаго пирога... Но объ этихъ послѣднихъ не стоитъ говорить, потому что всѣ они жалкіе подражатели здѣшняго „хозяйственнаго" мужичка; онъ одинъ знаетъ цѣну и этому пирогу, онъ одинъ умѣетъ находить средства сдѣлать кусокъ еще болѣе цѣннымъ. И понятно, онъ одинъ можетъ всецѣло пользоваться вѣковымъ опытомъ по этой части своихъ трудолюбивыхъ предковъ. Итакъ, здѣсь, въ этомъ районѣ богатыхъ селъ, свилъ себѣ прочное гнѣздо „хозяйственный мужичокъ". Не нужно много наблюдать и долго жить вблизи этого мужичка, чтобы сразу почувствовать ту особую, специфическую атмосферу, продуктомъ которой онъ явился, среди которой живетъ и дышитъ и которую поддерживаетъ своимъ собственнымъ дыханіемъ. Эта атмосфера особаго деревенскаго двоедушія и двуличія—не фарисейскаго, не злостнаго и преднамѣреннаго, напротивъ: двоедушія и двуличія откровеннаго, сердечнаго, котораго, пожалуй, не сознаетъ ясно и самъ хозяйственный мужичокъ. Конечно, есть и деревенскіе Тартюфы, Тартюфы въ полномъ смыслѣ слова, въ родѣ приведеннаго выше, но это исключенія, хотя и очень нерѣдкія: мы беремъ здѣсь широкій, распространенный типъ средняго „хозяйственнаго мужичка", Тартюфа безсознательнаго, пассивнаго, наивнаго, иногда даже готоваго сердечно сознаться въ своемъ двоедушіи, махнувши рукой: „что подѣлаешь! видно, къ тому идетъ! И самъ вижу, что неладно какъ будто, да, вѣдь, что же ты инако-то сдѣлаешь?.."

Если вы живете среди цивилизованныхъ сословій, среди условій городской жизни, вы не чувствуете въ основахъ этой жизни никакого раздвоенія: все ясно, опредѣленно, „легально". Вотъ богатый гражданинъ пріобрѣтаетъ съ аукціона домикъ своего несчастнаго должника, для котораго этотъ домикъ былъ единственнымъ ресурсомъ существованія; подчиствъ и выкрасивъ его охрой, пускаетъ въ оборотъ „подъ жильцовъ", и съ прежняго домовладѣльца, уже въ качествѣ квартиранта, немилосердно лупитъ квартирную плату. Вотъ другой гражданинъ взялъ ни за грошъ въ аренду городскія земли и на вѣсъ золота раздаетъ прежнимъ ея арендаторамъ — бѣднякамъ-мѣщанамъ, вѣкъ кормившимся исключительно этою землей. Да стоитъ ли приводить примѣры? „Основы" этой жизни у насъ за плечами. Я говорю только про то, что эти основы ясны, опредѣленны; въ нихъ все предусмотрѣно. А если кому изъ насъ отъ этого не легче, то мы можемъ жаловаться только „на несчастное стеченіе обстоятельствъ", на „судьбу", на собственную непрактичность, но уже никакъ не на самыя „основы".

Есть и деревни такія, и много еще ихъ есть, гдѣ вы тоже чувствуете и видите крѣпкія, несокрушимыя „основы", хотя и совершенно обратнаго и иного свойства. Но больше этихъ деревень *было*, чѣмъ *есть*. Каковы эти деревенскія *основы* былыхъ деревень, мы говорили раньше.

Но деревни „хозяйственныхъ" мужичковъ совсѣмъ другого свойства. Попавъ въ эти деревни, вы сразу чувствуете, что подъ вами нѣтъ почвы, или, скорѣе, не то, что совсѣмъ нѣтъ, а вы чувствуете, что она ежеминутно колеблется подъ вами.

Возьмите вотъ хотя одного изъ этихъ добродушныхъ „хозяйственныхъ мужичковъ" изъ Нижнихъ Лопуховъ, который имѣетъ надѣлъ всего только на одну душу, а между тѣмъ обработываетъ три,

четыре, даже пять надѣловъ своихъ собратьевъ, которые не въ силахъ ихъ тянуть, не въ силахъ до того, что или сами же, въ качествѣ наемщиковъ, работаютъ у своего арендатора, или совсѣмъ заколачиваютъ свои избы и уходятъ „на сторону", Богъ вѣсть куда, никогда, другой разъ, даже не заявляясь въ свою родную общину. Спросите этого хозяйственнаго мужичка: могутъ ли быть нормальны и справедливы такія отношенія въ общинѣ?

— Да, вѣдь, кто жъ ему велѣлъ бросать-то?—запоетъ сначала съ нѣкоторымъ азартомъ хозяйственный мужичокъ.—Развѣ его кто тянулъ? У самого умъ долженъ быть... Ежели у кого умъ-то есть, такъ тотъ свое вездѣ возьметъ... А какъ ежели у него въ головѣ-то сиверко дуетъ, такъ самъ на себя казнись... Другой за него не отвѣтчикъ... Кабы по кабакамъ-то меньше ходили, такъ бы этого не бывало... Кабакъ-то, вотъ, онъ милѣе выходитъ!

— Да полно вздоръ-то говорить!.. Вѣдь, ты самъ знаешь—на всякій часъ не убережешься. Посуди по себѣ—ну, несчастнымъ часомъ, съ тобой бѣда стряслась... Тогда что?

— Да, вѣдь, это, признаться, точно что—все Божья власть!... Конечно, какая ужъ тутъ справедливость! Справедливости тутъ нѣтъ... А такъ ужъ—время, значитъ, такое... Перевертывайся всякій, какъ сможетъ!..—конфузится мужичокъ, конфузится до того, что готовъ совсѣмъ отказаться.—Пожалуй, по мнѣ, я бы готовъ, значитъ, по справедливости, да при чемъ я тутъ одинъ-то! Осмѣютъ человѣка! Вишь, у насъ всѣ кругомъ такъ хозяйствуютъ!

И вы ясно чувствуете, что въ этой непосредственной душѣ живетъ какое-то тяжелое раздвоеніе; что что-то заповѣдное, традиціонное, какая-то особая „народная, общинная совѣсть" не даетъ ему спокойно и нагло, хотя бы на „законныхъ" основаніяхъ, „жрать" чужой кусокъ. И онъ все же „жретъ", „жретъ", какъ-то зажмурясь, съ сердцемъ, придумывая разныя оправданія, пока, наконецъ, то или другое не возьметъ перевѣсъ...

Или вотъ возьмемъ въ примѣръ другого мужика изъ Нижнихъ Лопуховъ, кузнеца Романа. Замѣчательный типъ истиннаго трудового мужика. Посмотрите только на его фигуру: ему лѣтъ пятьдесятъ слишкомъ, но онъ еще силенъ и здоровъ, несмотря на то, что въ курчавые черные волосы лѣзетъ уже тамъ и здѣсь сѣдина, что его спину начало сводить дугой. Вѣчно черный, перепачканный углемъ, съ большимъ испачканнымъ горбатымъ носомъ, съ жилистыми, словно изъ натянутыхъ желѣзныхъ пружинъ, руками, которыя въ продолженіе сорока лѣтъ изо дня въ день махали 15—20-ти фунтовымъ молоткомъ,—онъ могъ привести въ восторгъ всякаго народолюбца. И вотъ, этотъ трудолюбивый человѣкъ, въ полномъ смыслѣ слова, даже вовсе не „хозяйственный мужичокъ", такъ какъ ничемъ никогда не маклачилъ и труда своихъ собратій не эксплуатировалъ, любящій дѣдъ, отецъ и мужъ, какъ-то даже до сантиментальности преданный своей семьѣ, своей деревнѣ („на что ужъ лучше жить, какъ не въ міру!—говаривалъ онъ:—въ мірской чертѣ — Божье дѣло! Въ міру, что въ семьѣ,—одинъ горюетъ, другой воюетъ!"),— вотъ этотъ вполнѣ старозавѣтный человѣкъ, между тѣмъ, продѣлываетъ такую штуку. Арендовалъ онъ у богатаго мужика клочокъ земли. За что-то этотъ мужикъ на него разсердился („за прямое слово!") и землю „ни за какую цѣну" отдавать ему не хотѣлъ. („Попляши безъ земли-то! Долго ли напляшешь — посмотримъ!"). А коли такъ,— сказалъ кузнецъ,—я и самъ хозяйствовать стану и землю въ аренду отдавать!— Трое изъ его односельчанъ снимали въ аренду у сосѣдняго помѣщика нѣсколько десятинъ. Кузнецъ къ помѣщику.—„Хочу всю землю въ аренду снять".—„Да у меня вотъ твои же односельцы ужъ пять лѣтъ снимаютъ; ежели не откажутся, за ними опять оставлю".—„Я больше дамъ! Назначай торги". Помѣщикъ назначилъ торги. Прежнимъ арендаторамъ жаль бросить землю, потому они ее унавозили, привыкли къ ней, и они стали набивать цѣну. Романъ еще выше („мужикъ онъ дубоватый, надо правду сказать: прямой онъ мужикъ, только упрямъ безъ толку", характеризовали его крестьяне). Валитъ въ мертвую голову—и шабашъ. Очень ужъ ему „хозяйствовать" захотѣлось. Прежніе арендаторы-товарищи отступились, наконецъ. Земля осталась за Романомъ. Черезъ день Романъ говоритъ имъ: „Ступайте ко мнѣ въ пай".—„Ну, это—подожди!.. Наживайся, да не на своихъ!"—„Не хочу я наживаться,—говоритъ кузнецъ;—былъ такой грѣхъ—ду-

малъ, а теперь не хочу съ землей грѣха заводить. Идите въ пай. Сами знаете, за сколько взялъ, постольку на каждаго и разложимъ".—„Такъ чего же ты, дурья твоя голова, цѣну-то нагналъ? Чего ты, какъ рожонъ, уперся? Сказалъ бы запрежде, такъ мы бы тебя сами въ компанію впустили!.."

— А такъ вотъ—со злости самъ хозяйствовать хотѣлъ... По злобѣ... Али имъ однимъ здѣсь, чертямъ, владычествовать!

А то вотъ еще примѣръ. Одинъ старикъ уже нѣсколько лѣтъ „хозяйствовалъ" съ сыномъ по серповному промыслу и держалъ артель изъ 5—6 своихъ собратьевъ. Теперь бросилъ.

— Что же, дѣдушка, бросилъ „хозяйствовать"? Али невыгодно?

— Коли невыгодно „хозяйствовать"! Хозяйство въ убытокъ не идетъ. Хозяйствовать—всегда барышъ...

— Что же бросилъ?

— Да старъ сталъ: быдто, какъ зазорно съ своего же брата барыши брать... Дерешь ты эти барыши обманнымъ образомъ и божбой, и плутней... Вотъ ужъ три года не хозяйствуемъ... Третій годъ тому, сходили въ послѣдній разъ, а потомъ я и говорю сыну: вотъ, что, Якимка, бросить бы намъ хозяйствовать, старъ я сталъ, языкъ на обманъ да на плутни не поворачивается... Лучше ужъ я около своей полосы похожу... Такъ-то.— „Что жъ,—говоритъ сынъ,—и я, пожалуй, не прочь... Поищу чего другого!.. Съ тѣмъ и „хозяйствовать" порѣшили..."

Таковы примѣры того откровеннаго, сердечнаго, „двоедушнаго" хозяйственнаго мужичка, который живетъ весь вѣкъ, нося въ душѣ традиціи братской и общинной солидарности, и въ то же время принужденъ „хозяйствовать", эксплуатируя своего же брата.

Но все это, какъ видите, типы свѣтлаго, отраднаго еще, примиряющаго характера. Атмосфера же „двоедушія и двуличія", однако, вырабатываетъ типы и иного свойства, мрачнаго, суроваго, даже жестокаго характера.

Эта атмосфера внесла въ общинныя формы быта духъ конкуренціи, духъ борьбы за существованіе, крайняго индивидуализма...

„Исправный плательщикъ", хозяйственный и умственный мужичокъ—безжалостно и съ высокомѣрнымъ покровительствомъ третируетъ „недоимщика", добродушнаго „рукосуя", жертву случайнаго стеченія обстоятельствъ... И все это при общинныхъ формахъ быта,—при формахъ, можетъ-быть, болѣе раціональныхъ съ точки зрѣнія сельскаго хозяйства, чѣмъ въ какой-нибудь захолустной деревенькѣ!

Вначалѣ я рекомендовалъ наблюдателямъ народной жизни крайнюю осторожность въ сужденіяхъ о ней, крайнюю осмотрительность въ оцѣнкѣ явленій, которыя съ поверхностнаго взгляда кажутся такими, между тѣмъ, какъ при внимательномъ изслѣдованіи и изученіи, могутъ явиться совсѣмъ иного характера. Но я говорилъ тогда, имѣя въ виду огульныя отрицанія нѣкоторыми наблюдателями общинно-бытовыхъ „устоевъ", я говорилъ имъ: остерегайтесь видѣть дурное тамъ, гдѣ, можетъ-быть, въ сущности, заключаются явленія совсѣмъ иного свойства, и только непостижимыя, противорѣчивыя съ нашей точки зрѣнія, какъ стороннихъ наблюдателей. Теперь же я вновь рекомендую ту же осторожность, но уже въ явленіяхъ обратнаго порядка. Я говорю: если вы встрѣтите общину „хозяйственнаго мужичка", гдѣ внѣшнія общинныя формы могутъ быть очень привлекательны, а общинное хозяйство „исправныхъ плательщиковъ" и „лучшихъ хозяевъ" заявляетъ ясную тенденцію быть вполнѣ раціональнымъ въ атмосферѣ „двоедушія и двуличія", то не увлекайтесь этими формами. Возможность для общины, среди этой атмосферы, достигнуть того идеала, чтобы и самыя подати были въ „лесть" или чтобы „общественный мужичокъ" явился устроителемъ раціональныхъ школъ и пріобрѣтателемъ „пожарныхъ механикъ",—эта возможность, *навѣрное*, покупается дорогою цѣной подрыва внутреннихъ общинныхъ основъ.

Въ атмосферѣ „двоедушія и двуличія" прогрессирующая община, община, какъ воплощеніе народныхъ идеаловъ во всемъ ихъ объемѣ, немыслима. Община, какъ двуликій Янусъ,—абсурдъ. Всѣ попытки и стремленія подогнать ее подъ этотъ идеалъ, заставить войти въ компромиссъ съ атмосферой „двоедушія и двуличія", даже при самыхъ наичистѣйшихъ побужденіяхъ и при благопріятнѣйшихъ условіяхъ, неизбѣжно въ концѣ-концовъ приведутъ къ сильному упадку исконныхъ народныхъ идеаловъ общиннаго труда и общинной солидарности.

Посмотримъ же поближе, что это за

атмосфера „двоедушія" и „двуличія", среди которой акклиматизировался „хозяйственный и обчественный мужичокъ?" Чѣмъ обусловливается эта атмосфера и, въ свою очередь, какой рядъ явленій обусловливаетъ она своимъ существованіемъ?

По плоскогорью, которое прорѣзываютъ двѣ дороги—шоссейная и желѣзная, а подошву его омываютъ двѣ рѣки, раскинуто, какъ мы сказали, нѣсколько большихъ селъ: Зарѣцкое, Добролюбово, Залужное, Заозерное, Пойма и Верхніе и Нижніе Лопухи. А дальше, въ глуши окаймляющихъ это плоскогорье къ востоку лѣсовъ, разбросаны небольшія деревеньки. Судьба поселила меня въ Нижнихъ Лопухахъ. Можетъ быть, это отчасти было и лучше, такъ какъ Нижніе Лопухи представляютъ изъ себя нѣчто среднее между заброшенными въ глушь „захудалыми" деревеньками и богатыми общинами большихъ селъ.

Съ одной стороны, оно официально и неофиціально, по историческимъ традиціямъ, было еще хоть нѣсколько связано съ этими засѣвшими въ глубинѣ „прирѣчнаго бора" захудалыми деревеньками. А въ этихъ захудалыхъ деревенькахъ до сихъ поръ еще сохранился старозавѣтный типъ общины-волости. Всѣ эти деревеньки живутъ еще одною гармоническою общинною жизнью, имѣя въ общемъ владѣніи лѣса, луга и выгоны и ежегодно передѣляя ихъ между собою. Эта община-волость захудалыхъ деревенекъ, не совпадающая, впрочемъ, съ официальной волостью, до сихъ поръ еще удержала за собой общее древнее прозвище Вальковщины. Прежде она охватывала значительно большій районъ селъ и деревень, но съ теченіемъ времени все сокращалась и сокращалась, теряя одну за другой изъ своихъ легковѣрныхъ дочерей-общинъ. Къ числу послѣднихъ принадлежатъ и Верхніе и Нижніе Лопухи. Когда совершилось это отпаденіе, здѣсь не запомнятъ, такъ какъ оно происходило постепенно, на это указываютъ и оставшіеся еще до сихъ поръ общіе куски земель и лѣса, и чрезполосицы. Съ другой стороны, Нижніе и Верхніе Лопухи не достигли еще далеко того идеала сосѣднихъ селъ хозяйственныхъ мужиковъ, который нашелъ, напримѣръ, въ селѣ Добролюбовѣ достаточно уже полное выраженіе. Добролюбово также распадается на двѣ половины—на верхнее и нижнее село. Одно стоитъ на горѣ и сплошь заселено „хозяйственными мужиками". Это богатый „хозяинъ-подрядчикъ" по каменной, кровельной и малярной части. Въ его рукахъ скопляется въ лѣтнее время отъ 50 до 100, 200, 500, а то и больше работниковъ изъ своихъ и изъ сосѣднихъ селъ и деревень. Каменныя и деревянныя хоромы, крытыя желѣзомъ и пестро разукрашенныя „по собственному скусу", исключительно занимаютъ верхнее село. Нижнее сплошь заселено бѣднякомъ-рабочимъ и застроено курной, крытой соломой, мужицкой избой. Между тѣмъ тѣ и другіе общинники одного общества. И общинныя формы очень привлекательныя: сѣнокосъ луговъ, напримѣръ, происходитъ съ дѣлежомъ продукта. А про внѣшній блескъ общины и говорить нечего: прекрасное училище, богатый храмъ съ золотою главой, спеціально сельскій, такъ какъ въ томъ же селѣ стоитъ и богатый монастырь; въ волостномъ правленіи старшина въ шитомъ кафтанѣ, нѣсколько интеллигентныхъ писарей, такъ какъ тутъ же имѣется и ссудосберегательная касса („банка" по выраженію мужиковъ). Наконецъ, проектируется устройство богадѣльни для „своего обчества" однимъ изъ „обчественныхъ мужичковъ". Нѣтъ сомнѣнія, что эта община—„исправный плательщикъ". Зато здѣсь верхнее село вполнѣ „хозяйствуетъ" не только надъ своими „сообщинниками" изъ нижняго села, но въ обширную операцію своего „хозяйствованія" захватываетъ цѣлыя сосѣднія села и деревни.

А эти сосѣднія села, всѣ эти Зарѣцкія, Залужныя, Заозерныя и проч. стремятся, болѣе или менѣе въ недалекомъ будущемъ, осуществить идеалъ „хозяйственнаго мужичка" въ томъ же смыслѣ, въ какомъ осуществило его и село Добролюбово. Въ этихъ селахъ крупные хозяева-предприниматели попадаются только изрѣдка; главный же контингентъ населенія составляютъ мелкіе хозяева, пока управляющіе артелями отъ 5—10—15 человѣкъ, не больше; затѣмъ десятники, получающіе у крупныхъ предпринимателей отъ 40—50, даже до 100 руб. въ мѣсяцъ жалованья; главное стремленіе такихъ десятниковъ, конечно, заключается въ томъ, чтобы при первой возможности начать „хозяйствовать" самостоятельно, начиная съ мелкихъ подрядовъ и артелей въ четыре-пять человѣкъ. За десятниками идутъ исправные и ловкіе работники, особенно поощряемые „хозяевами",

значитъ, кандидаты въ десятники, потомъ разные артельщики — биржевые и желѣзнодорожные — народъ обыкновенно „капитальный". Наконецъ, „исподнюю" часть населенія селъ и преимущественно деревень составляетъ простой рабочій: каменщикъ, кровельщикъ, маляръ и проч., надъ которымъ уже и производитъ свои операціи хозяйственный мужикъ-общинникъ.

Мы уже сказали, что Верхніе и Нижніе Лопухи представляютъ собою средній типъ между этими селами. Лежитъ это двойное село какъ разъ вдоль двухъ дорогъ— шоссейной и параллельно съ ней идущей желѣзной: вдоль первой вытянулись Нижніе Лопухи, а Верхніе скучились около церкви, на горѣ, сбоку чугунки, которая и раздѣляетъ между собою эти двѣ, соединенныя подъ одно названіе, но давно уже неимѣющія ничего общаго деревенскія общины. Да и вообще какъ Верхніе, такъ и Нижніе Лопухи представляли собою хотя и слитыя офиціально въ два сельскихъ общества, но, въ сущности, совершенно обособленныя группы-общины, съ особыми надѣлами и особымъ самоуправленіемъ по хозяйственнымъ дѣламъ. Въ описываемой нами полосѣ, нѣкогда преимущественно принадлежавшей мелкопомѣстнымъ барамъ, нерѣдко можно встрѣтить такія сложныя офиціальныя сельскія общества, въ которыя входятъ нѣсколько поземельныхъ общинъ, соединенныхъ только общимъ поселеніемъ и названіемъ. Но нигдѣ, кажется, такъ рѣзко не выразилось такое странное соединеніе разныхъ поземельныхъ общинъ, какъ въ Лопухахъ. Только стóитъ взглянуть на планъ этого села, чтобы притти въ недоумѣніе, какимъ образомъ возможно здѣсь хотя какое-нибудь раціональное хозяйство; сколько труда должны потратить крестьяне, чтобы выпутаться изъ этой сложной сѣти чрезполосицъ. Представьте себѣ площадь, всю изрѣзанную параллельно идущими полосами („ремнями", „лентами", какъ говорятъ сами мужики); представьте себѣ, что крайняя полоса принадлежитъ крестьянамъ Нижнихъ Лопуховъ, слѣдующая—попамъ, третья—крестьянамъ, живущимъ за 18 верстъ (!), но нѣкогда бывшимъ съ Нижними Лопухами во владѣніи одного помѣщика, четвертая—опять Нижнимъ Лопухамъ, пятая—„опекунскимъ", общинѣ изъ тридцати душъ, живущихъ въ Нижнихъ Лопухахъ, шестая—опять Нижнимъ Лопухамъ, седьмая—семидушной общинѣ, живущей тоже въ Нижнихъ Лопухахъ, но временно-обязанной третьему помѣщику, восьмая—опять Нижнимъ Лопухамъ и т. д., и т. д. Это полевая земля. Усадебная земля располосована на тѣ же части, и, кромѣ того, есть часть, принадлежащая Верхнимъ Лопухамъ и купцу-собственнику, скупившему бывшую барскую усадьбу Верхнихъ Лопуховъ. Чрезполосица въ луговой землѣ доходитъ до невѣроятныхъ размѣровъ. Не считая уже того, что лугъ Нижнихъ Лопуховъ находится у нихъ въ общемъ владѣніи съ деревней, отстоящей на пять верстъ, и они ежегодно передѣляютъ его между собою „изъ пятой части", т.-е. три пятыхъ идетъ Нижнимъ Лопухамъ, двѣ пятыхъ—деревнѣ Квашнѣ,—не считая этого, въ томъ же лугу вырѣзана какъ разъ посрединѣ полоса въ полдесятины, очень узкая, принадлежащая крестьянамъ другого села, отстоящаго на 18 верстъ! Въ свою очередь Нижніе и Верхніе Лопухи имѣютъ земельныя полосы—пахотныя, луговыя и лѣсныя—среди владѣній тѣхъ селъ и деревень, которыя мѣшаются съ ними, значитъ, опять за пять, десять и даже восемнадцать верстъ. Къ какимъ межъ-общиннымъ отношеніямъ приводитъ все это, мы увидимъ. Теперь же мы только приведемъ нѣсколько цифровыхъ данныхъ, выражающихъ составъ населенія Нижнихъ и Верхнихъ Лопуховъ. На столбѣ, при въѣздѣ въ Нижніе Лопухи, значится: село Лопухи, 1-го общества — душъ 160, дворовъ 60; на столбѣ же у Верхнихъ Лопуховъ стоитъ: село Лопухи, 2-го общества, душъ 90, дворовъ 30. Но въ общинно-поземельныхъ отношеніяхъ какъ Верхніе, такъ и Нижніе Лопухи распадались на слѣдующія самостоятельныя общины: бóльшая часть села Нижнихъ Лопуховъ, принадлежавшая графу N., составляла общину въ 112 душъ; затѣмъ, около 30 душъ, принадлежавшихъ опекѣ надъ какими-то малолѣтними наслѣдниками; потомъ, нѣсколько душъ „вольныхъ хлѣбопашцевъ", выкупившихъ свои надѣлы еще „до волн", и, наконецъ, упомянутая нами „семидушная" община изъ семи душъ и двухъ дворовъ, временно-обязанныхъ бывшему мировому судьѣ; эти два двора какъ разъ засѣли посрединѣ Нижнихъ Лопуховъ, имѣли самостоятельные надѣлы (куски и „ремни", разбросанные по разнымъ мѣстамъ, нѣкоторые верстъ за пять) и вели самостоятельную

„общинную“ жизнь, по извѣстнымъ традиціямъ. Въ свою очередь Верхніе Лопухи распадаются на двѣ части: бо́льшая изъ нихъ состоитъ изъ крестьянъ, принадлежавшихъ нѣкогда помѣщику, жившему здѣсь же въ своей усадьбѣ, которая, какъ мы говорили, теперь куплена купцомъ; меньшая — другого владѣльца, отрасли перваго. Вотъ какую сложную комбинацію представляетъ собой село Лопухи по населенію. Теперь приведемъ нѣсколько любопытныхъ данныхъ относительно экономическаго состоянія общинныхъ группъ этой комбинаціи.

Большая часть Нижнихъ Лопуховъ, т.-е. 112 душъ, извѣстныхъ подъ общимъ названіемъ „графскихъ“, самая *богатая, состоятельная, трезвая и „хозяйственная“*, владѣла „нищенскимъ надѣломъ“ въ $1^1/_4$ д. на душу; но, въ то же время, у нея былъ „собственный“ лѣсъ, въ „вѣчномъ владѣніи“ и общинномъ пользованіи, купленный еще во время крѣпостного права, „до воли“, самими крестьянами.

Въ то же время, какъ большая, такъ и меньшая часть „Верхнихъ Лопуховъ“, *самая бѣдная, несостоятельная, нетрезвая и нехозяйственная*, владѣла полнымъ надѣломъ по $4^1/_2$ десятины на душу.

Общины „опекунская“ и „семидушная“ владѣли надѣлами отъ 3 до $4^1/_2$ десятинъ; члены какъ той, такъ и другой общины были, въ экономическомъ отношеніи, крайне „неравномощны“, выражаясь мужицкимъ опредѣленіемъ. Такъ „семидушка“ состояла изъ двухъ дворовъ: первый, принадлежавшій большой семьѣ изъ трехъ взрослыхъ сыновей, двухъ невѣстокъ, одной взрослой дочери и массы ребятишекъ, съ дѣдомъ во главѣ, имѣлъ маленькую, трехъоконную избушку, въ которой вся эта семья и ютилась; у нея были двѣ коровы, одна лошадь, три овцы. Второй дворъ принадлежалъ семьѣ, состоявшей только изъ мужа, жены и малолѣтокъ. У нихъ была новая двухъ-этажная изба, крашеная по городскому, крытая желѣзомъ и сдававшаяся подъ училище. Хозяинъ дома жилъ рѣдко и все время проводилъ „на сторонѣ“, т.-е. хозяйствовалъ; хозяйство же деревенское вела батраками его жена. „Вольные хлѣбопашцы“ имѣли собственныя земли, изъ которыхъ пашня не передѣлялась, а луга дѣлились. Кажется, у нихъ было десятины по $2^1/_2$ на душу. Экономическое состояніе неравномѣрное.

Такова картина, набросанная только слегка. Не правда ли, довольно занимательная и поразительная картина невозможныхъ возможностей, невѣроятныхъ парадоксовъ, непримиримыхъ противорѣчій и компромиссовъ. Но если къ этой картинѣ прибавить рамку, которую составляютъ здѣсь земли желѣзнодорожныя, купца-собственника и собственника-крестьянина, земли помѣщиковъ, земли, сплошь пускаемыя въ „законный оборотъ“, то попробуйте привести въ какую-нибудь связь, къ какой-нибудь общей идеѣ этотъ невообразимый кавардакъ отношеній среди не болѣе, какъ 300 душъ! Попробуйте вы найти здѣсь хотя одну пядень твердой почвы нравственныхъ и соціальныхъ устоевъ, органическую связь, на которую можно было бы положиться и сказать: да, вотъ это *нѣчто*, что прочно связываетъ эти разнородные элементы, что кладетъ залогъ будущаго органическаго и естественнаго развитія... Здѣсь нѣтъ этой связи, здѣсь есть, конечно, *нѣчто*, что, повидимому, придаетъ этой странной амальгамѣ внѣшнюю благовидность порядка; но это *нѣчто*— страшное и суровое, которое вдругъ можетъ порваться... Изъ элементовъ, необладающихъ единствомъ химическаго сродства, можетъ быть составлена только смѣсь искусственная, только съ виду прочная, но иногда страшная и опасная, какъ химическая смѣсь гремучаго порошка...

Я пріѣхалъ въ село Лопухи совершенно незнакомымъ человѣкомъ. Въ немъ не имѣлъ я ни одного человѣка, который могъ бы мнѣ сообщить кое-какія предварительныя свѣдѣнія и дать кое-какія указанія. Чтобы нанять избу, я долженъ былъ нѣсколько разъ пройтись по сельской улицѣ и затѣмъ остановиться на которой-нибудь „по первому впечатлѣнію“ и вступить въ переговоры съ хозяиномъ. Пройдя раза два вдоль села и внимательно всматриваясь въ характерный типъ построекъ (собственно первенствовало два типа избъ: однѣ—длинныя, одноэтажныя, въ четыре, пять, даже шесть оконъ, на манеръ провинціальныхъ городскихъ домовъ; другія— трехъоконныя, высокія, двухъэтажныя, у которыхъ нижній этажъ, каменный, весь былъ занятъ кладовой, съ желѣзною дверью посрединѣ), я былъ пораженъ однимъ страннымъ и довольно курьезнымъ явленіемъ, которое мнѣ нигдѣ раньше не встрѣчалось. Я замѣтилъ, что многія изъ избъ перваго типа какъ разъ посерединѣ были какъ будто перепилены, начиная съ

крыши, и притомъ, всегда выходило такъ, что одна половина была новѣе другой и какъ бы приставлена уже послѣ къ другой, болѣе старой и дряхлой половинѣ. Между обѣими половинами оставался чуть замѣтный пролетъ, въ ширину руки. Выходило въ нѣкоторыхъ случаяхъ еще курьезнѣе: вмѣсто новой половины избы, примыкавшей къ старой по одинаковому плану фасада, оказывалась уже цѣлая изба, даже каменная, второго типа, а старая, дряхлая половина распиленной избы такъ и примыкала, какъ шалашъ, къ стѣнѣ первой своей поросшей уже мохомъ половинчатой крышей.

Я очень заинтересовался этимъ страннымъ явленіемъ и порѣшилъ непремѣнно поселиться въ такой избѣ. Проходя мимо большой деревянной двухъэтажной избы, крытой желѣзомъ, въ шесть оконъ вверху и внизу, я замѣтилъ высунувшіяся въ маленькія отверстія волоковыхъ оконъ нижняго этажа двѣ рыжія мужицкія бороды: одна въ окнѣ одной половины избы, другая—въ другой. Эти бороды, очевидно, слѣдили за мной.

— На дачкѣ, должно, располагаете разгуляться, господинъ?—спросила меня борода клиномъ.

— Да, думалъ бы... Не сдадите ли вы верхъ?

— Отчего не сдать! Мы себя этимъ не утѣснимъ... Мы, господинъ, крестьяне; народъ привышный: коли свободно—такъ и въ парадѣ жить можемъ, а ежели нужно, такъ и въ омшаникѣ проживемъ!.. Поживите у насъ! У насъ здѣсь мѣсто привольное: мы живемъ чисто, не то что какъ деревенская голытепа... У насъ здѣсь села городскія... У насъ господамъ жить можно... У насъ здѣсь благородный народъ тоже не въ рѣдкомъ бываньи... Вотъ прошлымъ годомъ тоже на дачкѣ разгуливалъ здѣсь одинъ господинъ, изъ купеческаго званія. Остался вполнѣ доволенъ.—Такъ, наперерывъ одна предъ другой, рекомендовали мнѣ бороды свое „городское" село.

— Хорошо. Давайте, посмотрю.

Обѣ бороды мгновенно скрылись изъ маленькихъ отверстій волоковыхъ оконъ и затѣмъ черезъ минуту съ противоположныхъ концовъ избы, одна—изъ однихъ воротъ, другая—изъ другихъ, появились уже въ образѣ полныхъ мужиковъ, рослыхъ, здоровыхъ, среднихъ лѣтъ, одѣтыхъ въ чистыя ситцевыя рубахи и большіе сапоги. Одинъ—пониже, съ маленькою клиновидною бородкой, худымъ лицомъ и безпокойными глазами; другой—съ круглою бородкой и добродушно-широкимъ бабьимъ лицомъ, выше, плотнѣе и здоровѣе перваго.

— Пожалуйте!

— Въ какія же ворота мнѣ итти?

— Да въ которыя хочешь... Хоть вотъ отъ него, али отъ меня — все равно .. Мы, вѣдь, брательники... Что-жъ ворота!.. Въ ворота, въ какія хочешь, въ тѣ и будешь входить... Это ничего.

Войдя во дворъ съ правой стороны, мы поднялись по тремъ ступенкамъ въ „чистый" этажъ. Въ первой половинѣ бабы пили чай. При нашемъ появленіи онѣ засуетились.

— Ничего-съ, онѣ намъ не помѣшаютъ... Это все уберется... Чисто будетъ-съ... Вы какъ—одинокій будете? Одну половину желаете?

— Нѣтъ, я съ семействомъ. — Мнѣ нужно весь верхъ.

— Оно и лучше—слободнѣе... Тутъ у насъ, значитъ, теперь заколочена дверь-то въ другую половину... вотъ къ нему... Такъ мы это сейчасъ. — Принеси-ка топоръ, Якишка! — приказалъ одинъ изъ братьевъ, вѣроятно, своему подростку.— Мы сейчасъ соединимся... живымъ манеромъ!

— А вы въ раздѣлѣ развѣ живете?..

— Да, въ раздѣлѣ. Отъ батюшки еще... Это вотъ, значитъ, моя половина, а эта— его. Такъ ужъ мы и знаемъ, чтобы безъ сумлѣнія или непріятностей... А для васъ— мы сейчасъ сладимъ, живымъ манеромъ.

Дверь была отколочена, и мы прошли въ другую половину избы, совершенно равную первой, въ которой тоже бабы пили чай.

— Это вотъ мои чайничаютъ... Ничего. Это все уберется, чисто будетъ,— говорилъ брательникъ съ бабьимъ лицомъ.

Я рѣшилъ, что помѣщеніе будетъ для меня удобно, только желалъ бы предварительно познакомиться съ хозяевами, почему не мѣшало бы поставить самоваръ. Самоваръ былъ подогрѣтъ, и я вступилъ со своими хозяевами въ бесѣду. Они отрекомендовали мнѣ своихъ хозяекъ—здоровыхъ, рослыхъ бабъ, тоже среднихъ лѣтъ, напоминавшихъ „дворничихъ" постоялыхъ дворовъ, своихъ ребятишекъ. У старшаго изъ братьевъ, добродушнаго, съ бабьей физіономіей, была и жена постарше, хотя уже вторая, на которой онъ женился вдовцомъ; у нихъ двѣ дочери—одной 12, другой 3 года; у младшаго

брата—красивая, высокая и статная жена, у нихъ одинъ сынъ—подростокъ, лѣтъ 13. Прочія бабы были гости-сосѣдки, которыя тотчасъ же ушли, и остались только двѣ молодыя дѣвки, одна—помоложе, лѣтъ 16, съ добрымъ, почти еще дѣтскимъ лицомъ и не сформировавшимся корпусомъ; другая—лѣтъ 18, которая уже совсѣмъ „налилась", что называется „кровь съ молокомъ". Это были работницы, взятыя изъ одной сосѣдней бѣдной деревеньки.

Вслѣдъ за самоваромъ вошелъ къ намъ въ избу мужикъ лѣтъ пятидесяти, съ просѣдью въ волосахъ и бородѣ; вошелъ онъ очень непринужденно, какъ будто завернулъ такъ, мимоходомъ; окинувъ меня проницательнымъ взглядомъ и чуть кивнувъ головой, онъ присѣлъ на краешекъ скамьи и сталъ играть бывшими у него въ рукахъ ключами. На немъ былъ пиджакъ, жилетка и хорошіе сапоги.

— Насчетъ дачки?—спросилъ онъ „легкимъ" тономъ.

— Да, нанимаю.

— Гм... Нанимайте! — Рекомендую... Народъ у насъ здѣсь хучь очепно разнородный живетъ, но есть, которые хорошее обращеніе понимаютъ... Есть умственные мужички... Чайку попить, когда ежели отъ скуки, побесѣдовать...

— На этотъ счетъ будьте спокойны... есть... У насъ ежели чернота, такъ это вотъ въ Верхнемъ селѣ,—поддерживали братья:—тамъ точно чернота... Ну, у насъ, чернота не держится.

— У насъ ей вздоху нѣтъ... Можно сказать, у насъ этой черноты вовсе нѣтъ...

— Ну, какъ нѣтъ! — есть и у насъ много... Съ кѣмъ тоже несчастіе не бываетъ: всяко случается... Вѣкъ безъ бѣды не проживешь,—замѣтилъ добродушный брательникъ: — нынче живешь хозяйственно, а завтра—Богъ вѣдаетъ!..

— Да, развѣ я объ этомъ говорю... Ахъ, дурачекъ, дурачекъ!—покровительственно покачалъ головой пиджакъ: — у насъ эта чернота есть, только ей свободы нѣтъ, поблажки, вздоху!.. Чтобы, значитъ, предоставленно ей было на дебоши, али на кабакъ какое право?.. У насъ для нея правила есть, острастка... Я, господинъ, самъ питейную лавочку въ этихъ мѣстахъ содержалъ—такъ это понимаю... Вотъ съ Верхняго села чернота... такъ настоящая чернота!.. Та пьетъ въ мертвую голову... Дебошитъ, шумитъ... Ежели онъ послѣднія портки, извините, пропьетъ, такъ, вѣдь, сколько онъ и себѣ и другимъ неудовольствія принесетъ! Вѣдь, онъ объ этихъ порткахъ на всю округу голосъ дастъ!.. Потому—народъ чернота, ошалѣлый вполнѣ. Вотъ я про что, дурачокъ, говорю. А наши „графскіе" пьютъ благородно. Онъ, можетъ, и больше пропьетъ, по суммости, да благородно. Возьметъ онъ всѣмъ міромъ водки, али наливки—выпьетъ благородно вполнѣ! И кабатчику прибыли больше, и порядокъ, обхожденіе есть... У насъ и самая эта чернота-то къ обхожденію пріучена... Въ случаѣ чего, она ужъ не задуритъ, а объ томъ помышляетъ, какъ бы ей отъ своего общества охулки не произошло!.. Да позвольте, я вотъ вамъ скажу, какъ у насъ чернота-то эта обучена всякимъ правиламъ. Вотъ вы, можетъ, изволили замѣтить, у насъ что ни три избы, то четвертая заколочена, пустуетъ, значитъ? Вотъ посмотрите...

— Да, я дѣйствительно замѣтилъ это, но не придалъ особаго значенія.

— А вотъ тутъ-то, можно сказать, настоящее наше поведеніе и есть... Кабы у насъ чернота-то или, вообще, народъ баловался, такъ этого бы не было... Вонъ въ Верхнемъ селѣ. У него ни синя пороха нѣтъ, такъ, въ полной наготѣ проживаетъ, а все дома не пустуютъ. Потому, чернота—такъ и въ пустой избѣ достаточно можетъ бунтовать... Ну, этого у насъ нѣтъ... У насъ, ежели только чуть кто посшибся, хозяйство упустилъ, онъ сейчасъ вонъ, въ бѣга... Онъ ужъ міру глаза не мозолитъ своимъ поведеніемъ, потому чувствуетъ, что ему зазорно, что его за это не похвалятъ.. Онъ ужъ и бѣжитъ! Тамъ онъ на сторонѣ, Богъ его знаетъ, что дѣлаетъ, можетъ, еще хуже чертитъ, да зато онъ свое обчество не безчеститъ... Потому, для него здѣсь этакова поведенія нѣтъ...

— Вотъ какъ! А какъ же надѣлъ?

— А надѣлъ онъ хозяйственному мужику сдаетъ... Сдаетъ да еще помолится и попроситъ, да въ придачу дастъ, только, значитъ, не откажи... Ну, у насъ съ удовольствіемъ. Мы беремъ... Хозяйственный-то мужичокъ наберетъ въ одинъ надѣлъ четыре, да своихъ два: онъ и можетъ около нихъ орудовать. У него, значитъ, и хозяйство ведется, и самъ онъ умственно дѣло ведетъ...

— Кабы не *они*, такъ развѣ намъ бы

можно жить? — замѣтилъ добродушный брательникъ.

— Кабы не этотъ *„водушный народъ“*, такъ намъ бы весьма утѣшительно было... А вотъ теперь какъ поспустишь отъ міра этого воздушнаго-то народу достаточно, оно тебѣ и свободно.

— А какъ же они на сторонѣ живутъ?

— А ужъ это ихнее дѣло-съ! Они въ наши распорядки здѣсь не вмѣшиваются, а мы въ ихніе... Кабы не такъ, такъ что бы было? Совсѣмъ никакой выправки или порядку... Вотъ у Верхнихъ. У нихъ по 4 десятины, земли махина — и балуютъ. А у насъ этого поведенія допустить нельзя. У насъ надѣлъ нищенскій... У насъ народъ въ струнѣ держится. У насъ народъ выдержанный! Мы не будемъ завидовать Верхнимъ. Мало что у насъ земли мало, да мы живемъ у Бога за пазухой...

— Нанимайте, нанимайте!—вдругъ посовѣтовалъ мнѣ, поднимаясь, почтенный старецъ:—у насъ господамъ очень возможно проживать... Вотъ ежели бы въ Верхнее село, я и самъ не посовѣтовалъ бы... А здѣсь — совѣтую. Потому нашъ мужикъ—съ рекомендаціей крестьянинъ. Совѣтую.

И старикъ также непринужденно ушелъ, не кивнувъ даже и головой.

— Это кто такой?—спросилъ я братьевъ.

— Это тоже брательникъ нашъ будетъ, старшій...

— Онъ тоже съ вами живетъ?

— Нѣтъ, онъ въ особицу... Онъ и не то, чтобы, значитъ, прямой крестьянинъ... Солдатомъ онъ былъ, ну, а послѣ того по коммерческой части шелъ... Виномъ торговалъ, хозяйствовалъ, выходитъ...

— И теперь хозяйствуетъ?

— Нѣтъ, теперь онъ на капиталѣ живетъ. Думаетъ, кажись, опять... Въ Верхнемъ селѣ хочетъ винную лавочку открыть...

— А надѣлъ у него есть?

— Надѣлу настоящаго нѣтъ; у міра онъ на одну душку выпросилъ... Дали.

— Зачѣмъ же это ему понадобилось?

— А такъ... Чтобы ужъ, значитъ, вполнѣ крестьяниномъ считаться, въ обществѣ своемъ быть...

— И выгодно ему?

— Какая ужъ выгода въ нашемъ надѣлѣ!—Съ одного надѣла у насъ разоръ, еще своихъ приплатишь... Такъ ужъ взялъ, въ лесть... Лестно!

Интересъ къ этимъ любопытнымъ „крестьянамъ съ рекомендаціей“ съ каждымъ разомъ росъ во мнѣ все больше.

— А вы совсѣмъ въ раздѣлѣ живете?

— Вполнѣ.

— И ничего общаго не имѣете: ни хозяйства, ни орудій.

— Вполнѣ въ раздѣлѣ... Потому у насъ свободно народъ привыкъ жить. У насъ изойди все село—много двора два найдешь, гдѣ бы не въ раздѣлѣ жили. У насъ ужъ такой народъ.

— Что же, развѣ этакъ лучше?

— Лучше. Первымъ дѣломъ—непріятностевъ меньше, ссоры...

— Да, вѣдь, невыгодно, говорятъ? Все оно въ большой-то семьѣ, сообща-то, спорѣе идетъ...

— Спорѣе, это вѣрно. Такъ, вѣдь, и у насъ не заказываютъ: ежели тебѣ съ кѣмъ выгодно сообща вести дѣло—веди... Тутъ раздѣлъ не мѣшаетъ. Вотъ, примѣрно, теперь мы, пріятели, такъ скажемъ, хотя и въ раздѣлѣ живемъ, а землю въ аренду сообща беремъ... Кое-чѣмъ поможемъ другъ другу.

— А много ли васъ, пріятелей, въ компаніи-то?

— Да вотъ насъ три брата, да еще со стороны... человѣкъ пять будетъ, значитъ, восемь *братовъ*... У насъ *по братамъ* расчетъ идетъ... Кто сколько паевъ можетъ вытянуть, столько и беремъ.

— Какъ же вы убираете арендную землю, сообща?

— Пашню дѣлимъ на паи и убираемъ каждый въ особицу. Лугъ сообща убираемъ.

— А потомъ?

— Потомъ — сѣномъ дѣлимъ, копнами... У насъ это ладно идетъ, хорошо!.. Потому мы *по-любкамъ* сходимся, не по принужденію, кто, значитъ, кому любъ!.. Потому у насъ и въ раздѣлахъ жить можно... Мы пріятельски живемъ, братами!..

— Значитъ, у васъ старики не въ большой власти?

— Старики у насъ, можно сказать, ничего не стоятъ. У насъ какъ ежели маломальски молодецъ въ разумъ вошелъ—онъ сейчасъ въ раздѣлъ, али самъ хозяйствуетъ... У насъ и на міру—„середнякъ“ владыка... Старики у насъ и на „всходы“ не ходятъ... Засмѣютъ! Ежели у старика есть сынъ „середнякъ“ — онъ на всходъ и ходитъ... Потому—что жъ старикъ! У старика ужъ этого разумѣ-

нія быть не можетъ, какъ у сына, примѣромъ,—докладывалъ мнѣ брательникъ съ бородой клиномъ;—я въ полной силѣ человѣкъ, значитъ и въ полномъ разумѣ... Середнякъ настоящій мужикъ и есть.

— А что значатъ у васъ эти распиленныя избы?

— А вотъ это и значатъ — раздѣлъ значитъ, въ раздѣлѣ живутъ, какъ и мы же.

— Да, вѣдь, у васъ еще не распилены!

— Намъ пока и не требуется... А если вотъ, Богъ дастъ, я или сынъ, съ Божьей милостью, въ силу войдетъ, хозяйствовать кто-нибудь станетъ, захочется почище горницу-то вывести, ну, тогда и распилимся... Отпилю я свою половину, да новую выстрою, попригляднѣе; да подъ одну крышу и подведу.

— Зачѣмъ же подъ одну крышу?

— А затѣмъ, что, ежели когда вотъ брательникъ уйдетъ на сторону, въ воздушные-то эти народы запишется, грѣшнымъ часомъ, я у него другую-то половину скуплю—да замѣстъ ея новую опять выведу да ужъ обѣ половины въ одинъ домъ и вытяну!..

— Такъ это ты и будешь ждать, пока его Богъ несчастіемъ накажетъ?

— Зачѣмъ такъ... Все Божья власть! Можетъ, и его Господь взыщетъ, крупное хозяйство поведетъ, ну, тогда онъ себѣ *цѣпь* у міра возьметъ особую, да тамъ своимъ всѣмъ хозяйствомъ и расположится... Потому у насъ на каждый дворъ *цѣпь* полагается (10 саженъ, по улицѣ).

— Отчего жъ теперь не уходитъ каждый отдѣлившійся на новую цѣпь?

— Не любятъ со старыхъ мѣстъ трогаться—это первое. А второе дѣло—усадьбой тронуться не шутка! Какъ ты полъ-избы-то перенесешь? Ну, и живутъ вмѣстѣ.

— А эти вотъ заколоченныя-то избы—„воздушному“ народу принадлежатъ?

— Воздушному... вполнѣ! — улыбнулись брательники:—потому летаетъ, какъ птица! Все сидитъ, все крѣпится, перемогается какъ ни-то на десятинѣ-то своей, а потомъ—фю! И улетѣлъ... Попроситъ сосѣда, чтобы у него паспорта не задержали, взять его надѣлъ въ аренду, Христомъ Богомъ еще проситъ, водкой напоитъ и денегъ обязуется присылать въ приплату, — только сдѣлай милость возьми! Ну, и берутъ... Намъ это, хозяйственнымъ мужикамъ, на-руку... Случается такъ—вернется назадъ, и хочется взять землю-то—да взяться за нее нечѣмъ: къ рендателю же на свою-то землю въ батраки наймется... Все, вѣдь, это—кого чѣмъ Господь пошлетъ!..

Однообразно тянулась моя предварительная бесѣда съ мужиками; однообразно, не негодуя и не умиляясь ни передъ чѣмъ, только изрѣдка улыбаясь, въ какой-то невозможно-логической послѣдовательности, передавали мнѣ мужики фактъ за фактомъ, изъ которыхъ одинъ, повидимому, совершенно долженъ былъ исключать другой. Но эти факты стояли рядомъ, какъ будто такъ и должно быть. И въ самихъ мужикахъ, повидимому, ни тѣни сомнѣнія въ непримиримости этихъ фактовъ. Вотъ и въ моей головѣ слѣдуютъ они одинъ за другимъ въ такомъ порядкѣ: „община“—и батракъ на собственной землѣ; крестьянинъ, выпрашивающій надѣлъ хоть на одну душку, „потому ему это въ лесть“—и крестьянинъ, бѣгущій отъ этого надѣла и незнающій куда бы только сбыть съ рукъ эту свою „душку“, эти распиленныя и пустующія избы—и товарищество съ дѣлежомъ продукта: товарищество „по-любкамъ“, кто кому милъ—и, въ то же время, „чернота“, „воздушный народъ“, которому „вздоху не даютъ“, котораго въ „правилахъ держатъ“...

Картина, достойная быть благодарной и заманчивой завязкой любого романа. Есть надъ чѣмъ поработать, чтобы распутать этотъ деревенскій „гордіевъ узелъ“! Только сомнительно, чтобы нашелся великій художникъ, который довелъ бы это дѣло до конца и не прибѣгъ, въ концѣ-концовъ, измученный въ безплодной работѣ, къ необходимости призвать на помощь deus ex machina.

Я окончательно рѣшилъ поселиться въ избѣ брательниковъ. Мы условились. Напившись чаю, я попросилъ довезти меня до ближайшей станціи желѣзной дороги.

— Что жъ, съ удовольствіемъ,—отозвались братья,—только лошади-то у насъ рабочія, тяжелыя... Мы вотъ брательнику скажемъ, у него жеребенокъ гулящій, видный. Онъ его вамъ въ шарабанчикъ заложитъ...

— Такъ у него и шарабанчикъ есть?

— Есть! Ка-акъ же! У насъ это здѣсь не въ рѣдкомъ бываньи... Будьте спокойны... Мы сейчасъ...

— Нѣтъ ужъ, вы мнѣ лучше заложите роспуски... Оно много спокойнѣе...

— Что жъ, можно и роспуски.

Черезъ полчаса лошадь была готова. Почтенный старый служака, разъѣзжающій въ шарабанчикѣ, держалъ подъ уздцы, дѣйствительно, прекраснаго жеребца.

— На-апр-асно,—соболѣзновалъ онъ,—отъ шарабанчика отказались!.. Мы бы съ полнымъ удовольствіемъ... А впрочемъ, какъ угодно... Довеземъ во всякихъ экипажахъ.

Мы поѣхали и всю дорогу бесѣдовали о цѣлесообразности современнаго проекта по преобразованію кабаковъ безъ закуски въ бѣлыя харчевни съ закусками, дабы народъ не опивался „жрамши эту самую водку безъ всякаго благородства", какъ выражался мой собесѣдникъ. Къ проекту онъ отнесся сочувственно и даже похвалилъ нѣсколько разъ, но не безъ скептицизма.

— Это что жъ—дѣло весьма похвальное! Придумано хорошо! Конечно, Петербургъ, правительственное помѣщеніе... Нельзя не похвалить!.. Потому, помилуйте, нынче у насъ въ кабакахъ такое поведеніе, что даже срамно-съ... Ни ты гостю селедочки, или сырцу, или чего другого предложить не можешь, не можешь угостить его по-человѣчески!.. Не можешь никакой ему пріятности доставить! Какъ же онъ, спрошу васъ, пить будетъ? Урывкомъ, съ жадностью... Хватитъ косушку и съ ногъ долой. А ежели я его съ пріятною закусочкой усажу, такъ онъ у меня весь день просидитъ въ пріятной бесѣдѣ и хоша вдвое выпьетъ, все не въ опьянѣніи будетъ, а болѣе въ благородномъ мечтаніи... Понимаемъ это вполнѣ! Умно! А какъ скоро это будетъ, не слышно?

— Не слыхалъ. А что?

— Такъ, заведеньице я хочу опять открыть, не мудрящее хоша, а все бы я ужъ такое и приспособленіе сдѣлалъ... Умно! Что говорить! Какъ ни поверни—сообразительно! Теперича хоша насчетъ акцизу взять... Увеличеніе большое! Умно! Сообразительно!

Почтенный кабатчикъ неустанно продолжалъ восхищаться проектомъ бѣлыхъ харчевенъ и даже нарисовалъ передо мной блестящую картину будущаго „выпиванія съ благороднымъ поведеніемъ".

Мы пріѣхали. Я спросилъ, сколько слѣдуетъ за подводу.

— За подводу? Помилуйте... Да мы даже и ѣхали-то больше въ свое удовольствіе... Намъ даже очень обидно, что шарабанчикъ не пожелали!.. За подводу! Ежели бы я дуракъ былъ, чернота, не умный мужикъ, оно, конечно, я бы за гривенникъ, можетъ, прокламацію завелъ... Ну, а при своемъ поведеніи я этого никогда не допущу.

— Однако, довольно будетъ?

— Довольно ли? А вотъ какъ,—самодовольно улыбнулся кабатчикъ:—сейчасъ я эти ваши деньги суну за голенище и даже считать не стану! Вотъ какое нашето поведеніе! Чтобы огорчать кого вымогательствомъ, мы это и не подумаемъ... Благодаримъ! Будемъ ожидать! Счастливо возвратиться! И кабатчикъ презрительно сунулъ мои два двугривенныхъ въ карманъ.

ГЛАВА XIII.

Между прочимъ.

Въ предыдущихъ главахъ не разъ приходилось намъ особенно настоятельно высказывать мысль, что въ словѣ „хозяйствовать", пріобрѣтшемъ такое солидное право гражданства въ современной, преимущественно промышленной, деревнѣ, заключено очень характерное и широкое понятіе. Не преувеличивая, можно сказать, что оно охватываетъ собою и обобщаетъ чрезвычайно широкій кругъ явленій мужицкой жизни. Въ то время, какъ въ словахъ „община", „общинныя міровоззрѣнія", „общинный мірской человѣкъ" для насъ обобщается одна сторона мужицкой души, извѣстный складъ его своеобразныхъ понятій и стремленій въ смыслѣ солидарности на основахъ извѣстныхъ экономическихъ и соціальныхъ отношеній, въ словѣ „хозяинъ", „хозяйствовать" обобщается другая сторона этой души—сторона исключительно индивидуальныхъ стремленій къ обособленію, къ господству, къ достиженію благосостоянія путемъ иныхъ экономическихъ и нравственныхъ основъ. Такимъ образомъ, въ мужицкой душѣ живетъ, повидимому, такой же дуализмъ, такая же борьба альтруистическихъ стремленій съ эгоистическими, какъ и въ насъ. Извѣстно, что давно уже міровыхъ мыслителей занимала мысль—открыть такія формы общественныхъ отношеній, при которыхъ могла бы быть достигнута наивысшая гармонія этихъ двухъ, повидимому, непримиримыхъ

элементовъ человѣческой души. Въ исторіи человѣчества они не находили этихъ формъ; напротивъ, всюду видѣли преобладаніе эгоистическихъ стремленій надъ альтруистическими, видѣли борьбу всѣхъ противъ каждаго и каждаго противъ всѣхъ. Извѣстно, что такое положеніе вещей постоянно приводило великіе умы къ необходимости созданія гипотетическихъ, идеальныхъ формъ отношеній. Попытки примѣненія этихъ гипотетическихъ, идеальныхъ формъ жизни къ настоящей дѣйствительности никогда не оказывались устойчивыми и прочными, по разнообразнымъ причинамъ. Изученіе общинныхъ формъ быта у доисторическихъ племенъ и въ сохранившихся остаткахъ ихъ у нѣкоторыхъ народностей (въ томъ числѣ и русской) поставило, въ послѣднее время, этотъ вопросъ нѣсколько на новую почву. Чѣмъ глубже шло изученіе этихъ формъ, тѣмъ болѣе многіе стали мечтать, что, можетъ быть, эти-то формы соціальныхъ отношеній, созданныя народнымъ творчествомъ еще на зарѣ цивилизаціи, и заключаютъ въ себѣ воплощеніе той желаемой гармоніи, въ которой естественно, безъ малѣйшаго насилія, примиряются начала общаго и личнаго, альтруистическихъ и эгоистическихъ стремленій. Пока же община представляетъ еще далеко необслѣдованный фактъ, понятно, что существуетъ масса различныхъ на нее воззрѣній; главнымъ же образомъ они распадаются на двѣ группы — оптимистическихъ и скептическихъ. Люди, одушевленные скептическими воззрѣніями на общину, являются ярыми противниками ея, доказывая, главнымъ образомъ, именно то, что общинныя начала стѣсняютъ начало личной свободы и предпріимчивости и тѣмъ замедляютъ, будто бы, ходъ человѣческаго прогресса. Понятно, что оптимисты и сторонники общины, напротивъ, всѣми силами стараются доказать, что община потому-то и представляетъ наивысшую форму общественныхъ отношеній, что она ни мало не стѣсняетъ, будто бы, личную свободу и предпріимчивость, достигая въ то же время наилучшихъ отношеній между индивидуумами.

Всѣ эти общія положенія давно извѣстны нашимъ читателямъ и мы приводимъ ихъ здѣсь вовсе не для того, чтобы возобновлять старые споры, которые въ свое время достаточно разъяснили эти вопросы въ отвлеченной формѣ,—мы приводимъ ихъ только съ тѣмъ, чтобы освѣтить для читателя ту почву, на которой въ настоящее время идетъ практическая разработка и провѣрка прежнихъ теоретическихъ задачъ. Мы даже не беремъ въ расчетъ здѣсь нашихъ отечественныхъ противниковъ общиннаго начала, такъ какъ, во-первыхъ, побужденія, руководящія ими въ большинствѣ случаевъ, не вполнѣ чисты, а, во-вторыхъ, и потому, что по нашему мнѣнію, разрабатывать вопросы объ общинѣ путемъ полемики съ ними не только безполезно, но и вредно. Безполезно потому, что отечественныхъ защитниковъ принципа laissez passer, laissez faire не разубѣдишь, вредно потому, что наши защитники общины, въ пылу полемики, тысячу разъ рискуютъ забраться сами въ непроходимыя дебри всякихъ недоразумѣній. Примѣры этого мы имѣли уже случай привести.

Мы думаемъ, что несравненно болѣе принесло бы пользы дѣлу, если бъ изученіе общины шло не на почвѣ полемики съ противниками ея, а въ особенности съ такими, каковы наши, а на почвѣ безотносительной, съ точки зрѣнія исключительно только большаго или меньшаго воплощенія въ ней исконныхъ общинныхъ идеаловъ. При такой постановкѣ дѣла намъ не приходилось бы вступать въ компромиссы съ охранителями принципа laissez faire и защитниками „раціональнаго удобренія". А еще болѣе это было бы полезно въ томъ отношеніи, что сразу открыло бы намъ среди расплодившихся либеральныхъ защитниковъ общины истинныхъ и лицемѣрныхъ нашихъ друзей. Какой либералъ не защищаетъ нынче общину? у кого изъ нихъ она постоянно не на языкѣ? Но если бы вы вникли въ то содержаніе, которое они вкладываютъ въ общину, вы отшатнулись бы отъ нихъ, какъ отъ злѣйшихъ враговъ ея. Понятно, что они путаются въ мутной водѣ полемики. Главнымъ источникомъ этой „мутной воды" именно и служитъ то характерное и широкое понятіе, которое выражаетъ русскій мужикъ словами: „хозяинъ", „хозяйствовать", „хозяйственный крестьянинъ".

Постараемся разъяснить это.

Въ программѣ одного ученаго общества стоитъ такой вопросъ: „оказываютъ ли на приговоры схода вліяніе староста и *міроѣды*, и какое именно"? Если ученыя общества считаютъ нужнымъ ставить подобные вопросы, то, значитъ, „міроѣдство", „кулачество", во-первыхъ, огром-

ное зло, а во-вторыхъ, понятіе совершенно ясное и опредѣленное, не подверженное никакимъ превратнымъ толкованіямъ. Но понятія „міроѣдства“ и „кулачества“ достаточно ли опредѣленны и ясны, чтобы люди науки могли употреблять эти названія, не боясь вызвать путаницу и недоразумѣніе? Мы думаемъ, что этого нѣтъ. А это обстоятельство не маловажное. Слова „міроѣдъ“ и „кулакъ“ взяты изъ ходячаго народнаго лексикона и, какъ всѣ ходячія понятія, страдаютъ смутностью, неясностью и неопредѣленностью, такъ какъ всегда употребляются въ условномъ, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, смыслѣ. Но положимъ, что слова „міроѣдъ“ и „кулакъ“ имѣютъ вполнѣ опредѣленный смыслъ, т.-е. этимъ прозвищемъ клеймятся тѣ состоятельные мужики, которые умѣютъ пользоваться несчастнымъ положеніемъ своего собрата для личныхъ выгодъ. Это уже будетъ довольно широкое опредѣленіе. А мы знаемъ, что въ большинствѣ случаевъ оно далеко не такъ объемисто. Напримѣръ, обработка хозяйственнымъ и состоятельнымъ мужикомъ своего клочка земли батраками не считается кулачествомъ, какъ не считаются кулачествомъ и тѣ „фабрички“, которыя открываютъ хозяйственные мужички вблизи бѣдныхъ деревень, разсчитывая на приливъ дешевыхъ рабочихъ. Изслѣдуя нашу крестьянскую общину, ученые люди находятъ, что въ сердцѣ ея живетъ язва, подрывающая ея основы и экономическое благосостояніе: язва эта—кулачество и міроѣдство, возросшее на условіяхъ экономической несостоятельности большинства. Чтобъ уничтожить эту язву, нужно дать возможность широкой свободы развитія въ общинѣ „исправныхъ, лучшихъ *хозяевъ*, исправныхъ плательщиковъ“. Но въ такомъ случаѣ къ какой же категоріи должны быть отнесены тѣ „лучшіе хозяева общины и исправные плательщики“, которые, какъ мы видѣли выше, захватили себѣ лучшія земли въ общинѣ, а худшія выбросили бѣднякамъ-недоимщикамъ и „упалымъ хозяевамъ“. Кто же они: кулаки-міроѣды или желаемые „лучшіе хозяева и исправные плательщики“? Кто эти: міроѣды или лучшіе хозяева, которые подбираютъ надѣлы своихъ обѣднѣвшихъ „шабровъ“ и ждутъ не дождутся, когда этихъ шабровъ „Господь несчастіемъ попуститъ“?

Кстати, мы приведемъ здѣсь еще слѣдующіе характерные факты. Въ одной изъ общинъ Шуйскаго уѣзда, Владимірской губерніи, состоялся приговоръ отъ всего сельскаго общества, изъ 120 душъ, въ томъ, что сельское общество въ лицѣ (пересчитывается 40 человѣкъ *грамотныхъ*) и прочихъ (вѣроятно, неграмотныхъ) рѣшило купить у сосѣдняго владѣльца всѣмъ обществомъ землю, съ тѣмъ, чтобы владѣть ею сообща, какъ пожелаетъ міръ. Хлопоты же по этому дѣлу возложить на выборныхъ общества (имя рекъ, изъ числа 40 грамотныхъ). Къ этому приговору подписуются за себя и за безграмотныхъ опять все тѣ же 40 человѣкъ. Заручившись такимъ приговоромъ, выборные отправляются совершать актъ къ нотаріусу въ губернскій городъ и здѣсь, вѣроятно, благодаря особенному складу воззрѣній на сдѣлки нотаріуса, общественный приговоръ обращается въ „условіе“ между сорока человѣкъ крестьянъ, покупающихъ въ складчину землю. На основаніи такой сдѣлки, окружной судъ выдаетъ актъ на вводъ во владѣніе землей *сорока* человѣкамъ крестьянъ, купившихъ будто бы въ складчину между собою. И вотъ среди общины изъ 120 душъ внезапно, на основаніи мірского приговора, образуется 40 человѣкъ-собственниковъ. Богъ знаетъ, что вышло бы изъ этого дальше, если бы эти сорокъ мужиковъ, стакнувшихся на обманъ, не поссорились изъ-за чего-то между собою, вслѣдствіе чего мировой судья призналъ состоявшуюся сдѣлку неправильною и отказалъ во вводѣ во владѣніе. Фактъ чрезвычайно любопытный и характерный: изъ 120 членовъ общины ровно *цѣлая треть* соглашается вступить въ мошенническую стачку насчетъ своихъ сообщинниковъ и среди этой трети не нашлось ни одного праведника, какъ въ Содомѣ, чтобы разрушить во-время эту плутовскую сдѣлку!

Вотъ другой фактъ. Завелся среди одной волости кулакъ, скупившій у барина цѣлое имѣніе; сталъ онъ „хозяйствовать“, обративъ сосѣдшія общины чуть не въ постоянныхъ своихъ батраковъ, такъ что малоземельнымъ общинамъ вздохнуть отъ него нельзя было. Но вотъ одна изъ нихъ, наконецъ, какъ-то собралась съ силами и, благодаря счастливому стеченію обстоятельствъ, приведшихъ кулака къ необходимости продать землю, скупила у него всю землю общиной и сдѣлалась, такимъ образомъ, довольно крупнымъ собственникомъ. Занявъ мѣсто кулака, община принялась „хозяйствовать“ совершен-

но въ томъ же духѣ, какъ нѣкогда хозяйствовалъ самъ кулакъ. Ея сосѣдки-общины не вздохнули легче.

Несомнѣнно, какъ въ первомъ, такъ и во второмъ случаѣ производили „хозяйственныя операціи“ только „исправные хозяева и плательщики, лучшіе хозяева“, такъ какъ они одни могли быть состоятельными и „правомощными“ (какъ говорятъ мужики), чтобы вносить крупныя суммы.

Скажите теперь, эта треть членовъ общины въ первомъ случаѣ и вся община цѣликомъ во второмъ—что это: кулаки ли, міроѣды или исправные и лучшіе хозяева, при благопріятныхъ условіяхъ осуществляющіе свои стремленія къ „хозяйствованію на болѣе широкихъ и раціональныхъ основаніяхъ“? Тотъ или другой будетъ отвѣтъ, но несомнѣнно, что результатъ получится одинъ и тотъ же.

Гдѣ же, такимъ образомъ, граница, съ которой кончается кулакъ и міроѣдъ и начинается „исправный и лучшій хозяинъ“? При томъ широкомъ опредѣленіи, которое мы условно придали словамъ „міроѣды и кулаки“, ея нѣтъ. Оба эти понятія не больше, какъ тавтологія, какъ проявленіе одного и того же начала—стремленія къ „хозяйствованію“. Разсматривая общину исключительно съ точки зрѣнія стремленій и выгодъ „лучшихъ и исправныхъ хозяевъ“, мы неизбѣжно рискуемъ сдѣлаться защитниками кулачества и міроѣдства въ болѣе глубокомъ и широкомъ смыслѣ, какъ оно и должно быть понимаемо, т.-е. какъ воплощеніе исключительно идеаловъ „хозяйствованія“.

Представляется вопросъ: какъ можетъ имѣть мѣсто такой абсурдъ? откуда вышла такая путаница? Припомнивъ то, что мы говорили въ началѣ главы, рѣшеніе этого вопроса является само собою. Если бы наши защитники общины, изучая и разсматривая ея начала, имѣли въ виду одно—насколько заключаетъ она въ себѣ задатковъ къ воплощенію принциповъ труда и солидарности, то никакой путаницы и не послѣдовало бы. Тогда они ясно увидали бы, что ядъ, отравляющій общину и въ настоящее время все больше и больше проникающій къ самому сердцу ея, это—стремленіе къ „хозяйствованію“, къ „обособленію“. А при настоящихъ условіяхъ это стремленіе не можетъ быть удовлетворено иначе, какъ въ формѣ кулачества и міроѣдства, т.-е. эксплуатированія положенія своего же собрата. Понятно, что при этомъ всѣ наши усилія должны были бы направиться не къ поддержкѣ этого принципа, а напротивъ, къ его ограниченію и, если возможно, полнѣйшему уничтоженію. А у нашихъ искреннихъ защитниковъ общины (про лицемѣрныхъ и говорить нечего,—они тонко понимаютъ, въ чемъ дѣло) выходитъ совсѣмъ какъ-то иначе и даже, конечно, вовсе не такъ, какъ они сердечно желали бы. Дѣло въ томъ, что, мечтая найти въ русской общинѣ именно такую форму соціальныхъ отношеній, въ которой, якобы, полнѣйшая индивидуальная свобода примиряется съ общинною солидарностью, они, въ виду настоятельныхъ доказательствъ противнаго со стороны враговъ общины, волей-неволей стараются поддержать излюбленную тенденцію. Вслѣдствіе этого они теряютъ подъ ногами почву, забываютъ тѣ основные принципы, которымъ община должна удовлетворять прежде всего, и начинаютъ особенно облюбовывать принципъ „свободнаго хозяйствованія“, доказывая что община нисколько не вредитъ его развитію.

При этомъ, они совершенно также забываютъ, что развитіе принципа „хозяйствованія“ въ современной общинѣ есть печальный результатъ компромиссовъ народныхъ воззрѣній съ внѣшними вліяніями. Прислушайтесь къ главнымъ мотивамъ лицемѣрныхъ и искреннихъ современныхъ защитниковъ общины и вы услышите только слѣдующія положенія: „община не вредитъ раціональному хозяйствованію, ибо оно не разстраиваетъ „лучшихъ и исправныхъ хозяевъ“; это бываетъ только въ томъ случаѣ, „если передѣлы часты“; но частые передѣлы не составляютъ неизбѣжнаго условія общины; въ современной общинѣ замѣчается тенденція къ удлиненію сроковъ передѣловъ; все дѣло въ недостаткѣ земли и тяжести налоговъ; скостите малую толику налоговъ, и вотъ вамъ община, прогрессирующая и преуспѣвающая въ смыслѣ полной свободы развитія отдѣльныхъ хозяйственныхъ единицъ, т.-е. дворовъ, которое будетъ тѣмъ больше, чѣмъ дольше эти дворы будутъ владѣть общинными хозяйственными участками... Но чтобы парализовать возникновеніе пролетаріата, *отъ времени до времени* будутъ передѣлы, которые, не вредя интересамъ лучшихъ хозяйствъ, въ то же время дадутъ возможность получать хозяйственные участки нарастающимъ членамъ общины...“ Вотъ

къ чему сводится современная программа защитниковъ общины: представленіе общины, какъ группы отдѣльныхъ хозяйственныхъ единицъ, связанныхъ внѣшними признаками самоуправленія и правомъ отъ времени до времени дѣлать передѣлы участковъ, для надѣленія нарастающихъ членовъ, *если это не будетъ вредить интересамъ лучшихъ хозяйствъ*. Таковъ идеалъ, если очистить его отъ массы громкихъ и обольстительныхъ фразъ о высокихъ добродѣтеляхъ народа, объ его „безкорыстной душѣ“, о братолюбіи и любвеобиліи, самопожертвованіи и пр., и пр.

— Но чего жъ вы хотите? можетъ быть, скажутъ защитники общины.—Мы не утописты, мы стоимъ на почвѣ возможностей данной минуты и притомъ даемъ развиваться народнымъ идеаламъ на почвѣ экономическаго благосостоянія... Чего жъ вы хотите больше?

Что говорить! Увеличеніе надѣловъ и уменьшеніе податей—вещи безусловно хорошія, однако, эти прекрасныя желанія могутъ оставаться прекрасными и помимо всякихъ вопросовъ объ общинѣ. Къ чему тутъ община? Но разъ вы говорите объ общинѣ, разъ вы признаете ее даже особеннымъ національнымъ преимуществомъ, вы не имѣете никакого права игнорировать логическое развитіе общинныхъ идеаловъ. Мы неоднократно имѣли случай указывать, что передѣлы и благосостояніе отдѣльныхъ хозяйствъ въ общинѣ не даютъ еще никакой гарантіи въ томъ, что въ современной общинѣ могутъ быть осуществлены общинные идеалы. Отчего же? А оттого, что при данныхъ условіяхъ крестьянская община есть только компромиссъ, которымъ эти идеалы входятъ въ невозможныя примиренія съ условіями, прямо имъ противоположными. Однимъ изъ такихъ компромиссовъ и является передѣлъ земли или постоянное передвиженіе надѣловъ, мѣна надѣловъ, „свалка и навалка душъ“, которыя, повидимому, осуществляютъ принципъ общиннаго „равненія“, т.-е. слабый и маломощный дворъ можетъ совсѣмъ отказаться отъ надѣла или взять его меньше, а на сильный дворъ могутъ „навалить больше“; но, вѣдь, право отказаться безсильному и слабому отъ земли или взять ея столько, сколько можешь обработать при слабосиліи, развѣ это равносильно равненію?

Въ представленіи народа идеалъ общины—не группа отдѣльныхъ хозяйственныхъ единицъ, дворовъ, связанныхъ только правомъ отъ времени до времени производить „равненіе“ между собою. Далеко нѣтъ. Идеалъ народной общины—это такая гармоническая организація, въ которой права слабаго и маломощнаго гарантируются *не условно, не періодически*, а постоянно, неуклонно въ каждый моментъ общинной жизни. Принципъ общинной помочи проявляется здѣсь не въ видѣ филантропическихъ или только моральныхъ побужденій, не въ видѣ разныхъ формъ „мелкаго кредита“ или „народнаго продовольствія“, а органически сливается со всѣмъ строемъ общины, какъ мы уже говорили въ первой части, сливается такъ, что дѣлается *обиходомъ*, началомъ, дѣйствующимъ постоянно.

Въ первой части этого дневника была набросана нами схема народно-бытовыхъ основъ, какъ выраженіе именно той гармонической организаціи, въ которой народное творчество нѣкогда воплощало свои идеалы. Главное существенное свойство всякой гармонической организаціи состоитъ исключительно въ томъ, что основные элементы ея находятся въ постоянномъ и полномъ взаимодѣйствіи и притомъ такъ, что ни одинъ изъ этихъ элементовъ не можетъ развиваться въ ущербъ и насчетъ другого; какъ скоро послѣднее возымѣетъ мѣсто, гармонія нарушается.

Если вы припомните, въ набросанной нами схемѣ народно-бытовыхъ основъ существенную роль играютъ четыре элемента: 1) гарантіи нравственной индивидуальной свободы; 2) гарантіи равноправнаго участія личности въ общинныхъ сходахъ и судахъ; 3) гарантіи равнаго экономическаго благосостоянія членовъ общины, достигаемаго правомъ общаго труда и общаго пользованія результатами его, и 4) общинная помочь во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда первыя три гарантіи окажутся недостаточными для охраненія правъ личности. Только полное и равномѣрное взаимодѣйствіе этихъ элементовъ можетъ представить гармоническую организацію.

Въ настоящее время мы еще не можемъ сказать съ полнѣйшею достовѣрностью, воплощалъ ли народъ въ какой-либо моментъ своей жизни во всемъ объемѣ свои общинные идеалы, но несомнѣнно для насъ теперь уже одно, что въ историческій періодъ онъ постоянно ра-

товалъ за эти идеалы, въ теченіе тысячелѣтія неустанно отстаивалъ то тѣ, то другіе элементы ихъ отъ внѣшнихъ воздѣйствій, что въ современной общинѣ мы несомнѣнно находимъ зачатки и проявленія всѣхъ четырехъ элементовъ схемы и притомъ такъ, что тамъ, гдѣ внѣшнія воздѣйствія и условія были наименѣе сильны, тамъ зачатки эти почти достигали полной гармонической организаціи, и наоборотъ, гдѣ эти воздѣйствія наложили тяжелую печать и извратили исконныя традиціи и міровоззрѣніе народа, тамъ община является уродливой, однобокой организаціей, быстро идущей къ разрушенію...

ГЛАВА XIV.

Сходы хозяйственныхъ мужиковъ. — У кого ищетъ мужикъ „ума".

Я, наконецъ, переселился въ Нижніе Лопухи, и на первый же разъ былъ пораженъ слѣдующимъ оповѣщеніемъ моихъ хозяевъ: „вотъ, вишь, въ какой ты день къ намъ пріѣхалъ! Въ самый разъ попалъ!" говорили они мнѣ и самодовольно ухмылялись.

— А что?

— Ка-акъ же! Вишь, глянь-ко въ окно-то: то ли не городъ. Апчественный бульваръ — одно слово!

Дѣйствительно, на шоссе, составлявшемъ улицу села, плавно двигалась цѣлая вереница разряженныхъ по послѣдней модѣ дамъ, въ шиньонахъ, съ длинными хвостами сзади. Около нихъ сѣменили, какъ пѣтухи, кавалеры въ дачныхъ соломенныхъ шляпахъ.

— Да еще то ли будетъ, — говорили мнѣ мужики: — мы тебѣ сказывали, у насъ скучно не бываетъ. Ты вотъ погоди, къ вечеру музыка будетъ, огни разноцвѣтные полетятъ, лиминація возгорится! Что, братецъ, одно слово — помѣщики! Да еще и у помѣщиковъ-то того не было, чѣмъ теперь себя мужикъ забавитъ. Н-да, вотъ тебѣ и мужичокъ! Онъ, братъ, христовъ мужичокъ-то, христовозлюбленный!

— Что же у васъ за праздникъ?

— А это вотъ, значитъ, наша Софья Петровна именинница... День ангела тятенька ея празднуетъ... Невѣста она у него ужъ вполнѣ!

— Кто же это ея тятенька?

— А вотъ онъ и есть самый христовозлюбленный мужичокъ... Объ немъ тебѣ и говоримъ. Вонъ позади насъ роща, а въ ней барская усадьба... Ну, прежде господа въ ней жили, а теперь вотъ купцы перекупили... Петръ Павлычъ Масловъ будетъ онъ, изъ мужичковъ вышелъ... Еще на нашей памяти, когда вотъ эту каменную дорогу вели, онъ въ десятникахъ былъ, самъ камень дробилъ. Говорили тебѣ: одно слово — христовозлюбленный мужичокъ! Старикъ ужъ теперь... Пойдемъ, разгуляемся къ его усадьбѣ... Посмотри.

Мы завернули въ проулокъ, перешли рѣчку, и предъ нами показался прекрасный паркъ съ липовыми аллеями. Въ глуши высокихъ и стройныхъ деревъ виднѣлось лѣтнее палаццо „христовозлюбленнаго мужичка", построенное въ русскомъ стилѣ. Вся усадьба была крѣпко огорожена, а у калитки, ведшей въ паркъ, на большой мачтѣ развѣвался флагъ съ вышитымъ вензелемъ хозяина. Вдоль аллеи колыхалась цѣлая вереница бумажныхъ разноцвѣтныхъ фонарей, пока еще незажженныхъ; а между деревьями тамъ и здѣсь мелькали всевозможныхъ фасоновъ платья молодыхъ дѣвушекъ.

— Ну, что, хорошо? Нравится, небось? — спросили меня брательники. — Ты погоди, музыка вотъ загремитъ... Мы говорили, весело будетъ у насъ! Мы вотъ нонѣ и сходку соберемъ ужъ кстати: веселѣе оно, подъ музыку-то...

Обойдя кругомъ усадьбы „христовозлюбленнаго мужичка", мы вышли опять на сельскую улицу. У избы старосты, дѣйствительно, собиралась уже сходка. Бревно, положенное прямо наземь противъ избы, все уже было вплотную засажено мужицкими спинами. Изъ избы старосты бабы выносили скамьи для вновь приходящихъ.

— Ну, братцы, познакомьте меня съ міромъ... Вмѣстѣ, вѣдь, жить будемъ...

— Пойдемъ... сдѣлай милость!.. Мы этимъ не утѣсняемся.

Я раскланялся съ „міромъ", брательники рекомендовали меня: „скучно-де ему; вотъ привели за нашу бесѣду, все жъ оно ему любопытно!" „Міръ" предупредительно постѣснился на бревнѣ и далъ намъ мѣсто. Я окинулъ глазами сходку. Прежде всего меня особенно поразило внѣшнее однообразіе собравшихся мірянъ: дѣйствительно, все это былъ „середнякъ-мужикъ", рослый, здоровый, коренастый, съ рыжими и черными небольшими кудрявившимися бородками, съ замѣчатель-

но самоувѣренными взорами и осанкой, съ сознаніемъ собственнаго достоинства, однимъ словомъ, въ міряшинѣ Нижнихъ Лопуховъ такъ и свѣтился „умственный“, предпріимчивый, работящій, сообразительный и обладающій громаднымъ здравымъ смысломъ „оброшный“ русскій мужикъ, не знавшій никогда барщины и искони относительно свободно располагавшій своимъ трудомъ. Стариковъ было всего два-три, да и то далеко еще не были настоящіе, ветхіе старики; не было и молодежи, кромѣ двухъ-трехъ подростковъ лѣтъ по 17-ти, да сына старосты лѣтъ 25-ти, исполнявшаго, по согласію міра, должность отца, ходившаго въ Москвѣ въ десятникахъ. Я спросилъ брательниковъ, всѣ ли тутъ мужики налицо. Оказалось, что, вообще-то, на лѣто остается въ деревнѣ только треть мужиковъ, а двѣ трети, преимущественно молодежь, уходятъ на заработки, изъ которыхъ многіе уже „хозяйствуютъ“ на сторонѣ съ братьями и отцами. Стариковъ у нихъ на селѣ мало, „что-то не живутъ“, а тѣ, которые еще живы, дома сидятъ и на сходы не ходятъ. Такимъ образомъ, на сходѣ присутствовалъ исключительно „ядреный народъ“; всѣ мужики были одѣты въ черные или синіе кафтаны, или новыя поддевки, въ большіе дегтярные сапоги, съ картузами на головахъ. Здѣсь уже и слѣда не было того „рукосуйнаго“, захудалаго, забитаго и „оброшеннаго“ крѣпостного мужика, „барскаго“, который дрожитъ и труситъ предъ каждымъ сюртукомъ, не только предъ бариномъ, но и предъ своимъ братомъ, чуть только этотъ „братъ“ повыше подниметъ голосъ. Впрочемъ, эта „чернота“, какъ мы знаемъ, была и въ Нижнихъ Лопухахъ, только на сходѣ ея почти вовсе не было. Вообще, обитатель Нижнихъ Лопуховъ—человѣкъ „бывалый“, притрактовый; шоссейный, бойкій трактъ проносилъ мимо него массу разнообразнаго люда, а самъ онъ бывалъ и въ Москвѣ, и въ Питерѣ, и въ Архангельскѣ, и въ Ростовѣ-на-Дону. На складъ его характера имѣли вліяніе два обстоятельства: во-первыхъ, то, что лопухинецъ принадлежалъ богатому помѣщику, графу N., владѣвшему огромными имѣніями и постоянно жившему за границей; вслѣдствіе этого его крестьянинъ никогда не зналъ барщины, былъ на оброкѣ и платилъ его въ томъ же самомъ объемѣ, какъ платитъ теперь; бурмистры его не стѣсняли слишкомъ,—иди куда и когда хочешь, только вноси оброкъ. И лопухинецъ былъ на этотъ счетъ мужикъ аккуратный; онъ рѣдко огорчалъ барина и бурмистровъ, но зато, дѣйствительно, шелъ, куда хотѣлъ. Во-вторыхъ, на лопухинца вліялъ „шоссейный трактъ“ своею вѣчною и безустанною подвижностью, исканіемъ „гдѣ лучше“. И вотъ изъ бесѣды съ этою подвижною массой трактоваго люда лопухинецъ утвердился въ мысли, что лучше всего въ городѣ, и потянулся въ этотъ городъ, потянулся *самостоятельно*, не такъ, какъ его сосѣди, которыхъ нужда и барщина принизили, убили до того, что они волей-неволей закабалились подрядчикамъ богатыхъ селъ. Лопухинецъ если и не сдѣлался самъ богатымъ „хозяиномъ“, зато выработалъ въ себѣ характеръ, силу смотрѣть прямо въ глаза и не поддаться окончательной кабалѣ; если шелъ онъ въ работники, то рѣдко къ подрядчику изъ сосѣднихъ селъ, да и самъ этотъ подрядчикъ находилъ выгоднѣе имѣть дѣло съ „захудалымъ“ барскимъ мужиченкомъ, чѣмъ съ самостоятельнымъ лопухинцемъ; лопухинецъ шелъ „на низъ“ или въ Питеръ и нанимался тамъ въ работники по „вольной цѣнѣ“. Онъ всегда стремился „хозяйствовать“ самъ, но никакъ уже не дать другому наплясаться на его спинѣ. Съ одной стороны, такое отстаиванье своей самостоятельности избавило лопухинца отъ кабалы, съ другой стороны, еще не замершія въ немъ традиціи „общинной совѣсти“ значительно мѣшали ему „жрать“ чужой кусокъ и трудъ безъ удержу и мѣры. Онъ вполнѣ довольствовался пока, если успѣвалъ сдѣлаться самостоятельнымъ „мелкимъ хозяиномъ“, эксплуатируя трудъ своихъ собратьевъ настолько, чтобы не рисковать самому попасть въ кабальные батраки. Такъ сказать, онъ еще стоитъ на „полпути“. Вотъ почему въ Нижнихъ Лопухахъ владычествуетъ „середнякъ“ не въ смыслѣ только возраста, но и въ экономическомъ смыслѣ: это—исправный „хозяинъ“ средняго достатка, добытаго, нужно отдать справедливость, неустаннымъ личнымъ трудомъ и энергіей, но съ надбавкою нѣкоторой доли чужого труда.

Настоящій сходъ былъ именно одинъ изъ тѣхъ сходовъ, которые чуть не ежедневно собираются въ деревняхъ въ тотъ періодъ, кагда „мужикъ нагуливаетъ силу“, т.-е. предъ началомъ полевыхъ работъ. Какъ мы уже говорили, на этихъ

сходахъ обыкновенно мужики спѣшатъ прикончить всѣ общинныя дѣла, не касающіяся исключительно страды. На этихъ сходахъ преимущественно происходитъ „мѣна надѣловъ“, „свалка и навалка душъ“, наемъ и сдача „арендныхъ статей“ и въ это же время наиболѣе всего выпивается „магарычей“. Этотъ же періодъ (отъ Пасхи до Петрова дня) наиболѣе благопріятенъ для наблюдателя: въ это время онъ можетъ легче всего познакомиться съ самыми интимными моментами общинной жизни, такъ какъ на весеннихъ сходахъ приводится въ исполненіе то, что было удумано за зиму; здѣсь сосредоточиваются интересы цѣлаго года; здѣсь находятъ свое выраженіе—рядъ убѣжденій и интересовъ, рядъ общинныхъ отношеній, складывавшихся исподволь, мало-помалу, въ теченіе зимы. Вотъ почему эти сходы, между прочимъ, являются для сторонняго наблюдателя совершенно непонятною болтовней и рядомъ, повидимому, ничѣмъ не мотивированныхъ рѣшеній. Естественно, что они могутъ быть вполнѣ ясны и понятны только для мірского, общиннаго человѣка, живущаго всецѣло интересами своей деревни. Но все же для наблюдателя общины это лучшее время. На этихъ сходахъ мужикъ является во всей полнотѣ своего характера, воззрѣній, симпатій и антипатій, умственной и нравственной силы. Здѣсь выясняются для васъ и индувидуальныя склонности, и общественное мнѣніе.

На нихъ-то, какъ и прежде, мы преимущественно и обратимъ наше вниманіе. Мы не будемъ, впрочемъ, повторять здѣсь общей характеристики деревенскихъ сходовъ, сдѣланной нами въ первыхъ главахъ. Все, что было сказано относительно этого раньше, цѣликомъ относится и къ сходу лопухинцевъ. Мы обратимъ вниманіе только на тѣ особенныя, характерныя черты, которыя присущи собственно лопухинскимъ сходамъ.

— Ну-ка, православные, такъ какъ же съ Макарихой-то быть?—спросилъ молодой староста, усаживаясь посрединѣ схода на лавкѣ со счетами, листомъ бумаги и карандашомъ въ рукахъ. Очевидно, былъ уже на сходѣ разговоръ. Я спросилъ брательниковъ, что это за Макариха; оказалось — пустошка покосная въ лѣсу, версты за двѣ, пріобрѣтенная лопухинцами въ собственность вмѣстѣ съ лѣсомъ, еще до „воли“ (я здѣсь подъ именемъ лопухинцевъ разумѣю исключительно обитателей Нижнихъ Лопуховъ, и притомъ собственно „графскихъ“). Эту пустошку сдавали въ аренду.

— Да всѣ ли собрались?

— Всѣ теперь...

— Бабъ нѣту,—замѣтилъ одинъ бѣлый старикъ, съ умнымъ выразительнымъ лицомъ, въ поддевкѣ желтаго солдатскаго сукна.

— Придутъ, не бойся...

— Онѣ, братъ, услышатъ!.. Онѣ на это падки... Отъ нихъ не скроешь!..

— Бабамъ не давать,—рѣшилъ высокій молодой мужикъ съ красивой бородой:—что! грошовое дѣло!

— Конечно, грошовое! Что вы съ ними канителитесь? Только міру убытокъ... Все равно, значитъ, что псу подъ хвостъ бросить... Вы веди правильный оборотъ, по-купецки, по-городскому,—кричалъ зычнымъ голосомъ на всю сходку какой-то господинъ лѣтъ 35-ти, приземистый, коренастый, толстый, съ открытымъ веселымъ лицомъ, въ сѣромъ пиджакѣ и высокихъ кувшинныхъ блестящихъ сапогахъ. По справкѣ оказалось, что не одинъ я былъ стороннимъ человѣкомъ на сходкѣ. Веселый господинъ былъ желѣзнодорожный мастеръ, управлявшій казармой рабочихъ, примыкавшей къ Лопухамъ. „Душевный человѣкъ! Весельчакъ!“ — рекомендовали мнѣ его брательники.

— Конечно,—поддержалъ мастера знакомый уже намъ, почтенный старецъ-кабатчикъ,—баловать народъ не къ чему. Ты держись правиловъ: чтобы, значитъ, вполнѣ аукціонъ... Чтобы никому не въ обиду, ни себѣ, ни другимъ...

— Пустое вы толкуете: вѣдь, бабы-то наши же... Не со стороны пришли,—замѣтилъ опять старикъ. — Притомъ же, всегда онѣ, вотъ ужъ три года, у насъ снимали безъ торговъ.

— А у тебя много мірскихъ-то денегъ? А? Много, что ли, чтобы зря-то барыши бросать?—напали на возразившаго.—Печальникъ выискался!

— Онъ, братъ, къ бабамъ искони льнетъ!.. Ты не смотри, что у него борода сѣдая... Охотникъ!—сострилъ мастеръ, и сходка засмѣялась.

— Мужикъ былъ по этой части извѣстный! Еще когда у него старуха-то въ тѣлѣ была, такъ и то на задворкахъ съ бабами настигали, а теперь—что говорить! Дѣло видимое!—добродушно шутила сходка.

— Дураки, лоботрясы! Право! Одинъ

дуракъ сказалъ, а другіе подхватили — рады! Говорили бы объ дѣлѣ-то,—замѣтилъ недовольно старикъ.

— А вотъ тебѣ объ дѣлѣ: ты—старичокъ, шестьдесятъ годовъ выжилъ, а правиловъ не знаешь. Ты міръ жалѣй, а не бабъ... Чѣмъ бы мірскому дѣлу радѣть, а онъ о бабахъ печалится на старости лѣтъ! — резонисто высказалъ старикъ-кабатчикъ.

— Ты меня не учи о мірскомъ-то дѣлѣ радѣть. Мірское-то дѣло у насъ за плечами висѣло, а не у тебя... Ты вотъ безъ году недѣлю въ міръ-то попалъ, да учить вздумалъ... Вѣдь, ты кто? солдатъ—порченый мужикъ!..

— Ну, погодите, православные! погоди, дядя Ѳедосей, оставь его!—уговаривалъ староста.—Говори, что ли, братцы, о дѣлѣ-то. Какъ: съ торговъ, что ли, сдавать, али бабамъ сдать, попрежнему?

— Веди въ правилахъ. Веди съ торговъ...

— Ты мірской интересъ учись соблюдать... Ты еще молодъ, учись въ старостахъ быть,—говорилъ мастеръ;—ты гляди на того, у кого деньги есть, да хозяйство справно... Ты ему помогай, будешь и самъ въ барышѣ, и въ мірской казнѣ деньги будутъ...

— Конечно, по правиламъ, веди по-городскому... Тамъ тоже не глупѣе васъ дѣла-то знаютъ,—заговорили на сходѣ.— Вотъ, господинъ, позволь спросить: у васъ, значитъ, какъ энти дѣла ведутся? Въ какихъ правилахъ? Съ торговъ, вѣдь, чтобы никому не обидно? — спрашивали меня.

— Да, въ городахъ съ торговъ, кто больше дастъ...

— Ну, вотъ!.. Веди съ торговъ,—приказали старостѣ.

— Съ бабьей цѣны, что ли?

— Съ бабьей начинай.

— Да вы бы, братцы, подождали бабъто,—замѣтилъ кто-то изъ молодыхъ.

— Все одно, подойдутъ, коли захотятъ... Мы вотъ набьемъ цѣну, а тамъ и позовете. Можетъ, онѣ еще надбавятъ!..

— Ну, кричи!

— Бабья цѣна—за пять рублевъ брали! Кто больше?—выкрикнулъ староста.

— Ну, для куражу: даю пять съ полтиной! На почи нъ, значитъ!—крикнулъ мастеръ.—Эхъ, для знакомаго міра полтинку накину!.. Такъ ужъ, ради дружества!

— Дамъ пять семь гривенъ,—сказалъ старецъ-кабатчикъ. — Для ради правиловъ, для порядку... Мнѣ оно, пожалуй, и ни къ чему... Да такъ, чтобы мірской казнѣ не въ ущербъ...

— Пять семь гривенъ! Кто больше?— крикнулъ староста.

Но въ это время подошли бабы: ихъ было пять душъ; три изъ нихъ бойкія, среднихъ лѣтъ женщины, двѣ—бѣдныя, бобылки-вдовы, изъ нихъ одна совсѣмъ сухая, больная. Это бабы, ведущія хозяйство безъ мужей. У нихъ свое товарищество по съему луговъ.

— Что же, господа міряне, али съ нами больше знаться не хотите?—заговорила одна изъ нихъ, бойчѣе другихъ.

— Отчего жъ! Торгуйтесь... Ежели больше дадите, мы вполнѣ будемъ довольны,—заговорили на сходкѣ.

— Али корысть васъ заѣдаетъ? На вино, надо думать, господамъ мірянамъ не хватаетъ, такъ на бѣдныхъ вдовъ наложенье хотите сдѣлать? Дѣло доброе...

— Будетъ, баловали васъ... Нонѣ времена, братъ, сердитыя... Нонѣ гляди въ оба!.. Нонѣ каждую копеечку сберегай...

— Бережливы стали! Доброе дѣло!— продолжала иронизировать бойкая бабенка, въ то время, какъ другія хихикали въ рукава рубахъ. — Бабы васъ за это непремѣнно похвалятъ...

— Вѣрно, что похвалятъ... Нонѣ, милыя, такихъ-то дураковъ нѣтъ, чтобы барыши изъ рукъ выпущали..! Нонѣ все въ оцѣнкѣ... Намъ вотъ тоже Петръ Павлычъ-то Масловъ даромъ не даетъ... Нѣтъ, говоритъ, ты каждый годъ бери съ торговъ... Цѣны-то нонѣ растутъ не по днямъ, а по часамъ! Такъ-то!.. Вотъ пять семь гривенъ надавали! Набавляйте!..

— Совѣсти у васъ нѣтъ! Стыдобушки не видать!—вдругъ укорительно, совсѣмъ перемѣнивъ тонъ, заговорила та же бабенка. — На что вы пустились? А? Нутка-сь!.. Бѣдныхъ вдовъ обижать, у бѣдной вдовы кусокъ хлѣба рвать! Что у насъ мужей нѣтъ, такъ намъ и защиты не видать!

— Вотъ у васъ печальникъ-то! Какъ нѣтъ? Есть!.. Вотъ у васъ аблакатъ-то!— смѣется міръ, показывая на дѣда Ѳедосѣя.—Почемъ съ бабы ему платите?

— Да ужъ это непремѣнно онъ съ нихъ оброкъ сбираетъ,—поддерживалъ и мастеръ въ пиджакѣ.

Старикъ молчалъ и смотрѣлъ въ сторону.

— То-то вотъ, повыперли съ міра ста-

риковъ-то, и совѣсти у васъ не стало!.. Нѣтъ на васъ управы!.. Скоро самихъ себя грабить станете!—кричали бабы.

— Ну, будетъ вамъ, чечотки! Некогда тутъ валандаться-то... Хочешь—пять девять гривенъ даю! Подымай выше!..

— Держи карманъ! Еще мы и разговаривать-то съ вами не станемъ!.. Облопайтесь на вдовью корку,—заключила баба.—Плюнемъ на нихъ, бабы!..—обратилась она къ товаркамъ.

— Что ужъ это такое! Совсѣмъ, бабы, какой-то у насъ и міръ поперешный сталъ... Вздоху не даютъ!—разсуждали товарки, отходя отъ сходки къ сосѣднимъ избамъ, гдѣ собралась своя бабья гулянка.

— Ну, что жъ! Торгуй, братцы, скорѣе, что ли!—заговорили на міру.—Староста, выкликай!

— Пять девять гривенъ! кто больше?..

— Что жъ, Елизаръ Мироныччъ,—обратился міръ къ пиджаку,—бери за восемь рублей, чѣмъ тянуть канитель... Право, бери! Тебѣ, братецъ, хорошо и намъ выгодно... Тебѣ къ хозяйству... Заодно оберешься!

— Нѣтъ, плевать... Мнѣ будетъ... Что я, въ самомъ дѣлѣ, за сельскій хозяинъ! Я, братцы, мастеръ... Я вотъ ежели пользуюсь съ *лезервовъ* покосомъ, такъ больше для скотины своей, а не то, что съ барышей...

— А теперь для барышей бери! Право, бери!.. Еще изъ нашихъ же кому перепродашь...

— У меня работниковъ нѣтъ... Пущай изъ васъ самихъ, кто хозяйнѣе, беретъ: ему къ рукамъ...

— Работниковъ нѣтъ!.. Вѣдь, мы же тебѣ лезервы-то помочью косимъ?.. Ты только позови, къ тебѣ съ радостью пойдутъ... Ты хорошо угощаешь: за одинъ день все сдерутъ...

Мастеръ колебался.

— Нѣтъ, не возьму, сказалъ; куда мнѣ возиться съ нимъ! Некогда! Вы вотъ своимъ, хозяйственнымъ-то, лучше спущайте.

— Ну, такъ что жъ: бери, Савелій,—обратились къ одному „хозяйственному мужику“:—у тебя хозяйство большое, и рукъ будетъ... Тебѣ ужъ барышъ къ барышу...

— Рукъ мало.

— Рукъ мало! Да ты тѣхъ же бабъ возьмешь. Тѣ же бабы къ тебѣ за полцѣны пойдутъ теперь... Будетъ имъ баловаться-то...

Хозяйственный мужикъ задумался.

— Даю восемь съ гривной! — вдругъ сердито заявилъ старикъ Ѳедосей, бабій адвокатъ, ни на кого не глядя, и полѣзъ въ порты за задаткомъ:—мнѣ къ хозяйству... Дуй васъ коли горой!.. У меня въ той же сторонѣ ренда есть, у „опеки“ беру...

— Вотъ это дѣло, дѣдушка Ѳедосѣй!.. Вотъ и видно, что хозяйственный мужикъ! Выгоды не упуститъ!..—похвалили его на міру, а вмѣстѣ и пиджакъ.

— Нужно бы съ тебя на міръ четвертушку,—заговорили „питухи“.

— О, жадные! и то лишку надавалъ,—заворчалъ дѣдъ;—такъ ужъ, съ сердцовъ... И то рукъ не хватитъ...

— Полно грѣшить-то на старости лѣтъ: рукъ не хватитъ! Тѣхъ же бабъ соберешь... Они къ тебѣ, аблакату, за милу душу пойдутъ!.. Выставь, говорятъ, для порядку!..

— Нѣтъ, ничего больше не дамъ...

— Ну, плевать на него. Пущай беретъ...

— Ну, такъ за тобой, дядя Ѳедосей... Давай задатокъ... — сказалъ староста и протянулъ ему руку. Старикъ хлопнулъ его по рукѣ и сдѣлка совершилась.

— Вотъ оно, что значитъ за умъ-то взяться,—говорили на міру.—Вотъ тебѣ три рубля и въ мірской доходъ!

— Ну, вотъ, братцы, теперь Окуньки (другая пустошь).

— Постой, чортъ! Куда тебя несетъ... Сначала Макариху опьемъ,—приказалъ міръ старостѣ:—закажи въ кабакъ четвертуху да наливки бутылку... Вотъ для нонѣшняго дня и довольно!.. Поздравимъ благородно! Вишь, у насъ праздникъ... А Окуньки завтра сдадимъ...

— На Окуньки нужно опекунскихъ позвать... Они имъ къ рукѣ. Можетъ, наддадутъ!

— Надо позвать завтра.

Начинало вечерѣть. Со станціи желѣзной дороги въ усадьбу „христовозлюбленнаго мужичка“ проскакалъ цѣлый рядъ экипажей: проѣхали купцы, попы, чиновники, даже губернаторъ. Мужики не расходились и любовались на „господъ“ и „начальство“. Когда проѣзжали „господа“, мужики не вскакивали и не кланялись, а только дѣлали разныя двусмысленныя замѣчанія насчетъ того, какъ нонѣ господа къ мужичку льнутъ, что „мухи къ меду“, и добродушно смѣялись. Но когда показалась губернаторская ка-

рета, староста пріосанился, всталъ и снялъ шапку. Поднялись и мужики.

Съ пріѣздомъ гостей паркъ вдругъ весь загорѣлся разноцвѣтными огнями; изъ глубины мужицкаго палацпо загремѣлъ тушъ... Въ воздухѣ просвистѣла ракета, описавъ красивую дугу, и разсыпалась вверху золотымъ дождемъ.

— Ахъ, драть-те на шестъ, ловко!— похвалили разомъ мужики, и сейчасъ же вступили въ бесѣду, втянувъ въ нее и меня. Бесѣда пошла насчетъ „умственнаго мужичка".

— Вотъ-де все говорили, что мужикъ глупъ, мужикъ дуракъ, одно слово—дуроломъ, а все это одна несправедливость отъ васъ, господа, была,—заявилъ одинъ изъ „середняковъ", обращая послѣднія слова ко мнѣ.

— Это вѣрно, что несправедливо говорили...

— То-то вотъ и есть!.. Ты вотъ дайка мужичку просторъ — вотъ онъ куда возлетитъ... Вишь, вишь! Еще! Смотри, братцы, сейчасъ звѣзда разсыплется!

И мужики подымали бороды къ небу, гдѣ снова лопалась ракета.

— Это его сынъ забавляется со мнуками... Мнуки-то у него, вѣдь, большую учобу прошли!

— Что говорить: уважительный мужикъ, оборотистый, трудовой мужикъ!.. Онъ брюха не нагуляетъ, что вотъ другіе городскіе купцы... Мужикъ онъ ровный... Онъ, вонъ, вмѣстѣ съ нами встаетъ... Встанешь, а ужъ онъ, глядишь, али на кирпичномъ у себя, али на заводской стройкѣ, али въ городъ ѣдетъ на свою фабрику... Мужикъ неустанный!.. Трудъ, братецъ! Онъ тебѣ на печь не ляжетъ... Вотъ ему Господь и таланы посылаетъ... А онъ ихъ пріумножаетъ! И не то, чтобы нахрапомъ, а все у него въ правилахъ, въ порядкѣ... А, вѣдь, ужъ ему семьдесятъ годовъ считаютъ! Вотъ какъ! А онъ съ господами еще, значитъ, во всякій разговоръ можетъ войти... Да! Ты и смотри!..—и т. д., и т. д. все въ томъ же родѣ.

Веселѣе и шумнѣе гуляли гости въ усадьбѣ „христовозлюбленнаго мужичка", громче играла музыка, чаще и чаще стали доноситься изъ парка крики „ура", сопровождавшіе выпиваемые тосты, ярче горѣла иллюминація, выше взлетали ракеты и бураки, и на нашей сходкѣ все больше крѣпчали похвалы „умственному" мужичку, все умиленнѣе и умиленнѣе говорилъ о немъ лопухинецъ...

Только здѣсь я во всей глубинѣ постигъ, до какой степени вѣками оплеванный, обруганный, униженный и оскорбленный мужикъ жаждетъ „ума", жаждетъ возстановленія своего человѣческаго достоинства, жаждетъ всѣми силами и средствами доказать, что онъ—равноправное существо со всѣми. И могъ постигнуть потому, что сидѣлъ и слушалъ разговоры среди лопухинцевъ, этихъ трудолюбивыхъ, предпріимчивыхъ, самостоятельныхъ и свободныхъ мужиковъ, которыхъ похвалы „христовозлюбленному мужичку" проистекали не изъ халуйскаго усердія, не изъ экономической зависимости отъ этого „мужика". Это было свободное выраженіе извѣстнаго склада умонастроенія, это было новое деревенское „общественное мнѣніе", возросшее и воспитанное въ атмосферѣ „двоедушія и двуличія". „Новыя птицы — новыя пѣсни". Былъ гнетъ рабства, былъ тотъ историческій періодъ, когда мужикъ въ подвигахъ терпѣнія и самопожертвованія и въ общинной солидарности заявлялъ о своемъ человѣческомъ достоинствѣ, эти подвиги были его идеалами; они не дали ему стать плотомъ. Наступилъ другой періодъ: нравственные идеалы стали ветхими идеалами. Потребовался „умъ". „Умственность" стала идеаломъ мужика. И надо отдать справедливость лопухинцу: онъ преклонялся и умилялся, въ идеалѣ, только предъ дѣйствительно достойными уваженія свойствами этой „умственности"; онъ умилялся предъ предпріимчивостью, оборотистостью, энергіей, трудомъ; онъ восхвалялъ только то, что добыто этимъ путемъ. Онъ находилъ въ „христовозлюбленномъ мужичкѣ" кое-какія дурныя качества („прижимку", напримѣръ) и относился къ нимъ съ порицаніемъ. Онъ восхвалялъ, напримѣръ, этого христовозлюбленнаго мужичка и въ то же время не долюбливалъ другого сосѣдняго мужика-собственника, который нагло и съ нахрапомъ эксплоатировалъ чужой трудъ, который закрѣпостилъ себѣ сосѣднія деревни. Этотъ мужикъ только жирѣлъ, пыжился, издѣвался надъ своими жертвами при помощи опоенныхъ имъ волостныхъ писарей, старшинъ и прочей деревенской администраціи. „Дураку-то, пожалуй, дай въ руки палку — онъ всѣмъ головы посшибаетъ! Дураки-то у насъ и прежде бывали. Поставитъ, бывало, ба-

ринъ дуролома въ бурмистры, ну, онъ и воюетъ въ мертвую голову! Такъ и Пароешка. Нацапалъ земли, нахапалъ и давай всѣхъ опаивать! И вертитъ! Развѣ это такъ? Дуроломъ онъ былъ—дуроломъ и есть! Эдакъ-то всякій, пожалуй... Не велика заслуга... А ты честно, благородно хозяйствуй, въ правилахъ... Вотъ заслуга!"

Очевидно, мужикъ ищетъ и жаждетъ „ума", поддерживающаго свое достоинство безъ нахрапа и насилія, „тонко, въ правилахъ"... Гдѣ же этотъ „умъ"? Конечно, не въ деревнѣ... Въ деревнѣ были идеалы, но идеалы нравственные, идеалы терпѣнія, самопожертвованія и солидарности. Но что эти идеалы дали деревнѣ? Развѣ они спасали мужика отъ униженій и оскорбленій? Развѣ они дали мужику экономическую самостоятельность? Развѣ мужикъ слышалъ за нихъ отъ кого-нибудь изъ „умныхъ" людей слова похвалы, признательности? Развѣ уважали мужика за эти „нравственные подвиги"? Да и можетъ ли онъ что-нибудь выиграть теперь съ этими подвигами? Развѣ „умные люди" считаютъ ихъ „силой"? Развѣ этими подвигами „умные люди" достигаютъ самостоятельности и гарантіи, признанія своей равноправности и человѣческаго достоинства? Гдѣ же эти идеалы „умныхъ людей"? Понятно, они въ городѣ, а не въ деревнѣ... И лопухинцы душой и мыслью тяготѣютъ къ городу: тамъ ключъ къ экономическому благосостоянію и гарантіи человѣческихъ правъ. Лопухинецъ ужасно любитъ „городского человѣка", онъ готовъ бесѣдовать съ нимъ дни и ночи; онъ его не боится, какъ „барина", не халуйствуетъ предъ нимъ, онъ его „уважаетъ", не унижая себя; онъ бѣжитъ къ нему за совѣтомъ при каждомъ удобномъ случаѣ; онъ ищетъ у него поддержки своему „уму", указаній.

Вотъ фактъ: у каждаго „умственнаго и хозяйственнаго мужичка" есть въ городѣ свой „совѣтникъ", свой „благопріятель", „адвокатъ". Этотъ благопріятель нерѣдко „дѣлаетъ честь" своему кліенту, пріѣзжая къ нему въ гости, въ деревню... И, Господи! какъ радъ, какъ доволенъ „хазяйственный" мужичокъ этимъ посѣщеніемъ! Онъ не знаетъ, гдѣ посадить гостя, чѣмъ его угостить... Онъ водитъ его по своей усадьбѣ, онъ разсказываетъ ему про успѣхи своего „хозяйствованія", онъ ведетъ его къ лошадямъ и коровамъ, на полѣ, на новую стройку... Онъ ведетъ съ нимъ длинныя бесѣды о деревенскихъ порядкахъ и поучается инымъ порядкамъ... Онъ жалуется на своихъ враговъ—и вмѣстѣ обсуждаютъ проекты тяжебъ... „Вотъ они, наши-то глупые деревенскіе распорядки!.. А ты скажи, какъ въ законѣ, какъ въ правилахъ... такъ ли?"

— Такъ, такъ,— говоритъ употчеванный гость, икая на всю комнату и позѣвывая.

— Законъ-то, вѣдь, онъ для всѣхъ одинъ!.. Такъ ли я говорю?

— Конечно, одинъ... Развѣ два закона быть можетъ?.. Чудаки!.. Ха-ха-ха!—веселится гость.

— Да, вѣдь, я о томъ же...

Въ такомъ родѣ заканчиваетъ свои бесѣды съ „благопріятелемъ" хозяйственный мужичокъ.

Хозяйственный мужичокъ жаждетъ „ума", онъ льнетъ къ интеллигентному человѣку — это неоспоримо. И льнетъ вовсе не тогда только, когда онъ нуженъ ему, какъ адвокатъ, —нѣтъ, онъ ищетъ въ немъ себѣ собесѣдника, умственной пищи. Это явленіе высокой важности. Оно заслуживаетъ глубокаго вниманія, если несетъ съ собою благо, а еще болѣе, если за нимъ идетъ на деревню великое зло. Это вопросъ ближайшаго будущаго и въ немъ придется разобраться прежде всего.

ГЛАВА XV.

Организація и значеніе въ общинѣ «выти».

Сходы шли за сходами, чуть не ежедневно. Какъ и въ деревнѣ Ямы, я былъ почти на всѣхъ сходахъ. Но общее впечатлѣніе здѣсь имѣло уже нѣсколько иной характеръ. Въ то время, какъ рѣшенія сходовъ ямскихъ мужиковъ представляли собою рядъ вынужденныхъ компромиссовъ, здѣсь эти рѣшенія не были уже *только* компромиссомъ; компромиссъ осложнялся новымъ элементомъ, игравшимъ въ Ямахъ сравнительно менѣе видную роль. Это — элементъ коммерческій, придававшій всѣмъ этимъ сходкамъ характеръ торгашескихъ сдѣлокъ. Все, что было въ интересахъ этихъ сдѣлокъ, принималось единогласно, и отвергалось все, что могло уменьшить выгодность

сдѣлки. Въ особенности это рѣзко проявилось на тѣхъ сходахъ, на которыхъ присутствовали представители и другихъ общинъ Нижнихъ и Верхнихъ Лопуховъ, какъ, напримѣръ, опекунской, „семидушки“ и проч. Мы уже говорили выше, при какой невѣроятной чрезполосицѣ владѣли эти общины землею. И вотъ всѣ эти „ремни“, „барышки“, „полосы“, „пожепки“, пересѣкавшія владѣнія то тѣхъ, то другихъ, мѣнялись, перепродавались, „пропивались“, и въ концѣ-концовъ подбирались „хозяйственными мужичками“ или сторонними лицами „къ своему хозяйству“ и группировались въ ихъ рукахъ въ большіе „куски“. Сходки принимали страстный характеръ „коммерческой игры“: изъ всякаго куска выжималось все, что только можно было выжать: община донимала сосѣднюю общину; товарищество изъ „хозяйственныхъ мужичковъ“ брало аренды и вновь пускало ихъ въ торги; отдѣльныя лица донимали, въ свою очередь, общины и товарищества, а послѣднія донимали ихъ. Цѣны возрастали неимовѣрно. Вотъ, напримѣръ, до чего доходило дѣло. Мы уже говорили выше, что близъ Нижнихъ Лопуховъ находился лужокъ въ 4 десятины, который принадлежалъ тремъ владѣльцамъ: „ремень“ въ 1,200 кв. саж. принадлежалъ крестьянамъ, жившимъ за 18 верстъ, а остальное количество находилось въ общемъ владѣніи нижне-лопухинцевъ и крестьянъ дер. Квашни, жившихъ за 5 верстъ. Вы легко можете себѣ представить, какую благодарную почву представляетъ такая чрезполосица для развитія „коммерческой игры“ хозяйственныхъ мужичковъ! Для владѣльцевъ, напримѣръ, „ремня“ было очевидно, что этотъ ничтожный клочокъ можетъ явиться такимъ орудіемъ „прижимки“, при которой цѣнность его возрастаетъ до невѣроятной степени. Очень недурно понимали и квашнинцы выгоды *общаго* владѣнія лугомъ съ нижне-лопухинцами. Повидимому, изъ-за чего бы здѣсь быть „коммерческой игрѣ“ среди солидарныхъ между собою крестьянъ? Развѣ *общность* владѣнія мѣшаетъ крестьянамъ распредѣлять его „по равненію“, „по справедливости“? Да это и не мѣшаетъ тамъ, гдѣ крестьянинъ живетъ традиціонными общинными идеалами. Но здѣсь, въ атмосферѣ „хозяйственнаго мужичка“, самая эта *общность* является только прекрасною почвой для эксплуатаціи. Нижне-лопухинцы рѣшаютъ косить этотъ покосъ послѣ Петрова дня. Квашнинцы говорятъ: косите, но оставьте наши части, мы будемъ косить послѣ жнитва. Скосили свою часть нижне-лопухинцы, но ремень и часть квашнинцевъ остается нескошенною. А у нижне-лопухинцевъ некуда скотину выгнать! Прекрасная отава пропадаетъ даромъ. Нужно снять отаву у сосѣдей. Торги, переторжки, аукціоны идутъ одинъ за другимъ, изъ года въ годъ. Тяжбы, ссоры, крайнее обособленіе интересовъ—вотъ ихъ послѣдствія. Паденіе межобщинной солидарности — ихъ конечный результатъ.

— Братцы мои,—говорилъ я по этому поводу съ нижне-лопухинцами, — да чего вы не помѣняетесь землями? что вы ихъ всѣ къ одному мѣсту не соберете, чѣмъ каждый разъ эти базары у себя заводить?

— Эва! Да развѣ квашнинцы, али теперь тѣ, что „ремнемъ“ владѣютъ, дураки? Съ чего это они станутъ мѣняться, когда видимая ихъ тутъ польза? Мы ужъ имъ отрѣзали за лугъ поле, что около ихъ межи лежитъ... Такъ они ломятъ за десятину три! Тоже у нихъ, слава Богу, эта смекалка-то есть! Ихъ тоже на кривой не объѣдешь! Ежели закономъ не прикажутъ, мы никогда не размежуемся.

И совершенно резонно. Съ какой стати имъ „дураками себя оказывать“! Хозяйственный мужичокъ никогда до этого себя не допуститъ. „Видимая его польза — а онъ, наткось, изъ рукъ ее выпуститъ!.. За это и Господь Богъ не похвалитъ!..“ А что мастеръ въ пиджакѣ скажетъ, али самъ „христовозлюбленный мужичокъ“?.. А что скажутъ всѣ эти Заозерныя, Залужныя, Поймы, гдѣ умственный мужичокъ настроилъ себѣ каменныхъ избъ и покрылъ ихъ желѣзомъ?

Хозяйственный мужичокъ ищетъ „ума“, и атмосфера „двоедушія и двуличія“ предлагаетъ ему въ изобиліи обольстительные примѣры „умственныхъ операцій“.

Предполагая, что наши читатели изъ предыдущей части достаточно ясно познакомились съ процедурой „мѣны надѣловъ“, „свалки и навалки душъ“, распаденіемъ членовъ общины на категоріи мощныхъ, маломощныхъ, среднихъ и совсѣмъ немощныхъ семей и дворовъ, вообще, съ тѣми общинными аномаліями, которыя явились въ общинѣ, какъ компромиссъ народныхъ устоевъ съ внѣшними вліяніями,—мы и не будемъ здѣсь касаться ихъ въ подробности. Только еще разъ поста-

вимъ на видъ, что въ то время, какъ всѣ эти аномаліи являются въ однѣхъ общинахъ, какъ Ямская, только вынужденныя компромиссомъ, слишкомъ уже печальные результаты котораго тотчасъ же регулируются въ общинѣ *учащеніемъ* передѣловъ съ одной стороны и *организаціей общинной помощи* съ другой, — здѣсь, въ общинѣ хозяйственныхъ мужичковъ, этотъ компромиссъ уже представляетъ богатую почву для „хозяйственныхъ спекуляцій“. Очевидно, что поправки и регулированія въ формѣ частыхъ передѣловъ и общинной помощи, къ которымъ прибѣгаютъ общины старозавѣтнаго склада, здѣсь практикуются въ очень ограниченномъ размѣрѣ. И понятно: съ точки зрѣнія „хозяйствованія“—вредны, „глупы“ и безполезны какъ самые передѣлы, такъ и „общинная помочь“, ибо тѣ и другія направлены исключительно противъ возможности эксплуатаціи и спекуляціи. Такъ оно и есть въ дѣйствительности. Въ Нижнихъ Лопухахъ не было передѣла со времени крѣпостного права, да и тогда былъ сдѣланъ, „потому что баринъ приказалъ“. Не знаютъ, когда и будетъ еще, „потому—и такъ хорошо“ (понимай, хозяйственному мужику); да еще вотъ болтаютъ, что ежели передѣлъ сдѣлать по наличнымъ душамъ, то налогъ съ общины увеличится. Вообще, стоятъ на томъ, что передѣлъ полей, съ точки зрѣнія личнаго хозяйствованія, вреденъ, и что если онъ будетъ сдѣланъ, то „когда выкупимъ землю, а тогда ужъ подѣлимъ въ вѣчное владѣніе“.

Что касается „помочей“, то въ Нижнихъ Лопухахъ исключительно въ ходу родъ „товарищескихъ“ помочей, съ угощеніемъ и безъ угощенія. Эта „помочь“ носитъ здѣсь еще традиціонный характеръ, какъ остатокъ помочи общинной. Въ виду того, что въ средѣ нижне-лопухинцевъ царитъ „середнякъ“ и нѣтъ особенно капитальныхъ „хозяйственныхъ“ кулаковъ, эксплуататорская помочь не развилась въ сердцѣ самой общины; но зато ею съ успѣхомъ пользуются со стороны—и мастеръ, и „христовозлюбленный мужичокъ“, и тотъ мужикъ-собственникъ, „дуроломъ“, который сдаетъ нѣкоторымъ изъ нижне-лопухинцевъ землю въ аренду. Развитіе товарищеской помочи у лопухинцевъ обусловлено нѣкоторыми особыми причинами. Этотъ родъ помочи является какъ бы связующимъ звеномъ между противорѣчивыми, несовмѣстимыми сторонами души деревенскаго наивнаго Тартюфа. Къ характеристикѣ этой другой стороны медали мы и перейдемъ теперь.

Послѣ трехъ-четырехъ сходовъ „коммерческія операціи“ были болѣе или менѣе прикончены, люди и земля разсортированы. Болѣе сильныя и богатыя семьи „округлили хозяйство“, семьи малосильныя или совсѣмъ отказались отъ земли, „перепродали“ (т.-е. сдали въ аренду) свои надѣлы „шабрамъ“, отпустивъ мужиковъ на заработки, а бабамъ предоставивъ свободу или побираться съ ребятишками, если онѣ немощны, или поступать въ работницы къ тѣмъ же, которые пристегнули къ своему „хозяйству“ ихъ надѣлы. Мы уже говорили, что Нижніе Лопухи еще не доразвились до такихъ грандіозныхъ типовъ „хозяйственныхъ“ общинъ, какъ сосѣднія села, напримѣръ, Добролюбово. Вслѣдствіе этого здѣсь и отношенія крупныхъ хозяйствъ къ мелкимъ не совсѣмъ обострились, а та, *другая* сторона лопухинской души, традиціонная, вносила еще значительную „поправку“ въ общинное неравенство.

Кажется, это было предъ возкой навоза. Староста прошелъ по окнамъ. Переходя отъ избы къ избѣ и постукивая палкой, онъ кричалъ: „Выходите на сходку! на сходъ выходите! Обираться вытями! *Вытями обираться выходите!*“

Наскучивъ прежними торгашескими сходами съ „магарычами“ и „пропиваніемъ“, съ торгами и переторжками, съ „прижимкой“ и „дожимкой“ и со всѣми неизбѣжными атрибутами толкучаго рынка, съ продающейся бѣдностью и покупающимъ достаткомъ, съ маклерами, набивальщиками цѣнъ, перепродавцами и барышниками, со всѣмъ ужасомъ взаимнаго поѣданія и личныхъ интересовъ, я чуть не припрыгнулъ отъ радости при окрикахъ старосты. Наконецъ-то, вотъ оно, это оригинальное, родное и завѣтное! Я выбѣжалъ на улицу и прежде всѣхъ явился на „мірское бревно“... Но русскій мужикъ на сходы сходится медленно; чтобы собрать тридцать человѣкъ, надо по крайней мѣрѣ полчаса, если не часъ. Вотъ пришли двое-трое и стали „сказки разсказывать“, въ ожиданіи другихъ. Подошелъ четвертый—свою сказку разсказалъ. Тамъ пятый подошелъ. Другіе что-то запоздали и не идутъ. Вотъ эти пятеро успѣли уже наговориться и насмѣяться,

какъ подошелъ шестой... Опять сидятъ и „сказки сказываютъ", т.-е. выкладываютъ весь запасъ наблюденій и слуховъ за послѣдніе дни... Прошло четверть часа. Ожидающіе начинаютъ ругаться. Староста волнуется и посылаетъ ребятишекъ съ улицы за отцами... Но и собравшись въ полномъ комплектѣ, сходъ долго еще „разговариваетъ впустую": кто-нибудь разскажетъ анекдотъ, хотя про то, примѣрно, какъ попъ сборныя яйца растерялъ, а послѣ попадья подбирать ихъ пошла. Всѣ смѣются добродушно, дружно. Этотъ анекдотъ вызываетъ другой, третій... Прошло уже полчаса, а „сходъ" еще не начинался. И понятно: собираются, только покончивъ работы, отдохнуть. Сходъ— это мужицкій клубъ, ассамблея; здѣсь живетъ мужикъ полною человѣческою жизнью, какъ равноправный членъ среди собравшихся. Дома, въ избѣ—нужда, забота, трудъ. Здѣсь, на сходѣ, мужикъ живетъ умственнымъ интересомъ; здѣсь каждый можетъ состязаться съ другимъ въ знаніи, опытности, игривости ума, фантазіи и юмора. Здѣсь мужики учатся одинъ отъ другого — и очень рады послушать постороннихъ. Вотъ почему мужики любятъ, когда на сходахъ бываютъ посторонніе: „Уму-разуму поучиться, да и свою сметку показать!".. Коренной мужикъ ужасно хорошъ на сходахъ! Въ особенности въ общинахъ старозавѣтнаго закала. Чѣмъ непосредственнѣе, свободнѣе сходъ — тѣмъ лучше. Мнѣ кажется, что у мужика можно отнять все, но правомъ схода онъ поступится только послѣднимъ... Только крайнее общинное неравенство, только язва индивидуализаціи можетъ разсѣять и уничтожить мужицкій сходъ...

— Ну, православные, надо вытями обираться!.. Пора ужъ... Того гляди, страда нагрянетъ... Вишь, какъ жарко стоитъ!— сказалъ староста, прерывая расходившуюся „бесѣду впустую".

— Ну, что жъ! Развѣ долго! Дѣдъ Ѳедосей, начинай Кочеткову выть собирать!..

Впрочемъ, позвольте мнѣ сдѣлать здѣсь отступленіе и познакомить васъ съ тѣмъ, что такое нижне-лопухинцы разумѣютъ подъ словомъ „*выть*".

Выти — это, въ представленіи народа, собственно сельскохозяйственныя артели, на которыя распадаются большія общины для удобства *общихъ* сельскохозяйственныхъ работъ. Образованіе вытей органически вытекаетъ изъ склада общиннобытовой организаціи.

Если припомнятъ читатели, въ начерченной нами въ IV-й главѣ схемѣ народнобытовыхъ основъ, мы представили *общину*, какъ подвижную организацію, образующуюся изъ постояннаго, естественнаго распаденія большихъ семей на отдѣльныя группы-семьи. Для большей простоты схемы мы на этомъ и остановились. Но, понятно, что организація общины на этомъ не кончается. Съ возрастаніемъ населенія разрастаются и самыя общины, которыя точно такъ же, дойдя до извѣстнаго *естественнаго* предѣла возрастанія, неминуемо, въ свою очередь, распадаются на *меньшія группы*; эти *меньшія группы-общины* или остаются, если позволяетъ усадебное пространство, на томъ же мѣстѣ, связанныя въ одну большую общину, или же выдѣляются, выселяются на другое мѣсто, невдалекѣ отъ главной общины (выселки, поселки, починки и проч.), образуя новую общинную ячейку. Всѣ эти отдѣлившіяся общины-сестры соединяются между собою и съ общиной-матерью въ одинъ органическій, естественный союзъ, извѣстный подъ именемъ „общины-волости", и между ними происходитъ тотъ же самый процессъ *распредѣленія имущества и труда*, какой происходитъ въ сердцѣ каждой изъ этихъ общинъ-сестеръ. Но организація самаго общиннаго труда здѣсь уже нѣсколько иная. Такъ, если мелкая община, состоя изъ небольшого количества группъ-семей, легко соединяется во время полевыхъ работъ въ одну сельскохозяйственную единицу, артель, для производства *сообща* всѣхъ полевыхъ работъ,— община-волость соединяется для *общихъ работъ* только въ случаяхъ исключительныхъ, для предпріятій грандіозныхъ и необходимыхъ для всей группы общинъ, какъ, напримѣръ, корчеванія, рытья канавъ, осушенія болотъ, орошенія полей, поднимапія нови и проч. Исключительно же полевыя работы вести ей сообща было бы немыслимо; почему она *ежегодно* производитъ на общемъ *волостномъ* сходѣ *только* равномѣрное распредѣленіе принадлежащихъ ей угодій между своими общинами-дочерьми. Эти-то мелкія общины и носятъ названіе *вытей*. На выти же могутъ распадаться и сами общины, если онѣ настолько велики, что веденіе *сообща* полевыхъ работъ становится затруднительно. Такой же процессъ распаденія на выти существуетъ въ Нижнихъ-Лопухахъ (и, вообще, во всей той мѣстности, въ которой, какъ мы говорили, еще досел̌ѣ

сохранился типъ общины-волости). Онъ представляется въ слѣдующемъ видѣ.

Въ тѣ отдаленныя времена, когда въ общинѣ былъ силенъ принципъ патріархальности, когда рабочія силы группировались въ патріархальныя артели-семьи, подъ главенствомъ *большака* (по старшинству или по выбору членовъ семьи), когда эти семьи достигали 15—20 и даже больше душъ, надо думать, что *выти*, какъ сельскохозяйственныя артели, въ то время сливались съ понятіемъ *рода*. Такія родовыя патріархальныя группы особенно поддерживались всегда администраціей и помѣщиками, въ видахъ фиска и выгодъ помѣщика; это съ одной стороны; съ другой—пришла имъ на помощь религіозная мораль. Вслѣдствіе этихъ поддержекъ патріархальная семья-артель, основанная нѣкогда на равноправности всѣхъ членовъ семьи и выборномъ началѣ (что доказывается обычнымъ правомъ наслѣдованія при раздѣлахъ), приняла форму „хозяйствованія подъ властью большака, старшаго въ семьѣ, по крови“. Равенство отношеній было нарушено. Неподчинявшіеся деспотизму главы семьи члены не могли выйти изъ нея, прикрѣпленные къ ней искусственными мѣрами барскихъ и административныхъ запрещеній и нравственнымъ тяготѣніемъ религіозной морали. Такое положеніе внесло въ крестьянскую семью извѣстную деморализацію: въ ней развилось рабство слабаго предъ сильнымъ и батраческій способъ хозяйствованія, въ которомъ глава рода или семьи безконтрольно распоряжался рабочею силой подвластныхъ ему членовъ. А такъ какъ этимъ главой всегда являлся мужикъ, какъ отвѣтственное лицо предъ фискомъ и помѣщикомъ, то отсюда же проистекло рабство женщины.

Очевидно, подобный порядокъ дѣлъ совершенно противорѣчилъ народнымъ идеаламъ, и народъ протестовалъ противъ него или путемъ уголовныхъ преступленій противъ семейныхъ основъ, или постоянно возраставшимъ числомъ раздѣловъ и выдѣловъ изъ семей. Съ паденіемъ крѣпостного права и власти помѣщиковъ число семейныхъ раздѣловъ сразу увеличилось до громадной цифры. Это былъ протестъ личности. О значеніи этого протеста, какъ регулирующаго начала свободы личности, мы уже говорили. Нижніе Лопухи, между прочимъ, и представляютъ собою одинъ изъ типовъ общины, гдѣ патріархальная семья совершенно почти исчезла, и гдѣ раздѣлы—явленіе постоянное. Но такъ какъ, съ экономической точки зрѣнія, раздѣлы ведутъ неизбѣжно уменьшеніе благосостоянія семей, вслѣдствіе *паденія артельной организаціи труда* (каковою раньше была артель-семья), то народъ, инстинктивно покоряясь своимъ вѣковымъ идеаламъ, неизбѣжно же долженъ былъ притти вновь къ этой артельной организаціи, но не въ формѣ деморализованной уже патріархальной семьи, а въ формѣ *свободной артели самостоятельныхъ рабочихъ*, сходящихся *„по-милу, кто кому любъ“*. Въ такомъ направленіи онъ и пошелъ... Но наступившій на смѣну крѣпостнаго права экономическій гнетъ съ одной стороны, фискальный съ другой, и развитіе крайняго индивидуализма съ третьей—все это создало вокругъ мужика удушливую атмосферу двоедушія и двуличія, столкнуло его съ прямого, естественнаго пути развитія. Въ лучшемъ случаѣ, мужикъ, какъ мы видѣли, пошелъ на компромиссъ, пошелъ *обходомъ* къ своимъ идеаламъ, въ худшемъ—повернулъ по пути, прямо противорѣчившему всѣмъ его традиціямъ,—по пути къ достиженію идеала *обособленнаго, единоличнаго хозяйствованія*, которое возможно только при условіи эксплуатаціи или труда своихъ братьевъ, въ формѣ „батрачества“, или труда своей семьи, въ формѣ рабскаго, безпрекословнаго повиновенія своему *„хозяину“*. Это два крайнія направленія. Въ громадномъ же большинствѣ случаевъ современная русская мужицкая община представляетъ, какъ мы уже неоднократно говорили, однобокую организацію, не гармоническую, въ которой совмѣщаются вещи несовмѣстимыя, наивысочайшія формы общественныхъ отношеній съ формами дикаго, антинароднаго свойства. Экономическій гнетъ и атмосфера двоедушія и двуличія заставляютъ народъ искать спасенія въ этихъ антинародныхъ формахъ, между тѣмъ какъ инстинктъ, традиціонная нравственность и „общинная совѣсть“ сдерживаютъ его въ какой-то нерѣшительности, говорятъ ему о какихъ-то былыхъ идеалахъ существованія...

Все это мы можемъ очень легко прослѣдить на тѣхъ же Нижнихъ Лопухахъ.

Въ настоящее время 112 душъ (ревизскихъ) нижне-лопухинцевъ распадаются на 7 *вытей*, по 16 душъ въ каждой. Большинство изъ этихъ вытей еще доселѣ носитъ *родовыя* названія, очевидно, какъ

остатокъ нѣкогда существовавшихъ большихъ патріархальныхъ артелей-семей. Такъ, есть *выти*: Груздей, Сохатая, Мерзлая, Гусева и проч. Предъ началомъ страды и собирается тотъ сходъ для „обиранія вытями", который мы и начали описывать.

Прежде всего выступили *представители семи коренныхъ дворовъ*, старѣйшихъ въ извѣстномъ родѣ. Отъ Груздей—мои хозяева, брательники; отъ Сохатыхъ—Романъ кузнецъ; отъ Гусевыхъ—старовѣрскій дворъ; отъ Мерзлыхъ—дѣдъ Ѳедосей и т. д. Всѣ они за-разъ стали выкрикивать на сходкѣ примѣрно въ такомъ родѣ: „Ну, ты, Иванъ Петровичъ, хочешь, что ль, въ мою выть по прошлогоднему?"—„Изволь, съ удовольствіемъ".—„Да у тебя сколько теперь душъ?"

— У меня—на три.

— А работниковъ теперь двое? Ты, вѣдь, сына на сторону послалъ?

— Послалъ, это точно...

— Ну, вотъ! Мало! Нехватка будетъ.

— Полно-се, Миронъ Петровичъ! Не разбиваться намъ стать... Сколько лѣтъ одной вытью обираемся!..

— Ты бы хоша работницу, что ли, принанялъ!.. Не управимся!

— Полно грѣшить! Вѣдь, у тебя теперь хозяйство какое! Слава тебѣ Господи! На пять душъ тянешь! Пятеро работниковъ у тебя... А мнѣ изъ какихъ доходовъ работницу нанимать?..

— Изъ какихъ? Сынъ въ заработки пошелъ—оплатитъ.

— Полно-се, братецъ мой, грѣшить-то... Управимся за милу душу...—уговаривалъ Иванъ Петровъ.

— Я бы пожалуй... По мнѣ, пущай... Да мои обидятся!.. Понимай это... Ровнять надо...

— Это вѣрно... Да ужъ нынѣшнее лѣто хоша бы...

— Говори съ Кривулей. Какъ онъ? Эй, Елизаръ! Беремъ, что ли, Ивана Петрова?

— А у него что?—откликается откуда-то Елизаръ, двоюродный братъ Мирона.

— На три души—самъ-другъ только...

— Ну, что жъ! Старый пріятель!.. Не ссориться же намъ!.. Пущай на выть четвертушку выставитъ, ради для уваженія!..

— Да это изволь, съ удовольствіемъ!—говоритъ Иванъ Петровъ.—За этимъ не постоимъ! Господи! да чтобы пріятелей не угостить!.. Помилуй-скажи!..

— Ну, теперь всѣ ли у насъ? — считаетъ Миронъ.—Моихъ пять душъ, твоихъ, Иванъ,—три, Елизаровыхъ—пять; это будетъ тринадцать... Ну, у Пашки-племяша—еще двѣ... Пашутка!—кричитъ онъ молодому, недавно отдѣлившемуся отъ семьи Елизара, мужику,—съ нами, что ли, идешь?

— Нѣтъ, я нонѣ съ вами не пойду!

— Чего такъ?

— У насъ нонѣ своя выть обирается, *молодая*! Веселѣе!—улыбаясь кричитъ Павелъ.

— У нихъ нонѣ все *новожоны* собрались! Что бабы, что мужики—на подборъ! Шишка Василій у нихъ *вытнымъ*!—кто-то поясняетъ изъ толпы.

— Ну, пущай,—говоритъ Миронъ:—надо еще три души искать... Эй, православные, не желаетъ ли кто къ намъ? Трехъ душъ не хватаетъ.

— Ты съ Елизаромъ, что ли?—подходитъ къ нему смирный мужичокъ.

— Елизаръ, да Иванъ Петровъ.

— Такъ... Я бы, пожалуй, пошелъ... У меня на двѣ души...

— Лядащій вы народъ!—сказалъ Миронъ.

— Ну, не взыщи, братъ, какой есть! Не любо—не просятъ... У васъ тоже ругани не оберешься... Больно вы круты съ Елизаромъ-то...—отвернулся мужичокъ и пошелъ къ другой группѣ.

— А вамъ бы чужими руками все!—прокричалъ ему вслѣдъ „хозяйный" Миронъ.—Эй, православные, приставайте кто есть!—крикнулъ онъ опять, и прибавилъ, обращаясь къ Елизару:—все лядащій народъ остался...

— Ну, немного, чай, переработаешь лишковъ-то!.. Зови Алистарха... Пріятель давнишній...

— У него, у Марѳы, нога болитъ... Врядъ, поди, выйдетъ въ луга...

— Зови, говорю... Что намъ считаться!

— Ну, вы какъ?—спросилъ я своихъ хозяевъ,—обрались?

— Да, вѣдь, у насъ скоро: мы брательники все... И у всѣхъ бы скоро, да вотъ нонѣ молодые свою выть обираютъ... Ну, и отошли отъ старыхъ вытей; надо одну старую выть рушить...

— Зачѣмъ же они свою выть собираютъ?

— Такъ, хотятъ по-пріятельски... Все пріятели собрались, одногодки... Оно имъ повольготнѣе на своей-то волѣ... Со стариками тоже не больно повадно: тамъ окрикнутъ, тамъ ругнутъ, а другой разъ

и въ загривокъ дадутъ... Молодымъ бабамъ больше достается... Вотъ они въ свою выть и собираются... Веселѣе!

— А чья же выть нарушилась?

— Да кто ее вѣдаетъ? У которой меньше душъ выйдетъ, та и будетъ къ другимъ приставать... Должно полагать—Гусева. У нихъ нонѣ большой недочетъ...

— Вы совсѣмъ, что ли, обрались?—спросилъ, подходя, одинъ изъ Гусевыхъ.

— Обрались... А что?

— Да вотъ бы съ нами...

— Иди къ Ѳедосею.

— Гдѣ къ Ѳедосею! Ихъ ужъ три старика вмѣстѣ пріятельствуютъ... Все вотъ эти надѣлали, новожоны-то... Все бы имъ на своей волѣ!..

— Да вонъ Миронъ съ Елизаромъ выкликаютъ... Ступай!

— И то! Али у нихъ нехватка?.. У нихъ выть сильная... Хорошо бы!..

И старовѣръ пошелъ къ Мирону.

— Ну, а вы какъ? — спросилъ я старика-кузнеца.

— У насъ—чисто... мы изстари пріятельствуемъ съ Ѳедосеемъ... мы, вѣдь, не расчетливы... Намъ съ кѣмъ не сойтись... Силенъ ты нонѣ, али нѣтъ, намъ все одно... Всѣ люди! Мы не торгуемъ, торговлю изъ этого не ведемъ... Это вотъ „питухи“, ну, тѣ—торгуются, потому имъ водки нужно... А намъ что считаться. Усчитывать силу нечего... Всѣ работаемъ въ разъ, заодно... Никто отъ другихъ не отстанетъ...

— А вонъ другіе равняютъ силы-то... У кого нехватка — вступного берутъ, рубль или два...

— Не люблю я этого... Это больше „прижимка“... Кабы мы не въ разъ, не заодно, примѣрно, всѣ косили, ну такъ еще... А то все одно... Такъ это—несправедливость...

„Обиранье вытями“ продолжалось очень недолго. Только нѣкоторыя выти, въ которыхъ было больше „питуховъ“, дѣйствительно, обирались дольше другихъ; тутъ торговались: выть просила отъ кого-нибудь вступного полведра, а онъ давалъ четверть... Но и тутъ не было особыхъ пререканій. Вообще, процессъ „обиранія вытями“ шелъ дружно, весело, любовно. Это зависѣло отъ двухъ существенныхъ причинъ: во-первыхъ, отъ того, что самый жгучій и чувствительный вопросъ „распредѣленія“ былъ въ общинѣ разрѣшенъ заранѣе въ смыслѣ *подбора отдѣльныхъ хозяйствъ*, слѣдовательно, всѣ тѣ элементы борьбы, экономическаго принужденія, страстной коммерческой „игры“ въ надѣлы и души, которые придаютъ такой мрачный колоритъ общинѣ хозяйственныхъ мужиковъ, здѣсь уже отсутствуютъ; ихъ не видно, они забыты... Все это нисколько не помѣшало вытямъ организоваться на основахъ равенства и солидарности. Присутствуя при процессѣ образованія вытей, вы не можете не притти въ истинное умиленіе, если только вы сторонній наблюдатель и если предъ вами эти картины являются въ нѣкоторомъ отвлеченіи отъ прочихъ явленій общинной жизни. Во-вторыхъ, процессъ образованія вытей подчиняется только слѣдующимъ основнымъ мотивамъ: подборъ вытей идетъ или *по родству* (скорѣе по свойству; чаще всего сходятся *свояки* и дальніе родственники скорѣе, чѣмъ близкіе: отецъ съ сыномъ, братъ съ братомъ рѣже, чѣмъ двоюродные братья, двоюродные дядья), или прямо *по товариществу*, по-пріятельски, по дружбѣ, безъ всякихъ родственныхъ отношеній. Въ обоихъ этихъ случаяхъ дворы, соединившіеся въ выть, держатся очень долго вмѣстѣ: здѣсь не бываетъ *учета* рабочихъ силъ. И понятно: если сегодня у моего пріятеля заболѣла жена, значитъ, рабочихъ силъ уменьшилось, то было бы странно съ моей стороны, если бы я сталъ предъявлять за это особыя претензіи. Хотя „вытями обираются“ ежегодно, но эти *свойскія* или товарищескія выти долго остаются неизмѣнными, и если участвуютъ ежегодно въ процессѣ обиранія, то единственно для равненія по душамъ, въ случаѣ, если въ выти произойдетъ колебаніе въ числѣ душъ, т.-е. можетъ быть больше или меньше 16 душъ. Наконецъ, уже рѣже всего, просто *по учету рабочихъ силъ*.

Если большой „хозяйный“ дворъ въ пять-шесть рабочихъ силъ не находитъ себѣ пріятелей и товарищей (обыкновенно изъ „кулаческихъ“ дворовъ, съ сильно развитыми стремленіями къ обособленію), онъ подбираетъ выть изъ однодушекъ или двудушекъ, вступая съ ними въ торговыя отношенія: если у одно-или двудушника рабочія силы хороши, сдѣлка происходитъ безъ особыхъ затрудненій; если, наоборотъ, то, какъ мы видѣли, начинается ряда о „вступномъ“. „Равненіе“ происходитъ такимъ образомъ при посредствѣ денегъ.

Изъ этихъ-то основъ товарищества, на

которыхъ, главнымъ образомъ, происходитъ организація вытей, вытекаетъ органически и „товарищеская помочь“, которая исключительно и практикуется въ Нижнихъ Лопухахъ. Вообще, организація вытей какъ свободныхъ, естественныхъ сельскохозяйственныхъ артелей, представляетъ въ высокой степени важный элементъ въ общинѣ,—въ немъ лежатъ лучшія традиціи и задатки развитія лучшихъ инстинктовъ общины. Эти артели представляются благодатными явленіями даже въ общинахъ „хозяйственныхъ мужичковъ“. Въ организаціи вытей сказываются многіе плодотворные инстинкты народа. Сумѣть дать имъ санкцію, твердость, прочность и показать путь дальнѣйшаго развитія было бы въ высшей степени благотворнымъ дѣломъ. Но въ атмосферѣ „двоедушія и двуличія“ этотъ элементъ общины или окончательно извратится, или исчезнетъ оченъ быстро... Мы видимъ, что неравенство *дворовъ* въ общинѣ извратило уже первоначальный смыслъ вытей и въ Нижнихъ Лопухахъ *).

Иногда они теряютъ свой первоначальный смыслъ окончательно и изъ свободныхъ, естественныхъ артелей переходятъ въ мертвыя, искусственныя формы. Такъ, напримѣръ, въ тѣхъ же Нижнихъ Лопухахъ, въ приложеніи къ обработкѣ луговъ и распредѣленію общиннаго лѣса, выти являются живыми, естественными, цѣлесообразными организаціями, между тѣмъ какъ въ приложеніи къ пахотнымъ полямъ онѣ являются не только вполнѣ мертвою, искусственною формою, но и совершенно ненужною, лишнею, нелѣпою, какъ, въ сущности, нелѣпа и самая существующая система обработки крестьянскихъ полей.

Это явленіе очень характерное и поучительное. Отчего оно происходитъ? Всматриваясь въ него внимательнѣе и глубже, мы видимъ слѣдующее. Во-первыхъ, выть, какъ и всякая *артель*, есть вполнѣ свободный естественный союзъ лицъ для производства работъ сообща и на основахъ взаимопомощи. Посмотрите на наши деревенскія свободныя артели, хотя плотниковъ или лѣсниковъ: для производства извѣстныхъ работъ они соединяются и затѣмъ, по окончаніи работъ, снова расходятся впредь до наступленія опять надобности въ общей работѣ. Если эти работы будутъ постоянны и непрерывны, постояненъ и непрерывенъ будетъ періодъ существованія артели. Отсюда понятно, что примѣненіе артельной формы труда къ обработкѣ луговъ вполнѣ цѣлесообразно, съ одной стороны, потому что передѣлъ луговъ и равненіе ихъ происходитъ большею частью *ежегодно*, предъ началомъ работъ, что въ высшей степени важно для принципа общинности; съ другой—потому, что ежегодные передѣлы луговъ даютъ образоваться *артелямъ* каждый разъ, вновь, по-милу, по дружбѣ или по другимъ соображеніямъ, совершенно свободно, придавая каждый разъ этой организаціи жизненность и въ то же время *каждый разъ производя равненіе*, а не періодически. Другое дѣло—обработка полей, съ болѣе или менѣе длинными періодическими передѣлами, по трехпольной системѣ, при первобытныхъ орудіяхъ труда. Представьте себѣ, что сегодня община „обралась вытями“ и стала передѣлять землю по этимъ свободнымъ группамъ *). Раздѣлили землю. Что должно логически слѣдовать изъ этого дѣлежа по свободнымъ товариществамъ и артелямъ? Несомнѣнно, артельная обработка на основахъ общаго труда и взаимопомощи, съ дѣлежомъ продукта, какъ результатомъ труда артели. Кончены полевые труды, артель разсыпается, а на будущій годъ снова должна произойти та же процедура: „обираніе вытями“, дѣлежъ и равненіе между ними земли—и опять общая обработка. Мы это и видимъ тамъ,

*) Въ общинахъ, по какимъ-либо причинамъ утерявшихъ значительную долю общинной солидарности и общинныхъ инстинктовъ, образованіе и значеніе вытей совсѣмъ потеряло свой первоначальный смыслъ и выти удержались просто, какъ удобная общинно-административная форма. Такъ, въ селѣ Пустынь, Рязанской губерніи, состоящемъ изъ 1050 душъ, вся община распадается на 10 крупныхъ вытей, по 105 душъ, затѣмъ каждая выть распадается на „четверины“, четверины, въ свою очередь, на „осмаки“, и уже осмаки дѣлятся по душамъ. Вытями обираются по порядку дворовъ. Такимъ образомъ, здѣсь является такое же искусственное раздѣленіе общины на части, какъ, напримѣръ, въ городахъ: часть, участокъ, околотокъ, кварталъ. Каждая изъ этихъ частей и существуетъ собственно въ виду удобства раскладокъ и раздѣловъ повинностей и земли, но внутри себя эти части не имѣютъ ни какой органической связи, изъ которой вытекали бы естественно товарищеская взаимопомощь, артельное хозяйство и обработка земли сообща. Замѣчу здѣсь кстати, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ выть называютъ „связкой“.

*) Нельзя не замѣтить, что самое выраженіе „*обраться вытями*“ очень характерно и ясно указываетъ на образованіе вытей „по-милу“, свободно, естественно, а не искусственно, какъ, напримѣръ, по порядку дворовъ.

гдѣ община поставлена въ благопріятныя условія, гдѣ она руководится исключительно общинными инстинктами. Вотъ вамъ первый характерный примѣръ, имѣющійся подъ руками: „Крестьяне хутора Грековки, Черниговской губерніи и уѣзда, взявши въ 1876 году въ аренду цѣлымъ обществомъ имѣніе и найдя, что дѣлежъ земли по домохозяйствамъ, въ виду разнокачественности почвы и *по другимъ причинамъ,* неудобенъ, ввели общественную запашку, совмѣстный сжинъ и обмолотъ, такъ что въ раздѣлъ идутъ уже зерно и солома. Также поступаютъ съ сѣнокосами. До 77 года прошелъ уже годъ, какъ крестьяне начали вести хозяйство на такихъ основаніяхъ. Практика нисколько не охладила ихъ, и они находятъ *свою* систему и справедливою, и удобною. Ни общій трудъ, ни дѣлежъ продукта не подавали повода къ недоразумѣніямъ и нареканіямъ, наивно замѣчаетъ авторъ сообщенія, какъ будто этотъ порядокъ для мужиковъ новинка, въ родѣ картофеля, завезеннаго изъ Америки“. (Матеріалы статистическаго отдѣленія при черниговской земской управѣ. См. программу Вольнаго экономическаго общества, изданіе второе) *). Вотъ какова логика мужицкой общины. Но такъ ли выходитъ въ большинствѣ нашихъ деревенскихъ общинъ, сбитыхъ уже совсѣмъ съ толка и постоянно, кромѣ того, сбиваемыхъ съ него? Конечно, далеко нѣтъ. Мы знаемъ, что всюду преобладаетъ въ приложеніи къ пашнѣ *система періодическихъ попосныхъ передѣловъ,*—система, такъ излюбленная нашими защитниками общины и учеными спеціалистами, что они въ ней видятъ конечное выраженіе народныхъ общественныхъ идеаловъ и стремленій. Эта же система, какъ мы говорили, дѣйствуетъ въ Нижнихъ Лопухахъ. Подѣливъ пашню по *вытямъ,* сами выти рѣжутъ доставшіеся имъ жеребьи „по полосамъ“ (т.-е. по душамъ), и затѣмъ всякое активное значеніе вытей исчезаетъ вплоть до новаго передѣла, который будетъ еще лѣтъ черезъ 15—20, когда эти свободно-собравшіяся выти давнымъ-давно потеряютъ уже внутреннюю связь, члены ихъ вымрутъ, перетасуются, перессорятся... Да и зачѣмъ, какой смыслъ имѣетъ здѣсь эта связь?.. Понятно, никакой; она является мертвою, архаическою формой... А между тѣмъ, какою, въ сущности, жизненностью и богатыми задатками развитія обладаетъ эта форма?

Къ организаціи вытей намъ остается еще прибавить фактъ сильнаго развитія у лопухинцевъ товарищескихъ коопераціи по съемкѣ пашни и луговъ у сосѣднихъ землевладѣльцевъ. Развитію этихъ товариществъ, несомнѣнно, содѣйствовали, съ одной стороны, практика обработки луговъ „вытями по-милу“, съ другой—семейные раздѣлы или паденіе патріархальныхъ артелей-семей. Къ сожалѣнію, эти товарищества, въ дальнѣйшемъ развитіи, пошли по пути конкуренціи и коммерческихъ сдѣлокъ; составляются онѣ по *денежной* силѣ участниковъ, по паямъ, хотя артельная обработка луговъ примѣняется еще и здѣсь. Иногда цѣлая *выть* беретъ въ аренду луга. Объ этомъ мы уже говорили въ первой части.

„Обрались вытями“, началась жеребьевка. Въ жеребьевку шли тѣ мелкія пожни и пустошки и чрезполосные луговые „ремни“, которые, по своему незначительному объему, неудобны для обработки цѣлою вытью и которые уцѣлѣли, по какимъ-либо причинамъ, отъ операціи общинныхъ аукціоновъ. Но они очень удобны для обработки одной, двумя, тремя вытями. Жеребьевка производилась такъ: брались какія-нибудь двѣ сѣнокосныя пустошки, изъ которыхъ та и другая различны по качеству травы, по объему, по разстоянію отъ села и проч. Какъ обыкновенно, здѣсь прилагался общій способъ „равненія“: если пустошки ровны по качеству, но не ровны по объему, то большую пустошь бросали на четыре выти, а меньшую—на три; если не ровны по качеству, то вытямъ, получившимъ по жеребью худшую пустошь, прибавлялась какая-нибудь часть покоса въ лѣсу и т. п.

Но перейдемъ къ самому процессу об-

*) Нельзя не пожалѣть, что факты подобнаго рода сообщаются крайне поверхностно и по нимъ рѣшительно невозможно представить себѣ самый процессъ общинной обработки. Явилась ли она путемъ организаціи вытей, или вслѣдствіе измѣненія самой системы обработки полей, или введеніемъ такихъ орудій труда, которыя требуютъ коллективнаго участія въ пользованіи ими всѣхъ членовъ общины,—знать это очень важно. Существуетъ мнѣніе, что устойчивость общинной работы стоитъ въ прямой зависимости отъ орудій производства. Мнѣніе это въ извѣстной степени справедливо. Дѣйствительно, примѣненіе интенсивнаго хозяйства къ машинной обработкѣ и организаціи вытей въ высшей степени благотворно повліяло бы на развитіе общиннаго труда, а вмѣстѣ съ тѣмъ и воскресило бы въ народѣ его исконные идеалы.

щинной обработки вытями. На послѣднемъ сходѣ рѣшили черезъ день выходить въ луга.

Было великолѣпное утро, свѣжее, росистое, ядреное; въ организмѣ невольно пробуждалась энергія, бодрость. Солнце едва поднялось еще на горизонтѣ. По лугамъ разстилались молочные пары и медленно таяли и разливались, чѣмъ выше поднималось солнце. Въ селѣ только что согнали въ стадо скотину. Раздался звонъ косы. На улицѣ показались мужики съ косами на плечахъ и торопили бабъ. Неуспѣвшіе убраться бабы кричали: „Ступайте, дѣлите... Мы поспѣемъ!“ Наконецъ, у избы старосты собрались всѣ выти и двинулись на большой лугъ. Я пошелъ вмѣстѣ съ ними. Толпа была огромная, такъ какъ требовалось, чтобы каждый дворъ выставилъ непремѣнно всѣхъ *наличныхъ* работниковъ, иначе, конечно, вышло бы ужъ вовсе не „по пріятельски“ и не „пó-милу“. Вслѣдствіе этого на селѣ, въ полномъ смыслѣ слова, остались только самый старый да самый малый. Все, что въ силахъ было работать—умѣло грести или косить,—шло въ луга. Подойдя къ границѣ луга, семь „вытныхъ“, по старшинству или „по уваженію“, по расторопности, выступили впередъ; вся прочая рабочая братія разсѣлась по пригорку. Вытные окинули глазами ближайшую площадь луга, послали двоихъ опредѣлить примѣрно границы ея „по качеству“, напримѣръ, отъ куста съ одной стороны до болотистаго луга съ другой, затѣмъ, опредѣливъ, гдѣ будетъ „отбойка“, т.-е. граница, отдѣляющая плохую траву отъ хорошей, вытные перекрестились и выставили мѣрщиковъ, изъ тѣхъ же „вытныхъ“, болѣе сообразительныхъ и ловкихъ на вычисленія. Мѣрщики приступили къ точному измѣренію *„карты“* (то же, что *емь* у ямской общины, т.-е. площадь луга одинаковаго качества, предназначенная для операціи работы за *одинъ пріемъ*).

Измѣреніе происходило такъ: одинъ мѣрщикъ измѣрилъ *косьемъ* ширину, другой длину прямоугольника; затѣмъ оба они останавливались и въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ молча начинали вычислять, пуская въ ходъ пальцы; требовалось намѣрянное количество *косьевъ* раздѣлить на пять частей, изъ которыхъ *двѣ пятыхъ* требовалось оставить изъ каждой *карты* общинѣ изъ деревни Квашни, а *три пятыхъ* косить самимъ. (Лугъ, какъ мы говорили, былъ общій у двухъ общинъ. Квашнинцы не согласились косить вмѣстѣ, такъ какъ торопились прикончить работы дома и оставили этотъ покосъ до окончанія жнитва.) Вычисленія быстро были готовы и мѣрщики снова *косьями* отдѣлили $^2/_5$ отъ $^3/_5$; теперь слѣдовало $^3/_5$ карты раздѣлить на *семь частей* (семь вытей); опять мѣрили косьями, большею частью по 5—6—7 косьевъ на выть; отмѣривъ часть первой выти по одной сторонѣ прямоугольника, мѣрщикъ дѣлалъ тяпокъ (прокашивалъ косой крестъ); отмѣривъ часть другой выти, дѣлалъ второй тяпокъ, и т. д.

Продѣлывая эти прокосы, онъ выкрикивалъ такимъ образомъ: *Рѣзвый!* (т.-е. пай первой выти)—семь косьевъ да полукосье!.. *Первый!* (пай второй выти)—столько же!.. *Второй*—столько же!.. *Третій*,—столько же... *Четвертый*—урѣжь: семь косьевъ! (это значитъ попала полоса болѣе сочной и густой травы). *Поддѣбье* (пай шестой выти, предпослѣдній)—столько же! *Дѣбь* (послѣдній пай)—набрось: восемь косьевъ! (значитъ трава хуже, подходитъ къ болоту).

Одновременно съ этими выкриками второй мѣрщикъ на противоположной сторонѣ карты дѣлаетъ такіе же прокосы.

— Готово!—кричали мѣрщики, вскидывая на плечи косы и направляясь къ мѣсту жеребьевки.

— Ну, ладно! Вѣрно ли?—спрашиваютъ мужики.

— Ужъ вѣрно! Не бойся!

— То-то, братцы... А то съ этими квашнинскими бѣда! Такой народишка подлый. Прошлый годъ мы имъ выплатили ужъ пятнадцать рублевъ штрафу: наѣхали, провѣрили, нашли гдѣ-то на два косья несправку, пошла тяжьба!—разсказывали мнѣ.—Старшину позвали, сотскихъ, писаря... Господи помилуй! Ничего не подѣлаешь, отдали пятнадцать рубликовъ!.. Вѣрно ли, братцы, смотри! Сдѣлайте милость—дѣли вѣрнѣе.

— Вѣрно ужъ! Смотри...

— Ну, начинай староста!

— Вытные, давайте жеребья!—крикнулъ староста, подставляя картузъ.

Каждый изъ вытныхъ положилъ въ картузъ жребій своей выти (маленькія палочки съ разными значками, вырѣзанными ножомъ: *крестъ*, *лапа* (одна зарубка), *двѣ лапы*, *стесокъ*, *косая*, *три лапы*, *пустая*).

Въ это время сидѣвшая толпа рабо-

чихъ, бабы, мужики, дѣвки, парни, подростки, поднялась и плотнымъ кольцомъ окружила вытныхъ и старосту. Настала мертвая тишина. Въ воздухѣ сверкали, да иногда звякали одна о другую вскинутыя на плечи косы. Самый меньшій изъ подростковъ сталъ вынимать жеребьи и поочередно подавалъ ихъ старостѣ. Староста громко выкрикивалъ номера. Операція эта производилась неймовѣрно быстро, слѣдующимъ образомъ.

Староста (кричитъ): *Рѣзвый—косая!*

1-й вытный (кричитъ): Косая—наша! Косая—Рѣзвый! Рѣзвый нашъ! Бѣги на Рѣзвый!

Вся *косая* выть дѣлится на двѣ части и бросается со всѣхъ ногъ къ своему паю *рѣзвому*: одна половина остается на одной сторонѣ, другая бѣжитъ на другую сторону карты. У отмѣтки съ этой стороны стоитъ самъ вытный, у противоположной становится другой мужикъ и кричитъ: *„рѣзвый*! здѣсь! Броди!“ Вытный *бѣжитъ бродомъ* на косу товарища и такимъ образомъ прокладываетъ границу по травѣ, отдѣляющую ихъ пай.

Въ то время, какъ первая *косая* выть побѣжала устанавливаться, староста уже прокричалъ: *Второй—лапа!*

2й Вытный: Лапа — наша! Второй—лапа! Второй нашъ! Бѣги на второй!

Вторая выть бросается на второй пай.

Староста: Третій—пустая!

3-й вытный: Пустая—наша! Третій—пустая! Бѣги на третій!

Третья выть бѣжитъ на свой пай за вытнымъ.

Староста (кричитъ изо всѣхъ силъ, повышая голосъ, такъ какъ шумъ отъ устанавливающихся на паяхъ вытей идетъ страшный): *Поддёбье — кресть!* Крестъ—поддёбье!

6-й вытный: Крестъ нашъ! Поддёбье наше! Бѣги на поддёбье!..

Староста (наскоро выкрикиваетъ): *Дёбъ—стесокъ!*—и бросается бѣжать, крича:—Гдѣ наша выть, гдѣ моя выть?

— Здѣсь, здѣсь третья!—откликаются ему.

7-й вытный (въ то же время кричитъ): Дёбъ нашъ! Бѣги на дёбъ!

Вся эта процедура выбиранія жеребья продолажается не больше минуты! Можете себѣ представить, какой тутъ происходитъ шабашъ: все бѣжитъ, кричитъ, толкается, сортируется, „бродитъ“. Но прошла минута—и опять все смолкло, и предъ вами картина: выти распались пополамъ и обѣ половины растянулись лентами по параллельнымъ бокамъ карты: рабочіе стали другъ противъ друга.

Но это только секунда.

— Съ Богомъ!—крикнулъ кто-то. Обѣ линіи взмахнули косами, косы взвизгнули въ густой травѣ и, равномѣрно наступая съ каждымъ взмахомъ косъ, рядъ косцовъ сталъ приближаться одинъ къ другому, чтобы сойтись посрединѣ карты. Работа шла замѣчательно единодушно и дружно. Косцы повеселѣли. Одна выть острила надъ другой. Въ особенности весела была *молодая* выть. Старыя выти трунили надъ ней. Хохотъ молодыхъ мужиковъ и веселые, звонкіе выкрики молодыхъ бабъ. Черезъ четверть часа *карта* была сбрита „подъ гребенку“. Бабы побросали косы и взялись за грабли. Мужики—кто дѣлалъ концомъ косы свой *знакъ* на прокосѣ своей *выти,* кто пошелъ *дѣлить* новую карту. Прочіе сѣли отдыхать. Бабы подобрали сѣно въ правильныя грядки и постарше усѣлись около мужиковъ; молодыя собрались въ кучу, и въ утреннемъ воздухѣ раздалась громкая пѣсня.

Весь процессъ дѣлежа и косьбы карты продолжался около *сорока* минутъ, изъ которыхъ 10—15 минутъ шли на дѣлежку и которыя въ то же время были необходимымъ отдыхомъ для косцовъ. Пока они отдыхали, мѣрщики дѣлили вторую карту.

Къ девяти часамъ утра было снято десять *картъ* (средней величины отъ 70—80 косьевъ въ длину и въ 40—50 ширины). Солнце уже стояло высоко: „роса“ отошла; косьба на нынѣшній день кончилась. Всѣ медленно потянулись къ деревнѣ. Часамъ къ 12 послѣ обѣда дѣвки, разодѣвшись въ лучшія платья, взяли грабли и въ сопровожденіи имѣвшихся налицо парней двинулись на лугъ ворошить и шевелить сѣно, а часа въ четыре, когда жаръ немного спалъ, мужики поѣхали туда же на телѣгахъ навьючивать сѣно въ возы. Полувысохшее сѣно свозила каждая выть на задворки къ своему вытному, здѣсь оно свова сушилось до полудня слѣдующаго дня, подъ присмотромъ уже ребятишекъ и стариковъ со старухами, которые ужъ только и могли дѣлать, что легонько пошвыривать граблями сухую траву. На слѣдующее утро, на слѣдующую „росу“, какъ говорятъ мужики, повторилось то же самое. Новыя десять картъ были сняты съ луга. Теперь лугъ представлялъ изъ се-

бя видъ шахматной доски, усѣянной нескошенными зелеными картами квашнинской общины на желтоватомъ фонѣ скошенныхъ площадей.

Въ этотъ день случился эпизодъ, который поразилъ меня оригинальностью и, такъ сказать, непосредственною первобытностью.

Я былъ на сельской улицѣ, когда выти возвращались часовъ въ 10 съ покоса; однѣ раньше, другія позже. Впереди прошли бабы. Скоро показались мужики, между прочимъ наши брательники. Вдругъ изъ воротъ одной избы выскочила старуха, не бывшая на покосѣ, и накинулась на брательниковъ и другихъ мужиковъ съ бранью на всю улицу.

— Ахъ, вы, безстыжіе, шалопуты вы этакіе! Вишь, бороды-то распустили, что добрыя лопаты, а охальничать не стыдно!

— Чего ты, старая, взбаламутилась?— пріостановились мужики.

— Чего? еще спрашиваете—чего? Чего вы мою молодуху охаяли да изсрамили? Чего она вамъ, въ шутихи досталась? Али что мужа у нея нѣтъ, такъ и стыда не видать.

— Ну! Эка, посмѣялись!.. Недотроги какія!

— Нѣтъ, ты охальничать-то не смѣй... Натко-сь, совсѣмъ бабу съ покосу прогнали... Пришла, реветъ. Что это за порядки! А ты что? Ты кто?—напустилась грозная старуха на одного изъ нашихъ брательниковъ...—Вѣдь, ты вытный? Вѣдь, она въ твоей выти шла? Ты чего смотрѣлъ? Ты долженъ бы защиту ей дать, а замѣстъ того самъ охальничалъ, да на смѣхъ подымалъ... Что ты послѣ этого за вытный? Да кто послѣ этого къ вамъ въ выть пойдетъ? Никто! Безстыжіе твои глаза. Какой ты своей выти защитникъ? Какіе вы другимъ помощники?...

— Полно, дура старая... Кто ее хаялъ? Мы только посмѣялись...

— А чего баба плачетъ?.. Знаю я, какъ вы, охальники, смѣетесь. Ты вотъ свою жену пускай на посмѣянье, а не чужихъ, коли больно веселъ... Эхъ, ты, вытный, вытный! Стариковъ-то на выти хорошихъ нѣту, чтобы уму-разуму учить... Да провалимся мы скорѣе сквозь землю, чѣмъ въ другой разъ къ вамъ въ выть итти... Какая это выть! Своихъ въ обиду даетъ... Что это за выть? Срамная это выть—только и названья ей...

Долго еще старуха бушевала и кричала въ такомъ родѣ на всю улицу. Мужики смѣялись; однако, брательникъ-вытный сконфузился не на шутку. Былъ пущенъ по селу своего рода срамъ не малый.

— Что это у васъ?—спросилъ я.

— Да такъ, изъ ума выжила старая... Вишь, быдто ея невѣстку въ покосѣ осмѣяли, а я, вишь, не охранилъ... А и всего-то было, что Сосна въ охапку ее взялъ да повалилъ... Ну, а вытямъ весело! хохотать!

Дѣйствительно, этотъ эпизодъ очень интересенъ въ смыслѣ характернаго значенія у народа „вытей“. Уже изъ этой, пустой, повидимому, сценки вы можете видѣть, что *выть* не есть нѣчто искусственное—это глубокая традиціонная организація, выработавшая извѣстные нравственные устои.

По мѣрѣ того, какъ сѣно сохло на задахъ усадьбы, ежедневно, къ вечеру, происходилъ *дѣлежъ его* въ каждой выти между вытчиками. Дѣло это происходило такъ. Все сушившееся въ этотъ день сѣно сгребалось въ болѣе или менѣе равномѣрныя копны которыя въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, больше ради шутки, уминались болѣе другихъ увѣсистыми бабами, а именно — въ 16 копенъ, по числу душъ въ выти. Затѣмъ мужики мѣряли эти выти вожжами, перекидывая ихъ черезъ вершину къ подошвѣ, крестъ-накрестъ. Если одна копна оказывалась меньше другихъ, то „ровняли“ ее, добавляя сѣна съ другихъ. Когда такимъ образомъ копны уравнены, представители *дворовъ* (домохозяева мужики или бабы—все одно) собирались около вытнаго. Вытный бралъ колъ или косье, и домохозяева начинали „хвататься руками“, предварительно рѣшивъ, что „первая копна идетъ той рукѣ, которой достанется конецъ палки, вторая — слѣдующей за ней и т. д.“. Притомъ ни малѣйшихъ пререканій. Вообще, мужики рѣдко гоняются „изъ пустяковъ“, развѣ только бабы, да и то старыя и особенно-жадныя. Раздѣливъ, всѣ увозятъ свои копны по сѣнницамъ...

Прекрасная, радующая и умиляющая картина былъ этотъ нижне-лопухинскій покосъ! Но...

Безъ *но* и, вообще, рѣдко бываетъ что-либо на свѣтѣ, а въ крестьянской жизни тѣмъ паче. Можетъ быть, и я, какъ всякій сторонній наблюдатель, при-

шелъ бы въ умиленіе отъ картины лопухинскаго покоса, если бы не видалъ я раньше другой картины—картины „распредѣленія“, если бы не зналъ я, что среди этихъ „по-милу“ собравшихся вытей не мало работаетъ батраковъ, если бы не видалъ я забитыхъ избъ, если бы не окружала меня въ деревнѣ душная атмосфера „двоедушія и двуличія“, если бы... если бы... О, читатель, какъ много этихъ „еслибы!“

Къ счастію, существованіе этихъ противорѣчій сознаетъ самъ народъ...

Вѣрой въ это сознаніе я и закончу эту книгу, чтобы затѣмъ перейти къ анализу его характера, степени и проявленія въ современный періодъ народной жизни.

1878—79 гг.

КРАСНЫЙ КУСТЪ.

(Изъ исторіи межобщинныхъ отношеній).

Въ предлагаемой статьѣ я хотѣлъ бы коснуться того круга явленій деревенскихъ будней, которыя сосредоточиваются около такъ называемаго „межевого столба“. Кругъ этотъ, надо сказать, очень широкъ и захватываетъ чрезвычайно сложную и разнообразную группу деревенскихъ интересовъ, а между тѣмъ, нельзя не признать, что въ представленіи общества этотъ деревенскій межевой столбъ или „яма“ являются далеко не въ томъ свѣтѣ и не съ тѣмъ значеніемъ, каково оно въ дѣйствительности. Всякому изъ насъ, городскихъ жителей, отправляющихся по лѣтамъ на „дачи“, въ лоно деревенской природы, случалось, конечно, въ своихъ прогулкахъ, натыкаться на заросшія бурьяномъ съ плѣсневѣлою водой и цѣлымъ царствомъ лягушекъ на днѣ, неглубокія ямы, на подгнившій, покосившійся сѣрый деревянный столбъ съ выжженнымъ сбоку чернымъ пятномъ, уныло согнувшійся на бокъ съ краю этой ямы. Врядъ ли, однако, многимъ изъ насъ приходило въ голову, при видѣ этого заброшеннаго въ какую-нибудь недоступную дебрь столба, сколько волненій, хлопотъ, разрушенныхъ надеждъ, горя, слезъ и „животишекъ“ стоитъ онъ мѣстному крестьянскому населенію. Врядъ ли въ нашемъ воображеніи встанетъ эта печальная трагическая картина, средоточіемъ которой служитъ межевой столбъ, если вы человѣкъ деревнѣ посторонній. Но если васъ сопровождаетъ одинъ изъ мѣстныхъ старожиловъ и если вы съ нимъ наткнетесь на такой столбъ, будьте увѣрены, что пока вы, пользуясь этимъ столбомъ, успѣете закурить папиросу, онъ не преминетъ вамъ сообщить, полудобродушно, полуиронически, какую-нибудь любопытную исторію, связанную съ этимъ столбомъ...

— Вотъ онъ, вишь ты, столбикъ-то, подгнилъ ужъ,—начнетъ онъ, покачавъ столбъ за макушку:—штучка невеличка, всего одно полѣно, а тоже, я тебѣ скажу, другъ любезный, не мало въ его, проклятаго, достатковъ вбожено... и горя было и слезъ... и всего... Въ острогѣ тоже отсиживались не мало... Деньгу эту самую со всѣхъ деревень шляпами таскали...

— Какъ же такъ?—невольно спрашиваете вы, и въ отвѣтъ вамъ начинается одна изъ тѣхъ длинныхъ исторій о „недоразумѣніяхъ“, которыя въ недавнее время такой сплошной полосой тянулись черезъ крестьянскую жизнь.

Не успѣетъ еще вашъ проводникъ кончить этой исторіи, какъ уже вы натыкаетесь на другой столбъ и невольно пріостанавливаетесь у него.

— Вотъ тоже,—прерываетъ себя вашъ спутникъ,—столбикъ-то... Въ церкви стояли, крестъ цѣловали, присягу присягали, а двѣ головы сахару да три фунта чаю — и вернулъ на кривую!.. Да, ни много, ни мало, по любовному, значитъ, размежеванію пять десятинокъ у насъ лугу-то и отдернулъ.

Вы спѣшите дальше, спѣшите, можетъ быть, насладиться прекраснымъ видомъ волнующихся золотистыхъ колосьевъ или отливающихъ изумрудомъ луговъ, а ужъ въ вашихъ ушахъ опять звучитъ:—„вотъ столбикъ-то... Присягу присягали, крестъ цѣловали, а два фунта чаю да три головы сахару...“

Но вы уже знаете, что будетъ дальше, и бѣжите въ сторону отъ этого незамѣченнаго вами столба. Вотъ, наконецъ,

вы на опушкѣ лѣса. Благодатная тѣнь, съ сыроватымъ запахомъ елей охватываетъ васъ. Вы присѣли въ этой тѣни, опустили ноги въ неглубокую ложбинку, всю обросшую душистымъ звѣробоемъ. Впереди плещется рѣка и играетъ золотой рябью въ солнечныхъ лучахъ. Вы только-что забылись отъ этой безконечной, монотонно-печальной исторіи „грѣха“, слезъ, „животишекъ“, какъ вдругъ замѣчаете, что вашъ спутникъ что-то шепча внимательно разыскиваетъ, всматривается въ окружающую мѣстность и что-то припоминаетъ. Онъ то присядетъ, то, вытянувъ голову и шею, поднимется на колѣна, то встанетъ, отойдетъ въ сторону, оглянется кругомъ и все что-то шепчетъ...

— Ну, такъ, здѣсь... Это вѣрно, что здѣсь,—вдругъ говоритъ онъ вслухъ, и неожиданно начинаетъ рыться въ ложбинѣ у васъ подъ ногами.

— Вотъ!.. Нашелъ, какъ есть!.. Я помню, какъ не вспомнить!.. То-то, смотрю, какъ будто столбу надо быть... А вотъ, вишь, столбъ-то стащили... А яма-то позаросла. Ну, да я помню... Вотъ, гляди, вишь, вотъ и уголь и камни тутъ... ущупалъ какъ разъ!.. Какъ не вспомнить!..

— Ну и что жъ: опять—двѣ головы сахару, три фунта чаю? — раздраженно спрашиваете вы.

— Какъ быть!.. И присягу присягали, и крестъ цѣловали... А замѣстъ того...

— Знаю, знаю!—говорите вы и лихорадочно спѣшите высвободить свои ноги изъ „ямы“ и уйти, убѣжать хоть куда-нибудь отъ этихъ нескончаемыхъ „двухъ головъ сахару и трехъ фунтовъ чаю“... Но напрасно: эти стереотипные „2 головы сахару и три фунта чаю“, выражающіе собой стоимость цѣлой „уймы“ мужицкаго горя, слезъ и животишекъ, уже плотно осѣдаютъ въ вашей головѣ; они преслѣдуютъ васъ всюду, гдѣ только нога ваша случайно переступаетъ какую-нибудь границу, межу. Съ этихъ поръ, есть ли при васъ старожилый спутникъ, или нѣтъ, все одно: вамъ достаточно натолкнуться на такой столбъ или наткнуться на заросшую бурьяномъ яму, чтобы въ вашемъ воображеніи моментально явились „двѣ головы сахару и три фунта чаю“.

Говорятъ, что въ стародавнія времена существовалъ обычай, во время размежеванія, брать на межу дѣтей и задавать имъ при каждой выкапываемой ямѣ внушительную порку, чтобы, такъ сказать, навѣки запечатлѣть въ ихъ душѣ и на извѣстныхъ частяхъ тѣла границы ихъ и чужой собственности. Этотъ обычай исчезъ давно и совершенно основательно, ибо „двѣ головы сахару и три фунта чаю“, перевѣшивающіе цѣлую уйму мужицкаго горя, слезъ, моленій и животишекъ, много чувствительнѣе березовой каши.

Но это—между прочимъ. Насъ не столько интересуетъ здѣсь маленькій человѣчекъ, вѣчно пьяный, нахальный, обремененный семействомъ и вѣчно нуждающійся россійскій землемѣръ недавно-прошедшаго времени, которой за „двѣ головы сахару“ былъ всегда готовъ „отхватить“ у мужиковъ и мужицкаго потомства столько удобныхъ земель, сколько это допускало ихъ невѣжество въ землемѣрныхъ операціяхъ, и не самыя эти „операціи“, въ большинствѣ случаевъ всѣмъ уже извѣстныя и прикопченныя, сколько интересуетъ другая, *современная* сторона явленій деревенскихъ будней, обусловливаемая этимъ межевымъ столбомъ.

Невозвратно, читатель, канули въ вѣчность тѣ блаженныя времена, когда жила знаменитая бабушка Непила. Понятно, что въ тѣ времена, когда эта бабушка Непила съ своей родной деревней, у которой „лихоимецъ жадный косячокъ изрядный оттягалъ, отрѣзалъ плутовскимъ маперомъ“, всѣ свои упованія формулировала въ словахъ:

> Вотъ пріѣдетъ баринъ: будетъ землемѣрамъ!
> Скажетъ баринъ слово—
> И землицу нашу отдадутъ намъ снова,

когда всѣ эти упованія сосредоточивались на „баринѣ“—и „межевой столбъ“ далеко не игралъ такой выдающейся роли въ умѣ и душѣ крестьянина, какую занялъ онъ впослѣдствіи. То было время „господское“: и сама Непила была господская, и дѣло было господское. Но вотъ умерла Непила, и съ нею умерли ея „упованія“. Вмѣсто Непилы выступили другія фигуры, и ея „упованія“ должны были принять другую форму. Мужику предоставлено было „уповать“ на самого себя, за собственный страхъ и рискъ. Но такъ какъ крѣпостной мужикъ никогда самого себя не зналъ и собственной воли не имѣлъ, то и уповать на себя не могъ. А, вѣдь, безъ упованія какъ же жить? И вотъ наступилъ періодъ, когда мужикъ крѣпко увѣровалъ въ ка-

кую-то отвлеченную „правду и милость“, которыя будто бы должны были неуклонно бдѣть надъ нимъ и не оставить его на конечное разореніе. Новая бабушка Ненила свои упованія формулировала уже нѣсколько иначе: когда интересы этой бабушки Ненилы съ „легкой совѣстью“ размѣнивались на „двѣ головы сахару и три фунта чаю“, она навязывала на спину котомку и, направляясь куда-то, въ никогда невиданную ей страну, вмѣстѣ съ „ходочками“, говорила: „да неужто жъ правды на землѣ нѣтъ? Есть правда, есть... Какъ не быть правдѣ на землѣ!.. Только бы дойти до *нея*, *матушки*, а ужъ она, правда-то, свое возьметъ, милость окажетъ“... И пока вторая бабушка Ненила ходила за поисками „правды“, исторія съ „тремя головами сахару“ принимала поистинѣ грандіозные размѣры, а ея дѣтки и внучки уже начинали подумывать о томъ, какъ бы съ упованіями второй бабушки Ненилы не случилось того же, что съ упованіями первой. А разъ запало въ душу такое сомнѣніе, все болѣе и болѣе подтверждавшееся тѣмъ, что ни бабушка Ненила, ни „правда и милость“ вслѣдъ за ней что-то давно въ деревню не заявлялись, оказывалась уже настоятельная надобность придумать какое-нибудь новое упованіе. И что мудренаго, если упованіе на „правду и милость“ смѣнится, въ свою очередь, упованіемъ на всесильныя „двѣ головы сахару“?.. Только новое это упованіе требуетъ для своей реализаціи кое-чего болѣе реальнаго, чѣмъ одна „вѣра“; чтобы наилучшимъ образомъ утилизировать всесильный принципъ, выраженный въ формулѣ: „двѣ головы сахару, три фунта чаю“, требуется, конечно, прежде всего имѣть эти „двѣ головы“ въ своихъ рукахъ, а для этого нужно *„познать“* самого себя и суть окружающихъ условій... Въ какомъ направленіи пойдетъ это „познаваніе“, и каковъ будетъ его конечный результатъ, мы доподлинно сказать теперь не можемъ, ибо это „познаніе“ трудно поддается обобщеніямъ и не втискивается цѣликомъ въ готовыя шаблонныя категоріи. Несомнѣнно, впрочемъ, одно, что бабушка Ненила этого третьяго, новаго, „познавательнаго“, такъ сказать, періода—будетъ далеко не такъ формулировать свои упованія, какъ формулировали ихъ ея родительница и прародительница.

Подсмотрѣть и анализировать трудный, совершаемый подъ давленіемъ безконечнаго ряда внѣшнихъ условій, процессъ выработки народнаго „познаванія“ представляется работой многообѣщающей, такъ какъ только этимъ путемъ можно и самому интеллигентному человѣку подслушать біеніе пульса народной жизни, подсмотрѣть святую святыхъ ея души... Работа эта такъ широка и многообъемлюща, что мы, конечно, и въ виду не имѣемъ касаться ея во всемъ объемѣ. Какъ выше сказано, мы ограничимся здѣсь только тѣми явленіями, которыя сосредоточены около „межевого столба“. Но изъ обширнаго ряда этихъ явленій (вѣдь, подъ символомъ „межевого столба“ разумѣется цѣлая область земельныхъ отношеній, охватывающихъ собой $^9/_{10}$ всѣхъ крестьянскихъ интересовъ) мы исключимъ, во-1-хъ, тѣ которыя благополучно или неблагополучно достигли вожделѣннаго „предѣла“ въ формѣ разныхъ „уставныхъ граматъ“ и „владѣнныхъ записей“, какъ актовъ размежеванія между помѣщиками и казной, съ одной стороны, и крестьянами съ другой; во-2-хъ, тѣ, которыя заявляютъ себя въ формѣ „передвиженій“ земельной собственности изъ рукъ „барства“ въ руки „коммерческія“; этотъ послѣдній процессъ если и не завершенъ еще, то все же болѣе или менѣе читателямъ знакомъ. Но есть еще область явленій, народившаяся сравнительно недавно и, можетъ быть, поэтому мало или почти вовсе не обращавшая на себя должнаго вниманія. Это передвиженіе земельной собственности уже не между общиной и единоличнымъ собственникомъ (казной, помѣщикомъ, купцомъ), а между самими общинами, т.-е. здѣсь ставится вопросъ о межъобщинныхъ отношеніяхъ. Вопросъ этотъ, вообще, мало разработанъ въ нашей литературѣ, потому ли, что насъ теперь интересуетъ больше вопросъ о количествѣ въ рукахъ общинъ самой этой собственности, чѣмъ вопросъ объ ея передвиженіи межъ общинами и распредѣленіи, или потому, что мы обращали больше вниманія на распредѣленіе собственности внутри самой общины, чѣмъ внѣ ея. Во всякомъ случаѣ, вопросъ этотъ заслуживаетъ бо̀льшаго вниманія, чѣмъ это было до сихъ поръ. Въ послѣднее время мнѣ пришлось познакомиться съ нѣкоторыми фактами изъ этой области, которые и хотѣлось бы передать читателю.

Наблюденія нынѣшняго лѣта, какъ и значительная часть предшествовавшихъ моихъ наблюденій, относятся до Владимірской губ. и именно до центральныхъ

ея уѣздовъ. Признаться сказать, я неравнодушенъ къ этой губерніи. Впрочемъ, не по чувству узкаго „землячества“ и не по какимъ-либо особымъ красотамъ ея природы или душевнымъ доблестямъ ея обитателей. Нѣтъ, просто по обширности и глубинѣ той сферы, какую она представляетъ для наблюденій надъ народной „душой“. Меня влечетъ къ себѣ ея вѣчно дѣятельный, вѣчно подвижной, вѣчно ищущій „гдѣ лучше“ сынъ народа, „этотъ истый великороссъ-колонизаторъ“. Обитатель умѣреннаго климата и умѣренной почвы онъ избѣжалъ крайности поэтически созерцательной лѣни малоросса и апатической косности своего сѣвернаго или бѣлорусскаго собрата, убитаго и приниженнаго непосильной борьбой съ стихійными силами природы и исторіи. Крайнее разнообразіе историческихъ воздѣйствій, которымъ подвергался обитатель центральной Россіи, и изъ которыхъ, между тѣмъ, ни одно не было настолько преобладающимъ, чтобы наложить свою обезличивающую печать и окончательно подчинить личность своему вліянію,—выработало въ этомъ обитателѣ извѣстную степень самодѣятельности и придало населенію этихъ мѣстностей замѣчательное разнообразіе типовъ. Здѣсь вы, сравнительно на небольшомъ районѣ, встрѣтите всевозможные типы населеній, выработавшіеся подъ разнообразными историческими воздѣйствіями; здѣсь цѣлы „барскія села“, прожившія вѣкъ подъ тяжелой „барщиной“—то съ смирнымъ, пришибленнымъ и убитымъ населеніемъ, то съ буйнымъ, пьянымъ, воровскимъ; тамъ огромныя волости казенныхъ крестьянъ и оброчныхъ, съ преобладающимъ развитіемъ типа „хозяйственнаго“ мужика, бойкаго, здравомыслящаго и оборотистаго, обходившаго изъ конца въ конецъ всю Россію, побывавшаго во всѣхъ большихъ городахъ, видѣвшаго всю прелесть цивилизаціи. Не успѣли вы сдѣлать нѣсколько десятковъ верстъ, какъ уже передъ вами фабричныя села съ разнообразнѣйшимъ населеніемъ „кустарей“, и только перевалитесь вы отсюда за рѣку, передъ вами стоитъ истый, исконный землепашецъ, негодующій на зарѣчные „негодные порядки“ и распутство. Вотъ какая обширная область открывается для наблюденія. Несомнѣнно, здѣсь наблюденіе труднѣе: разобраться въ этомъ разнообразіи представляется не легкимъ; но зато здѣсь передъ вами цѣлая коллекція съ драгоцѣнными экземплярами, на которыхъ воочію вы можете прослѣдить всювѣковую и страдальческую исторію народа; вы можете прослѣдить непрерывную цѣпь историческихъ наслоеній, ибо здѣсь еще живыми сохранились такія формы соціальныхъ отношеній, которыя вы считали давно вымершими, и на вашихъ же глазахъ зарождаются соціальныя комбинаціи, о которыхъ вы и не слыхивали еще и возможность которыхъ даже не предполагали. Здѣсь встрѣтите въ одномъ и томъ же мѣстѣ и рѣдкіе экземпляры „барской“ бабушки Ненилы, глухой и слѣпой, полузабытой и загнанной на печь, которая неудачи своихъ упованій на барскій гнѣвъ и барскую любовь изливаетъ въ беззубомъ брюзжаньи на „вольные порядки“; здѣсь же увидите и широко распространенный типъ всеуповающей, всевѣрующей въ „правду и милость“ новой „по-реформенной“ бабки Ненилы, которая упорно ждетъ „поравненій“, „общихъ передѣловъ“, долженствующихъ неотложно засвидѣтельствовать собою присутствіе на землѣ „правды“; но уже вмѣстѣ съ этимъ типомъ романтика вы замѣчаете какъ быстро наростаетъ другой типъ народныхъ скептиковъ и позитивистовъ. Таковы основные типы, рѣзко бросающіеся въ глаза; но между ними существуетъ цѣлый рядъ второстепенныхъ градацій: индифферентистовъ, озлобленныхъ, „жадныхъ“, вольницы, съ одной стороны, и подвижниковъ-ригористовъ—съ другой, и т. п. Можете себѣ представить, каково должно быть здѣсь разнообразіе соціальныхъ бытовыхъ формъ! И при всемъ томъ, нигдѣ такъ крѣпко не держатся и не преобладаютъ общинныя формы, какъ здѣсь. Часто мнѣ приходилось слышать такія соображенія: „напрасно, говорили мнѣ,—вы выбрали для изученія общинныхъ устоевъ такое исковерканное, изломанное всевозможными вліяніями, разношерстное населеніе кулаковъ и лодырей всякаго рода. Какіе тамъ „устои!“ Вотъ еслибы вы направили свои наблюденія на сѣверъ, въ лѣсныя недоступныя дебри, гдѣ, по всѣмъ вѣроятіямъ, общинный типъ уцѣлѣлъ въ неприкосновенной чистотѣ“, и т. д... Однакожъ, я держусь относительно этого иныхъ взглядовъ. Меня интересуютъ не столько вымирающія, архаическія формы общины (хотя, можетъ быть, онѣ и отличаются первобытной неприкосновенной чистотой), сколько именно „современная“ община данной минуты, живая, борющаяся за существованіе, бро-

щенная въ водоворотъ всевозможныхъ и разнообразныхъ воздѣйствій и вліяній. Только здѣсь, при этомъ разнообразіи центральныхъ великорусскихъ типовъ, можно по справедливости оцѣнить, насколько общинныя традиціи упорно держатся въ народномъ сознаніи, насколько община живуча и до какой степени она эластична и жизненна; только здѣсь можно прослѣдить весь тотъ рядъ безчисленныхъ приспособленій и компромиссовъ, при помощи которыхъ народное творчество силилось и силится удержать при себѣ излюбленную традиціонную форму быта. Но здѣсь же, одновременно, вы можете прослѣдить и весь процессъ ея разложенія, и всѣ шансы, способствующіе ему...

Вотъ почему именно здѣсь я одновременно могъ наблюдать факты, о которыхъ разскажу сейчасъ.

Есть у меня два хорошихъ знакомыхъ: два Елизара—Елизаръ Нагорный и Елизаръ Луговой. Они друзья, несмотря ни на то, что значительно разнятся по лѣтамъ—первому уже шестой десятокъ въ исходѣ, второму всего еще сорокъ лѣтъ,—ни на то, что живутъ въ разныхъ волостяхъ, верстахъ въ 15 другъ отъ друга, а значитъ, и видѣться могутъ нечасто. Тѣмъ не менѣе, на особые спеціальные деревенскіе праздники каждый изъ нихъ считаетъ непремѣннымъ долгомъ навѣстить другого и непремѣнно съ подаркомъ. Откуда, когда и какъ завязалась ихъ дружба—осталось для меня неизвѣстно.

Пока я жилъ у Елизара Нагорнаго, мнѣ пришлось раза три видѣть у него Елизара Лугового и всегда въ праздникъ. Едва мы засаживались послѣ обѣдни за самоваръ, какъ подъѣзжала добрая каряя лошадь Елизара Лугового, и мой хозяинъ, улыбаясь, говорилъ:—„Вонъ и благопріятель подъѣхалъ... какъ разъ кстати! Онъ меня не забываетъ“. И старику, видимо, было очень пріятно посѣщеніе Елизара Лугового.

— Здорово, старина!—громко выкрикивалъ бойкій, разбитной, веселый, всегда чисто одѣтый, приземистый и коренастый Елизаръ Луговой.

— Здорово, здорово... Спасибо, не забываешь старика...

— Зачѣмъ забывать!.. Сказано — не имѣй сто рублей, а имѣй сто друзей...

— Ну, не отъ васъ это слышать... Народъ вы не таковскій... Вы и отца родного, говорятъ, подешевле спустите,—добродушно подсмѣиваясь, говоритъ мой хозяинъ, поглаживая свою большую сѣдую бороду.

Нужно замѣтить, что вообще всѣ бесѣды свои благопріятели начинали въ такомъ полудобродушно насмѣшливомъ тонѣ.

— Пожалуй, что и правда... Только мы, братъ, умѣемъ продать, да умѣемъ и выкупить... А вотъ ваши Нагорные, говорятъ, задаромъ отдаютъ отцовъ-то, да и выкупать не хотятъ,—продолжалъ отпарировать Елизаръ Луговой, разстегивая воротъ кафтана и присаживаясь къ столу.

— Да ужъ лучше по моему эдакъ-то,—говорилъ дѣдъ,—а то торговля-то эта больно... того... на душѣ тяжело ложится... Лучше ужъ оно задаромъ-то...

— Ну, это, какъ смотря... Дѣла-то какъ у васъ нонче? Какъ живете?.. Ходятъ слухи, бойко нынче стали жить...

— Бойко, вѣрно, что бойко... У васъ, должно, учиться стали... Такая грызня пошла—не приведи Господи!.. Ровно собаки изъ-за обглоданной кости... Нехорошо бы объ крестьянскомъ народѣ такъ говорить, да невтерпежъ... Правда!.. Правду не спрячешь... Всѣ перегрызлись: деревня деревню грызетъ, мужикъ мужика, братъ брата... Гляди того, другъ друга поѣдомъ съѣдимъ...

— Ничего, не съѣдите... Размежовка у васъ все?

— Размежовка... Вотъ она, что ржа, насъ и ѣстъ... Сказано: замежуетесь и не размежуетесь до конца вѣка... Нѣтъ, ужъ тутъ рукой махни. Деньжищевъ этихъ однѣхъ въ ямы-то межевыя просадили—страсть!.. А въ кабаки сколько ушло, въ городъ, землемѣрамъ, абвокатамъ — и нѣсть числа!.. Дракъ сколько было, смертоубійственныхъ дракъ... А грѣха-то, грѣха!.. Только одно,—отойти отъ зла, сократиться... Еще какъ и живы,—не знаю... Живешь только ужъ единственно вѣрой, что правда свое возьметъ, правда придетъ. Нельзя быть безъ правды...

— Ничего, старина, перемелется—мука будетъ!..—хлопая старика по колѣну, говорилъ Елизаръ Луговой.—Мы, братецъ, тоже, знаешь, сколько лѣтъ грызлись изъ-за энтихъ столбовъ, чуть было не по міру всѣ пошли, а ничего, другъ друга не съѣли, всѣ живы... Подравшись-то, оно послѣ дружнѣе выходитъ. А тамъ правду-то еще жди.

— Этого тоже не скажи... Народъ-то вы извѣстный!.. Мало ли вы самихъ себя загубили по судамъ, да кляузамъ?.. Ваши законы для другихъ не писаны... Вы на-

родъ хитрый, оборотистый... изъ лычка ремешокъ сдѣлаете... Лодырники... А мы народъ старинный, мы искони вѣковъ землепашеству, да старинѣ были крѣпки... Намъ тянуться-то за вами нечего. У насъ вотъ тронь порядки-то, все и полѣзло врозь... Вонъ до чего дѣло дошло: говорю, хоть бѣжать, такъ въ ту же пору... Только бы душу охранить... Въ старину-то святѣе насъ жили...

— Эхъ ты, старина: хочешь во мiру душу спасти!.. Ежели душу спасать, такъ въ монастырь шелъ бы... А то, вишь, чего захотѣлъ!

Елизаръ Луговой хохоталъ.

— Ну, да вы, вѣдь... извѣстны намъ... Вамъ что душа-то?.. Вы ужъ ее давно запродали. Пожалуй, можно и весело жить, коли объ душѣ не думать...

— Поди, старичокъ, говорю, въ монастырь... Ежели насчетъ души—разлюбезное дѣло,—дразнилъ Елизаръ Луговой и продолжалъ смѣяться, подмигивая мнѣ на старика.

— Чего ржешь?.. Ну, чего?.. Христопродавцы вы! Спроси кого хочешь, кто про Луговыхъ хорошее слово скажетъ? Ерники, кулаки...

Друзья начинали ссориться.

И такъ каждый разъ. Елизаръ Нагорный скорбѣлъ, Елизаръ Луговой разыгрывалъ роль деревенскаго Мефистофеля.

Однако, это нимало не мѣшало Елизару Нагорному, тотчасъ же послѣ чаю и обѣда, отправляться съ своимъ прiятелемъ къ себѣ на задворки —въ хлѣвъ, въ риги, въ огородъ, въ садъ... Онъ съ удовольствiемъ показывалъ ему свое хозяйство—новую корову или выращеннаго жеребенка собственнаго, свою свинью, телокъ, новую телѣгу и т. п. Любилъ онъ его водить въ свой садъ, показывалъ малину, смородину и въ особенности хвалился двумя сливами, которыя привезъ ему въ подарокъ Елизаръ Луговой изъ поѣздки въ южныя губернiи, хвалился онъ ими потому, что Елизаръ Луговой хотя и подарилъ ихъ ему, но, по обыкновенiю скептически посмѣиваясь, говорилъ, что гдѣ же ему ихъ выходить! Развѣ Нагорный мужикъ что знаетъ!.. Чего онъ видалъ въ свой-то вѣкъ? Кромѣ корявой сосны ничего не знаетъ! и т. д. Это старика подзадорило, и онъ ходилъ за прiятельскими сливами съ неослабнымъ вниманiемъ.

И опять-таки, хотя друзья прощались у воротъ очень любовно, шутя и подтрунивая одинъ надъ другимъ, все это не мѣшало Елизару Нагорному, едва скрывалась за угломъ плетушка Елизара Лугового, говорить мнѣ, махнувъ сокрушенно рукой: „Вотъ мужикъ-бѣда!.. Народецъ, не приведи Господи! Отца родного съѣстъ... Ему палецъ въ ротъ не клади!.. Нѣтъ, братъ, не такой человѣкъ... Только предъ нимъ распусти губы-то и не услышишь, какъ хвостъ отгрызетъ... Съ нимъ тоже помолившись за бесѣду-то садись...“

— А вотъ, вѣдь, ты съ ними прiятельствуешь?

— Что жъ не прiятельствовать? Они дѣло понимаютъ... Они народъ дошлый... Мы вотъ смирны, а за ними тянемся...

И Елизаръ Нагорный опять заскорбѣлъ, заскорбѣлъ на свою излюбленную тему, что не стало въ мiру „правды“, что народъ самъ себя поѣдомъ ѣстъ, и что ежели еще кое-какъ живешь, то единственно въ упованiи, что „правда придетъ и милость придетъ“.

И такъ онъ скорбѣлъ, скорбѣлъ и я вмѣстѣ съ нимъ, скорбѣли мы оба за „смирный“ народъ, сбивавшiйся со стариннаго пути. Мнѣ же, лично, тоже очень не понравился Елизаръ Луговой, съ его самомнѣнiемъ и насмѣшливымъ самодовольствомъ. Такое впечатлѣнiе поддерживалось во мнѣ, кромѣ того, общими отзывами о Луговой сторонѣ, что тамъ преимущественно обитаютъ исконные сутяги и кулаки.

Однако, хотя окрестные мужики постоянно отзывались о Луговыхъ въ насмѣшливомъ тонѣ, но подъ этой насмѣшкой слишкомъ ярко уже начинало сквозить какъ будто тайное уваженiе къ бойкой натурѣ Елизаровъ Луговыхъ, ихъ сноровкѣ, оборотливости, умѣнью быстро орiентироваться во всякихъ трудныхъ обстоятельствахъ. Да эта же струнка чувствовалась и въ отношенiяхъ двухъ друзей Елизаровъ. Для меня, напримѣръ, лично, какъ и для всей мѣстной интеллигенцiи, Елизары Луговые были народъ отпѣтый, народъ погибшiй, на которыхъ никакихъ уже „либеральныхъ“ надеждъ возлагать нельзя. И разъ вы пришли къ убѣжденiю, что для смиреннаго, старозавѣтнаго Нагорнаго обитателя обитатель Луговой начинаетъ являть собою тотъ вожделѣнный, новый идеалъ, который уже порѣшилъ со всякими старозавѣтными „упованiями“ и на ихъ мѣсто выставляетъ нѣчто другое,—для васъ, сторонняго наблюдателя, нѣтъ ничего легче, какъ сей-

часъ же втиснуть это явленіе въ „категорію“ о безповоротномъ разложеніи, напримѣръ, общины, объ ея несомнѣнномъ вымираніи, какъ отжившей формы, насильственно удерживать которую при народѣ—значитъ итти вопреки свободнымъ его инстинктамъ.

Елизаръ Нагорный, несомнѣнно, имѣетъ основаніе скорбѣть. Этихъ основаній жизнь приготовила для него очень много, но мы здѣсь обратимъ вниманіе только на нѣкоторыя изъ нихъ. Возьмемъ для примѣра такое яркое событіе изъ современной жизни обитателя Нагорной палестины, какъ недавняя резолюція одной изъ высшихъ судебныхъ инстанцій, которая очень выгодна для самого Елизара Нагорнаго и его односельцевъ, но которая въ то же время въ душѣ и умѣ Елизара Нагорнаго и его односельцевъ санкціонируетъ собою завѣдомую и несомнѣнную несправедливость. Событіе это возымѣло свое бытіе уже очень давно, лѣтъ пять-шесть назадъ, долго и упорно волновало всю Нагорную волость, почти разорило двѣ сосѣднихъ деревни—Борки (въ которой обиталъ Елизаръ Нагорный) и Сосенки, и завершилось, наконецъ, къ соблазну смирнаго и старозавѣтнаго міра Нагорнаго, неожиданной резолюціей. Дѣло это было такое. Деревни Борки и Сосенки нѣкогда принадлежали къ одной волости (*общины-волости*, далеко не совпадавшей съ административной волостью), находились нѣкогда во владѣніи одного помѣщика, „какого-то князя“, и владѣли сообща съ другими деревнями Нагорной волости большими поемными лугами, лѣсами и пустошами. Но уже давно, подъ давленіемъ разнообразныхъ обстоятельствъ, община-волость почти совсѣмъ разложилась, деревни „размежевались“, процессъ точнаго разграниченія и распредѣленія собственности завершился, надлежащіе столбы, при достаточномъ поощреніи въ видѣ „двухъ головъ сахару“, были установлены, и къ настоящему времени отъ общины-волости остались только коекакіе, неуспѣвшіе еще атрофироваться окончательно, элементы, свидѣтельствующіе лишь, что что-то было, да сплыло. Въ общей размежевкѣ приняли, конечно, участіе и Борки съ Сосенками и въ общемъ процессѣ распредѣленія нищенской суммы взяли и свои доли,—доли, конечно, по числу надѣльныхъ душъ: Борки на 30 душъ, Сосенки на 60. Въ числѣ этихъ долей были доли и большого пойменнаго покоса, нѣкогда ежегодно передѣлявшагося между всѣми деревнями общины-волости. Путемъ длинныхъ переторжекъ, обмѣровъ, подкуповъ, сутяжничества и прочихъ некрасивыхъ вещей, выдвинутыхъ закрѣпленіемъ за каждой деревней „собственности“, дѣло, наконецъ, приведено было къ концу, сдѣланы общіе и спеціальные планы и розданы по деревнямъ. Когда планы были получены, одинъ изъ нихъ попалъ въ руки „умственнаго“ сына деревни Борковъ, нѣкоего Яшки-Зуба, грамотнаго, бойкаго мужика, прошедшаго огонь и воду и далеко уже шагнувшаго въ „познаніи“ самого себя и смысла окружающихъ условій. Разсматривая планъ своей деревни, Яшка-Зубъ вдругъ сдѣлалъ неожиданное открытіе своимъ односельцамъ, что они прежде всего „дураки“, не видятъ, что у нихъ подъ носомъ грибы выростаютъ. Когда же просили разъяснить столь смѣлое заключеніе, онъ вынесъ на сходку планъ и подлинно доказалъ, что „по плану“ они оказываются собственниками не того участка пойменнаго луга, которымъ пользовались изстари „по равненію“ и владѣютъ теперь въ размѣрѣ 30-ти надѣльныхъ душъ, а того, которымъ владѣетъ теперь деревня Сосенки въ размѣрѣ на 60 надѣльныхъ душъ, т.-е. вдвое большимъ. Открытіе это было такъ неожиданно, что односельцы Яшки-Зуба долго не хотѣли ему вѣрить, пока, наконецъ, компетентность въ этихъ дѣлахъ Яшки и его усиленныя разъясненія не убѣдили ихъ окончательно въ справедливости открытія. Но совершенная невозможность понять, какимъ образомъ такая исторія могла случиться, повергла борковцевъ въ сильное смущеніе. Большинство, со стариками во главѣ, все это единодушно считали „бѣсовскимъ навожденіемъ и искушеніемъ“ и настоятельно предлагали на это дѣло плюнуть, такъ какъ если его поднять, то придется „въ кровь“ разссориться съ шабрами изъ Сосенокъ и разорить ихъ въ конецъ, меньшинство же, и притомъ молодыхъ, съ Яшкой-Зубомъ во главѣ, агитировали въ томъ направленіи, что это „находка самимъ Богомъ намъ, дуракамъ, послана, а мы ее бросать будемъ... Послѣ этого, какіе же мы люди!.. Плачемся на бѣдность, на то, что земли мало, а Божескій даръ изъ рукъ сами упущаемъ“. Меньшинство въ началѣ, подъ первымъ впечатлѣніемъ, потерпѣло полнѣйшую неудачу. Справедливость и братство торже-

ствовали, поддерживаемыя большинствомъ. Однакоже, это открытіе совершенно нарушило относительно мирный укладъ борковской души. Всю зиму у борковцевъ не выходила изъ головы мысль объ открытіи Яшки-Зуба. Какъ ни сойдутся мужики на улицу, въ избахъ, о чемъ ни говорятъ, а въ концѣ-концовъ непремѣнно сведутъ разговоръ на это открытіе. Благомысленные люди деревни Борковъ все еще съ успѣхомъ боролись съ убѣжденіями умственныхъ мужиковъ, и инертная, нерѣшительная масса была на ихъ сторонѣ, считая необходимымъ крѣпко стоять противъ „искушенія". Скоро вѣсть объ этомъ открытіи разнеслась по всей волости, и волость распалась на такія же двѣ фракціи, какія были и въ Боркахъ. Проходила зима, а толки объ этомъ дѣлѣ крѣпчали все больше и больше. Сосенковцы упорно молчали и надѣялись на одно, что „правда свое возьметъ", что „ихъ правое дѣло всему міру извѣстно", и что „міръ (вся волость), какъ одинъ человѣкъ, станетъ за правое дѣло и ихъ въ обиду не дастъ".

Однако, Яшка, во имя торжества собственной „умственности", не переставалъ агитировать въ пользу сдѣланнаго открытія. Еще бы! онъ сталъ теперь „героемъ дня"... „Слышь ты, Яшка-то каковъ!.. Планты, братъ, ровно землемѣръ разбираетъ... Зубасты нонѣ молодые парни стали..." въ одинъ голосъ твердила вся волость. Все же еще Яшка не могъ составить себѣ большинства, не могъ склонить на свою сторону колеблющуюся массу. Онъ чувствовалъ, что эту массу очень соблазняетъ лакомый и даровой кусокъ, но для массовой совѣсти не обходимо было найти хоть какое-нибудь, хоть фиктивное оправданіе, за которое она могла бы ухватиться.

Вотъ этого-то оправданія долго не находилъ Яшка. А между тѣмъ наступала весна; вопросъ обострялся. Яшка волновался и ругалъ мужиковъ еще пуще „дураками" и иными нелестными прозвищами. Но ругань помогала плохо. Какъ вдругъ на Яшку снизошло вдохновеніе. Онъ объявилъ на міру, что готовъ самолично и за свой страхъ доказать, что это дѣло во всѣхъ частяхъ „законное", что онъ отъ міра готовъ быть адвокатомъ, если бы пришлось даже до самого царя итти.—„Вы то подумайте: вѣдь, законъ! кричалъ онъ.—Что значитъ законъ? Законъ, значитъ—правда! Намъ такъ кажется, а по закону другое выйдетъ... Потому, законъ всему голова..." и т. д.— „Коли по закону выйдетъ... такъ чтожъ!.. должно такъ и быть надо",—заговорила колеблющаяся масса. Только этого Яшкѣ и нужно было. Оправдательная фикція была найдена, и Яшка-Зубъ повелъ рѣшительные переговоры съ сосёнковцами. Понятно, что сосенковцы и слышать не хотѣли. И вотъ, когда пришла пора сѣнокоса, борковцы, подъ предводительствомъ Яшки-Зуба, явились на лугъ сосенковцевъ и принялись было, хотя еще очень нерѣшительно, косить. Но сосенковцы бросились на нихъ и прогнали. Борковцы ушли, а Яшка тотчасъ же сочинилъ прошеніе, въ которомъ „изъяснилъ", что крестьяне деревни Сосенокъ противузаконно, съ орудіемъ въ рукахъ, какъ-то: граблями и косами, усильственно изгнали крестьянъ деревни Борки съ ихъ *собственной, по государеву закону приписанной* имъ земли, а посему и проч.

Дѣло такимъ образомъ приняло надлежащее и законное теченіе, какія на этотъ разъ существуютъ въ благоустроенныхъ государствахъ.

Прыжками и скачками, съ проволочками и „подмазываніями" поскакало оно по безконечной цѣпи разныхъ административныхъ и судебныхъ инстанцій, спотыкаясь о различныя „статьи" и „разъясненія", цѣпляясь и выбиваясь изъ цѣлой хитрой сѣти крючковъ, возвращаясь назадъ, потухая и снова возгораясь... Чтобы довести такое дѣло энергично и стойко до конца, нужно руководиться какими-нибудь чрезвычайно сильными мотивами. И надо всю честь энергіи приписать всецѣло Яшкѣ-Зубу, который неослабно, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, велъ это дѣло. Сосенковцы разорились окончательно, борковцы залѣзли въ долги, а Яшка все агитировалъ и агитировалъ съ неоскудѣваемой „энергіей", поддерживаемый „молодымъ поколѣніемъ" своей деревни. И изъ-за чего? Какой для него лично былъ здѣсь барышъ? Единственно изъ-за поддержанія репутаціи своей, какъ „умственнаго мужика" и „умственности", вообще, какъ новаго принципа, завоевавшаго себѣ права гражданства въ старозавѣтномъ складѣ жизни!.. Чтобы оцѣнить силу этой энергіи съ одной стороны и значеніе „соблазна", какое имѣло это дѣло для всего Нагорнаго міра, читателю нужно представить себѣ всю ту массу лишеній, волненій, споровъ и пререканій,

проволочекъ и начальственныхъ посѣщеній, которымъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ подвергались сосенковцы и борковцы. Вначалѣ, когда дѣло вращалось еще въ сферѣ исключительно „крестьянскаго положенія“, когда шли сходы за сходами, сельскіе и волостные, наѣзжали старшины, становые, непремѣнные члены и члены крестьянскихъ по дѣламъ присутствій, когда все дѣло ограничивалось „опросомъ свѣдущихъ и старожилыхъ людей“, когда такимъ образомъ, дѣло сводилось на апелляцію къ общественной, „общенародной совѣсти“, дѣла борковцевъ, съ Яшкой-Зубомъ во главѣ, шли плохо; доходило нерѣдко до того, что нѣсколько разъ, пристыженый на общихъ сходахъ, борковскій міръ въ лицѣ большинства и стариковъ („Не стало у васъ Бога-то! Али вы память зажили, что не помните, какъ мы въ старину жили?.. Стыдно бы вамъ, старикамъ, за молодыми-то гоняться! Умирать ужъ вамъ пора!“ такъ внушительно корили борковскихъ стариковъ на сходкахъ),—этотъ борковскій міръ самъ вдругъ отказывался отъ всякихъ претензій, отъ дьявольскаго искушенія, мирился въ кабакѣ съ сосновскимъ міромъ, клялся ему въ вѣчной вѣрности и братски взаимно лобызался. Усталое начальство, съ непремѣнными членами во главѣ, радовалось такому „полюбовному соглашенію“ и спокойно уѣзжало. Но Яшка-Зубъ не дремалъ и продолжалъ дѣйствовать. Имѣя въ виду, что „законный документъ“ полюбовнымъ соглашеніемъ въ кабакѣ не умалялся въ своемъ значаніи, онъ переносилъ дѣло въ новую инстанцію, и, чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ, оно неожиданно вновь вспыхивало еще ярче прежняго. Учуявъ, что пока дѣло вращается въ той сферѣ, гдѣ въ ходу апелляціи къ „общенародной совѣсти“, то „полюбовнымъ соглашеніямъ“ и братскимъ клятвамъ, заливаемымъ виномъ, конца не будетъ, Яшка старался перенести дѣло въ инстанцію, гдѣ все апеллировало уже „къ прямому и точному смыслу законовъ“.

Тутъ дѣло пошло совсѣмъ иначе. Чѣмъ инстанція дальше отстояла отъ непосредственнаго сообщенія съ народомъ, тѣмъ опросы свѣдущихъ и старожилыхъ людей становились ненужнѣе, тѣмъ всякая возможность полюбовныхъ соглашеній исключалась все больше и больше; чья-то другая, „сторонняя совѣсть“ стала на мѣсто общественной совѣсти и явилась вершительницею судебъ; эта другая совѣсть уже неуклонно понесла съ собою соблазнъ. Едва борковцы примѣтили, что апелляція „къ точному и прямому смыслу законовъ“ явно покровительствовала Яшкѣ-Зубу, какъ вдругъ съ какимъ-то чуть не ожесточеніемъ бросились всѣ поголовно сносить въ помощь Яшкѣ-Зубу послѣдніе свои „животишки“... потому что „высшія инстанціи“ съ межевыми чинами, прокуратурой и адвокатурой, требовали цѣлую уйму денегъ. И жертвы эти не остались безрезультатны. Была объявлена резолюція такого содержанія: ввести во владѣніе крестьянъ деревни Борки той частью луга, которою доселѣ, вопреки прямому и точному смыслу законовъ, владѣли и пользовались крестьяне деревни Сосенокъ, во владѣніи каковыхъ значится по плану спеціальнаго размежеванія лишь часть, находившаяся во владѣніи деревни Борки. Взыскать съ крестьянъ деревни Сосенокъ въ пользу крестьянъ деревни Борки арендную сумму за 6 лѣтъ, со дня размежеванія, за пользованіе ими чужою собственностью вопреки точному и прямому смыслу законовъ... На основаніи такихъ-то и такихъ-то статей, всѣ издержки по сему дѣлу взыскать съ крестьянъ деревни Сосенокъ, да съ оныхъ же... и проч., и проч., и проч.

Когда эта резолюція сдѣлалась извѣстной Нагорному міру, этотъ міръ единодушно крякнулъ и сказалъ:—„Н-ну, паря, пошла битка въ конъ!“ И точно: „умственность“ сразу возросла на пятьдесятъ процентовъ, и взаимному поѣданію открывалось широкое поле.

Согласитесь, что какъ Елизаръ Нагорный, такъ и я вмѣстѣ съ нимъ имѣли всѣ основанія, чтобы скорбѣть, тѣмъ болѣе, что такія „событія“ не исключительны и не единичны: они изъ году въ годъ растутъ и въ ширь и въ глубь; они несутъ съ собой какую-то новую „идею“ (съ Елизаромъ Нагорнымъ мы *теперь* видимъ пока только одну идею—идею „разложенія“, за которой для насъ не виднѣется даже призрака „созиданія“), и эта новая „идея“ проникаетъ собой всѣ поры крестьянской жизни. Но чтобы понять должнымъ образомъ всю глубину скорби Елизара Нагорнаго, читателю, хотя поверхностно, надо познакомиться съ тѣмъ, что въ Нагорномъ міру „было да сплыло“. А было въ Нагорномъ міру вотъ что.

Нагорный міръ, составлявшій плотную, связанную длиннымъ рядомъ традицій, об-

щинную организацію, общину-волость (не смѣшивайте только съ административной современной волостью) изъ семи-восьми деревень, съ общимъ количествомъ до тысячи душъ одного мужского пола, владѣлъ въ прежнее крѣпостное время *сообща* полями, лугами, лѣсами, пожнями и пустошами; кромѣ общей „барской межи“, отдѣлявшей владѣнія ихъ помѣщика отъ сосѣднихъ, угодья Нагорнаго міра не знали никакихъ границъ, никакихъ столбовъ и ямъ. Общины-сестры, связанныя общимъ союзомъ, вмѣстѣ поднимали барскую и собственную „тяготу“ жизни, тянули за общій страхъ и рискъ. Въ распорядки ихъ внутренней жизни никто не вмѣшивался; „прямой и точный смыслъ закона“ имъ былъ невѣдомъ; народная „общинная совѣсть“ могла жить рядомъ съ „совѣстью барской“, и если эта барская совѣсть „вносила соблазнъ“, то только порывами, налетомъ: онъ могъ быть, но при случайно благопріятныхъ условіяхъ могъ и не быть. Эти благопріятныя условія существовали для Нагорнаго міра дольше, чѣмъ у ихъ сосѣдей, и вотъ почему дольше. Нагорный міръ апеллировалъ во всѣхъ своихъ распорядкахъ исключительно къ одной народной, общинной совѣсти. Ежегодно, въ извѣстные сроки, сходился весь Нагорный міръ въ одну изъ деревень (считавшуюся родоначальницей всѣхъ прочихъ, такъ какъ время заселенія терялось во мракѣ вѣковъ) и здѣсь производилъ дѣлежъ и равненіе своихъ общеволостныхъ „угодьевъ“. Сначала онъ разбивалъ себя на семь-восемь „вытей“ по числу общинъ, равняя ихъ по душамъ. По этимъ вытямъ уже разбивалъ „жеребьевкой“ всѣ угодья и лѣса, и луга, и даже поля (хотя послѣднія въ болѣе продолжительные періоды передѣловъ, отъ 3—5 лѣтъ). Все уравнивалось въ „вытяхъ“ по самой строгой справедливости. Затѣмъ, каждая выть, какъ самостоятельное цѣлое, вела свои собственныя равненія, сообща рубила и охраняла лѣса, косила луга, отправляла повинности. Эта же строгая общинная организація держалась и во всемъ: принципъ равненія общей работы и взаимопомощи былъ строго проведенъ чрезъ всю обще-волостную жизнь. На случай пожаровъ — всѣ выти обязывались выбѣгать на пожарище, рубить лѣсъ, ставить избы погорѣльцамъ... и проч., и проч. Мы не будемъ здѣсь вдаваться въ эти подробности... Объ этомъ когда-нибудь мы еще будемъ говорить въ своемъ мѣстѣ. Насъ интересуютъ здѣсь собственно земельныя отношенія.

Когда наступало время передѣла полей, вся тысячедушная масса нагорнаго люда сходилась на большой холмъ и здѣсь у старинной, дряхлой часовеньки, съ облупившимся образомъ „старинпаго письма“, выбирались вытчики, мѣрщики и цѣловальники, здѣсь вся толпа осѣнялась крестнымъ знаменіемъ, призывая Бога въ свидѣтельство справедливости предстоящаго дѣла, и бросались жеребья между вытями.

Вотъ другая картина. Настало время сѣнокоса. Уже не тысячедушная, а масса народа, числомъ до 3,000 душъ бабъ и мужиковъ, парней и дѣвокъ, разряженная и гульливая, выступала на широкіе поименные луга, разстилавшіеся кругомъ, какъ степь. На этой зеленой площади всѣ три тысячи душъ жили одной жизнью, одной мыслью, однимъ чувствомъ и біеніемъ сердецъ. Что за дѣло, что каждой изъ этихъ трехъ тысячъ душъ достанется изъ этого обширнаго луга всего $^1/_{3000}$ часть, величиною, можетъ быть, въ $^1/_2$ мужицкаго лаптя... Можетъ быть, это и плохо, это скудно, но зато онъ чувствовалъ себя „хозяиномъ“ и царемъ не одного этого несчастнаго полъ-лаптя, а всей необозримой зеленой степи, по которой разсыпались 3,000 душъ, его однообщинниковъ!.. Вотъ гдѣ суть, вотъ гдѣ великое значеніе того „былого“, о которомъ скорбитъ и поетъ сердце Елизара Нагорнаго! И— увы—все это прошло, миновало, какой-то вихрь разрушенія и разложенія пронесся надъ общиной-волостью, и община-волость стала анахронизмомъ, раритетомъ, „сонпымъ мечтаніемъ“ въ воспоминаніяхъ стариковъ... Откуда все сіе? Этотъ вихрь „разложенія“ общины-волости явился, конечно, не безъ причины. Онъ подготовлялся въ теченіе длиннаго предыдущаго періода, незамѣтно, медленно, но неуклонно, и въ періодъ крѣпостного права необходимые элементы назрѣли окончательно. Когда наступила ликвидація барства, все ощетинилось, все напрягло вниманіе, все спѣшило вооружиться, чтобы „не упустить момента“...

Въ хаосѣ, поднятомъ первымъ порывомъ вѣтра, трудно было что-либо разобрать: слышались только стоны, мольбы, окрики, усмиренія, а подъ этотъ шумъ все, что половчѣе, входило во вкусъ принципа „двухъ головъ сахару и трехъ фун-

товъ чаю". Но когда туманъ нѣсколько разсѣялся, оказалось, что многое изъ того, что было, уже сплыло невозвратно. Старинная часовенька на холмѣ среди полей оказалась разрушенною и поверженною вихремъ, и никто уже не заботился реставрировать ее; зеленая, раздольная, какъ степь, пойма была растерзана на клочки, изрѣзана полосами и ремнями, истыкана межевыми столбами и изрыта ямами. На этихъ клочкахъ и „ремняхъ" копошились, какъ одинокія шмелевыя гнѣзда, кучи людей, не только уже не дышавшія той животворящей поэзіей „общаго", всѣми чувствуемаго, всѣмъ понятнаго, которая нѣкогда носилась надъ степью-поймой, но или совсѣмъ равнодушныя одна къ другой, или даже прямо враждебныя. Даже самыя эти кучки, эти шмелиныя гнѣзда были уже не однообразны: одни оказались „собственниками", другіе—„подворными", третьи—„четвертными", четвертые—„половинниками" и проч. и проч. Каждый лапоть, каждая пядень земли спѣшила отгородиться отъ своей сосѣдки, спѣшила обставить себя столбомъ, ямой, значкомъ „по положенію". И этотъ „лапоть" ужъ больше не чувствовалъ себя частью нѣкоего гармоническаго цѣлаго! И только теперь этотъ „лапоть"—едва прошелъ первый порывъ увлеченія „свободнымъ трудомъ" на „собственномъ" клочкѣ земли—почувствовалъ, какъ ему стало на этомъ мѣстѣ душно, неуютно и неулежно... И Елизаръ Нагорный, родившійся еще тогда, когда эта степь-пойма дышала одной жизнью, однимъ „общимъ" просторомъ, не могъ не скорбѣть теперь, когда приходилъ онъ на „собственный", отрѣзанный ему и обставленный межевыми столбами, „лапоть"... Положимъ, этотъ лапоть не только все тотъ же „лапоть", что былъ и прежде, но онъ сталъ его „собственнымъ", тогда какъ прежде былъ „барскій"; положимъ, это обязанъ онъ считать большимъ преимуществомъ. Но, тѣмъ не менѣе, вдругъ ему стало душно на этомъ „собственномъ" лаптѣ, нестерпимо душно и нестерпимо тѣсно, безотрадно стало „копаться" въ предѣлахъ собственной загородки... То ли дѣло, когда онъ на этомъ (хотя и называвшемся „барскимъ") лаптѣ могъ переноситься, какъ на коврѣ-самолетѣ, съ одного конца раскидистой поймы на другой и чувствовать, что онъ можетъ на каждой точкѣ ея дышать полной и свободной грудью, общимъ дыханіемъ съ каждымъ своимъ собратомъ... Эта жажда простора и воздуха—поэзія. Говорятъ, что поэзія только свойственна тому, что исключительно привыкъ человѣкъ считать своимъ, собственнымъ, интимнымъ: поэзія „своего" угла, хотя бы нищенскаго, „своего" личнаго труда, „своей" собственности, „своей" семьи... Но есть другая поэзія—поэзія „общаго"... Вотъ этой-то поэзіей нѣкогда жилъ и дышалъ Елизаръ Нагорный.

Онъ имѣлъ основаніе скорбѣть.

Но возвратимся къ нашимъ пріятелямъ, двумъ Елизарамъ.

Какъ-то около Петрова дня я собрался навѣстить моего знакомаго народнаго учителя, проживавшаго въ той же волости, къ которой принадлежалъ и Елизаръ Луговой. Подъѣзжая къ школѣ, я неожиданно встрѣтилъ выходившаго изъ нея, въ сопровожденіи учителя, Елизара Лугового.

Елизаръ въ новомъ суконномъ синемъ кафтанѣ, причесанный, прибранный, вымытый, прощался съ учителемъ „въ руку"; во всей его фигурѣ замѣчалось сознаніе собственнаго достоинства, а въ разговорѣ его съ учителемъ свѣтилось ясно, если не покровительственное отношеніе, то желаніе стоять на равной ногѣ.

— Такъ ужъ будемъ въ надеждѣ,—протягивая учителю руку, говорилъ онъ.—Конечно, какое же наше образованіе... Ну, а все же понимаемъ. И ежели что насчетъ чего прочаго понять можемъ...

— Конечно. Что жъ!.. Я ничего не имѣю,—отвѣчалъ учитель.—Заявите ваше желаніе.

— Да-съ, желали бы... и очень... Конечно, мы больше въ практикѣ сильны... Только вотъ въ теоріи-то слабы. Кабы ежели намъ этой теоріи...

Но тутъ разговоръ прервался: они замѣтили меня.

— А, и вы въ наши мѣста пожаловали! — весело привѣтствовалъ меня Елизаръ. — Очень рады... Посмотрите на насъ... У насъ здѣсь веселѣе, чѣмъ въ лѣсу-то у Нагорныхъ... Поживете—увидите. Будьте добры, насъ посѣтите... Пожалуйста... Не побрезгуйте нами... Мы очень будемъ довольны, какъ значитъ умственный ежели человѣкъ. Мы всегда съ радушіемъ... Пожалуйста. Вотъ вмѣстѣ съ г. учителемъ. Хоть послѣ завтра... Праздникъ у насъ, сѣнокосъ... Народу соберется видимо-невидимо. Полюбуетесь.

Лошадку, можетъ, желаете прислать за вами?

— Зачѣмъ же? здѣсь близко... И пройтись пріятно.

— Само собой-съ... Такъ ужъ вы лучше съ кануна пожалуйте. Вѣдь, у насъ по росѣ косятъ.

Мы съ учителемъ согласились непремѣнно навѣстить его. Елизаръ уѣхалъ въ своей красивой желтой плетушкѣ, въ которую была заложена красивая, здоровая лошадь.

— Вотъ народецъ, ну, доложу я вамъ!—сказалъ съ плохо сдерживаемымъ раздраженіемъ учитель.—Пожить бы вотъ вамъ здѣсь, такъ иначе стали бы расписывать... А можетъ, и совсѣмъ бросили бы писать...

Но „желчныя реплики" учителя были мнѣ давно знакомы.

— Зачѣмъ онъ къ вамъ пріѣзжалъ?—спросилъ я, когда мы вошли въ школу.

— А вы не замѣчаете здѣсь обнову?

— Нѣтъ, а что?

— А вотъ это?—И учитель показалъ мнѣ на новенькую, всю свѣтящуюся лакомъ и самыми яркими, свѣтлыми красками икону, въ золотой рамѣ, и предъ нею позолоченную лампадку.

— А... Это кто же вамъ презентовалъ?

— А вотъ онъ самый... Видите ли, ему ужасно вдругъ захотѣлось быть попечителемъ.

— Это похвально.

— Ничего похвальнаго нѣтъ... Развѣ я не знаю, зачѣмъ онъ добивается этого попечительства? Ему не хочется служить по выборамъ, и не то, что не хочется, а просто невыгодно. Онъ цѣлую зиму и осень разъѣзжаетъ по Россіи съ серпами и косами, ведетъ дѣятельную торговлю, и, понятно, первый же выборъ его въ старосты или въ старшины, на три года, разоритъ всѣ его операціи въ конецъ. Вы только бы посмотрѣли, какъ онъ отъ всѣхъ допытывается, освобождаетъ ли попечительство отъ выборной повинности.

— И очень резонно, если только *повинность*, притомъ очень тяжелая, и ничего больше. Отчего жъ бы отъ нея и не откупиться, хотя бы иконой?

— Онъ, все одно, платилъ же раньше своимъ однодеревенцамъ ежегодно 15 рублей на водку, чтобы его не выбирали... И продолжалъ бы опаивать ихъ, чѣмъ... Однако, извольте видѣть, говоритъ, что лучше на школу буду давать, чѣмъ на водку... Скажите, пожалуйста, какой просвѣщенный человѣкъ!

— Отчего же вы думаете иначе? Почему вы не хотите повѣрить, что онъ искренно скорбитъ о томъ, что они только практики, что онъ сознаетъ себя умственнымъ человѣкомъ только въ практическихъ дѣлахъ и что имъ, онъ чувствуетъ, недостаетъ теоріи... Отчего вы не хотите повѣрить, что онъ искренно уважаетъ эту „теорію" (конечно, насколько онъ ее понимаетъ) и хочетъ дѣйствительно оказать деревенскимъ дѣтямъ посильную помощь въ пріобрѣтеніи ея.

— Я удивляюсь вамъ,—горячился учитель:—вы не хотите понять... Да нѣтъ!.. Нужно только пожить здѣсь нѣсколько лѣтъ, потереться среди нихъ плечо о плечо, чтобы достаточно оцѣнить, что̀ это за народъ здѣсь! Это одинъ ужасъ! Они поѣдомъ съѣли другъ друга. Вы не повѣрите, сколько у нихъ здѣсь между собой было тяжебъ, дракъ, подходовъ одинъ подъ другого, подвоховъ... А вы тутъ толкуете о солидарности! Какая тутъ солидарность! Станетъ онъ вамъ думать о крестьянскихъ ребятишкахъ, чтобы помогать имъ посвящаться въ „теорію"... Тутъ одинъ принципъ — homo homini lupus...

Понятно, я, какъ человѣкъ одинаковыхъ „умственныхъ настроеній", вполнѣ сочувствовалъ учителю, и если возражалъ ему, то единственно для того, чтобы изъ устъ другого выслушать подтвержденіе своихъ тайныхъ скорбей и помышленій.

На другой день, къ вечеру, мы отправились въ деревню Угоръ къ Елизару Луговому. Еще далеко не доходя до деревни, мы могли слышать уже тотъ специфическій звукъ, который сопровождаетъ „отбиваніе" косъ, наканунѣ покосовъ, какъ будто цѣлая армія гигантскихъ кузнечиковъ неустанно, словно силясь перекричать другъ друга, дребезжала по всей окрестности. Подвижной и дѣятельный Елизаръ, несмотря на то, что былъ, повидимому, занятъ какими-то приготовленіями, встрѣтилъ насъ очень любезно и съ видимымъ удовольствіемъ; онъ даже извинился, что его застали „попросту", въ одной рубахѣ, портахъ и старыхъ валеныхъ сапогахъ; черезъ минуту онъ уже явился въ жилеткѣ и валеные сапоги смѣнилъ на кожаные. Во всемъ дворѣ его и въ избѣ было замѣтно хлопотливое

оживленіе: два-три мужика (принятые мною за наемныхъ косцовъ и батраковъ) усердно отбивали косы, сыновья Елизара, подростки (кстати сказать, они учились у него въ городскомъ уѣздномъ училищѣ), удѣлывали для бабъ грабли: сами бабы—старуха мать, жена и дочери суетились въ избѣ, какъ будто предъ свѣтлымъ днемъ: топилась печка, мѣсилось тѣсто, пеклись пироги, куженьки, варилось мясо... Хотя меня нѣсколько и поразили такія усиленныя приготовленія, но я объяснилъ ихъ просто хозяйственностью дѣлового Елизара, у котораго, конечно, на страду должно скопляться много батраковъ, или же онъ хотѣлъ устроить обычную у кулачковъ-землепашцевъ помочь съ угощеніемъ. Вообще, отъ порядковъ такихъ пресловутыхъ деревень, какъ Угоръ, я не ждалъ ничего особеннаго: цѣлые десятки лѣтъ судившіеся, грызшіеся другъ съ другомъ общинники-кулачки, очевидно, давно постарались обособиться другъ отъ друга, отмежеваться, елико возможно, и каждый дворъ велъ свое хозяйство и всѣ свои дѣла въ одиночку, на свой личный страхъ и отвѣтственность, не обращаясь за помощью къ сосѣдямъ, не интересуясь ими и зато уже не расчитывая и отъ нихъ на эту помощь, иначе какъ за деньги. Отъ той же „единственной картины“, которою соблазнялъ насъ Елизаръ Луговой, понятно я не ждалъ ничего больше, какъ только „блезиру“: ряды разряженныхъ бабъ съ граблями, визгливыя пѣсни, поэтическій просторъ луга, эффектно освѣщеннаго восходящимъ солнцемъ, мѣрные взмахи косъ и т. п., что называется „природа“, которую, какъ мужикамъ извѣстно очень хорошо, такъ любили нѣкогда „господа“. Да и „блезиръ-то“ этотъ скорѣе могъ уцѣлѣть у какихъ-нибудь старозавѣтныхъ нагорныхъ обитателей; а ужъ у такихъ практическихъ людей, какъ Луговые, какой же можетъ быть „блезиръ“!..

Но мнѣ, къ изумленію, пришлось увидать нѣчто большее, чѣмъ одинъ „блезиръ“.

Мы съ учителемъ, конечно, проспали, и когда встали, хотя все же рано, то уже не нашли въ деревнѣ почти никого. Мы пошли по горѣ по направленію къ лугу, и когда выбрались на открытое мѣсто, предъ нами, дѣйствительно, открылась „единственная картина“.

Подъ горой разстилалась огромная полоса, приблизительно десятинъ до 100 въ этомъ мѣстѣ; ее окаймляла вдали, какъ серебряная рама, полукругомъ рѣка; четвертая часть поймы уже была скошена и уложена правильными рядами „валовъ“ сѣна. И на этой-то скошеной части теперь расположенъ былъ цѣлый лагерь косцовъ. Ряды телѣгъ съ выпряженными лошадьми тянулись прямой линіей чрезъ весь лугъ.

Около возовъ собрались косцы, а бабы, разсыпавшись по всему лугу, ворошили сѣно. Народу было до 500 душъ обоего пола. Меня изумило такое многолюдство, но учитель ничего не могъ мнѣ объяснить, кромѣ того, что этотъ лугъ считался знаменитымъ почти на всю половину губерніи: снимаемое съ него сѣно было великолѣпное. Дѣйствительно, рѣдко можно встрѣтить такую богатую траву: когда мы пошли по лугу, такъ положительно заплетались въ густой и высокой травѣ: кашка и мышьякъ (травы, считаемыя крестьянами лучшимъ кормомъ) непрерывнымъ ковромъ разстилались въ обѣ стороны; на всемъ необозримомъ пространствѣ луга не замѣтно было ни холмика, ни куста, ни болота, ни ямы. Великолѣпный это былъ лугъ, но за то Луговые только имъ и дышали! Другой земли у нихъ было мало, да и та плохая: лѣтомъ—лугъ, а зима, осень и весна—безконечныя странствованія „въ отходъ“, по всей необъятной Россіи,

> Отъ Финскихъ хладныхъ скалъ
> До пламенной Колхиды.

Мы шли вдоль ряда телѣгъ, около которыхъ, какъ пчелы, копошились и жужжали люди. Около каждой телѣги сидѣло 5—6 мужиковъ; раскраснѣвшаяся хозяйка суетилась у большихъ корчагъ и горшковъ, покрытыхъ полушубками, чтобы не остыло „хлебово“, привезенное изъ деревни еще съ ранняго утра. Хозяинъ носился со штофомъ водки и угощалъ сидѣвшихъ съ пирогами въ рукахъ. У однѣхъ телѣгъ уже хлебали горячее; сытный паръ разстилался въ свѣжемъ воздухѣ. Кое-гдѣ уже кончили обѣдъ и гости лежали врастяжку на брюхѣ тутъ же подъ телѣгами. Распряженныя лошади ходили вблизи... Несмолкаемый, безсвязный говоръ носился надъ поймой, а вдали звенѣла пѣсня, подхватываемая бабами. На меня пахнуло было той эпической величавостью, той поэзіей „общаго“, о которой мы скорбѣли съ Елизаромъ

Нагорнымъ. Но все же это былъ еще только одинъ „блезиръ“, и не зналъ еще я, какое содержаніе за нимъ скрывалось. Да и ожидать я не могъ многаго отъ этого „блезира“, такъ какъ подобный „блезиръ“, какъ отживающій остатокъ добраго стараго времени, мнѣ приходилось нерѣдко наблюдать въ самыхъ разлагающихся общинахъ „хозяйственныхъ мужиковъ“, гдѣ уже, кромѣ настоящаго „блезира“, за этими „единственными картинами“ ничего и не скрывалось... Мы отыскали, наконецъ, среди ряда телѣгъ и телѣгу нашихъ хозяевъ.

— Ну, вотъ и вы,—сказалъ Елизаръ Луговой, обнося водкой своихъ гостей;—запоздали, дюже запоздали... А мы ужъ вотъ угощаемся... Вы бы пораньше, какъ вотъ весь народъ на ногахъ былъ... Примѣрная картина!.. Да вотъ ужо, послѣзавтра уберемъ это сѣно, вторую четверть (луга) сносить будемъ... Тогда приходите... Еще, вѣдь, у насъ долго эта прокламація пройдетъ...

Пятеро мужиковъ, сидѣвшіе вокругъ чашекъ со щами, которые наканунѣ отбивали на задворкахъ косы и которыхъ я принялъ за батраковъ и наемныхъ, оказались вовсе не батраки, а „гости“.

Я вступилъ съ ними и Елизаромъ въ разговоръ, и вотъ что сообщили они мнѣ о современныхъ своихъ распорядкахъ.

Пять сосѣднихъ деревень, извѣстныхъ въ народѣ подъ общимъ именемъ Луговыхъ, въ числѣ которыхъ была и деревня Угоръ, нѣкогда принадлежали одному помѣщику; затѣмъ онѣ были, по завѣщанію, приписаны въ даръ Троицко-Сергіевской лаврѣ и впослѣдствіи въ разрядъ такъ называемыхъ экономическихъ. Давно уже, еще до воли, онѣ составляли одну общину-волость, владѣли сообща землей, передѣляли ее между собой, но скоро эти стародавніе порядки у нихъ рухнули, и ихъ общину-волость разрушилъ тотъ же вихрь „разложенія“, который продолжаетъ разрушать и нагорную общину. У нихъ процессъ этого разложенія совершился уже очень давно, благодаря, съ одной стороны, непосредственному вліянію городской цивилизаціи, съ другой—торгово-промышленному характеру населенія. Всѣ свои угодья они подѣлили и размежевались начисто; было тутъ много дракъ, доходившихъ до смертоубійства, были подкупы, подвохи. Понятно, что въ этомъ взаимномъ поѣданіи особенно выдающуюся роль игралъ ихъ знаменитый лугъ. Чтобы получить лишнюю десятину его, не стояли ни зачѣмъ: судились съ своими, судились съ чужими, закашивали, уничтожали межевые знаки, заводили тяжбы, на „подмазываніе“ которыхъ сбирали шляпами мірское серебро, какъ разсказываетъ преданіе, и сносили къ городскимъ чиновникамъ. Наконецъ, кое-какъ все уладилось, все разбилось на особенные участки, все размежевалось, разъединилось. Въ этой длинной процедурѣ тяжбъ, кляузъ и дракъ пропали, повидимому, послѣдніе признаки солидарности. Деревни окончательно отдѣлились одна отъ другой. Всякій вѣдалъ и обработывалъ свой участокъ, какъ хотѣлъ, на свой личный страхъ. Многодушныя семьи, конечно, еще управлялись кое-какъ съ луговыми участками, но семьи среднія и маломощныя должны были нанимать на лѣтнія работы и особенно для уборки драгоцѣннаго сѣна, которая требовала спѣшной и дружной работы, работниковъ со стороны. Но работники въ той промышленной сторонѣ съ каждымъ годомъ все цѣнились дороже и дороже и становились притомъ все неисполнительнѣе... И вотъ, лѣтъ 10—12 назадъ, по какому поводу и по чьему почину—преданіе не говоритъ, собрался весной сходъ всѣхъ четырехъ деревень, нѣкогда бывшихъ сестрами-общинами, и на этомъ сходѣ постановили, чтобы впредь всѣ деревни, при обработкѣ луга, взаимно помогали одна другой. Такимъ образомъ установился тотъ порядокъ „общей работы“, который происходилъ на моихъ глазахъ. Весь лугъ былъ разбитъ на четыре участка. На общемъ сходѣ бросали жребій — чей участокъ косить прежде. Когда жребій былъ вынутъ извѣстной деревней, назначался день косьбы. Къ этому дню всѣ наличные работники трехъ остальныхъ деревень обязаны явиться на участокъ деревни, вынувшей жребій. Затѣмъ лугъ, общимъ порядкомъ передѣла, дѣлился на *карты*, карты на *десятки*, десятки на *доли* по душамъ и дворамъ. Учетъ и распредѣленіе пришедшихъ на помощь работниковъ производились такъ: на каждую душу косившей въ извѣстный день деревни выходило по три работника, по одному изъ каждой остальныхъ деревень. Такъ, если во дворѣ три души, то являлись девять работниковъ на помочь. А такъ какъ каждая изъ луговыхъ деревень имѣла отъ 100—150 душъ, то и выходило на покосъ за разъ отъ 300—400